This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 652.10

Harvard College
Library

By Exchange

95

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XCV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
=
1863

~~Slav 30.52~~
~~Slav 36.53~~

P Slav 652.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BY EXCHANGE, FROM THE
LIBRARY OF CONGRESS
11 MAY 1925

ОДОБРЕНО ЦЕНСУРОЮ

Санктпетербургъ, февраля 15-го дня 1863 года.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

(Посвящается моему другу О. С. Ч.).

I.

ДУРАКЪ.

По утру 11 іюля 1856 года, прислуга одной изъ большихъ петербургскихъ гостинницъ у станціи московской желѣзной дороги была въ недоумѣніи, отчасти даже въ тревогѣ. Наканунѣ, въ 9-мъ часу вечера, пріѣхалъ господинъ съ чемоданомъ, занялъ нумеръ, отдалъ для прописки свой паспортъ, спросилъ себѣ чаю и котлетку, сказалъ, чтобъ его не тревожили вечеромъ, потому что онъ усталъ и хочетъ спать, но чтобы завтра непремѣнно разбудили въ 8 часовъ, потому что у него есть спѣшныя дѣла; заперъ дверь нумера, и, пошумѣвъ ножемъ и вилкою, пошумѣвъ чайнымъ приборомъ, скоро притихъ, — видно, заснулъ. Пришло утро; въ 8 часовъ слуга постучался къ вчерашнему пріѣзжему — пріѣзжій не подаетъ голоса; слуга постучался сильнѣе, очень сильно — пріѣзжій все не откликается. Видно, крѣпко усталъ. Слуга подождалъ четверть часа, опять сталъ будить, опять не добудился. Сталъ совѣтоваться съ другими слугами, съ буфетчикомъ. — «Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?» — «Надо

выломать двери». — «Нѣтъ, такъ не годится: дверь ломать надо съ полиціею». Рѣшили: попытаться будить еще разъ, посильнѣе; если и тутъ не проснется, послать за полиціею. — Сдѣлали послѣднюю пробу; не добудились; послали за полиціею, и теперь ждутъ, что увидятъ съ нею.

Часамъ къ 10 утра пришелъ полицейскій чиновникъ, постучался самъ, велѣлъ слугамъ постучаться, — успѣхъ тотъ же, какъ и прежде. — «Нечего дѣлать, ломай дверь, ребята».

Дверь выломали. Комната пуста. — «Загляните-ко подъ кровать» — и подъ кроватью нѣтъ проѣзжаго. Полицейскій чиновникъ подошелъ къ столу, — на столѣ лежалъ листъ бумаги, а на немъ крупными буквами было написано:

«Ухожу въ 11 часовъ вечера, и не возвращусь. — Меня услышатъ на Литейномъ мосту, между 2 и 3 часами ночи. Подозрѣній ни на кого не имѣть.»

— Такъ вотъ оно, штука-то теперь и понятна, а то никакъ не могли сообразить, сказалъ полицейскій чиновникъ.

— Что же такое, Иванъ Аѳанасьевичъ? спросилъ буфетчикъ.

— Давайте чаю, разскажу.

Разсказъ полицейскаго чиновника долго служилъ предметомъ одушевленныхъ пересказовъ и разсужденій въ гостинницѣ. Исторія была вотъ какого рода.

Въ половинѣ 3-го часа ночи, — а ночь была облачная, темная, — на срединѣ Литейнаго моста сверкнулъ огонь и послышался пистолетный выстрѣлъ. Бросились на выстрѣлъ караульные служители, сбѣжались малочисленные прохожіе, — никого и ничего не было на томъ мѣстѣ, гдѣ раздался выстрѣлъ. Значитъ, не застрѣлилъ, а застрѣлился. Нашлись охотники нырять, притащили черезъ нѣсколько времени багры, притащили даже какую-то рыбацкую сѣть, ныряли, нащупывали, ловили, поймали полсотни большихъ щепъ, но тѣла не нашли и не поймали. Да и какъ найти? — ночь темная. Оно въ эти два часа ужь на взморьѣ, — поди, ищи тамъ. — Поэтому возникли прогрессисты, отвергнувшіе прежнее предположеніе: — «А можетъ быть, и не было никакого тѣла? можетъ быть, пьяный, или просто озорникъ, подурачился, — выстрѣлилъ, да и убѣжалъ, — а то, пожалуй, тутъ же стоитъ въ хлоночущей толпѣ, да подсмѣивается надъ тревогою, какую надѣлалъ».

Но большинство, какъ всегда, когда разсуждаетъ благоразумно, оказалось консервативно и защищало старое: «какое, по-

дурачился — пустилъ себѣ пулю въ лобъ, да и все тутъ». Прогрессисты были побѣждены. Но побѣдившая партія, какъ всегда, раздѣлилась тотчасъ послѣ побѣды. Застрѣлился, такъ; но отчего? — «Пьяный», было мнѣніе однихъ консерваторовъ; «промотался», утверждали другіе консерваторы. — «Просто, дуракъ», сказалъ кто-то. На этомъ «просто, дуракъ», сошлись всѣ, даже и тѣ, которые отвергали, что онъ застрѣлился. Дѣйствительно, пьяный ли, промотавшійся ли застрѣлился, или озорникъ, вовсе не застрѣлился, а только выкинулъ штуку, — все равно, глупая, дурацкая штука.

На этомъ остановилось дѣло на мосту ночью. — По утру, въ гостинницѣ у московской желѣзной дороги, обнаружилось, что дуракъ не подурачился, а застрѣлился. Но остался въ результатѣ исторіи элементъ, съ которымъ были согласны и побѣжденные, именно, что если и не пошалилъ, а застрѣлился, то все-таки дуракъ. Этотъ удовлетворительный для всѣхъ результатъ особенно проченъ былъ именно потому, что восторжествовали консерваторы: въ самомъ дѣлѣ, если бы только пошалилъ выстрѣломъ на мосту, то вѣдь въ сущности было бы еще сомнительно, дуракъ ли, или только озорникъ. Но застрѣлился на мосту, — кто же стрѣляется на мосту? какъ же это, на мосту? зачѣмъ, на мосту? глупо, на мосту! — и потому, несомнѣнно дуракъ.

Опять явилось у нѣкоторыхъ сомнѣніе: застрѣлился на мосту; — на мосту не стрѣляются, — слѣдовательно, не застрѣлился. — Но къ вечеру прислуга гостинницы была позвана въ часть смотрѣть вытащенную изъ воды прострѣленную фуражку; — всѣ признали, что фуражка та самая, которая была на проѣзжемъ. — И такъ, несомнѣнно, застрѣлился, и духъ отрицанія и прогресса побѣжденъ окончательно.

Всѣ были согласны, что «дуракъ», — и вдругъ, всѣ заговорили: на мосту — ловкая штука! это, чтобы, значитъ, не мучиться долго, коли не удастся хорошо выстрѣлить, — умно разсудилъ! отъ всякой раны свалится въ воду и захлебнется прежде чѣмъ опомнится, — да, на мосту... умно!

Теперь ужъ ровно ничего нельзя было разобрать, — и дуракъ, и умно.

II.

ПЕРВОЕ СЛѢДСТВІЕ ДУРАЦКАГО ДѢЛА.

Въ то же самое утро, часу въ 12-мъ, молодая дама сидѣла въ одной изъ трехъ комнатъ маленькой дачи на Каменномъ острову, шила и въ полголоса напѣвала французскую пѣсенку, бойкую, смѣлую. — «Мы бѣдны, говорила пѣсенка, но мы рабочіе люди, у насъ здоровыя руки. Мы темны, но мы не глупы, и хотимъ свѣта. Будемъ учиться — знаніе освободитъ насъ; будемъ трудиться, трудъ обогатитъ насъ, — это дѣло пойдетъ, — поживемъ, доживемъ —

Ça ira,
Qui vivra, verra

«Мы грубы, но отъ нашей грубости терпимъ мы же сами. Мы исполнены предразсудковъ, но вѣдь мы же сами страдаемъ отъ нихъ, это чувствуется нами. Будемъ искать счастья, и найдемъ гуманность, и станемъ добры, — это дѣло пойдетъ, — поживемъ, доживемъ.

«Трудъ безъ знанія безплоденъ, наше счастье невозможно безъ счастья другихъ. Просвѣтимся — и обогатимся; будемъ счастливы — и будемъ братья и сестры, — это дѣло пойдетъ, — поживемъ, доживемъ.

«Будемъ учиться и трудиться, будемъ пѣть и любить, будетъ рай на землѣ. Будемъ же веселы жизнью, — это дѣло пойдетъ, оно скоро придетъ, всѣ дождемся его, —

Donc, vivons,
Ça bien vitè ira,
Ça viendra,
Nous tous le verrons.

Смѣлая, бойкая была пѣсенка, и ея мелодія была веселая, — было въ ней двѣ-три грустныя ноты, но онѣ покрывались общимъ свѣтлымъ характеромъ мотива, исчезали въ рефренѣ, исчезали во всемъ заключительномъ куплетѣ, — по крайней мѣрѣ, должны были покрываться, исчезать, — и исчезали бы, если бы дама была въ другомъ расположеніи духа; но теперь, у ней эти немно-

гія грустныя ноты звучали слышнѣе другихъ, она какъ будто встрепенется, замѣтивъ это, понизитъ на нихъ голосъ и сильнѣе начнетъ пѣть веселые звуки, ихъ смѣняющіе, но вотъ, она опять унесется мыслями отъ пѣсни къ своей думѣ, и опять грустные звуки берутъ верхъ. Видно, что молодая дама не любитъ поддаваться грусти, только видно, что грусть не хочетъ отстать отъ нея, какъ ни отталкиваетъ она ее отъ себя. Но грустна ли веселая пѣсня, становится ли опять весела, какъ ей слѣдуетъ быть, дама шьетъ очень усердно. Она хорошая швея.

Въ комнату вошла служанка, молоденькая дѣвушка.

— Посмотрите, Маша, каково я шью? я ужь почти кончила рукавчики, которыя готовлю себѣ къ вашей свадьбѣ.

— Ахъ, да на нихъ меньше узора, чѣмъ на тѣхъ, которые вы мнѣ вышили!

— Еще бы! Еще бы невѣста не была наряднѣе всѣхъ на свадьбѣ!

— А я принесла вамъ письмо, Вѣра Павловна.

По лицу Вѣры Павловны пробѣжало недоумѣніе, когда она стала распечатывать письмо: на конвертѣ былъ штемпель городской почты. «Какъ же это? вѣдь онъ въ Москвѣ?» Она торопливо развернула письмо, и поблѣднѣла; рука ея съ письмомъ опустилась. «Нѣтъ, это не такъ, я не успѣла прочесть, въ письмѣ вовсе нѣтъ этого!» И она опять подняла руку съ письмомъ. Все было дѣломъ двухъ секундъ. Но въ этотъ второй разъ, ея глаза долго, неподвижно смотрѣли на немногія строки письма, и эти свѣтлые глаза тускнѣли, тускнѣли, письмо выпало изъ ослабѣвшихъ рукъ на швейный столикъ, она закрыла лицо руками, зарыдала. — «Что я надѣлала! Что я надѣлала!» — и опять рыданье.

— Вѣрочка, что съ тобой? развѣ ты охотница плакать? когда жь это съ тобою бываетъ? что жь это съ тобой? Молодой человѣкъ быстрыми, но легкими, осторожными шагами вошелъ въ комнату.

— Прочти... оно на столѣ... Она уже не рыдала, но сидѣла неподвижно, едва дыша.

Молодой человѣкъ взялъ письмо; и онъ поблѣднѣлъ, и у него задрожали руки, и онъ долго смотрѣлъ на письмо, хотя оно было не велико, всего-то словъ десятка два:

«Я смущалъ ваше спокойствіе. Я схожу со сцены. Не жа-

лѣйте; я такъ люблю васъ обоихъ, что очень счастливъ своею рѣшимостью. Прощайте.»

Молодой человѣкъ долго стоялъ, потирая лобъ, потомъ сталъ крутить усы, потомъ посмотрѣлъ на рукавъ своего пальто; наконецъ, онъ собрался съ мыслями. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ къ молодой женщинѣ, которая сидѣла по прежнему неподвижно, едва дыша, будто въ летаргіи. Онъ взялъ ея руку. — «Вѣрочка!»

Но лишь коснулась его рука ея руки, она вскочила съ крикомъ ужаса, какъ поднятая электрическимъ ударомъ, стремительно отшатнулась отъ молодаго человѣка, судорожно оттолкнула его. — «Прочь! Не прикасайся ко мнѣ! Ты въ крови! На тебѣ его кровь! Я не могу видѣть тебя! я уйду отъ тебя! Я уйду! отойди отъ меня!» И она отталкивала, все отталкивала пустой воздухъ, и вдругъ, пошатнулась, упала въ кресло, закрыла лицо руками. — «И на мнѣ его кровь! На мнѣ! Ты не виноватъ — я одна... я одна! Что я надѣлала! Что я надѣлала!» Она задыхалась отъ рыданія.

— Вѣрочка, тихо и робко сказалъ онъ: — другъ мой!...

Она тяжело перевела духъ, и спокойнымъ, и все еще дрожащимъ голосомъ проговорила, едва могла проговорить:

— Милый мой, оставь теперь меня! Черезъ часъ войди опять, — я буду уже спокойна. Дай мнѣ воды, и уйди!

Онъ повиновался молча. Вошелъ въ свою комнату, сѣлъ опять за свой письменный столъ, у котораго сидѣлъ такой спокойный, такой довольный, за четверть часа передъ тѣмъ, взялъ опять перо... «Въ такія-то минуты и надобно умѣть владѣть собою; у меня есть воля,—и все пройдетъ... пройдетъ»... А перо, безъ его вѣдома, писало среди какой-то статьи: «перенесетъ ли? — ужасно — счастье погибло»...

— Милый мой! я готова, поговоримъ! послышалось изъ сосѣдней комнаты. Голосъ молодой женщины былъ глухъ, но твердъ.

— Милый мой, мы должны разстаться. Я рѣшилась. Это тяжело. Но еще тяжеле было бы намъ видѣть другъ друга. Я его убійца. Я убила его для тебя.

— Вѣрочка, чѣмъ же ты виновата?

— Не говори ничего, не оправдывай меня, или я возненавижу тебя. Я, я во всемъ виновата. Прости меня, мой милый, что я принимаю рѣшеніе, очень мучительное для тебя,—и для меня, мой милый, тоже! Но я не могу поступить иначе, ты самъ

черезъ нѣсколько времени увидишь, что такъ слѣдовало сдѣлать. Это неизмѣнно, мой другъ. Слушай же. Я уѣзжаю изъ Петербурга. Легче будетъ вдали отъ мѣстъ, которыя напоминали бы прошлое. Я продаю свои вещи; на эти деньги я могу прожить нѣсколько времени, — гдѣ? въ Твери, въ Нижнемъ, я не знаю, все равно. Я буду искать уроковъ пѣнія; вѣроятно, найду, потому что поселюсь гдѣ нибудь въ большомъ городѣ. Если не найду, пойду въ гувернантки. Я думаю, что не буду нуждаться; но если буду, обращусь къ тебѣ; позаботься же, чтобъ у тебя на всякій случай было готово нѣсколько денегъ для меня; вѣдь ты знаешь, у меня много надобностей, расходовъ, хоть я и скупа: я не могу обойтись безъ этого. Слышишь? я не отказываюсь отъ твоей помощи! пусть, мой другъ, это доказываетъ тебѣ, что ты остаешься милъ мнѣ... А теперь, простимся на всегда! Отправляйся въ городъ... сейчасъ, сейчасъ! мнѣ будетъ легче, когда я останусь одна. Завтра, меня уже не будетъ здѣсь — тогда возвращайся. Я ѣду въ Москву, тамъ осмотрюсь, узнаю, въ какомъ изъ провинціальныхъ городовъ вѣрнѣе можно разсчитывать на уроки. Запрещаю тебѣ быть на станціи, чтобы провожать меня. Прощай же, мой милый, дай руку на прощанье, въ послѣдній разъ пожму ее.

Онъ хотѣлъ обнять ее, — она предупредила его движеніе.

— Нѣтъ, не нужно, нельзя! Это было бы оскорбленіемъ ему. Дай руку. Жму ее — видишь, какъ крѣпко! Но прости!

Онъ не выпускалъ ея руки изъ своей.

— Довольно, иди. Она отняла руку, онъ не смѣлъ противиться. — Прости же! Она взглянула на него такъ нѣжно, но твердыми шагами ушла въ свою комнату, и ни разу не оглянулась на него, уходя.

Онъ долго не могъ отыскать свою шляпу; хоть разъ пять бралъ ее въ руки, но не видѣлъ, что беретъ ее. Онъ былъ какъ пьяный; наконецъ понялъ, что это подъ рукою у него именно шляпа, которую онъ ищетъ, вышелъ въ переднюю, надѣлъ пальто; вотъ онъ уже подходитъ къ воротамъ: «кто это бѣжитъ за мною? вѣрно, Маша... вѣрно, съ нею дурно!» Онъ обернулся — Вѣра Павловна бросилась ему на шею, обняла, крѣпко поцаловала.

— Нѣтъ, не утерпѣла, мой милый! Теперь, прости на всегда!

Она убѣжала, бросилась въ постель и залилась слезами, которыя такъ долго сдерживала.

III.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

— «Содержаніе повѣсти — любовь, главное лицо — женщина, — это хорошо, хотя бы сама повѣсть и была плоха», говоритъ читательница. — Это правда, говорю я.

Читатель не ограничивается такими легкими заключеніями,— вѣдь у мужчины мыслительная способность и отъ природы сильнѣе, да и развита гораздо больше, чѣмъ у женщины; онъ говоритъ, — читательница тоже вѣроятно думаетъ это, но не считаетъ нужнымъ говорить, и потому я не имѣю основанія спорить съ нею, — читатель говоритъ: «я знаю, что этотъ застрѣлившійся господинъ не застрѣлился». Я хватаюсь за слово «знаю» и говорю: ты этого не знаешь, потому что этого тебѣ еще не сказано, а ты знаешь только то, что тебѣ скажутъ; самъ ты ничего не знаешь, не знаешь даже того, что тѣмъ, какъ я началъ повѣсть, я оскорбилъ, унизилъ тебя. Вѣдь ты не зналъ этого, — правда? — ну, такъ знай же.

Да, первыя страницы разсказа обнаруживаютъ, что я очень плохо думаю о публикѣ. Я употребилъ обыкновенную хитрость романистовъ: началъ повѣсть эффектными сценами, вырванными изъ середины или конца ея, прикрылъ ихъ туманомъ. Ты, публика, добра, очень добра, а потому ты не разборчива и недогадлива. На тебя нельзя положиться, что ты съ первыхъ страницъ можешь различить, будетъ ли содержаніе повѣсти стоить того, чтобы прочесть ее, у тебя плохое чутье, оно нуждается въ пособіи, а пособій этихъ два: или имя автора, или эффектность манеры. Я разсказываю тебѣ еще первую свою повѣсть, ты еще не пріобрѣла себѣ сужденія, одаренъ ли авторъ художественнымъ талантомъ (вѣдь у тебя такъ много писателей, которымъ ты присвоила художественный талантъ!), моя подпись еще не заманила бы тебя, и я долженъ былъ забросить тебѣ удочку съ приманкою эффектности. Не осуждай меня за то, — ты сама виновата; твоя простодушная наивность принудила меня унизиться до этой пошлости. Но теперь ты уже попалась въ мои руки, и я могу продолжать разсказъ, какъ по моему слѣдуетъ, безъ всякихъ уловокъ. Дальше не будетъ таинственности, ты всегда будешь за двадцать

странницъ впередъ видѣть развязку каждаго положенія, а на первый случай я скажу тебѣ и развязку всей повѣсти: дѣло кончится весело, съ бокалами, пѣснью; не будетъ ни эффектности, никакихъ прикрасъ. Автору не до прикрасъ, добрая публика, потому что онъ все думаетъ о томъ, какой сумбуръ у тебя въ головѣ, сколько лишнихъ, лишнихъ страданій дѣлаетъ каждому человѣку дикая путаница твоихъ понятій. Мнѣ жалко и смѣшно смотрѣть на тебя: ты такъ немощна и такъ зла отъ чрезмѣрнаго количества чепухи въ твоей головѣ.

Я сержусь на тебя за то, что ты такъ зла къ людямъ, а вѣдь люди — это ты: что же ты такъ зла къ самой себѣ? Потому я и браню тебя. Но ты зла отъ умственной немощности, и потому, браня тебя, я обязанъ помогать тебѣ. Съ чего начать оказываніе помощи? да хоть съ того, о чемъ ты теперь думаешь: что это за писатель, такъ нагло говорящій со мною? — я скажу тебѣ, какой я писатель.

У меня нѣтъ ни тѣни художественнаго таланта. Я даже и языкомъ-то владѣю плохо. Но это все-таки ничего: читай, добрѣйшая публика! прочтешь не безъ пользы. Истина — хорошая вещь: она вознаграждаетъ недостатки писателя, который служитъ ей. Поэтому я скажу тебѣ: если бъ я не предупредилъ тебя, тебѣ, пожалуй, показалось бы, что повѣсть написана художественно, что у автора много поэтическаго таланта. Но я предупредилъ тебя, что таланта у меня нѣтъ, — ты и будешь знать теперь, что всѣ достоинства повѣсти даны ей только ея истинностью.

Впрочемъ, моя добрѣйшая публика, толкуя съ тобою, надобно договаривать все до конца; вѣдь ты хоть и охотница, но не мастерица отгадывать недосказанное. Когда я говорю, что у меня нѣтъ ни тѣни художественнаго таланта, и что моя повѣсть очень слаба по исполненію, ты не вздумай заключить, будто я объясняю тебѣ, что я хуже тѣхъ твоихъ повѣствователей, которыхъ ты считаешь великими, а мой романъ хуже ихъ сочиненій. Я говорю не то. Я говорю, что мой разсказъ очень слабъ по исполненію сравнительно съ произведеніями людей, дѣйствительно одаренныхъ талантомъ; съ прославленными же сочиненіями твоихъ знаменитыхъ писателей, ты смѣло ставь на ряду мой разсказъ по достоинству исполненія, ставь даже выше ихъ — не ошибешься! въ немъ все-таки больше художественности, чѣмъ въ нихъ; можешь быть спокойна на этотъ счетъ.

Поблагодари же меня; вѣдь ты охотница кланяться тѣмъ, которые пренебрегаютъ тобою, — поклонись же и мнѣ.

Но есть въ тебѣ, публика, нѣкоторая доля людей, — теперь уже довольно значительная доля, — которыхъ я уважаю. Съ тобою, съ огромнымъ большинствомъ, я нагл ъ, — но только съ нимъ, и только съ нимъ я говорилъ до сихъ поръ. Съ людьми, о которыхъ я теперь упомянулъ, я говорилъ бы скромно, даже робко. Но съ ними мнѣ не нужно было объясняться. Ихъ мнѣніями я дорожу, но я впередъ знаю, что оно за меня. Добрые и сильные, честные и умѣющіе, недавно вы начали возникать между нами, но васъ уже не мало, и быстро становится все больше. Если бы вы были публика, мнѣ уже не нужно было бы писать; если бы васъ еще не было, мнѣ еще не было бы можно писать. Но вы еще не публика, а уже вы есть между публикою, — потому, мнѣ еще нужно и уже можно писать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЖИЗНЬ ВѢРЫ ПАВЛОВНЫ ВЪ РОДИТЕЛЬСКОМЪ СЕМЕЙСТВѢ.

I.

Воспитаніе Вѣры Павловны было очень обыкновенное. Жизнь ея до знакомства съ медицинскимъ студентомъ Лопуховымъ представляла кое-что замѣчательное, но не особенное. А въ поступкахъ ея уже и тогда было кое-что особенное.

Вѣра Павловна выросла въ многоэтажномъ домѣ на Гороховой, между Садовой и Семеновскимъ мостомъ. Теперь этотъ домъ отмѣченъ какимъ ему слѣдуетъ нумеромъ, а въ 1852 году, когда еще не было такихъ нумеровъ, на немъ была надпись: «домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Захаровича Сторешникова». Такъ говорила надпись; но Иванъ Захарычъ Сторешниковъ умеръ еще въ 1837 году, и съ той поры хозяинъ дома былъ сынъ его, Михаилъ Ивановичъ, — такъ говорили документы. Но жильцы дома знали, что Михаилъ Ивановичъ — хозяйскій сынъ, а хозяйка дому — Анна Петровна.

Домъ и тогда былъ, какъ теперь, большой, съ двумя воротами и четырьмя подъѣздами по улицѣ, съ тремя дворами въ глубину. На самой парадной изъ лѣстницъ на улицу, въ бель-

этажѣ, жила въ 1852 году, какъ и теперь живетъ, хозяйка съ сыномъ. Анна Петровна и теперь осталась, какъ тогда была, дама видная. Михаилъ Ивановичъ теперь видный офицеръ, и тогда былъ видный и красивый офицеръ.

Кто теперь живетъ на самой грязной изъ безчисленныхъ черныхъ лѣстницъ перваго двора, въ 4-мъ этажѣ, въ квартирѣ направо, я не знаю; а въ 1852 году жилъ тутъ управляющій домомъ, Павелъ Константинычъ Розальскій, плотный, тоже видный мужчина, съ женою Марьею Алексѣевною, худощавою, крѣпкою, высокаго роста дамою, съ дочерью, взрослою дѣвицею, — она-то и есть Вѣра Павловна, — и съ 9-ти лѣтнимъ сыномъ, Ѳедею.

Павелъ Константинычъ, кромѣ того, что управлялъ домомъ, служилъ помощникомъ столоначальника въ какомъ-то департаментѣ. По должности, онъ не имѣлъ доходовъ; по дому—имѣлъ, но умѣренные: другой получалъ бы гораздо больше, а Павелъ Константинычъ, какъ самъ говорилъ, зналъ совѣсть; за то, хозяйка была очень довольна имъ, и въ четырнадцать лѣтъ управленія онъ скопилъ тысячъ до десяти капиталу. Но изъ хозяйкина кармана было тутъ тысячи три, не больше; остальныя наросли къ нимъ отъ оборотовъ не въ ущербъ хозяйкѣ: Павелъ Константинычъ давалъ деньги подъ ручной залогъ.

У Марьи Алексѣевны тоже былъ капиталецъ, — тысячъ пять, какъ она говорила кумушкамъ, — на самомъ дѣлѣ, побольше. Основаніе капиталу было положено лѣтъ 15 тому назадъ продажею енотовой шубы, платьишка и мебелишки, доставшихся Марьѣ Алексѣевнѣ послѣ брата-чиновника. Выручивъ рублей полтораста, она тоже пустила ихъ въ оборотъ подъ залоги, дѣйствовала гораздо рискованнѣе мужа, и нѣсколько разъ попадалась на удочку; какой-то плутъ взялъ у нее 5 руб. подъ залогъ паспорта, — паспортъ вышелъ краденый, и Марьѣ Алексѣевнѣ пришлось приложить еще рублей 15, чтобы выпутаться изъ дѣла; другой мошенникъ заложилъ за 20 рублей золотые часы, — часы оказались снятыми съ убитаго, и Марьѣ Алексѣевнѣ пришлось поплатиться порядкомъ, чтобы выпутаться изъ дѣла. Но если она терпѣла потери, которыхъ избѣгалъ мужъ, разборчивый въ пріемѣ залоговъ, за то и прибыль у нея шла быстрѣе. Подъискивались и особенные случаи получать деньги. Однажды, — Вѣра Павловна была еще тогда маленькая: при взрослой дочери Марья Алексѣвна не стала бы дѣлать этого, а тогда по-

чему было не сдѣлать? ребенокъ вѣдь не понимаетъ! и точно, сама Вѣрочка не поняла бы, да, спасибо, кухарка растолковала очень вразумительно; да и кухарка не стала бы толковать, потому что дитяти этого знать не слѣдуетъ, но такъ уже случилось, что душа не стерпѣла послѣ одной изъ сильныхъ потасовокъ отъ Марьи Алексѣвны за гульбу съ любовникомъ (впрочемъ, глазъ у Матрены былъ всегда подбитый не отъ Марьи Алексѣвны, а отъ любовника, — а это и хорошо, потому что кухарка съ подбитымъ глазомъ дешевле!). Такъ вотъ, однажды пріѣхала къ Марьѣ Алексѣвнѣ невиданная знакомая дама, нарядная, пышная, красивая, пріѣхала и осталась погостить. Недѣлю гостила смирно, только все ѣздилъ къ ней какой-то статскій, тоже красивый, и дарилъ Вѣрочкѣ конфекты, и надарилъ ей хорошихъ куколъ, и подарилъ двѣ книжки, обѣ съ картинками; въ одной книжкѣ были хорошія картинки,—звѣри, города; а другую книжку Марья Алексѣвна отняла у Вѣрочки, какъ уѣхалъ гость, такъ что только разъ она и видѣла эти картинки, при немъ: онъ самъ показывалъ. Такъ съ недѣлю гостила знакомая, и все было тихо въ домѣ: Марья Алексѣвна всю недѣлю не подходила къ шкапчику (гдѣ стоялъ графинъ съ водкой), ключъ отъ котораго никому не давала, и не била Матрену, и не била Вѣрочку, и не ругалась громко. Потомъ, одну ночь, Вѣрочку безпрестанно будили страшныя вскрикиванья тостьи, и ходьба и суетня въ домѣ. Утромъ, Марья Алексѣвна подошла къ шкапчику и дольше обыкновеннаго стояла у него, и все говорила: «слава Богу, счастливо было, слава Богу!» даже подозвала къ шкапчику Матрену и сказала: «на здоровье, Матренушка, вѣдь и ты много потрудилась», и послѣ не то, чтобы драться да ругаться, какъ бывало въ другія времена послѣ шкапчика, а легла спать, поцаловавши Вѣрочку. Потомъ, опять недѣлю было смирно въ домѣ, и гостья не кричала, а только не выходила изъ комнаты, и потомъ уѣхала. А черезъ два дня послѣ того, какъ она уѣхала, приходилъ статскій, только уже другой статскій, и приводилъ съ собою полицію, и много ругалъ Марью Алексѣвну; но Марья Алексѣвна сама ни въ одномъ словѣ не уступала ему и все твердила: «я никакихъ вашихъ дѣловъ не знаю. Справьтесь по домовымъ книгамъ, кто у меня гостилъ! псковская купчиха Савастьянова, моя знакомая, вотъ вамъ и весь сказъ»! Наконецъ, поругавшись, поругавшись, статскій ушелъ, и больше не показывался. Это видѣла Вѣрочка,

когда ей было восемь лѣтъ, а когда ей было девять лѣтъ, Матрена ей растолковала, какой это былъ случай. Впрочемъ, такой случай только одинъ и былъ; а другіе бывали разные, но не такъ много.

Когда Вѣрочкѣ было десять лѣтъ, дѣвочка, шедшая съ матерью на Толкучій рынокъ, получила при поворотѣ изъ Гороховой въ Садовую неожиданный подзатыльникъ, съ замѣчаніемъ: «глазѣешь на церковь, дура, а лба-то что не перекрестишь? Чать, видишь, всѣ добрые люди крестятся»!

Когда Вѣрочкѣ было двѣнадцать лѣтъ, она стала ходить въ пансіонъ, а къ ней сталъ ходить фортепьянный учитель,—пьяный, но очень добрый нѣмецъ, и очень хорошій учитель, но, по своему пьянству, очень дешевый.

Когда ей былъ четырнадцатый годъ, она обшивала всю семью, впрочемъ, вѣдь и семья-то была не велика.

Когда Вѣрочкѣ подошелъ шестнадцатый годъ, мать стала кричать на нее такъ: «отмывай рожу-то, что она у тебя, какъ у цыганки! Да не отмоешь, такая чучела уродилась, не знаю въ кого». Много доставалось Вѣрочкѣ за смуглый цвѣтъ лица, и она привыкла считать себя дурнушкой. Прежде, мать водила ее чуть не въ лохмотьяхъ, а теперь стала наряжать. А Вѣрочка, наряженная, идетъ съ матерью въ церковь, да думаетъ: «къ другой шли бы эти наряды, а на меня что ни надѣнь, все цыганка—чучело, какъ въ ситцевомъ платьѣ, такъ и въ шелковомъ. А хорошо быть хорошенькою. Какъ бы мнѣ хотѣлось быть хорошенькою»!

Когда Вѣрочкѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ, она перестала учиться у фортепьяннаго учителя и въ пансіонѣ, а сама стала давать уроки въ томъ же пансіонѣ; потомъ мать нашла ей и другіе уроки.

Черезъ полгода, мать перестала называть Вѣрочку цыганкою и чучелою, а стала наряжать лучше прежняго, а Матрена,—это ужь была третья Матрена, послѣ той: у той, былъ всегда подбитъ лѣвый глазъ, а у этой разбита лѣвая скула, но не всегда,—сказала Вѣрочкѣ, что собирается сватать ее начальникъ Павла Константиныча, и какой-то важный начальникъ, съ орденомъ на шеѣ. Дѣйствительно, мелкіе чиновники въ департаментѣ говорили, что начальникъ отдѣленія, у котораго служитъ Павелъ Константиновичъ, сталъ благосклоненъ къ нему, а начальникъ отдѣленія между своими ровными сталъ выражать такое мнѣніе,

что ему нужно жену хоть безприданницу, но красавицу, и еще такое мнѣніе, что Павелъ Константинычъ хорошій чиновникъ.

Чѣмъ бы это кончилось, неизвѣстно; но начальникъ отдѣленія собирался долго, благоразумно, а тутъ подвернулся другой случай.

Хозяйкинъ сынъ зашелъ къ управляющему сказать, что матушка проситъ Павла Константиныча взять образцы разныхъ обоевъ, потому что матушка хочетъ заново отдѣлывать квартиру, въ которой живетъ. А прежде, подобныя приказанія отдавались черезъ дворецкаго. Конечно, дѣло понятное и не для такихъ бывалыхъ людей, какъ Марья Алексѣвна съ мужемъ. Хозяйкинъ сынъ, зашедши, просидѣлъ больше полчаса, и удостоилъ выкушать чаю (цвѣточнаго). Марья Алексѣвна на другой же день подарила дочери фермуаръ, оставшійся невыкупленнымъ въ закладѣ, и заказала дочери два новыхъ платья, очень хорошихъ — одна матерія стоила: на одно платье 40 руб., на другое 52 р., а съ оборками, да лентами, да фасономъ, оба платья обошлись 174 руб.; по крайней мѣрѣ такъ сказала Марья Алексѣвна мужу, а Вѣрочка знала, что всѣхъ денегъ вышло на нихъ меньше 100 р., — вѣдь покупки тоже дѣлались при ней, — но вѣдь и на 100 руб. можно сдѣлать два очень хорошія платья. Вѣрочка радовалась платьямъ, радовалась фермуару, но больше всего радовалась тому, что мать наконецъ согласилась покупать ботинки ей у Королева: вѣдь на Толкучемъ рынкѣ ботинки такіе безобразные, а Королевскіе такъ удивительно сидятъ на ногѣ.

Платья не пропали даромъ: хозяйкинъ сынъ повадился ходить къ управляющему, и, разумѣется, больше говорилъ съ дочерью, чѣмъ съ управляющимъ и управляющихой, которые, тоже разумѣется, носили его на рукахъ. Ну, и мать дѣлала наставленія дочери, все какъ слѣдуетъ, — этого нечего и описывать, дѣло извѣстное.

Однажды, послѣ обѣда, мать сказала: «Вѣрочка, одѣвайся, да получше. Я тебѣ приготовила сюрпризъ — поѣдемъ въ оперу, я во второмъ ярусѣ взяла билетъ, гдѣ все генеральши бываютъ. Все для тебя, дурочка. Послѣднихъ денегъ не жалѣю. У отца-то, отъ расходовъ на тебя, ужь всѣ животы подвело. Въ одинъ пансіонъ мадамъ сколько переплатили, а фортопьянщику-то сколько! Ты этого ничего не чувствуешь, неблагодарная, нѣтъ видно, души-то въ тебѣ, безчувственная ты этакая!» Только и сказала Марья Алексѣвна, больше не бранила дочь, а это какая же

брань? Марья Алексѣвна только вотъ ужь такъ и говорила съ Вѣрочкою, а браниться на нее давно перестала, и бить ни разу не била съ той поры, какъ прошелъ слухъ про начальника отдѣленія.

Поѣхали въ оперу. Послѣ перваго акта вошелъ въ ложу хозяйскій сынъ, и съ нимъ двое пріятелей, — одинъ статскій, сухощавый и очень изящный, другой военный, полный, и попроще. Сѣли и усѣлись, и много шептались между собою, все больше хозяйскій сынъ со статскимъ, а военный говорилъ мало. Марья Алексѣвна вслушивалась, разбирала почти каждое слово, да мало могла понять, потому что они говорили все по-французски. Словъ пятокъ изъ ихъ разговора она знала: belle, charmante, amour, bonheur, — да что толку въ этихъ словахъ? Belle, charmante — Марья Алексѣвна и такъ уже давно слышитъ, что ея цыганка belle и charmante; amour — Марья Алексѣвна и сама видитъ, что онъ по уши врюхался въ amour; а коли amour, то ужь разумѣется, и bonheur,—что толку отъ этихъ словъ? Но только что же, сватать-то скоро ли будетъ?—Вѣрочка, ты неблагодарная, какъ есть неблагодарная, шепчетъ Марья Алексѣвна дочери: — что было, то воротишь отъ нихъ? Обидѣли они тебя, что вошли? Честь тебѣ, дурѣ, дѣлаютъ. А свадьба-то по-французски—марьяжъ что ли-Вѣрочка? А какъ женихъ съ невѣстою, а вѣнчаться какъ по-французски?» — Вѣрочка сказала. — Нѣтъ, такихъ словъ что-то не слышно... Вѣра, да ты мнѣ, видно, слова-то не такъ сказала? Смотри у меня! — «Нѣтъ, такъ; только этихъ словъ вы отъ нихъ не услышите. Поѣдемте, я не могу оставаться здѣсь дольше».

— Что? что ты сказала, мерзавка? глаза у Марьи Алексѣвны налились кровью.

— Поѣдемте. Дѣлайте потомъ со мною, что хотите, а я не останусь. Я вамъ скажу послѣ, почему. — Маменька, — это ужь было сказано вслухъ: — у меня очень разболѣлась голова. Я не могу сидѣть здѣсь. Прошу васъ! Вѣрочка встала.

Кавалеры засуетились.

— Это пройдетъ, Вѣрочка,—строго, но чинно сказала Марья Алексѣвна: — походи по корридору съ Михайломъ Иванычемъ, и пройдетъ голова.

— Нѣтъ, не пройдетъ; я чувствую себя очень дурно. Скорѣе, маменька.

Кавалеры отворили дверь, хотѣли вести Вѣрочку подъ руки, — отказалась мерзкая дѣвчонка! сами подали салопы,

сами пошли сажать въ карету. Марья Алексѣвна гордо посматривала на лакеевъ: «глядите, хамы, каковы кавалеры, — а вотъ этотъ моимъ зятемъ будетъ! Сама такихъ хамовъ заведу. А ты у меня ломайся, ломайся, мерзавка — я те поломаю»! — Но стой, стой, — что-то говоритъ зятекъ ея скверной дѣвчонкѣ, сажая мерзкую гордячку въ карету? Santé — это, кажется, здоровье, savoir — узнаю, visite — и по нашему тоже, permettez — прошу позволенія. Не уменьшилась злоба Марьи Алексѣвны отъ этихъ словъ; но надо принять ихъ въ соображеніе. Карета двинулась.

— Что онъ тебѣ сказалъ, когда сажалъ?

— Онъ сказалъ, что завтра поутру зайдетъ узнать о моемъ здоровьѣ?

— Не врешь, что завтра?

Вѣрочка молчала.

— Счастливъ твой Богъ! — Однако не утерпѣла Марья Алексѣвна, рванула дочь за волосы, — только разъ, и то слегка.

— Ну, пальцемъ не трону, только завтра чтобъ была весела! Ночь спи, дура! Не вздумай плакать. Смотри, если увижу завтра, что блѣдна, или глаза заплаканы! Спущала до сихъ поръ... не спущу. Не пожалѣю смазливой-то рожи, ужь за одно пропадать будетъ, такъ хоть дамъ себя знать!

— Я ужь давно перестала плакать, вы знаете.

— То-то же, да будь съ нимъ поразговорчивѣе.

— Да, я завтра буду съ нимъ говорить.

— То-то, пора за умъ взяться. Побойся Бога, да пожалѣй мать, страмница!

Прошло минутъ десять.

— Вѣрочка, ты на меня не сердись. Я изъ любви къ тебѣ браню́сь, тебѣ же добра хочу. Ты не знаешь, каковы дѣти милы матерямъ. Девять мѣсяцевъ тебя въ утробѣ носила! Вѣрочка, отблагодари, будь послушна, сама увидишь, что къ твоей пользѣ. Веди себя, какъ я учу, — завтра же предложенье сдѣлаетъ!

— Маменька, вы ошибаетесь. Онъ вовсе не думаетъ дѣлать предложенія. Маменька! что они говорили!

— Знаю; коли не о свадьбѣ, такъ извѣстно, о чемъ. Да не на таковскихъ напалъ. Мы его въ баранiй рогъ согнемъ. Въ мѣшкѣ въ церковь привезу, за виски вокругъ налоя обведу, да еще радъ будетъ. Ну, да нечего съ тобой много говорить, и такъ лишнее наговорила: дѣвушкамъ не слѣдуетъ этого знать, это

материно дѣло. А дѣвушка должна слушаться, она еще ничего не понимаетъ. Такъ будешь съ нимъ говорить, какъ я тебѣ велю?

— Да, буду съ нимъ говорить.

— А вы, Павелъ Константинычъ, что сидите, какъ пень? Скажите и вы отъ себя, что и вы, какъ отецъ, ей приказываете слушаться матери, что мать не станетъ учить ее дурному.

— Марья Алексѣвна, ты умная женщина, только дѣло-то опасное; не слишкомъ ли круто хочешь вести!

— Дуракъ! вотъ брякнулъ,—при Вѣрочкѣ-то! Не рада, что и расшевелила! правду пословица говоритъ: не тронь дерма, не воняетъ! Эко бухнулъ! Ты не разсуждай, а скажи: должна дочь слушаться матери?

— Конечно, должна; что говорить, Марья Алексѣвна!

— Ну, такъ и приказывай, какъ отецъ.

— Вѣрочка, слушайся во всемъ матери. Твоя мать умная женщина, опытная женщина. Она не станетъ тебя учить дурному. Я тебѣ какъ отецъ приказываю.

Карета остановилась у воротъ.

— Довольно, маменька. Я вамъ сказала, что буду говорить съ нимъ. Я очень устала. Мнѣ надобно отдохнуть.

— Ложись, спи: Не потревожу. Это нужно къ завтрему. Хорошенько выспись.

Дѣйствительно, все время, какъ они всходили по лѣстницѣ, Марья Алексѣвна молчала, — а чего ей это стоило! и опять, чего ей стоило, когда Вѣрочка пошла прямо въ свою комнату, сказавши, что не хочетъ пить чаю, — чего стоило Марьѣ Алексѣвнѣ ласковымъ голосомъ сказать: «Вѣрочка, подойди ко мнѣ!»—Дочь подошла.—«Хочу тебя благословить на сонъ грядущій, Вѣрочка. Нагни головку!» — Дочь нагнулась — «Богъ тебя благословитъ, Вѣрочка, какъ я тебя благословляю».—Она три раза благословила дочь и подала ей поцаловать свою руку.

— Нѣтъ, маменька. Я ужъ давно сказала вамъ, что не буду цаловать вашей руки. А теперь, отпустите меня. Я, въ самомъ дѣлѣ, чувствую себя дурно.

Ахъ, какъ было опять вспыхнули глаза Марьи Алексѣвны. Но пересилила себя, и кротко сказала: «ступай, отдохни».

Едва Вѣрочка раздѣлась и убрала платье,—впрочемъ, на это ушло много времени, потому что она все задумывалась: сняла браслетъ, и долго сидѣла съ нимъ въ рукѣ, вынула серьгу—и опять забылась, и много времени прошло, пока она вспомнила, что вѣдь

она страшно устала, что вѣдь она даже не могла стоять передъ зеркаломъ, а опустилась въ изнеможеніи на стулъ, какъ добрела до своей комнаты, что надобно же поскорѣе раздѣться и лечь,— едва Вѣрочка легла въ постель, въ комнату вошла Марья Алексѣвна съ подносомъ, на которомъ была большая отцовская чашка и лежала цѣлая груда сухарей.

— Кушай, Вѣрочка! вотъ, кушай на здоровье! Сама тебѣ принесла: видишь, мать помнитъ о тебѣ! Сижу, да и думаю: какъ же это Вѣрочка легла спать безъ чаю? сама пью, а сама все думаю. Вотъ и принесла. Кушай, моя дочка милая!

Страненъ показался Вѣрочкѣ голосъ матери: онъ въ самомъ дѣлѣ былъ мягокъ и добръ, — этого никогда не бывало. Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на мать. Щеки Марьи Алексѣвны пылали и глаза нѣсколько блуждали.

— Кушай, я посижу, посмотрю на тебя. Выкушаешь, принесу другую чашку.

Чай, на половину налитый густыми, вкусными сливками, разбудилъ аппетитъ. Вѣрочка приподнялась на локоть, и стала пить. — «Какъ вкусенъ чай, когда онъ свѣжій, густой, и когда въ немъ много сахару и сливокъ! Чрезвычайно вкусенъ! Вовсе не похожъ на тотъ спитой, съ однимъ кусочкомъ сахару, который даже противенъ. Когда у меня будутъ свои деньги, я всегда буду пить такой чай, какъ этотъ». — Благодарю васъ, маменька.

— Не спи, принесу другую.—Она вернулась съ другою чашкою такого же прекраснаго чаю.—Кушай, а я опять посижу. Съ минуту она молчала, потомъ вдругъ заговорила какъ-то особенно, то самою быстрою скороговоркою, то растягивая слова.

— Вотъ, Вѣрочка, ты меня поблагодарила. Давно я не слышала отъ тебя благодарности. Ты думаешь, я злая. Да, я злая, только нельзя быть злой! А слаба я стала, Вѣрочка! отъ трехъ пуншей ослабѣла, а какія еще мои лѣта! Да и ты меня разстроила, Вѣрочка, — очень огорчила! Я и ослабѣла. А тяжелая моя жизнь, Вѣрочка. Я не хочу, чтобы ты такъ жила. Богато живи. Я сколько мученья приняла, Вѣрочка, и-и-и, и-и-и, сколько! Ты не помнишь, какъ мы съ твоимъ отцомъ жили, когда онъ еще не былъ управляющимъ! Бѣдно, и-и-и, какъ бѣдно жили,—а я тогда была честная, Вѣрочка! Теперь, я не честная,—нѣтъ, не возьму грѣха на душу, не солгу передъ тобою, не скажу, что я теперь честная! Гдѣ ужь,—то время давно прошло. Ты, Вѣрочка, учe-

вая, а я неученая, да я знаю все, что у васъ въ книгахъ написано; тамъ и то написано, что не надо такъ дѣлать, какъ со мною сдѣлали. «Ты, говорятъ, не честная!» вотъ и отецъ твой,— тебѣ-то онъ отецъ, это Надинькѣ не онъ былъ отецъ, — голый дуракъ, а тоже колетъ мнѣ глаза, надругается! Ну, меня и взяла злость: а когда, говорю, по вашему я не честная, такъ я и буду такая! Наденька родилась. Ну, такъ что жь, что родилась? Меня этому кто научилъ? Кто должность-то получилъ? Тутъ моего грѣха меньше было, чѣмъ его. А они у меня ее отняли, въ воспитательный домъ отдали, — и узнать-то было нельзя, гдѣ она,—такъ и не видала ее, и не знаю, жива ли она... чать, ужь гдѣ быть въ живыхъ! ну, въ теперешнюю пору мнѣ бы мало горя, а тогда не такъ легко было,—меня пуще злость взяла! Ну, и стала злая. Тогда и пошло все хорошо. Твоему отцу, дураку, должность доставилъ кто?—я доставила. А въ управляющіе кто его произвелъ?—я произвела. Вотъ, и стали жить хорошо. А почему? — потому, что я стала нечестная, да злая. Это, я знаю, у васъ въ книгахъ написано, Вѣрочка, что только нечестнымъ, да злымъ и хорошо жить на свѣтѣ. А это правда, Вѣрочка! Вотъ, теперь и у отца твоего деньги есть, — я предоставила; и у меня есть, можетъ и побольше, чѣмъ у него,—все сама достала, на старость кусокъ хлѣба приготовила. И отецъ твой, дуракъ, меня уважать сталъ, по стрункѣ сталъ у меня ходить, я его вышколила! А то гналъ меня, надругался надо мною. А за что? Тогда было не за что,—а за то, Вѣрочка, что не была злая. А у васъ въ книгахъ, Вѣрочка, написано, что не годится такъ жить, — а ты думаешь, я этого не знаю? Да въ книгахъ-то у васъ написано, что коли не такъ жить, такъ надо все по новому завести, а по нынѣшнему заведенью нельзя такъ жить, какъ они велятъ,—такъ чтожь они по новому-то порядку не заводятъ? Эхъ, Вѣрочка, ты думаешь, я не знаю, какіе у васъ въ книгахъ новые порядки расписаны?— знаю: хорошіе. Только мы съ тобой до нихъ не доживемъ, больно глупъ народъ—гдѣ съ такимъ народомъ хорошіе-то порядки завести! Такъ станемъ жить по старымъ. И ты по нимъ живи. А старый порядокъ какой? У васъ въ книгахъ написано: старый порядокъ тотъ, чтобы обирать, да обманывать. А это правда, Вѣрочка. Значитъ, когда новаго-то порядку нѣтъ, по старому и живи: обирай, да обманывай: по любви тебѣ говор—хрр....

Марья Алексѣвна захрапѣла и повалилась.

II.

Марья Алексѣвна знала, что говорилось въ театрѣ, но еще не знала, что выходило изъ этого разговора.

Въ то время, какъ она, разстроенная огорченіемъ отъ дочери, и въ разстройствѣ наливши много рому въ свой пуншъ, уже давно храпѣла, Михаилъ Иванычъ Сторешниковъ ужиналъ въ какомъ-то модномъ ресторанѣ съ другими кавалерами, приходившими въ ложу. Въ компаніи было еще четвертое лицо, — француженка, пріѣхавшая съ офицеромъ. Ужинъ приближался къ концу.

— Мсьё Сторешникъ!—Сторешниковъ возликовалъ: француженка обращалась къ нему въ третій разъ во время ужина: — мсьё Сторешникъ! — вы позвольте мнѣ такъ называть васъ, это пріятнѣе звучитъ и легче выговаривается, — я не думала, что я буду одна дама въ вашемъ обществѣ; я надѣялась увидѣть здѣсь Адель, — это было бы пріятно, я ее такъ рѣдко вижу.

— Адель поссорилась со мною, къ несчастью.

Офицеръ хотѣлъ сказать что-то, но промолчалъ.

— Не вѣрьте ему, m-lle Жюли, сказалъ статскій: — онъ боится открыть вамъ истину, думаетъ, что вы разсердитесь, когда узнаете, что онъ бросилъ француженку для русской.

— Я не знаю, зачѣмъ и мы-то сюда поѣхали! сказалъ офицеръ.

— Нѣтъ, Сержъ, отчего же, когда Жанъ просилъ, и мнѣ было очень пріятно познакомиться съ мсьё Сторешниковымъ. Но, мсьё Сторешникъ, фи, какой у васъ дурной вкусъ! Я бы ничего не имѣла возразить, если бы вы покинули Адель для этой грузинки, въ ложѣ которой были съ ними обоими; но промѣнять француженку на русскую... воображаю! безцвѣтные глаза, безцвѣтные жиденькіе волосы, безсмысленное безцвѣтное лицо... виновата, не безцвѣтное, а, какъ вы говорите, кровь со сливками, то есть, кушанье, которое могутъ брать въ ротъ только ваши эскимосы! Жанъ, подайте пепельницу грѣшнику противъ грацій, пусть онъ посыплетъ пепломъ свою преступную голову!

— Ты наговорила столько вздора, Жюли, что не ему, а тебѣ надобно посыпать пепломъ голову, сказалъ офицеръ: — вѣдь та, которую ты назвала грузинкою,—это она и есть русская-то.

— Ты смѣешься надо мною.

— Чистѣйшая русская, сказалъ офицеръ.

— Невозможно!

— Ты напрасно думаешь, милая Жюли, что въ нашей націи одинъ типъ красоты, какъ въ вашей. Да и у васъ много блондинокъ. А мы, Жюли, смѣсь племенъ, отъ бѣловолосыхъ, какъ финны («да, да, финны», замѣтила для себя француженка) до черныхъ, гораздо черпѣе итальянцевъ, — это татары, монголы («да, монголы, знаю», замѣтила для себя француженка), — они всѣ дали много своей крови въ нашу! У насъ блондинки, которыхъ ты ненавидишь, только одинъ изъ мѣстныхъ типовъ, — самый распространенный, но не господствующій.

— Это удивительно! но она великолѣпна! Почему она не поступитъ на сцену?—Впрочемъ, господа, я говорю только о томъ, что я видѣла. Остается вопросъ, очень важный: ея нога?—Вашъ великій поэтъ Карасенъ, говорили мнѣ, сказалъ, что въ цѣлой Россіи нѣтъ пяти паръ маленькихъ и стройныхъ ногъ.

— Жюли, это сказалъ не Карасенъ, — и лучше; зовите его: Карамзинъ, — Карамзинъ былъ историкъ, да и то не русскій, а татарскій, — вотъ тебѣ новое доказательство разнообразія нашихъ типовъ. О ножкахъ сказалъ Пушкинъ, — его стихи были хороши для своего времени, но теперь потеряли большую часть своей цѣны. Кстати, эскимосы живутъ въ Америкѣ, а наши дикари, которые пьютъ оленью кровь, называются самоѣды.

— Благодарю, Сержъ. Карамзинъ — историкъ; Пушкинъ — знаю; эскимосы въ Америкѣ; русскіе — самоѣды; да, самоѣды, — но это звучитъ очень мило: са-мо-ѣ-ды! Теперь буду помнить. Я, господа, велю Сержу все это говорить мнѣ, когда мы одни, или не въ нашемъ обществѣ. Это очень полезно для разговора. Притомъ, науки — моя страсть; я родилась быть m-me Сталь, господа. Но это посторонній эпизодъ. Возвращаемся къ вопросу: ея нога?

— Если вы позволите мнѣ завтра явиться къ вамъ, m-lle Жюли, я буду имѣть честь привезти къ вамъ ея башмакъ.

— Привозите, я примѣрю. Это затрогиваетъ мое любопытство.

Сторешниковъ былъ въ восторгѣ: какъ же? — онъ едва цѣпляется за хвостъ Жана, Жанъ едва цѣпляется за хвостъ Сержа, Жюли — одна изъ первыхъ француженокъ между француженками общества Сержа, — честь, великая честь!

— Нога удовлетворительна, подтвердилъ Жанъ: — но я, какъ

человѣкъ положительный, интересуюсь болѣе существеннымъ. Я разсматривалъ ея бюстъ.

— Бюстъ очень хорошъ, сказалъ Сторешниковъ, ободрявшійся выгодными отзывами о предметѣ его вкуса, и уже замыслившій, что можетъ говорить комплименты Жюли, чего до сихъ поръ не смѣлъ: — ея бюстъ очарователенъ, хотя, конечно, хвалить бюстъ другой женщины здѣсь — святотатство.

— Ха, ха, ха! Этотъ господинъ хочетъ сказать комплиментъ моему бюсту! Я не ипокритка и не обманщица, мсьё Сторешникъ: я не хвалюсь и не терплю, чтобы другіе хвалили меня за то, что у меня плохо. Слава Богу, у меня еще довольно осталось, чѣмъ я могу хвалиться по правдѣ. Но мой бюстъ — ха, ха, ха! Жанъ, вы видѣли мой бюстъ—скажите ему! Вы молчите, Жанъ? Вашу руку, мсьё Сторешникъ,—она схватила его за руку,—чувствуете, что это не тѣло? — Попробуйте еще здѣсь,—и здѣсь, — теперь знаете? — Я ношу накладной бюстъ, какъ ношу платье, юбку, рубашку, не потому, чтобъ это мнѣ нравилось, — не моему, было бы лучше безъ этихъ ипокритствъ, — а потому, что это такъ принято въ обществѣ. Но женщина, которая столько жила, какъ я,—и какъ жила, мсьё Сторешникъ! я теперь святая, сравнительно передъ тѣмъ, что была, — такая женщина не можетъ сохранить бюста! И вдругъ, она заплакала: — мой бюстъ!—мой бюстъ!—моя чистота!—о, Боже, за тѣмъ ли я родилась?

— Вы лжете, господа, закричала она, вскочила и ударила кулакомъ по столу: — вы клевещете! Вы никіе люди! она не любовница его! онъ хочетъ купить ее! Я видѣла, какъ она отворачивалась отъ него, горѣла негодованьемъ и ненавистью! Это гнусно!

—Да, сказалъ статскій, лѣниво потягиваясь: —ты прихвастнулъ, Сторешниковъ; у васъ дѣло еще не кончено, а ты ужъ наговорилъ, что живешь съ нею, даже разошелся съ Аделью для лучшаго завѣренія насъ. Да, ты описывалъ намъ очень хорошо, но описывалъ то, чего еще не видалъ; впрочемъ, это ничего: не за недѣлю до нынѣшняго дня, такъ черезъ недѣлю послѣ нынѣшняго дня, — это все равно. И ты не разочаруешься въ описаніяхъ, которыя дѣлалъ по воображенію; найдешь даже лучше, чѣмъ думаешь. Я разсматривалъ: останешься доволенъ.

Сторешниковъ былъ внѣ себя отъ ярости:— нѣтъ, m-lle Жюли, вы обманулись, смѣю васъ увѣрить, въ вашемъ заключеніи;

простите, что осмѣливаюсь противорѣчить вамъ, но она — моя любовница. Это была обыкновенная любовная ссора отъ ревности; она видѣла, что я первый актъ сидѣлъ въ ложѣ m-lle Матильды, — только и всего!

— Врешь, мой милый, врешь, сказалъ Жанъ и зѣвнулъ.

— А не вру, не вру.

— Докажи. Я человѣкъ положительный, и безъ доказательствъ не вѣрю.

— Какія же доказательства я могу тебѣ представить?

— Ну, вотъ, и пятишься, и уличаешь себя, что врешь. Какія доказательства? Будто трудно найти? Да вотъ тебѣ: завтра мы собираемся ужинать опять здѣсь. M-lle Жюли будетъ такъ добра, что привезетъ Сержа, я привезу свою миленькую Берту, ты привезешь ее. Если привезешь—я проигралъ, ужинъ на мой счетъ; не привезешь — изгоняешься со стыдомъ изъ нашего круга! Жанъ дернулъ сонетку; вошелъ слуга. — Simon, будьте такъ добры: завтра ужинъ на шесть персонъ, точно такой, какъ былъ, когда я вѣнчался у васъ съ Бертою, — помните, предъ рождествомъ? — и въ той же комнатѣ.

— Какъ не помнить такого ужина, мсьё. Будетъ исполнено. — Слуга вышелъ.

— Гнусные люди! гадкіе люди! я была два года уличною женщиною въ Парижѣ, я полгода жила въ домѣ, гдѣ собирались воры, я и тамъ не встрѣчала троихъ такихъ низкихъ людей вмѣстѣ! Боже мой, съ кѣмъ я принуждена жить въ обществѣ! За что такой позоръ мнѣ, о Боже?—Она упала на колѣни. Боже! я слабая женщина! Голодъ я умѣла переносить, но въ Парижѣ такъ холодно зимой! Холодъ былъ такъ силенъ, обольщенія такъ хитры! Я хотѣла жить, я хотѣла любить, — Боже! вѣдь это не грѣхъ,—за что же ты такъ наказываешь меня? Вырви меня изъ этого круга, вырви меня изъ этой грязи! Дай мнѣ силу сдѣлаться опять уличною женщиною въ Парижѣ, я не прошу у тебя ничего другаго, я недостойна ничего другаго, но освободи меня отъ этихъ людей, отъ этихъ гнусныхъ людей!—Она вскочила и подбѣжа къ офицеру:—Сержъ, и ты такой же? Нѣтъ, ты лучше ихъ! («лучше», флегматически замѣтилъ офицеръ)—развѣ это не гнусно?

— Гнусно, Жюли.

— И ты молчишь? допускаешь? соглашаешься? участвуешь?

— Садись ко мнѣ на колѣни, моя милая Жюли.—Онъ сталъ

ласкать ее, она успокоилась.—Какъ я люблю тебя въ такія минуты! Ты славная женщина. Ну, что ты не соглашаешься повѣнчаться со мною? сколько разъ я просилъ тебя объ этомъ! Согласись.

— Бракъ? ярмо? предразсудокъ? Никогда! я запретила тебѣ говорить мнѣ такія глупости. Не серди меня. Но... Сержъ! милый Сержъ! запрети ему! онъ тебя боится, — спаси ее!

— Жюли, будь хладнокровнѣе. Это невозможно. Не онъ, такъ другой, все равно. Да вотъ, посмотри, Жанъ уже думаетъ отбить ее у него, а такихъ Жановъ тысячи, ты знаешь. Отъ всѣхъ не убережешь, когда мать хочетъ торговать дочерью. Лбомъ стѣну не прошибешь, говоримъ мы, русскіе. Мы умный народъ, Жюли. Видишь, какъ спокойно я живу, принявъ этотъ нашъ русскій принципъ.

— Никогда! Ты рабъ, француженка свободна. Француженка борется, — она падаетъ, но она борется! Я не допущу! Кто она? Гдѣ она живетъ? Ты знаешь?

— Знаю.

— Вдемъ къ ней. Я предупрежу ее.

— Въ первомъ-то часу ночи? Поѣдемъ-ко лучше спать. До свиданья, Жанъ. До свиданья, Сторешниковъ. Разумѣется, вы не будете ждать Жюли и меня на вашъ завтрашній ужинъ: вы видите, какъ она раздражена. Да и мнѣ, сказать по правдѣ, эта исторія не нравится. Конечно, вамъ нѣтъ дѣла до моего мнѣнія. До свиданья.

— Экая бѣшеная француженка, сказалъ статскій, потягиваясь и зѣвая, когда офицеръ и Жюли ушли. — Очень пикантная женщина, но это ужъ черезчуръ. Очень пріятно видѣть, когда хорошенькая женщина будируетъ, но съ нею я не ужился бы четыре часа, не то что четыре года. Конечно, Сторешниковъ, нашъ ужинъ не разстраивается отъ ея каприза. Я привезу Поля съ Матильдою вмѣсто нихъ. А теперь, пора по домамъ. Мнѣ еще нужно заѣхать къ Вертѣ и потомъ къ маленькой Лотхенъ, которая очень мила.

III.

— Ну, Вѣра, хорошо. Глаза не заплаканы. Видно, поняла, что мать говоритъ правду, а то все на дыбы подымалась, — Вѣрочка сдѣлала нетерпѣливое движеніе, — ну, хорошо, не стану

говорить, не разстроивайся. А я вчера-такъ и заснула у тебя въ комнатѣ, можетъ, наговорила чего лишняго. Я вчера не въ своемъ видѣ была. Ты не вѣрь тому, что я съ пьяныхъ-то глазъ наговорила, — слышишь? не вѣрь.

Вѣрочка опять видѣла прежнюю Марью Алексѣвну. Вчера ей казалось, что изъ подъ звѣрской оболочки проглядываютъ человѣческія черты, теперь опять звѣрь, и только. Вѣрочка усиливалась побѣдить въ себѣ отвращеніе, но не могла. Прежде, она только ненавидѣла мать, вчера думалось ей, что она перестаетъ ее ненавидѣть, будетъ только жалѣть, — теперь опять она чувствовала ненависть, но и жалость осталась въ ней.

— Одѣвайся, Вѣрочка! чать, скоро придетъ. — Она очень заботливо осмотрѣла нарядъ дочери. — Если ловко поведешь себя, подарю серьги съ большими-то изумрудами, — онѣ стараго фасона, но если передѣлать, выйдетъ хорошая брошка. Въ залогѣ остались за 150 р., съ процентами 250, а стоятъ больше 400. Слышишь, подарю.

Явился Сторешниковъ. Онъ вчера долго не зналъ, какъ ему справиться съ задачею, которую накликалъ на себя; онъ шелъ пѣшкомъ изъ ресторана домой, и все думалъ. Но пришелъ домой уже спокойный, — придумалъ, пока шелъ, — и теперь былъ доволенъ собой.

Онъ справился о здоровьи Вѣры Павловны — «я здорова»; онъ сказалъ, что очень радъ, и навелъ рѣчь на то, что здоровьемъ надобно пользоваться, — «конечно надобно, а по мнѣнію Марьи Алексѣвны, и молодостью также»; онъ совершенно съ этимъ согласенъ, и думаетъ, что хорошо было бы воспользоваться нынѣшнимъ вечеромъ для поѣздки за городъ: день морозный, дорога чудесная. — Съ кѣмъ же онъ думаетъ ѣхать? — Только втроемъ: вы, Марья Алексѣвна, Вѣра Павловна и я. — Въ такомъ случаѣ, Марья Алексѣвна совершенно согласна; но теперь она пойдетъ готовить кофе и закуску, а Вѣрочка споетъ что нибудь. «Вѣрочка, ты споешь что нибудь»? прибавляетъ она тономъ, недопускающимъ возраженій. — «Спою».

Вѣрочка сѣла къ фортепьяно и запѣла «тройку» — тогда эта пѣсня была только-что положена на музыку — по мнѣнію, питаемому Марьей Алексѣвною за дверью, эта пѣсня очень хороша: дѣвушка засмотрѣлась на офицера, — Вѣрка-то, когда захочетъ, вѣдь умная, шельма! — Скоро Вѣрочка остановилась: и это все такъ; Марья Алексѣвна такъ и велѣла: немножко про-

пой, а потомъ заговоритъ. — Вотъ, Вѣрочка и говоритъ, только, къ досадѣ Марьи Алексѣвны, по французски, — «экая дура я какая, забыла сказать, чтобы по русски»; — но Вѣра говоритъ тихо... улыбнулась, — ну, значитъ, ничего, хорошо. Только, чтожъ онъ-то выучилъ глаза? впрочемъ, дуракъ, такъ дуракъ и есть, онъ только и умѣетъ хлопать глазами. А намъ такихъ-то и надо. Вотъ, подала ему руку — умна стала Вѣрка, хвалю.

— Мсьё Сторешниковъ, я должна говорить съ вами серьёзно. Вчера вы взяли ложу, чтобы выставить меня вашимъ пріятелямъ какъ вашу любовницу. Я не буду говорить вамъ, что это безчестно: если бы вы были способны понять это, вы не сдѣлали бы такъ. Но я предупреждаю васъ: если вы осмѣлитесь подойти ко мнѣ въ театрѣ, на улицѣ, гдѣ нибудь, — я даю вамъ пощочину. Мать замучитъ меня (вотъ тутъ-то Вѣрочка улыбнулась), но пусть будетъ со мною, что будетъ, все равно! Нынче вечеромъ вы получите отъ моей матери записку, что катанье наше разстроилось, потому что я больна.

Онъ стоялъ и хлопалъ глазами, какъ уже и замѣтила Марья Алексѣвна.

— Я говорю съ вами, какъ съ человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ ни искры чести. Но, можетъ быть, вы еще не до конца испорчены. Если такъ, я прошу васъ: перестаньте бывать у насъ. Тогда я прощу вамъ вашу клевету. Если вы согласны, дайте вашу руку, — она протянула ему руку; онъ взялъ ее, самъ не понимая, что дѣлаетъ.

— Благодарю васъ. Уйдите же. Скажите, что вамъ надобно торопиться приготовить лошадей для поѣздки.

Онъ опять похлопалъ глазами. Она уже обернулась къ нотамъ и продолжала «тройку». Жаль, что не было знатоковъ; любопытно было послушать: вѣрно, не часто имъ случалось слушать пѣніе съ такимъ чувствомъ; даже ужъ слишкомъ много было чувства, не артистично.

Черезъ минуту, Марья Алексѣвна вошла, и кухарка втащила подносъ съ кофе и закускою. Михаилъ Иванычъ, вмѣсто того, чтобы сѣсть за кофе, пятился къ дверямъ. — «Куда же вы, Михаилъ Иванычъ»? — «Я тороплюсь, Марья Алексѣвна, распорядиться лошадьми». — «Да еще успѣете, Михаилъ Иванычъ;» — но Михаилъ Иванычъ былъ уже за дверями.

Марья Алексѣвна бросилась изъ передней въ залъ, съ под-

пятыми кулаками. «Что ты сдѣлала, Вѣрка проклятая? А?» — но проклятой Вѣрки уже не было въ залѣ; мать бросилась къ ней въ комнату, но дверь Вѣроччиной комнаты была заперта; мать надвинула всѣмъ корпусомъ на дверь, чтобы выломать ее, но дверь не подавалась, а проклятая Вѣрка сказала: «Если вы будете выламывать дверь, я разобью окно, и стану звать на помощь. А вамъ не дамся въ руки живая». — Марья Алексѣвна долго бѣсновалась, но двери не ломала; наконецъ, устала кричать. Тогда Вѣрочка сказала: «маменька, прежде я только не любила васъ; а со вчерашняго вечера, мнѣ стало васъ и жалко. У васъ было много горя, и оттого вы стали такая. Я прежде не говорила съ вами, а теперь хочу говорить, только когда вы не будете сердиться. Поговоримъ тогда хорошенько, какъ прежде не говорили».

Конечно, не очень-то приняла къ сердцу эти слова Марья Алексѣвна; но утомленные нервы просятъ отдыха, и у Марьи Алексѣвны стало рождаться раздумье: не лучше ли вступить въ переговоры съ дочерью, когда она, мерзавка, ужь совсѣмъ отбивается отъ рукъ? Вѣдь безъ нея ничего нельзя сдѣлать, вѣдь не женишь же безъ ней на ней Мишку дурака! Да вѣдь еще и неизвѣстно, что она ему сказала, — вѣдь они руки пожали другъ другу, — что жь это значитъ?

Такъ и сидѣла усталая Марья Алексѣвна, раздумывая между свирѣпствомъ и хитростью, когда раздался звонокъ. Это были Жюли съ Сержемъ.

IV.

— Сержъ, говоритъ по французски ея мать? было первое слово Жюли, когда она проснулась.

— Не знаю; а ты еще не выкинула изъ головы этой мысли?

Нѣтъ не выкинула; и когда, сообразивши всѣ примѣты въ театрѣ, рѣшили, что, должно быть, мать этой дѣвушки не говоритъ по французски, Жюли взяла съ собою Сержа переводчикомъ. Впрочемъ, ужь такая была его судьба, что пришлось бы ему ѣхать, хотя бы матерью Вѣрочки былъ кардиналъ Меццофанти; и онъ не роптalъ на судьбу, а ѣздилъ повсюду, при Жюли, въ родѣ наперсницы корнелевской героини. Жюли проснулась поздно, по дорогѣ заѣзжала къ Вихманъ, потомъ, ужь

не по дорогѣ, а по надобности, еще въ четыре магазина. Такимъ образомъ, Михаилъ Иванычъ успѣлъ объясниться, Марья Алексѣвна успѣла набѣситься и насидѣться, пока Жюли и Сержъ доѣхали съ Литейной на Гороховую.

— А подъ какимъ же предлогомъ мы пріѣхали? фи, какая гадкая лѣстница! Такихъ я и въ Парижѣ не знала.

—Все равно, что вздумается. Мать даетъ деньги въ залогъ, сними брошку. Или вотъ, еще лучше: она даетъ уроки на фортепьяно. Скажемъ, что у тебя есть племянница.

Матрена въ первый разъ въ жизни устыдилась своей разбитой скулы, узрѣвъ мундиръ Сержа и въ особенности великолѣпіе Жюли: такой важной дамы она еще никогда не видывала лицомъ къ лицу. Въ такое же благоговѣніе и неописанное изумленіе пришла Марья Алексѣвна, когда Матрена объявила, что изволили пожаловать полковникъ N N съ супругою. Особенно это: «съ супругой»! — Тотъ кругъ, сплетни о которомъ спускались до Марьи Алексѣвны, возвышался лишь до дѣйствительно статскаго слоя общества, а сплетни объ настоящихъ аристократахъ уже замирали въ пространствѣ на половинѣ пути до Марьи Алексѣвны; потому она такъ и поняла въ полномъ законномъ смыслѣ «имена мужъ и жена», которыя давали другъ другу Сержъ и Жюли по парижскому обычаю. Марья Алексѣвна оправилась наскоро и выбѣжала.

Сержъ сказалъ, что очень радъ вчерашнему случаю и проч., что у его жены есть племянница и проч., что его жена не говоритъ по русски, и потому онъ переводчикъ.

— Да, могу благодарить моего создателя, сказала Марья Алексѣвна:—у Вѣрочки большой талантъ учить на фортепьянахъ, и я за счастье почту, что она вхожа будетъ въ такой домъ; только учительница-то моя не совсѣмъ здорова, — Марья Алексѣвна говорила особенно громко, чтобы Вѣрочка услышала и поняла появленіе перемирія, а сама, при всемъ благоговѣніи, такъ и впивалась глазами въ гостей; — не знаю, въ силахъ ли будетъ выйти и показать вамъ пробу свою на фортепьянахъ.—Вѣрочка, другъ мой, можешь ты выйти, или нѣтъ?

Какіе-то посторонніе люди, — сцены не будетъ, — почемужъ не выйти? — Вѣрочка отперла дверь, взглянула на Сержа и вспыхнула отъ стыда и гнѣва.

Этого не могли бы не замѣтить и плохіе глаза, а у Жюли

были глаза чуть ли не позорче, чѣмъ у самой Марьи Алексѣевны. Француженка начала прямо:

— Милое дитя мое, вы удивляетесь и смущаетесь, видя человѣка, при которомъ были вчера такъ оскорбляемы, который, вѣроятно, и самъ участвовалъ въ оскорбленіяхъ. Мой мужъ легкомысленъ, но онъ все таки лучше другихъ повѣсъ. Вы его извините для меня, и пріѣхала къ вамъ съ добрыми намѣреніями. Уроки моей племянницѣ — только предлогъ; но надобно поддержать его. Вы сыграете что нибудь, — покороче, — мы пойдемъ въ вашу комнату и переговоримъ. Слушайтесь меня, дитя мое.

Та ли это Жюли, которую знаетъ вся аристократическая молодежь Петербурга? Та ли это Жюли, которая отпускаетъ штуки, заставляющія краснѣть иныхъ повѣсъ? Нѣтъ, это княгиня, до ушей которой никогда не доносилось ни одно грубоватое слово.

Вѣрочка сѣла дѣлать свою пробу на фортепьяно. Жюли стала подлѣ нея, Сержъ занимался разговоромъ съ Марьей Алексѣевною, чтобы вывѣдать, каковы именно ея дѣла съ Сторешниковымъ. Черезъ нѣсколько минутъ, Жюли остановила Вѣрочку, взяла ее за талью, прошлась съ нею по залу, потомъ увела ее въ ея комнату. Сержъ пояснилъ, что его жена довольна игрою Вѣрочки, но хочетъ потолковать съ нею, потому что нужно знать и характеръ учительницы, и т. д., и продолжалъ наводить разговоръ на Сторешникова. Все это было прекрасно, но Марья Алексѣвна смотрѣла все зорче и подозрительнѣе.

— Милое дитя мое, сказала Жюли, вошедши въ комнату Вѣрочки: — ваша мать очень дурная женщина. Но чтобы мнѣ знать, какъ говорить съ вами, прошу васъ, разскажите, какъ и зачѣмъ вы были вчера въ театрѣ? я уже знаю все это отъ мужа, но изъ вашего разсказа я узнаю вашъ характеръ. Не опасайтесь меня. — Выслушавши Вѣрочку, она сказала: «да, съ вами можно говорить, вы имѣете характеръ», — и въ самыхъ осторожныхъ, деликатныхъ выраженіяхъ разсказала ей о вчерашнемъ парѣ; на это Вѣрочка отвѣчала разсказомъ о предложеніи кататься.

— Чтожь, онъ хотѣлъ обмануть вашу мать, или они оба были въ заговорѣ противъ васъ? Вѣрочка горячо стала говорить, что ея мать ужь не такая же дурная женщина, чтобы быть

въ заговорѣ. — Я сейчасъ это увижу, сказала Жюли. Вы оставайтесь здѣсь, — вы тамъ лишняя. Жюли вернулась въ залу.

— Сержъ, онъ уже звалъ эту женщину и ея дочь кататься нынѣ вечеромъ. Разскажи ей о вчерашнемъ ужинѣ.

— Ваша дочь нравится моей женѣ, теперь надобно только условиться въ цѣнѣ, и, вѣроятно, мы не разойдемся изъ за этого. Но позвольте мнѣ докончить нашъ разговоръ о нашемъ общемъ знакомомъ. Вы его очень хвалите. А извѣстно ли вамъ, что онъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ вашему семейству, — напримѣръ, съ какою цѣлью онъ приглашалъ насъ вчера въ вашу ложу?

Въ глазахъ Маріи Алексѣвны, вмѣсто выпытывающаго взгляда, блеснулъ смыслъ: «такъ и есть».—Я не сплетница, отвѣчала она съ неудовольствіемъ:—сама не разношу вѣстей и мало ихъ слушаю! Это было сказано не безъ колкости, при всемъ ея благоговѣніи къ посѣтителю.—Мало ли что болтаютъ молодые люди между собою; этимъ нечего заниматься.

— Хорошо–съ; ну, а вотъ это вы назовете сплетнями? — Онъ сталъ разсказывать исторію ужина. Марья Алексѣвна не дала ему докончить: какъ только произнесъ онъ первое слово о парѣ, она вскочила и съ бѣшенствомъ закричала, совершенно забывши важность гостей:

— Такъ вотъ онѣ, штуки–то какія! Ахъ, онъ разбойникъ! Ахъ, онъ мерзавецъ! такъ вотъ зачѣмъ онъ кататься–то звалъ! онъ хотѣлъ меня за городомъ–то на тотъ свѣтъ отправить, чтобы беззащитную дѣвушку обезчестить! Ахъ, онъ сквернавецъ! — и такъ далѣе. Потомъ она стала благодарить гостя за спасеніе жизни ея и чести ея дочери. — То–то, батюшка, я ужь и сначала догадывалась, что вы что нибудь не съ–просту пріѣхали, что уроки–то уроками, а цѣль у васъ другая, да я не то полагала; я думала, у васъ ему другая невѣста приготовлена, вы его у насъ отбить хотите, — погрѣщила на васъ, окаянная, простите великодушно. Вотъ, можно сказать, по гробъ жизни облагодѣтельствовали, — и т. д. Ругательства, благодарности, извиненія долго лились безпорядочнымъ потокомъ.

Жюли не долго слушала эту безконечную рѣчь, смыслъ которой былъ ясенъ для нея изъ тона голоса и жестовъ; съ первыхъ словъ Маріи Алексѣвны, француженка встала и вернулась въ комнату Вѣрочки.

— Да, ваша мать не была его сообщницею, и теперь очень

раздражена противъ него. Но я хорошо знаю такихъ людей, какъ ваша мать. У нихъ никакія чувства не удержатся долго противъ денежныхъ разсчетовъ; она скоро опять примется ловить жениха, и чѣмъ это можетъ кончиться, Богъ знаетъ; во всякомъ случаѣ, вамъ будетъ очень тяжело. На первое время, она оставитъ васъ въ покоѣ; но я вамъ говорю, что это будетъ не на долго. Что вамъ теперь дѣлать? Есть у васъ родные въ Петербургѣ?

— Нѣтъ.

— Это жаль. У васъ есть любовникъ? — Вѣрочка не знала, какъ и отвѣчать на это, она только странно раскрыла глаза. — Простите, простите, это видно, но тѣмъ хуже. Значитъ, у васъ нѣтъ пріюта. Какъ же быть? Ну, слушайте. Я не то, чѣмъ вамъ показалась. Я не жена ему, я у него на содержаньи. Я извѣстна всему Петербургу, какъ самая дурная женщина. Но я честная женщина. Придти ко мнѣ—для васъ значитъ потерять репутацію; довольно опасно для васъ и то, что я уже одинъ разъ была въ этой квартирѣ, а пріѣхать къ вамъ во второй разъ, было бы навѣрное губить васъ. Между тѣмъ, надобно еще увидѣться съ вами, быть можетъ и не разъ, — то есть, если вы довѣряете мнѣ. Да? — Такъ когда вы завтра можете располагать собою?

— Часовъ въ двѣнадцать, сказала Вѣрочка. Это для Жюли не много рано, но все равно, она велитъ разбудить себя и встрѣтится съ Вѣрочкою въ той линіи Гостинаго Двора, которая противоположна невскому; она короче всѣхъ, тамъ легко найти другъ друга, и тамъ никто не знаетъ Жюли.

— Да, вотъ еще счастливая мысль: дайте мнѣ бумаги, я напишу этому негодяю письмо, чтобы взять его въ руки.—Жюли написала: «Мсьё Сторешниковъ, вы теперь, вѣроятно, въ большомъ затрудненіи; если хотите избавиться отъ него, будьте у меня въ 7 часовъ. М. Ле-Телье.» — Теперь, прощайте!

Жюли протянула руку, но Вѣрочка бросилась къ ней на шею, и цаловала, и плакала, и опять цаловала. А Жюли и подавно не выдержала, — вѣдь она не была такъ воздержна на слезы, какъ Вѣрочка, да и очень ей трогательна была радость и гордость, что она дѣлаетъ благородное дѣло; она пришла въ экстазъ, говорила, говорила, все со слезами и поцалуями, и заключила восклицаніемъ:

— Другъ мой, милое мое дитя! о, не дай тебѣ Богъ никогда узнать, что чувствую я теперь, когда послѣ многихъ лѣтъ въ

первый разъ прикасаются къ моимъ губамъ чистыя губы. Умри, но не давай поцалуя безъ любви!

V.

Планъ Сторешникова былъ не такъ человѣкоубійственъ, какъ предположила Марья Алексѣвна: она, по своей манерѣ, дала дѣлу слишкомъ грубую форму, но сущность дѣла отгадала. Сторешниковъ думалъ попозже вечеромъ завезти своихъ дамъ въ ресторанъ, гдѣ собирался ужинъ; разумѣется, онѣ всѣ замерзли и проголодались, надобно погрѣться и выпить чаю; онъ всыплетъ опіуму въчашку или рюмку Марьѣ Алексѣвнѣ;Вѣрочка растеряется, увидѣвъ мать безъ чувствъ; онъ заведетъ Вѣрочку въ комнату, гдѣ ужинъ,—вотъ уже пари и выиграно; что дальше — какъ случится. Можетъ быть, Вѣрочка въ своемъ смятеніи ничего не пойметъ и согласится посидѣть въ незнакомой компаніи, а если и сейчасъ уйдетъ,—ничего, это извинятъ, потому что она только вступила на поприще авантюристки и, натурально, совѣстится на первыхъ порахъ. Потомъ, онъ уладится деньгами съ Марьей Алексѣвною,—вѣдь ей ужь нечего будетъ дѣлать.

Но теперь какъ ему быть? онъ проклиналъ свою хвастливость передъ пріятелями, свою ненаходчивость при внезапномъ крутомъ сопротивленіи Вѣрочки, желалъ себѣ провалится сквозь землю. И въ этакомъ-то разстройствѣ и сокрушеніи духа — письмо отъ Жюли, цѣлительный бальзамъ на рану, лучъ спасенія въ непроглядномъ мракѣ, столбовая дорога подъ ногою тонувшаго въ бездонномъ болотѣ. О, она поможетъ, она умнѣйшая женщина, она можетъ все придумать! благороднѣйшая женщина!—Минутъ за десять до 7 часовъ, онъ былъ уже передъ ея дверью.—«Изволятъ ждать, и приказали принять».

Какъ величественно сидитъ она, какъ строго смотритъ! Едва наклонила голову въ отвѣтъ на его поклонъ. «Очень рада васъ видѣть, прошу садиться». — Ни одинъ мускулъ не пошевелился въ ея лицѣ. Будетъ сильная головомойка,—ничего, ругай, только спаси.

— Мсьё Сторешникъ, начала она холоднымъ, медленнымъ тономъ: — вамъ извѣстно мое мнѣніе о дѣлѣ, по которому мы видимся теперь и которое, стало быть, мнѣ не нужно вновь характеризовать. Я видѣла ту молодую особу, о которой былъ вчера

разговоръ, слышала о вашемъ нынѣшнемъ визитѣ къ нимъ, слѣдовательно, знаю все, и очень рада, что это избавляетъ меня отъ тяжелой необходимости разспрашивать васъ о чемъ-либо. Ваше положеніе съ одинаковою опредѣленностью ясно и мнѣ и вамъ («Господи, лучше бы ругалась!» думаетъ подсудимый). Мнѣ кажется, что вы не можете выйти изъ него безъ посторонней помощи, и не можете ждать успѣшной помощи ни отъ кого, кромѣ меня. Если вы имѣете возразить что нибудь, я жду. — И такъ (послѣ паузы) вы подобно мнѣ полагаете, что никто другой не въ состояніи помочь вамъ,—выслушайте же, что я могу и хочу сдѣлать для васъ; если предлагаемое мною пособіе покажется вамъ достаточно, я выскажу условія, на которыхъ согласна оказать его

И тѣмъ же длиннымъ, длиннымъ манеромъ оффиціальнаго изложенія, она сказала, что можетъ послать Жану письмо, въ которомъ скажетъ, что послѣ вчерашней вспышки передумала, хочетъ участвовать въ ужинѣ, но что нынѣшній вечеръ у нея уже занятъ, что поэтому она проситъ Жана уговорить Сторешникова отложить ужинъ, — о времени его она послѣ условится съ Жаномъ. Она прочла это письмо, — въ письмѣ слышалась увѣренность, что Сторешниковъ выиграетъ пари, что ему досадно будетъ отсрочивать свое торжество. Достаточно ли будетъ этого письма?—конечно. Въ такомъ случаѣ, продолжаетъ Жюли все тѣмъ же длиннымъ, длиннымъ тономъ оффиціальныхъ записокъ,—она отправитъ письмо на двухъ условіяхъ — «вы можете принять или не принять ихъ,—вы принимаете ихъ, я отправляю письмо; вы отвергаете ихъ — я жгу письмо». и т, д., все въ этой же безконечной манерѣ, вытягивающей душу изъ спасаемаго. Наконецъ, и условія. Ихъ два: — «Первое: вы прекращаете всякія преслѣдованія молодой особы, о которой мы говоримъ; второе: вы перестаете упоминать ея имя въ вашихъ разговорахъ»,—«Только-то!—думаетъ спасаемый:—я думалъ, ужь она чортъ знаетъ чего потребуетъ, и ужь чортъ знаетъ на что не былъ бы готовъ». Онъ согласенъ, и на его лицѣ восторгъ отъ легкости условій, но Жюли не смягчается ничѣмъ, и все тянетъ, и все объясняетъ... «первое—нужно для нея, второе—также для нея, но еще болѣе для васъ: я отложу ужинъ на недѣлю, потомъ еще на недѣлю, и дѣло забудется; но вы поймете, что другіе забудутъ его только въ томъ случаѣ, когда вы не будете напоминать о немъ какимъ бы то ни было словомъ о моло-

дой особѣ, о которой» и т. д. И все объясняется, все доказывается, даже то, что письмо будетъ получено Жаномъ еще во время. — «Я справлялась, онъ обѣдаетъ у Берты» и т. д., — «онъ поѣдетъ къ вамъ, когда докуритъ свою сигару» и т. д., и все въ такомъ родѣ, и напримѣръ, въ такомъ: «Итакъ, письмо отправляется, я очень рада. Потрудитесь перечесть его,—я не имѣю и не требую довѣрія. Вы прочли, — потрудитесь самъ запечатать его, — вотъ конвертъ. — Я звоню. — Полина, вы потрудитесь передать это письмо», и т. д. — «Полина, я не видѣлась нынче съ мсьё Сторешникомъ, онъ не былъ здѣсь, — вы понимаете?»—Около часа тянулось это мучительное спасаніе. Наконецъ, письмо отправлено, и спасенный дышитъ свободнѣе, но потъ льетъ съ него градомъ, и Жюли продолжаетъ:

— Черезъ четверть часа, вы должны будете спѣшить домой, чтобы Жанъ засталъ васъ. Но четвертью часа вы еще можете располагать, и я воспользуюсь ею, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ; вы послѣдуете, или не послѣдуете совѣту, въ нихъ заключающемуся, но вы зрѣло обдумаете его. Я не буду говорить объ обязанностяхъ честнаго человѣка относительно дѣвушки, имя которой онъ компрометировалъ: я слишкомъ хорошо знаю нашу свѣтскую молодежь, чтобы ждать пользы отъ разсмотрѣнія этой стороны вопроса. Но я нахожу, что женитьба на молодой особѣ, о которой мы говоримъ, была бы выгодна для васъ. Какъ женщина прямая, я изложу вамъ основанія такого моего мнѣнія съ полною ясностью, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и щекотливы для вашего слуха,—впрочемъ, малѣйшаго вашего слова будетъ достаточно, чтобы я остановилась. Вы человѣкъ слабаго характера, и рискуете попасться въ руки дурной женщины, которая будетъ мучить васъ и играть вами. Она добра и благородна, потому не стала бы обижать васъ. Женитьба на ней, не смотря на низкость ея происхожденія и, сравнительно съ вами, бѣдность, очень много двинула бы впередъ вашу карьеру: она, будучи введена въ большой свѣтъ, при вашихъ денежныхъ средствахъ, при своей красотѣ, умѣ и силѣ характера, заняла бы въ немъ блестящее мѣсто; выгоды отъ этого для всякаго мужа понятны. Но, кромѣ тѣхъ выгодъ, которыя получилъ бы всякій другой мужъ отъ такой жены, вы, по особенностямъ вашей натуры, болѣе, чѣмъ кто либо, нуждаетесь въ содѣйствіи,—скажу прямѣе: въ руководствѣ. Каждое мое слово было взвѣшено; каждое — основано на наблюденіи надъ нею. Я не требую довѣрія, но ре-

комендую вамъ обдумать мой совѣтъ. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы она приняла вашу руку; но если бы она приняла ее, это было бы очень выгодно для васъ. Я не удерживаю васъ болѣе, вамъ надобно спѣшить домой.

VI.

Марья Алексѣвна, конечно, уже не претендовала на отказъ Вѣрочки отъ катанья, когда увидѣла, что Мишка-дуракъ вовсе не такой дуракъ, а чуть было даже не поддѣлъ ее. Вѣрочка была оставлена въ покоѣ и на другое утро безъ всякой помѣхи отправилась въ гостиный дворъ. «Здѣсь морозно, я не люблю холода», сказала Жюли: — «надобно куда нибудь отправиться. Куда бы? погодите, я сейчасъ вернусь изъ этого магазина». Она купила густой вуаль для Вѣрочки. «Надѣньте, тогда можете ѣхать ко мнѣ безопасно. Только не подымайте вуаля, пока мы не останемся однѣ. Полина очень скромна, но я не хочу, чтобъ и она васъ видѣла. Я слишкомъ берегу васъ, дитя мое!—Дѣйствительно, она сама была въ салопѣ и шляпѣ своей горничной и подъ густымъ вуалемъ. — Когда Жюли отогрѣлась, выслушала все, что имѣла новаго Вѣрочка, она разсказала про свое свиданье съ Сторешниковымъ.

— Теперь, милое дитя мое, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе. Эти люди влюбляются по уши, когда ихъ волокитство отвергается. Знаете ли вы, дитя мое, что вы поступили съ нимъ, какъ опытная кокетка? Кокетство, — я говорю про настоящее кокетство, а не про глупыя, бездарныя поддѣлки подъ него: онѣ отвратительны, какъ всякая плохая поддѣлка подъ хорошую вещь,—кокетство—это умъ и тактъ въ примѣненіи къ дѣламъ женщины съ мужчиною. Потому, совершенно наивныя дѣвушки безъ намѣренія дѣйствуютъ, какъ опытныя кокетки, если имѣютъ умъ и тактъ. Можетъ быть, и мои доводы отчасти подѣйствуютъ на него, но главное—ваша твердость.—Какъ бы то ни было, онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе, и я совѣтую вамъ принять его

— Вы, которая вчера сказали мнѣ: лучше умеретъ, чѣмъ дать поцалуй безъ любви?

— Милое дитя мое, это было сказано въ увлеченіи; въ ми-

путы увлеченія, оно вѣрно и хорошо. Но жизнь — проза и расчетъ.

— Нѣтъ, никогда, никогда! онъ гадокъ, это отвратительно! я не унижусь, пусть меня съѣдятъ, и брошусь въ омутъ, я пойду собирать милостыню... но отдать руку гадкому, низкому человѣку — нѣтъ, лучше умереть!

Жюли стала объяснять выгоды: вы избавитесь отъ преслѣдованій матери, вамъ грозитъ опасность быть проданной, онъ не золъ, а только недалекъ, недалекій и незлой мужъ лучше всякаго другаго для умной женщины съ характеромъ, вы будете госпожею въ домѣ. Она въ яркихъ краскахъ описывала положеніе актрисъ, танцовщицъ, которыя не подчиняются мужчинамъ въ любви, а господствуютъ надъ ними: «это самое лучшее положеніе въ свѣтѣ для женщины, кромѣ того положенія, когда къ такой же независимости и власти еще присоединяется со стороны общества формальное признаніе законности такого положенія, то есть, когда мужъ относится къ женѣ, какъ поклонникъ актрисы къ актрисѣ». Она говорила много, Вѣрочка говорила много, обѣ разгорячились, Вѣрочка наконецъ дошла до пафоса.

— Вы называете меня фантазеркою, спрашиваете, чего же я хочу отъ жизни? Я не хочу ни властвовать, ни подчиняться, я не хочу ни обманывать, ни притворяться, я не хочу смотрѣть на мнѣніе другихъ, добиваться того, что рекомендуютъ мнѣ другіе, когда мнѣ самой этого не нужно. Я не привыкла къ богатству — мнѣ самой оно не нужно — зачѣмъ же я стану искать его только потому, что другіе думаютъ, что оно всякому пріятно и, стало быть, должно быть пріятно мнѣ? Я не была въ обществѣ, не испытывала, что значитъ блистать, и у меня еще нѣтъ влеченія къ этому, — зачѣмъ же я стану жертвовать чѣмъ нибудь для блестящаго положенія только потому, что, по мнѣнію другихъ, оно пріятно? Для того, что не нужно мнѣ самой,— я не пожертвую ничѣмъ, не только собой, даже малѣйшимъ капризомъ не пожертвую. Я хочу быть независима и жить по своему; что нужно мнѣ самой, на то я готова, чего мнѣ не нужно, того не хочу и не хочу. Что нужно мнѣ будетъ, я не знаю; вы говорите: я молода, неопытна, со временъ перемѣнюсь, — ну, чтожь, когда перемѣнюсь, тогда и перемѣнюсь, а теперь не хочу, не хочу, не хочу ничего, чего не хочу! А чего я хочу теперь? вы спрашиваете, — ну да, я этого не знаю. Хочу

ли я любить мужчину? — Я не знаю, — вѣдь я вчера поутру, когда вставала, не знала, что мнѣ захочется полюбить васъ; за нѣсколько часовъ до того, какъ полюбила васъ, не знала, что полюблю, и не знала, какъ это я буду чувствовать, когда полюблю васъ. Такъ теперь я не знаю, что я буду чувствовать, если я полюблю мужчину, я знаю только то, что не хочу никому поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничѣмъ, чтобы никто не смѣлъ сказать мнѣ: ты обязана дѣлать для меня что нибудь! Я хочу дѣлать только то, чего буду хотѣть, и пусть другіе дѣлаютъ такъ же; я не хочу ни отъ кого требовать ничего, я хочу не стѣснять ничьей свободы и сама хочу быть свободна.

Жюли слушала и задумывалась, задумывалась и краснѣла, и — вѣдь она не могла не вспыхивать, когда подлѣ былъ огонь, — вскочила и прерывающимся голосомъ заговорила:

— Такъ, дитя мое, такъ! Я и сама бы такъ чувствовала, если бъ не была развращена. Не тѣмъ я развращена, за что называютъ женщину погибшей, не тѣмъ, что было со мною, что я терпѣла, отъ чего страдала, не тѣмъ я развращена, что тѣло мое было предано поруганью, а тѣмъ, что я привыкла къ праздности, къ роскоши, не въ силахъ жить сама собою, нуждаюсь въ другихъ, угождаю, дѣлаю то, чего не хочу — вотъ это развратъ! не слушай того, что я тебѣ говорила, дитя мое: я развращала тебя — вотъ мученье! я не могу прикасаться къ чистому, не оскверняя; бѣги меня, дитя мое, я гадкая женщина, — не думай о свѣтѣ! тамъ всѣ гадкіе, хуже меня; гдѣ праздность, тамъ гнусность, гдѣ роскошь, тамъ гнусность! — Бѣги, бѣги!

VII.

Сторешниковъ чаще и чаще началъ думать: а что, какъ я въ самомъ дѣлѣ возьму, да женюсь на ней? Съ нимъ произошелъ случай, очень обыкновенный въ жизни не только людей несамостоятельныхъ въ его родѣ, а даже и людей съ независимымъ характеромъ. Даже въ исторіи народовъ: этими случаями наполнены томы Юма и Гиббона, Ранке и Тьерри; люди толкаются, толкаются въ одну сторону, только потому, что не слышатъ слова: «а попробуйте-ко, братцы, толкнуться въ другую», — услышатъ, и начнутъ поворачиваться на-право кру-

гомъ, и пошли толкаться въ другую сторону. Сторешниковъ слышалъ и видѣлъ, что богатые молодые люди пріобрѣтаютъ себѣ хорошенькихъ небогатыхъ дѣвушекъ въ любовницы, — ну, онъ и добивался сдѣлать Вѣрочку своею любовницею: другаго слова не приходило ему въ голову; услышалъ онъ другое слово: «можно жениться», — ну, и сталъ думать на тему «жена», какъ прежде думалъ на тему «любовница».

Это общая черта, по которой Сторешниковъ очень удовлетворительно изображалъ въ своей особѣ девять десятыхъ долей исторіи рода человѣческаго. Но историки и психологи говорятъ, что въ каждомъ частномъ фактѣ общая причина «индивидуализируется» (по ихъ выраженію) мѣстными, временными, племенными и личными элементами, и будто-бы они-то, особенные-то элементы, и важны,—то есть, что всѣ ложки хотя и ложки, но каждый хлебаетъ супъ или щи тою ложкою, которая у него, именно вотъ у него въ рукѣ, и что именно вотъ эту-то ложку надобно разсматривать. Почему не разсмотрѣть.

Главное уже сказала Жюли (точно читала она русскіе романы, которые всѣ объ этомъ упоминаютъ!): сопротивленіе разжигаетъ охоту. Сторешниковъ привыкъ мечтать, какъ онъ будетъ «обладать» Вѣрочкою. Подобно Жюли, я люблю называть грубыя вещи прямыми именами грубаго и пошлаго языка, на которомъ почти всѣ мы почти постоянно думаемъ и говоримъ. Сторешниковъ уже нѣсколько недѣль занимался тѣмъ, что воображалъ себѣ Вѣрочку въ разныхъ позахъ, и хотѣлось ему, чтобы эти картины осуществились. Оказалось, что она не осуществитъ ихъ въ званіи любовницы,—ну, пусть осуществляетъ въ званіи жены; это все равно, главное дѣло не званіе, а позы, то есть обладаніе. О, грязь! о, грязь!—«обладать»—кто смѣетъ обладать человѣкомъ? Обладаютъ халатомъ, туфлями. — Пустяки: почти каждый изъ насъ, мужчинъ, обладаетъ кѣмъ нибудь изъ васъ, наши сестры; опять, пустяки: какія вы намъ сестры? — вы наши лакейки! Иныя изъ васъ, — многія — господствуютъ надъ нами—это ничего: вѣдь и многіе лакеи властвуютъ надъ овцами баранами.

Мысли о позахъ разыгрались въ Сторешниковѣ послѣ театра съ такою силою, какъ еще никогда. Показавши приятелямъ любовницу своей фантазіи, онъ увидѣлъ, что любовница гораздо лучше, чѣмъ онъ думалъ. Вѣдь красоту, все равно, что умъ, что всякое другое достоинство, большинство людей одѣниваетъ

съ точностью только по общему отзыву. Всякій видитъ, что красивое лицо красиво, а до какой именно степени оно красиво, какъ это разберешь, пока рангъ не опредѣленъ дипломомъ? Вѣрочку въ галлереѣ или въ послѣднихъ рядахъ креселъ, конечно, не замѣчали; но когда она явилась въ ложѣ 2-го яруса, на нее было наведено очень много биноклей; а сколько похвалъ ей слышалъ Сторешниковъ, когда, проводивъ ее, отправился въ foйe! а Сержъ? о, это человѣкъ съ самымъ тонкимъ вкусомъ!— а Жюли? — ну, нѣтъ, когда наклевывается такое счастье, тутъ нечего разбирать, подъ какимъ званіемъ «обладать» имъ.

Самолюбіе было раздражено вмѣстѣ съ сладострастіемъ. Но оно было затронуто и съ другой стороны: «она едва-ли пойдетъ за васъ»—какъ? не пойдетъ за него, при такомъ мундирѣ и домѣ? нѣтъ, врешь, француженка, пойдетъ! вотъ пойдетъ же, пойдетъ!

Была и еще одна причина въ томъ же родѣ: мать Сторешникова, конечно, станетъ противиться женитьбѣ—мать въ этомъ случаѣ представительница свѣта,—а Сторешниковъ до сихъ поръ трусилъ матери, и, конечно, тяготился своею зависимостью отъ нея. Для людей безхарактерныхъ очень завлекательна мысль: «я не боюсь; у меня есть характеръ».

Конечно, было и желаніе подвинуться въ своей свѣтской карьерѣ черезъ жену.

А ко всему этому прибавлялось, что вѣдь Сторешниковъ не смѣлъ показаться къ Вѣрочкѣ въ прежней роли, а между тѣмъ такъ и тянетъ посмотрѣть на нее.

Словомъ, Сторешниковъ съ каждымъ днемъ все тверже думалъ жениться, и черезъ недѣлю, когда Марья Алексѣвна, въ воскресенье, вернувшись отъ поздней обѣдни, сидѣла и обдумывала, какъ ловить его, онъ самъ явился съ предложеніемъ. Вѣрочка не выходила изъ своей комнаты, онъ могъ говорить только съ Марьею Алексѣвною. Марья Алексѣвна, конечно, сказала, что она съ своей стороны считаетъ себѣ за большую честь, но, какъ любящая мать, должна узнать мнѣніе дочери и проситъ пожаловать за отвѣтомъ завтра по утру.

— Ну, молодецъ—дѣвка моя Вѣра, говорила мужу Марья Алексѣвна, удивленная такимъ быстрымъ оборотомъ дѣла: — гляди-ко, какъ она забрала молодца-то въ руки! А я думала, думала, не знала, какъ и умъ приложить! думала, много хлопотъ мнѣ будетъ опять его заманить, думала, испорчено все

дѣло, а она, моя голубушка, не портила, а къ доброму концу вела,—знала, какъ надо поступать. Ну, хитра, нечего сказать.

— Господь умудряетъ младенцы,произнесъ Павелъ Константинычъ.

Онъ рѣдко игралъ роль въ домашней жизни. Но Марья Алексѣвна была строгая хранительница добрыхъ преданій, и въ такомъ парадномъ случаѣ, какъ объявленіе дочери о предложеніи, она назначила мужу ту почетную роль, какая по праву принадлежитъ главѣ семейства и владыкѣ. Павелъ Константинычъ и Марья Алексѣвна усѣлись на диванѣ, какъ на торжественнѣйшемъ мѣстѣ, и послали Матрену просить барышню пожаловать къ нимъ.

— Вѣра, началъ Павелъ Константинычъ, — Михаилъ Иванычъ дѣлаетъ намъ честь, проситъ твоей руки. Мы отвѣчали, какъ любящіе тебя родители, что принуждать тебя не будемъ, но что съ одной стороны рады. Ты, какъ добрая и послушная дочь, какою мы тебя всегда видѣли, положишься на нашу опытность, что мы не смѣли отъ Бога молить такого жениха. Согласна, Вѣра?

— Нѣтъ, сказала Вѣрочка.

— Что ты говоришь, Вѣра? закричалъ Павелъ Константинычъ,—дѣло было такъ ясно, что и онъ могъ кричать, не освѣдомившись у жены, какъ ему поступать.

— Съ ума ты сошла, дура? Смѣй повторить, мерзавка-ослушница! закричала Марья Алексѣвна, подымаясь съ кулаками на дочь.

— Позвольте, маменька, сказала Вѣра, вставая: — если вы до меня дотронетесь, я уйду изъ дому, запрете, — брошусь изъ окна. Я знала, какъ вы примете мой отказъ и обдумала, что мнѣ дѣлать. Сядьте и сидите, или я уйду.

Марья Алексѣвна опять усѣлась. — Экая глупость сдѣлана, передняя-то дверь не заперта на ключь! задвижку-то въ одну секунду отодвинетъ — не поймаешь, уйдетъ! вѣдь бѣшеная!

— Я не пойду за него. Безъ моего согласія не станутъ вѣнчать.

— Вѣра, ты съ ума сошла, говорила Марья Алексѣвна задыхающимся голосомъ.

— Какъ же это можно? Что же мы ему скажемъ завтра? говорилъ отецъ.

— Вы не виноваты передъ нимъ, что я несогласна.

Часа два продолжалась сцена. Марья Алексѣвна бѣсилась, двадцать разъ начинала кричать и сжимала кулаки, но Вѣрочка говорила: «не вставайте, или я уйду.» Бились, бились, ничего не могли сдѣлать. Покончилось тѣмъ, что вошла Матрена и спросила, подавать ли обѣдъ—пирогъ уже перестоялся.

— Подумай до вечера, Вѣра, одумайся, дура! сказала Марья Алексѣвна и шепнула что-то Матренѣ.

— Маменька, вы что-то хотите сдѣлать надо мною, вынуть ключь изъ двери моей комнаты, или что нибудь такое. Не дѣлайте ничего: хуже будетъ.

Марья Алексѣвна сказала кухаркѣ: «не надо».—Экой звѣрь какой, Вѣрка-то! Какъ-бы не за рожу ея онъ ее бралъ, въ кровь бы ее всю избить, а теперь какъ тронуть? Изуродуетъ себя, проклятая!

Пошли обѣдать. Обѣдали молча. Послѣ обѣда Вѣрочка ушла въ свою комнату. Павелъ Константинычъ прилегъ, по обыкновенію, соснуть. Но это не удалось ему: только что сталъ онъ дремать, вошла Матрена и сказала, что хозяйскій человѣкъ пришелъ; хозяйка проситъ Павла Константиныча сейчасъ же пожаловать къ ней. — Матрена вся дрожала, какъ осиновый листъ; ей-то какое дѣло дрожать?

VIII.

А какъ же прикажете ей не дрожать, когда черезъ нее сочинилась вся эта бѣда? Какъ только она позвала Вѣрочку къ папенькѣ и маменькѣ, тотчасъ же побѣжала сказать женѣ хозяйкина повара, что «вашъ баринъ сосваталъ нашу барышню;» призвали младшую горничную хозяйки, стали упрекать, что она не по пріятельски себя ведетъ, ничего имъ до сихъ поръ не сказала; младшая горничная не могла взять въ толкъ, за какую скрытность порицаютъ ее—она никогда ничего не скрывала; ей сказали—«я сама ничего не слышала»,—передъ нею извинились, что напрасно ее поклепали въ скрытности; она побѣжала сообщить новость старшей горничной, старшая горничная сказала: «значитъ, это онъ сдѣлалъ потихоньку отъ матери, коли я ничего не слыхала, ужь я все то должна знать, что Анна Петровна знаетъ», и пошла сообщить барынѣ. Вотъ какую исторію надѣлала Матрена! «Язычекъ мой проклятый, много онъ

меня губилъ!»—думала она. Вѣдь дослѣдуетъ Марья Алексѣвна, черезъ кого вышло наружу. Но дѣло пошло такъ, что Марья Алексѣвна забыла дослѣдовать, черезъ кого оно вышло.

Анна Петровна ахала, охала, два раза упала въ обморокъ,—наединѣ со старшею горничною; значитъ, сильно была огорчена, и послала за сыномъ. Сынъ явился.

— Мишель, справедливо ли то, что я слышу? (тономъ гнѣвнаго страданія).

— Что вы слышали, maman?

— То, что ты сдѣлалъ предложеніе этой.... этой.... этой.... дочери нашего управляющаго?

— Сдѣлалъ, maman.

— Не спросивъ мнѣнія матери?

— Я хотѣлъ спросить вашего согласія, когда получу ея.

— Я полагаю, что въ ея согласіи ты могъ быть болѣе увѣренъ, чѣмъ въ моемъ.

— Maman, такъ нынче принято, что прежде узнаютъ о согласіи дѣвушки, потомъ уже говорятъ родственникамъ.

— Это по твоему принято? быть можетъ, по твоему также принято: сыновьямъ хорошихъ фамилій жениться Богъ знаетъ на комъ, а матерямъ соглашаться на это?

— Она, maman, не Богъ-знаетъ-кто; когда вы узнаете ее, вы одобрите мой выборъ.

— «Когда я узнаю ее»! — я никогда не узнаю ее! «одобрю твой выборъ»!—я запрещаю тебѣ всякую мысль объ этомъ выборѣ! слышишь, запрещаю!

— Maman, это не принято нынче; я не маленькій мальчикъ, чтобъ вамъ нужно было водить меня за руку. Я самъ знаю, куда иду.

— Ахъ! Анна Петровна закрыла глаза.

Передъ Марьею Алексѣвною, Жюли, Вѣрочкою Михаилъ Иванычъ пасовалъ, но вѣдь онѣ были женщины съ умомъ и характеромъ; а тутъ, по части ума бой былъ ровный, и если по характеру былъ небольшой перевѣсъ на сторонѣ матери, то у сына была подъ ногами надежная почва; онъ до-сихъ поръ боялся матери, по привычкѣ, но они оба твердо помнили, что вѣдь, по настоящему-то, хозяйка-то не хозяйка, а хозяинова мать, не больше, что хозяйкинъ сынъ не хозяйкинъ сынъ, а хозяинъ. Потому-то хозяйка и медлила рѣшительнымъ словомъ «запрещаю», тянула разговоръ, надѣясь сбить и утомить сына прежде,

тѣмъ дойдетъ до настоящей схватки. Но сынъ зашелъ уже такъ далеко, что нельзя было вернуться, и онъ по необходимости долженъ былъ держаться,

— Maman, увѣряю васъ, что лучшей дочери вы не могли бы имѣть.

— Извергъ! убійца матери!

— Maman, будемте разсуждать хладнокровно. Раньше или позже жениться надобно, а женатому человѣку нужно больше расходовъ, чѣмъ холостому. Я бы могъ, пожалуй, жениться на такой, что всѣ доходы съ дома понадобились бы на мое хозяйство. А она будетъ почтительною дочерью, и мы могли бы жить съ вами, какъ до сихъ поръ.

— Извергъ! убійца мой! уйди съ моихъ глазъ!

— Maman, не сердитесь: я ничѣмъ не виноватъ.

— Женится на какой-то дряни, и не виноватъ.

— Ну, теперь, maman, я самъ уйду. Я не хочу, чтобы при мнѣ называли ее такими именами.

— Убійца мой!—Анна Петровна упала въ обморокъ, а Мишель ушелъ, довольный тѣмъ, что бодро выдержалъ первую сцену, которая важнѣе всего.

Видя, что сынъ ушелъ, Анна Петровна прекратила обморокъ. Сынъ рѣшительно отбивается отъ рукъ! Въ отвѣтъ на «запрещаю!» онъ объясняетъ, что домъ принадлежитъ ему!— Анна Петровна подумала, подумала, излила свою скорбь старшей горничной, которая въ этомъ случаѣ совершенно раздѣляла чувства хозяйки по презрѣнію къ дочери управляющаго, посовѣтовалась съ нею и послала за управляющимъ.

— Я была до сихъ поръ очень довольна вами, Павелъ Константинычъ; но теперь, интриги, въ которыхъ вы, можетъ быть, и не участвовали, могутъ заставить меня поссориться съ вами.

— Ваше превосходительство, я ни въ чемъ тутъ не виноватъ, Богъ свидѣтель.

— Мнѣ давно было извѣстно, что Мишель волочится за вашей дочерью. Я не мѣшала этому, потому что молодому человѣку нельзя же жить безъ развлеченій. Я снисходительна къ шалостямъ молодыхъ людей. Но я не потерплю униженія своей фамиліи. Какъ ваша дочь осмѣлилась забрать себѣ въ голову такіе виды?

— Ваше превосходительство, она не осмѣливалась имѣть та-

кихъ видовъ. Она почтительная дѣвушка, мы ее воспитали въ уваженіи.

— То есть, что это значитъ?

— Она, ваше превосходительство, противъ вашей воли никогда не посмѣетъ.

Анна Петровна ушамъ своимъ не вѣрила. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такое благополучіе?

— Вамъ должна быть извѣстна моя воля... Я не могу согласиться на такой странный, можно сказать, непреличный бракъ.

— Мы это чувствуемъ, ваше превосходительство, и Вѣрочка чувствуетъ. Она такъ и сказала: я не смѣю, говоритъ, противъ ихъ превосходительство.

— Какъ же это было?

— Такъ было, ваше превосходительство, что Михаилъ Ивановичъ выразили свое намѣреніе моей женѣ, а жена сказала имъ, что я вамъ, Михаилъ Ивановичъ, ничего не скажу до завтрего утра, а мы съ женою были намѣрены, ваше превосходительство, явиться къ вамъ и доложить обо всемъ, потому что какъ въ теперешнее позднее время не осмѣливались тревожить ваше превосходительство. А когда Михаилъ Ивановичъ ушли, мы сказали Вѣрочкѣ, и она говоритъ: я съ вами, папенька и маменька, совершенно согласна, что намъ объ этомъ думать не слѣдуетъ.

— Такъ она благоразумная и честная дѣвушка?

— Какъ же, ваше превосходительство, почтительная дѣвушка!

— Ну, я этому очень рада, что мы можемъ остаться съ вами въ дружбѣ. Я награжу васъ за это. Теперь же готова наградить. По парадной лѣстницѣ, гдѣ живетъ портной, квартира во 2-мъ этажѣ вѣдь свободна?

— Черезъ три дня освободится, ваше превосходительство.

— Возьмите ее себѣ. Можете израсходовать до ста рублей на отдѣлку. Прибавляю вамъ и жалованья 240 р. въ годъ.

— Позвольте попросить ручку у вашего превосходительства!

— Хорошо, хорошо. Татьяна!—Вошла старшая горничная.— Найди мое синее бархатное пальто. Это я дарю вашей женѣ. Оно стоитъ 150 р., (85 р.) я его только 2 раза (гораздо болѣе 20) надѣвала. Это я дарю вашей дочери,—Анна Петровна подала управляющему очень маленькіе дамскіе часы,—я за нихъ заплатила 300 р. (120 р.). Я умѣю награждать, и впередъ не забуду. Я снисходительна къ шалостямъ молодыхъ людей.

Отпустивъ управляющаго, Анна Петровна опять кликнула Татьяну. — Попросить ко мнѣ Михаила Иваныча, — или нѣтъ, лучше я сама пойду къ нему. — Она побоялась, что посланница передастъ лакею сына, а лакей сыну содержаніе извѣстій, сообщенныхъ управляющимъ, и букетъ выдохнется, не такъ шибкетъ сыну въ носъ отъ ея словъ.

Михаилъ Иванычъ лежалъ, и не безъ нѣкотораго довольства покручивалъ усы.—«Это еще зачѣмъ пожаловала сюда-то? Вѣдь у меня нѣтъ нюхательныхъ спиртовъ отъ обмороковъ», думалъ онъ, вставая при появленіи матери. Но онъ увидѣлъ на ея лицѣ презрительное торжество.

Она сѣла, сказала: — «Садитесь, Михаилъ Иванычъ, и мы поговоримъ»,—и долго смотрѣла на него съ улыбкою; наконецъ, произнесла: — Я очень довольна, Михаилъ Иванычъ; отгадайте, чѣмъ я довольна?

— Я не знаю, что и подумать, maman; вы такъ странно...

— Вы увидите, что нисколько не странно; подумайте, можетъ быть, и отгадаете.

Опять долгое молчаніе. Онъ теряется въ недоумѣніяхъ, она наслаждается торжествомъ.

— Вы не можете отгадать,—я вамъ скажу. Это очень просто и натурально; если бы въ васъ была искра благороднаго чувства, вы отгадали бы. Ваша любовница,—въ прежнемъ разговорѣ Анна Петровна лавировала, теперь ужъ нечего было лавировать: у непріятеля отнято средство побѣдить ее, — ваша любовница, — не возражайте, Михаилъ Иванычъ, вы сами повсюду разглашали, что она ваша любовница, — это существо низкаго происхожденія, низкаго воспитанія, низкаго поведенія, — даже это презрѣнное существо...

— Maman, я не хочу слушать такихъ выраженій о дѣвушкѣ, которая будетъ моею женою.

— Я и не употребляла бъ ихъ, если бы полагала, что она будетъ вашею женою. Но я и начала съ тою цѣлью, чтобы объяснить вамъ, что этого не будетъ, и почему не будетъ. Дайте же мнѣ докончить. Тогда вы можете свободно порицать меня за тѣ выраженія, которыя тогда останутся неумѣстны по вашему мнѣнію, но теперь дайте мнѣ докончить. Я хочу сказать, что ваша любовница, это существо безъ имени, безъ воспитанія, безъ поведенія, безъ чувства,—даже она пристыдила васъ, даже она поняла все неприличіе вашего намѣренія.....

— Что? Что такое, maman? говорите же!

— Вы сами задерживаете меня. Я хотѣла сказать, что даже она,—понимаете ли, даже она! — умѣла понять и оцѣнить мои чувства, даже она, узнавши отъ матери о вашемъ предложеніи, прислала своего отца сказать мнѣ, что не возстанетъ противъ моей воли и не обезчеститъ нашей фамиліи своимъ замараннымъ именемъ.

— Маman, вы обманываете?

— Къ моему и вашему счастью, нѣтъ. Она говоритъ, что...

Но Михаила Иваныча уже не было въ комнатѣ, онъ уже накидывалъ шинель.

— Держи его, Петръ, держи его! закричала Анна Петровна. Петръ разинулъ ротъ отъ такого чрезвычайнаго распоряженія, а Михаилъ Иванычъ уже сбѣгалъ по лѣстницѣ.

IX.

— Ну, что? спросила Марья Алексѣвна входящаго мужа.

— Отлично, матушка; она ужь узнала и говоритъ: какъ вы осмѣливаетесь? а я говорю: мы не осмѣливаемся, ваше превосходительство, и Вѣрочка ужь отказала.

— Что? что? Ты такъ съ дуру-то и бухнулъ, оселъ?

— Марья Алексѣвна...

— Оселъ! подлецъ! убилъ! зарѣзалъ! Вотъ же тебѣ! — мужъ получилъ пощочину. — Вотъ же тебѣ! — другая пощочина. — Вотъ какъ тебя надобно учить, дурака! — Она схватила его за волоса и начала таскать. Урокъ продолжался не мало времени, потому что Сторешниковъ, послѣ длинныхъ паузъ и назиданій матери, вбѣжавшій въ комнату, засталъ Марью Алексѣвну еще въ полномъ жару преподаванія.

— Оселъ, и дверь-то не заперъ, — въ какомъ видѣ чужіе люди застаютъ! стыдился бы, свинья ты этакая! только и нашлась сказать Марья Алексѣвна.

— Гдѣ Вѣра Павловна? Мнѣ нужно видѣть Вѣру Павловну, сейчасъ же! неужели она отказываетъ?

Обстоятельства были такъ трудны, что Марья Алексѣвна только махнула рукою. То же самое случилось и съ Наполеономъ послѣ Ватерлооской битвы, когда маршалъ Груши оказался глупъ, какъ Павелъ Константинычъ, а Лафайетъ сталъ буя-

нить, какъ Вѣрочка: Наполеонъ тоже бился, бился, совершалъ чудеса искусства, — и остался ни при чемъ, и могъ только махнуть рукой и сказать: отрекаюсь отъ всего, дѣлай, кто хочетъ, что хочетъ, и съ собою, и со мною.

— Вѣра Павловна! Вы отказываете мнѣ?

— Судите сами, могу ли не отказать вамъ.

— Вѣра Павловна! я жестоко оскорбилъ васъ, я виноватъ, достоинъ казни, но не могу перенести вашего отказа — и такъ дальше, и такъ дальше.

Вѣрочка слушала его нѣсколько минутъ; наконецъ, пора же прекратить — это тяжело:

— Нѣтъ, Михаилъ Иванычъ, довольно; перестаньте. Я не могу согласиться.

— Но если такъ, я прошу у васъ одной пощады: вы теперь еще слишкомъ живо чувствуете, какъ я оскорбилъ васъ... не давайте мнѣ теперь отвѣта, оставьте мнѣ время заслужить ваше прощеніе! Я кажусь вамъ низокъ, подлъ, но посмотрите, быть можетъ, я исправляюсь, я употреблю всѣ силы на то, чтобъ исправиться! помогите мнѣ, не отталкивайте меня теперь, дайте мнѣ время, я буду во всемъ слушаться васъ! вы увидите, какъ я покоренъ; быть можетъ, вы увидите во мнѣ и что нибудь хорошее, дайте мнѣ время.

— Мнѣ жаль васъ, сказала Вѣрочка: — я вижу искренность вашей любви (Вѣрочка, это еще вовсе не любовь, это смѣсь разной гадости съ разной дрянью, — любовь не то; не всякій хочетъ любить женщину, кому непріятно получить отъ нея отказъ, — любовь вовсе не то, — но Вѣрочка еще не знаетъ этого, и растрогана), — вы хотите, чтобъ я не давала вамъ отвѣта — извольте. Но предупреждаю васъ, что отсрочка ни къ чему не поведетъ: я никогда не дамъ вамъ другаго отвѣта, кромѣ того, какой дала нынче.

— Я заслужу, заслужу другой отвѣтъ, вы спасаете меня! — онъ схватилъ ея руку и сталъ цаловать.

Марья Алексѣвна вошла въ комнату, и въ порывѣ чувства хотѣла благословить милыхъ дѣтей безъ формальности, то есть безъ Павла Константиныча, потомъ позвать его и благословить парадно. Сторешниковъ разбилъ половину ея радости, объяснивъ ей съ поцалуями, что Вѣра Павловна, хотя и не согласилась, но и не отказала, а отложила отвѣтъ. Плохо, но все-таки хорошо сравнительно съ тѣмъ, что было.

Стороженковъ возвратился домой съ побѣдою. Опять явился на сцену домъ, и опять Аннѣ Петровнѣ приходилось только падать въ обмороки.

Марья Алексѣвна рѣшительно не знала, что и думать о Вѣрочкѣ. Дочь и говорила, и какъ будто бы поступала рѣшительно противъ ея намѣреній. Но выходило то, что дочь побѣдила всѣ трудности, съ которыми не могла сладить Марья Алексѣвна. Если судить по ходу дѣла, то оказывалось: Вѣрочка хочетъ того же, чего и она, Марья Алексѣвна, только, какъ ученая и тонкая штука, обработываетъ свою матерію другимъ манеромъ. Но если такъ, зачѣмъ же она не скажетъ Марьѣ Алексѣвнѣ: матушка, я хочу одного съ вами, будьте спокойны! или ужъ она такъ озлоблена на мать, что и то самое дѣло, въ которомъ обѣ должны бы дѣйствовать за одно, она хочетъ вести безъ матери? Что она медлитъ отвѣтомъ, это понятно для Марьи Алексѣвны: она хочетъ совершенно вышколить жениха, такъ чтобъ онъ безъ нея дохнуть не смѣлъ, и вынудить покорность у Анны Петровны. Очевидно, она хитрѣе самой Марьи Алексѣвны. Когда Марья Алексѣвна размышляла, размышленія приводили ее именно къ такому взгляду. Но глаза и уши постоянно свидѣтельствовали противъ него. А между тѣмъ, какъ же быть, если онъ и ошибочекъ, если дочь дѣйствительно не хочетъ идти за Стороженкова? Она такой звѣрь, что не извѣстно, какъ ее укротить. По всей вѣроятности, негодная Вѣрка не хочетъ выходить замужъ,—это даже несомнѣнно,—здравый смыслъ былъ слишкомъ силенъ въ Марьѣ Алексѣвнѣ, чтобы обольститься хитрыми ея же собственными раздумьями о Вѣрочкѣ, какъ о тонкой интриганткѣ; но эта дѣвчонка устроиваетъ все такъ, что если выйдетъ (а чортъ ее знаетъ, что у ней на умѣ, можетъ быть и это!), то дѣйствительно уже будетъ полной госпожей и надъ мужемъ, и надъ его матерью, и надъ домомъ, — что жь остается? Ждать и смотрѣть, — больше ничего нельзя. Теперь Вѣрка еще не хочетъ, а попривыкнетъ, путя и захочетъ,—ну, и припугнуть можно будетъ... только во время! а теперь, надо только ждать, когда придетъ это время. Марья Алексѣвна и ждала. Но соблазнительна была для нея мысль, осуждаемая ея здравымъ смысломъ, что Вѣрка ведетъ дѣло къ свадьбѣ. Все, кромѣ словъ и поступковъ Вѣрочки, подтверждало эту мысль: женихъ былъ шелковый. Мать жениха боролась недѣли три, но сынъ побивалъ ее домомъ, и она стала смиряться. Выразила желаніе познакомиться съ Вѣрочкой, —

Вѣрочка не отправилась къ ней. Въ первую минуту, Марья Алексѣвна подумала, что если бъ она была на мѣстѣ Вѣрочки, она поступила бы умнѣе, отправилась бы, но подумавъ, поняла, что не отправляться — гораздо умнѣе. О, это хитрая штука! — и точно: недѣли черезъ двѣ, Анна Петровна зашла сама, подъ предлогомъ посмотрѣть новую отдѣлку новой квартиры, была холодна, язвительно любезна; Вѣрочка послѣ двухъ-трехъ ея колкихъ фразъ ушла въ свою комнату; пока она не ушла, Марья Алексѣвна не думала, что нужно уйти, думала, что нужно отвѣчать колкостями на колкости, но когда Вѣрочка ушла, Марья Алексѣвна сейчасъ поняла: да, уйти лучше всего, — пусть ее допекаетъ сынъ, это лучше! Недѣли черезъ двѣ, Анна Петровна опять зашла, и уже не выставляла предлоговъ для посѣщенія, сказала просто, что зашла извѣстить, и при Вѣрочкѣ не говорила колкостей.

Такъ шло время. Женихъ дѣлалъ подарки Вѣрочкѣ; они дѣлались черезъ Марью Алексѣвну и, конечно, оставались у ней, подобно часамъ Анны Петровны, впрочемъ, не всѣ; иные, которые подешевле, Марья Алексѣвна отдавала Вѣрочкѣ подъ именемъ вещей, оставшихся невыкупленными въ залогѣ: надобно же было, чтобы женихъ видѣлъ хоть нѣкоторыя изъ своихъ вещей на невѣстѣ. Онъ видѣлъ и убѣждался, что Вѣрочка рѣшилась согласиться — иначе не принимала бы его подарковъ; почему же она медлитъ? онъ самъ понималъ, и Марья Алексѣвна указывала, почему: она ждетъ, пока совершенно объѣздится Анна Петровна... И онъ съ удвоеннымъ усердіемъ гонялъ на корду свою родительницу, — занятіе, доставлявшее ему не мало удовольствія.

Такимъ образомъ, Вѣрочку оставляли въ покоѣ, смотрѣли ей въ глаза. Эта собачья угодливость была ей гадка, она старалась какъ можно меньше быть съ матерью. Мать перестала осмѣливаться входить въ ея комнату, и когда Вѣрочка сидѣла тамъ, то есть, почти круглый день, ее не тревожили. Михайлу Ивановичу дозволяла она иногда заходить и въ ея комнату. Онъ былъ съ нею послушенъ, какъ ребенокъ; она велѣла ему читать, — онъ читалъ усердно, будто готовился къ экзамену; толку изъ чтенія извлекалъ мало, но все-таки кое-какой толкъ извлекалъ; она старалась помогать ему разговорами, — разговоры были ему понятнѣе книгъ, и онъ дѣлалъ кое-какіе успѣхи, медленные, очень маленькіе, но все-таки дѣлалъ. Онъ ужъ началъ нѣсколько

приличіе прежняго обращаться съ матерью, сталъ предпочитать гоняньи на кордѣ простое держанье въ уздѣ.

Такъ прошло три-четыре мѣсяца. Было перемиріе, было спокойствіе, но съ каждымъ днемъ могла разразиться гроза, и у Вѣрочки замирало сердце отъ тяжелаго ожиданія — не нынче, такъ завтра, или Михаилъ Иванычъ, или Марья Алексѣвна приступятъ съ требованіемъ согласія,—вѣдь не вѣкъ же они будутъ терпѣть. Если бы я хотѣлъ сочинять эффектныя столкновенія, я бъ и далъ этому положенію трескучую развязку; но ея не было на дѣлѣ; если бъ я хотѣлъ заманивать неизвѣстностью, я бы не сталъ говорить теперь же, что ничего подобнаго не произошло; но я пишу безъ уловокъ, и потому впередъ говорю: трескучаго столкновенія не будетъ, положеніе развяжется безъ бурь, безъ громовъ и молній.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ И ЗАКОННЫЙ БРАКЪ.

I.

Извѣстно, какъ въ прежнія времена оканчивались подобныя положенія: отличная дѣвушка въ гадкомъ семействѣ; насильно навязываемый женихъ пошлый человѣкъ, который ей не нравится, который самъ по себѣ былъ дрянноватымъ человѣкомъ, и становился бы чѣмъ дальше, тѣмъ дряннѣе, но, насильно держась подлѣ нея, подчиняется ей и по немногу становится похожъ на человѣка такъ-себѣ, не хорошаго, но и не дурнаго. Дѣвушка начинала тѣмъ, что не пойдетъ за него; но постепенно привыкала имѣть его подъ своею командою и, убѣждаясь, что изъ двухъ золъ — такого мужа и такого семейства, какъ ея родное, мужъ зло меньшее, осчастливливала своего поклонника; сначала было ей гадко, когда она узнавала, что такое значитъ осчастливливать безъ любви; но мужъ былъ послушенъ; стерпится — слюбится, и она обращалась въ обыкновенную хорошую даму, то есть женщину, которая сама-то по себѣ и хороша, но примирилась съ пошлостью и, живя на землѣ, только коптитъ небо.—Такъ бывало прежде съ отличными дѣвушками, такъ бывало прежде и съ отличными юношами, которые всѣ

обращались въ хорошихъ людей, живущихъ на землѣ тоже только затѣмъ, чтобы коптить небо. Такъ бывало прежде, потому что порядочныхъ людей было слишкомъ мало: такіе, видно, были урожаи на нихъ въ прежнія времена, что росъ «колосъ отъ колоса, не слыхать и голоса». А вѣкъ не проживешь ни одинокою, ни одинокимъ, не зачахнувши, — вотъ, они и чахли, или примирялись съ пошлостью.

Но теперь, чаще и чаще стали другіе случаи: порядочные люди стали встрѣчаться между собою. Да и какъ же не случаться этому все чаще и чаще, когда число порядочныхъ людей ростетъ съ каждымъ новымъ годомъ? А со временемъ, это будетъ самымъ обыкновеннымъ случаемъ, а еще со временемъ, и не будетъ бывать другихъ случаевъ, потому что всѣ люди будутъ порядочные люди. Тогда будетъ очень хорошо.

Вѣрочкѣ и теперь хорошо. Я потому и разсказываю (съ ея согласія) ея жизнь, что, сколько я знаю, она одна изъ первыхъ женщинъ, жизнь которыхъ устроилась хорошо. Первые случаи имѣютъ историческій интересъ. Первая ласточка очень интересуетъ сѣверныхъ жителей.

Случай, съ котораго стала устроиваться ея жизнь хорошо, былъ такого рода. Надобно стало готовить въ гимназію маленькаго брата Вѣрочки. Отецъ сталъ спрашивать у сослуживцевъ дешеваго учителя. Одинъ изъ сослуживцевъ рекомендовалъ ему медицинскаго студента Лопухова.

Разъ пять или шесть Лопуховъ былъ на своемъ новомъ урокѣ, прежде чѣмъ Вѣрочка и онъ увидѣли другъ друга. Онъ сидѣлъ съ Ѳедею въ одномъ концѣ квартиры, она въ другомъ концѣ, въ своей комнатѣ. Но дѣло подходило къ экзаменамъ въ академіи; онъ перенесъ уроки съ утра на вечеръ, потому что по утрамъ ему нужно заниматься, и когда пришелъ вечеромъ, то засталъ все семейство за чаемъ.

На диванѣ сидѣли лица знакомыя: отецъ, мать ученика, подлѣ матери, на стулѣ, ученикъ, а нѣсколько поодаль лицо незнакомое — высокая стройная дѣвушка, довольно смуглая, съ черными волосами — «густые, хорошіе волоса» — съ черными глазами—«глаза хорошіе, даже очень хорошіе» — съ южнымъ типомъ лица, — «какъ будто изъ Малороссіи; пожалуй, скорѣе даже кавказскій типъ; ничего, очень красивое лицо, только очень холодное, это ужь не по южному; здоровье хорошее: насъ, медиковъ, поубавилось бы, если бы такой былъ народъ! да,

румянецъ здоровый, и грудь широкая, — не познакомится со стетоскопомъ. Когда войдетъ въ свѣтъ, будетъ производить эффектъ. А впрочемъ, не интересуюсь».

И она посмотрѣла на вошедшаго учителя. Студентъ былъ уже не юноша, человѣкъ средняго роста, или нѣсколько повыше средняго, съ темными каштановыми волосами, съ правильными, даже красивыми чертами лица, съ гордымъ и смѣлымъ видомъ— «не дуренъ и, должно быть, добръ, только слишкомъ серьёзенъ».

Она не прибавила въ мысляхъ: «а впрочемъ, не интересуюсь», потому что и вопроса не было, станетъ ли она имъ интересоваться. Развѣ Ѳедя не говорилъ ей столько, что скучно стало и слушать? — «Онъ, сестрица, добрый, только не разговорчивый. А я ему, сестрица, сказалъ, что вы у насъ красавица, а онъ, сестрица, сказалъ: «ну такъ что же?» а я, сестрица, сказалъ: да вѣдь красавицъ всѣ любятъ, а онъ сказалъ: «всѣ глупые любятъ», а я сказалъ: а развѣ вы ихъ не любите? а онъ сказалъ: «мнѣ некогда». — А я ему, сестрица, сказалъ: такъ вы съ Вѣрочкою не хотите познакомиться? а онъ сказалъ: «у меня и безъ нея много знакомыхъ».—Это все наболталъ Ѳедя вскорѣ послѣ перваго же урока, и потомъ болталъ все въ томъ же родѣ, съ разными такими прибавленіями: «а я ему, сестрица, нынче сказалъ, что на васъ всѣ смотрятъ, когда вы гдѣ бываете, а онъ, сестрица, сказалъ: «ну, и прекрасно»; а я ему сказалъ: а вы на нее не хотите посмотрѣть? а онъ сказалъ: «еще увижу». — Или, потомъ: «а я ему, сестрица, сказалъ, какія у васъ ручки маленькія, а онъ, сестрица, сказалъ: «вамъ болтать хочется, такъ развѣ не о чемъ другомъ, полюбопытнѣе».

И учитель узналъ отъ Ѳеди все, что требовалось узнать о сестрицѣ; онъ останавливалъ Ѳедю отъ болтовни о семейныхъ дѣлахъ, да какъ вы помѣшаете девятилѣтнему ребенку выболтать вамъ все, если не запугаете его? на пятомъ словѣ вы успѣваете перервать его, но ужь поздно,—вѣдь дѣти начинаютъ безъ приступа, прямо съ сущности дѣла; и въ перемежку съ другими объясненіями всякихъ другихъ семейныхъ дѣлъ, учитель слышалъ такія начала рѣчей: «А у сестрицы женихъ-то богатый! А маменька говоритъ: женихъ-то глупый!» «А ужь маменька какъ за женихомъ-то ухаживаетъ!» «А маменька говоритъ: сестрица ловко жениха поймала!» «А маменька говоритъ: я хитра, а Вѣрочка хитрѣе меня!» «А маменька говоритъ: мы женихову-то мать изъ дому выгонимъ», и такъ дальше.

Натурально, что, при такихъ свѣдѣніяхъ другъ о другѣ, молодые люди имѣли мало охоты знакомиться. Впрочемъ, мы знаемъ пока только, что это было натурально со стороны Вѣрочки: она не стояла на той степени развитія, чтобы стараться «побѣждать дикарей» и «сдѣлать этого медвѣдя ручнымъ», — да и не до того ей было: она рада была, что ее оставляютъ въ покоѣ; она была разбитый, измученный человѣкъ, которому какъ-то посчастливилось прилечь такъ, что сломанная рука затихла, и боль въ боку не слышна, и который боится пошевельнуться, чтобъ не возобновилась прежняя ломота во всѣхъ составахъ. Куда ужь ей пускаться въ новыя знакомства, да еще съ молодыми людьми?

Да, Вѣрочка такъ; ну, а онъ? Дикарь онъ, судя по словамъ Ѳеди, и голова его набита книгами, да анатомическими препаратами, составляющими самую милую пріятность, самую сладостнѣйшую пищу души для хорошаго медицинскаго студента. Или Ѳедя навралъ на него?

II.

Нѣтъ, Ѳедя не навралъ на него; Лопуховъ, точно, былъ такой студентъ, у котораго голова набита книгами, — какими, это мы увидимъ, изъ библіографическихъ изслѣдованій Марьи Алексѣевны, и анатомическими препаратами: не набивши голову препаратами, нельзя быть профессоромъ, а Лопуховъ разсчитывалъ на это. Но такъ какъ мы видимъ, что изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Ѳедею о Вѣрочкѣ, Лопуховъ не слишкомъ-то хорошо узналъ ее, слѣдовательно и свѣдѣнія, которыя сообщены Ѳедею объ учителѣ, надобно пополнить, чтобы хорошо узнать Лопухова.

По денежнымъ своимъ дѣламъ, Лопуховъ принадлежалъ къ тому очень малому меньшинству медицинскихъ вольнослушающихъ, то есть, не живущихъ на казенномъ содержаніи, студентовъ, которое не голодаетъ и не холодаетъ. Какъ и чѣмъ живетъ огромное большинство ихъ — это Богу, конечно, извѣстно, а людямъ непостижимо. Но нашъ разсказъ не хочетъ заниматься людьми, нуждающимися въ съѣстномъ продовольствіи; потому онъ упомянетъ лишь въ двухъ-трехъ словахъ о времени, когда Лопуховъ находился въ такомъ неприличномъ состояніи.

Да и находился-то онъ въ немъ недолго, — года три, даже меньше. До медицинской академіи питался онъ въ изобиліи. Отецъ его, рязанскій мѣщанинъ, жилъ, по мѣщанскому званію, достаточно, то есть его семейство имѣло щи съ мясомъ не по однимъ воскресеньямъ, и даже пило чай каждый день. Содержать сына въ гимназіи онъ кое-какъ могъ; впрочемъ, съ 15 лѣтъ, сынъ самъ облегчалъ это кое-какими уроками. Для содержанія сына въ Петербургѣ, рессурсы отца были неудовлетворительны; впрочемъ, въ первые два года, Лопуховъ получалъ изъ дому рублей по 35 въ годъ, да еще почти столько же доставалъ перепискою бумагъ по вольному найму въ одномъ изъ кварталовъ выборгской части, — только вотъ въ это-то время, онъ и нуждался. Да и то былъ самъ виноватъ: его было приняли на казенное содержаніе, но онъ завелъ какую-то ссору, и долженъ былъ удалиться на подножный кормъ. Когда онъ былъ въ третьемъ курсѣ, дѣла его стали поправляться: помощникъ квартальнаго надзирателя предложилъ ему уроки, потомъ стали находиться другіе уроки, и вотъ уже два года пересталъ нуждаться, и больше года жилъ на одной квартирѣ, но не въ одной, а въ двухъ разныхъ комнатахъ, — значитъ, не бѣдно, — съ другимъ такимъ же счастливцемъ, Кирсановымъ. Они были величайшіе друзья. Оба рано привыкли пробивать себѣ дорогу своей грудью, не имѣя никакой поддержки; да и вообще, между ними было много сходства, такъ что, если бы ихъ встрѣчать только порознь, то оба они казались бы людьми одного характера. А когда вы видѣли ихъ вмѣстѣ, то замѣчали, что хоть оба они люди очень солидные и очень открытые, но Лопуховъ нѣсколько сдержаннѣе, его товарищъ—нѣсколько экспансивнѣе. Мы теперь видимъ только Лопухова, Кирсановъ явится гораздо позднѣе, а врозь отъ Кирсанова о Лопуховѣ можно замѣтить только то, что надобно было бы повторять и о Кирсановѣ. Напримѣръ, Лопуховъ больше всего былъ теперь занятъ тѣмъ, какъ устроить свою жизнь по окончаніи курса, до котораго оставалось ему лишь нѣсколько мѣсяцевъ, какъ и Кирсанову, а планъ будущности былъ у нихъ обоихъ одинаковый.

Лопуховъ положительно зналъ, что будетъ ординаторомъ (врачомъ) въ одномъ изъ петербургскихъ военныхъ госпиталей— это считается большимъ счастьемъ,—и скоро получитъ каѳедру въ Академіи. Практикой онъ не хотѣлъ заниматься. Это черта любопытная; въ послѣднія лѣтъ десять стала являться между

нѣкоторыми лучшими изъ медицинскихъ студентовъ рѣшимость не заниматься, по окончаніи курса, практикою, которая одна даетъ медику средства для достаточной жизни, и при первой возможности бросить медицину для какой нибудь изъ ея вспомогательныхъ наукъ—для физіологіи, химіи, чего нибудь подобнаго. А вѣдь каждый изъ этихъ людей знаетъ, что, занявшись практикою, онъ имѣлъ бы въ 30 лѣтъ громкую репутацію, въ 35 лѣтъ обезпеченіе на всю жизнь, въ 45 — богатство. Но они разсуждаютъ иначе: видите ли, медицина находится теперь въ такомъ младенчествующемъ состояніи, что нужно еще не лечить, а только подготовлять будущимъ врачамъ матеріалы для умѣнья лечить. И вотъ они, для пользы любимой науки, — они ужасные охотники бранить медицину, только посвящаютъ всѣ свои силы ея пользѣ, — они отказываются отъ богатства, даже отъ довольства, и сидятъ въ госпиталяхъ, дѣлая, видите ли, интересныя для науки наблюденія, рѣжутъ лягушекъ, вскрываютъ сотни труповъ ежегодно, и при первой возможности обзаводятся химическими лабораторіями. Съ какою степенью строгости исполняютъ они эту высокую рѣшимость, зависитъ, конечно, отъ того, какъ устраивается ихъ домашняя жизнь: если не нужно для близкихъ имъ, они такъ и не начинаютъ заниматься практикою, то есть, оставляютъ себя почти въ нищетѣ; но если заставляетъ семейная необходимость, то обзаводятся практикою на столько, на сколько нужно для семейства, то есть въ очень небольшомъ размѣрѣ, и лечатъ лишь людей, которые дѣйствительно больны и которыхъ дѣйствительно можно лечить при нынѣшнемъ еще жалкомъ положеніи науки, то есть, больныхъ вовсе не выгодныхъ. Вотъ къ этимъ-то людямъ принадлежали Лопуховъ и Кирсановъ. Они должны были въ томъ году кончить курсъ и объявили, что будутъ держать (или, какъ говорится въ Академіи: сдавать) экзаменъ прямо на степень доктора медицины; теперь они оба работали для докторскихъ диссертацій и уничтожали громадное количество лягушекъ; оба они выбрали своею спеціальностью нервную систему, и, собственно говоря, работали вмѣстѣ; но для диссертаціонной формы, работа была раздѣлена: одинъ вписывалъ въ матеріалы для своей диссертаціи факты, замѣчаемыя обоими по одному вопросу, другой по другому.

Однако, пора же наконецъ говорить объ одномъ Лопуховѣ. Было время, онъ порядкомъ кутилъ; это было, когда онъ сидѣлъ безъ чаю, иной разъ безъ сапогъ. Такое время очень бла-

пріятно для кутежа не только со стороны готовности, но и со стороны возможности: пить дешевле, чѣмъ ѣсть и одѣваться. Но кутежъ былъ слѣдствіемъ тоски отъ невыносимой нищеты, не больше. Теперь, давно уже не было человѣка, который велъ бы болѣе строгую жизнь, — и не въ отношеніи къ одному вину. Въ старину, у Лопухова было довольно много любовныхъ приключеній. Однажды, напримѣръ, произошла такая исторія, что онъ влюбился въ заѣзжую танцовщицу. Какъ тутъ быть? онъ подумалъ, подумалъ, да и отправился къ ней на квартиру. — «Что вамъ угодно»? — «Прислалъ отъ графа такого-то съ письмомъ». — Студенческій мундиръ былъ безъ затрудненія принятъ слугою за писарскій или какой нибудь особенный деньщицкій. — «Давайте письмо. Отвѣта будете ждать»? — «Графъ приказалъ ждать». Слуга возвратился въ удивленіи. — «Велѣли васъ позвать къ себѣ». — «Такъ вотъ онъ, вотъ онъ! Причтъ мнѣ всегда такъ, что даже изъ уборной различаю его голосъ. Много разъ отводили васъ въ полицію за неистовства въ мою честь»? — «Два раза». — «Мало. Ну, зачѣмъ вы здѣсь?» — «Видѣть васъ». — «Прекрасно. А что дальше»? — «Не знаю. Что хотите». — «Ну, я знаю, что хочу. Я хочу завтракать. Вводите, приборъ на столѣ. Садитесь и вы». — Подали другой приборъ. Она смѣялась надъ нимъ, онъ смѣялся надъ собою. Онъ молодъ, недуренъ собою, неглупъ, — да и оригинально, — почему не подурачиться съ нимъ? Дурачилась съ нимъ недѣли двѣ, потомъ сказала: «убирайтесь!» — «Да я ужъ и самъ хотѣлъ, да неловко было!» — «Значитъ, разстаемся друзьями»? — Обнялись еще разъ, и отлично. — Но это было давно, года три назадъ, а теперь, года два ужъ, онъ бросилъ всякія шалости.

Кромѣ товарищей, да двухъ—трехъ профессоровъ, предвидѣвшихъ въ немъ хорошаго дѣятеля науки, онъ видѣлся только съ семействами, въ которыхъ давалъ уроки. Но съ этими семействами онъ только видѣлся: онъ какъ огня боялся фамильярности и держалъ себя очень сухо, холодно со всѣми лицами въ нихъ, кромѣ своихъ маленькихъ учениковъ и учениць.

III.

Итакъ, Лопуховъ вошелъ въ комнату, увидѣлъ общество, сидѣвшее за чайнымъ столомъ, въ томъ числѣ и Вѣрочку; ну, ко-

вечно, и общество увидѣло, въ томъ числѣ и Вѣрочка увидѣла, что въ комнату вошелъ учитель.

— Прошу садиться, сказала Марья Алексѣвна: — Матрена, дай еще стаканъ.

— Если это для меня, то благодарю васъ: я не буду пить.

— Матрена, не нужно стакана. (Благовоспитанный молодой человѣкъ!). Почему же не будете? Выкушали бы.

Онъ смотрѣлъ на Марью Алексѣвну, но тутъ, какъ нарочно, взглянулъ на Вѣрочку, — а можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ нарочно? Можетъ быть, онъ замѣтилъ, что она слегка пожала плечами? «А вѣдь онъ увидѣлъ, что я покраснѣла».

— Благодарю васъ, я пью чай только дома.

«Однакоже онъ вовсе не такой дикарь, онъ вошелъ и поклонился легко, свободно», — замѣчается про себя на одной сторонѣ стола. — «Однакожь, если она и испорченная дѣвушка, то, по крайней мѣрѣ, стыдится пошлостей матери», замѣчается на другой сторонѣ стола.

Но Ѳедя скоро кончилъ чай и отправился учиться. Такимъ образомъ, важнѣйшій результатъ вечера былъ только тотъ, что Марья Алексѣвна составила себѣ выгодное мнѣніе объ учителѣ, видя, что ея сахарница, вѣроятно, не будетъ терпѣть большаго ущерба отъ перенесенія уроковъ съ утра на вечеръ.

Черезъ два дня, учитель опять нашелъ семейство за чаемъ, и опять отказался отъ чаю и тѣмъ окончательно успокоилъ Марью Алексѣвну. Но въ этотъ разъ онъ увидѣлъ за столомъ еще новое лицо — офицера, передъ которымъ лебезила Марья Алексѣвна. «А! женихъ!»

А женихъ, сообразно своему мундиру и дому, почелъ нужнымъ не просто увидѣть учителя, а, увидѣвъ, смѣрять его съ головы до ногъ небрежнымъ, медленнымъ взглядомъ, принятымъ въ хорошемъ обществѣ. Но едва онъ началъ снимать мѣрку, какъ почувствовалъ, что учитель — не то, чтобы снимаетъ тоже съ него самого мѣрку, а даже хуже: смотритъ ему прямо въ глаза, да такъ пристально, что, вмѣсто продолженія мѣрки, женихъ сказалъ: «А трудная ваша часть, мсье Лопуховъ, — я говорю, докторская часть».

— Да, трудная. — И все продолжаетъ смотрѣть прямо въ глаза.

Женихъ почувствовалъ, что лѣвою рукою, неизвѣстно зачѣмъ, перебираетъ вторую и третью сверху пуговицы своего

вицъ-мундира; ну, если дѣло дошло до пуговицъ, значитъ, уже нѣтъ инаго спасенія, какъ поскорѣе допивать стаканъ, чтобы спросить у Марьи Алексѣвны другой.

— На васъ, если не ошибаюсь, мундиръ такого-то полка?

— Да, я служу въ такомъ-то полку, отвѣчаетъ, Михаилъ Иванычъ.

— И давно служите?

— Девять лѣтъ.

— Прямо поступили на службу въ этотъ полкъ?

— Прямо

— Имѣете роту, или еще нѣтъ?

— Нѣтъ, еще не имѣю.—(Да онъ меня допрашиваетъ, точно я къ нему ординарцемъ явился).

— Скоро надѣетесь получить?

— Нѣтъ еще.

— Гм.—Учитель почелъ достаточнымъ и прекратилъ допросъ, еще разъ пристально посмотрѣвши въ глаза воображаемому ординарцу.

«Однако же — однакоже — думаетъ Вѣрочка, — что такое «однако же»?—Наконецъ нашла, что такое это «однако же» — «однако же, онъ держитъ себя такъ, какъ держалъ бы Сергѣй, который тогда пріѣзжалъ съ доброю Жюли. Какой же онъ дикарь? Но почему же онъ такъ странно говоритъ о дѣвушкахъ, о томъ, что красавицъ любятъ глупые и—и — что такое «и»— нашла что такое «и» — и почему же онъ не хотѣлъ ничего слушать обо мнѣ, сказалъ, что это не любопытно?

— Вѣрочка, ты съиграла бы что нибудь на фортепьянахъ, мы съ Михаиломъ Иванычемъ послушали бы! говоритъ Марья Алексѣвна, когда Вѣрочка ставитъ на столъ вторую чашку.

— Пожалуй.

— И если бы вы спѣли что нибудь, Вѣра Павловна, прибавляетъ заискивающимъ тономъ Михаилъ Иванычъ.

— Пожалуй.

Однакожь, это «пожалуй» звучитъ похоже на то, что «я готова, чтобы только отвязаться»,—думаетъ учитель. И вѣдь вотъ уже минуть пять онъ сидитъ тутъ, и хоть на нее не смотрѣлъ, но знаетъ, что она ни разу не взглянула на жениха, кромѣ того, когда теперь вотъ отвѣчала ему. А тутъ посмотрѣла на него точно такъ, какъ смотрѣла на мать и на отца,—холодно, и вовсе не любезно. Тутъ что-то не такъ, какъ разсказывалъ Федя.

Впрочемъ, скорѣе всего, дѣйствительно, дѣвушка гордая, холодная, которая хочетъ войти въ большой свѣтъ, чтобы господствовать и блистать; ей непріятно, что не нашелся для этого женихъ получше; но презирая женщинъ, она принимаетъ его руку, потому что нѣтъ другой руки, которая вела бы ее туда, куда хочется войти. А впрочемъ, это нѣсколько интересно.

— Федя, а ты допивай поскорѣе, замѣтила мать.

— Не торопите его, Марья Алексѣвна, я хочу послушать, если Вѣра Павловна позволитъ.

Вѣрочка взяла первыя ноты, какія попались, даже не посмотрѣвъ, что это такое, раскрыла тетрадь опять, гдѣ попалось, и стала играть машинально, — все равно, что бы ни съиграть, лишь бы поскорѣе отдѣлаться. Но пьеса попалась со смысломъ, что-то изъ какой-то порядочной оперы, и скоро игра дѣвушки одушевилась. Кончивъ, она хотѣла встать.

— Но вы обѣщались спѣть, Вѣра Павловна; если бы я смѣлъ, я попросилъ бы васъ пропѣть изъ Риголетто (въ ту зиму, la donna è mobile была модною аріею).

— Извольте.—Вѣрочка пропѣла la donna è mobile, встала и ушла въ свою комнату.

«Нѣтъ, она не холодная дѣвушка безъ души. Это интересно».

— Не правда ли, хорошо? Сказалъ Михаилъ Иванычъ учителю уже простымъ голосомъ, и безъ сниманія мѣрки;—вѣдь нежужно быть въ дурныхъ отношеніяхъ съ такими людьми, которые допрашиваютъ ординарцевъ, — почему жь не заговорить безъ претензій съ учителемъ, чтобы онъ не сердился?

— Да, хорошо.

— А вы знатокъ въ музыкѣ?

— Такъ себѣ.

— И сами музыкантъ?

— Нѣсколько.

У Марьи Алексѣвны, слушавшей разговоръ, блеснула счастливая мысль.

— А на чемъ вы играете, Дмитрій Сергѣичъ? спросила она.

— На фортепьяно.

— Можно ли попросить васъ доставить намъ удовольствіе?

— Очень радъ. Онъ съигралъ какую-то пьесу. Игралъ онъ не Богъ знаетъ какъ, но такъ себѣ, пожалуй и недурно.

Когда онъ оканчивалъ урокъ, Марья Алексѣвна подошла къ

нему и сказала, что завтра у нихъ маленькій вечеръ — день рожденія дочери, и что она проситъ его пожаловать.

Понятно, въ кавалерахъ недостатокъ, не обычаю всѣхъ такихъ вечеровъ; но ничего, онъ посмотритъ поближе на эту дѣвушку, — въ ней или съ ней есть что-то интересное. — «Очень благодаренъ, буду». — Но учитель ошибся: Марья Алексѣвна имѣла цѣль гораздо болѣе важную для нея, чѣмъ для танцующихъ дѣвицъ.

Читатель, ты, конечно, знаешь впередъ, что на этомъ вечерѣ будетъ объясненіе, что Вѣрочка и Лопуховъ полюбятъ другъ друга? — Разумѣется, такъ.

IV.

Марья Алексѣвна хотѣла сдѣлать большой вечеръ въ день рожденія Вѣрочки, а Вѣрочка упрашивала, чтобы не звали никакихъ гостей; одной хотѣлось устроить выставку жениха, другой выставка была тяжела. Поладили на томъ, чтобъ сдѣлать самый маленькій вечеръ, пригласить лишь нѣсколько человѣкъ близкихъ знакомыхъ. Позвали сослуживцевъ (конечно, постарше чинами и повыше должностями) Павла Константиныча, двухъ пріятельницъ Марьи Алексѣвны, трехъ дѣвушекъ, которыя были короче другихъ съ Вѣрочкой.

Осматривая собравшихся гостей, Лопуховъ увидѣлъ, что въ кавалерахъ нѣтъ недостатка: при каждой изъ дѣвицъ находился молодой человѣкъ, кандидатъ въ женихи или и вовсе женихъ. Стало быть, Лопухова пригласили не въ качествѣ кавалера; зачѣмъ же? Подумавши, онъ вспомнилъ, что приглашенію предшествовало испытаніе его игры на фортепьяно. Стало быть, онъ позванъ для сокращенія расходовъ, чтобы не брать таппёра. «Хорошо, подумалъ онъ: — извините, Марья Алексѣвна», и подошелъ къ Павлу Константинычу.

— А что, Павелъ Константинычъ, пора бы устроить вистъ: видите, старички-то скучаютъ!

— А вы по какой играете?

— По всякой.

Тотчасъ же составилась партія, и Лопуховъ усѣлся играть. Академія на выборгской сторонѣ — классическое учрежденіе по части картъ. Тамъ не рѣдкость, что въ какомъ нибудь нумерѣ

(т. е. комнатѣ казенныхъ студентовъ) играютъ полтора сутокъ съ ряду. Надобно признаться, что суммы, находящіяся въ оборотѣ на карточныхъ столахъ, тамъ гораздо меньше, чѣмъ въ англійскомъ клубѣ, но уровень искусства игроковъ выше. Сильно играли въ свое,—то есть въ безденежное — время и Лопуховъ.

— Mesdames, какъ же быть?—играть поочередно, это такъ; но вѣдь насъ остается только семь; будетъ недоставать кавалера или дамы для кадрили.

Первый робберъ оканчивался, когда одна изъ дѣвицъ, самая бойкая, подлетѣла къ Лопухову.

— Мсьё Лопуховъ, вы должны танцовать.

— Съ однимъ условіемъ, сказалъ онъ, вставая и кланяясь.

— Какимъ?

— Я прошу у васъ первую кадриль.

— Ахъ, Боже мой, я на первую ангажирована; вторую — извольте.

Лопуховъ снова сдѣлалъ глубокій поклонъ. Двое изъ кавалеровъ поочередно играли. На третью кадриль Лопуховъ просилъ Вѣрочку, — первую, она танцовала съ Михайломъ Иванычемъ, вторую—онъ съ бойкой дѣвицею.

Лопуховъ наблюдалъ Вѣрочку и окончательно убѣдился въ ошибочности своего прежняго понятія о ней, какъ о бездушной дѣвушкѣ, холодно выходящей по разсчету за человѣка, котораго презираетъ: онъ видѣлъ передъ собою обыкновенную молоденькую дѣвушку, которая отъ души танцуетъ, похочетъ; да, къ стыду Вѣрочки надобно сказать, что она была обыкновенная дѣвушка, любившая танцовать. Она настаивала, чтобы вечера вовсе не было, но вечеръ устроился, маленькій, безъ выставки, стало быть, неотяготительный для нея, и она, — чего никакъ не ожидала, — забыла свое горе: въ эти годы горевать такъ не хочется, бѣгать, хохотать и веселиться такъ хочется, что малѣйшая возможность забыть заставляетъ забыть на время горе. Лопуховъ былъ расположенъ теперь въ ея пользу, но ему все еще было непонятно многое.

Онъ былъ заинтересованъ странностью положенія Вѣрочки.

— Мсьё Лопуховъ, я никакъ не ожидала видѣть васъ танцующимъ, начала она.

— Почему же? развѣ это такъ трудно, танцовать?

— Вообще — конечно, нѣтъ; для васъ — разумѣется, да.

— Почему жь для меня?

— Потому что я знаю вашу тайну,—вашу и Федину: вы пренебрегаете женщинами.

— Федя не совсѣмъ вѣрно понялъ мою тайну: я не пренебрегаю женщинами, но я избѣгаю ихъ, — и знаете, почему? у меня есть невѣста, очень ревнивая, которая, чтобъ заставить меня избѣгать ихъ, разсказала мнѣ ихъ тайну.

— У васъ есть невѣста?

— Да.

— Вотъ неожиданность! студентъ — и ужъ обрученъ! Она хороша собою, вы влюблены въ нее?

— Да, она красавица и я очень люблю ее.

— Она брюнетка или блондинка?

— Этого я не могу вамъ сказать. Это тайна.

— Ну, Богъ съ нею, когда тайна. Но какую же тайну женщинъ она открыла вамъ, чтобы заставить васъ избѣгать ихъ общества?

— Она замѣтила, что я не люблю быть въ дурномъ расположеніи духа, и шепнула мнѣ такую ихъ тайну, что я не могу видѣть женщину безъ того, чтобы не придти въ дурное расположеніе духа, — и потому я избѣгаю женщинъ.

— Вы не можете видѣть женщину безъ того, чтобы не придти въ дурное расположеніе духа? Однако, вы не мастеръ говорить комплименты.

— Какъ же сказать иначе? Жалѣть — значитъ быть въ дурномъ расположеніи духа.

— Развѣ мы такъ жалки?

— Да развѣ вы не женщина? Мнѣ стоитъ только сказать вашъ самое задушевное ваше желаніе — и вы согласитесь со мною. Это общее желаніе всѣхъ женщинъ.

— Скажите, скажите.

— Вотъ оно: «ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть мужчиною»! Я не встрѣчалъ женщины, у которой бы нельзя было найти эту задушевную тайну. А большею частью, нечего и домогаться ее — она прямо высказывается, даже безъ вопиющаго вызова, лишь только женщина чѣмъ нибудь разстроена, — почтаешь ее слышишь что нибудь такое: «Бѣдныя мы существа, женщины!» или: «мужчина совсѣмъ не то, что женщина», или даже и такъ, прямыми словами: «Ахъ, зачѣмъ я не мужчина!»

Вѣрочка улыбнулась: — правда, это можно слышать отъ всякой женщины.

— Вотъ видите, какъ жалки женщины, что еслибы исполнилось задушевное желаніе каждой изъ нихъ, то на свѣтѣ не осталось бы ни одной женщины.

— Да, кажется такъ, сказала Вѣрочка.

— Все равно, какъ не осталось бы на свѣтѣ ни одного бѣднаго, еслибъ исполнилось задушевное желаніе каждаго бѣднаго. Видите, какъ же не жалки женщины! Столько же жалки, какъ и бѣдные. Кому пріятно видѣть бѣдныхъ? Вотъ точно также непріятно мнѣ видѣть женщинъ, съ той поры, какъ я узналъ ихъ тайну. А она была мнѣ открыта моею ревнивою невѣстою въ самый день обрученія. До той поры, я очень любилъ бывать въ обществѣ женщинъ; послѣ того, — какъ рукою сняло. Невѣста вылечила.

— Добрая и умная дѣвушка ваша невѣста; да, мы, женщины — жалкія существа, бѣдныя мы! сказала Вѣрочка:—только, кто же ваша невѣста? вы говорите такъ загадочно.

— Это моя тайна, которой Ѳедя не разскажетъ вамъ. Я совершенно раздѣляю желанія бѣдныхъ, чтобъ ихъ не было, и когда-нибудь, это желаніе исполнится: вѣдь раньше или позже мы съумѣемъ же устроить жизнь такъ, что не будетъ бѣдныхъ; но....

— Не будетъ? перебила Вѣрочка: — я сама думала, что ихъ не будетъ; но какъ ихъ не будетъ, этого я не умѣла придумать, — скажите, какъ?

— Этого я одинъ не умѣю сказать; это умѣетъ разсказывать только моя невѣста; я здѣсь одинъ, безъ нея, могу сказать только: она заботится объ этомъ, а она очень сильная, она сильнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Но мы говоримъ не объ ней, а объ женщинахъ. Я совершенно согласенъ съ желаніемъ бѣдныхъ, чтобъ ихъ не было на свѣтѣ, потому что это и сдѣлаетъ моя невѣста. Но я не согласенъ съ желаніемъ женщинъ, чтобы женщинъ не было на свѣтѣ, потому что этому желанію нельзя исполниться: съ тѣмъ, чему быть нельзя, я не соглашаюсь. Но у меня есть другое желаніе: мнѣ хотѣлось бы, чтобы женщины подружились съ моею невѣстою, — она и о нихъ заботится, какъ заботится о многомъ, обо всемъ. Если бы они подружились съ нею, и у меня не было бы причины жалѣть ихъ, и у нихъ исчезло бы желаніе: «Ахъ зачѣмъ, я не родилась мужчиною!» При знакомствѣ съ нею, и женщинамъ было бы не хуже, чѣмъ мужчинамъ.

— Мсьё Лопуховъ! еще одну кадриль! непремѣнно!

— Похвалю васъ за это! Онъ пожалъ ея руку, да такъ спокойно и серьёзно, какъ будто онъ ея подруга или она его товарищъ. — Которую же?

— Послѣднюю.

— Хорошо.

Марья Алексѣвна нѣсколько разъ шмыгала мимо нихъ во время этой кадрили.

Что подумала Марья Алексѣвна о такомъ разговорѣ, если подслушала его? Мы, слышавшіе его весь, съ начала до конца, всѣ скажемъ, что такой разговоръ во время кадрили — очень страненъ.

Пришла послѣдняя кадриль.

— Мы все говорили обо мнѣ, началъ Лопуховъ: — а вѣдь это очень нелюбезно съ моей стороны, что я все говорилъ о себѣ. Теперь, я хочу быть любезнымъ, — говорить о васъ, Вѣра Павловна. Знаете, я былъ о васъ еще гораздо худшаго мнѣнія, чѣмъ вы обо мнѣ. А теперь...ну, да это послѣ. Но все-таки, я не умѣю отвѣчать себѣ на одно. Отвѣчайте вы мнѣ. Скоро будетъ ваша свадьба?

— Никогда.

— Я такъ и думалъ, — въ послѣдніе три часа, съ той поры, какъ вышелъ сюда изъ-за карточнаго стола. Но зачѣмъ же онъ считается женихомъ?

— Зачѣмъ онъ считается женихомъ? — зачѣмъ! — одного я не могу сказать вамъ, мнѣ тяжело. А другое могу сказать: мнѣ жаль его. Онъ такъ любитъ меня. Вы скажете: надобно высказать ему прямо, что я думаю о нашей свадьбѣ—я говорила; онъ отвѣчаетъ: не говорите, это убиваетъ меня, молчите.

— Это вторая причина, а первую, которую вы не можете сказать мнѣ, я могу сказать вамъ: ваше положеніе въ семействѣ ужасно.

— Теперь, оно сносно. Теперь, меня никто не мучитъ,— ждутъ, и оставляютъ или почти оставляютъ одну.

— Но вѣдь это не можетъ такъ продолжаться много времени. Къ вамъ начнутъ приставать. Что тогда?

— Ничего. Я думала объ этомъ, и рѣшилась. Я тогда не останусь здѣсь. Я могу быть актрисою. Какая это завидная жизнь! Независимость! Независимость!

— И апплодисменты.

— Да, и это пріятно. Но главное — независимость! Дѣлать,

что хочу, — жить, какъ хочу, никого не спрашиваясь, ничего ни отъ кого не требовать, ни въ комъ, ни въ комъ не нуждаться! Я такъ хочу жить!

— Это такъ, это хорошо! Теперь, у меня къ вамъ просьба: я узнаю, какъ это сдѣлать, къ кому надобно обратиться, — да?

— Благодарю. Вѣрочка пожала ему руку. — Дѣлайте это скорѣе: мнѣ такъ хочется поскорѣе вырваться изъ этого гадкаго, несноснаго, унизительнаго положенія! Я говорю: «я спокойна, мнѣ сносно»—развѣ это въ самомъ дѣлѣ такъ? Развѣ я не вижу, что дѣлается моимъ именемъ? Развѣ я не знаю, какъ думаютъ обо мнѣ всѣ, кто здѣсь есть? Интригантка, хитритъ, хочетъ быть богата, хочетъ войти въ свѣтское общество, блистать, будетъ держать мужа подъ башмакомъ, вертѣть имъ, обманывать его, — развѣ я не знаю, что всѣ обо мнѣ такъ думаютъ? Не хочу такъ жить, не хочу! — Вдругъ, она задумалась.—Не смѣйтесь тому, что я скажу: вѣдь мнѣ жаль его, — онъ такъ меня любитъ!

— Онъ васъ любитъ? Такъ онъ на васъ смотритъ, какъ вотъ я, или нѣтъ? Такой у него взглядъ?

— Вы смотрите прямо, просто. Нѣтъ, вашъ взглядъ меня не обижаетъ.

— Видите, Вѣра Павловна, это оттого... Но все равно. А онъ такъ смотритъ?

Вѣрочка покраснѣла и молчала.

— Значитъ, онъ васъ не любитъ. Это не любовь, Вѣра Павловна.

— Но.... Вѣрочка не договорила и остановилась.

— Вы хотѣли сказать: но что жь это, если не любовь? Это пусть будетъ все равно. Но что это не любовь, вы сами скажете. Кого вы больше всѣхъ любите?—я говорю не про эту любовь,— но изъ родныхъ, изъ подругъ?

— Кажется, никого особенно. Изъ нихъ, никого сильно. Но нѣтъ, недавно, мнѣ встрѣтилась одна очень странная женщина. Она очень дурно говорила мнѣ о себѣ, запретила мнѣ продолжать знакомство съ нею, — мы видѣлись по совершенно особенному случаю, — сказала, что когда мнѣ будетъ крайность, но такая, что оставалось бы только умереть, чтобы тогда я обратилась къ ней, но иначе — никакъ. Ее я очень полюбила.

— Вы желаете, чтобъ она сдѣлала для васъ что нибудь такое, что ей непріятно или вредно?

Вѣрочка улыбнулась. — Какъ же это можно?

— Но нѣтъ, представьте, что вамъ очень, очень нужно было бы, чтобъ она сдѣлала для васъ что нибудь, и она сказала бы вамъ: «если я это сдѣлаю, это будетъ мучить меня», — повторили бы вы ваше требованіе, стали ли бы настаивать?

— Скорѣе умерла бы.

— Вотъ, вы сами говорите, что это — любовь. Только эта любовь—просто чувство, а не страсть. А что же такое любовь—страсть? Чѣмъ отличается страсть отъ простаго чувства? Силою. Значитъ, если при простомъ чувствѣ, слабомъ, слишкомъ слабомъ передъ страстью, любовь ставитъ васъ въ такое отношеніе къ человѣку, что вы говорите: «лучше умереть, чѣмъ быть причиною мученья для него»; если простое чувство такъ говоритъ, что же скажетъ страсть, которая въ тысячу расъ сильнѣе? Она скажетъ: «скорѣе умру, чѣмъ — не то что потребую, не то что попрошу,—а скорѣе, чѣмъ допущу, чтобы этотъ человѣкъ сдѣлалъ для меня что нибудь, кромѣ того, что ему самому пріятно; умру скорѣе, чѣмъ допущу, чтобы онъ для меня сталъ къ чему нибудь принуждать себя, въ чемъ нибудь стѣснять себя.» — Вотъ такая страсть, которая говоритъ такъ, это — любовь. А если страсть не такая, то она страсть, но вовсе не любовь. Я сейчасъ ухожу отсюда. Я все сказалъ, Вѣра Павловна.

Вѣрочка пожала ему руку. — До свиданья. — Что жъ вы не поздравите меня? Вѣдь нынче день моего рожденья.

Лопуховъ посмотрѣлъ на нее. — Можетъ быть... можетъ быть! Если вы не ошиблись, хорошо для меня.

V.

«Какъ это такъ скоро, какъ это такъ неожиданно»—думаетъ Вѣрочка, одна въ своей комнатѣ, по окончаніи вечера—«въ первый разъ говорили, и стали такъ близки! за полчаса, вовсе не знать другъ друга, и черезъ часъ видѣть, что стали такъ близки! какъ это странно!»

Нѣтъ, это вовсе не странно, Вѣрочка. У этихъ людей, какъ Лопуховъ, есть магическія слова, привлекающія къ нимъ всякое огорченное, обижаемое существо. Это ихъ невѣста подсказываетъ

имъ такія слова. А вотъ что въ самомъ дѣлѣ странно, Вѣрочка, — только не намъ съ тобою, — что ты такъ спокойна. Вѣдь думаютъ, что любовь — тревожное чувство. А ты заснешь такъ тихо, какъ ребенокъ, и не будутъ ни смущать, ни волновать тебя никакіе сны, — развѣ приснятся веселыя дѣтскія игры, фанты, горѣлки, или можетъ быть, танцы, только тоже веселые, беззаботные. Это другимъ странно, а ты не знаешь, что это странно, а я знаю, что это не странно. Тревога въ любви — не самая любовь, — тревога въ ней что нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ быть, а сама она весела и беззаботна.

«Какъ это странно», думаетъ Вѣрочка: — «вѣдь я сама все это передумала, перечувствовала, что онъ говоритъ и о бѣдныхъ, и о женщинахъ, и о томъ, какъ надобно любить, — откуда я это взяла? Или это было въ книгахъ, которыя я читала? — Нѣтъ, тамъ не то: тамъ все это или съ сомнѣніями, или съ такими оговорками, и все это какъ будто что-то необыкновенное, невѣроятное. Какъ будто мечты, которыя хороши, да только не сбудутся! а мнѣ казалось, что это просто, проще всего, что это самое обыкновенное, безъ чего нельзя быть, что это вѣрно все такъ будетъ, что это вѣрнѣе всего! а вѣдь я думала, что это самыя лучшія книги. Вѣдь вотъ Жоржъ Зандъ — такая добрая, благонравная, — а у ней все это только мечты! или наши — нѣтъ, у нашихъ ужь вовсе ничего этого нѣтъ. Или у Диккенса — у него это есть, только онъ какъ будто этого не надѣется; только желаетъ, потому что добрый, а самъ знаетъ, что этому нельзя быть. Какъ же они не знаютъ, что безъ этого нельзя, что это въ самомъ дѣлѣ надобно такъ сдѣлать, и что это непремѣнно сдѣлается, чтобы вовсе никто не былъ ни бѣденъ, ни несчастенъ. Да развѣ они этого не говорятъ? Нѣтъ, имъ только жалко, а они думаютъ, что въ самомъ дѣлѣ такъ и останется, какъ теперь, — немного получше будетъ, а все такъ же. А того они не говорятъ, что я думала. Если бы они *это* говорили, я бы знала, что умные и добрые люди такъ думаютъ; а то вѣдь мнѣ все казалось, что это только я такъ думаю, потому что я глупенькая дѣвочка, что кромѣ меня, глупенькой, никто такъ не думаетъ, никто этого въ самомъ дѣлѣ не ждетъ. А вотъ онъ говоритъ, что его невѣста растолковала всѣмъ, кто ее любитъ, что это именно все такъ будетъ, какъ мнѣ казалось, и растолковала такъ понятно, что всѣ они стали заботиться, чтобъ это поскорѣе такъ было. Какая его невѣста умная! Только, кто жъ это она? Я узнаю, непремѣнно

узнаю. Да, вотъ хорошо будетъ, когда бѣдныхъ не будетъ, никто никого принуждать не будетъ, всѣ будутъ веселые, добрые, счастливые»....

И съ этимъ Вѣрочка заснула, и спала крѣпко, и ничего не видѣла во снѣ.

Нѣтъ, Вѣрочка, это не странно, что передумала и приняла къ сердцу все это ты, простенькая дѣвочка, не слышавшая и фамилій-то тѣхъ людей, которые стали этому учить и доказали, что этому такъ надо быть, что это непремѣнно такъ будетъ, что этого не можетъ не быть; не странно, что ты поняла и приняла къ сердцу эти мысли, которыхъ не могли тебѣ ясно представить твои книги: твои книги писаны людьми, которые учились этимъ мыслямъ, когда онѣ были еще мыслями; эти мысли казались удивительны, восхитительны, — и только. Теперь, Вѣрочка, эти мысли ужъ ясно видны въ жизни, и написаны другія книги, другими людьми, которые находятъ, что эти мысли хороши, но удивительнаго нѣтъ въ нихъ ничего, и теперь, Вѣрочка, эти мысли носятся въ воздухѣ, какъ ароматъ въ поляхъ, когда приходитъ пора цвѣтовъ; онѣ повсюду проникаютъ, ты ихъ слышала даже отъ твоей пьяной матери, говорившей тебѣ, что надобно жить и почему надобно жить обманомъ и обираніемъ; она хотѣла говорить противъ твоихъ мыслей, а сама развивала твои же мысли; ты ихъ слышала отъ наглой, испорченной француженки, которая таскаетъ за собою своего любовника, будто горничную, дѣлаетъ изъ него, все что хочетъ, и все таки, лишь спомнится, находитъ, что она не имѣетъ своей воли, должна угождать, принуждать себя, что это очень тяжело, — ужъ ей ли, кажется, не житье съ ея Сергѣемъ, и добрымъ, и деликатнымъ, и нѣжнымъ, — а она говоритъ все таки: «и даже мнѣ, такой дурной, такія отношенія дурны.» Теперь, Вѣрочка, не трудно набраться такихъ мыслей, какія у тебя. Не другіе не принимаютъ ихъ къ сердцу, а ты приняла — это хорошо, но тоже не странно: чтобы страннаго, что тебѣ хочется быть вольнымъ и счастливымъ человѣкомъ! вѣдь это желаніе — не Богъ знаетъ какое головоломное открытіе, не Богъ знаетъ какой подвигъ геройства.

А вотъ что странно, Вѣрочка, что есть такіе же люди, у которыхъ нѣтъ этого желанія, у которыхъ совсѣмъ другія желанія, и имъ, пожалуй, покажется странно, съ какими мыслями ты, мой другъ, засыпаешь въ первый вечеръ твоей любви, что отъ мысли о себѣ, о своемъ миломъ, о своей любви, ты перешла

въ мысляхъ, что всѣмъ людямъ надобно быть счастливыми, и что надобно помогать этому скорѣе придти. А ты не знаешь, что это странно, а я знаю, что это не странно, что это одно и натуральне, одно и по-человѣчески; просто по человѣчески;—«я чувствую радость и счастье»—значитъ «мнѣ хочется, чтобы всѣ люди стали радостны и счастливы»—по человѣчески, Вѣрочка, этѣ обѣ мысли одно. Ты добрая дѣвушка; ты неглупая дѣвушка; но ты меня извини, я ничего удивительнаго не нахожу въ тебѣ; можетъ быть, половина дѣвушекъ, которыхъ я зналъ и знаю, а можетъ быть и больше, чѣмъ половина, — я не считалъ, да и много ихъ, что считать-то, — не хуже тебя, а иныя и лучше, ты меня прости.

Лопухову кажется, что ты удивительная дѣвушка, это такъ; но это не удивительно, что это ему кажется, — вѣдь онъ полюбилъ тебя! и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, что полюбилъ: тебя можно полюбить; а если полюбилъ, такъ ему такъ и должно казаться.

VI.

Марья Алексѣвна мимыгала мимо дочери и учителя во время первой ихъ кадрили; но во время второй она не показывалась подлѣ нихъ, и вся была погружена въ хлопоты хозяйки по приготовленію закуски въ родѣ ужина. Кончивъ эти заботы, она справилась объ учителѣ—учителя уже не было.

Черезъ два дня учитель пришолъ на урокъ. Подали самоваръ,—это всегда приходилось во время урока. Марья Алексѣвна вышла въ комнату, гдѣ учитель занимался съ Ѳедею; прежде, звала Ѳедю Матрена; учитель хотѣлъ остаться на своемъ мѣстѣ, потому что вѣдь онъ не пьетъ чаю, и просмотритъ въ это время Ѳедину тетрадь, но Марья Алексѣвна просила его пожаловать, посидѣть съ ними, ей нужно поговорить съ нимъ. Онъ пошолъ, сѣлъ за чайный столъ.

Марья Алексѣвна начала разспрашивать его о способностяхъ Ѳеди, о томъ, какая гимназія лучше, не лучше ли будетъ помѣстить мальчика въ гимназическій пансіонъ,—разспросы очень натуральные, только не рано ли немножко дѣлаются? Во время этого разговора, она такъ усердно и любезно просила учителя выкушать чаю, что Лопуховъ согласился отступить отъ своего правила, взялъ стаканъ. Вѣрочка долго не выходила, — вышла;

она и учитель обмѣнялись поклонами, будто ничего между ними не было, а Марья Алексѣвна все еще продолжала бесѣдовать о Ѳедѣ. Потомъ, вдругъ, круто повернула разговоръ на самого учителя и стала разспрашивать, кто онъ, что онъ, какіе у него родственники, имѣютъ ли состояніе, какъ онъ живетъ, какія думаетъ имѣть; учитель отвѣчалъ коротко и неопредѣленно: что родственники есть, живутъ въ провинціи, люди небогатые, онъ самъ живетъ уроками, остается медикомъ въ Петербургѣ; словомъ сказать, изъ всего этого не выходило ничего. Видя такое упорство, Марья Алексѣвна приступила къ дѣлу прямѣе:

— Вотъ вы говорите, что остаетесь здѣсь докторомъ; а здѣшнимъ докторамъ, слава Богу, можно жить: еще не думаете о семейной жизни, или имѣете дѣвушку на примѣтѣ?

Что это? учитель ужь и позабылъ было про свою фантастическую невѣсту, хотѣлъ было сказать «не имѣю не примѣтѣ», но вспомнилъ: «ахъ, да вѣдь она подслушивала!» Ему стало смѣшно, — вѣдь какую глупость тогда придумалъ! какъ это я сочинилъ такую аллегорію, да и вовсе не нужно было! ну вотъ, подите же, говорятъ, пропаганда вредна — вонъ, какъ на нее подѣйствовала пропаганда, когда у ней сердце чисто и нерасположено къ вредному; ну, подслушала и поняла, такъ мнѣ какое дѣло? — Какъ же, имѣю, сказалъ Лопуховъ.

— И помолвлены, или нѣтъ еще? — Помолвлены. — И формально помолвлены, или только такъ, между собою говорили? — Формально помолвленъ.

Бѣдная Марья Алексѣвна! — Она слышала слова «моя невѣста», «ваша невѣста» — «я ее очень люблю» — «она красавица», — и успокоилась на счетъ волокитства со стороны учителя; и вторую кадриль уже могла вполнѣ отдать хлопотамъ о закускѣ въ родѣ ужина. Но ей хотѣлось обстоятельнѣе и основательнѣе узнать эту успокоительную исторію. Она продолжала разспросы; вѣдь каждому пріятны успокоительные разговоры, да и во всякомъ случаѣ, любопытно, — вѣдь все любопытно. Учитель отвѣчалъ основательно, хотя, по своему правилу, кратко. — Хороша ли его невѣста? — Необыкновенно. — Есть ли приданое? — Теперь нѣтъ, но получаетъ большое наслѣдство. — Большое? — Очень большое. — Какъ велико? — Очень велико! — Тысячъ до ста? — Гораздо больше. — А сколько же? — Да что объ этомъ говорить, довольно того, что очень много. — Въ деньгахъ? — Есть и въ деньгахъ. — Можетъ быть, и въ помѣстьяхъ? —

Да, есть и въ повѣстяхъ. — Скоро? — Скоро. — А свадьба скоро ли? — Скоро. — Такъ и слѣдуетъ, Дмитрій Сергѣичъ, покуда еще не получила наслѣдства, а то вѣдь отъ женяховъ отбою не будетъ. — Совершенная правда. — Да какъ это Богъ послалъ ему такое счастье, да какъ это не перехватили другіе? — Да такъ; почти еще никто не знаетъ, что она должна получить наслѣдство. — А онъ провѣдалъ? — Провѣдалъ. — Да какъ же? — Да онъ, признаться сказать, давно провѣдывалъ, ну, нашелъ. — И вѣрно разузналъ? — Еще бы, документы самъ провѣрялъ. — Самъ? — Самъ. Съ того и началъ. — Съ того и началъ? — Разумѣется, кто въ своемъ умѣ, безъ документовъ шагу не дѣлаетъ. — Правда, Дмитрій Сергѣичъ, не дѣлаетъ. Какое счастье-то! Вѣрно за молитвы родительскія! — Вѣроятно.

Учитель и прежде понравился Марьѣ Алексѣвнѣ тѣмъ, что не пьетъ чаю; но ему было видно, что онъ человѣкъ солидный, основательный; говорилъ онъ мало — тѣмъ лучше, не вертопрахъ; но что говорилъ, то говорилъ хорошо — особенно о деньгахъ; но съ вечера третьяго дня она увидѣла, что учитель даже очень хорошая находка, по совершенному препятствію къ волокитству за дѣвушками въ семействахъ, гдѣ даетъ уроки: такое полное препятствіе рѣдко бываетъ у такихъ молодыхъ людей. А теперь, она была въ полномъ удовольствіи отъ него. Въ самомъ дѣлѣ, какой солидный человѣкъ! и вѣдь не хвастался, что у него богатая невѣста: каждое слово изъ него надобно было клещами вытягивать. И какъ пронюхивалъ-то, — видно, давно ужь думалъ подъискать богатую невѣсту, — и, поди, чать, какъ примазывался-то къ ней! Ну, этотъ, можно сказать, умѣетъ свои дѣла вести. И съ документовъ прямо такъ и началъ, да и говоритъ-то какъ! «безъ этого, говоритъ, нельзя, кто въ своемъ умѣ» — рѣдкой основательности молодой человѣкъ!

Вѣрочка сначала едва удерживалась отъ слишкомъ замѣтной улыбки, но постепенно ей стало казаться, — какъ это ей стало казаться? — нѣтъ, это не такъ, нѣтъ, это такъ! что Лопуховъ, хотъ отвѣчалъ Марьѣ Алексѣвнѣ, но говоритъ не съ Марьей Алексѣвною, а съ нею, Вѣрочкою, что надъ Марьей Алексѣвною онъ подшучиваетъ, серьёзно же и правду, и только правду говоритъ одной ей, Вѣрочкѣ.

Казалось ли только такъ Вѣрочкѣ, или въ самомъ дѣлѣ такъ было, кто знаетъ? Онъ зналъ, и она узнала; а намъ, пожалуй, и не нужно знать; намъ нужны только факты. А фактъ былъ

тотъ, что Вѣрочка, слушавшая Лонухова спавала улыбаясь, потомъ серьёзно, думала, что онъ говоритъ не съ Маріей Алексѣевною, а съ нею, и не шутя, а правду, а Марья Алексѣвна, съ самаго начала слушавшая Лонухова серьёзно, обратилась къ Вѣрочкѣ и сказала: «другъ мой, Вѣрочка, что ты все такой букой сидишь? ты теперь съ Дмитріемъ Сергѣичемъ знакома, попросила бы его съиграть тебѣ въ аккомпаниментъ, а сама бы спѣла!» и смыслъ этихъ словъ былъ: «мы васъ очень уважаемъ, Дмитрій Сергѣичъ, и желаемъ, чтобы вы были ближнимъ знакомымъ нашего семейства; а ты, Вѣрочка, не дичись Дмитрія Сергѣича, я скажу Михаилу Иванычу, что ужь у него есть невѣста, и Михаилъ Иванычъ тебя къ нему не будетъ ревновать». — Это было для Вѣрочки и для Дмитрія Сергѣича, — онъ теперь ужь и въ мысляхъ Маріи Алексѣвны былъ не «учитель», а «Дмитрій Сергѣичъ»; — а для самой Маріи Алексѣвны слова ея имѣли третій, самый натуральный и настоящій смыслъ: «надо его приласкать: знакомство можетъ впослѣдствіи пригодиться, когда будетъ богатъ, шельма»; это былъ общій смыслъ словъ Маріи Алексѣвны для Маріи Алексѣвны, а кромѣ общаго, былъ въ нихъ для нея и частный смыслъ: «приласкавши, стану ему говорить, что мы люди небогатые, что намъ тяжело платить по цѣлковому за урокъ». Вотъ сколько смысловъ имѣли слова Маріи Алексѣвны. Дмитрій Сергѣичъ сказалъ, что теперь онъ кончитъ урокъ, а потомъ съ удовольствіемъ поиграетъ на фортепьяно . . . . . .

VII.

Много смысловъ имѣли слова Маріи Алексѣвны, и не меньше того имѣли онѣ результатовъ. Со стороны частнаго смысла ихъ для нея самой, то есть сбереженія платы за уроки, Марья Алексѣвна достигла бо́льшаго успѣха, чѣмъ сама разсчитывала: когда черезъ два урока она повела дѣло о томъ, что они люди небогатые, Дмитрій Сергѣичъ сталъ торговаться, сильно торговался, долго не уступалъ, долго держался на трехъ-рублевомъ (тогда еще были трехъ-рублевые, т. е., если помните, монета въ 75 к.); Марья Алексѣвна и сама не надѣялась спустить ниже, но, сверхъ чаянія, успѣла сбить на 60 к. за урокъ. Повидимому, частный смыслъ ея словъ, — надежда сбить плату, — противорѣ-

чать он же мнѣнію о Дмитрѣ Сергѣичѣ (не о Лопуховѣ, а о Дмитрѣ Сергѣичѣ), какъ объ извѣстномъ пройдохѣ: съ какой стати корыстолюбецъ будетъ поступаться въ деньгахъ для нашей бѣдности? а если Дмитрій Сергѣичъ поступился, то, по настоящему, слѣдовало бы ей разочароваться въ немъ, увидѣвъ въ немъ человѣка легкомысленнаго и слѣдовательно вреднаго. Конечно, такъ она и разсудила бы въ чужомъ дѣлѣ. Но ужъ такъ устроенъ человѣкъ, что трудно ему судить о своихъ дѣлахъ по общему правилу: охотникъ онъ дѣлать исключенія въ свою пользу. Когда коллежскій секретарь Ивановъ увѣряетъ коллежскаго совѣтника Ивана Ивановича, что преданъ ему душою и тѣломъ, Иванъ Ивановичъ знаетъ по себѣ, что преданности душою и тѣломъ нельзя ждать ни отъ кого; а тѣмъ больше знаетъ, что въ честности Ивановъ пять разъ продалъ отца роднаго за весьма сходную цѣну, и тѣмъ даже превзошелъ его самого, Ивана Ивановича, который успѣлъ продать своего отца только три раза, а все-таки Иванъ Ивановичъ вѣритъ, что Ивановъ преданъ ему, то есть, и не вѣритъ ему, а благоволитъ къ нему за это, и хоть не вѣритъ, а даетъ ему дурачить себя, — значитъ, все-таки вѣритъ, хоть и не вѣритъ. Что прикажете дѣлать съ этимъ свойствомъ человѣческаго сердца? Оно дурно, оно вредно; но Марья Алексѣевна не была, къ сожалѣнію, изъята отъ этого недостатка, которымъ страдаютъ почти всѣ корыстолюбцы, хитрецы и дрянные люди. Отъ него есть избавленье только въ двухъ крайнихъ сортахъ нравственнаго достоинства: или въ томъ, когда человѣкъ уже трансцендентальный негодяй, восьмое чудо свѣта плутовской виртуозности, въ родѣ Али-Паши Янинскаго, Джезаръ-паши Сирійскаго, Мегемета-Али Египетскаго, которые проводили европейскихъ дипломатовъ и (Джезаръ) самого Наполеона Великаго такъ легко, какъ дѣтей, когда мошенничество наросло на человѣкѣ такою абсолютно — прочною бронею, сквозь которую нельзя пробраться ни до какой человѣческой слабости: ни до амбиціи, ни до честолюбія, ни до властолюбія, ни до самолюбія, ни до чего; но такихъ героевъ мошенничества чрезвычайно мало, почти что не попадается въ европейскихъ земляхъ, гдѣ виртуозность мошенничества уже портится многими человѣческими слабостями. Потому, если вамъ укажутъ хитреца и скажутъ: «этого человѣка никто не проведетъ», — смѣло ставьте 10 р. противъ 5 р., что вы, хоть вы человѣкъ и не хитрый, проведете этого хитреца, если только захотите, а еще смѣлѣе ставьте

100 р. противъ 1 р., что онъ самъ себя на чемъ нибудь водитъ за носъ, ибо это обыкновеннѣйшая, всеобщая черта въ характерѣ у хитрецовъ, на чемъ нибудь водить себя за носъ. Ужь наяво, кажется, искусники были Луи-Филиппъ и Меттернихъ, а вѣдь какъ отлично вывели сами себя за носъ изъ Парижа и Вѣны въ мѣста злачныя и спокойныя буколически наслаждаться картиною того, какъ тамъ, въ этихъ мѣстахъ, Макаръ телятъ гоняетъ. А Наполеонъ I какъ былъ хитръ, — гораздо хитрѣе ихъ обоихъ, да еще при этакой-то хитрости имѣлъ, говорятъ, геніальный умъ, — а какъ мастерски провелъ себя за носъ на Эльбу, да еще мало показалось, захотѣлъ подальше, и удалось, удалось такъ, что дотащилъ себя за носъ до Св. Елены! а вѣдь какъ трудно-то было, — почти невозможно, — а съумѣлъ преодолѣть всѣ препятствія къ достиженію острова Св. Елены! прочтите-ко «Исторію кампаніи 1815 г.» Шарраса — даже умилительно то усердіе и искусство, съ какимъ онъ тащилъ тутъ себя за носъ! Увы, и Марья Алексѣвна не была изъята отъ этой вредной наклонности.

Мало людей, которымъ бронею противъ обольщенія служитъ законченная доскональность въ обманываніи другихъ. Но за то многочисленны люди, которымъ надежно въ этомъ отношеніи служитъ простая честность сердца. По свидѣтельству всѣхъ Видоковъ и Ванекъ Каиновъ, нѣтъ ничего труднѣе, какъ надуть честнаго, безхитростнаго человѣка, если онъ имѣетъ хоть нѣсколько разсудка и житейскаго опыта. Неглупые честные люди въ одиночку не обольщаются. Но у нихъ есть другой, такой же вредный видъ этой слабости: они подвержены повальному обольщенію. Плутъ не можетъ взять ни одного изъ нихъ за носъ; но носы всѣхъ ихъ, какъ одной компаніи, постоянно готовы къ услугамъ. А плуты, въ одиночку слабые на счетъ независимости своихъ носовъ, компаніонально не проводятся за носъ. Въ этомъ вся тайна всемірной исторіи.

Но забираться намъ во всемірную исторію будетъ ужь лишнее: занимаешься разсказомъ, такъ занимайся разсказомъ.

Первымъ результатомъ словъ Марьи Алексѣвны было удешевленіе уроковъ. Другимъ результатомъ — то, что отъ удешевленія учителя (то есть, уже не учителя, а Дмитрія Сергѣича) Марья Алексѣвна еще больше утвердилась въ хорошемъ мнѣніи о немъ, какъ о человѣкѣ основательномъ, дошла даже до убѣжденія, что разговоры съ нимъ будутъ полезны для Вѣрочки, склонятъ Вѣрочку на вѣнчанье съ Михаиломъ Иванычемъ —

этотъ выводъ былъ уже очень близатедемъ, и Марья Алексѣевна своимъ умомъ не дошла бы до него, но встрѣтилось ей такое ясное доказательство, что нельзя было не замѣтить этой пользы для Вѣрочки отъ вліянія Дмитрія Сергѣича. Какъ встрѣтилось это доказательство, мы сейчасъ увидимъ.

Третій результатъ словъ Марьи Алексѣвны былъ, разумѣется, тотъ, что Вѣрочка и Дмитрій Сергѣичъ стали, съ ея разрѣшенія и поощренія, проводить вмѣстѣ довольно много времени. Кончивъ урокъ часовъ въ восемь, Лопуховъ оставался у Розальскихъ еще часа два-три; игрывалъ въ карты съ матерью семейства, отцомъ семейства и женихомъ; говорилъ съ ними; игралъ на фортепьяно, а Вѣрочка пѣла, или Вѣрочка играла, а онъ слушалъ; иногда и разговаривалъ съ Вѣрочкою, и Марья Алексѣвна не мѣшала, не коснлась, хотя, конечно, не оставляла безъ надзора.

О, разумѣется, не оставляла, потому что, хотя Дмитрій Сергѣичъ и очень хорошій молодой человѣкъ, но все же не даромъ говорится пословица: не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ. А что Дмитрій Сергѣичъ воръ, — не въ порицательномъ, а въ похвальномъ смыслѣ,—нѣтъ никакого сомнѣнія: иначе, за чтожъ бы его и уважать и дѣлать хорошимъ знакомымъ? Неужели съ дураками знакомиться? Конечно, слѣдуетъ и съ дураками, когда отъ нихъ можно воспользоваться. Но у Дмитрія Сергѣича пока еще нѣтъ ничего; стало быть, съ нимъ можно водить дружбу только за его достоинства, то есть, за умъ, то есть за основательность, разсчетливость, умѣнье вести свои дѣла. А если у всякаго человѣка, чортъ знаетъ, что на умѣ, то у такого умнаго человѣка и подавно. Стало быть, за Дмитріемъ Сергѣичемъ надобно смотрѣть, да смотрѣть. Марья Алексѣвна и смотрѣла очень прилежно. Но всѣ наблюденія только подтверждали основательность и благонамѣренность Дмитрія Сергѣича. Напримѣръ, почему сейчасъ можно замѣтить амурныя шашни?—По заглядыванью за корсетъ. Вотъ Вѣрочка играетъ, Дмитрій Сергѣичъ стоитъ и слушаетъ, а Марья Алексѣвна смотритъ, не запускаетъ ли онъ глазъ за корсетъ, — нѣтъ, и не думаетъ запускать! или иной разъ вовсе не глядитъ на Вѣрочку, а такъ куда нибудь глядитъ, куда, случится, или иной разъ глядитъ на нее, такъ просто въ лицо ей глядитъ, да такъ безчувственно, что сейчасъ видно: смотритъ на нее только изъ учтивости, а самъ думаетъ о невѣстиномъ приданомъ, — глаза у него не разгараются, какъ у

Михаила Иваныча. Опять, въ чемъ еще замѣчаются амурныя дѣла?—въ любовныхъ словахъ;—никакихъ любовныхъ словъ не слышно; да и говорятъ-то они между собою мало, — онъ больше говоритъ съ Марьей Алексѣвною. Или вотъ: сталъ онъ приносить книги Вѣрочкѣ. Разъ, Вѣрочка ушла къ подругѣ, и Михаилъ Иванычъ тутъ сидѣлъ. Вотъ, Марья Алексѣвна взяла книги, принесла Михаилу Иванычу.

— Посмотрите-ко, Михаилъ Иванычъ, французскую-то я сама почти что разобрала: «Гостиная» — значитъ, самоучитель свѣтскаго обращенія, а нѣмецкую-то не пойму.

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, это не «Гостиная», это Destinée — судьба.

— Какая жь это судьба? романъ, что ли, такъ называется, или оракулъ, толкованіе сновъ?

— А вотъ сейчасъ увидимъ, Марья Алексѣвна, изъ самой книги. Михаилъ Иванычъ перевернулъ нѣсколько листовъ. — Тутъ все о серіяхъ больше говорится, Марья Алексѣвна, — ученая книга.

— О серіяхъ? Это хорошо; значитъ, какъ денежные обороты вести.

— Да, все объ этомъ, Марья Алексѣвна.

— Ну, а нѣмецкая-то?

Михаилъ Иванычъ медленно прочелъ: «О религіи, сочиненіе Людвига» — Людовика-четырнадцатаго, Марья Алексѣвна, сочиненіе Людовика XIV; это былъ, Марья Алексѣвна, французскій король, отецъ тому королю, на мѣсто котораго нынѣшній Наполеонъ сѣлъ.

— Значитъ, о божественномъ?

— О божественномъ, Марья Алексѣвна.

— Это хорошо, Михаилъ Иванычъ; то-то, я и знаю, что Дмитрій Сергѣичъ солидный молодой человѣкъ, а все-таки нуженъ глазъ-да-глазъ за всякимъ человѣкомъ!

— Конечно, у него не то на умѣ, Марья Алексѣвна, а я все-таки очень вамъ благодаренъ, Марья Алексѣвна, за ваше наблюденіе.

— Нельзя, наблюдаю, Михаилъ Иванычъ; такая ужь обязанность матери, чтобы дочь въ чистотѣ сохранить, и могу вамъ поручиться на счетъ Вѣрочки. Только вотъ что я думаю, Михаилъ Иванычъ: король-то французскій какой былъ вѣры?

— Католикъ, натурально.

— Такъ онъ тамъ не въ папскую ли вѣру обращаетъ?

— Не думаю, Марья Алексѣвна. Если бы католическій архіерей писалъ, онъ, точно, сталъ бы обращать въ папскую вѣру. А король не станетъ этимъ заниматься: онъ, какъ мудрый правитель и политикъ, просто будетъ внушать благочестіе.

Кажется, чего еще? Марья Алексѣвна не могла не видѣть, что Михаилъ Иванычъ, при всемъ своемъ ограниченномъ умѣ, разсудилъ очень основательно; но все-таки вывела дѣло уже совершенно на чистоту. Дня черезъ два, черезъ три, она вдругъ сказала Лопухову, играя съ нимъ и Михаиломъ Иванычемъ въ преферансъ.

— А что, Дмитрій Сергѣичъ, я хочу у васъ спросить: прошлаго французскаго короля отецъ, того короля, на мѣсто котораго нынѣшній Наполеонъ сѣлъ, велѣлъ въ папскую вѣру креститься?

— Нѣтъ, не велѣлъ, Марья Алексѣвна.

— А хороша папская вѣра, Дмитрій Сергѣичъ?

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, не хороша. А я семь въ бубнахъ сыграю.

— Это я такъ по любопытству спросила, Дмитрій Сергѣичъ, какъ я женщина неученая, а знать интересно. А много вы ремизовъ-то списали, Дмитрій Сергѣичъ!

— Нельзя, Марья Алексѣвна, тому насъ въ Академіи учатъ. Медику нельзя не умѣть играть.

Для Лопухова до сихъ поръ остается загадкою, зачѣмъ Марьѣ Алексѣвнѣ понадобилось знать, велѣлъ ли Филиппъ Эгалите креститься въ папскую вѣру.

Ну, какъ послѣ всего этого не было бы извинительно Марьѣ Алексѣвнѣ перестать утомлять себя неослабнымъ надзоромъ? и глазъ не запускаетъ за корсетъ, и лицо безчувственное, и божественныя книги даетъ читать, — кажется, довольно бы. Но нѣтъ, Марья Алексѣвна не удовлетворилась надзоромъ, а устроила даже пробу, будто учила «логику» которую и я училъ наизусть, говорящую: «наблюденіе явленій, каковыя происходятъ сами собою, должно быть повѣряемо опытами, производимыми по обдуманному плану, для глубочайшаго проникновенія въ тайны таковыхъ отношеній» ,— и устроила она эту пробу такъ, будто читала Саксона Грамматика, разсказывающаго, какъ испытывали Гамлета въ лѣсу дѣвицею.

VIII.

ГАМЛЕТОВСКОЕ ИСПЫТАНІЕ.

Однажды, Марья Алексѣвна сказала за чаемъ, что у нея разболѣлась голова; разливъ чай и запѣревъ сахарницу, ушла и улеглась. Вѣра и Лопуховъ остались сидѣть въ чайной комнатѣ, подлѣ спальной, куда ушла Марья Алексѣвна. Черезъ нѣсколько минутъ, больная кликнула Ѳедю. «Скажи сестрѣ, что ихъ разговоръ не даетъ мнѣ уснуть; пусть уйдутъ куда подальше, чтобъ не мѣшали. Да скажи хорошенько, чтобы не обидѣть Дмитрія Сергѣича: видишь, онъ какой заботливый о тебѣ». Ѳедя пошелъ и сказалъ, что маменька проситъ вотъ о чемъ. — «Пойдемъ-те въ мою комнату, Дмитрій Сергѣичъ,—она далеко отъ спальной, тамъ не будемъ мѣшать». Этого, разумѣется, и ждала Марья Алексѣвна. Черезъ четверть часа, она въ однихъ чулкахъ, безъ башмаковъ, подкралась къ двери Вѣрочкиной комнаты. Дверь была полуотворена; между дверью и косякомъ была такая славная щель,—Марья Алексѣвна приложила къ ней глазъ и навострила уши.

Увидѣла она слѣдующее:

Въ Вѣрочкиной комнатѣ было два окна, между оконъ стоялъ письменный столъ. У одного окна, съ одного конца стола сидѣла Вѣрочка и вязала шерстяной нагрудникъ отцу, свято исполняя заказъ Марьи Алексѣвны; у другаго окна, съ другаго конца стола, сидѣлъ Лопуховъ: локтемъ одной руки оперся на столъ, и въ этой рукѣ была сигара, а другая рука у него была засунута въ карманъ; разстоянія между нимъ и Вѣрочкою было аршина два, если не больше. Вѣрочка больше смотрѣла на свое вязанье; Лопуховъ больше смотрѣлъ на сигару. Диспозиція успокоительная.

Услышала она слѣдующее:

— ..... Надобно такъ смотрѣть на жизнь?—съ этихъ словъ начала слышать Марья Алексѣвна.

— Да, Вѣра Павловна, такъ надобно.

— Стало быть, правду говорятъ холодные практическіе люди, что человѣкомъ управляетъ только разсчетъ выгоды?

— Они говорятъ правду. То, что называютъ возвышенными

чувствами, идеальными стремленіями — все это въ общемъ ходѣ жизни совершенно ничтожно передъ стремленіемъ каждаго къ своей пользѣ, и въ корнѣ само состоитъ изъ того же стремленія къ пользѣ.

— Да вы, напримѣръ, развѣ вы таковъ?

— А каковъ же, Вѣра Павловна? Вы послушайте, въ чемъ существенная пружина всей моей жизни. Сущность моей жизни состояла до сихъ поръ въ томъ, что я учился, я готовился быть медикомъ. Прекрасно. Зачѣмъ отдалъ меня отецъ въ гимназію? Онъ твердилъ мнѣ: «учись, Митя; выучишься — чиновникъ будешь, насъ съ матерью кормить будешь, да и самому будетъ хорошо». Вотъ почему я учился; безъ этого разсчета отецъ не отдалъ бы меня учиться: вѣдь семейству нуженъ былъ работникъ. Да и я самъ, хотя полюбилъ ученье, сталъ ли бы тратить время на него, если бы не думалъ, что трата вознаградится съ процентами? Я сталъ оканчивать курсъ въ гимназіи; убѣдилъ отца отпустить меня въ медицинскую академію, вмѣсто того, чтобы опредѣлять въ чиновники. Какъ это произошло? Мы съ отцомъ видѣли, что медики живутъ гораздо лучше канцелярскихъ чиновниковъ и столоначальниковъ, выше которыхъ не подняться бы мнѣ. Вотъ вамъ причина, по которой я очутился и оставался въ Академіи — хорошій кусокъ хлѣба. Безъ этого разсчета я не поступилъ бы въ Академію и не оставался бы въ ней.

— Но вѣдь вы любили учиться въ гимназіи, вѣдь вы полюбили потомъ медицинскія науки?

— Да. Это украшеніе; оно и полезно для успѣха дѣла; но дѣло обыкновенно бываетъ и безъ этого украшенія, а безъ разсчета не бываетъ. Любовь къ наукѣ была только результатомъ, возникавшимъ изъ дѣла, а не причиною его; причина была одна — выгода.

— Положимъ, вы правы,—да, вы правы. Всѣ поступки, которыя я могу разобрать, объясняются выгодою. Но вѣдь эта теорія холодна.

— Теорія должна быть сама по себѣ холодна. Умъ долженъ судить о вещахъ холодно.

— Но она безпощадна.

— Къ фантазіямъ, которыя пусты и вредны.

— Но она прозаична.

— Для науки не годится стихотворная форма.

— Итакъ, эта теорія, которой я не могу не допустить, обрекаетъ людей на жизнь холодную, безжалостную, прозаичную?...

— Нѣтъ, Вѣра Павловна: эта теорія холодна, но учитъ человѣка добывать тепло. Спичка холодна, стѣна коробочки, о которую трется она — холодна, дрова — холодны, но отъ нихъ огонь, который готовитъ теплую пищу человѣку и грѣетъ его самого. Эта теорія безжалостна, но, слѣдуя ей, люди не будутъ жалкимъ предметомъ празднаго состраданія. Ланцетъ не долженъ гнуться — иначе, надобно будетъ жалѣть о паціэнтѣ, которому не будетъ легче отъ нашего сожалѣнія. Эта теорія прозаична, но она раскрываетъ истинные мотивы жизни, а поэзія въ правдѣ жизни. Почему Шекспиръ величайшій поэтъ? потому что въ немъ больше правды жизни, меньше обольщенія, чѣмъ у другихъ поэтовъ.

— Такъ буду и я безпощадна, Дмитрій Сергѣичъ, сказала Вѣрочка, улыбаясь: — вы не обольщайтесь мыслью, что имѣли во мнѣ упорную противницу вашей теоріи разсчета выгодъ и пріобрѣли ей новую послѣдовательницу. Я сама давно думала въ томъ родѣ, какъ прочла въ вашей книгѣ и услышала отъ васъ. Но я думала, что это мои личныя мысли, что умные и ученые люди думаютъ иначе, оттого и было колебанье. Все, что читаешь, бывало, — все написано въ противоположномъ духѣ, наполнено порицаніями, сарказмами противъ того, что замѣчаешь въ себѣ и другихъ. Природа, жизнь, разсудокъ ведутъ въ одну сторону, книги тянутъ въ другую, говорятъ: это дурно, низко. Знаете, мнѣ самой были отчасти смѣшны тѣ возраженія, которыя я вамъ дѣлала!

— Да, они смѣшны, Вѣра Павловна.

— Однако, сказала она смѣясь: — мы дѣлаемъ другъ другу удивительные комплименты. Я вамъ: вы, Дмитрій Сергѣичъ, пожалуйста, не слишкомъ-то поднимайте носъ; вы мнѣ: вы смѣшны съ вашими сомнѣніями, Вѣра Павловна!

— Чтожь, сказалъ онъ, тоже улыбнувшись: — намъ нѣтъ разсчета любезничать, потому мы не любезничаемъ.

— Хорошо, Дмитрій Сергѣичъ; люди — эгоисты, такъ вѣдь? Вотъ вы говорили о себѣ, — и я хочу поговорить о себѣ.

— Такъ и слѣдуетъ; каждый думаетъ всего больше о себѣ.

— Хорошо. Посмотримъ, не поймаю ли я васъ на вопросахъ о себѣ.

— Посмотримъ.

— У меня есть богатый женихъ. Онъ мнѣ не нравится. Должна ли я принять его предложеніе?

— Разсчитывайте, что для васъ полезнѣе.

— Что для меня полезнѣе! Вы знаете, я очень небогата. Съ одной стороны — нерасположеніе къ человѣку; съ другой — господство надъ нимъ, завидное положеніе въ обществѣ, деньги, толпа поклонниковъ.

— Взвѣсьте все; что полезнѣе для васъ, то и выбирайте.

— И если я выберу — богатство мужа и толпу поклонниковъ?

— Я скажу, что вы выбрали то, что вамъ казалось сообразнѣе съ вашимъ интересомъ.

— И что надобно будетъ сказать обо мнѣ?

— Если вы поступили хладнокровно, разсудительно обдумавъ, то надобно будетъ сказать, что вы поступили обдуманно и, вѣроятно, не будете жалѣть о томъ.

— Но будетъ мой выборъ заслуживать порицанія?

— Люди, говорящіе разные пустяки, могутъ говорить о немъ, какъ имъ угодно; люди, имѣющіе правильный взглядъ на жизнь, скажутъ, что вы поступили такъ, какъ слѣдовало вамъ поступить; если вы такъ сдѣлали, значитъ, такова была ваша личность, что нельзя вамъ было поступить иначе при такихъ обстоятельствахъ, они скажутъ, что вы поступили по необходимости вещей, что собственно говоря, вамъ и не было другаго выбора.

— И никакого порицанія моему поступку?

— Кто имѣетъ право порицать выводы изъ факта, когда существуетъ фактъ? Ваша личность въ данной обстановкѣ—фактъ; ваши поступки — необходимые выводы изъ этого факта, дѣлаемые природою вещей. Вы за нихъ не отвѣчаете, а порицать ихъ— глупо.

— Однако, вы не отступаете отъ своей теоріи. Такъ я не заслужу ваше порицаніе, если приму предложеніе моего жениха?

— Я былъ бы глупъ, если бы сталъ порицать.

— Итакъ, разрѣшеніе, — быть можетъ, даже одобреніе, — быть можетъ, даже прямой совѣтъ поступить такъ, какъ я говорю?

— Совѣтъ всегда одинъ: разсчитывайте, что для васъ полезно; какъ скоро вы слѣдуете этому совѣту — одобреніе.

— Благодарю васъ. Теперь мое личное дѣло разрѣшено. Вернемся къ первому, общему вопросу. Мы начали съ того, что чело-

вѣкъ дѣйствуетъ по необходимости, его дѣйствія опредѣляются вліяніями, подъ которыми происходятъ; болѣе сильныя вліянія берутъ верхъ надъ другими; тутъ мы и оставили разсужденіе, что когда поступокъ имѣетъ житейскую важность, эти побужденія называются выгодами, игра ихъ въ человѣкѣ—соображеніемъ выгодъ, что поэтому человѣкъ всегда дѣйствуетъ по разсчету выгодъ. Такъ я передаю связь мыслей?

— Такъ.

— Видите, какая я хорошая ученица. Теперь этотъ частный вопросъ о поступкахъ, имѣющихъ житейскую важность, конченъ. Но въ общемъ вопросѣ остаются затрудненія. Ваша книга говоритъ: человѣкъ дѣйствуетъ по необходимости. Но вѣдь есть случаи, когда кажется, что отъ моего произвола зависитъ поступить такъ или иначе. Напримѣръ: я играю и перевертываю страницы нотъ; я перевертываю ихъ иногда лѣвою рукою, иногда правою. Положимъ, теперь я перевернула правою: развѣ я не могла перевернуть лѣвою? не зависитъ ли это отъ моего произвола?

— Нѣтъ, Вѣра Павловна; если вы перевертываете, не думая ничего о томъ, какою рукою перевернуть, вы перевертываете тою рукою, которою удобнѣе, произвола нѣтъ; если вы подумали: «дай переверну правою рукою»—вы перевернете подъ вліяніемъ этой мысли, но эта мысль явилась не отъ вашего произвола; она необходимо родилась отъ другихъ...

Но на этомъ словѣ Марья Алексѣвна уже прекратила свое слушаніе: «ну, теперь занялись ученостью, —не по моей части, да и ненужно. Какой умный, основательный, можно сказать, благородный молодой человѣкъ! Какія благоразумныя правила внушаетъ Вѣрочкѣ. И что значитъ, ученый человѣкъ: вѣдь вотъ я то же самое стану говорить ей—не слушаетъ, обижается: не могу на нее потрафить, потому что не умѣю по ученому говорить. А вотъ какъ онъ по ученому-то говоритъ, она и слушаетъ, и видитъ, что правда, и соглашается. Да, не даромъ говорится: ученье свѣтъ, неученье тьма. Какъ бы я-то воспитанная женщина была, развѣ бы то было, что теперь? Мужа бы въ генералы произвела, по провіантской бы части мѣсто ему достала, или по другой по какой по такой же. Ну, конечно, дѣла бы за него сама вела съ подрядчиками-то: ему гдѣ—плохъ! Домъ-то бы не такой состроила, какъ этотъ. Не одну бы тысячу душъ купила. А теперь не могу. Тутъ надо прежде въ генеральскомъ обществѣ себя зарекомендовать, — а я какъ зарекомендую? — ни

по-французски, ни по каковски по ихнему не умѣю. Скажутъ: манеръ не имѣетъ, только на Сѣнной ругаться годится. Вотъ и не гожусь. Неученье—тьма. Подлинно: ученье свѣтъ, неученье—тьма».

Вотъ именно этотъ подслушанный разговоръ и привелъ Марью Алексѣевну къ убѣжденію, что бесѣды съ Дмитріемъ Сергѣичемъ не только не опасны для Вѣрочки,—это она и прежде думала,—а даже принесутъ ей пользу, помогутъ ея заботамъ, чтобы Вѣрочка бросила глупыя неопытныя дѣвическія мысли и поскорѣе покончила вѣнчаньемъ дѣло съ Михаломъ Иванычемъ.

IX.

Отношенія Марьи Алексѣевны къ Лопухову походятъ на фарсъ, сама Марья Алексѣевна выставляется черезъ нихъ въ смѣшномъ видѣ. То и другое рѣшительно противъ моей воли. Если бы я хотѣлъ заботиться о томъ, что называется у насъ художественностью, я скрылъ бы отношенія Марьи Алексѣевны къ Лопухову, разсказъ о которыхъ придаетъ этой части романа водевильный характеръ. Скрыть ихъ было бы легко. Существенный ходъ дѣла могъ быть объясненъ и безъ нихъ. Что удивительнаго было бы, что учитель и безъ дружбы съ Марьею Алексѣевною имѣлъ бы случаи говорить иногда, хоть изрѣдка, по нѣсколько словъ съ дѣвушкою, въ семействѣ которой даетъ уроки? Развѣ много нужно словъ, чтобъ росла любовь? Въ содѣйствіи Марьи Алексѣевны вовсе не было нужды для той развязки, какую получила встрѣча Вѣрочки съ Лопуховымъ. Но я разсказываю дѣло не такъ, какъ нужно для доставленія мнѣ художнической репутаціи, а какъ оно было. Я, какъ романистъ, очень огорченъ тѣмъ, что написалъ нѣсколько страницъ, унижающихся до водевильности.

Мое намѣреніе выставлять дѣло, какъ оно было, а не такъ, какъ мнѣ удобнѣе было бы разсказывать его, дѣлаетъ мнѣ и другую непріятность: я очень недоволенъ тѣмъ, что Марья Алексѣевна представляется въ смѣшномъ видѣ съ размышленіями своими о невѣстѣ, которую сочинила Лопухову, съ такими же фантастическими отгадываніями содержанія книгъ, которыя давалъ Лопуховъ Вѣрочкѣ, съ разсужденіями о томъ, не обращалъ ли людей въ папскую вѣру Филиппъ Эгалите и какія со-

чиненія писалъ Людовикъ XIV. Ошибаться можетъ каждый, ошибки могутъ быть нелѣпы, если человѣкъ судитъ о вещахъ, чуждыхъ его понятіямъ; но было бы несправедливо выводить изъ нелѣпыхъ промаховъ Марьи Алексѣвны, что ея расположеніе къ Лопухову основывалось лишь на этихъ задорахъ: нѣтъ, никакія фантазіи о богатой невѣстѣ и благочестіи Филиппа Эгалите ни на минуту не затмили бы ея здраваго смысла, если бы въ дѣйствительныхъ поступкахъ и словахъ Лопухова было замѣтно для нея хотя что нибудь подозрительное. Но онъ дѣйствительно держалъ себя такъ, какъ, по мнѣнію Марьи Алексѣвны, могъ держать себя только человѣкъ въ ея собственномъ родѣ; вѣдь онъ молодой, бойкій человѣкъ, не запускалъ глазъ за корсетъ очень хорошенькой дѣвушки, не таскался за нею по слѣдамъ, игралъ съ Марьею Алексѣвною въ карты безъ отговорокъ, не отзывался, что «лучше я посижу съ Вѣрою Павловною», разсуждалъ о вещахъ въ духѣ, который казался Марьѣ Алексѣвнѣ ея собственнымъ духомъ; подобно ей, онъ говорилъ, что все на свѣтѣ дѣлается для выгоды, что когда плутъ плутуетъ, нечего тутъ приходить въ азартъ и вопіять о принципахъ чести, которыя слѣдовало бы соблюдать этому плуту, что и самъ плутъ вовсе не напрасно плутъ, а такимъ ему и надобно быть по его обстоятельствамъ, что не быть ему плутомъ,—не говоря ужь о томъ, что это невозможно,—было бы нелѣпо, просто сказать глупо съ его стороны. Да, Марья Алексѣвна была права, находя много родственнаго себѣ въ Лопуховѣ.

Я понимаю, какъ сильно компрометируется Лопуховъ въ глазахъ просвѣщенной публики сочувствіемъ Марьи Алексѣвны къ его образу мыслей. Но я не хочу давать чотачки никому и не прячу этого обстоятельства, столь вреднаго для репутаціи Лопухова, хоть и доказалъ, что могъ утаить такую дурную сторону отношеній Лопухова въ семействѣ Розальскихъ; я дѣлаю даже больше: я самъ принимаюсь объяснять, что онъ именно заслуживалъ благосклонность Марьи Алексѣвны.

Дѣйствительно, изъ разговора Лопухова съ Вѣрочкою обнаруживается, что образъ его мыслей гораздо легче могъ показаться хорошъ людямъ въ родѣ Марьи Алексѣвны, чѣмъ краснорѣчивымъ партизанамъ разныхъ прекрасныхъ идей. Лопуховъ видѣлъ вещи въ тѣхъ самыхъ чертахъ, въ какихъ представляются онѣ всей массѣ рода человѣческаго, кромѣ партизановъ прекрасныхъ идей. Если Марья Алексѣвна могла повторить съ

удовольствіемъ отъ своего лица его внушенія Вѣрочкѣ по вопросу о предложеніи Сторешникова, то и онъ могъ бы съ удовольствіемъ подписать «правда» подъ ея пьяною исповѣдью Вѣрочкѣ. Сходство ихъ понятій было такъ велико, что просвѣщенные и благородные романисты, журналисты и другіе поучатели нашей публики давно провозгласили: «эти люди въ родѣ Лопухова ничѣмъ не разнятся отъ людей въ родѣ Марьи Алексѣвны». Если столь просвѣщенные и благородные писатели такъ поняли людей въ родѣ Лопухова, то неужели мы будемъ осуждать Марью Алексѣвну за то, что она не разсмотрѣла въ Лопуховѣ ничего, кромѣ того, что поняли въ людяхъ его разряда лучшіе наши писатели, мыслители и назидатели?

Конечно, если бы Марья Алексѣвна знала хотя половину того, что знаютъ эти писатели, у ней достало бы ума сообразить, что Лопуховъ плохая компанія для нея. Но кромѣ того, что она была женщина не ученая, она имѣетъ и другое извиненіе своей ошибкѣ: Лопуховъ не договаривался съ нею до конца. Онъ былъ пропагандистъ, но не такой, какъ любители прекрасныхъ идей, которые постоянно хлопочатъ о внушеніи Марьямъ Алексѣвнамъ благородныхъ понятій, какими восхищены сами въ себѣ. Онъ имѣлъ столько разсудительности, чтобы не выпрямлять 50-лѣтняго дерева. Онъ и она понимали факты одинаково, и толковали о нихъ. Какъ человѣкъ, теоретически образованный, онъ могъ дѣлать изъ фактовъ выводы, которыхъ не умѣли дѣлать люди подобные Марьѣ Алексѣвнѣ, не знающіе ничего, кромѣ обыденныхъ личныхъ заботъ да ходячихъ афоризмовъ простонародной общечеловѣческой мудрости: пословицъ, поговорокъ и тому подобныхъ старыхъ и старинныхъ, древнихъ и ветхихъ изреченій. Но до выводовъ у нихъ дѣло не доходило. Если бы, напримѣръ, онъ сталъ объяснять, что такое «выгода», о которой онъ толкуетъ съ Вѣрочкою, быть можетъ, Марья Алексѣвна поморщилась бы, увидѣвъ, что выгода этой выгоды не совсѣмъ сходна съ ея выгодою, но Лопуховъ не объяснялъ этого Марьѣ Алексѣвнѣ, а въ разговорѣ съ Вѣрочкою также не было такого объясненія, потому что Вѣрочка знала, каковъ смыслъ этого слова въ тѣхъ книгахъ, по поводу которыхъ они вели свой разговоръ. Конечно, и то правда, что, подписывая на пьяной исповѣди Марьи Алексѣвны «правда», Лопуховъ прибавилъ бы: «а такъ какъ по вашему собственному признанію, Марья Алексѣвна, новые порядки лучше прежнихъ, то я и не

запрещаю хлопотать о ихъ заведеніи тѣмъ людямъ, которые находятъ себѣ въ томъ удовольствіе; что же касается до глупости народа, которую вы считаете помѣхою заведенію новыхъ порядковъ, то дѣйствительно, она помѣха дѣлу; но вы сами не будете спорить, Марья Алексѣвна, что люди довольно скоро умнѣютъ, когда замѣчаютъ, что имъ выгодно стало поумнѣть, въ чемъ прежде не замѣчалась ими надобность; вы согласитесь также, что прежде и не было имъ возможности научиться уму разуму, а доставьте имъ эту возможность, то, пожалуй, вѣдь они и воспользуются ею». Но до этого онъ не договаривался съ Марьею Алексѣвною, и даже не по осторожности, хотя былъ остороженъ, а просто по тому же внушенію здраваго смысла и приличія, по которому не говорилъ съ нею на латинскомъ языкѣ и не утруждалъ ея слуха очень интересными для него самого разсужденіями о новѣйшихъ успѣхахъ медицины: онъ имѣлъ настолько разсудка и деликатности, чтобы не мучить человѣка декламаціями, непонятными для этого человѣка.

Но все это я говорю только въ оправданіе недосмотра Марьи Алексѣвны, не успѣвшей во время раскусить, что за человѣкъ Лопуховъ, а никакъ не въ оправданіе самому Лопухову. Лопухова оправдывать было бы не хорошо, а почему не хорошо, узришь ниже. Люди, которые, не оправдывая его, захотѣли бы, по человѣколюбію своему, извинить его, не могли бы извинить. Напримѣръ, они сказали бы въ извиненіе ему, что онъ былъ медикъ и занимался естественными науками, а это располагаетъ къ матеріалистическому взгляду. Но такое извиненіе очень плохо. Мало ли какія науки располагаютъ къ такому-же взгляду?—и математическія, и историческія, и общественныя, да и всякія другія. Но развѣ всѣ геометры, астрономы, всѣ историки, политико-экономы, юристы, публицисты, и всякіе другіе ученые такъ ужь и матеріалисты? Далеко нѣтъ. Стало быть, Лопуховъ не избавляется отъ своей вины. Сострадательные люди, не оправдывающіе его, могли бы также сказать ему въ извиненіе, что онъ не совершенно лишенъ нѣкоторыхъ похвальныхъ признаковъ: сознательно и твердо рѣшился отказаться отъ всякихъ житейскихъ выгодъ и почетовъ для работы на пользу другимъ, находя, что наслажденіе такою работою—лучшая выгода для него; на дѣвушку, которая была такъ хороша, что онъ влюбился въ нее, онъ смотрѣлъ такимъ чистымъ взглядомъ, какимъ не всякій братъ глядитъ на сестру; но противъ этого извиненія

его матеріализму надобно сказать, что вѣдь и вообще нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы совершенно безъ всякихъ признаковъ чего нибудь хорошаго, и что матеріалисты, каковы бы тамъ они ни были, все таки матеріалисты, а этимъ самымъ уже рѣшено и доказано, что они люди низкіе и безнравственные, которыхъ извинять нельзя, потому что извинять ихъ значило бы потворствовать матеріализму. И такъ, не оправдывая Лопухова, извинить его нельзя. А оправдать его тоже не годится, потому что любители прекрасныхъ идей и защитники возвышенныхъ стремленій, объявившіе матеріалистовъ людьми низкими и безнравственными, въ послѣднее время такъ отлично зарекомендовали себя со стороны ума, да и со стороны характера, въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей, матеріалистовъ ли, или нематеріалистовъ, что защищать кого нибудь отъ ихъ порицаній стало дѣломъ излишнимъ, а обращать вниманіе на ихъ слова стало дѣломъ неприличнымъ.

X.

Разумѣется, главнымъ содержаніемъ разговоровъ Вѣрочки съ Лопуховымъ было не то, какой образъ мыслей надобно считать справедливымъ, но вообще, они говорили между собою довольно мало, и длинные разговоры у нихъ, бывавшіе рѣдко, шли только о предметахъ постороннихъ, въ родѣ образа мыслей и тому подобныхъ сюжетовъ. Вѣдь они знали, что за ними слѣдятъ два очень зоркіе глаза. Потому о главномъ предметѣ, ихъ занимавшемъ, они обмѣнивались лишь нѣсколькими словами — обыкновенно, въ то время, какъ перебирали ноты, для игры и пѣнія. А этотъ главный предметъ, занимавшій такъ мало мѣста въ ихъ не слишкомъ частыхъ длинныхъ разговорахъ, и даже въ короткихъ разговорахъ занимавшій тоже лишь незамѣтное мѣсто, этотъ предметъ былъ не ихъ чувство другъ къ другу, — нѣтъ, о чувствѣ они не говорили ни слова послѣ первыхъ неопредѣленныхъ словъ въ первомъ ихъ разговорѣ на праздничномъ вечерѣ: имъ некогда было объ этомъ толковать; въ двѣ—три минуты, которыя выбирались на обмѣнъ мыслями безъ боязни подслушиванія, едва успѣвали они переговорить о другомъ предметѣ, который не оставлялъ имъ ни времени, ни охоты для объясненій въ чувствахъ,—это были хлопоты и раздумья о томъ,

когда и какъ удастся Вѣрочкѣ избавиться отъ ея страшнаго положенія.

На слѣдующее же утро послѣ перваго разговора съ нею, Лопуховъ уже разузналъ о томъ, какъ надобно приняться за дѣло о ея поступленіи въ актрисы. Онъ зналъ, что дѣвушкѣ представляется много непріятныхъ опасностей на пути къ сценѣ, но полагалъ, что при твердомъ характерѣ можетъ она пробиться прямою дорогою. Оказалось не такъ. Пришедши черезъ два дня на урокъ, онъ долженъ былъ сказать Вѣрочкѣ: «совѣтую вамъ оставить мысль о томъ, чтобы сдѣлаться актрисою».—«Почему?»—«Потому, что ужь лучше было бы вамъ идти за вашего жениха». На томъ разговоръ и прекратился. Это было сказано, когда онъ и Вѣрочка брали ноты, онъ—чтобы играть, она—чтобы пѣть. Вѣрочка повѣсила было голову и нѣсколько разъ сбивалась съ такта, хотя пѣла пьесу очень знакомую. Когда пьеса кончилась, и они стали говорить о томъ, какую выбрать теперь другую, Вѣрочка уже сказала: «А это мнѣ казалось самое лучшее. Тяжело было услышать, что это невозможно. Но—труднѣе будетъ жить, а все таки можно будетъ жить. Пойду въ гувернантки».

Когда онъ опять былъ, черезъ два дня, у нихъ, она сказала: «Я не могла найти, черезъ кого бы мнѣ искать мѣста гувернантки. Похлопочите, Дмитрій Сергѣичъ: кромѣ васъ некому.» — «Жаль, у меня мало знакомыхъ, которые могли бы тутъ быть полезны. Семейства, въ которыхъ я даю или давалъ уроки, все люди небогатые, и ихъ знакомые почти все такіе же, но попробуемъ».—«Другъ мой, я отнимаю у васъ время, но какъ же быть».—«Вѣра Павловна, нечего говорить о моемъ времени, когда я вашъ другъ».

Вѣрочка и улыбнулась, и покраснѣла: она сама не замѣтила, какъ имя «Дмитрій Сергѣичъ» замѣнилось у ней именемъ «друга».

Лопуховъ тоже улыбнулся.—Вы не хотѣли этого сказать, Вѣра Павловна, — отнимите у меня это имя, если жалѣете, что дали его.

Вѣрочка улыбнулась: — «поздно»—и покраснѣла, — «и не жалѣю»—и покраснѣла еще больше.

— Если будетъ надобно, то увидите, что вѣрный другъ.

Они пожали другъ другу руки.

Вотъ вамъ и всѣ первые два разговора послѣ того вечера.

Черезъ два дня, въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано объявленіе, что «благородная дѣвица, говорящая по французски и по нѣмецки и проч., ищетъ мѣста гувернантки, и что спросить у ней можно у чиновника такого-то, въ Коломнѣ, въ NN улицѣ. въ домѣ NN».

Теперь Лопухову пришлось, дѣйствительно, тратить много времени по дѣлу Вѣрочки. Каждое утро онъ отправлялся, большею частью пѣшкомъ, съ Выборгской стороны въ Коломну къ своему знакомому, адресъ котораго былъ выставленъ въ объявленіи. Путешествіе было далекое; но другаго такого знакомаго, поближе къ Выборгской сторонѣ, не нашлось; вѣдь надобно было. чтобы въ знакомомъ соединялось много условій: порядочная квартира, хорошія семейныя обстоятельства, почтенный видъ. Бѣдная квартира поведетъ къ предложенію невыгодныхъ условій гувернанткѣ; безъ почтенности и видимой хорошей семейной жизни рекомендующаго лица не будутъ имѣть выгоднаго мнѣнія о рекомендуемой дѣвушкѣ. А своего адреса ужь конечно никакъ не могъ Лопуховъ выставить въ объявленіи: что подумали-бы о дѣвушкѣ, о которой некому позаботиться, кромѣ какъ студенту! Такимъ образомъ, Лопуховъ и дѣлалъ порядочный моціонъ. Забравъ у чиновника адресы являвшихся искать гувернантку, онъ пускался продолжать путешествіе: чиновникъ говорилъ, что онъ дальній родственникъ дѣвушки, и только посредникъ, а есть у ней племянникъ, который завтра самъ пріѣдетъ переговорить пообстоятельнѣе. Племянникъ, вмѣсто того чтобы пріѣзжать, приходилъ, всматривался въ людей, и разумѣется, большею частію оставался недоволенъ обстановкою: въ одномъ семействѣ, слишкомъ надменны; въ другомъ — мать семейства хороша, отецъ дуракъ, въ третьемъ на оборотъ, и т. д., въ иныхъ и можно бы жить, да условія невозможныя для Вѣрочки: или надобно говорить по англійски, — она не говоритъ; или хотятъ имѣть собственно не гувернантку, а няньку; или, люди всѣмъ хороши, кромѣ того что сами бѣдны, и въ квартирѣ нѣтъ помѣщенія для гувернантки, кромѣ дѣтской, съ двумя большими дѣтьми, двумя малютками, нянькою и кормилицею. Но объявленія продолжали являться въ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ, продолжали являться и ищущіе гувернантки, и Лопуховъ не терялъ надежды.

Въ этихъ поискахъ прошло недѣли двѣ. На пятый день пои-

сковъ, когда Лопуховъ, возвратившись изъ хожденій по Петербургу, лежалъ на своей кушеткѣ, Кирсановъ сказалъ:

— Дмитрій, ты сталъ плохимъ товарищемъ мнѣ въ работѣ. Пропадаешь каждый день на цѣлое утро, и на половину дней пропадаешь по вечерамъ. Нахватался уроковъ, что ли? Такъ время ли теперь набирать ихъ? Я хочу бросить и тѣ, которые у меня есть. У меня есть рублей 40 — достанетъ на три мѣсяца до окончанія курса. А у тебя было больше денегъ въ запасѣ, кажется, рублей до сотни?

— Больше, до полутораста. Да у меня не уроки: я ихъ бросилъ всѣ, кромѣ одного. У меня дѣло. Кончу его — не будешь на меня жаловаться, что отстаю отъ тебя въ работѣ.

— Какое же?

— Видишь, на томъ урокѣ, котораго я не бросилъ, семейство дрянное, а въ немъ есть порядочная дѣвушка. Хочетъ быть гувернанткой, чтобъ уйти отъ семейства. Вотъ я ищу для нея мѣста.

— Хорошая дѣвушка?

— Хорошая.

— Ну, это хорошо. Ищи. — Тѣмъ разговоръ и кончился.

Эхъ, господа Кирсановъ и Лопуховъ, ученые вы люди, а не догадались, что особенно-то хорошо! Положимъ, и то хорошо, о чемъ вы говорили. Кирсановъ и не подумалъ спросить, хороша ли собою дѣвушка, Лопуховъ и не подумалъ упомянуть объ этомъ. Кирсановъ и не подумалъ сказать: «да ты, братъ, не влюбился ли, что больно усердно хлопочешь», Лопуховъ и не подумалъ сказать: «а я, братъ, очень ею заинтересовался», или, если не хотѣлъ говорить этого, то и не подумалъ замѣтить въ предотвращеніе такой догадки: «ты не подумай, Александръ, что я влюбился». Имъ, видите ли, обоимъ думалось, что когда дѣло идетъ объ избавленіи человѣка отъ дурнаго положенія, то нимало не относится къ дѣлу, красиво ли лицо у этого человѣка, хотя бы онъ даже былъ и молодая дѣвушка, а о влюбленности или невлюбленности тутъ нѣтъ и рѣчи. Они даже и не подумали того, что думаютъ это; а вотъ это-то и есть самое лучшее, что они и не замѣчали, что думаютъ это.

А впрочемъ, не показываетъ ли это проницательному сорту читателей (большинству записныхъ литературныхъ людей показываетъ — вѣдь оно состоитъ изъ проницательнѣйшихъ господъ) не показываетъ ли это, говорю я, что Кирсановъ и Лопуховъ были люди сухіе, безъ эстетической жилки? Это было еще, недав-

но, модное выраженіе у эстетическихъ литераторовъ съ возвышенными стремленіями: «эстетическая жилка», можетъ быть, и теперь остается модными у нихъ движеніемъ—не знаю, я давно ихъ не видалъ. Натурально ли, чтобы молодые люди, если въ нихъ есть капля вкуса и хоть маленькій кусочекъ сердца, не поинтересовались вопросомъ о лицѣ, говоря про дѣвушку? Конечно, это люди безъ художественнаго чувства (эстетической жилки). А по мнѣнію другихъ, изучавшихъ натуру человѣка въ кругахъ, еще болѣе богатыхъ эстетическимъ чувствомъ, чѣмъ компанія нашихъ эстетическихъ литераторовъ, молодые люди въ такихъ случаяхъ непремѣнно потолкуютъ о женщинѣ даже съ самой пластической стороны. Оно такъ и было, да не теперь, господа; оно и теперь такъ бываетъ, да не въ той части молодежи, которая одна и называется нынѣшней молодежью. Это, господа, странная молодежь.

XI.

— Что, мой другъ, все еще нѣтъ мѣста?

— Нѣтъ еще, Вѣра Павловна; но не унывайте, найдется. Каждый день я бываю въ двухъ, въ трехъ семействахъ. Нельзя же, чтобы не нашлось наконецъ порядочное, въ которомъможно жить.

— Ахъ, но если бы вы знали, мой другъ, какъ тяжело, тяжело мнѣ оставаться здѣсь. Когда мнѣ не представлялось близко возможности избавиться отъ этого униженія, этой гадости, я насильно держала себя въ какомъ-то мертвомъ безчувствіи. Но теперь, мой другъ, слишкомъ душно въ этомъ гниломъ, гадкомъ воздухѣ.

— Терпѣніе, терпѣніе, Вѣра Павловна, найдемъ.

Въ этомъ родѣ были разговоры съ недѣлю. — Вторникъ:

— Терпѣніе, терпѣніе, Вѣра Павловна, найдемъ!

— Другъ мой, сколько хлопотъ вамъ, сколько потери времени! Чѣмъ я вознагражу васъ?

— Вы вознаградите меня, мой другъ, если не разсердитесь.

Лопуховъ сказалъ, и смутился. Вѣрочка посмотрѣла на него — нѣтъ, онъ не то, что недоговорилъ, онъ не думалъ продолжать, онъ ждетъ отъ нея отвѣта. — Да за что же, мой другъ, что вы сдѣлали?

Лопуховъ еще больше смутился, и какъ будто опечалился.

— Что съ вами, мой другъ?

— Да, вы и не замѣтили, — онъ сказалъ это такъ грустно, и потомъ засмѣялся такъ весело. — Ахъ Боже мой, какъ я глупъ, какъ я глупъ! простите меня, мой другъ!

— Ну, что такое?

— Ничего. Вы ужь наградили меня.

— Ахъ, вотъ что! Какой же вы чудакъ! — Ну, хорошо, зовите такъ.

Въ четвергъ было Гамлетовское испытаніе по Саксону Грамматику. Послѣ того, на нѣсколько дней, Марья Алексѣвна даетъ себѣ нѣкоторый (небольшой) отдыхъ въ надзорѣ.

Суббота. Послѣ чаю, Марья Алексѣвна уходитъ считать бѣлье, принесенное прачкою.

— Мой другъ, дѣло, кажется, устроится.

— Да? — Если такъ... ахъ, Боже мой... ахъ, Боже мой, скорѣе! Я, кажется, умру, если это еще продлится. Когда же и какъ?

— Рѣшится завтра. Почти, почти несомнѣнная надежда.

— Что же, какъ же?

— Держите себя смирно, мой другъ: замѣтятъ! вы чуть не прыгаете отъ радости. Вѣдь Марья Алексѣвна можетъ сейчасъ войти зачѣмъ нибудь.

— А самъ хорошъ! Вошелъ, сіяетъ, такъ что маменька долго смотрѣла на васъ.

— Что жь, я ей сказалъ, отчего я веселъ, я замѣтилъ, что надобно было ей сказать, я такъ и сказалъ: «я нашелъ отличное мѣсто».

— Несносный, несносный! Вы занимаетесь предостереженіями мнѣ, и до сихъ поръ ничего не сказали. Что же, говорите наконецъ.

— Нынче поутру, Кирсановъ, — вы знаете, мой другъ, фамилія моего товарища Кирсановъ....

— Знаю, несносный, несносный, знаю! говорите же скорѣе, безъ этихъ глупостей.

— Сами мѣшаете, мой другъ!

— Ахъ, Боже мой! и все замѣчанія, вмѣсто того, чтобы говорить дѣло. Я не знаю, что я съ вами сдѣлала бы — я васъ на колѣни поставлю: здѣсь нельзя, — велю вамъ стать на колѣни на вашей квартирѣ, когда вы вернетесь домой, и чтобы вашъ Кир-

самъ смотрѣлъ, и прислалъ мнѣ записку, что вы стояли на колѣнахъ, — слышите, что я съ вами сдѣлаю?

— Хорошо, я буду стоять на колѣняхъ. А теперь молчу. Когда исполню наказаніе, буду прощенъ, тогда и буду говорить.

— Прощаю, только говорите, несносный.

— Благодарю васъ. Вы прощаете, Вѣра Павловна, когда сами виноваты. Сами все перебивали.

— Вѣра Павловна? Это что? А вашъ другъ гдѣ же?

— Да, это былъ выговоръ, мой другъ. Я человѣкъ обидчивый и суровый.

— Выговоръ? Вы смѣете давать мнѣ выговоры? Я не хочу васъ слушать.

— Не хотите?

— Конечно, не хочу. Что мнѣ еще слушать? Вѣдь вы ужь все сказали; что дѣло почти кончено, что завтра оно рѣшится, — видите, мой другъ, вѣдь вы сами еще ничего не знаете нынче. Что же слушать? До свиданья, мой другъ!

— Да послушайте, мой другъ..... Другъ мой, послушайте же!

— Не слушаю, и ухожу. — Вернулась. Говорите скорѣе, не буду перебивать. Ахъ, Боже мой, если бъ вы знали, какъ вы меня обрадовали! Дайте вашу руку. Видите, какъ крѣпко, крѣпко жму.

— А слезы на глазахъ зачѣмъ?

— Благодарю васъ, благодарю васъ.

— Нынче по утру Кирсановъ далъ мнѣ адресъ дамы, которая назначила мнѣ завтра быть у нея. Я лично незнакомъ съ нею, но очень много слышалъ о ней отъ нашего общаго знакомаго, который и былъ посредникомъ. Мужа ея знаю я самъ, — мы видѣлись у этого моего знакомаго, много разъ. Судя по всему этому, я увѣренъ, что въ ея семействѣ можно жить. А она, когда давала адресъ моему знакомому, для передачи мнѣ, сказала, что увѣрена, что сойдется со мною въ условіяхъ. Стало быть, мой другъ, дѣло можно считать почти совершенно конченнымъ.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо! какая радость! твердила Вѣрочка.—Но я хочу знать это скорѣе, какъ можно скорѣе. Вы отъ нея проѣдете прямо къ намъ?

— Нѣтъ, мой другъ, это возбудитъ подозрѣнія. Вѣдь я бываю у васъ только для уроковъ. Мы сдѣлаемъ вотъ что. Я пришлю по городской почтѣ письмо къ Марьѣ Алексѣвнѣ, что не могу

быть на урокѣ во вторникъ, и перенону его на среду. Если будетъ написано: на среду утро — значитъ, дѣло состоялось; на среду вечеръ—неудача. Но почти несомнѣнно «на утро». Марья Алексѣвна это разскажетъ и Ѳедѣ, и вамъ, и Павлу Константинычу.

— Когда же придетъ письмо?

— Вечеромъ.

— Такъ долго! нѣтъ, у меня не достанетъ терпѣнья. И чтожъ я узнаю изъ письма? Только «да» — и потомъ ждать до среды! Это мученье! Если «да», я какъ можно скорѣе уѣду къ этой дамѣ. Я хочу знать тотчасъ же. Какъ же это сдѣлать? Я сдѣлаю вотъ что: я буду ждать васъ на улицѣ, когда вы пойдете отъ этой дамы.

— Другъ мой, да это было бы еще неосторожнѣе, чѣмъ мнѣ пріѣхать къ вамъ. Нѣтъ, ужь лучше я пріѣду.

— Нѣтъ, здѣсь, можетъ быть, нельзя было бъ и говорить. И во всякомъ случаѣ, маменька стала бы подозрѣвать. Нѣтъ, лучше такъ, какъ я вздумала. У меня есть такой густой вуаль, что никто не узнаетъ.

— А что же, и въ самомъ дѣлѣ, кажется, это можно. Дайте подумать.

— Некогда думать. Маменька можетъ войти каждую минуту. Гдѣ живетъ эта дама?

— Въ Галерной, подлѣ моста.

— Во сколько часовъ вы будете у нея?

— Она назначила въ двѣнадцать.

— Съ двѣнадцати, я буду сидѣть на Конно-Гвардейскомъ Бульварѣ, на послѣдней скамьѣ того конца, который ближе къ мосту. Я сказала, что на мнѣ будетъ густой вуаль. Но вотъ вамъ примѣта: я буду держать въ рукѣ свертокъ нотъ. Если меня еще не будетъ, значитъ, меня задержали. Но вы садитесь на эту скамью и ждите. Я могу опоздать, но буду непремѣнно. Какъ я хорошо придумала! Какъ я вамъ благодарна! Какъ я буду счастлива! Что ваша невѣста, Дмитрій Сергѣичъ? Вы ужь разжалованы изъ друзей въ Дмитрія Сергѣича. Какъ я рада, какъ я рада! — Вѣрочка побѣжала къ фортепьяно, и начала играть.

— Другъ мой, какое униженье искусства! Какая порча вашего вкуса! Оперы брошены для галоповъ!

— Брошены, брошены!

Черезъ нѣсколько минутъ вошла Марья Алексѣвна. Дмитрій

Сергѣичъ поигралъ съ нею въ преферансъ въ двоемъ, сначала выигрывалъ, потомъ далъ отыграться, даже проигралъ 35 копѣекъ, — это въ первый разъ снабдилъ онъ ее торжествомъ, и уходя, оставилъ ее очень довольною, — не деньгами, а собственно торжествомъ: есть часто идеальныя радости у самыхъ погрязшихъ въ матеріализмѣ сердецъ, чѣмъ и доказывается, что матеріалистическое объясненіе жизни неудовлетворительно.

XII.

ПЕРВЫЙ СОНЪ ВѢРОЧКИ.

И снится Вѣрочкѣ сонъ.

Снится ей, что она заперта въ сыромъ, темномъ подвалѣ. И вдругъ, дверь растворилась, и Вѣрочка очутилась въ полѣ, бѣгаетъ, рѣзвится, и думаетъ: «какъ же это я могла не умереть въ подвалѣ?»—«это потому, что я не видала поля; если бы я видала его, я бы умерла въ подвалѣ», — и опять бѣгаетъ, рѣзвится. Снится ей, что она разбита параличемъ, и она думаетъ: «какъ же это я разбита параличемъ? Это бываютъ разбиты старики, старухи, а молодыя дѣвушки не бываютъ».—«Бываютъ, часто бываютъ, говоритъ чей-то незнакомый голосъ, а ты теперь будешь здорова, вотъ только я коснусь твоей руки,—видишь, ты ужь и здорова, вставай же». — Кто жь это говоритъ? — А какъ стало легко! — вся болѣзнь прошла, — и Вѣрочка встала, идетъ, бѣжитъ, и опять на полѣ, и опять рѣзвится, бѣгаетъ, и опять думаетъ: «какъ же это я могла переносить параличъ?» — «это потому, что я родилась въ параличѣ, не знала, какъ ходятъ и бѣгаютъ; а если бъ знала, не перенесла бы», — и бѣгаетъ, рѣзвится. А вотъ идетъ по полю дѣвушка, — какъ странно! — и лицо, и походка, все мѣняется, безпрестанно мѣняется въ ней; вотъ она англичанка, француженка, вотъ она ужь нѣмка, полячка, вотъ стала и русская, опять англичанка, опять нѣмка, опять русская,—какъ же это у ней все одно лицо? Вѣдь англичанка не похожа на француженку, нѣмка на русскую, а у ней и мѣняется лицо, и все одно лицо,—какая странная! и выраженіе лица безпрестанно мѣняется: какая кроткая! какая сердитая! вотъ, печальная, вотъ, веселая,—все мѣняется! а все добрая,—какъ же это, и когда сердитая, все добрая? но только, какая же она красавица!

какъ ни мѣняется лицо, съ каждою перемѣною все лучше, все лучше. Подходитъ къ Вѣрочкѣ. —«Ты кто?» — «Онъ прежде звалъ меня: Вѣра Павловна, а теперь зоветъ: мой другъ.»—«А, такъ это ты та Вѣрочка, которая меня полюбила?» — «Да, я васъ очень люблю. Только, кто же вы?»—«Я невѣста твоего жениха».—«Какого жениха?» — «Я не знаю. Я не знаю своихъ жениховъ. Они меня знаютъ, а мнѣ нельзя ихъ знать: у меня ихъ много. Ты кого нибудь изъ нихъ выбери себѣ въ женихи, только изъ нихъ, изъ моихъ жениховъ».—«Я выбрала....»—«Имени мнѣ не нужно, я ихъ не знаю. Но только выбирай изъ нихъ, изъ моихъ жениховъ. Я хочу, чтобъ мои сестры и женихи выбирали только другъ друга. Ты была заперта въ подвалѣ? Была разбита параличомъ?» — «Была.»—«Теперь избавилась?» — «Да.» — «Это я тебя выпустила, я тебя вылечила. Помни же, что еще много невыпущенныхъ, много невылеченныхъ. Выпускай, лечи. Будешь?»—«Буду. Только какъ же васъ зовутъ? мнѣ такъ хочется знать». — «У меня много именъ. У меня разныя имена. Кому какъ надобно меня звать, такое имя я ему и сказываю. Ты меня зови любовью къ людямъ. Это и есть мое настоящее имя. Меня немногіе такъ зовутъ. А ты зови такъ». — И Вѣрочка идетъ по городу: вотъ подвалъ, — въ подвалѣ заперты дѣвушки. Вѣрочка притронулась къ замку, — замокъ слетѣлъ: «идите» — онѣ выходятъ. Вотъ комната, — въ комнатѣ лежатъ дѣвушки, разбиты параличемъ: «вставайте» — онѣ встаютъ, идутъ, и всѣ онѣ опять на полѣ, бѣгаютъ, рѣзвятся, — ахъ, какъ весело! съ ними вмѣстѣ гораздо веселѣе, чѣмъ одной! Ахъ, какъ весело!

XIII.

Въ послѣднее время, Лопухову некогда было видѣться съ своими академическими знакомыми. Кирсановъ, продолжавшій видѣться съ ними, на вопросы о Лопуховѣ отвѣчалъ, что у него, между прочимъ, вотъ какая забота, и одинъ изъ нихъ обязанъ пріятелей, какъ мы знаемъ, далъ ему адресъ дамы, къ которой теперь отправлялся Лопуховъ.

«Какъ отлично устроится, если это будетъ такъ, думалъ Лопуховъ, по дорогѣ къ ней: — черезъ два, много черезъ два съ половиною года, я буду имѣть каѳедру. Тогда можно будетъ жить. А пока, она проживетъ спокойно у Б., — если только Б.

дѣйствительно хорошая женщина, — да въ этомъ нельзя и сомнѣваться».

Дѣйствительно, Лопуховъ нашелъ въ г-жѣ Б. женщину умную, добрую, безъ претензій, хотя по службѣ мужа, по своему состоянію, родству она могла бы имѣть большія претензіи. Ея условія были хороши, семейная обстановка для Вѣрочки очень покойна, — все оказалось отлично, какъ и ждалъ Лопуховъ. Г-жа Б. также находила удовлетворительными отвѣты Лопухова о характерѣ Вѣрочки, дѣло быстро шло на ладь, и потолковавъ полчаса, г-жа Б. сказала, что «если ваша молоденькая тетушка будетъ согласна на мои условія, прошу ее переселяться ко мнѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ пріятнѣе для меня».

— Она согласна; она уполномочила меня согласиться за нее. Но теперь, когда мы рѣшили, я долженъ сказать вамъ то, о чемъ напрасно было бы говорить прежде, чѣмъ сошлись мы. Эта дѣвушка мнѣ не родственница. Она дочь чиновника, у котораго я даю уроки. Кромѣ меня, она не имѣла человѣка, которому могла бы поручить хлопоты. Но я совершенно посторонній человѣкъ ей.

— Я это знала, мсьё Лопуховъ. Вы, профессоръ N (она назвала фамилію знакомаго, черезъ котораго полученъ былъ адресъ) и вашъ товарищъ, говорившій съ нимъ о вашемъ дѣлѣ, знаете другъ друга за людей достаточно чистыхъ, чтобы вамъ можно было говорить между собою о дружбѣ одного изъ васъ съ молодою дѣвушкою, не компрометируя эту дѣвушку во мнѣніи другихъ двухъ. А N. такого же мнѣнія обо мнѣ, и зная, что я ищу гувернантку, онъ почелъ себя въ правѣ сказать мнѣ, что эта дѣвушка не родственница вамъ. Не порицайте его за нескромность,— онъ очень хорошо знаетъ меня. Я тоже честный человѣкъ, мсьё Лопуховъ, и повѣрьте, я понимаю, кого можно уважать. Я вѣрю N. столько же, какъ сама себѣ, а N. вамъ столько же, какъ самъ себѣ. Но N. не зналъ ея имени, теперь, кажется, я могу уже спросить его, вѣдь мы кончили, и нынче-завтра она войдетъ въ наше семейство.

— Ее зовутъ Вѣра Павловна Розальская.

— Теперь, еще объясненіе съ моей стороны. Вамъ можетъ казаться страннымъ, что я, при своей заботливости о дѣтяхъ, рѣшилась кончить дѣло съ вами, не видѣвъ ту, которая будетъ имѣть такое близкое отношеніе къ моимъ дѣтямъ. Но я очень, очень хорошо знаю, изъ какихъ людей состоитъ вашъ кружокъ.

Я знаю, что если одинъ изъ васъ принимаетъ такое дружеское участіе въ человѣкѣ, то этотъ человѣкъ долженъ быть рѣдкой находкой для матери, желающей видѣть свою дочь дѣйствительно хорошимъ человѣкомъ. Потому осмотръ мнѣ казался совершенно излишнею деликатностью. Я говорю комплиментъ не вамъ, а себѣ.

— Я очень радъ теперь за m-lle Розальскую. Ея домашняя жизнь была такъ тяжела, что она чувствовала бы себя очень счастливою во всякомъ сносномъ семействѣ. Но я не мечталъ, чтобы нашлась для нея такая дѣйствительно хорошая жизнь, какую она будетъ имѣть у васъ.

— Да, N. говорилъ мнѣ, что ей было дурно жить въ семействѣ.

— Очень дурно.—Лопуховъ сталъ разсказывать то, что нужно было знать г-жѣ Б., чтобы въ разговорахъ съ Вѣрою избѣгать предметовъ, которые напоминали бы дѣвушкѣ ея прошлыя непріятности. Г-жа Б. слушала съ участіемъ, наконецъ пожала руку Лопухову:—Нѣтъ, довольно, мсьё Лопуховъ, или я расчувствуюсь, а въ мои лѣта, — вѣдь мнѣ подъ 40,—было бы смѣшно показать, что я до сихъ поръ не могу равнодушно слушать о семейномъ тиранствѣ, отъ котораго сама терпѣла въ молодости.

— Позвольте же сказать еще только одно; это такъ неважно для васъ, что можетъ быть и не было бы надобности говорить. Но все таки, лучше предупредить. Теперь она бѣжитъ отъ жениха, котораго ей навязываетъ мать.

Г-жа Б. задумалась. Лопуховъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее и тоже задумался.

— Если не ошибаюсь, это обстоятельство не кажется для васъ такимъ маловажнымъ, какимъ представлялось мнѣ?

Г-жа Б. казалась совершенно разстроенною.

— Простите меня, продолжалъ онъ, видя, что она совершенно растерялась:—простите меня, но я вижу, что это васъ затрудняетъ.

— Да, это дѣло очень серьёзное, мсьё Лопуховъ. Уѣхать изъ дома противъ воли родныхъ, — это, конечно, уже значитъ вызывать сильную ссору. Но это, какъ я вамъ говорила, было бы еще ничего. Если бы она бѣжала только отъ грубости и тиранства ихъ, съ ними было бы можно уладить такъ или иначе,— въ крайнемъ случаѣ, нѣсколько лишнихъ денегъ, и они удовле-

творены. Это ничего. Но... такая мать навязываетъ ей жениха; значитъ, женихъ богатый, очень выгодный.

— Конечно, сказалъ Лопуховъ совершенно унылымъ тономъ.

— Конечно, мсьё Лопуховъ, конечно, богатый; вотъ это-то меня и смутило. Вѣдь въ такомъ случаѣ, мать не можетъ быть примирена ничѣмъ. А вы знаете права родителей! Въ этомъ случаѣ, они воспользуются ими вполнѣ. Они начнутъ процессъ и поведутъ его до конца.

Лопуховъ всталъ.

— И такъ, мнѣ остается просить васъ, чтобы то, что было говорено мною, было забыто вами.

— Нѣтъ, останьтесь. Дайте же мнѣ хоть сколько нибудь оправдаться передъ вами. Боже мой, какъ дурна должна я казаться въ вашихъ глазахъ! То, что должно заставлять каждаго порядочнаго человѣка сочувствовать, защищать,—это самое останавливаетъ меня. О, какіе мы жалкіе люди!

На нее, въ самомъ дѣлѣ, было жалко смотрѣть: она не прикидывалась. Ей было, въ самомъ дѣлѣ, больно. Довольно долго ея слова были безсвязны, — такъ она была сконфужена за себя; потомъ, мысли ея пришли въ порядокъ, но и безсвязныя, и въ порядкѣ, онѣ уже не говорили Лопухову ничего новаго. Да и самъ онъ былъ также разстроенъ. Онъ былъ такъ занятъ открытіемъ, которое она сдѣлала ему, что не могъ заниматься ея объясненіями по случаю этого открытія. Давши ей наговориться въ волю, онъ сказалъ:

— Все, что вы говорили въ свое извиненіе, было напрасно. Я обязанъ былъ оставаться, чтобы не быть грубымъ, не заставить васъ подумать, что я виню или сержусь. Но, признаюсь вамъ, я не слушалъ васъ. О, если бъ я не зналъ, что вы правы! Да, какъ это было бы хорошо, если бъ вы не были правы. Я сказалъ бы ей, что мы не сошлись въ условіяхъ, или что вы не понравились мнѣ! — и только, и мы съ нею стали бы надѣяться встрѣтить другой случай избавленія. А теперь, что я ей скажу?

Г-жа Б. плакала.

— Что я ей скажу? повторялъ Лопуховъ, сходя съ лѣстницы.—Какъ же это ей быть? Какъ же это ей быть? думалъ онъ, выходя изъ Галерной въ улицу, которая ведетъ на Конно-Гвардейскій Бульваръ.

Разумѣется, г-жа Б. не была права въ томъ безусловномъ

смыслѣ, въ какомъ правы люди, доказывающіе ребятишкамъ, что мѣсяца нельзя достать рукою. При ея положеніи въ обществѣ, при довольно важныхъ должностныхъ связяхъ ея мужа, очень вѣроятно, даже несомнѣнно, что если бы она ужъ непремѣнно захотѣла, чтобы Вѣрочка жила у нея, то Марья Алексѣвна не могла бы ни вырвать Вѣрочку изъ ея рукъ, ни сдѣлать серьёзныхъ непріятностей ни ей, ни ея мужу, который былъ бы оффиціальнымъ отвѣтчикомъ по процессу, и за котораго она боялась. Но все таки, г–жѣ Б. пришлось бы имѣть довольно хлопотъ, быть можетъ и нѣкоторыя непріятные разговоры; надобно было бы одолжаться по чужому дѣлу людьми, услуги которыхъ лучше приберечь для своихъ дѣлъ. Кто обязанъ и какой благоразумный человѣкъ захочетъ поступать не такъ, какъ г–жа Б? мы нисколько не въ правѣ осуждать ее; да и Лопуховъ не былъ неправъ, отчаявшись за избавленіе Вѣрочки.

XIV.

А Вѣрочка давно, давно сидѣла на условленной скамьѣ, и сколько разъ начинало быстро, быстро биться ея сердце, когда изъ за угла показывалась военная фуражка. — Наконецъ-то! онъ! другъ! — Она вскочила, побѣжала на встрѣчу.

Быть можетъ, онъ и прибодрился бы, подходя къ скамьѣ, но застигнутый въ расплохъ, раньше чѣмъ ждалъ показать ей свою фигуру, онъ былъ застигнутъ съ пасмурнымъ лицомъ.

— Неудача?

— Неудача, мой другъ.

— Да вѣдь это было такъ вѣрно? Какъ же неудача? Отчего же, мой другъ?

— Пойдемъ-те домой, мой другъ, я васъ провожу. Поговоримъ. Я черезъ нѣсколько минутъ скажу, въ чемъ неудача. А теперь, дайте подумать. Я все еще не собрался съ мыслями. Надобно придумать что нибудь новое. Не будемъ унывать, придумаемъ.— Онъ уже прибодрился на послѣднихъ словахъ, но очень плохо.

— Скажите сейчасъ, вѣдь ждать невыносимо. Вы говорите: придумать что нибудь новое — значитъ, то, что мы прежде придумали, вовсе не годится? Мнѣ нельзя быть гувернанткою? Бѣдная я, несчастная я!

— Что васъ обманывать? Да, нельзя. Я это хотѣлъ сказать

вамъ. Но—терпѣніе, терпѣніе, мой другъ! Будьте тверды! Кто твердъ, добьется удачи.

— Ахъ, мой другъ, я тверда, но какъ тяжело.

Они шли нѣсколько минутъ молча. — Что это? да, она что то несетъ въ рукѣ подъ пальто.

— Другъ мой, вы несете что-то, — дайте, я возьму.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно. Это не тяжело. Ничего.

Опять идутъ молча. Долго идутъ.

—А вѣдь я до двухъ часовъ не спала отъ радости, мой другъ. А когда я уснула, какой сонъ видѣла! Будто я освобождаюсь изъ душнаго подвала, будто я была въ параличѣ и выздоровѣла, и выбѣжала въ поле, и со мной выбѣжало много подругъ, тоже, какъ я, вырвавшихся изъ подваловъ, выздоровѣвшихъ отъ паралича, и намъ было такъ весело, такъ весело бѣгать по просторному полю! Не сбылся сонъ! А я думала, что ужь не ворочусь домой.

— Другъ мой, дайте же, я возьму вашъ узелокъ, вѣдь теперь онъ ужь не секретъ.

Опять идутъ молча. Долго идутъ и молчатъ.

— Другъ мой, видите, до чего мы договорились съ этою дамой: вамъ нельзя уйти изъ дому безъ воли Марьи Алексѣвны. Это нельзя — нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ подъ руку, а то я боюсь за васъ.

— Нѣтъ, ничего, только мнѣ душно подъ этимъ вуалемъ.

Она отбросила вуаль. — Теперь ничего, хорошо.

— («Какъ блѣдна!») Нѣтъ, мой другъ, вы не думайте того, что я сказалъ. Я не такъ сказалъ. Все устроимъ какъ нибудь.

— Какъ устроимъ, мой милый? это вы говорите, чтобы утѣшить меня. Ничего нельзя сдѣлать.

Онъ молчитъ. Опять идутъ молча.

— («Какъ блѣдна! какъ блѣдна!») Мой другъ, есть одно средство.

— Какое, мой милый?

— Я вамъ скажу, мой другъ, но только когда вы нѣсколько успокоитесь. Объ этомъ надобно будетъ вамъ разсудить хладнокровно.

— Говорите сейчасъ! Я не успокоюсь, пока не услышу.

—Нѣтъ; теперь вы слишкомъ взволнованы, мой другъ. Теперь вы не можете принимать важныхъ рѣшеній. Черезъ нѣсколько времени. Скоро. Вотъ подъѣздъ. До свиданья, мой другъ. Какъ

только увижу, что вы будете отвѣчать хладнокровно, я вамъ скажу.

— Когда же?

— Послѣ завтра на урокѣ.

— Слишкомъ долго!

— Нарочно буду завтра.

— Нѣтъ, скорѣе!

— Нынче вечеромъ.

— Нѣтъ, я васъ не отпущу. Идите со мною. Я не спокойна, вы говорите; я не могу судить, вы говорите,—хорошо, обѣдайте у насъ. Вы увидите, что я буду спокойна. Послѣ обѣда маменька спитъ, и мы можемъ говорить.

— Но какъ же я войду къ вамъ? Если мы войдемъ вмѣстѣ, ваша маменька будетъ опять подозрѣвать.

— Подозрѣвать! — Что мнѣ! Нѣтъ, мой другъ, и для этого вамъ лучше ужь войти. Вѣдь я шла съ поднятымъ вуалемъ, насъ могли видѣть.

— Ваша правда.

XV.

Марья Алексѣвна очень удивилась, увидѣвъ дочь и Лопухова входящими вмѣстѣ. Самыми пристальными глазами принялась она всматриваться въ нихъ.

— Я зашелъ къ вамъ, Марья Алексѣвна, сказать, что послѣ завтра вечеръ у меня занятъ, и я вмѣсто того приду на урокъ завтра. Позвольте мнѣ сѣсть. Я очень усталъ и разстроенъ. Мнѣ хочется отдохнуть.

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ вами, Дмитрій Сергѣичъ! Вы ужасно пасмурны.

Съ амурныхъ дѣлъ они, или такъ встрѣтились? Какъ бы съ амурныхъ дѣлъ, онъ бы былъ веселый. А ежели бы въ амурныхъ дѣлахъ они поссорились, по ея несоотвѣтствію на его желаніе, тогда бы, точно, онъ былъ сердитый, только тогда они вѣдь поссорились бы,—не сталъ бы онъ ее провожать. И опять, она прошла прямо въ свою комнату, и на него не поглядѣла, а ссоры незамѣтно, — нѣтъ, видно, такъ встрѣтились. А чортъ ихъ знаетъ, надо глядѣть въ оба.

— Я-то ничего особеннаго, Марья Алексѣвна, а вотъ Вѣра Павловна какъ будто блѣдна, — или мнѣ такъ показалось?

— Вѣрочка-то? Съ ней бываетъ.

— А можетъ быть, мнѣ только такъ показалось. У меня, признаюсь вамъ, отъ всѣхъ мыслей голова кругомъ идетъ.

— До что же такое, Дмитрій Сергѣичъ? Ужь не съ невѣстой ли какая размолвка?

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, невѣстой я доволенъ. А вотъ съ родными хочу ссориться.

— Что это вы, батюшка? Дмитрій Сергѣичъ, какъ это можно съ родными ссориться? Я объ васъ, батюшка, не такъ думала.

— Да нельзя, Марья Алексѣвна, такое семейство-то. Требуютъ отъ человѣка Богъ знаетъ чего, чего онъ не въ силахъ сдѣлать.

— Это другое дѣло, Дмитрій Сергѣичъ, — всѣхъ не наградишь, надо мѣру знать, это точно. Ежели такъ, то есть по деньгамъ ссора, не могу васъ осуждать.

— Позвольте мнѣ быть невѣждою, Марья Алексѣвна: я такъ разстроенъ, что надобно мнѣ отдохнуть въ пріятномъ и уважаемомъ мною обществѣ; а такого общества я нигдѣ не нахожу, кромѣ какъ въ вашемъ домѣ. Позвольте мнѣ напроситься обѣдать у васъ нынче и позвольте сдѣлать нѣкоторыя порученія вашей Матренѣ. Кажется, тутъ есть недалеко погребъ Денкера, у него вино не Богъ знаетъ какое, но хорошее.

Лицо Марьи Алексѣвны, сильно разъярившееся при первомъ словѣ про обѣдъ, сложило съ себя рѣшительный гнѣвъ при упоминаніи о Матренѣ и приняло выжидающій видъ: — «посмотримъ, голубчикъ, что-то приложишь отъ себя къ обѣду? — у Денкера, — видно, что нибудь хорошее! » Но голубчикъ, вовсе не смотря на ея лицо, уже вынулъ портъ-сигаръ, оторвалъ клочекъ бумаги отъ завалявшагося въ немъ письма, вынулъ карандашъ, и писалъ.

— Если смѣю спросить, Марья Алексѣвна, вы какое вино кушаете?

— Я, батюшка Дмитрій Сергѣичъ, признаться вамъ сказать, мало знаю толку въ винѣ, почти что и не пью: не женское дѣло.

«Оно и по рожѣ съ перваго взгляда было видно, что не пьешь». — Конечно, такъ, Марья Алексѣвна, но мараскинъ пьютъ даже дѣвицы. Мнѣ позволите написать?

— Это что такое, Дмитрій Сергѣичъ?

— Просто, не вино даже, можно сказать, а сиропъ. — Онъ вынулъ красненькую бумажку.—Кажется, будетъ довольно? — онъ повелъ глазами по запискѣ — на всякій случай, дамъ еще 5 рублей.

Доходъ за три недѣли, содержаніе на мѣсяцъ. Но нельзя иначе, надо хорошую взятку Марьѣ Алексѣвнѣ.

У Марьи Алексѣвны глаза покрылись влагою, и лицомъ неудержимо овладѣла сладостнѣйшая улыбка.

— У васъ есть и кондитерская недалеко? Не знаю, найдется ли готовый пирогъ изъ грецкихъ орѣховъ, — на мой вкусъ, это самый лучшій пирогъ, Марья Алексѣвна; но если нѣтъ такого,— какой есть, не взыщите.

Онъ отправился въ кухню и послалъ Матрену дѣлать покупки.

— Кутнемъ нынче, Марья Алексѣвна. Хочу пронить ссору съ родными. Почему не кутнуть, Марья Алексѣвна? Дѣло съ невѣстой на ладъ идетъ. Тогда не такъ заживемъ, — весело заживемъ, — правда, Марья Алексѣвна?

— Правда, батюшка Дмитрій Сергѣичъ. То-то, я смотрю, что-то ужъ вы деньгами-то больно сорите, чего я отъ васъ не ждала, какъ отъ человѣка основательнаго. Видно, отъ невѣсты задаточекъ получили?

— Задаточка не получилъ, Марья Алексѣвна, а если деньги завелись, то кутнуть можно. Что задаточекъ? Тутъ не въ задаточкѣ дѣло. Что задаточками-то пробавляться? Дѣло надо на чистоту вести, а то еще подозрѣнье будетъ. Да и не благородно, Марья Алексѣвна.

— Не благородно, Дмитрій Сергѣичъ, точно, не благородно. По моему, надо во всемъ благородство соблюдать.

— Правда ваша, Марья Алексѣвна.

Съ полчаса, или съ три четверти часа, остававшіеся до обѣда, шелъ самый любезный разговоръ въ этомъ родѣ о всякихъ благородныхъ предметахъ. Тутъ Дмитрій Сергѣичъ, между прочимъ, высказалъ въ порывѣ откровенности, что его женитьба сильно приблизилась въ это время. — А какъ свадьба Вѣры Павловны? — Марья Алексѣвна ничего не можетъ сказать, потому что не принуждаетъ дочь. — Конечно; но по его замѣчанію, Вѣра Павловна скоро рѣшится на замужество; она ему ничего не говорила, только вѣдь у него глаза-то есть. — Вѣдь мы съ вами, Марья Алексѣвна, старые воробьи, насъ на

никакъ не проведешь. Мнѣ хоть лѣтъ не много, а я тоже старый воробей, тертый калачъ, такъ ли, Марья Алексѣвна? — Такъ, батюшка, тертый калачъ, тертый калачъ! — Словомъ сказать, пріятная бесѣда по душѣ съ Марьею Алексѣвною такъ оживила Дмитрія Сергѣича, что куда дѣвалась его грусть! онъ былъ такой веселый, какимъ его Марья Алексѣвна еще никогда не видывала. — Тонкая бестія, шельма этакій! схапалъ у невѣсты ужь не одну тысячу, — а родные-то провѣдали, что онъ карманъ-то понабилъ, да и приступили; а онъ имъ: нѣтъ, батюшка и матушка, какъ сынъ, я васъ готовъ уважать, а денегъ у меня для васъ нѣтъ. Экая шельма-то какая! — Пріятно бесѣдовать съ такимъ человѣкомъ, особенно, когда, услышавъ, что Матрена вернулась, сбѣгаешь на кухню, сказавъ, что идешь въ свою спальную за носовымъ платкомъ, и увидишь, что вина куплено на 12 р. 50 коп., — вѣдь только третью долю выпьемъ за обѣдомъ, — и кондитерскій пирогъ въ 1 р. 50 коп., — ну, это, можно сказать, брошенныя деньги, на пирогъ-то! но все же останется и пирогъ: можно будетъ кумамъ подать вмѣсто варенья, — все же не въ убытокъ, а въ сбереженье.

XVI.

А Вѣрочка сидитъ въ своей комнатѣ.

«Хорошо ли я сдѣлала, что заставила его зайти? Маменька смотрѣла такъ пристально.

«И въ какое трудное положеніе поставила я его! Какъ остаться обѣдать?

«Боже мой, что со мной, бѣдной, будетъ?

«Есть одно средство, говоритъ онъ, — нѣтъ, мой милый, нѣтъ никакого средства!

«Нѣтъ, есть средство, — вотъ оно: окно. Когда будетъ уже слишкомъ тяжело, брошусь изъ него.

«Какая я смѣшная: «когда будетъ слишкомъ тяжело» — а теперь-то?

«А когда бросишься въ окно, какъ быстро, быстро полетишь, — будто не падаешь, а въ самомъ дѣлѣ летишь, — это должно быть очень пріятно. Только потомъ ударишься о тротуаръ — ахъ, какъ жестко! и больно? нѣтъ, я думаю, боли не успѣешь почувствовать, — а только очень жестко! Да вѣдь

это одинъ, самый коротенькій мигъ; а за то передъ этимъ — воздухъ будто самая мягкая перина, — разступается такъ легко, нѣжно... Нѣтъ, это хорошо...

«Да, а потомъ? Будутъ всѣ смотрѣть — голова разбитая, лицо разбитое, въ крови, въ грязи... Нѣтъ, если бы можно было на это мѣсто посыпать чистаго песку, — здѣсь и песокъ-то все грязный... нѣтъ, самаго бѣлаго, самаго чистаго... вотъ бы хорошо было. И лицо бы осталось не разбитое, чистое, не пугало бы никого.

«А въ Парижѣ бѣдныя дѣвушки задушаются чадомъ. Вотъ это хорошо; это очень, очень хорошо. А бросаться изъ окна не хорошо. А это хорошо.

«Какъ они громко тамъ говорятъ. Что они говорятъ? — Нѣтъ, ничего не слышно.

«И я бы оставила ему записку, въ которой бы все написала. Вѣдь я ему тогда сказала: «нынѣче день моего рожденія». Какая смѣлая тогда я была. Какъ это я была такая? Да вѣдь я тогда была глупенькая, вѣдь я тогда не понимала.

«Да, какія умныя въ Парижѣ бѣдныя дѣвушки! А что же, развѣ я не буду умной? Вотъ, какъ смѣшно будетъ: входятъ въ комнату — ничего не видно, только угарно, и воздухъ зеленый; испугались: что такое? гдѣ Вѣрочка? маменька кричитъ на папеньку: что ты стоишь, выбей окно! — выбили окно, и видятъ: я сижу у туалета, и опустила голову на туалетъ, а лицо закрыла руками. — «Вѣрочка, ты угорѣла?» — а я молчу. — «Вѣрочка, что ты молчишь?» — «Ахъ, да она удушилась!» — Начинаютъ кричать, плакать. Ахъ, какъ это будетъ смѣшно, что они будутъ плакать, и маменька станетъ разсказывать, какъ она меня любила.

«Да, а вѣдь онъ будетъ жалѣть. — Что жъ, я ему оставлю записку.

«Да, посмотрю, посмотрю, да и сдѣлаю, какъ бѣдныя парижскія дѣвушки. Вѣдь если я скажу, такъ сдѣлаю. Я не боюсь.

«Да и чего тутъ бояться? вѣдь это такъ хорошо! Только вотъ подожду, какое это средство, про которое онъ говоритъ. Да нѣтъ, никакого нѣтъ. Это только такъ, онъ успокоивалъ меня.

«Зачѣмъ это люди успокоиваютъ? Вовсе не нужно успокоивать. Развѣ можно успокоивать, когда нельзя помочь? Вѣдь вотъ

онъ умный, а тоже такъ сдѣлалъ. Зачѣмъ это онъ сдѣлалъ? Это не нужно.

«Что жь это онъ такъ говоритъ? Будто ему весело, такой веселый голосъ!

«Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ придумалъ средство?

«Да нѣтъ, средства никакого нѣтъ.

«А если бъ онъ не придумалъ, развѣ бы онъ былъ веселый?

«Что жь это онъ придумалъ?

XVII.

— Вѣрочка, иди обѣдать! крикнула Марья Алексѣвна.

Въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Константинычъ возвратился, пирогъ давно готовъ,—не кондитерскій, а у Матрены, съ начинкою изъ говядины отъ вчерашняго супа.

— Марья Алексѣвна, вы не пробовали никогда передъ обѣдомъ рюмку водки? Это очень полезно, особенно вотъ этой, горькой померанцовой. Я вамъ говорю, какъ медикъ. Пожалуйста, попробуйте. Нѣтъ, нѣтъ, непремѣнно попробуйте. Я какъ медикъ предписываю попробовать.

— Развѣ только медика надобно слушать, и то полъ-рюмочки.

— Нѣтъ, Марья Алексѣвна, полъ-рюмочки не принесетъ пользы.

— А сами-то что же, Дмитрій Сергѣичъ?

— Старъ сталъ, остепенился Марья Алексѣвна. Зарокъ далъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, согрѣваетъ какъ будто бы!

— Въ томъ и польза, Марья Алексѣвна, что согрѣваетъ.

(«Какой онъ веселый, въ самомъ дѣлѣ! Неужели въ самомъ дѣлѣ есть средство? И какъ это онъ съ нею такъ подружился? А на меня и не смотритъ, — ахъ, какой хитрый!»)

Сѣли за столъ.

— А вотъ мы съ Павломъ Константинычемъ этого выпьемъ, такъ выпьемъ. Эль — это все равно, что пиво, — не больше, какъ пиво. Попробуйте, Марья Алексѣвна.

— Если вы говорите, что пиво, позвольте, — пива почему не выпить!

(«Господи, сколько бутылокъ! Ахъ, какая я глупенькая! Такъ вотъ она, дружба-то!»)

(«Экая шельма какой! Самъ-то не пьетъ. Только губы приложилъ къ своей ели-то. А славная эта ель, — и будто квасомъ припахиваетъ, и сила есть, хорошая сила есть. Когда Мишку съ нею окручу, водку брошу, все эту ель стану пить. — Ну, этотъ ума не пропьетъ! Хоть бы приложился, каналья! Ну, да мнѣ же лучше. А поди, чай, ежели бы захотѣлъ пить, здоровъ пить».) Да вы бы сами выкушали хоть что нибудь, Дмитрій Сергѣичъ.

— Э, на моемъ вѣку много выпито, Марья Алексѣвна, — въ запасъ выпито, надолго станетъ! Не было дѣла, не было денегъ — пилъ; есть дѣло, есть деньги — не нужно вина, и безъ него весело.

И такимъ образомъ идетъ весь обѣдъ. Подаютъ кондитерскій пирогъ.

— Милая Матрена Степановна, а что къ этому слѣдуетъ?

— Сейчасъ, Дмитрій Сергѣичъ, сейчасъ. — Матрена возвращается съ бутылкою шампанскаго.

— Вѣра Павловна, вы не пили, и я не пилъ. Теперь выпьемъ и мы. Здоровье моей невѣсты и вашего жениха!

«Что это?» — «Неужели это?» думаетъ Вѣрочка.

— Дай Богъ вашей невѣстѣ и Вѣрочкину жениху счастья, говоритъ Марья Алексѣвна: — а намъ, старикамъ, дай Богъ поскорѣе Вѣрочкиной свадьбы дождаться.

— Ничего, скоро дождетесь, Марья Алексѣвна. Да, Вѣра Павловна? Да!

«Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ это говоритъ?» — думаетъ Вѣрочка.

— Да, Вѣра Павловна, разумѣется, да. Говорите же «да».

— Да, говоритъ Вѣрочка.

— Такъ, Вѣра Павловна, что понапрасну маменьку вводить въ сомнѣніе. «Да», и только. Такъ теперь надобно второй тостъ. За скорую свадьбу Вѣры Павловны! Пейте, Вѣра Павловна! ничего, хорошо будетъ. Чокнемтесь. За вашу скорую свадьбу!

Чокаются.

— Дай Богъ, дай Богъ! Благодарю тебя, Вѣрочка, утѣшаешь ты меня, Вѣрочка, на старости лѣтъ! говоритъ Марья Алексѣвна и утираетъ слезы. Англійская ель и мараскинъ привели ее въ чувствительное настроеніе духа.

— Дай Богъ, дай Богъ, повторяетъ Павелъ Константинычъ.

— Какъ мы довольны вами, Дмитрій Сергѣичъ, говоритъ

Марья Алексѣвна по окончаніи обѣда: — ужь какъ довольны! у насъ же да насъ же угостили; — вотъ ужь можно сказать, праздникъ сдѣлали! — Глаза ея смотрятъ уже болѣе пріятно, вежели бодро.

Не все-то такъ хитро дѣлается, какъ хитро выходитъ. Лопуховъ не разсчитывалъ на этотъ результатъ, когда покупалъ вино: онъ хотѣлъ только дать взятку Марьѣ Алексѣвнѣ, чтобъ не потерять ея благосклонности, назвавшись на обѣдъ. Станетъ ли она напиваться при постороннемъ человѣкѣ, которому хоть и сочувствуетъ во всемъ, но не довѣряетъ, потому что кому же она можетъ довѣрять?—Да и сама она не ждала отъ себя такого быстраго образа дѣйствій: она располагала отложить основательное наслажденіе до послѣ-чаю. Но слабъ каждый человѣкъ. Противъ водки и другихъ знакомыхъ вкусовъ она устояла бы, но ель и тому подобныя прелести соблазнили ея неопытность.

Обѣдъ вышелъ совершенно парадный и барскій, и потому Марья Алексѣвна распорядилась, чтобы Матрена поставила самоваръ, какъ слѣдуетъ послѣ барскаго обѣда. Но этою деликатностью воспользовались только она, да Лопуховъ. Вѣрочка сказала, что не хочетъ чаю, и ушла въ свою комнату. Павелъ Константиныичъ, человѣкъ необразованный, тотчасъ послѣ послѣдняго блюда пошелъ прилечь, какъ всегда. Дмитрій Сергѣичъ пилъ медленно; выпивъ чашку, спросилъ другую. Тутъ Марья Алексѣвна уже немогла, извинилась тѣмъ, что чувствуетъ себя нехорошо съ самаго утра, — гость просилъ не церемониться, и остался одинъ. Выпилъ вторую чашку, выпилъ третью, и задремалъ въ креслахъ, должно быть, тоже нализался, какъ наше-то золото, по разсужденію Матрены. А золото уже храпѣло; должно быть, этотъ храпъ и разбудилъ Дмитрія Сергѣича, когда Матрена окончательно ушла въ кухню, убравъ самоваръ и чашки.

XVIII.

— Простите меня, Вѣра Павловна, сказалъ Лопуховъ, входя въ ея комнату, — какъ тихо онъ говоритъ, и голосъ дрожитъ, а за обѣдомъ кричалъ, — и не «другъ мой», а «Вѣра Павловна»:—простите меня, что я былъ дерзокъ. Вы знаете, что я говорилъ: да, жену и мужа не могутъ разлучить. Тогда вы свободны.

— Милый мой! ты видѣлъ, я плакала, когда ты вошелъ, — это отъ радости.

Онъ взялъ и поцаловалъ ея руку.

— Милый мой, ты видѣлъ, я плакала, когда ты вошелъ, — это отъ радости.

Лопуховъ поцаловалъ ея руку, и много разъ поцаловалъ ея руку.

— Вотъ, мой милый, ты меня выпускаешь на волю изъ подвала: какой ты умный и добрый. Какъ ты это вздумалъ?

— Да какъ танцовали мы съ тобою тогда, такъ и вздумалъ.

— Милый мой, и я тогда же подумала, что ты добрый. Выпускаешь меня на волю, мой милый. Теперь, я готова терпѣть; теперь, я знаю, что уйду изъ подвала, теперь, мнѣ будетъ не такъ душно въ немъ, теперь вѣдь я ужь знаю, что выйду изъ него. А какъ же я уйду изъ него, мой милый?

— А вотъ какъ, Вѣрочка. Теперь, ужь конецъ апрѣля. Въ началѣ іюля, кончатся мои работы по Академіи,— ихъ надо кончить, чтобы можно было намъ жить. Тогда ты и уйдешь изъ подвала. Только мѣсяца три потерпи еще, даже меньше. Ты уйдешь. Я получу должность врача. Жалованье не большое; но такъ и быть, буду имѣть нѣсколько практики, — на сколько будетъ необходимо,—и будемъ жить.

— Ахъ, мой милый, намъ будетъ очень, очень мало нужно. Но только я не хочу такъ: я не хочу жить на твои деньги. Вѣдь я и теперь имѣю уроки. Я ихъ потеряю тогда — вѣдь маменька всѣмъ разскажетъ, что я злодѣйка. Но найдутся другіе уроки. Я стану жить. Да, вѣдь такъ надобно? Вѣдь мнѣ не должно жить на твои деньги?

— Кто это тебѣ сказалъ, мой милый другъ, Вѣрочка?

— Ахъ, еще спрашиваетъ, кто сказалъ. Да не ты ли самъ толковалъ все объ этомъ? А въ твоихъ книгахъ? въ нихъ цѣлая половина объ этомъ написана.

— Въ книгахъ? Я говорилъ тебѣ это? Да когда же, Вѣрочка?

— Ахъ, когда! А кто говорилъ, что все основано на деньгахъ? Кто это говорилъ, Дмитрій Сергѣичъ?

— Ну, такъ что же?

— А ты думаешь, я ужь такая глупенькая, что не могу, какъ выражаются ваши книги, вывесть заключеніе изъ посылокъ?

— Да какое же заключеніе? Ты, Богъ знаетъ, что говоришь, мой милый другъ, Вѣрочка.

— Ахъ, хитрецъ! онъ хочетъ быть деспотомъ, хочетъ, чтобъ я была его рабой! нѣтъ-съ, этого не будетъ, Дмитрій Сергѣичъ,— понимаете?

— Да ты скажи, я и пойму.

— Все основано на деньгахъ, говорите вы, Дмитрій Сергѣичъ; у кого деньги, у того власть и право, говорятъ ваши книги; значитъ, пока женщина живетъ на счетъ мужчины, она въ зависимости отъ него, — такъ-съ, Дмитрій Сергѣичъ? Вы полагали, что я этого не понимаю, что я буду вашей рабой, — нѣтъ, Дмитрій Сергѣичъ, я не дозволю вамъ быть деспотомъ надо мною; вы хотите быть добрымъ, благодѣтельнымъ деспотомъ, а я этого не хочу, Дмитрій Сергѣичъ! Ну, мой миленькій, а еще какъ мы будемъ жить? Ты будешь рѣзать руки и ноги людямъ, поить ихъ гадкими микстурами, а я буду давать уроки на фортепьяно. А еще какъ мы будемъ жить?

— Такъ, такъ, Вѣрочка. Всякій пусть охраняетъ свою независимость всѣми силами отъ всякаго, какъ бы ни любилъ его, какъ бы ни вѣрилъ ему. Удастся тебѣ то, что ты говоришь, или нѣтъ, не знаю, но это почти все равно: кто рѣшился на это, тотъ уже почти оградилъ себя; онъ уже чувствуетъ, что можетъ обойтись самъ собою, отказаться отъ чужой опоры, если нужно, и этого чувства уже почти довольно. А вѣдь какіе мы смѣшные люди, Вѣрочка! ты говоришь «не хочу жить на твой счетъ», а я тебя хвалю за это. Кто же такъ говоритъ, Вѣрочка?

— Смѣшные, такъ смѣшные, мой миленькій, — что намъ за дѣло? Мы станемъ жить по своему, какъ намъ лучше. Какъ же мы будемъ жить еще, мой миленькій?

— Вѣра Павловна, я вамъ предложилъ свои мысли объ одной сторонѣ нашей жизни,— вы изволили совершенно ниспровергнуть ихъ вашимъ плапомъ, назвали меня тираномъ, поработителемъ, — извольте же придумывать сами, какъ будутъ устроены другія стороны нашихъ отношеній! я считаю напраснымъ предлагать свои соображенія, чтобъ они были точно такъ же изломаны вами. Другъ мой, Вѣрочка, да ты сама скажи, какъ ты думаешь жить: навѣрное, мнѣ останется только сказать: моя милая! какъ она умно думаетъ обо всемъ!

— Это что? вы изволите говорить комплименты? Вы хотите быть любезнымъ? Но я слишкомъ хорошо знаю: льстятъ за-

тѣмъ, чтобы господствовать подъ видомъ покорности. Прошу васъ впередъ говорить проще! Милый мой, ты захвалишь меня! мнѣ стыдно, мой милый,—нѣтъ, не хвали меня, чтобъ я не стала слишкомъ горда.

— Хорошо, Вѣра Павловна, я начну говорить вамъ грубости, если вамъ это пріятнѣе. Въ вашей натурѣ, Вѣра Павловна, такъ мало женственности, что, вѣроятно, вы выскажете совершенно мужскія мысли.

— Ахъ, мой милый, скажи: что это значитъ эта «женственность»? я понимаю, что женщина говоритъ контръ-альтомъ, мужчина — баритономъ, такъ чтожь изъ этого? Стоитъ ли толковать изъ-за того, чтобъ мы говорили контръ-альтомъ? стоитъ ли упрашивать насъ объ этомъ? Зачѣмъ же всѣ такъ толкуютъ намъ, чтобы мы оставались женственны? Вѣдь это глупость, мой милый?

— Глупость, Вѣрочка, и очень большая пошлость.

— Такъ я, мой милый, ужъ и не буду заботиться о женственности; извольте, Дмитрій Сергѣичъ, я буду говорить вамъ совершенно мужскія мысли о томъ, какъ мы будемъ жить. Мы будемъ друзьями. Только я хочу быть первымъ твоимъ другомъ. Ахъ, я еще тебѣ не говорила, какъ я ненавижу этого твоего милаго Кирсанова!

— Не слѣдуетъ, Вѣрочка: онъ очень хорошій человѣкъ.

— А я его ненавижу. Я запрещу тебѣ видѣться съ нимъ.

— Прекрасное начало. Такъ запугана моимъ деспотизмомъ, что хочетъ сдѣлать мужа куклою. И какъ же намъ съ нимъ не видѣться, когда мы живемъ вмѣстѣ?

— Да, и все сидите обнявшись.

— Конечно. За чаемъ и за обѣдомъ. Только руки заняты, трудно обняться-то.

— И цѣлые дни неразлучны.

— Вѣроятно. Онъ съ своею комнатою, я — съ своею, почти неразлучны.

— А если такъ, почемужь тебѣ и не перестать съ нимъ видѣться вовсе?

— Да вѣдь мы дружны, иногда хочется поговорить, и говоримъ, пока не въ тягость другъ другу.

— Все сидятъ вмѣстѣ, обнимаются и ссорятся, обнимаются и ссорятся. Ненавижу его.

— Да съ чего ты это взяла, Вѣрочка? Ссориться мы ни разу

не ссорились. Живемъ почти врозь, дружны, это правда, но чтожь изъ этого?

— Ахъ, мой милый, какъ я тебя обманула, какъ я тебя славно обманула! Ты не хотѣлъ мнѣ сказать, какъ мы съ тобой будемъ жить, а самъ все разсказалъ! Какъ я тебя обманула! Слушай же, какъ мы будемъ жить, — по твоимъ же разсказамъ. Во первыхъ, у насъ будетъ двѣ комнаты, твоя и моя, — и третья, въ которой мы будемъ пить чай, обѣдать, принимать гостей, которые бываютъ у насъ обоихъ, а не у тебя одного, не у меня одной. Во вторыхъ: я въ твою комнату не смѣю входить, чтобъ не надоѣдать тебѣ: вѣдь Кирсановъ не смѣетъ, — потому-то вы и не ссоритесь. Ты въ мою также. Это второе. Теперь третье, — ахъ, мой милый, я и забыла спросить объ этомъ: Кирсановъ вмѣшивается въ твои дѣла, или ты въ его? Вы имѣете право спрашивать другъ друга о чемъ нибудь?

— Э, да вѣдь теперь ужь я знаю, къ чему этотъ Кирсановъ! Не скажу.

— Нѣтъ, я его все таки ненавижу. И не сказывай, не нужно. Я сама знаю: не имѣете права ни о чемъ спрашивать другъ друга. И такъ, въ третьихъ: я не имѣю права ни о чемъ спрашивать тебя, мой милый. Если тебѣ хочется или надобно сказать мнѣ что нибудь о твоихъ дѣлахъ, ты самъ мнѣ скажешь. И точно то же на оборотъ. Вотъ три правила. Что еще?

— Вѣрочка, второе правило требуетъ объясненій. Мы видимся съ тобою въ нейтральной комнатѣ за чаемъ и за обѣдомъ. Теперь представь себѣ такой случай. Мы напились чаю поутру, я сижу въ своей комнатѣ, и не смѣю носа показать въ твою, значитъ, не увижу тебя до обѣда — такъ вѣдь?

— Конечно.

— Прекрасно. Приходитъ ко мнѣ знакомый, и говоритъ, что въ два часа будетъ у меня другой знакомый; а я въ часъ ухожу по дѣламъ; я могу попросить тебя передать этому знакомому, который зайдетъ въ два часа, отвѣтъ, какой ему нуженъ, — могу я просить тебя объ этомъ, если ты думаешь оставаться дома?

— Конечно, можешь. Возьмусь ли я за это, — другой вопросъ. Если я отказываюсь, ты не можешь претендовать, не можешь и спрашивать, почему я отказываюсь. Но спросить, не соглашусь ли я оказать тебѣ эту услугу, — спросить объ этомъ ты можешь.

— Прекрасно. Но вѣдь за часъ я еще не зналъ этого, а войти въ твою комнату не могу. Какъ же я спрошу?

— О, Боже, какъ онъ простъ, — это маленькое дитя! Какое недоумѣніе, скажите пожалуйста! Вы дѣлаете вотъ какъ, Дмитрій Сергѣичъ. Вы выходите въ нейтральную комнату, и говорите: «Вѣра Павловна!» Я отвѣчаю изъ своей комнаты: «что вамъ угодно, Дмитрій Сергѣичъ?» Вы говорите: «я ухожу; безъ меня, зайдетъ ко мнѣ господинъ А. (вы называете фамилію вашего знакомаго). У меня есть нѣкоторыя свѣдѣнія для передачи ему. Могу ли я просить васъ, Вѣра Павловна, передать ихъ ему?» Если я отвѣчаю «нѣтъ», нашъ разговоръ конченъ. Если я отвѣчаю «да», я выхожу въ нейтральную комнату, и вы сообщаете мнѣ, что я должна передать вашему знакомому. Теперь вы знаете, маленькое дитя, какъ надобно поступать?

— Да, милая Вѣрочка, шутки шутками, а вѣдь въ самомъ дѣлѣ лучше всего жить, какъ ты говоришь. Только, откуда ты набралась такихъ мыслей?—Я-то ихъ знаю, да я помню, откуда я ихъ вычиталъ. А вѣдь до вашихъ рукъ эти книги не доходятъ. Въ тѣхъ, которыя я тебѣ давалъ, такихъ частностей не было. Слышать?—не отъ кого было. Вѣдь едва ли не перваго меня ты встрѣтила изъ порядочныхъ людей.

— Ахъ, мой милый, да развѣ трудно до этого додуматься? Вѣдь я видала семейную жизнь, — я говорю не про свою семью: она такая особенная! но вѣдь у меня есть же подруги, я же бывала въ ихъ семействахъ; Боже мой, сколько непріятностей между мужьями и женами—ты не можешь себѣ вообразить, мой милый!

— Ну, я-то, Вѣрочка, воображаю.

— Знаешь ли, что мнѣ кажется, мой милый? Такъ не слѣдуетъ жить людямъ, какъ они живутъ: все вмѣстѣ, все вмѣстѣ. Надобно видѣться между собою или только по дѣламъ, или когда собираются вмѣстѣ отдохнуть, повеселиться. Я всегда смотрю и думаю: отчего съ посторонними людьми каждый такъ деликатенъ? отчего при чужихъ людяхъ всѣ стараются казаться лучше, чѣмъ въ своемъ семействѣ? — и въ самомъ дѣлѣ, при посторонихъ людяхъ бываютъ лучше, — отчего это? Отчего съ своими хуже, хоть ихъ и больше любятъ, чѣмъ съ чужими? Знаешь, мой милый, объ чемъ бы я тебя просила: обращайся со мною всегда такъ, какъ обращался до сихъ поръ; вѣдь это не мѣшало же тебѣ любить меня, вѣдь все-таки мы съ тобою были

другъ другу ближе всѣхъ. Какъ ты до сихъ поръ держалъ себя? Отвѣчалъ ли неучтиво, дѣлалъ ли выговоры? — нѣтъ! Говорятъ, какъ это можно быть неучтивымъ съ посторонней женщиною или дѣвушкой, какъ можно дѣлать ей выговоры? Хорошо, мой милый: вотъ я твоя невѣста, буду твоя жена, а ты все-таки обращайся со мною, какъ велятъ обращаться съ посторонней: это, мой другъ, мнѣ кажется, лучше для того, чтобы было прочное согласіе, чтобы поддерживалась любовь. Такъ, мой милый?

— Я не знаю, Вѣрочка, что мнѣ и думать о тебѣ. Да ты меня и прежде удивляла.

— Миленькій мой, ты хочешь захвалить меня! нѣтъ, мой другъ, это понять не такъ трудно, какъ тебѣ кажется. Такія мысли не у меня одной, мой милый: онѣ у многихъ дѣвушекъ и молоденькихъ женщинъ, такихъ же простенькихъ, какъ я. Только имъ нельзя сказать своимъ женихамъ или мужьямъ того, что онѣ думаютъ, онѣ знаютъ, что за это про нихъ подумаютъ: ты безнравственная. Я за то тебя и полюбила, мой милый, что ты не такъ думаешь. Знаешь, когда я тебя полюбила, когда мы въ первый разъ разговаривали на мое рожденье? какъ ты сталъ говорить, что женщины бѣдныя, что ихъ жалко: вотъ я тебя и полюбила.

— А я когда тебя полюбилъ? въ тотъ же день, это ужь я говорилъ, только когда?

— Какой ты смѣшной, миленькій? такъ сказалъ, что нельзя не угадать; а угадаю, опять станешь хвалить.

— А ты все-таки угадай.

— Ну, конечно, когда: когда я спросила, правда ли, что можно сдѣлать, чтобы людямъ хорошо было жить.

— За это надобно опять поцаловать твою ручку, Вѣрочка.

— Полно, мой милый, это мнѣ не нравится, когда у женщинъ цалуютъ руки.

— Почему же, Вѣрочка?

— Ахъ, мой милый, ты самъ знаешь, почему — зачѣмъ же у меня спрашиваешь? Не спрашивай такъ, мой миленькій.

— Да, мой другъ, это правда: не слѣдуетъ такъ спрашивать. Это дурно. Я стану спрашивать только тогда, когда въ самомъ дѣлѣ не знаю, что ты хочешь сказать. А ты хотѣла сказать, что ни у кого не слѣдуетъ цаловать руки.

Вѣрочка захохотала. — Вотъ теперь я тебя прощаю, потому что самой удалось надъ тобою посмѣяться. Видишь, хотѣлъ меня

[illegible] а самъ не зналъ главной причины, почему это не[illegible] Ни у кого не слѣдуетъ цаловать руки, это правда, но вѣдь я не объ этомъ говорила, не вообще, а только о томъ, что не нравится мужчинамъ цаловать рукъ у женщинъ. Это, мой милый, должно бы быть очень обидно для женщинъ; это значитъ, что ихъ не считаютъ такими же людьми, думаютъ, что мужчина не можетъ унизить своего достоинства передъ женщиною, что она на столько ниже его, что сколько онъ ни унижайся передъ нею, онъ все не ровный ей, а гораздо выше ея. А вѣдь ты не такъ думаешь, мой миленькій, такъ зачѣмъ же тебѣ цаловать у меня руку? А послушай, что мнѣ показалось, мой миленькій: какъ будто мы съ тобою не женихъ съ невѣстой?

— Да, это правда, Вѣрочка, мало похожаго; только что же такое — мы съ тобою?

— Богъ знаетъ что, мой миленькій, — или вотъ что: будто мы давно, давно повѣнчаны.

— Да что же, мой другъ: вѣдь это и правда. Старые друзья, ничего не перемѣнилось.

— Только одно перемѣнилось, мой миленькій: что я теперь знаю, что изъ подвала на волю выхожу.

XIX.

Такъ они поговорили, — странноватый разговоръ для перваго разговора между женихомъ и невѣстой, — и пожали другъ другу руки, и пошелъ себѣ Лопуховъ домой, и Вѣрочка заперла за нимъ дверь сама, потому что Матрена засидѣлась въ полпивной, надѣясь на то, что ея золото еще долго прохрапитъ. И дѣйствительно, ея золото еще долго храпѣло.

Возвратившись домой часу въ седьмомъ, Лопуховъ хотѣлъ приняться за работу, но долго не могъ приняться. Голова была занята не тѣмъ, а все тѣмъ же, чѣмъ всю длинную дорогу отъ сосѣдства Семеновскаго моста до Выборгской. Конечно, любовными мечтами. Да, ими, только не совсѣмъ любовными, и не совсѣмъ мечтами. Жизнь человѣка необезпеченнаго имѣетъ свои прозаическіе интересы, о нихъ-то Лопуховъ и размышлялъ. Понятное дѣло: матеріалистъ, все только думаетъ о выгодахъ. Онъ и дѣйствительно думалъ все о выгодахъ, вмѣсто высокихъ поэтическихъ и пластическихъ мечтаній, онъ занимался такими любовными мечтами, которыя приличны грубому матеріалисту.

«Жертва — вѣдь этого почти никакъ нельзя будетъ выбить изъ ея головы. А это дурно. Когда думаешь, что чѣмъ нибудь особеннымъ обязанъ человѣку, отношенія къ нему уже нѣсколько натянуты. А вѣдь узнаетъ. Пріятели объяснятъ, что вотъ какая предстояла карьера. Да хоть и не объясняли бы, сама сообразитъ: «ты, мой другъ, для меня вотъ отъ чего отказался, отъ карьеры, на которой ждалъ», — ну, положимъ, не денегъ, — этого не взведутъ на меня ни пріятели, ни она сама, — ну, хоть и то хорошо, что не будетъ думать, что «онъ для меня остался въ бѣдности, когда безъ меня былъ бы богатъ». Этого не будетъ думать. Но узнаетъ, что я желалъ ученой извѣстности, и получилъ бы. Вотъ, и будетъ сокрушаться: «ахъ, какую онъ для меня принесъ жертву»! И не думалъ жертвовать. Не былъ до сихъ поръ такъ глупъ, чтобы приносить жертвы, — надѣюсь, и никогда не буду. Какъ для меня лучше, такъ и сдѣлалъ. Не такой человѣкъ, чтобы приносить жертвы. Да ихъ и не бываетъ, никто не приноситъ; это фальшивое понятіе: жертва = сапоги въ смятку. Какъ пріятнѣе, такъ и поступаешь. Такъ вотъ поди ты, растолкуй это. Въ теоріи-то оно понятно; а какъ видитъ передъ собою фактъ, человѣкъ-то и умиляется: вы, говоритъ, мой благодѣтель. И вѣдь ужь показался исходъ этой будущей жатвы: «ты, говоритъ, меня изъ подвала выпустилъ, — какой ты для меня добрый». Очень нужно было мнѣ выпускать тебя, если бы самому это не нравилось. Это я тебя выпускаю, ты думаешь? — сталъ бы заботиться, какъ же, жди, какъ бы это не доставляло мнѣ самому удовольствія! Можетъ быть, я самого себя выпустилъ. Да, разумѣется, себя: самому жить хочется, любить хочется, — понимаешь? — самому, для себя все дѣлаю. Какъ бы это сдѣлать, чтобы не развилось въ ней это вредное чувство признательности, которое стало бы тяготить ее. Ну, да какъ нибудь сдѣлаемъ, — она же умная, пойметъ, что это пустяки. Конечно, я не такъ располагалъ сдѣлать. Думалъ, что если она успѣетъ уйти изъ семейства, то отложить дѣло года на два; въ это время успѣлъ бы стать профессоромъ, денежныя дѣла были бы удовлетворительны. Вышло, что отсрочить нельзя. Ну, такъ мнѣ-то какой убытокъ? Развѣ я о себѣ что ли думалъ, когда соображалъ, что прежде надобно устроить денежныя дѣла? Мужчинѣ что? Мужчинѣ ничего. Недостатокъ денегъ отзывается на женщинѣ. Сапоги есть, локти не продраны, щи есть, въ комнатѣ тепло — какого рожна горячаго мнѣ еще нужно?

А это у меня будетъ. Стало быть, какой же мнѣ убытокъ? Но женщинѣ, молоденькой, хорошенькой, этого мало. Ей нужны удовольствія, нуженъ успѣхъ въ обществѣ. А на это у ней не будетъ денегъ. Конечно, она не будетъ думать, что этого не достаетъ ей; она умная, честная дѣвушка; будетъ думать себѣ: это пустяки, это дрянь, которую я презираю, — и будетъ презирать. Да развѣ помогаетъ то, что человѣкъ не знаетъ, чего ему не достаетъ, или даже увѣренъ, что оно ему ненужно? Это иллюзія, фантазія. Натура заглушена разсудкомъ, обстоятельствами, гордостью, — и молчитъ, и не даетъ о себѣ голоса сознанію, а молча все-таки работаетъ и подтачиваетъ жизнь. Не такъ слѣдуетъ жить молоденькой, не такъ слѣдуетъ жить красавицѣ; это не годится, когда она и одѣта не такъ хорошо, какъ другія, и не блеститъ, по недостатку средствъ. Жаль тебя, бѣдненькая: я думалъ, что все-таки нѣсколько получше для тебя устроится. А мнѣ что? Я въ выигрышѣ, — еще неизвѣстно, пошла ли бы она за меня черезъ два года; а теперь идетъ»...

— Дмитрій, иди чай пить.

— Иду. — Лопуховъ отправился въ комнату Кирсанова, и на дорогѣ успѣлъ думать: «а вѣдь какъ вѣрно, что *Я* всегда на первомъ планѣ — и началъ съ себя, и кончилъ собою. И съ чего началъ: «жертва» — какое плутовство; будто я отъ ученой извѣстности отказываюсь, и отъ каѳедры — какой вздоръ! не все ли равно, буду такъ же работать, и такъ же получу каѳедру; и такъ же послужу медицинѣ. Пріятно человѣку, какъ теоретику, замѣчать, какъ играетъ эгоизмъ его мыслями на практикѣ».

Я обо всемъ предупреждаю читателя, потому скажу ему, чтобъ онъ не предполагалъ этотъ монологъ Лопухова заключающимъ въ себѣ таинственный намекъ автора на какой нибудь важный мотивъ дальнѣйшаго хода отношеній между Лопуховымъ и Вѣрою Павловною; жизнь Вѣры Павловны не будетъ подтачиваться недостаткомъ возможности блистать въ обществѣ и богато наряжаться, и ея отношенія къ Лопухову не будутъ портиться «вреднымъ чувствомъ» признательности. Я не изъ тѣхъ художниковъ, у которыхъ въ каждомъ словѣ сирывается какая нибудь пружина, я пересказываю то, что думали и дѣлали люди, и только; если какой нибудь поступокъ, разговоръ, монологъ въ мысляхъ нуженъ для характеристики лица или положенія, я разсказываю его, хотя бы онъ и не отозвался никакими послѣдствіями въ дальнѣйшемъ ходѣ моего романа.

— Теперь, Александръ, не будешь на меня жаловаться, что отстаю отъ тебя въ работѣ. Наверстаю.

— Что, кончилъ клюнеты по дѣлу этой дѣвушки?

— Кончилъ.

— Поступаетъ въ гувернантки къ В.?

— Нѣтъ, въ гувернантки не поступаетъ. Уладилось иначе. Ей теперь можно будетъ вести пока сносную жизнь въ ея семействѣ.

— Чтожь, это хорошо. Въ гувернанткахъ вѣдь тяжело. А я, братъ, теперь съ зрительнымъ нервомъ покончилъ, и принимаюсь за слѣдующую пару. А ты на чемъ остановилася?

— Да мнѣ еще надобно будетъ кончить работу надъ..... И пошли анатомическіе и физіологическіе термины.

XX.

«Теперь 28 апрѣля. Онъ сказалъ, что его дѣла устроятся въ началѣ іюля, — положимъ, 10-го: вѣдь это ужь не начало. 10-е число можно взять. Или, для вѣрности возьму 15-ое; нѣтъ, лучше 10-ое, — сколько же остается дней? Нынѣшняго числа ужь нечего считать, — остается только пять часовъ его; въ апрѣлѣ остается 2 дня; май — 31, да 2, 33; іюнь — 30 да 33, 63; изъ іюля, 10 дней,—всего только 73 дня,— много ли это, только 73 дня? и тогда, свободна! Выйду изъ этого подвала! Ахъ, какъ я счастлива! Миленькій мой, какъ онъ умно это вздумалъ! Какъ я счастлива!

Это было въ воскресенье, вечеромъ. Въ понедѣльникъ, урокъ, перенесенный со вторника.

— Другъ мой, миленькій мой, какъ я рада, что опять съ тобою, хоть на минуточку! Знаешь, сколько мнѣ осталось сидѣть въ этомъ подвалѣ? Твои дѣла когда кончатся? къ 10-му іюля кончатся?

— Кончатся, Вѣрочка.

— Такъ теперь мнѣ осталось сидѣть въ подвалѣ только 72 дня, да нынѣшній вечеръ. Я одинъ день ужь вычеркнула,—вѣдь я сдѣлала табличку, какъ дѣлаютъ пансіонерки и школьники, и вычеркиваю дни. Какъ весело вычеркивать!

— Миленькая моя Вѣрочка, миленькая моя! Да, ужь недолго

тебѣ тосковать здѣсь, два съ половиною мѣсяца пройдутъ скоро, и будешь свободна.

— Ахъ, какъ весело будетъ! Только ты, мой миленькій, теперь вовсе не говори со мною, и не гляди на меня, и на фортепьяно не каждый разъ будемъ играть. И не каждый разъ буду выходить при тебѣ изъ своей комнаты. Нѣтъ, не утерплю, выйду всегда, только на одну минуточку, и такъ холодно буду смотрѣть на тебя, не ласково. И теперь сейчасъ уйду въ свою комнату. До свиданья, мой милый. Когда?

— Въ четвергъ.

— Три дня! Какъ долго! А тогда ужь только 68 дней останется.

— Считай меньше: около 7-го числа тебѣ можно будетъ вырваться отсюда.

— 7-го? Такъ ужь теперь только 69 дней? Какъ ты меня обрадовалъ! До свиданья, мой миленькій!

Четвергъ.

— Мой миленькій, только 66 дней мнѣ здѣсь сидѣть.

— Да, Вѣрочка, время идетъ скоро.

— Скоро? Нѣтъ, мой милый. Ахъ, какіе долгіе стали дни! Въ другое время, кажется, успѣлъ бы цѣлый мѣсяцъ пройти, пока шли эти три дня. До свиданья, мой миленькій, намъ вѣдь не надобно долго говорить, — вѣдь мы хитрые, — да? — До свиданья. Ахъ, еще 66 дней мнѣ осталось сидѣть въ подвалѣ!

(«Гмъ, гмъ. Мнѣ, разумѣется, незамѣтно — за работою время летитъ. Да вѣдь и не я въ подвалѣ-то. Гмъ, гмъ! Да».)

Суббота.

— Ахъ, мой миленькій, еще 64 дня осталось! Ахъ, какая тоска здѣсь! Эти два дня шли дольше тѣхъ трехъ дней. Ахъ, какая тоска! Гадость какая здѣсь, если бы ты зналъ, мой миленькій. До свиданья, мой милый, голубчикъ мой, — до вторника; а эти три дня будутъ дольше всѣхъ пяти дней. До свиданья, мой милый.

(«Гмъ, гмъ! Да! Гмъ! — Глаза не хороши. Она плакать не любитъ. Это не хорошо. Гмъ! Да!»)

Вторникъ.

— Ахъ, мой миленькій, я ужь и дни считать перестала. Не проходятъ, вовсе не проходятъ.

— Вѣрочка, мой дружочекъ, у меня есть просьба къ тебѣ. Намъ надобно поговорить хорошенько. Ты очень тоскуешь по волѣ. Ну, дай себѣ немножко воли, вѣдь намъ надобно поговорить?

— Надобно, мой миленькій, надобно.

— Такъ вотъ о чемъ я тебя прошу. Завтра, когда тебѣ будетъ удобнѣе,—въ какое время, все равно, только скажи,—будь опять на той скамьѣ на Конно-Гвардейскомъ Бульварѣ. Будешь?

— Буду, мой миленькій, непремѣнно буду. Въ 11 часовъ, — такъ?

— Хорошо. Благодарю тебя, дружочекъ.

— До свиданья, мой миленькій. Ахъ, какъ я рада, что ты это вздумалъ! какъ это я сама, глупенькая, не вздумала. До свиданія. Поговоримъ; все таки я вздохну вольнымъ воздухомъ. До свиданья, миленькій. Въ 11 часовъ непремѣнно.

Пятница.

— Вѣрочка, ты куда это собираешься?

— Я, маменька?—Вѣрочка покраснѣла,—къ Невскому проспекту, маменька.

— Такъ и я съ тобою пойду, Вѣрочка, мнѣ въ Гостинный Дворъ нужно. Да что это, Вѣрочка, говоришь, идешь на Невскій, а такое платье надѣла! Надобно получше, когда на Невскій,—тамъ люди.

— Мнѣ это платье нравится. Подождите одну секунду, маменька: я только возьму въ своей комнатѣ одну вещь.

Отправляются. Идутъ. Дошли до Гостинаго Двора, идутъ по той линіи, которая вдоль Садовой, ужъ недалеко до угла Невскаго, — вотъ и лавка Рузанова.

— Маменька, я вамъ два слова скажу.

— Что съ тобою, Вѣрочка?

— До свиданья, маменька; не знаю, скоро ли; если не будете сердиться, до завтра.

— Что, Вѣрочка? я что-то не разберу.

— До свиданья, маменька. Я теперь къ мужу. Мы съ Дмитріемъ Сергѣичемъ третьяго дня повѣнчались. — Поѣзжай въ караванную, извозчикъ.

— Четвертачокъ, сударыня.

— Хорошо, поѣзжай поскорѣе. Онъ къ вамъ нынче вечеромъ зайдетъ, маменька. А вы не сердитесь на меня, маменька.

Эти слова ужь едва долетѣли до Марьи Алексѣвны.

— Да ты не въ караванную, я только такъ сказала, чтобы ты не думалъ долго, чтобы мнѣ поскорѣе отъ этой дамы уѣхать. На лѣво, по невскому. Мнѣ гораздо дальше караванной — на Васильевскій Островъ, въ 5 линію, за Среднимъ проспектомъ. Поѣзжай хорошенько, прибавлю.

— Ахъ, сударыня, обмануть меня изволили! Надо ужъ будетъ полтинничекъ положить.

— Если хорошо поѣдешь.

XXI.

Свадьба устроилась не очень многосложнымъ, хоть и не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ.

Дня два послѣ разговора о томъ, что они женихъ и невѣста, Вѣрочка радовалась близкому освобожденію; на третій день уже вдвое несноснѣе прежняго сталъ казаться ей «подвалъ», какъ она выражалась, на четвертый день, она ужъ поплакала, чего очень не любила, но поплакала немножко, на пятый побольше, на шестой уже не плакала, а только не могла заснуть отъ тоски.

Лопуховъ посмотрѣлъ, — когда произнесъ монологъ «гмъ, гмъ»,—посмотрѣлъ въ другой разъ, и произнесъ монологъ «гмъ, гмъ! Да! гмъ!» Первымъ монологомъ онъ предположилъ что-то, только что именно предположилъ, самъ не зналъ, а во второмъ монологѣ объяснилъ себѣ, какое именно въ первомъ сдѣлалъ предположеніе. «Не годится, показавши волю, оставлять человѣка въ неволѣ», и послѣ этого думалъ два часа: полтора часа по дорогѣ отъ семеновскаго моста на Выборгскую, и полчаса на своей кушеткѣ; первую четверть часа думалъ не нахмуривая лба, остальныя часъ и три четверти думалъ нахмуривъ лобъ; по прошествіи же двухъ часовъ ударилъ себя по лбу и, сказавши «хуже Гоголевскаго почтмейстера, телятина»! — посмотрѣлъ на часы. — «10, еще можно» — и пошелъ съ квартиры.

Первую четверть часа, не хмуря лба, онъ думалъ такъ: «все это вздоръ, зачѣмъ нужно кончать курсъ? И безъ диплома не пропаду, да и не нужно его. Уроками, переводами достану не меньше,—пожалуй, больше, чѣмъ получалъ бы отъ своего докторства. Пустяки».

Стало быть, тутъ нечего было хмурить лба,—сказать правду; за-

дачаказалась не головоломна отчасти и потому, что еще съ прошлаго урока предчувствовалось ему нѣчто въ родѣ такого размышленія. Это онъ понялъ теперь. А если бы ему напомнить размышленіе, начинавшееся на тему «жертва» и кончавшееся мыслями о нарядахъ, то можно бы его уличить, что предчувствовалось ужь и съ той самой поры нѣчто въ родѣ этого обстоятельства, потому что иначе не зачѣмъ было бы и являться тогда въ немъ мысли: «отказываюсь отъ ученой карьеры». Тогда ему представлялось, что не отказывается, а инстинктъ уже говорилъ: «откажешься, отсрочки не будетъ». И если бы уличить Лопухова, какъ практическаго мыслителя, въ тогдашней его неосновательности «не отказываюсь»,—онъ восторжествовалъ бы, какъ теоретикъ, и сказалъ бы: «вотъ вамъ новый примѣръ, какъ эгоизмъ управляетъ нашими мыслями! — вѣдь я долженъ былъ видѣть, но не видѣлъ, потому что хотѣлось видѣть не то—и нашими поступками, потому что зачѣмъ же заставилъ дѣвушку сидѣть въ подвалѣ лишнюю недѣлю, когда слѣдовало предвидѣть и все устроить тогда же!»

Но ничего этого не вспомнилось и не подумалось ему, потому что надобно было нахмурить лобъ, и нахмуривъ его, думать часъ и три четверти надъ словами: «кто повѣнчаетъ»? — и все былъ одинъ отвѣтъ: «никто не повѣнчаетъ!» И вдругъ вмѣсто «никто не повѣнчаетъ»—явилась у него въ головѣ фамилія «Мерцаловъ»; тогда онъ ударилъ себя по лбу, и выбранилъ справедливо: какъ было съ самаго же начала не вспомнить о Мерцаловѣ? А отчасти и несправедливо: вѣдь не привычно было думать о Мерцаловѣ, какъ о человѣкѣ вѣнчающемъ.

Въ Медицинской Академіи есть много людей всякихъ сортовъ, есть, между прочимъ, и семинаристы; они имѣютъ знакомства въ Духовной Академіи, — черезъ нихъ, были въ ней знакомства и у Лопухова. Одинъ изъ знакомыхъ ему студентовъ Духовной Академіи, — не близкій, но хорошій знакомый, — кончилъ курсъ годъ тому назадъ, и былъ священникомъ въ какомъ-то зданіи съ безконечными корридорами на Васильевскомъ Островѣ. Вотъ, къ нему-то и отправился Лопуховъ, и по экстренности случая и позднему времени, даже на извозчикѣ.

Мерцаловъ, сидѣвшій дома одинъ, читалъ какое-то новое сочиненіе,—то ли Людовика XIV; то ли кого другаго изъ той же династіи.

— Вотъ какое и вотъ какое дѣло, Алексѣй Петровичъ! знаю,

что для васъ это очень серьёзный рискъ; хорошо, если мы помиримся съ родными, а если они начнутъ дѣло? вамъ можетъ быть бѣда, да и навѣрное будетъ; но... Никакого «но» не могъ отыскать въ своей головѣ Лопуховъ: какъ, въ самомъ дѣлѣ, убѣждать человѣка, чтобы онъ за насъ клалъ шею въ петлю!

Мерцаловъ долго думалъ, тоже искалъ «но» для уполномоченія себя на такой рискъ, и тоже не могъ придумать никакого «но».

— Какъ же съ этимъ быть? Вѣдь хотѣлось бы... то, что вы теперь дѣлаете, сдѣлалъ и я годъ назадъ да сталъ не воленъ въ себѣ, какъ и вы будете. А совѣстно: надо бы помочь вамъ. Да когда есть жена, оно и страшновато идти безъ оглядки.

— Здравствуй, Алеша. Мои всѣ тебѣ кланяются, здравствуйте, Лопуховъ; давно мы съ вами не видѣлись. Что вы тутъ говорите про жену? Все у васъ жены виноваты, сказала возвратившаяся отъ родныхъ дама лѣтъ 17, хорошенькая и бойкая блондинка.

Мерцаловъ пересказалъ женѣ дѣло. У молодой дамы засверкали глазки.

— Алеша, вѣдь не съѣдятъ же тебя!

— Есть рискъ, Наташа.

— Очень большой рискъ, подтвердилъ Лопуховъ.

— Ну, что дѣлать, рискни, Алеша, — я тебя прошу.

— Когда ты меня не станешь осуждать, Наташа, что я забылъ про тебя, идя на опасность, такъ разговоръ конченъ. Когда хотите вѣнчаться, Дмитрій Сергѣичъ?

Слѣдовательно, препятствій не оставалось.

Въ понедѣльникъ поутру, Лопуховъ сказалъ Кирсанову:

— Знаешь ли, что, Александръ? ужь вѣрно подаритъ тебѣ ту половину нашей работы, которая была моей долей. Бери мои бумаги и препараты, я бросаю. Выхожу изъ Академіи, вотъ и просьба. Женюсь. — Лопуховъ разсказалъ исторію въ двухъ словахъ.

— Если бы ты былъ глупъ, или бы я былъ глупъ, сказалъ бы я тебѣ, Дмитрій, что этакъ дѣлаютъ сумасшедшіе. А теперь не скажу. Всѣ возраженія ты, вѣрно, постарательнѣе моего обдумалъ. А и не обдумывалъ, такъ вѣдь все равно. Глупо ли ты поступаешь, умно ли — не знаю; но но, крайней мѣрѣ, самъ не стану дѣлать той глупости, чтобы пытаться отговаривать, когда знаю, что не отговорить. Я тебѣ тутъ нуженъ на что нибудь, или нѣтъ?

— Нужно квартиру приискать, гдѣ нибудь въ дешевой мѣстности, три комнаты. Мнѣ надобно хлопотать въ Академіи, чтобы поскорѣе выдали бумаги, чтобы завтра же. Такъ поищи квартиру ты.

Во вторникъ, Лопуховъ получилъ свои бумаги, отправился къ Мерцалову, сказалъ, что свадьба завтра, — въ какое время для васъ удобнѣе, Алексѣй Петровичъ? — Алексѣю Петровичу все равно, онъ завтра весь день дома. — «Я думаю, впрочемъ, что успѣю прислать Кирсанова предупредить васъ».

Въ среду въ 11 часовъ пришедши на бульваръ, Лопуховъ довольно долго ждалъ Вѣрочку, и начиналъ уже тревожиться; но вотъ и она, такъ спѣшитъ.

— Вѣрочка, другъ мой, не случилось ли чего съ тобой?

— Нѣтъ, миленькій, ничего, я опоздала только оттого, что проспала.

— Это значитъ, ты во сколько же часовъ уснула?

— Миленькій, я не хотѣла тебѣ сказать; въ семь часовъ, миленькій, а то все думала: нѣтъ, раньше, въ шесть.

— Вотъ о чемъ я хотѣлъ тебя просить, моя милая Вѣрочка: намъ надобно поскорѣе посовѣтываться, чтобъ обоимъ быть спокойными.

— Да, миленькій, надобно. Поскорѣй надобно.

— Такъ дня черезъ четыре, черезъ три...

— Ахъ, если бы такъ, миленькій, вотъ бы ты былъ умникъ.

— Черезъ три вѣрно ужъ найду квартиру, замуплю, что нужно по хозяйству, тогда намъ и можно будетъ поселиться съ тобою вмѣстѣ?

— Можно, мой голубчикъ, можно.

— Но вѣдь прежде, надобно повѣнчаться.

— Ахъ, я и забыла, миленькій, надо повѣнчаться прежде.

— Такъ вѣнчаться и нынче можно, — объ этомъ я и хотѣлъ просить тебя.

— Поѣдемъ, миленькій, повѣнчаемся; да какъ же ты все это устроилъ? какой ты умненькій, миленькій!

— А вотъ на дорогѣ все разскажу, поѣдемъ.

Пріѣхали, прошли по длиннымъ корридорамъ къ церкви, отыскали сторожа, послали къ Мерцалову; Мерцаловъ жилъ въ томъ же домѣ съ безконечными корридорами.

— Теперь, Вѣрочка, у меня къ тебѣ еще просьба. Вѣдь ты знаешь, въ церкви заставляютъ молодыхъ цаловаться?

— Да, мой миленькій; только какъ это стыдно!

— Такъ вотъ, чтобы не было тогда слишкомъ стыдно, поцалуемся теперь.

— Такъ и быть, мой миленькій, поцалуемся, да развѣ нельзя безъ этого?

— Да вѣдь въ церкви же нельзя безъ этого, такъ приготовимся.

Они поцаловались.

— Миленькій, хорошо, что успѣли приготовиться, вонъ ужь сторожъ идетъ, теперь въ церкви не такъ стыдно будетъ.

Но пришелъ не сторожъ, — сторожъ побѣжалъ за дьячкомъ, — вошелъ Кирсановъ, дожидавшійся ихъ у Мерцалова.

— Вѣрочка, вотъ это и есть Александръ Матвѣичъ Кирсановъ, котораго ты ненавидишь, и съ которымъ хочешь запретить мнѣ видѣться.

— Вѣра Павловна, за что же вы хотите разлучать наши нѣжныя сердца?

— За то, что они нѣжныя, сказала Вѣрочка, подавая руку Кирсанову, и, все еще продолжая улыбаться, задумалась: — а съумѣю ли я любить его, какъ вы? Вѣдь вы его очень любите?

— Я? я никого, кромѣ себя не люблю, Вѣра Павловна.

— И его не любите?

— Жили — не ссорились, и того довольно.

— И онъ васъ не любилъ?

— Не замѣчалъ что-то. Впрочемъ спросимъ у него: ты любилъ что ли меня, Дмитрій?

— Особенной ненависти къ тебѣ не имѣлъ.

— Ну, когда такъ, Александръ Матвѣичъ, я не буду запрещать ему видѣться съ вами, и сама буду любить васъ.

— Вотъ это гораздо лучше, Вѣра Павловна.

— А вотъ и я готовъ, — подошелъ Алексѣй Петровичъ: — пойдемте въ церковь. — Алексѣй Петровичъ былъ веселъ, шутилъ; но когда началъ вѣнчанье, голосъ его нѣсколько задрожалъ — а если начнется дѣло? Наташа, ступай къ отцу, мужъ не кормилецъ, а плохое житье отъ живаго мужа на отцовскихъ хлѣбахъ! впрочемъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, онъ опять совершенно овладѣлъ собою.

Въ половинѣ службы пришла Наталья Андревна, или Наташа, какъ звалъ ее Алексѣй Петровичъ; но окончаніи свадьбы попросила молодыхъ зайти къ ней; у ней былъ приготовленъ

маленькій завтракъ; зашли, посмѣялись, даже протанцовали двѣ кадрили въ двѣ пары, даже вальсировали; Алексѣй Петровичъ, не умѣвшій танцовать, игралъ имъ на скрипкѣ; часа полтора пролетѣли легко и незамѣтно. Свадьба была веселая.

— Меня, я думаю, дома ждутъ ужь обѣдать, — сказала Вѣрочка: — пора. Теперь, мой миленькій, я и три и четыре дня проживу въ своемъ подвалѣ безъ тоски, пожалуй и больше проживу, — стану я теперь тосковать! вѣдь мнѣ теперь нечего бояться — нѣтъ, ты меня не провожай: я поѣду одна, чтобы не увидали какъ нибудь.

— Ничего, не съѣдятъ меня, не совѣститесь, господа! говорилъ Алексѣй Петровичъ, провожая Лопухова и Кирсанова, которые оставались еще нѣсколько минутъ, чтобы дать отъѣхать Вѣрочкѣ: — я теперь оченъ радъ, что Наташа ободрила меня.

На другой день, послѣ четырехъ-дневныхъ поисковъ, нашлась хорошая квартира, въ дальнемъ концѣ 5 линіи Васильевскаго Острова. Имѣя всего рублей 160 въ запасѣ, Лопуховъ разсудилъ съ своимъ пріятелемъ, что невозможно ему съ Вѣрочкою думать теперь же обзаводиться своимъ хозяйствомъ, мебелью, посудою; потому и наняли три комнаты съ мебелью, посудой и столомъ отъ жильцовъ-мѣщанъ: старика, мирно проводившаго дни свои съ лоткомъ пуговицъ, лентъ, булавокъ и прочаго у забора на среднемъ проспектѣ между 1-ю и 2-ю линіею, а вечера въ разговорахъ со своею старухою, проводившею дни свои въ штопаньѣ сотенъ и тысячъ всякаго старья, приносимаго къ ней охапками съ толкучаго рынка. Прислуга тоже была отъ хозяевъ, то есть сами хозяева. Все это стоило 30 рублей въ мѣсяцъ. Тогда, — лѣтъ десять тому назадъ, — были въ Петербургѣ времена, еще дешевыя по петербургскому масштабу. При такомъ устройствѣ, были въ готовности средства къ жизни на три, пожалуй даже на четыре мѣсяца; вѣдь на чай 10 рублей въ мѣсяцъ довольно? а въ четыре мѣсяца Лопуховъ надѣялся найти уроки, какую нибудь литературную работу, занятія въ какой нибудь купеческой конторѣ, — все равно. Въ тотъ же день, какъ была пріискана квартира, — и дѣйствительно, квартира отличная: для того-то и искали долго, за то и нашли, — Лопуховъ, бывши на урокѣ, въ четвергъ по обыкновенію, сказалъ Вѣрочкѣ:

— Завтра переѣзжай, мой другъ; вотъ адресъ. Больше теперь говорить не стану, чтобъ не замѣтили.

— Миленькій мой, ты спасъ меня!

Теперь, какъ уйти изъ дому? сказать? Вѣрочка и подумала было, но мать бросится драться, можетъ запереть. Вѣрочка разсудила оставить письмо въ своей комнатѣ. Когда Марья Алексѣвна, услышавъ, что дочь отправляется по дорогѣ къ невскому, сказала, что идетъ вмѣстѣ съ нею. Вѣрочка вернулась въ свою комнату и взяла письмо: ей показалось, что лучше, честнѣе будетъ, если она сама, въ лицо скажетъ матери — вѣдь драться на улицѣ мать не станетъ же? только надобно, когда будешь говорить, нѣсколько подальше отъ нея остановиться, поскорѣе садиться на извозчика и ѣхать, чтобъ она не успѣла схватить за рукавъ.

Такимъ-то манеромъ и произошла эффектная сцена у лавки Рузанова.

XXII.

Но мы видѣли только еще половину этой сцены.

Съ минуту, — пѣтъ, нѣсколько поменьше, Марья Алексѣвна, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, стояла ошеломленная, стараясь понять, и все не понимая, что жь это говоритъ дочь, что жь это значитъ, и какъ же это? но только съ минуту, или поменьше... Она встрепенулась, вскрикнула какое-то ругательство, но дочь уже выѣзжала на Невскій; Марья Алексѣвна пробѣжала нѣсколько шаговъ въ ту сторону, — надобно извозчика, — бросилась на тротуаръ — «извозчикъ!» — «куда прикажете, сударыня?» — куда она прикажетъ?, Послышалось, что дочь сказала «въ Каравашную», но повернула дочь на лѣво по Невскому. Куда же прикажетъ она? «Догонять ту, мерзавку!» — «Догонять, сударыня? да вы скажите толкомъ, куда; а то какъ же безъ ряды ѣхать, а какой конецъ, неизвѣстно.» — Марья Алексѣвна совершенно вышла изъ себя, ругнулась на извозчика, — «пьяна ты, барыня, я вижу, вотъ что», сказалъ извозчикъ, и потопелъ. Марья Алексѣвна и ругала его въ догонку, и кричала другихъ извозчиковъ, и бросалась въ разныя стороны на нѣсколько шаговъ, и махала руками, и окончательно установилась опять подъ колоннадой, и топала, и бѣсилась: а вокругъ нея уже стояло человѣкъ пять парней, продающихъ разную разность у колоннъ Гостинаго Двора; парни любовались на нее, обмѣнивались между собою замѣчаніями болѣе или менѣе неуважительнаго свой-

ства, обращались къ ней съ похвалами остроумнаго и совѣтами благонамѣреннаго свойства: «Ай, да барыня, въ кою пору успѣла нализаться, хватъ, барыня!»—«барыня, а барыня, купи пятокъ лимоновъ-то у меня, ими хорошо закусывать, для тебя дешево отдамъ!» — «барыня, а барыня, не слушай его, лимонъ не поможетъ, а ты поди опохмѣлись!»—«барыня, а барыня, здорова ты ругаться; давай объ закладъ ругаться, кто кого переругаетъ!»— Марья Алексѣвна, сама не помня, что дѣлаетъ, хватила по уху ближайшаго изъ собесѣдниковъ — парня лѣтъ 17, не безъ грацiи высовывавшаго ей языкъ: шапка слетѣла, а волосы тутъ какъ разъ подъ рукой; Марья Алексѣвна вцѣпилась въ нихъ. Это привело остальныхъ собесѣдниковъ въ неописанный энтузiазмъ: — «Ай, да барыня! — Валяй его, барыня!»—Нѣкоторые замѣчали: — «Ѳедька, а ты дай-ко ей сдачи», но большинство собесѣдниковъ было рѣшительно на сторонѣ Марьи Алексѣвны: «Куда Ѳедькѣ противъ барыни! — Валяй, барыня, валяй Ѳедьку, такъ ему, подлецу, и надо». Было уже много зрителей, кромѣ собесѣдниковъ: и извозчики, и сидѣльцы изъ лавокъ, и прохожiе. Марья Алексѣвна какъ будто опомнилась, и послѣднимъ машинальнымъ движенiемъ далеко отшатнувъ Ѳедькину голову, зашагала черезъ улицу. Восторженныя похвалы собесѣдниковъ провожали ее.

Она увидѣла, что идетъ домой, когда прошла уже ворота Пажескаго Корпуса, взяла извозчика, и пріѣхала счастливо, побила у двери отворившаго ей Ѳедю, бросилась къ шкапчику, побила высунувшуюся на шумъ Матрену, бросилась опять къ шкапчику, бросилась въ комнату Вѣрочки, черезъ минуту выбѣжала къ шкапчику, побѣжала опять въ комнату Вѣрочки, долго оставалась тамъ, потомъ пошла по комнатамъ ругаясь, но бить было уже некого: Ѳедя бѣжалъ на грязную лѣстницу, Матрена, подсматривая въ щель Вѣрочкиной комнаты, бѣжала опрометью, увидѣвъ, что Марья Алексѣвна поднимается, въ кухню не попала, а очутилась въ спальной подъ кроватью Марьи Алексѣвны, гдѣ и пробыла благополучно до мирнаго востребованiя.

Долго ли, коротко ли Марья Алексѣвна ругалась и кричала, ходя по пустымъ комнатамъ, опредѣлить она не могла, но должно быть долго, потому что вотъ и Павелъ Константиновичъ явился изъ должности, — досталось и ему, идеально и матерiально досталось. Но какъ всему бываетъ конецъ, то Марья Алексѣвна закричала: «Матрена, подавай обѣдать!» Матрена увидѣ-

ла, что штурмъ кончился, вылѣзла изъ-подъ кровати и подала обѣдать.

За обѣдомъ, Марья Алексѣвна дѣйствительно уже не ругалась, а только рычала, и уже безъ всякихъ наступательныхъ намѣреній, а такъ только, для собственнаго употребленія; потомъ, лечь не легла, но сѣла и сидѣла одна, и молчала, и ворчала, потомъ и ворчать перестала, а все молчала, наконецъ крикнула:

— Матрена! разбуди барина, вели ко мнѣ придти.

Матрена, въ ожиданіи распоряженій не смѣвшая уйти ни въ полпивную, ни куда, исполнила приказъ, Павелъ Константинычъ явился.

— Ступай къ хозяйкѣ, скажи, что дочь по твоей волѣ вышла за этого чорта. Скажи: я противъ жены былъ. Скажи: вамъ въ угоду сдѣлалъ, потому что видѣлъ, не было вашего желанія. Скажи: моя жена была одна виновата, я вашу волю исполнялъ. Скажи: я самъ ихъ и свелъ. Понялъ, что ли?

— Понялъ, Марья Алексѣвна; это ты очень умно разсуждаешь.

— Ну, ступай же! хоть обѣдаетъ, все равно вызови, подними отъ стола. Покуда не знаетъ.

Справедливость словъ Павла Константиныча была такъ осязательна, что хозяйка повѣрила бы имъ, если бъ онъ и не обладалъ даромъ убѣдительной благоговѣйности изложенія. А убѣдительность этого дара была такъ велика, что хозяйка простила бы Павла Константиныча, если бъ и не было осязательныхъ доказательствъ, что онъ постоянно дѣйствовалъ противъ жены и нарочно свелъ Вѣрочку съ Лопуховымъ, чтобы отвратить неблагородную женитьбу Михаила Иваныча. — Какъ же они повѣнчались? — Павелъ Константинычъ не пожалѣлъ приданаго; далъ 5.000 Лопухову деньгами, свадьбу и обзаведенье сдѣлалъ все на свой счетъ. Черезъ него они и записочками передавались; у его сослуживца на квартирѣ, у столоначальника Филантьева, — женатаго человѣка, ваше превосходительство, потому что хоть я и маленькій человѣкъ, но дѣвическая честь дочери, ваше превосходительство, мнѣ дорога, имѣли при мнѣ свиданья, и хоть наши деньги не такія, чтобы мальчишкѣ-въ такихъ лѣтахъ учителей брать, но якобы предлогъ далъ, ваше превосходительство, и т. д. Неблагонамѣренность жены Павелъ Константинычъ изобличалъ въ самыхъ черныхъ порицаніяхъ.

Какъ было не убѣдиться и не помиловать Павла Константиныча? А главное—великая, неожиданная радость! Радость смягчаетъ сердце. Хозяйка начала свою отпустительную рѣчь очень длиннымъ поясненіемъ гнусности мыслей и поступковъ Марьи Алексѣвны, и сначала требовала, чтобы Павелъ Константиныч прогналъ жену отъ себя; но онъ умолялъ, да и она сама сказала это больше для блезиру, чѣмъ для дѣла; наконецъ, резолюція вышла такая, что Павелъ Константиныч остается управляющимъ, квартира на улицу отнимается, и переводится онъ на задній дворъ, съ тѣмъ, чтобы жена его не смѣла и показываться въ тѣхъ мѣстахъ перваго двора, на которыя можетъ упасть взглядъ хозяйки, и обязана выходить на улицу не иначе, какъ воротами дальними отъ хозяйскихъ оконъ. Изъ 20 р. въ мѣсяцъ прибавки къ жалованью, 15 р. отнимаются, а 5 р. оставляются въ вознагражденіе какъ усердія управляющаго къ волѣ хозяйки, такъ и его расходовъ по свадьбѣ дочери.

XXIII.

У Марьи Алексѣвны было въ мысляхъ нѣсколько проектовъ о томъ, какъ поступить съ Лопуховымъ, когда онъ явится вечеромъ. Самый чувствительный состоялъ въ томъ, чтобы спрятать на кухнѣ двухъ дворниковъ, — они бросятся на Лопухова по данному сигналу и исколотятъ его. Самый патетическій состоялъ въ томъ, чтобы торжественно провозгласить устами своими и Павла Константиныча родительское проклятіе ослушной дочери и ему разбойнику, съ объясненіемъ, что оно сильно,—даже земля, какъ извѣстно, не принимаетъ праха проклятыхъ родителями. Но это были точно такія же мечты, какъ у хозяйки мысль развести Павла Константиныча съ женою; такіе проекты, какъ всякая поэзія, служатъ собственно не для практики, а для отрады сердцу, ложась основаніемъ для безконечныхъ размышленій на единѣ и для иныхъ изъясненій въ бесѣдахъ будущности, что, дескать, я вотъ что могла (или, смотря по полу лица: могъ) сдѣлать, и хотѣла (хотѣлъ), да по своей добротѣ пожалѣла (пожалѣлъ).

Проекты побить Лопухова и проклять дочь были идеальною стороною мыслей и чувствъ Марьи Алексѣвны. Реальная сторона ея ума и души имѣла направленіе не столь возвышенное и бо-

лѣе практическое — разница, неизбѣжная по слабости всякаго человѣческаго существа. Когда Марья Алексѣвна опомнилась у воротъ пажескаго корпуса, постигла, что дочь дѣйствительно исчезла, вышла за мужъ и ушла отъ нея, этотъ фактъ явился ея сознанію въ формѣ слѣдующаго мысленнаго восклицанія: «обокрала!» И всю дорогу она продолжала восклицать мысленно, а иногда и въ слухъ: «обокрала!» Поэтому, задержавшись лишь на нѣсколько минутъ сообщеніемъ скорби своей Ольѣ и Матренѣ по человѣческой слабости,—всякій человѣкъ увлекается выраженіемъ чувствъ до того, что забываетъ въ порывѣ души житейскіе интересы минуты, — Марья Алексѣвна пробѣжала въ комнату Вѣрочки, бросилась въ ящики туалета, въ гардеробъ, — окинула все торопливымъ взглядомъ, — нѣтъ, кажется, все цѣло! — и потомъ принялась повѣрить это успокоительное впечатлѣніе подробнымъ пересмотромъ. Оказалось, что дѣйствительно, всѣ вещи и платья остались у нея, кромѣ пары простенькихъ золотыхъ серегъ, да стараго кисейнаго платья, да стараго пальто, въ которыхъ Вѣрочка пошла изъ дому. По этому вопросу реальнаго направленія Марья Алексѣвна ждала, что Вѣрочка дастъ Лопухову списокъ своихъ вещей, чтобы требовать ихъ, и твердо рѣшилась изъ золотыхъ и другихъ такихъ вещей не давать ничего, изъ платьевъ дать четыре, которыя попроще, и дать нѣсколько бѣлья, которое небольшое количество: ничего не дать нельзя, благородное приличіе не дозволяетъ, а Марья Алексѣвна всегда строго соблюдала благородное приличіе.

Другой вопросъ реальной жизни былъ: отношенія къ хозяйкѣ; мы уже видѣли, что Марьѣ Алексѣвнѣ удалось разрѣшить его удачно.

Теперь, третій вопросъ: что дѣлать съ мерзавкою и подлецомъ, съ дочерью и непрошеннымъ зятемъ? Проклясть? — это не трудно, но годится только, какъ десертъ къ чему нибудь существенному. Существенное возможно только одно: подать просьбу, начать дѣло, отдать подъ судъ. Сначала, въ волненіи чувствъ, Марья Алексѣвна смотрѣла на это рѣшеніе вопроса идеально, и съ идеальной точки зрѣнія оно представлялось очень привлекательнымъ. Но по мѣрѣ того, какъ успокоивалась кровь, отъ утомленія бурею, дѣло стало обнаруживаться въ другомъ видѣ. Никто не зналъ лучше Марьи Алексѣвны, что дѣла ведутся деньгами и деньгами, а такія дѣла, какъ обольщавшее ее своею идеальною прелестью, ведутся большими и большими деньгами, и

тянутся очень долго, и, вытянувъ много денегъ, кончаются совершенно ничѣмъ.

Что же дѣлать? Въ концѣ концовъ выходило, что предстоятъ только два занятія: поругаться съ Лопуховымъ до послѣдней степени удовольствія, и отстоять отъ его требованій Вѣрочкины вещи, а средствомъ къ тому употребить угрозу подачею жалобы. Но поругаться надобно очень сильно, въ полную силу.

Не удалось и поругаться. Пришелъ Лопуховъ и началъ въ такихъ слогѣ, что мы съ Вѣрочкою просимъ насъ, Марья Алексѣевна и Павелъ Константиновичъ, извинить насъ, что безъ вашего согласія...

Марья Алексѣевна на этомъ словѣ закричала: «Я прокляну ее, негодницу!»

Но вмѣсто слова «негодницу», успѣло выговориться только «него...», потому что Лопуховъ сказалъ очень громко: «вашей брани я слушать не стану, я пришелъ говорить о дѣлѣ. Вы сердитесь, и не можете говорить спокойно, такъ мы поговоримъ одни, съ Павломъ Константиновичемъ, а вы, Марья Алексѣевна, пришлите Ѳедю или Матрену позвать насъ, когда успокоитесь» — и говоря это, уже велъ Павла Константиныча изъ зала въ его кабинетъ, а говорилъ такъ громко, что перекричать его не было возможности, а потому и пришлось остановиться въ своей рѣчи.

Довелъ онъ Павла Константиныча до дверей зала, тутъ остановился, обернулся и сказалъ: «А то, Марья Алексѣевна, теперь же и съ вами буду говорить; только вѣдь о дѣлѣ надобно говорить спокойно».

Она было опять готовилась закричать, но онъ опять перебилъ: «Ну, не можете говорить спокойно, такъ мы уходимъ».

— Да ты зачѣмъ уходишь, дуракъ? прокричала Марья Алексѣевна.

— Да онъ меня ведетъ.

— А если Павлу Константиновичу было бы тоже неугодно говорить хладнокровно, такъ и я уйду, пожалуй — мнѣ все равно. Только зачѣмъ же вы, Павелъ Константиновичъ, позволяете называть себя такими именами? Марья Алексѣевна дѣлъ не знаетъ, она вѣрно думаетъ, что съ нами можно Богъ знаетъ что сдѣлать, а вы чиновникъ, вы дѣловой порядокъ должны знать. Вы скажите ей, что теперь она съ Вѣрочкой ничего не сдѣлаетъ, а со мной и того меньше.

Знаетъ, подлецъ, что съ нимъ ничего не сдѣлаешь, подумала Марья Алексѣвна и сказала Лопухову, что въ первую минуту она погорячилась, какъ мать, а теперь можетъ говорить хладнокровно.

Лопуховъ возратился съ Павломъ Константиновичемъ, — сѣли; Лопуховъ попросилъ ее слушать, пока онъ доскажетъ то, что начнетъ, а ея рѣчь будетъ впереди, и началъ говорить, сильно возвышая голосъ, когда она пробовала перебивать его, и благополучно довелъ до конца свою рѣчь, которая состояла въ томъ, что развѣнчать ихъ нельзя, потому дѣло со Сторешниковымъ—дѣло пропащее, какъ вы сами знаете, стало быть и утруждать себя вамъ будетъ напрасно, а впрочемъ, какъ хотите: коли лишнія деньги есть, то даже совѣтую попробовать; да что, и огорчаться-то не изъ чего, потому что вѣдь Вѣрочка никогда не хотѣла идти за Сторешникова, стало быть, это дѣло всегда было несбыточное, какъ вы и сами видѣли, Марья Алексѣвна, а дѣвушку во всякомъ случаѣ надобно отдавать за мужъ, а это дѣло вообще убыточное для родителей: надобно приданое, да и свадьба, сама по себѣ, много денегъ стоитъ, а главное, приданое; стало быть, еще надобно вамъ, Марья Алексѣвна и Павелъ Константиновичъ, благодарить дочь, что она вышла замужъ безъ всякихъ убытковъ для васъ! Вотъ онъ такъ говорилъ, и прочее, въ этомъ родѣ, и говорилъ онъ обстоятельно, битыхъ полчаса.

Когда онъ кончилъ, то Марья Алексѣвна видѣла, что съ такимъ разбойникомъ нечего говорить, и потому прямо стала говорить о чувствахъ, что она была огорчена собственно тѣмъ, что Вѣрочка вышла за мужъ, не испросивши согласія радительскаго, потому что это для материнскаго сердца очень больно; ну, а когда дѣло пошло о материнскихъ чувствахъ и огорченіяхъ, то, натурально, разговоръ сталъ представлять для обѣихъ сторонъ болѣе только тотъ интересъ, что, дескать, нельзя же не говорить и объ этомъ, такъ приличіе требуетъ; удовлетворили приличію, поговорили, — Марья Алексѣвна, что она, какъ любящая мать, была огорчена, — Лопуховъ, что она, какъ любящая мать, можетъ и не огорчаться; когда же исполнили мѣру приличія надлежащею длиною разсужденій о чувствахъ, перешли къ другому пункту, требуемому приличіемъ, что мы всегда желали своей дочери счастья, — съ одной стороны, а съ другой стороны отвѣчалось, что это, конечно, вещь несомнѣнная; когда разговоръ былъ доведенъ до приличной длины и по этому пункту,

стали прощаться, тоже съ объясненіями такой длины, какая требуется благороднымъ приличіемъ, и результатомъ всего оказалось, что Лопуховъ, понимая разстройство материнскаго сердца, не проситъ Марью Алексѣвну теперь же дать дочери позволеніе видѣться съ нею, потому что теперь это, быть можетъ, было бы еще тяжело для материнскаго сердца, а что вотъ Марья Алексѣвна будетъ слышать, что Вѣрочка живетъ счастливо, въ чемъ, конечно, всегда и состояло единственное желаніе Марьи Алексѣвны, и тогда материнское сердце ея совершенно успокоится, стало быть, тогда она будетъ въ состояніи видѣться съ дочерью, не огорчаясь.

Такъ на томъ и порѣшили, и разстались миролюбиво.

— Ну, разбойникъ! сказала Марья Алексѣвна, проводивъ зятя.

Ночью даже приснился ей сонъ такого рода, что сидитъ она подъ окномъ, и видитъ: по улицѣ ѣдетъ карета, самая отличная, и останавливается эта карета, и выходитъ изъ кареты пышная дама, и мужчина съ дамой, и входятъ они къ ней въ комнату, и дама говоритъ: посмотрите, мамаша, какъ меня мужъ наряжаетъ! и дама эта — Вѣрочка. И смотритъ Марья Алексѣвна, матерія на платьѣ у Вѣрочки самая дорогая, и Вѣрочка говоритъ: одна матерія 500 цѣлковыхъ стоитъ, и это для насъ, мамаша, пустяки: у меня такихъ платьевъ цѣлая дюжина; а вотъ, мамаша, это дороже стоитъ, — вотъ, на пальцы посмотрите! Смотритъ Марья Алексѣвна на пальцы Вѣрочкѣ, а на пальцахъ перстни съ крупными брильянтами! — Этотъ перстень, мамаша, стоитъ 2.000 р., а этотъ, мамаша, дороже — 4.000 р., а вотъ на грудь посмотрите, мамаша, эта брошка еще дороже: она стоитъ 10.000 р.! А мужчина говоритъ, и этотъ мужчина Дмитрій Сергѣичъ: «это все для насъ еще пустяки, милая маменька, Марья Алексѣвна! а настоящая-то важность вотъ у меня въ карманѣ: вотъ, милая маменька, посмотрите бумажникъ, какой толстый, и набитъ все однѣми 100-рублевыми бумажками, и этотъ бумажникъ я вамъ, мамаша, дарю, потому что и это для насъ пустяки! а вотъ этого бумажника, который еще толще, милая маменька, я вамъ не подарю, потому что въ немъ бумажекъ нѣтъ, а въ немъ все банковые билеты да векселя, и каждый билетъ и вексель дороже стоитъ, чѣмъ весь бумажникъ, который я вамъ подарилъ, милая маменька, Марья Алексѣвна!» — Умѣли вы, милый сынъ, Дмитрій Сергѣичъ, составить счастье

моей дочери и всего нашего семейства; только откуда же, милый сынъ, вы такое богатство получили? — Я, милая маманя, пошелъ по откупной части!

И проснувшись, Марья Алексѣвна думаетъ про себя: «истинно, ему бы по откупной части идти».

XXIV.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО МАРЬѢ АЛЕКСѢВНѢ.

Вы перестаете быть важнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ жизни Вѣрочки, Марья Алексѣвна, и разставаясь съ вами, авторъ этого разсказа проситъ васъ не сѣтовать на то, что вы отпускаетесь со сцены съ развязкою, нѣсколько невыгодной для васъ. Не думайте, что вы черезъ то лишились уваженія. Вы остались одураченною, но это нисколько не роняетъ нашего мнѣнія о вашемъ умѣ, Марья Алексѣвна: ваша ошибка не свидѣтельствуетъ противъ васъ. Вы встрѣтились съ людьми, которыхъ не привыкли встрѣчать прежде, и не грѣхъ вамъ было обмануться въ нихъ, судя по прежнимъ вашимъ опытамъ. Вся ваша прежняя жизнь привела васъ къ заключенію, что люди дѣлятся на два разряда: дураковъ и плутовъ; «кто не дуракъ, тотъ плутъ, непремѣнно плутъ, думали вы, а не плутомъ можетъ быть только дуракъ». Этотъ взглядъ былъ очень вѣренъ, Марья Алексѣвна, до недавняго времени былъ совершенно вѣренъ, Марья Алексѣвна. Вы встрѣчали, Марья Алексѣвна, людей, которые говорили очень хорошо, и вы видѣли, что всѣ эти люди, безъ исключенія,—или хитрецы, морочащіе людей хорошими словами, или взрослые глупые ребята, не знающіе жизни и не умѣющіе ни за что приняться. Потому вы, Марья Алексѣвна, не вѣрили хорошимъ словамъ, считали ихъ за глупость или обманъ, и вы были правы, Марья Алексѣвна. Вашъ взглядъ на людей уже совершенно сформировался, когда вы встрѣтили первую женщину, которая не была глупа и не была плутовка; вамъ простительно было смутиться, остановиться въ раздумьѣ, не знать, какъ думать о ней, какъ обращаться съ нею. Вашъ взглядъ на людей уже совершенно сформировался, когда вы встрѣтили перваго благороднаго человѣка, который не былъ простодушнымъ, жалкимъ ребенкомъ, зналъ жизнь не хуже васъ, судилъ о ней не менѣе

вѣрно, чѣмъ вы, умѣвъ дѣлать дѣло не менѣе основательно, чѣмъ вы; вамъ простительно было ошибиться и принять его за такого же пройдоху, какъ вы. Эти ошибки, Марья Алексѣвна, не уменьшаютъ моего уваженія къ вамъ, какъ женщинѣ умной и дѣльной. Вы вывели вашего мужа изъ ничтожества, пріобрѣли себѣ обезпеченіе на старость лѣтъ, — это вещи хорошія, и для васъ были вещами очень трудными. Ваши средства были дурны, но ваша обстановка не давала вамъ другихъ средствъ. Ваши средства принадлежатъ вашей обстановкѣ, а не вашей личности, за нихъ безчестье не вамъ,—по честь вашему уму и силѣ вашего характера.

Довольны ли вы, Марья Алексѣвна, признаніемъ этихъ вашихъ достоинствъ? Конечно, вы остались бы довольны и этимъ, потому что вы и не думали никогда претендовать на то, что вы мила или добра; въ минуту невольной откровенности, вы сами признавали, что вы человѣкъ злой и не честный, и не считали злобы и нечестности своей безчестьемъ для себя, доказывая, что иною вы не могли быть при обстоятельствахъ вашей жизни. Стало быть, вы не станете много интересоваться тѣмъ, что къ похвалѣ вашему уму и силѣ вашего характера не прибавлено похвалы вашимъ добродѣтелямъ, вы и не считаете себя имѣющею ихъ, и не считаете достоинствомъ, а скорѣе считаете принадлежностью глупости имѣть ихъ. Стало быть, вы не стали бы требовать еще другой похвалы, кромѣ той, прежней. Но я могу сказать въ вашу честь еще одно: изъ всѣхъ людей, которыхъ я не люблю и съ которыми не желалъ бы имѣть дѣла, я все-таки охотнѣе буду имѣть дѣло съ вами, чѣмъ съ другими. Конечно, вы безпощадна тамъ, гдѣ это нужно для вашей выгоды. Но если вамъ нѣтъ выгоды дѣлать кому нибудь вредъ, вы не станете дѣлать его изъ какихъ нибудь глупыхъ страстишекъ; вы разсчитываете, что не стоитъ вамъ терять время, трудъ, деньги безъ пользы. Вы, разумѣется, рады были бы изжарить на медленномъ огнѣ вашу дочь и ея мужа, но вы умѣли обуздать мстительное влеченіе, чтобы холодно разсудить о дѣлѣ, и поняли, что изжарить ихъ не удалось бы вамъ; а вѣдь это великое достоинство, Марья Алексѣвна, умѣть понимать невозможность! Поняв ее, вы и не стали начинать процесса, который не погубилъ бы людей, раздражившихъ васъ; вы разочли, что тѣ мелкія непріятности, которыя надѣлали ли бы имъ хлопотами по процессу, подвергали бы саму васъ гораздо большимъ хлопотамъ

и убыткамъ, и потому вы не начали процесса. Если нельзя побѣдить врага, сдѣлавъ ему мелочнаго урона самъ дѣлаешь себѣ больше урона, то не зачѣмъ начинать борьбы; понявъ это, вы имѣете здравый смыслъ и мужество покориться невозможности безъ напраснаго дѣланья вреда себѣ и другимъ,— это также великое достоинство, Марья Алексѣвна. Да, Марья Алексѣвна, съ вами еще можно имѣть дѣло, потому что вы не хотите зла для зла въ убытокъ себѣ самой — это очень рѣдкое, очень великое достоинство, Марья Алексѣвна! Милліоны людей, Марья Алексѣвна, вреднѣе васъ себѣ и другимъ, хотя не имѣютъ того ужаснаго вида, какой имѣете вы. Изъ тѣхъ, кто не хорошъ, вы еще лучше другихъ, именно потому что вы не безразсудны и не тупоумны. Я радъ былъ бы стереть васъ съ лица земли, но я уважаю васъ: вы не портите никакого дѣла; теперь, вы занимаетесь дурными дѣлами, потому что такъ требуетъ ваша обстановка, но дать вамъ другую обстановку, и вы съ удовольствіемъ станете безвредны, даже полезны, потому что безъ денежнаго разсчета вы не хотите дѣлать зла, а если вамъ выгодно, то можете дѣлать что угодно, — стало-быть, даже и дѣйствовать честно и благородно, если такъ будетъ нужно. Вы способны къ этому, Марья Алексѣвна, не вы виноваты въ томъ, что эта способность бездѣйствуетъ въ васъ, что, вмѣсто нея, дѣйствуютъ противоположныя способности, но она есть въ васъ, а этого нельзя сказать о всѣхъ. Дрянные люди не способны ни къ чему; вы только дурной человѣкъ, а не дрянный человѣкъ. Вы выше многихъ и по нравственному масштабу.

Довольны ли вы, Марья Алексѣвна?

— Что, батюшка мой, мнѣ быть довольной-то? Обстоятельства-то мои плоховаты?

— Это и прекрасно, Марья Алексѣвна.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ.

Идетъ–гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подыметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено,
И воздухъ, и вода!

Идетъ–гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Петрикѣевна,
Водой не замутитъ!
Да съ ней бѣда случилася,
Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ...
Сама призналась, глупая,
Типунъ ей на языкъ!

Въ избѣ самъ другъ съ обманщицей
Зима насъ заперла,
Въ мои глаза суровые
Глядитъ, — молчитъ жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не даетъ:
Убить... такъ жаль сердечную!
Стерпѣть — такъ силы нѣтъ!
А тутъ зима косматая
Реветъ и день и ночь:
«Убей, убей измѣнницу!
«Злодѣя изведи!
«Не то весь вѣкъ промаешься,

«Ни днемъ, ни долгой ноченькой
«Покоя не найдешь.
«Въ глаза твои безстыжіе
«Сосѣди наплюютъ!...»
Подъ пѣсню-вьюгу зимнюю
Окрѣпла дума лютая—
Припасъ я вострый ножъ...
Да вдругъ весна подкралася...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ, новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣдно-листая,
И бѣлая березынька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ...
Шумятъ они по новому,
По новому, весеннему...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Слабѣетъ дума лютая,
Ножъ валится изъ рукъ,
И все мнѣ пѣсня слышится
Одна — въ лѣсу, въ лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Богъ тебѣ судья!»

Н. НЕКРАСОВЪ.

НОВЫЯ ОСНОВАНІЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА.

II.

Приступая къ ближайшему разсмотрѣнію «Основныхъ Положеній преобразованія судебной части въ Россіи», надобно прежде всего замѣтить, что у насъ предполагаются двѣ совершенно различныя юрисдикціи, не имѣющія между собою ничего общаго. Каждая изъ нихъ обнимаетъ извѣстныя гражданскія и уголовныя дѣла, исключительно ей одной подсудныя, и принадлежитъ особымъ лицамъ, отправляющимъ судебныя функціи въ своемъ отдѣльномъ кругѣ дѣйствій. Одна изъ этихъ юрисдикцій предоставляется общимъ судебнымъ учрежденіямъ, составленнымъ исключительно изъ однихъ юристовъ и отправляющимъ правосудіе съ извѣстными гарантіями для тяжущихся и подсудимыхъ, а другая — вѣряется выборнымъ мировымъ судьямъ, которые могутъ производить дѣла по ближайшему ихъ усмотрѣнію, не стѣсняясь общими правилами, установленными для судопроизводства гражданскаго и уголовнаго. Эта послѣдняя юрисдикція не имѣетъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ общими судебными учрежденіями. Всѣ дѣла, принадлежащія къ ея вѣдомству, рѣшаются единоличнымъ судомъ мировыхъ судей, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда допускается апелляція, то второю и послѣднею инстанціею признается съѣздъ мировыхъ судей того округа, въ которомъ производится дѣло. Такимъ образомъ, въ судебномъ отношеніи, у насъ являются двѣ об-

ласти, наглухо отгороженныя другъ отъ друга и какъ будто принадлежащія двумъ отдѣльнымъ государствамъ. Въ одной изъ этихъ областей появится судъ со всѣми важнѣйшими гарантіями правосудія, тогда какъ въ другой разбирательство судебныхъ случаевъ будетъ совершенно предоставлено произволу извѣстныхъ лицъ, на которыхъ нѣтъ никуда жалобы. На этомъ основаніи, мы считаемъ нужнымъ говорить о каждой изъ этихъ юрисдикцій отдѣльно, какъ о двухъ разныхъ предметахъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго.

Изъ 19 статьи 2 части «Основныхъ Положеній» видно, что изъ уголовныхъ дѣлъ «мировымъ судьямъ подсудны: 1) тѣ дѣла о менѣе «важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, за которые въ законахъ «опредѣлены только выговоры, замѣчанія, впушенія, денежныя взы«сканія, которыхъ высшая мѣра не превосходитъ 300 рублей, и арестъ «до трехъ мѣсяцевъ или замѣняющія оный наказанія; 2) дѣла о тѣхъ «преступленіяхъ и проступкахъ, о коихъ производство, начинаясь не«иначе, какъ по жалобамъ лицъ обиженныхъ или потерпѣвшихъ вредъ, «можетъ быть прекращаемо примиреніемъ (уложен. о наказан. ст. «171.) и 3) дѣла о кражѣ, мошенничествѣ, лѣсныхъ порубкахъ, при«своеніи найденныхъ вещей и другихъ преступленіяхъ этого рода, «совершенныхъ лицами, подлежащими за эти противозаконныя дѣянія «заключенію въ рабочемъ домѣ». 20 статья этой же части говоритъ, что «преступленія и проступки, за которые въ законахъ постановлены: «запрещеніе производить торговлю или промыселъ, или же закрытіе «торговаго или промышленнаго заведенія, вѣдомству мировыхъ су«дей не подлежатъ». Слѣдующая 21 статья объявляетъ, что вѣдомству окружнаго суда подлежатъ дѣла о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, не подсудныхъ мировымъ судьямъ. Затѣмъ 30 и 31 статьи той же части говорятъ, что приговоры мироваго судьи, которыми опредѣляются извѣстныя наказанія, (какъ-то: выговоры, денежныя взысканія не свыше 15-ти рублей съ одного лица и арестъ до 3-хъ дней), считаются окончательными и не могутъ быть обжалованы, а на всѣ прочіе приговоры допускаются отзывы, которые разсматриваются съѣздомъ мировыхъ судей. Точно такъ же опредѣлено вѣдомство мировыхъ судей и въ дѣлахъ гражданскихъ. Изъ 1, 2, 3 и 4 статей 3-й части «Основныхъ Положеній» видно, что разбирательству мировыхъ судей подлежатъ: 1) иски по личнымъ обязательствамъ и договорамъ и о движимости, цѣною не свыше 500 рублей; 2) иски о вознагражденіи за ущербъ и убытки, когда количество оныхъ не превышаетъ 500 рублей, или же во время предъявленія иска не можетъ быть положительно извѣстно; 3) иски о личныхъ обидахъ, и 4) дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, когда съ нарушеніемъ не соединяется спора о самомъ правѣ на владѣніе, основаннаго на формаль-

ному актѣ; притомъ объясняется, что изъ нихъ мировые судьи окончательно рѣшаютъ дѣла до 30 рублей. Эти статьи ясно и точно опредѣляютъ границы вѣдомства мировыхъ учрежденій въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ. Всѣ дѣла, обозначенныя въ нихъ, начинаются и оканчиваются въ мировыхъ учрежденіяхъ особымъ сокращеннымъ порядкомъ, не опредѣляемымъ законами, и безъ всякаго участія общей судебной власти. Судя по тексту «Основныхъ Положеній», надобно думать, что окончательныя рѣшенія мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ по всѣмъ этимъ дѣламъ не могутъ быть отмѣняемы и кассаціоннымъ порядкомъ, который допущенъ при судопроизводствѣ въ общихъ судахъ, обставленныхъ всѣми важнѣйшими гарантіями для тяжущихся и подсудимыхъ. Это ясно видно изъ того, что всѣ правила о кассаціи отнесены къ четвертому отдѣлу 2 части и второму отдѣлу 3 части «Основныхъ Положеній», въ которыхъ говорится только о судопроизводствѣ въ судахъ общихъ. Такимъ образомъ дѣла, поименованныя въ вышеприведенныхъ статьяхъ, совершенно исключаются изъ вѣдомства общей судебной власти и отдаются въ *полное безотчетное* распоряженіе мировыхъ судей, производящихъ судъ, не стѣсняясь общимъ законнымъ порядкомъ.

Обдумавъ эти правила, положенныя въ основаніе нашихъ будущихъ мировыхъ учрежденій, сличивъ ихъ съ объемомъ власти и кругомъ дѣйствій сокращеннаго мироваго разбирательства въ другихъ государствахъ, и принявъ во вниманіе особенныя условія нашей страны, — нельзя не придти къ заключенію, что власть нашихъ мировыхъ судей будетъ слишкомъ велика и неограниченна въ сравненіи съ тѣми обезпеченіями, которыя она представитъ въ дѣйствительной жизни. Мы вовсе не принадлежимъ къ числу отчаянныхъ любителей регламентаціи и не полагаемъ, чтобы можно было всѣ мельчайшія гражданскія и уголовныя дѣла разсматривать въ общихъ судахъ и производить тѣмъ сложнымъ порядкомъ, который прилагается къ важнѣйшимъ судебнымъ случаямъ. Мы знаемъ, что употребленіе этого сложнаго порядка въ мелкихъ дѣлахъ невозможно и равнозначительно отказу въ правосудіи. Но при всемъ этомъ мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы дѣла, подлежащія сокращенному разбирательству, могли быть отданы въ совершенно произвольное распоряженіе лицъ, облеченныхъ извѣстнымъ званіемъ. Всякій судъ, какъ бы мало ни было пространство его власти, долженъ быть обставленъ извѣстными гарантіями, необходимыми для обезпеченія правосудія. Иначе онъ превратится въ домашнюю расправу и будетъ служить личнымъ интересамъ судей или той власти, которая имѣетъ на нихъ вліяніе. Нѣтъ ни одного мельчайшаго дѣла, въ которомъ бы судебный произволъ не могъ нанести значительнаго оскорбленія личнымъ и

имущественнымъ правамъ тяжущихся и подсудимыхъ. При произвольномъ и безъотчетномъ распоряженіи съ подсудимыми, каждое пустое дѣло о какомъ нибудь маловажномъ полицейскомъ проступкѣ представляетъ случай для тяжкаго и неизгладимаго оскорбленія лицъ, сдѣлавшихся невинными жертвами такого судилища. Несправедливое обвиненіе въ мелкомъ полицейскомъ проступкѣ можетъ иногда лишить человѣка общественной чести и довѣрія (*). Пристрастное или неосновательное рѣшеніе можетъ быть не менѣе чувствительнымъ и въ мелкихъ гражданскихъ дѣлахъ. У кого все состояніе заключается въ 30 рубляхъ, тотъ, лишаясь ихъ вслѣдствіе неправильнаго рѣшенія суда, теряетъ гораздо болѣе, нежели иной богачъ, у котораго отнимаются сотни тысячъ. Для большинства нашихъ крестьянъ или мѣщанъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, внезапное и неожиданное взысканіе 20 или 30 рублей можетъ равняться совершенному разоренію. Если денегъ нѣтъ и дѣло придется къ весни, то у незажиточнаго крестьянина могутъ отнять послѣднюю лошадь, безъ которой нельзя и землю обработать. Изъ всего этого видно, что важность судебныхъ дѣлъ не можетъ опредѣляться одною цѣною иска или величиною назначеннаго законами наказанія, и что всѣ судебные случаи одинаково нуждаются въ извѣстныхъ существенныхъ гарантіяхъ, безъ которыхъ отправленіе правосудія совершенно невозможно и немыслимо. Однако, мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что всѣ дѣла безъ разбора должны производиться однимъ и тѣмъ же образомъ. Мы просто желаемъ только объяснить, что между предположеннымъ общимъ порядкомъ судопроизводства, усложненнымъ множествомъ разныхъ формальностей, и предоставленіемъ всего ближайшему лич-

(*) Чтобы доказать наглядно возможность такихъ серьезныхъ послѣдствій несправедливаго рѣшенія по самому ничтожному дѣлу, мы считаемъ нужнымъ представить слѣдующій примѣръ. Предположимъ, что толпа пьяныхъ людей произвела ночью какой нибудь безпорядокъ, въ такомъ мѣстѣ, одно присутствіе въ которомъ считается уже безнравственнымъ. Все дѣло заключается только въ томъ, что эта пьяная толпа нашумѣла и разбила нѣсколько стеколъ. Между тѣмъ, испуганные шумомъ посылаютъ за полиціею. Видя приближеніе блюстителей благочинія, виновники безпорядка выбѣгаютъ на улицу. Полицейская стража преслѣдуетъ и ловитъ. Въ темнотѣ она захватываетъ съ ними нѣсколькихъ людей, спокойно проходившихъ по улицѣ и ничего не знающихъ о происшествіи. Предположимъ, что скорый и произвольный судъ, не входя въ подробное разбирательство и не стѣсняясь никакими формальностями, признаетъ всѣхъ представленныхъ лицъ виновными, на томъ основаніи, что они захвачены одновременно и въ одномъ мѣстѣ. Кажется, случай очень пустой. Между тѣмъ, каково должно быть невиннымъ, которые осуждены безъ всякаго основанія и лишаются возможности оправданія только потому, что за этотъ проступокъ опредѣляется законами арестъ не болѣе трехъ мѣсяцевъ? (XV Т. Св. Зак., I часть, ст. 1282.)

ному усмотрѣнію судей существуетъ цѣлая пропасть. Мы согласны въ томъ, что большая часть этихъ формальностей не можетъ и не должна имѣть мѣста при скоромъ и простомъ разбирательствѣ мелкихъ гражданскихъ процессовъ и дѣлъ о незначительныхъ полицейскихъ нарушеніяхъ, но нельзя же забывать, что между разными требованіями этого общаго порядка есть такія, которыя представляютъ самыя главныя и существенныя условія всякаго суда, и безъ которыхъ не можетъ быть никакой надежды на то, чтобы дѣла рѣшались на основаніи разумнаго убѣжденія, а не по личному произволу судей. Къ подобнымъ существеннымъ требованіямъ, необходимымъ для всякаго рода дѣлъ, безспорно принадлежатъ правила объ извѣщеніи подсудимыхъ и тяжущихся о представленныхъ противъ нихъ искахъ и обвиненіяхъ, о вызовѣ ихъ къ опредѣленному сроку, о порядкѣ судопроизводства и защитѣ обѣихъ сторонъ, о публичности судебныхъ засѣданій и т. п. Очевидно, что всякое рѣшеніе, постановленное безъ соблюденія этихъ условій, должно считаться произвольнымъ и недѣйствительнымъ. Если же законы дадутъ какому либо судебному учрежденію право дѣйствовать по ближайшему усмотрѣнію, не стѣсняясь вовсе формальностями общаго порядка судопроизводства, и постановлять такія безъапелляціонныя рѣшенія, которыя не могутъ быть отмѣняемы и кассаціоннымъ порядкомъ, то этотъ судъ будетъ зависѣть единственно отъ личнаго произвола.

Можетъ быть, намъ возразятъ, что наши опасенія не имѣютъ никакого основанія, потому что «Основныя Положенія» (въ 25, 26, 27 и 32 статьяхъ 2 части, и 5, 6 статьяхъ 3 части) содержатъ въ себѣ достаточныя указанія на то, что исполненіе этихъ главныхъ и существенныхъ требованій судопроизводства признается имъ обязательнымъ для нашихъ будущихъ мировыхъ учрежденій. Мы предвидимъ это возраженіе и считаемъ нужнымъ устранить всякое недоразумѣніе по этому предмету. Дѣйствительно, въ приведенныхъ статьяхъ «Основныхъ Положеній» есть нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ мироваго судьи при разбирательствѣ гражданскихъ и уголовныхъ случаевъ, но всѣ эти указанія состоятъ лишь въ слѣдующемъ.

1) *Относительно уголовнаго судопроизводства:*

25 ст. «Въ дѣлахъ, которыя возникаютъ лишь по жалобамъ частныхъ лицъ и могутъ быть прекращаемы примиреніемъ, Мировой судья старается примирить принесшаго жалобу съ обвиняемымъ, а въ случаѣ неуспѣха въ томъ, постановляетъ приговоръ, основывая оный только на тѣхъ доказательствахъ, которыя указаны сторонами».

26 ст. «Когда по дѣлу, поступившему на разсмотрѣніе мироваго судьи, окажется необходимымъ сдѣлать осмотръ или иное мѣстное

«дознаніе, то сіи дѣйствія производятся или самимъ мировымъ «судьею, или, по его порученію, чинами мѣстной полиціи».

27 ст. «Мировой судья разбираетъ всѣ дѣла словесно, вносит при- «говоры свои въ установленную для сего книгу».

32 ст. «Окончательные приговоры мироваго судьи приводятся «въ исполненіе по его распоряженію».

2) *Относительно гражданскаго судопроизводства*:

5 ст. «Производство у Мироваго судьи освобождается отъ употре- «бленія гербовой бумаги и всякихъ пошлинъ и происходитъ публично, «на словахъ, съ распросомъ судьею тяжущихся или ихъ повѣрен- «ныхъ и свидѣтелей».

6 ст. «Мировой судья старается примирить тяжущихся и, только «въ случаѣ неуспѣха въ томъ, постановляетъ рѣшеніе, которое объ- «являетъ тяжущимся или ихъ повѣреннымъ, публично, съ записью «въ установленную для сего книгу».

Что же касается до дѣйствій мировыхъ съѣздовъ, то о нихъ ни слова не сказано.

Очевидно, что во всѣхъ этихъ статьяхъ объясняется только, что мировой судья долженъ стараться примирять стороны въ дѣлахъ, которыя могутъ быть оканчиваемы миромъ, основывать свои приго- воры на доказательствахъ, представляемыхъ сторонами, и вносить ихъ въ установленныя книги, а окончательные приговоры приводить въ исполненіе по собственному своему распоряженію. Но относитель- но порядка судопроизводства здѣсь не дѣлается ни малѣйшаго намека. Очень можетъ быть, что въ подробномъ проектѣ судопроизводства этотъ порядокъ будетъ опредѣленъ положительными правилами. Но опасенія наши въ этомъ случаѣ не лишены основанія. Мы знаемъ изъ примѣровъ, представляемыхъ нашею дѣйствительною жизнію, что отсутствіе положительныхъ правилъ судопроизводства ведетъ къ совершенному произволу и безтолковщинѣ. Мы видимъ очень часто, что въ тѣхъ случаяхъ, когда неимѣется въ виду положи- тельнаго предписанія закона, нѣкоторыя наши учрежденія рѣ- шаютъ дѣла по однимъ жалобамъ, не спрашивая вовсе другой сто- роны, или вызываютъ ихъ не одновременно, отъ чего обясненіе дѣла становится совершенно невозможнымъ. (*) Наконецъ, у насъ уже су-

(*) Мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, что не только волостные суды, въ которыхъ порядокъ судопроизводства не опредѣленъ вовсе законами, но даже и нѣкоторые Мировые Посредники рѣшали дѣла по однимъ жалобамъ, не вызывая вовсе отвѣтчиковъ, или оканчивали дѣла безъ судоговоренія, вызывая къ себѣ домашнимъ образомъ то ту, то другую сторону, и перемѣняя свои рѣшенія по нѣсколько разъ. Въ послѣднее время мы слышали, что одинъ мировой съѣздъ

ществуютъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ, которыя, по характеру своихъ дѣйствій и личному составу, близко подходятъ къ предполагаемымъ будущимъ мировымъ учрежденіямъ. Извѣстно, что ихъ желаютъ принять въ образецъ для устройства постояннаго мироваго суда. Между тѣмъ, изъ «Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ» видно, что правила о порядкѣ ихъ дѣйствій по дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства, а также по спорамъ, жалобамъ и недоразумѣніямъ, весьма неопредѣлительны и предоставляютъ слишкомъ много личному произволу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно разсмотрѣть статьи этого положенія, заключающіяся въ 4-мъ и 7-мъ его отдѣленіяхъ. Эти правила не опредѣляютъ положительно, какимъ способомъ должны вызываться къ разбирательству лица отсутствующія, предоставляя это личному усмотрѣнію Мироваго Посредника; не установляютъ ни какого обязательнаго порядка для судоговоренія между сторонами; и наконецъ не требуютъ даже того, чтобы мировой посредникъ объявлялъ заблаговременно о мѣстѣ своего суда. Конечно, нѣкоторыя изъ этихъ условій не могли соблюдаться въ тѣхъ дѣлахъ, для которыхъ учреждались эти спеціальные суды. Само собою разумѣется, что при срочномъ составленіи уставныхъ грамотъ во всѣхъ селеніяхъ не было ни какой возможности стѣснять мировыхъ посредниковъ разными формальностями и требовать отъ нихъ, чтобы они производили разбирательство въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Но признавая необходимость отсутствія нѣкоторыхъ обязательныхъ правилъ въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, мы не можемъ согласиться, чтобы подобный порядокъ суда могъ считаться нормальнымъ и пригоднымъ для какихъ нибудь постоянныхъ судебныхъ учрежденій. Во всѣхъ сторонахъ общественной жизни есть много такихъ неудобствъ, которыя можно переносить временно въ виду особыхъ цѣлей и чрезвычайныхъ обстоятельствъ, но которыя, въ случаѣ совершеннаго узаконенія ихъ, дѣлаются неизлечимыми язвами, разъѣдающими весь общественный порядокъ. Крестьянская реформа именно требовала особыхъ чрезвычайныхъ мѣръ для проведенія ея въ дѣйствительную жизнь, но отъ этого-то наши существующія мировыя учрежденія, созданныя исключительно для этой цѣли, и не могутъ служить образцомъ для устройства постоянныхъ судовъ, преслѣдующихъ общія цѣли правосудія.

рѣшилъ всѣ дѣла по жалобамъ лицъ, назначенныхъ въ рекруты волостными сходами, не требуя вовсе объясненій отъ волостей. Наконецъ, мы представляли сами въ печати нѣкоторые факты, доказывающіе, какъ легко обратить судебныя учрежденія въ домашнія расправы, руководимыя однимъ произволомъ.

Ни въ одной странѣ мировыя учрежденія не имѣютъ такой огромной и безъотчетной власти въ судебномъ отношеніи. Даже въ Англіи, гдѣ должность мироваго судьи является наиболѣе самостоятельною, даже и тамъ этотъ судъ не пользуется подобными широкими правами въ отношеніи порядка судопроизводства. Даже и тамъ рѣшенія мировыхъ судей могутъ быть отмѣняемы общею судебною властью наравнѣ совсѣми постановленіями другихъ судебныхъ учрежденій. Не смотря на то, что вся область судебныхъ дѣйствій англійскихъ мировыхъ учрежденій представляетъ какъ бы исключеніе изъ общаго права и основывается исключительно на статутахъ, а не на Common Law, англійскій мировой судья все-таки тѣсно связанъ извѣстными опредѣленными формами судопроизводства, безъ соблюденія которыхъ всякое его рѣшеніе признается недѣйствительнымъ. Законы строго опредѣляютъ порядокъ ихъ дѣйствій по дѣламъ при судебно-полицейскомъ разбирательствѣ, и подробность этихъ предписаній уже достаточно объясняется тѣмъ, что мировымъ судьямъ дается въ руководство 37 разныхъ формъ (какъ напр. для записки въ протоколы объясненій и жалобъ, повѣстокъ, приказовъ о вызовѣ подсудимыхъ, о высылкѣ ихъ, о задержаніи и т. п.). Притомъ, многія болѣе важныя судебно-полицейскія дѣла рѣшаются въ Англіи не иначе, какъ двумя мировыми судьями, которые въ этихъ случаяхъ составляютъ малыя засѣданія (petty sessions), а нѣкоторыя даже тремя и четырьмя судьями. Сколько намъ извѣстно, одноличнo мировымъ судьею въ Англіи разбираются только дѣла о самыхъ маловажныхъ полицейскихъ проступкахъ, какъ напримѣръ: о жестокомъ обращеніи съ животными; о воровствѣ изгородей, растеній, плодовъ; о порчѣ общественнаго или частнаго имущества; о бомбѣ и проклятіяхъ; о мелкихъ лѣсныхъ порубкахъ, совершенныхъ въ первый разъ и т. п. Во всѣхъ судебно-полицейскихъ дѣлахъ, подлежащихъ рѣшенію одного или нѣсколькихъ мировыхъ судей, за исключеніемъ случаевъ, положительно опредѣленныхъ въ статутахъ, допускаются отзывы въ королевскій судъ (Queen's Bench) на основаніи уважительныхъ причинъ. Въ нѣкоторыхъ же дѣлахъ дозволяется и переносъ дѣла апелляціоннымъ порядкомъ на вторичное разбирательство въ обыкновенномъ трехъ мѣсячномъ засѣданіи мировыхъ судей цѣлаго графства. Наконецъ, и на вторичныя, апелляціонныя рѣшенія этихъ съѣздовъ можно подавать отзывы въ тотъ же королевскій судъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда представляются уважительныя причины для отвода всего съѣзда мировыхъ судей или доказательства въ томъ, что при разбирательствѣ дѣла нарушены основныя правила судоговоренія. Что же касается до гражданской юрисдикціи англійскихъ мировыхъ судей, то она ограничивается лишь дѣлами о недоимкахъ по безспор-

нему платежу церковной десятины до 10 ф. стерл, спорами между хозяевами и рабочими или домашней прислугою, между матросами и капитанами кораблей, дѣлами по арендному содержанію и найму земель и спорами между ремесленниками и ихъ учениками. Всѣ эти дѣла рѣшаются двумя мировыми судьями съ правомъ апелляціи, обусловленнымъ представленіемъ извѣстнаго имущественнаго обезпеченія. При этомъ не надобно забывать, что англійская судебная практика, при разбирательствѣ мировыхъ судей, всегда дозволяла обѣимъ сторонамъ пользоваться защитою повѣренныхъ и адвокатовъ, и что въ настоящее время это право подтверждено положительными законами.

Порядокъ дѣйствій французскихъ мировыхъ судей также опредѣляется законами какъ въ судебно-полицейскихъ дѣлахъ, такъ и въ гражданскихъ. Каждый французскій мировой судья долженъ имѣть не менѣе двухъ назначенныхъ дней въ недѣлю для разрѣшенія споровъ и недоразумѣній. Ихъ засѣданія должны происходить въ извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ: въ общественномъ домѣ или въ собственной ихъ квартирѣ, но при открытыхъ дверяхъ, то есть въ помѣщеніи, куда всякій имѣетъ свободный доступъ. Обѣ стороны являются на этотъ судъ добровольно или по вызову, написанному по извѣстной формѣ.

Самый порядокъ судоговоренія строго опредѣляется положительными законами. Право апелляціи Окружному суду допускается во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ самыхъ ничтожныхъ. Надобно замѣтить, что объемъ безъапелляціоннаго суда французскихъ мировыхъ судей очень не великъ, а именно: они рѣшаютъ окончательно только гражданскія дѣла, заключающія иски по личнымъ обязательствамъ и о движимомъ имуществѣ не свыше 50 франковъ (12 р. 50 к. сер.), и дѣла о проступкахъ, за которыя полагается денежный штрафъ не болѣе 5 франковъ. И за всѣмъ тѣмъ, просьбы объ отмѣнѣ рѣшеній мировыхъ судей кассаціоннымъ порядкомъ допускаются на общемъ основаніи.

Такимъ образомъ, не только во Франціи, но и въ самой Англіи, въ которой мировыя учрежденія получили наибольшее развитіе и пользуются наибольшею властью, мы не находимъ, чтобъ мировые судьи, при разбирательствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, избавлялись отъ соблюденія извѣстныхъ формальностей, необходимыхъ для обезпеченія правосудія. Обставляя эту единоличную, сокращенную юрисдикцію всѣми важнѣйшими гарантіями, англійское законодательство признаетъ всякое рѣшеніе по самому ничтожному дѣлу подлежащимъ обжалованію и отмѣнѣ въ томъ случаѣ, если при разбирательствѣ этого дѣла нарушены существенныя правила судопроизводства. Но и

при всемъ этомъ распространеніе сокращеннаго судопроизводства безъ участія присяжныхъ возбуждаетъ въ Англіи серьезныя опасенія. Еще Блэкстонъ подозрѣвалъ тайныя намѣренія уничтожить англійскую свободу посредствомъ введенія произвольной юрисдикціи мировыхъ судей. Вотъ его слова: «Какъ бы ни удобно казалось это судопроизводство съ перваго взгляда (несомнѣнно, что всего удобнѣе произволь-«ная власти, хорошо управляющая), но слѣдуетъ всегда помнить, что «сложность и маленькія неудобства въ формахъ отправленія правосу-«дія суть не что иное, какъ налогъ, который должны платить всѣ сво-«бодныя націи за ихъ свободу въ важнѣйшихъ вещахъ, что подобныя «вторженія въ священный оплотъ народа (учрежденіе присяжныхъ) «въ самомъ основаніи противорѣчатъ духу нашей конституціи, и что «это направленіе, начинаясь съ незначительныхъ вещей, можетъ мало «по малу распространиться и дойти до совершеннаго уничтоженія суда «присяжныхъ въ дѣлахъ величайшей важности. Бойеръ (Bayer. Commentaries on the constitutional law of England) говоритъ о единоличномъ судѣ безъ присяжныхъ, какъ о такомъ отступленіи отъ общаго порядка, которое можно извинить только необходимостью и предѣлы котораго должны быть тщательно охраняемы. Изъ всего этого ясно видно, что и въ Англіи, гдѣ предполагается, что существуютъ особенныя, исключительныя условія, благопріятствующія развитію сокращенной юрисдикціи, мировые судьи не имѣютъ такой области, которая была бы уступлена имъ полное и безъотчетное имъ распоряженіе.

Но выписывая изъ-за границы какія нибудь учрежденія, составляющія исключительную принадлежность одной народности, нужно прежде всего обратить вниманіе на условія, при которыхъ онѣ живутъ на родной почвѣ, и въ особенности на тѣ, которыя необходимы для ихъ существованія. Достаточно бросить бѣглый взглядъ на нѣкоторыя особенности англійскаго общественнаго устройства, чтобы совершенно убѣдиться въ томъ, что англійскій институтъ мировыхъ судей составляетъ исключительную принадлежность англо-саксонской народности и можетъ привиться только на такой почвѣ, которая представляетъ извѣстныя условія, необходимыя для его существованія. Все значеніе англійскихъ мировыхъ судей основывается на томъ, что эти должности отправляются почетными лицами, совершенно независимыми по своему общественному положенію и исполняющими эти обязанности безвозмездно. Поэтому англійскій мировой судья является не чиновникомъ, работающимъ для другихъ за извѣстную плату, но исполняя общественныя обязанности, онъ занимается своими собственными дѣлами и служитъ столько же обществу, сколько и самому себѣ. Изъ этого ясно видно, что все

существенное значеніе англійскаго мироваго института находится въ тѣсной связи съ особымъ исключительнымъ распредѣленіемъ недвижимой собственности. Во всякой другой странѣ, въ которой недвижимая собственность и другія богатства распредѣлены равномѣрнѣе, или не подлежатъ однимъ и тѣмъ же налогамъ, нѣтъ никакой возможности создать это учрежденіе по англійскому образцу. Въ такой странѣ не отыщется новое людей, которые могли бы посвятить все свое время на безкорыстное служеніе обществу и для которыхъ общественныя дѣла могли бы считаться ихъ собственными дѣлами. Очевидно, что для этого нужно огромное исключительное сосредоточеніе богатствъ въ рукахъ немногихъ. Иначе званіе мироваго судьи необходимо должно быть соединено съ выдачею извѣстнаго содержанія, полученіе котораго для многихъ будетъ перевѣшивать тѣ личныя выгоды, которыя совпадаютъ съ интересами цѣлаго общества, и заставитъ ихъ посвятить всю свою дѣятельность исключительно на сохраненіе своего жалованья. Такіе мировые судьи будутъ въ полной зависимости отъ власти, которая ихъ опредѣляетъ и смѣщаетъ. Это такъ ясно, что не требуетъ никакихъ доказательствъ.

Теперь обратимся къ нашему отечеству. Въ Россіи мы не находимъ ни одного изъ тѣхъ условій, которыя необходимы для полнаго довѣрія къ подобной единоличной власти. У насъ очень мало большихъ недвижимыхъ собственниковъ и капиталистовъ, которые могли бы исполнять эти обязанности безъ полученія жалованья. Въ большей части нашихъ уѣздовъ ихъ даже вовсе нѣтъ. Между тѣмъ, для образованія подобнаго учрежденія непремѣнно нужны такія лица, независимыя по своему положенію и имѣющія болѣе интереса въ общественныхъ дѣлахъ, нежели въ выгодахъ, предоставляемыхъ званіемъ, въ которое они облекаются. Иначе юрисдикція этихъ судей будетъ зависѣть отъ посторонняго разсчета и личныхъ отношеній. Наша страна заключаетъ въ себѣ огромныя пространства съ рѣдкимъ и небогатымъ народонаселеніемъ, которое нуждается въ постоянномъ, неутомимомъ трудѣ для своего пропитанія и имѣетъ очень мало досуга для того, чтобы интересоваться общественными дѣлами. Таково огромное большинство нашихъ сельскихъ жителей, составляющихъ болѣе $^{40}/_{41}$ всего народонаселенія въ европейскихъ губерніяхъ и областяхъ Россійской Имперіи (*). О кавказскомъ намѣстничествѣ и о Сибири мы уже не говоримъ. Если можетъ существовать въ нашихъ провинціяхъ какая нибудь публичность, то развѣ только въ городахъ. О нашей же глас-

(*) Статист. библіот. М. В. Д. 1856 года стр. 263.

ность, преслѣдующей беззаконія власти не иначе, какъ съ ея собственнаго разрѣшенія, нечего и говорить. Юридическія свѣдѣнія у насъ не распространены. Можно смѣло сказать, что не только въ нашемъ простонародьѣ, но и въ самыхъ высшихъ слояхъ общества, за исключеніемъ немногихъ спеціалистовъ, неимѣется даже элементарныхъ понятій о главныхъ началахъ отправленія правосудія. Какъ политическій, такъ и юридическій смыслъ не даются однимъ школьнымъ образованіемъ. Мы видимъ множество примѣровъ, что въ странѣ, лишенной публичной жизни, люди, проведшіе полный курсъ политическихъ и юридическихъ наукъ, оказываются совершенно неспособными къ практической дѣятельности. Сверхъ того, при отсутствіи политической жизни въ провинціяхъ, самый кругъ дѣйствій мировыхъ судей окажется слишкомъ тѣснымъ для людей съ большими способностями.

Одно жалованье, какъ бы оно огромно ни было, не можетъ привлечь къ подобной должности людей, не имѣющихъ крайней необходимости жить въ глуши нашихъ деревенскихъ захолустій. Въ Англіи совсѣмъ другое. При густотѣ и матеріальномъ благосостояніи тамошняго народонаселенія и множествѣ городовъ, расположенныхъ недалеку одинъ отъ другаго, провинціальная жизнь англійской джентри представляетъ всѣ удобства нашихъ столицъ, соединенныя съ просторомъ и особыми выгодами сельской жизни. Большое количество дѣйствующихъ мировыхъ судей даетъ каждому изъ нихъ полную возможность отлучаться изъ деревни, когда онъ хочетъ. Поэтому англійскій мировой судья не привязанъ къ своему мѣсту жительства. У насъ же будетъ совершенно на оборотъ. Кромѣ того, собственные интересы англійскаго мироваго судьи сосредоточиваются большею частію въ одной мѣстности, у насъ же, вслѣдствіе постояннаго дробленія недвижимыхъ имѣній при наслѣдованіи и выдѣлахъ, почти каждый богатый землевладѣлецъ имѣетъ свое состояніе въ разныхъ губерніяхъ и уѣздахъ. Притомъ большая часть англійскихъ мировыхъ судей не занимается лично управленіемъ своихъ имѣній, и это ставитъ ихъ въ положеніе совершенно безпристрастныхъ судей мѣстныхъ гражданскихъ споровъ и полицейскихъ проступковъ. У насъ же, напротивъ, большая часть землевладѣльцевъ поставлена въ необходимость лично завѣдывать своими хозяйствами. Не трудно вообразить, какое отношеніе имѣютъ эти занятія къ судейскимъ обязанностямъ. Одни уже эти обстоятельства показываютъ, до какой степени мечты о введеніи у насъ аристократическихъ мировыхъ учрежденій, по образцу англійскихъ, лишены всякаго практическаго смысла. Наконецъ надобно сказать, что при весьма ограниченномъ количествѣ мировыхъ судей, состоящихъ на жалованьѣ, ихъ съѣзды не представятъ никакихъ гарантій въ справедливомъ и безпристрастномъ обсужденіи апел-

апелляціонныхъ жалобъ на рѣшеніе мировыхъ судей. Здѣсь, очевидно, образуются мелкія товарищества, всегда готовыя къ взаимному угожденію.

Да мы и не намѣрены вовсе доказывать достоинства англійскихъ учрежденій, основанныхъ на аристократическомъ началѣ, и нисколько имъ не завидуемъ. Мы знаемъ, что всѣ подобныя учрежденія имѣютъ очень дурную подкладку. Удивляясь блестящимъ сторонамъ англійской конституціи, мы нисколько не забываемъ, что для существованія ея необходимо особенно неравномѣрное распредѣленіе недвижимой собственности, при которомъ огромное большинство народонаселенія является лишеннымъ всякаго матеріальнаго обезпеченія. Если смотрѣть на англійскія учрежденія съ этой стороны, то нельзя не придти къ заключенію, что всѣ выгоды ихъ не стоятъ той цѣны, за которую они покупается. Принимая это въ соображеніе, мы не только не завидуемъ англійскимъ мировымъ учрежденіямъ, но даже готовы благословлять судьбу за то, что она лишила насъ главнаго основанія, на которомъ зиждется англійская система народнаго самоуправленія посредствомъ аристократическихъ мировыхъ судей. Но здѣсь не мѣсто разсуждать о недостаткахъ или достоинствахъ англійскаго государственнаго устройства. Мы заявляемъ только, что въ Англіи существуютъ особыя исключительныя условія, которыя въ высшей степени обезпечиваютъ правильность дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, носящихъ званіе мировыхъ судей, и что этихъ условій у насъ вовсе не имѣется. Притомъ мы представляемъ, что не смотря на всѣ вышеупомянутыя гарантіи, и въ этой классической странѣ мировыхъ учрежденій, имѣвшей достаточно времени, чтобы испытать ихъ выгоды и неудобства, законы подчиняютъ судебную дѣятельность мировыхъ судей извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ правиламъ, и что за всѣмъ этимъ люди, спеціально знакомые съ учрежденіемъ, считаютъ эту юрисдикцію произвольною и опасаются дальнѣйшаго ея разширенія. Изъ всего этого необходимо слѣдуетъ, что юрисдикція нашихъ будущихъ мировыхъ судей, еще менѣе обезпеченная отъ посторонннихъ вліяній и соображеній, должна быть обставлена еще большими гарантіями. Иначе наши мировые участки сдѣлаются настоящими капальщами, отданными въ произвольное и безотчетное ихъ распоряженіе. Выборное начало въ этомъ случаѣ ничего не значитъ. Оно можетъ служить только нѣкоторымъ обезпеченіемъ противъ вліянія административныхъ властей и существующаго у насъ сословнаго антагонизма, но противъ личнаго произвола избранныхъ лицъ, и въ особенности въ судебной ихъ дѣятельности, оно оказывается совершенно несостоятельнымъ. Лучшее доказательство этому мы видимъ въ нашихъ избранныхъ волостныхъ судахъ, которые при рѣшеніи дѣлъ руководствуются однимъ лич-

нимъ произволомъ. Въ судебной дѣятельности нѣтъ и не можетъ быть никакихъ гарантій, кромѣ тѣхъ, которыя принимаются въ области общаго судопроизводства. По крайней мѣрѣ, никто еще не видалъ способнаго единоличнаго суда, отправляющаго правосудіе по ближайшему своему усмотрѣнію.

Все вышеизложенное приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) При существующихъ условіяхъ, единоличная юрисдикція нашихъ будущихъ мировыхъ судей не представитъ вовсе обезпеченій, необходимыхъ для отправленія правосудія. Поэтому для простаго и удобнаго разбирательства мелкихъ гражданскихъ дѣлъ и полицейскихъ проступковъ непремѣнно нужно ввести въ этотъ судъ элементъ, который могъ бы имѣть нравственное вліяніе на судью и сдерживать его личный произволъ. Мы полагаемъ, что въ этомъ отношеніи ничего не можетъ быть лучше участія присяжныхъ. Если правительство находитъ возможнымъ довѣрить нашимъ присяжнымъ разрѣшеніе важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, то нѣтъ никакой причины предполагать, чтобы они не могли обсуждать проступки, которые предоставляются разрѣшенію мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ. Что же касается до гражданскихъ исковъ по личнымъ обязательствамъ и дѣлъ о вознагражденіи за ущербъ и убытки, то они могутъ быть также разрѣшаемы съ участіемъ присяжныхъ. Новые англійскіе окружные суды для мелкихъ гражданскихъ дѣлъ представляютъ достаточныя доказательства способности присяжныхъ обсуждать подобныя дѣла на томъ же основаніи, какъ и уголовныя. Тамъ въ дѣлахъ, превышающихъ извѣстную сумму, каждая сторона имѣетъ право требовать приглашенія присяжныхъ для разрѣшенія фактической стороны дѣла. Въ мелкихъ дѣлахъ участвуютъ только 5 присяжныхъ, которые берутся изъ общаго списка. Впрочемъ, окружные судьи, по всей вѣроятности, пользуются большимъ довѣріемъ, потому что изъ тысячи случаевъ не болѣе пяти разрѣшается съ участіемъ присяжныхъ. На этомъ основаніи, можно было бы и у насъ предоставить каждой сторонѣ, имѣющей дѣло у мироваго судьи, требовать приглашенія присяжныхъ засѣдателей съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе суда въ такомъ случаѣ оставалось уже неподлежащимъ апелляціи и могло бы отмѣняться только кассаціоннымъ порядкомъ, и судя по условіямъ, которыя должны соединять въ себѣ лица, подлежащія внесенію въ списки присяжныхъ, на основаніи 34 ст. 1 части «основныхъ положеній», надобно полагать, что къ присяжныхъ не можетъ быть недостатка, если только законъ дозволитъ требовать ихъ къ засѣданіямъ мировыхъ судей не два или не три раза въ годъ. Принимая въ соображеніе, что отлучка приглашаемаго къ мировому судьѣ, должна быть непродолжительною, не только

по краткости этихъ засѣданій, но и по самой ихъ бывести, можно съ увѣренностью сказать, что при такомъ условіи обязанности присяжныхъ не будутъ слишкомъ обременительны. Наконецъ, если это будетъ признано неудобнымъ, то можно увеличить общее количество присяжныхъ допущеніемъ въ это число нѣсколькихъ лицъ, избираемыхъ приходами.

2) Порядокъ судопроизводства у мировыхъ судей долженъ быть опредѣленъ положительными правилами, необходимыми для обезпеченія правосудія. Въ случаѣ же нарушенія существенныхъ формъ судопроизводства, всякое рѣшеніе мироваго судьи должно подлежать отмѣнѣ кассаціоннымъ порядкомъ. Иначе мировая юрисдикція сдѣлается обязательнаго произвола.

3) Въ видахъ обезпеченія гласности и публичности этой юрисдикціи, должно быть постановлено, что каждый мировой судья обязывается имѣть судебныя засѣданія въ означенные дни и въ опредѣленномъ мѣстѣ, наиболѣе населенномъ, какъ напр. въ городѣ, посадѣ, мѣстечкѣ или большомъ селѣ. Надобно сказать, что величина населеннаго мѣста, въ которомъ совершается судъ, имѣетъ во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе значенія, нежели разстояніе его отъ центра мироваго участка. Для всѣхъ лицъ, имѣющихъ дѣло съ судомъ, гораздо лучше и удобнѣе проѣхать дальше, нежели оставаться въ маленькой деревушкѣ или господской усадьбѣ, гдѣ нѣтъ ни помѣщенія, ни средствъ продовольствія. Въ городѣ, каждый сельскій житель, вызванный къ суду, можетъ употребить въ свою пользу промежутки свободнаго времени, тогда какъ все время, употребленное имъ на поѣздку въ маленькій поселокъ или хуторъ, пропадетъ совершенно даромъ. Наконецъ, надобно вспомнить, что пребываніе у мироваго судьи, производящаго судъ въ своей усадьбѣ, гдѣ нельзя найти ночлега и пищи, можетъ быть обращаемо въ самую тяжелую пытку (*).

4) Затѣмъ уже не будетъ никакой надобности въ мировомъ съѣздѣ, какъ апелляціонной инстанціи, и этому учрежденію можно поручить рѣшеніе болѣе важныхъ дѣлъ на основаніи общаго порядка судопроизводства. Для этого достаточно присоединить къ нему одного юриста, который принималъ бы участіе въ засѣданіяхъ съѣздовъ по порученію мѣстнаго окружнаго суда. Такое отдѣленіе нѣкоторыхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ изъ вѣдомства общихъ судебныхъ учрежденій облегчало бы въ значительной степени окружные суды и уменьшило бы расходы на содержаніе ихъ членовъ. Съѣздъ двухъ или

(*) Нетрудно представить себѣ дѣйствительное значеніе и характеръ суда, когда во время самаго разбирательства дѣла одни тяжущіеся живутъ у судьи и проводятъ время въ его семействѣ, а другіе — ночуютъ на дворѣ или на кухнѣ.

трехъ мировыхъ судей, разбирающихъ жалобы на рѣшенія своихъ товарищей, не представляетъ никакихъ гарантій правосудія и даже не подаетъ ни малѣйшей надежды на безпристрастіе. Но тотъ же самый съѣздъ, производящій дѣла къ качествѣ первой инстанціи, на основаніи правилъ общаго судопроизводства и обсуждающій ихъ съ помощью юриста, можетъ не только замѣнять общія судебныя учрежденія, но даже служить лучшимъ практическимъ средствомъ для распространенія между мировыми судьями необходимыхъ юридическихъ свѣдѣній.

Въ слѣдующей статьѣ мы перейдемъ къ судопроизводству въ общихъ судахъ.

А. Унковскій.

I.

Поникъ я долу головой,
Осиленъ горемъ до истомы...
Вотъ нива жизни: жгучій зной
Все сжегъ, и грудами соломы
Колосья тощіе лежатъ...
На утро съ первыми лучами
Надъ ней серпы не зазвенятъ,
И желтые снопы подъ рядъ
Не лягутъ пышными скирдами!...

Я помню, съ горъ сошла вода,
Весна дохнула теплымъ вздохомъ,
И вотъ пришла работа сохамъ,
Пришли святые дни труда.
Я въ нѣдрахъ почвы благотворной
Желѣзомъ острымъ борозду
Провелъ рукой, въ трудѣ упорной,
И въ землю смѣло бросилъ зерна,
И благодати ждалъ труду!

Съ зарей надъ нивою звенѣла
Пѣснь жаворонка, лилась роса,
И нива пышно зеленѣла,
И долгій колосъ поднялся;
Съ нимъ вѣтеръ заигралъ проворный
И, отъ межи и до межи,
Клонилась рожь волной покорной,

И тѣнь отъ облаковъ узорно
Плыла по золотистой ржи...

И чтожь? упалъ засохшій колосъ!
Не блещетъ нива красотой,
И тщетно жаворонка голосъ
Надъ нею слышится съ зарей!
И тщетно влагою холодной
Ее кропитъ роса ночей —
Ничто не оживитъ безплодной!
И съ думой горя неисходной
Стою я, пахарь, передъ ней...

II.

Какая жалкая судьба
Жить въ этомъ сонмѣ поколѣній,
Стенящихъ голосомъ раба,
Иль счастливыхъ довольствомъ лѣни!
Какъ грустно въ сердцѣ произнесть,
Что съ ними крѣпкой цѣпью связанъ,
Что осужденъ ихъ горе несть
И радостями ихъ наказанъ!

Я ихъ не презираю — нѣтъ!
Они — безсмысленное стадо!
Чтобъ проложить ко благу слѣдъ,
Вождя могучаго имъ надо!
Но нѣтъ могучихъ силъ въ груди,
Чтобъ, бросивъ людямъ зовъ громовой,
Идти предъ ними впереди
Вождемъ великимъ къ жизни новой!

В. БУРКИНИЪ.

ПОСЛѢ ОБѢДА ВЪ ГОСТЯХЪ.

Удивительное дѣло, какъ все это было пригнано, какая во всемъ сказывалась система и гармонія! Потомство рѣшительно не повѣритъ. Поговоримъ хоть объ губернскомъ надзорѣ. Всякій согласится, что безъ надзора нельзя: во первыхъ, обывателямъ некому будетъ жаловаться, во вторыхъ, — куда же дѣнутся всѣ эти лица, которымъ ввѣренъ надзоръ? въ третьихъ... ну, да вообще какъ-то неловко безъ контроля! Что могли бы сказать объ насъ иностранцы, еслибъ у насъ не было контроля? Могли бы сказать: у нихъ царствуетъ произволъ, потому контроля нѣтъ! могли бы сказать: удивительно, какъ это люди живутъ въ такой странѣ, въ которой контроля нѣтъ! А теперь, какъ контроль есть, то иностранцы должны молчать, и ничего больше.

Главное дѣло, чтобы контроль былъ безобидный, и шелъ, такъ сказать, въ видѣ непрерывнаго перекрестнаго огня. Объясним это примѣромъ. Если меня будетъ контролировать мужикъ, что можетъ изъ этого выйти? Разумѣется, ничего путнаго, потому что и онъ меня не понимаетъ, и я его не понимаю, и станемъ мы цѣлый день разговаривать: я по русски, онъ по татарски. Совсѣмъ другое дѣло, когда сойдутся люди просвѣщенные и скажутъ другъ другу: ты надзирай за мной, а я буду надзирать за тобой. Ясно, что здѣсь не можетъ случиться ни раздоровъ, ни недоумѣній; ясно, что просвѣщенные люди поймутъ другъ друга и будутъ объясняться единственно по русски. Такимъ образомъ,

подозрѣніе о произволѣ устраняется; обыватели на каждомъ шагу встрѣчаютъ лицо, которому могутъ принести жалобу; приличія соблюдены, всѣ довольны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздоровъ никакихъ...

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе осязательный.

Нашъ почтенный начальникъ края постоянно находится подъ контролемъ весьма не легкимъ; за нимъ надзираетъ и губернскій штабъ-офицеръ, и губернскій прокуроръ, — а между тѣмъ спросите его по совѣсти, чувствуетъ ли онъ это? Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, ибо, съ другой стороны, штабъ-офицеръ и прокуроръ находятся и подъ его контролемъ. Слѣдовательно, сойдутся вмѣстѣ, переговорятъ между собой ладкомъ, анъ смотришь, и прекратятся разомъ всѣ недоумѣнія, смотришь — и пошли опять козырять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нашъ добрый и милый пріятель, Семенъ Михайлычъ Булановскій былъ именно такого мнѣнія о контролѣ. Во первыхъ, онъ вообще одобрялъ всю систему, а во вторыхъ, хвалилъ въ особенности то, что контроль именно порученъ ему, а не кому другому. «Это — говаривалъ онъ: — именно величественное зданіе, въ которомъ всякій находится при томъ кругѣ, гдѣ кому по способностямъ быть слѣдуетъ».

Я знаю, что въ послѣднее время развелось много неблагонамѣренныхъ людей, которые утверждаютъ, будто бы не предстоитъ никакой надобности ни въ штабъ-офицерахъ, ни въ прокурорахъ, ни даже... въ начальникахъ края! Для управленія обывателями, говорятъ они, достаточно однихъ законовъ! Конечно, если разсуждать съ точки зрѣнія теоретической, то нельзя не сознаться, что законы въ своемъ родѣ тоже представляютъ величественное зданіе; но съ другой стороны, бываютъ случаи, когда они говорить не могутъ, и когда личное искусное вмѣшательство одно можетъ предотвратить величайшія бѣдствія. Въ особенности удобно и необременительно сіе средство въ дѣлахъ свойства, такъ сказать, домашняго (ибо въ нашемъ любезномъ отечествѣ еще встрѣчаются дѣла сего свойства). Приходитъ, напримѣръ, ко мнѣ жена и жалуется, что мужъ ея поступаетъ съ ней не какъ супругъ, а какъ человѣкъ посторонній. Что сдѣлалъ бы законъ? Законъ, во первыхъ, сказалъ бы: сударыня, докажите! Во вторыхъ, еслибъ и послѣдовало доказательство, то законъ отвѣчалъ бы: это, сударыня, не мое дѣло! Напротивъ того, что сдѣлаю я? Во первыхъ, я призову мужа и скажу ему: «какъ же

тебѣ, любезный, не стыдно! посмотри, какая у тебя жена хорошенькая!» Во вторыхъ, если онъ этимъ не убѣдится, я пригрожу ему закономъ: «да, скажу, любезный! у насъ на этотъ счетъ и законъ есть!» А такъ какъ онъ законовъ не знаетъ, то и убѣдится навѣрное. Смотришь—анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію! Другой примѣръ: приходитъ ко мнѣ работникъ и жалуется, что хозяинъ жалованья ему не платитъ. Натурально, я за хозяиномъ: «зачѣмъ ты, любезный другъ, денегъ не платишь?» Ну, онъ мнѣ: такъ и такъ. Отъ хозяина я опять къ работнику: «развѣ ты не можешь, любезный другъ, подождать?» Смотришь—анъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію!

Но важнѣе всего то, что мы, россіяне, отъ рожденія нашего питаемъ къ судамъ нелюбовь. Одаренные отъ природы воображеніемъ впечатлительнымъ и характеромъ живымъ, даже строптивымъ, мы требуемъ, чтобы дѣла рѣшались немедленно, а желанія наши удовлетворялись безпрепятственно. Что бы это такое было, еслибъ существовали одни суды и не существовало начальства? Страшно подумать, но предугадать не трудно. Во первыхъ, обыватели пришли бы въ уныніе; во вторыхъ, въ дѣлахъ произошелъ бы застой. Результатъ же всего этого—хаосъ, среди котораго люди стремились бы не къ тому, чтобы сдѣлать себѣ одолженіе, но къ тому, чтобы поѣдать друга.

Повторяю, нашъ милый Семенъ Михайлычъ вполнѣ раздѣлялъ эти убѣжденія. Онъ находилъ, что въ особенности полезенъ надзоръ негласный, который благодѣтельствуетъ, такъ сказать, въ тишинѣ уединенія. Въ такомъ видѣ, по мнѣнію его, онъ уподобляется провидѣнію, всегда намъ соприсутствующему. Обиженный не имѣетъ основанія унывать, ибо знаетъ, что есть рука, которая защититъ его и покараетъ злодѣя. При такой увѣренности, не можетъ не житься легко, ибо жизнь, такъ сказать, сама выноситъ обывателя на крылахъ своихъ. Въ этомъ же, быть можетъ, заключается и дѣйствительная причина того, что въ государствахъ, гдѣ подобный контроль устроенъ, лица обывателей принимаютъ видъ откровенный и беззаботный, не говоря уже о томъ, какъ это пріятно начальству.

Вообще, Семенъ Михайлычъ чудный малый и слыветъ въ губерніи завиднымъ женихомъ. Онъ очень мило изъясняется по французски, а благородной изысканности его манеръ удивляются всѣ помѣщики. Онъ нѣсколько сухощавъ и вообще сложенъ, если позволено такъ выразиться, меланхолически; при этомъ строенъ

и имѣетъ черты лица не только выразительныя, но даже язвительныя. Правильности его носа еще не такъ давно удивлялась купеческая жена Барабошкина, а пристальнаго взгляда его сѣрыхъ глазъ не могъ вынести самъ губернскій предводитель дворянства, когда его, по поводу ущерба какому-то казенному интересу, велѣно было келейнымъ образомъ допросить. Но человѣкъ чистый и невинный могъ смотрѣть ему въ глаза смѣло и съ увѣренностію всегда встрѣтить въ нихъ теплое участіе. Ко всему этому (какъ бы въ довершеніе общаго очарованія), онъ употребляетъ какіе-то анаѳемскіе духи, которыми умащаетъ себѣ усы и тѣло, и отъ которыхъ такъ и разитъ чѣмъ-то таинственнымъ.

Семенъ Михайлычъ человѣкъ холостой, но не прочь жениться. Если онъ до сихъ поръ не принесъ себя въ жертву гименею, то это произошло совсѣмъ не отъ того, чтобъ нашихъ дѣвицъ не плѣняла его обольстительная наружность, но отъ того, что онъ желаетъ сдѣлать партію во всѣхъ отношеніяхъ блестящую. Ему мало того, что дѣвица, на которую онъ обращаетъ свои взоры, пышка, ему надо, чтобъ и отецъ ея былъ пышка, т. е. снабженъ надлежащими капиталами. «Жена должна принести мужу деньги и протекцію», говоритъ онъ, и, совершенно довольный собой, мечетъ жгучіе взоры на сонмище тающихъ дѣвицъ нашихъ.

Живетъ онъ просто, но мило, въ домѣ той самой купчихи Барабошкиной, которая такъ восхищалась правильностью его носа. Говорятъ, будто бы онъ не платитъ за квартиру, но если это и правда, то во всякомъ случаѣ онъ обдѣлываетъ свои дѣла такъ скромно, что никто уличить его ни въ чемъ не можетъ. Въ какое бы время вы ни зашли къ нему, всегда можете найти добрый привѣтъ, добрую сигару и добрый стаканъ вина.

Семенъ Михайлычъ очень пріятный собесѣдникъ, онъ проницательный политикъ и умѣренный, но глубоко-мысленный философъ. Трудно повѣрить, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ онъ находитъ время даже слѣдить за теченіемъ планетъ и, руководствуясь брюсовымъ календаремъ, охотно объясняетъ обычнымъ своимъ собесѣдникамъ тайное ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, не далѣе, какъ прошлой зимой, онъ, по теченію планетъ, очень вѣрно предсказалъ, что въ персидской странѣ произойдутъ козни тайныхъ враговъ, стремящихся огорчить любезное отечество, но что козни эти будутъ открыты нѣкоторымъ паредворцемъ Олоферномъ, который и посрамитъ кознедѣйцевъ. Все точно такъ и сбылось: черезъ двѣ недѣли, мы уже

читали въ газетахъ, что Олофернъ поймалъ и обличилъ злодѣевъ, которые были посажены въ мѣшокъ и ввержены въ море. Есть у него и библіотека, составленная исключительно изъ книгъ, трактующихъ о разныхъ видахъ любви къ отечеству. По мнѣнію его, только такія книги и могутъ услаждать душу государственнаго человѣка, да еще сочиненія эротическаго содержанія; но сіи послѣднія должны быть читаемы съ умѣренностью и втайнѣ, дабы не породить соблазна въ народѣ, который, по простодушію своему, можетъ, чего добраго, принять преподанныя тамъ правила за руководство въ жизни.

Однимъ словомъ, такіе люди, какъ Семенъ Михайлычъ, составляютъ истинное украшеніе городовъ, въ которыхъ поселяются, а такъ какъ въ Россіи нѣтъ губернскаго города, въ которомъ не было бы своего Семена Михайлыча, то и оказывается, что всѣ они изукрашены въ этомъ отношеніи преестественно.

Имѣя въ виду впереди балъ у губернатора и потомъ ночную пирушку у откупщика, я зашолъ къ Семену Михайлычу, чтобъ отвести душу въ умѣренно-либерально-политико-философской бесѣдѣ.

Я засталъ его за чтеніемъ новаго обширнаго трактата о любви къ отечеству; неподалеку, на случай отдохновенія, валялся новый романъ Поль-де-Кока.

Прежде всего, мы, разумѣется, разговорились о различныхъ благодѣтельныхъ реформахъ, ожидающихъ наше любезное отечество, потомъ о дѣйствіи, которое онѣ оказываютъ на обывателей. Оказалось, что это дѣйствіе, покамѣстъ, ограничилось тѣмъ, что генералъ Голубчиковъ сошолъ съума, въ ожиданіи уничтоженія откуповъ, да предсѣдатель уголовной палаты запилъ мертвую, въ ожиданіи судебной реформы. Мы, разумѣется, погоревали.

— Удивляться тутъ нечему, сказалъ мнѣ Семенъ Михайлычъ по поводу непріятнаго происшествія съ генераломъ Голубчиковымъ:—такая вѣсть можетъ поразить и болѣе крѣпкіе организмы.

— Какой однако ударъ для всего семейства!

Семенъ Михайлычъ только махнулъ рукой, какъ бы говоря: погоди! то-ли еще будетъ!

— Странно одно, продолжалъ онъ:—какъ это Иванъ Николаичъ до сихъ поръ не приготовился! Посмотрите на меня: я ужъ давнымъ давно ко всему готовъ!

— Что, развѣ получили что нибудь?

— Не получилъ, но получу!

Семенъ Михайлычъ сказалъ это съ такимъ дрожаніемъ въ голосѣ, что я не сомнѣвался, что онъ получилъ нѣчто, но до поры до времени скрываетъ. Любопытство задѣло меня за живое.

— Вотъ вы говорите, что генералъ не приготовился, сказалъ я, желая увлечь его въ откровенную бесѣду:—да помилуйте, какъ же тутъ и приготовиться-то! Вѣдь онъ еще нынче утромъ получилъ радостное для себя извѣстіе!

— И все таки надо было приготовиться!

— Да какъ же это, однакожь?

— Повѣрьте мнѣ, что ничего нѣтъ легче. Нужно только соображеніе и христіанское смиреніе! возразилъ Семенъ Михайлычъ и, немного помолчавъ, прибавилъ: — да, главное все-таки христіанское смиреніе, какъ тамъ кто ни говори! Семенъ Михайлычъ, который курилъ въ это время трубку, сталъ дуть въ нее съ такою силой, что искры цѣлымъ облакомъ посыпались на коверъ.

— Я былъ сего дня у обѣдни и молился, продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ:—только, когда пропѣли херувимскую, я вдругъ почувствовалъ, какъ будто, что-то кольнуло меня въ самое сердце... Я, знаете, впалъ въ забвеніе, стою и молюсь, стою и молюсь... Ахъ, что я видѣлъ въ эту сладкую минуту! ахъ, что я видѣлъ! Скажу одно: съ этого мгновенія бремя жизни сжалилось съ души моей! съ этого мгновенія я...готовъ!

«Чортъ возьми! а вѣдь дѣло плохо, коль скоро Семену Михайлычу видѣнія являются!» подумалъ я, невольно припомнивъ катастрофу, приключившуюся съ генераломъ Голубчиковымъ.

— И представьте себѣ, другъ мой, едва я возвратился изъ церкви, какъ мнѣ подаютъ письмо отъ одного петербургскаго пріятеля....

— И это письмо?..

— Вотъ не угодно ли полюбоваться!

Онъ подалъ мнѣ дрожащей рукою письмо, въ которомъ я прочиталъ слѣдующее:

«Мы провалились, любезный другъ Simeon, и ты можешь укладывать свои чемоданы, не опасаясь на этотъ разъ быть введеннымъ въ ошибку. На дняхъ все покончено; насъ не будетъ! Мы должны перестать существовать, превратиться въ дымъ—мы и дѣла наши! Первою мыслью моею было, разумѣется, подумать о тебѣ, и знаешь ли, что я придумалъ? На дняхъ наши финансисты скомпоновали какой-то невинный проектъ по винной части:

не удрать ли намъ съ тобой штуку, пристроившись по части хересовъ и розничной продажи сивухи? Говорятъ, такой состряпали проектецъ, что пальчики оближешь; слѣдовательно, надежда есть. А я, къ тому же, коротко знакомъ съ самимъ его сивушествомъ, княземъ цѣловальниковымъ, слѣдовательно, и тутъ надежда есть! Вспомни, дружище, стишки:

Надежда, кроткая посланница небесъ....

и еще: надежда утѣшаетъ царя на тронѣ—дальше, хоть убей, не помню—и валяй въ Питеръ! А не то, и еще имѣется въ виду убѣжище: поговариваютъ, что учреждается серьезный надзоръ надъ пристанищами праздности и разврата, и что по этому случаю также потребуется много дѣятелей. Чтожь, можно махнуть и по части клубнички! Конечно, дѣятельность не очень почетная, но нашъ братъ, опричникъ, за толчкомъ не погонится: видали виды! Со мной, дружище, даже на дняхъ случилось происшествіе въ этомъ родѣ....и т. д.

«Ожидающій тебя съ нетерпѣніемъ

«Никифоръ Малявка».

— Однако, вамъ еще не измѣнила надежда! сказалъ я, прочитавши письмо.

— Не измѣнила-то не измѣнила, а все-таки больно.

Семенъ Михайлычъ размахнулся и ударилъ чубукомъ объ стѣну.

— Больно, Николай Иванычъ! Больно, въ особенности съ точки зрѣнія благороднаго человѣка! сказалъ онъ, останавливаясь предо мною: — поймите, вѣдь наша служба была самая благородная! Вѣдь мы были почти.... массоны!

— Ссс...

— Да, массоны! Это я берусь доказать, хоть и знаю, что въ нашемъ отечествѣ массоны не допускаются. Но мы массоны очищенные, мы массоны, у которыхъ, кромѣ любви къ отечеству, ничего въ предметѣ не осталось!

— Да скажите мнѣ, ради Бога, полковникъ: что такое были эти массоны?

— Массоны были и будутъ существовать, покуда стоитъ міръ; массоны — это просто благонамѣренные люди, изъ которыхъ нѣкоторые заблуждаются, и нѣкоторые не заблуждаются!

— Гм... это конечно... всякой вещи бываетъ въ мірѣ по два сорта...

— Заблуждающіеся массоны имѣли между собой разные таинственные знаки, безъ дозволенія начальства называли другъ друга вымышленными именами: Никифора Петромъ, Петра Степаномъ, и тому подобное... Согласитесь, что въ государствѣ этого допустить невозможно?

— Да, оно конечно... какъ-то подозрительно.

— Ну, и вся эта принадлежность перешла отъ массоновъ къ намъ. Мы тѣ же массоны, но массоны очищенные.

— Если я васъ понялъ, любезный Семенъ Михайлычъ, то, стало быть, цѣль этихъ массоновъ заключается въ томъ, чтобы покровительствовать несчастнымъ?

— Совершенно такъ. Видишь, напримѣръ, утопающаго, ну, подойдешь, подашь ему руку—и онъ опять пошелъ себѣ жить да поживать. Или, напримѣръ, обыграли васъ въ карты; вы приходите, объясняете... Я съ своей стороны призываю лицо, воспользовавшееся вашею довѣрчивостью, и говорю ему: «отдай деньги, потому что иначе тебѣ можетъ быть худо!»

— Знаете ли что, Семенъ Михайлычъ? Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше убѣждаешься, что такого рода учрежденіе—истинное благодѣяніе для человѣчества. Тихо, смирно, миролюбиво, безъ разговоровъ—сколько тутъ одного сокращенія переписки!

— Да еще то ли мы дѣлывали! вѣдь на насъ, можно сказать, лежало благоденствіе и спокойствіе цѣлаго отечества—поймите это! Вѣдь, можно сказать, ни одной мысли въ головѣ не зарождалось безъ того, чтобъ эта мысль не была намъ предварительно извѣстна... Вѣдь это цѣлый романъ!

— На вашемъ мѣстѣ, Семенъ Михайлычъ, я непремѣнно писалъ бы свои мемуары.

— Я думалъ объ этомъ.

Семенъ Михайлычъ задумался и улыбнулся. Видно было, что надъ мыслями его пролетали воспоминанія, и что воспоминанія эти улыбались ему.

— Да, были дѣла! сказалъ онъ, щипля свой надушеный усъ:—были дѣла!

Я зналъ отчасти эти дѣла. То были дѣла чудодѣйственной ловкости, то были дѣла нечаяннѣйшихъ сюрпризовъ и таинственнѣйшихъ похищеній. Семенъ Михайлычъ цѣлую жизнь все по-

вилъ и хватался, и наконецъ доловился и дохватался до настоящаго скорбнаго положенія. Согласитесь, что это сразитъ хоть кого.

— Не то больно, сказалъ онъ:—что жалованья тамъ какого нибудь на время лишусь, то больно, что практики-то этой не будетъ!

— Да, привычка—великое дѣло!

— Грудью, вотъ этою самою грудью жертвовалъ! И чтожь въ результатѣ?—абшидъ!

Семенъ Михайлычъ видимо впадалъ въ лиризмъ, потому что колотилъ себя въ грудь самымъ неестественнымъ образомъ.

— Что мнѣ нужно? декламировалъ онъ, ставъ въ позицію, какъ это обыкновенно дѣлаютъ благородные, но огорченные люди:—что мнѣ нужно? Добрую сигару и стаканъ добраго вина!

«Добрую сигару я отдамъ пріятелю; стаканъ вина раздѣлю съ нимъ же!

«Теперь у меня нѣтъ ни того ни другаго! Послѣднюю сигару я выкурилъ вчера, послѣдній стаканъ вина выпилъ каналья деньщикъ сегодня, въ то время, какъ я молился Богу!

«Новыхъ я купить не въ состояніи. Я не знаю даже, буду ли въ состояніи сшить себѣ новые сапоги!

«Это горько! это неблагодарно!»

— Яшка! прибавилъ онъ совершенно неожиданно, кликая деньщика:—ступай, подлецъ, къ Барабошкиной и спроси, не осталось ли у ней хоть одной бутылки моего любимаго вина?

Послѣдній возгласъ оживилъ меня нѣсколько. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ присутствовать при посторонней горести. Конечно, эта горесть не могла назваться и для меня совсѣмъ постороннею: ибо и я, наравнѣ съ другими, могъ погибнуть въ стремнинѣ политическаго переворота; но все-таки я страшныхъ писемъ еще не получалъ, слѣдовательно, гибель моя представлялась еще отдаленною, и мысль о ней не портила еще моего аппетита въ такой степени, въ какой портила аппетитъ другихъ моихъ сотрудниковъ по вертограду администраціи. Однимъ словомъ, отъ этихъ унылыхъ стоновъ мною начинало уже овладѣвать нетерпѣніе, и я имѣлъ основаніе думать, что появленіе бутылки вина хоть нѣсколько измѣнитъ направленіе разговора.

— Тутъ была цѣлая система, приставалъ между тѣмъ Семенъ Михайлычъ:—система, могу сказать, строго соображенная во

всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Мы связаны между собой вотъ какъ!

Семенъ Михайлычъ соединилъ обѣ руки и просунулъ пальцы одной изъ нихъ между пальцевъ другой.

— Спрашиваю я васъ теперь, можно ли оставаться безъ системы? добивался онъ.

— Знаете ли, что? отвѣчалъ я, какъ бы ошеломленный свыше вдохновеніемъ:—вѣдь я думаю, что безъ системы оставаться рѣшительно никакъ невозможно!

— Стало быть, можно, коли оно такъ есть: взгляните и судите! иронически замѣтилъ онъ.

Такого рода разговоры обыкновенно продолжаются до безконечности. Источникомъ имъ служатъ раны человѣческаго сердца, а раны эти, какъ извѣстно, сочатся до тѣхъ поръ, покуда не изсочатъ изъ себя всего гноя обидъ и оскорбленій, въ нихъ накопившихся. Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ подлеца Яшки, который доложилъ, что купчиха Барабошкина съ дерзостью отозвалась, что у нея никакой бутылки вина для полковника нѣтъ и не было.

— Вотъ видите! даже Барабошка—и та отвѣчаетъ! сказалъ мой амфитріонъ, окончательно сраженный:—подлая! пронюхала, должно быть!

Семенъ Михайлычъ неистово зашагалъ по комнатѣ.

— Любопытно! любопытно это будетъ, какъ-то они безъ насъ обойдутся! Повѣрите ли, Николай Иванычъ, когда мнѣ въ первый разъ сказали, что насъ не будетъ,—я думалъ, что это насмѣшка, я даже не далекъ былъ отъ мысли, что насмѣшка эта прямо относится къ высшему начальству..,

— Да, оно похоже на то.

— Нѣтъ-съ, это была не насмѣшка. Намедни пріѣзжаю я въ Москву, являюсь къ своему старику, и первое слово, которое отъ него слышу: «а мы, братъ, съ тобой въ трубу вылетѣли!»— Кто же теперь слѣдить будетъ? спрашиваю я его:—кто слѣдить будетъ, ваше превосходительство? И знаете, стою эдакъ передъ нимъ, весь внѣ себя отъ изумленія. Только чтожъ бы, вы думали, онъ мнѣ въ отвѣтъ? — Я, братецъ, говоритъ, въ пенсію все свое содержаніе получаю, такъ мнѣ до этого дѣла нѣтъ!!! Такъ-то вотъ, ни въ комъ, просто ни въ комъ сочувствія нѣтъ!

— Скажите на милость!

— А намедни вотъ, у Пеструшкиныхъ на балѣ, мальчишки-

ка, Шалимерскій гимназистъ, подходитъ ко мнѣ, мерзавецъ, и говоритъ: а вы, говоритъ, знаете, Семенъ Михайлычъ, что васъ уничтожаютъ? — Спрашиваю я васъ, каково мнѣ эти плюхи-то ѣсть?

— Даже мальчишки, и тѣ!

— Да въ мальчишкахъ-то и сила вся! Откровенно скажу, что еслибъ не мальчишки, мы и до сихъ поръ благоденствовали бы! Это они своимъ тявканьемъ, это отъ нихъ все загорѣлось. Господи! жили-жили и вдругъ напасть!

— Да и старики-то, Семенъ Михайлычъ, хороши!

— И мальчишки, и старики, и Барабошка, и весь міръ за одно!

— Однакожь, вѣдь вамъ недавно мундиръ перемѣнили: по видимому это должно бы поощрить!

— Да, и перемѣнили, и поощрили! Ну да, и перемѣнили, и поощрили! Чтожь, и поощрили!

— Какъ же это однако?

— Вотъ видите, Николай Иванычъ, я цѣлый мѣсяцъ объ этомъ знаю... Вы понимаете, что у меня должно *тутъ* происходить?

Онъ указалъ на грудь.

— Все это время я думалъ... все думалъ...

— И что же?

— Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ!

— Тсс...

— Да, это страшный сонъ, потому что этого не можетъ быть!

— Однако, вы имѣете письма?

— Имѣю дѣйствительно, но въ то же время питаю увѣренность... что мы возродимся!

— То есть, какъ же это?.. Вы думаете, значитъ, что вамъ опять дадутъ новый мундиръ?

— Да нѣтъ, не то, не въ мундирѣ тутъ сила: духъ времени не таковъ! Но что мы возродимся — это вѣрно. Потому, ненатурально! Опять-таки, спрашиваю я васъ, возможно ли существовать безъ системы?

— Нѣтъ, я положительно убѣжденъ, что безъ системы и одного дня пробыть не возможно.

— Ну, а какого же тутъ чорта систему выдумаешь! Слѣдовательно, мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся—это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ

какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится—потеплится да и воспрянетъ настоящимъ манеромъ!

— Да вы-то? вы-то? что съ вами будетъ?

— Что обо мнѣ говорить! Я... я могу найти для себя убѣжище въ одномъ изъ новыхъ учрежденій, о которомъ пишетъ Малявка... Но это все равно! Главное все-таки въ томъ, что мы возродимся!

Семенъ Михайлычъ былъ великъ: я понялъ это и позавидовалъ ему. Мнѣ думалось о томъ, какъ сладко и велико должно быть гражданское чувство, въ силу котораго человѣкъ забываетъ о себѣ, чтобы всѣмъ существомъ своимъ устремиться къ одному предмету—любезному отечеству!

Мы разстались утѣшенные и облегченные. Всю дорогу я твердилъ себѣ: мы возродимся, ибо безъ системы существовать нельзя!

М. ЩЕДРИНЪ.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО И ОБЩЕСТВЕННАЯ ИНИЦІАТИВА.

Крѣпостная реформа, какъ великое преобразованіе, задуманное подъ условіемъ постепенности, преобразованіе, которое имѣлось въ виду осуществить избѣгая слишкомъ чувствительнаго нарушенія чьихъ-либо интересовъ, не могла вполнѣ удовлетворить пуризму ни одной изъ общественныхъ доктринъ, высказавшихся въ литературѣ по ея поводу. Она не могла стать строгимъ хозяйственнымъ разсчетомъ, согласнымъ съ требованіями ни отсталой экономической школы, ни болѣе прогрессивной. Въ такомъ видѣ она должна была уступать въ извѣстной мѣрѣ пониманію обоихъ боровшихся направленій, выбрать между ними нѣчто среднее, иначе, остановиться на компромиссѣ. Неизбѣжность такого исхода была ясна съ самаго начала для людей, сколько нибудь знакомыхъ съ обстоятельствами, среди которыхъ приходилось разрѣшаться вопросу. Было видно, что ни одни изъ теоретиковъ не останутся удовлетворенными тѣмъ рѣшеніемъ, которое получитъ вопросъ по крайней мѣрѣ съ формальной стороны. Но такъ какъ сущность дѣла рѣдко выигрывается безъ нѣкоторыхъ пожертвованій, то оставляя въ сторонѣ формальную щепетильность доктрины, оставалось по крайней мѣрѣ пристально вглядываться въ характеръ уступокъ, которыя будутъ признаны неизбѣжными въ пользу той или другой теоріи, слѣдить за частностями самаго компромисса или средняго термина. Въ этомъ отношеніи всякій зналъ также, на какую скользкую почву вступалъ вопросъ. Выборъ средняго рѣшенія между крайностями естественно допускаетъ безчисленное разнообразіе выборовъ,

цѣлую пропасть рѣшеній или компромиссовъ. Оставалось знать, который изъ нихъ будетъ выбранъ. Какого рода уступки будутъ допущены въ ту или другую сторону. Могли быть сдѣланы уклоненія въ пользу той или другой теоріи, уклоненія болѣе или менѣе важныя по формѣ; рѣшеніе могло казаться одинаково примиряющимъ обѣ стороны и все-таки склониться на дѣлѣ въ пользу одного изъ направленій; все зависѣло, ясно, отъ сущности самыхъ уступокъ. Спрашивалось затѣмъ, умѣли ли мы въ самомъ дѣлѣ сколько нибудь оцѣнивать сущность самыхъ уступокъ, знали ли, чего нельзя, что можно, и что неизбѣжно должно быть соблюдено и выполнено въ самомъ компромиссѣ для того, чтобы онъ могъ сколько нибудь соотвѣтствовать цѣли задуманнаго; сознавали ли ясно, что долженъ же былъ быть извѣстный предѣлъ уступкамъ, идти далѣе котораго не позволяла сама сущность дѣла, и на которомъ должны были помириться, во что бы то ни стало, отдѣльные интересы, что этотъ-то предѣлъ и долженъ былъ быть прежде всего выясненъ въ самомъ началѣ дѣла, и быть святъ и обязателенъ для всѣхъ партій? Въ общихъ чертахъ на него указало, пожалуй довольно вѣрно, само названіе, данное этому дѣлу и говорившее не объ освобожденіи крестьянъ, а гораздо опредѣленнѣе объ улучшеніи ихъ быта. Итакъ, за неимѣніемъ болѣе точнаго указанія слѣдовало принять хотя это. Улучшеніе быта крестьянъ должно было стать неизбѣжнымъ условіемъ всего дѣла. Что же, умѣли ли мы по крайней мѣрѣ всегда остаться вѣрными хотя этому неприхотливому указанію, отвести на второй планъ все, что не могло помириться съ этимъ условіемъ, и, уяснивъ ближайшія практическія требованія дѣла, на этомъ основаніи имъ подчиниться? На эти вопросы пусть отвѣтитъ намъ читатель, пусть сознается, не находился ли онъ самъ, въ разсужденіи настоящаго вопроса, зачастую въ положеніи публициста Альбертини, который, сказавъ на одной строкѣ одно, имѣетъ обыкновеніе совершенно уже забывать на слѣдующей то, что имъ сказано было выше, и ставить читателя въ рѣшительное недоумѣніе насчетъ своего образа мыслей,—не ставилъ ли теперь въ свою очередь и самъ читатель, подражая г. Альбертини, другихъ въ такое же недоумѣніе, то есть, начавъ съ разговора объ улучшеніи, не заговаривался ли въ теченіе рѣчи о чемъ-то уже совершенно другомъ, забывая вовсе ея начало? Виноватъ ли въ томъ недостатокъ критики или неумѣнье подчиняться ея велѣніямъ иначе, какъ въ силу формальнаго требованія, отъ котораго нельзя ни откупиться, ни уйти, но мы не могли, вообще говоря, похвастать особенной понятливостью въ этомъ дѣлѣ: — всѣ усилія со стороны доктринеровъ одной стороны непонять сущности дѣла, пока вопросъ выробатывается въ законъ, и потомъ тѣ же усилія непонять самаго закона, когда онъ готовъ; послѣдовательныя уступки

логикѣ, но только послѣ извѣстныхъ пререканій въ ущербъ общему интересу, и только логикѣ, облеченной въ высочайшее повелѣніе; — послѣдовательные переходы отъ безземельнаго освобожденія къ уступкѣ земли за повинность, — отъ надежды остановиться на барщинѣ къ обязательному оброку, и отъ обязательнаго оброка къ обязательному выкупу, и наконецъ... наконецъ, вмѣсто вразумленія, все-таки стойкость въ непонятливости, — еще недосказанные разсчеты, нашептываемые литературой аларміstовъ. Минуло два года со времени изданія положеній 19 февраля, близокъ срокъ для окончанія уставныхъ грамотъ, а мы все-таки не въ состояніи привести безспорныхъ доказательствъ, чтобы въ общественномъ пониманіи окончательно утвердилось сознаніе неизбѣжности тѣхъ требованій, которыя съ самаго начала сказывались въ вопросѣ, и выполненіе которыхъ только и можетъ поручиться за его счастливый исходъ. Напротивъ того, если мы захотимъ призвать въ свидѣтели печатные факты, мы увидимъ вещь весьма грустную, увидимъ, что эти понятія едва ли не далѣе въ настоящее время отъ истины, чѣмъ прежде, что вмѣсто того, чтобы уясняться, онѣ путаются, — увидимъ, что г. Катковъ въ Москвѣ проповѣдуетъ безъ церемоніи батрачество, какъ самый счастливый исходъ, въ то время, какъ другіе молчатъ, вѣроятно, безусловно довольные всѣмъ, что бы ни пришло. Пропало даже прежнее рвеніе и увлеченіе — дѣло какъ будто потеряло интересъ, какъ нѣчто конченное и сданное въ архивъ, и въ этомъ выражается, конечно, послѣдняя степень общественной зрѣлости.

Въ виду такого положенія, мы попробуемъ припомнить, къ какимъ ближайшимъ результатамъ уже приводила послѣдовательно особенная шаткость въ понятіяхъ, съ которою мы встрѣтили и провожали развитіе крѣпостнаго вопроса, чтобы показать, возможно ли будетъ здѣсь обойтись безъ дальнѣйшихъ поученій, или можно будетъ забыть даже то, во что какъ будто начинали вдумываться — иначе, займемся характеристикой нашей общественной инициативы по крѣпостному вопросу.

I.

ПЕРВЫЯ СОМНѢНІЯ.

Съ внѣшней стороны, событія, относящіяся къ этому дѣлу, укладываются въ три послѣдовательныхъ отдѣла: время законодательныхъ работъ, введеніе управленія и предварительное хозяйственное устройство до введенія уставныхъ грамотъ, и наконецъ, ходъ самыхъ грамотъ: о каждомъ изъ этихъ отдѣловъ мы поговоримъ порознь.

Когда правительство объявило, что оно приступаетъ къ уничтоженію крѣпостнаго права, всѣ порѣшили сразу, что это начало болѣе глубокихъ реформъ, что это только одно звено въ ряду, и т. д.

Спрашивается, что же понималось въ то время подъ общей соціальной реформой? Въ самомъ актѣ, заявленномъ законодательной властью, не было, по видимому, ничего еще выходящаго изъ обыкновеннаго ряда явленій. Въ то же время вышло положеніе для крестьянъ Эстляндской губерніи, и изъ этого никто не вывелъ, чтобы затѣмъ долженъ былъ перевернуться весь соціальный строй Эстляндіи. Далѣе, въ законодательной дѣятельности у насъ, кажется, никогда не было недостатка. Сколько мы могли знать, Россія то и дѣло, что преобразовывалась: — достаточно вспомнить, что ближайшее къ намъ тридцатилѣтіе, которое всѣ привыкли считать временемъ полнаго гражданскаго покоя, оставило XX томовъ законодательной дѣятельности во 2-мъ Полномъ Собраніи, т. е. болѣе, чѣмъ осталось отъ двухъ предшествовавшихъ столѣтій взятыхъ вмѣстѣ, и сюда еще не вошли тѣ многотомные труды, которые остались въ формѣ проектовъ и начинаній, не получивъ законодательной силы.

Въ реформахъ, стало быть, не было во всякомъ случаѣ никогда недостатка; нѣкоторыя изъ нихъ были выполнены, для другихъ наступила только теперь очередь,—вотъ значитъ и вся бывшая, повидимому, разница. Мы, наконецъ, видѣли примѣръ уничтоженія крѣпостнаго права на западѣ, безъ того, чтобы черезъ это измѣнилась изъ конца въ конецъ физіономія западной жизни, отчего же все это должно было отразиться у насъ иначе?

Находили къ тому много причинъ; съ одной стороны, были условія, которыя позволяли произвести реформу на болѣе широкихъ началахъ: не было западнаго антагонизма сословій, было больше земли; — съ другой, развязка крѣпостнаго права вынуждалась своими особыми обстоятельствами, которыя не позволяли ей ограничиться канцелярской мѣрой. Но что касается первыхъ отличій, то случайныя затрудненія хотя и были у насъ слабѣе, чѣмъ на западѣ, но все-таки были. Антагонизмъ по крѣпостному вопросу и на западѣ былъ въ сущности не сословный, а чисто хозяйственный, такой же точно существовалъ и у насъ; земли, правда у насъ было больше, но эта земля принадлежала такъ же помѣщикамъ. Однѣ подобныя облегченія не могли, стало быть, еще поручиться за своеобразный исходъ преобразованія, а главное, въ нихъ еще не заключалось готовой мѣрки для постановленія вопроса. Гдѣ же слѣдовало искать этой мѣрки? Въ обществѣ выставлялась безспорною одна лишь причина реформы — *безнравственность крѣпостныхъ отношеній.*

Отправляясь отъ этого положенія, можно было, конечно, при по-

мощи нѣкотораго критическаго навыка доискаться сущности. Но для людей, непривыкшихъ вообще къ строгому анализу принимаемыхъ ими на вѣру отвлеченностей, положеніе это видимо не могло служить еще мѣркой, по которой они могли бы опредѣлить законодательныя подробности вопроса. Старый порядокъ слѣдовало измѣнить съ трехъ сторонъ: юридической, административной и хозяйственной. Какія перемѣны должны были быть сдѣланы въ этихъ трехъ отношеніяхъ, этого, конечно, общество не могло вывести изъ понятія о безнравственности крѣпостнаго права. Лишь дѣло доходило до подробностей, и общественное мнѣніе становилось на другую точку зрѣнія, надѣясь оградить себя здѣсь отъ матеріальныхъ уступокъ, — на точку зрѣнія *юридическую*. При этомъ оно не понимало конечно, да и многіе до сихъ поръ не понимаютъ, что юридическая точка зрѣнія есть чисто условная, принадлежащая исключительно данному времени и положенію вещей, что она рѣшаетъ вопросъ такъ или иначе, смотря по тому порядку, который существуетъ въ законѣ, никакъ не можетъ противорѣчить закону, пока послѣдній существуетъ, и измѣняется совершенно вслѣдъ за измѣненіемъ закона. Съ этой стороны, юридическій формализмъ долженъ былъ, значитъ, оправдать все, что бы ни было постановлено закономъ, а до этого одинаково противиться нарушенію какъ признаннаго закономъ землевладѣнія, такъ и личнаго крѣпостнаго права.

Отсюда вытекало само собою, что юридическій формализмъ согласный собственно на все, долженъ былъ относиться совершенно безразлично къ вопросу, что если законодательство было вправѣ разорвать крѣпостное право — то оно одинаково могло произвести всякія другія измѣненія въ юридическихъ формахъ, не нуждаясь въ оправданіяхъ со стороны прошедшаго кодекса. Посредствомъ натяжекъ конечно можно было всегда связать какія хотите измѣненія даже со старыми формами, и черезъ это развязать руки законодательству въ вопросѣ со стороны чисто канцелярскаго этикета. Но это, во первыхъ, были бы все-таки натяжки, во вторыхъ, онѣ были бы совершенно излишни и, въ третьихъ, этимъ путемъ все-таки нельзя было доискаться отвѣта, что и какъ слѣдовало сдѣлать. Критеріумъ вопроса долженъ былъ видимо находиться гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Гдѣ же? Очень просто, если реформа касалась не одной юридической стороны, а административной и хозяйственной, то ключъ къ ней могъ заключаться лишь въ тѣхъ условіяхъ, изъ которыхъ вообще вырабатывается внутренній политическій бытъ, которыми двигается исторія, и которыми слагаются собственно юридическія и административныя формы. Условія эти извѣстны, онѣ экономическія или хозяйственныя, и въ нихъ только, конечно, законодательство могло найти настоящую мѣрку для систематической постановки вопроса. Для того, чтобъ опредѣлить ее, слѣдо-

вало, стало быть, выяснить прежде всего то хозяйственное положеніе, въ виду котораго приступалось къ дѣлу. Отсюда могло сказаться само собою все, что необходимо было сдѣлать, а также обнаружилось бы, что необходимыя перемѣны не имѣли значенія одного облагодѣтельствованія крестьянъ, а были неизбѣжны въ видахъ общаго положенія и этимъ бы покрылись разъ навсегда всѣ юридическія пререканія. И такъ станемъ допрашивать хозяйственныя отношенія. Укажемъ только вѣрно тѣ хозяйственные факты, къ которымъ относилось начало дѣла, и увидимъ, что они сами разскажутъ намъ, въ чемъ заключалась загадка.

За этими фактами также ходить далеко нечего. Они были у всѣхъ подъ рукою и даже весьма тѣсно вязались съ представленіемъ о безнравственности крѣпостныхъ отношеній, которое выставлялось всѣми на видъ. Читатель, не привыкшій даже наблюдать мѣстную жизнь иначе, какъ чужими глазами, могъ замѣтить ту безнравственную роль, которую въ нихъ давно игралъ русскій человѣкъ, изъ которой онъ не имѣлъ никакихъ средствъ выбиться; въ ней онъ или коптилъ безъ зазрѣнія совѣсти небо, или шарлатанилъ на всѣ лады, или ходилъ какъ надорванный и искалъ труда, въ то время какъ дороги для труда нигдѣ не было. Мы хотимъ сказать, что всѣ факты, изъ которыхъ выходила прямо реформа, относились къ тому положенію, въ которомъ находился трудъ. Трудъ мельчалъ систематически, уступая мѣсто сдѣлкамъ съ совѣстію, которыя привыкло поддерживать общественное мнѣніе,—и въ этомъ состояло первое зло, изъ котораго слѣдовало выбраться. Да и какъ могло быть иначе: если крѣпостное право было безнравственно, то оно деморализировало; если оно не ограничивалось тѣснымъ кругомъ помѣщичьихъ имѣній, то и деморализація должна была быть общею; если оно называло себя воплощенной праздностью, то источникъ общей деморализаціи слѣдовало искать въ упадкѣ труда.

Поэтому, все, что жило среди крѣпостныхъ условій, дѣйствовало въ смыслѣ убыли труда. Проходимъ послѣдовательно всѣ положенія и вездѣ отыщемъ то же. Простой трудъ—это была безсрочная крѣпость и полуголодъ для крестьянина и ремесленника, да почти то же и для всѣхъ неимущихъ,—отъ 3-хъ руб. до 60 коп. въ мѣсяцъ рабочей платы чиновнику, вдвое прислугѣ и въ десять разъ больше фигуранткѣ—исходъ былъ затруднительный. Притомъ не разбиралось конечно положеніе женатыхъ отъ холостыхъ. Мѣсто женщины было чистою синекурою, внѣ синекуры ей почти не было угла, между тѣмъ устройство труда было таково, что онъ едва прокармливалъ мужа, чѣмъ же кормилась жена? а вотъ разсчетъ очень простой,—одна незначительная уступка тому, что называлось житейскими требованіями, приносила

иногда болѣе чѣмъ годы работы, и такъ все необезпеченное клонилось къ такимъ уступкамъ — это называлось конкурренціей.

Къ этой долѣ людей, выбивавшихся изъ своего положенія случайными путями, примыкало цѣлое общество, избавленное отъ ежедневной думы о насущномъ кускѣ. Огромный % населенія всѣхъ состояній отъ высшихъ до низшихъ поглощался службой. Военныя надобности брали у труда значительное число работниковъ, поглощали постоянно двѣ трети текущаго бюджета—одну треть на свои насущныя надобности, другую на оплату старыхъ военныхъ долговъ, и кромѣ того войско содержалось все-таки еще на счетъ земства. — Бюрократія брала послѣднюю треть. Наконецъ становились помѣщики и откупщики, которые, отвѣчая за исправное снабженіе фиска деньгами, стягивали за то весь свободный доходъ земства въ свои руки, оставляя лишь то, что было необходимо для поддержанія рабочей силы.

Изъ такого положенія вещей выходило, что все, что только могло, бѣжало труда, и онъ остался удѣломъ только тѣхъ, кому уйти было некуда. Трудился крестьянинъ, который не могъ уйти въ степи, ремесленникъ, который былъ слишкомъ непредпріимчивъ, чтобы не остаться честнымъ, прачка, которая не была достаточно ловка и привлекательна, чиновникъ, который не былъ довольно смѣтливъ. Итакъ все, что могло, избѣгало труда, а то, что продолжало трудиться, или спивалось съ горя, или приходило къ совершенному нравственному отупѣнію. Счастливъ былъ тотъ, кто избѣгалъ этой альтернативы.

Таковъ былъ порядокъ, осужденный однимъ приговоромъ о безнравственности крѣпостнаго права.

Съ каждымъ годомъ общество считало новыхъ бѣглецовъ, между тѣмъ траты росли и въ частной и въ внѣшней сферѣ, а праздныя руки не возвращались вовсе къ труду.—Промотавшійся баринъ шелъ на казенное содержаніе за мнимую службу, становился нахлѣбникомъ. и т. д.

Привычка роскоши вкоренялась все болѣе въ нравахъ, начиная отъ самаго знакомства съ Европой, между тѣмъ какъ, напримѣръ, способъ обработки земли остался тотъ же, какой былъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Роскошь наконецъ стала деспотомъ: она приказывалась. Помѣщики заложили имѣнія, т. е. запродали на 30 лѣтъ треть и болѣе ренты, чтобы потратить ее непроизводительно, съ крестьянъ было давно взято все; все, что можно, пополнить недостававшую часть дохода—было не откуда; ограничить траты оказалось еще труднѣе,—имѣнія были близки къ тому, чтобы пойти съ молотка—онѣ и шли уже. Тутъ фискъ оплатилъ страшную войну тремя стами милліонами внутренняго долга. Положеніе дѣлъ тяготѣло ясно къ перевѣсу тратъ надъ производительными средствами, т. е. къ общей несостоя-

тельности. Понятно ли, въ чемъ заключался ребусъ? Чтобы избѣжать критическаго положенія, нужно было, во чтобы то ни стало, поднять производительность страны, и поднять ее не было другаго средства, какъ оставить извѣстный свободный доходъ въ рукахъ крестьянъ, который могъ бы примѣниться къ новому выгодному производству. Этого же нельзя было сдѣлать не покончивъ съ крѣпостнымъ правомъ, потому что оно, вмѣстѣ съ откупами, поглощало неминуемо всю ренту до тла съ крестянскихъ земель.

Вотъ почему мало еще было уничтожить крѣпостное право юридически, какъ безнравственное, а нужно было еще при этомъ соблюсти тѣ хозяйственныя условія, которыя обезпечили бы на будущее время возможность болѣе раціональнаго хозяйственнаго порядка, т. е. поднять трудъ и обезпечить его производительность, что одно могло высвободить общество изъ того крайняго хозяйственнаго разстройства, къ которому привела его явно развивавшаяся систематическая праздность и безнравственность существованія на счетъ чужаго продукта.

Первымъ шагомъ къ такому дѣлу должна была быть крестьянская реформа. Выполнить всѣхъ его требованій она, конечно, не могла, и мы сказали уже, по какимъ причинамъ, но теперь было ясно по крайней мѣрѣ, какія требованія она должна была выполнить, во что бы то ни стало.

Съ этой точки зрѣнія все дѣло реформы получало извѣстную систему и не рвалось болѣе на множество разнорѣчивыхъ начинаній, при неизвѣстности, которое изъ нихъ нужнѣе. Эта точка зрѣнія давала готовую мѣрку и критеріумъ для разрѣшенія дальнѣйшихъ подробностей. Вмѣстѣ съ симъ постигалось и то, наконецъ, что щедроты, о которыхъ шла рѣчь, были одинаково необходимы, какъ благодѣтельствуемымъ, такъ и самимъ благодѣтелямъ.

Допрашиваемъ теперь литературу и общественное мнѣніе — и не найдемъ нигдѣ чего либо подходящаго къ высказанному взгляду, а развѣ одно недовольство, одно указаніе на общую деморализацію. Но сколько эта деморализація вязалась въ свою очередь въ понятіяхъ съ безнравственностію крѣпостнаго права, и это даже рѣшить трудно. Общество представлялось для большинства скорѣе просто испортившимся и развратившимся такъ, Богъ знаетъ почему, въ силу грѣховной природы. Были для него и хорошіе совѣты и здравыя теоріи, въ которыхъ раскрывался свѣтъ нравственной истины, но оно увлеклось злыми прихотями и повторило въ сотый разъ исторію паденія. Отсюда думали достаточнымъ повторить ему еще разъ книгу нравственнаго закона или прочесть мораль.—Это была гласность.

Гласность опозорила нѣкоторыя положенія, наложила клейма на

уѣздныхъ чиновниковъ и остановилась за тріумфальными воротами. Понять конечно, что разбирать личныя положенія было во все не къ чему, потому что всѣ положенія были одинаково несостоятельны, она не могла. Она была вѣнцомъ дѣловой стороны беллетристики, ждать отъ нея поэтому умѣнья восходить отъ слѣдствій къ причинамъ, отъ случайностей къ сущности было бы слишкомъ много.

За тѣмъ, та часть общества, которая жила только ея уроками, относилась къ дѣйствительнымъ реформамъ очень глухо и неопредѣленно. Убѣждена она была въ одномъ, что дѣла идутъ дурно. Относительно перемѣнъ она сознавала только, что нужны перемѣны; если у нее спрашивали, какія, она становилась въ тупикъ и указывала на западъ. Не яснѣе отвѣчала на эти вопросы и остальная болѣе компетентная литература.

Старый политическій факультетъ давно рѣшилъ, послѣ долгихъ изысканій надъ смысломъ русской задачи, что Россія сфинксъ. Этой египетской метафорой, приравнивая себя нулю, онъ выражалъ какъ нельзя яснѣе свое ничтожество передъ величіемъ русскаго вопроса въ исторіи. За тѣмъ, какъ и что должно было быть сдѣлано нами въ этой исторіи, это, по его мнѣнію, должна была рѣшить уже сама по себѣ, какъ знаетъ, русская кровь. Для отвѣта же тѣмъ, которые сомнѣвались не только въ томъ, ведетъ ли насъ эта кровь къ великой цѣли, но даже ведетъ ли просто куда нибудь и въ состояніи ли мы двигаться, въ запасѣ факультета былъ неопровержимый фактъ: въ какой-то сказкѣ невѣдомый богатырь сидѣлъ сиднемъ тысячу лѣтъ, и когда наконецъ двинулся, то земля задрожала подъ его ногами. Послѣ такого рѣшенія, народная задача и всѣ реформы разрѣшались очень просто, — нужно было сидѣть, досидѣть до тѣхъ поръ, пока не отрастутъ ноги, и тогда начать потрясать преисподнюю.

Не много дальновиднѣе оказывалась и болѣе юная публицистика. Рѣчь все шла о томъ же богатырѣ, вопросъ былъ въ томъ, какъ бы заставить его сдвинуться, потому что оказывалось, какъ будто ноги еще не отросли.

Для однихъ зло заключалось въ томъ, что богатырь сидя сиднемъ какъ-то оторвался отъ почвы, другіе, понимая, что это вздоръ, утверждали, что дѣло состоитъ только въ дружномъ напорѣ, спорили, какъ лучше бить, горизонтально или вертикально, и куда именно. Третьи предлагали распотрошить ему внутренности и положить туда книгу Гнейста; наконецъ, самые умные надоумливали вовсе не трогать, потому что богатырь, какъ богатырь въ сказкѣ, темной ночью, которая у него въ глазахъ, готовъ перебить дѣтей своихъ, потому что видитъ на нихъ чужое платье.

Кто-то сжалившись догадался крикнуть наконецъ, что *дѣло просто состоитъ въ кускѣ хлѣба.*

Отъ этихъ скверныхъ словъ готовились выносить святыхъ, поднялся плачь, что въ жизни ничего не хотятъ видѣть, кромѣ матеріализма, въ народной задачѣ ничего, кромѣ сытости, въ человѣкѣ, кромѣ эгоизма.—

Такъ вмѣсто того, чтобы отъ нравственнаго начала нисходить къ постановкѣ вопроса на хозяйственныхъ основаніяхъ и такимъ образомъ дать дѣлу ту реальную почву, которой требовала его сущность, искали этой почвы то въ смазныхъ сапогахъ и трудахъ археографической коммиссіи, то у Гнейста, то въ школьныхъ средствахъ матеріальнаго понукательства. Вмѣсто того, чтобы искать въ народной статистикѣ настоящихъ указаній на тѣ недостатки, которые придавали безнравственный и мертвый характеръ всему быту, литература проходила мимо и отклоняла взгляды въ другую сторону, менѣе грубую и вещественную, поддерживая праздное отношеніе къ вопросу и между практическими элементами общества.

Узконаціональные политики и патріоты, видѣвшіе въ крѣпостномъ правѣ существенное основаніе политическаго могущества Россіи, полагали и теперь, что все дѣло состояло только въ томъ, чтобы бросить Европѣ театральную афишку. Во владѣльческой сферѣ, одни смотрѣли на начало перемѣны, какъ на чистую прихоть, другіе,— какъ на дѣло юридическаго этикета, самые дальніе,—какъ на дѣло человѣколюбія. Для рѣшенія же чисто-поземельной стороны вопроса была поднята теорія self-government'a, приложенная къ экономіи—знаменитое «laissez-faire»; сказали: оставьте правительство взимать налоги и расточать милости, но ради Бога пусть оно дастъ вамъ самимъ заняться своими дѣлами. Если оно не можетъ забыть васъ совершенно, то пусть думаетъ какъ можно менѣе о васъ; его намѣренія всегда хороши, но есть предѣлы, за которыми все, что оно поощряетъ,—бездѣйствуетъ, все, что оно силится направить,—идетъ дурно!... Понимаете ли, какъ кстати подходили подобные афоризмы?

Какъ нарочно, будто для того, чтобы дать случай убѣдиться на практикѣ въ состоятельности ученія, тутъ же былъ закрытъ казенный кредитъ.—Это вѣдь значило предоставить обращеніе капиталовъ собственнымъ ихъ средствамъ. Подняли акціонерную горячку, ринулись въ биржевой ажіотажъ, надоѣли всѣмъ скандалами и разорились.

Былъ, кажется, удобный случай убѣдиться въ достоинствѣ теоріи. Нѣтъ, она щеголяла съ лицевой стороны все-таки либерализмомъ, который давалъ возможность ея приверженцамъ куда не заноситься, чего не требовать: и присяжныхъ, и шерифовъ, и свободы слова, мы

чуть было не сказали — конституцію, и подъ покровомъ всего этого подготовлять крестьянамъ батрачество.

Чего же мы ждали отъ общества, когда вотъ что говорила теорія!

Въ суммѣ, оно рѣшительно не знало, чего отъ него требовали.

Съ одной стороны—ему говорили, что оно должно исправиться, и читали мораль; отсюда выводили, что оно должно отказаться отъ крѣпостнаго права, потому что это право безнравственно; — хорошо, оно соглашалось, но далѣе говорили ему, что оно должно уступить крестьянамъ землю на условіяхъ, которыя опредѣлитъ законъ — оно опять согласилось. Съ другой стороны, ему подносили теорію конкурренціи, изъ которой выходило, что законъ не долженъ ни во что вмѣшиваться. Кого же приходилось слушаться?

Конечно, такая бѣдность пониманія не могла пройти безъ слѣда для дѣла. Оставимъ другимъ толковать о разности словъ и дѣла, въ настоящее время намъ предстоитъ указать весьма ощутительный признакъ этой связи.

Вопросъ былъ еще на полдорогѣ отъ своего рѣшенія законодательствомъ, а между тѣмъ экономическіе взгляды, пущенные изъ иностранныхъ учебниковъ, безъ малѣйшаго критическаго смысла, уже связывали ему, какъ мы видѣли, руки. Первымъ шагомъ къ тому была невязанная нашимъ финансамъ система частнаго кредита. Правительство склонилось на эту мѣру, среди затрудненій фискальнаго вопроса; съ этой стороны она, можетъ быть, и казалась другимъ выгодною. Но главный вопросъ былъ не въ положеніи финансовыхъ операцій казны, а въ реформѣ, которая подступала съ каждымъ днемъ все ближе и ближе, и съ этой стороны, уничтожая систему казеннаго кредита, который требовалось напротивъ расширить, сколько было возможно, именно въ это время, правительство связывало себя въ главномъ вопросѣ и подготовляло болѣе сложную систему его разрѣшенія. Понять это не трудно. Мы не станемъ настаивать уже на томъ, что система казеннаго кредита состоятельнѣе вообще какъ система: объ этомъ спорятъ, и пусть спорятъ; намъ дороги здѣсь безспорныя данныя. Вспомнимъ только, въ чемъ заключалась главная трудность вопроса; а заключалась она конечно въ противуположности двухъ хозяйственныхъ интересовъ, крестьянскаго и помѣщичьяго, которые никто не могли быть согласованы закономъ на новыхъ условіяхъ безъ нѣкоторыхъ потерь. Потери эти должны были пасть на землевладѣльческій классъ, и сущность ихъ должна была заключаться въ отмѣнѣ обязательнаго труда, который слѣдовало замѣнить вольнонаемнымъ. Если въ этомъ заключались главныя затрудненія, то понятно также, что первое, въ чемъ нуждались помѣщики и что могло успокоить ихъ опасеніе, было присутствіе кредита, который

открылъ бы имъ доступъ къ капиталамъ, необходимымъ на первое время для переустройства хозяйствъ.

Вотъ все, въ чемъ они нуждались и на что имѣли право разсчитывать.

Съ этой стороны очевидно, въ какой зависимости находились и самыя подробности будущаго закона отъ большей или меньшей наличности кредитныхъ средствъ. Существуй кредитъ, и гарантія барщинской новинности не предоставлялась бы болѣе настоятельною, были бы налицо и другія условія относительно оброка и выкупа, которыя могли казаться теперь нужными для облегченія помѣщиковъ черезъ продолженіе переходнаго срока и возвышенныя оцѣнки. Здѣсь, пожалуй, напрасно спорить о томъ, въ какой степени можно было вполнѣ замѣнить выкупъ кредитомъ; но самые ревностные сторонники выкупа, конечно, не отвергнутъ того, что присутствіе кредита позволило бы устроить выкупъ по другимъ поземельнымъ оцѣнкамъ, чѣмъ теперь, и слѣдовательно замѣнило бы выкупъ во всякомъ случаѣ, на сколько нибудь, — а это было крайне важно не только потому, что облегчало крестьянъ, но и потому еще, что при другихъ оцѣнкахъ выкупъ состоялся бы по крайней мѣрѣ дѣйствительно въ пользу помѣщиковъ, тогда какъ иначе, сосредоточивая все обезпеченіе помѣщиковъ въ выкупѣ, законодательство заставляло послѣднихъ продавать по рыночной цѣнѣ выкупныя свидѣтельства, которыя крестьянинъ долженъ все-таки оплатить сполна, такъ что извѣстная доля выкупной ссуды, должна доставаться собственно аферистамъ.

Въ итогѣ, значитъ, теорія частнаго кредита заставляла проигрывать какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ. Вотъ въ какое положеніе былъ поставленъ вопросъ къ 1861 г. экономическими теоріями, которыя думали служить землевладѣльцамъ.

Обращаясь теперь къ законодательному ходу дѣла, повѣримъ надѣлѣ только что сказанное.

Прежде всего, понятіе о self government'ѣ не осталось безъ вліянія и на самую форму, которая была принята для рѣшенія вопроса. Съ самаго начала были возможны двѣ системы для веденія дѣла: одна рѣшительная и скорая, другая болѣе мягкая и постепенная. Можно было поставить вопросъ сразу передъ обществомъ со всѣми его требованіями. Этотъ образъ дѣйствія вытекалъ, кажется, прямо изъ характера нашего государственнаго устройства, отвѣчалъ духу прежнихъ преобразованій и облегчался нѣкоторыми преимуществами нашего быта передъ западнымъ; эти условія заставили Times даже позавидовать обществамъ, подобнымъ нашему, и утверждать, что они пользуются преимуществомъ засыпать среди одного порядка и просыпаться на-

завтра среди обстановки, которая въ другихъ мѣстахъ дается долгимъ временемъ. Наконецъ, эта система въ глазахъ политиковъ имѣетъ еще другія существенныя преимущества. Ставя передъ лицемъ общества сразу всѣ требованія и указывая на всѣ пожертвованія, которыя неизбѣжны, она не допускаетъ ничего сомнительнаго, глухихъ разсчетовъ и надеждъ. Общество знаетъ заранѣе, чему оно должно подчиниться, имѣетъ всю возможность подготовиться къ наступающей перемѣнѣ, и потому въ концѣ-концовъ легче выноситъ тѣ же самыя пожертвованія сразу, чѣмъ по мелочамъ.

На этомъ основаніи и теперь иные стояли за этотъ планъ дѣйствія, другіе, напротивъ, видѣли въ немъ свои невыгоды, называли его несовременнымъ, совѣтывали держаться болѣе общественной инціативы въ его разрѣшеніи, — словомъ, пускали въ ходъ всѣ старыя буржуазныя штуки, которыми защищается на западѣ законодательная инерція. Соображая вѣроятно выгоды и невыгоды той и другой системы, правительство хотѣло повидимому воспользоваться отчасти тѣмъ и другимъ порядкомъ.

Но предположивъ даже, что начало общественной инціативы, въ той степени, въ какой оно было въ настоящемъ случаѣ допущено правительствомъ, не могло воспрепятствовать ему по формѣ положить категорическій предѣлъ всѣмъ сомнѣніямъ въ ясной буквѣ закона, теперь должны были найтись къ тому препятствія въ самой сущности дѣла.

Рѣшительная развязка, если она и была возможна въ началѣ, теперь становилась очень сомнительною, вслѣдствіе отсутствія кредита, которое становилось поперекъ дороги всякому смѣлому дѣйствію и вызывало другой планъ, болѣе осторожный и медленный.

Конечно, уступки отсталой теоріи, которыя найдены были необходимыми, оказались не столь настоятельными, какъ думали, но тѣмъ не менѣе пренебречь ими считалось теперь невозможнымъ, нужно было успокоить чѣмъ нибудь помѣщиковъ, а это успокоеніе за отсутствіемъ кредита могло произойти только на счетъ болѣе или менѣе продолжительной развязки.

Отсюда вышелъ самъ собою планъ положенія во всей его подробности — *планъ освобожденія крестьянъ со всей возможной постепенностью*. Юридическую и административную свободу крестьяне получили почти непосредственно, за то хозяйственную самостоятельность они пріобрѣтали только послѣдовательными переходами отъ одного вида обязательныхъ отношеній къ другому, черезъ извѣстные сроки. Этотъ порядокъ былъ разсчитанъ и подробно опредѣленъ на одномъ общемъ соображеніи. Полагали, что, если крестьяне будутъ имѣть возможность разрѣшить сразу свои отношенія къ помѣщику, то хозяй-

ства останутся вдругъ безъ рукъ; отсюда заключали, что, если пользованіе надѣломъ не будетъ на извѣстный срокъ обязательно, то крестьяне бросятся на казенныя земли, если помѣщикамъ не будетъ оставлена на извѣстный срокъ барщина, то крестьяне повально потребуютъ оброка, или также выкупа. При этомъ упускалось изъ виду одно существенное возраженіе, которое было впослѣдствіи указано самимъ дѣломъ: это то, что въ имѣніяхъ исключительно издѣльныхъ, которыя составляли главную массу и которыхъ только могли касаться вышеизложенныя опасенія, всякій денежный вопросъ, при отсутствіи заработковъ и привычкѣ въ крестьянахъ къ пріобрѣтенію денежныхъ средствъ, былъ столь же для нихъ новъ и труденъ, какъ и система вольнонаемнаго труда для помѣщиковъ тѣхъ же имѣній; а потому, съ одной стороны, здѣсь не могъ совершиться съ такой быстротой ни переходъ на оброкъ, ни выкупъ, съ другой, нуждаясь для этого въ деньгахъ, не привыкшіе къ заработкамъ на сторонѣ, крестьяне невольно стали бы искать ихъ на мѣстѣ,—что обезпечило бы помѣщикамъ готовые вольнонаемныя руки по умѣренной цѣнѣ, или въ зачетъ самаго оброка или выкупныхъ платежей. Но о такихъ соображеніяхъ въ то время никто не думалъ. И такъ, система положеній прежде всего хотѣла обезпечить помѣщикамъ руки. Съ этой цѣлью, во-первыхъ, удержана была барщина на два года, — далѣе, нормы оброка опредѣлены не на основаніи поземельной ренты, а примѣняясь къ существующимъ оброкамъ въ оброчныхъ мѣстностяхъ, и за тѣмъ тѣ же нормы распространены на имѣнія земледѣльческія, выкупъ разсчитанъ по капитализаціи тѣхъ же оброчныхъ платежей, обусловленъ немедленнымъ взносомъ 20% выкупной суммы, на которые не распространена ссуда, и сдѣланъ обязательнымъ для помѣщиковъ только въ разсужденіи однѣхъ усадьбъ. Все это видимо клонилось къ тому, чтобы и послѣ обязательнаго срока барщины дать возможность въ издѣльныхъ имѣніяхъ совершиться выкупу не такъ быстро и тѣмъ гарантировать помѣщикамъ руки. На основаніи данной формулы для оцѣнки земли, на случай выкупа, каждый издѣльный помѣщикъ могъ даже приблизительно опредѣлить, ранѣе какого срока крестьяне не должны приступать по настоящему къ выкупу — это именно было немыслимо ранѣе, чѣмъ мѣстныя цѣны на земли могли сравняться съ выкупными оцѣнками.

Вотъ тѣ соображенія, на которыхъ построена система положеній по хозяйственному вопросу.

Осуществленіе главнаго требованія, т. е, обезпеченія свободнаго дохода въ рукахъ крестьянъ, въ ней отдѣлялось и подчинялось извѣстной постепенности съ цѣлью оградить помѣщиковъ по возможности отъ значительныхъ и быстрыхъ потерь. Этимъ, кажется, было сдѣлано болѣе, чѣмъ послѣдніе въ правѣ были ожидать. Но понятно,

что сдѣланное въ ихъ пользу было условной льготой, что вся система такимъ образомъ была основана на строгихъ юридическихъ и хозяйственныхъ разсчетахъ, а усложнялась отступленіями отъ этихъ расчетовъ, созданными сознательно и въ особыхъ видахъ.

Упустить эту условную сторону новаго закона въ дальнѣйшемъ развитіи вопроса на практикѣ значило бы упустить изъ виду сущность всего дѣла. Но вотъ, эту-то самую существенную и вмѣстѣ условную сторону положеній труднѣе всего было усвоить себѣ неподготовленному обществу, привыкшему вчитываться не въ духъ закона, а въ его букву.

Не замѣчая сознательныхъ уклоненій отъ чисто экономическихъ основаній, допущенныхъ временно въ ихъ пользу, помѣщики смотрѣли на принятыя здѣсь основанія, какъ на безусловно вѣрныя нормы хозяйственнаго разсчета. Съ одной стороны, они думали, что крестьяне такъ же жадно бросятся теперь на оброкъ или выкупъ, какъ еслибы оцѣнки были сдѣланы вдвое ниже, съ другой, не сообразили, что уклоненія, допущенныя лишь подъ извѣстнымъ условіемъ, могутъ быть признаны закономъ только въ виду этого условія, т. е., что если положенія допускали извѣстныя стѣсненія въ нормахъ оброка крестьянъ подъ условіемъ, что онъ будетъ умѣрять ихъ стремленія къ выходу на оброкъ, или выкупъ, то этимъ положенія не хотѣли вовсе сдѣлать этихъ нормъ обязательными для крестьянъ на случай, если дѣло получитъ другой оборотъ и требованія о переходѣ на оброкъ будутъ уже не со стороны крестьянъ, а со стороны помѣщиковъ. Еще менѣе могли они понять, что всѣ эти нормы и постановленія, какъ чисто условныя, могли быть измѣнены впослѣдствіи закономъ подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ и требованій.

Отсюда вышло, что когда появились положенія, общество привѣтствовало ихъ полной разноголосицей мнѣній, изъ которыхъ ни одно не оказалось вѣрнымъ.

Одни брали въ разсчетъ свой прежній доходъ и сравнивали съ нимъ одинъ доходъ по положенію съ надѣла, забывая землю, остающуюся за надѣломъ, или сравнивая сумму повинности до положеній съ повинностью по положеніямъ, забывая, что въ прежнее время повинность достигала иногда 6 дней въ недѣлю, что вся цѣль положеній состояла въ уменьшеніи повинности и что наконецъ съ помѣщиковъ за то слагалась отвѣтственность за подати, а на крестьянъ накладывались еще расходы по управленію. Другіе, не заглянувъ хорошенько въ подробности закона, просмотрѣли только таблицы надѣла и повинностей, и рѣшили, что дѣло еще не такъ плохо: кромѣ того, что барщина оставлялась на два года, оказывалось, что земля оцѣнена очень выгодно, оброкъ хорошъ повсемѣстно, такъ что многіе съ иронією за-

мѣчали, оправившись отъ опасеній, что крестьянамъ было бы выгоднѣе, если бы ихъ освободили безъ земли. Третьи, наконецъ, видѣли, съ одной стороны, преувеличенныя ожиданія крестьянъ, съ другой, толки о высокой оцѣнкѣ повинностей и недовѣрчиво глядѣли впередъ. Особенно страннаго конечно ничего не должны были обнаружить впереди обстоятельства, но во всякомъ случаѣ указанное непониманіе обществомъ чисто условной стороны положеній не представляло само по себѣ также ничего особенно утѣшительнаго; въ немъ-то мы найдемъ ключъ къ разъясненію всѣхъ мелкихъ недоразумѣній и подробностей, составляющихъ дальнѣйшую исторію этого дѣла.

Что за тѣмъ послѣдовало въ дѣйствительности на первыхъ порахъ, это конечно всѣ знаютъ, но что послѣдовавшее было именно слѣдствіемъ общаго непониманія, а непониманіе слѣдствіемъ некатегоричной постановки вопроса, это, можетъ быть, еще до сихъ поръ для нѣкоторыхъ тайна, тѣмъ не менѣе оно такъ. Все дурное вышло изъ того, что лица, наиболѣе заинтересованныя въ вопросѣ, не были еще вполнѣ убѣждены, что быть крестьянъ долженъ быть во чтобы то ни стало улучшенъ. Они не прочли вполнѣ вразумительно этого рѣшенія въ положеніяхъ. Мы знаемъ, что односторонніе толки хотѣли видѣть источникъ различныхъ прекраній не въ одномъ непониманіи, и мы пожалуй готовы будемъ еще согласиться, что самое непониманіе обусловливалось иногда чувствомъ личнаго интереса, но никто конечно не признаетъ во всемъ этомъ чего либо похожаго на открытую оппозицію. Если были случаи безсмысленнаго прекословія закону, то они составляли лишь рѣдкія явленія, которыя не могли бросать тѣни на цѣлое. Въ общемъ русскій собственникъ конечно не думалъ объ оппозиціи, точно такъ же, какъ не думалъ объ ней и крестьянинъ. Для того, чтобъ думать о ней, нужно было разсчитывать на какую либо корпоративную силу, а этой силы, всякій знаетъ, не было. Если же нельзя было избѣжать совершенно отдѣльныхъ примѣровъ грубой отсталости, то они были обыкновенными полицейскими уклоненіями отъ закона, и потому на нихъ почти не стоило бы указывать.

Съ другой стороны, крестьяне были напротивъ глубоко убѣждены трехлѣтними толками объ улучшеніи ихъ быта, что послѣдній долженъ во что бы то ни стало улучшиться положеніями, и это убѣжденіе, какъ нельзя больше, вязалось съ простотою крестьянскаго взгляда на вещи вообще.

Народъ былъ чуждъ, конечно, юридическихъ понятій, которыми защищалось сначала отъ хозяйственныхъ уступокъ общество; для того, чтобы имѣть понятіе о правѣ, нужно было имѣть по крайней мѣрѣ какія нибудь права, а мы сами же говорили, что только теперь призываемъ его къ гражданской жизни.

Наконецъ, и такъ называемый юридическій взглядъ общества, если поразобрать его немного, оказывался юридическимъ лишь на столько, на сколько въ немъ защищались старыя хозяйственныя формы. Послѣ этого было естественно, конечно, и крестьянамъ ограничиваться съ своей стороны чисто хозяйственнымъ пониманіемъ дѣла. Выражали они его только инымъ языкомъ, чѣмъ общество—вотъ въ чемъ и вся разница.

Если общество говорило словами учебниковъ римскаго права, то народъ выражалъ свои взгляды спроста. Онъ не видѣлъ поэтому въ крѣпостномъ правѣ историчесми необходимаго условія, при которомъ сплотилось государство, въ его отмѣнѣ постепеннаго шага на полѣ законности, ограниченнаго кругомъ живыми остатками прошлаго. Онъ понималъ крѣпость, какъ несчастье, за которымъ должно придти рано или поздно избавленіе. Не трудно понять также, что понималъ онъ подъ избавленіемъ. Подъ несчастьемъ разумѣлъ онъ свою экономическую бѣдность, — подъ избавленіемъ экономическое довольство, т. е. по крайней мѣрѣ землю безъ тягла. Съ такимъ взглядомъ не сходилось, конечно, никакое представленіе о постепенности, обусловленной историческими причинами и понятной только тому, кто знакомъ съ наукой, различающей эти условія. Избавленіе, какъ избавленіе, въ его глазахъ могло придти только полное, явиться, какъ deus ex machina. Вотъ сущность его взгляда, его pia desideria. Мы пойдемъ весьма далеко, согласимся, что выражая такой взглядъ, народъ еще менѣе понималъ положенія, чѣмъ помѣщики, и ждалъ отъ нихъ болѣе, чѣмъ слѣдовало. Но онъ имѣлъ на своей сторонѣ тѣ извиненія, которыхъ мы не имѣли — спрашиваемъ, гдѣ бы онъ могъ научиться другому взгляду. Вспомнимъ, что были мѣста, гдѣ онъ получилъ положенія только спустя мѣсяцъ послѣ манифеста, что нужно было быть по крайней мѣрѣ грамотнымъ, чтобы прочесть положеніе, что среди 22-хъ милліоновъ населенія были такіе, для которыхъ русскій языкъ былъ вообще непонятенъ, были финны, латыши, жмудь и литва. Для разъясненія имъ положеній нужно было перевести послѣднія на мѣстныя нарѣчія, и этого перевода приходилось ждать; между тѣмъ, въ этомъ ожиданіи народъ долженъ былъ оставаться при самыхъ смутныхъ понятіяхъ о новой волѣ.

Не смотря на то, и тутъ даже его первыя сомнѣнія выразились лишь тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, искавшіе прежде свободы, возобновили свои иски и на замѣчаніе, что они теперь и безъ того свободны, отвѣчали: то свобода по манифесту, а мы хотимъ настоящей... .

И вотъ тутъ-то въ самую критическую минуту, когда двумъ классамъ приходилось дѣлить свои интересы, и когда каждый изъ нихъ, какъ

оказывалось, говорилъ особымъ непонятнымъ нарѣчіемъ, когда каждый выписывалъ изъ положеній не то, чего требовала сущность, а то, что ему казалось возможнымъ вычитать цѣпляясь за букву, взятую минуту опять не оказалось на лицо категорическаго объясненія, что заставило окончательно разыграться недоразумѣнія въ драму. Не было на лицо достаточно внушающей власти, которая пользуясь одинаково довѣріемъ обоихъ сословій, могла бы умиротворить и разъяснить сомнѣнія при самомъ ихъ началѣ. Оказались на мѣстахъ только члены уѣздной администраціи, въ которыхъ крестьяне извѣрились, да командированные чиновники, лица совершенно незнакомыя мѣстному населенію, которыхъ оно поэтому и принимало за переодѣтыхъ помѣщиковъ.

II.

ОТКРЫТІЕ УПРАВЛЕНІЯ И ВОПРОСЪ О БАРЩИНѢ.

Образованіе особой администраціи по крестьянскимъ дѣламъ должно было начаться съ открытія губернскихъ присутствій, которыя уже должны были приступить къ настоящимъ работамъ по этому дѣлу.

Губернскія присутствія были открыты одновременно съ обнародованіемъ положеній, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они начали дѣйствовать даже ранѣе, и тотчасъ же предъ ними явился обширный кругъ дѣятельности. Кромѣ работъ по открытію мировыхъ учрежденій и земскаго управленія, они должны были издать урочныя положенія для надѣльныхъ крестьянъ, составить образцы уставныхъ грамотъ, опредѣлить срокъ лѣтнихъ и зимнихъ работъ, установить оцѣнку дней, обработать окончательно свѣдѣнія о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, изыскать межевыя средства. Между тѣмъ, для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ не было большею частію собрано готовыхъ данныхъ, потребовались подготовительныя работы, которыя должны были болѣе или менѣе отдалить ихъ рѣшеніе.

Самый порядокъ открытія мировыхъ учрежденій не былъ вовсе простъ. Прежде всего нужно было приступить къ раздѣлу губерній на мировые участки и провѣрить списки лицъ, имѣющихъ право быть мировыми посредниками. Предварительный планъ раздѣла должны были составить уѣздныя собранія дворянъ; до открытія этихъ собраній проходило уже извѣстное время, такъ что, вообще говоря, они не начали дѣйствовать ранѣе конца марта. Самое распредѣленіе представило нѣкоторыя трудности, зависѣвшія частію отъ чисто естественныхъ, частію же случайныхъ причинъ. Одна изъ такихъ при-

чинъ заключалась въ неравномѣрномъ распредѣленіи крѣпостнаго населенія по мѣстностямъ. По послѣдней ревизіи число крѣпостныхъ колебалось въ отдѣльныхъ губерніяхъ отъ 550 т. въ Кіевской и 510 т. въ Подольской до 5 т. въ Олонецкой;—по отношенію крестьянъ къ общему населенію губерній отъ 69% въ Смоленской и Тульской до 24% въ Вятской, Астраханской и Ставропольской; — подробности помѣщичьихъ имѣній отъ 2621 душъ среднимъ числомъ на каждаго помѣщика въ Пермской до 25 д. въ Олонецкой. Такимъ образомъ не могло быть общей мѣрки для дробности участковъ, приходилось для каждой мѣстности опредѣлять особое число мировыхъ участковъ въ уѣздѣ, иногда же соединять нѣсколько уѣздовъ въ одинъ участокъ и наконецъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отказаться вовсе отъ назначенія мировыхъ посредниковъ, возложивъ временно ихъ обязанности на уѣздныхъ судей или другихъ чиновниковъ.

Вслѣдствіе такихъ затрудненій, вѣроятно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цифры не могли доискаться нормальнаго числа участковъ; въ однихъ стремились образовать въ губерніи возможно меньшее число участковъ, въ другихъ довести число участковъ до цифры наличныхъ помѣщиковъ. Послѣдствія въ обоихъ случаяхъ должны были быть одни и тѣ же: въ первомъ случаѣ жалобы, по недостатку времени и отдаленности мѣста жительства мировыхъ посредниковъ, или оставались бы вовсе безъ разбора, или не доходили бы до посредниковъ, во второмъ помѣщики, ставъ поголовно посредниками или ихъ кандидатами, разбирали бы крестьянскія жалобы другъ у друга. Придумывался и другой исходъ. Уѣздное собраніе одного изъ лѣсистыхъ уѣздовъ Псковской губерніи заявило губернатору желаніе, чтобы мировыхъ посредниковъ, вмѣсто предположенныхъ на уѣздъ 4-хъ, назначено было десять, безъ кандидатовъ.

Все это, конечно, должно было быть предупреждено правительствомъ; но для этого требовалось новыхъ представленій и переписки, которая естественно замедляла ходъ дѣла.

Вторая задача уѣздныхъ собраній, т. е. составленіе списковъ лицъ, которыя могутъ быть избраны въ мировые посредники, казалась гораздо проще; а между тѣмъ и здѣсь дѣло не обошлось безъ затрудненій.

Министерство внутреннихъ дѣлъ уже 22-го марта сочло нужнымъ обратить вниманіе губернаторовъ, чтобы уѣздные предводители, при составленіи списковъ, и уѣздныя собранія, при ихъ повѣркѣ, вносили въ нихъ всѣхъ безъ исключенія дворянъ—помѣщиковъ, удовлетворяющихъ указаннымъ въ законѣ условіямъ. Тутъ же министерство приглашало губернаторовъ пріискивать заранѣе и вообще приглашать на эту должность лишь такихъ лицъ, которыя извѣстны

несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами.

По избраніи мировыхъ посредниковъ, они должны были быть утверждаемы сенатомъ. Это опять замедляло дѣло. Министерство внутреннихъ дѣлъ циркулярнымъ телеграммомъ 12-го мая дало знать, что мировые посредники могутъ допускаться къ временному исправленію ихъ должности, не ожидая утвержденія ихъ сенатомъ. Еще ранѣе возникалъ вопросъ о порядкѣ утвержденія кандидатовъ. Сомнѣвались, не нужно ли для того, чтобы кандидатъ могъ заступить мѣсто мироваго посредника, вторичнаго утвержденія сенатомъ; вопросъ этотъ доходилъ до главнаго комитета и былъ разрѣшенъ такъ, что достаточно одного утвержденія.

По всѣмъ этимъ причинамъ мировые посредники не могли, вообще говоря, начать дѣйствовать ранѣе половины іюня.

Всего въ 44-хъ губерніяхъ на 10.545,690 душъ образовано 1706 мировыхъ участковъ. По губерніямъ число мировыхъ участковъ распредѣляется весьма различно; начиная въ иныхъ мѣстахъ отъ трехъ участковъ на губернію, оно доходитъ въ Курской до 68. Средній размѣръ участка около 6,000 д.—по губерніямъ этотъ размѣръ разнится отъ 1,000 до 10,000 душъ.

Мировыхъ съѣздовъ въ 44 губерніяхъ на 444 уѣзда образовано 404.

Образованіе общественнаго управленія представляло еще болѣе трудностей. Оно должно начаться съ открытія сельскихъ обществъ, которое должны были сдѣлать предводители немедленно по возвращеніи ихъ въ уѣздъ. Оказалось, что и это легче было предположить, чѣмъ выполнить. На дѣлѣ предводители были заняты работами по образованію мировыхъ участковъ и, кромѣ того, разборомъ недоразумѣній между крестьянами и помѣщиками; между тѣмъ число селеній въ уѣздахъ не такъ незначительно вообще, чтобы можно было объѣхать ихъ и открыть, почти въ каждомъ, сельское общество между прочимъ. На этомъ основаніи нѣкоторыя присутствія прямо отложили открытіе сельскихъ обществъ до избранія посредниковъ, какъ наприм. Калужское, другія назначили на открытіе сельскихъ обществъ не менѣе пяти-шести недѣль сроку.

Само собой разумѣется, что этимъ отдалялось и открытіе волостей.

Здѣсь требовались своего рода подготовительныя работы, которыя были отчасти еще сложнѣе тѣхъ, которыя относились къ мировымъ посредникамъ. Трудность опять была топографическая, и мы знаемъ, что по крайней мѣрѣ еще недавно трудно было найти на мѣстѣ подробныя карты уѣздовъ. Не многія въ этомъ отношеніи

оказавшись столь предусмотрительны, какъ напримѣръ Воронежская, гдѣ, если вѣрить въ свое время сдѣланной публикаціи, были выписаны заранѣе изъ топографическаго депо нѣсколько спеціальныхъ картъ, на которыя положены пункты приходскихъ церквей и означены всѣ помѣщичьи имѣнія, кромѣ того составлены въ губернской чертежной карты по уѣздамъ для однѣхъ помѣщичьихъ имѣній, а также списки владѣльцевъ и ихъ имѣній съ показаніемъ числа душъ, дворовъ и количества земли. Все это въ другихъ мѣстностяхъ приходилось уже дѣлать послѣ выхода положеній и открытія коммиссій для образованія волостей. При самомъ распредѣленіи на волости встрѣтились различныя сомнѣнія. Главнымъ основаніемъ дѣленія должны были быть приходы, между тѣмъ приходы какъ извѣстно, раздѣляются нерѣдко административными границами на двѣ части. Поэтому, для того чтобы волости могли совпасть съ приходами, слѣдовало одно изъ двухъ: измѣнять границы самыхъ приходовъ, или измѣнять границы общаго административнаго дѣленія губернскаго и уѣзднаго,—и то и другое оказывалось неудобнымъ. Возникъ сейчасъ вопросъ: какого держаться въ такихъ случаяхъ начала?

Министерство внутреннихъ дѣлъ пояснило, что измѣнять границъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ — ни приходскихъ, ни уѣздныхъ, и допустило только измѣненіе границъ становыхъ.

Но кромѣ совпаденія волости съ приходами, было поставлено на видъ еще много другихъ, не менѣе важныхъ условій. Нужно было выдержать при раздѣлѣ смежность селеній, двѣнадцати-верстное разстояніе ихъ отъ центра, не переступить извѣстнаго числа душъ и сдѣлать такъ, чтобы волости уложились по возможности въ приходахъ. Выдержать всѣ условія разомъ было почти невозможно; рѣшить же, которому въ данномъ случаѣ отдать преимущество, зависѣло отъ усмотрѣнія коммиссій. Изъ этого выходило, что по одной и той же губерніи, въ различныхъ уѣздахъ, были дѣланы совершенно разнородныя распредѣленія. Въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ коммиссіи держались преимущественно смежности и опредѣленнаго числа душъ, выходило дробленіе приходовъ, въ другихъ, гдѣ старались держаться приходской единицы, число волостей выходило несоразмѣрно велико, отсюда должны были увеличиться расходы на управленіе, возрасти тяжести служебныхъ обязанностей для крестьянъ и усложниться сношенія мировыхъ посредниковъ съ множествомъ волостей. Въ третьихъ, наконецъ, при соблюденіи другихъ условій, оказывалась общая черезполосица.

Ко всему этому присоединялось еще право, данное помѣщикамъ, въ теченіи мѣсяца разсмотрѣть предварительное распредѣленіе и изъявить желаніе о присоединеніи своихъ имѣній къ той или другой во-

лости. Помѣщики естественно стремились сгруппировать свои имѣнія въ предѣлы одной какой либо волости, и это еще болѣе усиливало черезполосицу.

Кончалось тѣмъ, что губернское присутствіе, получивъ распредѣленія уѣздныхъ коммиссій, рѣдко находило возможность утверждать ихъ безъ исправленій, уже по причинѣ разнообразія системъ, принятыхъ отдѣльными коммиссіями. Такъ, напримѣръ, калужское присутствіе изъ одинадцати уѣздныхъ проектовъ не рѣшилось утвердить ни одного. Затѣмъ присутствія должны были возвращать проекты для новаго распредѣленія или требовать дополнительныхъ свѣдѣній и объясненій, при лучшемъ ходѣ дѣла ограничиваться утвержденіемъ нѣсколькихъ волостей, ожидая передѣлки проектовъ въ остальныхъ частяхъ. Прибавить ко всему этому, что работы по открытію волостей должны были происходить въ самую трудовую лѣтнюю пору и что помѣщики имѣли право задержать проектъ распредѣленія своими отзывами въ теченіи цѣлаго мѣсяца послѣ ихъ окончанія, и тогда станетъ понятно, что въ общемъ счетѣ проекты сіи могли быть представлены губернскому присутствію не ранѣе половины лѣта 1861 года.

По мѣрѣ того, какъ распредѣленіе селеній на волости было оканчиваемо въ губерніи, уѣздные предводители на мировыхъ съѣздахъ, вмѣстѣ съ мировыми посредниками, распредѣляли волости между мировыми посредниками, въ назначенный день созывали волостные сходы для выбора старшинъ на три года, очередныхъ судей, назначенія сбора или жалованья должностнымъ лицамъ и т. д.

Безпорядки при открытіи волостей были рѣдки, въ нѣсколькихъ случаяхъ крестьяне, правда, отказывались отъ выборовъ, но о характерѣ этихъ безпорядковъ даетъ большее понятіе то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне, выбравъ должностныхъ лицъ, отказывались впослѣдствіи имъ повиноваться.

Въ октябрѣ 1861 г. общества и волости были образованы повсемѣстно въ тридцати губерніяхъ и затѣмъ не были еще открыты окончательно въ тринадцати. Медленнѣе всего дѣло шло въ губерніяхъ Курской и Волынской; къ 1-му января 1862 г. не было свѣдѣній объ окончательномъ открытіи волостей только изъ одной Волынской губерніи. Такимъ образомъ дѣло это могло считаться почти оконченнымъ къ назначенному положеніями девятимѣсячному сроку.

Такимъ порядкомъ открылись крестьянскія управленія.—Открывшіяся власти вполнѣ вразумили крестьянъ на счетъ смысла положеній, и съ тѣхъ поръ крестьяне въ массѣ не выражали прежней непонятливости. Но зато, если среди первыхъ столкновеній извѣстія сообщали болѣе данныхъ для характеристики толкованія положеній крестьян-

нами, то теперь стало спеціально выясняться пониманіе положеній землевладѣльцами. Передъ нами находится единственный матеріалъ для опредѣленія дѣятельности мировыхъ учрежденій—въ журналахъ губернскихъ присутствій; этотъ матеріалъ можетъ дать довольно полное понятіе о тѣхъ вопросахъ, которые подавали поводъ къ недоразумѣніямъ, и о томъ пониманіи, съ которымъ приходилось бороться на практикѣ мировымъ учрежденіямъ. Не было ни одного хозяйственнаго элемента въ положеніяхъ, который бы не подалъ повода къ какому нибудь сомнѣнію. Передъ нами одни только вопросы, доходившіе до губернскихъ присутствій, т. е. вопросы, которые казались наиболѣе неясными для мѣстныхъ понятій, но это же позволитъ сдѣлать заключенія о характерѣ вопросовъ частныхъ, разрѣшавшихся самими посредниками.

Мы преимущественно желаемъ обратить здѣсь вниманіе читателя на самыя существенныя сомнѣнія: онѣ относятся естественно къ тому наиболѣе живому хозяйственному вопросу, который предстояло рѣшить практикѣ въ этомъ періодѣ. Положенія оставили на два года приблизительно прежній порядокъ, т. е. барщину; помѣщики пока помышляли еще успокоиться на этомъ порядкѣ — въ программѣ былъ наименьшій надѣлъ и наибольшая издѣльная повинность. Вопросъ стало быть заключался въ томъ, окажется ли дѣйствительно для помѣщиковъ выгоденъ этотъ порядокъ, будутъ ли они твердо держаться за барщину. Отъ этого и зависѣлъ дальнѣйшій оборотъ дѣла: тутъ слѣдовательно сосредоточивались самыя существенныя пререканія. Чтобы дать понятіе объ ихъ характерѣ, укажетъ на нѣкоторыя.

Относительно земли главныя недоразумѣнія коснулись вопроса о лицахъ, имѣющихъ право на надѣлъ, вопроса о перенесеніи усадьбъ и разверстаніи.

Лица, имѣющія право на надѣлъ, были довольно ясно поименованы въ положеніяхъ, и потому прямаго сомнѣнія въ этомъ отношеніи не было возбуждено, были возбуждены сомнѣнія косвенныя. Одни изъ крестьянъ пользовались надѣломъ по настоящее время, другіе нѣтъ. Сюда относилось нѣсколько разрядовъ лицъ записанныхъ въ дворовые, которые не были такими на дѣлѣ,—были такіе, которые пользовались надѣломъ по день указа 2 марта 1858 г.,—и такіе, которые, не пользуясь надѣломъ, несли издѣльную повинность. Возникало сомнѣніе, откуда долженъ быть взятъ надѣлъ для этого разряда лицъ, долженъ ли онъ быть прирѣзанъ изъ помѣщичьей земли, или взятъ изъ мірской земли.

Министерство внутреннихъ дѣлъ должно было объяснить, что по точному смыслу положенія, если мірской земли окажется менѣе низшаго размѣра на душу, по разсчету на все число душъ, вклю-

чая и дворовыхъ, имѣющихъ право на земли, то прирѣзка должна быть сдѣлана изъ помѣщичьей земли.

Извѣстно также, что нѣкоторые помѣщики при послѣдней ревизіи отбирали у крестьянъ вообще земли, записывали ихъ поголовно въ дворовые,—министерство нашло, что вопросъ о надѣленіи такихъ дворовыхъ не можетъ быть разрѣшенъ какимъ либо общимъ правиломъ, признавъ удобнымъ, чтобы каждый изъ подобныхъ случаевъ былъ подвергнутъ особому разсмотрѣнію мѣстныхъ губернскихъ присутствій.

Относительно немедленнаго перенесенія усадьбъ, безусловно запрещеннаго положеніемъ, возникалъ вопросъ о томъ, можно ли допускать обязательное перенесеніе усадьбъ, по тѣмъ актамъ и сдѣлкамъ, которыя были совершены до изданія положеній, правительство должно было пояснить, что обязательное перенесеніе не можетъ быть допущено ни по какимъ сдѣлкамъ и должно быть ограничено положительными указаніями на этотъ счетъ закона. Относительно разверстанія выразились довольно общія стремленія не выждать сроковъ, назначенныхъ на этотъ предметъ положеніями. Во многихъ мѣстахъ крестьянскія земли находились въ чрезполосности съ господскими. Въ послѣднее время поэтому передъ выходомъ положеній помѣщики особенно усердно заботились о перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ и округленіи своихъ полей. Тѣмъ не менѣе имъ удалось уничтожить только незначительную долю чрезполосицы. Уже одно чувство видѣть передъ глазами чужія усадьбы и земли безпокоило съ непривычки. Между тѣмъ, право требовать разверстанія угодій положенія предоставили только по истеченіи двухъ лѣтъ.

Но законъ былъ все-таки слишкомъ ясенъ, чтобы можно было прямо выйти изъ его границъ. Тульское губернское присутствіе сочло только возможнымъ допустить въ мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ разверстаніе одновременно съ отводомъ надѣла при составленіи уставныхъ грамотъ.

Сократить обязательный надѣлъ и отвести его къ однимъ мѣстамъ, — вотъ первое стремленіе, съ которымъ встрѣтились мировыя учрежденія и которымъ противодѣйствовали. Но вопросъ о надѣлѣ былъ на первое время второстепенный и не могъ подать повода къ тѣмъ непониманіямъ, къ какимъ подавала другая сторона поземельныхъ отношеній, — сторона повинностей.

Относительно издѣльной повинности наибольшія сомнѣнія возбудилъ вопросъ о полутяглыхъ. Во многихъ мѣстахъ существовалъ обычай взимать барщину не только со взрослыхъ работниковъ, но и съ подростковъ, не надѣленныхъ особо землей. Этого рода обычай на основаніи положеній долженъ былъ, кажется, отпадать самъ собою.

Между тѣмъ, уничтоженіе этого рода барщины помѣщики находили для себя убыточнымъ и нашли основанія къ удержанію ея за собою. Оренбургскіе помѣщики одни изъ первыхъ возбудили этотъ вопросъ, объясняя, что повинность этого рода не составляетъ добавочной и потому не должна быть отмѣнена; крестьяне не убѣдились доводами помѣщиковъ, ссылаясь на 207 ст. мѣстнаго положенія, въ которой возрастъ работника опредѣленъ въ 18 лѣтъ для мужчины и 16 для женщины. Губернское присутствіе назначило коммиссію для разрѣшенія вопроса, могутъ ли быть требуемы въ работу лица моложе означеннаго возраста. Коммиссія нашла и присутствіе согласилось, что этого рода повинность не составляетъ добавочной, а потому подростки могутъ быть требуемы на работу съ тѣмъ только условіемъ, чтобы означенныя работы зачитались въ счетъ назначенной трехдневной барщины для мужчинъ и двухдневной для женщинъ, и чтобы въ подростки брались мужчины не моложе 15 лѣтъ и женщины не моложе 16.

Понятно, что вслѣдствіе этого каждый подростокъ долженъ былъ служить $1^1/_2$ дня въ недѣлю и слѣдовательно сумма повинности увеличится въ каждомъ имѣніи на число тяголъ, равное половинѣ числа подростковъ, т. е. если число тяголъ было 200 и кромѣ того имѣлось 100 подростковъ, то въ имѣніи оказывалось уже 250 тяголъ, между тѣмъ законъ, опредѣляя норму повинности съ тягла, естественно имѣлъ въ виду настоящія, надѣленныя тягла, а не тѣ, которыя могли составиться чрезъ сложеніе возрастовъ всѣхъ дѣтей и малолѣтковъ.

По случаю возбужденнаго въ одной изъ южныхъ губерній подобнаго же вопроса на томъ основаніи, что тамъ надѣлъ разсчитывался не по тяглямъ, а на душу, и повинность исполнялась всѣми наличными работниками, главный комитетъ еще въ апрѣлѣ 1861 г. пояснилъ, что впредь до уставныхъ грамотъ барщина должна отбываться, — мужская только каждымъ надѣленнымъ взрослымъ работникомъ отъ 18 до 55 лѣтъ, и женская только женою надѣленнаго работника, или за нее одною изъ другихъ женщинъ отъ 17 до 50 лѣтъ.

Не смотря на то, въ губернскихъ присутствіяхъ продолжали рождаться разногласія по тому же предмету.

Наибольшія сомнѣнія возбуждала смѣшанная повинность. Положенія прямо не опредѣляли нормальнаго отношенія между оброкомъ и барщиной, по которому она должна была бы разсчитываться. Многіе, можетъ быть, найдутъ, что это не значитъ еще, чтобы въ положеніяхъ не было готовыхъ данныхъ для рѣшенія вопроса. Положенія опредѣлили норму оброка и норму барщины. Оброкъ опредѣленъ въ 12, 10, 9 и 5 рублей съ души по мѣстностямъ, барщина не свыше 3-хъ муж-

скихъ и 2-хъ женскихъ дней въ недѣлю съ тягла, стало быть, если предположить, что сумма душеваго оброка выражаетъ цѣнность издѣльной повинности, то нѣтъ ничего легче, какъ разсчитать число рабочихъ дней причитающихся на душу при смѣшанной повинности, вычитая изъ общаго числа дней, приходившагося при чисто издѣльной повинности, число дней, равняющееся по цѣнности тому оброку, который несетъ душа, состоящая на смѣшанной повинности. Но дѣло въ томъ, что норма оброка могла получить законную силу только по составленіи уставной грамоты, а до тѣхъ поръ оброкъ оставался въ прежнемъ размѣрѣ. Псковское губернское присутствіе, разсматривая вопросъ этотъ, разрѣшило его проще и приблизительнѣе такимъ образомъ, что уменьшеніе повинности крестьянъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне не отбываютъ работъ, отмѣненныхъ ст. 5—11 правилъ о прив. въ дѣйствіе положеній, т. е. не несутъ полной суммы издѣльной повинности, предоставленной помѣщикамъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, не обязательно для владѣльцевъ: за тѣмъ въ тѣхъ лишь имѣніяхъ, гдѣ барщина сверхъ оброка достигаетъ трехъ дней въ недѣлю, оброкъ сей долженъ быть отмѣненъ.

Такимъ образомъ, если бы случилось имѣніе, въ которомъ при 2-хъ дняхъ барщины взималось 10 р. съ души оброку, то повинность должна была остаться въ прежнемъ размѣрѣ. Все затрудненіе состояло видимо въ томъ, что не было положено предѣла оброку на срокъ перваго двухлѣтія.

Наконецъ, постановленіе присутствія объ отмѣнѣ оброка въ тѣхъ случаяхъ, когда барщина достигаетъ опредѣленной закономъ нормы, должно было имѣть прямымъ послѣдствіемъ переводъ крестьянъ со смѣшанной повинности на чисто издѣльную, что положительно запрещено ст. 5 правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній.

Гуманнѣе всего смотрѣлъ на этотъ вопросъ ярославскій мировой съѣздъ, отказавъ въ жалобѣ одной помѣщицы на рѣшеніе мироваго посредника, отмѣнившаго въ деревняхъ помѣщицы добавочные рабочіе дни, въ числѣ 6 мужскихъ и 6 женскихъ дней лѣтнихъ. Мировой посредникъ, принимая во вниманіе незначительное количество земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, опредѣлилъ оставить крестьянъ на одномъ тридцати-рублевомъ оброкѣ, который, сверхъ приработокъ, они платили до сихъ поръ. Мировой съѣздъ утвердилъ рѣшеніе посредника.

Самый по видимому простой вопросъ о ночныхъ караулахъ и порядкѣ ихъ зачета въ барщину возбуждалъ сомнѣнія губернскихъ присутствій и доходилъ до главнаго комитета. Комитетъ поясняетъ, что порядокъ зачета ночныхъ карауловъ въ барщину предоставленъ закономъ опредѣлять губернскимъ присутствіямъ, по своему усмотрѣнію;

пока шла такая переписка, естественно, что за пониманіемъ подъ рукой готовыхъ основаній для разсчета караульныхъ дней, на практикѣ происходила путаница и недоразумѣнія въ разсчетѣ барщины.

Въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ возникъ вопросъ: должны ли крестьяне отбывать тягловые сгонные дни и какая слѣдуетъ плата за сгонный день мужчинѣ и женщинѣ.

Главный комитетъ пояснилъ, что въ счетъ сгонныхъ дней могутъ быть требуемы только пѣшіе рабочіе дни; отбываніе же въ счетъ сгонныхъ дней работы со скотомъ допускается только по добровольному найму крестьянъ помѣщиками.

Относительно подводной повинности казанское присутствіе возбуждало вопросъ: слѣдуетъ ли впредь до 15 марта 1862 года, при посылкѣ подводъ далѣе 30 верстъ, кромѣ выдачи денегъ на харчи и лошадей, зачитывать крестьянамъ въ барщину все проведенное въ дорогѣ время, считая день за полтора дня. Недоумѣніе это доходило до главнаго комитета, — конечно, главный комитетъ разъяснилъ, что слѣдуетъ, но интересно знать, зачиталось ли оно до того времени, пока не разъяснилось сомнѣніе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помѣщики не оказывали содѣйствія въ доставленіи лѣснаго матеріала на устройство мостовъ и гатей, а крестьяне отказывались отъ пріобрѣтенія его на свой счетъ; кромѣ того, помѣщики не соглашались на то, чтобы крестьяне на исполненіе земскихъ натуральныхъ повинностей были отвлекаемы въ дни барщинные, крестьяне въ свою очередь желали, чтобы дни употребленные ими на исправленіе дорогъ, были зачислены имъ въ счетъ барщинскихъ.

Наконецъ, возникалъ также вопросъ, слѣдуетъ ли съ крестьянъ, находившихся на оброкѣ и не пользовавшихся надѣломъ, продолжать взимать оброкъ.

Изъ такихъ данныхъ читатель усмотритъ нѣкоторое непониманіе землевладѣльцами положеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ понять и тѣ упреки, которымъ подвергались въ первое время мировые посредники за мнимое потворство крестьянамъ въ этомъ дѣлѣ. Мы не упоминали здѣсь, конечно, еще о такихъ случаяхъ, въ которыхъ посредникамъ приходилось бороться съ явными уклоненіями помѣщиковъ отъ закона, между тѣмъ, эти случаи все-таки были и служили, вѣроятно, еще большимъ поводомъ къ нареканіямъ. Такъ извѣстно, что одинъ мировой посредникъ Орловской губерніи довелъ до свѣдѣнія губернскаго присутствія, что многіе владѣльцы заставляли крестьянъ работать въ большіе морозы, вѣтры и мятели, между тѣмъ, какъ въ это время даже обозы и воинскія команды укрываются въ деревняхъ или на постоялыхъ дворахъ. Губернское присутствіе, имѣя въ

виду, что по положенію работы вредныя для здоровья не допускаются, нашло, что этимъ постановленіемъ разрѣшается сомнѣніе, встрѣченное посредникомъ.

Затѣмъ, изъ всѣхъ случаевъ непониманія положеній крестьянами, мы можемъ указать только одинъ, на который стоитъ обратить вниманіе, да и тотъ относился уже къ другому времени. Въ одномъ помѣстьѣ Кіевской губерніи, по вопросу о надѣлѣ, крестьяне поставили на видъ посреднику то обстоятельство, что было бы несправедливо оставить помѣщику половину всего количества земли, потому что у него въ семействѣ находится всего четыре души.

Вотъ тѣ немногія данныя къ характеристикѣ разъясненій, которыя приходилось дѣлать мировымъ учрежденіямъ въ первое время. Если это первое время дѣйствія положеній можетъ быть названо, какъ мы сказали выше, временемъ вопроса объ издѣльной повинности, то плодомъ этихъ разъясненій было то, что къ осени 1861 года вопросъ объ издѣльной повинности былъ почти рѣшенъ между помѣщиками. Барщина была признана, общимъ говоромъ, положительно невыгодною и послѣ того, что такъ хлопотали въ началѣ о ея сохраненіи на возможно долгій срокъ, изъ боязни остаться безъ рукъ, теперь бросились къ оброчнымъ сдѣлкамъ.

Правда, объясняли это опять другими причинами, ссылаясь на систематическое упорство крестьянъ въ неисполненіи барщины. Но ссылки эти, подобно тѣмъ болѣе раннимъ нареканіямъ, которыя связывались съ предсказаніями объ общихъ безпорядкахъ, голодѣ и необсѣмененіи полей, опять болѣе отзывались непониманіемъ, чѣмъ правдой.

На повѣрку, уборка хлѣба оказалась не менѣе успѣшна, чѣмъ прежде, — цѣны на хлѣбъ не возросли; если же гдѣ и оказалась необходимость въ прибавкѣ вольнонаемныхъ рукъ къ барщинскимъ, то это только и доказывало, что положенія исполнялись, потому что первой ихъ заботой было, какъ извѣстно, сокращеніе суммы издѣльной повинности, которою пользовались землевладѣльцы при крѣпостномъ правѣ. Когда къ осени 1861 года всѣ бросились къ оброчнымъ сдѣлкамъ, пронеслась вдругъ молва, — непонятная послѣ общаго убѣжденія, — что крестьяне, немедленно за выходомъ положеній, бросятся на оброкъ; теперь оказывалось, что крестьяне отказывались отъ оброчныхъ сдѣлокъ.

. . . . . .

Ю. ЖУКОВСКІЙ.

ЧТО ДУМАЕТЪ СТАРУХА,

КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ.

Въ позднюю ночь надъ усталой деревнею
Сонъ непробудный царитъ,
Только старуху столѣтнюю, древнюю
Не посѣтилъ онъ. — Не спитъ,

Мечется по̀-печи, охаетъ, мается,
Ждетъ — не поютъ пѣтухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Все-то грѣхи да грѣхи!

«Охти-мнѣ! часто Владыку небеснаго
Я искушала грѣхомъ:
Нутко-се! съ ходу-то, съ ходу-то креснаго
Разъ я ушла съ паренькомъ

«Въ рощу... Вотъ то-то! мы съ молоду дурочки,
Думаемъ: милостивъ Богъ!
Разъ у сосѣдки взяла изъ подъ курочки
Пару яичекъ... охъ! охъ!

«Въ страдную пору больной притворилася —
Мужа въ побывку ждала...
Съ Ѳедей солдатикомъ чуть не слюбилася..,
Съ мужемъ подъ праздникъ спала,

«Охти–мнѣ... охъ! Угожу въ преисподнюю!
Разъ, какъ забрили сынка,
Я возроптала на благость Господнюю.
Въ постъ испила молока...

«То–то я грѣшница! то–то преступница!
Съ горя валялась пьяна!
Божія матерь! Святая заступница!
Вся–то грѣшна я, грѣшна!...»

Н. НЕКРАСОВЪ.

ЗАПИСКИ ХУТОРЯНИНА.

I.

Тоска..... книги, да книги — право надоѣстъ! Стемнѣло въ комнатѣ; читать нельзя. Посмотришь въ окно: степь стелется, — голая, ровная, темножелтаго цвѣта и только кой гдѣ покрытая снѣгомъ. Зимы у насъ не Богъ знаетъ какія, но бываютъ мятели жестокія. Иной разъ снѣгъ покроетъ землю на полъ фута, но вообще падаетъ его очень мало и держится недолго. Таетъ очень скоро — благо вѣтры сильны и морозы рѣдки, и то не выше семи или восьми градусовъ. Далеко и однообразно стелется степь ровной пеленой; ни жилья, ни куста, ни дерева не видно — какое бы пространство ни обняли глазомъ. Сѣроватое небо точно матовымъ куполомъ покрываетъ безконечную равнину. Рѣзкій, нестерпимый, во сто кратъ хуже, несноснѣе всякаго мороза, вѣтеръ свищетъ бариномъ по степному раздолью, дергаетъ и скрипитъ ставнями, мечетъ въ стекла ледяными крупицами, словомъ, безжалостно терзаетъ слухъ и раздражаетъ нервы одинокаго юноши, на бѣду свою имѣющаго ихъ черезчуръ воспріимчивыми.

Да, не весело бываетъ подъ часъ въ степи. А въ городѣ еще хуже: шуму больше, больше людей кругомъ толкается; за то желчь скопляется обильнѣе, злѣе становишься. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, раздолье, просторъ; еще милліоны людей степь пріютить можетъ; много еще народа накормитъ и обуетъ! Мѣсто здѣсь здоровое; тутъ скорѣй и легче иная жизнь возникнетъ, новыя понятія пустятъ глубокіе кор-

ни..... Здѣсь выростить можно сильныхъ людей, способныхъ на всякое дѣло! Здѣсь всегда возможна жизнь вполнѣ человѣческая, не причастная лжи и насилію. А между тѣмъ, не смотря на массу благопріятныхъ условій, — такой жизни найдутся здѣсь едва замѣтные слѣды. Внѣшнія связывающія условія задерживаютъ развитіе внутреннихъ, живыхъ силъ. Притомъ, такой порядокъ вещей въ интересахъ барышниковъ, а тѣ и здѣсь свое дѣло успѣли сдѣлать: съ сѣвера, съ запада и извнутри Россіи, давно уже пожаловали въ степи. Въ приморскіе города понахлынули еще похлеще аферисты: греки, итальянцы, да и всякаго народа въ волю. Богатая, плодоносная почва скоро истощится, неразумно эксплуатируемая наивными земледѣльцами, которые, основываясь на своемъ младенческомъ пониманіи природы, воображаютъ, что плодоносность почвы зависитъ отъ воли Господней.

Въ селахъ и городахъ по берегу моря, какъ коршуны, засѣли барышники и торгаши. Плутовство, называемое торговлей, сдѣлалось чуть не религіей въ этихъ городахъ, гдѣ все населеніе, отъ мала до велика, съ зари до глубокой полночи, только и бредитъ выгодной сдѣлкой, гдѣ нѣтъ другой мысли, нѣтъ другаго дѣла, какъ продажа или покупка. Треть того, что даютъ роскошныя степи, остается дома, у производителей, все остальное дѣлаетъ милліонерами барышниковъ портовыхъ городовъ, посредниковъ между производителями зерна, сала, шерсти и заграничными купцами. Не малая доля зерна обращается въ спиртъ, даетъ милліоны правительству и капиталистамъ, а на массу потребителей, не безъизвѣстно всѣмъ и каждому, которые знать желаютъ, какое она оказывала благодѣтельное вліяніе. Да и то правда, — вездѣ на бѣломъ свѣтѣ все та же пѣсня, только не въ такихъ размѣрахъ. Милліонъ, не покидая, не выходя изъ кассы своего обладателя, даетъ сотни тысячь; а рабочія силы, которыя въ потѣ лица, изъ почвы, воды и воздуха извлекаютъ матеріалъ и перерабатываютъ его во всевозможные продукты, во все, что мы кругомъ себя видимъ, что только сдѣлано помощью рукъ человѣческихъ, — мрутъ съ голоду, или, съ грѣхомъ пополамъ, перебиваются со дня на день. А все же степь лучше города, гдѣ одинъ съѣдаетъ все, что тутъ заготовляли сотни, гдѣ каждый живетъ эксплуатируя другаго.....

Лѣтъ шесть уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ здѣшней мѣстности. Десятинъ триста нанимаю у окрестныхъ грековъ; орю, сѣю, кошу, молочу; траву, солому, зерно — въ воловъ и овецъ превращаю. Разумѣется, всѣмъ этимъ занимаюсь далеко не на большую ногу, а въ самыхъ микроскопическихъ размѣрахъ и даже никогда не намѣренъ количественно увеличивать кругъ моей дѣятельности, по разнымъ причинамъ..... а между прочимъ, хотя бы потому, что

на трудъ вообще смотрю, какъ на неизбѣжность, необходимость, а вовсе не считаю его наслажденіемъ. Можетъ быть, такого рода мнѣніе покажется несправедливымъ? Притомъ я смотрѣлъ всегда, какъ на больныхъ людей, на господъ, которые десятки лѣтъ трудились день и ночь надъ тѣмъ, чтобы росла цифра ихъ капитала. Людей этихъ забавляло: знать, что у нихъ въ этомъ году столько-то, на слѣдующій годъ процентовъ на двадцать болѣе, на третій еще больше, и такъ дальше. Жизни своей и привычекъ они не измѣняютъ; сумма удовольствій, наслажденій или, по крайней мѣрѣ, стремленій такого рода, не увеличивается ни на волосъ! Все счастіе ихъ заключается только въ сознаніи, что цифра капитала ихъ ростетъ и ростетъ.... нечего сказать, большое наслажденіе!

Изобрѣсти машину, улучшить какое либо производство, ремесло; получить богатый урожай тамъ, гдѣ плохо росли однѣ сорныя травы; сдѣлать плодородною пустошь; развести растеніе, которое прежде полагали невозможнымъ вырастить; получать шерсть тоньше, гуще, длиннѣе; мяса, сала — больше съ того же количества овецъ, наконецъ, умѣть вполнѣ обезпечить свое матеріальное благосостояніе, на грошъ не повредивъ кому бы то ни было,—все это понятно и разумно, какъ стимулъ, вызывающій дѣятельность, возбуждающій энергію. Послѣднее мы имѣемъ дерзость полагать несравненно болѣе разумнымъ, болѣе труднымъ дѣломъ и не малымъ наслажденіемъ.

И такъ, я такъ же, какъ и другіе, вымѣниваю шерсть, зерно и сало въ ближайшемъ городѣ—на платье, бѣлье, обувь, сахаръ, чай, кофе; овощи и плоды выращиваю дома. Мой большой огородъ и небольшой садикъ могли бы служить образцомъ, если бы только, верстъ на сто кругомъ, кто нибудь обращалъ на такія вещи какое либо вниманіе. У насъ, видите ли, такимъ вздоромъ, какъ говорятъ мои сосѣди, совершенно пренебрегаютъ; да и взяться-то за него вовсе не умѣютъ. У насъ не то на умѣ: все пшеница, пшеница на сценѣ!....

Здѣсь обращаются съ почвой точно такъ, какъ будто въ штосъ играютъ, или лучше въ рулетку. Добудетъ какой нибудь спекуляторъ, кое-что въ хозяйствѣ смыслящій, денегъ, процента за два въ мѣсяцъ, изцарапаетъ (такую обработку земли, какъ здѣсь сплошь и рядомъ, пашней называть нельзя), вершка на два, десятинъ двѣсти или триста земли, всыплетъ туда столько же четвертей пшеницы, прикроетъ зерна, какъ попало, землей, и за тѣмъ все предоставляется на волю судебъ. Будетъ урожай—онъ панъ, и тогда пошла потѣха: ложатъ дѣла все больше и больше; а не будетъ урожая — онъ пропалъ! Но въ портовомъ городѣ, оборотливый или плутоватый человѣкъ всегда пріютиться можетъ: дорога такимъ людямъ всегда широкая.

Домикъ у меня маленькій, комнатки въ три, сложенъ изъ земля-

наго не жженаго кирпича—словомъ, отъ избы крестьянской уйдетъ не далеко. Впрочемъ, такіе дома стоятъ иногда лѣтъ по пятидесяти. Постройки вообще у насъ очень дороги; да и притомъ дерево насъ сильно дѣзжаетъ: чуть не на вѣсъ золота продается. Разстоянія огромныя, доставка трудная; плохая сосна всюду суётся; да и то каждый норовитъ липовую доску сберечь.

Что касается помѣщеній моихъ овецъ, рогатаго скота, лошадей—могу увѣрить, что въ настоящую минуту, относительно квартиры, имъ нечего завидовать моей собственной особѣ: тепло, удобно и просторно. Вслѣдствіе этого, и шерсть моихъ овецъ тоньше, и плодятся онѣ лучше: жира и мяса въ нихъ больше. Въ томъ же родѣ качествами могутъ похвастать мои волы и лошади. Но всего этого добра число ограниченное: воловъ паръ двѣнадцать, овецъ триста, лошадей полдюжины и всего только три коровы, которыя однакожъ больше даютъ молока, нежели всѣ пятнадцать коровъ моего сосѣда помѣщика. И это дѣло совершенно понятное: у моего сосѣда коровы смотрятъ, какъ чахоточныя за недѣлю до смерти. Шерсти на нихъ мало, она торчитъ комками, взъерошена; худы онѣ страшно; круглый годъ—то снѣгомъ ихъ засыпаетъ и вѣтромъ обдаетъ, то солнце печетъ до изнеможенія. Въ полѣ иной разъ хоть шаромъ покати — а ихъ пастись гоняютъ. Словомъ не перечтешь, что только терпятъ бѣдныя коровы сосѣда помѣщика. Да и не мудрено: какъ быть иначе? Ему, видите ли, не до того: въ это время онъ изъ кожи лѣзетъ, пытаясь разыграть что-то изъ Шуберта, и деретъ немилосердно уши своихъ слушателей. Идетъ горячится, не менѣе успѣшно споря по поводу крестьянскаго вопроса и доказывая несправедливость новыхъ положеній, которыя будто разорили почтенное сословіе помѣщиковъ. Мои же коровы точно кровныя аристократки: на нихъ вѣтерокъ не подуетъ, подстилка всегда свѣжая, мягкая, стойло чистое, пища сочная, обильная. Въ поле выходятъ онѣ только на прогулку; ухаживаютъ за ними, какъ за самыми капризными барынями; воду даютъ чистую, свѣжую, во время; угощаютъ подъ часъ солью — а соль дѣло великое! ею пренебрегать грѣшно опытному хозяину.

Комнаты мои даже не поштукатурены, и по весьма простой причинѣ. Во первыхъ, какъ только поправятся мои дѣла, выручатся затраченныя деньги, я думаю построить каменный домикъ; во вторыхъ, заводясь хозяйствомъ, я затратилъ послѣдній рубль, такъ что пришлось многое въ обрѣзъ дѣлать и выгадывать каждый десятокъ рублей. Мебель простая, деревянная; только въ спальнѣ и вмѣстѣ кабинетѣ для занятій, библіотекѣ, химической лабораторіи, анатомическомъ кабинетѣ,—словомъ все, что хотите,—только тамъ я позволилъ себѣ нѣкоторую роскошь. Она самая большая и, не шутя, изящ-

ная комната моего палаццо. Описывать ее не стану, хотя въ ней вполнѣ отражаются привычки, вкусы и даже убѣжденія хозяина. Предоставляю желающимъ украсить ее сообразно личному вкусу каждаго. Пожалуй, многимъ покажется, что степняки не любятъ внѣшняго комфорта; найдутся и такіе, которые заподозрятъ насъ въ нелюбви къ музыкѣ, поэзіи и искусству? Было время, когда я исключительно этимъ увлекался. Но всѣ эти прекрасныя вещи относятся ко всему остальному въ жизни, какъ роскошь къ необходимому. Онѣ отнимаютъ слишкомъ много времени и стоятъ очень дорого. Излишній досугъ и роскошь однихъ неизбѣжно обусловливается усиленнымъ, чрезмѣрнымъ трудомъ, нуждой и нищетой другихъ.

Я принадлежу къ тѣмъ чудакамъ, которые не долюбливаютъ чиновничества и воиновъ. Мнѣ двадцать пять лѣтъ; я успѣлъ очень быстро прожить порядочное состояніе, поколесилъ долго по Россіи, года четыре поучился, а еще чаще билъ баклуши за границей, наконецъ, приглядѣвшись ко многому, всѣмъ существомъ полюбилъ жизнь и занятія земледѣльца и поселился здѣсь въ степи. Вотъ четвертый годъ, какъ учусь, читаю, хозяйничаю и частенько жестоко скучаю.... Хотя бы, напримѣръ, сегодня. Тоску нагоняетъ свистъ вѣтра; темно, читать неприлично да и не до чтенія... я, чуть не съ ненавистью, посмотрѣлъ на Молешотта, ничѣмъ не виноватаго въ моемъ дурномъ, невеселомъ настроеніи, закрылъ его и отнесъ на полку, гдѣ поставилъ рядомъ съ Либихомъ и на двѣ книги разстоянія отъ Гейне. Пускай себѣ спорятъ, кто полезнѣе: химикъ или поэтъ, подумалъ я.

Пойти развѣ къ сосѣду? Вообще я общества и сосѣдства не жалую; не потому чтобы не любилъ людей, напротивъ, мнѣ безъ нихъ сильно скучно,—а попросту потому, что въ сосѣдяхъ моихъ мало человѣческаго. Одинъ—весь чиновникъ; другой—весь воинъ; третій — торгашъ. Ни они меня, ни я ихъ занять и забавить не можемъ: намъ скучно вмѣстѣ и, если только нѣтъ дѣла, заставляющаго входить съ ними въ сношенія, мнѣ тягостно и я избѣгаю такого общества. Но, по счастью, ближайшій сосѣдъ не былъ такого разбора. Это былъ мой старый знакомый, умный, честный малый; онъ любилъ и хорошо понималъ хозяйство, хотя хозяйничалъ болѣе какъ промышленникъ и нѣсколько на манеръ туземныхъ аферистовъ. Послѣднее обстоятельство служило предлогомъ частыхъ споровъ между нами. Онъ былъ польскій дворянинъ и уже лѣтъ десять занималъ сосѣдній участокъ. Жилъ онъ отъ меня не далѣе версты, былъ женатъ и имѣлъ двухъ дѣтей. Къ нему я ходилъ охотно. Ко мнѣ привыкли, мной никто не стѣснялся и я никого не стѣснялъ; бывало, молчишь по цѣлымъ часамъ и слушаешь, или любуешься дѣтьми и болтаешь съ ними.

Домикъ моего пріятеля такъ же скроменъ, но просторнѣе моего;

построенъ онъ нѣсколько небрежнѣе, именно относительно внѣшности: окна слишкомъ малы, двери не одного и того же размѣра, комнаты расположены неудобно. Но мой знакомый человѣкъ не разборчивый. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ трудился: оралъ, сѣялъ, зимой мерзъ на холодѣ, лѣтомъ пекся солнцемъ и не развилъ въ себѣ, вслѣдствіе такихъ условій жизни, любви къ изящной формѣ и комфорту и вполнѣ пренебрегалъ всѣмъ тѣмъ, что называлъ «прихоти, затѣи». «Эхъ, говаривалъ онъ, это все вздоръ, пустое! Съ жиру нечего было дѣлать, такъ люди повыдумывали. Лишь бы тепло, да сыто и честно добыто—больше ничего не нужно. Требовать большаго, въ то время, когда другіе мрутъ съ голоду—и безсовѣстно и неразумно»!—Бывало, начнешь ему доказывать, указывая на разные недостатки постройки, что за ту же стоимость, при самомъ незначительномъ стараніи и умѣньи, можно сдѣлать красивѣй и удобнѣй, и что скудное и честно добытое можетъ быть, въ то же время, опрятно и красиво... Тогда является на сцену новая отговорка: «да помилуйте, говоритъ онъ, до того ли мнѣ было! Тотъ годъ, въ который я строился, былъ для меня тяжелымъ годомъ: кругомъ неурожай былъ ужасный; вынужденъ я былъ сдѣлать кой какіе долги, дѣлъ было по горло, въ голову ничего подобнаго не приходило»! Ну, тогда доставалось женѣ: «вотъ это ея дѣло было подумать, позаботиться: это она виновата», прибавлялъ онъ. Жена его была добрая, простая женщина; страстно любила мужа, а еще болѣе дѣтей, которыхъ, разумѣется, воспитывала прескверно, какъ и большая часть матерей.

Не далеко, а все же холодно идти, приговаривалъ я, ускоряя шаги и плотнѣе прикрываясь теплымъ пальто. Бѣгомъ вскочилъ на крыльцо и поспѣшно схватился за желѣзную ручку двери.

Дверь съ трудомъ подавалась: слышался легкій трескъ сухаго бурьяна, сдавленнаго дверью. Въ сѣняхъ загромоздила дорогу огромная вязанка бурьяна. Неуклюжая дѣвушка—малороссіянка, съ багровымъ полнымъ лицемъ и красно-коричневыми руками, затапливала печь. Пламя отливало алымъ отблескомъ на мясистомъ лицѣ и голыхъ рукахъ дѣвушки; одни глаза глядѣли красиво и разумно. Лицо ея было безобразно, но, вѣроятно, и она могла нравиться: ростъ былъ хорошъ, формы массивны и круглы, щеки лоснились отъ жира; на груди, точно двѣ копны, возвышалась пара массивныхъ полушарій... Слегка несло дымомъ, я перескочилъ чрезъ бурьянъ и очутился въ слѣдующей комнатѣ, служившей пріемной, столовой и спальной, на случай пріѣзда гостей. «Не красна изба углами, а красна пирогами»—хозяева были люди добрые и радушные. Самого Завадскаго не было дома; онъ поѣхалъ къ сосѣду, верстъ за тридцать отъ дому: по

нему, это близко. Поздоровавшись съ хозяйкой; я, по обыкновенію, сѣлъ въ сторонку и расположился уютнѣй.

Посреди комнаты стоялъ большой столъ; на немъ, въ довольно неказистомъ подсвѣчникѣ, горѣла сальная свѣча. Служанка, въ такомъ же родѣ, какъ та, которая топила печь, устанавливала стаканы на подносъ, ставила сахарницу, масло, хлѣбъ, словомъ, готовила къ чаю. Въ углу, на большомъ сундукѣ, возился сынъ Завадскаго, десятилѣтній мальчикъ, и преусердно обстругивалъ перочиннымъ ножемъ какую-то палочку, которая въ его опытныхъ рукахъ должна была принять невѣдомую какую форму.

Подъ столомъ у печки притихлась красивая борзая собака. Какъ ни глупы борзыя, но эта дѣла свои обдѣлывала довольно съумышленно. Завадская, въ видахъ чистоты и опрятности, каждый разъ, какъ попадалась собака на глаза, гоняла ее вонъ. А на дворѣ холодно, морозъ пробираетъ; дрогнетъ и воетъ нѣжный борзой, жутко ему приходится; но неволѣ и смыслъ является, пустится и онъ хитрить. Сторожитъ, бывало, у двери: только что дверь отворитъ дѣвушка — онъ подъ прикрытіемъ ея юпки и шасть въ комнату! На счастье его, столъ находился только въ двухъ шагахъ отъ двери; прокрадется борзой чуть слышно подъ него, тихонько уляжется и сибаритствуетъ, пока его не примѣтятъ и опять не выгонятъ, да еще и побьютъ въ придачу... Я, бывало, каждый разъ замѣчалъ эти продѣлки; но, въ качествѣ пріятнаго сторонника угнетенныхъ, и виду не покажешь: напротивъ, въ ту минуту стараешься занять хозяйку пріятной бесѣдой, разсыпаешься въ любезностяхъ, лишь бы отвлечь ея вниманіе; а между тѣмъ тайкомъ спускаешь подъ столъ кусокъ за кускомъ. Теперь, это дѣло прошедшее, сознаться не страшно, и потому каюсь въ укрывательствѣ и потворствѣ преступной борзой и отдаю полную справедливость строгости правительственныхъ мѣръ хозяйки: собакъ держать ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ въ комнатѣ, сказалъ какой-то древній законодатель.

На диванѣ сидѣла жена Завадскаго, женщина давно не молодая. На колѣнахъ ея умостилась хорошенькая дѣвочка, съ шелковистыми, вьющимися локонами и большими голубыми глазами. Дѣвочка, точно молодой котенокъ, извивалась на колѣнахъ матери, ластилась къ ней, обнимала ручонками ея шею, щурила глазки. То долго, нѣжно цаловала мать въ губы и глаза, то опять ныряла головкой подъ ея шею; то вытянетъ ее и всматривается въ мать плутовскими веселыми глазенками! Ребенокъ былъ чрезвычайно граціозенъ. Змѣйкой вилась она около матери, голубя и гладя ее пухленькими ручками; нѣжныя, уменьшительныя имена и самыя оригинальныя названія щедро разсыпались дѣвочкой; то звонкіе, то тихіе и продолжительные поцалуи

нарушали тишину комнаты и сливались съ трескомъ соломы, горѣвшей въ сосѣднихъ сѣняхъ.

Мнѣ и пріятно и досадно было смотрѣть на ребенка. Много ли нужно, думалъ я, чтобы мнѣ не было скучно! Не тяжело бы было трудиться днемъ, разсчитывая отдохнуть вечеромъ около любимой женщины; на колѣняхъ моихъ будетъ играть красивый, здоровый ребенокъ, будетъ голубить меня, будетъ ластиться... Даже въ обстановкѣ большихъ перемѣнъ не нужно: я всегда помирюсь съ самымъ жесткимъ диваномъ и далеко не просторной комнатой. На дубовомъ столѣ безхитростной работы какого нибудь туземнаго артиста—плотника съ большей охотой буду ѣсть два простыхъ кушанья, нежели, какъ бывало въ Парижѣ, скучающій, раздраженный, придешь къ Vefour или Bonnefoi и долго пробѣгаешь глазами, чуть не наизусть выученную карточку, не зная, чтобы съѣсть или выпить. При томъ, я твердо убѣжденъ, что простая и скромная жизнь есть необходимое условіе и первый шагъ стремленія къ лучшему и къ прекращенію общественной и семейной неурядицы и неправды. Жить въ роскоши и нѣгѣ и быть въ то же время безукоризненно честнымъ человѣкомъ возможно только, какъ рѣдкое, исключительное явленіе, и то вслѣдствіе случайныхъ условій. Въ древности, какъ видно, это было еще менѣе возможно. Недаромъ же сказано: «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти въ царствіе небесное».....

«Много перемѣнъ въ обстановкѣ не нужно», думалъ я, задумчиво оглядывая комнату, «вотъ развѣ, вмѣсто сальной свѣчи — стеариновую; нѣсколько болѣе вкуса въ отдѣлкѣ, въ формѣ и установкѣ мебели; а главное, больше чистоты и порядка вездѣ и повсюду.....Да двери съ сѣней затворять поплотнѣе, чтобы дымомъ не несло въ комнату.....И тогда я буду счастливъ и доволенъ, а теперь мнѣ скучной и безцѣльной кажется жизнь».

Всѣ эти думы вызваны были картиной, которая рисовалась предъ моими глазами. Она напомнила мнѣ многое. Я давно уже имѣлъ неосторожность полюбить сильно, прежде нежели меня полюбили. Вспомнилъ я ту, которую любилъ когда-то. Далеко она отсюда. Воображеніе перенесло меня въ Петербургъ. Танцуетъ, смѣется гдѣ нибудь на балѣ, думалъ я. Ужь эти мнѣ балы! признаюсь, не терплю ихъ. Не много можно найти забавъ, которыя бы были безсмысленнѣе танцевъ. Такого рода развлеченія болѣе понятны и совершенно умѣстны у дикихъ племенъ Африки и Америки; тамъ танецъ сохраняетъ настоящій свой смыслъ и значеніе. Въ нѣкоторыхъ странахъ, онъ даже имѣетъ большое гигіеническое значеніе: усиленнымъ выпотѣніемъ уничтожаетъ вредное дѣйствіе спиртныхъ напитковъ и даже ядовъ, возбуждая дѣятельность нервной системы, ускоряя кровообращеніе

и усиливая отдѣленія железъ. Простымъ, механическимъ прикосновеніемъ крови, притекающей къ самымъ малѣйшимъ мускуламъ и железамъ всѣхъ частей организма, усиливается отдѣленіе воды, сквозь всѣ потовыя железки. Кромѣ того, впечатлѣнія звуковъ музыки, свѣта, говора и смѣха, словомъ, все это вмѣстѣ вызываетъ пріятное ощущеніе, нѣкоторое отуманеніе, опьяненіе. Африканскій дикарь воетъ звѣремъ, скачетъ, пляшетъ неистово, кривляется до изнеможенія, и счастливъ, доволенъ, падая наконецъ безъ чувствъ. Петербургская барышня, когда устаетъ крутиться, томно опускается на кресло гдѣ нибудь въ отдаленной комнатѣ, склоняетъ на руку пылающую головку, и, сквозь туманъ, навѣянный только что окончennымъ вальсомъ, прекраснымъ кажется ей красное лицо танцора, выразительными тусклые, налитые кровью глаза; а пошлыя фразы, сказанныя на лету, опуская на стулъ устанную барыню — долго, долго еще раздаются въ ушахъ, точно чудные, гармоническіе звуки....

Органическій процессъ, вызывающій подобныя ощущенія въ первомъ, равно какъ и въ послѣдней—одинаковъ. Вся разница заключается въ нѣкоторыхъ условіяхъ окружающей среды, въ особенности въ ближайшихъ средствахъ, вызывающихъ эти ощущенія, а также въ самой степени послѣднихъ. Въ первомъ случаѣ, эти условія здоровы и полезны; а во второмъ, въ высшей степени вредны. И еще бы: душный, спертый воздухъ, проникнутый запахомъ массы цвѣтовъ, духовъ, помадъ и самыхъ разнообразныхъ косметическихъ средствъ, щедро употребленныхъ на поддержаніе увядающихъ прелестей—вовсе не условія здоровья. Наконецъ, ослѣпительный блескъ пламени свѣчъ, значительный процентъ углекислоты, высокая температура, присутствіе въ ней, въ продолженіи пяти, шести часовъ, шнурованіе и ущемленіе живота, таліи, груди, ноги, стиснутыя въ узкія ботинки, головная боль, стянутая модной прической, и прочее и прочее — все это, безъ сомнѣнія, не условія здоровья и разумнаго наслажденія.

Въ параллель съ тѣмъ, что было у него на глазахъ, возбужденное воображеніе рисовало другую картину. Вотъ, на улицѣ С....ой, домъ статскаго совѣтника фонъ-Шурке. Г. фонъ-Шурке служилъ когда-то очень удачно и былъ хорошій и богатый человѣкъ. Почти всѣ знакомые отзывались о немъ самымъ уважительнымъ и самымъ лестнымъ образомъ. Были люди, которые гнушались его обществомъ и даже въ глаза звали его не совсѣмъ лестными прозвищами, но такихъ было мало и притомъ это были молодые безпокойнаго десятка люди. Домъ г. Шурке освѣщенъ ярко; у подъѣзда длинный рядъ экипажей — у хозяина дома большой, званый вечеръ. Господа съ лысинами и безъ лысъ, пожилые и не старые, съ Аннами и Владимірами на шеяхъ,

а кто и со звѣздой на груди—играютъ въ карты. Нѣкоторые такъ себѣ ходятъ и толкуютъ съ пріятелями, должно быть, все о важныхъ дѣлахъ. Танцы прекратились. Барыни и барышни, съ болѣе или менѣе оголенными спинами и грудью, дарятъ военныхъ и статскихъ довольно много или мало обѣщающими взглядами. Раздаются фразы, будто остроумныя; отвсюду слышится частое шарканье, передвиганіе стульевъ, шелестъ платья, французскія фразы и нерѣдка негромкій, фешенебельный смѣхъ. По сторонамъ и въ боковыхъ комнатахъ, мелькаютъ парочки (благо, мужья заняты картами), которыя, видимо, стараются уединиться, на сколько дозволяютъ приличія свѣта. И, сколько бы посторонніхъ глазъ ни слѣдило,—опытный юноша и находчивая барыня или барышня, всегда улучатъ удобную минуту то шепнуть ласковое слово, то нѣжно пожать руку... Тамъ, въ сторонѣ, томно слушаетъ барыня краснаго фрака въ вицмундирѣ, что-то выразительно ей объясняющаго. Но это не больше, какъ простая вѣжливость, приличіе; она такъ страстно любитъ своего лысаго супруга, который въ эту минуту съ наслажденіемъ ремизитъ противника, не подозрѣвая, какой ремизъ готовитъ ему драгайшая половина. А впрочемъ, можетъ быть, ему не привыкать стать? Притомъ, быть можетъ, это дѣлается на законномъ основаніи, въ силу домашней, миролюбивой сдѣлки: «я, дескать, тебѣ не мѣшаю, и ты мнѣ не мѣшай!» Тамъ далѣе, молоденькая княгиня В* смѣется и болтаетъ съ красивымъ гусаромъ, своимъ кузеномъ... Она любитъ его, какъ брата; эта привязанность только родственная; онъ каждый день бываетъ у нихъ въ домѣ, она тамъ къ нему привыкла... Еслибы мужъ ея вздумалъ находить это лишнимъ и неудобнымъ, то это было бы предосудительной вѣрой въ городскія сплетни, смѣшной придирчивостью, тиранствомъ съ его стороны! Словомъ, князю В*, впрочемъ еще далеко не старому господину, рѣшительно не жить чего тревожиться и надоѣдать женѣ ревностью. Хороши вообще и мужья: свое они отбыли; было и ихъ время, дѣлали и они мужей рогоносцами — по дѣламъ вору и мука! долгъ платежомъ красенъ: не сами обиженные, такъ ихъ дѣти, въ свою очередь, расплатились и даже, можетъ быть, съ процентами.

На креслѣ въ сторонѣ сидитъ та, которую я любилъ когда-то; она много танцовала, устала; около нея увивается какой-то мундирный юноша; она весела и только на него и глядитъ... довольно! хоть то легче, что меня тамъ нѣтъ, что я того не вижу!

Я обрадовался, когда Завадская прервала мои невеселыя думы вопросомъ: — О чемъ вы задумались? поиграйте лучше мою Лёлю, а я вамъ тѣмъ временемъ чаю налью..

Мы съ Лёлей были большими друзьями. Лёля тотчасъ же пере—

бралась ко мнѣ, и я мало по малу, болтая съ ней и любуясь ея глазками, забылъ невеселую картину, вызванную больнымъ воображеніемъ.

На столѣ кипѣлъ самоваръ; дѣятельной, привычной къ хозяйскимъ заботамъ рукой заваривался чай, перемывались стаканы. Въ видѣ средства окончательно заглушить не совсѣмъ розовыя воспоминанія прошлаго, сталъ я тщательно намазывать на хлѣбъ масло, для себя и для Лёли. Обдуманно, съ математической точностью, точно важное дѣло дѣлалъ—разминалъ каждый комочекъ, сглаживалъ неровности, стараясь углубиться въ эту работу. Механическій трудъ, во многихъ случаяхъ, самое успѣшное и радикальное леченье. Однако, послѣднее замѣчаніе, а главное, самое занятіе размазываніемъ масла напрашивается на карикатуру и легко можетъ быть поднято на смѣхъ. Да и я самъ, можетъ, умѣлъ бы удачно потѣшаться по поводу мечтателей, разгоняющихъ скуку и горе размазываніемъ масла. Въ ту минуту, когда я самъ это дѣлалъ, такого рода мысли не приходили въ голову, все это не казалось смѣшнымъ, между тѣмъ, сдѣлай то же самое другой, — смѣшная сторона дѣла рѣзко бы бросилась въ глаза.

— Скоро возвратится Михаилъ Леонычъ? спросилъ я хозяйку.

— Долженъ былъ быть еще вчера къ обѣду, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ. Это начинаетъ меня безпокоить.

— Мужъ вашъ такъ часто ѣздитъ, что пора бы вамъ привыкнуть къ его отсутствію, замѣтилъ я.

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать; хотя бы онъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ, это бы ничего. Но есть другія причины, почему его отсутствіе меня безпокоитъ... да вамъ вѣдь ничего нельзя говорить, вы смѣяться будете; вы вѣдь ни чему не вѣрите!...

— Изъ чего вы это заключили? вовсе нѣтъ, отвѣчалъ я улыбаясь. Пожалуйста скажите?

— Вотъ видите ли, начала она, еще за годъ до моего замужества, когда я жила въ волынской губерніи, тамъ была одна пріѣзжая помѣщица. Гадала она такъ, какъ никто; уму непостижимо, какъ вѣрно! Все, что ни предсказывала — непремѣнно сбывалось. Удивительная была женщина; о ней много разсказывали самыхъ необыкновенныхъ вещей. Гадать она не любила и гадала очень рѣдко; трудно было ее упросить; соглашалась она на это только для близкихъ знакомыхъ. Помѣщица эта жила у моихъ дальнихъ родственниковъ. Мнѣ большихъ усилій стоило упросить ее погадать; наконецъ, какъ-то она согласилась и предсказала такое, что я и сама рада не была, что гадать попросила. Сколько я съ тѣхъ поръ мукъ перенесла—такъ это одинъ Богъ знаетъ! Предсказала она, что чрезъ годъ я выйду замужъ, что у меня умретъ ребенокъ, чрезъ два мѣсяца послѣ рожденья; что будетъ у меня только двое дѣтей; что чрезъ два года, мы переѣдемъ

сюда, наконецъ, хуже всего послѣднее: мужъ вашъ, сказала она, умретъ въ дорогѣ, и вы будете причиной его смерти. Можете себѣ представить, какъ меня это поразило! Съ тѣхъ поръ, каждый разъ, какъ уѣдетъ мужъ — я сама не своя. И когда это онъ ѣздить перестанетъ? хоть бы дома сидѣлъ; удивительно нужно безпрестанно разъѣзжать! прибавила она съ досадой.

Я улыбался, думая о томъ, что прошло болѣе десяти лѣтъ, а моя собесѣдница до сихъ поръ не забыла на удачу разсчитанныхъ фразъ волынской сивиллы.

— Вотъ видите ли, вамъ если что разсказать, такъ вы сейчасъ смѣетесь. А между тѣмъ все, рѣшительно все исполнилось въ точности! Одно только послѣднее, сказала она, поднявъ глаза къ небу, или точнѣе въ потолокъ: — одно только послѣднее еще не сбылось, и не приведи Господи, если сбудется. Я тогда съ ума сойду отъ горя!

— А пора бы вамъ забыть эти предсказанья; вѣдь этому прошло болѣе десяти лѣтъ?

— Да, почти двѣнадцать, отвѣчала Завадская. Но, все же, каждый разъ, какъ мужъ гдѣ нибудь замѣшкается — мнѣ приходитъ это на память и не даетъ покоя.

— Вотъ видите ли, не было печали, такъ сами ее состряпали. Не лучше ли, если бы вы никогда не вѣрили и не слушали этихъ гадальщицъ? Покойнѣе бы были и избавили бы себя отъ столькихъ мученій.

— Послѣ я раскаявалась въ томъ, и съ тѣхъ поръ дала клятву никогда не гадать.

Отъ мужа и предсказаній гадальщицы мы перешли къ толкамъ объ откармливаніи птицы, о сохраненіи овощей и зелени на зиму, о выдѣлкѣ сыра, о трудности разведенія плодовыхъ деревьевъ въ нашей мѣстности и вообще о разныхъ такого же рода, крайне интересныхъ и необходимыхъ вопросахъ. Но всѣ эти вопросы кажутся тривіяльными и скучными шикознымъ барынямъ, изъ губернскихъ пансіоновъ и институтовъ, отъ десятка французскихъ романовъ, рояля и пялецъ переходящихъ къ разыгриванію роли жены, матери семейства и хозяйки дома...

Давно ратуютъ по поводу вопроса о женщинахъ, а между тѣмъ тѣ, которыхъ дѣло касается, продолжаютъ столько же тѣмъ интересоваться, сколько послѣднимъ открытіемъ въ химіи. А не мѣшало бы болѣе обратить вниманія на многое, и пора бы не воспитывать дочерей на старый ладъ. Едва ли долго продолжится такой порядокъ вещей, при которомъ возможно полное far niente, физическое и умственное, такого огромнаго числа людей. Едва ли долго, большинство, которое тяжело трудится, а все же нуждается и голодаетъ, убѣдившись окончательно въ неразумности нѣкоторыхъ общественныхъ условій,

согласится давать безполезнымъ людямъ средства жить въ роскоши и бездѣйствіи.

Мы протолковали часа два съ лишнимъ. Не то, чтобы весело, но за то и не совсѣмъ скучно прошло время. Пробилъ одиннадцатый часъ. Я попрощался съ хозяйкой и побрелъ домой.

II.

Какъ-то разъ захожу къ Завадскому и застаю у него троихъ хуторянъ, нашихъ общихъ знакомыхъ. Одинъ изъ нихъ назывался Троцкій. Это былъ блондинъ высокаго роста, съ саженными плечами и большими голубыми глазами, которые обыкновенно смотрѣли чрезвычайно покойно и ясно. Выраженіе глазъ его было именно такое, какое древніе лирики называютъ: «взглядомъ голубицы», а также «свѣтлымъ ангельскимъ взоромъ». И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ чрезвычайно мягокъ и добръ. Троцкій одушевлялся очень рѣдко, но было нѣсколько вопросовъ, которые глубоко затрогивали его и дѣлали неузнаваемымъ.

Слабой струной его была родина; иногда, бывало, дѣло коснется ея: разгорятся глаза у шляхтича, льется разсказъ за разсказомъ, пересыпаемый именами горячихъ патріотовъ стараго и новаго времени. Случалось такъ, что и до полночи отъ него не отдѣлаешься. Гдѣ-то онъ теперь, и что дѣлаетъ?...

Другой сосѣдъ былъ тоже полякъ, звали его Викторъ Игнатьевичъ Линскій; человѣкъ онъ пожилой, сѣдоватый и не особенно богатый смысломъ. Относился онъ совершенно равнодушно ко всему, что не входило въ кругъ его занятій. Національные интересы никогда его не занимали, и относился онъ къ нимъ, какъ человѣкъ совершенно постороній... Этой чертой характера онъ иногда выводилъ изъ терпѣнія Троцкаго; но послѣдній не умѣлъ быть злымъ и сердился не долго.

Третій сосѣдъ былъ русскій, родомъ изъ Москвы; но лѣтъ двадцать пять съ лишнимъ прожилъ въ нашихъ степяхъ, что, разумѣется, выработало особый складъ характера и провело своего рода слѣдъ въ убѣжденіяхъ и привычкахъ. Притомъ, Иванъ Петровичъ въ молодости не былъ сторонникомъ внѣшнихъ отличій національности, такъ что, послѣ тридцати лѣтъ жизни внѣ Москвы, въ немъ московскаго осталось столько же, сколько любящій натяжки наблюдатель могъ бы найти въ каждомъ славянинѣ. Чѣмъ самостоятельнѣй человѣкъ, чѣмъ энергичнѣй его внутренняя, жизненная дѣятельность, а главное, чѣмъ выше его умственное развитіе, тѣмъ менѣе сковацъ онъ об-

щимъ уровнемъ пониманія, обычаями, учрежденіями, словомъ, всѣми внѣшними, или выражаясь точнѣе, всѣми отъ преданій и воли толпы исходящими условіями. Единственныя изъ внѣшнихъ условій, которыя вліяютъ на человѣка болѣе всѣхъ другихъ, и отъ которыхъ зависятъ существенныя, основныя особенности характера, не только людей, но и вообще всего царства растительнаго и животнаго — это почва и климатъ. Только ихъ вліянію трудно противодѣйствовать человѣку, и много проходитъ времени, много потребуется самыхъ упорныхъ усилій съ его стороны, пока удастся человѣку овладѣть почвой и климатомъ, сообразно его цѣли и нуждамъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Петровичъ поселился въ нашемъ краѣ, онъ почти безвыѣздно жилъ на хуторѣ и только раза два въ годъ, да и то дня на три, съѣздитъ, бывало, въ ближайшій городъ. Книгъ выписывалъ онъ очень много и получалъ нѣсколько журналовъ и газетъ. Иванъ Петровичъ, не смотря на свои 60 лѣтъ, былъ еще старикъ добрый и необычайно здоровый; отлично занимался хозяйствомъ и читалъ очень много, но скептически смотрѣлъ навсякую печатную страницу. Чѣмъ важнѣе было изобрѣтеніе, чѣмъ болѣе какіе либо научные выводы обѣщали выгодъ въ примѣненіи къ дѣлу, но при этомъ были отвлеченно изложены, не вытекали непосредственно изъ фактовъ, тѣмъ презрительнѣй смотрѣлъ Иванъ Петровичъ; насмѣшливо искривлялись губы и щурились небольшіе сѣрые глазки умнаго старика. Бѣда, если попадалось ему что либо туманное и мало-мальски подозрительное. Читаетъ онъ, слѣдитъ терпѣливо и внимательно, наконецъ, не выдержитъ: толкнетъ книгу, встанетъ съ кресла и начнетъ сердито ходить по комнатѣ.

— Вотъ поди-жь ты, говоритъ онъ, сильно ударяя рукою о книгу:— вѣдь врутъ, все врутъ! грозно насупивъ брови, обращается онъ къ тому, кто случится въ ту минуту въ комнатѣ. — А вѣдь какъ умно написано, ясно кажется, какъ день, а поди попробуй, такъ чортъ знаетъ, что выйдетъ!

А между тѣмъ, не смотря на то, Иванъ Петровичъ продолжалъ читать и читалъ много, а подъ-часъ многое примѣнялъ и испытывалъ кое что на дѣлѣ. Очень часто опыты удавались, но Иванъ Петровичъ не хвасталъ и никому о томъ не разсказывалъ, пока не добивался положительнаго успѣха. Удача только потому и была замѣтна, что въ такихъ случаяхъ онъ снисходительнѣй обращался съ книгами, смотрѣлъ веселѣй и охотнѣе спорилъ.

Съ молоду, служилъ онъ въ уланахъ; лѣтъ тридцати дослужился чина ротмистра, но вскорѣ поссорился съ полковымъ командиромъ и вышелъ въ отставку; съ тѣхъ поръ поселился въ Новороссіи. Не скажу, чтобы Ивана Петровича особенно у насъ любили. Большинство

помѣщиковъ и чиновниковъ терпѣть его не могло. Нѣкоторыя выходки моего пріятеля сильно не приходятся имъ по сердцу. Узнавалъ онъ, напримѣръ, что такой-то господинъ дѣлаетъ такія-то пакости, или больно не чистъ на руку, что такой-то помѣщикъ отличается свирѣпостью нрава — да мало ли, какіе у насъ художники водятся! — а Иванъ Петровичъ все узнавалъ, и все это близко принималъ къ сердцу, точно далъ обѣтъ преслѣдовать всякую неправду (туземные остряки звали его беззубымъ Донъ-Кихотомъ). Не смотря на свои 60 лѣтъ, онъ былъ горячъ, какъ юноша. Словомъ, Иванъ Петровичъ многое считалъ чернымъ изъ того, что нѣкоторые полагаютъ бѣлымъ, и, не церемонясь, въ глаза говаривалъ художникамъ такія вещи, которыя не всякій равнодушно переноситъ. При томъ, не ограничивался словами, но и на дѣлѣ умѣлъ противостоять имъ сильно. Въ итогѣ, старикъ умудрялся вести себя такъ, что многіе отъ души рады были бы сжечь его на медленномъ огнѣ. Между прочимъ, частенько водились за нимъ такого рода выходки.

Помощникъ окружнаго, господинъ, который, въ числѣ прочихъ качествъ, достигъ совершенства въ искусствѣ продавать хлѣбъ изъ крестьянскихъ запасныхъ магазиновъ, разумѣется, съ дозволенія начальства, которому докладывалось, что хлѣбъ начиналъ прорастать, или грозили источить его жучки. Жучки и прорастаніе свирѣпствуютъ у насъ эпидемически, еще съ незапамятныхъ временъ. Помощникъ этотъ встрѣчаетъ однажды Ивана Петровича въ одномъ мѣстѣ, гдѣ собралось очень много помѣщиковъ и чиновниковъ. Помощникъ, любезно улыбаясь, чуть не съ распростертыми объятіями подлетаетъ къ моему герою:

— Какъ я радъ васъ видѣть! Какъ ваше здоровье, почтеннѣйшій Иванъ Петровичъ?

Въ отвѣтъ на привѣтствіе, Иванъ Петровичъ кладетъ руки въ карманъ и быстро оборачивается къ нему спиной, бормоча что-то въ родѣ слѣдующаго: «я съ подлецами не знаюсь». При томъ, замѣтить слѣдуетъ, что такого рода выходки всегда оправдывались совершенно уважительными причинами.

Давно уже жилъ Иванъ Петровичъ въ нашемъ краѣ и дѣла велъ отлично, но между тѣмъ состоянья большаго не нажилъ. Женился онъ еще на двадцать-шестомъ году, но дѣтей не было; въ домѣ у нихъ жили двѣ воспитанницы.

Иванъ Петровичъ успѣлъ пріобрѣсти большую любовь и уваженіе всего населенія, верстъ на сто въ окружности. Въ особенности имѣлъ онъ вліяніе на государственныхъ крестьянъ. Онъ имъ постоянно помогалъ; они обращались всегда за совѣтами, а также съ просьбами разбирать ихъ ссоры и тяжбы между собой. Вообще онъ пользовался

большимъ уваженіемъ; отчасти послѣднему помогло то, что онъ не былъ служащимъ: народъ не жалуетъ бюрократіи. Я не стану обрисовывать личности Ивана Петровича: неудачный очеркъ могъ бы только опошлить его, а онъ былъ одинъ изъ тѣхъ старцевъ, которыхъ глубоко уважаетъ и любитъ молодое поколѣніе. Между такими старцами и Павлами да Николаями Кирсановыми рѣшительно нѣтъ ничего общаго. Впрочемъ такого рода людьми мы далеко не избалованы; ихъ такъ немного, что можно было бы послать на всемірную выставку, какъ самое диковинное произведеніе русской почвы.

Не смотря на огромную разницу въ лѣтахъ, я былъ близкимъ пріятелемъ Ивана Петровича; но онъ относился ко мнѣ чрезвычайно оригинально: точно будто считалъ своей обязанностью постоянно и на каждомъ шагу меня оспаривать. Вообще, онъ недовѣрчиво встрѣчалъ все, что извнѣ приходило; всякое событіе, каждая отвлеченная мысль и теоретическіе выводы, хотя бы изъ фактовъ и явленій, которые на глазахъ его совершались и которые онъ хорошо понималъ, встрѣчались имъ всегда съ сомнѣніемъ. Но именно эта черта мнѣ преимущественно въ немъ нравилась. Въ послѣдствіи онъ привыкъ, о чемъ бы рѣчь ни шла, хотя бы о самыхъ обыкновенныхъ и простыхъ вещахъ—Иванъ Петровичъ считалъ это своей обязанностью—оспаривать меня непремѣнно, если даже въ сущности вполнѣ со мною соглашался; это даже забавляло его. Престранная была у него привычка. Я уже говорилъ, что онъ былъ чрезвычайно горячъ, легко увлекался и много было вопросовъ, которые принималъ близко къ сердцу. Дѣло въ томъ, что, какъ только онъ начиналъ говорить съ увлеченіемъ, то непремѣнно схватывалъ собесѣдника за руку, за колѣно, что было чрезвычайно щекотно и вызывало не совсѣмъ пріятное ощущеніе, въ особенности въ людяхъ нервныхъ.

Много бы я могъ разсказать интересныхъ подробностей о дѣлахъ и отношеніяхъ Ивана Петровича къ людямъ сильнымъ, а еще болѣе слабымъ, но... это не всегда бываетъ терпимо Аллахомъ.

Я засталъ все общество за чаемъ. Рѣчь шла о безснѣжности зимы и сильныхъ вѣтрахъ. Завадскій пророчилъ неурожайный годъ. Липскій доказывалъ что все это пустяки; послѣ безснѣжныхъ зимъ и еще худшей весны бывали отличные урожаи; я самъ, дескать, помню — обыкновенно оканчиваютъ ораторы, — но Липскій на этотъ разъ сослался на исторію:

— Да вотъ, говорилъ онъ:—разсказываютъ, что въ 32-мъ году, послѣ безснѣжной зимы, урожай былъ необыкновенный, такъ что съ каждой десятины приходилось по 30 и даже по 35 четвертей! Это было вскорѣ послѣ голоднаго года.

— Ой, ой, замѣтилъ я:—это что-то на египетскій урожай смахи-

нетъ... только уже конечно не тѣ, которые орали на вершокъ глубины, взяли по 35 четвертей съ десятины; или неужто всѣ, сплошь и рядомъ?

— Да ужь какъ бы тамъ ни орали, а если Господь Богъ пошлетъ такой урожай, такъ хотя на вершокъ, или на ноль-аршина будь оранка, плохо ли, хорошо ли взборонена земля, а если уродитъ, такъ уродитъ вездѣ, и на плохой и на хорошей...

— Даже тамъ, гдѣ вовсе не сѣяли, смѣясь перебилъ Иванъ Петровичъ:—ну, вы батюшка, кажется, уже не въ мѣру хватили. Спора нѣтъ, въ хорошій годъ уродитъ вездѣ, но очень просто, что тамъ, гдѣ обработка земли была лучше, гдѣ сѣмя было лучшее, — тамъ и хлѣбъ лучше будетъ.

— Выбирайте землю пригодную тому, что сѣете, рано орите, чтобы земля имѣла много времени подвергнуться вліянію воздуха и влаги, измельчите ее, какъ слѣдуетъ, а иногда добавьте почвѣ того, чего ей не достаетъ, выбирайте хорошее сѣмя, во время сѣйте, вотъ вамъ и вся мудрость—и тогда, я вамъ головой ручаюсь, рѣже придется жаловаться на неурожаи, сказалъ я обращаясь къ Линскому.

— Да что вы мнѣ толкуете, горячо отвѣчалъ послѣдній:—хорошо оно только на словахъ выходитъ; а иной разъ и оранка отличная и земля хорошая, и посѣяно-то во время, ну, словомъ, все сдѣлано какъ только возможно лучше, а смотришь: даже сѣмянъ не возвратитъ; вотъ вамъ и наука ваша, вотъ и говорите послѣ того! торжественно заключилъ Линскій...

— Что нибудь да не такъ, отвѣчалъ я улыбаясь:—безъ причины ничего не бываетъ! и, въ случаяхъ неурожая, хорошенько подумайте и всмотритесь внимательно, такъ большей частью найдете причины, а если не найдете, значитъ искать не умѣли...

— А вамъ только кажется, что нашли причину, возразилъ Линскій.

— Можетъ быть и такъ; но вообще и найти-то ихъ трудно; очень часто онѣ бываютъ крайне сложны и отдаленны. Горъ, лѣсовъ, рѣкъ у насъ нѣтъ, — вотъ что худо и что часто бываетъ важной причиной неурожаевъ! Прежде здѣсь были огромныя пространства, поросшія бурьяномъ, который не рѣдко достигалъ аршинъ до трехъ съ лишнимъ; бурьянъ этотъ отчасти замѣнялъ намъ лѣсъ, потому что сохранялъ и скоплялъ влагу, которая потомъ въ видѣ дождя падала на поля. А теперь этихъ бурьяновъ вовсе нѣтъ. Ну, это еще не бѣда, даже лучше: роль бурьяна была пустая, онъ черезчуръ недостаточно замѣнялъ лѣсъ, и добрый знакъ, что его нѣтъ; бурьянъ на поляхъ—обстоятельство, вовсе не рекомендующее обывателей края. Вотъ еслибы горы были — такъ это дѣло куда какъ хорошее! Вотъ онѣ

такъ дѣйствительно запасные магазины воды, и тогда было-бы отъ-куда дождю взяться. Притомъ, онѣ защищали бы поля отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ, отъ холода, и вообще имъ за многое не разъ бы пришлось спасибо сказать! Но хуже всего то, что рѣкъ у насъ вовсе нѣтъ, безводіе страшное! Ясное дѣло, что всего этого вдругъ изъ кармана не вынуть и не помѣстить куда слѣдуетъ, — только дѣлается понятнымъ, почему часто случается такъ, а не иначе. Однако замѣчу, что почвенныя и климатическія условія, неблагопріятныя намъ, въ извѣстной степени ослабить возможно—выборомъ земли, хорошей обработкой, выборомъ сѣмянъ и вообще современнымъ и толковымъ занятіемъ каждымъ дѣломъ. Нужно, чтобы кругомъ зерна были извѣстныя составныя части, какъ самой земли, такъ и перетлѣвшихъ корней, травъ и сѣмянъ, чтобы кругомъ него развивалась извѣстная степень тепла, нужно чтобы почва была измельчена, для того чтобы свободно могъ проникать ее воздухъ и могла легко просачиваться и проникать повсюду влага и, наконецъ для того, чтобы ростки, пускаемые разложившимся зерномъ, могли свободно разростаться внизъ, къ нижнимъ слоямъ почвы и всасывать въ себя пищу, необходимую къ дальнѣйшему развитію растенія. За тѣмъ, извѣстное количество влаги, не много и не мало; во время и на сколько нужно солнечнаго свѣта — и зерно дастъ роскошный колосъ!

— Славно росписали, иронически замѣтилъ Иванъ Петровичъ:—а придется къ дѣлу, такъ насидитесь, да наплачетесь, пока оно богатый-то колосъ дастъ.

— Да мало-ли что можетъ напакостить! Бываютъ вредныя росы, туманы, наконецъ даже вѣтры, и все это извѣстно, при какихъ условіяхъ, почему и въ какой степени вредные! Мало того, можетъ дождя вовсе не выпасть, солнечнаго свѣта и тепла чрезчуръ мало, или слишкомъ много, и не во время—и ваше зерно пойдетъ прахомъ! А овражки, жучки, саранча, да и не перечтешь, сколько недуговъ найдется на бѣломъ свѣтѣ! Что же касается послѣдняго, тутъ уже вы кругомъ виноваты; вѣдь это стыдъ и срамъ, что овражки и саранча насъ одолѣваютъ, а не мы ихъ, какъ бы оно необходимо слѣдовало. Да и жучки тоже не невидаль какая нибудь, и отъ нихъ есть возможность избавиться. Побольше знанія, а еще болѣе энергіи, да главное дружно, сообща дѣйствовать, потому что одному почти невозможно что либо сдѣлать — и повѣрьте, что неурожаи сдѣлаются рѣже, а овражки и саранча вовсе исчезнутъ. Новый появится врагъ — стоитъ только толково, а главное сообща приняться за дѣло—и новаго врага одолѣемъ!

— Одолѣете, какъ разъ! возразилъ Линскій.—Да вотъ, недалеко искать, всѣхъ своихъ Либиховъ приведите, и все же ничего не подѣ-

лете! Вотъ у помѣщика Халатова, верстахъ въ двадцати отсюда, падежъ скота страшный. Здѣсь зовутъ эту болѣзнь: чума. Потеряетъ овца аппетитъ, не ѣстъ, глаза слезятся, а тамъ смотри, на другой день и окачурилась. Да такъ одна за другой; и не опомнитесь, какъ цѣлаго стада точно не бывало!

— Зачѣмъ намъ, Викторъ Ипатьичъ, отвѣчалъ я смѣясь: — Либиховъ сюда приводить? вѣдь это все большіе бары — пожалуй и пріѣхать-то сюда не захотятъ. А вотъ научимся безъ нихъ обходиться, такъ оно надежнѣе и лучше будетъ. Вотъ вы заговорили о падежѣ; тутъ опять незнаніе, недосмотръ со стороны овцеводовъ. Вѣдь знаю я хорошо, какъ тутъ всѣ эти дѣла дѣлаются и что это за народъ! Что же касается падежа у Халатова, то, во первыхъ, очень можетъ быть, это вовсе не то, что здѣсь чумой зовется: потеря аппетита и слезящіеся глаза—признаки общіе очень многимъ болѣзнямъ. Но положимъ, овцы, о которыхъ говорили вы, больны чумой; болѣзнь эта давно извѣстна, и есть возможность съ ней бороться самымъ успѣшнымъ образомъ. Въ такое время, какъ напримѣръ настоящая осень, слѣдуетъ какъ можно внимательнѣй слѣдить за стадомъ; чуть малѣйшее что замѣчено, тотчасъ же больную овцу отдѣлить отъ другихъ. Здоровыхъ перегнать подальше отъ овчарень, въ которыхъ болѣзнь появилась; подальше въ степь; если возможно, въ мѣста болѣе возвышенныя, если можно, къ кустарникамъ, къ лѣсамъ, около рѣкъ, съ высокими и утесистыми берегами. Послѣ такой суши, какая была это лѣто, преимущественно въ пищѣ заключается вредъ; вода, воздухъ, въ такое время сильно портятся. Не мѣшаетъ соли давать почаще, но по немногу. Что мудренаго, что болѣзнь эта появилась: два мѣсяца слишкомъ дождя ни капли не упало; кормъ совсѣмъ плохъ сталъ. Трава выгорѣла, составъ корма измѣнился; въ немъ нарушены пропорціональныя отношенія всѣхъ составныхъ частей, необходимыхъ для здоровья животнаго; наконецъ, воздухъ заряженъ вредными испареніями, притомъ давно не былъ очищенъ грозами, дождемъ, словомъ..... да что тутъ толковать! думайте, такъ вы и сами поймете, почему бываютъ падежи, что противъ нихъ слѣдуетъ предпринимать и какъ избѣгать ихъ.

— Да все это такъ, такъ, застоналъ Линскій: — а вотъ какъ приключится такое несчастье, такъ что хотите дѣлайте, давайте какое хотите лекарство, а какъ начнутъ околѣвать, такъ каждый день десятками и гибнутъ, не очнетесь, какъ все стадо пропадетъ!.....

— А что, развѣ и у васъ что не ладно? — заботливо спросилъ Завадскій.

— Нѣтъ, нѣтъ, храни Богъ! пугливымъ голосомъ возразилъ Линскій, точно опасаясь, что эти слова накличатъ болѣзнь на его стадо.

— Ну, а если бы у васъ что случилось продолжалъ я нарочно на ту же тему, съ намѣреніемъ помучить немного моего суевѣрнаго собесѣдника:—такъ вы попробуйте вотъ что сдѣлать.....

— Да оставьте, типунъ вамъ на языкъ, оставьте пожалуста! отвѣчалъ Линскій, отчаянно отмахиваясь руками.—Охота же, право, говорить такія вещи....

— Да что вы, боитесь, что ли?

— Нѣтъ, не то; вовсе нѣтъ, но... но все же не къ чему... не слѣдуетъ!

— Отчего же не слѣдуетъ? смѣясь допрашивалъ я Линскаго. — Ну, а коли не боитесь, такъ я доскажу начатое.....

Я продолжалъ разсказывать о признакахъ, по которымъ можно отличить одну болѣзнь отъ другой, о средствахъ предохранить и вылечить отъ болѣзни. Послѣ того мы перешли къ толкамъ о скотоводствѣ вообще; наконецъ, рѣчь зашла о перегонкѣ гуртовъ и о поразительныхъ злоупотребленіяхъ, которыя дѣлаются при этомъ случаѣ, совершенно оффиціально и повсюду, мало того, пріобрѣли даже совершенную законность. За тѣмъ Иванъ Петровичъ, который недавно возвратился изъ города, началъ разсказывать объ англійскихъ плугахъ.

— Видите ли, говорилъ онъ: — негоціантъ С*, старый пріятель Рансома, еще въ прошломъ году получилъ отъ него ново-изобрѣтенный плугъ, который, какъ полагаетъ Рансомъ (*), будетъ годенъ во всѣхъ отношеніяхъ для нашей мѣстности. С* передалъ плугъ Ж*, какъ человѣку свѣдущему въ этомъ дѣлѣ, и просилъ испытать его въ работѣ. Для Ж*, какъ вамъ извѣстно, такое порученіе было лучше всякаго праздника: его хоть хлѣбомъ не корми, а дай только возможность способствовать распространенію машинъ въ нашемъ краѣ. Во первыхъ, Ж* самъ испыталъ плугъ; я присутствовалъ при этомъ опытѣ. Плугъ дѣйствительно оказался не дуренъ, только нашлось нѣсколько неудобствъ, по удаленіи которыхъ, онъ могъ бы сдѣлаться незамѣнимымъ для нашихъ степей. Вслѣдствіе этого, Ж* пригласилъ нѣсколькихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ, по правдѣ сказать, мало кто въ чемъ либо смыслилъ: но, по счастью, въ то время забрели къ нимъ два человѣка пріѣзжихъ людей знающихъ, которыхъ они, спасибо имъ хотя за то, догадались съ собой захватить. Опять испытывали плугъ раза два, въ присутствіи десятка полтора помѣщиковъ. Можете себѣ представить, какихъ мы тутъ толковъ наслышались: смѣшно вспомнить! Ну, подумали, погадали и рѣшили вотъ на чемъ. Я забылъ вамъ сказать, что при этомъ присутствовали наши тузы—

(*) Машины и земледѣльческія орудія въ Южной Россіи преимущественно отъ Ransom et C°.

нителисты. Да, такъ по предложенію Ж*, порѣшили слѣдующее: написать Рансому, что плугъ испытывали и нашли чрезвычайно пригоднымъ для нашего края, еслибы онъ согласился сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія, а еще лучше, еслибы онъ самъ пріѣхалъ, тогда при немъ можно повторить испытаніе, и онъ собственными глазами убѣдился бы, чего именно недостаетъ плугу, чтобы быть вполнѣ удовлетворительнымъ для нашей мѣстности. Послѣднее, дѣйствительно, самое лучшее и понравилось нашимъ тузамъ. Они рѣшили чрезъ С* дать знать Рансому, что обезпечиваютъ покупку ста плуговъ. Плугъ-то стоитъ семьдесятъ пять рублей—дѣло понятное, игра стоитъ свѣчь, и потому можно было разсчитывать, что онъ къ намъ пожалуетъ. Рансомъ пріѣзжалъ; при немъ испытывали плугъ, указали на недостатки, потолковали о нихъ, онъ уѣхалъ въ Англію, обѣщая вскорѣ прислать заказанные плуги; и вотъ, въ нынѣшнемъ году дѣйствительно прислалъ ихъ. Плуги оказались отличными, я тоже купилъ себѣ два. На послѣднія раскошелился, прибавилъ улыбаясь Иванъ Петровичъ. Да и нельзя иначе: вещь стоющая; просто любо смотрѣть, какъ работаетъ; почти весь желѣзный, высокій, ходъ легкій, удобный; нѣтъ ломки, нѣтъ возни съ нимъ; выоритъ въ день безъ малаго полторы десятины, то есть почти вдвое больше, нежели нашъ обыкновенный. А главное, четыре плуга нашихъ скорѣй перепортятся и сломаются, нежели одинъ такой. Вѣдь въ нашемъ старомъ безпрестанно что нибудь портится: то лемехъ, то ножъ, то дерево; а снасть такъ и горитъ — ежеминутно рвется! Новые плуги у меня на хуторѣ; пріѣзжайте посмотрѣть, попробуемъ. Слѣдуетъ, господа, пріобрѣсти англійскій плугъ, ей-ей слѣдуетъ. Да что тутъ зубы-то заговаривать: вещь не вздорная какая нибудь; пріѣдете, такъ сами убѣдитесь.

Линскій слушалъ со вниманіемъ; Троцкій тоже. Вообще Иванъ Петровичъ имѣлъ большое вліяніе, и каждому слову его вѣрили почти безусловно. Стоило ему похвалить что нибудь, такъ можно быть увѣрену, что большая часть его знакомыхъ завтра же поспѣшитъ пріобрѣсти вещь, которую онъ купить посовѣтовалъ. Независимость сужденія — достояніе немногихъ; а большинство покоится на авторитетахъ и усвоиваетъ только то, что давно уже механическимъ путемъ успѣло привиться ко всей массѣ общества. Только такія убѣжденія органически дѣлаются ихъ достояніемъ. Сосѣди наши отвергли бы самую разумную вещь, не сдѣлали бы ни одного путнаго шага, чтобы осуществить какую либо новую идею, хотя бы доказана была ясно, какъ день, основательность какого либо новаго дѣла или вещи — если только это сдѣлано человѣкомъ новымъ, не авторитетомъ, съ которымъ они сжились, свыклись! Конечно, спустя много лѣтъ, оно все же такъ привьется къ нимъ, потому что быть раньше или позже при-

знаннымъ большинствомъ — основное свойство всего истиннаго. Но, если случается, что массы, относительно, быстро усвоиваютъ что либо новое, дѣло никогда не обходится безъ сильнаго вліянія авторитетовъ. Для людей, недостаточно развитыхъ, свидѣтельство авторитета вещь необходимая; они не любятъ размышлять и наблюдать, и всегда рады вѣрить кому либо на слово; рады поручить кому либо распоряжаться ихъ участью, размышлять и дѣлать за нихъ. Давность, механическая привычка къ извѣстному лицу—одно изъ самыхъ важныхъ условій, чтобы имѣть вліяніе на толпу. Медленно вырастаетъ это довѣріе къ лицу, но за то оно трудно разрушаемо, прочно и иногда безусловно.

— Куплю непремѣнно, а дорого стоитъ? спросилъ Линскій.

— Не дешево: семьдесятъ пять рублей.

— Гм! деньги не маленькія, промычалъ Троцкій.

— Положимъ, не дешево; за то окупится скоро. Что же вы думаете, дешево вся ваша дрянь стоитъ, и какъ сосчитать, сколько тратится на ремонтъ? вѣдь все это портится, ломается на каждомъ шагу. Одинъ англійскій плугъ въ этомъ отношеніи замѣнитъ три простыхъ,— такъ оно и выйдетъ, что выгоднѣй имѣть одинъ хорошій, нежели три дурныхъ, началъ доказывать Завадскій.

— Да, это справедливо; конечно такъ, отвѣчалъ Линскій.

И дѣйствительно, не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ, всѣ они обзавелись новыми плугами.

— Однако молодецъ Рансомъ, замѣтилъ я: — вотъ не мѣшало бы законодателямъ брать въ примѣръ и пріѣзжать всегда испробовать на мѣстѣ...

Иванъ Петровичъ повелъ бровью:

— Намъ они и даромъ не нужны, прервалъ онъ меня: — пускай себѣ на печи сидятъ. Намъ деньги, толковые люди да машины — это нужнѣе будетъ; а управиться съ собой мы, пожалуй, и сами умѣли бы.

— Вотъ, Викторъ Ипатьичъ, смѣясь обратился я къ Линскому: — вотъ и пригодились вамъ Либихи; а вы ихъ постоянно съ грязью смѣшиваете. Вѣдь всѣ эти изобрѣтатели — все одного поля ягоды.

— Ахъ, кстати, спохватился Линскій: — за одно только вашъ Либихъ молодецъ, и стоитъ ему спасибо сказать; помните этотъ рецептъ, что вы мнѣ дали, чтобы изъ проросшаго зерна или отсырѣвшей муки печь хорошіе хлѣбы; именно на счетъ добавленія соли или извести...

— Знаю, знаю; такъ что же?

— Отлично выходитъ, довольнымъ тономъ говорилъ Линскій. — Взялъ я совсѣмъ отсырѣвшую муку, растворилъ въ водѣ 4½ золот-

ника извести... словомъ, все сдѣлалъ такъ, какъ вы говорили, и хлѣбъ вышелъ отличный; корка вовсе не отставала, весь хлѣбъ былъ мелко поздреватый, пушистый, бѣлый; ну словомъ, превосходный вышелъ. Лучше нежели изъ самой первой муки!

— Что вы, какъ же это можно, удивляясь спрашивала Завадская:— вѣдь известь вредна, какъ же ее въ хлѣбъ класть — никто ѣсть не захочетъ?

— Въ такомъ хлѣбѣ извести будетъ столько же, сколько въ бобахъ. А вѣдь вы бобы кушаете, и не вредно же? Попробуйте испечь такой хлѣбъ, и я при васъ съѣмъ, хоть 10 фунтовъ, сказалъ смѣясь Иванъ Петровичъ, обращаясь къ Завадской.

— Нужно испечь; посмотрю, что выйдетъ, все еще недовѣрчиво отвѣчала послѣдняя.

— Ну, немного еще намъ пользы принесли ихъ книжки, замѣтилъ Линскій.

— Въ этомъ случаѣ уже вы сами виноваты; вольно вамъ не умѣть воспользоваться многимъ, что вы тамъ найдете.

— Да что въ нихъ толку-то, въ свѣдѣніяхъ этихъ? много ли они дѣлу пользы принесли? два, три фокуса, да и только...

— Позвольте, Викторъ Игнатьичъ, вмѣшался Иванъ Петровичъ:— вы видно забыли, что вамъ не разъ было доказано, что не одни фокусы. Вотъ я вамъ сейчасъ постараюсь кой что вспомнить. Смѣшнымъ вамъ показалось однажды, когда Николай Николаичъ говорилъ, что чистую глину можно сдѣлать плодородной. Перекалилъ онъ тогда кубическую сажень глины, и на слѣдующій годъ, на ней выросла великолѣпная трава, цвѣты и даже отличная пшеница. Не вѣрили вы, что костяной порошокъ самое лучшее удобреніе для земли, особенно въ соединеніи съ сѣрной кислотой, — и это было вамъ доказано на дѣлѣ. Потомъ не вѣрили вы, что можно съ точностью изслѣдовать составъ почвы и заранѣе опредѣлить, на какой лучше вырастетъ то или другое растеніе; что можно по волѣ измѣнять форму и цвѣтъ растеній, посредствомъ такъ называемаго искусственнаго опыленія... Словомъ, многое вамъ было доказано на дѣлѣ, на глазахъ вашихъ. Не правда, что ли?

— Да это, положимъ, все такъ, отвѣчалъ Линскій: — а все же...

— Да, еще недавно заболѣла у васъ корова: созывали вы всѣхъ знахарей, — они лечить отказались, и уже вы хотѣли было ее зарѣзать, однако, когда обратились къ Николаю Николаичу, онъ вылечилъ корову, которая теперь здоровешенька и смотритъ лучше противъ прежняго. Что, и это забыли, другъ любезный?

— Какъ можно, нѣтъ; я очень благодаренъ Николаю Николаичу; но я не къ тому говорю, — то совсѣмъ другое...

— Полно тебѣ вздоръ-то молоть, сядемъ-ка лучше въ преферансъ играть.

— Въ самомъ дѣлѣ давно бы намъ сѣсть; это дѣло хорошее! весело возразилъ Линскій.

Всѣ трое усѣлись играть въ карты, Иванъ Петровичъ и я принялись за шахматы. Игралъ онъ хорошо, но думалъ немного долго, измучитъ, бывало, пока дождешься хода; за то, правда, чаще меня выигрывалъ партію...

III.

Въ пяти верстахъ отъ меня живетъ другой еще другъ и пріятель. Онъ—староста села Знаменовки. Зовутъ его Никита Сергѣичъ Колесниковъ. Онъ очень грамотный, бывалый, съ достаткомъ, но не богатый. Я рѣдко встрѣчалъ такого способнаго и знающаго человѣка; былъ онъ каменьщикъ, плотникъ и кожевникъ; умѣлъ лечить больную скотину; лечилъ даже людей. Послѣднее обстоятельство значительно помогло мнѣ войти къ нему въ довѣріе и нѣсколько сблизило насъ. Онъ былъ чрезвычайно любознателенъ; я научилъ его распознаванію и леченію многихъ болѣзней и открылъ свойства нѣкоторыхъ корней и травъ, которыя въ большомъ изобиліи ростутъ въ нашихъ степяхъ. Впрочемъ, что касается послѣдняго, въ томъ степные знахари знаютъ гораздо больше насъ. Никита Сергѣичъ былъ человѣкъ въ лѣтахъ, скрытный и частенько угрюмый и, только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, мнѣ удалось съ нимъ сблизиться. Кромѣ всего, что касалось сельскаго хозяйства, медицины, и вообще всѣхъ дѣлъ, которыми онъ занимался, сильно интересовали его бесѣды о томъ, что дѣлается и какъ живутъ люди въ другихъ краяхъ, чѣмъ занимаются, промышляютъ, какъ платятъ повинности, есть ли у нихъ рекрутчина и какъ отбывается. Словомъ, какъ живутъ люди на бѣломъ свѣтѣ; худо ли, хорошо ли, да почему худо и нельзя ли чѣмъ горю помочь— надъ такого рода вопросами не разъ призадумывался Никита Сергѣичъ. Хотя, разумѣется, у него мало было времени для жизни умственной: трудъ механическій, и притомъ трудъ тяжелый, вообще не оставляетъ много времени на то, чтобы заниматься отвлеченными соображеніями.

Какъ-то, въ первые дни нашего знакомства, называлъ онъ меня «баринъ»; пояснилъ я ему, какъ умѣлъ лучше, что не люблю этого прозвища, и нельзя ли дескать его вовсе выкинуть изъ разговора, какъ вещь совершенно лишнюю. Зовутъ меня, говорилъ я ему, Николай Николаичъ, а баринъ я такой же точно, какъ и вы сами. Замѣчаніе

это порядкомъ его смѣшило; страннымъ ему показалось, за что я не взлюбилъ такого лестнаго прозвища; въ послѣдствіи онъ принялъ обыкновеніе называть меня бариномъ тогда, если я сердилъ его чѣмъ нибудь. А я иногда любилъ подразнить его; часто это былъ лучшій способъ заставить его высказаться.

Однажды, въ первое время нашего знакомства, случилось мнѣ быть при томъ, какъ одинъ не крупный сановникъ, но важный относительно сельскаго міра, яростно напустился, за какое-то прегрѣшеніе, на Никиту Сергѣича, и главное, именно за такое дѣло, въ которомъ послѣдній выказалъ себя чрезвычайно разумнымъ и справедливымъ человѣкомъ. Немилосердно кричалъ на пріятеля моего сановникъ и ругалъ въ засосъ. Съ другимъ, нѣтъ сомнѣнія, онъ давно бы далъ волю рукамъ и гроза разрѣшилась бы десяткомъ оплеухъ. Но есть физіономіи, внушающія невольное уваженіе, и самый ярый чинитель суда и расправы не рѣшается пустить въ ходъ руки, имѣя дѣло съ такого рода людьми. Рискъ дѣйствительно большой: «нѣтъ, нѣтъ, а вдругъ того и смотри, и не опомнишься, какъ сдачи дастъ; положимъ, думаетъ сановникъ, стереть съ лица земли можно за такую штуку, но... все же непріятно!» Никита Сергѣичъ былъ выше средняго роста, плотный мужчина, съ открытымъ, смѣлымъ и красивымъ лицомъ. Вся фигура его смотрѣла строго и покойно, внушая невольное къ себѣ уваженіе. Видно было, что у него языкъ и руки жестоко зудѣли; но силою воли сковывалъ онъ языкъ и руки; только лицо было блѣдно и по временамъ большіе черные глаза грозно сверкали въ отвѣтъ обидчику. Онъ былъ изъ тѣхъ немногихъ людей, которые глубоко сознаютъ свое человѣческое достоинство и, если подавляющая неволя пріучила ихъ къ необычайному терпѣнію, то все же до поры до времени; много накипаетъ въ груди, съ трудомъ сдерживается и каждую минуту можетъ вспыхнуть и высказаться все въ одинъ разъ. Большей частью, одинъ только случай избавляетъ подобныхъ людей отъ непріятныхъ столкновеній, которыя для нихъ всегда могутъ кончиться трагически. Исторія «Петрова», разсказанная въ «Запискахъ изъ Мертваго дома», повторяется вовсе не такъ рѣдко, какъ думаютъ многіе.

Разумѣется, я хорошо понималъ, чего хотѣлъ и что думалъ мой пріятель въ ту минуту; но, зная его скрытность, былъ увѣренъ, что онъ ни слова не выговоритъ по поводу этой сцены и потому рѣшился чѣмъ нибудь разозлить Никиту Сергѣича, думая такимъ образомъ вынытать, какъ смотритъ онъ на такого рода вещи. На другой день послѣ разсказанной сцены, мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться. Нарочно я навелъ разговоръ такъ, чтобы мало по малу разшевелить его желчь и вызвать воспоминанія о вчерашнемъ происшествіи.

Наконецъ я спросилъ его:

— Скажите пожалуйста, Никита Сергѣичъ, неужели у васъ руки не чешутся, когда нарвется на васъ этакой господинъ, да за правое дѣло начнетъ ругать, на чемъ свѣтъ стоитъ, да пожалуй и въ рыло-то наровитъ съѣздить?..

Никита Сергѣичъ непріязненно на меня покосился.

— Эхъ вы бары, бары! сказалъ онъ язвительно, покачивая головой (слово «бары» очевидно было сказано мнѣ въ пику; онъ уже давно пересталъ величать меня бариномъ): — вишь вотъ, какъ вы разсуждаете; нече сказать, любо мнѣ, какъ начнутъ меня, ни за что ни про что, трепать, какъ паршивую собаку!.. Какъ былъ молодъ, продолжалъ онъ горячо, пуще теперешняго сердце стучало — да Богъ спасъ; уберегъ отъ такого случая: ни разу битъ не былъ. А теперь: дѣти, жена, лѣта не такія; вѣдь нашего брата за эти дѣла, вы сами знаете, не милуютъ. Мало насъ что-ли въ каторгѣ?.. вамъ-то хорошо разсуждать, онъ въ заключеніе пробормоталъ, мрачно насупившись, и послѣ того упорно молчалъ всю дорогу.

Года три тому назадъ выучилъ меня Никита Сергѣичъ плотничеству и косить. Дѣла не мудреныя, а все есть чему поучиться, да и знать не мѣшаетъ, хотя большей частью можно и безъ того обойтись. Съ давнихъ временъ, мы такъ остроумно устроили жизнь общественную, что порядочная кучка людей избавлена не только отъ такой, да и отъ какой бы то ни было работы. Урокъ косовицы былъ данъ слѣдующимъ образомъ. Замѣтилъ я, что Никита Сергѣичъ косилъ удивительно хорошо; когда онъ шелъ впереди партіи косарей, за нимъ едва могли поспѣвать. Косилъ онъ артистически: быстро, необыкновенно плавно взмахивалась коса надъ высокой травой, которая чисто, красиво, ровными рядами ложилась на землю. Засмотрѣлся какъ-то на его работу, полюбилась она мнѣ, и самому захотѣлось сдѣлаться мастеромъ въ этомъ дѣлѣ. Оно будто и легко кажется; а взялъ я какъ-то косу, попробовалъ косить: держишь ее неуклюже, безъ толку суешь въ траву, чортъ знаетъ, что выходитъ; того и смотри по ногамъ себя хватишь, а уже траву несчастную рвешь и мнешь такъ, что смотрѣть тошно — словомъ, дрянь выходитъ страшная! Вижу, что не мѣшаетъ взять урока два—три, для того чтобы дѣло выходило ладнѣе.

И такъ, вздумалось мнѣ обратиться къ Никитѣ Сергѣичу, съ просьбой научить косить сколько нибудь на него похоже. Выслушалъ меня мой будущій учитель, съ весьма двусмысленной и подозрительной улыбкой.

— Гм! вотъ что еще выдумали... ну, на что вамъ? усмѣхаясь спросилъ Никита Сергѣичъ. Нешто оно вамъ нужно; кабы какая надобность была, достатка не было... а то оно для баловства одного, такъ,—

единственно для потѣхи, заключилъ онъ глубокомысленно и съ разстановкой.

Какъ ни резонно разсуждалъ мой учитель, не скажу, чтобы я былъ этимъ озадаченъ, потому что вполнѣ былъ увѣренъ, что онъ именно въ такихъ выраженіяхъ отвѣтитъ на мое предложеніе. Зналъ я его уже давно.

— Да хотя бы для баловства, для забавы; такъ что-жь такое? Оно и здорово и пріятно; на чистомъ воздухѣ, трава кругомъ высокая, душистая, солнышко грѣетъ... говорилъ я улыбаясь.

Никита Сергѣичъ улыбался тоже и смотрѣлъ на меня какъ-то внимательнѣй, какъ будто вспоминая что-то.

Послѣднія фразы о «травѣ душистой и о грѣющемъ солнышкѣ» могутъ многимъ показаться странными въ разговорѣ съ Никитой Сергѣичемъ; но онѣ были совершенно понятны моему собесѣднику. Дѣло вотъ въ чемъ. Во первыхъ, нужно замѣтить, что пріятель мой, не смотря на свою практичность и родъ занятій, мало благопріятный развитію поэтическаго чутья, имѣлъ много общаго съ тѣми особенностями характера, которыя удачно очерчены г. Тургеневымъ въ личности «Калиныча». Въ свободныя отъ трудовъ минуты, онъ умѣлъ наслаждаться красотами окружающаго; отчетливо сознавалъ эти ощущенья, хотя бы и не умѣлъ пояснить ихъ, дать въ нихъ отчетъ другимъ. Притомъ, по любимому и избранному имъ роду занятій, онъ долженъ былъ быть нѣсколько мыслителемъ, будучи знахаремъ, то есть обладателемъ тѣхъ свѣдѣній, которыя могъ добыть въ силу младенческаго пониманія природы, сущности и относительнаго значенія вещей въ мірѣ окружающемъ. Познанія его были не обширны, хотя въ сущности не многимъ уступали познаніямъ инаго господина, обладающаго дипломомъ. Онѣ главнымъ образомъ ограничивались названіемъ травъ, умѣньемъ отличить ихъ одну отъ другой, наконецъ въ томъ, что онъ зналъ, какое вліянье производитъ ихъ употребленіе въ извѣстныхъ ему случаяхъ. Въ этомъ состояла самая суть его медицинскихъ свѣдѣній. Какъ человѣкъ со смысломъ, притомъ привыкшій наблюдать, онъ многое понималъ совершенно вѣрно, вслѣдствіе непосредственнаго наблюденія явленій природы—и въ этомъ добился такихъ же точно результатовъ, какихъ достигаютъ другіе, прослушавъ десятка три лекцій, или прочтя шесть или семь книгъ. Замѣтилъ онъ, какого рода вліяніе оказываетъ движенье на организмъ, и какое оказываетъ быстрый переходъ изъ одной температуры въ другую; зналъ, какъ вліяетъ чистый, свѣжій воздухъ и воздухъ испорченный и тому подобныя вещи. Наконецъ зналъ, по какимъ признакамъ отличить одну болѣзнь отъ другой; даже зналъ, какими признаками опредѣлить степень извѣстной болѣзни, ея нача-

ло или исходъ; замѣтилъ наконецъ, какія вещества во многихъ болѣзняхъ полезны и какія вредны. Но важнѣе всего то, что въ немъ были глубокіе зачатки способности приводить наблюденія въ систему, сличать ихъ одно съ другимъ и основывать на нихъ общіе выводы, формулировать законы, а въ этомъ заключается душа науки.

Вообще разница между познаніями, которыя можетъ пріобрѣсти человѣкъ со смысломъ, развившій въ себѣ способность наблюденія—непосредственнымъ ли изученіемъ природы и преимущественно человѣка, или путемъ книжнымъ,—конечно огромная; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, разница эта болѣе количественная нежели качественная. Главнымъ образомъ прибавляется много словъ, точнѣйшихъ опредѣленій, увеличивается сумма анализированныхъ фактовъ, но содержимое самой сущности познаній нарастаетъ чрезвычайно медленно. Проходятъ десятки лѣтъ, пишутся цѣлыя тысячи томовъ, и изъ нихъ много, много, если возможно извлечь двѣ-три сильныхъ мысли и нѣсколько новыхъ положеній, приближающихъ насъ къ истинѣ. Самую важную услугу мысли оказало книгопечатаніе; оно облегчаетъ способы изученія, даетъ возможность выиграть время; въ книгѣ, въ продолженіи одного часа, человѣкъ прочтетъ то, до чего бы ему самостоятельно не додуматься во всю жизнь. Такимъ путемъ люди дѣлятся другъ съ другомъ, помогаютъ и заимствуются одинъ отъ другаго. Трудная работа мысли разбивается по частямъ, на долю отдѣльныхъ личностей, посвятившихъ себя этому тяжкому труду; но плодомъ общихъ усилій этихъ тружениковъ могутъ пользоваться всѣ, кому учиться и читать не препятствуютъ.

Однако пора вспомнить о Никитѣ Сергѣичѣ. Послѣднія фразы, именно о грѣющемъ солнышкѣ и прочее были повтореніемъ его собственныхъ словъ, сказанныхъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Недѣли полторы тому назадъ, ходили мы съ нимъ на охоту; случилось это именно въ праздникъ. День былъ великолѣпный; воздухъ, солнце, словомъ, всѣ условія соединились самымъ благопріятнымъ образомъ, чтобы вызвать пріятныя ощущенія въ организмѣ всякаго животнаго, начиная отъ высоко и тонко развитаго человѣка и кончая какимъ нибудь крохотнымъ, болотнымъ зоосемтомъ. Никита Сергѣичъ, весь этотъ день, былъ въ необычайно довольномъ, но серьезномъ настроеніи и повидимому очень пріятномъ. Красивые глаза глядѣли покойно и ясно и свѣтились мыслью; замѣтно было, что въ настоящую минуту, преимущественно мозгъ его находился въ дѣятельномъ состояніи. Случилось намъ проходить чрезъ усадьбу помѣщицы Лидиной. Въ закрытыя окна,—хотя это было въ концѣ Мая и погода стояла чудная—глядѣли двѣ молодыя дѣвушки; ихъ блѣдныя лица были скучны и вялы.

— Хоть бы окна-то отворили; да и дура же баба какая! (рѣчь очевидно шла о помѣщицѣ) съ участіемъ глядя на дѣвочекъ, сказалъ мой пріятель. — Вонъ посмотрите, какія онѣ сердечныя, блѣдныя да больныя и какъ тоскливо глядятъ-то. Небось сластями, да разной дрянью закармливаютъ; все въ комнатѣ сидятъ согнувшись надъ книжкой. Небось французская мадамъ имъ сердешнымъ ни сѣсть, ни стать по волѣ не позволяетъ; слова молвить по душѣ не даетъ!..... Были бы они здоровы и веселы, да и умнѣе были бы, коли бы кормили ихъ, какъ слѣдъ, да на привольный воздухъ выпускали: на травкѣ душистой полежать, побѣгать хорошенько и на солнышкѣ погрѣться. Эхъ, по боку бы этихъ мадамъ!... да и книжки туда же..... книжки дѣло хорошее; но вѣдь такъ книжки-то въ прокъ не пойдутъ! Только по пусту вѣкъ ихъ загубятъ эти мадамы.... съ убѣжденіемъ и жаромъ говорилъ Никита Сергѣичъ. Глаза его съ любовью и участіемъ смотрѣли на дѣвушекъ.

Тѣ же въ это время, видя, какъ Никита Сергѣичъ горячо объяснялся и энергически указывалъ головой на ихъ окна, (что въ порядочномъ обществѣ считается въ высшей степени mauvais genre'омъ) вѣроятно думали слѣдующее: «вонъ глупый мужикъ идетъ; нѣтъ въ немъ никакого чувства, ни какой мысли: какъ лошадь машетъ головой на наши окна; правду papa говоритъ, что безъ палки съ нимъ невозможно объясняться»! «Dieu de bonté, a t'on jamais vu un peuple, aussi stupide que celui-là»! восклицаетъ гувернантка-француженка, жеманно подымая очи къ небу. На болѣзненныхъ и тупыхъ лицахъ маменьки и дочекъ появляется сочувственная улыбка...

Чтобы пояснить нѣсколько, какимъ образомъ Никита Сергѣичъ могъ такъ рѣзко выдаваться среди народной массы, поставленной въ условія, вовсе не благопріятныя развитію сколько нибудь значительной степени разумности, а тѣмъ болѣе пріобрѣтенію познаній и развитію эстетическаго чутья, не мѣшаетъ разсказать слѣдующее.

Развитію моего пріятеля помогли совершенно случайныя условія, какъ оно впрочемъ большей частью бываетъ. Много лѣтъ тому назадъ, молодой медикъ, отправлявшійся изъ Петербурга въ Одессу, проѣзжая чрезъ село Знаменовку, заболѣлъ и остановился у отца Никиты Сергѣича. Послѣдній былъ въ то время двадцати лѣтъ отъ роду. Случилось это зимой, работы было мало, онъ сидѣлъ дома и потому могъ ухаживать за больнымъ, которому чрезвычайно понравился. Чрезъ недѣлю молодой проѣзжій оправился и собирался ѣхать; началъ онъ уговаривать молодаго Колесникова ѣхать съ собою въ Одессу, обѣщая учить его медицинѣ, къ которой Никита въ короткое время успѣлъ пристраститься замѣтно. Отецъ согласился отпустить сына. Такимъ образомъ Колесниковъ попалъ въ городъ. Докторъ,

который вскорѣ сильно къ нему привязался, былъ болѣнъ чахоткой и года чрезъ два умеръ. Однако Никита Сергѣичъ не терялъ времени и, еще при жизни его, успѣлъ научиться многому. По смерти медика, онъ пробылъ еще два года въ Одессѣ; выучился столярному и кожевенному дѣлу. Вообще любознательность его была замѣчательна: не было фабрики, завода, которыхъ бы онъ не высмотрѣлъ и не изучилъ до мельчайшихъ подробностей; всякая мало-мальски полезная или искусно сдѣланная вещь обращала на себя его вниманіе. Тѣмъ не менѣе городская жизнь совершенно не пришлась моему пріятелю по сердцу. Онъ возвратился на родину, женился и занялся хозяйствомъ. Хозяинъ онъ былъ не дюжинный, работалъ за троихъ и за какое дѣло ни брался, большей частью удачно. А между тѣмъ богатъ Никита Сергѣичъ не былъ—дѣло въ томъ, что жить любилъ онъ широко, открыто; подъ часъ не прочь былъ угостить пріятелей, а главное, ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, и потому все проживалъ, что зарабатывалъ. Нечего и говорить о томъ, что онъ пользовался любовью всѣхъ окружныхъ поселянъ; пріобрѣсти ее ему стоило гораздо меньше труда, нежели всякому другому. Вліяніе его было сильное; впрочемъ въ послѣднемъ ему не уступалъ Иванъ Петровичъ, съ которымъ онъ былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ. Молодой медикъ, который игралъ такую важную роль въ развитіи Никиты Сергѣича, былъ человѣкъ съ большими познаніями, вмѣстѣ съ тѣмъ натура поэтическая, легко увлекающаяся, притомъ высоко-нравственный юноша. Какъ видно, онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Никиту Сергѣича, и каждое слово доктора глубоко запало въ его душу; по многому, можно было судить, что это былъ за человѣкъ и какого рода было его вліяніе. Прошло безъ малаго тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, а человѣкъ, обязанный ему умственнымъ и нравственнымъ рожденіемъ, вспоминаетъ о немъ съ благоговѣніемъ, какъ о чемъ-то святомъ. Но вообще по весьма понятному чувству, вслѣдствіе котораго нѣкоторые люди крайне неохотно касаются тѣхъ воспоминаній, которыя особенно дороги и близки и оставили въ нихъ неизгладимый слѣдъ, Никита Сергѣичъ никогда не говоритъ со мной о докторѣ, и только во все время нашего знакомства, какъ-то разъ, онъ былъ въ особенномъ настроеніи. Я воспользовался такого рода минутой, удачно коснулся этихъ воспоминаній, и вотъ тогда-то узналъ разсказанныя мной подробности.

Теперь обращусь опять къ тому, какъ я собирался научиться косить.

— Домикъ и усадьба есть, землицы вдоволь, овецъ тоже достаточно, говорилъ Никита Сергѣичъ: — ну, чего вамъ еще нужно? на что вамъ косить, коли есть за что нанять работника?

— Отчего же не умѣть травы, пшеницы накосить, если придется? Положимъ, теперь я могу и безъ того обойтись; а завтра можетъ сгорѣть все мое добро, пропадутъ овцы... да мало ли что можетъ случиться! не милостыню же мнѣ просить тогда?

Никита Сергѣичъ внимательно и нѣсколько задумчиво смотрѣлъ на меня.

— Ну, тогда въ царскую службу можно пойдти сказалъ онъ.

— Тамъ и безъ меня много; до службы я не охотникъ, — мнѣ любо сельское дѣло, и полевыя работы приходятся по сердцу...

Мы условились на слѣдующій день на зарѣ отправиться въ поле. Это было въ концѣ мая. Я собрался за часъ до восхода солнца, заѣхалъ къ Никитѣ Сергѣичу и отъ него мы отправились въ поле. Изъ дому не забылъ захватить съ собою отличную наливку; хотя мы оба вообще были люди трезвые, но иногда въ какіе либо экстраординарные случаи—любили выпить. Да и притомъ, я въ тайнѣ замышлялъ привести своего пріятеля въ веселое расположеніе духа; а на него именно такого рода дѣйствіе оказывалъ алкоголь: онъ дѣлался сообщительнѣй, на все глядѣлъ добродушно.

До сумерекъ мы пробыли въ полѣ; косить я выучился и впослѣдствіи косилъ хорошо; но все же несравненно хуже учителя.

Познакомился я съ Никитой Сергѣичемъ вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Возвращаясь какъ-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ далека, я не терялъ ни минуты и, на сколько возможно простому смертному, спѣшилъ домой. Дорога глухая; столбовъ верстовыхъ нѣтъ, тогда еще и телеграфная линія не была проведена, такъ что зимою рѣшительно не было возможности ѣздить, чуть маленькая мятель поднимается, и можно навѣрное ручаться, что не попадете на станцію во время. Притомъ, на станціяхъ только по 4 тройки, по причинѣ незначительнаго проѣзда; да и лошади-то были дрянь страшная и кормились съ грѣхомъ пополамъ. Пріѣзжаю я на послѣднюю станцію, которая находилась верстахъ въ тридцати отъ моего хутора. Проѣхавъ на перекладной верстъ 600 безостановочно, усталый и съ возбужденными нервами, отъ вѣтра, тряски и безпокойной ночи, постоянно только и грезилъ о томъ, какъ войду въ теплую комнату, сброшу съ себя все платье, омоюсь и тотчасъ же кинусь на кровать, чтобы заснуть мертвецкимъ сномъ. Голодному грезится вкусный обѣдъ, усталому и замерзающему теплая комната и покойная постель. Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которыхъ какое либо сильное желаніе заставляетъ забыть усталость, терпѣть всякія муки и думать только о томъ, какъ бы скорѣе достигнуть цѣли, и потому всякое препятствіе меня раздражаетъ, выводитъ изъ терпѣнія. Я полагаю, что мученіе не малое: именно проскакать 600 верстъ, ни минуты не от-

дыхая, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ желая добраться поскорѣе къ цѣли и вдругъ въ тридцати верстахъ отъ дому, то есть почти у двери дома, быть вынуждену переждать цѣлую ночь. Не всякій на это способенъ; что до меня касается, я скорѣе бы пѣшкомъ пошелъ, но не сидѣлъ бы на мѣстѣ! И потому, меня никогда мятели остановить не могли; но обыкновенно сами ямщики не хотятъ ѣхать, и въ такихъ случаяхъ приходится уговаривать и, разумѣется, прежде всего предложить щедрую на водку. Послѣднее, очень естественно, всегда бываетъ увѣнчано успѣхомъ; да и притомъ наши ямщики держатся пословицы: «двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать», и нежеланіе ѣхать, по причинѣ мятели, большей частью только предлогъ.

Я пріѣхалъ на станцію уже вечеромъ, часу въ девятомъ. Подымалась мятель, вѣтеръ былъ сильный; ямщикъ не хотѣлъ ѣхать, но, по обыкновенію, далъ себя уговорить: предложенный рубль сдѣлалъ свое дѣло и мы поѣхали. Въ нашихъ степяхъ, даже если вовсе нѣтъ выюги, то сбиться съ дороги не мудрено, если только выпалъ глубокій снѣгъ. Ровно какъ скатерть, ни столба, ни дерева, ни горки, ровно никакой примѣты... гдѣ дорога? кто его знаетъ! отвѣтъ который слышится у насъ чаще всякаго другаго. За то степняки большіе мастера по вѣтру и по звѣздамъ ѣздить. Выѣхали мы сначала будто хорошо; но ѣдемъ часъ, другой и наконецъ третій.... ѣдемъ очень быстро, такъ что по разсчету давнымъ давно слѣдовало бы быть дома,— а между тѣмъ ни села, ни хутора не видно; наконецъ заѣхали въ какую-то глубокую балку. Судя по виду и направленію балки, ничего похожаго на близость хутора не было; словомъ нельзя было сомнѣваться въ томъ, что мы заблудились. Досадно, а все же легче, нежели сидѣть на станціи! Въ этомъ случаѣ воля была безсильна; здѣсь была абсолютная невозможность поставить на своемъ; здѣсь природа, то есть, вся необъятная сложность внѣшнихъ, чуждыхъ мнѣ вліяній, не находящихся въ моей власти, ограничивала меня и насиловала мою волю. Мы рѣшились остановиться въ балкѣ и нѣсколько переждать; тѣмъ болѣе что въ балкѣ было затишье. Въ саняхъ находилось много сѣна, которое я предусмотрительно положилъ на станціи, точно ожидая случившагося: такимъ образомъ, было что дѣлать и усталымъ лошадямъ. Мы простояли часа полтора и потомъ снова двинулись въ путь. Опять провозились неудачно цѣлыхъ два часа; измученныя лошади еле двигались; правили мы поочередно; ноги начинали порядкомъ зябнуть; вѣтеръ нестерпимо раздражалъ лицо... наконецъ, что-то зачернѣло вдали. Подъѣзжаемъ ближе — оказалось село: темныя точки избъ обрисовывались ясно; какое село — намъ до этого дѣла не было: мы всякому жилью рады были.

Кое какъ пробравшись къ занесенному снѣгомъ выгону, мы наконецъ въѣхали въ улицу и остановились возлѣ первой избы, въ которой ярче свѣтился огонь. Изба, сарай, весь дворъ—все было занесено снѣгомъ; ямщикъ въѣхалъ во дворъ. Притаившаяся отъ вьюги, подъ амбаромъ, между боронами, собака, неожиданно кинулась на насъ и подняла неистовый лай. Я постучалъ въ окно. Тотчасъ же завозилось что-то около двери, заскрипѣлъ засовъ, и плотный, пожилой мужчина, красивой и умной наружности, впустилъ насъ въ избу. Вся семья сидѣла за завтракомъ; оказалось, что было уже часовъ пять утра. Комната была опрятная, красивая; лавки широкія и чистыя; стоялъ даже старый, деревянный диванъ. Противъ обыкновенія нашего православнаго люда, образной уголъ не былъ заклеенъ цвѣтными бумажками и украшенъ бумажными и засушенными травами: притомъ въ немъ висѣлъ только одинъ образъ. На окнѣ лежало нѣсколько книгъ. Изба была большая, прочно и красиво построенная и состояла, по обычаю зажиточныхъ новороссіянъ, изъ сѣней посрединѣ и двухъ большихъ комнатъ по бокамъ; одна была раздѣлена перегородкой на двое. Все въ комнатѣ смотрѣло чрезвычайно чисто и весело; самъ хозяинъ глядѣлъ такъ умно и привѣтливо, что я тотчасъ же почувствовалъ себя чрезвычайно пріятно; да и вообще человѣкъ усталый, къ тому же проблудившій всю ночь на холодѣ и вѣтру—дѣлается менѣе разборчивымъ. Не много тогда нужно, чтобы вызвать пріятныя ощущенія въ самомъ избалованномъ эпикурейцѣ.

Я сбросилъ бурку и пальто, вытеръ лицо и волосы, мокрые отъ снѣга, и, присѣвъ къ столу, почти съ наслажденіемъ выпилъ стаканъ водки. Хозяинъ угощалъ и бесѣдовалъ со мной съ такимъ достоинствомъ, какъ, можетъ быть, и не снилось иному владѣтельному князю. На столѣ была прекрасная сметана, рядъ гречневыхъ блиновъ и творогъ. Я ѣлъ такъ усердно и съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ нѣкогда едва ли могъ лакомить себя Лукуллъ, который заказывалъ своимъ поварамъ соусы изъ соловьиныхъ языковъ.

Семья хозяина состояла изъ жены, женщины, какъ видно, бывшей въ свое время очень красивой, сына лѣтъ семнадцати и дочери, казавшейся четырьмя годами моложе брата. Съ первой же минуты, какъ я вошелъ къ нимъ, хозяинъ и семья его произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе. Всѣ говорили со мной просто, привѣтливо, безъ тѣни самоуничиженья, словомъ... все мнѣ приходилось въ нихъ по сердцу. Какъ и слѣдовало ожидать, село это оказалось Знаменовка; а хозяинъ дома — былъ мой будущій другъ и пріятель, Никита Сергѣичъ Колесниковъ.

Я напился у него чаю, просидѣлъ еще часа три и наконецъ собрался домой, куда, не смотря на усилившуюся мятель, добрался вполнѣ

удачно, что впрочемъ было не трудно: во первыхъ, былъ уже часъ одиннадцатый дня, притомъ хуторъ мой находился отъ села менѣе, нежели въ пяти верстахъ.

Въ послѣдствіи, мы постоянно охотились вмѣстѣ съ Никитой Сергѣичемъ и, какъ-то однажды, застигнутые подъ вечеръ мятелью, сильно промерзли и проблудили всю ночь по степи. Но замерзнуть въ нашемъ краѣ ей-ей мудрено. Морозовъ сильныхъ у насъ не бываетъ и, если только человѣкъ со смысломъ, а главное не пьянъ, или не болѣнъ, то замерзнуть довольно трудно; такъ что я положительно въ подобныхъ случахъ обвиняю несмышленность тѣхъ, кто мерзнетъ. Не умѣютъ вести себя какъ слѣдуетъ въ такомъ критическомъ положеніи — отъ того и мерзнутъ! Говорятъ нѣкоторые, что скептицизмъ мой будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока самъ не замерзну... очень можетъ быть, что въ послѣднемъ замѣчаніи есть доля правды, но, пока не приключится такое грустное происшествіе, все же не повѣрю! Во всякомъ случаѣ, свой личный авторитетъ для меня выше всякаго другаго. Вообще человѣкъ имѣетъ полное право вѣрить личному убѣжденію больше, нежели показаніямъ лицъ постороннихъ!..

И. ОКНЕРУЗДИНЪ.

ЗАКОУЛОКЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

IX.

Въ августѣ мы приходили изъ лагерей, и начинались классы. Я попалъ въ одно отдѣленіе съ Ивинымъ, фельдфебелемъ Горномъ и Удаловымъ 2-мъ, который остался въ этомъ классѣ на другой годъ. Все пошло обыкновеннымъ порядкомъ: фронтовыя ученья, классы, отпуски, дурные и хорошіе балы...

Ивинъ съ Удаловымъ 2-мъ, почти ничего не дѣлая, хорошо учились, потому что оставались въ классѣ второй годъ и имъ все было знакомо. Удаловъ 2-й совсѣмъ ничего не готовилъ, а все подъ столомъ читалъ какія-то книги.

Разъ, въ перемѣну, я заглянулъ въ ящикъ его и нашелъ тамъ французскую книгу.

— Что это такое? спросилъ Горнъ, подходя.

— Histoire de la Révolution, прочелъ я.

— Что-жь это, развѣ онъ ужь съ подробностями на второй-то годъ проходитъ? должно быть, для этого оставался! спросилъ Горнъ насмѣшливо. Никто не любилъ Удалова 2-го.

Въ это время кто-то ужасно больно сжалъ мнѣ плечо.

— Я бью тѣхъ, кто ко мнѣ лазитъ, грозно крикнулъ Удаловъ: — не попадайся во второй разъ! Слышишь! Онъ еще разъ сжалъ мнѣ плечо.

Я вспыхнулъ отъ досады и боли, но, зная Удалова, стушевался. Удаловъ 2-й оглядѣлъ Горна съ ногъ до головы со злобой.

— А ты понялъ, спросилъ онъ его дерзко: — понялъ это заглавіе?

— Чего-жь не понять? исторія революціи — у насъ же это учатъ! Мы съ тобой въ одномъ классѣ, кажется!

— А ты знаешь, напримѣръ, что такое баррикады?

— Когда нужно будетъ, узнаю, отвѣчалъ тотъ уклончиво, видимо уже тяготясь разговоромъ.

Вслѣдствіе этого разговора, мы было прозвали его «баррикадой», но первый же, употребившій въ дѣло это прозвище, получилъ такую встрепку, что дня два, кажется, не могъ спиной къ скамейкѣ прислониться.

Разъ даже изъ этого вышла съ нимъ непріятность.

Учитель исторіи, щуря однажды, послѣ обѣда, свои заспанные глазки и складывая поспокойнѣй руки на толстомъ животикѣ, вызвалъ его отвѣчать.

— Царствованіе Луи-Филиппа, протянулъ онъ лѣниво.

— И февральскую революцію? спросилъ Удаловъ 2-й подымаясь.

— Баррикады! крикнулъ кто-то тихонько. Удаловъ мрачно глянулъ въ ту сторону...

— Ну, да, тамъ Луи-Филиппа — поскорѣй! еще нужно кого нибудь спросить...

Удаловъ, нѣсколько затрудняясь въ словахъ и плохо, иногда очень книжно выражаясь, какъ вообще отвѣчающій урокъ кадетъ, пустился однако въ такія подробности, что учитель видимо ужь началъ недоумѣвать и самъ не зналъ, откуда и что тотъ говоритъ, и такъ ли.

То, что разсказывалъ Удаловъ 2-й, было такъ намъ ново и странно, что мы всѣ съ интересомъ слушали, оставивъ свои книги.

— Потомъ... потомъ, говорилъ Удаловъ, хмурясь и торопясь, но съ одушевленіемъ: — начали стрѣлять...

— Ну, довольно-съ! сказалъ очень сухо учитель: — хорошо, садитесь, садитесь!

Онъ замѣтилъ у двери солдата — знакъ, что сейчасъ войдетъ генералъ.

Но не успѣлъ Удаловъ сѣсть, какъ дверь распахнулась, и генералъ явился. Мы всѣ встали. Учитель поклонился.

— Что вы дѣлали? спросилъ генералъ, закладывая руку за бортъ сюртука, и окинулъ взглядомъ классъ.

— Я сейчасъ спрашивалъ Удалова 2-го, ваше превосходительство.

— А! Удаловъ! — продолжайте-съ. Я не мѣшаю!

Удаловъ всталъ.

Учитель почему-то смѣшался и захлопоталъ.

— Вы, Удаловъ, покороче, всѣ эти подробности опустите! теперь-съ, кто послѣ Луи-Филиппа. А то вы очень подробно, замѣтилъ онъ.

— Зачѣмъ же, перебилъ директоръ: — продолжайте съ того мѣста, гдѣ кончили; я никому не мѣшаю, прибавилъ онъ и строго поднялъ сѣдую голову. Удаловъ потупился.

— Передъ дворцомъ слышались тѣ же крики, началъ онъ, какъ бы припоминая.

— Какіе? вдругъ спросилъ директоръ.

— Смерть Гизо! гораздо тише сказалъ Удаловъ 2-й.

— А! ну, дальше! сказалъ директоръ гораздо внимательнѣе.

— Въ это время во дворцѣ... во дворцѣ, продолжалъ путаясь, по обыкновенію, Удаловъ: — революціонеры выломали заборъ, стѣну. Тамъ караулъ оказывалъ... оказывалъ еще сопротивленіе....

— Постойте! перебилъ директоръ: — за что былъ изгнанъ Луи-Филиппъ? И кѣмъ былъ изгнанъ?

— Всѣ... народъ... отвѣчалъ Удаловъ:—были недовольны...

— Вы думаете? Черневскій, продолжайте! сказалъ директоръ.

Я не ждалъ, что меня спросятъ.

— Послѣ Луи-Филиппа... послѣ Луи-Филиппа на престолъ вступила герцогиня Орлеанская, герцогиня Орлеанская...

— Разскажите намъ, Черневскій, подробности: вамъ ихъ вѣрно передалъ господинъ учитель, язвительно замѣтилъ генералъ.

— Я не знаю-съ подробно, ваше превосходительство.

— Этого у нихъ нѣтъ, ваше превосходительство, ни въ классѣ, ни въ программѣ, и я не разсказывалъ, оправдывался учитель:— это онъ ужь самъ.

— Изъ какихъ вы источниковъ, Удаловъ?

— Изъ разныхъ, ваше превосходительство, тихо отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ вы ихъ достаете? Вы намъ скажете?

— Нѣтъ-съ, вдругъ такъ какъ-то странно рѣзко и грубо брякнулъ Удаловъ, что, кажется, самъ почувствовалъ, что дѣло плохо.

— Вы забываете, съ кѣмъ говорите, строго крикнулъ генералъ, вспыхнувъ. — Вы мнѣ скажете! прибавилъ онъ настойчивымъ тономъ.

Удаловъ мрачно потупился и молчалъ.

— Скажете?!.

Опять молчаніе.

— Такъ спросите его! обратился онъ къ дежурному, высокому капитану и, быстро выходя изъ класса, прибавилъ: — я жду вашего отвѣта!

Удаловъ молча вышелъ изъ класса. Уже къ перемѣнѣ онъ воротился блѣдный.

X.

Разъ, когда я, собираясь въ отпускъ, чистилъ каску въ спальнѣ, Ивинъ помогалъ мнѣ управляться и грустно замѣтилъ:

— Вотъ ты въ отпускъ идешь, эту милочку Малашу увидишь, а я буду здѣсь сидѣть. Какая скука!

— Пойдемъ къ нимъ вмѣстѣ, сказалъ я, полушутя.

— А что, если пойти; въ самомъ дѣлѣ — ничего?

— Ну да, ничего, отлично! обрадовался я.

Шутка быстро перешла въ дѣло. Нѣкоторыхъ въ то время начали пускать безъ провожатаго и насъ съ Ивинымъ въ томъ числѣ.

Я познакомилъ Ивина съ Марьей Кондратьевной, что было, конечно, просто и легко, какъ нельзя больше. Ивина же я не узналъ тамъ. Онъ и всегда былъ милъ и веселъ, а тутъ какъ-то особенно одушевился, очень много разсказывалъ, смѣялся. Невозможно было не поддаться его милой, откровенной улыбкѣ, его искреннему и веселому смѣху.

— Милый какой! замѣтила Марья Кондратьевна вслухъ безъ всякой церемоніи.

Ивинъ раскраснѣлся и немножко потупился.

Малаша внимательно на него смотрѣла своими голубыми глазками, какъ-то неудержимо, одушевленно смѣялась при его шуткахъ и обо мнѣ точно совсѣмъ забыла.

Мнѣ было очень грустно это обстоятельство. Я забился въ

уголъ и молчалъ, и даже какъ будто нѣкоторое враждебное чувство къ Ивину испытывалъ.

Когда мы воротились въ корпусъ, Ивинъ спросилъ:

— Что ты такой? Боленъ что ли?

— Нѣтъ, отстань! разсердился я и потомъ, когда даже всѣ спать легли, долго ходилъ по корридору и думалъ, что́ бы мнѣ такое сдѣлать, чтобы выиграть въ мнѣніи Малаши. — Вотъ, думалъ я, еслибы на Малашу напалъ волкъ, а я бы кинулся и задушилъ его. Или, если бы изъ подъ шкапа въ спальнѣ выползла змѣя и хотѣла бы ужалить Малашу, а я бы убилъ змѣю, тогда бы меня всѣ хвалили, всѣ бы говорили: какой я храбрый! И у меня сердце замирало при мысли, какъ храбро кинулся бы я на волка. Вотъ если бы мы еще съ ней вмѣстѣ на кораблѣ по морю ѣхали, думалъ я: — и вдругъ бы буря... Корабль трещитъ, мы тонемъ, но я спасу Малашу и буду съ ней жить на необитаемомъ островѣ...

Мечты эти меня ужасно одушевили и взволновали. Я началъ припоминать читанное мною въ романахъ о морѣ и корабляхъ и вдругъ вспомнилъ, что Иванъ Иванычъ, нашъ учитель русскаго языка, задалъ намъ темы для сочиненій. Одна тема называлась «Корабль»: фразы романовъ о бурно-шумящемъ морѣ, о глухомъ плескѣ прибрежныхъ валовъ въ крѣпостныя стѣны и гранитныя скалы, которыя я припомнилъ, меня взволновали такъ, что мнѣ ужасно захотѣлось ихъ написать, конечно, какъ свои. Мнѣ онѣ казались своими, или лучше сказать, я этого не разбиралъ, чьи они — такъ ужь они были красивы сами по себѣ. Я началъ ихъ писать карандашемъ, усѣвшись подъ лампой въ корридорѣ.

— Ложись спать, приказалъ Горнъ: — чего ты тутъ?

— Къ завтраму сочиненіе нужно, отвѣчалъ я, и меня ужь не трогали.

Сочиненіе, сколько могу припомнить, все состояло изъ пошлѣйшихъ общихъ мѣстъ, которыя прежде иногда называли «хорошимъ слогомъ».

Но помню, что писать мнѣ было очень пріятно. Это было какое-то особенное, возбужденное, взволнованное состояніе, которое испытываетъ хоть разъ въ жизни, я думаю, всякій человѣкъ, даже не писавшій никогда ни одной строчки, когда онъ дѣлаетъ что нибудь новое или необыкновенное.

Я перечитывалъ и заучивалъ наизусть написанное и уже очень

поздно, утомленный этимъ волненіемъ, легъ спать, положивъ сочиненіе подъ подушку, чтобъ утромъ, при дневномъ свѣтѣ, прочитать его съ новымъ радостнымъ чувствомъ.

Мнѣ снились какіе-то все корабли, Малаша, Ивинъ, необитаемые острова, плескъ волнъ какихъ-то и стоны погибающихъ среди темной ночи...

XI.

Утромъ, во время занятій, я подошелъ къ Ивину. Онъ прилежно занимался урокомъ.

— Послушай, ты сдѣлалъ сочиненіе?

— Конечно. А ты?

— Тоже сдѣлалъ. Да вотъ не знаю, какъ оно покажется, началъ я, нѣсколько конфузясь и боясь смутно за нѣкоторыя мѣста сочиненія. Но потомъ, вспомнивъ другія мѣста, которыя казались мнѣ хорошими, воспламенился духомъ при мысли, какъ они должны понравиться Ивину. — Знаешь, я бы хотѣлъ тебѣ прочитать... Я не знаю, хорошо ли, понравится ли Ивану Ивановичу?

Тотъ удивился, что я придаю этому такое значеніе.

— Чтожь, сказалъ онъ: — развѣ въ первый разъ! Ну, не понравится—къ чорту! очень тебѣ нужно—вѣдь это не урокъ. Недостанется же, штрафнаго бала не поставитъ.

— Не то, возразилъ я, почему-то разсердившись на него въ первый разъ за низкій уровень его понятій: — я видишь, хотѣлъ бы тебѣ прочесть, какъ тебѣ понравится.

— Я занимаюсь, слегка возразилъ онъ: — чтожь тутъ читать? Извѣстно, сочиненіе....

— Да нѣтъ же, Господи! опять разсердился я и хотѣлъ было ему разсказать всю эту ночь, какъ она для меня прошла, какъ все это писалось, но, привыкнувъ къ постоянной скрытности, удержался.

— Если я тебѣ мѣшаю, такъ не надо, сказалъ я въ пику ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего! быстро и съ участіемъ, но все таки удивляясь, началъ онъ, и улыбаясь своей доброй, милой улыбкой.

Эта улыбка меня ободрила. Я отозвалъ его къ окну и на—

чалъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ читать свое сочиненіе подъ шумъ и говоръ кадетъ, понижая голосъ, когда этотъ шумъ утихалъ и совсѣмъ переставая читать, когда кто нибудь подходилъ.

— Ну, какъ тебѣ кажется? спросилъ я съ нетерпѣніемъ.

— Это не такое сочиненіе, какія мы всѣ подаемъ, началъ онъ задумчиво, раскрывая свои большіе сѣрые глаза.

Я обрадовался. — Такъ тебѣ очень нравится?

— Нѣтъ, совсѣмъ не нравится. Это, началъ онъ съ усиліемъ, точно что-то припоминая: — это какъ въ книжкахъ пишутъ. Нѣтъ или не такъ... Нѣтъ, такъ, рѣшилъ онъ окончательно: — это мы Аммалатъ-бека съ тобой читали, такъ похоже очень.

Я оскорбился и молча свернувъ тетрадь пошелъ къ столу.

Ивинъ объ авторскомъ самолюбіи, конечно, не имѣлъ никакого понятія, а то навѣрное началъ бы меня утѣшать. Онъ никакъ не ожидалъ, что такъ меня огорчитъ своимъ откровеннымъ отвѣтомъ.

Барабанъ ударилъ.

— Господа, строиться въ классы! Скорѣй! кричалъ офицеръ.

Я еще больше разстроился, когда, стоя въ рядахъ и просматривая сочиненіе, самъ нашелъ нѣкоторыя мѣста что-то того....

На каѳедру взошелъ Иванъ Иванычъ своей тяжелой, скорой походкой, съ портфелемъ въ рукахъ; это означало, что онъ спрашивать не будетъ, а весь классъ пройдетъ въ раздачѣ сочиненій.

Съ самаго начала класса мнѣ было весело, хоть и билось сердце. Что-то скажетъ? думалъ я. Солнце жарко свѣтило въ большія окна и весело блистало на полу. И меня очень веселила мысль, что спрашивать не будутъ. Кадеты тоже, довольные этимъ обстоятельствомъ, были веселы; въ классѣ слышался полусдержанный, веселый шопотъ и смѣхъ.

— Ты на какую тему?

— Корабли тамъ навалялъ!

— Что-то будетъ? кто первый?

Иванъ Иванычъ поправилъ очки и вынималъ одну за другой наши тетради изъ новенькаго, зеленаго портфеля.

— На этотъ разъ, господа, я долженъ вамъ сказать, началъ онъ, поглаживая короткіе, сѣдоватые волосы, и поднявъ на насъ очки свои, отчего они блеснули двумя свѣтлыми овалами на солнцѣ:—я долженъ вамъ сказать, что сочиненія вообще плохи.

Я упалъ духомъ и понурился, но все надѣялся, что буду исключеніемъ, и взглянулъ на Ивина.

Тотъ сидѣлъ спокойно и равнодушно улыбнулся при послѣднихъ словахъ.

— Есть и особенно плохія, продолжалъ Иванъ Иванычъ.

Классъ развеселился. «Это вѣрно твое!» слышался шопотъ и смѣхъ. «Ну нѣтъ, братъ, это ты что-то трудился»!

— Господа, я ничего не нахожу смѣшнаго въ этомъ грустномъ фактѣ. Никто почти изъ васъ не умѣетъ выражать свои мысли. А другой и умѣетъ отчасти, но что за скудость соображенія! Ну, какъ не найтись сказать о предметѣ хоть нѣсколько словъ? Напримѣръ, вотъ хоть Ивинъ!

Ивинъ всталъ.

— Ну, что вы написали нѣсколько строкъ? Развѣ это сочиненіе? И такъ сухо, коротко. Не хорошо-съ, очень не хорошо! Только бы отдѣлаться! Ну чтожь это такое?

Ивинъ слегка покраснѣлъ и потупился.

— Какъ умѣлъ, замѣтилъ онъ:—ла и корабля я, Иванъ Иванычъ, никогда отъ роду не видѣлъ, что же писать?

— Могли бы взять другую тему. Извольте-съ ваше сочиненіе.

Ивинъ вышелъ, молча взялъ тетрадь, не глядя положилъ ее въ столъ и продолжалъ заниматься.

— Вотъ и Черневскій тоже никогда не видѣлъ корабля, но, видно, что читалъ, составилъ себѣ объ этомъ предметѣ понятіе...

Сердце у меня сильно забилось...

— Черневскій, возьмите вашу тетрадь. Прекрасно-съ, очень хорошо, я отъ души порадовался. Вотъ, господа, единственное сочиненіе, въ которомъ я замѣтилъ умѣнье выражаться. Видно, что онъ обладаетъ слогомъ. И съ жаромъ написано, съ толкомъ, отлично! Возьмите.

Торжества полнѣе я и не представлялъ даже себѣ. Я чувствовалъ, что весь горю до самыхъ волосъ. Мнѣ было и пріятно и чего-то стыдно. Я взялъ тетрадь и, взглянувъ передъ собой, встрѣтилъ полувнимательные, полунасмѣшливые взгляды товарищей. Слышались замѣчанія:

— Сочинитель!

— Поэтъ! Это онъ потихоньку сочиняетъ!

Фельдфебель Горнъ, сидѣвшій на первой лавкѣ, оставилъ свою грифельную доску и, откинувшись назадъ, свысока оглядѣлъ меня.

Вообще мнѣ показалось, что больше были какъ будто не довольны. Быть можетъ, мнѣ это только показалось, но все-таки

вдругъ стало отъ чего-то горько и грустно. Одни только сѣрые, большіе глаза Ивина смотрѣли на меня съ сочувствіемъ и радостью. Онъ за меня радовался. Я почувствовалъ вдругъ такое расположеніе къ нему, что мнѣ захотѣлось къ нему подойти, но во время класса это было неудобно...

На моемъ сочиненіи красными чернилами Иванъ Иванычъ помѣтилъ: «отлично. Видно, что читаете и владѣете слогомъ вполнѣ. Желательно, чтобъ вы больше вниманія обратили на нѣкоторую способность къ сочиненіямъ, которую я въ васъ замѣчаю».

Я читалъ и перечитывалъ эту надпись, училъ ее наизусть и волновался. Потомъ перечелъ все сочиненіе, которое мнѣ вдругъ очень понравилось, потомъ опять читалъ надпись, держа тетрадь подъ столомъ, и не слыхалъ почти ни одного замѣчанія, которыя дѣлалъ Иванъ Иванычъ, раздавая сочиненія, и только очнулся, когда ударилъ барабанъ перемѣну, и все кругомъ меня засуетилось и зашумѣло...

— Черневскій, Черневскій! раздались голоса.

Я поднялъ голову и увидѣлъ Ивана Иваныча, который стоялъ у каѳедры съ портфелемъ, въ выжидающемъ положеніи, и глядѣлъ на меня.

— Пойдемте со мной, мнѣ нужно вамъ кое-что сказать, произнесъ онъ, выходя въ двѣри.

Идя за нимъ по корридору, я обращалъ на себя, къ несчастію, общее вниманіе. У насъ за учителями какъ-то ходили больше тѣ, которые получили штрафные баллы.

Поклонившись двумъ-тремъ офицерамъ и учителямъ по дорогѣ, Иванъ Иванычъ отвелъ меня въ уголъ корридора и остановился.

— Скажите, пожалуйста, что, вы много читаете? началъ онъ, обращая на меня свѣтлыя стекла очковъ: — это замѣтно, у васъ слогъ выработанный. Вы прекрасно языкомъ владѣете.

У меня голова закружилась и замерло сердце отъ новаго, пріятнаго ощущенія.

— Да-съ, я много читаю...

— Что же вы читаете?

— Все-съ... Вотъ журналы: «Современникъ»... и другіе! сказалъ я, и совралъ, потому что журналовъ никогда не читалъ, а только видѣлъ ихъ оглавленія, случайно запомнилъ два-три

имени, и при семъ удобномъ случаѣ опять совралъ, назвавъ этихъ писателей, какъ своихъ любимыхъ.

— Я больше, впрочемъ, критическія статьи читаю, поспѣшилъ я прибавить, не будучи въ состояніи остановиться въ своемъ враньѣ и вдругъ представивъ себѣ, что ужь дальше этого человѣческая премудрость идти едва ли можетъ.

Иванъ Иванычъ потупился.

— Ну да... критическія статьи... Но вѣдь всего не перечтешь — много! Вы гдѣ книги достаете? Заходите ко мнѣ — я вамъ буду давать. Я буду очень радъ васъ видѣть. Вѣдь здѣсь, я думаю, трудно книги доставать?

— Да-съ.

Иванъ Иванычъ, повидимому, сказалъ все, что хотѣлъ, и тронулся съ мѣста.

Тутъ я вдругъ еще одну ложь придумалъ. Кажется бы довольно, но я остановилъ Ивана Иваныча.

— Я пишу теперь рядъ сочиненій подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Очерки...» Позвольте вамъ ихъ представить, смѣло брякнулъ я, чувствуя, впрочемъ, къ себѣ отчасти презрѣніе за этотъ вопросъ, потому что никакихъ очерковъ не писалъ, и въ головѣ ихъ у меня не было до сихъ поръ.

— Сдѣлайте одолженіе, очень радъ. Что же вы давно мнѣ не сказали?

— Я теперь пишу въ этихъ очеркахъ объ древнихъ сказкахъ, продолжалъ я врать:—мнѣ хочется доказать, что этотъ родъ....

— Ну, хорошо; вы мнѣ вообще все принесите, прекратилъ мои разглагольствованія Иванъ Иванычъ, которому это начало, повидимому, надоѣдать.

Въ классѣ я встрѣтилъ Ивина, который сидѣлъ на моемъ мѣстѣ и смотрѣлъ въ мою тетрадь.

— Вотъ это отлично, сказалъ онъ, весело взглянувъ на меня съ нѣкоторымъ любопытствомъ и холоднымъ уваженіемъ, котораго не было въ нашей прежней короткости: — вотъ, братъ, ты какъ нынче! Онъ съ тобой сейчасъ говорилъ? Что онъ говорилъ такое?

— Ужасно, какъ хвалилъ, началъ я, нѣсколько важничая:— говорилъ, что я пишу совершенно какъ теперь писатели въ журналахъ. Просилъ бывать у себя, какъ можно чаще....

— Вотъ какъ! сказалъ какъ будто нѣсколько нерѣшительно

Ивинъ, смутно чувствуя, должно быть, что тутъ что нибудь не такъ.

— Да, братъ, началъ я, потупляясь:—онъ еще что мнѣ сказалъ—только ты, пожалуйста, никому не говори—у насъ какъ-то смотрятъ на это....

— Нѣтъ, не скажу. Что такое? спросилъ онъ, живо интересуясь.

Я зналъ, что на его слово можно положиться какъ на каменную стѣну и потому совралъ довольно спокойно, желая на этотъ разъ только передъ нимъ порисоваться.

— Онъ обѣщалъ послать какое нибудь мое сочиненіе для печати.

— Что ты? спросилъ онъ съ удивленіемъ и не подозрѣвая, что можетъ придти человѣку охота такъ безсовѣстно врать.

— А вотъ тебѣ не нравилось, Ивинъ! началъ я, уже торжествуя и съ снисхожденіемъ побѣдителя, т. е. не добивая побѣжденнаго въ конецъ, а ужь такъ пуская вскользь замѣчаніе, даже насмѣшливое.

— Да что жь я! я вѣдь что тутъ понимаю! Я самъ вонъ какъ плохо сдѣлалъ! сказалъ онъ, смѣясь добродушно надъ собою и даже будто какъ удивляясь, что я вспомнилъ объ его замѣчаніи: до того онъ себя забылъ.

— Ну, это отлично, что такъ вышло, продолжалъ онъ съ искреннею радостью, пожимая мнѣ руку: — ну что жь, ты будешь другія ему подавать?

— Да, и другія, сказалъ я небрежно, впадая въ лаконизмъ и умалчивая объ «рядѣ сочиненій».

XII.

Въ одно воскресенье вечеромъ, наѣвшись у Марьи Кондратьевны за обѣдомъ такъ, какъ только умѣютъ ѣсть воспитанники казенно-учебныхъ заведеній, я отправился къ Ивану Иванычу.

Онъ жилъ въ дальнемъ переулкѣ города, одинъ въ маленькой квартиркѣ. Я и прежде вскользь слышалъ объ немъ, что онъ очень умный, образованный, что у него много книгъ, но въ моей головѣ все это какъ-то примѣшивалось къ моему сочиненію. Мнѣ казалось, что онъ меня непремѣнно приметъ съ радостью, какъ все-таки не такого же какъ другіе кадеты (я ужь начиналъ это

подумывать), и что мы съ нимъ очень весело проведемъ вечеръ и поговоримъ—ну хоть объ моихъ сочиненіяхъ....

Я несъ ему толстую тетрадь, которую въ самомъ дѣлѣ написалъ, такъ какъ, упомянувъ объ очеркахъ, нужно же было что нибудь принести. Мнѣ не приходило въ голову, что Иванъ Иванычъ давно, можетъ быть, забылъ объ моихъ словахъ и не удивился бы, если бы я и не принесъ ему ничего.

Въ пріятныхъ мысляхъ шагалъ я по темному переулочку мимо фонарей, которые тускло свѣтились на почтительномъ другъ отъ друга разстояніи и освѣщали мокрый снѣгъ.

— Онъ будетъ мнѣ радъ, я знаю, думалъ я, стуча въ дверь, и вдругъ отчего-то оробѣлъ.

Дверь мнѣ отворила старуха-кухарка съ сальнымъ огаркомъ въ рукахъ.

— Баринъ спитъ, сказала она:—не велѣлъ будить. Вамъ его нужно теперь?

— Нѣтъ, я ничего, я приду послѣ. Черезъ часъ можно? спросилъ я, смущаясь.

— Да, чрезъ часъ заходите, онъ встанетъ.

Я ушелъ и обходилъ нѣсколько улицъ, потомъ зашелъ къ ротному командиру попроситься до 12 часовъ, потому что думалъ ужь такъ и просидѣть весь вечерокъ у Ивана Иваныча. Меня отпустили.

Когда я въ другой разъ постучался, мнѣ отворилъ уже самъ Иванъ Иванычъ въ халатѣ.—А, это вы! очень радъ васъ видѣть, сказалъ онъ.

Въ кабинетѣ сильно пахло табакомъ очень крѣпкимъ, и дымъ, какъ туманъ стоялъ въ комнатѣ. Кстати, это странно, но запахъ табаку для меня постоянно соединялся съ представленіемъ о чемъ-то очень умномъ. Сквозь дымъ свѣтилась лампочка подъ зеленымъ колпачкомъ на письменномъ столѣ, заваленномъ книгами и бумагами, и блистали стекла большаго шкафа, набитаго книгами.

Въ креслахъ передъ письменнымъ столомъ курилъ сигару какой-то высокій господинъ съ бакенбардами, перелистывая книгу. Онъ вскользь взглянулъ на меня.

— Вы извините, Черневскій, сказалъ Иванъ Иванычъ:—черезъ часъ мы съ нимъ ѣдемъ къ одинимъ знакомымъ; я одѣваюсь.

Онъ снялъ халатъ и повязывалъ галстухъ.

— Нѣтъ-съ, ничего, помилуйте! возражалъ я, конфузясь и

обманутый во всѣхъ своихъ ожиданіяхъ на этотъ вечеръ: — я уйду сейчасъ, не буду мѣшать.

— Нѣтъ, зачѣмъ же сейчасъ; посидите пока. Вотъ молодой человѣкъ, пишетъ тоже и удачно, обратился онъ къ господину съ баками.

Тотъ поднялъ голову отъ книги.

— Прозой, или стихами?

— Прозой, началъ я торопливо, желая въ короткое время побольше наговорить и представить себя со всевозможныхъ хорошихъ сторонъ передъ новымъ лицомъ: — я теперь принесъ вотъ эту тетрадь; тутъ цѣлый рядъ сочиненій: мысли, замѣтки и впечатлѣнія, вообще все, что иногда такъ незамѣтно проходитъ въ душѣ, но что, если мы замѣчаемъ и излагаемъ письменно, становится важнѣе многаго, повидимому, важнаго въ жизни...

Я все это сказалъ скоро, какъ можно скорѣй: мнѣ нравилась моя рѣчь. Написанная на бумагѣ, она кажется невозможною, но мало ли что говорится! И получше этого—самъ не замѣтишь.

Господинъ съ баками всталъ.

— А! сказалъ онъ:—мысли и впечатлѣнія! что же это, въ видѣ афоризмовъ, или въ иномъ родѣ — разсказы?

Я ободрился.

— Нѣтъ, не въ видѣ афоризмовъ, повторилъ я за нимъ, не желая показать, что не понимаю этого слова:—это просто рядъ очерковъ изъ жизни одного чиновника. Я вдругъ остановился и чего-то сконфузился.

— Чиновника? переспросилъ Иванъ Иванычъ. — Но откуда же вы знаете жизнь чиновниковъ? Чью же жизнь вы описываете?

— Я не знаю жизни чиновниковъ, уже не такъ бойко продолжалъ я:—я это такъ выдумалъ...т. е. это сочиненіе.

— Вы выдумали это сочиненіе? Да, это другое дѣло, серьезно замѣтилъ господинъ съ баками.

Кухарка принесла чай. Мы сѣли около стола. Мнѣ ужасно хотѣлось по кадетской привычкѣ свалить себѣ всю корзинку кренделей, но я удержался, подумавъ, что это неприлично при умныхъ людяхъ.

— Что, у васъ легко доставать книги? спросилъ господинъ съ баками:—вы много читаете?

— У насъ невозможно много читать, началъ я, опять одушевляясь желаніемъ выказаться съ хорошей стороны: — при всемъ желаніи познакомиться съ литературой, на это нѣтъ возможно-

сти, да и времени тоже нѣтъ, потому что ученья, гимнастика и танцы отнимаютъ очень много времени.

— Дѣйствительно, мало у насъ средствъ къ развитію. Я уже представлялъ необходимость выдавать книги или журналы, началъ Иванъ Иванычъ, обращаясь къ господину съ баками:—но нужно все это видѣть и знать.

— Воображаю! замѣтилъ господинъ съ баками, откидываясь на спинку кресла и поднимая свои большіе, красивые глаза къ потолку.

— Вотъ, напримѣръ, вчера приходитъ ко мнѣ въ классъ нашъ педагогъ, продолжалъ Иванъ Иванычъ, уже исключительно обращаясь къ господину съ баками, какъ о предметѣ имъ взаимно знакомомъ: — и говоритъ, чтобы я какъ можно ближе къ программѣ держался; «а то вы, говоритъ, что-то все имъ объясняете; ну, что тамъ мальчишкамъ философію объяснять!» такъ и сказалъ — философію объяснять. Иванъ Иванычъ разсмѣялся.

— Вотъ и живи съ такими! сказалъ господинъ съ баками. Онъ даже нѣсколько разгорячился и прошолся по комнатѣ.

Я слушалъ все это жадно, съ какимъ-то страннымъ удовольствіемъ, вотъ какъ соловья слушаютъ. Мнѣ было пріятно, что я попалъ въ общество такихъ умныхъ людей: и говорятъ-то они лучше—не то, что у насъ!

— Именно:

Люби покой, природу, книгу
И независимость храни...

продекламировалъ между тѣмъ, нѣсколько распѣвая, господинъ съ баками: — одно только и спасенье отъ этой грязи и тины!

Я не понималъ еще, въ чемъ дѣло: къ такому языку не привыкъ, но меня занимала собственно, такъ сказать, внѣшняя форма разговора.

— Чьи это стихи вы сказали? очень извѣстные-съ — только я забылъ, сказалъ я, не желая ударить лицомъ въ грязь. Я этихъ стиховъ и не помнилъ никогда.

— Некрасова, сказалъ Иванъ Иванычъ:—но послушайте, обратился онъ уже къ господину съ баками:—я все о Бѣлинскомъ—что за вѣрность взгляда и вкуса! рѣшительно непогрѣшимая въ искусствѣ! Все читалъ сегодня.

— Это мой учитель рѣшительно! сказалъ господинъ съ баками, мотнувъ головой съ такимъ выраженіемъ, что, молъ, и говорить нечего.

Я не понялъ и задумался. Мнѣ представился Бѣлинскій въ видѣ нашего учителя исторіи, толстый и маленькій; но какъ онъ спрашиваетъ у господина съ баками урокъ?—мнѣ показалось это такъ смѣшно, что я фыркнулъ нечаянно какъ-то, но тотчасъ же застыдился.

— Что вы смѣетесь? съ удивленіемъ спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Нѣтъ-съ, я такъ, началъ я, мучась, что сдѣлалъ глупо, и желая, чтобъ ужь не обращали на меня вниманія. Но и господинъ съ баками оборотился.

— Вы когда-жь учились у этого, у Бѣлинскаго? спросилъ я его вдругъ, торопясь постороннимъ вопросомъ загладить впечатлѣніе своего фырканья.

— Какъ учился? спросилъ тотъ, совсѣмъ не понимая.

— Нѣтъ, замѣтилъ Иванъ Иванычъ, немножко морщась и, кажется, тяготясь моимъ присутствіемъ:—вы не такъ поняли выраженіе «учитель». Бѣлинскій—это критикъ, очень извѣстный, съ огромнымъ талантомъ, воспитавшій цѣлыя поколѣнія... Да! А совсѣмъ не то....

Я сконфузился.

— Не пора ли намъ? спросилъ господинъ съ баками, усмѣхнувшись въ сторону и глядя на часы.

— Да, поѣдемте, сказалъ Иванъ Иванычъ, вставая:—извините, Черневскій, повторилъ онъ, взявшись за шляпу:—мы васъ довеземъ до корпуса.

Тутъ я выкинулъ еще колѣнцо.

Я подошелъ къ господину съ баками и протянулъ руку.

— Позвольте познакомиться!—Я Черневскій, сказалъ я съ какимъ-то даже достоинствомъ:—мнѣ будетъ очень пріятно съ такимъ умнымъ человѣкомъ....

Я даже захлебнулся отъ уваженія. Тотъ пожалъ мнѣ руку молча.

— Будетъ ли еще дома? спросилъ онъ у Иванъ Иваныча, не отвѣчая мнѣ.

— Будетъ! куда онъ выходитъ? отвѣчалъ Иванъ Иванычъ.

— Славная личность! прибавилъ господинъ съ баками. Вотъ

этакъ бы два три знакомыхъ, съ которыми душу можно отвести, да книги!

— Зарыться въ книгахъ отъ этой жизни, прибавилъ Иванъ Иванычъ, надѣвая калоши, съ одушевленіемъ...

XIII.

На слѣдующее воскресенье, на рожденье Малаши, которой исполнилось пятнадцать лѣтъ, мы отправились съ Ивинымъ обѣдать къ Марьѣ Кондратьевнѣ. Я очень гордился тѣмъ, что меня безъ провожатаго пускаютъ и что у меня начались знакомства съ умными людьми, и уже съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ шелъ въ такое пустое и глупое общество.

У Ивина же, повидимому, никакихъ подобныхъ соображеній не было.

Онъ радостно глядѣлъ кругомъ.

— Славный день сегодня! говорилъ онъ:—гляди, какъ хорошо! Только вотъ таютъ эти сосульки отъ солнышка—всего забрызгало... А небо-то какое синее! гляди!

— Да! отвѣчалъ я снисходительно.

Въ воротахъ мы встрѣтили Аксинью. Она поклонилась.

— Охъ ужь, батюшки! ждали все васъ, поди-ка-сь, съ утра, сказала она.

— Здравствуй, здравствуй, Аксиньюшка, сказалъ ей Ивинъ радостно:—здорова?

— Что мнѣ, батюшка, дѣлается?

— Ну, пойдемъ скорѣй, перебилъ я съ нетерпѣніемъ, досадуя на него за что-то.

На крылечкѣ встрѣтила насъ Малаша.—Что вы такъ поздно? сказала она. Ахъ Ивинъ! тихонько крикнула она и вспыхнула, потупившись.

Она какъ-то пополнѣла и еще похорошѣла въ послѣднее время.

Ивинъ прямо подошелъ къ ней и сейчасъ же заговорилъ.

— Съ днемъ рожденія васъ! началъ онъ скоро и весело: — а я за эту недѣлю ужасъ, какъ объ васъ соскучился! Уроки, все, все надоѣло, ей Богу! Такъ и думаю все: когда, когда воскресенье!

Малаша взглянула голубенькими глазками на него изъ под-

лобья и лукаво улыбнулась своими свѣжими губками, немножко краснѣя.

— И я тоже все думаю, сказала она: — все думаю, когда, когда воскресенье!

Ивинъ тихонько засмѣялся.

— И вы тоже!

— А мы съ бабушкой были нынче въ церкви, молебенъ отслужили, сказала серьезно Малаша, идя впереди и полуоборачиваясь къ Ивину.

Обо мнѣ они какъ будто забыли.

Полы у Марьи Кондратьевны и двери были чисто вымыты; по полу лежали узенькіе коврики и въ комнатахъ накурили смолкой.

Марья Кондратьевна, поднявъ очки на лобъ, качала головой и улыбалась.

— Озорники-то! говорила она:—ихъ съ утра ждутъ, а они вотъ... Ахъ, вы!

— Нельзя было, Марья Кондратьевна, началъ Ивинъ и очень скоро и подробно разсказалъ всю правду, почему было нельзя.

Къ обѣду пришелъ старецъ и сѣлъ за свой приборъ.

Ивинъ первый ему поклонился улыбаясь. За обѣдомъ онъ перемигивался съ краснѣющей Малашей, которая какъ-то все избѣгала моего взгляда.

— Мое почтеніе, вѣжливо сказалъ ему старецъ; мнѣ онъ никогда ничего не говорилъ подобнаго.

— Всѣмъ наукамъ васъ обучаютъ? продолжалъ онъ, ласково глянувъ на Ивина:—а какъ земля свое круговращеніе имѣетъ?

— Какъ она вертится-то? спросилъ Ивинъ и разсказалъ, какъ.

— Все суемудріе, замѣтилъ старецъ со вздохомъ.

— А я жь не знаю, весело возразилъ Ивинъ:—насъ какъ учатъ, такъ и вѣрю этому! Вотъ еслибъ я самъ могъ узнать,— а то не могу узнать—такъ и вѣ—рю! онъ мѣтился въ Малашу и кинулъ шарикъ.

— Ахъ, Ивинъ, оставьте! сказала она даже съ какимъ-то восторгомъ и съ единственною, кажется, мыслью лишній разъ сказать вслухъ его имя и подвести подъ что нибудь въ родѣ выговора такого милаго, какъ Ивинъ, чтобъ послѣ вдоволь насмѣяться и наговориться объ этомъ.

— Ты, миленькій мой, озорникъ не послѣдній, замѣтила съ любовью Марья Кондратьевна, грозясь на него.

Онъ очевидно дѣлался здѣсь общимъ любимцемъ. Мнѣ стало это досадно, и хотя я считалъ это общество ниже себя, но всегда непріятно терять, въ какомъ бы то ни было обществѣ.

Послѣ обѣда, въ этомъ простомъ кружкѣ, гдѣ ничего, конечно, не знали объ условныхъ приличіяхъ, меня почти позабыли. Малаша съ однимъ только Ивинымъ и говорила. Онъ всѣмъ нравился. Да и теперь, припоминая его, я думаю, что онъ не могъ и не нравиться. А тогда я удивлялся, отчего ему передо мной предпочтеніе, и хотѣлъ выиграть въ мнѣніи Малаши такой выходкой:

— А я сейчасъ пойду къ Ивану Иванычу, обратился я какъ бы къ Ивину, когда мы остались втроемъ.

— Кто это? спросила Малаша, нисколько, кажется, не огорчаясь, что я уйду.

— Нашъ русскій учитель, просто объяснилъ Ивинъ.

Я остался имъ не доволенъ.

— Это чрезвычайно умный и ученый человѣкъ, началъ я, важничая:—онъ просилъ меня бывать у себя.

— Что жь ты будешь у него дѣлать, у ученаго-то? спросила Малаша, полураскрывъ розовыя губки съ любопытствомъ.

Я за что-то разсердился.

— Онъ ему отличныя сочиненія подаетъ, вмѣшался Ивинъ:— лучше всего класса, — учитель ужасно какъ хвалитъ!

— Какое же «сочиненіе»? спросила та.

— А ты не знаешь? Я расхохотался самымъ обиднымъ смѣхомъ:—не знаешь?

— Чѣмъ же я виновата, сказала та, потупляясь и краснѣя.

— Какъ это глупо! продолжалъ я: — какъ глупо!

Малаша разсердилась, щечки ея вплоть до блестящихъ глазъ ярко вспыхнули.

— Глупо, такъ глупо! идите къ своимъ умнымъ, намъ васъ не надо!

Ивинъ страдалъ за насъ. Онъ, кажется, хотѣлъ такъ сдѣлать, чтобъ я надъ Малашей не смѣялся и чтобъ она не сердилась. Но это не удалось.

Я важно всталъ.

— Прощай, сказалъ я Ивину, не глядя на Малашу, и ушелъ къ Ивану Иванычу. Его я не засталъ дома, или онъ не сказался дома. И я пошелъ по улицамъ. Мнѣ стало вдругъ очень грустно. Я почувствовалъ себя почему-то одинокимъ: и Малаша со мной

не та, и Ивинъ не тотъ, думалъ я, по обычаю обвиняя другихъ, тогда какъ самъ былъ кругомъ виноватъ. Не хочу теперь идти къ Маріи Кандратьевнѣ, подумалъ я, направляясь въ корпусъ.

Заглянувъ въ пріемную комнату, я увидѣлъ какого-то большаго, чернаго гимназиста, задумчиво ходившаго взадъ и впередъ съ книгой подъ мышкой, которую онъ, кажется, нарочно держалъ переплетомъ вверхъ. Я прочиталъ: «сочиненія Пушкина» и рѣшился заговорить съ нимъ.

«Умный, должно быть», подумалъ я, и вслухъ прибавилъ: — вы къ кому-съ?

— Я къ Горну; я братъ его двоюродный, пояснилъ онъ, чѣмъ-то очень гордясь и съ большимъ достоинствомъ: — но у васъ тутъ ничего не дождешься; длинная процедура докладовъ, прибавилъ онъ, дѣлая умное лицо.

«Процедура докладовъ» — это хорошо, подумалъ я: — онъ умный.

— Бѣдность мыслительныхъ отправленій замѣчательная, сказалъ я съ убѣжденіемъ.

Гимназисту это, кажется, понравилось. Кстати прибавлю, что тогда у меня явилась странная способность запоминать фразы, только что слышанныя, и даже дѣлать изъ нихъ употребленіе при случаѣ.

— Вашъ братъ у насъ фельдфебелемъ, отлично учится, сказалъ я.

Гимназиста это, кажется, не проняло нисколько. Онъ даже поморщился.

— Да! сказалъ онъ: — но онъ ужасно неразвитъ и вслѣдствіе этого не интересуется ничѣмъ, что должно въ его года интересовать порядочнаго человѣка. А вѣдь мы съ нимъ ровесники, прибавилъ онъ, гордо поднимая голову.

— Неразвитіе ужасное, подхватилъ я въ первый разъ слышанное слово: — у насъ никто вотъ сочиненія не умѣетъ хорошо сдѣлать. Только мои сочиненія и есть. И вотъ никто кромѣ меня не читалъ Бѣлинскаго, Некрасова...

Согласитесь, что, слышавъ разъ только эти фамиліи, нужно было искусство составить изъ нихъ нѣчто игривое...

Гимназистъ точно вдругъ обрадовался, удивился, и отчасти сконфузился.

— Мнѣ очень пріятно, сказалъ онъ: — встрѣтить здѣсь такое развитіе...

— Позвольте познакомиться; я Черневскій, воспользовался я:—мнѣ тоже очень пріятно васъ встрѣтить.

— Насъ свяжутъ общіе интересы мысли, сказалъ гимназистъ, пожимая мнѣ руку.

Вошелъ фельдфебель Горнъ и удивился, что мы разговариваемъ.

— Ты знакомъ съ Черневскимъ? спросилъ онъ брата.

— Да, сейчасъ имѣлъ честь познакомиться, отвѣчалъ тотъ.

Мнѣ было чрезвычайно лестно это слышать.

— Какъ ты смѣшно сказалъ, замѣтилъ Горнъ: — «имѣлъ честь»... ей Богу!

Мы съ гимназистомъ взглянули другъ на друга и немножко пожали плечами, какъ люди, имѣющіе нѣчто общее и особенное отъ прочихъ непосвященныхъ, которые насъ не поймутъ, если-бы мы имъ и сказали свои убѣжденія.

— Дядя за тобой прислалъ, сказалъ гимназистъ небрежно, даже съ какимъ-то состраданіемъ: — чтобъ ты зашелъ сегодня; онъ письмо тамъ отъ твоихъ получилъ; нужно, говоритъ, тебя видѣть.

— Приду, только не надолго, отвѣчалъ тотъ: — у насъ завтра очень трудное изъ математики, хочется сегодня кончить. Вонъ Черневскій тоже вѣрно за этимъ такъ рано вернулся — видишь! Завтра даже твоя очередь отвѣчать, обратился онъ ко мнѣ.

Это мнѣ напомнило грубую дѣйствительность, и я захотѣлъ въ самомъ дѣлѣ заняться, чтобъ еще штрафнаго бала не получить.

— Прощайте-съ, сказалъ я гимназисту:—я, конечно, за честь сочту быть у васъ въ слѣдующее же воскресенье. Мнѣ нравилась моя фраза.

— Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, перебилъ тотъ, пожимая мнѣ руку.

Фельдфебель Горнъ смотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ. Зная насъ обоихъ очень просто, онъ, кажется, совсѣмъ не понималъ, съ какой стороны тутъ можетъ быть какая нибудь честь, или удовольствіе? Наше «развитіе» онъ, конечно, еслибъ и услыхалъ объ немъ, ни въ грошъ бы не поставилъ...

XIV.

Въ слѣдующую же субботу вечеромъ, маленькая комната, которую занималъ гимназистъ въ домѣ дяди, представляла слѣдующую картину:

Я сидѣлъ, поджавъ ноги, на стулѣ, передъ самоваромъ и свѣчкой, тускло горѣвшей, съ папироской въ зубахъ, и пилъ чай, очень конфузясь передъ дѣвицей, которая курила и разливала намъ чай, сидя на кушеткѣ, замѣнявшей и кровать. Эта дѣвица была сестра гимназиста, расхаживавшаго до головокруженія по комнатѣ, съ папироской.

Дѣвица дѣйствительно способна была сконфузить. Въ ней какъ-то ничего не было такого, что привлекаетъ въ дѣвицѣ. Не говоря уже про то, что она была собой не хороша, она еще, кромѣ того, сколько я помню, устроивала свою физіономію постоянно какъ-то особенно. Засмѣется она, бывало, такъ ужь и боишься чего-то: словно и на лицѣ-то у ней все были какія-то заднія мысли.

— Вотъ эта умная, не то, что Малаша! думалъ я, сравнивая эти два лица: — у Малаши нѣтъ такого выраженія, и это видно, что развитая, и какъ говоритъ! вотъ такъ говоритъ!

Я совѣстился много ѣсть при ней, и чувствовалъ, по непривычкѣ къ воздержности, какую-то тоску въ желудкѣ и курилъ собственно изъ подражанія, едва удерживаясь, чтобы не чихнуть отъ дыму. Раза два впрочемъ я и чихнулъ.

— Неужели же вы ничего не курите? спрашивала дѣвица, презрительно щурясь.

— Какъ же-съ, курю, отвѣчалъ я: — но больше легкія.

Я ужь привыкъ врать и дѣлалъ это не конфузясь.

— А! ну, то-то же! замѣтила она.

— Все, что вы намъ прочли, говорилъ между тѣмъ Горнъ, останавливаясь передо мною: — обличаетъ въ васъ натуру глубокую и страстную.

— «Корабль» вашъ и «Звѣзда» — это превосходно, подтвердила дѣвица, почему-то хмурясь.

Я таялъ совсѣмъ: еще никогда не случалось мнѣ слышать, чтобы мной такъ много занимались.

— Мнѣ только одно странно, что господинъ Черневскій, продолжалъ гимназистъ: — съ его наклонностями, противорѣча-

щими строго его обыденной жизни, попалъ въ такое мѣсто, какъ корпусъ.

— Насиліе, конечно, замѣтила дѣвица: — наши милые родные развѣ заботятся когда нибудь о природныхъ наклонностяхъ дѣтей!..

— Никогда, восклицалъ гимназистъ: — именно! Вѣчное торжество рутины!

«Господи! какъ это хорошо!» думалъ я: — «вѣчное торжество рутины!»

Пока они говорили, въ моемъ воображеніи нарисовалась цѣлая сцена, въ которой я былъ жертвой.

— Вотъ и со мной, сказалъ я, нѣсколько мѣшаясь, потому что нельзя же было вдругъ съимпровизировать:—тоже говорятъ, поступай! я прошу, умоляю... Но что же я могъ сдѣлать?

— Это ужасно! подхватила дѣвица: — деспотизмъ и деспотизмъ!

— Ну да, сказалъ я, увлекаясь своей картиной: — говорятъ, иди, знаете... проклятіе родительское... нѣтъ тебѣ благословенія—иди вонъ! Меня безъ чувствъ вынесли, прибавилъ я, въ самомъ дѣлѣ взволновавшись, хотя ничего подобнаго не было никогда.

— Ужасно! повторила дѣвица: — вотъ тоже мой милый папенька, старикъ нашъ. Я прошусь въ гувернантки; такъ видите ли, это, говоритъ, лишнее! въ гувернантки, говоритъ, идутъ, кому ѣсть нечего, а ты кусокъ хлѣба всегда имѣешь! ну вотъ и говорите съ нимъ!

— А жажда-то дѣятельности! а призваніе!.. помилуйте! уже кричалъ почти гимназистъ, наступая на меня.

— Ничего знать не хотятъ, тоже горячился я (и странно! помню, искренно даже горячился):—пусть начальство васъ мучитъ, пусть вы ищете убѣжать отъ этой жизни, уединиться въ чтеніи, въ размышленіи...

Я остановился потому, что самъ почувствовалъ, что занесъ чепуху.

Но, къ моему удивленію, эта чепуха произвела эффектъ неожиданный. Дѣвица стремительно пожала мнѣ руку, а братъ ея обнялъ и поцаловалъ меня.

— Я васъ понимаю, говорилъ онъ, ероша волосы:—мы другъ друга понимаемъ! Не правда ли, сколько въ немъ симпатичнаго? прибавилъ онъ и сестрѣ.

— Его чувства — наши чувства! говорила дѣвица, задумчиво склоняя голову и сбрасывая пепелъ съ папироски...

— Вашъ отецъ еще живъ? спросилъ гимназистъ, точно сердясь на кого-то.

— Да, какъ же! онъ ужасно строгій, насъ не любитъ и все по своему хочетъ дѣлать...

— Тиранъ семейства—общій типъ! замѣтила дѣвица.

Въ эту минуту за темными стеклами по улицѣ раздался тихій благовѣстъ.

Я вдругъ горько задумался... Передо мной мелькнуло доброе, любящее лицо сѣдаго старика, который цалуетъ насъ, ласкаетъ, дѣлаетъ для насъ по вечерамъ домино и солдатиковъ... «Что-то съ вами будетъ?» говоритъ отецъ, задумчиво глядя на насъ. А за темными окнами дома тихо раздается благовѣстъ съ колокольни сельской церкви...

Мнѣ стало совѣстно, горько, тяжело... Но это была одна минута...

Мы опять разговорились и только уже къ ночи, въ 12 часу, я воротился въ корпусъ, и долго ворочался на постели въ пріятныхъ размышленіяхъ.

Всѣ уже давно спали... Ночныя лампы тускло освѣщали ряды кроватей...

XV.

Съ этихъ поръ я сталъ часто ходить къ Ивану Иванычу и Горцамъ и брать книги и здѣсь и тамъ. Перечелъ я книгъ за это время пропасть, и вслѣдствіе этого, конечно, ученье мое шло плоше и плоше. Но я подавалъ сочиненіе за сочиненіемъ Ивану Иванычу, дѣлалъ другимъ сочиненія за булки и за пироги, и началъ получать уже нѣкоторую извѣстность, какъ умный, начитанный и развитой кадетъ. У меня уже образовался какой-то рѣшительный тонъ и нелѣпѣйшая нетерпимость, съ которою я лѣзъ всѣмъ въ глаза. Что это было всѣмъ непріятно, про это говорить нечего, и товарищи понемногу начали отъ меня отдаляться, кромѣ терпѣливаго и добраго Ивина. Я мало заботился, впрочемъ, объ этомъ: мысли мои въ послѣднее время поглощалъ отпускъ, книги и новыя знакомства съ двумя офицерами нашей роты. Объ офицерахъ я потому говорилъ мало, что они очень мало относились

къ намъ и притомъ часто внѣшнимъ образомъ. Кромѣ рыжаго капитана нашего, остальные офицеры были люди не надоѣдающіе.

Одинъ изъ нихъ маленькій офицерикъ, о которомъ я сохраняю и теперь пріятное воспоминаніе, разъ подозвалъ меня во время занятій.

— Покажите мнѣ какое нибудь ваше сочиненіе, сказалъ онъ:—я много объ нихъ слышалъ.

Я съ радостью исполнилъ его просьбу. Онъ прочелъ и очень хвалилъ.

— Послушайте, это прекрасно, говорилъ онъ, и послѣ того, во время дежурства, очень терпѣливо и просто говорилъ со мной объ разныхъ разностяхъ.

Но объ другомъ офицерѣ, недавно поступившемъ въ нашу роту, я буду больше говорить. Онъ имѣлъ важное для меня значеніе по одному дѣлу, которое я сейчасъ разскажу.

Какъ теперь помню его длинную, сухощавую фигурку, вкрадчивый голосъ, хитрые глаза и длинные, рыжіе усы. Онъ постоянно здоровался съ Иваномъ Иванычемъ очень любезно и бывалъ у него.

Разъ онъ подошелъ ко мнѣ, встрѣтившись въ корридорѣ.

— Я вчера имѣлъ удовольствіе, сказалъ онъ вѣжливо: — у Ивана Иваныча читать ваше сочиненіе. Позвольте поблагодарить васъ за наслажденіе, которое оно мнѣ доставило.

— Мнѣ такъ пріятно, сказалъ я, растаявъ отъ этой похвалы и все-таки не будучи въ состояніи забыть его начальническихъ отношеній ко мнѣ.

— Походимте, сказалъ онъ мнѣ любезно: — не читали ли вы этой статьи? Онъ назвалъ.

— Читалъ-съ.

— Не правда ли, то, что тамъ говорится относительно изящнаго, какъ-то примѣняется къ вашему сочиненію? мнѣ кажется, сказалъ онъ, и развилъ свою мысль подробнѣе. Потомъ распрашивалъ о моихъ занятіяхъ, планахъ, очень внимательно выслушивалъ все, что я говорилъ, и наконецъ просилъ бывать у себя.

— Здѣсь не такъ ловко, сказалъ онъ:—а тамъ у меня, прошу васъ, будьте какъ дома и безъ чиновъ. Я, повѣрьте, умѣю уважать талантъ и развитіе, гдѣ бы его ни встрѣтилъ.

Землю, говорятъ, можно своротить рычагомъ самолюбія. А у меня и сворачивать-то было нечего: я совсѣмъ сразу растаялъ,

вспомнилъ объ себѣ и пошелъ по воскресеньямъ шляться отъ Ивана Иваныча къ Горнамъ, отъ нихъ къ длинному офицеру, толковать объ разныхъ разностяхъ.

— Не хотите ли курить? О, Боже мой! у меня никакихъ предразсудковъ! говорилъ онъ любезно:—когда вы у меня, то пожалуйста забывайте о корпусѣ!

Разъ я зашелъ къ нему на его имянины и попалъ на разъѣздъ. У него завтракало нѣсколько корпусныхъ офицеровъ и уже прощались.

— А! очень радъ васъ видѣть, говорилъ онъ мнѣ, проводивъ офицеровъ:—и радъ, что ушли эти господа. Мы поговоримъ. Да? хорошенько?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ я, поздравляя его.

— Благодарю васъ очень, но съѣшьте же что нибудь угощалъ онъ меня: — пирогъ порядочный и вино не дурно... О, вина непремѣнно! Никакихъ предразсудковъ! И я же имянинникъ! Наконецъ, никого нѣтъ. Но, но!

Онъ рѣзалъ и наливалъ.

Я началъ ѣсть за обѣ щеки и выпилъ рюмки три изъ хвастовства, что могу много пить, но собственно вино я не любилъ и съ непривычки даже захмѣлѣлъ. Синіе обои его комнаты и солнечные лучи замелькали у меня въ глазахъ.

— Я радъ, что ушли эти господа, говорилъ онъ опять: — не могутъ они похвастаться развитіемъ—да? Это мое мнѣніе, вы видите, какъ я откровененъ — какъ вы думаете?

— Какое развитіе! Гдѣ имъ! говорилъ я.

— Ну вотъ! Но знаете, говоря откровенно, какъ бы съ товарищемъ, какого вы мнѣнія о нашемъ, напримѣръ, ротномъ командирѣ? Интересно бы мнѣ знать. Ну, какъ можетъ къ нему относиться мыслящій человѣкъ?...

— Какъ къ дураку, сказалъ я, уже сѣвъ на диванъ и хлопая глазами.

— Не иначе же, согласитесь! Да? Ха, ха, ха! И командиръ стоитъ роты! Да? По развитію... Да? Я не говорю объ исключеніяхъ, прибавилъ онъ серьёзно и съ уваженіемъ.

Эти «исключенія» меня подрѣзали совсѣмъ. Я раскисъ.

— Ужасно тупые кадеты, началъ я:—никто не читаетъ ничего. Неразвитіе! И грубость какая, ужасно!

— Да, да! подхватилъ онъ, вотъ Удалокъ 2-й, напримѣръ! Но

будьте какъ дома, снимите тесакъ... мнѣ ужь надоѣли эти чиновничьи отношенія. Поболтаемъ.

Онъ развалился небрежно въ креслѣ, какъ бы желая поболтать, все равно объ чемъ нибудь, только бы поболтать пріятельски, безъ чиновъ.

— Что жь, и Удаловъ 2-й—звѣрь такой-то, глупый, скотъ! Все тютюнъ какой-то куритъ, затягивается этой мерзостью до тошноты...

— Тютюнъ! Ха, ха, ха! Но это прелесть! А вина? стаканъ?

Онъ налилъ мнѣ; я выпилъ.

— И онъ даже страшенъ дѣлается, когда водки напьется. Глаза красные...

— Но, прервалъ меня офицеръ:—водки! гдѣ жь онъ можетъ напиться? не показалось ли это вамъ?

— Какъ показалось! онъ разъ при мнѣ пилъ — да когда это было? вотъ третьяго дня вечеромъ, говорилъ я уже косѣющимъ языкомъ.

— Да? Но тютюнъ! Ха, ха! но вы преуморительно разсказали! съ этимъ знаете юморомъ! тютюнъ — ха, ха, ха?

— Тютюнъ, смѣялся и я: — и каждый день послѣ классовъ непремѣнно ужь у камина на корточкахъ — этакая фигура!

— Ха, ха, ха! смѣялся офицеръ:—но у васъ талантъ разсказывать!

Мнѣ ужасно спать захотѣлось.

— Я бы въ корпусъ пошелъ, сказалъ я. Синіе обои и солнечные лучи совсѣмъ какъ-то перемѣшались.

— А мы васъ отправимъ:—Сергѣй! извощика! крикнулъ онъ.

И я смутно помню, какъ куда-то ѣхалъ и гдѣ-то легъ спать...

XVI.

Разъ во время классовъ, дней черезъ пять послѣ этого, зашелъ въ наше отдѣленіе директоръ.

У насъ сидѣлъ толстенькій учитель исторіи и разсказывалъ. Генералъ послушалъ, строго посмотрѣлъ кругомъ на насъ и вышелъ.

Явился нашъ рыжій капитанъ, который былъ дежурнымъ по корпусу.

— Удаловъ 2-й! идите къ его превосходительству, сказалъ онъ. Тотъ вышелъ за капитаномъ.

Мы съ удивленіемъ переглянулись.

— Что онъ сдѣлалъ, господа? Что такое? полюбопытствовалъ учитель.

— Ничего не сдѣлалъ, не знаемъ, отвѣчали мы.

Удаловъ вернулся, когда ударили перемѣну и учитель ушелъ. Онъ глядѣлъ какъ-то съ злостью и недоумѣніемъ

— Что, что? спрашивали мы.

— Спрашиваетъ: у кого *я* водку доставалъ? забасилъ Удаловъ: — и про куренье толкуетъ... Что жь это, господа? А? Онъ сталъ передъ нами, разставивъ ноги и свирѣпо оглядѣвъ всѣхъ. Смуглое лицо искривилось отъ злости, черные глазки сверкали изъ-подъ густыхъ бровей.

— Кто бы это? спрашивали мы другъ у друга, изумляясь.

Неизвѣстно было, чѣмъ могло это кончиться съ Удаловымъ, если бы дѣло вдругъ не разрослось до большихъ размѣровъ.

— Меня растянутъ... ну, живъ-то я останусь, положимъ, басилъ Удаловъ, все больше свирѣпѣя: — только кого мнѣ убить за это? А? кто доносилъ? ну!

— Полно кричать, Удаловъ, замѣтилъ Горнъ, нѣсколько начальнически.

— Что ты мнѣ за указчикъ? не ты ли по должности сказалъ? спросилъ тотъ.

— Давно бы слѣдовало, да я этимъ не занимаюсь. Ну, довольно! сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ и повелительно: — довольно! Полно!

— Это ты донесъ! кричалъ сумасшедшій Удаловъ, чтобъ на комъ нибудь выместить сердце: — начальство тоже! Донесъ! Фельдфебель... какъ же!

— Молчи, сволочь! крикнулъ Горнъ съ презрѣніемъ.

Мы разступились.

— Что? что? говорилъ Удаловъ, медленно подходя къ нему.

Фельдфебель всталъ. Не успѣли мы оглянуться, какъ въ классѣ раздались двѣ звонкія пощечины.

Горнъ былъ тоже не изъ послѣднихъ по силѣ. Но онъ растерялся.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать? говорилъ онъ, дрожа, когда мы обступили и не пускали Удалова: — господа, что жь это такое? Да и за что же? Да нѣтъ, я и рукъ-то марать не хочу! вдругъ рѣшился онъ и быстро вышелъ изъ класса.

Удаловъ 2–й ужь ни слова не сказалъ, когда его кликнули и повели подъ арестъ.

Горнъ воротился и сѣлъ, низко наклоняясь надъ книгой.

Онъ былъ блѣденъ и убитъ до послѣдней степени и даже, кажется, просто усталъ отъ сильнаго душевнаго потрясенія.

Мы всѣ молча и съ участіемъ глядѣли на него. Ивинъ не выдержалъ:

— Господа, что жь это такое? спросилъ онъ взволнованно:— за что жь все это было?

Лицо Горна, при этихъ словахъ участія, судорожно искривилось, и на книгу часто, неудержимо полились крупныя слезы.

— Нѣтъ, господа, сказалъ онъ, поднимая голову, какимъ–то крѣпкимъ, особеннымъ голосомъ, и даже нѣсколько торжественно: — кто меня за доносчика знаетъ? Развѣ я доношу?

— Нѣтъ... что жь... ну вотъ! послышались голоса.

— Такъ теперь, господа, сказалъ онъ съ силой, ободренный, кажется, общимъ сочувствіемъ: — выходитъ, найти нужно, кто это сдѣлалъ?...

И онъ, совсѣмъ ужь усталый, опять низко опустилъ голову. Всѣ молчали...

XXII.

Дѣло Удалова 2–го тянулось. Оно взволновало весь корпусъ. Ударить фельдфебеля — не шутка.

Къ Горну всѣ изъявляли сочувствіе. Рота тише строилась и не шумѣла, когда онъ считалъ ряды. Офицеры вызывали его въ корридоръ и вѣжливо объ чемъ–то говорили...

Горнъ точно переродился. Постоянно положительный и ровный, онъ, бывало, никогда къ мелочамъ не привязывался. А тутъ вдругъ сталъ строгъ и взыскателенъ, исполнялъ до мелочей все, что нужно было по положенію, и учиться сталъ еще лучше. Отличные балы такъ и сыпались на него. Занимался же онъ до того, что похудѣлъ; онъ хотѣлъ, кажется, этой лихорадочной дѣятельностью и строгимъ исполненіемъ обязанностей заглушить мученіе внутреннее. Онъ чувствовалъ, должно быть, что у людей всегда какъ–то больше правъ ударившій, или больше почтенія къ ударившему. Какъ–то не вѣрятъ, чтобъ человѣкъ не захотѣлъ рукъ марать въ отвѣтъ на ударъ. Дудки! говорится обыкновенно, испугался!

Другая вещь, гораздо болѣе важная, были та, что до открытія настоящаго доносчика, на немъ все еще точно какая-то тѣнь лежала. Онъ зналъ, что товарищи его не обвиняютъ; ну а остальные, тѣ, которые его не знаютъ?

Разъ мы шли съ Ивинымъ изъ корридора и наткнулись прямо на длиннаго офицера, моего знакомца, который, стоя спиной къ намъ, разговаривалъ съ маленькимъ офицеромъ.

— Черневскій же мнѣ про Удалова и сказалъ, внятно и довольно громко раздался его хриплый голосъ.

Я отшатнулся, поблѣднѣлъ, и вдругъ съ странной ясностью передо мной встала вся сцена на его имянинахъ. Я объ ней забылъ и никакъ не могъ представить, чтобъ онъ былъ способенъ воспользоваться моими словами.

Ивинъ тоже немножко поблѣднѣлъ и потупился, съ удивленіемъ взглянувъ на меня, когда я скоро пошелъ отъ него въ другую сторону.

Его честное, открытое сердце, которое ничего не могло таить и оставлять въ подозрѣніи, не выдержало. Онъ нагналъ меня.

— Послушай, сказалъ онъ испуганно: — что онъ говоритъ? онъ вретъ? про что ты ему сказалъ?

— Я ничего ему не говорилъ, отвѣчалъ я, почти закрывая глаза отъ ужаса при мысли: что меня ждетъ.

— Ты мнѣ-то скажи, вѣдь мы дружны съ тобой! Вѣрно, что нибудь онъ вретъ; ужь это вѣрно — я знаю. Ну, и значитъ, можно сказать... Вѣдь ты не говорилъ про Удалова?

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорилъ! съ тоской повторилъ я.

— Послушай, ну все, все мнѣ разскажи, вѣрно же ничего нѣтъ! И я даю честное слово, что ничего не скажу... никому! вѣдь ты не доносилъ? а другаго я ничего не скажу.

— Да ничего я не говорилъ, отстань ты отъ меня, крикнулъ я, страдая.

Ивинъ, кажется, начиналъ думать, что это я сдѣлалъ. Но онъ молча отошелъ и никому не сказалъ ни слова.

Въ залѣ вдругъ подошелъ ко мнѣ длинный офицеръ.

— Удаловъ часто за водкой посылалъ? спросилъ онъ нахально и озабоченно, съ видомъ человѣка, которому ужь не до тонкостей и некогда говорить глупости.

— Кто, когда? я ничего не знаю! говорилъ я, съ ужасомъ увидѣвъ, какъ прошелъ мимо Ивинъ и слышалъ его слова.

Когда мы сѣли рядомъ за столъ, по обыкновенію, Ивинъ вспыхнулъ.

— Какъ это подло! какъ это подло! сказалъ онъ тихонько и не глядя на меня.

Я страдалъ, но вмѣсто того, чтобы прямо и откровенно разсказать Ивину, или наконецъ всему классу, какъ было дѣло, злился за что-то на Ивина и предпочелъ остаться въ гордомъ одиночествѣ, нося въ груди, такъ сказать, презрѣніе къ этой грубой и пошлой средѣ. Я усиленно началъ читать разныя книжки и ужь совсѣмъ отдаляться отъ всѣхъ.

Все это разыгралось страннымъ образомъ.

Началось съ фехтованья. У насъ очень любили это искусство и сами съ охотой имъ занимались и уважали тѣхъ, кто хорошо фехтуетъ.

Въ силу этого и я представлялся хорошо фехтующимъ. Я тогда во всемъ имѣлъ больше наклонности казаться тѣмъ или другимъ, чѣмъ быть на самомъ дѣлѣ.

Въ этотъ день къ намъ на фехтовальный классъ случайно собралось довольно много кадетъ и даже зашелъ одинъ офицеръ. У насъ славились нѣкоторые. Ивинъ, мастеръ на это дѣло, только что кончилъ драться на рапирахъ съ Нероновымъ, который, не сдѣлавъ ни одного удара, отказался и бросилъ рапиру.

— Нѣтъ, съ нимъ, чортомъ, куртку порвешь! говорилъ онъ.

Ивинъ, краснѣя отъ торжества и волненія, стройный и красивый, отдыхая, гнулъ рапиру въ рукахъ.

— Молодецъ! молодецъ! вотъ-такъ удары! слышалось со всѣхъ сторонъ.

— Господа, кто со мной еще хочетъ? спросилъ онъ:—только на эспадронахъ.

Я увлекся его торжествомъ — оно казалось мнѣ очень легко. И я такъ же хорошо фехтую, подумалъ я, и вышелъ. Мнѣ хотѣлось еще, за его подозрѣніе, ударить его раза два.

— Давай, сказалъ я, надѣвая желѣзную маску и нагрудникъ.

Ивинъ взглянулъ на меня: какая-то полуулыбка мелькнула у него на губахъ; онъ надѣлъ маску.

Всѣ обступили кругомъ, нѣкоторые сложили руки на груди, готовясь смотрѣть.

— Кому? спросилъ я.

— Выпадай, сказалъ онъ съ презрѣніемъ, и едва поднялъ эспадронъ.

Меня это взбѣсило, я съ ожесточеніемъ размахнулся...

Ивинъ удивительно ловко и легко обернулъ лезвее свое кругомъ моего, и мой эспадронъ, звеня, полетѣлъ на полъ.

Мнѣ подали его. Раздался смѣхъ кругомъ. Ивинъ выпалъ.

Я почувствовалъ сильнѣйшій ударъ въ маску стальнымъ эспадрономъ — искры изъ глазъ, какъ говорится, посыпались, и, внѣ себя, я такъ сильно отвѣтилъ, что мое лезвее, встрѣтивъ лезвее Ивина, разлетѣлось пополамъ...

— Довольно! сказалъ Ивинъ, сбрасывая маску и перчатки:— что жь мнѣ тебя бить? ты не умѣешь...

— Нѣтъ, давай еще, горячился я, сердясь на него за его явное презрѣніе.

Но кругомъ уже расходились...

— Молодецъ! говорили Ивину: — отлично!

Я цѣлый день не могъ ему этого простить и за ужиномъ злился и хмурился. Тотъ со мной тоже не говорилъ ни слова. Онъ сидѣлъ противъ меня.

— Завтра Удалова, господа, рѣшаютъ, сказалъ Нероновъ.

Всѣ поглядѣли на Горна, который сидѣлъ старшимъ у насъ угрюмо и грустно, и мало ѣлъ.

— Кто про него сказалъ? задумчиво говорилъ Нероновъ.

Тутъ я выкинулъ дикую штуку. Мнѣ вдругъ пришло въ голову, что можно устранить подозрѣніе насмѣшкой. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобъ Ивинъ, всегда добрый и дружный со мной, вдругъ поднялъ исторію. И къ тому же мнѣ хотѣлось отомстить ему за свое пораженіе.

— Ужь не Ивинъ ли донесъ? сказалъ я довольно нагло:—онъ что-то все хлопочетъ, лѣзетъ ко всѣмъ. Нынче и ко мнѣ тоже...

— Что за шутки! замѣтилъ Ивинъ слегка дрожащимъ голосомъ.

Но я расходился. Мнѣ дѣлалось все какъ-то легче и веселѣе.

— Право! не Ивинъ ли? Вонъ какой сидитъ!

— Нѣтъ, это нельзя! Перестань, пожалуйста. Я съ тобой и говорить не хочу.

— Отчего бы это? Перестань! Какіе тоны задаетъ! нахально усмѣхался я.

— Нѣтъ, это, чортъ знаетъ, что! онъ же и смѣется! Господа! вотъ доносчикъ! вдругъ брякнулъ Ивинъ, вспыхнувъ отъ гнѣва и указывая на меня.

Нѣкоторые какъ будто привстали. На столѣ зашевелились.

— Ивинъ! ты врешь! ты... ты.... съ ума сошелъ! говорилъ я.

— Тише, господа, полно, Ивинъ! стоитъ ли съ сволочью говорить, замѣтилъ Горнъ, вдругъ точно ободрившись и презрительно оглянувъ меня.

— Онъ, онъ! я это знаю! продолжалъ Ивинъ, но не успѣлъ кончить какъ моя вилка полетѣла ему въ лицо и вонзилась въ руку, которой онъ закрылся.

Горнъ всталъ.

— Что у васъ тутъ? спрашивалъ, идя на шумъ, маленькій офицеръ.

Ивинъ всталъ тоже, весь блѣдный отъ боли, и судорожно вырвалъ зубцы вилки изъ ладони.

— Я нечаянно накололся, перебилъ онъ Горна: — позвольте въ лазаретъ.

XVIII.

Прошло недѣли двѣ. Положеніе мое было ужасно. Со мной ничего особеннаго не случилось, но во всемъ классѣ, не сговариваясь даже предварительно, — какъ-то само собою вышло, — никто со мной не говорилъ ни слова. Удалова не любили, но тутъ всѣ какъ-то ему сочувствовали. Онъ былъ разжалованъ въ солдаты. Въ это время весь корпусъ какъ-то притихъ. Я помню, что во время занятій, идя по корридорамъ около двухъ ротъ нашихъ, гдѣ сидѣло человѣкъ двѣсти, можно было подумать, что никого не было: слышно было, какъ муха пролетитъ.

Длинный офицеръ, мой знакомый, ходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Когда на его дежурствѣ собиралось нѣсколько человѣкъ и начинали разговаривать, онъ важно подходилъ и смѣялся.

— Что вы тутъ шепчетесь, господа? Власти осуждать? Да? Протестъ! На мѣсто! Извольте возвратиться къ вашимъ занятіямъ! Но-съ!

И онъ, посмѣиваясь, граціозно покачивался на каблукахъ....

Ивинъ было пришелъ изъ лазарета съ подвязанной рукой, но въ тотъ же день, должно быть, простудившись въ корридорѣ, заболѣлъ лихорадкой и опять ушелъ въ лазаретъ.

Я сильно упалъ духомъ и не могъ даже читать. Въ отпускъ я боялся ходить, справедливо полагая, что до моихъ знакомыхъ могли дойти слухи объ этомъ.

Но наконецъ-таки тоска меня до того одолѣла, что я рѣшился и пошелъ въ одно воскресенье къ Марьѣ Кондратьевнѣ.

Мнѣ было ужасно грустно. И дни-то стояли какіе-то сѣрые, снѣжные...

Марья Кондратьевна меня встрѣтила тоже чѣмъ-то встревоженная и даже съ подвязанной щекой.

— Вы больны, Марья Кондратьевна? спросилъ я.

— Пора ужь и другимъ мѣсто очищать, сказала она грустно: — плоха стала, все болѣю. Она утерла слезу.

Это также не могло меня развеселить.

— Гдѣ Малаша? спросилъ я, какъ во снѣ, тоскуя и не думая почти о своихъ словахъ.

Старушка взволновалась.

— Вотъ она-то все у меня болѣетъ! ужь и не придумаю, что съ ней! стала бѣднѣть да плакать у меня дѣвочка! Ужь и не придумаю, что: и жарко-то ей, и холодно, и голова болитъ, и лихорадка... Денекъ посидитъ, а тамъ опять сляжетъ...

Я совсѣмъ затосковалъ и почти не слушалъ.

Вдругъ дверь изъ спальни тихонько скрипула, и вошла Малаша, закутанная сверхъ платья въ какую-то шубку. Она очень похудѣла. Страданіе придало ея хорошенькому личику какое-то новое выраженіе. Глаза были влажны. Щеки лихорадочно горѣли. Она тихонько присѣла у дверей же на кончикъ стула, задумчиво взглянула на меня, полураскрывъ сухія губки, и закуталась потеплѣе.

— Голубчикъ ты мой, нѣжно сказала Марья Кондратьевна:— простудишься! Зачѣмъ ты вышла? Холодно тутъ у насъ, утромъ не топили.

— Что Ивинъ не ходитъ? спросила она, какъ бы ничего не слыша и не видя.

— Ахъ, что онъ, мой милый, забылъ насъ? вдругъ вспомнила Марья Кондратьевна.

— Онъ очень болѣнъ, сказалъ я тихо и потупившись.

— Болѣнъ! вдругъ оживляясь, тихонько вскрикнула Малаша, поднимая встревоженное личико. Голубые глазки ея заблистали.

— Лихорадкой, сказалъ я, не поднимая головы и не замѣчая ея волненія.

Малаша вдругъ заплакала.

— И у меня лихорадка, сказала она задумчиво:—онъ умретъ и я умру....

— Полно, полно! говорила, цалуя ее, Марья Кондратьевна:— лягъ поди! Ну, что плакать!

Малаша поднялась, закрывая лицо руками.

— Прощайте, Марья Кондратьевна, сказалъ я вставая: —Малаша любитъ Ивина, это—ясно; это... это пробужденная страсть! подумалъ я и порадовался немножко своей догадливости и уму даже въ эту минуту.

— Прощай, прощай, батюшка! едва оборотились та, уводя Малашу.

Отъ нея я пошелъ къ Горинымъ. Фельдфебель рѣдко ходилъ къ дядѣ и потому я надѣялся его тамъ не встрѣтить. Но постучалъ я все-таки очень робко. Ну, какъ они всю эту исторію знаютъ, думалъ я.

Гимназистъ отворилъ мнѣ дверь.

— А, здравствуйте! сказалъ онъ, тоже чѣмъ-то недовольный. Мое ужъ такое было счастье въ этотъ день.

— Вы слыхали, что у насъ случилось? спросилъ я осторожно.

— Да, тамъ какого-то дурака въ солдаты отдали.

— Но вы подробно этого не знаете?

— Очень интересно! сказалъ онъ раздражительно: — чортъ ихъ возьми, этотъ неразвитый классъ! Тутъ, батюшка, у самого происходятъ драмы! У насъ цѣлая драма разыгралась!...

Очевидно, фельдфебель про меня ничего не говорилъ; я обрадовался.

— Чтожь у васъ? спросилъ я съ облегченнымъ сердцемъ.

— Да сестра просилась въ гувернантки — я вамъ это говорилъ. Дядя ее не пускаетъ. Наконецъ, сегодня она объявила, что не намѣрена подчинять свою личность деспотизму, что нынче не такой вѣкъ, чтобы воля слѣпыхъ родителей могла остановить свободную дѣятельность. Вотъ онъ и раскричался наконецъ; говоритъ: «чортъ васъ возьми, убирайтесь, куда хотите!» А! каково? и все это слушать дѣвушкѣ! Я помогалъ ей сегодня переѣхать къ нашимъ знакомымъ Яковскимъ, тамъ дѣтей учить будетъ....

Двери растворились; вошелъ старикъ Горинъ, лысый, вялый и худенькій, въ стареньком халатикѣ, и закашлялся.

— Что ты имъ, дуракъ, разсказываешь? Кхи! кхи! Ну, когда я кричалъ? обратился онъ прямо къ племяннику, не кланяясь даже мнѣ: — я говорю: чтожь, матушка, кхи! кхи! коли твоя охота... кхи! кхи!

— Нѣтъ-съ, перебилъ гимназистъ: — вы сказали: дура....

— Не такъ я сказалъ... кхи кхи! Я сказалъ....

— Вы-съ? перебилъ опять гимназистъ, горячась: — вы подслушивали сей часъ.... Вотъ что!

Я помялся у стѣнки и, оставивъ ихъ кричать, вышелъ на улицу.

Къ Ивану Иванычу я зашелъ вечеромъ. Онъ только что всталъ и зѣвалъ, зажигая лампочку.

— Вы не слыхали, какъ у насъ исторія? спросилъ я.

— Это про Удалова? какая же! Мнѣ онъ не нравится, отвѣчалъ Иванъ Иванычъ.

— Но вы не знаете подробностей?

— А Богъ съ ними! скверная исторія... водка какая-то! Мнѣ все равно!

— Извините, я заниматься вамъ помѣшалъ, сказалъ я, увидѣвъ передъ нимъ раскрытую книгу.

— Да, немножко; заходите въ слѣдующее воскресенье: у меня будетъ кое-кто.

Я ушелъ съ облегченнымъ сердцемъ. Ясно, что въ городѣ и не знаютъ, и не придаютъ этой исторіи значенія....

XIX.

Но, Господи! что за тоска, что за тоска! Невыносимое положеніе! Ивинъ въ лазаретѣ—хоть съ нимъ бы душу отвести, все разсказать. Вѣдь я-жь и не виноватъ, ей Богу. Какъ вѣдь это все случилось! Хоть бы кому нибудь все разсказать!

— Послушай, Горнъ! сказалъ я, встрѣтивъ его въ корридорѣ: — послушай...

Онъ посмотрѣлъ на меня и, молча, ушелъ.

— Нероновъ, позвалъ я, встрѣтившись съ Нероновымъ: — мнѣ тебѣ нужно сказать, послушай.

Тотъ засуетился.

— А! да! сказалъ онъ и вдругъ отвернулся: — ты, Юковъ, меня зачѣмъ звалъ? Мнѣ некогда... вонъ Юковъ зоветъ...

Это ужасъ, что такое! Лампы свѣтятъ по длинному корридору; я шагаю взадъ и впередъ....

— Позвольте въ лазаретъ къ Ивину, прошусь я у маленькаго дежурнаго офицера.

— Идите, говоритъ тотъ сухо, не глядя на меня.

Въ лазаретѣ пахло лекарствами. Въ большой залѣ горѣла одна лампа, въ остальныхъ ужь зажгли ночныя. Два кадета, въ зеленыхъ халатахъ, сидѣли подъ лампой въ залѣ и играли въ шахматы.

— Гдѣ Ивинъ? спросилъ я у нихъ.

— Ивинъ? вонъ онъ, указалъ на право одинъ и тотчасъ же углубился въ игру.

— Твой ходъ, сказалъ онъ товарищу.

Вправо я увидалъ Ивина, который сидѣлъ на окнѣ, задумчиво глядя въ темныя стекла и кутаясь въ широкій халатъ.

Увидавъ меня, онъ сначала удивился, потомъ торопливо сошелъ съ окна и, потупившись, прошелъ въ полутемную спальню. Я пошелъ за нимъ.

— Ивинъ, мнѣ тебѣ нужно сказать...

— Что намъ... говорить? пробормоталъ онъ сконфуженно и сѣлъ на кровать.

Въ спальнѣ тускло свѣтила ночная лампа. На постели, противъ насъ, въ жару метался и стоналъ какой-то больной.

Я остановился передъ Ивинымъ.

— Ивинъ, какъ же ты со мной такъ?.. спросилъ я, мучась.

— Что я? я ничего? отвѣчалъ тотъ, тоже видимо страдая и потупившись.

— Ой, ой! Господи! простоналъ больной раздирающимъ душу голосомъ.

Меня разстроилъ этотъ голосъ; я не выдержалъ и, почти плача, заговорилъ, садясь около Ивина.

— Послушай! со мной никто не говоритъ, и за что? за что? я все сдѣлаю, ей-Богу же, чтобъ этого не было,—что мнѣ дѣлать?

— Ой, ой! простоналъ больной...

Ивинъ вдругъ обернулся и скоро заговорилъ своимъ прежнимъ милымъ голосомъ, взявъ меня за руку.

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты это сдѣлалъ? что ты сдѣлалъ? зачѣмъ все это было?

— Ты не узналъ хорошенько, началъ я, оживляясь и забывая свои фразы:—ты не узналъ, какъ все это было, и накинулся на меня, а вѣдь это вотъ какъ было!

Тутъ я разсказалъ ему все, что на душѣ у меня накипѣло.

По мѣрѣ того, какъ я разсказывалъ, Ивинъ все больше оборачивался ко мнѣ и наконецъ тихо заговорилъ:

— Что же я надѣлалъ, что я надѣлалъ? Ахъ, какъ я вино—

вать! Господи! Да нѣтъ, вдругъ вспомнилъ онъ: — вѣдь я же тебя самъ спрашивалъ тогда, ты ничего не сказалъ — отчего ты не сказалъ? Отчего? Вотъ видишь!

Я ужасно радовался и жалъ руки Ивина. Въ его голосѣ было что-то ободряющее, полное доброты и веселости.

— Что-жь мнѣ теперь въ классѣ дѣлать? спросилъ я: — со мной не говорятъ.

— А вотъ видишь, скоро заговорилъ онъ: — я завтра выписываюсь изъ лазарета, такъ ужь тамъ всѣмъ и скажу — хорошо?

— Ой, ой! простоналъ больной.

Меня кольнуло что-то точно въ сердце. Но я былъ радъ.

— Пойдемъ въ залу, сказалъ я.

Мы вышли въ залу и черезъ нѣсколько минутъ смѣялись и говорили съ Ивинымъ, точно ничего не было.

— А что, ты былъ въ отпуску? спросилъ онъ: — что Малаша?

— Какъ же, былъ; она больна, Малаша, лихорадкой.

— Милочка! Я къ нимъ въ субботу же пойду, сказалъ Ивинъ: — бѣдненькая!

— Знаешь, что я тебѣ скажу? спросилъ я, радуясь, что могу ему сообщить пріятное: — знаешь, мнѣ кажется, она въ тебя влюбилась.

— Какъ? спросилъ тотъ, удивляясь.

— Вотъ какъ въ романахъ пишутъ.

Ивинъ сталъ серьезенъ и поморщился.

— Ну что за вздоръ! сказалъ онъ, вдругъ утихая: — романы! зачѣмъ такъ говорить!..

— Да нѣтъ, когда я къ нимъ пришелъ, началъ было я...

— Ну вотъ! перебилъ Ивинъ съ неудовольствіемъ и рѣшительно.

Солдаты внесли ужинъ, и мы простились.

— Такъ завтра я выйду изъ лазарета, сказалъ Ивинъ, садясь за столъ.

Я всю ночь волновался. Мнѣ представлялись цѣлыя эффектныя сцены примиренія; мнѣ казалось, весь классъ тронется моей исповѣдью, сознаетъ свою несправедливость и прольетъ слезы умиленія. Но это былъ какъ-то не тотъ классъ, въ которомъ я находился, а какой-то фантастическій, созданный мною изъ небывалыхъ кадетъ, и этотъ-то фантастическій классъ и проливалъ слезы. А когда я себѣ представлялъ Горна, или Неронова, или Юкова, то сильно смущался, краснѣлъ даже въ постели, очень

мечтали глаза и крѣпко кутался въ одѣяло... Дѣйствіе воображенія прекращалось.

На другой день утромъ, увидѣвъ, что Ивинъ вошелъ въ роту, и поздоровавшись съ нимъ, я нарочно опоздалъ въ классы, чтобы дать ему время разсказать, что надо, и, волнуясь, ходилъ по коридору.

— Чтожь не идете въ классы? замѣтилъ дежурный офицеръ.

Я заглянулъ въ двери нашего класса и увидѣлъ Ивина, который что-то съ жаромъ и много говорилъ; всѣ кругомъ молчали, нѣкоторые сидѣли на столахъ.

— Нѣтъ, вотъ вѣдь что! сказалъ поднимаясь Горинъ.—Черневскій...

Я боялся дослушать и отвернулъ отъ двери.

— На мѣсто! крикнулъ офицеръ: — что вы тутъ?..

Я обрадовался, увидѣвъ Ивана Иваныча, который скоро и озабоченно шелъ издали съ портфелемъ.

— Мнѣ къ Ивану Иванычу нужно. Позвольте мнѣ подать одно сочиненіе, сказалъ я Ивану Иванычу, чтобы чѣмъ нибудь занять время.

Тотъ остановился.

— Подайте; чтожь вы позволенія просите?

— Позвольте мнѣ «Отечественныя Записки».

— Вы бы мнѣ въ воскресенье сказали; я отдалъ теперь.

— Что тамъ новаго, какія статьи?

— Право, не помню, сказалъ онъ недовольно и, поправившись на мѣстѣ, пошелъ.

Когда въ классѣ учитель математики началъ разсказывать, я вошелъ и сѣлъ на мѣсто, не глядя ни на кого.

Кто начнетъ мнѣ говорить? думалъ я и волновался. Горинъ скажетъ мнѣ: прости насъ, что мы такъ были несправедливы къ тебѣ, и позволь начать прежнія отношенія. Я отвѣчу: мнѣ обидно было, господа, подозрѣніе ваше; одного нельзя отнять у меня, господа: — это благородства! Потомъ скажу: вы, господа, не умѣли цѣнить меня! Тутъ всѣ тронутся, Ивинъ заплачетъ. Я самъ чуть не плакалъ отъ воображаемой сцены...

Но, какъ всегда бываетъ, все вышло совершенно не по моему. Никто не плакалъ, и сценъ никакихъ не было.

Всѣ были какъ всегда. Ивинъ началъ что-то говорить; я вмѣшался нарочно, очень впрочемъ смущаясь. Мнѣ возразилъ Юковъ, но отчего-то покраснѣлъ и потупился, и всѣ почему-то

на него взглянули. Но это было въ первый разъ, а дня черезъ два со мной уже всѣ говорили и все стало по прежнему. Я успокоился, поднялъ голову, и — странное дѣло — все-таки доброту и деликатность товарищей принялъ какъ нѣчто совершенно должное и даже приписалъ это своимъ достоинствамъ.

— Однако, Горнъ все-таки поплатился ни за что, сказалъ мнѣ разъ откровенный Ивинъ: — а вѣдь онъ съ тобой... ничего... и не вспоминаетъ!

— Онъ понимаетъ мое нравственное превосходство, потому что, еслибы мы начали объясняться, то сила убѣжденія, конечно, осталась бы на моей сторонѣ, отвѣчалъ я очень скоро.

Ивинъ ничего не возразилъ и съ этихъ поръ объ этомъ не заговаривалъ.

XX.

Въ воскресенье я разыгралъ комедію, очень странную и ненужную.

Наше такъ называемое «пробужденіе сознанія» и «развитіе» ознаменовывается обыкновенно тѣмъ, что начинаешь врать и потомъ очень рѣшительно и рѣзко все объяснять, и непремѣнно объяснять. Я смѣло говорю «обыкновенно», потому что помню много такихъ пробуждавшихся сознаній, кромѣ своего.

Потомъ, въ этомъ сознаніи и развитіи какая-то неудержимая быстрота и легкость. Точно съ горы на салазкахъ катишься. Поэтому ничего удивительнаго нѣтъ, что, идя въ воскресенье къ Марьѣ Кондратьевнѣ, я разсуждалъ уже, что мое положеніе очень странное, и нужно все это чѣмъ нибудь кончать, хотя ничего не было и кончать было нечего.

Я люблю Малашу, и она отвѣчала моему чувству, думалъ я по прочитаннымъ повѣстямъ; — теперь нужно бы было только пробудить умъ въ ней, воспитать ее для новыхъ мыслей, но тутъ становится между нами Ивинъ. — «Становится между нами», съ удовольствіемъ повторилъ я въ умѣ эту фразу. Ивинъ—другъ мнѣ, а она его любитъ, потому что ее пугаетъ во мнѣ мое развитіе, котораго онъ понять не можетъ. Ивинъ не развитъ, но я люблю его по воспоминаніямъ прошлаго. Я оторву отъ сердца эту страсть и уступлю Ивину мѣсто—я способенъ и на это, хоть тяжело, прибавилъ я почти вслухъ:—да, тяжело!

Что все это былъ придуманный вздоръ и что мнѣ не было тяжело, кажется, объ этомъ и помнить нечего.

Но я представилъ себѣ, какое это трагическое положеніе— жертвовать своею любовью другу, оторвать отъ сердца и проч. Мнѣ было пріятно за свое великодушіе.

И я, уже совершенно гордый и спокойный, хотя нѣсколько задумчивый и мечтательно-грустный, вступилъ въ комнаты.

Марья Кондратьевна встрѣтила меня восклицаніемъ:

— Насилу, батюшка, пришелъ! А Ивинъ ужъ съ утра у насъ. Мнѣ получше, да вотъ что-то зубы.... Малаша тоже поздоровѣла—слава Богу!

— Вамъ лучше? повторилъ я, меланхолически на нее взглядывая и сдерживая въ груди бурю:—сила характера! подумалъ я и прошелъ въ спальню, откуда слышались голоса и смѣхъ Малаши.

Малаша сидѣла все еще закутанная, но уже живая и раскраснѣвшаяся, съ блестящими глазками, на кровати, около маленькаго столика, и закрывъ розовый ротикъ картами, заливалась какъ колокольчикъ.

Противъ нея, очень веселый и оживленный, сидѣлъ Ивинъ и, держа на рукахъ котенка, заставлялъ его играть въ карты передними лапками. Котенокъ сидѣлъ, серьезно глядя въ карты, и въ промежуткахъ потрогивалъ ихъ лапкой.

Я вошелъ, снисходительно, но съ сожалѣніемъ улыбаясь, и грустно заложилъ ногу за ногу, поднявъ глаза къ потолку. Вообще у меня, должно быть, такой натянутый видъ былъ, что смутилъ всѣхъ. Ивинъ спустилъ котенка на полъ и, поздоровавшись со мной, хотѣлъ ужь играть самъ.

— Нѣтъ! милый! голубчикъ! пожалуйста съ котенкомъ! упрашивала Малаша, но взглянула на меня и перестала почему-то смѣяться и просить.

— Вы скоро кончите? спросилъ я кротко, но небрежно.

— Да, эту игру сейчасъ; а что? спросилъ Ивинъ и пошелъ съ короля.

— А у меня тузъ, сказала Малаша и покрыла, посмѣиваясь.

— Мнѣ бы хотѣлось тебѣ нѣкоторыя вещи сказать, обратился я къ ней.

Та удивилась, что я такъ говорю.

— Мнѣ? ну что жь, говори.

— Мнѣ бы наединѣ хотѣлось все это сообщить.

— Я-то тутъ что же? какія же это вещи нельзя при мнѣ со-

обманъ? спросилъ Ивинъ съ искреннѣйшимъ удивленіемъ, раскрывая глаза.

— Это мое дѣло, замѣтилъ я мягко и грустно, но съ вѣсомъ:— ты не будешь раскаяваться, если уйдешь.

Ивинъ всталъ и началъ тасовать карты, уходя въ залу.

— Только поскорѣй объясняйтесь, сказалъ онъ:—не забудьте, три игры осталось, напомнилъ онъ Малашѣ.

Та подобрала ножки, закуталась и приготовилась слушать, удивляясь наивно, для чего все это такъ важно дѣлалось? я сѣлъ...

— Наши отношенія ясны, началъ я отчасти приготовленную тираду, грустнымъ, но полнымъ спокойствія и сдержанности голосомъ:—я тебя все еще люблю, хоть ты и перестала меня любить.

Та не понимала.

— За чтожь? нѣтъ, я тебя люблю и теперь.

— Не путайте наши отношенія неискренностью, перебилъ я холодно; я велъ сцену для эффекта и на *ты* и на *вы*: — я знаю, вы любите другаго; этотъ другой—Ивинъ. Я пропѣлъ почти послѣднія слова.

— Да, я люблю Ивина, очень люблю, сказала та, все таки не понимая.

— Вамъ безъ него скучно? спросилъ я снисходительно.

— Очень; я такъ рада, когда онъ придетъ!

— Первые признаки зарождающейся страсти, замѣтилъ я съ тонкой улыбкой знатока сердца человѣческаго, но все-таки грустно.

— Что это, право, вы говорите? спросила наконецъ Малаша испуганно.

— Прощай! сказалъ я и поцѣловалъ ее. Она не отстранилась, кажется, ужь совсѣмъ недоумѣвая, что я говорю и что дѣлаю.

— Ты уѣзжаешь куда нибудь? спросила она.

— Нѣтъ, но пусть я не буду на дорогѣ другимъ, я не хочу мѣшать; у меня достанетъ на это благородства и силы характера.

И тронутый самъ своимъ благородствомъ, я отеръ слезу, которая дѣйствительно показалась, выжатая всѣмъ этимъ.

Малаша заволновалась.

— Ивинъ! Ивинъ! кричала она: — что это? онъ плачетъ: ты плачешь? Да что же это? Ей, Богу же, я ничего ему не говорила!....

— Ты плачешь? Объ чемъ? спросилъ прибѣгая Ивинъ.

Я ужь въ самомъ дѣлѣ отъ этого участія растрогался. Но мнѣ было очень пріятно.

— Прощайте! Прощайте! сказалъ я и вышелъ, махнувъ рукой.

Вечеромъ я пошелъ къ гимназисту Горну и засталъ у нихъ перемѣны. Сестра его опять уже какъ-то помирилась и перешла къ отцу и говорила, что онъ хотя и деспотъ, но честенъ, а Яковскіе ретрограды и, кромѣ того, дѣлаютъ даже подлости, но какія, она не говорила.

Мы пили вмѣстѣ чай, и я разсказалъ утреннюю сцену, прибавивъ къ своимъ рѣчамъ нѣсколько фразъ, которыя мнѣ казались очень красивы; за Малашу я тоже много сочинилъ, желая представить свою любовь въ лучшемъ свѣтѣ.

— Но мнѣ даже совѣстно было, говорилъ я: — представьте это, руки цалуетъ у меня! вѣдь я со времени деревенскаго житья и крѣпостныхъ отношеній никогда этого не испытывалъ!

Гимназистъ пожалъ мнѣ руку.

— Вы благородно поступили; это жертва, но всѣ мы должны жертвовать.

— Очень вы ее любили? спросила его сестра, щурясь на меня.

— Я долженъ вамъ признаться, что мнѣ было тяжело, сказалъ я и потупился.

Тѣ помолчали, какъ бы желая дать время пройти тяжкому впечатлѣнію.

—Нѣтъ ли у васъ чего новенькаго? спросилъ гимназистъ грустно.

— Да, я захватилъ съ собой сочиненіе, называется «Тоска», произнесъ я. Въ то время я всегда оказывался, какъ будто къ своему даже удивленію, нечаянно захватившимъ какое нибудь сочиненіе.

Когда я кончилъ читать, восторгъ былъ общій.

— Это прекрасно! сказала дѣвица: — вы видите въ этой «тоскѣ» порывъ души, заключенной въ тѣсную и грубую сферу!

— Именно—вотъ! подхватилъ ея братъ:—что вы не попробуете послать въ какой нибудь журналъ хоть одно сочиненіе?

Мнѣ эта мысль въ голову не приходила, и я обрадовался.

— Да, я завтра же пошлю непремѣнно... въ самомъ дѣлѣ!

— И еще деньги получите, прибавила дѣвица.

— Только видите... какъ же это деньги? они на корпусъ пошлютъ... и потомъ мнѣ можно только по воскресеньямъ быть въ городѣ; почта не отходитъ—отправьте ужь вы, пожалуйста.

Гимназистъ съ восторгомъ изъявилъ полную готовность.

— Я завтра же зайду къ вамъ за тетрадью; тутъ еще одни стихи у меня есть, я написалъ... Онъ почему-то застыдился.

— Вы стихи пишете? что же никогда мнѣ не говорили?

— Мнѣ было совѣстно — видите, у васъ талантъ, а я вѣдь такъ... «Рнема милая подруга», брякнулъ онъ ни къ селу, ни къ городу.

— Какіе это стихи? спросила его сестра.

— А помнишь тѣ: «Дума о любви?» я тебѣ еще читалъ!

— А, да! хорошіе стихи, сказала она:—прочти!

— Прочтите, пожалуйста, интересовался и я.

— Тутъ, видите, собственно восемь строчекъ, говорилъ гимназистъ заискивающимъ голосомъ:—вы не ищите чего нибудь... то есть даровитаго или серьёзнаго; это я разъ послѣ обѣда, знаете... Онъ неловко какъ-то засмѣялся и прочелъ на распѣвъ:

Какъ мнѣ не предаться
Любви упоеньямъ,
Когда предо мною
Возлюбленной глазки.

Отважно и вольно
Мечты полетѣли
Къ единой любимой
Возвышенной цѣли...

— Хорошая рнема, замѣтила ему сестра:—цѣли и полетѣли.

— Отлично, сказалъ я несовсѣмъ искренно: мнѣ стихи не нравились, впрочемъ, больше, кажется, отъ того, что о своихъ сочиненіяхъ я былъ ужь очень высокаго мнѣнія.

— Только вотъ первый куплетъ безъ рнемы; я опасаюсь, не примутъ, сказалъ гимназистъ.

Мы много толковали и рѣшили, что безъ рнемы можно.

— Вотъ Кольцовъ, сказалъ я: — рѣдко пользовался рнемою.

— Но у него въ народномъ духѣ, сказалъ гимназистъ:—а мое стихотвореніе—это порывъ страсти, вздохъ, выраженный въ словахъ. Замѣтьте стихъ —

Мечты полетѣли —

тутъ порывъ и стремительность чувства — замѣтьте!

Гимназистъ повидимому вовсе не былъ такого плохаго мнѣнія о своихъ стихахъ, какое онъ стыдливо выразилъ сначала.

Я счелъ долгомъ за его похвалы отплатить тѣмъ же.

— Да, это отлично! отлично! говорилъ я, думая въ то же время, что это стихотвореніе не примутъ, а вотъ мои сочиненія такъ, конечно, могутъ быть напечатаны. Я припомнилъ нѣкоторыя мѣста своихъ сочиненій, представилъ ихъ въ видѣ печатныхъ

строчекъ, представилъ свою фамилію крупными печатными буквами на страницѣ журнала и пріятно взволновался.

— Такъ, пожалуйста же, завтра зайдите, сказалъ я, прощаясь: — пойду, перепишу для печати одну вещичку.

— Не забудьте письмо къ редактору, сказала дѣвица:—это ужь вы сдѣлайте, у васъ слогъ прекрасный; напишите и объ стихахъ тоже.

— Да, непремѣнно, но вотъ вопросъ: сколько просить за стихи денегъ? говорилъ уже гимназистъ.

— Рублей пятьдесятъ, я думаю, сказалъ я серьезно. Я въ то время просто понятія не имѣлъ объ деньгахъ.

Тотъ обрадовался.

— Это бы славно! Такъ вы ужь сами тамъ напишите; вотъ вамъ и стихи; вы все это запечатайте, а я отправлю завтра!

XXI.

На другой день я написалъ нѣсколько черновыхъ писемъ къ редактору, но все рвалъ, все не то выходило. Наконецъ, я остановился на одномъ, которое начиналось словами:

Милостивый государь!

Въ захолустьи гимназій, средь гнета корпусовъ, вы тоже найдете, можетъ быть, нѣкоторыя явленія и проч.

Я выражалъ въ этомъ письмѣ очень длинно и краснорѣчиво, что хотѣлъ бы помѣстить эту бездѣлку въ его журналѣ, столь мною уважаемомъ, что мнѣ кажется, мое сочиненіе подходитъ очень собственно къ его журналу, потомъ въ разныхъ фразахъ вилялъ хвостомъ и лисилъ передъ редакторомъ и наконецъ просилъ его извинить меня, что я приложилъ стихи, которые, конечно, не имѣютъ никакого достоинства, но что это я дѣлалъ ужь собственно по просьбѣ. Я считалъ Горна образованнѣе себя, но себя гораздо талантливѣе и развитѣе, и выходкой противъ стиховъ пріятеля хотѣлъ выиграть въ мнѣніи редактора.

О деньгахъ я прибавилъ, что ихъ могутъ выслать на имя Горна.

Это письмецо вмѣстѣ съ собственной рукописью изъ жизни чиновниковъ я тщательно зашилъ въ холстъ и запечаталъ, боясь, чтобы Горнъ не прочелъ его, и, когда тотъ дѣйствительно вызвалъ меня въ пріемную, передалъ ему посылку.

— Пожалуйста, вы сейчасъ же отправьте, просилъ я, боясь все-таки, чтобъ онъ не прочелъ.

— Денежки, батюшка, получимъ! радовался тотъ и даже припрыгнулъ для чего-то.

Воротившись изъ пріемной, я не утерпѣлъ и заботѣлъ прихвастнуть объ этомъ кому нибудь и искалъ, кого это можетъ заинтересовать.

Я началъ разговаривать съ маленькимъ офицеромъ, моимъ знакомцемъ, который опять со мной сталъ хорошъ, когда узналъ, какъ было дѣло, и ужасно сердился на длиннаго офицера за то, что тотъ такъ подло воспользовался. Но тотъ и не оправдывался.

— Идеи чести! говорилъ онъ нахально: — пороть ихъ за шалость и пороть этихъ мальчишекъ—вотъ и все! Онъ даже разгорячился. — Пороть! Да-съ!

— Вотъ, сказалъ я маленькому офицеру: — я одно сочиненіе послалъ въ журналъ для печати.

Я любопытно взглянулъ— и остался имъ недоволенъ, потому что онъ, хотя деликатно промолчалъ на это, но не выразилъ радости.

Я пошелъ къ Ивину и сообщилъ ему то же, прибавивъ, что я еще и деньги получу рублей двѣсти. Я тогда такъ и сыпалъ въ разговорѣ рублями.

— Вотъ какъ! сказалъ онъ, почему-то смутившись и глядя въ сторону. Послѣ моей нелѣпой комедіи съ Малашей, онъ на меня смотрѣлъ какъ-то странно, говорилъ со мной мало, тѣмъ болѣе, что я его отрѣлъ разъ, когда онъ было возобновилъ давно забытые нами разговоры о дѣтствѣ и домѣ.

— Полно объ этомъ! меня это только возмутитъ можетъ! сказалъ я: — что за воспоминанія — тиранъ отецъ и крѣпостныя отношенія!

— Ты прежде не такъ говорилъ, сказалъ Ивинъ тихонько, и грустно и испуганно взглянулъ на меня исподлобья.

Я сталъ внимательно просматривать всѣ новыя книжки журналовъ, нѣтъ ли тамъ моего сочиненія, хоть въ отдѣлѣ смѣси, но, конечно, ничего не находилъ.

Разъ во время ученья ко мнѣ подошелъ маленькій офицеръ.

— Къ вамъ письмо есть у ротнаго командира, не отвѣтъ ли изъ редакціи? сказалъ онъ, слегка посмѣиваясь: — вѣрно, письмо съ печатью редакціи. Посмотримъ!

Я волновался и представлялъ себѣ въ воображеніи наружный видъ письма. Хорошо бы, если бы съ печатью редакціи! Я бы

всѣмъ показалъ: и Горну, и всѣмъ... переписка съ редакціей — славно, чортъ возьми!

Я разочаровался, когда увидѣлъ на адресѣ знакомый почеркъ. Это было письмо отъ отца. Мнѣ было очень досадно, хотя все-таки по неволѣ пріятно читать. Потому что вѣдь, что это было за письмо! Нѣжное, ласковое, полное безпредѣльной любви и доброты...

«Скоро ли я тебя увижу, дружочекъ ты мой, писалъ отецъ, ты не повѣришь, какъ мнѣ грустно думать, что ты отъ меня далеко, между чужими людьми, которые не могутъ тебя такъ любить, какъ я, если и любятъ, да ужь я знаю, не могутъ».

Я не сохранилъ этого письма. А теперь сколько тысячъ писемъ изъ редакціи отдалъ бы я за него. Но ужь его никто не напишетъ!...

XXII.

Время шло да шло со всѣмъ этимъ, я ходилъ къ Ивану Иванычу и Горнамъ, читалъ, и ввелъ разъ Горна въ кружокъ Ивана Иваныча по одному обстоятельству.

Но прежде о кружкѣ Ивана Иваныча. Много съ тѣхъ поръ прошло и новыхъ впечатлѣній, много сгладилось, и лица, съ которыми я тамъ встрѣчался, неясно мнѣ представляются, какъ бы въ туманѣ.

Помню, какого я всегда исполнялся трепетнаго и сладостнаго волненія при этихъ разговорахъ, какъ послѣ волновался, передумывая или чаще повторяя въ умѣ, что говорилось. Но къ чему бы все это ни вело, что бы ни дѣлалось изъ этого, чѣмъ бы ни кончилось, у меня осталось хорошее чувство къ нимъ, къ этимъ «пробуждавшимъ», за тѣ все-таки чистыя, пріятныя минуты безотчетнаго восторга, который они во мнѣ возбуждали своими словами!...

Я, помню, совсѣмъ втянулся въ этотъ кружокъ: и благоговѣлъ тамъ, и готовъ былъ наврать, похвастать, сдѣлать неприличность и все, что угодно, только чтобъ ударить въ тонъ этому обществу, чтобы оно обратило на меня вниманіе. Замѣтивъ, что общее участіе ко мнѣ возбуждается со стороны того, что надо мной гнетъ военной дисциплины, и что я страдаю въ узкой и грубой атмосферѣ, я началъ сильно напирать на это и, конечно, привирать, что мнѣ то-то тяжко, это невыносимо. И не знаю,

кому только я не разсказывалъ, что отецъ у меня тиранъ! мнѣ нравилось быть жертвой.

Разъ, когда я зашелъ къ Горну, онъ таинственно сообщилъ мнѣ, что у него есть одна вещь, рукописная и не напечатанная.

— Новость идеи и сила языка поразительныя! говорилъ онъ:— только вы не говорите — могутъ узнать.

— Ахъ, дайте мнѣ! воскликнулъ я, сгарая желаніемъ первому показать это въ кружкѣ Ивана Иваныча. Гораздо больше мнѣ это хотѣлось сдѣлать, чѣмъ самому прочесть.

— Нѣтъ-съ, не могу; прочесть прочтемъ вмѣстѣ, только дать не могу.

— Я бы показалъ Ивану Иванычу.

— Нельзя; а лучше вотъ что: мы пойдемъ вечеромъ вмѣстѣ съ вами къ Ивану Иванычу, я самъ къ нему отнесу; кстати, мнѣ было бы лестно познакомиться съ нимъ, прибавилъ онъ.

— Ахъ, это отлично, отлично! радовался я:—давайте читать!

И мы прочли.

— Это изумительно-хорошо! говорилъ я, не будучи въ состояніи придти въ себя.

— Да ужь я вамъ говорю-съ, батюшка! отвѣчалъ гимназистъ такъ гордо, точно онъ это самъ написалъ.

Я изъ всего сочиненія мало понялъ, но за то много запомнилъ; — мнѣ нравился самый складъ рѣчи и обороты.

Когда мы пришли къ Ивану Иванычу, я представилъ гимназиста.

— Вы въ которомъ классѣ? спросилъ тотъ его.

— Я скоро уже изъ университета, отвѣчалъ Горнъ совсѣмъ не такъ бойко, какъ говорилъ со мной.

Я, между тѣмъ, желая показать передъ Горномъ коротость съ Иваномъ Иванычемъ, ходилъ по обѣимъ комнатамъ, бралъ книги, показалъ двѣ, три книги Горну, который перелисталъ ихъ съ любопытствомъ. Потомъ, въ заключеніе, я развалился въ креслѣ, чего никогда до этого не дѣлалъ.

Послѣ обычнаго разговора о нѣкоторыхъ книгахъ, трудности доставать ихъ, о неразвитости учениковъ и учителей гимназіи и корпуса, Горнъ поднялся.

— Вотъ, сказалъ онъ нѣсколько таинственно: — тутъ рукопись одна, это новость... вѣрно, ни у кого нѣтъ.

Въ это время пришелъ господинъ съ баками. Горнъ, услышавъ шумъ въ передней, спряталъ было рукопись, но потомъ

прочелъ ее вслухъ съ нѣкоторымъ пафосомъ и возбудилъ общій восторгъ.

— Я могу доставать эти вещи, кажется, уже похвастался Горинъ, прощаясь:—и если позволите, могу заносить къ вамъ отъ времени до времени.

Гимназистъ понравился.

— Онъ славный малый, кажется, обратился ко мнѣ господинъ съ баками.

— Отличный, чрезвычайно занимающійся и развитой, подтвердилъ я, очень довольный, что у меня такой пріятель.

— Да, батюшка, не то время нынче, обратился къ Ивану Иванычу господинъ съ баками:—не такой густой мракъ, въ которомъ только звѣри рыщутъ!

XXIII.

Во время выпускныхъ экзаменовъ положеніе мое сдѣлалось рѣшительно невыносимымъ. Я уже совсѣмъ рѣшилъ, что выйду изъ корпуса, и мы переговорили объ этомъ съ Иваномъ Иванычемъ окончательно.

— Я не могу теперь выносить этотъ гнетъ, сказалъ я ему въ одинъ вечеръ, прихлебывая чай и нѣсколько передъ зеркаломъ рисуясь.

— Ну да, отвѣчалъ Иванъ Иванычъ, вы напишите къ отцу; не можетъ же онъ вамъ отказать въ вашемъ справедливомъ желаніи лучшей жизни, желаніи учиться наконецъ. Тамъ поѣдете въ Москву; пойдетъ университетъ, новая жизнь...

— Я уже испыталъ свой характеръ и думаю, что съумѣю перенести трудъ и борьбу, замѣтилъ я.

Мнѣ стало что-то радостно на сердцѣ, представлялись толпы студентовъ, аудиторіи, свободная жизнь...

— Пишите письмо скорѣй, сказалъ помолчавъ опять Иванъ Иванычъ:—и не говорите до полученія отвѣта никому ни слова.

На другой же день утромъ въ корридорѣ я писалъ письмо домой.

Утренній свѣжій блескъ зари игралъ въ отворенныхъ окнахъ, прохладой и свѣжестью вѣяло въ корридоры. Нѣсколько кадетъ готовилось къ экзамену.

Ивинъ подошелъ съ атласомъ и географіей въ рукахъ и совсѣмъ одѣтый.

— Что ты пишешь? спросилъ онъ.

— Такъ, тутъ письмо одно нужно, сказалъ я нехотя: — а ты къ экзамену?

— Да, вѣдь много! сказалъ онъ: — нынче сѣлъ у окна, а глаза такъ и слипаются, такъ и слипаются!

Онъ въ самомъ дѣлѣ лѣниво потянулся и сладко зѣвнулъ. Потомъ, взглянувъ на меня съ улыбкой, вдругъ озабоченно опустилъ глаза въ книгу и пошелъ, внимательно читая.

«Если вы не вѣрите моимъ убѣжденіямъ, — да вы и всегда были противъ университетовъ! — продолжалъ я писать, любуясь своими фразами: — то повѣрьте хоть тѣмъ голосамъ лучшихъ людей мысли и науки, которые отъ времени до времени раздаются въ пользу университетовъ».

Все это я перечелъ съ наслажденіемъ.

«Но если, заключалъ я энергически, вы не захотите исполнить мое искреннее, задушевное желаніе, то я найду средство, если не выдти съ честью, то быть выключеннымъ съ безчестьемъ. Я на все рѣшусь».

Я на все рѣшусь! — энергически и кратко — лаконизмъ! отлично! думалъ я: — «теперь прощай, милый папенька и прочее».

Я переписалъ на почтовую бумагу все это и запечаталъ.

Экзамены мои шли кое-какъ. Я мало готовился и мучился въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ представлялось гнетомъ или глупостью то, чего я прежде, пожалуй, и не замѣчалъ. Разговоры идутъ о предстоящемъ выпускѣ казались мнѣ пошлы и мелочны. Я очень радовался и гордился, что вотъ выйду совсѣмъ особенно, не такъ, какъ другіе, и, пренебрегая мундиромъ и военной карьерой, пойду въ университетъ. Кромѣ того, мнѣ было чрезвычайно пріятно, что у меня такой твердый характеръ, что я никому не говорю о предстоящемъ важномъ происшествіи для меня.

Я рисовался самъ передъ собой въ хладномъ, такъ сказать, и гордомъ одиночествѣ. Я находилъ какое-то особенное наслажденіе даже мистифировать другихъ на этотъ счетъ. Напримѣръ, разъ поздно вечеромъ, всѣ разговорились, сидя на кроватяхъ, о выпускѣ. Ивинъ очень весело разсказалъ свои мечтанья, нѣсколько шутя на свой счетъ.

— Пойдемъ по улицѣ и солдаты фуражки снимаютъ! А знаете, господа, мнѣ кажется это весело, только не совсѣмъ....

— Нѣтъ это весело! заговорили кругомъ: — особенно въ первый-то разъ.

— Да, началъ опять Ивинъ: — только знаете, господа, дели-

но быть совѣстно! Солдаты ужь и старики есть, а вѣдь мы что же? Идешь — вѣдь мальчишка!

— Это ты мальчишка, насъ не задѣвай; мы все старше! дружелюбно замѣтилъ ему фельдфебель: — онъ, господа, некрасивъ, ей Богу! Погодите господа, непремѣнно буду кадетъ останавливать: отчего, скажу, фуражки не сняли? какъ вы, скажу, смѣли? Позвольте вашъ билетъ! Кто ротный командиръ?

Всѣ засмѣялись.

— Какіе широкіе идеалы! замѣтилъ я свысока, лежа на постели.

— Гдѣжь намъ за тобой! замѣтилъ раздражительно фельдфебель. Другіе молчали.

— Ты опять какой-то сталъ, началъ уже Ивинъ, немножко сердясь:—все самъ по себѣ... идеалы! А можно спросить объ твоихъ этихъ идеалахъ?

— Кому до нихъ дѣло? Можетъ быть, такъ устрою жизнь, что и не ждутъ, намекнулъ я таинственно: — вотъ поступлю въ полкъ юнкеромъ, буду пить, играть въ карты, уѣду на Кавказъ, убьютъ...

Я даже не сердился на Ивана за насмѣшку: такъ онъ былъ по моему пустъ и тупъ.

— Господа! спать, спать пора! кричалъ маленькій дежурный офицеръ: — ложитесь; что вы тутъ проповѣдуете, Черневскій?

— Какъ, какъ? Объ идеалахъ? повтори! объ идеалахъ, отнесся къ нему фельдфебель насмѣшливо.

— Это не я, а онъ объ фуражкахъ проповѣдуетъ, сдѣлалъ я пику фельдфебелю, уже взбѣшенный.

Въ другой разъ случилось, что я ужь такъ плохо отвѣчалъ изъ фортификаціи на экзаменѣ, настроилъ на доскѣ такихъ нелѣпостей мѣломъ, что даже удивилъ всѣхъ.

— Черневскій, началъ дискантикомъ инспекторъ, который былъ экзаменаторомъ и всегда съ наслажденіемъ меня шпиговалъ, потому что не любилъ, какъ онъ выражался, этихъ сочинителей: — Черневскій! вы ужасно лѣнивы и не хотите ничего дѣлать. Балъ у васъ, впрочемъ, хорошій.

— Онъ мнѣ хорошо отвѣчалъ, замѣтилъ перемигнувшись учитель фортификаціи, который уважалъ меня за то, что сочиняю, и не спрашивалъ.

— Ну пусть такъ, продолжалъ тотъ, вертя карандашъ:—но вѣдь это вамъ нужно будетъ....

— Вѣдь это вамъ пригодится, робко принялъ его сторону и учитель, разводя руками.

— И что вы изъ себя хотите сдѣлать? Статейки будетъ писать? Да? Эхъ вы! Онъ даже съ какимъ-то презрѣніемъ взглянулъ на меня.—Статейки! Стихи! Вы у насъ чтожь, Пушкинымъ что ли будете? Что вы изъ себя готовите, какое сокровище?

Я мучился и чувствовалъ, что весь классъ на меня смотритъ и на мой нелѣпый чертежъ на доскѣ.

И вачѣмъ я этотъ чертежъ дѣлалъ? думалъ я,—сказалъ бы: *не знаю*, и шику больше, да и... а то врешь тутъ!—Я весь горѣлъ до волосъ.

— Я въ юнкера пойду, брякнулъ я, хотя мнѣ очень хотѣлось про университетъ сказать при всѣхъ.

— Въ юнкера! ну, и отлично! Мало васъ такихъ! Садитесь ужь вы! заключилъ инспекторъ, наклоняясь къ списку и сбавляя мнѣ елико возможно больше. Потомъ, съ удовольствіемъ откинулся назадъ и посмотрѣлъ мнѣ вслѣдъ.

Я, не смигнувъ, холодно взглянулъ всѣмъ въ глаза и спокойно сѣлъ за столъ.

Мнѣ было очень пріятно, что я ношу съ собой секретъ. Вотъ удивятся, думалъ я.....

XXIV.

Въ большомъ номерѣ гостиницы пахло табакомъ, сапогами и какими-то точно котлетами. По темнымъ обоямъ ходили тѣни отъ свѣчки. За перегородкой возился съ чемоданомъ Семенъ, ласково мнѣ улыбаясь своимъ знакомымъ, добрымъ морщинистымъ лицомъ.

— Семенъ! дай самоваръ! говорилъ отецъ, поправляя золу въ трубкѣ и куря.

— Какъ вы однако скоро пріѣхали! говорилъ я:—я васъ не ждалъ. Я думалъ, что вы пришлете только письмо, или деньги...

— Какъ же, милый, ты вѣдь такое письмо написалъ, началъ отецъ, глядя мнѣ въ глаза и нѣсколько закинувъ свою сѣдую голову:—я подумалъ, подумалъ, да на другой же день и поѣхалъ. Что тамъ, думаю, вдругъ случилось? И потомъ, что ты тамъ, когда я противъ университетовъ говорилъ, что такое эти «голоса науки» и Богъ знаетъ что! Учись, мой милый! Ты только вспомни, вѣдь ты ничего до послѣдняго года не говорилъ мнѣ объ университетѣ! Учись, голубчикъ! ужь я-то не буду мѣшать тебѣ! Ну, довольно объ этомъ.

Онъ ласково поцаловалъ меня.

— Я кое у кого былъ, у Марьи Кондратьевны чай пилъ, сказалъ онъ съ веселой улыбкой:—и у этого твоего Ивана Иваныча вчера былъ!

— Что онъ вамъ, какъ понравился? быстро спросилъ я.

— Ну да, ну да! прекраснѣйшій человѣкъ! быстро и какъ-то смущенно проговорилъ отецъ и безъ всякой надобности поправилъ большимъ пальцемъ золу въ трубкѣ и сильно затянулся: — мы съ нимъ почти цѣлый вечеръ просидѣли: онъ много говорилъ со мной. Прекраснѣйшій человѣкъ! Да, да, умнѣйшій и прекрасный! Ахъ, да! вчера заходилъ ко мнѣ какой-то студентъ и записку тебѣ оставилъ, куда я ее дѣлъ? Вотъ она!

— Это ужь не Горнъ ли? спросилъ я радостно и прочелъ:

«Я ужь теперь студентъ,—слышалъ, что вы уѣзжаете, и желалъ бы видѣться съ вами. Я живу у дяди. Вашъ покорный слуга, В. Горнъ».

— Самоваръ готовъ, сказалъ Семенъ, появляясь съ шипящимъ самоваромъ и стаканами.

— Ну, давай чай пить, сказалъ отецъ, садясь.—Кто жь этотъ Горнъ?

— Ахъ, это очень умный и образованный молодой человѣкъ, началъ я скороговоркой: — онъ кончилъ курсъ въ гимназіи и теперь идетъ по юридическому факультету. Все занимается, — ужасно развитой и начитанный.

— Какія ты слова говоришь! охъ ты, студентъ! сказалъ съ любовію и ласково отецъ и поцаловалъ меня: — все-то ты съ умными людьми у меня знаешься! Ну, пей чай и все разсказывай откровенно, что у васъ теперь дѣлалось?...

И я началъ разсказывать.....

На другой день отецъ съ утра уѣхалъ хлопотать въ корпусъ, а я не желалъ и заходить туда, такъ какъ съ товарищами простился. Идя къ Ивану Иванычу, я его встрѣтилъ на улицѣ.

— Я иду на урокъ, сказалъ онъ:—ну, вотъ ваше дѣло кончено.

— Да, слава Богу, начинается новая жизнь и университетъ впереди, отвѣтилъ я.

— Что вашъ батюшка? спросилъ Иванъ Иванычъ.

— Мы вчера все говорили съ нимъ. Я откровенно ему все разсказалъ, весь этотъ гнетъ корпусный...Ну, конечно, онъ съ его понятіями многаго не понялъ и все хотѣлъ заставить воротиться къ прежнему и даже употребить родительскую власть, но со мной вѣдь плохи шутки! заключилъ я, усмѣхнувшись.

— Горнъ пріѣхалъ, сообщилъ я Ивану Иванычу:—онъ ужь студентъ, хочу къ нему зайти.

— А! замѣтилъ Иванъ Иванычъ:—заходите проститься, пожалуйста.

Повернувъ въ переулокъ, я отворилъ двери старика Горна и вошелъ въ комнату; тамъ никого не было.

— Дома студентъ Горнъ? спросилъ я въ пустоту.

— А, это вы! нѣсколько протягивая слова, говорилъ студентъ и, щурясь, шелъ мнѣ на встрѣчу.

Онъ очень перемѣнился. Похудѣлъ, казался выше ростомъ, отпустилъ свои черные волосы до безобразія и надѣлъ очки. На голубой воротникъ его и на форменныя пуговицы я смотрѣлъ даже съ какимъ-то благоговѣніемъ.

Въ маленькой комнаткѣ, которую онъ занималъ у дяди, какъ-то ужь пахло книгами. Ихъ въ самомъ дѣлѣ было много на окнахъ и на столѣ. Я съ любопытствомъ открылъ одну, другую. Попались Титъ Ливій, лексиконъ Кронеберга, какая-то греческая грамматика, энциклопедія законовѣдѣнія.

У меня даже дыханіе захватило отъ однихъ заглавій и въ глазахъ зарябило...

— Вы ужь и греческій языкъ знаете? спросилъ я.

— Да, у насъ вѣдь, собственно говоря, и нельзя не знать, похвастался студентъ:—мы всѣхъ этихъ авторовъ въ подлинникахъ читаемъ. Я таки собралъ себѣ порядочную библіотеку — но исключительно научныя вещи, добавилъ онъ, уже совсѣмъ рисуясь.

— Трудно, я думаю, будетъ мнѣ держать экзаменъ?

— Да вы, я слышалъ, хотите держать? чтожь, батюшка, прекрасное дѣло! трудновато! нужно вотъ латинь-то подолбить. Но, главное, изучить классиковъ, по всѣмъ авторамъ пройтись.

— А вы, конечно, прошлись? спросилъ я съ уваженіемъ, улыбаясь.

— Всѣхъ, конечно, отвѣчалъ онъ, важно закуривая папиросу.

Я готовъ былъ подъ благословеніе къ нему подойти.

— Ну, какъ вы поживаете? спросилъ онъ меня: — вы, конечно, на филологическій? Вы пишете прекрасно. Кстати, нѣтъ ли чего новенькаго? я бы съ удовольствіемъ послушалъ.

— Знаете, сказалъ я вдругъ обрадовавшись своей мысли: — вечеръ отличный, мы пойдемъ, прогуляемся, потомъ ко мнѣ чай пить. Никого не будетъ, мы поболтаемъ и почитаемъ.

— Хорошо, сказалъ онъ: — а отецъ вашъ?

— Онъ хлопочетъ тамъ и поздно вернется. Вы не будете заниматься сегодня?

— Хотѣлъ было, началъ онъ, кажется, для шику передо мной: — да вчера все Неволина читалъ, усталъ ужасно! это сушь, не то, что литература; такъ-то, батюшка! засмѣялся онъ.

Надѣвая пальто, Горнъ положилъ портъ-моне въ карманъ. Мнѣ тогда очень это понравилось. Вотъ идетъ, думалъ я, и деньги въ карманъ положилъ на всякій случай. Человѣкъ совсѣмъ! Не то, что у насъ.

Эта мысль была очень естественна во мнѣ. Намъ запрещалось имѣть деньги у себя.

Мы спустились съ горы къ рѣкѣ и пошли по дорогѣ у берега.

Горнъ разсказывалъ мнѣ о книгахъ, которыми нужно руководствоваться къ экзамену, и кажется, умышленно въ перспективѣ представилъ мнѣ разныя затрудненія.

— Видите, греческій тоже надо знать, говорилъ онъ: — если вы возьмете у меня, я могу вамъ отдать за пустяки всѣ эти руководства. Мнѣ онѣ не нужны — я ужь теперь авторомъ собираю, на что мнѣ эти грамматики.

— Конечно, подтвердилъ я: — а что, легко въ Москвѣ доставать книги?

— Да, есть библіотечки кой-какія. Читали ли вы статью, говорилъ Горнъ.

Сзади насъ раздался топотъ лошади.

По гладкой дорогѣ, подымая облачко пыли, крупною рысью нагонялъ насъ верховой.

— Стой! раздался знакомый голосъ: — никакъ Чернѣвскій? онъ! онъ! стой, стой!

Нероновъ осадилъ коня и наклонился ко мнѣ.

Во мнѣ было заговорила моя страсть...

— Славный конь! сказалъ я, съ удовольствіемъ лаская крутую шею: — откуда это? безъ сѣдла качаешь! — молодецъ!

— Чего! отвѣчалъ Нероновъ: — пристяжную отцовскую скрутилъ, славный!

Онъ съ удовольствіемъ потрепалъ коня подъ ухомъ. Тотъ фыркнулъ и сердито ударилъ подковой въ землю.

— Ну, ну! крикнулъ Нероновъ: — вотъ, братъ, сейчасъ выкупаюсь съ этимъ подлецомъ—да и вода же теперь должна быть! А потомъ рощей домой. Экой вечеръ! давай купаться! Отлично!

Въ его некрасивомъ лицѣ было столько жизни, одушевленія

и смѣлости, что Горнъ передъ нимъ представлялъ довольно жалкую фигуру съ своими узенькими плечами и умнымъ видомъ, который онъ, кажется, нарочно на себя принялъ; онъ даже отошелъ отъ насъ, какъ бы показывая этимъ, что все это пусто и его не интересуетъ, но онъ просто, кажется, боялся бойкой лошади, которая фыркала и рвалась изъ рукъ у Неронова.

Вечеръ былъ и въ самомъ дѣлѣ отличный. Небо совсѣмъ голубое. Солнце зашло и все — крыши домовъ, главы церквей, вся рѣка тихая и зеркальная—все потонуло въ розовомъ свѣтѣ... Потомъ стемнѣло. Скрипѣли какія-то ворота, слышалась гдѣ-то пѣсня и замерла, сырой туманъ поднялся и въ туманѣ волны искрами засвѣтились. Неподвижными массами у берега стояли плоты...

— Я, братъ, теперь у отца въ отпуску неистовствую, кричалъ Нероновъ: — потому все свое исполнилъ, что мнѣ! Стой ты, дуракъ! Ну, купаемся что ли!

— Нѣтъ, не буду, холодно.

— Эхъ вы нюни! холодно! Прощай, Черпевскій! Разъ, разъ!

Онъ пригнулся впередъ, гикнулъ и, круто повернувъ, поскакалъ по дорогѣ.

— Сумасшедшій! онъ голову себѣ свернетъ, замѣтилъ Горнъ, глядя ему вслѣдъ и, кажется, отдыхая душою, что тотъ убрался съ своей глупой лошадью, которая, пожалуй, можетъ ударить, чего добраго.

— Не сломитъ! онъ хорошо ѣздитъ, замѣтилъ я съ такой гордостью, точно это до меня относилось сколько нибудь.

— Какъ это можетъ занимать человѣка такая глупость, верхомъ тамъ шляться! Испорченные у васъ какіе-то! замѣтилъ презрительно Горнъ.

— Именно испорченные! усмѣхнулся я не совсѣмъ искренно, поддѣлываясь и стыдясь своей любви къ лошадямъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вода глухо зашумѣла подъ берегомъ и сквозь туманъ пошла широкими розовыми кругами, пѣнясь и плеща у плотовъ...

—Вонъ онъ! замѣтилъ я: — купается!

—Читали вы Декамеронъ? спросилъ Горнъ, какъ бы не слыша.

— Нѣтъ, не читалъ—съ.

— Хотите, я вамъ дамъ его? все равно, вы теперь особенно серьезно еще не займетесь...

— Нѣтъ! дайте пожалуйста, я бы хотѣлъ именно познакомиться съ этимъ памятникомъ итальянскаго остроумія...

— Какъ вы говорите? спрашивалъ тотъ, не дослышавъ...

А кругомъ догоралъ вечеръ, чудный вечеръ, и ужь звѣзды начали зажигаться. Огни свѣтились въ окнахъ. Звонко проскакалъ домой Нероновъ вверхъ по тихой улицѣ...

XXV.

Когда мы пришли въ номеръ, было уже темно. Я зажегъ свѣчу.

— Что вы мнѣ прочтете? спросилъ Горнъ.

— Небольшое у меня есть сочиненіе: «проклятіе», сказалъ я: — это къ корпусу относится, вотъ вы тутъ увидите...

Я съ восторгомъ читалъ свое сочиненіе, Горнъ слушалъ внимательно, изрѣдка вставалъ, прохаживался и, когда я переставалъ читать, говорилъ: «читайте, я слушаю, слушаю! это отлично, отлично! У васъ есть положительный талантъ!»

Я радовался и еще съ большимъ паѳосомъ читалъ такъ, что на одномъ сильномъ мѣстѣ, размахнувъ рукою, не разсчиталъ разстоянія и очень больно зашибъ руку объ столъ. Это вышло такъ глупо, что даже Горнъ разсмѣялся.

— Одушевленіе! вотъ что значитъ! сказалъ онъ: — какъ вы однако сморщились!

«И вотъ, кончалъ я изъ приличія улыбаясь: стоишь ты передо мной вертепъ раболѣпства, низкопоклонства и деспотизма! Скоро ли покину я твои глухія стѣны, гдѣ вѣчно мнѣ придется проклинать судьбу свою и насиліе, ввергнувшее меня въ эту пропасть, откуда нѣтъ исхода, нѣтъ спасенія!»

— Отлично, отлично! сказалъ опять Горнъ, ероша волосы и тараща глаза:—Ахъ, здравствуйте! вдругъ сказалъ онъ, оборачиваясь и измѣняя голосъ.

Я чего-то сконфузился.

Сзади насъ стояла высокая фигура отца. Свѣтъ отъ свѣчки прямо падалъ на лицо его, и морщины казались глубоко, и глаза какъ будто впали. Онъ съ невыразимой нѣжностью взглянулъ на меня, нѣжливо протянулъ руку Горну, потомъ сконфуженно поставилъ свою шляпу въ уголъ и началъ снимать перчатки. Онъ видимо былъ взволнованъ.

— Ну, вотъ я и у всѣхъ побывалъ—намъ хоть завтра ѣхать. Вотъ и твои бумаги здѣсь, сказалъ онъ.

И вдругъ я почувствовалъ какую-то страстную любовь къ

нему, и вдругъ почему-то стала мнѣ ужасно противна фигура Горна, самодовольно запихнувшаго руки въ карманы и потрясавшаго своей маленькой головкой и длинными волосами.

Онъ какъ-то особенно глядѣлъ на отца и вдругъ холодно взялся за фуражку.

— Прощайте-съ, сказалъ онъ съ странною вѣжливостью отцу.

— Что жь, вы не хотите посидѣть? спросилъ отецъ просто.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ тотъ холодно:—я и такъ засидѣлся. Прощайте. Что, мы увидимся до отъѣзда вашего?

— Не знаю, сказалъ я, провожая его и опять чувствуя къ нему глубокое уваженіе.

— Такъ прощайте на всякій случай. Я понимаю и ваше грустное «проклятіе» и насиліе это... все понимаю! сказалъ онъ нѣсколько напыщенно, и стремительно вышелъ.

Когда я вернулся, отецъ сидѣлъ, опустивъ низко, низко голову на грудь.

Я началъ ходить по комнатѣ, настроивая себя на слова Горна.

Да, думалъ я:—вотъ плоды этого неразвитія общественности! Теперь и терпайся!

— Послушай, Петя, заговорилъ тихо и взволнованнымъ голосомъ отецъ:—вѣдь вотъ пять лѣтъ для тебя даромъ пропали...

— Что жь теперь поминать—вѣдь прежде объ этомъ никто не думалъ! сказалъ я скоро.

— Петя, голубчикъ! вдругъ началъ отецъ, съ такой безконечной добротой и нѣжностью, такимъ полнымъ любви голосомъ, что я бы далъ руку теперь отрѣзать, чтобы только еще разъ нѣсколько минутъ слышать этотъ голосъ:—Петя, голубчикъ! простишь ли ты меня?

Онъ поднялъ свою старую голову; — глаза и щеки были мокры....

— Что вы плачете? какъ это можно? Въ чемъ мнѣ васъ прощать?

— Нѣтъ, нѣтъ, прости, прости меня! Я виноватъ; — пять лѣтъ—это не мало. Сколько бы ты могъ сдѣлать хорошаго въ это время! Въ голосѣ его ужь просто были слезы.

— Да, конечно, сказалъ я, придуманно вздохнувъ.

— Петя! что жь ты не говоришь? ну, прости своего стараго отца, голубчикъ! Да вѣдь я, ей Богу, не зналъ, что ты... Ну что, какія въ тебѣ тогда наклонности были! Петя! за что, за что ты меня такъ не любишь?

Отецъ вдругъ опустилъ голову на широкія, жилистыя руки и глухо зарыдалъ.

— Что вы, что вы! ужь рыдалъ и я, забывая все, что придумалъ. Я кинулся на колѣни и жарко, несчетно цаловалъ милыя руки, мокрыя отъ слезъ.

— Петя! побойся же Бога, Петя! На кого ты выдумываешь? На отца! За что ты меня не любишь? Что ты меня представляешь тираномъ какимъ-то всѣмъ? Я вѣдь сейчасъ слышалъ: ты этому студенту читалъ и Ивану Ивановичу говорилъ вчера, что я хочу тебя заставить опять поступить въ корпусъ! Когда это было? И вѣрно, ты это не однимъ имъ, и всѣмъ такъ говоришь.....

Совершенно раздавленный горемъ, разбитый и уничтоженный, я только громко всхлипывалъ, стоя на колѣняхъ.

— На кого ты выдумываешь? На отца, который тебя такъ любитъ, такъ любитъ,—о милый ты мой! И онъ цѣловалъ, цѣловалъ меня....

— Петя! голубчикъ! Вѣдь я къ чему все это говорю. Ты не подумай, чтобъ я объ себѣ — нѣтъ! ну не все ли мнѣ теперь равно, такъ или иначе кто нибудь обо мнѣ думаетъ — я вѣдь теперь ужь только для васъ живу! Нѣтъ, зачѣмъ ты неправду говоришь, — вотъ что, милый ты мой! Отъ кого ты это научился? не говори ты лжи никогда ни на кого! Ахъ, милый, какъ это дурно лгать! правда? ну подними голову, полно!..

Но я все ниже опускалъ голову и все крѣпче прижималъ горящее лицо къ большимъ рукамъ отца.

— Ну, выслушай меня поспокойнѣй. Ты, голубчикъ, со всѣмъ какъ-то не тотъ сталъ; ты, мнѣ кажется, хуже сталъ. Все ты будто говоришь не такъ, какъ чувствуешь. Зачѣмъ? Всегда, всегда говори правду! Что же это ты лгуномъ будешь, ну какъ ты съ этимъ будешь жить?

— Господи! господи! могъ я только проговорить.

— Ну полно, полно! я ужь ничего не буду говорить. Вставай, вставай... ты добрый мальчикъ! ну цалуй меня. Вотъ такъ. Поужинаемъ да и спать... а ты крѣпко будешь спать! Послѣ слезъ всегда...

И его благородная, сѣдая голова въ утомленіи опустилась на руки.

ѲЕДОРЪ БЕРГЪ.

* * *

(в. д. п—ой).

Добро бы жить, какъ надо, — человѣкомъ!
И радостно глядѣть на свой народъ,
Какъ въ уровень съ наукою и вѣкомъ,
Онъ полный силъ, что день, идетъ впередъ.

Какъ крѣпко въ немъ свободное начало,
Какъ на призывъ любви въ немъ чутокъ слухъ,
Какъ десяти столѣтій было мало,
Чтобъ въ немъ убить его гражданскій духъ...

Добро-бъ такъ жить! да знать, еще не время...
Знать, не пришла для почвы та пора,
Чтобъ изъ нея ростки пустило сѣмя
Народности, свободы и добра.

Но все же мы уляжемся въ могилы,
Съ падеждою на будущность земли,
Съ сознаніемъ, что есть въ народѣ силы
Создать все то, чего мы не могли.

Что пали мы, какъ жертвы очищенья,
Взойдя на ту высокую ступень,
Съ которой видѣли начатки обновленья
И чуяли давно желанный день!..

С. ДУРОВЪ.

НА МОТИВЪ ИЗЪ ВИКТОРА-ГЮГО.

Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ:
Его галеры ожидали.
Онъ былъ бѣднякъ, и былъ онъ воръ. —
Недѣлю дѣти голодали
И, нищетой удручена,
Глядѣла въ гробъ его жена.
Труды, заботы, огорченья,
Знать, це по силамъ были ей;
И поддался онъ искущенью:
Укралъ на хлѣбъ семьѣ своей.

И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ.
Казалось, нищетой ужасной
Никто изъ нихъ не пораженъ.
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалѣть — неумолимъ законъ!
Лишь одному людское горе
Доступно было въ этотъ мигъ,
Любовь въ одномъ свѣтилась взорѣ:
Глядѣлъ — и кротокъ, и великъ,
Среди безмолвной тишины,
Христосъ распятый — со стѣны...

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

АКЦІОНЕРНАЯ ПУЧИНА.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ УТОПЛЕННИКА).

Изъ всѣхъ разнообразныхъ искусствъ, доставшихся на долю человѣчества, какъ-то: искусства играть на контрабасѣ, играть въ преферансъ, играть въ популярность и красноту, — ни одно не повергало меня въ такое изумленіе, какъ искусство нырять, то есть погружаться въ пучину съ болѣе или менѣе отважными киданьями съ высоты, кувырканьемъ въ воздухѣ и тому подобными фіоритурами, чтобы цѣлу и невредиму выскочить опять на поверхность. Существо, швырнувшее себя въ воду и, послѣ довольно продолжительнаго исчезновенія изъ видимаго міра, выскакивавшее поплавкомъ, всегда казалось мнѣ созданнымъ по законамъ, которые написаны для амфибій. Неаполитанскихъ *лаццароли*, кидавшихся въ синюю пучину средиземнаго моря за брошенною съ парохода монетою и выносившихъ ее на поверхность, какъ поноску, въ зубахъ,—я считалъ болѣе всего въ Италіи заслуживающими поклоненія или *культа*. Ни разу, ни одного разу въ жизни, дерзкая мысль—нырнуть не оскверняла моего робкаго ума, и только два чрезвычайныхъ случая въ состояніи были подвинуть меня на такое святотатство: одинъ разъ — приказаніе строгаго начальника, наблюдавшаго за тѣмъ, чтобы купающіеся школьники исполняли въ точности росписаніе занятій во время купанья, т. е. плавали, ныряли и вообще придерживались утвержденной программы; въ другой разъ — эпическій отечественный Меркурій, посвятившій свою жизнь погруженію ближняго, посредствомъ аппарата, который вдругъ опрокидывался подъ сидящимъ, выворачивалъ ему карманы и налегкѣ сбрасывалъ въ пучину этого моря, поглотившаго до сихъ поръ столько слезъ, что вода

его сдѣлалась соленою. Въ первый разъ меня не допустила утонуть отвѣтственность начальства за цѣлость казеннаго имущества (я былъ казенный ученикъ); во второй — я утонулъ: за погибель частной собственности отвѣтственность не введена въ законы, по крайней мѣрѣ на томъ глубокомъ днѣ, устланномъ тонкими и подписанными тремя подписями акціями, гдѣ почіютъ обломки и я...

И вотъ я лежу, и мнѣ приходитъ на память, какъ у меня звенѣло въ ушахъ и желтыя пятна ходили передо мною, когда рѣшительная рука казенной амфибіи ухватила меня за руку и вытащила передъ строгаго начальника, какъ утолена была моя жажда по горло, и какъ строгій начальникъ даже улыбнулся отъ удовольствія, что казенное добро въ водѣ не потонуло. И теперь у меня желто въ глазахъ и жажды до акцій нѣтъ ни малѣйшей; и теперь ныряютъ то и дѣло около меня всякія амфибіи въ золотыхъ очкахъ и съ толстыми животами, — нырнетъ, захватитъ зубами поноску, и былъ таковъ. А до меня никто и не дотронется; еще иной даже придавитъ: опустись-молъ поглубже— нырять опасно, неравно наткнешься и помнешь себѣ бока...

И вотъ я лежу годъ и два, и многіе годы, и передо мною проходятъ рядами всѣ изумительныя фіоритуры амфибій, ныряющихъ около меня... Мрачно и тихо въ той недосягаемой міру пучинѣ, гдѣ лежу я; но потому-то именно, что въ ней мрачно и она недосягаема, похожденія ея амфибій достигаютъ всей своей изумительности. «Мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, да ктому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку», сказано уже гораздо прежде, и то по поводу того, что Чичиковъ, одѣваясь на балъ, щолкнулъ языкомъ и сдѣлалъ антраша, отъ котораго задрожалъ комодъ и упала на полъ щетка. Отъ антраша Чичиковыхъ пучины дрожатъ тоже комоды, но падаютъ не одѣ щетки... Чиновники и офицеры видимаго міра, подвизающіеся съ такою соотвѣтственностію ихъ чину и званію на всѣхъ другихъ поприщахъ, сухопутныхъ и морскихъ, сбрасываютъ съ себя въ этомъ невидимомъ мірѣ всякую соотвѣтственность и безъ мундировъ, наголо, кувыркаются, подкидывая ноги выше головы и совершая неистовства, отъ которыхъ пришло бы въ справедливое негодованіе ихъ начальство... Одно начальство даже какъ-то разъ и пришло въ негодованіе, только, какъ водится, несправедливое, и поразило перунами служебныхъ громовъ существо, отличившееся слишкомъ смѣлою фіоритурою въ невидимомъ мірѣ. Надлежитъ, однако, надѣяться, что съ удаленіемъ

даже изъ видимаго міра Юпитеровъ, способныхъ метать такой жупелъ, примѣры акціонернаго мученичества не повторятся... Многія утѣшительныя явленія послѣдняго времени о томъ блистательно свидѣтельствуютъ, и пучинные *лаццарони* съ поносками въ зубахъ продолжаютъ признаваться неукоризненными *синьорами* въ своихъ департаментахъ...

Отважные пловцы прошлаго періода, появившіеся было на тихой поверхности этого океана въ своихъ кропечныхъ китобойныхъ,—всѣ эти *Перозіо, Стасовы, Акціонеры двухъ акцій* и другіе дотолѣ безвѣстные спутники на вѣки минувшей, какъ слышно, дѣвственности русской литературы,—не убили ни одного кита своими маленькими перьями. Только за ними остается никѣмъ неоспариваемая честь открытія въ нашемъ отечествѣ новой Америки, которая собственно и ведетъ свою исторію съ появленія этихъ Колумбовъ на страницахъ обязательной «Сѣверной Пчелы». Все, что было до нихъ,«покрыто глубокимъ мракомъ неизвѣстности», въ которомъ мелькаютъ таинственные образы сказочныхъ дивидендовъ и директоровъ-атлантовъ, поднимающихъ милліоны на своихъ плечахъ, акціонеровъ довольныхъ тѣмъ, что они акціонеры, и другихъ утраченныхъ образчиковъ того времени...

Пользуясь сохранившимися въ памяти людей устными преданіями, можно предположить однако, что въ эти доисторическія времена пучинный міръ росъ тихо и незамѣтно, раскидывая свои отягощенныя плодами вѣтви надъ головами счастливцевъ, умѣвшихъ укрыться подъ его сѣнію. Золотыя яблоки росли сами и сами падали прямо въ ротъ важныхъ особъ, безъ которыхъ такъ же невозможны были правленія акціонерныхъ обществъ, какъ и купеческія свадьбы... Нерастолкованное еще акціонерному міру слово *акція* (міру, произносящему теперь даже *ажіотажъ*) составляло особую принадлежность ученыхъ маклеровъ изъ нѣмцевъ, а простые смертные довольствовались тѣмъ, что знали, сколько принесетъ каждый годъ штука, называвшаяся этимъ мудренымъ именемъ денегъ, которыя въ свою очередь называются девидендомъ.

Примѣчаніе. Достойно вниманія, что слово *дивиденд*ъ, напротивъ, исчезаетъ изъ словаря и со временемъ можетъ затеряться совершенно, по своей рѣдкости, для акціонеровъ разныхъ отечественныхъ обществъ.

Занеся на страницы исторіи приведенныя показанія старожиловъ, остается перейти къ тому времени, когда, выражаясь

обычными въ ту эпическую эпоху гиперболами, богатырь расправилъ свои могучіе члены и пошелъ косить на-право и на-лѣво: рукой махнетъ—пароходство двинется по морямъ и рѣкамъ, ногой топнетъ—вода польется изъ Невы прямо въ ротъ петербургскихъ жителей, скаредно пробавлявшихся (и до сихъ поръ, съ помощію акціонернаго общества, пробавляющихся) помоями и уличнымъ навозомъ, которые орошаютъ Петербургъ подъ разными наименованіями каналовъ и рѣчекъ.

Въ эту-то незабвенную эпоху неслыханнаго роста, акціонерный міръ, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, вдругъ принялъ размѣры огромнаго мыльнаго пузыря съ цвѣтами радуги, обѣщавшими радужныя депозитки, дулся до натуги, дулся до нельзя и собиралъ около себя добродушнѣйшихъ людей, которые осаждали двери акціонерныхъ конторъ, утомляли бдительность жандармовъ энтузіазмомъ, который до того расправилъ свои члены, что лѣзъ по головамъ ближнихъ и въ разорванномъ платьѣ, безъ шляпы и безъ часовъ, считалъ себя на седьмомъ небѣ, если успѣвалъ вырвать изъ рукъ кассира магическую пачку бумаги съ эмблемами пароходства, торговли, водо-проводства, солонины, обработывавшейся въ тухлую, и животныхъ, обработывавшихъ акціонеровъ. Между тѣмъ пузырь ужь еле дышитъ; минута — и онъ лопнетъ, какъ паровой котелъ безъ регулятора. Но развѣ есть время и надобность смотрѣть на котелъ пассажиру, уносимому паромъ? Голова кружится; предметы быстро мелькаютъ; въ ушахъ звонъ; въ тѣлѣ какое-то разслабленіе — и чортъ поберя все на свѣтѣ, когда все на свѣтѣ танцуетъ и кружится передъ вами!...

Время счастья и надеждъ! время сладкихъ заблужденій! пора вѣры въ акціи, пора денегъ въ карманахъ—денегъ до того лишнихъ, что ихъ можно было бросать на акціи!

Пора золотая
Была, да сокрылась!

Скоро роковой взрывъ все покрылъ осколками и дымъ застлалъ окрестность...

Въ оное-то смутное время, когда земля потряслася и многія общества легли въ гробъ, встали на рать отважные искатели приключеній, гг. Перозіо, Стасовъ и Акціонеръ двухъ акцій. Г. Перозіо, если вѣрить преданію, выступилъ въ море первый и, воспользовавшись туманомъ, напалъ на флоты русскаго общества пароходства и торговли. За нимъ, или одновременно съ нимъ,

въ точности неизвѣстно (по Геродоту — за нимъ, по Нестору — одновременно съ нимъ), выѣхалъ на тендерѣ, извергая пламя, противу главнаго общества французскихъ желѣзныхъ дорогъ г. Стасовъ, прозванный *черными*, какъ должно полагать, за неспособность свою видѣть въ розовомъ цвѣтѣ дѣянія г. Колиньона. Акціонеръ двухъ акцій (счастливецъ, только двухъ)! предался весь Меркуріе и доѣзжалъ даже до Кавказа.

Соединенными усиліями трехъ армій, подчища правленій трехъ атакованныхъ государствъ были приведены въ смятеніе, и лѣтописи занесли на свои страницы, — какъ трофей инсурреккціи,—бой въ пассажѣ, болѣе извѣстный въ исторіи подъ именемъ *пассажа въ пассажѣ* (лѣта отъ сотворенія міра 7,777).

Примѣчаніе. По сказаніямъ современниковъ, бой сей происходилъ тѣмъ не менѣе зимою.

Съ этихъ поръ все перемѣнилось подъ водой и на водѣ; новое неожиданное открытіе, что мы не сорѣли, сдѣланное случайно все въ томъ же пассажѣ, этой колыбели развитія нашего отечества, положило начало новой исторіи не только россійскаго, но и акціонернаго царства.

Лежа на боку и на акціяхъ, я задумалъ воспользоваться всѣми имѣющимися подъ рукою источниками и сказаніями очевидцевъ и начертать для человѣчества, если не исторію обильнаго славою народа, населяющаго пучину акціонернаго моря (для сего потребны силы, всевышнимъ промысломъ мнѣ не дарованныя), то хоть краткій очеркъ его судебъ, — подъ скромнымъ именемъ «Опыта исторіи о акціонерной пучинѣ».

Заблаговременно прошу снисхожденія снисходительнѣйшаго изъ читателей—историческаго, и увѣренъ, что сердце Россіи отзовется на патріотическій подвигъ довременно похищеннаго прачкою пучиною ея сына... если только всеблагому провидѣнію благоугодно будетъ вознести изъ бездны, гдѣ я нынѣ, сіи слабые плоды моихъ усилій (*).

Исторія акціонерной пучины, государи мои, можетъ быть

(*) Рукопись эта, по своей легкости, а можетъ быть, и по волѣ провидѣнія, всплыла на поверхность, и съ нею нѣсколько пучковъ акцій, тоже не имѣющихъ никакого вѣса, но которыя, если вѣрить послѣднимъ биржевымъ слухамъ, могутъ быть безъ особенныхъ затрудненій проданы въ мелочныя лавочки для обертыванія селедокъ и другихъ употребительныхъ въ общежитіи предметовъ.

Примѣч. издателя.

раздѣлена, подобно обыкновенной исторіи (человѣчества), на древнюю, среднюю и новую.

Древняя получаетъ свое начало, какъ водится, во мракѣ неизвѣстности, когда человѣчество акціонерное, не отличаясь отъ простаго человѣчества, наслаждалось первобытнымъ состояніемъ уваженія къ старшимъ и вѣрою въ разныхъ идоловъ, при чемъ предпочитало идолы нарочито разволоченные, и поклонялось имъ безпрекословно, принося жертвы.

Такимъ образомъ, древняя исторія обнимаетъ пространство времени отъ сихъ баснословныхъ временъ до почти баснословнаго расправленія Россіею могучихъ членовъ.

Средняя — отъ расправленія могучихъ членовъ до пассажа въ пассажѣ или неожиданнаго открытія, что мы не сорѣли.

Новая — отъ сего открытія и до нашихъ временъ.

Каждый отдѣлъ исторіи имѣетъ своихъ царей и героевъ, отъ коихъ и заимствуетъ свои отличительные признаки.

Цари и герои древней исторіи, напримѣръ, суть патріархи отъ всемогущаго маніи руки которыхъ сыплются привиллегіи и деньги въ страховыя (другихъ тогда дозволяемо не было) общества. Владычество сихъ сановитыхъ старцамъ доставалось не только безъ труда и издержекъ, но еще надо было употребить великія просьбы, чтобъ они пришли *володѣть* обществами. Володѣя ими, они ничего другаго не дѣлали, кромѣ какъ читали единожды въ годъ рѣчь, переписанную министерскимъ почеркомъ на веленевой бумагѣ. Подданные акціонеры боялись и уважали своихъ начальниковъ и не смѣли показываться въ общія собранія, чтобы не предстать легкомысленно передъ лицо высокопревосходительныхъ вельможъ. Общія собранія такимъ образомъ представляли прекрасное зрѣлище частныхъ сходокъ, гдѣ начальство, побесѣдовавъ милостиво въ двухъ, трехъ знакомыми, обыкновенно тайными совѣтниками, величественно удалялось до будущаго года, какъ лѣто съ небеси. Если бы кому нибудь, во время оно, могло взбрести на языкъ какое нибудь замѣчаніе, или просто слово, при представленіи отчета, того конечно удалили бы безъ промедленія административными мѣрами на родину...

Царями и героями средней исторіи являются генералы и уже менѣе важные люди, заволодѣвшіе акціонерами скорѣе силою и интригой, чѣмъ почетомъ, окуряющіе ихъ фиміамами хорошей кухни и упатывающіе сладкими рѣчами, искатели до нѣкоторой

степени даже популярности, которую покупаютъ на деньги акціонеровъ.

Между подданными, т. е. акціонерами, — сильное революціонное движеніе и даже цѣлая оппозиція, подъ предводительствомъ испытанныхъ бойцовъ гг. Перозіо, Стасова и Акціонера двухъ акцій. Въ толпѣ кое-гдѣ даже начинаютъ мелькать фатальныя лица съ бородами, не принадлежащими купечеству: купечество отъ акцій отплевалось, какъ отъ глазу....

Этотъ отдѣлъ исторіи акціонерной пучины, посвященный, какъ и отдѣлъ средней исторіи человѣчества, по преимуществу рыцарству, съ турнирами и ломаемыми о бока копьями, породилъ цѣлое племя людей, извѣстное у народовъ пучиннаго царства подъ именемъ людей *непрактическихъ*.

Отличительные ихъ признаки и родовыя отличія отъ племени другаго рода, людей *практическихъ*, населявшихъ до тѣхъ поръ исключительно темныя бездны пучины, заключаются въ слѣдующемъ:

Человѣкъ *практическій* — откупщикъ или генералъ, вообще особа, а не то, чиновникъ, управлявшій, или управляющій большимъ мѣстомъ, или большимъ имѣніемъ особы. Онъ съ виду имѣетъ отъ 50 до 100 лѣтъ, носитъ звѣзду и склоненъ къ мирному усыпленію (особенно во время чтенія отчетовъ и рѣчей въ общихъ собраніяхъ); когда слушаетъ, то руку складываетъ въ слуховую трубку и подноситъ ее къ уху. Въ такомъ положеніи онъ остается и во снѣ, позволяя тѣмъ самымъ дѣлать предположенія, что глаза его закрыты не сномъ, но умиленіемъ. Человѣкомъ практическимъ иногда можетъ быть и юноша отъ 30 до 40 лѣтъ, включительно, только для этого отъ него требуется уже болѣе, чѣмъ уваженіе къ столбовымъ практическимъ людямъ, въ отношеніи къ которымъ онъ *первую*.

Человѣкъ *непрактическій* — обыкновенно молодъ, иногда отъ непокорности нрава плѣшивъ; бороды не бритъ, волосы стрижетъ мало; чиномъ слабъ и къ милліонамъ откупщика относится съ легкомысліемъ. На отчетъ правленія требуетъ объясненій и даже произноситъ зажигательное слово—*ревизія*. Злоупотребленіе тщится исторгнуть съ корнемъ, какъ травы сорныя, — короче сказать, производитъ смятеніе и скандалы, несвойственные тихому пристанищу практическихъ человѣковъ...На него смотрятъ, какъ на холеру, и противъ него принимаютъ мѣры, какъ противъ чумы...

Если бы нигилизмъ былъ изобрѣтенъ въ то время, его записали бы навѣрное *нигилистомъ*.

Но не въ самый разгаръ рыцарства и не въ тѣ, увы! нынѣшки невозвратно мелькнувшія времена, когда г. Громека выѣзжалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» на турниръ съ кавалерійскими генералами, выбивая ихъ изъ сѣделъ; не въ тотъ вѣкъ, когда г. Стасовъ ломалъ съ Колиньономъ копья за его французскій языкъ, а г. Перозіо мѣлки въ пассажѣ за ариѳметику,—нѣтъ, не въ оныя времена было клеймить людей за ихъ ярыя рѣчи, принимавшіяся добродушно за агитацію! Вольный воздухъ, въ которомъ наканунѣ еще отказывали пирогамъ г-жи Авдѣевой, ворвавшись въ форточку журнала господина Каткова, нынѣ тщательно задѣланную, нанесъ вездѣ такого вѣтру, что даже акціонерная пучина всколебалась. Люди практическіе — и тѣ стали сторониться, ворча про себя, чтобы дать дорогу непрактическимъ, и поднимали свои морщинистыя ладони, показывая, что рукоплещутъ ихъ рѣчамъ... Широкій затылокъ и лучезарное чело г. Кокорева — и тѣ украсили собою ряды оппозиціи, и милліононосная рука его клала избирательные шары титулярнымъ совѣтникамъ и агитаторамъ... Надо было ожидать неминуемой бури отъ разнузданныхъ страстей, и буря набѣжала и разразилась наконецъ—въ пассажѣ, пошатнувъ основанія стараго міра...

Прогрессъ ждалъ совсѣмъ готовый у двери пассажа, какъ лакей, съ бронюркою г. Громеки, нырнувшаго на дно акціонерной пучины, чтобы говорить тамъ спичи и издавать прогрессивно-акціонерныя сочиненія и газеты.

Началась новая исторія.

Человѣчество, разлившееся по лицу земли изъ пассажа, разнесло повсюду новыя ученія, новыя задачи. «Мы не созрѣли!» ревѣло оно, хватаясь за волосы, «надо приняться зрѣть!»

И пошло зрѣть. Залы общихъ собраній превратились въ вертепы прогресса и протеста. Многіе даже внесли въ нихъ парламентскія страсти и привычки и, по поводу, напримѣръ, плохаго дивиденда, произносили длинныя рѣчи о томъ, что есть самоуправленіе. Нѣкоторые старались даже принизиться Кавурами, и самъ г. Кокоревъ на таковыхъ взиралъ не безъ скрытой зависти. Въ директоры избирались тріумфально люди совершенно непрактическіе, даже (трудно повѣрить!) изъ сочинителей!! Словомъ, чепуха была страшная! Не только старые идолы — что идолы! но даже окурявшіе геніальными обѣдами были низ-

вертишуты въ прахъ и отданы на растерзаніе нигилистовъ! Сіи послѣдніе такъ-таки просто и объявили, что и они, и ихъ общества никуда не годятся, а деньгамъ, молъ, вашимъ, гг. акціонеры, скажите *прости!* Энциклопедисты, приготовившіе эту великую акціонерную революцію, били въ ладоши; г. Перозіо билъ въ ладоши, г. Стасовъ билъ тоже въ ладоши и Акціонеръ двухъ акцій въ ладоши билъ; били же, какъ слышно, отъ того, что разсчитывали основать на развалинахъ рушившагося міра свое владычество и сдѣлаться въ свою очередь царями, перестанъ быть героями.... Но не всѣмъ вынулся счастливый билетъ — и не получившіе билета остались опять героями, сложили руки и у моря погоды ждутъ. Г. Громека билъ въ ладоши безкорыстно, володычествуя уже тогда въ «Хроникѣ» господина Краевскаго.

Казалось, тишинѣ и навѣвающему мирные сны мраку въ глубокой пучинѣ, когда-то недоступной міру, пришелъ конецъ, и людямъ практическимъ негдѣ болѣе преклонить многожившія головы; казалось, либералы подожгутъ своими возмутительными рѣчами всѣ акціи практическихъ людей, съ цѣлію обратить ихъ въ пролетаріевъ (до чего такъ не далеко всякому акціонеру); казалось, наконецъ, что самоуправленіе явится во очію, со всѣми ужасами отвѣтственности и преслѣдованія... Какъ вдругъ, вѣтеръ, поворотившій въ воздухѣ на востокъ (то былъ вредный, заразительный вѣтеръ съ запада) разсѣялъ тучи и страшные призраки съ ними...

Историку пріятно заключить свой очеркъ отрадною картиною: старый порядокъ возстановленъ; либералы въ порабощеніи или обращены въ бѣгство; г. Кокоревъ раскаялся во грѣхѣ своихъ и обратился на путь истины. Общія собранія представляютъ собою образецъ послушанія начальству, и если прежніе патріархи перевелись кое-гдѣ въ низшія породы штабъ-офицеровъ влажной и сухой стихіи, то родовые признаки ихъ отъ того не исчезли, и новыя бабочки, при переходѣ изъ червяковъ, обѣщаютъ обильную моль, готовую точить по старому затхлое добро акціонеровъ.

Въ нашу пучину погрузился не такъ давно и лежитъ теперь бокъ о бокъ со мною одинъ акціонеръ—добродушнѣйшая жертва всякихъ пароходствъ и торговель. Онъ находитъ, что это-то и есть прогрессъ, самый настоящій прогрессъ, и выдѣлывается онъ въ Москвѣ, въ лучшемъ видѣ, г. Катковымъ.

— Изъ-за чего шумять? говоритъ онъ: — добро бы, дѣлались вещи неприличныя, а то все такъ прекрасно... Никто ничего не разрушаетъ, какъ Громека, напримѣръ (вотъ чего заслужилъ поверхностный вашъ г. Громека у насъ на днѣ!), не предпринимаютъ тоже ничего,—и все идетъ само собою... Всѣ эти теоріи разрушенія, эти громековскіе принципы замѣнены благоустройствомъ практическимъ... скажу даже, благочиніемъ, которому поучиться можно... Наши общія собранія (продолжаетъ жертва) это парламенты, это разсадники будущихъ ораторовъ, народныхъ представителей... это, можно сказать, школа... школа, однимъ словомъ,—вы понимаете?

— И дорого вамъ эта школа стоитъ? спрашиваю я оратора.

— Мнѣ-то собственно? Да. Три четверти состоянія, по крайней мѣрѣ, у меня въ трубу улетѣло на акціяхъ... Въ обществѣ «животныхъ тварей» я получилъ 19¹/₂ копѣекъ за рубль; въ «сельской солонинѣ» — 23 коп. Но чтожь дѣлать? Не я одинъ. Когда страдаетъ масса, единицы и отдѣльныя личности должны... Это, говорятъ, какое-то положеніе денежнаго рынка, цѣнность нашего рубля... это кризисъ...

— Смертельный, можетъ быть?

— Можетъ быть... Великія явленія исторіи нигдѣ не обходились безъ кризисовъ... Впрочемъ, можетъ быть, и нѣтъ, потому что виды на будущее, возрастающая потребность въ паровыхъ двигателяхъ... транзитъ восточныхъ грузовъ...

— Это вамъ все въ общихъ собраніяхъ наговорили?

— Да. Жаль, что вы бросили наши общія собранія! (произнесла даже съ какимъ-то вскрикиваньемъ жертва денежнаго рынка). Съ вашими тенденціями... Представительное начало.... самоуправленіе... И какъ говорятъ! какъ говорятъ нѣкоторые! Это наши лучшіе граждане... будущіе наши Биньо, повѣрьте мнѣ...

И много еще утѣшительнаго наговорилъ мнѣ добрый утопленникъ...

Но утопленники изъ акціонеровъ бываютъ, какъ и волшебники, не всѣ добрые, — есть между ними и злые. Тѣ, по самой наружности, рѣзко отличаются отъ добрыхъ. Первые — люди кругленькіе, зачесывающіе лысину; у нихъ коротенькія руки и шеи; нюхаютъ они французскій табакъ и въ общія собранія являются съ анною на шеѣ. Вторые—худощаво-жилистые, изжелта-сѣрые и надѣвающіе въ общія собранія жакетки или закопчен-

ные погоны... взгляда суроваго, голоса непривѣтливаго, особенно когда спрашиваютъ у правленія о своемъ имуществѣ, о которомъ выражаются безъ уваженія: что наши верблюды, влѣзли въ рѣку? говорятъ они о пароходахъ, или: что наши черепахи, ползаютъ? (это тоже о пароходахъ)... Добрые акціонеры всегда садятся въ первомъ ряду, передъ лицомъ правленія, сложивъ на животѣ руки, и посматриваютъ на директоровъ умильно; злые — подальше отъ правленія, какъ отъ личнаго врага. Они, если не презираютъ глубоко директоровъ, то снисходительно прощаютъ имъ ихъ званіе... Добрые или страстно любятъ, если ужь очень глупы, или покровительственно руководятъ, если имѣютъ много акцій и умѣютъ устроивать интриги и кабалы...

И вотъ, эти бѣдные акціонеры (я разумѣю злыхъ) бродятъ себѣ худѣе обыкновеннаго, изжелта–сѣрѣе, чѣмъ когда нибудь, и закопченые до нельзя, повѣсивъ головы и поднимаясь все выше и выше по лѣстницамъ, по мѣрѣ того, какъ акціи ихъ понижаются.

Мнѣ представляется здѣсь, на днѣ, въ моемъ сиверномъ далекѣ, столько разъ видѣнная мною тамъ, на землѣ, картина осени, когда по сжатымъ нивамъ, по скошенной и выгорѣвшей травѣ, подъ сѣрымъ небомъ, сѣющимъ мелкій дождикъ, блуждаютъ печальныя стада, едва находя себѣ скудную пищу и захватывая зубами землю, вмѣстѣ съ кореньями растеній... Злые, голодные оводы и осы не оставляютъ въ покоѣ исхудалые бока животныхъ, на которыхъ шерсть вскосматилась и стоитъ дыбомъ. А когда–то они ходили сытые и лоснящіеся на солнцѣ, жуя зеленую траву, усѣянную цвѣтами, весело обмахиваясь отъ лѣтнихъ мухъ и мошекъ... Грустно! Новая весна живетъ за холодною и длинною зимою... А тутъ еще и осень–то тянется–тянется, точно ей доставляетъ удовольствіе продлить агонію умирающей природы...

Странно: картина эта пришла мнѣ на память по поводу акціонерныхъ обществъ. И отчего это? я даже просто понять не могу... Должно быть оттого, что я

НЕПРАКТИЧЕСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

* * *

Много въ дѣтствѣ страшныхъ сказокъ
Слышалъ я отъ няни старой;
Западали въ душу тайно
Ихъ пугающія чары.
Ночью, лежа на постелѣ,
Я дрожу во тьмѣ бывало,
Въ страхѣ дѣтскую головку
Закрывая въ одѣяло.
Все мнѣ чудится, что свищетъ
И гудетъ мятель сердито,
Лѣсъ шумитъ — и слышенъ топотъ,
Топотъ лѣшаго копыта...
Все мнѣ чудится, что поле
Принакрыто снѣгомъ бѣлымъ,
И надъ нимъ несутся вѣдьмы
Съ мертвецомъ окоченѣлымъ...
Все мнѣ чудится, что въ домѣ
Ставни оконъ заскрипѣли:
Вотъ подходитъ тихо-тихо
Домовой къ моей постели...
Словно листъ, дрожу я въ страхѣ
И, уткнувъ лицо въ подушку,
Я бужу внезапнымъ крикомъ
Няню, добрую старушку.
И проснувшись, няня съ лаской
Ликъ сѣдой ко мнѣ склоняетъ,
Креститъ мнѣ постель и громко
«Да воскреснетъ Богъ» читаетъ;
И обнявъ ей крѣпко шею,
Я съ боязнію рыдаю,

Но, старушкой успокоенъ,
Скоро сладко засыпаю...

Дни младенчества промчались,
Унеслися грёзы эти —
Мрака страшныя видѣнья —
Смѣлой мысли при разсвѣтѣ!
Только призраки иные
Ихъ смѣнили чередою,
Что и въ яркомъ дня сіяньи
Тяготѣютъ надъ душою!
То не демоны, не вѣдьмы,
Что проносятся въ туманахъ:
Вотъ лежитъ на камнѣ голомъ
Нищій въ рубищѣ и ранахъ;
Вотъ судья... Лохмотья съ бѣдныхъ
Рвали часто эти руки —
И теперь онѣ несчастныхъ
Палачу ведутъ на муки!
Вотъ пророки... Правды слово
Возвѣщалось ихъ устами —
И они страдаютъ въ тюрьмахъ,
Истомленные цѣпями!
Сонмы гнусныхъ лицемѣровъ,
Палачей толпы народной,
Денегъ звонъ, разврата клики,
Свистъ бичей и вопль голодный...
И надъ всѣмъ тупая сила,
Смрадной язвой зла, тлетворно
Налегла видѣньемъ страшнымъ,
Налегла, какъ демонъ чорный!...
Сонмы призраковъ проходятъ,
Полны воплей и стенаній —
И теперь ихъ не отгонятъ
Крестъ и ласка старой няни!..

В. БУРЕНИНЪ.

* *

(изъ в. гюго).

Кто сталъ, помимо вѣчныхъ лжей,
Глашатымъ истины свободной —
Тотъ, въ общемъ мнѣньи, врагъ людей,
Отступникъ вѣры, бичь народной.

Какъ мы цѣнили правоту?
Какую ей давали плату?
Вѣдь всѣ кричали: смерть Христу!
Смерть обольстителю Сократу!..

И Галилей, за то, что онъ
Міръ двинулъ съ мѣста, былъ оплеванъ...
Судьба! вникая въ твой законъ,
Я вижу, нашъ успѣхъ основанъ

На томъ, что лучшій изъ людей —
Обязанъ крестъ принять на долю,
Отдать намъ въ жертву свѣтъ очей,
Всю душу, сердце, разумъ, волю,

Трудиться ночь и день-деньской,
Лить потъ и кровь свою для брата,
И наконецъ, за подвигъ свой
Стяжать названье — ренегата...

С. ДУРОВЪ.

СОВРЕМЕННИКЪ

1863

№ IV АПРѢЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 60)

Стр.

I. — ГОРОДЪ БУЧИЛОВЪ. Повѣсть. III. 313
II. — ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОЕГО СОСЛАННАГО ПРІЯТЕЛЯ. 1850 годъ. Ф. ТОЛЛЯ. 355
III. — ЧТО ДѢЛАТЬ? Изъ разсказовъ о новыхъ людяхъ. Романъ. Часть вторая. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО. . . . 373
IV. — НА РОДИНѢ. (Съ англійскаго). Стихотв. А. Н. ПЛЕЩЕЕВА. 527
V. — НОВЫЯ ОСНОВАНІЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА. — III. — А. М. УНКОВСКАГО. 529
VI. — СТРАДА. Стихотв. Н. А. НЕКРАСОВА. 557
VII. — ЖЕНИХИ БУРСЫ. Очеркъ третій. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО. 559
VIII. — ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ. (Съ нѣмецкаго). Стихотв. А. Н. ПЛЕЩЕЕВА. 588
IX. — ПРОЦЕССЫ О ПЕЧАТИ ВЪ АВСТРІИ. — II. — — А — 589
X. — «БЛАЖЕНИ МИЛОСТИВІИ». Стихотв. П. М. КОВАЛЕВСКАГО. 626
XI. — САТИРЫ ЮВЕНАЛА. — I. — Д. Д. МИНАЕВА . . 627

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. — НОВЫЙ ВАВИЛОНЪ. СКИѲА. 203
XIII. — ВОПРОСЪ О ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ УСТРОЙСТВѢ АЛЖИРСКИХЪ АРАБОВЪ. 213
XVIII. — ПОСЛѢ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ. — I. — В. СТАСОВА. 225
XIX. — ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ. 249
XX. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ. (Сѣверноруссkія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. Сочиненіе Николая Костомарова. Два тома. — Историческія монографіи и изслѣдованія Николая Костомарова. Два тома). 257
XXI. — НОВЫЯ КНИГИ: Нѣсколько серьёзныхъ словъ, по случаю новѣйшихъ событій въ С.-Петербургѣ. Соч. М. Бенидкаго. — Замѣтки и отзывы. «Русск. Вѣсти.» 1863 г. № 1-й (285). — Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. 2 тома. . . 285
XXII. — ПОЛИТИКА. (Польскій вопросъ и европейская дипломатія). 307
XXIII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Настоящее положеніе польскаго вопроса. — Философскія лекціи г. Юркевича въ Москвѣ. — Благотворительныя литературныя чтенія и спектакли. — Желѣзная дорога отъ Кіева до Одессы). 345
XXIV. — НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. (Нѣсколько словъ о справедливости. — Случай съ Петромъ и Иваномъ. — Г. Фетъ, какъ публицистъ. — Счастливые поселяне и

ОТЪ КОНТОРЫ «СОВРЕМЕННИКА».

По случаю поступившихъ въ нынѣшнемъ году жалобъ отъ гг иногородныхъ подписчиковъ на позднее полученіе ими 1 — 2 № журнала, Контора Редакціи считаетъ необходимымъ довести до свѣдѣнія гг. подписчиковъ своихъ, что до сихъ поръ для доставленія иногороднымъ книгъ журнала поступалось слѣдующимъ образомъ:

Получивъ увѣдомленіе о желаніи получать журналъ и слѣдующія за это деньги, Контора Редакціи помѣщала имя желающаго и адресъ, по которому книги должны были высылаться, въ особые списки, которые сдавались въ газетную экспедицію С.-Петербургскаго почтамта, при чемъ вносились впередъ и деньги, слѣдующія за пересылку.

Затѣмъ, по выходѣ книжекъ (*), онѣ счетомъ, подъ росписки получателя, сдавались въ газетную экспедицію, которая, по имѣющимся у нея спискамъ, надписывала адресы, упаковывала въ тюки и сдавала для отправки по разнымъ трактамъ. Если въ теченіи года Контора Редакціи получала увѣдомленіе о перемѣнѣ адреса, она оффиціальнымъ образомъ, съ указаніемъ подписчика по нумеру, подъ которымъ онъ значился въ сданныхъ спискахъ, сообщала объ этомъ газетной экспедиціи.

Изъ этого слѣдуетъ, что если кто либо изъ гг. подписчиковъ, получивъ какую либо книжку журнала, не получалъ предшествовавшихъ или слѣдовавшихъ за нею нумеровъ, то неисправность происходила не отъ конторы, а отъ почтоваго вѣдомства.

При такомъ порядкѣ Редакція считала достаточно обезпеченною исправную и своевременную доставку журнала иногороднымъ.

Не смотря на это, въ Контору поступали жалобы на позднее полученіе журнала въ провинціяхъ, жалобы не многочисленныя въ предшествовавшіе годы, но значительно увеличившіяся въ нынѣшнемъ году по выходѣ 1—2 № журнала 1863 года.

Вслѣдствіе этого, для обезпеченія своевременнаго доставленія иногороднымъ подписчикамъ книгъ журнала, Редакція рѣшилась всю предварительную по пересылкѣ работу, до сихъ поръ производившуюся въ газетной экспедиціи, принять на себя. Уплативъ по прежнему, въ газетную экспедицію, деньги слѣдующія на пересылку, Контора Редакціи, съ 4 № журнала сего

(*) Не лишнимъ считаемъ напомнить гг. жалующимся на позднее полученіе журнала еще то обстоятельство, что «Современникъ» посылался въ почтамтъ не ранѣе какъ чрезъ 8 или 10 дней по выходѣ книжки въ Петербургѣ, или по отсылкѣ потребнаго количества экземпляровъ въ московскую контору, а именно, когда всѣ экземпляры журнала были отпечатаны и переплетены, на что нужно время по большому числу печатаемыхъ экземпляровъ.

года, будетъ сама надписывать адресы, разсортировывать книжки по городамъ, станціямъ и мѣстечкамъ, надлежащимъ образомъ упаковывать и въ совершенно уже готовыхъ тюкахъ сдавать въ газетную экспедицію.

Для всего этого Контора Редакціи, не отступая предъ увеличивающимися на пересылку издержками, пригласила особыхъ лицъ, заключила съ ними условія и затѣмъ надѣется, что, съ 4 №, книжки журнала, по выходѣ ихъ, гораздо поспѣшнѣе будутъ доставляться ея иногороднымъ подписчикамъ.

Каждая книжка (какъ это дѣлалось и прежде) будетъ отправляться въ заклеенномъ наглухо кувертѣ изъ толстой бумаги, на которомъ означается день сдачи книгъ въ газетную экспедицію. Равнымъ образомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, при книжкахъ будутъ разсылаться *карты*, на которыхъ получатели должны означать не только то, что они получили книжку, но и въ *какомъ видѣ* получили ее. Всякій экземпляръ, вскрытый или разрѣзанный, получатель въ правѣ обратить назадъ съ жалобою, которая будетъ представлена главному почтовому начальству.

Въ случаѣ неисправнаго или поздняго полученія книжекъ, Контора Редакціи покорнѣйше проситъ немедленно увѣдомлять ее, дабы она тоже *немедленно* могла принять мѣры для удовлетворенія всѣхъ справедливыхъ жалобъ. Въ этихъ увѣдомленіяхъ, равно какъ и въ сообщеніяхъ о перемѣнѣ адресовъ, необходимо прописывать *въ точности* тѣ адресы, которые были означены первоначально при подпискѣ на журналъ, и пояснять, гдѣ именно жалующіеся или перемѣняющіе адресъ подписывались.

Контора Редакціи неоднократно замѣчала, что нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ присылаютъ жалобы, въ которыхъ выражаютъ удивленіе, что не получаютъ первыхъ №№ журнала, тогда какъ тѣ же №№ получены другими въ однихъ съ ними городахъ. По справкамъ Редакціи постоянно оказывается, что это происходитъ отъ того, что одни подписались ранѣе, а другіе позже. Кромѣ того, многіе подписываются не прямо черезъ Контору Редакціи, а черезъ книгопродавцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ ни гг. подписчики, ни Контора Редакціи не могутъ знать, своевременно ли книгопродавцы сдаютъ своихъ подписчиковъ Редакціи «Современника», и промедленіе весьма часто можетъ происходить отъ медленности, въ которой Редакція ни сколько не виновата.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ сообщить, что гг. подписавшимся прямо въ Газетной Экспедиціи—книжки журнала, на прежнемъ основаніи, будутъ высылаться самою Газетной Экспедиціею. Поэтому, въ случаѣ неисправности, мы покорнѣйше просимъ подписчиковъ Газетной Экспедиціи прямо обращаться съ жалобами къ ней, увѣдомляя въ то же время и Контору Редакціи, дабы и она съ своей стороны могла принять надлежащія мѣры къ наискорѣйшему удовлетворенію жалующихся.

ГОРОДЪ БУЧИЛОВЪ.

I.

Въ самомъ дальнемъ захолустьѣ широкой Руси, среди дремучаго лѣса и необозримыхъ болотъ процвѣтаетъ городокъ Бучиловъ, резиденція властей, управляющихъ бучиловскимъ уѣздомъ. Это — во всѣхъ отношеніяхъ глухой уголъ: дальше него и почта не ходитъ и ѣхать больше не куда, развѣ только въ глушь бучиловскихъ лѣсовъ, да туда и самъ исправникъ рѣдко ѣздитъ. Раскинулся Бучиловъ, нельзя сказать, чтобы широко, между рѣчкой Бучиловкой, которую середь лѣта и курица въ бродъ перейдетъ, и ржавымъ болотомъ, протянувшимся оттуда чуть ли не до самаго Бѣлаго моря. Улицъ въ немъ, если хотите, три: набережная, средняя и крайняя, но у бучиловцевъ улицей называется одна — средняя. Набережная улицей не считается, и справедливо, потому что по ней и пройти трудно, а проѣхать ужь и совсѣмъ нельзя. Изъ болота въ рѣчку текутъ два ручья, которые прорыли себѣ порядочныя рытвины, и черезъ эти рытвины на большой улицѣ сдѣланы мосты, а на набережной для переправы черезъ нихъ служитъ переброшенная съ берегу на берегъ дощечка. Третья улица извѣстна подъ именемъ болота, потому что почти вся выстроена на топкомъ болотѣ, и единственнымъ средствомъ сообщенія по ней служатъ мостки въ двѣ дощечки, идущія не по сторонамъ, а по самой середи-

нѣ улицы. На берегу еще живутъ двое, трое изъ аристократіи, но на болотѣ никого, кромѣ нищихъ мѣщанъ да отставныхъ солдатъ. А мѣщане въ Бучиловѣ почти всѣ нищіе. Промышленности они никакой не имѣютъ, торговли не ведутъ, земли у нихъ нѣтъ; одинъ только Богъ знаетъ, какъ они ухитряются прокармливать свои семьи. Они весь свой вѣкъ перебиваются съ копѣйки на копѣйку, весной занимаются бурлачествомъ, ходятъ верстъ за 200, за 300 на пристани для сплава барокъ, лѣтомъ нанимаются косить сѣно по деревнямъ, а зимой кто дрова рубитъ, кто идетъ въ работники, кто и мастеритъ что нибудь по своей вѣрѣ. Даже единственная въ Бучиловѣ лавка, гдѣ чай, сахаръ, свѣчи, мыло, кожа, ситцы — все помѣщается въ одномъ мѣстѣ, и та содержится какимъ-то пришлымъ коробочникомъ вязниковцемъ. И такъ, улицей бучиловцы признаютъ и называютъ одну среднюю. Обстроена она очень не затѣйливо. Кирпичь не въ употребленіи въ Бучиловѣ: во всемъ городѣ только одно каменное зданіе — церковь, дома же всѣ деревянные, по большей части въ 3 и въ 5 оконъ, и почти всѣ почернѣвшіе и покрившіеся отъ непогодъ и времени. Тянется эта улица на полверсты и заканчивается съ одной стороны кабачкомъ, а съ другой домомъ, гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста. Тутъ живетъ почти вся аристократія бучиловская, т. е. всѣ власти и начала, царящія надъ бучиловскимъ уѣздомъ и самимъ Бучиловымъ. По этой же улицѣ ежедневно, лѣтними вечерами, если дождь не мѣшаетъ, гуляетъ вся бучиловская публика—отъ кабачка до судовъ (такъ здѣсь называются всѣ присутственныя мѣста) и отъ судовъ къ кабачку.

У бучиловской аристократіи есть двѣ страстишки — къ картишкамъ и къ лишней рюмочкѣ. Да не обвинятъ ихъ за это читатели: картишки и лишняя рюмочка составляютъ всю поэзію ихъ скучной, безцвѣтной, однообразной жизни. У другихъ хоть трудъ тяжелый да нужда горькая не дадутъ ходу скукѣ, а наши бучиловцы трудомъ не обременены. Край ихъ бѣдный, безлюдный, глухой, и потому дѣлъ въ судахъ бываетъ мало, такъ что въ журналѣ уѣзднаго суда нерѣдко значится: занимались чтеніемъ законовъ, т. е. въ переводѣ на обыкновенный языкъ: судья и засѣдатели не приходили, потому что дѣлать было нечего. Нужды они также не знаютъ и хотя не получаютъ большихъ доходовъ, но немного имъ и надо: пощипываютъ по маленьку, всякій по своей вѣрѣ, съ просителей, не брезгуя и полтинничк-

комъ, да откупъ благодѣтельствуетъ (*), да жалованьишко кой-какое—и живутъ себѣ безбѣдно. Желаній широкихъ у нихъ не бываетъ, вся натура ихъ какъ-то страннымъ образомъ съузилась и измельчала. Думать ни о чемъ дальше предѣловъ своихъ мелкихъ, будничныхъ интересовъ они не умѣютъ, о русской удали, молодечествѣ, безшабашности у нихъ и помину нѣтъ, даже между юношами. Даже хлѣбосоловъ между ними нѣтъ; бабы всѣ больше скупыя, бранятся, когда гостей наведешь, да и квартирки-то тѣсныя, ребятишкамъ спать не дадутъ; и вотъ они гуляютъ гурьбой по улицѣ отъ кабачка къ судамъ и отъ судовъ къ кабачку и смотрятъ, какъ бы ввалиться къ кому нибудь вечерокъ убить. Но къ кому зайти? Всѣ вмѣстѣ, дома никого, къ себѣ никто не зоветъ и даже нѣкоторые употребляютъ разные хитрые маневры, чтобы гости, чего добраго, сами не назвались: какъ только подходятъ къ квартирѣ одного изъ такихъ господъ, онъ или отстанетъ, или впередъ забѣжитъ какъ нибудь отъ толпы, да отдѣлится и, лишь только пройдутъ его домъ, опять присоединяется къ прочимъ. Наконецъ, однако удастся-таки кого нибудь дома захватить, или какой нибудь ярый любитель картежу самъ позоветъ: такъ, или иначе, но только рѣдкій вечеръ проходитъ, чтобы бучиловцы не собрались всѣ вмѣстѣ. Тогда они вполнѣ блаженны: пьютъ водочку, закусывая кислой капустой съ хлѣбцемъ, поигрываютъ въ проферансикъ по $^1/_8$, иногда и по $^1/_4$, жгутъ 7-ми копѣечныя сигары и вакштафъ, до того, что въ дыму хоть топоръ повѣсь, и, пробесѣдовавъ мирно часу до 12-го, расходятся къ своимъ поджидающимъ половинамъ.

О прекрасной половинѣ не говорю: прекрасная половина почти никакого участія въ общественной жизни Бучилова не принимаетъ—некогда: ребята да хозяйство, когда тутъ по гостямъ ходить будешь! Собираются онѣ изрѣдка въ кружки по двѣ, по три, и каждый кружокъ ненавидитъ другіе отъ души. Да и члены одного и того же кружка подъ часъ не прочь выцарапать другъ другу глаза. Въ одеждѣ дома онѣ отличаются необыкновенной неряшливостью, въ людяхъ—необыкновенной пестротой. Одинѣ изъ нихъ мужей бьютъ, другихъ мужья бьютъ, но это черта общечеловѣческая, а не исключительно бучиловская.

И мужская половина живетъ тихо, мирно и однообразно. Утромъ до 12 часовъ въ присутствіи, оттуда, по дорогѣ, въ питей-

(*) Время, увы! уже невозвратно прошедшее.

ную контору выпить рюмочку, другую, потолковать о текущихъ дѣлахъ: зачѣмъ это, дескать, Сидоръ Иванычъ, возвратили вы намъ дѣло о Тарыкинѣ?—Нельзя молъ, Филиппъ Семенычъ, никакъ нельзя; вашъ становой Потапычъ, видно, съ похмѣлья дѣло-то дѣлалъ, ставки-то очной жонкѣ Тарыкиной съ Прихвостинымъ и не далъ. А въ уголовной-то какъ встрѣтятъ, вѣдь такой нагоняй дадутъ, что и своихъ не узнаешь. Или: этакой вѣдь ловкій Евстафій Данилычъ, купилъ щуку по гривнѣ, да еще и лучшую выбралъ, а мнѣ дешевлѣ 12-ти не отдали, такіе мошенники! И какъ это онъ умѣетъ торговаться—ему отдадутъ, а другому нѣтъ!—Да у васъ, Митрофанъ Прокопычъ, вѣдь кухарка на рынокъ-то ходитъ, а то ждете, что на домъ принесутъ, а я вѣдь, батинька мой, самъ часу въ шестомъ встану, надѣну халатъ, подпояшусь, да и пойду. Анъ, смотришь, и выберешь получше, да для почину конѣечку и сбросятъ. Въ такихъ душеспасительныхъ разговорахъ проходитъ полчаса, часъ времени, послѣ чего всѣ отправляются по домамъ обѣдать, потомъ, послѣ обѣда часика три соснутъ, а тамъ преферансъ и такъ далѣе до безконечности. Даже губернаторская ревизія не каждый годъ возмущаетъ сладкій сонъ бучиловцевъ, по отдаленности Бучилова отъ губерніи.

Говорятъ, что мѣстность и климатъ кладутъ свой отпечатокъ не только на физическую, но и на нравственную сторону человѣка. Истину эту всего ближе можно повѣрить на бучиловцахъ. Ихъ вялыя, обрюзглыя, безжизненныя лица, ихъ мозгъ, въ которомъ подъ наплывомъ лѣни и апатіи гибнутъ всѣ силы духа, носятъ на себѣ явный отпечатокъ окружающаго ихъ топкаго болота, не производящаго ничего, кромѣ никуда негодной хрупкой ели да уродливой березы. И къ довершенію сходства съ этимъ болотомъ, омутъ бучиловской жизни имѣетъ страшно засасывающее свойство: кто разъ попалъ туда, да годокъ, другой пожилъ — затянуло. Мало по малу теряетъ онъ всякую охоту идти впередъ, откладываетъ честолюбивыя мечты и планы, лѣниво располагается въ мягкой тинѣ бучиловской жизни и одного только желаетъ — чтобы его не трогали. Такъ онъ тутъ и жирѣетъ, и старѣетъ, покуда не поглупѣетъ отъ старости окончательно и пока не снесутъ его бренные останки для утучненія родственнаго болота.

II.

Былъ тихій, теплый лѣтній вечеръ послѣ знойнаго дня. Солнце только что сѣло, и заря играла яркими цвѣтами на стеклахъ бучиловскихъ домовъ. Площадь около собора была оживлена, изъ церкви по всѣмъ направленіямъ тянулся народъ: только что кончилась всенощная. По набережной, отдѣльно отъ другихъ, шли двое богомольцевъ: пожилая женщина въ старомодномъ тюлевомъ чепцѣ съ коричневыми лентами и высокій молодой человѣкъ въ довольно поношенномъ вицъ-мундирѣ. Это были Марья Ильинична Лихова, больше извѣстная въ Бучиловѣ подъ именемъ старой лекарши, и сынъ ея. Марья Ильинична была невысокаго роста плотная брюнетка, съ узенькимъ лбомъ, съ гладко зачесанными на вискахъ волосами, съ маленькими, острыми карими глазками, непривѣтливо сверкавшими изъ подъ густыхъ бровей, съ тонкими блѣдными губами. Говорила она всегда отрывисто и рѣзко. Иванъ Иванычъ, сынъ ея, канцелярскій служитель бучиловскаго уѣзднаго суда, былъ совершенный контрастъ матери: высокій, стройный, бѣлокурый, съ открытымъ лбомъ, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ большими ясными сѣрыми глазами. Онъ былъ недуренъ собой.

— Опять, видно, у этого нехристя былъ, грѣховодникъ этакой! сказала матушка, бросивъ изъ подлобья сердитый взглядъ на сына.—Ко второму звону пришелъ, безбожникъ, Бога-то не боишься!

Сынъ шелъ задумавшись и не отвѣчая ни слова.

— Что молчишь-то, тебѣ или нѣтъ говорятъ? Вѣдь за тебя я Богу отвѣтъ должна дать, изъ-за твоего повѣсничества и мнѣ спасенья не будетъ. Смотри, чтобы у меня этого впередъ не было! Да скоро ли этотъ фармазонъ, прости Господи, уберется отсюда?

— Хотѣлъ на дняхъ ѣхать, отвѣчалъ сынъ сквозь зубы.

— Убирался бы поскорѣе, не смущалъ бы, по крайней мѣрѣ, дураковъ-то.

— Павелъ Ѳедорычъ, маменька, никого не смущаетъ, отвѣчалъ сынъ не совсѣмъ покойнымъ голосомъ, видимо сдерживаясь. — Какой же онъ безбожникъ: онъ, какъ и мы, въ Бога вѣруетъ!

— Въ Бога вѣруетъ! съ разстановкой и дрожащимъ отъ злости голосомъ сказала лекарша: — ахъ ты, щенокъ ты этакій! разсуждать смѣешь! Въ дьявола проклятаго развѣ вѣруетъ, въ антихриста. Не велика, говоритъ, заслуга въ церковь ходить! для Бога, говоритъ, все равно, гдѣ ни молиться! аду, говоритъ, не будетъ! Слышите! Да куда же ихъ-то окаянныхъ посадятъ, въ рай что ли?..»

Сынъ молчалъ.

Въ это время они подошли къ покривившемуся отъ старости деревянному о пяти окнахъ дому, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщались они сами, верхній же отдавали подъ постой. Долго еще ворчала и бранилась мать, но сынъ прошолъ прямо къ себѣ въ коморку, открылъ окошко, сѣлъ къ нему и задумался. Прямо противъ оконъ текла Бучиловка, за ней разстилались широкіе луга, окаймленные синѣвшимъ вдали лѣсомъ. Воздухъ былъ теплый, мягкій, надъ дальнимъ горизонтомъ всходила полная луна, и тамъ и сямъ по потемнѣвшему небу загорались звѣзды. Было такъ тихо, что ясно слышался мѣрный шумъ отъ паденія воды на мельницѣ, версты за двѣ отъ города. Долго, можетъ быть, промечталъ бы молодой человѣкъ подъ эти мѣрные, мелодическіе звуки, если бы комары, врываясь стаями въ комнату, своимъ пронзительнымъ концертомъ не возвратили его къ дѣйствительности. Онъ закрылъ окно и легъ на постель, тревожимый безпокойными думами.

III.

Теперь попрошу у читателя позволенія прервать на время нить только что начатаго разсказа и переместись въ прошедшее. Лѣтъ двадцать тому назадъ, пріѣхалъ въ Бучиловъ вновь опредѣленный лекарь изъ казеннокоштныхъ, Иванъ Андреичъ Лиховъ. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ 23-хъ, прямо съ университетской скамейки, сирота, воспитывавшійся съ малыхъ лѣтъ въ казенномъ заведеніи, не видавшій ничего дальше товарищескаго кружка и не знавшій совершенно женскаго общества. Въ Бучиловѣ онъ былъ принятъ съ распростертыми объятіями. Въ томительно однообразной жизни бучиловцевъ пріѣздъ новаго лица — истинный праздникъ. Гость буквально переходитъ съ рукъ на руки, всякій старается завладѣть имъ, всякому лестно быть

наставникомъ и руководителемъ новобранца, всякому хочется навязать ему свою точку зрѣнія, сдѣлать своимъ сторонникомъ, потому что увы!—и въ благословенномъ Бучиловѣ небезъ вражды и не безъ партій. Къ тому же Лиховъ представлялъ еще и другую интересную сторону: онъ былъ молодъ и холостъ, значитъ, женихъ, да еще и видный женихъ—вѣдь уѣздный лекарь въ глуши не послѣдняя спица въ колесницѣ, не по образованности, разумѣется (тамъ этого много не цѣнятъ), а по рангу. Бучиловцевъ же, какъ и всѣхъ земнородныхъ, Богъ дочками не обидѣлъ. Иванъ Андреичъ былъ очарованъ радушнымъ пріемомъ новыхъ своихъ сослуживцевъ и миловидностью ихъ дочекъ, которыхъ нарочно для него принаряжали и выставляли на показъ. Дочки, къ тому же, и сами пустили въ ходъ, всякая по своему, всѣ пружины для обольщенія новаго лекаря. Онъ былъ и для нихъ находкой: высокій, стройный, съ открытымъ, красивымъ лицомъ, цвѣтущимъ молодостью и здоровьемъ, съ большими, выразительными сѣрыми глазами, съ вьющимися, бѣлокурыми локонами, словомъ, красавецъ.

Не долго колебался Иванъ Андреичъ, его сердце нашло свой магнитный полюсъ: дочка судьи, хорошенькая Маша, живая брюнетка съ роскошно развитыми формами, скоро очаровала его. Она была очень не глупа и, если совершенно необразованна, никогда ничего не читала и едва умѣла написать нѣсколько каракулекъ, то, во первыхъ, все это выкупалось ея влажными, страстными глазами и роскошью формъ, сулившихъ много счастья, во вторыхъ, самъ Иванъ Андреичъ, не Богъ знаетъ, какую собаку съѣлъ въ этомъ отношеніи. Кромѣ своей медицины, онъ почти и не читалъ ничего, да и медицинѣ-то учился по переходившимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе запискамъ, имѣя очень смутное понятіе даже о тѣсно связанныхъ съ ней наукахъ. Маша очаровала его. Молодая, кипучая натура не могла долго выносить неизвѣстности и ожиданій, и онъ, ободренный нѣжными взглядами дѣвушки, осмѣлился разъ пожать ей руку, и такъ какъ руку не отняли, то въ тотъ же день и посватался.

Отецъ Маши, Илья Степанычъ Ржицевъ, расплывшійся до безобразія и поглупѣвшій отъ толщины и лѣтъ старикъ, бучиловскій уѣздный судья и владѣлецъ деревяннаго двухъ-этажнаго дома на берегу, былъ въ полномъ подчиненіи у своей дочки, которая съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ съумѣла забрать бразды домашняго правленія въ свои руки. Матери она лишилась еще въ дѣт-

ствѣ, ни братьевъ, ни сестеръ у нея не было, и въ домѣ у нихъ жила только какая-то дальняя родственница, троюродная, кажется, сестра Ильи Степаныча, старуха лѣтъ подъ 70, съ постоянно трясущейся головой и слезящимися главами, сморщенная, какъ старый грибъ. Ужь года четыре тому назадъ, отобрала у нея Маша всѣ ключи, и старуха съ тѣхъ поръ безъ всякаго дѣла и цѣли жила на свѣтѣ, ходила каждый день по три раза въ церковь, постоянно шептала что-то себѣ подъ носъ, наговаривала на воду и пила ее отъ всевозможныхъ немочей, увѣряя всѣхъ кстати и не кстати, что если бы не богоявленская вода, давно бы быть ей въ могилѣ.

И такъ, получить согласіе Лихову ничего не стоило, потому что Маша была видимо на его сторонѣ, хотя ни слова о любви не было между ними проронено. Такъ ли, иначе ли, но только черезъ полгода послѣ пріѣзда Лихова въ Бучиловъ отпраздновали его свадьбу съ Марьей Ильиничной, на зависть и досаду прочимъ бучиловскимъ дѣвицамъ. Судья взялъ молодыхъ къ себѣ въ домъ. Быстро промелькнули первые мѣсяцы, мѣсяцы страстнаго упоенія, когда человѣкъ живетъ удесятеренной жизнью, особенно если ему 23 года отъ роду и онъ любитъ, и страстно любитъ, Маша же всей силой своей страстной натуры любила мужа, а онъ и души не чаялъ въ ней. Не долго однако наслаждались они счастьемъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, ранней весной, ѣхавъ изъ уѣзда, Иванъ Андреичъ провалился подъ подломившійся ледъ, простудился, схватилъ горячку и, едва добравшись до дому, умеръ. Маша была въ страшномъ отчаяніи, преждевременно родила сына и едва не умерла. Долго была она больна, да и послѣ не могла уже совершенно поправиться. Ребенокъ былъ худъ и слабъ, такъ что ежеминутно ждали его смерти, но онъ жилъ да жилъ. Въ первые мѣсяцы жизни онъ мало былъ при матери. Сначала она была отчаянно больна, потомъ, когда стала немного поправляться, сдѣлалась какъ-то раздражительна, такъ что крикъ ребенка былъ для нея невыносимъ, да къ тому же сама она и кормить не могла. Характеръ ея круто перемѣнился, и распустившееся было подъ вліяніемъ теплыхъ лучей любви сердце снова сомкнулось. Постоянно больная, она вдругъ подурнѣла и постарѣла. Волосы у нея повылѣзли, на лицѣ выступили бурыя пятна, всѣ формы потеряли свѣжесть и округлость. Къ тому же, подъ вліяніемъ болѣзни, она сдѣлалась очень раздражительной, задумчивой, несообщительной. Да и было о

чемъ задуматься! Судьба съиграла съ ней жестокую шутку. Давно ли еще, цвѣтущая молодостью и здоровьемъ, полная силъ и надеждъ, смѣло смотрѣла она въ ясное будущее, гдѣ блистали для нея радость и счастье. А теперь?....Слабая, больная, потерявшая красоту и здоровье, она утратила всѣ надежды на счастье и осталась съ ребенкомъ на рукахъ, почти безъ всякихъ средствъ къ жизни, потому что у отца, кромѣ дома, ничего не было, а самъ онъ уже смотрѣлъ въ могилу. По цѣлымъ днямъ сидѣла она, задумавшись, и мысли, одна другой чернѣе, бродили у ней въ головѣ. Досадуя на судьбу, на людей, на все, что испортило ей жизнь и судя обо всемъ по женски, то есть съ чрезвычайно узкой точки зрѣнія, она прокляла и день, когда увидѣла въ первый разъ покойнаго своего мужа. Понятно, что и къ сыну не лежало у ней сердце. Вскорѣ и судья умеръ (старуха-мать умерла вскорѣ послѣ свадьбы), и Марья Ильинична принуждена была начать жить какъ можно скромнѣе, всё лишнее продала, сама перешла внизъ, а на верхъ пустила постояльцевъ. Какъ дочери судьи, и какъ женѣ лекаря, ей былъ прежде вездѣ почетный пріемъ, отъ всѣхъ поклонъ и привѣтъ, а теперь до знакомствъ ли? Все помѣщеніе — двѣ небольшихъ, низенькихъ комнатки, съ лежащими на землѣ окошками, съ покрившимся поломъ, съ старой, полуободранной кожаной мебелью; средства къ жизни чрезвычайно скудныя, иногда даже не безъ раздумья о томъ, что завтра ѣсть. Марья Ильинична оставила всѣ знакомства и отъ скуки стала чаще ходить въ церковь. Мало по малу она пріобрѣла такую привычку, что ее ужь такъ и тянуло туда, и она пропускала рѣдкую службу. Становилась она постоянно на одномъ мѣстѣ, въ уголку за колонной, и даже тутъ у нея лежалъ собственный маленькій коврикъ. Въ церкви познакомилась она съ нѣсколькими старухами-богомолками, слушала ихъ росказни о святыхъ мѣстахъ, о раѣ и адѣ, о житіяхъ разныхъ угодниковъ, и, подъ вліяніемъ развивающагося отъ того еще болѣе узкаго взгляда на міръ и собственнаго мрачнаго настроенія духа, сдѣлалась изувѣркой, не прощающей ни малѣйшей слабости въ другихъ и осуждающей все, что не подходитъ подъ ея мѣрку.

А Ваня росъ да росъ себѣ, да, на досаду, еще такой слабый, да больной, такой неугомонный, что мученье, да и только. Наконецъ, минуло ему шесть лѣтъ, и Марья Ильинична съ радостью отослала мальчика въ приходское училище: не вертится, по крайней мѣрѣ, по цѣлымъ днямъ на глазахъ. Мать была съ Ваней

строга и сурова, и онъ ее пуще огня боялся. Взглянетъ только, бывало, онъ такъ и задрожитъ и присядетъ на мѣстѣ. Годъ за годомъ шли да шли, вотъ его и въ уѣздное перевели, вотъ онъ и тамъ курсъ кончилъ — слава Богу! Завершено воспитаніе, служить пора, мать поддерживать. Не тратя времени, опредѣлили его въ канцелярію уѣзднаго суда, сначала безъ жалованья, попривыкнуть, а потомъ и жалованье небольшое дали. Изъ запуганнаго, скромнаго мальчика началъ образовываться безотвѣтный, исполнительный чиновникъ. Какое-то инстинктивное отвращеніе и отчасти боязнь матери удерживали его отъ разныхъ грязныхъ развлеченій, примѣръ чему подавали товарищи, рьяные служители Вакха и усердные поклонники съ самыхъ юныхъ лѣтъ Киприды, то есть по просту очищенной и толстыхъ Малашекъ и Аксюшекъ, живущихъ въ таинственныхъ пріютахъ на болотѣ. Нашъ разсказъ застаетъ его 18 лѣтнимъ юношей, когда въ немъ случайно пробудилось до сихъ поръ спавшее сознаніе, а вирочемъ—до слѣдующей главы.

IV.

Ваня не любилъ общества своихъ товарищей, они были не по немъ, онъ чувствовалъ себя при нихъ не въ своей тарелкѣ. Ихъ циническая грубость, безцеремонность и безстѣнчивость какъ-то непріятно дѣйствовали на его мягкую, робкую натуру. Онъ полюбилъ одиночество и сдѣлался страстнымъ охотникомъ удить. Все свободное время въ лѣтнюю ведряную погоду проводилъ онъ съ удилищемъ въ рукахъ, забравшись въ гущу ивняка, окаймляющаго Бучиловку повыше города. Мать не препятствовала подобнымъ прогулкамъ, тѣмъ больше, что дѣло и не безъ выгоды было: смотришь, фунтика 2, 3 мелкой рыбы и принесетъ.

Разъ, это было въ началѣ іюня, Ваня собрался идти удить на цѣлую ночь. Онъ надѣлъ старенькое пальто, бѣлую войлочную шляпу, взялъ нѣсколько лѣсъ, удилищъ и удочекъ и отправился часу въ 5-мъ вечера за городъ вверхъ по Бучиловкѣ, чтобы и вечеромъ на зарѣ и утромъ на восходѣ солнца поудить: тогда лучше клюетъ. Онъ выбралъ себѣ привольное мѣстечко подъ густымъ кустомъ развѣсистой ивы, у одного изъ безчисленныхъ поворотовъ рѣки, гдѣ постоянно бьющая волна вырыла глубокую яму. Тамъ онъ забросилъ уду и весь отдался своему дѣлу. Солнце

склонялось къ западу, кругомъ раскидывались необозримые луга, по нимъ вилась вдаль узкой лентой Бучиловка, окаймленная мѣстами сѣроватой зеленью ивы, вдали бѣлѣлъ соборъ и сѣрѣлъ рядъ домишекъ на берегу. Воздухъ былъ чудный, ароматическій, тишина совершенная, такъ что будто кругомъ все вымерло. Даже кузнечиковъ не слышно, а птицы и подавно ни одной. Изрѣдка только прокаркаетъ ворона, медленно разсѣкая своими широкими крыльями воздухъ. Ваня съ увлеченіемъ отдался своему занятію и напряженно смотрѣлъ на поплавокъ.

«Клюетъ ли?» Раздался внезапно позади его незнакомый голосъ. Ваня вздрогнулъ и быстро обернулся. Подлѣ него стоялъ неслышно подошедшій по мягкой травѣ молодой человѣкъ, черноволосый, смуглолицый, съ быстрыми черными глазами, съ рѣзкими и тонкими чертами лица. Это былъ, дня два тому назадъ, пріѣхавшій на ваканцію сынъ бучиловскаго судьи Ѳедора Даниловича Конева, студентъ московскаго университета, съ малыхъ лѣтъ воспитывавшійся у своего дяди, важнаго московскаго чиновника. Онъ въ первый разъ въ жизни пріѣхалъ въ Бучиловъ. Отецъ его недавно еще тамъ служилъ, а онъ только въ первый разъ пріѣхалъ къ отцу съ тѣхъ поръ, какъ его, шестилѣтняго, дядя взялъ, по смерти матери, къ себѣ въ Москву.

— Плохо-съ, отвѣчалъ Ваня, вставая и кланяясь сыну судьи. Тотъ попросилъ у него удочку.

— Позвольте мнѣ закинуть, авось мнѣ лучше повезетъ.

Ваня взялъ другое удилище, распуталъ лѣсу, насадилъ червяка и подалъ студенту. Тотъ закинулъ и сначала очень внимательно слѣдилъ за поплавкомъ, вытаскивалъ нѣсколько разъ, снова закидывалъ, но рыба не клевала. Ему наконецъ надоѣло и онъ положилъ удилище на траву. Ваня былъ недоволенъ его приходомъ, нарушившимъ невозмутимую тишину. Онъ немного робѣлъ и продолжалъ упорно смотрѣть на поплавокъ.

— Вы служите здѣсь?

— Да-съ, въ уѣздномъ судѣ.

— Давно служите?

— Четыре года, а въ штатѣ всего другой годъ зачисленъ

— Чтожъ, весело вы здѣсь живете?

— Ничего-съ.

— За барышнями, я думаю, ухаживаете?

Ваня покраснѣлъ до ушей.

— Я больше дома-съ, да въ судѣ.

— Есть у васъ братья, сестры?

— Нѣтъ-съ, только маменька.

— Въ чемъ же вы время проводите?

— Пину больше-съ. Вотъ лѣтомъ удить хожу.

— А зимой?

— Все больше въ судѣ-съ. Два раза въ сутки въ судъ ходимъ-съ.

— А не читаете ничего?

Ваня посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Ну, книгъ какихъ нибудь, повѣстей или романовъ?

— Не доводилось-съ.

— Никогда?

— Никакъ нѣтъ-съ.

Тутъ наступило молчаніе. Студентъ думалъ:—вотъ глушь-то, Ваня же думалъ:—вотъ приставъ-то, не отвяжешься. Студентъ снова возобновилъ разговоръ.

— Вы здѣшній урожденецъ?

— Здѣшній-съ.

— А въ Москвѣ бывали когда нибудь?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, а въ губернскомъ городѣ своемъ бывали же?

— Нѣтъ-съ, не бывалъ.

— И въ В. не бывали! Такъ вы никуда не выѣзжали, что ли, изъ Бучилова?

— Никуда-съ.

— И не желаете выѣхать?

Ваня съ изумленіемъ посмотрѣлъ на студента и подумалъ:— что ужь онъ больно меня допрашивать вздумалъ! Отвѣчать же не нашелся.

Студентъ тоже замолчалъ. Онъ не зналъ, какъ продолжать разговоръ. Вотъ жизнь-то, подумалъ онъ, вотъ прозябаніе-то! А нельзя ли какъ нибудь разшевелить эту лепочатую ночву? Время свободное, дѣлать нечего. И пылкому его воображенію сейчасъ представилось, какъ онъ извлекаетъ изъ ирана глубоко туда погруженное существо, и какъ мало по малу проливаетъ на него свѣтъ Божій.

Солнце, между тѣмъ, закатилось, но на блѣдно голубомъ небѣ не загоралось ни одной звѣды. Все было облито блѣднымъ свѣтомъ погасающей зари. Въ воздухѣ пахнуло сыростью. На

травѣ заблистали капли росы. Съ рѣчки сталъ подыматься туманъ.

— Ну, кажется, и домой пора. А вы идете?

— Я ночую здѣсь. На утрѣ лучше клюетъ.

— Ну, такъ до свиданія, сказалъ студентъ, вставая и подавая Ванѣ руку: — надѣюсь, что будемъ знакомы. Заходите, я буду очень радъ.

Съ этими словами студентъ пошелъ по направленію къ городу.

Въ Москвѣ бывалъ ли! Видишь, какой, подумалъ Ваня, располагаясь на травѣ и подложивъ руки подъ голову. Ладно, у тебя тамъ дядюшка есть богатый, а мнѣ зачѣмъ туда ѣхать? Вонъ папенька тоже въ Москвѣ учился, да вѣдь онъ и родомъ-то былъ недалеко оттуда. Гм.... смѣшной какой.... книжки, говоритъ, читаете...

Весь міръ Вани заключался въ Бучиловѣ. Кругозоръ его ограничивался синѣвшими кругомъ города лѣсами, о прочемъ мірѣ ему никогда не доводилось и подумать. Москва ему и въ голову не приходила, а губернію воображалъ онъ какимъ-то фантастическимъ жилищемъ всевластнаго начальства. Не только губернаторъ, даже чиновники особыхъ порученій казались ему какими-то высшими существами, не имѣющими ничего общаго съ ними, бучиловцами. Кончилъ онъ, правда, курсъ въ уѣздномъ училищѣ, но развѣ можетъ хоть что нибудь дать наше уѣздное училище? Стремленій и надеждъ у него никакихъ не было, только о чинѣ начиналъ подумывать и разсчиталъ даже, что года черезъ полтора его должны представить. Дальше же мечты его не заносили.

V.

Бучиловскій уѣздный судья, Ѳедоръ Даниловичъ Коневъ, былъ желтоволосый, худой и длинный старикъ, очень умный, но окончательно облѣнившійся. Отъ совершеннаго недостатка всякаго возбужденія для ума и фантазіи, онъ обратился къ лишней рюмочкѣ, отчего его сѣрые, хитрые, постоянно прищуривающіеся глаза усѣялись красноватыми прожилками, а большой характерный носъ сдѣлался еще больше и украсился сизо-фіолетовымъ оттѣнкомъ. Его тонкія губы носили на себѣ постоянную сардо-

ническую усмѣшку, и на зубы къ нему попасть было не совсѣмъ пріятно. Коневъ почти никогда не бывалъ въ судѣ, развѣ разъ, другой въ недѣлю, да и то не всегда, но секретарь у него мало значилъ, а засѣдатели, по обыкновенію, и ровно ничего. Онъ все успѣвалъ дѣлать самъ, такъ какъ дѣлъ въ судъ поступало не много. Жена у него давно умерла, дѣтей, кромѣ студента, не было, и онъ жилъ совершеннымъ холостякомъ. При сытѣ онъ воздерживался, по возможности, отъ лишней рюмочки и циническихъ выходокъ, до которыхъ былъ большой охотникъ.

У молодаго Конева была кипучая, какъ порохъ загоравшаяся натура, но такъ же скоро, какъ порохъ, и прогоравшая. Ваней рѣшился онъ заняться просто отъ скуки, отъ нечего дѣлать.

Дня три прошло послѣ встрѣчи на берегу, а Ваня и не думалъ воспользоваться приглашеніемъ студента. Что онъ мнѣ за товарищъ, думалъ онъ, зачѣмъ я пойду къ нему? Да еще и идти-то боязно, вдругъ какъ судья скажетъ, зачѣмъ, молъ, пришелъ? Но вотъ, въ одно сѣренькое утро, ему пришлось нести къ судьѣ бумаги. Квартира судьи состояла изъ трехъ комнатъ: одна изъ нихъ служила залой, другая кабинетомъ, третья спальной. Когда Ваня пришелъ съ бумагами, судья сидѣлъ, съ трубкой въ зубахъ, въ кабинетѣ у окна и лѣниво посматривалъ на моросившій пѣлое утро дождикъ, а студентъ лежалъ въ залѣ на диванѣ и перелистывалъ привезенную съ собой книжечку журнала. Ему уже начинало наскучать однообразіе бучиловскаго захолустья. Онъ радъ былъ появленію звѣрка, какъ назвалъ Ваню, разсказывая о немъ отцу, и сейчасъ же принялся за него.

— А! Здравствуйте, г. Лиховъ, наконецъ-то собрались зайти... это что? Бумаги отцу? Дайте, передамъ. Съ этими словами онъ взялъ бумаги и отнесъ ихъ отцу.

— Ну-съ, проходите же, садитесь, курить не хотите ли?..

— Благодарю покорно, не курю-съ.

— Много рыбы наловили въ прошедшій разъ?

— Нѣтъ-съ, худо клевала.

— А часто ходите удить?

— Часто, если погода хорошая.

— Ну, что же вы въ судѣ дѣлаете?

— Въ судѣ-съ?.. пишу-съ.

— Сочиняете?

— Переписываю-съ.

— Каждое утро и вечеръ занимаетесь?

— Нѣтъ-съ, нынче дѣла мало, вечеромъ не зачѣмъ ходить. Развѣ такъ только, отъ скуки сходишь.

— Постойте, я дамъ вамъ занятіе отъ скуки. У отца, я видѣлъ, какія-то книги есть, возьмите-ка, да почитайте что нибудь, авось понравится.

У судьи было нѣсколько десятковъ случайно доставшихся книгъ самаго разнообразнаго содержанія, свалепныхъ безъ всякаго порядка въ ящикъ комода. Студентъ какъ-то случайно напалъ на нихъ и пересмотрѣлъ. Между ними было нѣсколько разрозненныхъ томовъ сочиненій Пушкина и Гоголя. Онъ собралъ листки «Капитанской дочки» и далъ Ванѣ.

— Прочитайте, а потомъ принесите обратно, да скажите, понравится ли.

Въ это время судья вынесъ подписанныя бумаги.

— Благодарю покорно. Прощайте-съ.

— До свиданія. Приходите же.

Однако, думалъ Ваня, выходя отъ судьи, студентъ-отъ, кажись, человѣкъ хорошій. Не гордый, даромъ, что судьи сынъ да въ столицѣ живетъ. И книжечку вотъ далъ. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ занятная.

«Книжечка» съ первыхъ же страницъ заинтересовала его. Впечатлительностью и фантазіей онъ былъ одаренъ отъ природы, да и выборъ перваго чтенія былъ чрезвычайно удаченъ. Доведенная до удивительной степени совершенства благородная простота языка, наивно-простодушный разсказъ, возрастающій съ каждой страницей интересъ не позволяли оторваться отъ книги. Съ большимъ участіемъ слѣдилъ онъ за приключеніями героя, забывъ совершенно о приговорѣ, произносимомъ его сотоварищами всякому печатному разсказу: всё-то пустяки, выдумано и неправда. Дня черезъ два онъ понесъ «книжечку» обратно.

— Ну что, спросилъ его студентъ:—прочитали?

— Прочиталъ-съ.

— Нравится?

— Нравится-съ.

Студентъ завязалъ разговоръ о прочитанной повѣсти и съумѣлъ мало по малу воодушевить Ваню. Ваня хоть и кончилъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, но, подобно всѣмъ другимъ, ничего оттуда не вынесъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были театромъ пугачевскаго возстанія, даже до сихъ поръ въ простомъ народѣ со-

хранились преданія объ этомъ страшномъ времени. Его же родина лежала далеко оттуда, и онъ совершенно не зналъ, кто былъ Пугачевъ. Студентъ просто и съ умѣньемъ разсказалъ ему объ этой эпохѣ. Съ перваго же разговора начали пробуждаться въ душѣ Вани новыя, невѣдомыя доселѣ мысли, новые вопросы. Часа два незамѣтно пролетѣли.

— Жаль, право, что здѣсь книгъ нѣтъ вовсе, а то, какъ видно, вы скоро пристрастились бы къ чтенію. Вотъ съ трудомъ, изъ трехъ разрозненныхъ листковъ подобралъ я Полтаву, поэму того же Пушкина, прочтите.

Распрощались. Ваня принялся за Полтаву. Читать стихи оказалось несравненно труднѣе, чѣмъ прозу. Его сбивали съ толку и психическіе анализы, и поэтическія сравненія, такъ обильно разсыпанныя по поэмѣ. Многаго онъ совершенно не понялъ, но нѣкоторыя сцены и описаніе полтавской битвы живо подѣйствовали на его душу. Не мало мѣшало ему понять поэму и совершенное незнаніе исторической стороны. О Петрѣ онъ еще слыхалъ, даже о Полтавѣ помнилъ, что тутъ Петръ шведовъ разбилъ, но о Мазепѣ онъ уже не зналъ ничего. Прочитавъ, онъ снова принесъ книгу студенту.

— Ну что, прочитали?...

— Прочиталъ.

— Что же, хорошо?

— Первая-то лучше была.

— А эта развѣ не нравится?

— Да я не знаю, мудрено какъ-то, непонятно написана.

На этотъ разъ бесѣда была продолжительнѣе. Студентъ перечиталъ ему всю Полтаву, разсказывалъ, толковалъ, объяснялъ. Ваня уже меньше дичился его, попривыкъ и смѣлѣе задавалъ ему вопросы. Между ними шелъ живой разговоръ. Ваня началъ заинтересовывать студента не какъ рѣдкій звѣрокъ, а какъ живой, умный, любознательный человѣкъ. Онъ скоро привязался къ студенту и сталъ бывать у него рѣшительно каждый день. Студентъ также нерѣдко заходилъ къ нему. Они вмѣстѣ гуляли по полямъ, вмѣстѣ удили рыбу, катались въ лодкѣ. Студентъ разсказывалъ ему о Петербургѣ, о Москвѣ, о Россіи, о чужихъ краяхъ, они перечитали все вмѣстѣ, что могли найти у судьи. Между разнымъ хламомъ нашлись и «Вечера на хуторѣ» да «Тарасъ Бульба». Читали ихъ вмѣстѣ. Студентъ читалъ превосходно.

Ваня просто былъ въ восторгѣ. Такъ прошло мѣсяца полтора. Наступила вторая половина іюля.

VI.

Былъ тихій, чудный іюльскій вечеръ. Въ воздухѣ слышалась уже осенняя свѣжесть. Высоко синѣло чистое небо, и только на золотистомъ западѣ плавали ярко-огненныя, какъ бы изъ расплавленнаго металла, облака. Въ воздухѣ тихо, не шелохнетъ. Подкошенные луга уже не пестрѣли цвѣтами, и только тамъ да сямъ разбросанные стога да группы скота разнообразили картину. Ваня съ студентомъ сидѣли на берегу Бучиловки, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ встрѣтились. Это было на другой день послѣ того, какъ начался нашъ разсказъ. Ваня удилъ, студентъ лежалъ на травѣ, подложивъ руки подъ голову и смотрѣлъ на небо. Долго они молчали. Рыба не клевала, да и Ваня, какъ видно, не ловлей былъ занятъ. Едва держа въ рукахъ удилище и склонивъ голову на руку, онъ неподвижно смотрѣлъ на катящіяся одна за другой струи. Въ глазахъ видна была глубокая грусть. Такъ прошло довольно долго. Наконецъ, студентъ обернулся къ Ванѣ.

— О чемъ это вы такъ задумались?

— Такъ, взгрустнулось что-то.

— О чемъ же?

— Такъ, глупости.

— Сказать нельзя?

— Сказать-то можно, да зачѣмъ? Мало ли, что думается.

— Ну, если секретъ, такъ и не спрашиваю.

— Какой секретъ! Видите, о чемъ я думалъ: вотъ лѣто проходитъ, вы скоро уѣдете, и мнѣ скучно будетъ.

Студенту самому было жаль его. Онъ самъ невольно привязался къ Ванѣ. Онъ не отвѣтилъ ничего, и снова настало молчаніе.

Мало по малу темнѣло, и только края неподвижныхъ облаковъ на западѣ вспыхивали послѣднимъ пламенемъ дня. На востокѣ появилась пламенная венера, и вслѣдъ за ней засверкали тамъ и сямъ звѣзды.

— Не пора ли домой? сказалъ студентъ.

— Пожалуй.

Они пошли.

Шли они молча до самаго города. Наконецъ уже на мосту черезъ Бучиловку, при входѣ въ городъ, студентъ прервалъ молчаніе.

— Знаете ли, Ваня, о чемъ я думалъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Хотите учиться?

— Учиться?

— Послушайте, что мнѣ пришло въ голову: дядя у меня человѣкъ богатый и меня любитъ. Я попрошу его, чтобы онъ далъ вамъ какое нибудь мѣсто въ Москвѣ. Если онъ согласится, вы пріѣзжайте, да и постарайтесь приготовиться въ университетъ. Вѣдь у васъ года не ушли еще, вамъ всего восемнадцать лѣтъ. Ну, года три, четыре довольно, чтобы подготовиться. Сначала я вамъ помогу заняться, потомъ, если уѣду, найду кого нибудь другаго, да тогда, пожалуй, и не нужно будетъ. Лиха бѣда— начало, а я еще, по крайней мѣрѣ, два года проживу въ Москвѣ. А, какъ вы думаете?

Ваня разинулъ ротъ, смотрѣлъ на него и молчалъ. Онъ даже не понималъ хорошенько, что тотъ говоритъ, развѣ шутитъ. Ѣхать въ Москву, въ университетъ готовиться.... Нѣтъ, это онъ смѣется!

— Что же, вы не хотите, или думаете, что все это вздоръ, на обумъ сказано? Нѣтъ, если бы я не зналъ вашихъ способностей, я бы и не подумалъ.

Ваня посмотрѣлъ на него, но ничего не отвѣчалъ.

Въ это время они проходили мимо судьи.

— Ну, до свиданья. Подумайте, да завтра поговоримъ.

Ваня пришелъ домой. Мать была уже въ постели и проворчала что-то, когда онъ проходилъ мимо. Улегся и онъ, но долго не спалъ. Въ головѣ его бродили какія-то безсвязныя мысли. Мысль его начала пробуждаться отъ долгаго сна, онъ смутно понималъ уже, что есть какая-то лучшая жизнь, чѣмъ въ Бучиловѣ, но все-таки ни до чего опредѣленнаго еще не додумывался, и неожиданное предложеніе студента произвело совершенный хаосъ въ его головѣ. Онъ всю ночь проворочался съ боку на бокъ, безпрестанно засыпалъ и просыпался отъ какихъ-то сновъ, до того безобразныхъ и чудовищныхъ, что нѣтъ возможности и пересказать ихъ.

На другой день послѣ обѣда онъ пришелъ къ студенту.

— Ну что, подумали?

— Не знаю, право... маменька не согласится...

— Какъ не согласится, что вы? Полноте, что ей отнимать ваше счастье.

И студентъ въ яркихъ краскахъ передалъ Ванѣ ожидавшую его заманчивую будущность, если онъ поступитъ въ университетъ. Потомъ мрачными красками обрисовалъ безвыходную, темную, тяжелую картину будущаго въ Бучиловѣ. Это подѣйствовало на впечатлительнаго Ваню. Онъ рѣшительно подалъ руку студенту и сказалъ:

— Идетъ! Только надо маменьку уговорить.

— Погодите, теперь не зачѣмъ ей сказывать. Сначала я напишу къ дядѣ, и если онъ пообѣщаетъ и велитъ вамъ пріѣзжать, то мы будемъ дѣйствовать.

— Хорошо.

Съ этихъ поръ они оба фантазировали съ всевозможными вариаціями на одну и ту же тему.

Они полагали дѣло рѣшеннымъ уже окончательно, потому что въ участіи дяди студентъ не сомнѣвался. И онъ не ошибся. Недѣли черезъ три отъ дяди полученъ былъ отвѣтъ, гдѣ тотъ писалъ, что беретъ Ваню къ себѣ въ домашніе секретари. Чего же лучше желать? Они и жить будутъ вмѣстѣ, и времени свободнаго вдоволь—учись, не хочу!

Оставалось только получить согласіе отъ матери.

Ваня не зналъ, какъ и приступить къ ней, тѣмъ больше, что въ послѣднее время она еще больше злилась и ворчала на то, что онъ постоянно съ студентомъ. Однако, надо же было рѣшиться. Съ замирающимъ сердцемъ и едва собравъ въ себѣ на столько силы, чтобы не оборвался голосъ, Ваня приступилъ къ объясненію.

— Отпустите меня, маменька, въ Москву.

— Что—о—о? Въ Москву?

— Въ Москву, съ Петромъ Ѳедорычемъ. Онъ меня съ собой беретъ.

— Что—о—о? Ты съ фармазономъ-то своимъ съ ума рехнулся, что ли? Какая тебѣ Москва? Собакъ, что-ли, прости Господи, тамъ гонять некому? Али поскорѣе мать хочешь бросить, чтобы въ фармазонскую вѣру перейти?

— Я, маменька, тамъ учиться буду.

— Какому лѣшему, прости Господи, учиться!? Что ты, и въ самомъ дѣлѣ, съ ума спятилъ, что-ли?

— Петръ Ѳедорычъ писалъ обо мнѣ къ своему дядѣ, тотъ беретъ меня въ домашніе секретари. Я буду въ университетъ готовиться, а Петръ Ѳедорычъ показывать мнѣ будетъ.

— Отстань ты съ нимъ, съ окаяннымъ, не унесетъ его отсюда нелегкая-то, прости Господи! И тебя совсѣмъ съ толку сбилъ. Вишь, что выдумалъ, разбойникъ! Онъ мать броситъ, да въ Москву фармазонить поѣдетъ! Ахъ ты, щенокъ ты этакій, дрянь ты этакая!

— Да вѣдь папенька въ Москвѣ же учился...

— Молчать! вскричала мать, выходя изъ себя.

Ваню самого зло забрало. У него у самого кровь заиграла.

— Да что, въ самомъ дѣлѣ, вы у меня счастье отнимете! Уѣду, да и только!

Ну умъ, что тутъ началось, трудно и передать. Буря страшная. Глаза у нея дико блеснули, и она задыхающимся голосомъ, съ дикимъ выкрикомъ, начала:

— Уѣдешь! А! такъ я тебѣ ужь не мать? Ты меня знать не хочешь? Смѣй подумать, прокляну окаяннаго! Пропадешь хуже собаки!

Ваня затянулъ уши и убѣжалъ. Щеки у него горѣли, сердце сильно стучало. Чтобы успокоить волненіе, онъ пошелъ за городъ, за Бучиловку. Походивъ тамъ съ полчаса, онъ пошелъ къ студенту.

— Ну что, говорили?

— Плохо, Петръ Ѳедорычъ, и слушать не хочетъ.

— Что же за причина?

— Да такъ.... не отпускаетъ.

— Да вы поговорите еще хорошенько, представьте всѣ выгоды ученья, что вы человѣкомъ будете, и ей лучше тогда будетъ. Вѣдь ей теперь помощь отъ вашего жалованья небольшая, проживетъ и безъ этого.

— Нѣтъ, нечего и говорить. Не уговоришь, я знаю.

— Ну, такъ я пойду къ ней и постараюсь уговорить. Можетъ быть, и удастся.

— Да... нѣтъ... не знаю...

— Отчего нѣтъ? Разумѣется, лучше. Завтра же утромъ пойду.

— Да, мнѣ кажется... не знаю, Петръ Ѳедорычъ... напрасно...

— Что же, развѣ она меня не жалуетъ?

— Да не то, что... ну, а какъ-то...

— Вамъ вы думаете рѣшительно, что и меня не послушаетъ?

— Рѣшительно не послушаетъ.

— Это скверно. Надо же на что нибудь рѣшиться. Можетъ, отца не послушаетъ ли?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Это всего лучше! Только какъ же это Ѳедоръ Данилычъ...

— Объ этомъ не безпокойтесь, не ваше дѣло.

Было уже довольно поздно, когда они разстались. Ваня прошелъ прямо въ свою комнату и легъ, но во всю ночь глазъ не сомкнулъ. Сердце его было переполнено тревожнымъ ожиданіемъ. Поѣду или не поѣду, спрашивалъ онъ у себя, и его попеременно бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Воображеніе его было распалено безпрестанными разговорами, въ послѣдніе три недѣли, о всѣхъ прелестяхъ образованія и жизни въ столицѣ.

Прошла наконецъ томительная ночь. На другой день было воскресенье. Ваня не выходилъ изъ своей комнаты, пока мать не ушла къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни онъ, молча, встрѣтился съ матерью, она тоже слова не сказала, только хмурилась. Кое-какъ выпилъ онъ стаканъ чаю и снова ушелъ въ свою комнату.

Вскорѣ въ комнатѣ матери послышался голосъ судьи.

— Здравствуйте, Марья Ильинична, какъ поживаете? Не ждали, я думаю?

Марья Ильинична судьи терпѣть не могла и называла краснопосымъ пьяницей, но лично относилась къ нему съ глубочайшимъ уваженіемъ, какъ къ начальнику Вани.

— Садиться прошу покорно. Чаю не прикажете ли?

Марья Ильинична была въ большомъ недоумѣніи, что это за посѣщеніе.

— А я къ вамъ потолковать о вашемъ сынѣ пришелъ. Малый славный, хоть куда. Жаль только, ходу ему здѣсь нѣтъ. Да вѣдь нынче только ученымъ и дорога.

— Что же, аттестатъ у него изъ училища есть, для чину довольно.

— Да не въ томъ дѣло. Ну, какая у него теперь дорога? Онъ получаетъ когда три, когда четыре цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, года три, четыре послужитъ, можетъ, и столоначальникомъ будетъ, рублей десять въ мѣсяцъ, положимъ, да и только. Вотъ

вамъ и карьера вся. Вѣдь до секретарей добиться трудно, кандидатовъ много на эти мѣста.

— Живутъ и столоначальники, не всякому секретаремъ быть.

— Однако, если счастье въ руки дается, зачѣмъ отворачиваться? Смотрите, какой случай богатый: вѣдь онъ безъ копѣйки доѣдетъ до Москвы, а тамъ и мѣсто готово. Да и какое мѣсто! будетъ на самомъ виду, подъ рукой у такого лица, какъ Петръ Егорычъ (такъ звали дядю студента). Вѣдь это на всю жизнь ходъ дастъ.

— А мать-то бросить! Хоть съ голоду умирай!

— Да много ли онъ и теперь помогаетъ? Жили же вѣдь, пока онъ учился?

— Мало ли, какъ не жилось, не дай Богъ злому татарину такъ жить-то.

— Да вѣдь его жалованья на платье не хватитъ. То подумайте: вѣдь тамъ онъ можетъ въ университетъ поступить, а это, матушка, широкая дорога.

— Ужь извините, Ѳедоръ Данилычъ, ученье, по моему, только отъ Бога отбиваетъ, къ путному не ведетъ. Что въ немъ, въ ученьи-то! Вонъ мой Иванъ Андреичъ съ ученьемъ-то семью по-міру пустилъ.

— Да вѣдь не отъ ученья же онъ умеръ, сказалъ судья, начавъ уже терять всякое терпѣніе:—подумайте, вашъ сынъ тамъ человѣкомъ будетъ.

— Какимъ ужь человѣкомъ, Бога-то совсѣмъ забудетъ. И на глазахъ-то, прости Господи, того и смотритъ, какъ бы отъ Бога, а тамъ... Да я и жить по старому не согласна. Два, три года промаемся, да прибавите же потомъ и жалованья, а въ Москвѣ-то онъ обо мнѣ и не вспомнитъ. Нѣтъ ужь, не нашего ума это дѣло, извините, Ѳедоръ Данилычъ. Благословенья ему моего на это нѣтъ.

— Ну, это ваше дѣло, сухо сказалъ судья и откланялся.— Глупая баба, проворчалъ онъ, выходя изъ воротъ.

Грустный и разстроенный пришелъ Ваня къ студенту. Не безъ брани обошлось по уходѣ судьи и не безъ упрековъ. Мать обвиняла его во всевозможныхъ порокахъ, и въ неблагодарности, и въ безбожіи, говорила, что онъ готовъ на нее всѣхъ собакъ въ городѣ натравить, колола его тѣмъ, что воспитала его, изъ послѣдняго билась, а онъ при первомъ случаѣ и броситъ ее

готовъ. Въ заключеніе рѣшительно объявила, что проклянетъ, если онъ хоть думать будетъ объ отъѣздѣ.

Студентъ уже зналъ отъ отца о результатѣ переговоровъ. Потолковали, погоревали. Ваня былъ въ отчаяніи. Студентъ предложилъ ему послѣднее средство: уговорить отца, чтобы онъ далъ ему безъ вѣдома матери отпускъ, и уѣхать тихонько. Посердится, дескать, да тѣмъ и кончится. Но Ваня не рѣшился. Онъ зналъ свою мать и ужасался при одной мысли о проклятіяхъ, которыми она надѣлитъ его въ такомъ случаѣ. Между тѣмъ студенту давно было нужно ѣхать, онъ и безъ того просрочилъ. На завтра былъ назначенъ выѣздъ. Въ безвыходномъ горѣ и въ глубокомъ отчаяніи проводилъ Ваня послѣдній день съ нимъ. Тяжело ему было разставаться съ послѣдней надеждой. Отвратительной, невыносимой казалась ему его жизнь, та жизнь, которая недавно совершенно удовлетворяла его и лучше которой давно ли онъ ничего не зналъ.

На другой день студентъ уѣхалъ, простившись съ нимъ на всегда. Прахомъ разсыпались всѣ золотыя мечты...

VII.

Долго тосковалъ и горевалъ Ваня, много безсонныхъ ночей провелъ онъ и даже сильно похудѣлъ. Они съ студентомъ условились писать другъ другу, и Ваня на первое письмо свое получилъ отвѣтъ, написалъ второе — отвѣта нѣтъ, написалъ еще письмо — какъ съ камнемъ въ воду. Такъ переписка и прекратилась. Забылъ ли о немъ студентъ, погруженный совсѣмъ въ другіе интересы, или какъ нибудь письма не дошли, — Богъ вѣсть.

Наконецъ, время и среда взяли свое, Ваня мало по малу успокоился, вошелъ въ обычную колею и, если еще вспоминалъ о студентѣ, то уже съ другой бучиловской точки зрѣнія: вотъ, дескать, не пустила меня маменька съ судейскимъ сыномъ, теперь я тамъ при должности хорошей былъ бы, да по времени и въ судьи бы сюда пріѣхалъ. Понятія, взгляды его мало измѣнились. Правда, онъ не пьянствовалъ, не развратничалъ, стыдился протянуть руку къ просителю за подачкой, по примѣру прочей братіи, но это было скорѣе слѣдствіемъ врожденнаго самоуваженія, чѣмъ вліянія студента.

Такъ прошло четыре года. Ваня возмужалъ, сдѣлался изъ

мальчика молодымъ человѣкомъ и былъ прилежнымъ, точнымъ и исполнительнымъ чиновникомъ. Онъ уже два года былъ столоначальникомъ и любимцемъ секретаря и судьи. Товарищи его не терпѣли, какъ за это предпочтеніе, такъ и за то, что онъ удалялся отъ ихъ компаніи. Вообще же онъ былъ доволенъ своей судьбой, и жизнь его шла тихо и мирно, пока снова не наткнулась на подводный камень.

На берегу же, рядомъ съ Лиховыми, жила Марья подлекарша съ дочкой Аннушкой, въ небольшомъ о трехъ окнахъ домикѣ. Мужъ ея съ незапамятныхъ временъ служилъ въ Бучиловѣ лекарскимъ ученикомъ, имѣлъ, разумѣется, гораздо больше практики, чѣмъ перемѣнные лекаря, черезъ законные двадцать лѣтъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора и, доживъ до глубокой старости, волею Божіею умеръ. Жена была гораздо моложе его, но и ей въ описываемую пору придвигалось уже къ 50-ти. Жила она безбѣдно, получала пенсію да проценты съ маленькаго капитала, который успѣлъ сколотить мужъ въ свою многолѣтнюю службу, да и сама не сидѣла, сложа руки, была большая рукодѣльница и обшивала всю прекрасную бучиловскую половину. Марья подлекарша была юркая, бойкая женщина, изъ тѣхъ счастливо одаренныхъ натуръ, которыя на все умѣютъ взглянуть прямо, быстро уясняютъ себѣ всю сущность предмета и вездѣ поступаютъ ловко, съ тактомъ. Въ дочери своей она души не чаяла, впрочемъ не избаловала, бѣлоручкой не сдѣлала. Аннушка вмѣстѣ съ матерью управлялась со всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ и даже грамотѣ была выучена. Это была кроткая, добрая дѣвушка, миловидное существо, съ выразительнымъ личикомъ, съ черными, быстрыми глазками.

У Марьи подлекарши въ сосѣднемъ городѣ были какіе-то богатые родственники. Она ѣздила иногда къ нимъ погостить и послѣдніе три года жила у нихъ безвыѣздно. Аннушка уѣхала изъ Бучилова еще дѣвочкой и возвратилась вполнѣ развившейся невѣстой. Вскорѣ послѣ пріѣзда ихъ, Ваня замѣтилъ ее въ церкви. Сначала онъ обратилъ на нее вниманіе только какъ на новое лицо, потомъ сталъ больше и больше заглядываться на ея хорошенькое личико и мѣсто въ церкви сталъ выбирать такое, чтобы она была всегда передъ глазами. Наконецъ, дѣло дошло до того, что онъ дождаться не могъ воскресенья, и съ первымъ колоколомъ бѣжалъ въ церковь. Такъ прошло мѣсяца два. Сбли-

женіе, казалось, дальше не пойдетъ. Ванѣ и на мысль никогда не приходило постараться заговорить съ ней, встрѣтиться гдѣ нибудь поближе, чѣмъ въ церкви. Но время идетъ да идетъ и неуклонно несетъ за собой новыя фазы жизни. Одинъ разъ мать послала Ваню съ какимъ-то порученіемъ къ подлекаршѣ. Онъ пошелъ съ трепетомъ сердца, но когда взялся за скобку двери, духъ у него замеръ, и онъ долженъ былъ простоять нѣсколько времени на крыльцѣ, чтобы придти въ себя. Наконецъ, отворилъ дверь и видитъ — Аннушка сидитъ у окна и шьетъ; больше въ комнатѣ никого нѣтъ. Аннушка увидѣла его, вспыхнула, потупила глазки и чуть слышнымъ голосомъ спросила:

— Что вамъ угодно?

Ваня забылъ совсѣмъ, зачѣмъ пришелъ, и стоялъ какъ столбъ. Наконецъ, собрался съ духомъ спросить:

— Маменька ваша дома?

— Нѣтъ-съ.

Ваня повернулся, чрезвычайно неловко поклонился и вышелъ.

Съ этого дня онъ болѣе сознательно и страстно полюбилъ. И во снѣ, и наяву, и дома, и въ судѣ — вездѣ мерещилась ему Аннушка. Ворочается, бывало, часъ, два, три на постели, душно ему, жарко, не спится, разъ двадцать перевернетъ подушку,— Аннушка все передъ глазами. Уснетъ, намучившись, и тутъ все сны безпокойные, и Аннушка непремѣнно тутъ же.

Дѣло было къ веснѣ. Наступилъ апрѣль. Холодное зимнее солнце начало пригрѣвать. На горизонтѣ показались темносинія дождевыя облака, снѣгъ замѣтно убывалъ, и изъ подъ него весело зажурчали ручейки. Вотъ и ледъ на Бучиловкѣ прошелъ, маленькая рѣчонка широко разлилась по низкимъ лугамъ и грозно колыхала мутныя волны. Сошелъ наконецъ и снѣгъ, зазеленѣла травка, зяблики и чижи запѣли на черемухахъ и рябинахъ, и первый листъ началъ выбиваться изъ почекъ.

Разъ, это было въ концѣ мая, Ваня въ своемъ огородѣ, подъ развѣсистой рябиной ставилъ ловушку для чижа и безпрестанно поглядывалъ въ сосѣдній черезъ низенькій, полуразвалившійся заборъ. Сосѣдній огородъ былъ подлекаршинъ. Вотъ калитка со двора отворяется, выходитъ Аннушка. Она въ простенькомъ платьицѣ, голова повязана платочкомъ, въ рукахъ лукошко, — должно быть, лукъ садить вышла. Свѣжая и веселая, не замѣчая Вани, она, напѣвая потихоньку, въ припрыжку, какъ маленькій ребенокъ, бѣжитъ къ грядамъ, къ самому почти забору, гдѣ былъ

Ваня. Вдругъ она замѣтила его, вскрикнула, покраснѣла и чуть было не пустилась бѣжать обратно. Ваня вскочилъ на ноги, только не покраснѣлъ, а побѣднѣлъ и сталъ какъ столбъ, не зная, что дѣлать. Наконецъ, Аннушка оправилась, поставила лукошко на гряду и присѣла. У Вани сердце вынрыгнуть хотѣло изъ груди, духъ захватывало, и онъ едва, едва могъ успокоиться. Ему хотѣлось бы заговорить, хоть слово отъ нея услышать, но слова рѣшительно не шли ему на языкъ. Наконецъ, онъ какъ-то собрался съ духомъ:

— Лукъ садите?

— Лукъ.

Молчаніе.

— Маменька ваша дома? какъ-то ни съ того, ни съ сего сорвалось у него съ языка.

— Нѣтъ-съ... да вотъ идетъ...

Опять молчаніе.

Этимъ бы, вѣроятно, разговоръ и ограничился, если бы на помощь не подоспѣла судьба въ образѣ Марьи подлекарши. Она пришла въ огородъ посмотрѣть, что дѣлаетъ дочь.

— А, Иванъ Иванычъ, здраствуйте! Въ огородъ вышли? — Да, денекъ-то славный сегодня, такъ и паритъ.

— Чижей ловлю...

— Ахъ, какъ я люблю чижиковъ, сказала Аннушка и сконфузилась.

— А у васъ есть? спросилъ Ваня.

— Нѣтъ, былъ, да умеръ недавно, угорѣлъ.

Подлекарша между тѣмъ ушла домой.

— Я поймаю, такъ подарю вамъ.

— Ахъ нѣтъ, зачѣмъ...

— Ваня! Ваня! раздался голосъ Марьи Ильиничны. Ваня поклонился и ушелъ.

На другой день, чуть солнце показалось, Ваня былъ уже въ огородѣ съ ловушкой. Онъ не чувствовалъ ни холоду, ни сырости свѣжаго майскаго утра и до того старательно и напряженно слѣдилъ за ловушкой, что, казалось, отъ поимки чижа жизнь его зависѣла. Часа три сидѣлъ онъ, не двигаясь съ мѣста и чуть дыша. Наконецъ, ура! сѣтка захлопнулась надъ чижомъ. Съ торжествомъ, съ какой-то дикой радостью схватилъ Ваня свою добычу и побѣжалъ домой. Послѣ обѣда мать легла спать, а онъ

сейчасъ въ огородъ и клѣтку съ собой взялъ. Аннушка была уже тутъ. Онъ подошелъ прямо къ забору.

— Здраствуйте, Анна Павловна, вотъ я чижика давеча поймалъ.

— Здрастуйте! Аннушка взглянула на него, и дѣтская радостная улыбка невольно сложилась на ея губахъ.

Она очень любила чижиковъ.

— Я это вамъ принесъ, возьмите.

— Ахъ, что вы это, зачѣмъ, какъ можно...

— Возьмите, Анна Павловна, нарочно для васъ поймалъ, сказалъ Ваня умоляющимъ голосомъ.

Аннушкѣ и очень хотѣлось чижика, и стыдно было взять. Ваня поставилъ клѣтку за заборъ на ея сторону.

— Я сегодня до солнца всталъ. Утромъ-то лучше ловить, никто не мѣшаетъ, да и попадаютъ какъ-то больше.

— Рано же вы можете встать...

— Для васъ, Анна Павловна, я и три ночи готовъ не спать, проговорилъ Ваня взволнованнымъ голосомъ.

Этимъ разговоръ и кончился.

На другое утро Ваня сидѣлъ въ судѣ, какъ на иголкахъ, и то и дѣло посматривалъ на часы. Наконецъ, 12 пробило, секретарь ушелъ и вслѣдъ за нимъ зашевелились и канцелярскіе. Побѣжалъ и Ваня домой, молча пообѣдалъ и сей часъ же отправился въ огородъ. Еще отворяя калитку, черезъ низенькій заборъ увидѣлъ онъ Аннушку. Она опять что-то садила. Сердце у него забило тревогу. Онъ поклонился. Аннушка весело кивнула ему головой и улыбнулась, какъ старому знакомому. Онъ оживился.

— Вы все работаете?

— Морковь сажу. Пора ужь. Вѣдь лѣто.

— А въ Калуегѣ жили, тоже хозяйничали?

— Нѣтъ, тамъ вышивала больше да пила. Дядюшка-то вѣдь богатый.

— А весело тамъ было?

— Весело. Подружекъ было много. У него двѣ дочери, да чужіе гостили часто.

— Тамъ, говорятъ, и городъ больше, и на веселомъ мѣстѣ стоитъ.

— Какъ же! тамъ рѣка большая, кататься на лодкѣ ѣздили... И церквей тамъ сколько...

— Скучно, я думаю, было ѣхать сюда?

— Нѣтъ, ничего. Дядюшка все не отпускалъ, да маменька не захотѣла остаться. Говоритъ, въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.

— И вы не скучаете о Калуевѣ?

— Нѣтъ, мнѣ и здѣсь весело. Чижика я у сторожа повѣсила. Какой онъ хорошенькій! сказала она и сконфузилась.

— Поётъ ли?

— Поётъ.

Тутъ пришла сама подлекарша и вступила въ разговоръ. Аннушка скоро ушла.

Мало по малу молодые люди начали сближаться и совсѣмъ перестали дичиться другъ друга. Въ любви они не объяснялись, но понимали уже другъ друга хорошо, да и глаза выдавали, помимо воли, того и другую. Свиданія черезъ заборъ сдѣлались продолжительнѣе. Марья Ильинична ничего не знала, а подлекарша, хоть и знала, да не мѣшала. Можетъ быть, и судьба, думала она, а худаго тутъ ничего быть не можетъ. Аннушка дѣвка не такая, да и онъ парень, кажись, смирный. Такъ прошло съ мѣсяцъ времени. У Вани завертѣлась мысль о женитьбѣ.

Она-то пойдетъ, думалъ онъ, да и матери-то ея отчего, кажется, не согласиться. Она меня, какъ видно, любитъ. Вотъ только маменька. Да что, кажется, и ей... Аннушка такая скромная, смирная... Жалованья 10 цѣлковыхъ получаю, жить можно пока, а тамъ бы и должность перемѣнить — въ Земскій судъ перейти, тамъ жалованья больше. Жить перейдемъ вверхъ, комнатъ пустимъ постояльцевъ, вотъ опять деньги...

Наконецъ Ваня рѣшился приступить къ объясненію, старался только выбрать благопріятную минуту. Случилось такъ, что одинъ изъ товарищей его по канцеляріи перешелъ куда-то въ другой городъ. Дѣла, которыми тотъ завѣдывалъ, передали Ванѣ. Онъ работалъ, какъ волъ, и такъ успѣшно, что судья далъ ему за этотъ мѣсяцъ, вмѣсто 10, 15 рублей, Ваня, по обыкновенію, отдалъ все матери, причемъ даже услышалъ рѣдкое отъ нея ласковое слово:

— Занимайся, занимайся, Ваня, въ люди выйдешь.

Въ этотъ-то день послѣ обѣда онъ и рѣшился открыться матери.

— Знаете ли что, маменька, началъ онъ:—мнѣ бы... я бы... я хочу просить у васъ благословенія...

— Это еще что?

— Жениться...

— Это что за новости? Молокососъ, молоко на губахъ еще не обсохло, а туда же жениться! сказала мать, но больше шутливымъ тономъ, чѣмъ строго.

— Да вѣдь папенька въ мои же годы женился...

— Ты только и знаешь, какъ бы матери на поперекъ сказать!... Все, какъ бы отъ матери подальше... Мать воспитай, вскорми, а вы сейчасъ готовы ее на первую встрѣчную промѣнять... Да какая тебѣ еще и женитьба, чѣмъ жить-то будешь, да и невѣста-то гдѣ?

Ваня покраснѣлъ до ушей и замялся.

— Да у тебя ужъ припасена, видно!

— Аннушка подлекаршина...

— Подлекаршина!... Да что ты, страмить что ли меня на старости-то лѣтъ вздумалъ?... Хорошъ сынокъ, хорошъ!... Вотъ и выростила себѣ на утѣшеніе! Онъ мать съ подлекаршей поровнять хочетъ! Да знаешь ли ты, что отецъ-отъ ея у твоего отца въ прихожей стаивалъ, сапоги ему чистилъ, на посылкахъ былъ, а ты на его дочери жениться хочешь! ты, никакъ, ужъ совсѣмъ рехнулся!

— Да вѣдь она тоже чиновница, попробовалъ было Ваня, да и не радъ былъ. Мать совершенно вышла изъ себя

— Ну вотъ... всегда такъ... мать въ гробъ вогнать хочетъ. Ты ему слово, онъ тебѣ десять. Господи! наказалъ же ты меня... за что такое наказаніе!... Убирайся, безстыжій, и на глаза не смѣй показываться!

Ваня попробовалъ было еще что-то возразить, но мать такъ выразительно на него взглянула и такъ рѣшительно крикнула: «молчать, мальчишка!» что онъ предпочелъ ретироваться.

Въ тотъ же вечеръ Ваня сошелся у забора съ Аннушкой. Тутъ было все высказано, что не договорено прежде. Вмѣстѣ плакали они, вмѣстѣ строили планы. Ужъ, разумѣется, было не безъ жаркихъ поцалуевъ. Рѣшено было, во что бы то ни стало, достичь своего. Сначала попробовать убѣжденія.

Подлекарша въ тотъ же вечеръ узнала обо всемъ. Она знала хорошо Марью Ильиничну и вовсе не раздѣляла надеждъ Аннушки. Призадумалась она крѣпко. Дѣло было опасное, молодая кровь горяча. Наконецъ, она остановилась на одномъ рѣшеніи и дня въ два собралась ѣхать снова погостить къ своей роднѣ, гдѣ ей всегда были рады. Аннушкѣ ничего до времени не говорила,

только зорко слѣдила за ней. Рѣшеніе свое объявила она внезапно, наканунѣ отъѣзда, и съумѣла быть твердой и настойчивой. Впрочемъ, она обѣщала, что ѣдутъ не надолго, на мѣсяцъ такой нибудь, что этимъ еще не все рушится, что Ванѣ можетъ удастся убѣдить мать. Она знала, что Аннушка непремѣнно побѣжитъ проститься, и ей жаль было запретить это, но, во избѣжаніе излишней продолжительности прощанія, она черезъ нѣсколько минутъ послѣ дочери сама вышла въ огородъ и окликнула ее. На другой день рано утромъ онѣ уѣхали.

Такъ и слѣдъ Аннушки простылъ. О перепискѣ никто и не подумалъ: до такой степени она была не въ правахъ бучиловскихъ. Ваня долго ждалъ Аннушку. Все лѣто онъ, какъ тѣнь, худой и блѣдный ходилъ въ своемъ огородѣ. Утромъ первымъ дѣломъ для него было, только что поднявшись съ постели, идти въ огородъ, оттуда перелѣзть въ подлекаршинъ и заглянуть черезъ калитку къ нимъ на дворъ, не снятъ ли замокъ съ дверей, не отворены ли сѣни? Наконецъ, уже къ осени, пріѣхала подлекарша одна. Онъ сейчасъ же, — куда и ребость и застѣнчивость дѣвались! — идетъ прямо къ ней и спрашиваетъ объ Аннушкѣ. Подлекарша объявила ему, что она пріѣхала не надолго, только взять кое-что съ собой, да домъ сдать подъ квартиру, что Аннушку замужъ выдаетъ.

Трудно описать, что было съ Ваней. Онъ поблѣднѣлъ, ноги у него подкосились, грудь сжало, и онъ, едва, едва, шагалъ, вышелъ отъ подлекарши. Къ чести Аннушки надо, впрочемъ, прибавить, что подлекарша немного солгала. Аннушка замужъ еще не выходила, а только сватался къ ней одинъ приказный, да она и слышать не хотѣла.

Нервная, впечатлительная натура Вани не выдержала. Съ мѣсяцъ пролежалъ онъ въ жестокой горячкѣ, на краю гроба. За то эта горячка имѣла благодѣтельное дѣйствіе. Выздоровѣвъ, онъ услышалъ, что у Аннушки дѣйствительно уже и свадьба скоро, и уже гораздо холоднѣе принялъ это извѣстіе.

VIII.

Еще два года пронеслось надъ Бучиловымъ. Ваня мало перемѣнился. Онъ былъ все тѣмъ же высокимъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ, тихимъ, робкимъ и застѣнчивымъ. Аннушка

все рѣже и рѣже приходила ему въ голову, хотя съ тѣхъ поръ, какъ онъ любилъ ее, въ характеръ его примѣшался какой-то оттѣнокъ грусти и меланхоліи. Подлекарша давно переѣхала изъ Бучилова къ дочери и домъ продала. Лѣтомъ, вмѣсто Аннушки, копалась въ грядахъ какая-то замазанная баба съ обрывкомъ грязной тряпки, вмѣсто платка, на головѣ. Ваня весь погрузился въ службу. Случалось, что онъ работалъ за двоихъ, за троихъ и никогда отъ дѣла не отказывался, а напротивъ, съ охотой за все брался. Его тяготила пустота жизни, хотя онъ и не сознавалъ этого. Съ товарищами онъ, по прежнему, мало знался, хотя бывалъ изрѣдка на ихъ вечеринкахъ и танцовалъ подъ звуки чижика, искусно поигрываемаго на гитарѣ самороднымъ артистомъ-писцомъ городническаго правленія.

Съ годъ тому назадъ, судья Коневъ, запившій въ послѣднее время горькую съ тоски отъ нечего дѣлать, умеръ, и на мѣсто него пріѣхалъ Филиппъ Степанычъ Веритатскій, изъ семинаристовъ. Это былъ огромнаго роста нескладный мужчина, съ плечищами въ косую сажень, рябой, съ толстымъ носомъ и съ сѣрыми бакенбардами, идущими прямо отъ висковъ къ угламъ рта. Онъ никогда не говорилъ обыкновеннымъ голосомъ, а оралъ немилосердно во всю ширину своей широкой глотки и былъ безтолковъ выше всякаго описанія. Дѣла онъ рѣшительно не смыслилъ и достигъ мѣста судьи, благодаря протекціи правителя губернаторской канцеляріи, который ему приходился какъ-то съ родни. Да и то его принуждены были послать въ дальній Бучиловъ, куда посылались обыкновенно вся дрянь и старье, если кому изъ нихъ начальство почему нибудь хотѣло доставить кусокъ хлѣба.

У Веритатскаго было девять дочекъ, изъ которыхъ старшей уже двадцать стукнуло, а меньшая еще только ходить училась. И какъ на зло, все дочери! Сынъ былъ одинъ, и тотъ умеръ, не смотря на то, что Филиппъ Степанычъ клялся и божился, что онъ и Сашку, и Пашку, и Машку, и Глашку, да и всѣхъ поголовно отдастъ за него одного. Въ отношеніи къ дочерямъ онъ не былъ очень нѣжнымъ родителемъ и надъ женой злобствовалъ пьяный до звѣрства.

Жена его, Платонида Савишна, была вѣчно подвязанная, стонущая и поющая, обрюзглая, золотушная женщина, подслѣповатая и ужасно любопытная. Это была пересудчица и сплетница перваго ранга. Мужа боялась, когда тотъ былъ пьянъ, но надъ

трезвымъ часто брала верхъ, потому что все-таки была умнѣе его. Дочки отличались подслѣповатыми материнскими глазами, отцовскими богатырскими формами, да еще необыкновенно красивыми руками, такъ что въ городѣ были отчасти извѣстны подъ именемъ краснорукихъ. Онѣ безпрестанно ссорились другъ съ другомъ, большія съ большими, малыя съ малыми, и непрерывъ жаловались другъ на друга папашѣ и маманѣ, вслѣдствіе чего рѣдкій день всѣ до одной не получали колотушекъ.

Нѣжные папаша и мамаша заботились о томъ, какъ бы устроить дочекъ, да все безъ успѣха. И были женихи, да то рангомъ не подходитъ, то денегъ проситъ, а гдѣ ихъ напасешься на такую араву! Вотъ и сидятъ дочки въ дѣвкахъ, а старшая ужь того и гляди изъ невѣстъ выйдетъ. И то еще благо, что счастливо до сихъ поръ сохранились отъ искушеній молодости. Старшая разъ и заводила было куры-муры съ какимъ-то ловеласомъ, кажется, съ инвалиднымъ начальникомъ, маленькимъ офицерикомъ съ пышными усами, да хорошо, что отецъ и мать узнали, благодаря сестрицамъ, которыя постарались подкараулить и донести. Отецъ задалъ ей за это страшную пыль и поклялся всѣми богами, что онъ ее, негодницу, въ деревню сошлетъ свиней пасти, если еще что нибудь узнаетъ.

Наконецъ представился удобный случай пристроить охотницу до романическихъ приключеній. Чахоточный секретарь уѣзднаго суда былъ при смерти, и мѣсто послѣ него оставалось свободнымъ. Судья своей протекціей въ губерніи могъ доставить это мѣсто, кому хотѣлъ. И вотъ, на семейный совѣтъ было внесено предложеніе, авторомъ котораго была, разумѣется, Платонида Савишна, а не ея волообразный супругъ, который въ цѣлую жизнь ничего придумать не могъ. Предложеніе заключалось въ слѣдующемъ:

«Глашеньку, во что бы то ни стало, надо пристроить: опасно въ дѣвкахъ оставлять, того и жди, не усмотришь. Отдать ее за Ивана Лихова, а въ приданое ей дать секретарскую должность для мужа». Супругъ согласился вполнѣ съ умными планами своей благовѣрной и предоставилъ ей дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Та съ усердіемъ и горячностью принялась за дѣло, подстрекаемая, кромѣ желанія сбыть съ рукъ дочь, заманчивой перспективой. Вѣдь для бучиловцевъ всякій выдающійся изъ ежедневной, будничной жизни день за великій праздникъ би-

ваетъ, а тутъ свадьба, да и въ своемъ домѣ, гдѣ она главнымъ лицомъ будетъ.

У Лиховыхъ въ это время квартира на верху была не занята, и вотъ Платонида Савишна на другой же день поутру посылаетъ дѣвку Аришку спросить, можно ли, дескать, посмотрѣть квартиру. Марья Ильинична удивилась; она не слыхала, что судья квартиру мѣнять хочетъ, что было очень странно въ Бучиловѣ, гдѣ такая вещь, какъ перемѣна квартиры, обыкновенно возбуждаетъ большой шумъ и толки и причисляется, нѣкоторымъ образомъ, къ эпохамъ для всего города. Спорятъ, напримѣръ, два бучиловца о томъ, давно ли Иванъ Лаврентьичъ женился. Одинъ утверждаетъ, что пятый годъ, а другой, что четвертый. «Право слово, четвертый, Дормидонъ Карпычъ.»—Экъ вы спорить здоровы, Ѳока Игнатьичъ! я говорю, что пятый, право слово! не помните развѣ, еще судья въ тотъ годъ на квартиру переѣхалъ? И собесѣдникъ вполнѣ удовлетворенъ доказательствомъ.

Марья Ильинична сказала, что квартиру посмотрѣть можно, пріодѣлась и стала поджидать. Черезъ полчаса судейша пришла. Хозяйка встрѣтила ее на дворѣ и повела показывать комнаты. Говорили онѣ мало, да и то больше о квартирѣ. Платонида Савишна старалась нѣсколько разъ заводить постороннiй разговоръ, но встрѣчала постоянно одни отрывочные, хотя и почтительные отвѣты. По окончаніи осмотра, Марья Ильинична пригласила судейшу на чашку кофе, та приняла приглашеніе и, уходя, чрезвычайно любезно просила ее быть знакомой и даже взяла слово непремѣнно придти. Квартира оказалось неудобной по семейству Платониды Савишны, съ чѣмъ вполнѣ согласилась и хозяйка.

Дня черезъ три послѣ дипломатическаго посѣщенія геніяльной Платониды Савишны, въ первое воскресенье, Марья Ильинична собралась сходить къ судейшѣ. Правда, всѣ знакомства она давно оставила и теперь шла чрезвычайно неохотно, но не идти не рѣшилась болѣе всего потому, что какъ бы судейша, начальница сама, не повредила ему чѣмъ нибудь по службѣ за непочтительность матери. Она надѣла приданое шелковое кофейное платье, съ вишневыми лентами чепецъ, на плечи накинула приданую же голубую турецкую шаль и отправилась. Судейша приняла ее чрезвычайно любезно, усадила на диванъ и заставила Глашеньку подавать кофе. Между прочими разговорами, когда Глаша вышла, судейша вымолвила:

— Вотъ у меня Глашеньна хозяйка какая, все сама, все сама!

И въ кухнѣ посмотритъ, и за младшими дѣтьми, а ужь почтительная какая къ старшимъ, такъ рѣдко и встрѣтишь такую! И женихи были, да отказывали, не подходящіе. Жаль отдать за кого попало. Нельзя, правда, намъ и князя какого ждать, много вѣдь ихъ у меня, а нашелся бы человѣкъ хорошій, умный да непьющій, съ радостью отдала бы.

Тутъ разговоръ перешелъ къ предметамъ обыкновеннымъ. Немного погодя, судейша снова заговорила:

— Вотъ васъ Богъ не обидѣлъ сынкомъ. Умница, говорятъ, и дѣловой. Впередъ пойдетъ... Анкиндинъ-то Дмитричъ (секретарь), говорятъ, ужь больно плохъ.

Распрощались наконецъ.

«Куда это она мѣтитъ»? думала Марья Ильинична, идя отъ судейши. «То свою дочку похвалитъ, то моего Ваню. Ужь не думаетъ ли?... А чтожь, хорошо бы..... И объ секретарствѣ намекнула.... Гм!... Объ этомъ стоитъ подумать.»

Платонида Савишна дѣйствовала настойчиво и рѣшительно. Черезъ нѣсколько дней пришлись именины Марьи Ильиничны. Она послала поздравить ее. Та позвала на чашку кофе. Судейша пришла. Ваня былъ дома, и гостей, кромѣ нея, никого не было. Послѣ разныхъ оханьевъ и воздыханій о томъ, какъ масло дорого, да какъ молока трудно достать, судейша свела разговоръ на Ваню.

— Я много наслышалась о васъ, говорила она, обращаясь къ Ванѣ:—ужь подлинно, такого чиновника нынче трудно найти. И маменькѣ пріятно такого сына имѣть. Отъ такого сынка хоть кто бы не отказался. Кабы я была на мѣстѣ Филиппа Семеныча, непремѣнно секретаремъ бы васъ сдѣлала. Вѣдь у него, знаете, рука въ губерніи, написать только. Умри только Анкиндинъ Дмитричъ, десять прошеньевъ, я думаю, подадутъ.

Ушла судейша. Марья Ильинична крѣпко призадумалась. Партія славная. Денегъ, положимъ, не дадутъ, да вѣдь секретарство тѣ же деньги. И жалованье, да и доходишка все-таки. Жить можно, особенно если судья тесть. Судейская дочь—это не чета какой нибудь подлекаркѣ. И Марья Ильинична самодовольно улыбнулась, припомнивъ свое прошлое. Какъ только дѣло повести? Думала, думала Марья Ильинична, да и придумала: прежде чѣмъ приступить къ формальному сватовству, еще положительнѣе удостовѣриться въ готовности судейши отдать дочь за Ваню. Спросить мнѣнія Вани ей и въ голову не приходило.

Она рѣшила, этого довольно. Во первыхъ, она не привыкла ни въ чемъ спрашивать его мнѣнія, жила всегда своимъ умомъ; во вторыхъ, она видѣла тутъ такую блестящую партію, что Ванѣ оставалось только радоваться своему счастію да мать благодарить. Черезъ нѣсколько дней отправилась она къ судейшѣ. Та встрѣтила ее съ распростертыми объятіями.

«Добрый знакъ», подумала Марья Ильинична.

Не медля долго, послѣ нѣсколькихъ словъ общихъ разсужденій о томъ, о семъ, Марья Ильинична приступила къ дѣлу:

— Охъ дѣти, сокрушенье наше! И выростишь, и выучишь, и къ мѣсту пристроишь, чего бы, кажется, больше, — такъ нѣтъ! Въ лѣта войдетъ, опять забота. Нельзя такъ оставить, избалуется, пожалуй, да и себя погубить не долго. Есть, вѣдь, такія — завлекутъ да закружатъ голову. Другое дѣло человѣку богатому, ему вездѣ двери настежъ, выбирай, кого хочешь, а вотъ бѣдняку-то такъ и плохо. Какую нибудь взять не хочется; вѣдь и насъ только судьба сгубила, а то и у меня вѣдь мужъ лекаремъ былъ, а отецъ судьей тоже уѣзднымъ, такъ съ кѣмъ-то попало породниться тоже зазорно. А изъ хорошихъ-то кто пойдетъ опять? Что-что лекарскій сынокъ да судьи внукъ, а все-таки голь, писецъ, больше ничего.

— Полноте Бога-то гнѣвить, Марья Ильинична. Вашъ сынокъ не другимъ чета. За него всегда съ радостью отдать можно. Что-что писецъ, — выслужится! Человѣкъ дѣловой.

На этомъ пока и покончили. Обѣ стороны были крайне довольны, дѣло клонилось къ обоюдному удовольствію. Платонида Савишна сообщила супругу, что дѣло на ладъ идетъ, на что тотъ отвѣтилъ:

— Ладно это, хорошо. Только ты за Глашкой смотри въ оба, не сварила бы опять каши.

— Ужь объ этомъ не безпокойся, отвѣчала попечительная мать.

На другой же день Марья Ильинична рѣшила сообщить Ванѣ объ ожидающемъ его счастіи.

— Мало вы почитаете да уважаете матерей-то. Чай, думаешь, эко житье было бы мнѣ безъ матери, кабы, молъ, умерла. Посмотрѣла бы я, чтобы ты безъ матери-то былъ. На дѣвкѣ бы на подлекаршиной женился (Ваня весь вспыхнулъ при этихъ словахъ)— эко счастье! Сгнилъ бы писцомъ и семью-то кормить

нечѣмъ бы было. А вотъ мать-то... не твоего ума, правда бы, и дѣло, да ужь все-же материно сердце...

Ваня поблѣднѣлъ, чуя что-то недоброе.

— То-то! чай, въ голову не придетъ! Невѣсту тебѣ нашла, да и какую еще!—судейскую Глафиру. Хоть сейчасъ сватайся — отдадутъ. Не даромъ мои хлопоты были. Да еще и секретаремъ будешь, у судьи рука есть въ губерніи, только представить.

И мать посмотрѣла на сына торжествующимъ взглядомъ.

— Да какъ же это, маменька...

— Что еще, какъ же?

— Да я ихъ не знаю почти...

— Да я знаю. Нà смѣхъ, что-ли, я говорю? Дѣвушка хорошая, хозяйка, почтительная. Да что съ тобой толковать! Много ты смыслишь!..

— Да мнѣ... онѣ... не нравятся...

— Не нравятся!.. Вотъ еще что выдумалъ! Еще разбирать смѣлъ... Не подлекаршиной дѣвкѣ чета.

— Нѣтъ, маменька, избавьте, я на ней рѣшительно не женюсь.

— Какъ! Ты не женишься! Ахъ ты, негодяй ты этакой! Каковъ сынъ!.. Да ты мнѣ въ ноги поклониться долженъ, а онъ... Господи, Боже мой, за что наказываешь меня!.. Прочь, негодяй, съ глазъ долой!.. Прочь!.. воинъ, говорятъ, покуда не прокляла!

Она была страшна въ эту минуту. Глаза сверкали, зубы стиснулись, ноздри раздувались. Казалось, она готова была сейчасъ кинуться на сына и стереть его съ лица земли.

Ваня поспѣшилъ убраться.

И она была права съ своей точки зрѣнія. Она вообще не терпѣла противорѣчій, привыкла управляться самовластно, и какую же кровную обиду потерпѣла теперь! Она гордилась, радовалась счастливому случаю, возстановлявшему честь ея рода, возвращавшему отчасти послѣ долгихъ годовъ тяжкихъ униженій и испытаній ея прошлое, и встрѣтить отпоръ, препятствіе — и въ комъ же! Въ сынѣ, въ единственномъ Ванѣ, которато будущность она хотѣла устроить и обезпечить. Къ тому же она только что формальнаго предложенія не сдѣлала и очень ясными намёками предупреждала о сватовствѣ, и вдругъ... какой стыдъ, какой стыдъ — отказаться! Да послѣ этого и въ церковь показаться нельзя!

Ваня убѣжалъ въ огородъ. Онъ тоже переживалъ горькія ми-

путы. Глашенька ему рѣшительно не нравилась. Подслѣповатая, полоротая, неуклюжая,—какой контрастъ представляла она съ розовой, цвѣтущей, быстроглазой Аннушкой! И ему живо припомнилось то время, когда они тутъ, у забора, встрѣчались, говорили—не наговаривались, смотрѣли другъ на друга — не насматривались!

Вспомнилось горячее свиданіе послѣ объясненій съ матерью, объятія, жаркіе поцалуи. Все ярко встало передъ его глазами. И потомъ Глашенька... Его холодомъ обдало, сердце повернулось въ груди.

— Ни за что!

И онъ весь погрузился въ прошлое. Часъ за часомъ переживалъ онъ счастливое время любви. Каждый взглядъ, каждое слово Аннушки припоминалъ. Онъ снова любилъ её.

Начавшійся дождикъ заставилъ его круто повернуться изъ области фантазіи къ дѣйствительности. Онъ всталъ, чтобы идти домой, и остановился. Какъ идти?.. А мать-то! Онъ зналъ, что у нея слово — законъ. Чтожь дѣлать? Согласиться? — Нѣтъ, ни за что! А не согласиться, такъ мать изъ дому выгонитъ, на глаза не пуститъ. Ни на томъ, ни на другомъ рѣшеніи онъ не могъ остановиться, оба были очень тяжелы. Онъ выбралъ среднее. Средство, правда, очень не надежное, за которое и братья не стеклю, но утопающій и за соломенку хватается. Онъ вошелъ въ комнату. Мать сидитъ у окна, спиной къ нему, и не повернулась на скрипъ двери.

Онъ упалъ къ ней въ ноги.

— Маменька, не погубите! Всякаго слова, всякаго взгляда буду слушаться, въ огонь пойду, если велите, только не женитесь на судейской!

Мать толкнула его ногой и сказала страшно—спокойнымъ голосомъ:

— Тебѣ кто позволилъ сюда взойти? Вонъ!.. Чтобъ духу твоего здѣсь не было!..

Онъ всталъ, блѣдный, какъ полотно. Голова у него кружилась, духъ захватывало отъ волненія.

— Что, видно, безъ полиціи не обойдется?..

— Ну, Богъ же съ вами, когда такъ... Вы меня погубить хотите...

— Погубить!.. Ахъ ты, дьяволъское отродье!.. Такъ будь же ты...

— Маменька, вскричалъ Ваня:—маменька, остановитесь! Простите, виноватъ!.. Онъ схватилъ мать за руку и хотѣлъ поцаловать ее.

— Прочь, змѣеныш! Вскричала она, отдергивая руку. — Проклятый!

— Маменька, я согласенъ, я женюсь...

IX.

Прошло два года. У Ивана Иваныча и Глафиры Филипповны Лиховыхъ уже было двое дѣтей. Онъ былъ давно секретаремъ уѣзднаго суда. Глафира Филипповна болтливостью была настоящая мать, но умомъ вышла въ папеньку. Марья Ильинична скоро съумѣла вполнѣ подчинить ее себѣ. Это была какая-то машина, которая пила, ѣла, спала, родила, кормила да трещала безумолчно, когда не спала. У нея и зародыша мысли въ головѣ не было, и она самыхъ пустяковъ сообразить не могла, даже хозяйства вести никакимъ образомъ не умѣла. Ваня очень перемѣнился. Онъ вполнѣ покорился своей участи. Лицо утратило у него свѣжесть, какъ-то пожелтѣло, глаза потеряли блескъ. Онъ отпустилъ бакенбарды, пилъ по рюмкѣ водки передъ обѣдомъ, а по вечерамъ частенько игралъ съ пріятелями по маленькой. Послѣ свадьбы, онъ, по настоянію матери и тещи, познакомился со всѣми великими міра сего, но поддерживалось это знакомство только хожденіями на именинные пироги да визитомъ въ рождество и въ пасху. И къ нему великіе міра сего собирались только въ именины на пирогъ. У него и средствъ было мало, да и не по рангу секретарю лѣзть въ ровню съ начальствомъ. За то у него былъ свой кружокъ—человѣка три, четыре пріятелей изъ своей братіи. Это былъ дрянь-народъ, выжимки, послѣдній и самый гнилой слой чиновничества, и душа Вани къ нимъ не лежала, но все-таки онъ съ ними сблизился. Чтожь дѣлать?... Дома скука страшнѣйшая, съ дурой-женой слова сказать не о чемъ, да хоть бы ужь молчала, а то вѣдь покою не дастъ, тараторитъ безъ умолку отъ утра до вечера. Въ судѣ же вѣчно торчать стало совершенно незачѣмъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался секретаремъ, ну вотъ и втянулся мало по малу въ грошовыя волненія преферанса по маленькой. Хоть вечеръ убьешь, все же время за картами скорѣе и лучше пройдетъ, чѣмъ въ бесѣдахъ съ женой. Привыкнувъ къ про-

сферѣ, онъ долго не могъ привыкнуть къ обществу своихъ партнеровъ. Ихъ грубыя, цинническія выходки ничѣмъ не сдерживались, потому что не въ обычаѣ бучиловцевъ было, чтобы хозяйки показывались гостямъ. Ихъ мелкія плутовства въ картахъ волновали и возмущали его душу, которая все еще съ честью держалась чистой среди окружавшей грязи. Какое-то темное, инстинктивное сознаніе правды и чести удерживало его отъ взяточничества, не смотря на совершенное отсутствіе поддержки и на ежечасные примѣры. Отъ лишней рюмки удерживало его отвращеніе къ грязному и скотскому пьянству его сослуживцевъ.

Ваня привыкъ къ скудости и бѣдности, но вотъ и дѣти пошли, расходы увеличились, при томъ же съ каждымъ годомъ возрастала на все дороговизна, такъ что жалованья положительно не доставало. Хорошо, что еще хозяйство вела Марья Ильинична, а съ Глашиной головой давно бы бѣда была. Но не смотря на все искусство и расчетливость хозяйки, приходилось иногда очень плохо, — къ концу мѣсяца они оставались безъ копѣйки. Въ особенности худо приходилось на большіе праздники,—пасху и рождество, — хоть по людямъ бѣгай да проси. Мать часто нападала на Ваню:

— Ну, что ты за человѣкъ, что ты за отецъ, съ голоду уморить что ли ребятъ-то хочешь? Что за страмъ! секретарь, а кромѣ жалованья копѣйки не принашивалъ! Остается только одного ребенка мнѣ взять, другаго Глашѣ, да и идти по-подъ окнамъ, чужіе не сжалятся ли, коли родной отецъ бросилъ.

— Да гдѣ же мнѣ взять, маменька?

— Гдѣ взять? Эхъ, уродилъ тебя Господь на смѣхъ людямъ, на горе семьѣ! Напрасно; ты поди еще вотъ Анисьѣ поклонись: научи, молъ, Анисьюшка, меня, дурака, какъ дѣтей съ голоду не уморить! Секретарь! Не твоего, видно, ума должность-то, напрасно ее тебѣ и предоставили, служилъ бы писцомъ цѣлый вѣкъ!

— Взятки-то, маменька, и закономъ запрещены, да и рука не поднимается...

— А семью морить не запрещено, а по міру пустить ребятъ рука поднимается! Ахъ ты, философъ ты этакой, прости Господи! Откуда ты бредни эти вынесъ, какой опять тамъ антихристъ тебя подучаетъ? Наплюну я, брошу все ваше хозяйство, какъ хотите, такъ и живите! Надоѣло ужь мнѣ, не приведи Богъ, жаться съ гроша на копѣйку! Провалитесь вы совсѣмъ!..

Съ другой стороны, Глашенька жаловалась матери, что мужъ ей во всемъ отказываетъ, что ей въ церковь показаться не въ чемъ, что онъ ее, какъ нищую, держитъ. Платонида Савишна была поражена безстыдствомъ зятя и пренебреженіемъ имъ семейныхъ обязанностей. Какъ! Ему предоставили мѣсто секретаря, а онъ не можетъ прилично содержать семью! Платонида Савишна допытывалась у дочери, не знаетъ ли она, куда мужъ дѣваетъ деньги, не проигрываетъ ли съ пріятелями, но дочь ничего не слыхала и не знала, и только плакала да жаловалась, что, не смотря на ея просьбы, мужъ не хотѣлъ ей платье къ празднику купить, что у Развалихиной, земскаго суда секретарши, шляпка новая выписана изъ В., а она должна страмиться передъ ней въ старой, что мужъ ни за что не хочетъ выписать, а что самъ-то себѣ, небось, мундиръ сшилъ и шпагу купилъ, сколько денегъ ухлопалъ. Мать замѣтила, что нельзя же ему безъ мундира, къ начальству надо являться, на что дочка отвѣчала, что и ей не страмиться же передъ Развалихиной, что она и рангомъ выше и судьи дочь, а у той отецъ приказный. Вознегодовала Платонида Савишна и въ тотъ же день отправилась къ зятю.

— Бога ты не боишься, Иванъ Иванычъ, по міру что ли семью-то пустить хочешь? Смотри, женѣ платьишка не сошьешь, чуть не оборванная ходитъ!

— Вольно ей. У ней есть, что носить.

— Да какъ же ты новенькаго платьица не убѣдишь, хуже всякой приказной держишь? И шляпка-то еще приданая...

— Гдѣ мнѣ взять-то? Я ужь и себѣ два года сюртука не шивалъ. Вѣдикъ ли жалованье-то?

— Тодкуй больной съ подлекаремъ! Что ты мнѣ Лазаря-то поешь! Другой говори, а не мнѣ. Филиппъ Степанычъ секретаремъ 12 лѣтъ служилъ, знаемъ мы! Нѣтъ, ты, просто, нарочно жену страмишь, не люба ужь, видно, стала. Зачѣмъ бралъ? Навязывали тебѣ что ли? Человѣку еще благодѣяніе сдѣлали, должность дали, а онъ вотъ чѣмъ платитъ! Куда ты деньги-то дѣваешь? Ужь не завелъ ли какую нибудъ? Смотри, отъ меня не укроешься!...

Чаще и чаще возобновлялись подобныя нападки, наконецъ, и совсѣмъ житья не стало. И мать, и жена, на каждомъ шагу, бранили, язвили, попрекали его. Взять верхъ надъ ними, заставить ихъ замолчать онъ не могъ: можно ли вести войну противъ такихъ женщинъ, да и противъ матери онъ слова сказать не смѣлъ,

такую она власть надъ нимъ имѣла. Жизнь его сдѣлалась невыносимой и онъ всегда старался бѣжать изъ дома, когда можно. Началъ онъ даже временемъ и лишнюю рюмку пропускать, хотя еще дѣло не доходило до пьянства.

Почти черезъ три года послѣ женитьбы, въ концѣ октября, получилъ Ваня чинъ. Изъ жалованья пошелъ вычетъ, и нужда усилилась еще больше. Въ декабрѣ, передъ рождествомъ, такъ пришлось, что хоть волкомъ вой. Въ это время необходимо сдѣлать кое-какія закупки, если не рисковать платить послѣ втрое, или вовсе не достать необходимыхъ въ хозяйствѣ предметовъ. А денегъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Жалованье за декабрь уже взято и истрачено, впереди цѣлый январь, хоть голодомъ умри.

Разъ, утромъ, въ 20-хъ числахъ декабря, собрался Ваня въ судъ. Вдругъ дверь отворяется и входитъ рыжебородый, небольшаго роста мужикъ. Онъ всталъ у дверей, помолился иконамъ и поклонился низко. — Что тебѣ надо?

— А ваша милость не Иванъ ли Иванычъ, секретарь, будете?

— Я самъ. Что надо?

— Къ вашей милости, батюшка, твое благородіе, сказалъ мужикъ, низко кланяясь. — О клинихинской-то пустоши... не оставь, батюшка!

— О какой пустоши?

— Да о клинихинской, что у меня Савинъ Егоръ оттягиваетъ. Будь отецъ родной, не раззори!

И мужикъ въ ноги.

— Полно, не кланяйся. Да ты толкомъ скажи, какъ тебя зовутъ?

— Ѳома Силантьевъ Мочулинъ, Мочулинъ Ѳома, батюшка, Егоръ то Савинъ совсѣмъ неправильно ищетъ. Вишь ты пустошь-то...

— Знаю, знаю, перебилъ Ваня. Онъ только на канунѣ писалъ докладъ по этому дѣлу. Мочулинъ былъ, дѣйствительно, вполнѣ правъ, а его противникъ просто сутяга, міроѣдъ.

— Батюшка, твое благородіе, заставь вѣчно Бога молить!

И мужикъ опять въ ноги.

— Да полно тебѣ кланяться, кланяться нечего.

— Не обезсудь, милостивецъ. И мужикъ вытащилъ изъ-за пазухи надѣтый на шею на ремнѣ кожаный бумажникъ, вынулъ оттуда красненькую и протянулъ руку съ ней къ Ванѣ.

У Вани кровь взволновалась. Хотя бы и пора ему было при-

выкнуть къ подобнымъ сценамъ, но онѣ все еще какъ-то возмущали его. Онъ хотѣлъ было оттолкнуть руку, но въ это время послышался шорохъ. Онъ стоялъ среди залы, противъ полуотворенной двери въ сосѣднюю комнату, и невольно обратилъ глаза въ ту сторону. За дверью стояла мать и слушала. Ему мгновенно пришли въ голову вся нужда и крайность, упреки и сцены—и онъ протянулъ руку.....

Въ заключеніе остается сказать, что, нѣсколько лѣтъ спустя, Иванъ Иванычъ Лиховъ былъ уже Бучиловскимъ уѣзднымъ судьей. Онъ былъ всѣми любимъ за доброту, да и дѣло зналъ хорошо. Одинъ только порокъ и былъ за нимъ—запивалъ сильно, рѣдкій день трезвый былъ. Вину всю сваливали на его безтолковую, безалаберную жену, которая, по Бучиловскому выраженію, тремъ собакамъ щей разлить не умѣла. Она любила ходить въ гости и франтила на пропалую, а дома всегда была грязная, оборванная, неряха неряхой. Дѣти были первые шалуны по всему городу и бродили по улицамъ безъ всякаго призрѣнія, запачканныя и оборванныя. Все хозяйство по смерти Марьи Ильиничны было въ страшномъ безпорядкѣ. Иванъ Иванычъ бѣжалъ отъ семьи, какъ отъ чумы, и по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома.

III.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОЕГО СОСЛАННАГО ПРІЯТЕЛЯ.

1850 ГОДЪ.

---

25 января, около полуночи, мы подъѣзжали къ послѣдней станціи передъ Томскомъ.

Холодъ градусовъ въ 25 или больше продолжался, но онъ казался намъ милостивымъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы испытали, подъѣзжая къ Тобольску. Впрочемъ, вообще пресловутые сибирскіе морозы несравненно сноснѣе нашихъ петербургскихъ холодовъ, потому что совершенно сухи, между тѣмъ какъ послѣдніе сопровождаются туманами.

Тобольское начальство распорядилось дать намъ очень хорошихъ жандармовъ. Сопровождавшій Л * былъ ефрейторъ, между тѣмъ какъ мнѣ данъ былъ простой рядовой. Наши стражи, общимъ совѣтомъ, въ которомъ выслушали и наше мнѣніе, рѣшили, что, на послѣдней станціи передъ Томскомъ, снабженной всѣмъ необходимымъ для ночлега, мы останемся до утра, потому что, молъ, ночью или утромъ рано неудобно въѣзжать въ городъ, въ которомъ приходилось сдавать начальству одного изъ арестантовъ, а именно, меня.

На станціи отвели намъ особую комнату, чистую, просторную, послѣ продолжительной безустанной ѣзды показавшуюся намъ чуть не комфортабельною; подали намъ самоваръ, яичницу и страшно соленую ветчину. Мы оба были молоды, не слишкомъ помяты жизнью... Утоленный аппетитъ, теплота комнаты, въ соединеніи съ мыслью, что намъ предстоитъ провести на этой станціи нѣсколько часовъ

какой-то полусвободы, все это почти заставило насъ забыть, что мы—арестанты, что на насъ тяжелыя кандалы, что люди сопровождающіе насъ, какъ ни благосклонно смотрятъ на насъ, пока мы ведемъ себя по всѣмъ правиламъ арестантскаго благочинія, при первой попыткѣ съ нашей стороны бѣжать или выйти изъ повиновенія, готовы, по долгу службы, убить насъ. Мы разговорились и даже разшутились. Л * предложилъ, для расправленія онѣмѣвшихъ членовъ, протанцовать польку. Осуществить его мысль въ кандалахъ было не совсѣмъ удобно, однако мы пустились, подпѣвая въ два голоса, между тѣмъ какъ бряцанье кандаловъ акомпанировало намъ довольно складно, а главное, оригинально. Позже, черезъ мѣсяцъ, подобное удовольствіе показалось бы мнѣ неумѣстнымъ въ томъ серьезномъ настроеніи духа, въ которое погрузила меня привычка къ новому положенію и заводская обстановка. Но тутъ, порывъ нашъ объясняется чувствомъ, исполнявшимъ насъ и имѣвшимъ много общаго съ чувствомъ свободы.

— Свобода!... Хороша свобода — въ кандалахъ! воскликнутъ тѣ, которые никогда не испытывали перехода изъ тѣснаго изолированнаго заключенія въ какое бы ни было человѣческое общество, хоть бы оно было обществомъ жандармовъ и каторжниковъ, хоть бы заключеніе замѣнилось кандалами. Все въ мірѣ относительно, и чувство свободы относительнѣе многихъ другихъ вещей. То, что сегодня является намъ со всѣми аттрибутами свободы, дѣтямъ, а тѣмъ болѣе, внукамъ нашимъ будетъ являться тяжелымъ рабствомъ, нестерпимымъ игомъ. Въ этомъ сказывается безконечная эластичность человѣческой природы, и въ этомъ же заключается вѣчное побужденіе къ прогрессу. Безусловная свобода возможна только въ духѣ, въ мысли; въ дѣйствительности человѣку доступно одно приближеніе къ ней.

Такъ какъ я одинъ подъѣзжалъ къ мѣсту своей ссылки, Л * же предстоялъ еще далекій путь отъ Томска до Иркутска и оттуда до завода, то мнѣ и хотѣлось приготовиться къ тому, что меня ближайшимъ образомъ ожидало: заставятъ же меня еще разъ подвергнуться тѣмъ тяжелымъ формальностямъ обыска, которымъ подвергали въ Тобольскѣ. Когда на вопросъ объ этомъ жандармъ окончательно разубѣдилъ меня, тогда только я рѣшился удержаться, сохранились ли ассигнаціи, такъ искусно зашитыя въ мой тулупъ услужливою старостихою тобольскихъ арестантокъ.

— Что, вы, кажно большой мастеръ обыскивать?.. сказалъ я, обращаясь къ старшему изъ жандармовъ.

— На томъ стоимъ-съ!.. отвѣчалъ онъ съ самодовольною усмѣшкою.

— Ну, вотъ, продолжалъ я: — въ этомъ тулупѣ у меня зашиты 39 руб. бумажками... Отыщите, если можете.

— Отчего не отыскать-съ? сказалъ жандармъ:—на томъ стоимъ-съ! Только въ самомъ ли дѣлѣ деньги зашиты въ тулупѣ?

— Что они зашиты, въ этомъ ручаюсь... Но они могли потеряться дорогою.

— А кто зашивалъ-съ, смѣю спросить?..

— Зашивала тобольская старостиха арестантокъ.

— Ну, коли она зашила, такъ деньги сохранны.

— Почему?

— Да ужь эти бабищи всякo тако дѣло до тонкости знаютъ... На то всю службу арестантскую происходятъ. Вѣдь въ старостихи ее даромъ не выберутъ. Видно, ужь ухорь баба. Говоря эти слова, жандармъ быстро обшаривалъ мой тулупъ, перебирая всѣ швы и комкая каждую овчинку особо. Операція эта длилась всего около 5 минутъ; наконецъ, онъ воскликнулъ:

— Денегъ чутотка нѣту! Голову даю на отсѣченіе, что нѣту. Какъ вамъ угодно!

Какъ теперь соображаю, добрый человѣкъ этотъ, можетъ быть, и притворялся, понимая, что одѣлаетъ мнѣ такимъ признаніемъ нѣкоторое удовольствіе, между тѣмъ какъ я, зная мѣсто, въ которое старостиха зашила ассигнаціи, тотчасъ нашелъ ихъ. Моего подобныхъ чертъ рѣдкой деликатности чувства случалось мнѣ позже подмѣчать въ нашемъ простонародьи подъ грубою, невѣжественною, иногда даже жестокою и непривѣтливою внѣшностью. Но тогда я еще только начиналъ свою Vita nuova, съ народомъ былъ знакомъ лишь на сосланномъ разстояніи, и потому, не допуская малѣйшей тѣни сомнѣнія, что жандармъ серьезно не нашелъ денегъ, отъ души радовался этому нечаянному обстоятельству.

Смѣясь показывалъ я мелко сложенныя бумажки своимъ стражамъ, которые притворно или откровенно дивились «бисовой бабѣ, перехитрившей царскаго жандарма».

Спутникъ мой, *Л* *, не одаренный моимъ желѣзнымъ сложеніемъ и имѣвшій меньше поводовъ къ безпокойству (какъ я уже замѣтилъ, мѣсто его ссылки было еще за 2000 верстъ), давно уже крѣпко спалъ, тогда какъ я все еще ворочался на постели, нетерпѣливо ожидая сна. Бессонница дала мнѣ возможность убѣдиться, до какой степени стражи наши озабочены были нашею сохранностью. Они спали только попеременно и, когда я сталъ засыпать, оба бодрствовали, но ни слова не говорили между собою, вѣроятно, изъ опасенія помѣшать нашему сну. Чужая душа—потемки, а для насъ душа простолюдина—совершенный

мракъ. Мнѣ не удалось поспать и получаса, какъ уже старшій жандармъ разбудилъ насъ, говоря, что пора отправляться въ путь.

— Седьмой часъ, говорилъ онъ, съ гордостью посматривая на золотую луковицу, которую держалъ въ рукѣ: — пока уберемся, чаю напьемся, лошадей запрягутъ да что̀... будетъ семь, восьмой. Значитъ, въ Томскъ прибудемъ около половины десятаго. Объ эту пору губернаторъ ужь встамши, и городничій вѣрно у него, съ лепортомъ... А тамъ еще, пока бумаги мнѣ выправятъ, да и вы-то, господа, проститесь промежъ собой. Оно и будетъ около вечера. Тогда пора ужь намъ съ ними будетъ дальше отправляться... Вотъ оно что! А то бы, по мнѣ спите себѣ, хоть до вечера! Ну! Нельзя-съ! Служба—не дружба, не бабья ласка!... Не такъ живи, какъ хочется, а какъ начальство велитъ... Да!...

Мы одѣлись, напились чаю и помчались. Небо было чисто, утренній морозъ довольно рѣзокъ; лошади бѣжали весело, дружно. Ямщики по очереди пѣли. Знаете, что мнѣ впослѣдствіи часто приходило въ голову. Будучи еще чиновникомъ, я часто ѣзжалъ по Россіи, но рѣдко ямщики, безъ особыхъ поощреній, пускались пѣть для сокращенія пути. Тутъ же, когда мы ѣхали въ ссылку, всю дорогу, только пускаемся со станціи, ямщики, какъ будто сговорились, запѣваютъ, то одинъ, то другой. Не знаю, можетъ быть, это и самообольщеніе, но почему же не приписать этого усердія ямщиковъ желанію ихъ заставить насъ, хоть на минуту, забыться въ слушаніи безконечной, безпечно-грустной ямщичьей пѣсни. Но всему есть конецъ, и конецъ томской станціи наступилъ для насъ прежде, нежели мы успѣли порядкомъ прозябнуть. Быстро промчались мы по улицамъ чистаго, съ перваго взгляда даже хорошенькаго городка, и остановились у стараго двухъ-этажнаго деревяннаго дома, у подъѣзда котораго были будки и стоялъ линейнаго батальона часовой. Почти въ одно время съ нами, у подъѣзда остановилась пара рысаковъ, и изъ щегольскихъ санокъ выскочилъ мужчина лѣтъ тридцати въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и въ гражданской каскѣ. Старшій жандармъ подошелъ къ подъѣзду въ одно время съ нимъ: они обмѣнялись нѣсколькими словами, и жандармъ возвратился къ моей повозкѣ.

— Пожалуйте къ губернатору! сказалъ онъ и сталъ помогать мнѣ вылѣзть изъ саней, что, по причинѣ кандаловъ и двухъ шубъ, было не совсѣмъ легко сдѣлать. Не зная, что дальше ожидаетъ меня, и увижусь ли еще съ Л*, я подошелъ къ повозкѣ, въ которой онъ сидѣлъ, и обнялъ его.

— Здѣсь, вѣрно, губернаторъ живетъ, сказалъ Л*: попросите у него позволенія отобѣдать намъ съ вами вмѣстѣ. Вѣдь это

ему ничего не стоитъ... а мы все-таки еще наговорились бы на прощанье...

— Пожалуйте! произнесъ за моей спиной голосъ стариаго жандарма: — губернаторъ дожидается; да еще, пожалуй, какъ бы не выглянулъ бы въ окно... А вамъ-то говорить промежъ собою заказано начальствомъ... Да и тутъ, вишь, нехорошо: ротозѣи собираются... Еще разъ пожавъ руку Л*, я пошелъ, побрякивая кандалами, за жандармомъ, между тѣмъ, какъ товарищъ его остался при Л*.

Губернаторскій камердинеръ уже ждалъ насъ и, только что мы вошли въ переднюю, отправился доложить. Въ дверяхъ показался маленькій пожилой мужчинка, рыжій, невзрачный, въ золотыхъ очкахъ, въ горномъ сюртукѣ безъ эполетъ. Онъ какъ-то бокомъ, будто нехотя, взглянулъ на меня и сказалъ довольно мягкимъ голосомъ, пробѣгая поданную ему жандармомъ бумагу:—вы послѣдуете за г-номъ полиціймейстеромъ, куда онъ васъ повезетъ!...

— Не позволите ли мнѣ, генералъ, сказалъ я нерѣшительно: — пробыть сегодняшній день съ моимъ товарищемъ, Л*, который отправится дальше подъ вечеръ.

— Съ этимъ также извольте обратиться къ г. полиціймейстеру, отвѣчалъ старичокъ:—я тутъ ничего не значу... Захочетъ г. полиціймейстеръ, позволитъ... Это его дѣло...

Онъ кивнулъ головою и скрылся, а на его мѣстѣ въ дверяхъ появился тотъ же 30-лѣтній здоровякъ, который встрѣтилъ насъ у губернаторскаго подъѣзда. Камердинеръ подалъ ему шинель, онъ надѣлъ каску и вышелъ, мы съ жандармомъ послѣдовали за нимъ.

— За мной! сказалъ полиціймейстеръ жандарамъ, усаживаясь въ сани. Меня опять посадили въ повозку, и мы отправились, едва поспѣвая слѣдомъ за полиціймейстерскими рысаками. Проѣхавъ длинный каменный одноэтажный домъ, въ которомъ, какъ я послѣ узналъ, помѣщалась инспекція и городская полиція, мы повернули въ ворота его, въ которыхъ уже скрылись сани полиціймейстера. Насъ ввели въ грязныя сѣни, въ которыхъ толпилось нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ, вѣроятно, просителей или арестантовъ, ожидающихъ наказанія. Вслѣдъ за тѣмъ дверь отворилась, и на насъ пахнуло запахомъ гнили и невыразимаго зловонія. Это была канцелярія.

— Подождите здѣсь! сказалъ довольно рѣзко, но вмѣстѣ и повелительно полиціймейстеръ.

Я вспомнилъ слова губернатора и обратился къ нему съ просьбою — не разлучать насъ съ Л* до тѣхъ поръ, пока его повезутъ дальше.

— Постараюсь, постараюсь! скороговоркою отвѣчалъ онъ, какъ будто не желая, чтобы писцы слышали нашъ разговоръ. Затѣмъ, онъ

исчезъ, возвратившись, онъ шепнулъ что-то жандармамъ; и старшій изъ нихъ сказалъ намъ:

— Пожалуйте!

И опять вступили мы въ сѣни и оттуда какимъ-то длиннымъ темнымъ ходомъ пробрались въ довольно уютную, мило убранную комнату, по всему видимому, принадлежавшую холостому человѣку. Комната оказалась квартирою аптекаря, въ которой, за отсутствіемъ его, жилъ управлявшій аптекою провизоръ Федоръ Иванычъ Г*, согласившійся, по просьбѣ полиціймейстера, предоставить намъ на день свою квартиру.

Федоръ Иванычъ принялъ насъ съ сконфуженнымъ видомъ петербургскаго нѣмца, въ первый разъ въ жизни отступающаго на одну линію отъ своихъ ежедневныхъ привычекъ и удивляющагося собственному подвигу. Впрочемъ, онъ былъ любезенъ, на сколько дозволяло ему замѣшательство, предложилъ намъ курить, что не мѣшало ему все посматривать на жандармовъ, которые ни на минуту не уходили изъ комнаты и не спускали съ насъ глазъ. По видимому, присутствіе этихъ людей безпокоило и самаго полиціймейстера, который, наконецъ, рѣшился сказать имъ, что они могутъ уйти, потому что онъ, полиціймейстеръ, беретъ отвѣтственность за арестантовъ на себя, но получилъ отъ старшаго жандарма слѣдующій отвѣтъ:

— Не могимъ-съ, ваше высокоблагородіе! За нашего-то вы отвѣчать вольны, ну, а за нашего, окромя насъ, до самаго Иркута, никто не могитъ отвѣтствовать... Такая дана инструкція... Вотъ что!... Непривычный къ такимъ вольнымъ рѣчамъ, лихой полиціймейстеръ хотѣлъ было подѣйствовать на жандарма орлинымъ взглядомъ, но получилъ въ отвѣтъ такой же твердый, вопреки всякой субординаціи, взглядъ. Впрочемъ, настойчивость жандармовъ оставаться при насъ длилась не болѣе часа: вѣроятно, они устали стоять у дверей, а потому отпросились сходить на рынокъ и исчезли часа на полтора. Между тѣмъ, я выразилъ полиціймейстеру желаніе наше, если можно, отобѣдать вмѣстѣ на деньги, которыя у меня были.

— Тсъ! Что вы это говорите про деньги? отвѣчалъ полиціймейстеръ:—обѣдъ вамъ будетъ... Объ этомъ не безпокойтесь... Конечно, не такой, къ какому вы, можетъ быть, въ Петербургѣ привыкли, а все-таки и не совсѣмъ дурной...

— А вина можно? спросилъ я:—вѣдь намъ отрадно было бы распить еще бутылочку передъ разлукой...

— Какого вина хотите? спросилъ полиціймейстеръ. Я обратился къ Л*.

— Мнѣ все равно! сказалъ онъ:—я ни въ какомъ толку не знаю.

— А я предпочитаю другимъ винамъ хорошее бургонское.

Полиціймейстеръ вышелъ въ другую комнату. Въ эту минуту Л * подошелъ ко мнѣ и, снимая мою руку, сказалъ:

— Знаете? только теперь, когда я съ вами надо разсчаться, я чувствую, что сдѣлалъ непростительную глупость, не бѣжавъ за границу, пока по ошибкѣ сидѣлъ за меня Л * ... Вѣдь я зналъ, что его взяли, вмѣсто меня, и что скоро ошибка обнаружится.

— Что жъ? развѣ у васъ не было средствъ для побѣга?..

— И средства кое какія были... Да не знаю, какой-то туманъ налегъ на мою мысль. Я жилъ эти двѣ недѣли (цѣлыя двѣ недѣли!) какою-то смутною надеждою на что-то. Кругомъ всѣхъ забирали... на всѣхъ напалъ страхъ... Не знаю, ужъ не этотъ ли общій страхъ парализировалъ мою рѣшимость.

Я сталъ его распрашивать о томъ времени, въ которое я уже сидѣлъ въ крѣпости. Мы ходили по комнатѣ, побрякивая кандалами, которыхъ вѣсъ дѣлалъ нашу походку неуклюжею и тяжелою. Болтовня наша переходила отъ предмета къ предмету: мы вспоминали родныхъ, знакомыхъ, враговъ и друзей. Мало знакомые до нашего заключенія, мы въ дорогѣ очень сблизились съ этою вполнѣ симпатичною, нѣжною, даже нѣсколько женственною личностью. Съ тѣхъ поръ судьба опять развела насъ, и кто знаетъ, встрѣтимся ли мы еще разъ въ жизни.

Принесли обѣдъ. Приглашая насъ къ нему, полиціймейстеръ сказалъ:

— Извините, г-да!.. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Въ Томскѣ нѣтъ хорошей гостинницы... но жена моя просила васъ принять обѣдъ, изготовленный подъ ея руководствомъ. А за неимѣніемъ во всемъ городѣ ни одной бутылки бургонскаго, я предлагаю вамъ отъ себя бутылочку сноснаго хересу!

— Которую, вѣроятно, не откажетесь помочь намъ выпить?.. перебилъ Л *.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ любезный градоначальникъ.

Вскорѣ послѣ обѣда, едва начало смеркаться, жандармы стали торопить насъ отъѣздомъ. Дѣлать было нечего. Крѣпко обнялись мы съ Л *, крѣпко пожали другъ другу руки и взаимно обѣщали, если можно, переписываться.

Когда я вышелъ на крыльцо, къ подъѣзду подъѣхали щегольскія городскія санки, въ которыя полиціймейстеръ пригласилъ меня сѣсть. Я съ удивленіемъ взглянулъ ему въ лицо.

— Да развѣ я не въ дорогу? въ недоумѣніи спросилъ я.

— Нѣтъ еще! отвѣчалъ полиціймейстеръ: — вы пробудете здѣсь до утра.

— Гдѣ же?

— Въ острогѣ... Садитесь!

Я кое какъ влѣзъ въ сани, въ которыя рядомъ со мною сѣлъ полиціймейстеръ. Конный казакъ сопровождалъ насъ на разстояніи двухъ шаговъ.

Мы помчались.

Дорога въ острогъ лежала черезъ весь городъ: намъ попадалось много народа, кланявшагося полиціймейстеру и съ удивленіемъ смотрѣвшаго на сидѣвшую рядомъ съ нимъ фигуру въ пагольномъ тулупѣ, выглядывавшемъ изъ подъ накинутой енотовой шубы, и въ мерлушечьей шапкѣ. О, Сибирь! Вѣроятно, ни въ какомъ другомъ городѣ обширной Россіи градоначальникъ не рѣшился бы пропародировать такимъ образомъ съ человѣкомъ, назначеннымъ въ каторжную работу! Но въ Сибири каторжникъ тотъ же человѣкъ.

Въ острогѣ мнѣ отвели особую комнату опять рядомъ съ аптекою, потому что настоящая секретная была занята кѣмъ-то или чѣмъ-то. Я былъ измученъ событіями дня, разставаньемъ съ Л*, неизвѣстностью, а тутъ еще караульный офицеръ копался въ моемъ чемоданѣ, отыскивая металлическихъ вещей, которыхъ въ немъ не было, между тѣмъ какъ полиціймейстеръ крупными шагами мѣрялъ изъ угла въ уголъ комнату, а острожный смотритель, по видимому, изъ бурбоновъ, разставя ноги и выпуча глаза, слѣдилъ за розысками караульнаго офицера. Впрочемъ, по видимому, весь синклитъ моихъ стражей, по разнымъ побужденіямъ, спѣшилъ окончить эту тяжелую сцену: по крайней мѣрѣ, караульный офицеръ смотрѣлъ вещи весьма поверхностно, смотритель все покашливалъ и переминался съ ноги на ногу, а полиціймейстеръ даже довольно ясно выражалъ свою досаду на служебный формализмъ молодаго офицера. Поэтому, когда послѣдній кончилъ, всѣ трое вздохнули, какъ будто освободились отъ чего-то непріятнаго, и полиціймейстеръ сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вы останетесь здѣсь до утра: такъ угодно губернатору... Да и думаю, и вы не прочь отъ того, чтобы отдохнуть на перепутьи къ мѣсту назначенія... До свиданія же!.. Я благодарилъ его за позволеніе побыть съ Л*.

— Вамъ, можетъ быть, будетъ скучно? сказалъ онъ, какъ будто не разслышавъ моихъ словъ, и потомъ прибавилъ, обращаясь къ смотрителю: — вѣдь до ночи еще много времени... Нѣтъ ли у васъ какой нибудь книжки для г. Т*?..

— Есть-съ! отвѣчалъ смотритель, вытягиваясь и осклабляясь, впрочемъ въ предѣлахъ должнаго чиноночитанія: — «Новоселье» есть-съ, Василій Михайлычъ! Я сейчасъ принесу-съ!..

Непрошенные гости ушли, и, черезъ нѣсколько минутъ, смотритель принесъ мнѣ томъ «Новоселья» Смирдина, замасленный и зачи-

танный до нельзя. Когда замокъ двери щелкнулъ вслѣдъ за нимъ, я какъ будто обрадовался своему одиночеству, которое, еще тому мѣсяцъ назадъ, находилъ столь тягостнымъ.

Но, видно, не суждено мнѣ было успокоиться въ этотъ вечеръ, ибо не прошло и получаса, какъ снова загремѣлъ замокъ моей двери. Вошелъ тотъ же караульный офицеръ, который обыскивалъ меня. Это меня взорвало.

— Неужели вы еще не окончили своего обыска? спросилъ я довольно рѣзкимъ тономъ.

— Напротивъ, кончилъ-съ! отвѣчалъ молодой человѣкъ, покраснѣвъ и въ замѣшательствѣ медленно подходя къ столу, на которомъ горѣла сальная свѣчка и возлѣ котораго я сидѣлъ.

Я вопросительно посмотрѣлъ ему въ лицо: онъ былъ еще очень молодъ и скорѣе похожъ на хорошенькую женщину, переряженную въ потертый мундиръ линейнаго офицера, чѣмъ на дѣйствительнаго офицера.

— Я пришелъ къ вамъ, сказалъ онъ тономъ школьника, оправдывающагося въ нѣтренномъ поступкѣ: — я пришелъ сюда для того, чтобы напомнить вамъ о себѣ... Я васъ видалъ въ корпусѣ... Вѣдь вы служили по военно-учебнымъ заведеніямъ?

Я подтвердилъ его слова и, съ своей стороны, спросилъ:

— Въ какомъ же корпусѣ вы воспитывались?

— Въ дворянскомъ полку...

— Я не служилъ въ дворянскомъ полку, но бывалъ тамъ въ 1846 году довольно часто...

— Да, я васъ помню... Кромѣ меня, тутъ еще есть нашего корпуса—Соколовъ... Онъ васъ тоже помнитъ... Когда мы прочли о васъ въ газетахъ, мы такъ и ахнули... Вотъ судьба-то... Ужасно!..

Его голосъ и тонъ очень напоминалъ женщину. Звали его Бунинымъ. Впослѣдствіи я раза два бывалъ у него: образъ его жизни также имѣлъ много общаго съ женскимъ. Онъ былъ очень аккуратенъ, любилъ порядокъ и имѣлъ большое пристрастіе къ духамъ и помадѣ. Зеркало было главною мебелью въ его квартирѣ, маленькое зеркальце всюду сопровождало его въ карманѣ. Впрочемъ, онъ впослѣдствіи умеръ смертью храбрыхъ подъ Севастополемъ.

Когда Бунинъ ушелъ, я началъ перелистывать «Новоселье»: оно не могло занять меня, потому что было знакомо мнѣ въ малѣйшихъ подробностяхъ, и вскорѣ я погрузился въ размышленія. О чемъ думалъ, или лучше сказать, о чемъ не думалъ я въ эти нѣсколько часовъ, довольно трудно опредѣлить. Прошедшее и будущность представали передо мною, первое съ отчетливостію панорамы, вторая съ неопредѣленностью тяжелаго сна. Я повѣрялъ первое и отдавалъ себѣ

отчетъ въ своихъ силахъ для перенесенія второй съ достоинствомъ. На повѣрку оказывалось, что въ моемъ прошедшемъ было много лжи, много гримасы, внесенныхъ въ него воспитаніемъ и окружающею средою. Въ будущемъ видѣлось больше суровой, прямой дѣйствительности, но она не пугала меня: цѣлая доля моего внутренняго человѣка оставалась не тронутою ложью, и эта доля должна была сдружить меня съ новымъ положеніемъ, на которое я смотрѣлъ довольно довѣрчиво.

Будущность доказала, что не напрасно я понадѣялся на эту долю своихъ силъ: она-то и вывезла меня тамъ, гдѣ гибли, стирались, или погрязали менѣе прямыя личности.

Часу въ одинадцатомъ я собрался спать: вдругъ опять шорохъ у дверей, звонъ ключей и щелканье замка. Вошелъ полицеймейстеръ, потомъ смотритель, караульный офицеръ, и съ нимъ нѣсколько солдатъ остановились у отворенныхъ дверей. Я, полуодѣтый, стоялъ у стола, заслоняя собою свѣчу.

— Къ крайнему моему прискорбію, началъ полицеймейстеръ полуначальническимъ, полусвѣтскимъ тономъ:—я долженъ вамъ объявить, г-нъ Т.., что губернаторъ непремѣнно требуетъ, чтобы вы были сегодня же отправлены въ заводъ... Сколько я ни старался о томъ, чтобы доставить вамъ возможность провести спокойную ночь, его превосходительство боится взять на себя эту отвѣтственность...

— Чтожь, тѣмъ лучше! отвѣчалъ я: — скорѣе къ цѣли, меньше лишнихъ думъ...А сколько до завода верстъ, г-нъ полицеймейстеръ?

— Да считаютъ 67 верстъ...А впрочемъ никто не мѣрялъ ихъ... Можетъ быть, и больше.

Я началъ одѣваться и черезъ десять минутъ уже былъ готовъ.

— Жандармы!..крикнулъ полицеймейстеръ въ двери.

Вошли два жандарма, которымъ я и былъ съ надлежащими формальностями сданъ. Мы вышли и сѣли въ повозку: одинъ изъ жандармовъ усѣлся возлѣ меня, другой на облучкѣ, возлѣ ямщика. На половинѣ дороги, на станціи, намъ дали двои саней, потому что дорога къ заводу была узка, и приходилось ѣхать цугомъ.

Ночь была великолѣпная: звѣзды сіяли на хрустальномъ небѣ; при свѣтѣ ихъ снѣгъ переливался какъ милліоны бриллянтовъ. Морозъ былъ градусовъ около 30, но дышать было легко, и я не очень озябъ. Я всю дорогу думалъ о томъ, какъ меня встрѣтятъ, и дадутъ ли хоть отдохнуть, или такъ тотчасъ и зачислятъ въ работу? Также сильно занимало меня, будетъ ли у меня особая комната и возможность, хоть ночью, читать, писать и размышлять. Мысль, что меня могутъ помѣстить въ общей арестантской, прямо пугала меня. Я никогда не былъ способенъ къ казарменной жизни, а теперь тѣмъ менѣе.

Въ головѣ моей накопилось столько мыслей, которыя хотѣлось бы сформулировать самому себѣ; въ жизни моей было столько новыхъ фактовъ, которыхъ смыслъ еще не вполнѣ былъ разгаданъ мною. Притомъ мнѣ хотѣлось еще учиться, учиться и учиться. А тутъ...Я до того времени жилъ слишкомъ мало съ народомъ, а въ заводѣ пришлось бы жить съ подонками его... Это приводило меня въ буквальномъ смыслѣ въ содроганіе. Притомъ и нравственное чувство мое возмущалось при мысли о томъ, что меня поставятъ на одну доску съ убійцами, ворами и мошенниками, меня, который никогда не убивалъ, безъ нѣкотораго раскаянія, мухи, даже въ шутку не укралъ синей порошинки и инстинктивно избѣгалъ всякой тѣни подлости.

Конечно, теперь я не былъ бы столь цѣломудренно-самолюбивъ, потому что убѣдился, что за этимъ цѣломудріемъ кроется большая доза слабости и несостоятельности. Но тогда я не зналъ жизни такъ, какъ знаю ее теперь.

Я въѣхалъ въ Керевскій винокуренный заводъ, въ который былъ назначенъ въ каторжную работу на два года, около 6 часа утра 27 января: при въѣздѣ меня поразилъ въ немъ смѣшанный характеръ нѣкотораго казеннаго однообразія зданій съ очевидною случайностью въ ихъ размѣщеніи и съ совершеннымъ отсутствіемъ въ природѣ почти всякаго признака растительности. Жандармъ, ѣхавшій въ саняхъ со мною и вѣроятно уже побывавшій въ заводѣ, весьма подробно отвѣчалъ на мои вопросы. Оказывалось, что зданія, построенныя при въѣздѣ въ заводъ, были дѣйствительно казенныя.

Внѣшняя дѣятельность завода еще спала, но въ землянкахъ, избахъ, на гауптвахтѣ и въ казармахъ, по всему видимому, уже проснулись: дымъ валилъ изъ трубъ и стлался по чистому голубому небу, на которомъ еще кой-гдѣ не погасли звѣзды. Мы подъѣхали къ конторѣ и поднялись въ нее по деревянному крыльцу съ форменнымъ навѣсомъ. Опрятная, даже отчасти красивая наружность конторы нисколько не соотвѣтствовала грязи и спертому воздуху, которые царствовали внутри. Старикъ сторожъ сидѣлъ передъ топившейся печью, отогрѣвая окоченѣвшія руки. Онъ едва оглянулся на звукъ шпоръ, сабель и кандаловъ, которыми сопровождалось наше появленіе: по видимому, слухъ его привыкъ къ этимъ звукамъ, какъ привыкаетъ слухъ младенца къ колыбельной пѣснѣ, или слухъ боевой лошади къ свисту пуль и грохоту огнестрѣльныхъ орудій. Приходъ нашъ такъ же не удивилъ его: на то контора въ заводѣ, чтобы въ нее приходили люди въ кандалахъ, и люди со шпорами и саблями. Онъ такъ же мало нашелъ это страннымъ, какъ свѣтская женщина не находитъ необыкновенными обычные визиты своихъ знакомыхъ. Лѣниво вполовину по-

вернулъ онъ голову и, взглянувъ на насъ въ полглаза, опять погрузился въ прежнее занятіе.

— Эй, старина! сказалъ старшій изъ сопровождавшихъ меня жандарновъ.

— Чаво вамъ? отозвался старикъ, не перемѣняя положенія.

— Смотритель гдѣ? продолжалъ жандармъ.

— Вѣстимо, гдѣ: спитъ.

— А писаря?

— Ну, тоже спятъ.

— Поди-ко позови кого нибудь.

— Придутъ и сами...

— Какъ придутъ сами? Да намъ ждать нельзя...

— А нельзя, такъ мнѣ чтожь?

— Говорятъ, поди позови старшаго писаря...

— Не пойду... не приказано отлучаться отселѣва... Придутъ сами.

Дѣлать было нечего: пришлось дожидаться. Впрочемъ, ждали мы не долго: старшій писарь пришелъ и отперъ собственно контору, въ которой были стулья, между тѣмъ, какъ въ комнатѣ, въ которой мы находились, мы принуждены были стоять.

Старшій писарь былъ высокій мужчина, недурной собой, стройный и съ нѣсколько воинственною осанкою. Ему могло быть лѣтъ подъ тридцать; онъ носилъ усы и брилъ бороду. Узнавъ, кто я, онъ рекомендовался мнѣ разжалованнымъ изъ юнкеровъ рабочимъ Соболевымъ.

— Вамъ долго придется ждать, сказалъ онъ: — смотритель пріѣзжаетъ въ контору не раньше девятаго часа.

— Скажите, много еще въ заводѣ ссыльныхъ изъ дворянъ? спросилъ я.

— Есть! Вотъ тоже капитанъ гвардіи Аграженскій.

— За что онъ сосланъ?

— А не знаю-съ... Мы съ ними незнакомы.

— Какъ же такъ?... Развѣ вы не вмѣстѣ живете?

— Какъ можно-съ!... Они живутъ на своей квартирѣ, а я на своей...

Мы замолчали: жизнь заводская стала для меня загадочнѣе прежняго.

Соболевъ смотрѣлъ на меня какъ-то недовѣрчиво; я совершенно прекратилъ разговоръ, въ которомъ многое должно было оставаться для меня загадочнымъ, многое другое — совсѣмъ неяснымъ. Я не могъ надѣяться на то, чтобы рабочій высказалъ мнѣ истину на счетъ смотрителя завода и прочаго начальства, и потому рѣшился лучше не спрашивать объ этомъ Соболева.

— Чему быть, того не миновать, а что будетъ, посмотримъ!...

Между тѣмъ, одинъ за другимъ, въ контору стали собираться прочіе писаря. Это большею частію были люди, чисто одѣтые по-нѣмецки, не старые; нѣкоторые даже обнаруживали въ пріемахъ нѣкоторое внѣшнее образованіе средняго круга. Впослѣдствіи оказалось, что писаря большею частію были изъ разжалованныхъ дворянъ, чиновниковъ, офицеровъ и грамотныхъ мѣщанъ, сосланныхъ за разныя уголовныя преступленія. Всѣ они раскланивались съ Соболевымъ, шептались съ нимъ, вѣроятно, распрашивая обо мнѣ, потомъ, искоса, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, усаживались за столы, раскладывали бумаги и принимались болтать. По видимому, между всѣми ними не было ничего общаго, такъ же, какъ между чиновниками одного департамента, или отдѣленія. Они даже какъ будто не любили другъ друга, завидовали одинъ другому. Испорченныя натуры ихъ, какъ оказывалось изъ разговоровъ, и въ ссылкѣ не могли сбросить пороковъ того слоя общества, къ которому они принадлежали: то же хвастовство, искательство въ начальствѣ, зависть въ отношеніи товарищей, то же желаніе казаться не тѣмъ, что есть, хоть бы пришлось казаться хуже настоящаго. Дѣти ложной дѣйствительности, въ которой просторъ однимъ мелкимъ страстямъ и порокамъ, бѣдняки привыкли не удовлетворяться ею и искать исхода своему чувству въ разширеніи въ воображеніи размѣровъ этихъ страстей и пороковъ. Многіе изъ васъ, читатели, не помнятъ того времени, въ которое подобныя явленія были въ порядкѣ вещей. Всякій департаментъ, всякое общество было поприщемъ, на которомъ ежедневно Хлестаковы самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и оттѣнковъ разыгрывали свои роли. Смѣшно сказать, даже въ заводской конторѣ, въ которой я сидѣлъ, были Хлестаковы... Точь въ точь гостинная такого-то: разница была въ одномъ томъ, что все здѣсь кружилось около количества выпитыхъ штофовъ, сыгранныхъ туровъ въ носки и того, съ кѣмъ находится въ интимныхъ отношеніяхъ Аннушка рыжая или Палашка-зяблик, а тамъ... тамъ тоже одно шампанское, играли въ англійскомъ клубѣ по большой и разсуждали о comtesse такой-то, бѣжавшей съ французскимъ актеромъ такимъ-то...

Наконецъ, часу въ половинѣ девятаго, началось необыкновенное движеніе въ сѣняхъ конторскихъ; сторожъ всунулъ въ дверь сѣдую голову и пробормоталъ:

— Г. смотритель!

Писаря смолкли и пристально занялись работою. Старшій жандармъ вышелъ за дверь, оправляя аммуницію, гремя саблей и шпорами; младшій жандармъ вытянулся въ струнку возлѣ меня.

Я сидѣлъ у стола, когда вошелъ смотритель, человѣкъ лѣтъ 30-ти

съ небольшимъ, съ заплывшимъ краснымъ лицомъ и огромнымъ брюхомъ. Изъ-за спины его выглядывало еще нѣсколько лицъ, столь же неблагообразныхъ и мало обѣщавшихъ.

Изъ того, что вся эта компанія во всѣ глаза смотрѣла на меня, я заключилъ, что приходъ ея въ контору касается меня, и потому всталъ и подошелъ къ дверямъ. Смотритель не удостоилъ меня отвѣтомъ на мой вѣжливый поклонъ.

— Бывшій учитель русской словесности Т—? произнесъ онъ тономъ вопроса, моргая заплывшими сѣрыми глазками и тыча въ меня пальцемъ.

— Да! отвѣчалъ я.

— Есть у тебя вещи? продолжалъ онъ спрашивать.

— Есть!

Я указалъ на чемоданъ, сакъ и другія вещи, сложенныя въ конторѣ.

— Хорошо! проронъ смотритель и повернулся ко мнѣ спиной. Въ дверяхъ появился такой же толстякъ, потомъ третій и четвертый, очень похожіе на кувшинъ мелкой руки.

Всѣ эти лица, не произнося ни слова, смотрѣли на меня во всѣ глаза и исчезали такъ же, какъ и появлялись, безъ видимой причины и повода.

Убѣдясь, что болѣе спрашивать меня не намѣрены на первый случай, я отошелъ отъ дверей и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Какъ зовутъ смотрителя? спросилъ я у сидѣвшаго возлѣ меня Соболева.

— Николаемъ Осиповичемъ Скапиновичемъ, отвѣчалъ онъ.

— А прочіе кто такіе?

— Члены конторы... былъ отвѣтъ.

Начало заводской жизни поражало меня: безцеремонное обхожденіе смотрителя, глупыя рожи членовъ, ихъ наомѣшливо-печальные и вмѣстѣ нахальные взгляды — все это обѣщало мало хорошаго.

Я всегда былъ самолюбивъ, но въ моемъ тогдашнемъ самолюбіи было еще много чиновнической, сословной гордости. Какой нибудь Скапиновичъ еще могъ обидѣть меня несоблюденіемъ какихъ нибудь условныхъ формъ. Я надулся. Черезъ четверть часа пришелъ старшій жандармъ, уходившій вслѣдъ за смотрителемъ и членами.

— Меня справили, ваше благородіе! сказалъ онъ мнѣ, въ первый разъ употребляя въ разговорѣ со мною этотъ терминъ вѣжливости, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы оставить во мнѣ не столь тягостное по себѣ воспоминаніе.

— Прощенья просимъ! продолжалъ онъ, кланяясь мнѣ съ распар-

киваньемъ: — теперь ужь не мы за васъ, сударь, отвѣчаемъ... Прощенья просимъ-съ!...

— Прощенья просимъ! отозвался другой жандармъ на подобіе эха.

Въ эту минуту какой-то небритый человѣкъ въ казакинѣ подошелъ ко мнѣ и сказалъ прошепетывая:

— Пожалуйте-съ къ господину смотрителю въ присутствіе-съ!

Я простился съ жандармами и вышелъ вслѣдъ за небритымъ господиномъ, который черезъ сѣни ввелъ меня въ такую же грязную, плохо освѣщенную и вонючую комнату, какъ и контора. Здѣсь за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ сидѣли, смотритель и члены конторы, встрѣтившіе меня по прежнему любопытными взглядами.

— Не знаешь ли ты, за что ты сосланъ? спросилъ первый.

— Хорошенько не знаю! отвѣчалъ я.

Господа члены переглянулись и засмѣялись.

— Ей! конвой! Крикнулъ смотритель.

Вошли четыре человѣка солдатъ.

— Ступай, куда тебя поведутъ!

Солдаты взяли меня въ середину. Мы вышли изъ конторы. Я задыхался отъ злости, отъ негодованія, отъ чувства оскорбленнаго человѣческаго достоинства. Въ моемъ нравственномъ мірѣ оборвалась какая-то струна: въ первый разъ въ жизни я стоялъ на собственныхъ ногахъ, безъ сословныхъ помочей, безъ чиновничьихъ гарантій, которыя до сихъ поръ все-таки болѣе или менѣе принимались за существующія приходившими со мною въ соприкосновеніе начальственными лицами. Отнынѣ я былъ ничѣмъ болѣе, какъ человѣкомъ: здѣсь, передъ этими господами, мое прошедшее не существовало... Я былъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ меня приговоръ, т. е. преступникомъ, отданнымъ во власть ихъ...

Эта мысль гнела меня, потому что я еще далеко не привыкъ стоять на собственныхъ ногахъ. Помочи, гарантіи избаловали меня, нравственно атрофировали одну часть моего существа... Положеніе мое было для меня новинкою, которая озадачивала меня... Впрочемъ, не могу сказать, чтобы я былъ совершенно обезкураженъ ею. Во мнѣ было слишкомъ много свѣжихъ силъ, чтобы поддаться первому гнету; внутри меня шевелилось сознаніе, что все это мелочи, передъ которыми не стоитъ останавливаться въ смущеніи. Такъ шелъ я, тяжело ступая ногами, конвоируемый 4-мя инвалидами съ ружьями. Когда мы приблизились къ гауптвахтѣ, которая находилась не вдалекѣ отъ конторы, навстрѣчу намъ попался человѣкъ, лѣтъ 40 безъ малаго, съ огромными усами, въ свѣтлосѣрой офицерской шинели и теплой картузѣ. Онъ вѣжливо поклонился мнѣ, изъ чего я заключилъ, что есть и въ заводѣ люди, умѣющіе вѣжливо кланяться. Я, конеч-

но, отвѣтилъ ему на поклонъ такъ же вѣжливо, но спросить у солдатъ о томъ, кто этотъ господинъ, не рѣшился, потому что изъ опыта зналъ, что не получу никакого отвѣта.

На гауптвахтѣ меня провели черезъ кордегардію, гдѣ находились солдаты и гдѣ стояла невыразимая вонь, въ арестантскую, маленькую комнатку, которой три четверти были заняты грязными нарами и которая скудно освѣщалась только однимъ, замерзшимъ сверху до низу, окномъ. На нарахъ уже лежали мои вещи. Я снялъ енотовую шубу, которая оттянула мнѣ плечи, и, постлавъ ее на полатяхъ, полѣзъ было на нихъ, чтобы немного отдохнуть, въ надеждѣ, что въ этотъ день меня оставятъ въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что я слышалъ, какъ вслѣдъ за мною запирали замкомъ дверь. Но надеждѣ моей, по видимому, не суждено было сбыться: едва я протянулъ на шубѣ усталые члены, какъ въ дверномъ окошечкѣ, задѣланномъ рѣшоткой, и съ котораго я инстинктивно не спускалъ глазъ, показалось чье-то лицо. Вслѣдъ за тѣмъ, загремѣлъ замокъ моей двери и вошелъ господинъ, попавшійся мнѣ на пути изъ конторы на гауптвахту. Я приподнялся и собрался слѣзть съ наръ, полагая, что это также какое нибудь начальственное лицо. Но незнакомецъ очень любезно просилъ меня остаться въ моемъ прежнемъ положеніи и рекомендовался мнѣ товарищемъ ссылки Васильемъ Платоновичемъ Аграмжанскимъ.

— Вы говорите по французски? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ утвердительно и уже съ совершенно инымъ чувствомъ полѣзъ съ наръ. У насъ завязался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые, я думаю, ведутся европейцами, случайно встрѣтившимися гдѣ нибудь, среди кабиловъ или ирокезовъ. Это былъ разговоръ не то, чтобы дружескій, но и не бесѣда людей, вовсе чуждыхъ другъ другу. Въ немъ была струя искренности, даже родственнаго чувства, но это было не личное, а племенное или расовое родство. Мы были люди одного слоя общества, а потому по неволѣ были своими, по пословицѣ: свой своему по неволѣ братъ. Впрочемъ, не одно это чувство увлекало меня къ откровенности: личность Аграмжанскаго съ перваго взгляду понравилась мнѣ. Въ немъ было что-то привѣтливое, располагающее, доброе. Неопытность моя выказалась тутъ съ блестящей стороны: я болталъ, какъ съ человѣкомъ давно знакомымъ.

— Который вамъ годъ? спросилъ между прочимъ мой собесѣдникъ.

— Двадцать семь лѣтъ, отвѣчалъ я.

— Неужели? воскликнулъ Аграмжанскій:—а когда я васъ встрѣтилъ

на улицѣ, вы показались мнѣ чуть не пятидесятилѣтнимъ мужчиной...

— Не мудрено. Вѣдь я человѣкъ съ вѣсомъ... Девятифунтовыя украшенія и юношѣ придадутъ нѣкоторую степенность... Мы засмѣялись.

Дверь опять растворилась: на этотъ разъ вошелъ офицеръ среднихъ лѣтъ...

— Командиръ заводской инвалидной команды... сказалъ Аграханскій, предупреждая меня о новомъ гостѣ.

Я опять полѣзъ съ наръ, на которыхъ было расположился съ позволенія Аграханскаго. Но командиръ не далъ мнѣ исполнить мое намѣреніе. Поклонившись мнѣ со всѣми пріемами ловкаго военнаго писаря, онъ ухватилъ меня за колѣни и самымъ нѣжнымъ голосомъ произнесъ:

— Ради Бога, оставайтесь, какъ есть... Не то, я уйду, клянусь, уйду!..

И онъ оглянулся на дверь. Я пересталъ двигаться.

— Я пришелъ къ вамъ, продолжалъ командиръ:—вовсе не съ тѣмъ, чтобы васъ безпокоить!.. Если бы я могъ думать, что потревожу васъ, ей-ей не пришелъ бы.... Да вотъ видите... жена прогнала.... Говоритъ: поди, спроси: не угодно ли имъ горяченькаго бульонцу?.. Съ морозу-то, знаете, оно здорово... Вы пожалуйста, не сердитесь за это на насъ... Люди мы простые, не ученые... Не взыщите!... А? право, позвольте прислать вамъ бульонцу!...

Я поблагодарилъ и, конечно, принялъ это предложеніе, высказанное съ такою патріархальною сердечностью.

Командиръ, котораго звали Иваномъ Степанычемъ Петровымъ, на минуту вышелъ въ кордегардію и, вслѣдъ за тѣмъ возвратившись, сѣлъ на нары и повелъ съ нами бесѣду. Оказалось, что онъ былъ изъ воспитанниковъ воспитательнаго дома, служилъ въ нижнихъ чинахъ въ гвардейскомъ саперномъ батальонѣ и чувствовалъ нѣкоторое благоговѣйное чинопочитаніе къ Аграханскому, который былъ разжалованъ изъ капитановъ гвардейскаго полка. Изо всѣхъ личностей, попадавшихся мнѣ въ заводѣ, Петровъ вполнѣ поражалъ меня тою деликатностью и тонкостью чувства, которая даже въ образованныхъ мужчинахъ встрѣчается далеко не всякій день. Я едва успѣлъ съѣсть принесенный мнѣ отъ жены Петрова супъ, какъ въ арестантской появился господинъ среднихъ лѣтъ, маленькаго роста, сухопарый, въ партикулярномъ платьѣ.

— Я заводскій лекарь, сказалъ онъ.

Я слѣзъ съ наръ.

— Какъ ваше здоровье? продолжалъ сынъ Эскулапа.

— Благодарю васъ, сказалъ я: — я не болѣнъ...

— Но и не здоровы?

— У меня болитъ правая нога: мнѣ кажется, она даже опухла... Кольца кандаловъ слишкомъ тѣсны... Двухъ чулокъ нельзя было надѣть... Дорогой желѣзо застыло и вѣроятно простудило ногу...

— Надо будетъ осмотрѣть васъ... Я скажу объ этомъ смотрителю!.. До свиданья!.. Лекарь ушелъ и вслѣдъ за тѣмъ пришелъ смотритель, при появленіи котораго и Петровъ и Аграфенскій встали съ наръ. Смотритель приказалъ перевести меня изъ этой арестантской въ другую попросторнѣе, только еще холоднѣе.

Я двое сутокъ не спалъ, да и вообще съ мѣсяцъ уже не высыпался, какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ отъ Аграфенскаго принесли холщевый мѣшокъ, набитый сѣномъ, и я сталъ оглядываться на него весьма выразительно. Мои собесѣдники вскорѣ поняли мои взгляды и ушли, а я повалился на мѣшокъ и заснулъ сномъ молодости, здоровья и чистой совѣсти.

Таковъ былъ мой въѣздъ въ заводъ и первыя знакомства въ немъ. Два года и три мѣсяца суждено мнѣ было прожить въ немъ, много пришлось перенести тяжкаго и много испытать пріятныхъ минутъ; но первыя впечатлѣнія всегда самыя сильныя, и по нимъ-то сложилось во мнѣ о немъ воспоминаніе чрезвычайно сжатое, разнообразное, точно это былъ цѣлый новый міръ, открытый мною.

Вслѣдствіе этого перваго впечатлѣнія, я принялся за изученіе завода, какъ туристъ изучаетъ незнакомую страну, и, независимо отъ другихъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе разнообразившихъ заводскій бытъ мой, уже по этому самому не могъ скучать въ немъ. Я узналъ въ заводѣ жизнь, какъ она есть, и хотя это знакомство не улыбнулось мнѣ, однако не давало мнѣ скучать. И то неожиданный подарокъ судьбы!

Ф. ТОЛЛЬ.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

(Посвящается моему другу О. С. Ч.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ЗАМУЖСТВО И ВТОРАЯ ЛЮБОВЬ.

I.

Прошло три мѣсяца послѣ того, какъ Вѣрочка вырвалась изъ подвала. Дѣла Лопуховыхъ шли хорошо. Онъ уже имѣлъ порядочные уроки, досталъ работу у какого-то книгопродавца — переводъ учебника географіи. Вѣра Павловна также имѣла два урока, хотя незавидныхъ, но и не очень плохихъ. Вдвоемъ они получили уже рублей 80 въ мѣсяцъ; на эти деньги нельзя жить иначе, какъ очень небогато, но все-таки испытать имъ нужды не досталось, средства ихъ по немногу увеличивались, и они разсчитывали, что мѣсяца еще черезъ четыре, или даже скорѣе, они могутъ уже обзавестись своимъ хозяйствомъ (оно такъ и было потомъ).

Порядокъ ихъ жизни устроился, конечно, не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ полу-шутя, полу-серьёзно устроивала его Вѣра Павловна въ день своей фантастической помолвки, но все-таки очень похоже на то. Старикъ и старуха, у которыхъ они поселились,

много толковали между собою о томъ, какъ странно живутъ молодые, — будто вовсе и не молодые,—даже не мужъ и жена, а такъ, точно не знаю, кто.

— Значитъ, какъ самъ вижу и ты, Петровна, разсказываешь, на то похоже, какъ бы сказать, она ему сестра была, али онъ ей братъ.

— Нашелъ, чему прировнять! между братомъ да сестрой никакой церемонности нѣтъ; а у нихъ какъ? онъ встанетъ, пальто надѣнетъ и сидитъ, ждетъ, покуда самоваръ принесешь. Сдѣлаетъ чай, кликнетъ ее, она тоже ужь одѣта выходитъ. Какіе тутъ братъ съ сестрой? А ты такъ скажи: вотъ бываетъ тоже, что небогатые люди, по бѣдности, живутъ два семейства въ одной квартирѣ, — вотъ этому можно прировнять.

— И какъ это, Петровна, чтобы мужъ къ женѣ войти не могъ: значитъ, не одѣта, нельзя. Это на что похоже?

— А ты то лучше скажи, какъ они вечеромъ-то расходятся. Говоритъ: прощай, миленькій, спокойной ночи! Разойдутся, оба по своимъ комнатамъ сидятъ, книжки читаютъ, онъ тоже пишетъ. Ты слушай, что разъ было. Легла она спать, лежитъ, читаетъ книжку; только слышу черезъ перегородку-то, — на меня тоже что-то сна не было, — слышу, встаетъ. Только, что же ты думаешь? слышу, передъ зеркаломъ стала, значитъ, волоса пригладить. Ну, вотъ какъ есть, точно къ гостямъ выйти собирается. Слышу, пошла. Ну, и я въ корридоръ вышла, стала на стулъ, гляжу въ его-то комнату черезъ стекло. Слышу подошла. — «Можно войти, миленькій?» А онъ: «сейчасъ, Вѣрочка, минутку погоди».—Лежалъ тоже. Платьишко натянулъ, пальто: ну, думаю, галстухъ подвязывать станетъ: нѣтъ, галстуха не повязалъ, оправился, говоритъ: «теперь можно, Вѣрочка». Я, говоритъ, вотъ въ этой книжкѣ не понимаю, ты растолкуй». Онъ сказалъ.—«Ну, говоритъ, извини, миленькій, что я тебя побезпокоила». А онъ говоритъ: «ничего, Вѣрочка, я такъ лежалъ, ты не помѣшала». Ну, она и ушла.

— Такъ и ушла?

— Такъ и ушла.

— И онъ ничего?

— И онъ ничего. Да ты не тому дивись, что ушла, а тому дивись: одѣлась, пошла; онъ говоритъ: погоди; одѣлся, когда говоритъ: войди. Ты про это говори: какое-то заведеніе?

— А вотъ что, Петровна: это секта такая, значитъ; потому что есть всякія секты.

— Оно похоже на то. Смотри, что вѣрно твое слово.

Другой разговоръ.

— Данилычъ, а вѣдь я ее спросила про ихнее заведенье. Вы, говорю, не разсердитесь, что я васъ спрошу: вы какой вѣры будете? — «Обыкновенно какой, русской», говоритъ.—А супружникъ вашъ?—Тоже, говоритъ, русской. А секты никакой не изволите содержать?—Никакой, говоритъ: а вамъ почему такъ вздумалось? — Да вотъ почему, сударыня, барыней ли, барышней ли, не знаю, какъ васъ назвать: вы съ муженькомъ-то живете ли? — засмѣялась: живемъ, говоритъ.

—Засмѣялась?

— Засмѣялась: живемъ, говоритъ. Такъ отчего же у васъ заведенье такое, что вы неодѣтая не видите его, точно вы съ нимъ не живете?—Да, это говоритъ, для того, что зачѣмъ же растрепаной показываться? а секты тутъ никакой нѣтъ.—Такъ что же такое? говорю. А для того, говоритъ, что такъ-то любви больше, и размолвокъ нѣтъ.

— А это точно, Петровна, что на правду похоже. Значитъ, всегда въ своемъ видѣ.

— Да она еще какое слово сказала: ежели, говоритъ, я не хочу, чтобы другіе меня въ безобразіи видѣли, такъ мужа-то я больше люблю, значитъ, къ нему-то и вовсе не приходится не умывшись на глаза лѣзть.

— А и это на правду похоже, Петровна: отчего же на чужихъ-то женъ зарятся? Отъ того, что ихъ въ нарядѣ видятъ, а свою въ безобразіи. Такъ въ писаніи говорится, въ притчахъ Соломонихъ. Премудрѣйшій царь былъ.

II.

Хорошо шла жизнь Лопуховыхъ. Вѣра Павловна была всегда весела. Но однажды, — это было мѣсяцевъ черезъ пять послѣ свадьбы,—Дмитрій Сергѣичъ, возвратившись съ урока, нашелъ жену въ какомъ-то особенномъ настроеніи духа: въ ея глазахъ сіяла и гордость, и радость. Тутъ Дмитрій Сергѣичъ припомнилъ, что уже нѣсколько дней можно было замѣчать въ ней признаки пріятной тревоги, улыбающагося раздумья, нѣжной гордости.

— Другъ мой, у тебя есть какакое-то веселье: что же ты не подѣлишься со мною?

— Кажется, есть, мой милый, но погоди еще немного: скажу тебѣ тогда, когда это будетъ вѣрно. Надобно подождать еще нѣсколько дней. А это будетъ мнѣ большая радость. Да и ты будешь радъ, я знаю; и Кирсанову, и Мерцаловымъ понравится.

— Но что же такое?

— А ты забылъ, мой миленькій, нашъ уговоръ: не распрашивать? Скажу, когда будетъ вѣрно.

Прошло еще съ недѣлю.

— Мой миленькій, стану разсказывать тебѣ свою радость. Только ты мнѣ посовѣтуй, ты вѣдь все это знаешь. Видишь, мнѣ ужь давно хотѣлось что нибудь дѣлать. Я и придумала, что надо завести швейную; вѣдь это хорошо?

— Ну, мой другъ, у насъ былъ уговоръ, чтобъ я не цаловалъ твоихъ рукъ, да вѣдь то говорилось вообще, а на такой случай уговора не было. Давайте руку, Вѣра Павловна.

— Послѣ, мой миленькій, когда удастся сдѣлать.

— Когда удастся сдѣлать, тогда и не мнѣ дашь цаловать руку, тогда и Кирсановъ, и Алексѣй Петровичъ, и всѣ поцалуютъ. А теперь пока я одинъ. И намѣреніе стоитъ этого.

— Насиліе? я закричу.

— А кричи.

— Миленькій мой, я застыжусь и не скажу ничего. Будто ужь это такая важность!

— А вотъ какая важность, мой другъ: мы всѣ говоримъ и ничего не дѣлаемъ. А ты позже насъ всѣхъ стала думать объ этомъ, и раньше всѣхъ рѣшилась приняться за дѣло.

Вѣрочка припала головою къ груди мужа, спряталась: — Милый мой, ты захвалилъ меня.

Мужъ поцаловалъ ея голову: — Умная головка.

— Миленькій мой, перестань. Вотъ тебѣ и сказать нельзя; видишь, какой ты.

— Перестану: говори, моя добрая.

— Не смѣй такъ называть.

— Ну, злая.

— Ахъ, какой ты! все мѣшаешь. Ты слушай, сиди смирно. Вѣдь тутъ, мнѣ кажется, главное то, чтобы съ самаго начала, когда выбираешь немногихъ, дѣлать осмотрительно, чтобы это были въ самомъ дѣлѣ люди честные, хорошіе, не легкомысленные

ные, не шаткіе, настойчивые и вмѣстѣ мягкіе, чтобы отъ нихъ не выходило пустыхъ ссоръ, и чтобы они умѣли выбирать другихъ, — такъ?

— Такъ, мой другъ.

— Теперь я нашла трехъ такихъ дѣвушекъ. Ахъ, сколько я искала! вѣдь я, мой миленькій, ужь мѣсяца три заходила въ магазины, знакомилась, — и нашла. Такія славныя дѣвушки. Я съ ними хорошо познакомилась.

— И надобно, чтобъ онѣ были хорошія мастерицы своего дѣла; вѣдь нужно, чтобы дѣло шло собственнымъ достоинствомъ, вѣдь все должно быть основано на торговомъ разсчетѣ.

— Ахъ, еще бы нѣтъ, это разумѣется.

— Такъ чтожь еще? о чемъ со мной совѣтоваться?

— Да подробности, мой миленькій.

— Разсказывай подробности, да, вѣрно, ты сама все обдумала и съумѣешь приспособиться къ обстоятельствамъ. Ты знаешь, тутъ важнѣе всего принципъ, да характеръ, да умѣнье. Подробности опредѣляются сами собою, по особеннымъ условіямъ каждой обстановки.

— Знаю, но все-таки, когда ты скажешь, что это такъ, я буду больше увѣрена.

Они толковали долго. Лопуховъ не нашелъ ничего поправить въ планѣ жены; но для нея самой планъ ея развился и прояснился отъ того, что она разсказывала его.

На другой день, Лопуховъ отнесъ въ контору полицейскихъ вѣдомостей объявленіе, что «Вѣра Павловна Лопухова принимаетъ заказы на шитье дамскихъ платьевъ, бѣлья» и т. д., «по сходнымъ цѣнамъ» и проч.

Въ то же утро Вѣра Павловна отправилась къ Жюли. «Нынѣшней моей фамиліи она не знаетъ, — скажите, что m-lle Розальская».

— Дитя мое, вы безъ вуаля, открыто, ко мнѣ, и говорите свою фамилію слугѣ, но это безумство, вы губите себя, мое дитя!

— Да вѣдь я же теперь за мужемъ, и могу быть вездѣ и дѣлать, что хочу.

— Но вашъ мужъ, — онъ узнаетъ.

— Онъ черезъ часъ будетъ здѣсь. Начались разспросы о томъ, какъ она вышла замужъ. Жюли была въ восторгѣ, обнимала ее, цаловала, плакала. Когда пароксизмъ прошелъ, Вѣра Павловна стала говорить о цѣли своего визита.

— Вы знаете, старыхъ друзей не вспоминаютъ иначе, какъ тогда, когда имѣютъ въ нихъ надобность. У меня къ вамъ большая просьба. Я завожу швейную мастерскую. Давайте мнѣ заказы и рекомендуйте меня вашимъ знакомымъ. Я сама хорошо шью, и помощницы у меня хорошія, — да вы знаете одну изъ нихъ. Дѣйствительно, Жюли знала одну изъ нихъ за отличную швею. — Вотъ вамъ образцы моей работы. И это платье я дѣлала сама себѣ: вы видите, какъ хорошо сидитъ.

Жюли очень внимательно разсмотрѣла, какъ сидитъ платье, разсмотрѣла шитье платка, рукавчиковъ, и осталась довольна.

— Мое дитя, вы могли бы имѣть хорошій успѣхъ, у васъ есть мастерство и вкусъ. Но для этого надобно имѣть пышный магазинъ на Невскомъ.

— Да, я заведу со временемъ; это будетъ моя цѣль. Теперь я принимаю заказы на дому. Кончили дѣло, начали опять толковать о замужствѣ Вѣрочки.

— А этотъ Сторешникъ, онъ двѣ недѣли кутилъ ужасно; но потомъ помирился съ Аделью. Я очень рада за Адель: онъ добрый малый; только жаль, что Адель не имѣетъ характера.

Выѣхавъ на свою дорогу, Жюли пустилась болтать о похожденіяхъ Адели и другихъ: теперь m-lle Розальская уже дама, слѣдовательно, Жюли не считала нужнымъ сдерживаться; сначала она говорила разсудительно, потомъ увлекалась, увлекалась, и стала описывать кутежи съ востергомъ, и пошла, и пошла; Вѣра Павловна сконфузилась, Жюли ничего не замѣчала; Вѣра Павловна оправилась и слушала уже съ тѣмъ тяжелымъ интересомъ, съ какимъ разсматриваешь черты милаго лица, искаженныя болѣзнью. Но вошелъ Лопуховъ, Жюли мгновенно обратилась въ солидную свѣтскую даму, исполненную строжайшаго такта. Однако, и эту роль она выдержала не долго. Начавъ поздравлять Лопухова съ женою, такою красавицею, она опять разгорячилась: — «нѣтъ, мы должны праздновать вашу свадьбу» велѣла подать завтракъ на скорую руку, подать шампанское. Вѣрочка была должна выпить полстакана за свою свадьбу, полстакана за свою мастерскую, полстакана за саму Жюли. У нея закружилась голова, подняли онѣ съ Жюли крикъ, шумъ, гамъ: Жюли ущипнула Вѣрочку, вскочила, побѣжала, Вѣрочка за нею: бѣготня по комнатамъ, прыганье по стульямъ; Лопуховъ сидѣлъ и смѣялся. Кончилось тѣмъ, что Жюли вздумала хвалиться силою: «я васъ подниму на воздухъ одною рукою.» — «Не подни-

мете». Принялись бороться, упали объ на диванъ, и уже не захотѣли встать, а только продолжали кричать, хохотать и объ заснули.

Съ давняго времени, это былъ первый случай, когда Лопуховъ не зналъ, что ему дѣлать. Будить? жалко, испортишь все веселое свиданье неловкимъ концомъ. Онъ осторожно всталъ, пошелъ по комнатѣ, не попадется ли книга. Книга попалась — Chronique de l'Oeil de Boeuf, — вещь, передъ которою «Фоблазъ» вялъ; онъ усѣлся на диванъ въ другомъ концѣ комнаты, сталъ читать, и черезъ четверть часа самъ заснулъ отъ скуки.

Часа черезъ два, Полина разбудила Жюли: было время обѣдать. Сѣли одни, безъ Сержа, который былъ на какомъ-то нарядномъ обѣдѣ; Жюли и Вѣрочка опять покричали, опять посолидничали, при прощаньи стали вовсе солидны, и Жюли вздумала спросить,—прежде не случилось вздумать,—зачѣмъ Вѣрочка заводитъ мастерскую? вѣдь если она думаетъ о деньгахъ, то гораздо легче ей сдѣлаться актрисою, даже пѣвицею: у нея такой сильный голосъ; по этому случаю опять усѣлись. Вѣрочка стала разсказывать свои мысли, и Жюли опять пришла въ энтузіазмъ, и посыпались благословенья, перемѣшанныя съ тѣмъ, что она, Жюли ле-Теллье, погибшая женщина, — и слезы, но что она знаетъ, что такое «добродѣтель»—и опять слезы, и обниманья, и опять благословенья.

Дня черезъ четыре, Жюли пріѣхала къ Вѣрѣ Павловнѣ и дала довольно много заказовъ отъ себя, дала адресы нѣсколькихъ своихъ пріятельницъ, отъ которыхъ также можно получить заказы. Она привезла съ собою Сержа, сказавъ, что безъ этого нельзя: Лопуховъ былъ у меня, ты долженъ теперь сдѣлать ему визитъ. Жюли держала себя солидно, и выдержала солидность безъ малѣйшаго отступленія, хотя просидѣла у Лопуховыхъ долго; она видѣла, что тутъ не стѣны, а жиденькія перегородки, а она умѣла дорожить чужими именами. Въ азартъ она не приходила, а впадала больше въ буколическое настроеніе, съ восторгомъ вникая во всѣ подробности бѣдноватаго быта Лопуховыхъ и находя, что именно такъ слѣдуетъ жить, что иначе нельзя жить, что только въ скромной обстановкѣ возможно истинное счастье, и даже объявила Сержу, что они съ нимъ отправятся жить въ Швейцарію, поселятся въ маленькомъ домикѣ среди полей и горъ, на берегу озера, будутъ любить другъ друга, удить рыбу, ухаживать за своимъ огородомъ; Сержъ сказалъ,

что онъ совершенно согласенъ, но посмотритъ, что она будетъ говорить часа черезъ три, четыре.

Громъ изящной кареты и топотъ удивительныхъ лошадей Жюли произвели потрясающее впечатлѣніе въ населеніи 5-й линіи между Среднимъ и Малымъ проспектами, гдѣ ничего подобнаго не было видано, по крайней мѣрѣ, со временъ Петра Великаго, если не раньше. Много глазъ смотрѣли, какъ дивный феноменъ остановился у запертыхъ воротъ одно-этажнаго деревяннаго домика въ 7 оконъ, какъ изъ удивительной кареты явился новый, еще удивительнѣйшій феноменъ, великолѣпная дама съ блестящимъ офицеромъ, важное достоинство котораго не подлежало сомнѣнію. Всеобщее огорченіе было произведено тѣмъ, что черезъ минуту ворота отперлись и карета въѣхала на дворъ: любознательность лишилась надежды видѣть величественнаго офицера и еще величественнѣйшую даму вторично при ихъ отъѣздѣ. Когда Данилычъ возвратился домой съ торговли, у Петровны съ нимъ произошелъ разговоръ.

— Петровичъ, а видно жильцы-то наши изъ важныхъ людей. Пріѣзжали къ нимъ генералъ съ генеральшею. Генеральша такъ одѣта, что и разсказать нельзя, а на генералѣ двѣ звѣзды.

Какимъ образомъ Петровна видѣла звѣзды на Сержѣ, который еще и не имѣлъ ихъ, да еслибъ и имѣлъ, то вѣроятно не носилъ бы при поѣздкахъ на службѣ Жюли, это вещь изумительная; но что дѣйствительно она видѣла ихъ, что не ошибалась и не хвастала, это не она свидѣтельствуетъ, это я за нее также ручаюсь: она видѣла ихъ. Это мы знаемъ, что на немъ ихъ не было; но у него былъ такой видъ, что съ точки зрѣнія Петровны нельзя было не увидать на немъ двухъ звѣздъ, — она и увидѣла ихъ; не шутя я вамъ говорю: увидѣла.

— И на лакеѣ ливрея какая, Данилычъ: сукно англійское, по 5 рублей аршинъ; онъ суровый такой, важный, но учтивъ, отвѣчаетъ; давалъ и пробовать на рукавѣ, отличное сукно. Видно, что денегъ-то куры не клюютъ. И сидѣли они у нашихъ, Данилычъ, часа два, и наши съ ними говорятъ просто, вотъ какъ я съ тобою, и не кланяются имъ, и смѣются съ ними; и нашъ-то сидитъ съ генераломъ, оба развалившись, въ креслахъ-то, и курятъ, и нашъ куритъ при генералѣ, и развалился; да чего? — папироска погасла, такъ онъ взялъ у генерала-то, да и закурилъ свою-то. А ужь съ какимъ почтеніемъ генералъ ручку поцало-

валъ у нашей-то, и разсказать нельзя. Какъ же теперь это дѣло разсудить, Данилычъ?

— Все отъ Бога, я такъ разсуждаю; значитъ, и знакомство али родство какое, — отъ Бога.

— Такъ, Данилычъ, отъ Бога, слова нѣтъ; а я и такъ думаю, что либо нашъ, либо наша, приходятся, либо братомъ, либо сестрой, либо генералу, либо генеральшѣ. И признаться, я больше на нее думаю, что она генералу сестра.

— Какъ же это будетъ по твоему, Петровна? Не похоже что-то. Какъ бы такъ, у нихъ бы деньги были.

— А такъ, Данилычъ, что мать не въ бракѣ родила, либо отецъ не въ бракѣ родилъ. Потому лицо другое: подобія-то, точно, нѣтъ.

— Это можетъ статься, Петровна, что не въ бракѣ. Бываетъ.

Петровна на четыре цѣлые дня пріобрѣла большую важность въ своей мелочной лавочкѣ. Эта лавочка цѣлые три дня отвлекала часть публики изъ той, которая наискось. Петровна для интересовъ просвѣщенія даже нѣсколько пренебрегла въ эти дни своимъ штопаньемъ, утоляя жажду жаждущихъ знанія.

Слѣдствіемъ всего этого было, что черезъ недѣлю явился къ дочери и зятю Павелъ Константинычъ.

Марья Алексѣвна собирала свѣдѣнія о жизни дочери и разбойника, — не то чтобы постоянно и заботливо, а такъ, вообще, тоже больше изъ чисто научнаго инстинкта любознательности. Одной изъ мелкихъ ея кумушекъ, жившей на Васильевскомъ, было поручено справляться о Вѣрѣ Павловнѣ, когда случится идти мимо, и кумушка доставляла ей свѣдѣнія, иногда разъ въ мѣсяцъ, иногда и чаще, какъ случится. Лопуховы живутъ между собою въ ладу. Дебоша никакого нѣтъ. Одно только: молодыхъ людей много бываетъ, да все мужнины пріятели и скромные. Живутъ небогато; но видно, что деньги есть. Не то что продавать, а покупаютъ. Сшила себѣ два шолковыхъ платья. Купили два дивана, столъ къ дивану, полъ-дюжины креселъ, по случаю; заплатили 40 руб., а мебель хорошая, рублей сто надо дать. Сказывали хозяевамъ, чтобъ искали новыхъ жильцовъ: мы, говорятъ, черезъ мѣсяцъ на свою квартиру съѣдемъ, а вами, значитъ хозяевами-то, очень благодарны за расположеніе; ну, и хозяева: и мы, говоритъ, вами тоже.

Марья Алексѣвна утѣшалась этими слухами. Женщина очень грубая и очень дурная, она мучила дочь, готова была и убить, и

погубить ее для своей выгоды, и проклинала ее, потерпѣвъ черезъ нее разстройство своего плана обогатиться — это такъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что она не имѣла къ дочери никакой любви? Нисколько не слѣдуетъ. Когда дѣло было кончено, когда дочь безвозвратно вырвалась изъ ея рукъ, что жь было дѣлать? Что съ возу упало, то пропало. А все-таки дочь; и теперь, когда уже не представлялось никакого случая, чтобы какой нибудь вредъ Вѣры Павловны могъ служить для выгоды Марьѣ Алексѣвнѣ, мать искренно желала дочери добра. И опять не то, чтобы желала, ужь Богъ знаетъ, какъ, но это все равно: по крайней мѣрѣ она все-такй не Богъ знаетъ съ какою внимательностію шпіонила за нею. Мѣры для слѣженія за дочерью были приняты только такъ, между прочимъ, потому что, согласитесь, нельзя же не слѣдить; ну, и желанье добра было тоже между прочимъ, потому что, согласитесь, все-таки дочь. Почему жь и не помириться? тѣмъ больше, что разбойникъ-зять, изо всего видно, человѣкъ основательный, можетъ быть, и пригодится со временемъ. Такимъ образомъ, Марья Алексѣвна шла по немногу къ мысли возобновить сношенія съ дочерью. Понадобилось бы еще съ полгода, пожалуй, съ годъ, чтобы доплестись до этого: не было нужды торопиться, время терпитъ. Но извѣстіе о генералѣ съ генеральшею разомъ двинуло исторію впередъ на всю остававшуюся половину пути. Разбойникъ дѣйствительно оказывался шельмецомъ. Отставной студентишка безъ чина, съ двумя грошами денегъ, вошелъ въ дружбу съ молодымъ, стало быть, ужь очень важнымъ, богатымъ генераломъ и подружилъ свою жену съ его женою: такой человѣкъ далеко пойдетъ. Или это Вѣра подружилась съ генеральшею и мужа подружила съ генераломъ? все равно, значитъ Вѣра далеко пойдетъ.

Итакъ, немедленно по полученіи свѣдѣнія о визитѣ, отправленъ былъ отецъ объявить дочери, что мать простила ее и зоветъ къ себѣ. Вѣра Павловна и мужъ отправились съ Павломъ Константинычемъ и просидѣли начало вечера. Свиданіе было холодно и натянуто. Говорили больше всего о Ѳедѣ, потому что это предметъ не щекотливый. Онъ ходилъ въ гимназію; уговорили Марью Алексѣвну отдать его въ пансіонъ гимназіи, — Дмитрій Сергѣичъ будетъ тамъ навѣщать его, а по праздникамъ Вѣра Павловна будетъ брать его къ себѣ. Кое-какъ дотянули время до чаю, потомъ спѣшили разстаться: Лопуховы сказали, что у нихъ нынче будутъ гости.

Полгода Вѣра Павловна дышала чистымъ воздухомъ, грудь ея уже совершенно отвыкла отъ тяжелой атмосферы хитрыхъ словъ, изъ которыхъ каждое произносится по корыстному разсчету, отъ слушанія мошенническихъ мыслей, низкихъ плановъ, и страшное впечатлѣніе произвелъ на нее ея подвалъ. Грязь, пошлость, цинизмъ всякаго рода — все это бросалось теперь въ глаза ей съ рѣзкостью новизны.

«Какъ у меня доставало силы жить въ такихъ гадкихъ стѣсненіяхъ? Какъ я могла дышать въ этомъ подвалѣ? И не только жила, даже осталась здорова. Это удивительно, непостижимо. Какъ я могла тутъ вырости съ любовью къ добру? Не понятно, невѣроятно», думала Вѣра Павловна, возвращаясь домой, и чувствовала себя отдыхающею послѣ удушья.

Когда они пріѣхали домой, къ нимъ черезъ нѣсколько времени собрались гости, которыхъ они ждали, — обыкновенные тогдашніе гости: Алексѣй Петровичъ съ Натальей Андревной, Кирсановъ, — и вечеръ прошелъ, какъ обыкновенно проходилъ съ ними. Какъ вдвойнѣ отрадна показалась Вѣрѣ Павловнѣ ея новая жизнь съ чистыми мыслями, въ обществѣ чистыхъ людей! По обыкновенію, шелъ и веселый разговоръ со множествомъ воспоминаній, шелъ и серьёзный разговоръ обо всемъ на свѣтѣ: отъ тогдашнихъ историческихъ дѣлъ (междоусобная война въ Канзасѣ, предвѣстница нынѣшней великой войны сѣвера съ югомъ; предвѣстницы еще болѣе великихъ событій не въ одной Америкѣ, занимала этотъ маленькій кружокъ: теперь о политикѣ толкуютъ всѣ, тогда интересовались ею очень немногіе; въ числѣ немногихъ — Лопуховъ, Кирсановъ, ихъ пріятели) до тогдашняго спора о химическихъ основаніяхъ земледѣлія по теоріи Либиха; и о законахъ историческаго прогресса, безъ которыхъ не обходился тогда ни одинъ разговоръ въ подобныхъ кружкахъ, и о великой важности различенія реальныхъ желаній, которыя ищутъ и находятъ себѣ удовлетвореніе, отъ фантастическихъ, которымъ не находится, да которымъ и не нужно найти себѣ удовлетворенія, какъ фальшивой жаждѣ во время горячки, которымъ, какъ ей, одно удовлетвореніе: излеченіе организма, болѣзненнымъ состояніемъ котораго они порождаются черезъ искаженіе реальныхъ желаній, и о важности этого кореннаго различенія, выставленной тогда антропологическою философіею, и обо всемъ, тому подобномъ и неподобномъ, но родственномъ. Дамы по временамъ и вслушивались въ эти учености, говорившіяся такъ про-

сто, будто и не учености, и вмѣшивались въ нихъ своими вопросами, а больше — больше, разумѣется, не слушали, даже обрызгали водою Лопухова и Алексѣя Петровича, когда они уже очень восхитились великою важностью минеральнаго удобренія; но Алексѣй Петровичъ и Лопуховъ толковали о своихъ ученостяхъ непоколебимо. Кирсановъ плохо помогалъ имъ, былъ больше, даже вовсе на сторонѣ дамъ, и они втроемъ играли, пѣли, хохотали до глубокой ночи, когда, уставши, развели наконецъ и непоколебимыхъ ревнителей серьёзнаго разговора.

III.

ВТОРОЙ СОНЪ ВѢРЫ ПАВЛОВНЫ.

И вотъ Вѣра Павловна засыпаетъ, и снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ.

Поле, и по полю ходятъ мужъ, то есть, миленькій, и Алексѣй Петровичъ, и миленькій говоритъ: «вы интересуетесь знать, Алексѣй Петровичъ, почему изъ одной грязи родится пшеница такая бѣлая, чистая и нѣжная, а изъ другой грязи не родится? Эту разницу вы сами сейчасъ увидите. Посмотрите корень этого прекраснаго колоса: около корня грязь, но эта грязь свѣжая, можно сказать, чистая грязь; слышите, запахъ сырой, непріятный, но не затхлый, не скиснувшійся. Вы знаете, что на языкѣ философіи, которой мы съ вами держимся, эта чистая грязь называется реальная грязь. Она грязна, это правда; но всмотритесь въ нее хорошенько, вы увидите, что всѣ элементы, изъ которыхъ она состоитъ, сами по себѣ здоровы. Они составляютъ грязь въ этомъ соединеніи, но пусть немного перемѣнится расположеніе атомовъ, и выйдетъ что нибудь другое: и все другое, что выйдетъ, будетъ также здоровое, потому что основные элементы здоровы. Откуда же здоровое свойство этой грязи? обратите вниманіе на положеніе этой поляны: вы видите, что вода здѣсь имѣетъ стокъ, и потому здѣсь не можетъ быть гнилости».

— Да, движеніе есть реальность, говоритъ Алексѣй Петровичъ, потому что движеніе—это жизнь, а реальность и жизнь одно и то же. Но жизнь имѣетъ главнымъ своимъ элементомъ

трудъ, а потому главный элементъ реальности — трудъ, и самый вѣрный признакъ реальности—дѣльность.

— Такъ видите, Алексѣй Петровичъ, когда солнце станетъ согрѣвать эту грязь и теплота станетъ перемѣщать ея элементы въ болѣе сложныя химическія сочетанія, то есть въ сочетанія высшихъ формъ, колосъ, который выростаетъ изъ этой грязи отъ солнечнаго свѣта, будетъ здоровый колосъ.

— Да, потому что это грязь реальной жизни, говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Теперь, перейдемъ на эту поляну. Беремъ и здѣсь растеніе, также разсматриваемъ его корень. Онъ также загрязненъ. Обратите вниманіе на характеръ этой грязи. Не трудно замѣтить, что это грязь гнилая.

— То есть, фантастическая грязь, по научной терминологіи, говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Такъ; элементы этой грязи находятся въ нездоровомъ состояніи. Натурально, что какъ бы они ни перемѣщались, и какія бы другія вещи, не похожія на грязь, ни выходили изъ этихъ элементовъ, всѣ эти вещи будутъ нездоровыя, дрянныя.

— Да, потому что самые элементы нездоровы, говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Намъ не трудно будетъ открыть причину этого нездоровья...

— То есть, этой фантастической гнилости, говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Да, гнилости этихъ элементовъ, если мы обратимъ вниманіе на положеніе этой поляны. Вы видите, вода не имѣетъ стока изъ нея, потому застаивается, гніетъ.

— Да, отсутствіе движенія есть отсутствіе труда, говоритъ Алексѣй Петровичъ:—потому что трудъ представляется въ антропологическомъ анализѣ коренною формою движенія, дающею основаніе и содержаніе всѣмъ другимъ формамъ: развлеченію, отдыху, забавѣ, веселью; онѣ безъ предшествующаго труда не имѣютъ реальности. А безъ движенія нѣтъ жизни, то есть реальности, потому это грязь фантастическая, то есть гнилая. До недавняго времени не знали, какъ возвращать здоровье такимъ полянамъ; но теперь открыто средство; это—дренажъ: лишняя вода сбѣгаетъ по канавамъ, остается воды сколько нужно, и она движется, и поляна получаетъ реальность. Но пока это средство не примѣнено, эта грязь остается фантастическою, то есть гнилою, а на ней не можетъ быть хорошей растительности; между

тѣмъ какъ очень натурально, что на грязи реальной являются хорошія растенія, такъ какъ она грязь здоровая. Что и требовалось доказать; o-e-a-a-dum, какъ говорится по латинѣ.

Какъ говорится по латинѣ «что и требовалось доказать», Вѣра Павловна не можетъ разслушать.

— А у васъ, Алексѣй Петровичъ, есть охота забавляться кухонною латынью и силлогистикою, говоритъ миленькій, то есть мужъ.

Вѣра Павловна подходитъ къ нимъ и говоритъ: да полно-те вамъ толковать о своихъ анализахъ, тожествахъ и антропологизмахъ, пожалуйста, господа, что нибудь другое, чтобъ и я могла участвовать въ разговорѣ, или лучше, давайте играть.

— Давайте, играть, говоритъ Алексѣй Петровичъ:—давайте исповѣдываться.

— Давайте, давайте, это будетъ очень весело, говоритъ Вѣра Павловна: — но вы подали мысль, вы покажите и примѣръ исполненія.

— Съ удовольствіемъ, сестра моя, говоритъ Алексѣй Петровичъ:—но вамъ сколько лѣтъ, милая сестра моя, осьмнадцать?

— Скоро будетъ девятнадцать.

— Но еще нѣтъ; потому положимъ, осьмнадцать, и будемъ всѣ исповѣдываться до осьмнадцати лѣтъ, потому что нужно равенство условій. Я буду исповѣдываться за себя и за жену. Мой отецъ былъ дьячокъ въ губернскомъ городѣ и занимался переплетнымъ мастерствомъ, а мать пускала на квартиру семинаристовъ. Съ утра до ночи, отецъ и мать все хлопотали и толковали о кускѣ хлѣба. Отецъ выпивалъ, но только когда приходилась нужда не въ терпежъ, — это реальное горе, или когда доходъ былъ порядочный: тутъ онъ отдавалъ матери всѣ деньги и говорилъ: «ну, матушка, теперь, слава Богу, на два мѣсяца нужды не увидишь; а я себѣ полтинничекъ оставилъ, на радости выпью» —это реальная радость. Моя мать часто сердилась, иногда бивала меня, но тогда, когда у нея, какъ она говорила, отнималась поясница отъ тасканья корчагъ и чугуновъ, отъ мытья бѣлья на насъ пятерыхъ и на пять человѣкъ семинаристовъ, и мытья половъ, загрязненныхъ нашими двадцатью ногами, не носившими калошъ, и ухода за коровой: это — реальное раздраженіе нервъ чрезмѣрною работою безъ отдыха; и когда, при всемъ этомъ, «концы не сходились», какъ она говорила, то есть не хватало денегъ на покупку сапогъ кому нибудь изъ насъ, братьевъ, или

на башмаки сестрамъ,—тогда она бивала насъ. Она и ласкала насъ, когда мы, хоть глупенькія дѣти, сами вызывались помогать ей въ работѣ, или когда мы дѣлали что нибудь другое умное, или когда выдавалась ей рѣдкая минута отдохнуть, и ея «поясницу отпускало», какъ она говорила, — это все реальныя радости....

— Ахъ, довольно вашихъ реальныхъ горестей и радостей, говоритъ Вѣра Павловна.

— Въ такомъ случаѣ, извольте слушать исповѣдь за Наташу.

— Не хочу слушать: въ ней такія же реальныя горести и радости, знаю.

— Совершенная правда.

— Но, быть можетъ, вамъ интересно будетъ выслушать мою исповѣдь, говоритъ Сержъ, неизвѣстно откуда взявшійся.

— Посмотримъ, говоритъ Вѣра Павловна.

— Мой отецъ и мать, хотя были люди богатые, тоже вѣчно хлопотали и толковали о деньгахъ; и богатые люди не свободны отъ такихъ же заботъ...

— Вы не умѣете исповѣдываться, Сержъ, любезно говоритъ Алексѣй Петровичъ: — вы скажите, почему они хлопотали о деньгахъ, какіе расходы ихъ безпокоили, какимъ потребностямъ затруднялись они удовлетворять?

— Да, конечно, я понимаю, къ чему вы спрашиваете, говоритъ Сержъ:—но оставимъ этотъ предметъ, обратимся къ другой сторонѣ ихъ мыслей. Они также заботились о дѣтяхъ.

— А кусокъ хлѣба былъ обезпеченъ ихъ дѣтямъ? спрашиваетъ Алексѣй Петровичъ.

— Конечно; но должно было позаботиться о томъ, чтобы...

— Не исповѣдуйтесь, Сержъ! говоритъ Алексѣй Петровичъ:— мы знаемъ вашу исторію; заботы объ излишнемъ, мысли о ненужномъ,—вотъ почва, на которой вы выросли; это почва фантастическая. Потому, посмотрите вы на себя: вы отъ природы человѣкъ и не глупый, и очень хорошій, быть можетъ, не хуже и не глупѣе насъ, а къ чему же вы пригодны, на что вы полезны?

— Пригоденъ на то, чтобы провожать Жюли повсюду, куда она беретъ меня съ собою; полезенъ на то, чтобы Жюли могла кутить, отвѣчаетъ Сержъ.

— Изъ этого мы видимъ, говоритъ Алексѣй Петровичъ: — что фантастическая или нездоровая почва...

— Ахъ, какъ вы надоѣли съ вашею реальностью и фантастичностью! Давно непонятно, а они продолжаютъ толковать! говоритъ Вѣра Павловна.

— Такъ не хочешь ли потолковать со мною? говоритъ Марья Алексѣвна, тоже неизвѣстно откуда взявшаяся: — вы, господа, удалитесь, потому что мать хочетъ говорить съ дочерью.

Всѣ исчезаютъ. Вѣрочка видитъ себя наединѣ съ Марьей Алексѣвною. Лицо Марьи Алексѣвны принимаетъ насмѣшливое выраженіе.

— Вѣра Павловна, вы образованная дама, вы такая чистая и благородная, говоритъ Марья Алексѣвна, и голосъ ея дрожитъ отъ злобы:—вы такая добрая... какъ же мнѣ, грубой и злой пьяницѣ, разговаривать съ вами? У васъ, Вѣра Павловна, злая и дурная мать; а позвольте васъ спросить, сударыня, о чемъ эта мать заботилась? о кускѣ хлѣба; это по вашему, по ученому, реальная, истинная, человѣческая забота, не правда ли? Вы слышали ругательства, вы видѣли дурныя дѣла и низости; а позвольте васъ спросить, какую цѣль они имѣли? пустую, вздорную? Нѣтъ, сударыня. Нѣтъ, сударыня, какова бы ни была жизнь вашего семейства, но эта была не пустая, фантастическая жизнь. Видите, Вѣра Павловна, я выучилась говорить по вашему, по ученому. Но вамъ, Вѣра Павловна, прискорбно и стыдно, что ваша мать дурная и злая женщина? Вамъ угодно, Вѣра Павловна, чтобъ я была доброю и честною женщиною? Я вѣдьма, Вѣра Павловна, я умѣю колдовать, я могу исполнить ваше желаніе. Извольте смотрѣть, Вѣра Павловна, ваше желаніе исполняется: я, злая, исчезаю; смотрите на добрую мать и ея дочь.

Комната. У порога храпитъ пьяный, небритый, гадкій мужчина. Кто—это нельзя узнать, лицо на половину закрыто рукою, на половину покрыто синяками. Кровать. На кровати женщина, — да, это Марья Алексѣвна только добрая! за то, какая она блѣдная, дряхлая въ свои 45 лѣтъ, какая изнуренная! У кровати дѣвушка лѣтъ 18, да это я сама, Вѣрочка; только какая же я образованная. Да что это? у меня и цвѣтъ лица какой-то желтый, да и черты грубѣе, да и комната какая бѣдная! Мебели почти нѣтъ. — «Вѣрочка, другой мой, ангелъ мой, говоритъ Марья Алексѣвна: — прилягъ, отдохни, сокровище, ну, что на меня смотрѣть, я и такъ полежу. Вѣдь ты третью ночь не спишь.

— Ничего, маменька, я не устала, говоритъ Вѣрочка.

— А мнѣ все нѣтъ лучше, Вѣрочка; какъ-то ты безъ меня останешься? У отца жалованьишко маленькое, и самъ-то онъ плохая тебѣ опора. Ты дѣвушка красивая; злыхъ людей на свѣтѣ много. Предостеречь тебя будетъ некому. Боюсь я за тебя. — Вѣрочка плачетъ.

— Милая моя, ты не огорчись, я тебѣ не въ укоръ это скажу, а въ предостереженье: ты зачѣмъ въ пятницу изъ дому уходила, за день передъ тѣмъ, какъ я разнемоглась? — Вѣрочка плачетъ.

— Онъ тебя обманетъ, Вѣрочка, брось ты его.

— Нѣтъ, маменька.

Два мѣсяца. Какъ это, въ одну минуту, прошли два мѣсяца?

Сидитъ офицеръ. На столѣ передъ офицеромъ бутылка. На колѣняхъ у офицера она, Вѣрочка.

Еще два мѣсяца прошли въ одну минуту.

Сидитъ барыня. Передъ барынею стоитъ она, Вѣрочка.

— А гладить умѣешь, милая?

— Умѣю.

— А изъ какихъ ты, милая? крѣпостная или вольная?

— У меня отецъ чиновникъ.

— Такъ изъ благородныхъ, милая? Такъ я тебя нанять не могу. Какая ты будешь слуга? Ступай, моя милая, не могу.

Вѣрочка на улицѣ.

— Мамзель, а мамзель, говоритъ какой-то пьяноватый юноша: — вы куда идете? Я васъ провожу. — Вѣрочка бѣжитъ къ Невѣ.

— Что, моя милая, насмотрѣлась, какая ты у доброй-то матери была? говоритъ прежняя, настоящая Марья Алексѣевна: — хорошо я колдовать умѣю? Аль не угадала? Что молчишь? Языкъ-то есть? Да я изъ тебя слова-то выжму: вишь ты, нейдутъ съ языка-то! По магазинамъ ходила?

— Ходила отвѣчаетъ, Вѣрочка, а сама дрожитъ.

— Видала? Слыхала?

— Да.

— Хорошо имъ жить? Ученыя онѣ? Книжки читаютъ, объ новыхъ вашихъ порядкахъ думаютъ, какъ бы людямъ добро дѣлать? Думаютъ что ли? — говори!

Вѣрочка молчитъ, а сама дрожитъ.

— Экъ изъ тебя и слова-то нейдутъ. Хорошо имъ жить? — спрашиваю.

Вѣрочка молчитъ, а сама холодѣетъ.

— Нейдутъ изъ тебя слова-то. Хорошо имъ жить? — спрашиваю; хороши онѣ?—спрашиваю; такой хотѣла бы быть, какъ онѣ? — Молчишь! рыло-то воротишь!—Слушай же ты, Вѣрка, что я скажу. Ты ученая — на мои воровскія деньги учена. Ты объ добромъ думаешь, а какъ бы я не злая была, такъ бы ты и не знала, что такое добромъ называется. Понимаешь? *Все* отъ меня, *моя* ты дочь, понимаешь? *Я* тебѣ мать.

Вѣрочка и плачетъ, и дрожитъ, и холодѣетъ. — Маменька, чего вы отъ меня хотите? Я не могу любить васъ.

— А я развѣ прошу: полюби?

— Мнѣ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, уважать васъ; но я и этого не могу.

— А я нуждаюсь въ твоемъ уваженіи?

— Что же вамъ нужно, маменька? Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ такъ страшно говорить со мною? Чего вы хотите отъ меня?

— Будь признательна, неблагодарная. Не люби, не уважай. Я злая: что меня любить? Я дурная: что меня уважать? Но ты пойми, Вѣрка, что кабы я не такая была, и ты бы не такая была. Хорошая ты — отъ меня дурной; добрая ты — отъ меня злой. Пойми, Вѣрка, благодарна будь.

— Уйдите, Марья Алексѣвна, теперь я поговорю съ сестрицею.

Марья Алексѣвна исчезаетъ.

Невѣста своихъ жениховъ, сестра своихъ сестеръ беретъ Вѣрочку за руку. — Вѣрочка, я хотѣла всегда быть доброй съ тобою, вѣдь ты добрая, а я такова, каковъ самъ человѣкъ, съ которымъ я говорю. Но ты теперь грустная,—видишь, и я грустная; посмотри, хороша ли я грустная?

— Все-таки лучше всѣхъ на свѣтѣ.

— Поцалуй меня, Вѣрочка, мы вмѣстѣ огорчены. Вѣдь твоя мать говорила правду. Я не люблю твою мать, но она мнѣ нужна.

— Развѣ безъ нея нельзя вамъ?

— Послѣ будетъ можно, когда не нужно будетъ людямъ быть злыми. А теперь нельзя. Видишь, добрые не могутъ сами стать на ноги, злые сильны, злые хитры. Но видишь, Вѣрочка, злые бываютъ разные: однимъ нужно, чтобы на свѣтѣ становилось хуже, другимъ, тоже злымъ, чтобы становилось лучше: такъ нужно для ихъ пользы. Видишь, твоей матери болѣе нуж-

но, чтобы ты была образованная: вѣдь она брала у тебя деньги, которыя ты получала за уроки; вѣдь она хотѣла, чтобъ ея дочь поймала богатаго зятя ей, а для этого ей было нужно, чтобы ты была образованная. Видишь, у нея были дурныя мысли, но изъ нихъ выходила польза человѣку: вѣдь тебѣ вышла польза? А у другихъ злыхъ не такъ. Если бы твоя мать была Анна Петровна, развѣ ты училась бы такъ, чтобы ты стала образованная, узнала добро, полюбила его? Нѣтъ, тебя бы не допустили узнать что нибудь хорошее, тебя бы сдѣлали куклой,—такъ? Такой матери нужна дочь кукла, потому что она сама кукла, и все играетъ съ куклами въ куклы. А твоя мать человѣкъ дурной, но все-таки человѣкъ, ей было нужно, чтобы ты не была куклой. Видишь, какъ злые бываютъ разные? Одни мѣшаютъ мнѣ: вѣдь я хочу, чтобы люди стали людьми, а они хотятъ, чтобы люди были куклами. А другіе злые помогаютъ мнѣ, — они не хотятъ помогать мнѣ, но даютъ просторъ людямъ становиться людьми, они собираютъ средства людямъ становиться людьми. А мнѣ только этого и нужно. Да, Вѣрочка, теперь мнѣ нельзя безъ такихъ злыхъ, которые были бы противъ другихъ злыхъ. Мои злые — злы, но подъ ихъ злою рукою ростетъ добро. Да, Вѣрочка, будь признательна къ своей матери. Не люби ея, она злая, но ты ей всѣмъ обязана, знай это: безъ нея не было бы тебя.

— И всегда такъ будетъ? Нѣтъ, такъ не будетъ?

— Да, Вѣрочка, послѣ, такъ не будетъ. Когда добрые будутъ сильны, мнѣ не нужны будутъ злые. Это скоро будетъ Вѣрочка. Тогда злые увидятъ, что имъ нельзя быть злыми; и тѣ злые, которые были людьми, станутъ добрыми: вѣдь они были злыми только потому, что имъ вредно было быть добрыми, а вѣдь они знаютъ, что добро лучше зла, они полюбятъ его, когда можно будетъ любить его безъ вреда.

— А тѣ злые, которые были куклами, что съ ними будетъ? Мнѣ и ихъ жаль.

— Они будутъ играть въ другія куклы, только ужь въ безвредныя куклы. Но вѣдь у нихъ не будетъ такихъ дѣтей, какъ они: вѣдь у меня всѣ люди будутъ людьми; и ихъ дѣтей я выучу быть не куклами, а людьми.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо!

— Да, но и теперь хорошо, потому что готовится это хорошее; по крайней мѣрѣ, тѣмъ и теперь очень хорошо, кто готовитъ его. Когда ты, Вѣрочка, помогаешь кухаркѣ готовить обѣдъ,

вѣдь въ кухнѣ душно, чадно, а вѣдь тебѣ хорошо, нужды нѣтъ, что душно и чадно? Всѣмъ хорошо сидѣть за обѣдомъ, но лучше всѣхъ тому, кто помогалъ готовить его: тому онъ вдвое вкуснѣе. А ты любишь сладко покушать, Вѣрочка, — правда?

— Правда, говоритъ Вѣрочка и улыбается, что уличена въ любви къ сладкимъ печеньямъ и въ хлопотахъ надъ ними въ кухнѣ.

— Такъ о чемъ же грустить? Да ты ужь и не грустишь.

— Какая вы добрая!

— И веселая, Вѣрочка, я всегда веселая, и когда грустная, все-таки веселая. — Правда?

— Да, когда мнѣ грустно, вы придете тоже какъ будто грустная, а всегда сейчасъ прогоните грусть; съ вами весело, очень весело.

— А помнишь мою пѣсенку: donc vivons?

— Помню.

— Давай же пѣть.

— Давайте.

— Вѣрочка! Да я разбудилъ тебя? Впрочемъ, ужь чай готовъ. Я было испугался: слышу, ты стонешь, вошелъ, ты ужь поешь.

— Нѣтъ, мой миленькій, не разбудилъ, я сама бы проснулась. А какой я сонъ видѣла, миленькій, я тебѣ разскажу за чаемъ. Ступай, я одѣнусь. А какъ вы смѣли войти въ мою комнату безъ дозволенія, Дмитрій Сергѣичъ? Вы забываетесь. Испугался за меня, мой миленькій? подойди, я тебя поцалую за это. Поцаловала; ступай же, ступай, мнѣ надо одѣваться.

— Да ужь такъ и быть, давай, я тебѣ прислужу вмѣсто горничной.

— Ну, пожалуй, миленькій; только, какъ это стыдно!

IV.

Мастерская Вѣры Павловны устроилась. Основанія были просты, въ началѣ даже такъ просты, что нечего о нихъ и говорить. Вѣра Павловна не сказала своимъ тремъ первымъ швеямъ ровно ничего, кромѣ того, что дастъ имъ плату нѣсколько, немного побольше той, какую швеи получаютъ въ магазинахъ; дѣло не представляло ничего особеннаго; швеи видѣли, что Вѣра Павлов-

на женщина не пустая, не легкомысленная, потому безъ всякихъ недоумѣній приняли ея предложеніе работать у ней: не надъ чѣмъ было недоумѣвать, что небогатая дама хочетъ завести швейную. Эти три дѣвушки нашли еще трехъ или четырехъ, выбрали ихъ съ тою осмотрительностью, о которой просила Вѣра Павловна; въ этихъ условіяхъ выбора тоже не было ничего возбуждающаго подозрѣніе, то есть ничего особеннаго: молодая и скромная женщина желаетъ, чтобы работницы въ мастерской были дѣвушки прямодушнаго, добраго характера, разсудительныя, уживчивыя, что же тутъ особеннаго? не хочетъ ссоръ, и только; поэтому умно, и больше ничего. Вѣра Павловна сама познакомилась и съ этими выбранными, хорошо познакомилась прежде, чѣмъ сказала, что принимаетъ ихъ, это натурально; это тоже рекомендуетъ ее, какъ женщину основательную, и только. Думать тутъ не надъ чѣмъ, не довѣрять нечему.

Такимъ образомъ, проработали мѣсяцъ, получая въ свое время условленную плату. Вѣра Павловна постоянно была въ мастерской, и уже онѣ успѣли узнать ее очень близко, какъ женщину разсчетливую, осмотрительную, разсудительную, при всей ея добротѣ, такъ что она заслужила полное довѣріе. Особеннаго тутъ ничего не было и не предвидѣлось, а только то, что хозяйка — хорошая хозяйка, у которой дѣло пойдетъ: умѣетъ вести.

Но когда кончился мѣсяцъ, Вѣра Павловна пришла въ мастерскую съ какою-то счетною книгою, попросила своихъ швей прекратить работу и послушать, что она будетъ говорить.

Стала говорить она, самымъ простымъ языкомъ, вещи понятныя, очень понятныя, но какихъ отъ нея, да и ни отъ кого прежде не слышали ея швеи:

«Вотъ мы теперь хорошо знаемъ другъ друга, начала она: — я могу про васъ сказать, что вы и хорошія работницы, и хорошія дѣвушки. А вы про меня не скажете, чтобы я была какая нибудь дура. Значитъ, можно мнѣ теперь поговорить съ вами откровенно, какія у меня мысли. Если вамъ представится что нибудь странно въ нихъ, такъ вы теперь уже подумаете объ этомъ хорошенько, а не скажете съ перваго же раза, что у меня мысли пустыя, потому что знаете меня, какъ женщину не какую нибудь пустую. Вотъ какія мои мысли.

«Добрые люди говорятъ, что можно завести такія швейныя мастерскія, чтобы швеямъ было работать въ нихъ много выгоднѣе, чѣмъ въ тѣхъ мастерскихъ, которыя мы всѣ знаемъ. Мнѣ

и захотѣлось попробовать. Судя по первому мѣсяцу, кажется, что точно можно. Вы получали плату исправно, а вотъ я вамъ скажу, сколько, кромѣ этой платы и всѣхъ другихъ расходовъ, осталось у меня денегъ въ прибыли». — Вѣра Павловна прочла счетъ прихода и расхода за мѣсяцъ. Въ расходъ были поставлены, кромѣ выданной платы, всѣ другіи издержки: на наемъ комнаты, на освѣщеніе, даже издержки Вѣры Павловны на извозчика по дѣламъ мастерской, около рубля.

«Вы видите, продожала она: — у меня въ рукахъ остается столько-то денегъ. Теперь: что дѣлать съ ними! Я завела мастерскую за тѣмъ, чтобъ эти прибыльныя деньги шли въ руки тѣмъ самымъ швеямъ, за работу которыхъ получены. Потому и раздаю ихъ вамъ; на первый разъ, всѣмъ по ровну, каждой особо. Послѣ посмотримъ, такъ ли лучше распоряжаться ими, или можно еще какъ нибудь другимъ манеромъ, еще выгоднѣе для васъ». — Она раздала деньги.

Швеи нѣсколько времени не могли опомниться отъ удивленія, потомъ начали благодарить. Вѣра Павловна дала имъ довольно поговорить о ихъ благодарности за полученныя деньги, чтобы не обидѣть отказомъ слушать, похожимъ на равнодушіе къ ихъ мнѣнію и расположенію; потомъ продолжала:

«Теперь надобно мнѣ разсказать вамъ самую трудную вещь изо всего, о чемъ придется намъ когда нибудь говорить, и не знаю, съумѣю ли разсказать ее хорошенько. А все-таки поговорить надобно. Зачѣмъ я эти деньги не оставила у себя, и какая охота была мнѣ заводить мастерскую, если не брать отъ нея дохода? Мы съ мужемъ живемъ, какъ вы знаете, безъ нужды: люди не богатые, но всего у насъ довольно. А если бы мнѣ чего было мало, мнѣ стоило бы мужу сказать, да и говорить бы не надобно, онъ бы самъ замѣтилъ, что мнѣ нужно больше денегъ, и было бы у меня больше денегъ. Онъ теперь занимается не такими дѣлами, которыя выгоднѣе, а такими, которыя ему больше нравятся. Но вѣдь мы съ нимъ другъ друга очень любимъ, и ему всего пріятнѣе дѣлать то, что для меня пріятно, все равно, какъ и мнѣ для него. Поэтому, если бы мнѣ недоставало денегъ, онъ занялся бы такими дѣлами, которыя выгоднѣе нынѣшнихъ его занятій, а онъ съумѣлъ бы найти, потому что онъ человѣкъ умный и оборотливый, — вѣдь вы его нѣсколько знаете. А если онъ этого не дѣлаетъ, значитъ, мнѣ довольно и тѣхъ денегъ, которыя у насъ съ нимъ есть. Это потому, что у

меня нѣтъ большаго пристрастія къ деньгамъ; вѣдь вы знаете, что у разныхъ людей разныя пристрастія, не у всѣхъ же только къ деньгамъ: у иныхъ пристрастіе къ баламъ, у другихъ — къ нарядамъ, или картамъ, и всѣ такіе люди готовы даже разориться для своего пристрастія, и многіе раззоряются, и никто этому не дивится, что ихъ пристрастіе имъ дороже денегъ. А у меня пристрастіе вотъ къ тому, чѣмъ заняться я съ вами пробую, и я на свое пристрастіе не то что не раззоряюсь, а даже и вовсе не трачу никакихъ денегъ, только что рада имъ заниматься и безъ дохода отъ него себѣ. Что жь, по моему, тутъ нѣтъ ничего страннаго: кто же отъ своего пристрастія ищетъ дохода? Всякій еще деньги на него тратитъ. А я и того не дѣлаю, не трачу. Значитъ, мнѣ еще большая выгода передъ другими, если я своимъ пристрастіемъ занимаюсь, и нахожу себѣ удовольствіе безъ убытка себѣ, когда другимъ ихъ удовольствіе стоитъ денегъ. Почему жь у меня это пристрастіе?—Вотъ почему. Добрые и умные люди написали много книгъ о томъ, какъ надобно жить на свѣтѣ, чтобы всѣмъ было хорошо; и тутъ самое главное, говорятъ они, въ томъ, чтобы мастерскія завести по новому порядку. Вотъ мнѣ и хочется посмотрѣть, съумѣемъ ли мы съ вами завести такой порядокъ, какой нужно. Это все равно, какъ иному хочется выстроить хорошій домъ, другому — развести хорошій садъ или оранжерею, чтобы на нихъ любоваться; такъ вотъ мнѣ хочется завести хорошую швейную мастерскую, чтобы весело было любоваться на нее.

«Конечно, ужь и то было бы порядочно, если бы я стала только каждый мѣсяцъ раздавать вамъ прибыль, какъ теперь. Но умные люди говорятъ, что можно сдѣлать еще гораздо лучше, такъ что и прибыли будетъ больше, и можно выгоднѣе дѣлать употребленіе изъ нея. Говорятъ, будто можно устроить очень хорошо. Вотъ мы посмотримъ. Я буду вамъ по немногу разсказывать, что еще можно сдѣлать по словамъ умныхъ людей, да вы и сами будете присматриваться, такъ будете замѣчать, и какъ вамъ кажется, что можно сдѣлать что нибудь хорошее, мы и будемъ пробовать это дѣлать,—но немножечку, какъ можно будетъ. Но только надобно вамъ сказать, что я безъ васъ ничего новаго не стану заводить. Только то и будетъ новое, чего вы сами захотите. Умные люди говорятъ, что только то и выходитъ хорошо, что люди сами захотятъ дѣлать. И я такъ думаю. Стало быть, вамъ не для чего бояться новаго, все будетъ по старому,

кромѣ того, что сами вы захотите перемѣнить. Безъ вашего желанія ничего не будетъ.

«А вотъ теперь мое послѣднее хозяйское распоряженіе безъ вашего совѣта. Вы видите, надобно вести счеты и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не было лишнихъ расходовъ. Въ прошлый мѣсяцъ я одна это дѣлала; а теперь одна дѣлать не хочу. Выберите двухъ изъ себя, чтобъ онѣ занимались этимъ вмѣстѣ со мною. Я безъ нихъ ничего не буду дѣлать. Вѣдь ваши деньги, а не мои, стало быть, вамъ надобно и смотрѣть за ними. Теперь это дѣло еще новое; не извѣстно, кто изъ васъ больше способенъ къ нему, такъ для пробы надобно сначала выбрать на короткое время, а черезъ недѣлю увидите, другихъ ли выбрать, или оставить прежнихъ въ должности».

Долгіе разговоры были возбуждены этими необыкновенными словами. Но довѣріе было уже пріобрѣтено Вѣрою Павловною; да и говорила она просто, не заходя далеко впередъ, не рисуя никакихъ особенно заманчивыхъ перспективъ, которыя послѣ минутнаго восторга рождаютъ недовѣріе. Потому дѣвушки не сочли ее помѣшанною, а только и было нужно, чтобы не сочли помѣшанною. Дѣло пошло по немногу.

Конечно, по немногу. Вотъ короткая исторія мастерской за цѣлые три года, въ которые эта мастерская составляла главную сторону исторіи самой Вѣры Павловны.

Дѣвушки, изъ которыхъ образовалась основа мастерской, были выбраны осмотрительно, были хорошія швеи, были прямо заинтересованы въ успѣхѣ работы; потому, натуральнымъ образомъ, работа шла очень успѣшно. Мастерская не теряла ни одной изъ тѣхъ дамъ, которыя разъ пробовали сдѣлать ей заказъ. Явилась нѣкоторая зависть со стороны нѣсколькихъ магазиновъ и швейныхъ, но это не произвело никакого вліянія, кромѣ того, что, для устраненія всякихъ придирокъ, Вѣрѣ Павловнѣ очень скоро понадобилось получить право имѣть на мастерской вывѣску. Скоро заказовъ стало получаться больше, нежели могли исполнять дѣвушки, съ самаго начала вошедшія въ мастерскую, и составъ ея постепенно увеличивался. Черезъ полтора года, въ ней было до двадцати дѣвушекъ, потомъ и больше.

Одно изъ первыхъ послѣдствій того, что окончательный голосъ по всему управленію данъ былъ самимъ швеямъ, состояло въ рѣшеніи, котораго и слѣдовало ожидать: въ первый же мѣсяцъ управленія, дѣвушки опредѣлили, что не годится самой

Вѣрѣ Павловнѣ работать безъ вознагражденія. Когда онѣ объявили ей объ этомъ, она сказала, что и дѣйствительно такъ слѣдуетъ. Хотѣли дать ей третью часть прибыли. Она откладывала ее нѣсколько времени въ сторону, пока растолковала дѣвушкамъ, что это противно основной мысли ихъ порядка. Онѣ довольно долго не могли понять этого; но потомъ согласились, что Вѣра Павловна отказывается отъ особенной доли прибыли не изъ самолюбія, а потому что такъ нужно по сущности дѣла. Къ этому времени, мастерская приняла уже такой размѣръ, что Вѣра Павловна не успѣвала одна быть закройщицею, надобно было имѣть еще другую; Вѣрѣ Павловнѣ положили такое жалованье, какъ другой закройщицѣ. Деньги, кототорыя прежде откладывала она изъ прибыли, теперь были приняты назадъ въ кассу, по ея просьбѣ, кромѣ того, что слѣдовало ей, какъ закройщицѣ; остальныя пошли на устройство банка. Около года, Вѣра Павловна большую часть дня проводила въ мастерской и работала дѣйствительно не меньше всякой другой, по количеству времени. Когда она увидѣла возможность быть въ мастерской уже не цѣлый день, плата ей была уменьшаема, какъ уменьшалось время ея занятій.

Какъ дѣлить прибыль? Вѣрѣ Павловнѣ хотѣлось довести до того, чтобы прибыль дѣлилась поровну между всѣми. До этого дошли только въ половинѣ третьяго года, а прежде того перешли черезъ нѣсколько разныхъ ступеней, начиная съ раздѣла прибыли пропорціонально заработанной платѣ. Прежде всего увидѣли, что если дѣвушка пропускала безъ работы нѣсколько дней по болѣзни или другимъ уважительнымъ причинамъ, то не хорошо за это уменьшать ея долю изъ прибыли, которая вѣдь пріобрѣтена не собственно этими днями, а всѣмъ ходомъ работъ и общимъ состояніемъ мастерской. Потомъ согласились, что закройщицы и другія дѣвушки, получающія особую плату по развозу заказовъ и другимъ должностямъ, уже довольно вознаграждаются своимъ особеннымъ жалованьемъ, и что не справедливо имъ брать больше другихъ еще и изъ прибыли. Простыя швеи, не занимавшія должностей, были такъ деликатны, что не требовали этой перемѣны, когда замѣтили несправедливость прежняго порядка, ими же заведеннаго: сами должностныя лица почувствовали неловкость пользоваться лишнимъ и отказались отъ него, когда достаточно поняли духъ новаго порядка. Надобно впрочемъ сказать, что эта временная деликатность — терпѣ-

нія однѣхъ, и отказа другихъ, не представляла особеннаго подвига, при постоянномъ улучшеніи дѣлъ тѣхъ и другихъ. Труднѣе всего было развить понятіе о томъ, что простыя швеи должны всѣ получать одинаковую долю изъ прибыли, хотя однѣ успѣваютъ заработывать больше жалованья, чѣмъ другія, что швеи, работающія успѣшнѣе другихъ, уже достаточно вознаграждаются за успѣшность своей работы тѣмъ, что успѣваютъ заработывать больше платы. Это и была послѣдняя перемѣна въ распредѣленіи прибыли, сдѣланная уже въ половинѣ третьяго года, когда мастерская поняла, что полученіе прибыли — не вознагражденіе за искусство той или другой личности, а результатъ общаго характера мастерской, результатъ ея устройства, ея цѣли, а цѣль эта — всевозможная одинаковость пользы отъ работы для всѣхъ, участвующихъ въ работѣ, каковы бы ни были личныя особенности; что отъ этого характера мастерской зависитъ все участіе работающихъ въ прибыли; а характеръ мастерской, ея духъ, порядокъ составляется единодушіемъ всѣхъ, а для единодушія одинаково важна всякая участница: молчаливое согласіе самой застѣнчивой или наименѣе даровитой не менѣе полезно для сохраненія и развитія порядка, полезнаго для всѣхъ, для успѣха всего дѣла, чѣмъ дѣятельная хлопотливость самой бойкой или даровитой.

Я пропускаю множество подробностей, потому что не описываю мастерскую, а только говорю о ней лишь въ той степени, въ какой это нужно для обрисовки дѣятельности Вѣры Павловны. Если я упоминаю о нѣкоторыхъ частностяхъ, то единственно затѣмъ, чтобы видно было, какъ поступала Вѣра Павловна, какъ она вела дѣло шагъ за шагомъ, и терпѣливо, и неутомимо, и какъ твердо выдерживала свое правило: не распоряжаться ничѣмъ, а только совѣтовать, объяснять, предлагать свое содѣйствіе, помогать исполненію рѣшеннаго ея компаніею.

Прибыль дѣлилась каждый мѣсяцъ. Сначала, каждая дѣвушка брала всю ее и расходовала отдѣльно отъ другихъ: у каждой были безотлагательныя надобности, и не было привычки дѣйствовать дружно. Когда, отъ постояннаго участія въ дѣлахъ, онѣ пріобрѣли навыкъ соображать весь ходъ работъ въ мастерской, Вѣра Павловна обратила ихъ вниманіе на то, что въ ихъ мастерствѣ количество заказовъ распредѣляется по мѣсяцамъ года очень неодинаково, и что въ мѣсяцы особенно выгодные, недурно было бы отлагать часть прибыли для уравненія невыгодныхъ мѣ-

сяцевъ. Счеты велись очень точные, дѣвушки знали, что если кто изъ нихъ покинетъ мастерскую, то безъ задержки получитъ свою долю, остающуюся въ кассѣ. Потому онѣ согласились на предложеніе. Образовался небольшой запасный капиталъ, онъ постепенно росъ; начали прінскивать разныя употребленія ему. Съ перваго же раза всѣ поняли, что изъ него можно дѣлать ссуды тѣмъ участницамъ, которымъ встрѣчается экстренная надобность въ деньгахъ, и никто не захотѣлъ присчитывать проценты на занятыя деньги: бѣдные люди имѣютъ понятіе, что хорошее денежное пособіе бываетъ безъ процентовъ. За учрежденіемъ этого банка, послѣдовало основаніе коммиссіонерства для закупокъ: дѣвушки нашли выгоднымъ покупать чай, кофе, сахаръ, обувь, многія другія вещи черезъ посредство мастерской, которая брала товары не по мелочи, стало быть, дешевле. Отъ этого, черезъ нѣсколько времени, пошли дальше: сообразили, что выгодно будетъ такимъ порядкомъ устроить покупку хлѣба и другихъ припасовъ, которые берутся каждый день въ булочныхъ и мелочныхъ лавочкахъ; но тутъ же увидѣли, что для этого надобно всѣмъ жить по сосѣдству: стали собираться по нѣскольку на одну квартиру, выбирать квартиры подлѣ мастерской. Тогда явилось у мастерской свое агентство по дѣламъ съ булочною и мелочною лавочкою. А года черезъ полтора, почти всѣ дѣвушки уже жили на одной большой квартирѣ, имѣли общій столъ, запасались провизіею тѣмъ порядкомъ, какъ дѣлается въ большихъ хозяйствахъ.

Половина дѣвушекъ были существа одинокія. У нѣкоторыхъ были старухи родственницы, матери или тетки; двѣ содержали стариковъ отцовъ; у многихъ были маленькіе братья или сестры. По этимъ родственнымъ отношеніямъ, три дѣвушки не могли поселиться на общей квартирѣ: у одной мать была неуживчиваго характера; у другой мать была чиновница и не хотѣла жить вмѣстѣ съ мужичками, у третьей отецъ былъ пьяница. Онѣ пользовались только услугами агенства; точно такъ же и тѣ швеи, которыя были не дѣвушки, а замужнія женщины. Но, кромѣ трехъ, всѣ остальныя дѣвушки, имѣвшія родственниковъ на своихъ рукахъ, жили на общей квартирѣ. Сами онѣ жили въ однѣхъ комнатахъ, по двѣ, по три въ одной; ихъ родственники или родственницы расположились по своимъ удобствамъ: у двухъ старухъ были особыя комнаты у каждой, остальныя старухи жили вмѣстѣ. Для маленькихъ мальчиковъ была своя комната, двѣ другія для дѣвочекъ. Положено было, что мальчики могутъ оставаться

тутъ до 8 лѣтъ; тѣхъ, кому было больше, размѣщали по мастерствамъ.

Всему велся очень точный счетъ, чтобы вся компанія жила твердою мыслью, что никто ни у кого не въ обидѣ, никто никому не въ убытокъ. Разсчеты одинокихъ дѣвушекъ по квартирѣ и столу были просты. Послѣ нѣсколькихъ колебаній, опредѣлили считать за брата или сестру до 8 лѣтъ четвертую часть расходовъ взрослой дѣвицы, потомъ содержаніе дѣвочки до 12 лѣтъ считалось за третью долю, съ 12—за половину содержанія сестры ея, съ 13 лѣтъ дѣвочки поступали въ ученицы въ мастерскую, если не пристраивались иначе, и положено было, что съ 16 лѣтъ онѣ становятся полными участницами компаніи, если будутъ признаны выучившимися хорошо шить. За содержаніе взрослыхъ родныхъ считалось, разумѣется, столько же, какъ за содержаніе швей. За отдѣльныя комнаты была особая плата. Почти всѣ старухи и всѣ три старика, жившіе въ мастерской квартирѣ, занимались дѣлами по кухнѣ и другимъ хозяйственнымъ вещамъ; за это, конечно, считалась имъ плата.

Все это очень скоро разсказывается на словахъ, да и на дѣлѣ показалось очень легко, просто, натурально,—когда устроилось. Но устраивалось медленно, и каждая новая мѣра стоила очень многихъ разсужденій, каждый переходъ былъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда хлопотъ. Было бы слишкомъ длинно и сухо говорить о другихъ сторонахъ порядка мастерской такъ же подробно, какъ о раздѣлѣ и употребленіи прибыли; о многомъ придется вовсе не говорить, чтобы не наскучить, о другомъ лишь слегка упомянуть; напримѣръ, что мастерская завела свое агенство продажи готовыхъ вещей, работанныхъ во время, не занятое заказами,—отдѣльнаго магазина она еще не могла имѣть, но вошла въ сдѣлку съ одною изъ лавокъ Гостинаго двора, завела маленькую лавочку въ Толкучемъ рынкѣ,—двѣ изъ старухъ были приказчицами въ лавочкѣ. Но надобно нѣсколько подробнѣе сказать объ одной сторонѣ жизни мастерской.

Вѣра Павловна съ первыхъ же дней стала приносить книги. Сдѣлавъ свои распоряженія, она принималась читать вслухъ, читала полчаса, часъ, если раньше не перерывала ее надобность опять заняться распоряженіями. Потомъ дѣвушки отдыхали отъ слушанія; потомъ опять чтеніе, и опять отдыхъ. Нечего и говорить, что дѣвушки съ первыхъ же дней пристрастились къ чтенію, нѣкоторыя были охотницы до него и прежде. Черезъ двѣ,

три недѣли, чтеніе во время работы приняло регулярный видъ. Черезъ три, четыре мѣсяца, явилось нѣсколько мастерицъ читать вслухъ; было положено, что онѣ будутъ смѣнять Вѣру Павловну, читать по получасу, и что этотъ получасъ зачитывается имъ за работу. Когда съ Вѣры Павловны была снята обязанность читать вслухъ, Вѣра Павловна, уже и прежде замѣнявшая иногда чтеніе разсказами, стала разсказывать чаще и больше; потомъ разсказы обратились во что-то похожее на легкіе курсы разныхъ знаній. Потомъ,—это было очень большимъ шагомъ,—Вѣра Павловна увидѣла возможность завесть и правильное преподаваніе: дѣвушки стали такъ любознательны, а работа ихъ шла такъ успѣшно, что онѣ рѣшили дѣлать среди рабочаго дня, передъ обѣдомъ, большой перерывъ для слушанія уроковъ.

— Алексѣй Петровичъ, сказала Вѣра Павловна, бывши однажды у Мерцаловыхъ:—у меня есть къ вамъ просьба. Наташа ужъ на моей сторонѣ. Моя мастерская становится лицеемъ всевозможныхъ знаній. Будьте однимъ изъ профессоровъ.

— Чтожъ я стану имъ преподавать? развѣ латинскій и греческій, или логику и реторику? сказалъ смѣясь Алексѣй Петровичъ: — вѣдь моя спеціальность не очень интересна, по вашему мнѣнію, и еще по мнѣнію одного человѣка, про котораго я знаю, кто онъ.

— Нѣтъ, вы необходимы именно, какъ спеціалистъ: вы будете служить щитомъ благонравія и отличнаго направленія нашихъ наукъ.

— А вѣдь это правда. Вижу, безъ меня было бы неблагонравно. Назначайте каѳедру.

— Напримѣръ, русская исторія, очерки изъ всеобщей исторіи.

— Превосходно. Но это я буду читать, а будетъ предполагаться, что я спеціалистъ. Отлично. Двѣ должности: профессоръ и щитъ.

Наталья Андревна, Лопуховъ, два, три студента, сама Вѣра Павловна были другими профессорами, какъ они въ шутку называли себя.

Вмѣстѣ съ преподаваніемъ, устраивались и развлеченія. Бывали вечера, бывали загородныя прогулки: сначала изрѣдка, потомъ, когда было уже побольше денегъ, то и чаще; брали ложи въ театрѣ. На третью зиму, было абонировано десять мѣстъ въ боковыхъ мѣстахъ итальянской оперы.

Сколько было радости, сколько счастья Вѣрѣ Павловнѣ; очень много трудовъ и хлопотъ, были и огорченія. Особенно сильно подѣйствовало не только на нее, но и на весь кружокъ несчастіе одной изъ лучшихъ дѣвушекъ мастерской. Сашенька Прибыткова, одна изъ тѣхъ трехъ швей, которыхъ нашла сама Вѣра Павловна, была очень недурна, была очень деликатна. У ней былъ женихъ, добрый, хорошій молодой человѣкъ, чиновникъ. Однажды она шла по улицѣ, довольно поздно. Къ ней пристала какой-то господинъ. Она ускорила шагъ. Онъ за нею, схватилъ ее за руку. Она рванулась и вырвалась; но движеніемъ вырывавшейся руки задѣла его по груди, на тротуарѣ завертѣли оторвавшіеся часы любезнаго господина. Любезный господинъ схватилъ Прибыткову уже съ апломбомъ и чувствомъ законнаго права, и закричалъ: «Воровство! будочникъ»! Прибѣжали два будочника и отвели Прибыткову на съѣзжую. Въ мастерской три дня ничего не знали о ея судьбѣ и не могли придумать, куда она пропала. На четвертый день, добрый солдатъ, одинъ изъ служителей при съѣзжей, принесъ Вѣрѣ Павловнѣ записку отъ Прибытковой. Тотчасъ же Лопуховъ отправился хлопотать. Ему наговорили грубостей, онъ наговорилъ имъ вдвое, и отправился къ Сержу. Сержъ и Жюли были на какомъ-то далекомъ и большомъ пикникѣ и возвратились только на другой день. Черезъ два часа послѣ того, какъ возвратился Сержъ, частный приставъ извинился передъ Прибытковой, поѣхалъ извиняться передъ ея женихомъ. Но жениха онъ не засталъ. Женихъ уже былъ наканунѣ у Прибытковой на съѣзжей, узналъ отъ задержавшихъ ее будочниковъ имя франта, пришелъ къ нему, вызвалъ его на дуэль; до вызова, франтъ извинялся въ своей ошибкѣ довольно насмѣшливымъ тономъ, а услышавъ вызовъ, расхохотался. Чиновникъ сказалъ: «такъ вотъ отъ этого вызова не откажетесь», и ударилъ его по лицу; франтъ схватилъ палку, чиновникъ толкнулъ его въ грудь; франтъ упалъ, на шумъ вбѣжала прислуга: баринъ лежалъ мертвый, онъ былъ ударенъ о землю сильно и попалъ вискомъ на острый выступъ рѣзной подножки стола. Чиновникъ очутился въ острогѣ, началось дѣло, и не предвидѣлось конца этому дѣлу. Что дальше? дальше ничего, только съ той поры жалко было смотрѣть на Прибыткову.

Было въ мастерской еще нѣсколько исторій, не такихъ уголовныхъ, но тоже не веселыхъ: исторіи обыкновенныя, тѣ, отъ которыхъ дѣвушкамъ бываютъ долгія слезы, а молодымъ, или

пожилымъ людямъ недолгое, но пріятное развлеченіе. Вѣра Павловна знала, что, при нынѣшнихъ понятіяхъ и обстоятельствахъ, эти исторіи неизбѣжны, что не можетъ всегда предохранить отъ нихъ никакая заботливость другихъ о дѣвушкахъ, никакая осторожность самихъ дѣвушекъ. Это то же, что въ старину была оспа, пока не выучились предотвращать ее. Теперь, кто пострадаетъ отъ оспы, такъ уже виноватъ самъ, а гораздо больше его близкіе; а прежде было не то: некого было винить, кромѣ гадкаго повѣтрія, или гадкаго города, села, да развѣ еще того человѣка, который, страдая оспою, прикоснулся къ другому, а не заперся въ карантинъ, пока выздоровѣетъ. Такъ теперь съ этими исторіями: когда нибудь и отъ этой оспы люди избавятъ себя, даже и средство извѣстно, только еще не хотятъ принимать его, все равно, какъ долго, очень долго не хотѣли принимать и средства противъ оспы. Знала Вѣра Павловна, что это гадкое повѣтріе еще неотвратимо носится по городамъ и селамъ и хватаетъ жертвы даже изъ самыхъ заботливыхъ рукъ; — но вѣдь это еще плохое утѣшеніе, когда знаешь только, что «я въ твоей бѣдѣ не виновата, и ты, мой другъ, въ ней не виновата»: все-таки каждая изъ этихъ обыкновенныхъ исторій приносила Вѣрѣ Павловнѣ много огорченія, а еще гораздо больше дѣла: иногда нужно бывало искать, чтобы помочь; чаще искать не было нужды, надобно было только помогать: успокоить, возстановлять бодрость, возстановлять гордость, вразумлять, что «перестань плакать,—какъ перестанешь, такъ и не о чемъ будетъ плакать».

Не гораздо больше,—о, гораздо больше! — было радости. Да все было радость, кромѣ огорченій; а вѣдь огорченія были только отдѣльными, да и рѣдкими случаями: нынѣ, черезъ полгода, огорчишься за одну, а въ то же время радуешься за всѣхъ другихъ; а пройдетъ двѣ, три недѣли, и за эту одну тоже ужъ можно опять радоваться. Свѣтелъ и веселъ былъ весь обыденный ходъ дѣла, постоянно радовалъ Вѣру Павловну. А если и бывали иногда въ немъ тяжелыя нарушенія отъ огорченій, за нихъ вознаграждали и особенные радостные случаи, которые встрѣчались чаще огорченій: вотъ удалось очень хорошо пристроить маленькихъ сестру или брата той, другой дѣвушки; на третій годъ, двѣ дѣвушки выдержали экзаменъ на домашнихъ учительницъ, — вѣдь это было какое счастье для нихъ! Было нѣсколько разныхъ такихъ хорошихъ случаевъ. А чаще всего, причиною веселья для всей мастерской и радости для Вѣры Павловны бы-

вали свадьбы. Ихъ бывало довольно много, и всѣ были удачны. Свадьба устроивалась очень весело: много бывало вечеровъ и передъ нею и послѣ нея, много сюрпризовъ невѣстѣ отъ подругъ по мастерской; изъ резервнаго фонда дѣлалось ей приданое; но опять, сколько и хлопотъ бывало тутъ Вѣрѣ Павловнѣ,— полныя руки, разумѣется! Одно только сначала казалось мастерской неделикатно со стороны Вѣры Павловны: первая невѣста просила ее быть посаженною матерью и не упросила; вторая тоже просила и не упросила. Чаще всего посаженною матерью бывала Мерцалова, или ея мать, тоже очень хорошая дама, а Вѣра Павловна никогда: она и одѣвала, и провожала невѣсту въ церковь, но только какъ одна изъ подругъ. Въ первый разъ подумали, что отказъ былъ отъ недовольства чѣмъ нибудь, но нѣтъ: Вѣра Павловна была очень рада приглашенію, только не приняла его; во второй разъ поняли, что это, просто, скромность: Вѣрѣ Павловнѣ не хотѣлось оффиціально являться патроншею невѣсты. Да и вообще, она всячески избѣгала всякаго вида вліянія, старалась выводить впередъ другихъ и успѣвала въ этомъ, такъ что многія изъ дамъ, пріѣзжавшихъ въ мастерскую для заказовъ, не различали ея отъ двухъ другихъ закройщицъ. А Вѣра Павловна чувствовала едвали не самую пріятную изъ всѣхъ своихъ радостей отъ мастерской, когда объясняла кому нибудь, что весь этотъ порядокъ устроенъ и держится самими дѣвушками; этими объясненіями она старалась убѣдить саму себя въ томъ, что ей хотѣлось думать: что мастерская могла бы идти безъ нея, что могутъ явиться совершенно самостоятельно другія такія же мастерскія, и даже почему же нѣтъ? вотъ было бы хорошо!—это было бы лучше всего!—даже безъ всякаго руководства со стороны кого нибудь не изъ разряда швей, а исключительно мыслью и умѣньемъ самихъ швей: это была самая любимая мечта Вѣры Павловны.

V.

И вотъ, такимъ образомъ прошло почти три года со времени основанія мастерской, болѣе трехъ лѣтъ со времени замужства Вѣры Павловны. Какъ тихо и дѣятельно прошли эти годы, какъ полны были они и спокойствія, и радости, и всего добраго.

Вѣра Павловна, проснувшись, долго нѣжится въ постели;

она любитъ нѣжиться, и немножко будто дремлетъ, и не дремлетъ, а думаетъ, что надобно сдѣлать; и такъ полежитъ, не дремлетъ и не думаетъ—нѣтъ, думаетъ: «какъ тепло, мягко, хорошо, славно нѣжиться поутру»; такъ и нѣжится, пока изъ нейтральной комнаты,—нѣтъ, надобно сказать: одной изъ нейтральныхъ комнатъ, теперь уже двѣ ихъ, вѣдь это ужь четвертый годъ замужества,—мужъ, то есть «миленькій» говоритъ: «Вѣрочка, проснулась«? —«да, миленькій.» Это значитъ, что мужъ можетъ начинать дѣлать чай: поутру онъ дѣлаетъ чай, и что Вѣра Павловна,—нѣтъ, въ своей комнатѣ она не Вѣра Павловна, а Вѣрочка,—начинаетъ одѣваться. Какъ же долго она одѣвается!—нѣтъ, она одѣвается скоро, въ одну минуту, но она долго плещется въ водѣ, она любитъ плескаться, и потомъ долго причесываетъ волосы,—нѣтъ, не причесываетъ долго, это она дѣлаетъ въ одну минуту, а долго такъ шалитъ ими, потому что она любитъ свои волосы; впрочемъ, иногда долго занимается она и одною изъ настоящихъ статей туалета, надѣваніемъ ботинокъ: у ней отличныя ботинки; она одѣвается очень скромно, но ботинки ея страсть.

Вотъ она и выходитъ къ чаю, обнимаетъ мужа:—«каково почивалъ, миленькій»? толкуетъ ему за чаемъ о разныхъ пустякахъ и непустякахъ; впрочемъ, Вѣра Павловна—нѣтъ, Вѣрочка: она и за утреннимъ чаемъ еще Вѣрочка,—пьетъ не столько чай, сколько сливки: чай только предлогъ для сливокъ, ихъ больше половины чашки; сливки—это тоже ея страсть. Трудно имѣть хорошія сливки въ Петербургѣ, но Вѣрочка отыскала дѣйствительно отличныя, безъ всякой подмѣси. У ней есть мечта имѣть свою корову; чтожь, если дѣла пойдутъ, какъ шли, это можно будетъ сдѣлать черезъ годъ. Но вотъ десять часовъ. «Миленькій» уходитъ на уроки, или на занятіе: онъ служитъ въ конторѣ одного фабриканта. Вѣра Павловна,—теперь она уже окончательно Вѣра Павловна до слѣдующаго утра,—хлопочетъ по хозяйству: вѣдь у ней одна служанка, молоденькая дѣвочка, которую надобно учить всему; а только выучишь, надобно пріучать новую къ порядку: служанки не держатся у Вѣры Павловны, все выходятъ замужъ—полгода, немного больше, смотришь, Вѣра Павловна ужь и шьетъ себѣ какую нибудь нелепинку или рукавчики, готовясь быть посаженною матерью; тутъ ужь нельзя отказаться,—«какъ же, Вѣра Павловна, вѣдь вы сами все устроили, некому быть, кромѣ васъ». Да, много хлопотъ по хозяйству. Потомъ надобно отправляться на уроки, ихъ довольно много, часовъ 10 въ не-

дѣлю: больше было бы тяжело, да и некогда. Передъ уроками, надобно довольно надолго зайти въ мастерскую, возвращаясь съ уроковъ, тоже надобно заглянуть въ нее. А вотъ и обѣдъ съ «миленькимъ». За обѣдомъ довольно часто бываетъ кто нибудь: одинъ, много двое,—больше двоихъ нельзя; когда и двое обѣдаютъ, ужъ надобно нѣсколько хлопотать, готовить новое блюдо, чтобы достало кушанья. Если Вѣра Павловна возвращается усталая, обѣдъ бываетъ проще; она передъ обѣдомъ сидитъ въ своей комнатѣ, отдыхая, и обѣдъ остается, какой былъ начатъ при ея помощи, а докончен безъ нея. Если же она возвращается не усталая, въ кухнѣ начинаетъ кипѣть дѣло, и къ обѣду является прибавка, какое нибудь печенье, чаще всего что нибудь такое, что ѣдятъ со сливками, то есть, что можетъ служить предлогомъ для сливокъ. За обѣдомъ Вѣра Павловна опять разсказываетъ и распрашиваетъ, но больше разсказываетъ; да и какъ же не разсказывать? Сколько новаго надобно сообщить объ одной мастерской. Послѣ обѣда, сидятъ еще съ четверть часа съ миленькимъ, «до свиданья», и расходятся по своимъ комнатамъ, и Вѣра Павловна опять на свою кроватку, и читаетъ, и нѣжится; частенько даже спитъ, даже очень часто, даже чуть ли не на половину дней спитъ часъ, полтора, — это слабость, и чуть ли даже не слабость дурнаго тона, но Вѣра Павловна спитъ послѣ обѣда, когда заснется, и даже любитъ, чтобы заснулось, и не чувствуетъ ни стыда, ни раскаянія въ этой слабости дурнаго тона. Встаетъ, вздремнувши или такъ понѣжившись часа полтора, два, одѣвается, опять въ мастерскую, остается тамъ до чаю. Если вечеромъ нѣтъ никого, то за чаемъ опять разсказъ миленькому, и съ полчаса сидятъ въ нейтральной комнатѣ; потомъ «до свиданья, миленькій», цалуются и расходятся до завтрашняго чаю. Теперь Вѣра Павловна, иногда довольно долго, часовъ до двухъ, работаетъ, читаетъ, отдыхаетъ, отъ чтенія за фортепьяно,—рояль стоитъ въ ея комнатѣ; рояль недавно купленъ, прежде былъ абонированный; это было тоже довольно порядочное веселье, когда былъ купленъ свой рояль,—вѣдь это и дешевле. Онъ купленъ по случаю, за 100 р., маленькій Эраровскій, старый, поправка стоила около 70 рублей; но за то рояль дѣйствительно очень хорошаго тона. Изрѣдка, миленькій приходитъ послушать пѣніе, но только изрѣдка: у него очень много работы. Такъ проходитъ вечеръ: работа, чтеніе, игра, пѣніе, больше всего чтеніе и пѣніе. Это, когда никого

нѣтъ. Но очень часто по вечерамъ бываютъ гости,—большею частью молодые люди, моложе «миленькаго», моложе самой Вѣры Павловны,—изъ числа ихъ и преподаватели мастерской. Они очень уважаютъ Лопухова, считаютъ его одною изъ лучшихъ головъ въ Петербургѣ, можетъ быть, они и не ошибаются, и настоящая связь ихъ съ Лопуховыми заключается въ этомъ: они находятъ полезными для себя разговоры съ Дмитріемъ Сергѣичемъ. Къ Вѣрѣ Павловнѣ они питаютъ безпредѣльное благоговѣніе, она даже даетъ имъ цаловать свою руку, не чувствуя себѣ униженія, и держитъ себя съ ними, какъ будто пятнадцатью годами старше ихъ, то есть, держитъ себя такъ, когда не дурачится, но по правдѣ сказать, большею частью дурачится, бѣгаетъ, шалитъ съ ними, и они въ восторгѣ, и тутъ бываетъ довольно много галопированья и вальсированья, довольно много простой бѣготни, много игры на фортепьяно, много болтовни и хохотни, и чуть ли не больше всего пѣнія; но бѣготня, хохотня и все нисколько не мѣшаетъ этой молодежи совершенно, безусловно и безгранично благоговѣть передъ Вѣрою Павловною, уважать ее такъ, какъ дай Богъ уважать старшую сестру, какъ не всегда уважается мать, даже хорошая. Впрочемъ, пѣніе уже не дурачество, хоть иногда не обходится безъ дурачествъ; но большею частью Вѣра Павловна поетъ серьёзно, иногда и безъ пѣнія играетъ серьёзно, и слушатели тогда сидятъ въ нѣмой тишинѣ. Не очень рѣдко бываютъ гости и постарше, ровня Лопуховымъ: большею частью бывшіе товарищи Лопухова, знакомые его бывшихъ товарищей, человѣка два, три молодыхъ профессоровъ, почти все люди всесемейные; изъ семейныхъ людей почти только Мерцаловы. Лопуховы бываютъ въ гостяхъ не такъ часто, почти только у Мерцаловыхъ, да у матери и отца Мерцаловой: у этихъ добрыхъ и простыхъ стариковъ есть множество сыновей, занимающихъ порядочныя должности по всевозможнымъ вѣдомствамъ, и потому въ домѣ стариковъ, живущихъ съ нѣкоторымъ изобиліемъ, Вѣра Павловна видитъ многоразличное и разнокалиберное общество.

Вольная, просторная, дѣятельная жизнь, и не безъ нѣкотораго сибаритства: лежанья нѣжась въ своей теплой, мягкой постелькѣ, сливокъ и печеній со сливками, — она очень нравится Вѣрѣ Павловнѣ.

Бываетъ ли лучше жизнь на свѣтѣ? Вѣрѣ Павловнѣ еще кажется: нѣтъ.

Да, въ началѣ молодости едва ли бываетъ.

Но годы идутъ, и съ годами становится лучше, если жизнь идетъ, какъ должна идти, какъ теперь идетъ у немногихъ, какъ будетъ когда нибудь идти у всѣхъ.

VI.

Однажды,—это было уже подъ конецъ лѣта,—дѣвушки собрались, по обыкновенію, въ воскресенье на загородную прогулку. Лѣтомъ онѣ почти каждый праздникъ ѣздили на лодкахъ, на острова. Вѣра Павловна обыкновенно ѣздила съ ними, въ этотъ разъ поѣхалъ и Дмитрій Сергѣичъ, вотъ почему прогулка и была замѣчательна: его спутничество было рѣдкостью, и въ то лѣто онъ ѣхалъ еще только во второй разъ. Мастерская, узнавъ объ этомъ, осталась очень довольна: Вѣра Павловна будетъ еще веселѣе обыкновеннаго, и надобно ждать, что прогулка будетъ особенно, особенно одушевлена. Нѣкоторыя, располагавшія провести воскресенье иначе, измѣнили свой планъ и присоединились къ собиравшимся ѣхать. Понадобилось взять, вмѣсто четырехъ большихъ яликовъ, пять, и того оказалось мало, взяли шестой. Компанія имѣла человѣкъ пятьдесятъ или больше народа: болѣе двадцати швей,—только шесть не участвовали въ прогулкѣ,—три пожилыя женщины, съ десятокъ дѣтей, матери, сестры и братья швей, три молодые человѣка, женихи: одинъ былъ подмастерье часовщика, другой—мелкій торговецъ, и оба эти мало уступали манерами третьему, учителю уѣзднаго училища, человѣкъ пять другихъ молодыхъ людей, разноперстныхъ званій, между ними даже двое офицеровъ, человѣкъ восемь университетскихъ и медицинскихъ студентовъ. Взяли съ собою четыре большихъ самовара, цѣлыя груды всякихъ булочныхъ издѣлій, громадные запасы холодной телятины и тому подобнаго: народъ молодой, движенья будетъ много, да еще на воздухѣ,—на аппетитъ можно разсчитывать; было и съ полдюжины бутылокъ вина: на 50 человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе 15 молодыхъ людей, кажется, не много.

И дѣйствительно, прогулка удалась какъ нельзя лучше. Тутъ всего было: танцовали въ 16 паръ, и только въ 12 паръ, за то и въ 18, одну кадриль даже въ 20 паръ; играли въ горѣлки, чуть ли не въ 22 пары, импровизировали трое качелей между

деревьями; въ промежуткахъ всего этого пили чай, закусывали: съ полчаса,—нѣтъ меньше, гораздо меньше, чуть ли не половина компаніи даже слушала споръ Дмитрія Сергѣича съ двумя студентами, самыми коренными его пріятелями изъ всѣхъ младшихъ его пріятелей; они отъискивали другъ въ другѣ неконсеквентности, модерантизмъ, буржуазность,—это были взаимныя опорочиванья; но въ частности, у каждаго отъискивался и особенный грѣхъ. У одного студента—романтизмъ, у Дмитрія Сергѣича—схематистика, у другаго студента—ригоризмъ; разумѣется, постороннему человѣку трудно выдержать такія разъискиванья дольше пяти минутъ, даже одинъ изъ спорившихъ, романтикъ, не выдержалъ больше полутора часовъ, убѣжалъ къ танцующимъ, но убѣжалъ не безъ славы. Онъ вознегодовалъ на какого-то модерантиста, чуть ли не на меня даже, хоть меня тутъ и не было, и зная, что предмету его гнѣва ужь не мало лѣтъ, онъ воскликнулъ: «да что вы о немъ говорите? я приведу вамъ слова, сказанныя мнѣ на дняхъ однимъ порядочнымъ человѣкомъ, очень умной женщиной: только до 25 лѣтъ человѣкъ можетъ сохранять честный образъ мыслей».—Да вѣдь я знаю, кто эта дама, сказалъ офицеръ, на бѣду романтика подошедшій къ спорившимъ:—это г-жа N,; она при мнѣ это и сказала; и она дѣйствительно отличная женщина, только ее тутъ же уличили, что за полчаса передъ тѣмъ она хвалилась, что ей 26 лѣтъ, и помнишь, сколько она хохотала вмѣстѣ со всѣми? И теперь всѣ четверо захохотали, и романтикъ съ хохотомъ бѣжалъ. Но офицеръ замѣстилъ его въ спорѣ, и пошла потѣха пуще прежней, до самаго чаю. И офицеръ, жесточе чѣмъ романтикъ обличая ригориста и схематиста, самъ былъ сильно уличаемъ въ огюстъ-контизмѣ. Послѣ чаю офицеръ объявилъ, что пока онъ еще имѣетъ лѣта честнаго образа мыслей, онъ не прочь присоединиться къ другимъ людямъ тѣхъ же лѣтъ; Дмитрій Сергѣичъ, а тогда ужь по неволѣ и ригористъ, послѣдовали его примѣру: танцовать не танцовали, но въ горѣлки игра́ли. А когда мужчины вздумали бѣгать въ запуски, прыгать черезъ канаву, то три мыслителя отличились самыми усердными состязателями мужественныхъ упражненій: офицеръ получилъ первенство въ прыганьѣ черезъ канаву, Дмитрій Сергѣичъ, человѣкъ очень сильный, вошелъ въ большой азартъ, когда офицеръ поборолъ его: онъ надѣялся быть первымъ на этомъ поприщѣ послѣ ригориста, который очень удобно поднималъ на воздухѣ и клалъ на землю

офицера и Дмитрія Сергѣича вмѣстѣ; это не вводило въ амбицію ни Дмитрія Сергѣича, ни офицера: ригористъ былъ признанный атлетъ, но Дмитрію Сергѣичу никакъ не хотѣлось оставить на себѣ того аффронта, что не можетъ побороть офицера; пять разъ онъ схватывался съ нимъ, и всѣ пять разъ офицеръ низлагалъ его, хотя не безъ труда. Послѣ шестой схватки Дмитрій Сергѣичъ призналъ себя несомнѣнно слабѣйшимъ: оба они выбились изъ силъ. Три мыслителя прилегли на траву, продолжали споръ; теперь огюсть-контистомъ оказывался уже Дмитрій Сергѣичъ, а схематистомъ офицеръ, но ригористъ такъ и остался ригористомъ.

Отправились домой въ 11 часовъ. Старухи и дѣти такъ и заснули въ лодкахъ; хорошо, что запасено было много теплой одежды, за то остальные говорили безъ умолку, и на всѣхъ шести яликахъ не было перерыва шуткамъ и смѣху.

XII.

Черезъ два дня, за утреннимъ чаемъ, Вѣра Павловна замѣтила мужу, что цвѣтъ его лица ей не нравится. Онъ сказалъ, что дѣйствительно эту ночь спалъ не совсѣмъ хорошо, и вчера съ вечера чувствовалъ себя дурно, но что это ничего, немного простудился на прогулкѣ, конечно въ то время, когда долго лежалъ на землѣ послѣ бѣганья и борьбы; побранилъ себя за неосторожность, но увѣрилъ Вѣру Павловну, что это пустяки. Онъ отправился на свои обыкновенныя занятія; за вечернимъ чаемъ говорилъ, что, кажется, совершенно все прошло, но поутру на другой день сказалъ, что ему надобно будетъ нѣсколько времени посидѣть дома. Вѣра Павловна, сильно встревожившаяся и вчера, теперь серьёзно испугалась и потребовала, чтобы Дмитрій Сергѣичъ пригласилъ медика. — «Да вѣдь я самъ медикъ, и самъ съумѣю лечиться, если понадобится; а теперь пока еще не нужно», отговаривался Дмитрій Сергѣичъ. Но Вѣра Павловна была неотступна, и онъ написалъ записку Кирсанову, говорилъ въ ней, что болѣзнь пустая, и что онъ проситъ его только въ угожденіе женѣ.

Поэтому Кирсановъ не поторопился: пробылъ въ госпиталѣ до самаго обѣда, и пріѣхалъ къ Лопуховымъ уже часу въ 6-мъ вечера.

— Нѣтъ, Александръ, я хорошо сдѣлалъ, что позвалъ тебя, сказалъ Лопуховъ: — опасности нѣтъ, и вѣроятно не будетъ; но у меня воспаленіе въ легкихъ. Конечно, я и безъ тебя вылечился бы, но все-таки навѣщай. Нельзя, нужно для очищенія совѣсти: вѣдь я не бобыль, какъ ты.

Долго они щупали бока одному изъ себя, Кирсановъ слушалъ грудь, и нашли оба, что Лопуховъ не ошибся: опасности нѣтъ, и вѣроятно не будетъ, но воспаленіе въ легкихъ сильное. Придется пролежать недѣли полторы. Немного запустилъ Лопуховъ свою болѣзнь, но все-таки еще ничего.

Кирсанову пришлось долго толковать съ Вѣрою Павловною, успокоивать ее. Наконецъ, она повѣрила вполнѣ, что ее не обманываютъ, что по всей вѣроятности, болѣзнь не только не опасна, но и не тяжела; но вѣдь только «по всей вѣроятности», а мало ли что бываетъ и противъ всякой вѣроятности?

Кирсановъ сталъ бывать по два раза въ день у больнаго: они съ нимъ оба видѣли, что болѣзнь проста и не опасна. На четвертый день поутру, Кирсановъ сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ:

— Дмитрій ничего, хорошъ: еще дня три, четыре будетъ тяжеловато, но не тяжеле вчерашняго, а потомъ станетъ ужъ и поправляться. Но о васъ, Вѣра Павловна, я хочу поговорить съ вами серьезно. Вы дурно дѣлаете: зачѣмъ не спать по ночамъ? Ему совершенно не нужна сидѣлка, да и я не нуженъ. А себѣ вы можете повредить, и совершенно безъ надобности. Вѣдь у васъ и теперь нервы ужь довольно разстроены.

Долго онъ урезонивалъ Вѣру Павловну, но безъ всякаго толку. «Никакъ», и «ни за что», и «я сама рада бы, да не могу»—т. е. спать по ночамъ и оставлять мужа безъ караула. Наконецъ, она сказала: — «да вѣдь все, что вы мнѣ говорите, онъ мнѣ ужь говорилъ, и много разъ, вѣдь вы знаете. Конечно, я скорѣе бы послушалась его, чѣмъ васъ,—значитъ, не могу».

Противъ такого аргумента нечего было спорить. Кирсановъ покачалъ головою и ушелъ.

Пріѣхавъ къ больному въ десятомъ часу вечера, онъ просидѣлъ подлѣ него вмѣстѣ съ Вѣрою Навловною съ полчаса, потомъ сказалъ: — «теперь вы, Вѣра Павловна, идите отдохнуть. Мы оба просимъ васъ. Я останусь здѣсь ночевать».

Вѣрѣ Павловнѣ было совѣстно: она сама на половину, больше, чѣмъ на половину, знала, что какъ будто и нѣтъ необходимости сидѣть всю ночь подлѣ больнаго, и вотъ заставляетъ же Кир-

санова, человѣка занятаго, терять время. Чтожь это, въ самомъ дѣлѣ? да, «какъ будто не нужно»... «какъ будто», а кто знаетъ? нѣтъ, нельзя оставить «миленькаго» одного, мало ли что можетъ случиться? да наконецъ, пить захочетъ, можетъ быть, чаю захочетъ, вѣдь онъ деликатный, будить не станетъ, значитъ, и нельзя не сидѣть подлѣ него. Но Кирсанову сидѣть не нужно, она не дозволитъ. Она сказала, что не уйдетъ, потому что не очень устала, что она много отдыхаетъ днемъ.

— Въ такомъ случаѣ, простите меня, но я прошу васъ уйти, рѣшительно прошу. Кирсановъ взялъ ее за руку и почти силою отвелъ въ ея комнату.

— Мнѣ, право, совѣстно передъ тобою, Александръ, проговорилъ больной:—какую смѣшную роль ты играешь, сидя ночь у больнаго, болѣзнь котораго вовсе не требуетъ этого. Но я тебѣ очень благодаренъ. Вѣдь я не могъ уговорить ее взять хоть сидѣлку, если боится оставить одного, — никому не могла довѣрить.

— Если бъ я этого не видѣлъ, что она не можетъ быть спокойна, довѣривъ тебя кому нибудь другому, разумѣется, не сталъ бы я нарушать своего комфорта. Но теперь, надѣюсь, успѣетъ: вѣдь я медикъ и твой пріятель.

Въ самомъ дѣлѣ, Вѣра Павловна, какъ дошла до своей кровати, такъ и повалилась и заснула. Три безсонныя ночи сами по себѣ не были бы важны. И тревога сама не была бы важна. Но тревога вмѣстѣ съ безсонными ночами, да безъ всякаго отдыха днемъ, точно была опасна; еще двое, трое сутокъ безъ сна, она бы сдѣлалась больна посерьезнѣе мужа.

Кирсановъ провелъ еще три ночи съ больнымъ; его-то это мало утомляло, конечно, потому что онъ преспокойно спалъ, только изъ предосторожности запиралъ дверь, чтобы Вѣра Павловна не могла увидѣть такой безпечности. Она и подозрѣвала, что онъ спитъ на своемъ дежурствѣ, но все-таки была спокойна: вѣдь онъ медикъ, такъ чего же опасаться? онъ знаетъ, когда можно ему спать, когда нѣтъ. Ей было совѣстно, что она не могла прежде успокоиться, чтобы не тревожить его, но теперь ужь онъ не обращалъ вниманія на ея увѣренія, что будетъ спать, хотя бы его тутъ и не было:—«вы виноваты, Вѣра Павловна, и за то должны быть наказываемы. Я вамъ не довѣряю».

Но черезъ четыре дня, было ужь очевидно для нея, что больной почти пересталъ быть больнымъ, улики ея скептицизму были

слишкомъ ясны: въ этотъ вечеръ, они втроемъ играли въ карты, Лопуховъ уже полу-лежалъ, а не лежалъ, и говорилъ очень хорошимъ голосомъ. Кирсановъ могъ прекратить свои сонныя дежурства, и объявилъ объ этомъ.

— Александръ Матвѣичъ, почему вы совершенно забыли меня, именно меня? Съ Дмитріемъ вы все-таки хороши, онъ бываетъ у васъ довольно часто; но вы у насъ передъ его болѣзнію не были, кажется, съ полгода; да и давно такъ. А помните, въ началѣ вѣдь мы съ вами были дружны.

— Люди перемѣняются, Вѣра Павловна. Да вѣдь я и страшно работаю, могу похвалиться. Я почти ни у кого не бываю: некогда, лѣнь. Такъ устаешь съ 9 часовъ до 5 въ госпиталѣ и въ академіи, что потомъ чувствуешь невозможность никакого другаго перехода, кромѣ какъ изъ мундира прямо въ халатъ. Дружба хороша, но не сердитесь, сигара на диванѣ, въ халатѣ — еще лучше.

Въ самомъ дѣлѣ, Кирсановъ уже больше двухъ лѣтъ почти вовсе не бывалъ у Лопуховыхъ. Читатель не замѣчалъ его имени между ихъ обыкновенными гостями, да и между рѣдкими посѣтителями онъ давно сталъ самымъ рѣдкимъ.

VIII.

Проницательный читатель, — я объясняюсь только съ читателемъ: читательница слишкомъ умна, чтобы надоѣдать своей догадливостью, потому я съ нею не объясняюсь, говорю это разъ на всегда; есть и между читателями не мало людей не глупыхъ: съ этими читателями я тоже не объясняюсь; но большинство читателей, въ томъ числѣ почти всѣ литераторы и литературщики, люди проницательные, съ которыми мнѣ всегда пріятно бесѣдовать, — и такъ, проницательный читатель говоритъ: я понимаю, къ чему идетъ дѣло; въ жизни Вѣры Павловны начинается новый романъ; въ немъ будетъ играть роль Кирсановъ; я понимаю даже больше: Кирсановъ уже давно влюбленъ въ Вѣру Павловну, потому-то онъ и переставъ бывать у Лопуховыхъ. О, какъ ты понятливъ, проницательный читатель: какъ только тебѣ скажешь что нибудь, ты сейчасъ же замѣчаешь: «я понялъ это», и восхищаешься своею проницательностью. Благоговѣю передъ тобою, проницательный читатель.

И такъ, въ исторіи Вѣры Павловны является новое лицо, и надобно было бы описать его, если бы оно уже не было описано. Когда я разсказывалъ о Лопуховѣ, то затруднялся обособить его отъ его задушевнаго пріятеля и не умѣлъ сказать о немъ почти ничего такого, чего не надобно было бы повторить и о Кирсановѣ. И дѣйствительно, все, что можетъ (проницательный) читатель узнать изъ слѣдующей описи примѣтъ Кирсанова, будетъ повтореніемъ примѣтъ Лопухова. Лопуховъ былъ сынъ мѣщанина, зажиточнаго по своему сословію, то есть, довольно часто имѣющаго мясо во щахъ; Кирсановъ былъ сынъ писца уѣзднаго суда, то есть, человѣка, часто не имѣющаго мяса во щахъ, — значитъ, и на оборотъ, часто имѣющаго мясо во щахъ. Лопуховъ съ очень ранней молодости, почти съ дѣтства, добывалъ деньги на свое содержаніе; Кирсановъ съ 12 лѣтъ помогалъ отцу въ переписываніи бумагъ, съ IV класса гимназіи тоже давалъ уже уроки. Оба грудью, безъ связей, безъ знакомствъ пролагали себѣ дорогу. Лопуховъ былъ какой человѣкъ? въ гимназіи по французски не выучивались, а по нѣмецки выучивались склонять der, die, das, съ небольшими ошибками; а поступивши въ академію, Лопуховъ скоро увидѣлъ, что на русскомъ языкѣ далеко не уѣдешь въ наукѣ: онъ взялъ французскій словарь, да какія случились французскія книжонки, а случились: Телемакъ, да повѣсти г-жи Жанлисъ, да нѣсколько ливрезоновъ нашего умнаго журнала Revue Étrangère, — книги, все не очень заманчивыя, — взялъ ихъ, а самъ, разумѣется, былъ страшный охотникъ читать, да и сказалъ себѣ: не раскрою ни одной русской книги, пока не стану свободно читать по французски; ну, и сталъ свободно читать. А съ нѣмецкимъ языкомъ обошелся иначе: нанялъ уголъ въ квартирѣ, гдѣ было много нѣмцевъ мастеровыхъ; уголъ былъ мерзкій, нѣмцы скучны, ходить въ академію было далеко, а онъ все-таки выжилъ тутъ, сколько ему было нужно. У Кирсанова было иначе: онъ нѣмецкому языку учился по разнымъ книгамъ съ лексикономъ, какъ Лопуховъ французскому, а по французски выучился другимъ манеромъ, по одной книгѣ, безъ лексикона: евангеліе — книга очень знакомая; вотъ онъ досталъ Новый Завѣтъ въ женевскомъ переводѣ, да и прочелъ его восемь разъ; на девятый, уже все понималъ, — значитъ, готово. Какой человѣкъ былъ Лопуховъ?—Вотъ какой: шелъ онъ въ оборванномъ мундирѣ по Каменно-Островскому проспекту (съ урока, по 50 коп. урокъ,

верстахъ въ трехъ за лицеемъ). Идетъ ему на встрѣчу нѣкто осанистый, моціонъ дѣлаетъ, да, какъ осанистый, прямо на него, не сторонится; а у Лопухова было въ то время правило: кромѣ женщинъ, ни передъ кѣмъ первый не сторонюсь; задѣли другъ друга плечами; нѣкто, сдѣлавъ полуоборотъ, сказалъ: «что ты за свинья, скотина», готовясь продолжать назиданіе, а Лопуховъ сдѣлалъ полный оборотъ къ нѣкоему, взялъ нѣкоего въ охапку и положилъ въ канаву, очень осторожно, и стоитъ надъ нимъ, и говоритъ: ты не шевелись, а то дальше протащу, гдѣ грязь глубже. Проходили два мужика, заглянули, похвалили; проходилъ чиновникъ, заглянулъ, не похвалилъ, но сладко улыбнулся; проѣзжали экипажи, — изъ нихъ не заглядывали: не было видно, что лежитъ въ канавѣ; постоялъ Лопуховъ, опять взялъ нѣкоего, не въ охапку, а за руку, поднялъ, вывелъ на шоссе и говоритъ: «Ахъ, милостивый государь, какъ это вы изволили оступиться? Не повредились, надѣюсь? Позвольте васъ обтереть? Проходилъ мужикъ, сталъ помогать обтирать, проходили два мѣщанина, стали помогать обтирать, обтерли нѣкоего и разошлись. Съ Кирсановымъ не было такого случая, а былъ другой случай. Нѣкая дама, у которой нѣкіе бывали на посылкахъ, вздумала, что надобно составить каталогъ библіотеки, оставшейся послѣ мужа-вольтеріанца, который умеръ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Зачѣмъ именно черезъ двадцать лѣтъ понадобился каталогъ, неизвѣстно. Составлять каталогъ подвернулся Кирсановъ, взялся за 80 р.; работалъ полтора мѣсяца. Вдругъ дама вздумала, что каталогъ не нуженъ, вошла въ библіотеку, и говоритъ: «не трудитесь больше, я передумала; а вотъ вамъ за ваши труды», и подала Кирсанову 10 р. — «Я ваше *** даму назвалъ по титулу, сдѣлалъ уже больше половины работы: изъ 17 шкафовъ переписалъ 10». — «Вы находите, что я васъ обидѣла въ деньгахъ? Nicolas, поди сюда, переговори съ этимъ господиномъ». Влетѣлъ Nicolas. — «Ты какъ смѣешь грубить маменькѣ?» — «Да ты, молокососъ» — выраженіе неосновательное со стороны Кирсанова: Nicolas былъ старше его годами пятью, — «выслушалъ бы прежде». — «Люди!» крикнулъ Nicolas. — «Ахъ, люди? Вотъ я тебѣ покажу людей!» Во мгновеніе ока дама взвизгнула и упала въ обморокъ, а Nicolas постигъ, что не можетъ пошевельнуть руками, которыя притиснуты къ его бокамъ, какъ желѣзнымъ поясомъ, и что притиснуты онѣ правою рукою Кирсанова, и постигъ, что лѣвая рука Кирсанова, дернувши его

за вихоръ, уже держитъ его за горло, и что Кирсановъ говоритъ: «посмотри, какъ легко мнѣ тебя задушить»—и давнулъ горло; и Nicolas постигъ, что задушить точно легко, и рука уже отпустила горло, можно дышать, только все держится за горло. А Кирсановъ говоритъ, обращаясь къ появившимся у дверей голіафамъ: — «стой! а то его задушу. Разступитесь, а то его задушу». Все это постигъ Nicolas въ одно мгновеніе ока и сдѣлалъ понаваніе носомъ, что, дескать, онъ основательно разсуждаетъ.—«Теперь проводи-ко, братъ, меня до лѣстницы» сказалъ Кирсановъ, опять обратясь къ Nicolas и продолжая по прежнему обнимать Nicolas, вышелъ въ переднюю и сошелъ съ лѣстницы, издали напутствуемый умиленными взорами голіафовъ и на послѣдней ступенькѣ отпустилъ горло Nicolas, отпихнулъ самаго Nicolas и пошелъ въ лавку покупать фуражку вмѣсто той, которая осталась добычею Nicolas.

Ну, что же различнаго скажете вы о такихъ людяхъ? Всѣ рѣзко выдающіяся черты ихъ—черты не индивидуумовъ, а типа, типа до того разнящагося отъ привычныхъ тебѣ, проницательный читатель, что его общими особенностями закрываются личныя разности въ немъ. Эти люди среди другихъ, будто среди китайцевъ нѣсколько человѣкъ европейцевъ, которыхъ не могутъ различить одного отъ другаго китайцы: во всѣхъ видятъ одно, что они «красноволосые варвары, не знающіе церемоній»; на ихъ глаза, вѣдь и французы такіе же «красноволосые», какъ англичане. Да китайцы и правы: въ отношеніяхъ съ ними, всѣ европейцы, какъ одинъ европеецъ, не индивидуумы, а представители типа, больше ничего; одинаково не ѣдятъ таракановъ и мокрицъ, одинаково не рѣжутъ людей въ мелкіе кусочки, одинаково пьютъ водку и виноградное вино, а не рисовое, и даже единственную вещь, которую видятъ свою родную въ нихъ китайцы, — питье чаю, дѣлаютъ вовсе не такъ, какъ китайцы: съ сахаромъ, а не безъ сахару. Такъ и люди того типа, къ которому принадлежали Лопуховъ и Кирсановъ, кажутся одинаковы людямъ не того типа. Каждый изъ нихъ—человѣкъ отважный, не колеблющійся, не отступающій, умѣющій взяться за дѣло, и если возьмется, то уже крѣпко хватающійся за него, такъ что оно не выскользнетъ изъ рукъ: это одна сторона ихъ свойствъ; съ другой стороны, каждый изъ нихъ человѣкъ безукоризненной честности, такой, что даже и не приходитъ въ голову вопросъ: «можно ли положиться на этого человѣка во всемъ безусловно? Это ясно, какъ то, что онъ ды-

шитъ грудью; пока дышитъ эта грудь, она горяча и неизмѣнна, — смѣло кладите на нее свою голову, на ней можно отдохнуть. Эти общія черты такъ рѣзки, что за ними сглаживаются всѣ личныя особенности.

Недавно зародился у насъ этотъ типъ. Прежде были только отдѣльныя личности, предвѣщавшія его; онѣ были исключеніями, и какъ исключенія, чувствовали себя одинокими, безсильными, и отъ этого бездѣйствовали, или упывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то есть, не могли имѣть главной черты этого типа, не могли имѣть хладнокровной практичности, ровной и разсчетливой дѣятельности, дѣятельной разсудительности. То были люди, хоть и той же натуры, но еще не развившейся до этого типа, а онъ, этотъ типъ, зародился недавно; въ мое время, его еще не было, хоть я не очень старый, даже вовсе не старый человѣкъ. Я и самъ не могъ вырости такимъ,—росъ не въ такую эпоху; потому-то, что я самъ не таковъ, я и могу не совѣстясь выражать свое уваженіе къ нему; къ сожалѣнію, я не себя прославляю, когда говорю про этихъ людей: славные люди.

Недавно родился этотъ типъ и быстро распложается. Онъ рожденъ временемъ, онъ знаменіе времени, и, сказать ли? — онъ исчезнетъ вмѣстѣ съ своимъ временемъ, недолгимъ временемъ. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лѣтъ тому назадъ, этихъ людей не видѣли; три года тому назадъ, презирали; теперь... но все равно, что думаютъ о нихъ теперь; черезъ нѣсколько лѣтъ, очень немного лѣтъ, къ нимъ будутъ взывать: «спасите насъ!» и что будутъ они говорить, будетъ исполняться всѣми; еще немного лѣтъ, быть можетъ и не лѣтъ, а мѣсяцевъ, и станутъ ихъ проклинать, и они будутъ согнаны со сцены, ошиканные, страмимые. Такъ что же, шикайте и страмите, гоните и проклинайте, вы получили отъ нихъ пользу, этого для нихъ довольно, и подъ шумомъ шиканья, подъ громомъ проклятій, они сойдутъ со сцены гордые и скромные, суровые и добрые, какъ были. И не останется ихъ на сценѣ?—Нѣтъ. Какъ же будетъ безъ нихъ? — Плохо. Но послѣ нихъ все-таки будетъ лучше, чѣмъ до нихъ. И пройдутъ года, и скажутъ люди: «послѣ нихъ стало лучше; но все-таки осталось плохо». И когда скажутъ это, значитъ, пришло время возродиться этому типу, и онъ возродится въ болѣе многочисленныхъ людяхъ, въ лучшихъ формахъ, потому что тогда всего хорошаго будетъ больше, и все хорошее будетъ лучше; и опять та же исторія въ по-

вомъ видѣ. И такъ пойдетъ до тѣхъ поръ, пока люди скажутъ: «ну, теперь намъ хорошо», тогда ужь не будетъ этого отдѣльнаго типа, потому что всѣ люди будутъ этого типа, и съ трудомъ будутъ понимать, какъ же это было время, когда онъ считался особеннымъ типомъ, а не общею натурою всѣхъ людей?

IX.

Но какъ европейцы между китайцами всѣ на одно лицо и на одинъ манеръ только по отношенію къ китайцамъ, а на самомъ дѣлѣ между европейцами несравненно больше разнообразія, чѣмъ между китайцами, такъ и въ этомъ, по видимому, одномъ типѣ, разнообразіе личностей развивается на разности болѣе многочисленныя и болѣе отличающіяся другъ отъ друга, чѣмъ всѣ разности всѣхъ остальныхъ типовъ размятся между собою. Тутъ есть всякіе люди: и сибариты, и аскеты, и суровые, и нѣжные, и всякіе, всякіе. Только, какъ самый жестокій европеецъ очень кротокъ, самый трусливый очень храбръ, самый сладострастный очень нравственъ передъ китайцемъ, такъ и они: самые аскетичные изъ нихъ считаютъ нужнымъ для человѣка больше комфорта, чѣмъ воображаютъ люди не ихъ типа, самые чувственные строже въ нравственныхъ правилахъ, чѣмъ моралисаторы не ихъ типа. Но все это они представляютъ себѣ какъ-то по своему; и нравственность и комфортъ, и чувственность и добро понимаютъ они на особый ладъ, и всѣ на одинъ ладъ, и не только всѣ на одинъ ладъ, но и все это какъ-то на одинъ ладъ, такъ что и нравственность и комфортъ, и добро и чувственность, все это выходитъ у нихъ какъ будто одно и то же. Но все это опять только по отношенію къ понятіямъ китайцевъ, а сами между собою они находятъ очень большія разности пониманія, по разности натуръ. Но какъ теперь условить эти разности натуръ и понятій между ними?

Въ разговорахъ о дѣлахъ между собою, но только между собою, а не съ китайцами, выказываютъ свою разницу европейскія натуры. Такъ и у людей этого типа видно бываетъ очень большое разнообразіе, когда дѣла ведутся между ними, но только между ними, а не съ посторонними. Мы видѣли передъ собою двухъ людей этого типа: Вѣру Павловну и Лопухова, и видѣли,

какъ устроились отношенія между ними. Теперь входитъ третій человѣкъ. Посмотримъ, какія разности обнаружатся отъ возможности одному изъ нихъ сравнивать двухъ другихъ. Вѣра Павловна видитъ передъ собою Лопухова и Кирсанова. Прежде ей не было выбора; теперь есть.

X.

Но надобно же сказать два, три слова о внѣшнихъ пріемѣтахъ Кирсанова.

У него, какъ и у Лопухова, были правильныя, красивыя черты лица. Одни находили, что красивѣе тотъ, другіе — этотъ. У Лопухова, болѣе смуглаго, были темно-каштановые волосы, сверкающіе каріе глаза, казавшіеся почти черными, орлиный носъ, толстыя губы, лицо нѣсколько овальное. У Кирсанова были русые волосы довольно темнаго оттѣнка, темноголубые глаза, прямой греческій носъ, маленькій ротъ, лицо продолговатое, замѣчательной бѣлизны. Оба они были люди довольно высокаго роста, стройные, Лопуховъ нѣсколько шире костью, Кирсановъ нѣсколько выше.

Внѣшняя обстановка Кирсанова была довольно хороша. Онъ уже имѣлъ каѳедру. Огромное большинство избиравшихъ было противъ него: ему бы не только не дали каѳедры, его бы не выпустили докторомъ, да нельзя было. Два, три молодые человѣка, да одинъ не молодой человѣкъ изъ его бывшихъ профессоровъ, его пріятели, давно наговорили остальнымъ, будто бы есть на свѣтѣ какой-то Фирховъ, и живетъ въ Берлинѣ, и какой-то Клодъ Бернаръ, и живетъ въ Парижѣ, и еще какіе-то такіе же, которыхъ не упомнишь, которые тоже живутъ въ разныхъ городахъ, и что будто бы эти Фирховъ, Клодъ Бернаръ и еще кто-то — будто бы они свѣтила медицинской науки. Все это было до крайности не правдоподобно, потому что свѣтила науки намъ извѣстны: Бургавъ, Гуфеландъ; Гавье тоже былъ великій ученый, открылъ обращеніе крови, тоже Дженнеръ, выучилъ оспопрививанію; такъ вѣдь мы знаемъ ихъ, а этихъ Фирховъ да Клодовъ Бернаровъ мы не знаемъ, какія же они свѣтила? А впрочемъ, чортъ ихъ знаетъ. Такъ вотъ этотъ самый Клодъ Бернаръ отзывался съ уваженіемъ о работахъ Кирсанова, когда Кирсановъ еще оканчивалъ курсъ, — ну, и нельзя: дали

Кирсанову докторство, дали года черезъ полтора каѳедру. Студенты говорили, что, съ его поступленіемъ, партія хорошихъ профессоровъ замѣтно усилилась. Практики онъ не имѣлъ и говорилъ, что бросилъ практическую медицину; но въ госпиталѣ бывалъ очень подолгу: выпадали дни, что онъ тамъ и обѣдалъ, а иной разъ и ночевалъ. Чтожь онъ тамъ дѣлалъ? онъ говорилъ, что работаетъ для науки, а не для больныхъ: «я не лечу, а только наблюдаю и дѣлаю опыты». Студенты подтверждали это, прибавляя, что нынѣ лечатъ только дураки, потому что нынѣ лечить еще нельзя. Служители судили иначе: «ну, этого Кирсановъ беретъ въ свою палату,—значитъ, труденъ», говорили они между собою, а потомъ больному: «будь благонадеженъ: противъ этого лекаря рѣдкая болѣзнь можетъ устоять, мастеръ; и какъ есть, отецъ».

XI.

Въ первое время замужства Вѣры Павловны, Кирсановъ бывалъ у Лопуховыхъ очень часто, почти что черезъ день, а ближе сказать, почти что каждый день, и скоро, да почти что съ перваго же дня, сталъ чрезвычайно друженъ съ Вѣрою Павловною, столько же, какъ съ самимъ Лопуховымъ. Такъ продолжалось съ полгода. Однажды, они сидѣли втроемъ: онъ, мужъ и она. Разговоръ шелъ, какъ обыкновенно, безъ всякихъ церемоній; Кирсановъ болталъ больше всѣхъ, но вдругъ замолчалъ. — «Что съ тобою, Александръ?» — «Что вы пріутихли, Александръ Матвѣичъ?» — «Такъ что-то, нашла хандра».

— Это съ вами рѣдко случается, Александръ Матвѣичъ, сказала Вѣра Павловна.

— Безъ причины даже никогда, сказалъ Кирсановъ какимъ-то натянутымъ тономъ.

Черезъ нѣсколько времени, раньше обыкновеннаго, онъ всталъ и ушелъ, простившись, какъ всегда, просто.

Дня черезъ два, Лопуховъ сказалъ Вѣрѣ Павловнѣ, что заходилъ къ Кирсанову и, какъ ему показалось, встрѣченъ былъ довольно странно. Кирсановъ какъ будто хотѣлъ быть съ нимъ любезенъ, что было вовсе лишнее между ними. Лопуховъ, посмотрѣвши на него, сказалъ прямо: «Ты, Александръ, что-то дуешься; на кого, на меня что ли?» — «Нѣтъ.» — «На Вѣроч-

ку?»—«Нѣтъ». —«Такъ что же съ тобою сдѣлалось?»—«Нѣтъ, ничего; что это тебѣ показалось?» — «Да ты не хорошъ со мною нынѣ, натянутъ, любезенъ, и видно, что дуешься». Кирсановъ началъ расточать увѣренія, что нисколько, и тѣмъ окончательно выказалъ, что дуется. Потомъ, ему, должно быть, стало стыдно, онъ сдѣлался простъ, хорошъ, какъ слѣдуетъ. Лопуховъ, воспользовавшись тѣмъ, что человѣкъ пришелъ въ разсудокъ, спросилъ опять:—«Ну, Александръ, скажи, за что же ты дулся?»—«Я не думалъ дуться»; и опять сталъ приторенъ и противенъ.

Что за чудо? Лопуховъ не умѣлъ вспомнить ничего, чѣмъ бы могъ оскорбить его, да это и не было возможно, при ихъ уваженіи другъ къ другу, при горячей дружбѣ. Вѣра Павловна тоже очень усердно вспоминала, не она ли чѣмъ оскорбила его, и тоже не могла ничего отыскать, и тоже знала, по той же причинѣ, какъ у мужа, что это невозможно съ ея стороны.

Прошло еще два дня; не зайти къ Лопуховымъ четыре дня сряду было дѣломъ необыкновеннымъ для Кирсанова. Вѣра Павловна даже вадумала: здоровъ ли онъ? Лопуховъ зашелъ посмотрѣть, не боленъ ли въ самомъ дѣлѣ. Какое, нездоровъ! продолжаетъ дуться. Лопуховъ приступилъ къ нему настойчиво. Онъ, послѣ долгихъ отнѣкиваній, началъ говорить какой-то нелѣпый вадоръ о своихъ чувствахъ къ Лопухову и къ Вѣрѣ Павловнѣ, что онъ очень любитъ и уважаетъ ихъ; но изъ всего этого слѣдовало, что они къ нему невнимательны, о чемъ,—что хуже всего,—не было, впрочемъ, никакого намека въ его высокопарности. Ясно было, что господинъ вломался въ амбицію. Все это такъ дико было видѣть въ человѣкѣ, за какого Лопуховъ считалъ Кирсанова, что гость сказалъ хозяину:—«послушай, вѣдь мы съ тобою пріятели; вѣдь это, наконецъ, должно быть совѣстно тебѣ». Кирсановъ съ изысканною переносливостью отвѣчалъ, что дѣйствительно это съ его стороны, можетъ быть, мелочность, но чтожь дѣлать, если онъ многимъ обижался.—«Ну, чѣмъ же»? Онъ началъ высчитывать множество случаевъ, которыми оскорблялся въ послѣднее время, все въ такомъ родѣ: «ты сказалъ, что чѣмъ свѣтлѣе у человѣка волосы, тѣмъ ближе онъ къ безцвѣтности. Вѣра Павловна сказала, что нынѣ чай вадорожалъ. Это колкость на мой цвѣтъ волосъ. Это намекъ, что я васъ объѣдаю». У Лопухова опустились руки: помѣшался человѣкъ на амбиціонности, или, вѣрнѣе сказать, просто сталъ дуракомъ и пошлякомъ.

Лопуховъ возвратился домой даже опечаленный: горько было увидѣть такую сторону въ человѣкѣ, котораго онъ такъ любилъ. На разспросы Вѣры Павловны, что онъ узналъ, онъ отвѣчалъ грустно, что лучше объ этомъ не говорить, что Кирсановъ говорилъ непріятный вздоръ, что онъ, вѣроятно, боленъ.

Черезъ три, четыре дня, Кирсановъ, должно быть, опомнился, увидѣлъ дикую пошлость своихъ выходокъ; пришелъ къ Лопуховымъ, былъ какъ слѣдуетъ, потомъ сталъ говорить, что онъ былъ пошлъ; изъ словъ Вѣры Павловны онъ замѣтилъ, что она не слышала отъ мужа его глупостей, искренно благодарилъ Лопухова за эту скромность, сталъ самъ, въ наказаніе себѣ, разсказывать все Вѣрѣ Павловнѣ, расчувствовался, извинялся, говорилъ, что былъ боленъ, и опять выходило какъ-то дрянно. Вѣра Павловна попробовала сказать, чтобъ онъ бросилъ толковать объ этомъ, что это пустяки, онъ привязался къ слову «пустяки» и началъ нести такую же пошлую чепуху, какъ въ разговорѣ съ Лопуховымъ: очень деликатно и тонко сталъ развивать ту тему, что, конечно, это «пустяки», потому что онъ понимаетъ свою маловажность для Лопуховыхъ, но что онъ большаго и не заслуживаетъ, и т. д., и все это говорилось темнѣйшими, тончайшими намеками въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ уваженія, преданности. Вѣра Павловна, слушая это, точно такъ же опустила руки, какъ прежде мужъ. Когда онъ ушелъ, они припомнили, что ужь нѣсколько дней до своего явнаго опошленія онъ былъ страненъ; тогда они не замѣтили и не поняли, теперь эти прежнія выходки объяснились: онѣ были въ томъ же вкусѣ, только слабы.

Послѣ этого, Кирсановъ сталъ было заходить довольно часто; но продолженіе прежнихъ простыхъ отношеній было уже невозможно: изъ-подъ маски порядочнаго человѣка высовывалось нѣсколько дней такое длинное ослиное ухо, что Лопуховы потеряли бы слишкомъ значительную долю уваженія къ бывшему другу, если бъ это ухо и спряталось навсегда: но оно по временамъ продолжало выказываться: выставлялось не такъ длинно, и торопливо пряталось, но было жалко, дрянно, пошло.

Скоро къ Кирсанову въ самомъ дѣлѣ стали холодны, онъ дѣйствительно имѣлъ уже причину не находить себѣ удовольствія у Лопуховыхъ, и пересталъ бывать.

Но онъ встрѣчался съ Лопуховымъ у однихъ знакомыхъ. Черезъ нѣсколько времени, омерзеніе Лопухова къ нему ослабѣло: онъ былъ ничего, какъ слѣдуетъ. Лопуховъ сталъ заходить къ

нему. Черезъ годъ, онъ даже возобновилъ посѣщенія къ Лопуховымъ и былъ прежнимъ отличнымъ Кирсановымъ, простымъ и честнымъ. Но бывалъ рѣдко: видно было, что ему не ловко вспоминать о глупой исторіи, которую онъ разъигралъ. Лопуховъ почти забылъ ее, Вѣра Павловна тоже. Но разъ порванныя отношенія не возобновлялись. По наружности, онъ и Лопуховъ были опять друзья, да и на дѣлѣ, Лопуховъ сталъ почти по прежнему уважать его и бывалъ у него нерѣдко: Вѣра Павловна также возвратила ему часть прежняго расположенія, но она очень рѣдко видѣла его.

XII.

Теперь, болѣзнь Лопухова, лучше сказать, чрезвычайная привязанность Вѣры Павловны къ мужу, принудила Кирсанова быть болѣе недѣли въ короткихъ ежедневныхъ отношеніяхъ съ Лопуховыми. Онъ понималъ, что ступаетъ на опасную для себя дорогу, рѣшаясь просиживать вечера съ ними, чтобы отбивать у Вѣры Павловны дежурство; вѣдь онъ былъ такъ радъ и гордъ, что тогда, около трехъ лѣтъ назадъ, замѣтивъ въ себѣ признаки страсти, умѣлъ такъ твердо сдѣлать все, что было нужно для остановки ея развитія. Вѣдь ему было такъ хорошо отъ этого. Двѣ, три недѣли, его тянуло тогда къ Лопуховымъ, но и въ это время было больше удовольствія отъ сознанія своей твердости въ борьбѣ, чѣмъ боли отъ лишенія, а черезъ мѣсяцъ, боль вовсе прошла, и осталось одно довольство своею честностью. Такъ спокойно, такъ мило было у него на душѣ.

А теперь опасность была больше, чѣмъ тогда: въ эти три года, Вѣра Павловна, конечно, много развилась нравственно; тогда она была на половину еще ребенокъ, теперь уже не то; чувство, ею внушаемое, уже не могло походить на шутливую привязанность къ дѣвочкѣ, которую любишь и надъ которой улыбаешься въ одно и то же время. И не только нравственно развилась она: если красота женщины—настоящая красота, то у насъ на сѣверѣ женщина долго хорошѣетъ съ каждымъ годомъ. Да, три года жизни въ эту пору развиваютъ много хорошаго и въ душѣ, и въ глазахъ, и въ чертахъ лица, и во всемъ человѣкѣ, если человѣкъ хорошъ и жизнь хороша.

Опасность была большая, но только для него, Кирсанова:

Вѣрѣ Павловнѣ какая же опасность? Она любитъ мужа. Кирсановъ не такъ пустъ и глупъ, чтобы считать себя опаснымъ соперникомъ Лопухову. Не изъ фальшивой скромности онъ думаетъ это: всѣ порядочные люди, которые знаютъ его и Лопухова, ставятъ ихъ равно. А на сторонѣ Лопухова то неизмѣримое преимущество, что онъ уже заслужилъ любовь, да, заслужилъ ее, что онъ уже вполнѣ пріобрѣлъ сердце. Выборъ сдѣланъ, она очень довольна и счастлива выборомъ, у ней не можетъ явиться и мысли искать лучшаго: развѣ ей не хорошо? Объ этомъ смѣшно и думать, это опасеніе за нее и за Лопухова было бы нелѣпымъ тщеславіемъ со стороны его, Кирсанова.

Такъ неужели же изъ-за вздора, изъ-за того, что Кирсанову придется потосковать мѣсяцъ, много два, неужели изъ-за этого вздора давать женщинѣ разстраивать нервы, рисковать серьезною болѣзнію отъ сидѣнья по ночамъ у кровати больнаго? Неужели, для того, чтобъ избѣжать неважнаго и недолгаго нарушенія тишины собственной жизни, допускать серьезный вредъ другому, не менѣе достойному человѣку? Вѣдь это было бы не честно. А нечестный поступокъ гораздо непріятнѣе той, въ сущности и не тяжелой, борьбы съ собою, которую придется ему выдержать, и въ развязкѣ которой—въ гордомъ довольствѣ собою за твердость, нѣтъ сомнѣнія.

Такъ разсуждалъ Кирсановъ, рѣшаясь прогнать Вѣру Павловну съ напраснаго дежурства.

Надобность въ дежурствѣ прошла. Для соблюденія благовидности, чтобы не дѣлать крутаго перерыва, возбуждающаго вниманіе, Кирсанову нужно было еще два, три раза навѣстить Лопуховыхъ на дняхъ, потомъ черезъ недѣлю, потомъ черезъ мѣсяцъ, потомъ черезъ полгода. Затѣмъ, удаленіе будетъ достаточно объясняться занятіями.

XIII.

Все шло у Кирсанова хорошо, какъ онъ и думалъ. Привязанность возобновилась, и сильнѣе прежняго; но борьба съ нею не представляла никакого серьезнаго мученія, была легка. Вотъ Кирсановъ былъ уже во второй разъ у Лопуховыхъ, черезъ недѣлю по окончаніи леченья Дмитрія Сергѣича, вотъ онъ просидитъ часовъ до 9-ти: довольно, благовидность соблюдена; въ

слѣдующій разъ, онъ будетъ у нихъ черезъ двѣ недѣли: удаленіе почти исполнилось. А теперь надобно посидѣть еще съ часъ. А въ эту недѣлю, ужь на половину заглушено развитіе страсти; черезъ мѣсяцъ, все пройдетъ. Онъ очень доволенъ. Онъ участвуетъ въ разговорѣ такъ непринужденно, что самъ радуется своимъ успѣхамъ, и отъ этого довольства непринужденность его еще увеличивается.

Лопуховъ собирался завтра выйти въ первый разъ изъ дому. Вѣра Павловна была отъ этого въ особенно хорошемъ расположеніи духа, радовалась чуть ли не больше, да и навѣрное больше, чѣмъ самъ бывшій больной. Разговоръ коснулся болѣзни, смѣялись надъ нею, восхваляли шутливымъ тономъ супружескую самоотверженность Вѣры Павловны, чуть чуть не разстроившей своего здоровья тревогою изъ-за того, чѣмъ не стоило тревожиться. «Смѣйтесь, смѣйтесь, говорила она:—но вѣдь я знаю, у васъ самихъ не было бы силы поступить иначе на моемъ мѣстѣ».

— А какое вліяніе имѣетъ на человѣка заботливость другихъ, сказалъ Лопуховъ:—вѣдь онъ и самъ отчасти подвергается обольщенію, что ему нужна, Богъ знаетъ, какая осторожность, когда видитъ, что изъ-за него тревожатся. Вѣдь вотъ я могъ бы выходить изъ дому уже дня три, а все продолжалъ сидѣть. Нынѣ поутру хотѣлъ выйти, и еще отложилъ на день для большей безопасности.

— Да, тебѣ давно можно выходить, подтвердилъ Кирсановъ.

— Вотъ это я называю геройствомъ, и правду сказать, страшно надоѣло оно: сейчасъ бы такъ и убѣжалъ.

— Милый мой, вѣдь это ты для моего успокоенія геройствовалъ. А убѣжимъ сейчасъ же, въ самомъ дѣлѣ, если тебѣ такъ хочется поскорѣе кончить карантинъ. Я скоро пойду на полчаса въ мастерскую. Отправимтесь всѣ вмѣстѣ: это будетъ съ твоей стороны очень мило, что ты первый визитъ послѣ болѣзни сдѣлаешь нашей компаніи. Она замѣтитъ это и будетъ очень рада такой внимательности.

— Хорошо, отправимся вмѣстѣ, сказалъ Лопуховъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ, что подышитъ свѣжимъ воздухомъ нынѣ же.

— Вотъ хозяйка съ тактомъ, сказала Вѣра Павловна:—и не подумала, что у васъ, Александръ Матвѣичъ, можетъ вовсе не быть желанія идти съ нами.

— Нѣтъ, это очень любопытно, я давно собирался. Ваша мысль счастлива.

Точно, мысль Вѣры Павловны была удачна. Дѣвушки дѣйствительно были очень довольны, что Лопуховъ сдѣлалъ имъ первый визитъ послѣ болѣзни. Кирсановъ дѣйствительно очень интересовался мастерскою: да и нельзя было не интересоваться ею человѣку съ его образомъ мыслей. Еслибъ особенная причина не удерживала его, онъ съ самаго начала былъ бы однимъ изъ усердныхъ преподавателей въ ней. Полчаса, можетъ быть, часъ, пролетѣло не замѣтно. Вѣра Павловна водила ето по разнымъ комнатамъ, показывала все. Они возвращались изъ столовой въ рабочія комнаты, когда къ Вѣрѣ Павловнѣ подошла дѣвушка, которой не было въ рабочихъ комнатахъ. Дѣвушка и Кирсановъ взглянули другъ на друга: — «Настенька!» — «Саша!» — и обнялись.

— Сашенька, другъ мой, какъ я рада, что встрѣтила тебя! дѣвушка все цаловала его, и смѣялась, и плакала. Опомнившись отъ радости, она сказала: — нѣтъ, Вѣра Павловна, о дѣлахъ ужь не буду говорить теперь. Не могу разстаться съ нимъ. Пойдемъ, Сашенька, въ мою комнату.

Кирсановъ былъ не меньше ея радъ. Но Вѣра Павловна замѣтила и много печали въ первомъ же взглядѣ его, какъ онъ узналъ ее. Да это было и не мудрено: у дѣвушки была чахотка въ послѣдней степени развитія.

Крюкова поступила въ мастерскую съ годъ тому назадъ, уже очень больная. Еслибъ она оставалась въ магазинѣ, гдѣ была до той поры, она ужь давно умерла бы отъ швейной работы. Но въ мастерской нашлась для нея возможность прожить нѣсколько подольше. Дѣвушки совершенно освободили ее отъ шитья: можно было найти довольно другаго, не вреднаго занятія для нея; она замѣнила половину дежурствъ по мелкимъ надобностямъ швейной, участвовала въ завѣдываніи разными кладовыми, принимала заказы, и никто не могъ сказать, что Крюкова менѣе другихъ полезна въ мастерской.

Лопуховы ушли, не дождавшись конца свиданія Крюковой съ Кирсановымъ.

XIII.

РАЗСКАЗЪ КРЮКОВОЙ.

На другой день рано поутру, Крюкова пришла къ Вѣрѣ Павловнѣ.

— Я хочу поговорить съ вами о томъ, что вы вчера видѣли, Вѣра Павловна, сказала она,—она нѣсколько времени затруднялась, какъ ей продолжать:—мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы дурно подумали о немъ, Вѣра Павловна.

— Что это, какъ вы сами дурно думаете обо мнѣ, Настасья Борисовна.

— Нѣтъ, еслибъ это была не я, а другая, я бы не подумала этого. А вѣдь я, вы знаете, не такая, какъ другія.

— Нѣтъ, Настасья Борисовна, вы не имѣете права такъ говорить о себѣ. Мы знаемъ васъ годъ; да и прежде васъ знали многія изъ нашего общества.

— Такъ, я вижу, вы ничего обо мнѣ не знаете?

— Нѣтъ, какъ же, я знаю очень много. Вы были служанкою, — въ послѣднее время у актрисы N.; когда она вышла замужъ, вы отошли отъ нея, чтобъ уйти отъ отца ея мужа, поступили въ магазинъ N., изъ котораго перешли къ намъ; я знаю это со всѣми подробностями.

— Конечно, за Максимову и Шешу, которыя знали, что со мною было прежде, я была увѣрена, что онѣ не станутъ разсказывать. А все-таки, я думала, что могло какъ нибудь со стороны дойти до васъ или до другихъ. Ахъ, какъ я рада, что онѣ ничего не знаютъ! А вамъ я все-таки скажу, чтобы вы знали, какой онъ добрый. Я была очень дурная дѣвушка, Вѣра Павловна.

— Вы, Настасья Борисовна?

— Да, Вѣра Павловна, была. И я была очень дерзкая, у меня не было никакого стыда, и я была всегда пьяная — у меня отъ того и болѣзнь, Вѣра Павловна, что, при своей слабой груди, я слишкомъ много пила.

Вѣрѣ Павловнѣ уже раза три случалось видѣть такіе примѣры. Дѣвушки, которыя держали себя безукоризненно съ тѣхъ поръ, какъ начиналось ея знакомство съ ними, говорили ей, что прежде когда-то вели дурную жизнь. На первый разъ, она была изум-

лена такою исповѣдью; но подумавъ надъ нею нѣсколько дней, она разсудила; «а моя жизнь? — грязь, въ которой я выросла, вѣдь тоже была очень дурна; однакоже, не пристала она ко мнѣ, и остаются же чисты отъ нея тысячи женщинъ, выросшихъ въ семействахъ не лучше моего. Чтожъ особеннаго, если изъ этого униженія также могутъ выходить неиспорченными тѣ, которымъ поможетъ счастливый случай избавиться отъ него?» Вторую исповѣдь она слушала уже не изумляясь тому, что дѣвушка, ее дѣлавшая, сохранила всѣ благородныя свойства человѣка: и безкорыстіе, и способность къ вѣрной дружбѣ, и мягкость души,— сохранила даже довольно много наивности.

— Настасья Борисовна, я имѣла такіе разговоры, какой вы хотите начать. И той, которая говоритъ, и той, которая слушаетъ, — обѣимъ тяжело. Я васъ буду уважать не меньше, скорѣе, больше прежняго, когда знаю теперь, что вы много перенесли, но я понимаю все, и не слышавъ. Не будемъ говорить объ этомъ: передо мною не нужно объясняться. У меня самой много лѣтъ прошло тоже въ большихъ огорченіяхъ; я стараюсь не думать о нихъ и не люблю говорить о нихъ, — это тяжело.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, у меня другое чувство. Я вамъ хочу сказать, какой онъ добрый; мнѣ хочется, чтобы кто нибудь зналъ, какъ я ему обязана, а кому сказать, кромѣ васъ? Мнѣ это будетъ облегченіе. Какую жизнь я вела, объ этомъ, разумѣется, нечего говорить, — она у всѣхъ такихъ бѣдныхъ одинакая. Я хочу сказать только о томъ, какъ я съ нимъ познакомилась. Объ немъ такъ пріятно говорить мнѣ; и вѣдь я переѣзжаю къ нему жить, — надобно же вамъ знать, почему я бросаю мастерскую.

— Если для васъ этотъ разсказъ будетъ пріятенъ, Настасья Борисовна, я рада слушать. Позвольте же, я возьму работу.

— Да, а вотъ мнѣ и работать нельзя. Какія добрыя эти дѣвушки, находили мнѣ занятіе по моему здоровью. Я ихъ всѣхъ буду благодарить, каждую. Скажите и вы имъ, Вѣра Павловна, что я васъ просила благодарить ихъ за меня.

«Я ходила по Невскому, Вѣра Павловна; только еще вышла, было еще рано; идетъ студентъ, я привязалась къ нему. Онъ ничего не сказалъ, а перешелъ на другую сторону улицы. Смотритъ, я опять подбѣгаю къ нему, схватила его за руку.—«Нѣтъ, я говорю, я не отстану отъ васъ, вы такой хорошенькій.» — «А я васъ прошу объ этомъ, оставьте меня», онъ говоритъ.—«Нѣтъ,

пойдемте со мной.»—«Незачѣмъ.»—«Ну, такъ я съ вами пойду. Вы куда идете? Я ужь отъ васъ ни за что не отстану. — Вѣдь я была такая безстыдная, хуже другихъ.

— Отъ того, Настасья Борисовна, что, можетъ быть, на самомъ-то дѣлѣ были застѣнчивы, совѣстились.

— Да, это можетъ быть. По крайней мѣрѣ, на другихъ я это видѣла, — не тогда, разумѣется, а послѣ поняла. Такъ когда я ему сказала, что непремѣнно пойду съ нимъ, онъ засмѣялся и сказалъ: «когда хотите, идите; только напрасно будетъ», — хотѣлъ проучить меня, какъ послѣ сказалъ: ему было досадно, что я пристаю. Я и пошла, и говорила ему всякій вздоръ; онъ все молчалъ. Вотъ мы пришли. По студенческому, онъ ужь и тогда жилъ хорошо, получалъ отъ уроковъ рублей 20 въ мѣсяцъ, и жилъ тогда одинъ. Я развалилась на диванѣ и говорю: «ну, давай вина». «Нѣтъ, говоритъ, вина я вамъ не дамъ, а чай пить, пожалуй, давайте». «Съ пуншемъ», я говорю. «Нѣтъ, безъ пунша». Я стала дѣлать глупости, безстыдничать. Онъ сидитъ, смотритъ, но не обращаетъ никакого вниманія: такъ обидно. Теперь встрѣчаются такіе молодые люди, Вѣра Павловна, — молодые люди много лучше стали съ того времени, а тогда это было диковинкой. Мнѣ стало даже обидно, я начала ругать его: «когда ты такой деревянный,—и выругала его,—такъ я уйду».— «Теперь что жь уходить, онъ говоритъ, ужь напейтесь чаю: хозяйка сейчасъ принесетъ самоваръ. Только не ругайтесь». И все говорилъ мнѣ «вы». — «Вы лучше разскажите-ка мнѣ, кто вы, и какъ это съ вами случилось».—Я ему стала разсказывать, что про себя выдумала: вѣдь мы сочиняемъ себѣ разныя исторіи, и отъ этого никому изъ насъ не вѣрятъ; а въ самомъ дѣлѣ есть такія, у которыхъ эти исторіи не выдуманныя: вѣдь между нами бываютъ и благородныя, и образованныя. Онъ послушалъ и говоритъ: «нѣтъ, у васъ плохо придумано; я бы вотъ и хотѣлъ вѣрить, да нельзя». А мы ужь пили чай. Вотъ онъ и говоритъ: «а знаете, что я по вашему сложенію вижу: что вамъ вредно пить; у васъ отъ этого чуть ли грудь-то ужь не разстроена. Дайте-ка, я васъ осмотрю». Что же, Вѣра Павловна, вы не повѣрите, вѣдь мнѣ стыдно стало,—а въ чемъ моя жизнь была, да передъ этимъ какъ я безстыдничала! И онъ это замѣтилъ, — «да нѣтъ, говоритъ, вѣдь только грудь послушать». Онъ тогда еще во 2-мъ курсѣ былъ, а ужь много зналъ по медицинѣ, онъ впередъ заходилъ въ наукахъ. Сталъ слушать грудь. «Да, говоритъ, вамъ

вовсе не годится пить, у васъ грудь плоха». — «А какъ же намъ не пить? говорю: — намъ безъ этого нельзя». И точно, нельзя, Вѣра Павловна.—«Такъ вы бросьте такую жизнь». — «Стану я бросать! Вѣдь она веселая!»—«Ну, говоритъ, мало веселья.—Ну, говоритъ, я теперь дѣломъ займусь, а вы идите.» — И ушла я, разсерженная, что вечеръ пропалъ даромъ; да и обидно мнѣ было, что онъ такой безчувственный: вѣдь тоже своя амбиція у насъ въ этомъ. Вотъ, черезъ мѣсяцъ, случилось мнѣ быть въ тѣхъ мѣстахъ: дай, думаю, зайду къ этому деревянному, потѣшусь надъ нимъ. А это было передъ обѣдомъ; я съ ночи-то выспалась и не была пьяная. Онъ сидѣлъ съ книгою. — «Здравствуй, деревянный».—«Здравствуйте, что скажете?» Я опять стала дѣлать глупости.—«Я, говоритъ, васъ прогоню, перестаньте, я вамъ говорилъ, что не люблю этого. Теперь вы не пьяная, можете понимать. А вы лучше вотъ что подумайте: лицо-то у васъ больнѣе прежняго, вамъ надо бросить вино. Поправьте одежду-то, да поговоримъ хорошенько!» А у меня, точно, грудь ужь начинала болѣть. Онъ опять слушалъ, сказалъ, что разстроена больше прежняго, много говорилъ; да и грудь-то у меня болѣла, — я и расчувствовалась, заплакала: вѣдь умирать-то не хотѣлось, а онъ все чахоткой пугалъ. Я и говорю: «какъ же я такую жизнь брошу? Меня хозяйка не выпуститъ — я ей 17 цѣлковыхъ должна». Вѣдь насъ всегда въ долгу держатъ, чтобы мы были безотвѣтны.—«Ну, говоритъ, у меня 17 цѣлковыхъ не наберется, а послѣ завтра приходите». Такъ это страшно мнѣ показалось, вѣдь я вовсе не къ тому сказала; да и какъ же этого ждать было? да я и ушамъ своимъ не вѣрила, расплакалась еще больше, думала, что это онъ надо мною насмѣхается: «грѣшно вамъ обижать бѣдную дѣвушку, когда видите, что я плачу»; и долго ему не вѣрила, когда онъ сталъ увѣрять, что говоритъ не въ шутку. И что вы думаете?—вѣдь набралъ денегъ и отдалъ мнѣ черезъ два дни. Мнѣ и тутъ все еще какъ будто не вѣрилось. «Да какъ же, говорю, да за что же, когда вы не хотите имѣть со мною дѣла?» Выкупилась отъ хозяйки, наняла особую комнату. Но дѣлать мнѣ было нечего: вѣдь у насъ особые билеты,—куда я съ такимъ билетомъ покажусь? А денегъ нѣтъ. Я и жила по прежнему, — то есть, не по прежнему: какое сравненіе, Вѣра Павловна! Вѣдь я къ себѣ ужь принимала только своихъ знакомыхъ, хорошихъ, такихъ, которые не обижали. И вина у меня не было. Потому, какое же сравненіе. И, знаете, мнѣ ужь

это легко было передъ прежнимъ. Только нѣтъ, все-таки тяжело; и что я вамъ скажу: вы подумаете, потому тяжело, что у меня было много пріятелей, человѣкъ пять,—нѣтъ, вѣдь я къ нимъ ко всѣмъ имѣла расположеніе, такъ это мнѣ было ничего. Вы меня простите, что я такъ говорю, только я съ вами откровенна: я и теперь такъ думаю. Вы меня знаете, нескромная ли я теперь; кто теперь слышалъ отъ меня что нибудь, кромѣ самаго хорошаго? Вѣдь я въ мастерской сколько вожусь съ дѣтьми, и всѣ меня любятъ, и старухи не скажутъ, чтобы я не учила ихъ самому хорошему. Только я съ вами откровенна, Вѣра Павловна, я и теперь такъ думаю: если расположеніе имѣешь, это все равно, когда тутъ нѣтъ обману; другое дѣло, если бы обманъ былъ.

«Вотъ я такъ и жила. Прошло мѣсяца три, и много ужь отдохнула я въ это время, потому что жизнь моя уже была спокойная, и хоть я совѣстилась по причинѣ денегъ, но дурной дѣвушкою себя ужь не считала.

«Только, Вѣра Павловна, Сашенька бывалъ у меня въ это время, и я его навѣщала. Вотъ я и опять къ тому подошла, о чемъ объ одномъ надобно было говорить. Только, онъ не за тѣмъ меня навѣщалъ, какъ другіе, а такъ, наблюдалъ за мною, чтобы я опять не возвратилась къ своей прежней слабости, не пила бы вина. И точно, въ первые дни онъ меня поддержалъ, потому что меня тянуло къ вину. А его я совѣстилась: ну, какъ онъ зайдетъ, да увидитъ. И должно быть, что я безъ того не устояла бы, потому что мои пріятели, хорошіе люди, говорили: «я пошлю за виномъ». А какъ я его совѣстилась, я говорила: — нѣтъ, никакъ нельзя. А то соблазнилась бы: одной этой мысли, что вино мнѣ вредно, не было бы довольно. Потомъ, недѣли черезъ три, я и сама укрѣпилась: позывъ къ вину прошелъ, и ужь я отвыкла отъ пьянаго обращенія. И я все собирала деньги, чтобъ ему отдать, мѣсяца черезъ два и отдала всѣ. Онъ былъ такъ радъ, что я ему отдала. На другой день, онъ принесъ мнѣ кисеи на платье, другихъ вещей мнѣ на эти деньги купилъ. Вотъ онъ бывалъ и послѣ этого, все такъ же, будто докторъ за больнымъ смотритъ. А потомъ, съ мѣсяцъ послѣ того, какъ я съ нимъ расплатилась, онъ тоже сидѣлъ у меня, и сказалъ: «вотъ теперь, Настенька, вы мнѣ стали нравиться». И точно: отъ вина лицо портится, и это не могло вдругъ пройти, а тогда ужь прошло, и цвѣтъ лица у меня сталъ нѣжный, и глаза стали яснѣе; и опять то, что я отъ прежняго обращенія отвыкла, стала говорить

скромно, знаете, мысли у меня скоро стали скромныя, когда я перестала пить, а въ словахъ я еще путалась и держала себя иногда въ забывчивости, по прежнему неряшеству; а къ этому времени, я ужь попривыкла и держать себя и говорить скромнѣе. Какъ онъ это сказалъ, что я стала ему нравиться, я такъ обрадовалась, что хотѣла къ нему на шею броситься, да не посмѣла, остановилась. А онъ сказалъ: — «вотъ видите, Настенька, я не безчувственный». И говорилъ, что я стала хорошенькая и скромная, и сталъ ласкать меня, — и какъ же ласкать? взялъ руку и положилъ на свою, и сталъ гладить другою рукою; и смотритъ на мою руку; а точно, руки у меня въ это время ужь были бѣлыя, нѣжныя... Такъ вотъ, какъ онъ взялъ мою руку, — вы не повѣрите, я такъ я покраснѣла: послѣ моей-то жизни, Вѣра Павловна, будто невинная барышня — вѣдь это странно, а такъ было. Но при всемъ моемъ стыдѣ, — смѣшно сказать, Вѣра Павловна: при моемъ стыдѣ, а вѣдь это правда, — я все-таки сказала: «какъ это вы захотѣли приласкать меня, Александръ Матвѣичъ?» А онъ сказалъ: «потому, Настенька, что вы теперь честная дѣвушка». И эти слова, что онъ назвалъ меня честною дѣвушкою, такъ меня обрадовали, что я залилась слезами. А онъ сталъ говорить: «что это съ вами, Настенька?» и поцаловалъ меня; что же вы думаете? Отъ этого поцалуя, у меня голова закружилась, я память потеряла; можно ли этому повѣрить, Вѣра Павловна, чтобы это могло быть послѣ такой моей жизни?

«Вотъ, на другое утро, сижу я и плачу, что мнѣ теперь дѣлать бѣдной, какъ я жить стану? Только мнѣ и остается, что въ Неву броситься. Чувствую: не могу я дѣлать того, чѣмъ жила; зарѣжьте меня, съ голоду буду умирать, не стану дѣлать. Видите, значитъ, у меня давно была къ нему любовь, но какъ онъ не показывалъ ко мнѣ никакого чувства, и надежды у меня не было, чтобы я могла ему понравиться, то эта любовь и замирала во мнѣ, и я сама не понимала, что она во мнѣ есть. А теперь это все и обнаружилось. А это разумѣется, что когда такую любовь чувствуешь, какъ же можно на кого нибудь и смотрѣть, кромѣ того, кого любишь. Это вы по себѣ чувствуете, что нельзя. Тутъ ужь все пропадаетъ, кромѣ одного человѣка. Вотъ, сижу я и плачу: что я теперь буду дѣлать, нечѣмъ мнѣ жить. Ужь я и въ самомъ дѣлѣ думала: пойду къ нему, увижусь еще разъ съ нимъ, да пойду послѣ того и утоплюсь. Такъ все утро

проплакала. Только вдругъ вижу, онъ вошелъ, и бросился меня цаловать, и говоритъ: «Настенька, хочешь со мною жить?» И я сказала, что я думала. И стали мы съ нимъ жить.

«Вотъ было счастливое время, Вѣра Павловна; я думаю, мало кто такимъ счастьемъ пользовался. И все-то онъ на меня любовался! Сколько разъ случалось: проснусь, а онъ сидитъ за книгой, потомъ и подойдетъ посмотрѣть на меня, да такъ и забудется, все сидитъ да смотритъ. Но только, какой онъ былъ скромный, Вѣра Павловна; вѣдь ужь я послѣ могла понимать, вѣдь я стала читать, узнала, какъ въ романахъ любовь описываютъ, могла судить. Но только, при всей скромности, ужь какъ онъ любовался на меня! И какое въ это время чувство, когда любимый человѣкъ на тебя любуется: это такая радость, о какой и понятія нельзя имѣть. Ужь на что, когда онъ меня въ первый разъ поцаловалъ: у меня даже голова закружилась, я такъ и опустилась къ нему на руки, кажется, сладкое должно быть чувство, но не то, все не то. То, знаете, кровь кипитъ, тревожно что-то, и въ сладкомъ чувствѣ есть какъ будто какое-то мученье, такъ что даже тяжело это, хотя нечего и говорить, какое это блаженство, что за такую минуту можно, кажется, жизнью пожертвовать, — да и жертвуютъ, Вѣра Павловна; значитъ, большое блаженство, а все не то, совсѣмъ не то. Это все равно, какъ если когда замечтаешься, сидя одна, просто думаешь: «ахъ, какъ я его люблю», такъ вѣдь тутъ ужь ни тревоги, ни боли никакой нѣтъ въ этой пріятности, а такъ ровно, тихо чувствуешь, такъ вотъ то же самое, только въ тысячу разъ сильнѣе, когда этотъ любимый человѣкъ на тебя любуется; и какъ это спокойно чувствуешь, а не то что сердце стучитъ, нѣтъ, это ужь тревога была бы, этого не чувствуешь, а только оно какъ-то ровнѣе, и съ пріятностью, и такъ мягко бьется, и грудь шире становится, дышится легче, вотъ это такъ, это самое вѣрное: дышать очень легко. Ахъ, какъ легко! такъ что и часъ, и два пролетятъ, будто одна минута, нѣтъ, ни минуты, ни секунды нѣтъ, вовсе времени нѣтъ, все равно, какъ уснешь, и проснешься: проснешься — знаешь, что много времени прошло съ той поры, какъ уснулъ; а какъ это время прошло? — и ни одного мига не составило; и тоже опять все равно, какъ послѣ сна: не то что утомленье, а напротивъ, свѣжесть, бодрость, будто отдохнулъ; да такъ и есть, что отдохнулъ: я сказала «очень легко дышать», это и есть самое настоящее. Какая сила во взглядѣ, Вѣра Павловна: никакія другія ласки такъ

не ласкаютъ и не даютъ такой нѣги, какъ взглядъ. Все остальное, что есть въ любви, все не такъ нѣжно, какъ эта нѣга.

«И все, бывало, любуется, все, бывало, любуется. Ахъ, что это за наслажденіе такое! Этого никто не можетъ представить, кто не испытывалъ. Да вы это знаете, Вѣра Павловна.

«И какъ это не устанетъ онъ цаловать глаза, руки, потомъ станетъ цаловать грудь, ноги, всю, и вѣдь мнѣ не стыдно: а вѣдь я и тогда была потомъ ужь такая же, какъ теперь. Вы знаете, Вѣра Павловна, вѣдь я и женскаго взгляда стыжусь, право; наши дѣвушки скажутъ вамъ, какая я застѣнчивая, вѣдь я потому и живу въ особой комнатѣ. А какъ же это странно, вы не повѣрите, что когда онъ на меня любуется и цалуетъ, мнѣ вовсе не было стыдно, а только такъ пріятно, и такъ легко дышится; отчего жь это, Вѣра Павловна, что я своихъ дѣвушекъ стыжусь, а его взгляда мнѣ не стыдно? Это, я думаю, не отъ того ли, что вѣдь онъ мнѣ ужь и не казался другимъ человѣкомъ, а какъ будто мы оба одинъ человѣкъ; это какъ будто не онъ на меня смотритъ, а я сама на себя смотрю, это не онъ меня цалуетъ, а я сама себя цалую,—право, такъ мнѣ представлялось; оттого мнѣ и не стыдно. Да вы это знаете, вамъ не нужно этого разсказывать. А только, какъ подумаешь объ этомъ, то не можешь оторваться отъ этой мысли. Нѣтъ, я ужь уйду, Вѣра Павловна, больше и говорить ни о чемъ нельзя. Я только хотѣла сказать, какой Сашенька добрый».

XIV.

Крюкова досказала Вѣрѣ Павловнѣ свою исторію уже въ другіе дни. Они съ Кирсановымъ прожили около двухъ лѣтъ. Признаки начинавшейся болѣзни какъ будто исчезли. Но въ концѣ втораго года, когда пришла весна, чахотка вдругъ обнаружилась уже въ сильномъ развитіи. Жить съ Кирсановымъ значило бы Крюковой обрекать себя на скорую смерть. Отказавшись отъ этой связи, она могла еще разсчитывать, что болѣзнь опять заглохнетъ надолго. Они рѣшились разстаться. Заниматься какою нибудь усидчивою работою также значило бы губить себя. Надобно было искать должности экономки, горничной, няньки, — что нибудь такое,—и у такой госпожи, при которой не было бы утомительныхъ обязанностей, да не было бы—это главное,—и не-

пріятностей: условія, довольно рѣдкія. Но нашлось такое мѣсто. У Кирсанова были знакомства между начинающими артистами; черезъ нихъ, Крюкова опредѣлилась въ горничныя къ одной изъ актрисъ русскаго театра, отличной женщинѣ. Долго разставались они съ Кирсановымъ, и не могли разстаться: «завтра отправляюсь на свою должность», и одно завтра проходило за другимъ: плакали, плакали, и все сидѣли обнявшись, пока уже сама актриса, знавшая, по какому случаю поступаетъ къ ней горничная, пріѣхала за нею сама: догадалась, почему горничная долго не является, и увезла ее отъ продленія разлуки, вреднаго для нея.

Пока актриса оставалась на сценѣ, Крюковой было очень хорошо жить у ней: актриса была женщина деликатная, Крюкова дорожила своимъ мѣстомъ — другое такое трудно было бы найти,—за то, что не имѣетъ непріятностей отъ госпожи, Крюкова привязалась и къ ней, актриса увидѣвъ это, стала еще добрѣе. Крюковой было очень спокойно, и болѣзнь ея не развивалась или почти не развивалась. Но актриса вышла замужъ, покинула сцену, поселилась въ семействѣ мужа. Тутъ, какъ уже и прежде слышала Вѣра Павловна, отецъ мужа актрисы сталъ привязываться къ горничной; добродѣтель Крюковой, положимъ, и не подвергалась искушенію, но началась домашняя ссора: бывшая актриса стала стыдить старика, старикъ сталъ сердиться. Крюкова не хотѣла быть причиною семейнаго раздора, да еслибъ и хотѣла, ужь не имѣла спокойной жизни на прежней должности, и бросила ее.

Это было года черезъ два съ половиною послѣ разлуки съ Кирсановымъ. Она уже вовсе не видѣлась съ нимъ въ это время. Сначала онъ навѣщалъ ее; но радость свиданья такъ вредно дѣйствовала на нее, что онъ вытребовалъ у нея позволеніе не бывать у ней, для ея же пользы. Крюкова пробовала жить горничною еще въ двухъ, трехъ семействахъ; но вездѣ было столько тревогъ и непріятностей, что ужь лучше было поступить въ швеи, хоть это и было прямымъ обреченіемъ себя на быстрое развитіе болѣзни: вѣдь болѣзнь все равно развивалась бы и отъ непріятностей, — лучше же подвергаться той же судьбѣ безъ огорченій, только отъ одной работы. Годъ швейной работы окончательно подрѣзалъ Крюкову.—Когда она поступила въ мастерскую Вѣры Павловны, Лопуховъ, бывшій тамъ домашнимъ врачемъ, дѣлалъ все возможное, чтобы задержать ходъ чахотки, сдѣлалъ много,

то есть, много по трудности того небольшаго успѣха, который получилъ; но развязка приближалась.

Крюкова до послѣдняго времени находилась въ обыкновенномъ заблужденіи чахоточныхъ, воображая, что ея болѣзнь еще не слишкомъ развилась, потому и не отыскивала Кирсанова, чтобы не вредить себѣ. Но уже мѣсяца два, она очень настойчиво допрашивала Лопухова, долго ли ей остается жить. Зачѣмъ это нужно знать ей, она не сказывала, и Лопуховъ не почелъ себя въ правѣ прямо говорить ей о близости кризиса, не видя въ ея вопросахъ ничего, кромѣ обыкновенной привязанности къ жизни. Онъ успокоивалъ ее. Но она, какъ чаще всего случается, не успокоивалась, а только удерживалась отъ исполненія того, что могло доставить отраду ея концу; сама она видѣла, что ей не долго жить, и чувства ея опредѣлялись этою мыслью, но медикъ увѣрялъ ее, что она еще должна беречь себя; она знала, что должна вѣрить ему больше, чѣмъ себѣ, потому слушалась и не отыскивала Кирсанова.

Конечно, это недоразумѣніе не могло бы быть продолжительно; по мѣрѣ приближенія развязки, разспросы Крюковой дѣлались бы настойчивѣе; она или высказала бы, что у ней есть особенная причина знать истину, или Лопуховъ или Вѣра Павловна догадались бы, что есть какая-то особенная надобность въ ея разспросахъ, и двумя, тремя недѣлями, быть можетъ, нѣсколькими днями позже, дѣло все-таки пришло бы къ тому же, къ чему пришло нѣсколько раньше, благодаря неожиданному для Крюковой появленію Кирсанова въ мастерской. Но теперь недоразумѣніе было прекращено не дальнѣйшимъ ходомъ разспросовъ, а этимъ случайнымъ обстоятельствомъ.

— Какъ я рада, какъ я рада! вѣдь я все собиралась къ тебѣ, Сашенька! съ восторгомъ сказала Крюкова, когда ввела его въ свою комнату.

— Да, Настенька, и я не меньше тебя радъ: теперь не разстанемся; переѣзжай жить ко мнѣ, сказалъ Кирсановъ, увлеченный чувствомъ сострадательной любви, и сказавши, тотчасъ же вспомнилъ: какъ же я сказалъ ей это? вѣдь она, вѣроятно, еще не догадывается о близости кризиса?

Но она или не поняла въ первую минуту того смысла, который выходилъ изъ его словъ, или поняла, но не до того ей было, чтобы обращать вниманіе на этотъ смыслъ, и радость о возобновленіи любви заглушила въ ней скорбь о близкомъ кон-

цѣ,—какъ бы то ни было, но она только радовалась и говорила: какой ты добрый, ты все по прежнему любишь меня.

Но когда онъ ушелъ, она поплакала; только теперь она или поняла, или могла замѣтить, что поняла смыслъ возобновленія любви, что «мнѣ теперь ужь нечего беречь тебя, не сбережешь; по крайней мѣрѣ, пусть ты порадуешься».

И дѣйствительно, она порадовалась; онъ не отходилъ отъ нея ни на минуту, кромѣ тѣхъ часовъ, которые долженъ былъ проводить въ госпиталѣ и академіи; такъ прожила она около мѣсяца, и все время были они вмѣстѣ, и сколько было разсказовъ, разсказовъ обо всемъ, что было съ каждымъ во время разлуки, и еще больше было воспоминаній о прежней жизни вмѣстѣ, и сколько было удовольствій: они гуляли вмѣстѣ, онъ нанялъ коляску, и они каждый день цѣлый вечеръ ѣздили по окрестностямъ Петербурга, и восхищались ими; человѣку такъ мила природа, что даже этою жалкою, презрѣнною, хоть и стоившею милліоны и десятки милліоновъ, природою петербургскихъ окрестностей радуются люди; они читали, они играли въ дурачки, они играли въ лото, она даже стала учиться играть въ шахматы,какъ будто имѣла время выучиться.

Вѣра Павловна нѣсколько разъ просиживала у нихъ поздніе вечера, по ихъ возвращеніи съ гулянья, а еще чаще заходила по утрамъ, чтобы развлечь ее, когда она оставалась одна; и когда онѣ были однѣ вдвоемъ, у Крюковой только одно и было содержаніе длинныхъ, страстныхъ разсказовъ, — какой Сашенька добрый, и какой нѣжный, и какъ онъ любитъ ее!

XV.

Прошло мѣсяца четыре. Заботы о Крюковой, потомъ воспоминанія о ней обманули Кирсанова: ему казалось, что теперь онъ безопасенъ отъ мыслей о Вѣрѣ Павловнѣ; онъ не избѣгалъ ея, когда она, навѣщая Крюкову, встрѣчалась и говорила съ нимъ, и потомъ, когда она старалась развлечь его. Пока онъ грустилъ, оно и точно, въ его сознательныхъ чувствахъ къ Вѣрѣ Павловнѣ не было ничего, кромѣ дружеской признательности за ея участіе.

Но — читатель уже знаетъ впередъ смыслъ этого «но», какъ и всегда будетъ впередъ знать, о чемъ будетъ разсказываться

послѣ страницъ, имъ прочтенныхъ, — но, разумѣется, чувство Кирсанова къ Крюковой при ихъ второй встрѣчѣ было вовсе не то, какъ у Крюковой къ нему: любовь къ ней давнымъ давно прошла въ Кирсановѣ; онъ только остался расположенъ къ ней, какъ женщинѣ, которую когда-то любилъ. Прежняя любовь его къ ней была только жаждой юноши полюбить кого нибудь, хоть кого нибудь. Разумѣется, Крюкова была ему не пара, потому что они не были пара между собою по развитію. Когда онъ пересталъ быть юношею, онъ могъ только жалѣть Крюкову, не больше; могъ быть нѣженъ къ ней по воспоминанію, по состраданію,—и только. Грусть его по ней въ сущности очень скоро сгладилась; но когда грусть разсѣялась на самомъ дѣлѣ, ему все еще помнилось, что онъ занятъ этою грустью, а когда онъ замѣтилъ, что уже не имѣетъ грусти, а только вспоминаетъ о ней, онъ увидѣлъ себя въ такихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ Павловнѣ, что нашелъ, что попалъ въ большую бѣду.

Вѣра Павловна старалась развлекать его, и онъ поддавался этому, считая себя безопаснымъ, или, лучше сказать, и не вспоминая, что вѣдь онъ любитъ Вѣру Павловну, не вспоминая, что, поддаваясь ея заботливости, онъ идетъ на бѣду. Да и что же было теперь, черезъ два, три мѣсяца послѣ того, какъ Вѣра Павловна стала развлекать его отъ грусти по Крюковой? Ничего больше, кромѣ того, что онъ все это время почти каждый вечеръ или проводилъ у Лопуховыхъ, или провожалъ куда нибудь Вѣру Павловну, провожалъ часто вмѣстѣ съ мужемъ, чаще — одинъ. Только и было. Но этого было слишкомъ довольно, и для нея, не только для него.

Какой былъ теперь характеръ дня Вѣры Павловны? До вечера, тотъ же самый, какъ и прежде. Но вотъ 6 часовъ. Бывало, она въ это время идетъ одна въ свою мастерскую, или сидитъ въ своей комнатѣ и работаетъ одна. А теперь, если ей нужно быть въ мастерской вечеромъ, объ этомъ уже наканунѣ сказано Кирсанову, и онъ является провожать ее. По дорогѣ туда и оттуда, впрочемъ, очень не дальней, они толкуютъ о чемъ нибудь, обыкновенно о мастерской: Кирсановъ самый дѣятельный ея помощникъ по мастерской. Тамъ она занята распоряженіями, и у него тоже много дѣла: развѣ мало набирается у тридцати дѣвушекъ справокъ и порученій, которыя удобнѣе всего исполнить ему? А между этихъ дѣлъ, онъ сидитъ, болтаетъ съ дѣтьми; тутъ же нѣсколько дѣвушекъ участвуютъ въ этомъ разговорѣ

обо всемъ на свѣтѣ, — и о томъ, какъ хороши арабскія сказки «Тысяча и одна ночь», изъ которыхъ онъ много уже разсказалъ, и о бѣлыхъ слонахъ, которыхъ такъ уважаютъ въ Индіи, какъ у насъ многіе любятъ бѣлыхъ кошекъ; половина компаніи находятъ, что это безвкусіе,—бѣлые слоны, кошки, лошади—все это альбиносы, болѣзненная порода, по глазамъ у нихъ видно, что они не имѣютъ такого отличнаго здоровья, какъ цвѣтныя; другая половина компаніи отстаиваетъ бѣлыхъ кошекъ. А не знаете ли вы чего нибудь поподробнѣе о жизни самой г-жи Бичеръ-Стоу, романъ которой мы всѣ знаемъ по вашимъ разсказамъ? говоритъ одна изъ взрослыхъ собесѣдницъ; нѣтъ, Кирсановъ теперь не знаетъ, но узнаетъ, это ему самому любопытно, а теперь онъ можетъ пока разсказать кое-что о Говардѣ, который былъ почти такой же человѣкъ, какъ г-жа Бичеръ-Стоу. Такъ идутъ то разсказы Кирсанова, то споры Кирсанова съ компаніею, дѣтская половина которой постоянно одна и та же, а взрослая половина безпрестанно перемѣняется. Но вотъ Вѣра Павловна кончила свои дѣла, она возвращается съ нимъ домой къ чаю, и они долго сидятъ втроемъ послѣ чаю; теперь Вѣра Павловна и Дмитрій Сергѣичъ просидятъ вмѣстѣ гораздо больше времени, чѣмъ когда не было тутъ же Кирсанова. Почти каждый изъ вечеровъ, которые они проводятъ только втроемъ, устраивается на часъ, и даже часа на два, музыка: Дмитрій Сергѣичъ играетъ, Вѣра Павловна поетъ, Кирсановъ сидитъ и слушаетъ; иногда Кирсановъ играетъ, тогда Дмитрій Сергѣичъ поетъ вмѣстѣ съ женою. Но теперь часто случается, что Вѣра Павловна спѣшитъ изъ мастерской, чтобы успѣть одѣться въ оперу: теперь они очень часто бываютъ въ оперѣ, на половину втроемъ, на половину одинъ Кирсановъ съ Вѣрою Павловною. И кромѣ того, у Лопуховыхъ чаще прежняго стали бывать гости; прежде, не считая молодежи — какіе жь это гости, молодежь? это племянники только, — бывали почти только Мерцаловы; теперь Лопуховы сблизились еще съ двумя, тремя такими же милыми семействами. Мерцаловы и еще два семейства положили каждую недѣлю поочередно имѣть маленькіе вечера съ танцами, въ своемъ кругу, — бываетъ по 6 паръ, даже по 8 паръ танцующихъ. Лопуховъ безъ Кирсанова не бываетъ почти никогда ни въ оперѣ, ни въ знакомыхъ семействахъ, но Кирсановъ часто одинъ провожаетъ Вѣру Павловну въ этихъ выѣздахъ. Лопуховъ говоритъ, что хочетъ остаться въ своемъ пальто, на своемъ ди-

ванѣ. Поэтому только половину вечеровъ проводятъ они втроемъ, но эти вечера уже почти безъ перерыва втроемъ; правда, когда у Лопуховыхъ нѣтъ никого, кромѣ Кирсанова, диванъ часто оттягиваетъ Лопухова изъ зала, гдѣ рояль; рояль теперь передвинутъ изъ комнаты Вѣры Павловны въ залъ, но это мало спасаетъ Дмитрія Сергѣича: черезъ четверть часа, много черезъ полчаса, Кирсановъ и Вѣра Павловна тоже бросили рояль и сидятъ подлѣ его дивана; впрочемъ, Вѣра Павловна не долго сидитъ подлѣ дивана; она скоро устраивается полуприлечь на диванѣ, такъ однако, что мужу все-таки просторно сидѣть: вѣдь диванъ широкій; то есть, не совсѣмъ ужь просторно, но она обняла мужа одною рукою, поэтому сидѣть ему все-таки ловко.

Вотъ такимъ-то образомъ прошло мѣсяца три, и побольше.

Идиллія нынче не въ модѣ, и я самъ вовсе не люблю ея, то есть, лично я не люблю, какъ не люблю гуляній, не люблю спаржи, — мало ли, до чего я не охотникъ? вѣдь нельзя же одному человѣку любить всѣ блюда, всѣ способы развлеченій; но я знаю, что эти вещи, которыя не по моему личному вкусу, очень хорошія вещи, что онѣ по вкусу, или были бы по вкусу, гораздо большему числу людей, чѣмъ тѣ, которые, подобно мнѣ, предпочитаютъ гулянью—шахматную игру, спаржѣ — кислую капусту съ конопляннымъ масломъ; я знаю даже, что у большинства, которое не раздѣляетъ моего вкуса къ шахматной игрѣ и радо было бы не раздѣлять моего вкуса къ кислой капустѣ съ конопляннымъ масломъ, что у него вкусы не хуже моихъ, и потому я говорю: пусть будетъ на свѣтѣ какъ можно больше гуляній, и пусть почти совершенно исчезнетъ изъ свѣта, остается только античною рѣдкостью для немногихъ, подобныхъ мнѣ чудаковъ, кислая капуста съ конопляннымъ масломъ!

Точно такъ я знаю, что для огромнаго большинства людей, которые ничуть не хуже меня, счастье должно имѣть идиллическій характеръ, и я восклицаю: пусть станетъ господствовать въ жизни надъ всѣми другими характерами жизни идиллія. Для немногихъ чудаковъ, которые не охотники до нея, будутъ другіе характеры счастья, а большинству нужна идиллія. А что идиллія не въ модѣ, и потому люди чуждаются ея, такъ вѣдь это не возраженіе: они чуждаются ея, какъ лисица въ баснѣ чуждалась винограда. Имъ кажется, что идиллія недоступна, потому они и придумали: «пусть она будетъ не въ модѣ».

Но чистѣйшій вздоръ, что идиллія недоступна: она не только

хорошая вещь почти для всѣхъ людей, но и возможная, очень возможная; ничего труднаго не было бы устроить ее, не только не для одного человѣка, или не для десяти человѣкъ, а для всѣхъ. Вѣдь и итальянская опера—вещь не возможная для пяти человѣкъ, а для цѣлаго Петербурга — очень возможная, какъ всѣмъ видно и слышно; вѣдь и «Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Москва 1861 г.» вещь невозможная для десяти человѣкъ, а для всей публики очень возможная и недорогая, какъ всѣмъ извѣстно. Но пока итальянской оперы для всего города нѣтъ, можно лишь нѣкоторымъ, особенно усерднымъ меломанамъ пробавляться кое-какими концертами, и пока 2-я часть «Мертвыхъ Душъ» не была напечатана для всей публики, только немногіе, особенно усердные любители Гоголя изготовляли, не жалѣя труда, каждый для себя, рукописные экземпляры ея. Рукопись не въ примѣръ хуже печатной книги, кое-какой концертъ очень плохъ передъ итальянской оперой, а все-таки хороша, все-таки хорошъ.

XVI.

Если бы кто посторонній пришелъ посовѣтоваться съ Кирсановымъ о такомъ положеніи, въ какомъ Кирсановъ увидѣлъ себя, когда очнулся, и если бы Кирсановъ былъ совершенно чуждъ всѣмъ лицамъ, которыхъ касается дѣло, онъ сказалъ бы пришедшему совѣтоваться: «поправлять дѣло бѣгствомъ—поздно; не знаю, какъ оно разыграется, но для васъ, бѣжать или оставаться—одинаково опасно; а для тѣхъ, о спокойствіи которыхъ вы заботитесь, ваше бѣгство едва ли не опаснѣе, чѣмъ то, чтобы вы оставались».

Разумѣется, Кирсановъ сказалъ бы это только такому человѣку, какъ онъ самъ, или какъ Лопуховъ, человѣку твердаго характера и неизмѣнной честности. Съ другими людьми безполезно разсуждать о подобныхъ положеніяхъ, потому что эти другіе люди непремѣнно поступаютъ въ такихъ случаяхъ дрянно и мерзко: осрамятъ женщину, обесчестятся сами, и потомъ идутъ по всей своей компаніи хныкать или хвастаться, услаждаться своею геройскою добродѣтелью или амурною привлекательностью. Съ такими людьми ни Лопуховъ, ни Кирсановъ не любили толковать о томъ, какъ слѣдуетъ поступать людямъ

благороднымъ. Но говоря человѣку своего закона, что бѣжать теперь чуть ли уже не хуже, чѣмъ оставаться, Кирсановъ былъ бы правъ. При этомъ подразумѣвалось бы: «я знаю, какъ сталъ бы ты держать себя, оставаясь: вѣдь такъ, чтобы ничѣмъ не обнаружить своего чувства, потому что только въ этомъ случаѣ ты и не будешь негодяемъ, оставаясь. Задача въ томъ, чтобы какъ можно болѣе не нарушать спокойствія женщины, жизнь которой идетъ хорошо. Чтобы оно не нарушилось, этого, кажется, уже невозможно сдѣлать. Чувство, несогласное съ ея нынѣшними отношеніями, уже, вѣроятно, — да чего тутъ, вѣроятно, проще говоря: безъ всякаго сомнѣнія,—возникло въ ней, только она еще не замѣчаетъ его. Скоро или нѣтъ оно обнаружится въ ней для нея самой безъ всякаго вызова съ твоей стороны, не извѣстно. Но твое удаленіе будетъ вызовомъ ему обнаружиться. Стало быть, твое удаленіе только ускоритъ дѣло, котораго ты хочешь избѣжать».

Но Кирсановъ разсуждалъ о дѣлѣ не какъ посторонній человѣкъ, а какъ участникъ. Ему представлялось, что удалиться труднѣе, чѣмъ оставаться; чувство влечетъ его остаться, слѣдовательно, остаться не будетъ ли значить — поддаться чувству, обольститься его внушеніями? Какое право онъ имѣетъ такъ безусловно вѣрить, что ни словомъ, ни взглядомъ не обнаружитъ своего чувства, не сдѣлаетъ вызова? Потому вѣрнѣе будетъ удалиться. Въ своемъ дѣлѣ мудрено различить, на сколько разсудокъ обольщается софизмами влеченія, потому что честность говоритъ: поступай наперекоръ влеченію, тогда у тебя больше шансовъ, что ты поступишь благородно. Это въ переводѣ съ теоретическаго языка на обыкновенный; а теорія, которой держался Кирсановъ, считаетъ такія пышныя слова, какъ благородство, двусмысленными, темными, и Кирсановъ по своей терминологіи выразился бы такъ: «всякій человѣкъ эгоистъ, я тоже; теперь спрашивается: что для меня выгоднѣе, удалиться, или оставаться? Удаляясь, я подавляю въ себѣ одно частное чувство; оставаясь, я рискую возмутить чувство своего человѣческаго достоинства глупостью какого нибудь слова или взгляда, внушеннаго этимъ отдѣльнымъ чувствомъ. Отдѣльное чувство можетъ быть подавлено, и черезъ нѣсколько времени мое спокойствіе возстановится, я опять буду доволенъ своею жизнью. А если я разъ поступлю противъ всей своей человѣческой натуры, я навсегда утрачу возможность спокойствія, возможность довольства собою,

отравлю всю свою жизнь. Мое положеніе вотъ какое: я люблю вино, и передо мною стоитъ кубокъ съ очень хорошимъ виномъ; но есть у меня подозрѣніе, что это вино отравлено. Узнать, основательно или нѣтъ мое подозрѣніе, я не могу. Долженъ ли я пить этотъ кубокъ, или опрокинуть его, чтобы онъ не соблазнялъ меня? Я не долженъ называть своего рѣшенія ни благороднымъ, ни даже честнымъ,—это слишкомъ громкія слова, я долженъ назвать его только разсчетливымъ, благоразумнымъ: я опрокидываю кубокъ. Черезъ это я отнимаю у себя нѣкоторую пріятность, дѣлаю себѣ нѣкоторую непріятность, но за то обезпечиваю себѣ здоровье, то есть возможность долго и много пить такое вино, о которомъ я навѣрное знаю, что оно не отравлено. Я поступаю неглупо, вотъ и вся похвала мнѣ.»

XVII.

Какимъ же манеромъ удалиться? Прежняя штука, притвориться обиженнымъ, выставить какую нибудь пошлую сторону характера, чтобы опереться на нее, негодится: два раза на одномъ и томъ же не проведешь; вторая такая исторія лишь раскрыла бы смыслъ первой, показала бы его героемъ не только новыхъ, но и прежнихъ временъ. Да и вообще, отъ всякаго быстраго перерыва отношеній надобно отказаться; такое удаленіе было бы легче, но оно было бы эффектно, возбудило бы вниманіе, то есть было бы теперь пошлостью и низостью (по Кирсановской теоріи эгоизма:—глупостью, неразсчетомъ). Потому остается только одинъ, самый мудреный и мучительный способъ: тихое отступленіе медленнымъ, незамѣтнымъ образомъ, такъ чтобъ и не замѣтили, что онъ удаляется. Тяжеловато и очень хитро это дѣло: уйти изъ виду такъ, чтобы не замѣтили твоего движенія, когда смотрятъ на тебя во всѣ глаза, а нечего дѣлать, надобно дѣйствовать такъ. А впрочемъ, по Кирсановской теоріи, это и не мучительно, а даже пріятно; вѣдь чѣмъ труднѣе дѣло, тѣмъ больше радуешься (по самолюбію) своей силѣ и ловкости, исполняя его удачно.

И дѣйствительно, онъ исполнилъ его удачно: не выдалъ своего намѣренія ни однимъ недомолвленнымъ или перемолвленнымъ словомъ, ни однимъ взглядомъ; по прежнему, онъ былъ свободенъ и шутливъ съ Вѣрою Павловною, по прежнему, было

видно, что ему пріятно въ ея обществѣ; только стали встрѣчаться разныя помѣхи ему бывать у Лопуховыхъ такъ часто, какъ прежде, оставаться у нихъ цѣлый вечеръ, какъ прежде, да какъ-то выходило, что чаще прежняго Лопуховъ хваталъ его за руку, а то и за лацканъ сюртука, со словами: «нѣтъ, дружище, ты отъ этого спора не уйдешь такъ вотъ сей часъ»—такъ что все большую и большую долю времени, проводимаго у Лопуховыхъ, Кирсанову приводилось просиживать у дивана пріятеля. И все это устроивалось такъ постепенно, что вовсе и незамѣтно было, какъ развивалась перемѣна. Помѣхи являлись, и Кирсановъ не только не выставлялъ ихъ, а напротивъ, жалѣлъ (да и то лишь иногда, жадѣть часто негодилось бы), что встрѣтилась такая помѣха; помѣхи являлись все такія натуральныя, неизбѣжныя, что частенько сами Лопуховы гнали его отъ себя, напоминая, что онъ забылъ обѣщаніе нынѣ быть дома, потому что у него хотѣли быть такой-то и такой-то изъ знакомыхъ, отъ которыхъ ему неудалось отвязаться... Или онъ забылъ, что если нынѣ онъ не будетъ у такого-то, этотъ такой-то оскорбится; или онъ забылъ, что у него къ завтрешнему утру остается работы часа на четыре, по крайней мѣрѣ: чтожь онъ, хочетъ не спать нынѣшнюю ночь?—вѣдь ужь 10 часовъ, нечего ему балагурить, пора ему отправляться за работу. Кирсановъ даже не всегда слушался этихъ напоминаній: не поѣдетъ онъ къ этому знакомому, пусть сердится этотъ господинъ, или: работа не уйдетъ, время еще есть, я онъ досидитъ вечеръ здѣсь. А помѣхи все накоплялись: и ученыя занятія все неотступнѣе отнимали у Кирсанова вечеръ за вечеромъ,—провалились бы они, по его мнѣнію (изрѣдка выражаемому вскользь), эти ученыя занятія,—и знакомые тоже навязывались на него все больше и какъ только они навязываются (это выражается тоже изрѣдка, вскользь)—удивительно, какъ они навязываются! Это ему такъ кажется, а Лопуховымъ очень видно, почему такъ: онъ входитъ въ извѣстность, вотъ и является все больше и больше людей, которымъ онъ нуженъ; и работою нельзя ему пренебрегать, напрасно онъ начинаетъ полѣниваться,—да чего, онъ вовсе налѣнился въ предъидущіе мѣсяцы, вотъ ему и скучно приниматься за нее;—«а надобно, братъ Александръ»,—«пора, Александръ Матвѣичъ!»

Трудно былъ маневръ, на цѣлыя недѣли надобно было растянуть этотъ поворотъ на лѣво кругомъ и повертываться такъ медленно, такъ ровно, какъ часовая стрѣлка: смотрите на нее,

какъ хотите, внимательно, не увидите, что она поворачивается, а она себѣ изподтишка дѣлаетъ свое дѣло, идетъ въ сторону отъ прежняго своего положенія. За то и какое же наслажденіе было Кирсанову, какъ теоретику, любоваться своею ловкостью на практикѣ. Эгоисты и матеріалисты, вѣдь они все дѣлаютъ собственно только въ удовольствіе себѣ. Да, и Кирсановъ могъ, положа руку на сердце, сказать, что онъ дѣлаетъ свою штуку въ удовольствіе себѣ: онъ радовался на свое искусство и молодечество.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, можетъ быть, нѣсколько и побольше, и если бы кто сосчиталъ, тотъ нашелъ бы, что въ этотъ мѣсяцъ ни на волосъ не уменьшилась его короткость съ Лопуховыми, но вчетверо уменьшилось время, которое проводитъ онъ у нихъ, а въ этомъ времени на половину уменьшилась пропорція времени, которое проводитъ онъ съ Вѣрою Павловною. Еще какой нибудь мѣсяцъ, и при всей неизмѣнности дружбы, друзья будутъ мало видѣться, — и дѣло будетъ въ шляпѣ.

Зорки глаза у Лопухова — неужели онъ ничего не замѣчаетъ? — Нѣтъ, ничего.

А Вѣра Павловна? и Вѣра Павловна ничего не замѣчаетъ. И въ себѣ ничего не замѣчаетъ? и въ себѣ ничего не замѣчаетъ Вѣра Павловна; только, снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ.

XVIII.

ТРЕТІЙ СОНЪ ВѢРЫ ПАВЛОВНЫ.

И снится Вѣрѣ Павловнѣ сонъ:

Послѣ чаю, поболтавши съ «миленькимъ», пришла она въ свою комнату и прилегла, — не спать, спать еще рано, куда же, только еще половина девятаго, нѣтъ, она еще не раздѣвалась, — а только такъ, легла читать. Вотъ она и читаетъ на своей кроваткѣ, только книга опускается отъ глазъ, и думается Вѣрѣ Павловнѣ: «что это, въ послѣднее время стало мнѣ нѣсколько скучно иногда? или это не скучно, а такъ? да, это не скучно, а только я вспомнила, что нынѣ я хотѣла ѣхать въ оперу, да этотъ Кирсановъ, такой невнимательный, поздно поѣхалъ за билетомъ: будто не знаетъ, что, когда поетъ Бозіо, то нельзя въ 11 часовъ достать билетовъ въ 2 рубля. Конечно, его нельзя ви-

нять: вѣдь онъ до 5 часовъ работалъ, навѣрное до 5, хотъ и не признался...а все-таки онъ виноватъ. Нѣтъ, впередъ лучше буду просить «миленькаго» брать билеты, и въ оперу ѣздить буду съ миленькимъ: миленькій никогда этого не сдѣлаетъ, чтобъ я осталась безъ билета, а ѣздить со мною онъ всегда будетъ радъ, вѣдь онъ у меня такой милый, мой миленькій. А черезъ этого Кирсанова пропустила «Травіату» — это ужасно! я бы каждый вечеръ была въ оперѣ, если бы каждый вечеръ была опера — какая нибудь, хоть бы сама по себѣ плохая, съ главною ролью Бозіо. Если бъ у меня былъ такой голосъ, какъ у Бозіо, я, кажется, цѣлый день пѣла бы. А если бы познакомиться съ нею? Какъ бы это сдѣлать? Этотъ артиллеристъ хорошъ съ Тамберликомъ, нельзя ли черезъ него? Нѣтъ, нельзя. Да и какая смѣшная мысль! Зачѣмъ знакомиться съ Бозіо? развѣ она станетъ мнѣ для меня? Вѣдь она должна беречь свой голосъ.

«А когда жь это Бозіо успѣла выучиться по русски? И какъ чисто она произноситъ. Но какія же смѣшныя слова, и откуда она выкопала такіе пошлые стишки? да, она, должно быть, училась по той же грамматикѣ, по которой я: тамъ они приведены въ примѣръ для разстановки знаковъ препинанія; какъ это глупо, приводить въ грамматикѣ такіе стихи, и хоть бы стихи-то были не такъ пошлы; но нечего думать о стихахъ, надобно слушать, какъ она поетъ»: —

Часъ наслажденья
Лови, лови;
Младыя лѣта
Отдай любви.

«какія смѣшныя слова: и «младыя» и «лѣта» съ невѣрнымъ удареньемъ! Но какой голосъ, и какое чувство у ней! Да, у ней голосъ сталъ гораздо лучше прежняго, несравненно лучше, удивительно! какъ же это онъ могъ стать такъ много лучше? Да, вотъ я не знала, какъ съ нею познакомиться, а она сама пріѣхала ко мнѣ съ визитомъ. Какъ это она узнала мое желанье?

— Да вѣдь ты давно зовешь меня, говоритъ Бозіо, и говоритъ по русски.

— Я тебя звала, Бозіо? Да какъ же я могла звать тебя, когда я съ тобою незнакома? Но я очень, очень рада видѣть тебя.

Вѣра Павловна раскрываетъ пологъ, чтобы подать руку Бозіо, но пѣвица хохочетъ, да вѣдь это не Бозіо, а скорѣе де-

Мерикъ въ роли цыганки въ «Риголетто», но только веселость хохота де-Мерикъ, а голосъ Бозіо, и отбѣгаетъ, и прячется за пологомъ; какъ досадно, этотъ пологъ прячетъ ее, и вѣдь прежде его не было, откуда онъ взялся.

— Знаешь, зачѣмъ я къ тебѣ пріѣхала? и хохочетъ, будто де-Мерикъ, но только Бозіо.

— Да кто жь ты? Вѣдь ты не де-Мерикъ?

— Нѣтъ.

— Вѣдь ты Бозіо?

Пѣвица хохочетъ: — узнаешь, скоро; а теперь намъ надобно заняться тѣмъ, зачѣмъ я къ тебѣ пришла. Я хочу читать съ тобою твой дневникъ.

— У меня нѣтъ никакого дневника, я никогда не вела его.

— А посмотри, что жь это лежитъ на столикѣ?

Вѣра Павловна смотритъ: на столикѣ у кроватки лежитъ тетрадь съ надписью: «Дневникъ В. Л.» Откуда взялась эта тетрадь? Вѣра Павловна беретъ ее, раскрываетъ — тетрадь писана ея рукою; когда же?

— Читай послѣднюю страницу, говоритъ Бозіо.

Вѣра Павловна читаетъ: «Опять мнѣ часто приходится сидѣть одной по цѣлымъ вечерамъ. Но это ничего: я такъ привыкла.»

— Только? говоритъ Бозіо.

— Только.

— Нѣтъ, ты не все читаешь.

— Здѣсь больше ничего не написано.

— Меня не обманешь, говоритъ гостья: — а это что? изъ-за полога протягивается рука — какъ хороша эта рука! нѣтъ, эта дивная рука не Бозіо, и какъ же эта рука протягивается сквозь пологъ, не раскрывая полога?

Рука новой гостьи дотрогивается до страницы; подъ рукою выступаютъ новыя строки, которыхъ не было прежде. «Читай», говоритъ гостья. У Вѣры Павловны сжимается сердце, она еще не смотрѣла на эти строки, не знаетъ, что тутъ написано; но у ней сжимается сердце. Она не хочетъ читать новыхъ строкъ. «Читай», повторяетъ гостья.

Вѣра Павловна читаетъ: «нѣтъ, одной теперь скучно. Это прежде не было скучно. Отчего же это прежде не было скучно одной, и отчего теперь скучно?»

— Переверни страницу назадъ, говоритъ гостья.

Вѣра Павловна перевертываетъ страницу. «Лѣто нынѣшняго года», кто жъ такъ пишетъ дневники? думается Вѣрѣ Павловнѣ; надобно было написать: 1855. іюнь, или іюль, и выставить число, а тутъ: лѣто нынѣшняго года; кто же такъ пишетъ въ дневникахъ? «Лѣто нынѣшняго года. Мы ѣдемъ, по обыкновенію, за городъ, на острова; а въ нынѣшній разъ, съ нами ѣдетъ миленькій: какъ это пріятно мнѣ». Ахъ, такъ это августъ,—какое число? 15 или 12? да, да, около 15-го, это про ту поѣздку, послѣ которой мой бѣдный миленькій сдѣлался боленъ, думаетъ Вѣра Павловна.

— Только?

— Только.

— Нѣтъ, ты не все читаешь. А это что? говоритъ гостья, и опять сквозь нераскрывающіяся пологъ является длинная рука, опять касается страницы, и опять выступаютъ на страницѣ новыя слова, и опять противъ воли читаетъ Вѣра Павловна новыя слова: «зачѣмъ мой маленькій не провожаетъ насъ ранѣе?»

— Переверни еще страницу, говоритъ гостья.

«У моего миленькаго такъ много занятій, и все для меня, для меня онъ работаетъ, мой миленькій». Вотъ и отвѣтъ, съ радостью думаетъ Вѣра Павловна.

— Переверни опять страницу.

«Какіе честные, благородные люди эти студенты, и какъ они уважаютъ моего миленькаго. И мнѣ съ ними весело: я съ ними, какъ съ братьями, безъ всякой церемоніи.

— Только?

— Только.

— Нѣтъ, читай дальше. И опять является рука, касается страницы, опять выступаютъ новыя строки, опять противъ воли читаетъ Вѣра Павловна новыя строки:

«16 августа», то есть, на другой день послѣ прогулки на острова, вѣдь она была именно 15-го, думаетъ Вѣра Павловна: «миленькій все время гулянья говорилъ съ этимъ Рахметовымъ, или, какъ они въ шутку зовутъ его, ригористомъ, и съ другими его товарищами. Подлѣ меня едва ли провелъ онъ четверть часа», неправда, больше полчаса, я думаю, да, больше полчаса, я увѣрена, думаетъ Вѣра Павловна: «кромѣ того времени, которое мы сидѣли рядомъ въ лодкѣ. 17 августа. Вчера весь вечеръ просидѣли у насъ студенты»; да, это наканунѣ того дня, какъ миленькій занемогъ, «миленькій весь вечеръ говорилъ съ ними. За-

чѣмъ онъ отдаетъ имъ такъ много времени, такъ мало имъ? Вѣдь не все же время онъ работаетъ, онъ и самъ говоритъ, что далеко не все время, что безъ отдыха невозможно работать, что онъ много отдыхаетъ, думаетъ о чемъ нибудь только для отдыха; зачѣмъ же онъ думаетъ одинъ, зачѣмъ не со мною?»

— Переверни еще листъ.

«Іюль нынѣшняго года, и всякій мѣсяцъ нынѣшняго года до болѣзни миленькаго, да и въ прошломъ году то же, и прежде то же. Пять дней тому назадъ были у насъ студенты; вчера тоже. Я съ ними много шалила, такъ весело было. Завтра или послѣ завтра будутъ опять, опять будетъ очень весело».

— Только?

— Только.

— Нѣтъ, читай дальше. Опять является рука, касается страницы, опять выступаютъ подъ рукою новыя строки, опять противъ воли читаетъ ихъ Вѣра Павловна:

«Съ начала нынѣшняго года, особенно съ конца весны. Да, это прежде было мнѣ весело съ этими студентами, весело, и только. А теперь часто думается: это ребяческія игры, мнѣ долго будутъ онѣ забавны, вѣроятно, когда я буду и старуха, когда самой будетъ уже не по лѣтамъ играть, я буду любоваться на игры молодежи, напоминающія дѣтство. Но вѣдь я и теперь смотрю на этихъ студентовъ, какъ на младшихъ братьевъ, и я не всегда бы хотѣла превращаться непремѣнно въ Вѣрочку, когда хочу отдыха отъ серьёзныхъ мыслей и труда. Вѣдь я ужь Вѣра Павловна; веселиться, какъ Вѣрочка, пріятно по временамъ, но не всегда же. Вѣра Павловна иногда хочетъ такого веселья, при которомъ бы оставаться Вѣрою Павловною. Это веселье съ ровными по жизни».

— Переверни еще нѣсколько страницъ назадъ.

«Я на днѣхъ открываю швейную, и отправилась къ Жюли просить заказовъ. Миленькій заѣхалъ къ ней за мной. Она оставила насъ завтракать, велѣла подать шампанскаго, заставила меня выпить два стакана. Мы съ нею начали пѣть, бѣгать, кричать, бороться. Такъ было весело. Миленькій смотрѣлъ и смѣялся».

— Будто только? говоритъ гостья, и опять подъ рукою гостьи выступаютъ новыя слова, и опять противъ воли читаетъ ихъ Вѣра Павловна:

«Миленькій только смотрѣлъ и смѣялся. Почему жъ бы ему не пошалить съ нами? Вѣдь это было бы еще веселѣе. Развѣ это

было неловко, или разнѣ онъ этого не съумѣлъ бы — принять участіе въ нашей игрѣ? Нѣтъ, нисколько не неловко, и онъ съумѣлъ бы. Но у него такой характеръ. Онъ только не мѣшаетъ, онъ одобряетъ, радуется, — и только».

— Переверни одну страницу впередъ.

«Нынче мы съ миленькимъ были въ первый разъ послѣ моего замужства у моихъ родныхъ. Мнѣ было такъ тяжело видѣть ту жизнь, которая давила, душила меня до замужства. Миленькій мой! отъ какой отвратительной жизни онъ меня избавилъ! Ночью мнѣ приснился страшный сонъ: будто маменька упрекаетъ меня въ неблагодарности и говоритъ правду, но такую ужасную правду, что я начала стонать. Миленькій услышалъ этотъ стонъ и вошелъ въ мою комнату, а я ужь нѣла (все во снѣ), потому что пришла моя любимая красавица и утѣшила меня. Миленькій былъ моею горничною. Такъ было стыдно. Но онъ такой скромный, только поцаловалъ мое плечо».

— Будто только написано? меня не обманешь, читай... Опять подъ рукою гостьи выступаютъ новыя слова, и Вѣра Павловна противъ воли читаетъ ихъ:

«А нѣдь это даже какъ будто обидно».

— Переверни нѣсколько страницъ назадъ.

«Нынѣ я ждала своего друга, Д., на бульварѣ, подлѣ Новаго моста: тамъ живетъ дама, у которой я думала быть гувернанткою. Но она не согласилась. Мы съ Д. вернулись домой очень унылые. Я въ своей комнатѣ передъ обѣдомъ все думала, что лучше умереть, чѣмъ жить, какъ я живу теперь, и, вдругъ, за обѣдомъ, Д. говоритъ: «Вѣра Павловна, пьемъ здоровье моей невѣсты и вашего жениха». Я едва могла удержаться, чтобы не заплакать тутъ же при всѣхъ, отъ радости такого неожиданнаго избавленія. Послѣ обѣда, мы долго говорили съ Д. о томъ, какъ мы будемъ жить. Какъ я его люблю: онъ выводитъ меня изъ подвала».

— Читай же все.

— Больше ничего нѣтъ.

— Смотри. Опять подъ рукою гостьи выступаютъ новыя строки.

— Я не хочу читать, въ страхѣ говоритъ Вѣра Павловна; она еще не разобрала, что написано на этихъ новыхъ строкахъ, но ей уже страшно.

— Не можешь не читать, когда я велю: читай!

Вѣра Павловна читаетъ:

«Такъ неужели же я люблю его за то, что онъ выводитъ меня изъ подвала? не самого его, а свое избавленіе изъ подвала?»

— Переверни еще назадъ, читай самую первую страницу.

«Въ день моего рожденія, сегодня, я въ первый разъ говорила съ Д. и полюбила его. Я еще ни отъ кого не слышала такихъ благородныхъ, утѣшительныхъ словъ. Какъ онъ сочувствуетъ всему, что требуетъ сочувствія, хочетъ помогать всему, что требуетъ помощи; какъ онъ увѣренъ, что счастье для людей возможно, что оно должно быть, что злоба и горе не вѣчно, что быстро идетъ къ намъ новая, свѣтлая жизнь. Какъ у меня радостно расширялось сердце, когда я слышала эти увѣренія отъ человѣка ученаго, серьёзнаго: вѣдь ими подтверждались мои мысли... Какъ добръ онъ былъ, когда говорилъ о насъ, бѣдныхъ женщинахъ. Каждая женщина полюбитъ такого человѣка. Какъ онъ уменъ, какъ онъ благороденъ, какъ онъ добръ!

— Хорошо. Переверни опять на послѣднюю страницу.

— Но эту страницу я ужь прочла.

— Нѣтъ, это еще не послѣдняя. Переверни еще листъ.

— Но на этомъ листѣ ничего нѣтъ.

— Читай же! видишь, какъ много на немъ написано. — И опять отъ прикосновенія руки гостьи выступили строки, которыхъ не было.

Сердце Вѣры Павловны холодѣетъ: — я не хочу читать, я не могу читать.

— Я велю. Должна.

— Не могу и не хочу.

— Такъ я тебѣ прочту, что у тебя написано,—слушай:

«Онъ человѣкъ благородный, онъ мой избавитель. Но благородствомъ внушается уваженіе, довѣріе, готовность дѣйствовать за одно, дружба; избавитель награждается признательностію, преданностію. Только. У него натура, быть можетъ, болѣе пылкая, чѣмъ у меня. Когда кипитъ кровь, ласки его жгучи. Но есть другая потребность, потребность тихой, долгой ласки, потребность сладко дремать въ нѣжномъ чувствѣ. Знаетъ ли онъ ее? Сходны ли наши натуры, наши потребности? Онъ готовъ умереть для меня, — и я для него. Но довольно ли этого? Мыслями ли обо мнѣ живетъ онъ? Мыслями ли о немъ живу я? Люблю ли я его такою любовью, какая нужна мнѣ? Прежде я

не знала этой потребности тихаго, нѣжнаго чувства—нѣтъ, мое чувство къ нему не»...

— Я не хочу слышать больше! Вѣра Павловна съ негодованіемъ отбрасываетъ дневникъ.— Гадкая! злая! зачѣмъ ты здѣсь? Я не звала тебя, уйди!

Гостья смѣется тихимъ, добрымъ смѣхомъ. — Да, ты не любишь его; эти слова написаны твоею рукою.

— Проклинаю тебя!

Вѣра Павловна просыпается съ этимъ восклицаніемъ, и быстрѣе, чѣмъ сознала она, что видѣла только сонъ, и что она проснулась, она уже вскочила, она бѣжитъ.

— Мой милый, обними меня, защити меня! Мнѣ снился страшный сонъ! Она жмется къ мужу: — мой милый, ласкай меня, будь нѣженъ со мною, защити меня!

— Вѣрочка, что съ тобой? мужъ обнимаетъ ее.—Ты вся дрожишь. Мужъ цалуетъ ее. — У тебя на щекахъ слезы, у тебя холодный потъ на лбу. Ты босая бѣжала по холодному полу, моя милая; я цалую твои ножки, чтобы согрѣть ихъ.

— Да, ласкай меня, спаси меня! мнѣ снился гадкій сонъ, мнѣ снилось, что я не люблю тебя.

— Милая моя, кого же ты любишь, какъ не меня? Нѣтъ, это пустой, смѣшной сонъ!

— Да, я люблю тебя, только ласкай меня, цалуй меня, — я тебя люблю, я тебя хочу любить.

Она крѣпко обнимаетъ мужа, вся жмется къ нему и, успокоенная его ласками, тихо засыпаетъ, цалуя его.

XIX.

Въ это утро, Дмитрій Сергѣичъ не идетъ звать жену пить чай: она здѣсь, прижавшись къ нему; она еще спитъ; онъ смотритъ на нее и думаетъ: «что это такое съ ней, чѣмъ она была встревожена, откуда этотъ сонъ?»

— Оставайся здѣсь, Вѣрочка, я внесу сюда чай; не вставай, мой дружочекъ, я подамъ тебѣ, ты успокойся, не вставай!

— Да, я не буду вставать, я полежу, мнѣ такъ хорошо здѣсь: какой ты умный за это, миленькій, какъ я тебя полюбила. Хоть я и умылась, теперь неси сюда чай; нѣтъ, прежде обними меня! И Вѣра Павловна долго не выпускала мужа, обнявши. — Ахъ,

мой миленькій, какая я смѣшная! какъ я къ тебѣ прибѣжала! что теперь подумаетъ Маша? нѣтъ, мы это скроемъ отъ нея, что я проснулась у тебя. Принеси мнѣ сюда одѣваться. Ласкай меня, мой миленькій, ласкай меня, я хочу любить тебя, мнѣ нужно любить! я буду любить тебя, какъ еще не любила!

Комната Вѣры Павловны стоитъ пустая. Вѣра Павловна, ужь не скрываясь отъ Маши, поселилась въ комнатѣ мужа. «Какой онъ нѣжный, какой онъ ласковый, мой милый, и я могла вздумать, что не люблю тебя? Какая я смѣшная!»

— Вѣрочка, теперь ты успокоилась, моя милая; скажи же мнѣ, что тебѣ приснилось третьяго дня?

— Ахъ, пустяки! мнѣ только и приснилось, что я тебѣ сказала, что ты мало ласкаешь меня. А теперь мнѣ хорошо. Зачѣмъ мы не жили съ тобою всегда такъ? Тогда мнѣ не приснился бы этотъ гадкій сонъ, страшный, гадкій, я не хочу помнить его!

— Да вѣдь мы безъ него не жили бы, какъ теперь.

— Правда; я ей очень благодарна, этой гадкой: она не гадкая, хорошая.

— Кто «она»? У тебя, кромѣ прежней красавицы, еще новая подруга?

— Да, еще новая. Ко мнѣ приходила какая-то женщина, съ такимъ очаровательнымъ голосомъ, гораздо лучше Бозіо, а какія руки у нея! Ахъ, какая дивная красота! Только руку я и видѣла: сама она пряталась за пологомъ, мнѣ снилось, что у моей постели,—за то же я ее и бросила, что на ней это приснилось,— что у ней есть пологъ и что гостья прячется за нимъ; но какая дивная рука, мой милый! и она пѣла про любовь, и подсказывала мнѣ, что такое любовь. Теперь я поняла, мой милый. Какая была я глупенькая, я не понимала, вѣдь была дѣвочка, глупенькая дѣвочка?

— Моя милая, ангелъ мой, всему своя пора. И то, какъ мы прежде жили съ тобою — любовь; и то, какъ теперь живемъ — любовь; однимъ нужна одна, другимъ — другая любовь; тебѣ прежде было довольно одной, теперь нужна другая. Да, ты теперь стала женщиной, мой другъ, и что прежде было не нужно тебѣ, стало нужно теперь.

Проходитъ недѣля, двѣ. Вѣра Павловна нѣжится; въ своей комнатѣ бываетъ она теперь только когда мужа нѣтъ дома, или

когда онъ работаетъ, — да нѣтъ, и когда работаетъ, она часто сидитъ у него въ кабинетѣ; когда замѣтитъ, что мѣшаетъ, что работа требуетъ полнаго вниманія, тогда зачѣмъ же мѣшать? Но вѣдь такихъ работъ у каждаго мало, большая часть и ученой работы — чисто механическая; поэтому три четверти времени онъ видитъ подлѣ себя жену, и порою они приласкаютъ другъ друга. Только одно изобрѣтеніе было нужно: купить другой диванъ, поменьше мужнина. И вотъ Вѣра Павловна послѣ обѣда нѣжится на своемъ диванчикѣ; у диванчика сидитъ мужъ и любуется на нее.

— Милый мой, зачѣмъ ты цалуешь мои руки? вѣдь я этого не люблю.

— Да? я и забылъ, что обижаю тебя, ну, и буду обижать.

— Миленькій мой, ты во второй разъ избавляешь меня: спасъ меня отъ злыхъ людей, спасъ меня отъ себя самой! Ласкай меня, мой милый, ласкай меня!

Проходитъ мѣсяцъ. Вѣра Павловна нѣжится послѣ обѣда на своемъ широкомъ, маленькомъ, мягкомъ диванчикѣ въ комнатѣ своей и мужа, то есть въ кабинетѣ мужа. Онъ присѣлъ на диванчикъ, а она обняла его, прилегла головой къ его груди, но она задумывается; онъ цалуетъ ее, но не проходитъ задумчивость ея, и на глазахъ чуть ли не готовы навернуться слезы.

— Вѣрочка, милая моя, что ты задумчива?

Вѣра Павловна плачетъ и молчитъ. Нѣтъ, она утерла слезы: —нѣтъ, не ласкай, мой милый! Довольно. Благодарю тебя! и она такъ кротко и искренно смотритъ на него:—благодарю тебя, ты такъ добръ ко мнѣ.

— Добръ, Вѣрочка? Что это, какъ это?

— Добръ, мой милый; ты добрый.

Проходитъ два дня. Вѣра Павловна опять нѣжится послѣ обѣда, нѣтъ, не нѣжится, а только лежитъ и думаетъ, и лежитъ она въ своей комнатѣ, на своей кроваткѣ. Мужъ сидитъ подлѣ нея, обнялъ ее, тоже думаетъ.

«Да, это не то. Во мнѣ нѣтъ того», думаетъ Лопуховъ.

«Какой онъ добрый, какая я неблагодарная!» думаетъ Вѣра Павловна.

Вотъ что они думаютъ.

Она говоритъ: — Мой милый, иди къ себѣ, занимайся, или отдохни, и хочетъ сказать, и умѣетъ сказать эти слова простымъ, не унылымъ тономъ.

— Зачѣмъ же, Вѣрочка, ты гонишь меня? мнѣ и здѣсь хорошо, и хочетъ, и умѣетъ сказать эти слова простымъ, веселымъ тономъ.

— Нѣтъ, иди, мой милый. Ты довольно дѣлаешь для меня. Иди, отдохни.

Онъ цалуетъ ее, и она забываетъ свои мысли, и ей опять такъ сладко и легко дышать.

— Благодарю тебя, мой милый, говоритъ она.

А Кирсановъ совершенно счастливъ. Трудновата была борьба на этотъ разъ, но за то и сколько внутренняго удовольствія доставляла она ему, и это удовольствіе не пройдетъ вмѣстѣ съ нею, а будетъ грѣть его грудь долго, до конца жизни. Онъ честенъ. Да. Онъ сблизилъ ихъ. Да, въ самомъ дѣлѣ сблизилъ. Кирсановъ лежитъ на диванѣ, куритъ и думаетъ: «Будь честенъ, то есть, разсчетливъ, не просчитывайся въ разсчетѣ, помни сумму, помни, что она больше своей части, то есть, что твоя человѣческая натура сильнѣе, важнѣе для тебя, чѣмъ каждое отдѣльное твое стремленіе, предпочитай же ея выгоды выгодамъ каждаго отдѣльнаго твоего стремленія, если онѣ какъ нибудь разнорѣчатъ,—вотъ только и всего, это и называется по простуː будь честенъ, и все будетъ отлично. Одно правило, и какое немудрое, вотъ и весь результатъ науки, вотъ и весь сводъ законовъ счастливой жизни. Да, счастливы тѣ, которые родились съ наклонностью понять это простое правило. И я довольно счастливъ въ этомъ отношеніи. Конечно, я много, вѣроятно, больше, чѣмъ натурѣ, обязанъ развитію. А постепенно это будетъ развиваться въ обычное правило, внушаемое всѣмъ воспитаніемъ, всею обстановкою жизни. Да, тогда будетъ всѣмъ легко жить на свѣтѣ, вотъ какъ теперь мнѣ. Да, я доволенъ. Надобно однако зайти къ нимъ: я не былъ ужь недѣли три. Пора, хоть это ужь и непріятно мнѣ. Меня ужь не тянетъ къ нимъ, Но пора. Зайду на дняхъ на полчаса. Или не отложить ли на мѣсяцъ? Кажется, можно. Да, отступленіе сдѣлано вполнѣ, маневры кончены; скрылся изъ виду, и теперь не замѣтятъ, три недѣли или три мѣсяца не былъ я у нихъ. А пріятно недали ду-

мать о людяхъ, съ которыми поступилъ честно. Отдыхаю на лаврахъ».

А Лопуховъ, еще черезъ два, три дня, тоже послѣ обѣда, входитъ въ комнату жены, беретъ на руки свою Вѣрочку, несетъ ее на ея оттоманку къ себѣ: «отдыхай здѣсь, мой другъ», и любуется на нее. Она задремала, улыбаясь; онъ сидитъ и читаетъ. А она ужь опять открыла глаза и думаетъ:

«Какъ у него убрана комната: кромѣ необходимаго, ничего нѣтъ. Нѣтъ, есть и у него свои прихоти: вотъ огромный ящикъ сигаръ, который я ему подарила въ прошломъ году, онъ еще стоитъ цѣлъ, ждетъ своего срока. Да, это его единственная прихоть, одна роскошь—сигары. Нѣтъ, вотъ и еще роскошь: фотографія этого старика; какое благородное лицо у старика, какая смѣсь незлобія и проницательности въ его глазахъ, во всемъ выраженіи лица! Сколько хлопотъ было Дмитріе достать эту фотографію. Вѣдь портретовъ Овэна нѣтъ нигдѣ, ни у кого. Писалъ три письма, двое изъ бравшихъ письма не отыскали старика, третій нашелъ, и сколько мучилъ его, пока удалась дѣйствительно превосходная фотографія, и какъ Дмитрій былъ счастливъ, когда получилъ ее, и письмо отъ «святаго старика», какъ онъ зоветъ его, письмо, въ которомъ Овэнъ хвалитъ меня, со словъ его. А вотъ и другая роскошь: мой портретъ; недѣли онъ копилъ деньги, чтобы просить хорошаго живописца, и сколько они съ этимъ молодымъ живописцемъ мучили меня. Два портрета, и только. Неужели дорого стоило бы купить гравюръ и фотографій; какъ у меня? У него нѣтъ и цвѣтовъ, которыхъ такъ много въ моей комнатѣ; отчего жъ ему не нужны цвѣты, а мнѣ нужны? Неужели отъ того, что я женщина? Что за пустяки! Или это отъ того, что онъ серьезный, ученый человѣкъ? Но вѣдь у Кирсанова и гравюры, и цвѣты, а онъ также серьезный и ученый человѣкъ.

«И почему ему скучно отдавать мнѣ много времени»? Вѣдь я знаю, что это ему стоитъ усилія. Неужели отъ того, что онъ серьезный и ученый человѣкъ? Но вѣдь Кирсановъ... нѣтъ, нѣтъ, онъ добрый добрый, онъ все для меня сдѣлалъ, все готовъ съ радостью для меня сдѣлать! Кто можетъ такъ любить меня, какъ онъ? И я его люблю, и я готова на все для него»...

— Вѣрочка, а ты ужь не дремлешь, мой милый другъ?

— Миленькій мой, отчего у тебя въ комнатѣ нѣтъ цвѣтовъ?

— Изволь, мой другъ, я заведу. Завтра же. Мнѣ просто не случилось подумать объ этомъ, что это хорошо. А это очень хорошо.

— И о чемъ еще просила бы я тебя: купи себѣ фотографій, или лучше, я тебѣ куплю на свои деньги и цвѣтовъ, и фотографій.

— Тогда дѣйствительно они будутъ мнѣ пріятны. Я и такъ люблю ихъ, но тогда мнѣ пріятнѣе будетъ имѣть ихъ. Но, Вѣрочка, ты была задумчива, ты думала о своемъ снѣ. Позволишь ли ты мнѣ просить тебя, чтобъ ты побольше разсказала мнѣ объ этомъ снѣ, который такъ напугалъ тебя?

— Мой милый, теперь я не думала о немъ. И мнѣ такъ тяжело вспоминать его.

— Но, Вѣрочка, быть можетъ, мнѣ полезно будетъ знать его.

— Изволь, мой милый. Мнѣ снилось, что я скучаю отъ того, что не поѣхала въ оперу, что я думаю о ней, о Бозіо; ко мнѣ пришла какая-то женщина, которую я сначала приняла за Бозіо и которая все пряталась отъ меня; она заставила меня читать мой дневникъ; тамъ было написано все только о томъ, какъ мы съ тобою любимъ другъ друга, а когда она дотрогивалась рукою до страницъ на нихъ показывались новыя слова, говорившія, что я не люблю тебя.

— Прости меня, мой другъ, что я еще спрошу тебя: ты только видѣла во снѣ?

— Милый мой, еслибъ не только, развѣ я не сказала бы тебѣ? Вѣдь я это тогда же тебѣ сказала.

Это было сказано такъ нѣжно, такъ искренно, такъ просто, что Лопуховъ почувствовалъ въ груди волненіе теплоты и сладости, котораго всю жизнь не забудетъ тотъ, кому счастье дало испытать его. О, какъ жаль, что немногіе, очень немногіе мужья могутъ знать это чувство! Всѣ радости счастливой любви ничто передъ нимъ: оно навсегда наполняетъ чистѣйшимъ довольствомъ, самою святою гордостью сердце человѣка. Въ словахъ Вѣры Павловны, сказанныхъ съ нѣкоторой грустью, слышался упрекъ; но вѣдь смыслъ упрека былъ: «другъ мой, неужели ты не знаешь, что ты заслужилъ полное мое довѣріе? Жена должна скрывать отъ мужа тайныя движенія своего сердца: таковы уже тѣ отношенія, въ которыхъ они стоятъ другъ къ другу. Но ты, мой милый, держалъ себя такъ, что отъ

тебя не нужно утаивать ничего, что мое сердце открыто передъ тобою, какъ передо мною самой». Это великая заслуга въ мужѣ; эта великая награда покупается только высокимъ нравственнымъ достоинствомъ; и кто заслужилъ ее, тотъ въ правѣ считать себя человѣкомъ безукоризненнаго благородства, тотъ смѣло можетъ надѣяться, что совѣсть его чиста и всегда будетъ чиста, что мужество никогда ни въ чемъ не измѣнитъ ему, что во всѣхъ испытаніяхъ, всякихъ, какихъ бы то ни было, онъ останется спокоенъ и твердъ, что судьба почти не властна надъ миромъ его души, что съ той поры, какъ онъ заслужилъ эту великую честь, до послѣдней минуты жизни, какимъ бы ударамъ ни подвергался онъ, онъ будетъ счастливъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Мы теперь довольно знаемъ Лопухова, чтобы видѣть, что онъ былъ человѣкъ не сантиментальный, но онъ былъ такъ тронутъ этими словами жены, что лицо его вспыхнуло.

— Вѣрочка, другъ мой, ты упрекнула меня, — его голосъ дрожалъ, во второй разъ въ жизни и въ послѣдній разъ; въ первый разъ голосъ его дрожалъ отъ сомнѣнія въ своемъ предположеніи, что онъ отгадалъ, теперь дрожалъ отъ радости: — ты упрекнула меня, но этотъ упрекъ мнѣ дороже всѣхъ словъ любви. Я оскорбилъ тебя своимъ вопросомъ; но какъ я счастливъ, что мой дурной вопросъ далъ мнѣ такой упрекъ! Посмотри, слезы на моихъ глазахъ, съ дѣтства первыя слезы въ моей жизни!

Онъ цѣлый вечеръ не сводилъ съ нея глазъ, и ей ни разу не подумалось въ этотъ вечеръ, что онъ дѣлаетъ надъ собой усиліе, чтобы быть нѣжнымъ, и этотъ вечеръ былъ однимъ изъ самыхъ радостныхъ въ ея жизни, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ; черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ я разсказываю вамъ о ней, у ней будетъ много такихъ цѣлыхъ дней, мѣсяцевъ, годовъ: это будетъ, когда подрастутъ ея дѣти, и она будетъ видѣть ихъ людьми достойными счастья и счастливыми. Эта радость выше всѣхъ другихъ личныхъ радостей; что во всякой другой личной радости рѣдкая, мимолетная высокость, то въ ней обыкновенный уровень каждаго обыкновеннаго дня. Но это еще въ будущемъ для нея.

XX.

Но когда жена заснула, сидя у него на колѣняхъ, когда онъ положилъ ее на ея диванчикъ, Лопуховъ крѣпко задумался о ея снѣ. Для него дѣло было не въ томъ, любитъ ли она его; это ужь ея дѣло, въ которомъ и она не властна, и онъ, какъ онъ видитъ, не властенъ; это само собою разъяснится, объ этомъ нечего думать иначе, какъ на досугѣ, а теперь недосугъ, теперь его дѣло разобрать, изъ какого отношенія явилось въ ней предчувствіе, что она не любитъ его.

Не первый разъ онъ долго сидѣлъ въ этомъ раздумьѣ; ужь нѣсколько дней онъ видѣлъ, что не удержитъ за собою ея любви. Потеря тяжелая, но чтожь дѣлать? Еслибъ онъ могъ измѣнить свой характеръ, пріобрѣсти то влеченіе къ тихой нѣжности, какого требовала ея натура, о, тогда, конечно, было бы другое. Но онъ видѣлъ, что эта попытка напрасна. Если наклонность не дана природою или не развита жизнію независимо отъ намѣреній самого человѣка, этотъ человѣкъ не можетъ создать ее въ себѣ усиліемъ воли, а безъ влеченія ничто не дѣлается такъ, какъ надобно. Стало быть, вопросъ о немъ рѣшенъ. На это и были потрачены прежнія раздумья. А теперь, покончивъ свое (какъ эгоистъ, всегда прежде всего думающій о себѣ, и о другихъ лишь тогда, когда уже нечего думать о себѣ), онъ могъ приняться и за чужое, то есть, за ея раздумье. Что онъ можетъ сдѣлать для нея? Она еще не понимаетъ, что въ ней происходитъ, она еще не такъ много пережила сердцемъ, какъ онъ; чтожь, вѣдь это натурально: она четырьмя годами моложе его, а въ началѣ молодости четыре года много значатъ. Не можетъ ли онъ, болѣе опытный, разобрать то, чего не умѣетъ разобрать она? Какъ же разгадать ея сонъ?

Скоро у Лопухова явилось предположеніе: причина ея мыслей должна заключаться въ томъ обстоятельствѣ, изъ котораго проистекъ ея сонъ. Въ поводѣ къ сну должна находиться какая нибудь связь съ его содержаніемъ. Она говоритъ, что скучала отъ того, что не поѣхала въ оперу. Лопуховъ сталъ пересматривать свой и ея образъ жизни, и постепенно все для него прояснялось. Большую часть времени, остававшагося у нея свободнымъ, она проводила, такъ же какъ онъ, въ одиночествѣ. По-

томъ началась перемѣна: она была постоянно развлечена. Теперь опять возобновляется прежнее. Этого возобновленія она уже не можетъ принять равнодушно: оно не по ея натурѣ, оно было бы не по натурѣ и огромному большинству людей. Особенно загадочнаго тутъ нѣтъ ничего. Отъ этого было уже очень недалеко до предположенія, что разгадка всего—ея сближеніе съ Кирсановымъ, и потомъ удаленіе Кирсанова. Отчего жь Кирсановъ удалился? Причина выставлялась сама собою: недостатокъ времени, множество занятій. Но человѣка честнаго и развитаго, опытнаго въ жизни, и въ особенности, умѣющаго пользоваться теоріею, которой держался Лопуховъ, нельзя обмануть никакими выдумками и хитростями. Онъ можетъ самъ обманываться отъ невнимательности, можетъ не обращать вниманія на фактъ: такъ и Лопуховъ ошибся, когда Кирсановъ отошелъ въ первый разъ; тогда, говоря чистую правду, ему не было выгоды, стало быть и охоты, усердно доискиваться причины, по которой удалился Кирсановъ; ему важно было только разсмотрѣть, не онъ ли виноватъ въ разрывѣ дружбы, ясно было—нѣтъ, такъ не о чемъ больше и думать; вѣдь онъ не дядька Кирсанову, не педагогъ, обязанный направлять на путь истинный стопы человѣка, который самъ понимаетъ вещи не хуже его. Да и какая ему надобность, въ сущности? Развѣ въ отношеніихъ его съ Кирсановымъ было что нибудь, особенно важное для него? Пока ты хорошъ и хочешь, чтобы я любилъ тебя, мнѣ очень пріятно; нѣтъ, — мнѣ очень жаль, и ступай, куда хочешь, не все ли равно мнѣ? Что однимъ глупцомъ на свѣтѣ больше или меньше, это составляетъ мало разницы. Я принималъ глупца за хорошаго человѣка, это мнѣ очень обидно, только и всего. Если наши интересы не связаны съ поступками человѣка, его поступки въ сущности очень мало занимаютъ насъ, когда мы люди серьёзные, исключая двухъ случаевъ, которые, впрочемъ, кажутся исключеніями изъ правила только людямъ, привыкшимъ понимать слово «интересъ» въ слишкомъ узкомъ смыслѣ обыденнаго разсчета. Первый случай—если поступки эти занимательны для насъ съ теоретической стороны, какъ психологическія явленія, объясняющія натуру человѣка, то есть, если мы имѣемъ въ нихъ умственный интересъ; другой случай—если судьба человѣка зависитъ отъ насъ, тутъ мы были бы виноваты передъ собою, при невнимательности къ его поступкамъ, то есть, если мы имѣемъ въ нихъ интересъ совѣсти. Но въ тогдашнихъ глупыхъ выходкахъ Кирсанова не

было ничего такого, что не было бы извѣстно Лопухову за очень обыкновенную принадлежность нынѣшнихъ нравовъ; не рѣдкость было и то, что человѣкъ, имѣющій порядочныя убѣжденія, поддается пошлости, происходящей отъ нынѣшнихъ нравовъ. А чтобы Лопуховъ могъ играть важную роль въ судьбѣ Кирсанова, этого не могло и воображаться Лопухову: съ какой стати Кирсановъ нуждается въ его заботливости? Слѣдовательно: ступай, мой другъ, отъ меня, куда тебѣ лучше, какая мнѣ надобность думать о тебѣ? Но теперь не то: дѣйствія Кирсанова представлялись имѣющими важное отношеніе къ интересамъ женщины, которую Лопуховъ любилъ. Онъ не могъ не подумать о нихъ внимательно. А подумать внимательно о фактѣ и понять его причины, это почти одно и то же для человѣка съ тѣмъ образомъ мыслей, какой былъ у Лопухова. Лопуховъ находилъ, что его теорія даетъ безошибочныя средства къ анализу движеній человѣческаго сердца, и я, признаюсь, согласенъ съ нимъ въ этомъ; въ тѣ долгіе годы, какъ я считаю ее за истину, она ни разу не ввела меня въ ошибку, и ни разу не отказалась легко открыть мнѣ правду, какъ бы глубоко ни была затаена правда какого нибудь человѣческаго дѣла. Правда и то, что теорія эта сама-то дается не очень легко: нужно и пожить, и подумать, чтобъ умѣть понять ее.

Черезъ какіе нибудь полчаса раздумья, для Лопухова было ясно все въ отношеніяхъ Кирсанова къ Вѣрѣ Павловнѣ. Но онъ долго все сидѣлъ и думалъ все о томъ же: разъяснять-то предметъ было уже нечего, но занимателенъ былъ онъ; открытіе было сдѣлано въ полной законченности всѣхъ подробностей, но было такъ любопытно, что довольно долго не дало уснуть.

Однако, чтожь въ самомъ дѣлѣ разстроивать свои нервы безсонницею? вѣдь ужь три часа. Если не спится, надобно принять морфія, онъ принялъ двѣ пилюли, «вотъ только взгляну на Вѣрочку». Но вмѣсто того, чтобы подойти и взглянуть, онъ пододвинулъ свои кресла къ ея диванчику и усѣлся въ нихъ, взялъ ея руку и поцаловалъ. «Миленькій мой, ты заработался, все для меня; какой ты добрый, какъ я люблю тебя», проговорила она сквозь сонъ. Противъ морфія въ достаточномъ количествѣ не устоитъ никакое крушеніе духа; на этотъ разъ, двухъ пилюль оказалось достаточно, вотъ ужь одолѣваетъ дремота. Слѣдовательно, крушеніе души своею силою приблизительно равнялось, по матеріалистическому взгляду Лопухова, четыремъ стаканамъ крѣп-

каго кофе, противъ которыхъ Лопухову также было мало одной пилюли, а трехъ пилюль много. Онъ заснулъ, смѣясь надъ этимъ сравненіемъ.

XXI.

ТЕОРЕТИЧЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ.

На другой день, Кирсановъ только что разлегся было сибаритски съ сигарою читать для отдыха послѣ своего поздняго обѣда по возвращеніи изъ госпиталя, какъ вошелъ Лопуховъ.

— Не во время гость — хуже татарина, сказалъ Лопуховъ шутливымъ тономъ, но тонъ выходилъ не совсѣмъ удачно шутливъ.—Я тревожу тебя, Александръ; но ужь такъ и быть, потревожься. Мнѣ надобно поговорить съ тобою серьезно. Хотѣлось поскорѣе, утромъ проспалъ, не засталъ бы. Лопуховъ говорилъ уже безъ шутки. «Что это значитъ? Неужели догадался?» подумалъ Кирсановъ.—Поговоримъ-ко, продолжалъ Лопуховъ, усаживаясь. — Погляди мнѣ въ глаза.

«Да, онъ говоритъ объ *этомъ*, нѣтъ никакого сомнѣнія». — Слушай, Дмитрій, сказалъ Кирсановъ еще болѣе серьезнымъ тономъ:—мы съ тобою друзья. Но есть вещи, которыхъ не должны дозволять себѣ и друзья. Я прошу тебя прекратить этотъ разговоръ. Я не расположенъ теперь къ серьезнымъ разговорамъ. И никогда не бываю расположенъ. Глаза Кирсанова смотрѣли пристально и враждебно, какъ будто передъ нимъ человѣкъ, котораго онъ подозрѣваетъ въ намѣреніи совершить злодѣйство.

— Нельзя не говорить, Александръ, продолжалъ Лопуховъ спокойнымъ, но нѣсколько, чуть, чуть глухимъ голосомъ: — я понялъ твои маневры.

— Молчи. Я запрещаю тебѣ говорить, если не хочешь имѣть меня вѣчнымъ своимъ врагомъ, если не хочешь потерять мое уваженіе.

— Ты когда-то не боялся терять мое уваженіе, — помнишь? Теперь вѣдь ясно все. Я тогда не обратилъ вниманія.

— Дмитрій, я прошу тебя уйти, или я ухожу.

— Не можешь уйти. Ты какъ полагаешь, твоими интересами я занятъ?

Кирсановъ молчалъ.

— Мое положеніе выгодно. Твое въ разговорѣ со мною — нѣтъ. Я представляюсь совершающимъ подвигъ благородства. Но это все вздоръ. Мнѣ нельзя иначе поступать, по здравому смыслу. Я прошу тебя, Александръ, прекратить твои маневры. Они не ведутъ ни къ чему.

— Какъ? Неужели было ужъ поздно? Прости меня, быстро проговорилъ Кирсановъ, и самъ не могъ отдать себѣ отчета, радость или огорченіе взволновало его отъ этихъ словъ «они не ведутъ ни къ чему».

— Нѣтъ, ты не такъ меня понялъ. Не было поздно. До сихъ поръ еще нѣтъ ничего. Что будетъ, мы увидимъ. Но теперь еще нечего видѣть. Впрочемъ, Александръ, я не понимаю, о чемъ ты говоришь; и ты точно такъ же не знаешь, о чемъ я говорю; мы не понимаемъ другъ друга,—правда? Намъ и не за чѣмъ понимать другъ друга,—такъ? Тебѣ эти загадки, которыхъ ты не понимаешь, непріятны. Ихъ не было. Я ничего не говорилъ. Я не имѣю ничего сказать тебѣ. Давай сигару: я свои забылъ, въ разсѣянности. Закурю, и начнемъ разсуждать объ ученыхъ вопросахъ, я только за этимъ и пришелъ,—заняться, отъ нечего дѣлать, ученой болтовней. Какъ ты думаешь объ этихъ странныхъ опытахъ искусственнаго произведенія бѣлковины?—Лопуховъ пододвинулъ къ одному креслу другое, чтобы положить на него ноги, поспокойнѣе усѣлся, закуривая сигару и продолжая свою рѣчь:—по моему, это великое открытіе, если оправдается. Ты повторялъ опыты?

— Нѣтъ, но надобно.

— Какъ ты счастливъ, что въ твоемъ распоряженіи порядочная лабораторія. Пожалуйста, повтори, повтори повнимательнѣе. Вѣдь полный переворотъ всего вопроса о пищѣ, всей жизни человѣчества,—фабричное производство главнаго питательнаго вещества прямо изъ неорганическихъ веществъ. Величайшее дѣло, стоитъ Ньютонова открытія. Ты согласенъ?

— Конечно. Только сильно сомнѣваюсь въ точности опытовъ. Раньше или позже, мы до этого дойдемъ, несомнѣнно; къ тому идетъ наука, это ясно. Но теперь едва ли еще дошли.

— Ты такъ думаешь? И я точно такъ же. Значитъ, нашъ разговоръ конченъ. До свиданья, Александръ. Но прощаясь, я прошу тебя бывать у насъ часто, по прежнему. До свиданья.

Глаза Кирсанова, все время враждебно и пристально смотрѣвшіе на Лопухова, засверкали негодованьемъ.—Ты, кажется,

хочешь, Дмитрій, чтобъ я такъ и остался съ мнѣніемъ, что у тебя низкія мысли.

— Вовсе я не хочу этого. Но ты долженъ бывать у насъ. Что тутъ особеннаго? Вѣдь мы же съ тобою пріятели. Что особеннаго въ моей просьбѣ?

— Я не могу. Ты затѣваешь дѣло безразсудное, поэтому гадкое.

— Я не понимаю, о какомъ дѣлѣ ты говоришь, и долженъ тебѣ сказать, что этотъ разговоръ мнѣ вовсе не нравится, какъ тебѣ не нравился за двѣ минуты.

— Я требую объясненія, Дмитрій.

— Не за чѣмъ. Ничего нѣтъ, и объяснять нечего, и понимать нечего. Вздоръ тебя горячитъ, только.

— Нѣтъ, я не могу такъ отпустить тебя. Кирсановъ взялъ за руку Лопухова, хотѣвшаго уходить.—Садись. Ты началъ говорить, когда не было нужно. Ты требуешь отъ меня, Богъ знаетъ, чего. Ты долженъ выслушать.

Лопуховъ сѣлъ.

— Какое право имѣешь ты, началъ Кирсановъ голосомъ еще сильнѣйшаго негодованія, чѣмъ прежде:—какое право имѣешь ты требовать отъ меня того, что для меня тяжело? Чѣмъ я обязанъ передъ тобою? И къ чему это? Это нелѣпость. Постарайся выбить романическія бредни изъ твоей головы. То, что мы съ тобою признаемъ за нормальную жизнь, будетъ такъ, когда перемѣнятся понятія, обычаи общества. Оно должно перевоспитаться, это такъ. Оно и перевоспитывается развитіемъ жизни. Кто перевоспитался, помогаетъ другимъ, это такъ. Но пока оно еще не перевоспиталось, не перемѣнилось совершенно, ты не имѣешь права рисковать чужою судьбою. Вѣдь это страшная вещь, ты понимаешь ли, или сошелъ съ ума?

— Нѣтъ, я ничего не понимаю, Александръ. Я не знаю, о чемъ ты толкуешь. Тебѣ угодно видѣть какой-то удивительный смыслъ въ простой просьбѣ твоего пріятеля, чтобы ты не забывалъ его, потому что ему пріятно видѣть тебя у себя. Я не понимаю, отъ чего тутъ приходить въ азартъ.

— Нѣтъ, Дмитрій, въ такомъ разговорѣ ты не отдѣлаешься отъ меня шутя. Надобно показать тебѣ, что ты сумасшедшій, задумавшій гадкое дѣло. Мало ли, чего мы съ тобою не признаемъ? Мы не признаемъ, что пощочина имѣетъ въ себѣ что нибудь безчестящее,—это глупый предразсудокъ, вредный предразсудокъ,

больше ничего. Но имѣешь ли право теперь подвергать мужчину тому, чтобъ онъ получилъ пощочину? вѣдь это было бы съ твоей стороны низкимъ злодѣйствомъ, вѣдь ты отнялъ бы спокойствіе жизни у человѣка. Понимаешь ли ты это, глупецъ? Понимаешь ли ты, что если я люблю этого человѣка, а ты требуешь, чтобъ я далъ ему пощочину, которая и по моему, и по твоему вздоръ, пустяки,—понимаешь ли, что если ты требуешь этого, я считаю тебя дуракомъ и низкимъ человѣкомъ, а если ты заставляешь меня сдѣлать это, я убью тебя или себя, смотря по тому, чья жизнь менѣе нужна,—убью тебя или себя, а не сдѣлаю этого? Понимаешь ли это, глупецъ? Я говорю о мужчинѣ и пощочинѣ, которая глупость, но которая пока отнимаетъ спокойствіе жизни у мужчины. Кромѣ мужчинъ, есть на свѣтѣ женщины, которыя тоже люди; кромѣ пощочины, есть другіе вздоры, по нашему съ тобою и по правдѣ вздоры, но которые тоже отнимаютъ спокойствіе жизни у людей. Понимаешь ли ты, что подвергать какого нибудь человѣка,—ну хоть женщину, какому нибудь изъ этихъ по нашему съ тобою и по правдѣ вздоровъ,—ну, какому нибудь, все равно, понимаешь ли ты, что подвергать этому гадко, гнусно, безчестно? Слышишь, я говорю, что у тебя безчестныя мысли.

— Другъ мой, ты говоришь совершенную правду о томъ, что честно и безчестно. Но только я не знаю, къ чему ты говоришь ее, и не понимаю, какое отношеніе можетъ она имѣть ко мнѣ. Я ровно ничего тебѣ не говорилъ, ни о какомъ намѣреніи рисковать спокойствіемъ жизни, чьей бы то ни было, ни о чемъ подобномъ. Ты фантазируешь, и больше ничего. Я прошу тебя, своего пріятеля, не забывать меня, потому что мнѣ, какъ твоему пріятелю, пріятно проводить время съ тобою,—только. Исполнишь ты мою пріятельскую просьбу?

— Она безчестна, я сказалъ тебѣ. А я не дѣлаю безчестныхъ дѣлъ.

— Это похвально, что не дѣлаешь. Но ты разгорячился изъза какихъ-то фантазій и пустился въ теорію; тебѣ хочется, видно, теоретизировать попусту, безъ всякаго примѣненія къ дѣлу. Давай, и я стану также теоретизировать, тоже совершенно попусту, я предложу тебѣ вопросъ, ни сколько не относящійся ни къ чему, кромѣ разъясненія отвлеченной истины, безъ всякаго примѣненія къ кому бы то ни было. Если кто нибудь, безъ непріятности себѣ, можетъ доставить удовольствіе человѣку, то

разсчетъ, по моему мнѣнію, требуетъ, чтобы онъ доставилъ его ему, потому что онъ самъ получитъ отъ этого удовольствіе. Такъ ли?

— Это вздоръ, Дмитрій, ты говоришь не то.

— Я ничего не говорю, Александръ; я только занимаюсь теоретическими вопросами. Вотъ еще одинъ. Если въ комъ нибудь пробуждается какая нибудь потребность, — ведетъ къ чему нибудь хорошему наше стараніе заглушить въ немъ эту потребность? Какъ по твоему? Не такъ ли вотъ: нѣтъ, такое стараніе не ведетъ ни къ чему хорошему. Оно приводитъ только къ тому, что потребность получаетъ утрированный размѣръ, — это вредно, или фальшивое направленіе, — это и вредно и гадко, или, заглушаясь, заглушаетъ съ тобою и жизнь, — это жаль.

— Дѣло не въ томъ, Дмитрій. Я поставлю этотъ теоретическій вопросъ въ другой формѣ: имѣетъ ли кто нибудь право подвергать человѣка риску, если человѣку и безъ риска хорошо? Будетъ время, когда всѣ потребности натуры каждаго человѣка будутъ удовлетворяться вполнѣ, это мы съ тобою знаемъ; но мы оба одинаково твердо знаемъ, что это время еще не пришло. Теперь благоразумный человѣкъ доволенъ тѣмъ, если ему привольно жить, хотя бы не всѣ стороны его натуры развивались тѣмъ положеніемъ, въ которомъ ему привольно жить. Я предположу, въ смыслѣ отвлеченной гипотезы, что существуетъ такой благоразумный человѣкъ. Предположу, что этотъ человѣкъ — женщина; предположу, опять-таки въ смыслѣ отвлеченной гипотезы, что это положеніе, въ которомъ ему привольно жить — замужество; предположу, что онъ доволенъ этимъ положеніемъ, и говорю: при такихъ данныхъ по этой отвлеченной гипотезѣ, кто имѣетъ право подвергать этого человѣка риску потерять хорошее, которымъ онъ доволенъ, чтобы посмотрѣть, не удастся ли этому человѣку пріобрѣсти лучшее, безъ котораго ему легко обойтись? Золотой вѣкъ — онъ будетъ, Дмитрій, это мы знаемъ, но онъ еще впереди. Желѣзный проходитъ, почти прошелъ, но золотой еще не насталъ. Если бы, по моей отвлеченной гипотезѣ, какая нибудь сильная потребность этого человѣка, — предположимъ, вѣдь это только для примѣра, потребность любви — совершенно не удовлетворялась, или удовлетворялась плохо, я ничего не говорилъ бы противъ риска, предпринимаемаго имъ самимъ, но только противъ такого риска, а никакъ не противъ риска, навлекаемаго на него кѣмъ нибудь постороннимъ. А если этотъ человѣкъ

находитъ все-таки хорошее удовлетвореніе своей потребности, то и самъ онъ не долженъ рисковать; я предположу, въ смыслѣ отвлеченномъ, что онъ не хочетъ рисковать, и говорю: онъ правъ и благоразуменъ, что не хочетъ рисковать, и говорю: дурно и безумно поступитъ тотъ, кто станетъ его, не желающаго рисковать, подвергать риску. Что ты можешь возразить противъ этого гипотетическаго вывода? Ничего. Пойми же, что ты не имѣешь права.

— Я на твоемъ мѣстѣ, Александръ, говорилъ бы то же, что ты; я, какъ ты, говорю только для примѣра, что у тебя есть какое нибудь мѣсто въ этомъ вопросѣ; я знаю, что онъ никого изъ насъ не касается, мы говоримъ только, какъ ученые, о любопытныхъ сторонахъ общихъ научныхъ воззрѣній, кажущихся намъ справедливыми; по этимъ воззрѣніямъ, каждый судитъ о всякомъ дѣлѣ съ своей точки зрѣнія, опредѣляющейся его личными отношеніями къ дѣлу, я только въ этомъ смыслѣ и говорю, что на твоемъ мѣстѣ сталъ бы говорить точно такъ же, какъ ты. Ты на моемъ мѣстѣ говорилъ бы точно такъ же, какъ я. Съ общей научной точки зрѣнія вѣдь это безспорная истина. А на мѣстѣ В есть В; если бы оно на мѣстѣ В не было В, то оно еще не было бы на мѣстѣ В, ему еще не доставало бы чего нибудь, чтобы быть на мѣстѣ В, — такъ вѣдь? Слѣдовательно, тебѣ противъ этого возразить нечего, какъ мнѣ нечего возразить противъ твоихъ словъ. Но я, по твоему примѣру, построю свою гипотезу, тоже отвлеченную, не имѣющую никакого примѣненія ни къ кому. Прежде положимъ, что существуютъ три человѣка,—предположеніе, не заключающее въ себѣ ничего невозможнаго,—предположимъ, что у одного изъ нихъ есть тайна, которую онъ желалъ бы скрыть и отъ втораго, и въ особенности отъ третьяго; предположимъ, что второй угадываетъ эту тайну перваго, и говоритъ ему: дѣлай то, о чемъ я прошу тебя, или я открою твою тайну третьему. Какъ ты думаешь объ этомъ случаѣ?

Кирсановъ нѣсколько поблѣднѣлъ и долго крутилъ усы. — Дмитрій, ты поступаешь со мною дурно, произнесъ онъ наконецъ.

— А очень мнѣ нужно съ тобою-то поступать хорошо, — ты для меня интересенъ, что ли? И притомъ, я не понимаю, о чемъ ты говоришь. Мы говорили съ тобою, какъ ученый съ ученымъ, предлагали другъ другу разныя ученыя, отвлеченныя задачи;

мнѣ наконецъ удалось предложить тебѣ такую, надъ которою ты задумался, и мое ученое самолюбіе удовлетворено. Потому я прекращаю этотъ теоретическій разговоръ. У меня много работы, не меньше, чѣмъ у тебя; и такъ, до свиданія. Кстати, чуть не забылъ: такъ ты, Александръ, исполнишь мою просьбу бывать у насъ, твоихъ добрыхъ пріятелей, которые всегда рады тебя видѣть, бывать такъ же часто, какъ въ прошлые мѣсяцы? Допуховъ всталъ.

Кирсановъ сидѣлъ, разсматривая свои пальцы, будто каждый изъ нихъ — отвлеченная гипотеза. — Ты дурно поступаешь со мною, Дмитрій. Я не могу не исполнить твоей просьбы. Но въ свою очередь, я налагаю на тебя одно условіе. Я буду бывать у васъ; но если я отправлюсь изъ твоего дома не одинъ, ты обязанъ сопровождать меня повсюду, и чтобъ я не имѣлъ надобности звать тебя,—слышишь?—самъ ты, безъ моего зова. Безъ тебя я никуда ни шагу, ни въ оперу, ни къ кому изъ знакомыхъ, никуда.

— Не обидно ли мнѣ это условіе, Александръ? Что ты, по моему мнѣнію, воръ, что ли?

— Не въ томъ смыслѣ я говорилъ. Я такой обиды не нанесу тебѣ, чтобъ думать, что ты можешь почесть меня за вора. Свою голову я отдалъ бы въ твои руки безъ раздумья. Надѣюсь, имѣю право ждать этого и отъ тебя. Но о чемъ я думаю, то мнѣ знать. А ты дѣлай, и только.

— Теперь знаю и я. Да, ты много сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ. Теперь хочешь еще заботливѣе хлопотать объ этомъ. Что жъ, въ этомъ случаѣ, ты правъ. Да, меня надобно принуждать. Но, какъ я ни благодаренъ тебѣ, мой другъ, изъ этого ничего не выйдетъ. Я самъ пробовалъ принуждать себя. У меня тоже есть воля, какъ и у тебя, не хуже твоего маневрировалъ. Но то, что дѣлается по разсчету, по чувству долга, по усилію воли, а не по влеченію натуры, выходитъ безжизненно. Только убивать что нибудь можно этимъ средствомъ, какъ ты и дѣлалъ надъ собою, а дѣлать живое — нельзя. Допуховъ расчувствовался отъ словъ Кирсанова: «но о чемъ я думаю, то мнѣ знать».—Благодарю тебя, мой другъ. А что, мы съ тобою никогда не цаловались, можетъ быть, теперь и есть у тебя охота?

Если бы Лопуховъ разсмотрѣлъ свои дѣйствія въ этомъ разговорѣ, какъ теоретикъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ бы: «А какъ, однако же, вѣрна теорія: эгоизмъ играетъ человѣкомъ.

Вѣдь самое-то главное и утаилъ, «предположимъ, что этотъ человѣкъ доволенъ своимъ положеніемъ»; вотъ тутъ-то вѣдь и надобно было бы сказать: «Александръ, предположеніе твое невѣрно», а я промолчалъ, потому что мнѣ невыгодно сказать это. Пріятно человѣку, какъ теоретику, наблюдать, какія штуки выкидываетъ его эгоизмъ на практикѣ. Отступаешься отъ дѣла потому, что дѣло пропащее для тебя, а эгоизмъ повертываетъ твои жесты такъ, что ты корчишь человѣка, совершающаго благородный подвигъ».

Если бы Кирсановъ разсмотрѣлъ свои дѣйствія въ этомъ разговорѣ какъ теоретикъ, онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ бы: «А какъ, однако же, вѣрна теорія; самому хочется сохранить свое спокойствіе, возлежать на лаврахъ, а толкую о томъ, что, дескать, ты не имѣешь права рисковать спокойствіемъ женщины; а это (ты понимай ужь самъ) обозначаетъ, что, дескать, я дѣйствительно совершалъ надъ собою подвиги благородства, къ собственному сокрушенію, для спокойствія нѣкотораго лица и для твоего, мой другъ; а потому и преклонись передъ величіемъ души моей. Пріятно человѣку, какъ теоретику, наблюдать, какія штуки выкидываетъ его эгоизмъ на практикѣ. Отступался отъ дѣла, чтобы не быть дуракомъ и подлецомъ, и возликовалъ отъ этого, будто совершилъ геройскій подвигъ великодушнаго благородства; не поддаешься съ перваго слова зову, чтобы онять не хлопотать надъ собою и чтобы не лишиться этого сладкаго ликованія своимъ благородствомъ, а эгоизмъ повертываетъ твои жесты такъ, что ты корчишь человѣка, упорствующаго въ благородномъ подвижничествѣ».

Но ни Лопухову, ни Кирсанову недосугъ было стать теоретиками и дѣлать эти пріятныя наблюденія: практика-то приходилась для обоихъ довольно тяжеловатая.

XXII.

Возобновленіе частыхъ посѣщеній Кирсанова объяснялось очень натурально: мѣсяцевъ пять, онъ былъ отвлеченъ отъ занятій и запустилъ много работы,—потому мѣсяца полтора приходилось ему сидѣть надъ нею, не разгибая спины. Теперь онъ справился съ запущенною работою и можетъ свободнѣе распо-

лагать своимъ временемъ. Это было такъ ясно, что почти не приходилось и объяснять.

Оно, дѣйствительно, было ясно и прекрасно, и не возбудило никакихъ мыслей въ Вѣрѣ Павловнѣ. И съ другой стороны, Кирсановъ выдерживалъ свою роль съ прежнею безукоризненною артистичностію. Онъ боялся, что когда придетъ къ Лопуховымъ послѣ ученаго разговора съ своимъ другомъ, то нѣсколько опростоволосится: или покраснѣетъ отъ волненія, когда въ первый разъ взглянетъ на Вѣру Павловну, или слишкомъ замѣтно будетъ избѣгать смотрѣть на нее, или что нибудь такое; нѣтъ, онъ остался, и имѣлъ полное право остаться доволенъ собою за минуту встрѣчи съ ней: пріятная дружеская улыбка человѣка, который радъ, что возвращается къ старымъ пріятелямъ, отъ которыхъ долженъ былъ оторваться на нѣсколько времени, спокойный взглядъ, бойкій и беззаботный разговоръ человѣка, не имѣющаго на душѣ никакихъ мыслей, кромѣ тѣхъ, которыя безпечно говоритъ онъ,—если бы вы были самая злая сплетница и смотрѣли на него съ величайшимъ желаніемъ найти что нибудь не такъ, вы все-таки не увидѣли бы въ немъ ничего другаго, кромѣ какъ человѣка, который очень радъ, что можетъ, отъ нечего дѣлать, пріятно убить вечеръ въ обществѣ хорошихъ знакомыхъ.

А если первая минута была такъ хорошо выдержана, то что значило выдерживать себя хорошо въ остальной вечеръ? А если первый вечеръ онъ умѣлъ выдержать, то трудно ли было выдерживать себя во всѣ слѣдующіе вечера? Ни одного слова, которое не было бы совершенно свободно и беззаботно, ни одного взгляда, который не былъ бы хорошъ и простъ, прямъ и дружественъ, и только.

Но если онъ держалъ себя не хуже прежняго, то глаза, которые смотрѣли на него, были расположены замѣчать многое, чего и не могли бы видѣть никакіе другіе глаза, — да, никакіе другіе не могли бы замѣтить: самъ Лопуховъ, котораго Марья Алексѣвна признала рожденнымъ идти по откупной части, удивлялся непринужденности, которая ни на одинъ мигъ не измѣнила Кирсанову, и получалъ, какъ теоретикъ, большое удовольствіе отъ наблюденій, противъ воли заинтересовавшихъ его психологическою замѣчательностью этого явленія съ научной точки зрѣнія. Но гостья не даромъ пѣла и заставляла читать дневникъ. Слишкомъ зорки становятся глаза, когда гостья шепчетъ на ухо.

Даже и эти глаза не могли увидѣть ничего, но гостья шепта-

ла: нельзя ли увидѣть тутъ вотъ это, хотя тутъ это, и вовсе нѣтъ, какъ я сама вижу, а все-таки попробуемъ посмотрѣть; и глаза всматривались, и хоть ничего не видѣли, но и того, что всматривались глаза, уже было довольно, чтобы глаза замѣтили: тутъ что-то не такъ.

Вотъ, напримѣръ, Вѣра Павловна съ мужемъ и съ Кирсановымъ отправляются на маленькій очередной вечеръ къ Мерцаловымъ. Отчего Кирсановъ не вальсируетъ на этой безцеремонной вечеринкѣ, на которой самъ Лопуховъ вальсируетъ, потому что здѣсь общее правило: если ты семидесятилѣтній старикъ, но попался сюда, изволь дурачиться вмѣстѣ съ другими; вѣдь здѣсь никто ни на кого не смотритъ, у каждаго одна мысль — побольше шуму, побольше движенья, то есть побольше веселья каждому и всѣмъ,—отчего же Кирсановъ не вальсируетъ? Онъ началъ вальсировать; но отчего онъ нѣсколько минутъ не начиналъ? Неужели стоило нѣсколько минутъ думать о томъ, начинать или не начинать такое важное дѣло? Если бы онъ не сталъ вальсировать, дѣло было бы на половину открыто тутъ же. Если бы онъ сталъ вальсировать, и не вальсировалъ бы съ Вѣрою Павловною, дѣло вполнѣ раскрылось бы тутъ же. Но онъ былъ слишкомъ ловкій артистъ въ своей роли, ему не хотѣлось вальсировать съ Вѣрою Павловною, но онъ тотчасъ же понялъ, что это было бы замѣчено, потому отъ недолгаго колебанья, не имѣвшаго никакого видимаго отношенія ни къ Вѣрѣ Павловнѣ, ни къ кому на свѣтѣ, остался въ ея памяти только маленькій, самый легкій вопросъ, который самъ по себѣ остался бы незамѣтенъ даже для нея, не смотря на шопотъ гостьи-пѣвицы, если бы та же гостья не нашептывала безчисленное множество такихъ же самыхъ маленькихъ, самыхъ ничтожныхъ вопросовъ.

Почему, напримѣръ, когда они, возвращаясь отъ Мерцаловыхъ, условливались на другой день ѣхать въ оперу на «Пуританъ», и когда Вѣра Павловна сказала мужу: «Миленькій мой, ты не любишь этой оперы, ты будешь скучать, я поѣду съ Александромъ Матвѣичемъ; вѣдь ему всякая опера наслажденье: кажется, если бы я или ты написали оперу, онъ и ту сталъ бы слушать», почему Кирсановъ не поддержалъ мнѣнія Вѣры Павловны, не сказалъ, что «въ самомъ дѣлѣ, Дмитрій, я не возьму тебѣ билета», почему это? То, что «миленькій» все-таки ѣдетъ, это, конечно, не возбуждаетъ вопроса: вѣдь онъ повсюду провожаетъ жену съ той поры, какъ она разъ его попросила: «отда-

вай мнѣ больше времени», съ той поры никогда не забывалъ этого, стало быть, ничего, что онъ ѣдетъ, это значитъ все только одно и то же, что онъ добрый, и что его надобно любить, все такъ, но вѣдь Кирсановъ не знаетъ этой причины, почему жъ онъ не поддержалъ мнѣнія Вѣры Павловны? конечно, это пустяки, почти не замѣченные, и Вѣра Павловна почти не помнитъ ихъ, но эти незамѣтныя песчинки все падаютъ и падаютъ на чашку вѣсовъ, хоть и были незамѣтны. А напримѣръ, такой разговоръ уже не песчинка, а крупное зерно:

На другой день, когда ѣхали въ оперу въ извозчичьей каретѣ (это вѣдь дешевле, чѣмъ два извозчика), между другимъ разговоромъ сказали нѣсколько словъ и о Мерцаловыхъ, у которыхъ были наканунѣ, похвалили ихъ согласную жизнь, замѣтили, что это рѣдкость; это говорили всѣ, въ томъ числѣ, Кирсановъ сказалъ: «да, въ Мерцаловѣ очень хорошо и то, что жена можетъ свободно раскрывать ему свою душу», только и сказалъ Кирсановъ, и каждый изъ нихъ троихъ думалъ сказать то же самое, но случилось сказать Кирсанову; однако, зачѣмъ онъ сказалъ это? Что это такое значитъ? Вѣдь если понять это съ извѣстной стороны, это будетъ что такое? Это будетъ похвала Лопухову, это будетъ прославленіе счастья Вѣры Павловны съ Лопуховымъ; конечно, это можно было сказать не думая ровно ни о комъ, кромѣ Мерцаловыхъ, а если предположить, что онъ думалъ и о Мерцаловыхъ, и вмѣстѣ о Лопуховыхъ, тогда это, значитъ, сказано прямо для Вѣры Павловны, съ какою же цѣлью это сказано?

Это всегда такъ бываетъ: если явилось въ человѣкѣ настроеніе искать чего нибудь, онъ во всемъ находитъ то, чего ищетъ; пусть не будетъ никакого слѣда, а онъ такъ вотъ и видитъ ясный слѣдъ; пусть не будетъ и тѣни, а онъ все-таки видитъ не только тѣнь того, что ему нужно, но и все, что ему нужно, видитъ въ самыхъ несомнѣнныхъ чертахъ, и эти черты съ каждымъ новымъ взглядомъ, съ каждою новою мыслью его дѣлаются все яснѣе.

А тутъ, кромѣ того, дѣйствительно былъ очень осязательный фактъ, который таилъ въ себѣ очень полную разгадку дѣла: ясно, что Кирсановъ уважаетъ Лопуховыхъ; зачѣмъ же онъ слишкомъ на два года расходился съ ними? Ясно, что онъ человѣкъ вполнѣ порядочный; какимъ же образомъ произошло тогда, что онъ выставился человѣкомъ пошлымъ? Пока Вѣрѣ Павловнѣ не

было надобности думать объ этомъ, она и не думала, какъ не думалъ Лопуховъ; а теперь ее влекло думать.

XXIII.

Медленно, незамѣтно для нея самой зрѣло въ ней это открытіе. Все накоплялись мелкія, почти забывающіяся впечатлѣнія словъ и поступковъ Кирсанова, на которыя никто другой не обратилъ бы вниманія, которыя ею самою почти не были видимы, а только предполагались, подозрѣвались; медленно росла занимательность вопроса: почему онъ почти три года избѣгалъ ея? медленно укрѣплялась мысль: такой человѣкъ не могъ удалиться изъ-за мелочнаго самолюбія, котораго въ немъ рѣшительно нѣтъ; и за всѣмъ этимъ, неизвѣстно къ чему думающимся, еще смутнѣе и медленнѣе поднималась изъ нѣмой глубины жизни въ сознаніе мысль: почему жь я о немъ думаю? Что онъ такое для меня?

И вотъ, однажды послѣ обѣда, Вѣра Павловна сидѣла въ своей комнатѣ, шила и думала, и думала очень спокойно, и думала вовсе не о томъ, а такъ, объ разной разности и по хозяйству, и по мастерской, и по своимъ урокамъ, и постепенно, постепенно мысли склонялись къ тому, о чемъ, неизвѣстно почему, все чаще и чаще ей думалось; явились, воспоминанія, вопросы мелкіе, немногіе, росли, умножались, и вотъ они тысячами роятся въ ея мысляхъ, и все ростутъ, ростутъ, и все сливаются въ одинъ вопросъ, форма котораго все проясняется: что жь это такое со мною? о чемъ я думаю, что я чувствую? и пальцы Вѣры Павловны забываютъ шить, и шитье опустилось изъ опустившихся рукъ, и Вѣра Павловна немного поблѣднѣла, вспыхнула, поблѣднѣла больше, огонь коснулся ея запылавшихъ щекъ,—мигъ, и онѣ побѣлѣли, какъ снѣгъ, она съ блуждающими глазами уже бѣжала въ комнату мужа, бросилась на колѣни къ нему, судорожно обняла его, положила голову къ нему на плечо, чтобы поддержало оно ея голову, чтобы скрыло оно лицо ея, задыхающимся голосомъ проговорила: «Милый мой, я люблю его», и зарыдала.

— Что жь такое, моя милая? Чѣмъ же тутъ огорчаться тебѣ?

— Я не хочу обижать тебя, мой милый, я хочу любить тебя.

— Постарайся, посмотри. Если можешь, прекрасно. Успокой-

ся, дай идти времени и увидишь, что можешь и чего не можешь. Вѣдь ты ко мнѣ очень сильно расположена, какъ же ты можешь обидѣть меня? Онъ гладилъ ея волоса, цаловалъ ея голову, пожималъ ея руку. Она долго не могла остановиться отъ судорожныхъ рыданій, но постепенно успокоивалась. А онъ уже давно былъ приготовленъ къ этому признанію, потому и принялъ его хладнокровно, а впрочемъ, вѣдь ей не видно было его лица.

— Я не хочу съ нимъ видѣться, я скажу ему, чтобы онъ переставалъ бывать у насъ, говорила Вѣра Павловна.

— Какъ сама разсудишь, мой другъ, какъ лучше для тебя, такъ и сдѣлаешь. А когда ты успокоишься, мы посовѣтуемся. Вѣдь мы съ тобою, что бы ни случилось, не можемъ не быть друзьями? Дай руку, пожми мою, видишь, какъ хорошо жмешь. Каждое изъ этихъ словъ говорилось послѣ долгаго промежутка, а промежутки были наполнены тѣмъ, что онъ гладилъ ея волоса, ласкалъ ее, какъ братъ огорченную сестру.—Помнишь, мой другъ, что ты мнѣ сказала, когда мы стали женихъ и невѣста? «ты выпускаешь меня на волю!» Опять молчанье и ласки.—Помнишь, какъ мы съ тобою говорили въ первый разъ, что значитъ любить человѣка? Это значитъ радоваться тому, что хорошо для него, имѣть удовольствіе въ томъ, чтобы дѣлать все, что нужно, чтобы ему было лучше, такъ? Опять молчаніе и ласки. — Что тебѣ лучше, то и меня радуетъ. Но ты посмотришь, какъ тебѣ лучше. Зачѣмъ же огорчаться? Если съ тобою нѣтъ бѣды, какая бѣда можетъ быть со мною?

Въ этихъ отрывочныхъ словахъ, повторявшихся по многу разъ съ обыкновенными легкими варіаціями повтореній, прошло много времени, одинаково тяжелаго и для Лопухова и для Вѣры Павловны. Но, постепенно успокоиваясь, Вѣра Павловна стала наконецъ дышать легче. Она обнимала мужа крѣпко, крѣпко, и твердила: «Я хочу любить тебя, мой милый, тебя одного, не хочу любить никого, кромѣ тебя».

Онъ не говорилъ ей, что это ужь не въ ея власти: надобно было дать пройти времени; чтобы силы ея возстановились успокоеніемъ на одной какой нибудь мысли,—какой, все равно. Лопуховъ успѣлъ написать и отдать Машѣ записку къ Кирсанову, на случай, если онъ пріѣдетъ. «Александръ, не входи теперь, и не пріѣзжай до времени, особеннаго ничего нѣтъ, и не будетъ, только надобно отдохнуть». Надобно отдохнуть, и нѣтъ ничего особеннаго, — хорошо сочетаніе словъ. Кирсановъ былъ, про-

читалъ записку, сказалъ Машѣ, что онъ за нею только и заѣзжалъ, а что теперь войти ему некогда, ему нужно въ другое мѣсто, а заѣдетъ онъ на возвратномъ пути, когда исполнитъ порученіе по этой запискѣ.

Вечеръ прошелъ спокойно, по видимому. Половину времени Вѣра Павловна тихо сидѣла въ своей комнатѣ одна, отсылая мужа, половину времени онъ сидѣлъ подлѣ нея и успокоивалъ ее все тѣми же немногими словами, конечно, больше не словами, а тѣмъ, что голосъ его былъ ровенъ и спокоенъ, разумѣется, не Богъ знаетъ какъ веселъ, но и не грустенъ, развѣ нѣсколько выражалъ задумчивость, и лицо также. Вѣра Павловна, слушая такіе звуки, смотря на такое лицо, стала думать, не вовсе, а нѣсколько, нѣтъ, не нѣсколько, а почти вовсе думать, что важнаго ничего нѣтъ, что она приняла за сильную страсть просто мечту, которая разсѣется въ нѣсколько дней, не оставивъ слѣда, или она думала, что нѣтъ, не думаетъ этого, что чувствуетъ, что это не такъ? да, это не такъ, нѣтъ, такъ, такъ, все тверже она думала, что думаетъ это,—да вотъ ужь она и въ самомъ дѣлѣ вовсе думаетъ это, да и какъ не думать, слушая этотъ тихій, ровный голосъ, все говорящій, что нѣтъ ничего важнаго? Спокойно она заснула подъ этотъ голосъ, спала крѣпко, и не видала гостьи, и проснулась поздно, и проснувшись чувствовала въ себѣ бодрость.

XXIV.

«Лучшее развлеченіе отъ мыслей—работа, думала Вѣра Павловна, и думала совершенно справедливо: — буду проводить цѣлый день въ мастерской, пока вылечусь. Это мнѣ поможетъ».

Она стала проводить цѣлый день въ мастерской. Въ первый день дѣйствительно довольно развлеклась отъ мыслей; во второй только устала, но ужь мало отвлеклась отъ нихъ, въ третій и вовсе не отвлеклась. Такъ прошло съ недѣлю.

Борьба была тяжела. Цвѣтъ лица Вѣры Павловны сталъ блѣденъ. Но по наружности, она была совершенно спокойна, старалась даже казаться веселою, и это даже удавалось ей почти безъ перерывовъ. Но если никто не замѣчалъ ничего, а блѣдность приписывали какому нибудь легкому нездоровью, то вѣдь

не Лопухову же было это думать и не видѣть, да вѣдь онъ и такъ зналъ, ему и смотрѣть-то было нечего.

— Вѣрочка, началъ онъ черезъ недѣлю: — мы съ тобою живемъ, исполняя старое повѣрье, что сапожникъ всегда безъ сапогъ, платье на портномъ сидитъ дурно. Мы учимъ другихъ жить по нашимъ экономическимъ принципамъ, а сами не думаемъ устроить по нимъ свою жизнь. Вѣдь одно большое хозяйство выгоднѣе нѣсколькихъ мелкихъ? Я желалъ бы примѣнить это правило къ нашему хозяйству. Если бы мы стали жить съ кѣмъ нибудь, мы и тѣ, кто сталъ бы съ нами жить, стали бы сберегать почти половину своихъ расходовъ. Я бы могъ вовсе бросить эти проклятые уроки, которые противны мнѣ, — было бы довольно одного жалованья отъ завода, и отдохнулъ бы, и занялся бы ученою работою, возстановилъ бы свою карьеру. Надобно только сходиться съ такими людьми, съ которыми можно ужиться. Какъ ты думаешь объ этомъ?

Вѣра Павловна ужъ давно смотрѣла на мужа тѣми же самыми глазами, недоврительными, разгарающимися отъ гнѣва, какими смотрѣлъ на него Кирсановъ въ день теоретическаго разговора. Когда онъ кончилъ, ея лицо пылало.

— Я прошу тебя прекратить этотъ разговоръ. Онъ неумѣстенъ.

— Почему же, Вѣрочка? Я говорю только о денежныхъ выгодахъ. Люди небогатые, какъ мы съ тобою, не могутъ пренебрегать ими. Моя работа тяжела, часть ея отвратительна для меня.

— Со мною нельзя такъ говорить. Вѣра Павловна встала: —я не позволю говорить съ собою темными словами. Осмѣлься сказать, что ты хотѣлъ сказать!

— Я хотѣлъ только сказать, Вѣрочка, что принимая въ соображеніе наши выгоды, намъ было бы хорошо...

— Опять! Молчи! Кто далъ тебѣ право опекунствовать надо мною? Я возненавижу тебя!—Она быстро ушла въ свою комнату и заперлась.

Это была первая и послѣдняя ихъ ссора.

До поздняго вечера Вѣра Павловна просидѣла запершись. Потомъ пошла въ комнату мужа.

— Мой милый, я сказала тебѣ слишкомъ суровыя слова. Но не сердись на нихъ. Ты видишь, я борюсь. Вмѣсто того, чтобы

поддержать меня, ты началъ помогать тому, противъ чего я борюсь, надѣясь, — да, надѣясь устоять.

— Прости меня, мой другъ, за то, что я началъ такъ грубо. Но вѣдь мы помирились? поговоримъ.

— О, да; помирились, мой милый. Только не дѣйствуй противъ меня. Мнѣ и противъ себя трудно бороться.

— И напрасно, Вѣрочка. Ты дала себѣ время разсмотрѣть свое чувство, ты видишь, что оно серьёзнѣе, чѣмъ ты хотѣла думать въ началѣ. Зачѣмъ мучить себя?

— Нѣтъ, мой милый, я хочу любить тебя, и не хочу, не хочу обижать тебя.

— Другъ мой, ты хочешь добра мнѣ. Что жь, ты думаешь, мнѣ пріятно или нужно, чтобы ты продолжала мучить себя?

— Мой милый, но вѣдь ты такъ любишь меня!

— Конечно, Вѣрочка, очень; объ этомъ что говорить. Но вѣдь мы съ тобою понимаемъ, что такое любовь. Развѣ не въ томъ она, что радуешься радости, страдаешь отъ страданья того, кого любишь? Муча себя, ты будешь мучить меня.

— Такъ, мой милый; но вѣдь ты будешь страдать, если я уступлю этому чувству, которое — ахъ, я не понимаю, зачѣмъ оно родилось во мнѣ! я проклинаю его!

— Какъ оно родилось, зачѣмъ оно родилось,—это все равно, этого уже нельзя перемѣнить. Теперь остается только одинъ выборъ: или, чтобы ты страдала, и я страдалъ черезъ это; или, чтобы ты перестала страдать, и я также.

— Но, мой милый, я не буду страдать, — это пройдетъ. Ты увидишь, это пройдетъ.

— Благодарю тебя за твои усилія. Я цѣню ихъ, потому что они показываютъ въ тебѣ волю исполнять то, что тебѣ кажется нужно. Но знай, Вѣрочка: они нужны кажутся только для тебя, не для меня. Я смотрю со стороны, мнѣ яснѣе, чѣмъ тебѣ, твое положеніе. Я знаю, что это будетъ безполезно. Борись, пока достаетъ силы. Но обо мнѣ не думай, что ты обидишь меня. Вѣдь ты знаешь, какъ я смотрю на это; знаешь, что мое мнѣніе на это и непоколебимо во мнѣ, и справедливо на самомъ дѣлѣ—вѣдь ты все это знаешь. Развѣ ты обманешь меня? развѣ ты перестанешь уважать меня? Можно сказать больше: развѣ твое расположеніе ко мнѣ, измѣнивши характеръ, ослабѣетъ? Не напротивъ ли, — не усилится ли оно отъ того, что ты не нашла во мнѣ врага? Не жалѣй меня: моя судьба нисколько не будетъ жалка отъ того, что

ты не лишишься черезъ меня счастья. Но довольно. Объ этомъ тяжело много говорить, а тебѣ слушать еще тяжеле. Только помни, Вѣрочка, что я теперь говорилъ. Прости, Вѣрочка. Иди къ себѣ думать, а лучше почивать. Не думай обо мнѣ, а думай о себѣ. Только думая о себѣ, ты можешь не дѣлать и мнѣ напраснаго горя.

XXV.

Черезъ двѣ недѣли, когда Лопуховъ сидѣлъ въ своей заводской конторѣ, Вѣра Павловна провела все утро въ чрезвычайномъ волненіи. Она бросалась въ постель, закрывала лицо руками, и черезъ четверть часа вскакивала, ходила по комнатѣ, падала въ кресла, и опять начинала ходить неровными, порывистыми шагами, и опять бросалась въ постель, и опять ходила, и нѣсколько разъ подходила къ письменному столу и стояла у него, и отбѣгала, и наконецъ сѣла, написала нѣсколько словъ, запечатала, и черезъ полчаса схватила письмо, изорвала, сожгла, опять долго металась, опять написала письмо, опять изорвала, сожгла, и опять металась, опять написала, и торопливо, едва запечатавъ, не давая себѣ времени надписать адреса, быстро, быстро побѣжала съ нимъ въ комнату мужа, бросила его на столъ, и бросилась въ свою комнату, упала въ кресла, сидѣла неподвижно, закрывъ лицо руками; полчаса, можетъ быть часъ, и вотъ звонокъ — это онъ, она побѣжала въ кабинетъ схватить письмо, изорвать, сжечь — гдѣ жь оно? его нѣтъ; гдѣ жь оно? она торопливо перебирала бумаги: гдѣ жь оно? Но Маша ужь отворяетъ дверь, и Лопуховъ видѣлъ отъ порога, какъ Вѣра Павловна промелькнула изъ его кабинета въ свою комнату, разстроенная, блѣдная.

Онъ не пошелъ за ней, а прямо въ кабинетъ; холодно, медленно осмотрѣлъ столъ, мѣсто подлѣ стола; да, ужь онъ нѣсколько дней ждалъ чего нибудь подобнаго, разговора, или письма, ну, вотъ оно, письмо, безъ адреса, но ея печать; ну, конечно, вѣдь она или искала его, чтобъ уничтожить, или только что бросила, нѣтъ, искала: бумаги въ безпорядкѣ, но гдѣ жь ей было найти его, когда она, еще бросая его, была въ такой судорожной тревогѣ, что оно, порывисто брошенное, какъ уголь, жегшій руку, проскользнуло черезъ весь столъ и упало на окно за столомъ. Читать почти нѣтъ надобности: содержаніе извѣстно; однако, все нельзя не прочитать.

«Мой милый, никогда не была я такъ сильно привязана къ тебѣ, какъ теперь. Если бъ я могла умереть за тебя! О, какъ бы я была рада умереть, если бы ты отъ этого сталъ счастливѣе! Но я не могу жить безъ него. Я обижаю тебя, мой милый, я убиваю тебя, мой другъ, я не хочу этого. Я дѣлаю противъ своей воли. Прости меня, прости меня.»

Съ четверть часа, а можетъ быть, и побольше, Лопуховъ стоялъ передъ столомъ, разсматривая, тамъ, внизу, ручку креселъ. Оно хоть ударъ былъ и предвидѣнный, а все-таки больно; хоть и обдумано, и рѣшено впередъ все, что и какъ надобно сдѣлать послѣ такого письма или восклицанія, а все-таки не вдругъ соберешься съ мыслями. Но собрался же наконецъ. Пошелъ въ кухню объясниться съ Машею:

— Маша, вы пожалуйста погодите подавать на столъ, пока я опять скажу. Мнѣ что-то нездоровится, надобно принять лекарство передъ обѣдомъ. А вы не ждите, обѣдайте себѣ, да не торопясь: успѣете, пока мнѣ будетъ можно. Я тогда скажу.

Изъ кухни онъ пошелъ къ женѣ. Она лежала, спрятавши лицо въ подушки, при его входѣ встрепенулась: — ты нашелъ его, прочиталъ его! Боже мой, какая я сумасшедшая! это неправда, что я написала, это горячка!

— Конечно, мой другъ, этихъ словъ не надобно принимать серьёзно, потому что ты была слишкомъ взволнована. Эти вещи такъ не рѣшаются. Мы съ тобой успѣемъ много разъ подумать и поговорить объ этомъ спокойно, какъ о дѣлѣ важномъ для насъ. А я, мой другъ, хочу покуда разсказать тебѣ о своихъ дѣлахъ. Я успѣлъ сдѣлать въ нихъ довольно много перемѣнъ, — всѣ, какія было нужно, и очень доволенъ. Да ты слушаешь? Разумѣется, она и сама не знала, слушаетъ она, или не слушаетъ: она могла бы только сказать, что какъ бы тамъ ни было, слушаетъ или не слушаетъ, но что-то слышитъ, только не до того ей, чтобы понимать, что это ей слышно; однако же, все-таки слышно, и все-таки разслушивается, что дѣло идетъ о чемъ-то другомъ, не имѣющемъ никакой связи съ письмомъ, и постепенно она стала слушать, потому что тянетъ къ этому: нервы хотятъ заняться чѣмъ нибудь, не письмомъ, и хоть долго ничего не могла понять, но все-таки успокоивалась холоднымъ и довольнымъ тономъ голоса мужа; а потомъ стала даже и понимать. — Да ты слушай, потому что для меня это важныя вещи. Безостановочно продолжаетъ мужъ послѣ вопроса «слушаешь

ли», — да, очень пріятныя для меня перемѣны, и онъ довольно подробно разсказываетъ; да вѣдь она три четверти этого знаетъ, нѣтъ, и все знаетъ, но все равно: пусть онъ разсказываетъ, какой онъ добрый! и онъ все разсказываетъ: что уроки ему давно надоѣли, и почему въ какомъ семействѣ или съ какими учениками надоѣли, и какъ занятіе въ заводской конторѣ ему не надоѣло, потому что оно важно, даетъ вліяніе на народъ цѣлаго завода, и какъ онъ кое-что успѣваетъ тамъ дѣлать: развелъ охотниковъ учить грамотѣ, выучилъ ихъ, какъ учить грамотѣ, вытянулъ отъ фирмы плату этимъ учителямъ, доказавши, что работники отъ этого будутъ меньше портить машины и работу, потому что отъ этого пойдетъ уменьшеніе прогуловъ и пьяныхъ глазъ, плату самую пустую, конечно, и какъ онъ оттягиваетъ рабочихъ отъ пьянства, и для этого часто бываетъ въ ихъ харчевняхъ, — и мало ли что такое. А главное въ томъ, что онъ порядкомъ установился у фирмы, какъ человѣкъ дѣльный и оборотливый, и постепенно забралъ дѣла въ свои руки, такъ что заключеніе разсказа и главная вкусность въ немъ для Лопухова вышло вотъ что: онъ получаетъ мѣсто помощника управляющаго заводомъ, управляющій будетъ только почетное лицо, изъ товарищей фирмы, съ почетнымъ жалованьемъ, а управлять будетъ онъ; товарищъ фирмы только на этомъ условіи и взялъ мѣсто управляющаго, «я, говоритъ, не могу, куда мнѣ», — «да вы только мѣсто занимайте, чтобы сидѣлъ на немъ честный человѣкъ, а въ дѣло нечего вамъ мѣшаться, я буду дѣлать», — «а если такъ, то можно, возьму мѣсто», но вѣдь и не въ этомъ важность, что власть, а въ томъ, что онъ получаетъ 3,500 руб. жалованья, почти на 1000 руб. больше, чѣмъ прежде получалъ всего, и отъ случайной черной литературной работы, и отъ уроковъ, и отъ прежняго мѣста на заводѣ, стало быть, теперь можно бросить все, кромѣ завода, — и превосходно. И разсказывается это больше полчаса, и при концѣ разсказыванія Вѣра Павловна ужъ можетъ сказать, что дѣйствительно, это хорошо, и ужъ можетъ привести въ порядокъ волосы и идти обѣдать.

А послѣ обѣда, Машѣ дается 80 коп. сер. на извозчика, потому что она отправляется въ цѣлыхъ четыре мѣста, вездѣ показать записку отъ Лопухова, что, дескать, свободенъ я, господа, и радъ васъ видѣть; и черезъ нѣсколько времени является ужасный Рахметовъ, а за нимъ постепенно набирается цѣлая ватага молодежи, и начинается ожесточенная ученая бесѣда съ

неномѣрными изобличеніями каждаго чуть не всѣми остальными во всѣхъ возможныхъ неконсеквентностяхъ, а нѣкоторые изъ-за-ники возвышенному пренію помогаютъ Вѣрѣ Павловнѣ кое-какъ убить вечеръ, и въ половинѣ вечера она догадывается, куда пропадала Маша, какой онъ добрый! Да, въ этотъ разъ Вѣра Павловна была безусловно рада своимъ молодымъ друзьямъ, хоть и не дурачилась съ ними, а сидѣла смирно, и готова была расцаловать даже самого Рахметова.

Гости разошлись въ 3 часа ночи, и прекрасно сдѣлали, что такъ поздно. Вѣра Павловна, утомленная волненіемъ дня, только что улеглась, какъ вошелъ мужъ.

— Разсказывая про заводъ, другъ мой Вѣрочка, я забылъ сказать тебѣ одну вещь о новомъ своемъ мѣстѣ, это впрочемъ неважно, и говорить объ этомъ не стоило, а на случай скажу; но только у меня просьба: мнѣ хочется спать, тебѣ тоже; такъ если чего не договорю о заводѣ, поговоримъ завтра, а теперь скажу въ двухъ словахъ. Видишь, когда я принималъ мѣсто помощника управляющаго, я выговорилъ себѣ вотъ какое условіе: что я могу вступить въ должность когда хочу, хоть черезъ мѣсяцъ, хоть черезъ два. А теперь я хочу воспользоваться этимъ временемъ: пять лѣтъ не видалъ своихъ стариковъ въ Рязани, — съѣзжу къ нимъ. До свиданья, Вѣрочка. Не вставай. Завтра успѣешь. Спи.

XXVI.

Когда Вѣра Павловна на другой день вышла изъ своей комнаты, мужъ и Маша уже набивали вещами два чемодана. И все время, Маша была тутъ безотлучно: Лопуховъ давалъ ей столько вещей завертывать, складывать, перекладывать, что куда управиться Машѣ, «Вѣрочка, помоги намъ и ты». И чай пили тутъ всѣ трое, разбирая и укладывая вещи. Только что начала было опомниваться Вѣра Павловна, а ужь мужъ говоритъ: «половина 11-го; пора ѣхать на желѣзную дорогу».

— Милый мой, я поѣду съ тобою.

— Другъ мой, Вѣрочка, я буду держать два чемодана, негдѣ сѣсть. Ты садись съ Машей.

— Я не то говорю. Въ Рязань.

— А, если такъ, то Маша поѣдетъ съ чемоданами, а мы сядемъ вмѣстѣ.

На улицѣ не слишкомъ расчувствуешься въ разговорѣ. И притомъ, такой стукъ отъ мостовой: Лопуховъ многаго не дослышитъ, на многое отвѣчаетъ такъ, что не разслышишь, а то и вовсе не отвѣчаетъ.

— Я ѣду съ тобою въ Рязань, твердитъ Вѣра Павловна.

— Да вѣдь у тебя не приготовлены вещи, какъ же ты поѣдешь? Собирайся, если хочешь: какъ увидишь, такъ и сдѣлаешь. Только я тебя просилъ бы вотъ о чемъ: подожди моего письма. Оно придетъ завтра же; я напишу и отдамъ его гдѣ нибудь на дорогѣ. Завтра же получишь, подожди, прошу тебя.

Какъ она его обнимаетъ на галлереѣ желѣзной дороги, съ какими слезами цалуетъ, отпуская въ вагонъ. А онъ все толкуетъ про свои заводскія дѣла, какъ они хороши, да о томъ, какъ будутъ радоваться ему его старики, да про то, что все на свѣтѣ вздоръ, кромѣ здоровья, и надобно ей беречь здоровье, и въ самую минуту прощанья, уже черезъ балюстраду, сказалъ:— ты вчера написала, что еще никогда не была такъ привязана ко мнѣ, какъ теперь — это правда, моя милая Вѣрочка. И я привязанъ къ тебѣ не меньше, чѣмъ ты ко мнѣ. А расположеніе къ человѣку—желаніе счастья ему, это мы съ тобою твердо знаемъ. А счастья нѣтъ безъ свободы. Ты не хотѣла бы стѣснять меня— и я тебя тоже. А если бы ты стала стѣсняться мною, ты меня огорчила бы. Такъ ты не дѣлай этого, а пусть будетъ съ тобою, что тебѣ лучше. А тамъ посмотримъ. Когда мнѣ воротиться, ты напиши. До свиданья, мой другъ, — второй звонокъ, слишкомъ пора. До свиданья.

XXVII.

Это было въ концѣ апрѣля. Въ половинѣ іюня, Лопуховъ возвратился; пожилъ недѣли три въ Петербургѣ, потомъ поѣхалъ въ Москву, по заводскимъ дѣламъ, какъ сказалъ. 9-го іюля онъ уѣхалъ, а 11 іюля поутру произошло недоумѣніе въ гостинницѣ у станціи московской желѣзной дороги, по случаю невставанья пріѣзжаго, а часа черезъ два потомъ сцена на Каменно-островской дачѣ. Теперь проницательный читатель уже не промахнется въ отгадкѣ того, ктожь это застрѣлился. «Я ужь давно видѣлъ, что Лопуховъ», говоритъ проницательный читатель въ восторгѣ отъ своей догадливости. Такъ кудажь онъ дѣвался, и какъ фу-

ражка его оказалась прострѣленною по околышу? «Нужды нѣтъ, это все штуки его, а онъ самъ себя ловилъ бредшемъ, шельма», ломитъ себѣ проницательный читатель. Ну, Богъ съ тобою; какъ знаешь, вѣдь тебя ничѣмъ не урезонишь.

XXVIII.

ОСОБЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Часа черезъ три послѣ того, какъ ушелъ Кирсановъ, Вѣра Павловна опомнилась, и одною изъ первыхъ ея мыслей было: нельзя же такъ оставить мастерскую. Да, хоть Вѣра Павловна и любила доказывать, что мастерская идетъ сама собою, но въ сущности вѣдь знала, что только обольщаетъ себя этою мыслью, а на самомъ дѣлѣ мастерской необходима руководительница, иначе все развалится. Впрочемъ, теперь дѣло ужь очень установилось, и можно было имѣть мало хлопотъ по руководству имъ. У Мерцаловой было двое дѣтей; но часъ, полтора въ день, да и то не каждый день, она можетъ удѣлять. Она навѣрное не откажется, вѣдь она и теперь много занимается въ мастерской. Вѣра Павловна начала разбирать свои вещи для продажи, а сама послала Машу, сначала къ Мерцаловой, просить ее пріѣхать, потомъ къ торговкѣ старымъ платьемъ и всякими вещами подъестать, Рахели, одной изъ самыхъ оборотливыхъ еврейкъ, но доброй знакомой Вѣры Павловны, съ которой Рахель была безусловно честна, какъ почти всѣ еврейскіе мелкіе торговцы и торговки со всѣми порядочными людьми. Рахель и Маша должны были заѣхать на городскую квартиру, собрать оставшіяся тамъ платья и вещи, по дорогѣ заѣхать къ мѣховщику, которому отданы были на лѣто шубы Вѣры Павловны, потомъ со всѣмъ этимъ ворохомъ пріѣхать на дачу, чтобы Рахель хорошенько оцѣнила и купила все гуртомъ.

Когда Маша выходила изъ воротъ, ее встрѣтилъ Рахметовъ, уже съ полчаса бродившій около дачи.

— Вы уходите, Маша? Надолго?

— Да, должно быть, ворочусь ужь поздно вечеромъ. Много дѣла.

— Вѣра Павловна остается одна?

— Одна.

— Такъ я зайду, посижу вмѣсто васъ, можетъ быть, случится какая нибудь надобность.

— Пожалуйста; а то я боялась за нее. И я забыла, г. Рахметовъ: позовите кого нибудь изъ сосѣдей, тамъ есть кухарка и нянька, мои пріятельницы, подать обѣдать, вѣдь она еще не обѣдала.

— Ничего; и я не обѣдалъ; пообѣдаемъ одни. Да вы-то обѣдали ли?

— Да, Вѣра Павловна такъ не отпустила.

— Хоть это хорошо. Я думалъ, ужь и это забудутъ изъ-за себя.

Кромѣ Маши и равнявшихся ей или превосходившихъ ее простотою души и платья, всѣ немного побаивались Рахметова: и Лопуховъ, и Кирсановъ, и всѣ не боявшіеся никого и ничего, чувствовали передъ нимъ, по временамъ, нѣкоторую трусоватость. Съ Вѣрою Павловною онъ былъ очень далекъ: она находила его очень скучнымъ, онъ никогда не присоединялся къ ея обществу. Но онъ былъ любимцемъ Маши, хотя меньше всѣхъ другихъ гостей былъ привѣтливъ и разговорчивъ съ нею.

— Я пришелъ безъ зову, Вѣра Павловна, началъ онъ:—но я видѣлъ Александра Матвѣича, и знаю все. Поэтому разсудилъ, что, можетъ быть, пригожусь вамъ для какихъ нибудь услугъ и просижу у васъ вечеръ.

Услуги его могли бы пригодиться, пожалуй, хоть сейчасъ же: помогать Вѣрѣ Павловнѣ въ разборкѣ вещей. Всякій другой на мѣстѣ Рахметова въ одну и ту же секунду и былъ бы приглашенъ, и самъ вызвался бы заняться этимъ. Но онъ не вызвался, и не былъ приглашенъ; Вѣра Павловна только пожала ему руку и съ искреннимъ чувствомъ сказала, что очень благодарна ему за внимательность.

— Я буду сидѣть въ кабинетѣ, отвѣчалъ онъ:—если что понадобится, вы позовете; и если кто придетъ, я отворю дверь, вы не безпокойтесь сама.

Съ этими словами, онъ преспокойно ушелъ въ кабинетъ, вынулъ изъ кармана большой кусокъ ветчины, ломоть чернаго хлѣба,—въ суммѣ, это составляло фунта четыре, усѣлся, съѣлъ все, стараясь хорошо пережевывать, выпилъ полграфина воды, потомъ подошелъ къ полкамъ съ книгами и началъ пересматривать, что выбрать для чтенія: «извѣстно»... «несамобытно»... «несамобытно»... «несамобытно»... «несамобытно»... это «несамо-

бытно» относилось къ такимъ книгамъ, какъ Маколей, Гизо, Тьеръ, Раике, Гервинусъ. «А, вотъ это хорошо, что попалось»; — это сказалъ онъ, прочитавъ на корешкѣ нѣсколько дюжихъ томовъ «Полное собраніе сочиненій Ньютона»; торопливо сталъ онъ перебирать томы, наконецъ нашелъ и то, чего искалъ, и съ любовною улыбкою произнесъ: «вотъ оно, вотъ оно», Observations on the Prophethies of Daniel, and the Apocalypse of St. John, то есть «Замѣчанія о пророчествахъ Даніила и Апокалипсисѣ св. Іоанна». «Да, эта сторона знанія до сихъ поръ оставалась у меня безъ капитальнаго основанія. Ньютонъ писалъ этотъ комментарій въ старости, когда былъ на половину въ здравомъ умѣ, на половину помѣшанъ. Классическій источникъ по вопросу о смѣшеніи безумія съ умомъ. Вѣдь вопросъ всемірно-историческій: это смѣшеніе во всѣхъ безъ исключенія событіяхъ, почти во всѣхъ книгахъ, почти во всѣхъ головахъ. Но здѣсь оно должно быть въ образцовой формѣ: во первыхъ, геніальнѣйшій и нормальнѣйшій умъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ умовъ; во вторыхъ, и приписываемое къ нему безуміе признанное, безспорное безуміе. И такъ, книга капитальная по своей части. Тончайшія черты общаго явленія должны выказываться здѣсь осязательнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; и никто не можетъ подвергнуть сомнѣнію, что это именно черты того явленія, которому принадлежатъ черты смѣшенія безумія съ умомъ. Книга, достойная изученія». Онъ съ усердіемъ наслажденіемъ принялся читать книгу, которую въ послѣдніе сто лѣтъ едва ли кто читалъ, кромѣ корректоровъ ея: читать ее для кого бы то ни было, кромѣ Рахметова, то же самое, что ѣсть песокъ или опилки. Но ему было вкусно.

Такихъ людей, какъ Рахметовъ, мало я встрѣчалъ до сихъ поръ только восемь образцовъ этой породы (въ томъ числѣ двухъ женщинъ); они не имѣли сходства ни въ чемъ, кромѣ одной черты. Между ними были люди мягкіе и люди суровые, люди мрачные и люди веселые, люди хлопотливые и люди флегматическіе, люди сдержанные (одинъ съ суровымъ лицомъ, насѣдливый до наглости; другой съ деревяннымъ лицомъ, молчаливый и равнодушный ко всему; оба они при мнѣ рыдали нѣсколько разъ, какъ истерическія женщины, и не отъ своихъ дѣлъ, а среди разговоровъ о разной разности; наединѣ, я увѣренъ, плакали часто), и люди, ни отъ чего не переставшіе быть спокойными. Сходства не было ни въ чемъ, кромѣ одной черты, но она

одна уже соединяла ихъ въ одну породу и отдѣляла отъ всѣхъ остальныхъ людей. Надъ тѣми изъ нихъ, съ которыми я былъ близокъ, я смѣялся, когда бывалъ съ ними наединѣ; они сердились или не сердились, но тоже смѣялись надъ собою. И дѣйствительно, въ нихъ было много забавнаго, все главное въ нихъ и было забавно, все то, почему они были людьми особой породы. Я люблю смѣяться надъ такими людьми.

Тотъ изъ нихъ, котораго я встрѣтилъ въ кругу Лопухова и Кирсанова и о которомъ разскажу здѣсь, служитъ живымъ доказательствомъ, что нужна оговорка къ разсужденіямъ Лопухова и Алексѣя Петровича о свойствахъ почвы, во второмъ снѣ Вѣры Павловны, оговорка нужна та, что какова бы ни была почва, а все-таки въ ней могутъ попадаться хоть крошечные клочечки, на которыхъ могутъ вырастать здоровыя колосья. Генеалогія главныхъ лицъ моего разсказа: Вѣры Павловны, Кирсанова и Лопухова, не восходитъ, по правдѣ говоря, дальше дѣдушекъ съ бабушками, и развѣ съ большими натяжками можно приставить сверху еще какую нибудь прабабушку (прадѣдушка уже неизбѣжно покрытъ мракомъ забвенія, извѣстно только, что онъ былъ мужъ прабабушки, и что его звали Кирилломъ, потому что дѣдушка былъ Герасимъ Кирилычъ). Рахметовъ былъ изъ фамиліи, извѣстной съ XIII вѣка, то есть одной изъ древнѣйшихъ не только у насъ, а и въ цѣлой Европѣ. Въ числѣ татарскихъ темниковъ, корпусныхъ начальниковъ, перерѣзанныхъ въ Твери вмѣстѣ съ ихъ войскомъ, по словамъ лѣтописей, будто бы за намѣреніе обратить народъ въ магометанство (намѣреніе, котораго они навѣрное и не имѣли), а по самому дѣлу, просто за угнетеніе, находился Рахметъ. Маленькій сынъ этого Рахмета отъ жены русской, племянницы тверскаго дворскаго, то есть оберъ-гофмаршала и фельдмаршала, насильно взятой Рахметомъ, былъ воспитанъ, для матери, и перекрещенъ изъ Латыфа въ Михаила. Отъ этого Латыфа-Михаила Рахметовича пошли Рахметовы. Они въ Твери были боярами, въ Москвѣ стали только окольничими, въ Петербургѣ въ прошломъ вѣкѣ бывали генералъ-аншефами,— конечно, далеко не всѣ: фамилія развѣтвилась очень многочисленная, такъ что генералъ-аншефскихъ чиновъ не достало бы на всѣхъ. Прапрадѣдъ нашего Рахметова былъ пріятелемъ Ивана Ивановича Шувалова, который и возстановилъ его изъ опалы, постигшей было его за дружбу съ Минихомъ. Прадѣдъ былъ сослуживцемъ Румянцева, дослужился до генералъ-ан-

шефства и убитъ былъ при Нови. Дѣдъ сопровождалъ Александра въ Тильзитъ, и пошелъ бы дальше всѣхъ, но рано потерялъ карьеру за дружбу съ Сперанскимъ. Отецъ служилъ безъ удачи и безъ паденій, въ 40 лѣтъ вышелъ въ отставку генералъ-лейтенантомъ, и поселился въ одномъ изъ своихъ помѣстій, разбросанныхъ по верховью Медвѣдицы. Помѣстья были однакожь, не очень велики, всего душъ тысячи двѣ съ половиною, а дѣтей на деревенскомъ досугѣ явилось много, человѣкъ 8; нашъ Рахметовъ былъ предпослѣдній, моложе его была одна сестра; потому нашъ Рахметовъ былъ уже человѣкъ не съ богатымъ наслѣдствомъ: онъ получилъ около 400 душъ да 7,000 десятинъ земли. Какъ онъ распорядился съ душами и съ 5,500 десятинъ земли, это не было извѣстно никому, не было извѣстно и то, что за собою оставилъ онъ 1,500 десятинъ, да не было извѣстно и вообще то, что онъ помѣщикъ и что, отдавая въ аренду оставленную за собою долю земли, онъ имѣетъ все-таки еще до 3,000 р. дохода, этого никто не зналъ, пока онъ жилъ между нами. Это мы узнали послѣ, а тогда полагали, конечно, что онъ одной фамиліи съ тѣми Рахметовыми, между которыми много богатыхъ помѣщиковъ, у которыхъ, у всѣхъ однофамильцевъ вмѣстѣ, до 75,000 душъ по верховьямъ Медвѣдицы, Хопра, Суры и Цны, которые безсмѣнно бываютъ уѣздными предводителями тѣхъ мѣстъ, и не тотъ такъ другой постоянно бываютъ губернскими предводителями то въ той, то въ другой изъ трехъ губерній, по которымъ текутъ ихъ крѣпостныя верховья рѣкъ. И знали мы, что нашъ знакомый Рахметовъ проживаетъ въ годъ рублей 400; для студента это было тогда очень не мало, но для помѣщика изъ Рахметовыхъ уже слишкомъ мало; потому каждый изъ насъ, мало заботившихся о подобныхъ справкахъ, положилъ про себя безъ справокъ, что нашъ Рахметовъ изъ какой нибудь захирѣвшей и обезпомѣстившейся вѣтви Рахметовыхъ, сынъ какого нибудь совѣтника казенной палаты, оставившаго дѣтямъ небольшой капиталецъ. Не интересоваться же въ самомъ дѣлѣ было намъ этими вещами.

Теперь ему было 22 года, а студентомъ онъ былъ съ 16 лѣтъ; но почти на 3 года онъ покидалъ университетъ. Вышелъ изъ 2-го курса, поѣхалъ въ помѣстье, распорядился, побѣдивъ сопротивленіе опекуна, заслуживъ анаѳему отъ братьевъ и достигнувъ того, что мужья запретили его сестрамъ произносить его имя; потомъ скитался по Россіи разными манерами: и сухимъ

путемъ, и водою, и тѣмъ и другою по обыкновенному и по необыкновенному,—напримѣръ, и пѣшкомъ, и на расшивахъ, и на косныхъ лодкахъ, имѣлъ много приключеній, которыя все самъ устроивалъ себѣ; между прочимъ, отвезъ двухъ человѣкъ въ казанскій, пятерыхъ въ московскій университетъ, — это были его стипендіаты, а въ Петербургъ, гдѣ самъ хотѣлъ жить, не привезъ никого, и потому никто изъ насъ не зналъ, что у него не 400, а 3000 р. дохода. Это стало извѣстно только уже послѣ, а тогда мы видѣли, что онъ долго пропадалъ, а за два года до той поры, какъ сидѣлъ онъ въ кабинетѣ Кирсанова за толкованіемъ Ньютона на Апокалипсисъ, возвратился въ Петербургъ, поступилъ на филологическій факультетъ, — прежде былъ на естественномъ, и только.

Но если никому изъ петербургскихъ знакомыхъ Рахметова не были извѣстны его родственныя и денежныя отношенія, за то всѣ, кто его зналъ, знали его подъ двумя прозвищами; одно изъ нихъ уже попадалось въ этомъ разсказѣ — «ригористъ»; его онъ принималъ съ обыкновенною своею легкою улыбкою мрачноватаго удовольствія. Но когда его называли Никитушкою, или Ломовымъ, или по полному прозвищу Никитушкою Ломовымъ, онъ улыбался широко и сладко, и имѣлъ на то справедливое основаніе, потому что не получилъ отъ природы, а пріобрѣлъ твердостью воли право носить это славное между милліонами людей имя. Но оно гремитъ славою только на полосѣ въ 100 верстъ шириною, идущей по восьми губерніямъ; читателямъ остальной Россіи надобно объяснить, что это за имя. Никитушка Ломовъ, бурлакъ, ходившій по Волгѣ лѣтъ 20, 15 тому назадъ, былъ гигантъ геркулесовской силы; 15 вершковъ ростомъ, онъ былъ такъ широкъ въ груди и въ плечахъ, что вѣсилъ 15 пудовъ, хотя былъ человѣкъ только плотный, а не толстый. Какой онъ былъ силы, объ этомъ довольно сказать одно: онъ получалъ плату за 4 человѣкъ. Когда судно приставало къ городу, и онъ шелъ на рынокъ, по волжскому на базаръ, по дальнимъ переулкамъ раздавались крики парней: «Никитушка Ломовъ идетъ, Никитушка Ломовъ идетъ!» и всѣ бѣжали на улицу, ведущую съ пристани къ базару, и толпа народа валила вслѣдъ за своимъ богатыремъ.

Рахметовъ въ 16 лѣтъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ съ этой стороны обыкновеннымъ юношею довольно высокаго роста, довольно крѣпкимъ, но далеко не замѣчательнымъ по силѣ: изъ десяти встрѣчныхъ его сверстниковъ, навѣрное, двое сладили

бы съ нимъ. Но на половинѣ 17-го года, онъ вздумалъ, что нужно пріобрѣсть физическое богатство, и началъ работать надъ собою. Сталъ очень усердно заниматься гимнастикою; это хорошо, но вѣдь гимнастика только совершенствуетъ матеріалъ, надо запасаться матеріаломъ, и вотъ, на время, вдвое бо́льшее занятій гимнастикою, на нѣсколько часовъ въ день, онъ становился черноработчимъ по работамъ, требующимъ силы: возилъ воду, таскалъ дрова, рубилъ дрова, пилилъ лѣсъ, тесалъ камни, копалъ землю, ковалъ желѣзо; много работъ онъ проходилъ, и часто мѣнялъ ихъ, потому что отъ каждой новой работы, съ каждой перемѣной, получаютъ новое развитіе какіе нибудь мускулы. Онъ принялъ боксерскую діэту: сталъ кормить себя, — именно кормить себя,—исключительно вещами, имѣющими репутацію укрѣплять физическую силу, больше всего бифштексомъ, почти сырымъ, и съ тѣхъ поръ всегда жилъ такъ. Черезъ годъ послѣ начала этихъ занятій, онъ отправился въ свое странствованіе, и тутъ имѣлъ еще больше удобства заниматься развитіемъ физической силы: былъ пахаремъ, плотникомъ, перевозчикомъ и работникомъ всякихъ здоровыхъ промысловъ; разъ, даже прошелъ бурлакомъ всю Волгу, отъ Дубовки до Рыбинска. Сказать, что онъ хочетъ быть бурлакомъ, показалось бы хозяину судна и бурлакамъ верхомъ нелѣпости, и его не приняли бы; но онъ сѣлъ просто пассажиромъ, подружившись съ артелью, сталъ помогать тянуть лямку, и черезъ недѣлю запрягся въ нее какъ слѣдуетъ настоящему рабочему; скоро замѣтили, какъ онъ тянетъ, начали пробовать силу,—онъ перетягивалъ троихъ, даже четверыхъ самыхъ здоровыхъ изъ своихъ товарищей; тогда ему было 20 лѣтъ, и товарищи его по лямкѣ окрестили его Никитушкою Ломовымъ, по памяти героя, уже сошедшаго тогда со сцены. На слѣдующее лѣто, онъ ѣхалъ на пароходѣ; одинъ изъ простонародія, толпившагося на палубѣ, оказался его прошлогоднимъ сослуживцемъ по лямкѣ, а такимъ-то образомъ его спутники студенты узнали, что его слѣдуетъ звать Никитушкою Ломовымъ. Дѣйствительно, онъ пріобрѣлъ и не щадя времени поддерживалъ въ себѣ непомѣрную силу. «Такъ нужно, говорилъ онъ: — это даетъ уваженіе и любовь простыхъ людей. Это полезно, можетъ пригодиться».

Это ему засѣло въ голову съ половины 17-го года, потому что съ этого времени и вообще начала развиваться его особенность. 16 лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ обыкновеннымъ, хо-

рошимъ, кончившимъ курсъ гимназистомъ, обыкновеннымъ добрымъ и честнымъ юношею, и провелъ мѣсяца три, четыре по обыкновенному, какъ проводятъ начинающіе студенты. Но сталъ онъ слышать, что есть между студентами особенно умныя головы, которые думаютъ не такъ, какъ другіе, и узналъ съ пятокъ именъ такихъ людей,—тогда ихъ было еще мало. Они заинтересовали его, онъ сталъ искать знакомства съ кѣмъ нибудь изъ нихъ; ему случилось сойтись съ Кирсановымъ, и началось его перерожденіе въ особеннаго человѣка, въ будущаго Никитушку Ломова и ригориста. Жадно слушалъ онъ Кирсанова въ первый вечеръ, плакалъ, перерывалъ его слова восклицаніями проклятій тому, что должно погибнуть, благословеній тому, что должно жить. — «Съ какихъ же книгъ мнѣ начать читать?» Кирсановъ указалъ. Онъ на другой день ужь съ 8 часовъ утра ходилъ по Невскому, отъ Адмиралтейской до Полицейскаго моста, выжидая, какой нѣмецкій или французскій книжный магазинъ первый откроется, взялъ, что нужно, и читалъ больше трехъ сутокъ сряду, — съ 11 часовъ утра четверга до 9 часовъ вечера воскресенья, 82 часа; первыя двѣ ночи не спалъ такъ, на третью выпилъ восемь стакановъ крѣпчайшаго кофе, до четвертой ночи не хватило силы ни съ какимъ кофе, онъ повалился и проспалъ на полу часовъ 15. Черезъ недѣлю, онъ пришелъ къ Кирсанову, потребовалъ указаній на новыя книги, объясненій; подружился съ нимъ, потомъ черезъ него подружился съ Лопуховымъ. Черезъ полгода, хоть ему было только 17 лѣтъ, а имъ ужь по 21 году, они ужь не считали его молодымъ человѣкомъ сравнительно съ собою, и ужь онъ былъ особеннымъ человѣкомъ.

Какіе задатки для того лежали въ его прошлой жизни? Не очень большіе, но лежали. Отецъ его былъ человѣкъ деспотическаго характера, очень умный, образованный, и ультра-консерваторъ, — въ томъ же смыслѣ, какъ Марья Алексѣвна, ультраконсерваторъ, но честный. Ему, конечно, было тяжело. Это одно еще ничего бы. Но мать его, женщина довольно деликатная, страдала отъ тяжелаго характера мужа, да и видѣлъ онъ, что въ деревнѣ. И это бы все еще ничего; было еще вотъ что: на 15-мъ году, онъ влюбился въ одну изъ любовницъ отца. Произошла исторія, конечно, надъ нею особенно. Ему было жалко женщину, сильно пострадавшую черезъ него. Мысли стали бродить въ немъ, и Кирсановъ былъ для него тѣмъ, чѣмъ Лопуховъ для Вѣры Павловны. Задатки въ прошлой жизни были; но чтобы

стать такимъ особеннымъ человѣкомъ, конечно, главное—натура. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, какъ вышелъ онъ изъ университета и отправился въ свое помѣстье, потомъ въ странствованіе по Россіи, онъ уже принялъ оригинальные принципы и въ матеріальной, и въ нравственной, и въ умственной жизни, а когда онъ возвратился, они уже развились въ законченную систему, которой онъ держался неуклонно. Онъ сказалъ себѣ: «я не пью ни капли вина. Я не прикасаюсь къ женщинѣ». А натура была кипучая. «Зачѣмъ это? Такая крайность вовсе не нужна». — «Такъ нужно. Мы требуемъ для людей полнаго наслажденія жизнью,—мы должны своею жизнью свидѣтельствовать, что мы требуемъ этого не для удовлетворенія своимъ личнымъ страстямъ, не для себя лично, а для человѣка вообще, что мы говоримъ только по принципу, а не по пристрастію, по убѣжденію, а не по личной надобности».

По этому же, онъ сталъ и вообще вести самый суровый образъ жизни. Чтобы сдѣлаться и продолжать быть Никитушкою Ломовымъ, ему нужно было ѣсть говядины, много говядины,—и онъ ѣлъ ея много. Но онъ жалѣлъ каждой копѣйки на какую нибудь пищу, кромѣ говядины; говядину онъ велѣлъ хозяйкѣ брать самую отличную, нарочно для него самые лучшіе куски, но остальное ѣлъ у себя дома все только самое дешевое. Отказался отъ бѣлаго хлѣба, ѣлъ только черный за своимъ столомъ. По цѣлымъ недѣлямъ, у него не бывало во рту куска сахару, по цѣлымъ мѣсяцамъ, никакого фрукта, ни куска телятины, или пулярки. На свои деньги онъ не покупалъ ничего подобнаго: «не имѣю права тратить деньги на прихоть, безъ которой могу обойтись», — а вѣдь онъ воспитанъ былъ на роскошномъ столѣ и имѣлъ тонкій вкусъ, какъ видно было по его замѣчаніямъ о блюдахъ, когда онъ обѣдалъ у кого нибудь за чужимъ столомъ, онъ ѣлъ съ удовольствіемъ многія изъ блюдъ, отъ которыхъ отказывалъ себѣ въ своемъ столѣ, другихъ не ѣлъ и за чужимъ столомъ. Причина различенія была основательная: «то, что ѣстъ, хотя по временамъ, простой народъ, и я могу ѣсть при случаѣ. Того, что никогда недоступно простымъ людямъ, и я не долженъ ѣсть! это нужно мнѣ для того, чтобы хотя нѣсколько чувствовать, насколько стѣснена ихъ жизнь сравнительно съ моею». Поэтому, если подавались фрукты, онъ абсолютно ѣлъ яблоки, абсолютно не ѣлъ абрикосовъ; апельсины ѣлъ въ Петербургѣ, не ѣлъ въ провинціи, — видите, въ Петербургѣ простой народъ ѣстъ ихъ,

а въ провинціи не ѣстъ. Паштеты ѣлъ, потому что «хорошій пирогъ не хуже паштета, и слоеное тѣсто знакомо простому народу», но сардинокъ не ѣлъ. Одѣвался онъ очень бѣдно, хоть любилъ изящество, и во всемъ остальномъ велъ спартанскій образъ жизни; напримѣръ, не допускалъ тюфяка, и спалъ на войлокѣ, даже не разрѣшая себѣ свернуть его вдвое.

Было у него угрызеніе совѣсти, — онъ не бросилъ курить: «безъ сигары не могу думать; если дѣйствительно такъ, я правъ; но быть можетъ, это слабость воли». А дурныхъ сигаръ онъ не могъ курить, — вѣдь онъ воспитанъ былъ въ аристократической обстановкѣ. Изъ 400 р. его расхода, до 150 выходило у него на сигары. «Гнусная слабость», какъ онъ выражался. Только она и давала нѣкоторую возможность отбиваться отъ него: если ужь начнетъ слишкомъ доѣзжать своими обличеніями, доѣзжаемый скажетъ ему: «да вѣдь совершенство невозможно — ты же куришь», — тогда Рахметовъ приходилъ въ двойную силу обличенія, но большую половину укоризнъ обращалъ уже на себя, обличаемому все-таки доставалось меньше, хоть онъ не вовсе забывалъ его изъ-за себя.

Онъ успѣвалъ дѣлать страшно много, потому что и въ распоряженіи временемъ положилъ на себя точно такое же обузданіе прихотей, какъ въ матеріальныхъ вещахъ. Ни четверти часа въ мѣсяцъ не пропадало у него на развлеченіе, отдыха ему не было нужно. «У меня занятія разнообразны; перемѣна занятія есть отдыхъ». Въ кругу пріятелей, сборные пункты которыхъ находились у Кирсанова и Лопухова, онъ бывалъ никакъ не чаще того, сколько нужно, чтобы остаться въ тѣсномъ отношеніи къ нему: «это нужно; ежедневные случаи доказываютъ пользу имѣть тѣсную связь съ какимъ нибудь кругомъ людей, — надобно имѣть подъ руками всегда открытые источники для разныхъ справокъ». Кромѣ какъ въ собраніяхъ этого кружка, онъ никогда ни у кого не бывалъ иначе, какъ по дѣлу, и ни пятью минутами больше, чѣмъ нужно по дѣлу; и у себя никого не принималъ и не допускалъ оставаться иначе, какъ на томъ же правилѣ; онъ безъ околичностей объявлялъ гостю: «мы переговорили о вашемъ дѣлѣ; теперь позвольте мнѣ заняться другими дѣлами, потому что я долженъ дорожить временемъ».

Въ первые мѣсяцы своего перерожденія, онъ почти все время проводилъ въ чтеніи; но это продолжалось лишь немного болѣе полгода: тогда онъ увидѣлъ, что пріобрѣлъ систематическій об-

разъ мыслей въ томъ духѣ, принципы котораго нашелъ справедливыми, онъ тотчасъ же сказалъ себѣ: «теперь чтеніе стало дѣломъ второстепеннымъ; я съ этой стороны готовъ для жизни», и сталъ отдавать книгамъ только время, свободное отъ другихъ дѣлъ, а такого времени оставалось у него мало. Но не смотря на это, онъ расширялъ кругъ своего знанія съ изумительною быстротою: теперь, когда ему было 22 года, онъ былъ уже человѣкомъ очень замѣчательно основательной учености. Это потому, что онъ и тутъ поставилъ себѣ правиломъ: роскоши и прихоти — никакой; исключительно то, что нужно. А что нужно? Онъ говорилъ: «по каждому предмету, капитальныхъ сочиненій очень немного; во всѣхъ остальныхъ только повторяется, разжижается, портится то, что все гораздо полнѣе и яснѣе заключено въ этихъ немногихъ сочиненіяхъ. Надобно читать только ихъ; всякое другое чтеніе — только напрасная трата времени. Беремъ русскую беллетристику. Я говорю: прочитаю всего прежде Гоголя. Въ тысячахъ другихъ повѣстей я уже вижу по пяти строкамъ съ пяти разныхъ страницъ, что не найду ничего, кромѣ испорченнаго Гоголя, — зачѣмъ я стану ихъ читать? Такъ и въ наукахъ, — въ наукахъ даже еще рѣзче эта граница. Если я прочелъ Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля, я знаю альфу и омегу этого направленія, и мнѣ не нужно читать ни одного изъ сотенъ политико-экономовъ, какъ бы ни были они знамениты; я по пяти строкамъ съ пяти страницъ вижу, что не найду у нихъ ни одной свѣжей мысли, имъ принадлежащей, все заимствованія и искаженія. Я читаю только самобытное, и лишь на столько, чтобы знать эту самобытность». Поэтому никакими силами нельзя было заставить его читать Маколея; посмотрѣвъ четверть часа на разныя страницы, онъ рѣшилъ: «я знаю всѣ матеріи, изъ которыхъ набраны эти лоскутья.» Онъ прочиталъ «Ярмарку Суеты» Теккерея съ наслажденіемъ, а началъ читать «Пенденниса», закрылъ на 20-й страницѣ: «весь высказался въ «Ярмаркѣ Суеты»; видно, что больше ничего не будетъ, и читать не нужно».—«Каждая прочтенная мною книга такова, что избавляетъ меня отъ надобности читать сотни книгъ», говорилъ онъ.

Гимнастика, работа для упражненія силы, чтеніе — были личными занятіями Рахметова; но, по его возвращеніи въ Петербургъ, они брали у него только четвертую долю его времени, остальное время онъ занимался чужими дѣлами, или ничьими въ

особенности дѣлами, постоянно соблюдая то же правило, какъ въ чтеніи: не тратить времени надъ второстепенными дѣлами и съ второстепенными людьми, заниматься только капитальными, отъ которыхъ уже и безъ него измѣняются второстепенныя дѣла и руководимые люди. Напримѣръ, внѣ своего круга, онъ знакомился только съ людьми, имѣющими вліяніе на другихъ. Кто не былъ авторитетомъ для нѣсколькихъ другихъ людей, тотъ никакими способами не могъ даже войти въ разговоръ съ нимъ. Онъ говорилъ: «вы меня извините, мнѣ некогда», и отходилъ. Но точно такъ же, никакими средствами не могъ избѣжать знакомства съ нимъ тотъ, съ кѣмъ онъ хотѣлъ познакомиться. Онъ просто являлся къ вамъ и говорилъ, что ему было нужно, съ такимъ предисловіемъ: «я хочу быть знакомъ съ вами; это нужно. Если вамъ теперь не время, назначьте другое». На мелкія ваши дѣла онъ не обращалъ никакого вниманія, хотя бы вы были ближайшимъ его знакомымъ и упрашивали его вникнуть въ ваше затрудненіе: «мнѣ некогда», говорилъ онъ и отворачивался. Но въ важныя дѣла вступался, когда это было нужно по его мнѣнію, хотя бы никто этого не желалъ: «я долженъ», говорилъ онъ. Какія вещи онъ говорилъ и дѣлалъ въ этихъ случаяхъ, уму непостижимо. Да вотъ, напримѣръ, мое знакомство съ нимъ. Я былъ тогда уже не молодъ, жилъ порядочно, потому ко мнѣ собиралось по временамъ человѣкъ пять, шесть молодежи изъ моей провинціи. Слѣдовательно, я уже былъ для него человѣкъ драгоцѣнный: эти молодые люди были расположены ко мнѣ, находя во мнѣ расположеніе къ себѣ; вотъ онъ и слышалъ по этому случаю мою фамилію. А я, когда въ первый разъ увидѣлъ его у Кирсанова, еще не слышалъ о немъ: это было вскорѣ по его возвращеніи изъ странствія. Онъ вошелъ послѣ меня; я былъ только одинъ незнакомый ему человѣкъ въ обществѣ. Онъ, какъ вошелъ, отвелъ Кирсанова въ сторону и, указавши глазами на меня, сказалъ нѣсколько словъ. Кирсановъ отвѣчалъ ему тоже немногими словами, и былъ отпущенъ. Черезъ минуту, Рахметовъ сѣлъ прямо противъ меня, всего только черезъ небольшой столъ у дивана, и съ этого-то разстоянія какихъ нибудь полутора аршинъ началъ смотрѣть мнѣ въ лицо изо всей силы. Я былъ раздосадованъ: онъ разсматривалъ меня безъ церемоніи, будто передъ нимъ не человѣкъ, а портретъ,—я нахмурился. Ему не было никокого дѣла. Посмотрѣвши минуты двѣ, три, онъ сказалъ мнѣ: «г. N., мнѣ нужно съ вами познакомиться. Я васъ

знаю, вы меня — нѣтъ. Спросите обо мнѣ у хозяина и у другихъ, кому вы особенно вѣрите изъ этой компаніи», всталъ и ушелъ въ другую комнату. «Что это за чудакъ?»—Это Рахметовъ. Онъ хочетъ, чтобы вы спросили, заслуживаетъ ли онъ довѣрія,—безусловно, и заслуживаетъ ли онъ вниманія,—онъ поважнѣе всѣхъ насъ здѣсь, взятыхъ вмѣстѣ», сказалъ Кирсановъ, другіе подтвердили. Чрезъ пять минутъ, онъ вернулся въ ту комнату, гдѣ всѣ сидѣли. Со мною не заговаривалъ, и съ другими говорилъ мало, — разговоръ былъ не ученый и не важный. «А, десять часовъ уже, произнесъ онъ черезъ нѣсколько времени: — въ 10 часовъ у меня есть дѣло въ другомъ мѣстѣ. Г. N., онъ обратился ко мнѣ:—я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ. Когда я отвелъ хозяина въ сторону спросить его, кто вы, я указалъ на васъ глазами, потому что вѣдь вы все равно должны были замѣтить, что я спрашиваю о васъ, кто вы; слѣдовательно, напрасно было бы не дѣлать жестовъ, натуральныхъ при такомъ вопросѣ. Когда вы будете дома, чтобъ я могъ зайти къ вамъ?» Я тогда не любилъ новыхъ знакомствъ, а эта навязчивость ужь вовсе не нравилась мнѣ. — Я только ночую дома; меня цѣлый день нѣтъ дома, сказалъ я.—«Но ночуете дома? Въ какое же время вы возвращаетесь ночевать?» — Очень поздно. — «Напримѣръ?» — Часа въ два, въ три. — «Это все равно, назначьте время.» — Если вамъ непремѣнно угодно, утромъ послѣ завтра, въ половинѣ 4-го. — «Конечно, я долженъ принимать ваши слова за насмѣшку и грубость; а можетъ быть и то, что у васъ есть свои причины, можетъ быть, даже заслуживающія одобренія. Во всякомъ случаѣ, я буду у васъ послѣ завтра поутру въ половинѣ 4-го.»—Нѣтъ, ужь если вы такъ рѣшительны, то лучше заходите попозднѣе: я все утро буду дома, до 12 часовъ. — «Хорошо, зайду часовъ въ 10. Вы будете одинъ?»—Да.—«Хорошо.» Онъ пришелъ, и точно такъ же безъ околичностей приступилъ къ дѣлу, по которому нашелъ нужнымъ познакомиться. Мы потолковали съ полчаса; о чемъ толковали, это все равно; довольно того, что онъ говорилъ: «надобно,» я говорилъ: «нѣтъ»; онъ говорилъ: «вы обязаны», я говорилъ: «нисколько». Черезъ полчаса, онъ сказалъ: «ясно, что продолжать безполезно. Вѣдь вы убѣждены, что я человѣкъ заслуживающій безусловнаго довѣрія?»—«Да, мнѣ сказали это всѣ, и я самъ теперь вижу.—«И все-таки остаетесь при своемъ?»—Остаюсь.—«Знаете вы, что изъ этого слѣдуетъ? То, что вы или лжецъ, или дрянь!»

Какъ это понравится? Что надобно было бы сдѣлать съ другимъ человѣкомъ за такія слова? вызвать на дуэль? но онъ говоритъ такимъ тономъ, безъ всякаго личнаго чувства, будто историкъ, судящій холодно не для обиды, а для истины, и самъ былъ такъ страненъ, что смѣшно было бы обижаться, и я только могъ засмѣяться:—да вѣдь это одно и то же, сказалъ я. — «Въ настоящемъ случаѣ, не одно и то же.»—Ну, такъ можетъ быть я то и другое вмѣстѣ. — «Въ настоящемъ случаѣ, то и другое вмѣстѣ невозможно. Но одно изъ двухъ — непремѣнно: или вы думаете и дѣлаете не то, что говорите: въ такомъ случаѣ вы лжецъ; или вы думаете и дѣлаете дѣйствительно то, что говорите: въ такомъ случаѣ вы дрянь. Одно изъ двухъ непремѣнно. Я полагаю, первое.»—Какъ вамъ угодно, такъ и думайте, сказалъ я, продолжая смѣяться. — «Прощайте. Во всякомъ случаѣ, знайте, что я сохраняю довѣріе къ вамъ и готовъ возобновить нашъ разговоръ, когда вамъ будетъ угодно.»

При всей дикости этого случая, Рахметовъ былъ совершенно правъ: и въ томъ, что началъ такъ, потому что вѣдь онъ прежде хорошо узналъ обо мнѣ, и только тогда уже началъ дѣло, и въ томъ, что такъ кончилъ разговоръ; я дѣйствительно говорилъ ему не то, что думалъ, и онъ дѣйствительно имѣлъ право назвать меня лжецомъ, и это нисколько не могло быть обидно, даже щекотливо для меня «въ настоящемъ случаѣ», по его выраженію, потому что такой былъ случай, и онъ дѣйствительно могъ сохранять ко мнѣ прежнее довѣріе и, пожалуй, уваженіе.

Да, при всей дикости его манеры, каждый оставался убѣжденъ, что Рахметовъ поступилъ именно такъ, какъ благоразумнѣе и проще всего было поступить, и свои страшныя рѣзкости, ужаснѣйшія укоризны онъ говорилъ такъ, что никакой разсудительный человѣкъ не могъ ими обижаться, и при всей своей феноменальной грубости, онъ былъ, въ сущности, очень деликатенъ. У него были и предисловія въ этомъ родѣ. Всякое щекотливое объясненіе онъ начиналъ такъ: «вамъ извѣстно, что я буду говорить безъ всякаго личнаго чувства. Если мои слова будутъ непріятны, прошу извинить ихъ. Но я нахожу, что не слѣдуетъ обижаться ничѣмъ, что говорится добросовѣстно, вовсе не съ цѣлью оскорбленія, а по надобности. Впрочемъ, какъ скоро вамъ покажется безполезно продолжать слышать мои слова, я остановлюсь; мое правило: предлагать мое мнѣніе всегда, когда я долженъ, и никогда не навязывать его». И дѣйствительно,

онъ не навязывалъ: никакъ нельзя было спастись отъ того, чтобъ онъ, когда находилъ это нужнымъ, не высказалъ вамъ своего мнѣнія, на столько, чтобы вы могли понять, о чемъ и въ какомъ смыслѣ онъ хочетъ говорить; но онъ дѣлалъ это въ двухъ, трехъ словахъ, и потомъ спрашивалъ: «теперь вы знаете, каково было бы содержаніе разговора; находите ли вы полезнымъ имѣть такой разговоръ?» Если вы сказали «нѣтъ», онъ кланялся и отходилъ.

Вотъ какъ онъ говорилъ и велъ свои дѣла, а дѣлъ у него была бездна, и все дѣла, не касавшіяся лично до него; личныхъ дѣлъ у него не было, это всѣ знали; но какія дѣла у него, этого кружокъ не зналъ. Видно было только, что у него множество хлопотъ. Онъ мало бывалъ дома, все ходилъ и разъѣзжалъ; больше ходилъ. Но и у него безпрестанно бывали люди, то все одни и тѣ же, то все новые: для этого у него было положено: быть всегда дома отъ 2 до 3 часовъ; въ это время онъ говорилъ о дѣлахъ и обѣдалъ. Но часто, по нѣсколько дней его не бывало дома. Тогда, вмѣсто него, сидѣлъ у него и принималъ посѣтителей одинъ изъ его пріятелей, преданный ему душою и тѣломъ и молчаливый, какъ могила.

Года черезъ два послѣ того, какъ мы видимъ его сидящимъ въ кабинетѣ Кирсанова за Ньютоновымъ толкованіемъ на Апокалипсисъ, онъ уѣхалъ изъ Петербурга, сказавши Кирсанову и еще двумъ, тремъ самымъ близкимъ друзьямъ, что ему здѣсь нечего дѣлать больше, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, что больше дѣлать можно будетъ только года черезъ три, что эти три года теперь у него свободны, что онъ думаетъ воспользоваться ими, какъ ему кажется нужно для будущей дѣятельности. Мы узнали потомъ, что онъ проѣхалъ въ свое бывшее помѣстье, продалъ оставшуюся у него землю, получилъ тысячъ 35, заѣхалъ въ Казань и Москву, роздалъ около 5 тысячъ своимъ семи стипендіатамъ, чтобы они могли кончить курсъ, тѣмъ и кончалась его достовѣрная исторія. Куда онъ дѣвался изъ Москвы, неизвѣстно. Когда прошло нѣсколько мѣсяцевъ безъ всякихъ слуховъ о немъ, люди, знавшіе о немъ что нибудь, кромѣ извѣстнаго всѣмъ, перестали скрывать вещи, о которыхъ по его просьбѣ молчали, пока онъ жилъ между нами. Тогда-то узналъ нашъ кружокъ и то, что у него были стипендіаты, узналъ большую часть изъ того о его личныхъ отношеніяхъ, что я разсказалъ, узналъ множество исторій, далеко впрочемъ не разъяснявшихъ

всего, даже ничего не разъяснявшимъ, а только дѣлавшимъ Рахметова лицомъ еще болѣе загадочнымъ для всего кружка, исторій, изумлявшихъ своею странностью или совершенно противорѣчившихъ тому понятію, какое кружокъ имѣлъ о немъ, какъ о человѣкѣ совершенно чорствомъ для личныхъ чувствъ, не имѣвшемъ, если можно такъ выразиться, личнаго сердца, которое билось бы ощущеніями личной жизни. Разсказывать всѣ эти исторіи было бы здѣсь неумѣстно. Приведу лишь двѣ изъ нихъ, по одной на каждый изъ двухъ родовъ: одну дикаго сорта, другую — сорта противорѣчившаго прежнему понятію кружка о немъ. Выбираю изъ исторій, разсказанныхъ Кирсановымъ.

За годъ передъ тѣмъ, какъ во второй и, вѣроятно, окончательный разъ пропалъ изъ Петербурга, Рахметовъ сказалъ Кирсанову: «дайте мнѣ порядочное количество мази для заживленія ранъ отъ острыхъ орудій». Кирсановъ далъ огромнѣйшую банку, думая, что Рахметовъ хочетъ отвести лекарство въ какую нибудь артель плотниковъ или другихъ мастеровыхъ, которые часто подвергаются порѣзамъ. На другое утро, хозяйка Рахметова въ страшномъ испугѣ прибѣжала къ Кирсанову: «батюшка лекарь, не знаю, что съ моимъ жильцомъ сдѣлалось: не выходитъ долго изъ своей комнаты, дверь заперъ, я заглянула въ щель: онъ лежитъ весь въ крови; я какъ закричу, а онъ мнѣ говоритъ сквозь дверь: «ничего, Аграфена Антоновна» — какое, ничего! Спаси, батюшка лекарь, боюсь смертнаго случаю. Вѣдь онъ такой до себя безжалостный». Кирсановъ поскакалъ, Рахметовъ отперъ дверь съ мрачною широкою улыбкою, и посѣтитель увидѣлъ вещь, отъ которой и не Аграфена Антоновна могла развести руками: спина и бока всего бѣлья Рахметова (онъ былъ въ одномъ бѣльѣ) были облиты кровью, подъ кроватью была кровь, войлокъ, на которомъ онъ спалъ, также въ крови; въ войлокѣ были натыканы сотни мелкихъ гвоздей шляпками съ-испода, остріями вверхъ, они высовывались изъ войлока чуть не наполовинка; Рахметовъ лежалъ на нихъ ночь. «Что это такое, помилуйте, Рахметовъ», съ ужасомъ проговорилъ Кирсановъ. — «Проба. Нужно. Неправдоподобно, конечно; однако же, на всякій случай нужно. Вижу, могу». Кромѣ того, что видѣлъ Рахметовъ, видно-изъ этого также, что хозяйка, вѣроятно, могла бы разсказать много разнаго любопытнаго о Рахметовѣ; но, въ качествѣ простодушной и простоплатной, старуха была безъ ума отъ него, и ужь конечно, отъ нея нельзя было бы ничего до-

биться. Она и въ этотъ-то разъ побѣжала къ Кирсанову потому только, что самъ Рахметовъ дозволилъ ей это для ея успокоенія: она слишкомъ плакала, думая, что онъ хочетъ убить себя. . .

Мѣсяца черезъ два послѣ этого, дѣло было въ концѣ мая, Рахметовъ пропадалъ на недѣлю или больше, но тогда никто этого не замѣтилъ, потому что пропадать на нѣсколько дней случалось ему нерѣдко. Теперь, Кирсановъ разсказалъ слѣдующую исторію о томъ, какъ Рахметовъ провелъ эти дни. Они составляли эротическій эпизодъ въ жизни Рахметова. Любовь произошла изъ событія достойнаго Никитушки Ломова. Рахметовъ шелъ изъ перваго Парголова въ городъ, задумавшись и больше глядя въ землю, по своему обыкновенію, по сосѣдству лѣснаго института. Онъ былъ пробужденъ отъ раздумья отчаяннымъ крикомъ женщины; взглянулъ: лошадь понесла даму, катавшуюся въ шарабанѣ, дама сама правила, и не справилась, возжи волочились по землѣ — лошадь была уже въ двухъ шагахъ отъ Рахметова; онъ бросился на середину дороги, но лошадь ужь пронеслась мимо, онъ не успѣлъ поймать повода, успѣлъ только схватиться за заднюю ось шарабана — и остановилъ, но упалъ. Подбѣжалъ народъ, помогли дамѣ сойти съ шарабана, подняли Рахметова; у него была нѣсколько разбита грудь, но главное, колесомъ вырвало ему порядочный кусокъ мяса изъ ноги. Дама уже опомнилась и приказала отнести его къ себѣ на дачу, въ какой нибудь полуверстѣ. Онъ согласился, потому что чувствовалъ слабость, но потребовалъ, чтобы послали непремѣнно за Кирсановымъ, ни за какимъ другимъ медикомъ. Кирсановъ нашелъ ушибъ груди не важнымъ, но самого Рахметова уже очень ослабѣвшимъ отъ потери крови. Онъ пролежалъ дней десять. Спасенная дама, конечно, ухаживала за нимъ сама. Ему ничего другаго нельзя было дѣлать отъ слабости, а потому онъ говорилъ съ нею,—вѣдь все равно, время пропадало бы даромъ,—говорилъ и разговорился. Дама была вдова лѣтъ 19, женщина не бѣдная, и вообще совершенно независимаго положенія, умная, порядочная женщина. Огненныя рѣчи Рахметова, конечно не о любви, очаровали ее: «я во снѣ вижу его окруженнаго сіяньемъ», говорила она Кирсанову. Онъ также полюбилъ ее. Она, по платью и по всему, считала его человѣкомъ, не имѣющимъ совершенно ничего, потому первая призналась и предложила ему вѣнчаться, когда онъ, на 11 день, всталъ и сказалъ, что можетъ ѣхать домой. «Я былъ съ вами откровеннѣе, чѣмъ съ другими; вы ни-

дите, что такіе люди, какъ я, не имѣютъ права связывать чью нибудь судьбу съ своею». — Да, это правда, сказала она: — вы не можете жениться. Но пока вамъ придется бросить меня, до тѣхъ поръ любите меня. — «Нѣтъ, и этого я не могу принять, сказалъ онъ: — я долженъ подавить въ себѣ любовь: любовь къ вамъ связывала бы мнѣ руки, онѣ и такъ не скоро развяжутся у меня, — ужъ связаны. Но развяжу. Я не долженъ любить». Что было потомъ съ этою дамою? Въ ея жизни долженъ былъ произойти переломъ; по всей вѣроятности, она и сама сдѣлалась особеннымъ человѣкомъ. Мнѣ хотѣлось узнать. Но я этого не знаю, Кирсановъ не сказалъ мнѣ ея имени, а самъ тоже не зналъ, что съ нею: Рахметовъ просилъ его не видаться съ нею, не справляться о ней: «если я буду полагать, что вы будете что нибудь знать о ней, я не удержусь, стану спрашивать, а это не годится». Узнавъ такую исторію, всѣ вспомнили, что въ то время, мѣсяца полтора или два, а можетъ быть и больше, Рахметовъ былъ мрачноватѣе обыкновеннаго, не приходилъ въ азартъ противъ себя, сколько бы ни кололи ему глаза его гнусною слабостью, то есть, сигарами, и не улыбался широко и сладко, когда ему льстили именемъ Никитушки Ломова. А я вспомнилъ и больше: въ то лѣто, три, четыре раза, въ разговорахъ со мною, онъ, черезъ нѣсколько времени послѣ нерваго нашего разговора, полюбилъ меня за то, что я смѣялся (наединѣ съ нимъ) надъ нимъ, и въ отвѣтъ на мои насмѣшки вырывались у него такого рода слова: «да, жалѣйте меня, вы правы, жалѣйте: вѣдь и я тоже не отвлеченная идея, а человѣкъ, которому хотѣлось бы жить. Ну, да это ничего, пройдетъ», прибавлялъ онъ. И точно, прошло. Только однажды, когда уже я слишкомъ много распотѣшалъ его насмѣшками, даже позднею осенью, все еще вызвалъ я изъ него эти слова.

Проницательный читатель, можетъ быть, догадывается изъ этого, что я знаю о Рахметовѣ больше, чѣмъ говорю. Можетъ быть. Я не смѣю противорѣчить ему, потому что онъ проницателенъ. Но если я знаю, то мало ли, чего я знаю такого, чего тебѣ, проницательный читатель, во вѣки вѣковъ не узнать. А вотъ чего я дѣйствительно не знаю, такъ не знаю: гдѣ теперь Рахметовъ, и что съ нимъ, и увижу ли я его когда нибудь. Объ этомъ я не имѣю никакихъ другихъ ни извѣстій, ни догадокъ, кромѣ тѣхъ, какія имѣютъ всѣ его знакомые. Когда прошло мѣсяца три, четыре послѣ того, какъ онъ пропалъ изъ Москвы,

и не приходило никакихъ слуховъ о немъ, мы всѣ предположили, что онъ отправился путешествовать по Европѣ. Догадка эта, кажется, вѣрна. По крайней мѣрѣ, она подтверждается вотъ какимъ случаемъ. Черезъ годъ послѣ того, какъ пропалъ Рахметовъ, одинъ изъ знакомыхъ Кирсанова встрѣтилъ въ вагонѣ по дорогѣ изъ Вѣны въ Мюнхенъ молодаго человѣка, русскаго, который говорилъ, что объѣхалъ славянскія земли, вездѣ сближался со всѣми классами, въ каждой землѣ оставался по стольку, чтобы достаточно узнать понятія, нравы, образъ жизни, бытовыя учрежденія, степень благосостоянія всѣхъ главныхъ составныхъ частей населенія, жилъ для этого и въ городахъ, и въ селахъ, ходилъ пѣшкомъ изъ деревни въ деревню, потомъ точно такъ же познакомился съ румунами и венграми, объѣхалъ и обошелъ сѣверную Германію, оттуда пробрался опять къ югу, въ нѣмецкія провинціи Австріи, теперь ѣдетъ въ Баварію, оттуда въ Швейцарію, черезъ Вюртембергъ и Баденъ во Францію, которую объѣдетъ и обойдетъ точно такъ же, оттуда за тѣмъ же проѣдетъ въ Англію, и на это употребитъ еще годъ; если останется изъ этого года время, онъ посмотритъ и на испанцевъ, и на итальянцевъ, если же не останется времени, такъ и быть, потому что это не такъ «нужно», а тѣ земли осмотрѣть «нужно»— зачѣмъ же?—«для соображеній»; а что черезъ годъ во всякомъ случаѣ ему «нужно» быть уже въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, изучить которые болѣе «нужно» ему, чѣмъ какую нибудь другую землю, и тамъ онъ останется долго, можетъ быть, болѣе года, а можетъ быть, и навсегда, если онъ тамъ найдетъ себѣ дѣло, но вѣроятнѣе, что года черезъ три онъ возвратится въ Россію, потому что, кажется, въ Россіи, не теперь, а тогда, года черезъ три, четыре, «нужно» будетъ ему быть.

Все это очень похоже на Рахметова, даже эти «нужно», запавшія въ память разсказчика. Лѣтами, голосомъ, чертами лица, на сколько запомнилъ ихъ разсказчикъ, профессій тоже подходилъ къ Рахметову; но разсказчикъ тогда не обратилъ особеннаго вниманія на своего спутника, который къ тому же не долго и былъ его спутникомъ, всего часа два: сѣлъ въ вагонъ въ какомъ-то городишкѣ, вышелъ въ какой-то деревнѣ; потому разсказчикъ могъ описывать его наружность лишь слишкомъ общими выраженіями, и полной достовѣрности тутъ нѣтъ: по всей вѣроятности, это былъ Рахметовъ, а впрочемъ, кто ихъ его знаетъ? Можетъ быть, и не онъ.

Былъ еще слухъ, что молодой русскій, бывшій помѣщикъ, являлся къ величайшему изъ европейскихъ мыслителей XIX вѣка, отцу новой философіи, нѣмцу, и сказалъ ему такъ: «у меня 30,000 талеровъ; мнѣ нужно только 5,000; остальные я прошу васъ взять у меня» (философъ живетъ очень бѣдно).—Зачѣмъ же?—«На изданіе вашихъ сочиненій.»—Философъ, натурально, не взялъ; но русскій, будто бы, все-таки положилъ у банкира деньги на его имя и написалъ ему такъ: «Деньгами распоряжайтесь, какъ хотите, хоть бросьте въ воду, а мнѣ ихъ уже не можете возвратить, меня вы не отыщете»,—и будто бъ эти деньги такъ и теперь лежатъ у банкира. Если этотъ слухъ справедливъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ философу являлся именно Рахметовъ.

Такъ вотъ каковъ былъ господинъ, сидѣвшій теперь въ кабинетѣ у Кирсанова.

Да, особенный человѣкъ былъ этотъ господинъ, экземпляръ очень рѣдкой породы. И не за тѣмъ описывается мною такъ подробно одинъ экземпляръ этой рѣдкой породы, чтобы научить тебя, проницательный читатель, приличному (неизвѣстному тебѣ) обращенію съ людьми этой породы: тебѣ ни одного такого человѣка не видать; твои глаза, проницательный читатель, не такъ устроены, чтобы видѣть такихъ людей; для тебя они невидимы; ихъ видятъ только честные и смѣлые глаза; а для того тебѣ служитъ описаніе такого человѣка, чтобы ты хоть по наслышкѣ зналъ, какіе люди есть на свѣтѣ. Къ чему оно служитъ для читательницъ и простыхъ читателей, это они сами знаютъ.

Да, смѣшные это люди, какъ Рахметовъ, очень забавны. Это я для нихъ самихъ говорю, что они смѣшны, говорю потому, что мнѣ жалко ихъ; это я для тѣхъ благородныхъ людей говорю, которые очаровываются ими: не слѣдуйте за ними, благородные люди, говорю я, потому что скуденъ личными радостями путь, на который они зовутъ васъ; но благородные люди не слушаютъ меня и говорятъ: нѣтъ, не скуденъ, очень богатъ, а хоть бы и былъ скуденъ въ иномъ мѣстѣ, такъ не длинно же оно, у насъ достанетъ силы пройти это мѣсто, выйти на богатыя радостью, безконечныя мѣста. Такъ видишь ли, проницательный читатель, это я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такіе люди, какъ Рахметовъ, смѣшны. А тебѣ, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди; а то вѣдь ты, пожалуй, и не поймешь самъ-то; да, недурные люди.

Мало ихъ, но ими разцвѣтаетъ жизнь всѣхъ; безъ нихъ она заглохла бы, прокисла бы; мало ихъ, но они даютъ всѣмъ людямъ дышать, безъ нихъ люди задохнулись бы. Велика масса честныхъ и добрыхъ людей, а такихъ людей мало; но они въ ней—теинъ въ чаю, букетъ въ благородномъ винѣ; отъ нихъ ея сила и ароматъ; это цвѣтъ лучшихъ людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли.

XXIX.

«Ну, думаетъ проницательный читатель, теперь главнымъ лицомъ будетъ Рахметовъ и заткнетъ за поясъ всѣхъ, и Вѣра Павловна въ него влюбится, и вотъ скоро начнется съ Кирсановымъ та же исторія, какая была съ Лопуховымъ». Ничего этого не будетъ, проницательный читатель; Рахметовъ просидитъ вечеръ, поговоритъ съ Вѣрою Павловною, я не утаю отъ тебя ни слова изъ ихъ разговора, и ты скоро увидишь, что если бы я не хотѣлъ передать тебѣ этого разговора, то очень легко было бы и не передавать его, и ходъ событій въ моемъ разсказѣ нисколько не измѣнился бы отъ этого умолчанія, и впередъ тебѣ говорю, что когда Рахметовъ, поговоривъ съ Вѣрою Павловною, уйдетъ, то уже и совсѣмъ онъ уйдетъ изъ этого разсказа, и что не будетъ онъ ни главнымъ, ни неглавнымъ, вовсе никакимъ дѣйствующимъ лицомъ въ моемъ романѣ. Зачѣмъ же онъ введенъ въ романъ и такъ подробно описанъ? вотъ попробуй, проницательный читатель, угадаешь ли ты это. А это будетъ сказано тебѣ на слѣдующихъ страницахъ, тотчасъ же послѣ разговора Рахметова съ Вѣрою Павловною; какъ только онъ уйдетъ, такъ это я и скажу тебѣ, въ концѣ главы. Угадай-ко теперь, что тамъ будетъ сказано: угадать не трудно, если ты имѣешь хоть малѣйшее понятіе о художественности, о которой ты такъ любишь толковать,—да куда тебѣ! Ну, я подскажу больше чѣмъ половину разгадки: Рахметовъ выведенъ для исполненія главнѣйшаго, самаго кореннаго требованія художественности, исключительно только для удовлетворенія ему; ну, ну, угадай хоть теперь, хоть теперь-то угадай, какое это требованіе, и что нужно было сдѣлать для его удовлетворенія, и какимъ образомъ оно удовлетворено черезъ то, что показана тебѣ фигура Рахметова, остающаяся безъ всякаго вліянія и участія въ ходѣ раз-

сказа;—ну-ко, угадай. Читательница и простой читатель, не толкующіе о художественности, они знаютъ это, а попробуй-ко угадать ты, мудрецъ. Для того и дается тебѣ время, и ставится собственно для этого длинная и толстая черта между строкъ: видишь, какъ я некусь о тебѣ. Остановись-ко на ней, да и подумай, не отгадаешь ли.

Пріѣхала Мерцалова, потужила, поутѣшила, сказала, что съ радостью станетъ заниматься мастерскою, не знаетъ, съумѣетъ ли, и опять стала тужить и утѣшать, помогая въ разборкѣ вещей. Рахметовъ, попросивъ сосѣдскую служанку сходить въ булочную, поставилъ самоваръ, подалъ, стали пить чай; Рахметовъ съ полчаса посидѣлъ съ дамами, выпилъ пять стакановъ чаю, съ ними опросталъ половину огромнаго сливочника и съѣлъ страшную массу печенья, кромѣ двухъ простыхъ булокъ, служившихъ фундаментомъ: «имѣю право на это наслажденіе, потому что жертвую цѣлою половиною сутокъ». Понаслаждался, послушалъ, какъ дамы убиваются, выразилъ три раза мнѣніе, что «это безуміе»—то есть, не то, что дамы убиваются, а убить себя, отъ чего бы то ни было, кромѣ слишкомъ мучительной и неизлечимой физической болѣзни или для предупрежденія какой нибудь мучительной неизбѣжной смерти, напримѣръ колесованія; выразилъ это мнѣніе каждый разъ въ немногихъ, но сильныхъ словахъ, по своему обыкновенію, налилъ шестой стаканъ, вылилъ въ него остальныя сливки, взялъ остальное печенье,—дамы ужь давно отпили чай,—поклонился и ушелъ съ этими матеріалами для финала своего матеріальнаго наслажденія опять въ кабинетъ, уже вполнѣ посибаритствовать нѣсколько, улегшись на диванѣ, на какомъ спитъ каждый, но который для него нѣчто уже въ родѣ капуанской роскоши. «Имѣю право на этотъ праздникъ, потому жертвую 12-ю или 14 часами времени». Кончивъ матеріальное наслажденіе, возобновилъ умственное—чтеніе комментарія на апокалипсисъ. Часу въ 9-мъ, пріѣхалъ полицейскій чиновникъ сообщить женѣ застрѣлившагося дѣло, которое теперь уже вполнѣ было разъяснено; Рахметовъ сказалъ, что жена ужь знаетъ, и толковать съ нею нечего; чиновникъ былъ очень радъ, что избавился отъ раздирательной сцены. Потомъ явились Маша и Рахель, началась разборка платья и вещей: Рахель нашла, что за все, кромѣ хорошей шубы, которую она не совѣтуетъ продавать, потому что черезъ три мѣсяца

все равно же понадобилось бы дѣлать новую,—Вѣра Павловна согласилась,—такъ за все остальное можно дать 450 р., дѣйствительно, больше нельзя было и по внутреннему убѣжденію Мерцаловой; такимъ образомъ, часамъ къ 10 торговая операція была кончена: Рахель отдала 200 р., больше у нея не было, остальныя она пришлетъ дня черезъ три, черезъ Мерцалову, забрала вещи и уѣхала. Мерцалова посидѣла еще съ часъ, но пора домой кормить грудью ребенка, и она уѣхала, сказавши, что пріѣдетъ завтра проводить на желѣзную дорогу.

Когда Мерцалова уѣхала, Рахметовъ сложилъ ньютоново «Толкованіе на Апокалипсисъ», поставилъ аккуратно на мѣсто и послалъ Машу спросить Вѣру Павловну, можетъ ли онъ войти къ ней. Можетъ. Онъ вошелъ, съ обыкновенною неторопливостью и холодностью.

— Вѣра Павловна, я могу теперь въ значительной степени утѣшить васъ. Теперь уже можно, раньше не слѣдовало. Предупредивъ, что общій результатъ моего посѣщенія будетъ утѣшителенъ,—вы знаете, я не говорю напрасныхъ словъ, и потому впередъ должны успокоиться,—я буду излагать дѣло въ порядкѣ. Я вамъ сказалъ, что встрѣтился съ Александромъ Матвѣичемъ и что знаю все. Это дѣйствительно правда. Я, точно, видѣлся съ Александромъ Матвѣичемъ и, точно, я знаю все. Но я не говорилъ того, что я знаю все отъ него, и я не могъ бы этого сказать, потому что, дѣйствительно, знаю все не отъ него, а отъ Дмитрія Сергѣича, который просидѣлъ у меня часа два; я былъ предувѣдомленъ, что онъ будетъ у меня, потому и находился дома, онъ сидѣлъ у меня часа два или болѣе послѣ того, какъ онъ написалъ записку, столько огорчившую васъ. Онъ-то и просилъ...

— Вы слышали, что онъ хочетъ сдѣлать, и не остановили его?

— Я просилъ васъ успокоиться, потому что результатъ моего посѣщенія будетъ утѣшителенъ. Да, я не остановилъ его, потому что рѣшеніе его было основательно, какъ вы сама увидите. Я началъ: — онъ-то и просилъ меня провести этотъ вечеръ у васъ, зная, что вы будете огорчены, и далъ мнѣ къ вамъ порученіе. Именно меня выбралъ онъ посредникомъ, потому что зналъ меня, какъ человѣка, который съ буквальною точностью исполняетъ порученіе, если берется за него, и который не можетъ быть отклоненъ отъ точнаго исполненія принятой обязанности никакимъ

чувствомъ, никакими просьбами. Онъ предвидѣлъ, что вы стали бы умолять о нарушеніи его воли, и надѣялся, что я, не тронувшись вашими мольбами, исполню ее. И я исполню ее, потому впередъ прошу: — не просите у меня никакой уступки въ томъ, что я скажу. Его порученіе состоитъ въ слѣдующемъ: онъ, уходя, чтобы «сойти со сцены»...

— Боже мой, что онъ сдѣлалъ! Какъ же вы могли не удержать его?

— Вникните въ это выраженіе: «сойти со сцены» и не осуждайте меня преждевременно. Онъ употребилъ это выраженіе въ запискѣ, полученной вами, не такъ ли? и мы будемъ употреблять именно его, потому что оно очень вѣрно и удачно выбрано.

Въ глазахъ Вѣры Павловны стало выражаться недоумѣніе; ей все яснѣе думалось: «я не знаю, что это? что же мнѣ думать?» О, Рахметовъ, при всей видимой нелѣпости своей обстоятельной манеры изложенія, былъ мастеръ, великій мастеръ вести дѣло! Онъ былъ великій психологъ, онъ зналъ и умѣлъ выполнять законы постепеннаго подготовленія.

— Итакъ, уходя, чтобы, по очень вѣрному его выраженію, «сойти со сцены», онъ оставилъ мнѣ записку къ вамъ...

Вѣра Павловна вскочила: — Гдѣ жь она? Давайте ее! И вы могли сидѣть здѣсь цѣлый день, не отдавая мнѣ ея?

— Могъ, потому что видѣлъ надобность. Скоро вы оцѣните мои причины. Онѣ основательны. Но прежде всего, я долженъ объяснить вамъ выраженіе, употребленное мною въ самомъ началѣ: «результатъ будетъ утѣшителенъ». Подъ утѣшительностью результата я не разумѣлъ полученіе вами этой записки, по двумъ причинамъ, изъ которыхъ первая, самое полученіе записки еще не было бы достаточнымъ успокоеніемъ, чтобы заслуживать имя утѣшенія, не правда ли? для утѣшенія требуется нѣчто больше. Итакъ, утѣшеніе должно заключаться въ самомъ содержаніи записки.

Вѣра Павловна опять вскочила.

— Успокойтесь, я не могу сказать, что вы ошибаетесь. Предупредивъ васъ о содержаніи записки, я прошу васъ выслушать вторую причину, по которой я не могъ разумѣть подъ «утѣшительностью результата» самое полученіе вами записки, а долженъ былъ разумѣть ея содержаніе. Это содержаніе, характеръ котораго мы опредѣлили, такъ важно, что я могу только показать

вамъ ее, но не могу отдать вамъ ея. Вы прочтете, но вы ея не получите.

— Какъ? Вы не отдадите мнѣ ея?

— Нѣтъ. Именно я потому и выбранъ, что всякій другой на моемъ мѣстѣ отдалъ бы. Она не можетъ остаться въ вашихъ рукахъ, потому что, по чрезвычайной важности ея содержанія, характеръ котораго мы опредѣлили, она не должна остаться ни въ чьихъ рукахъ. А вы захотѣли бы сохранить ее, еслибъ я отдалъ ее. Потому, чтобы не быть принуждену отнимать ее у васъ силою, я вамъ не отдамъ ее, а только покажу. Но я покажу ее только тогда, когда вы сядете, сложите на колѣна ваши руки и дадите слово не поднимать ихъ.

Если бы тутъ былъ кто посторонній, онъ, какимъ бы чувствительнымъ сердцемъ ни былъ одаренъ, не могъ бы не засмѣяться надъ торжественностью всей этой процедуры и въ особенности надъ обрядными церемонностями этого ея финала. Смѣшно, это правда. Но какъ бы хорошо было для нашихъ нервъ, если бы, при сообщеніи намъ сильныхъ извѣстій, умѣли соблюдать хоть десятую долю той выдержки подготовленія, какъ Рахметовъ.

Но Вѣра Павловна, какъ человѣкъ не посторонній, конечно, могла чувствовать только томительную сторону этой медленности, и сама представила фигуру, которою не меньше могъ потѣшиться наблюдатель, когда быстро сѣвши и торопливо, послушно сложивъ руки, самымъ забавнымъ голосомъ, то есть голосомъ мучительнаго нетерпѣнія воскликнула: «клянусь»!

Рахметовъ положилъ на столъ листъ почтовой бумаги, на которомъ было написано десять-двѣнадцать строкъ.

Едва Вѣра Павловна бросила на нихъ взглядъ, она въ тотъ же мигъ, вспыхнувъ, забывши всякія клятвы, вскочила; какъ молнія мелькнула ея рука, чтобы схватить записку, но записка была ужь далеко, въ поднятой рукѣ Рахметова.

— Я предвидѣлъ это, и потому, какъ вы замѣтили бы, если бы могли замѣчать, не отпускалъ своей руки отъ записки. Точно такъ же я буду продолжать держать этотъ листъ за уголъ все время, пока онъ будетъ лежать на столѣ. Потому всякія ваши попытки схватить его будутъ напрасны.

Вѣра Павловна опять сѣла и сложила руки. Рахметовъ опять положилъ передъ ея глазами записку. Она двадцать разъ съ волненіемъ перечитывала ее. Рахметовъ стоялъ подлѣ ея кресла

очень терпѣливо, держа рукою уголъ листа. Такъ прошло съ четверть часа. Наконецъ, Вѣра Павловна подняла руку уже смирно, очевидно не съ похитительными намѣреніями, закрыла ею глаза: «какъ онъ добръ, какъ онъ добръ!» проговорила она.

— Я не вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, и почему, мы объяснимся. Это уже не будетъ исполненіемъ его порученія, а выраженіемъ только моего мнѣнія, которое высказалъ я и ему въ послѣднее наше свиданіе. Его порученіе состояло только въ томъ, чтобы я показалъ вамъ эту записку и потомъ сжегъ ее. Вы довольно видѣли ее?

— Еще, еще.

Она опять сложила руки, онъ опять положилъ записку и съ прежнимъ терпѣніемъ опять стоялъ добрую четверть часа. Она опять закрыла лицо руками и твердила: «о, какъ онъ добръ, какъ онъ добръ!»

— На сколько вы могли изучить эту записку, вы изучили ее. Если бы вы были въ спокойномъ состояніи духа, вы не только знали бы ее наизустъ, форма каждой буквы навѣки врѣзалась бы въ вашей памяти, такъ долго и внимательно вы смотрѣли на нее. Но въ такомъ волненіи, какъ вы теперь, законы запоминанія нарушаются, и память можетъ измѣнить вамъ. Предусматривая этотъ шансъ, я сдѣлалъ копію съ записки, и вы всегда, когда вамъ будетъ угодно, можете видѣть у меня эту копію. Черезъ нѣсколько времени, я, вѣроятно, даже найду возможнымъ отдать вамъ ее. А теперь, я полагаю, уже можно сжечь оригиналъ, и тогда мое порученіе будетъ кончено.

— Покажите еще.

Онъ опять положилъ записку. Вѣра Павловна на этотъ разъ безпрестанно поднимала глаза отъ бумаги: видно было, что она заучиваетъ записку наизустъ и повѣряетъ себя, твердо ли ее выучила. Черезъ нѣсколько минутъ, она вздохнула и перестала поднимать глаза отъ записки.

— Теперь, какъ я вижу, уже достаточно. Пора. Уже двѣнадцать часовъ, а я еще хочу изложить вамъ свои мысли объ этомъ дѣлѣ, потому что считаю полезнымъ для васъ узнать мое мнѣніе о немъ. Вы согласны?

— Да.

Записка въ то же мгновеніе запылала въ огнѣ свѣчи.

— Ахъ! вскрикнула Вѣра Павловна: — я не то сказала, зачѣмъ?

— Да, вы сказали только, что согласны слушать меня. Но уже все равно. Надобно же было когда нибудь сжечь. Говоря эти слова, Рахметовъ сѣлъ.—И притомъ, осталась конія съ записки. Теперь, Вѣра Павловна, я вамъ выражу свое мнѣніе о дѣлѣ. Я начну съ васъ. Вы уѣзжаете. Почему?

— Мнѣ было бы очень тяжело оставаться здѣсь. Видъ мѣстъ, которыя напоминали бы прошлое, разстраивалъ бы меня.

— Да это чувство непріятное. Но неужели много легче было бы вамъ во всякомъ другомъ мѣстѣ? Вѣдь очень не многимъ легче. И между тѣмъ, что вы дѣлали? Для полученія ничтожнаго облегченія себѣ, вы бросили на произволъ случая пятьдесятъ человѣкъ, судьба которыхъ отъ васъ зависѣла. Хорошо ли это?

Куда дѣвалась скучная торжественность тона Рахметова! онъ говорилъ живо, легко, просто, коротко, одушевленно.

— Да, но вѣдь я хотѣла просить Мерцалову.

— Это не такъ. Вы не знаете, въ состояніи ли она замѣнить васъ въ мастерской: вѣдь ея способность къ этому еще не испытана. А тутъ требуется способность довольно рѣдкая. Десять шансовъ противъ одного, что васъ некому было замѣнить и что вашъ отъѣздъ губилъ мастерскую. Хорошо ли это? Вы подвергали почти вѣрной, почти неизбѣжной гибели благосостояніе пятидесяти человѣкъ. И изъ-за чего? изъ-за маленькаго удобства себѣ. Хорошо ли это? Какая нѣжная заботливость къ ничтожнѣйшему облегченію для себя, и какое безчувствіе къ судьбѣ другихъ! Какъ вамъ нравится эта сторона вашего дѣла?

— Почему же вы не останавливали меня?

— Вы бы не послушались. Да вѣдь я же и зналъ, что вы скоро возвратитесь, стало быть, дѣло не будетъ имѣть ничего важнаго. Виновата вы?

— Кругомъ, сказала Вѣра Павловна, отчасти шутя, но отчасти, даже больше чѣмъ отчасти, и серьёзно.

— Нѣтъ, это еще только одна сторона вашей вины. Кругомъ, будетъ гораздо больше. Но за покаяніе награда: помощь въ исправленіи другой вины, которую еще можно исправить. Вы теперь спокойна, Вѣра Павловна?

— Да, почти.

— Хорошо. Какъ вы думаете, спитъ Маша? Нужна она вамъ теперь на что нибудь?

— Конечно, нѣтъ.

— А вѣдь вы ужь успокоились; стало быть, вы уже могли бы вспомнить, что надобно сказать ей: спи, ужь первый часъ, а вѣдь она поутру встаетъ рано. Кто долженъ былъ вспомнить объ этомъ, вы или я? Я пойду скажу ей, чтобы спала. И тутъ же кстати — за новое покаяніе, вѣдь вы опять каетесь, — новая награда, я наберу, что тамъ есть вамъ поужинать. Вѣдь вы не обѣдали нынѣ; а теперь, я думаю, ужь есть аппетитъ?

— Да, есть; вижу, что есть, и очень даже, когда вы напомнили, сказала Вѣра Павловна, ужь вовсе смѣясь.

Рахметовъ принесъ холодное кушанье, оставшееся отъ обѣда, — Маша указала ему сыръ, баночку съ какими-то грибами, закуска составилась очень исправная, — принесъ два прибора, сдѣлалъ все самъ.

— Видите, Рахметовъ, съ какимъ усердіемъ я ѣмъ, значитъ, хотѣлось; а вѣдь не чувствовала, и про себя забыла, не про одну Машу; стало быть, я еще не такая злонамѣренная преступница.

— И я не такое чудо заботливости о другихъ, что вспомнилъ за васъ о вашемъ аппетитѣ: мнѣ самому хотѣлось ѣсть, я плохо пообѣдалъ; правда, съѣлъ столько, что другому было бы за глаза довольно на полтора обѣда, но вы знаете, какъ я ѣмъ — за двоихъ мужиковъ.

— Ахъ, Рахметовъ, вы были добрымъ ангеломъ не для одного моего аппетита. Но зачѣмъ же вы цѣлый день сидѣли, не показывая записки? зачѣмъ вы такъ долго мучили меня?

— Причина очень солидная. Надобно было, чтобы другіе видѣли, въ какомъ вы разстройствѣ, чтобъ извѣстіе о вашемъ ужасномъ разстройствѣ разнеслось для достовѣрности событія, васъ разстроившаго. Вѣдь вы не захотѣли бы притворяться. Да и невозможно вполнѣ замѣнить натуру ничѣмъ, натура все-таки дѣйствуетъ гораздо убѣдительнѣе. Теперь три источника достовѣрности событія: Маша, Мерцалова, Рахель. Мерцалова особенно важный источникъ,—вѣдь это ужь на всѣхъ вашихъ знакомыхъ. Я былъ очень радъ вашей мысли послать за нею.

— Какой же вы хитрый, Рахметовъ!

— Да, это не глупо придумано — ждать до ночи, только не мной; это придумалъ Дмитрій Сергѣичъ самъ.

— Какой онъ добрый! Вѣра Павловна вздохнула, только, по правдѣ сказать, вздохнула не съ печалью, а лишь съ признательностію.

— Э, Вѣра Павловна, мы его еще разберемъ. Въ послѣднее время, онъ, точно, обдумалъ все умно и поступалъ отлично. Но мы найдемъ за нимъ грѣшки, и очень крупненькіе.

— Не смѣйте, Рахметовъ, такъ говорить о немъ. Слышите, я разсержусь.

— Вы бунтовать? за это наказаніе. Продолжать казнить васъ? вѣдь списокъ вашихъ преступленій только еще начатъ.

— Казните, казните, Рахметовъ.

— За покорность награда. Покорность всегда награждается. У васъ конечно найдется бутылка вина. Вамъ не дурно выпить. Гдѣ найти? Въ буфетѣ, или гдѣ въ шкапѣ?

— Въ буфетѣ. Въ буфетѣ нашлась бутылка хересу. Рахметовъ заставилъ Вѣру Павловну выпить двѣ рюмки, а самъ закурилъ сигару.

— Какъ жаль, что не могу и я выпить три, четыре рюмки— хотѣлось бы.

— Неужели хотѣлось бы, Рахметовъ?

— Завидно, Вѣра Павловна, завидно, сказалъ онъ смѣясь.— Человѣкъ слабъ.

— Вы-то еще слабъ, слава Богу! Но, Рахметовъ, вы удивляете меня. Вы совсѣмъ не такой, какъ мнѣ казалось. Отчего вы всегда такое мрачное чудовище? А вѣдь вотъ теперь вы милый, веселый человѣкъ?

— Вѣра Павловна, я исполняю теперь веселую обязанность, отчего жь мнѣ не быть веселымъ? Но вѣдь это случай, это рѣдкость. Вообще, видишь не веселыя вещи; какъ же тутъ не будешь мрачнымъ чудовищемъ? Только, Вѣра Павловна, если ужь случилось вамъ видѣть меня въ такомъ духѣ, въ какомъ я былъ бы радъ быть всегда, и дошло у насъ до такихъ откровенностей, —пусть это будетъ секретъ, что я не по своей охотѣ мрачное чудовище. Мнѣ легче исполнять мою обязанность, когда не замѣчаютъ, что мнѣ самому хотѣлось бы не только исполнять мою обязанность, но и радоваться жизнью; теперь меня ужь и не стараются развлекать, не отнимаютъ у меня времени на отнѣкиваніе отъ зазывовъ. А чтобы вамъ легче было представлять меня не иначе, какъ мрачнымъ чудовищемъ, надобно продолжать слѣдствіе о вашихъ преступленіяхъ.

— Да чего жь вамъ больше?—вы ужь и такъ отъискали два, безчувственность къ Машѣ и безчувственность къ мастерской. Я каюсь.

— Безчувственность къ Машѣ—только проступокъ, а не преступленіе: Маша не погибала отъ того, что терла бы себѣ слипающіяся глаза лишній часъ, напротивъ, она дѣлала это съ пріятнымъ чувствомъ, что исполняетъ свой долгъ. Но за мастерскую я дѣйствительно хочу грызть васъ.

— Да вѣдь ужь изгрызли.

— Еще не всю, а я хочу изгрызть всю васъ. Какъ вы могли бросать ее на погибель?

— Да вѣдь ужь я раскаялась, и не бросала же: вѣдь Мерцалова согласилась замѣнить меня.

— Мы ужь говорили, что ваше намѣреніе замѣнить себя ею—недостаточное извиненіе. Но вы этою отговоркою только уличили себя въ новомъ преступленіи. Рахметовъ постепенно принималъ опять серьёзный, хотя и не мрачный тонъ.—Вы говорите, что она замѣняетъ васъ, — это рѣшено?

— Да, сказала Вѣра Павловна, безъ прежней шутливости уже предчувствуя, что изъ этого выходитъ дѣйствительно что-то не хорошее.

— Извольте же видѣть. Дѣло рѣшено, кѣмъ? вами и ею, рѣшено безъ всякой справки, согласны ли тѣ пятьдесятъ человѣкъ на такую перемѣну, не хотятъ ли они чего нибудь другаго, не находятъ ли они чего нибудь лучшаго. Вѣдь это деспотизмъ, Вѣра Павловна. Вотъ ужь за вами два великія преступленія: безжалостность и деспотизмъ. Но третье еще болѣе тяжелое. Учрежденіе, которое болѣе или менѣе хорошо соотвѣтствовало здравымъ идеямъ объ устройствѣ быта, которое служило болѣе или менѣе важнымъ подтвержденіемъ практичности ихъ, — а вѣдь практическихъ доказательствъ этого еще такъ мало, каждое изъ нихъ еще такъ драгоцѣнно, — это учрежденіе вы подвергали риску погибнуть, обратиться изъ доказательства практичности въ свидѣтельство непримѣнимости, нелѣпости вашихъ убѣжденій, средствомъ для опроверженія идей, благотворныхъ для человѣчества; вы подавали аргументъ противъ святыхъ вашихъ принциповъ защитникамъ мрака и зла. Теперь, я не говорю уже о томъ, что вы разрушали благосостояніе 50 человѣкъ, — что значитъ 50 человѣкъ! вы вредили дѣлу человѣчества, измѣняли дѣлу прогресса. Это, Вѣра Павловна, то, что на церковномъ языкѣ называется грѣхомъ противъ Духа Святаго, — грѣхомъ, о которомъ говорится, что всякій другой грѣхъ можетъ быть отпущенъ человѣку, но этотъ—никакъ, ни-

когда. Правда ли? преступница? Но хорошо, что все это такъ кончилось, и что ваши грѣхи совершены только вашимъ воображеніемъ. А вѣдь, однакожь, вы въ самомъ дѣлѣ покрасивѣли, Вѣра Павловна. Хорошо, я вамъ доставлю утѣшеніе. Если бы вы не страдали очень сильно, вы не совершили бы такихъ преступныхъ вещей и въ воображеніи. Значитъ, настоящій преступникъ и по этимъ вещамъ — тотъ, кто такъ сильно разстроилъ васъ. А вы твердите: какъ онъ добръ, какъ онъ добръ!

— Какъ? по вашему, онъ былъ виноватъ, что я страдала?

— А то кто же? И все это дѣло — онъ велъ его хорошо, я не спорю, — но зачѣмъ оно было? зачѣмъ весь этотъ шумъ? ничему этому вовсе не слѣдовало быть.

— Да, я не должна была имѣть этого чувства. Но вѣдь я не звала его, я старалась подавить его.

— Ну, вотъ, не была должна. Въ чемъ вы виновата, того вы не замѣчали, а въ чемъ ничуть не виновата, за то корите себя! этому чувству необходимо должно было возникнуть, какъ скоро даны характеры вашъ и Дмитрія Сергѣича: не такъ, то иначе, оно все-таки развилось бы; вѣдь здѣсь коренное чувство вовсе не то, что вы полюбили другаго, это уже послѣдствіе; коренное чувство—недовольство вашими прежними отношеніями. Въ какую форму должно было развиться это недовольство? Если бы вы и онъ, оба, или хоть одинъ изъ васъ, были люди не развитые, не деликатные или дурные, оно развилось бы въ обыкновенную свою форму—вражда между мужемъ и женою, вы бы грызлись между собою, если бы оба были дурны, или одинъ изъ васъ грызъ бы другаго, а другой былъ бы сгрызаемъ,—во всякомъ случаѣ, была бы семейная каторга, которою мы и любуемся въ большей части супружествъ; она конечно не помѣшала бы развиться и любви къ другому, но главная штука была бы въ ней, въ каторгѣ, въ грызеніи другъ друга. У васъ такой формы не могло принять это недовольство, потому что оба вы люди порядочные, и развилось только въ легчайшую, мягчайшую, безобиднѣйшую свою форму, въ любовь къ другому. Значитъ, о любви къ другому тутъ и толковать нечего: вовсе не въ ней сущность дѣла. Сущность дѣла—недовольство прежнимъ положеніемъ; причина недовольства—несходство характеровъ. Оба вы хорошіе люди, но когда вашъ характеръ, Вѣра Павловна, созрѣлъ, потерялъ дѣтскую неопредѣленность, пріобрѣлъ опредѣленныя черты,—оказалось, что вы и Дмитрій Сергѣичъ не слишкомъ годитесь другъ для друга. Что

тутъ предосудительнаго кому нибудь изъ васъ? Вѣдь вотъ и я хорошій человѣкъ, а могли ли бы вы ужиться со мною? Вы повѣсились бы отъ тоски со мною, — черезъ сколько дней, какъ вы полагаете?

— Черезъ немного дней, сказала Вѣра Павловна смѣясь.

— Онъ не такое мрачное чудовище, какъ я, а все-таки вы и онъ слишкомъ не подъ-стать другъ другу. Кто долженъ былъ первый замѣтить это? Кто старѣе лѣтами, чей характеръ установился раньше, кто имѣлъ больше опытности въ жизни? онъ былъ долженъ предвидѣть и приготовить васъ, чтобы вы не пугались и не убивались. А онъ понялъ это лишь тогда, когда не только что вполнѣ развилось чувство, котораго онъ долженъ былъ ждать и не ждалъ, а когда ужъ даже явилось послѣдствіе этого чувства, другое чувство. Отчего жъ онъ не придвидѣлъ и не замѣтилъ? Глупъ онъ, что ли? Достало бы ума. Нѣтъ, отъ невнимательности, небрежности, онъ пренебрегалъ своими отношеніями къ вамъ, Вѣра Павловна,—вотъ что! а вы твердите: добрый онъ, любилъ меня! Рахметовъ постепенно одушевляясь, говорилъ уже съ жаромъ. Но Вѣра Павловна остановила его.

— Я не должна слушать васъ, Рахметовъ, сказала она тономъ рѣзкаго неудовольствія: — вы осыпаете упреками человѣка, которому я безконечно обязана.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна, если бы вамъ не нужно было слушать этого, я бы не сталъ говорить. Что я, въ нынѣшній день что ли, замѣтилъ это? Что я, съ нынѣшняго дня что ли, могъ бы сказать это? Вѣдь вы знаете, что разговора со мною нельзя избѣжать, если мнѣ покажется, что нуженъ разговоръ. Значитъ, я бы могъ сказать вамъ это и прежде, но вѣдь молчалъ же. Значитъ, если теперь сталъ говорить, то нужно говорить. Я не говорю ничего раньше, чѣмъ нужно. Вы видѣли, какъ я выдержалъ записку цѣлыхъ девять часовъ въ карманѣ, хоть мнѣ и жалко было смотрѣть на васъ. Но было нужно молчать, я молчалъ. Слѣдовательно, если теперь заговорилъ, что я очень давно думалъ объ отношеніяхъ Дмитрія Сергѣича къ вамъ, стало быть, нужно говорить о нихъ.

— Нѣтъ, я не хочу слушать, съ чрезвычайною горячностью сказала Вѣра Павловна:—я васъ прошу молчать, Рахметовъ. Я васъ прошу уйдти. Я очень обязана вамъ за то, что вы потеряли для меня вечеръ. Но я васъ прошу уйдти.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно.

— Хорошо-съ, сказалъ онъ, смѣясь. — Нѣтъ-съ, Вѣра Павловна, отъ меня не отдѣлаетесь такъ легко. Я предвидѣлъ этотъ шансъ, и принялъ свои мѣры. Ту записку, которая сожжена, онъ написалъ самъ. А вотъ эту, онъ написалъ по моей просьбѣ. Эту я могу оставить вамъ, потому что она не документъ. Извольте.— Рахметовъ подалъ Вѣрѣ Павловнѣ записку.

«11 іюля. 2 часа ночи. Милый другъ Вѣрочка, выслушай все, что тебѣ будетъ говорить Рахметовъ. Я не знаю, что хочетъ онъ говорить тебѣ, я ему не поручалъ говорить ничего, онъ не дѣлалъ мнѣ даже и намека о томъ, что онъ хочетъ тебѣ говорить. Но я знаю, что онъ никогда не говоритъ ничего, кромѣ того, что нужно. Твой Д. Л.».

Вѣра Павловна, Богъ знаетъ, сколько разъ цаловала эту записку.

— Зачѣмъ же вы не отдавали мнѣ ея? У васъ, можетъ быть, есть еще что нибудь отъ него?

— Нѣтъ, ничего больше нѣтъ, потому что ничего больше не было нужно. Зачѣмъ не отдавалъ? — пока не было въ ней надобности, не нужно было отдавать.

— Боже мой, какъ же зачѣмъ? Да для доставленія мнѣ удовольствія имѣть отъ него нѣсколько строкъ послѣ нашей разлуки.

— Да, вотъ развѣ для этого, — ну, это не такъ важно; онъ улыбнулся.

— Ахъ, Рахметовъ, вы хотите бѣсить меня!

— Такъ эта записка служитъ причиною новой ссоры между нами? сказалъ онъ, опять смѣясь:—если такъ, я отниму ее у васъ и сожгу, вѣдь вы знаете, про такихъ людей, какъ мы съ вами, говорятъ, что для насъ нѣтъ ничего святаго. Вѣдь мы способны на всякія насилія и злодѣйства. Но что же, могу я продолжать? Оба они поостыли, она отъ полученія записки, онъ отъ того, что просидѣлъ нѣсколько минутъ молча, пока она цаловала ее.

— Да, я обязана слушать.

— Онъ не замѣчалъ того, что долженъ былъ замѣтить, началъ Рахметовъ спокойнымъ тономъ: — это произвело дурныя послѣдствія. Но если не винить его за то, что онъ замѣчалъ, это все-таки не извиняетъ его. Пусть онъ не зналъ, что это должно неизбѣжно возникнуть изъ сущности данныхъ отношеній между вашимъ и его характеромъ, онъ все-таки долженъ былъ на

всякій случай приготовить васъ къ чему нибудь подобному, просто какъ къ дѣлу случайности, которой нельзя желать, которой не зачѣмъ ждать, но которая все-таки можетъ представиться: вѣдь за будущее никакъ нельзя ручаться, какія случайности можетъ привести оно. Эту-то аксіому, что бываютъ всякія случайности, онъ навѣрное онъ зналъ. Какъ же онъ оставлялъ васъ въ такомъ состояніи мыслей, что когда произошло это, вы не были приготовлены? То, что онъ не предвидѣлъ этого, произошло отъ пренебреженія, которое обидно для васъ, но само по себѣ вещь безразличная, ни дурная, ни хорошая; то, что онъ не подготовилъ васъ на всякій случай, произошло изъ побужденія положительно дурнаго. Конечно, онъ дѣйствовалъ безсознательно, но вѣдь натура и сказывается въ такихъ вещахъ, которыя дѣлаются безсознательно. Подготовлять васъ къ этому противорѣчило бы его выгодамъ, вѣдь подготовкою ослаблялось бы ваше сопротивленіе чувству, несогласному съ его интересами. Въ васъ возникло такое сильное чувство, что и самое сильное ваше сопротивленіе осталось напраснымъ; но вѣдь это опять случайность, что оно явилось съ такою силою. Будь оно внушено человѣкомъ менѣе заслуживающимъ его, хотя все-таки достойнымъ, оно было бы слабѣе. Такія сильныя чувства, противъ которыхъ всякая борьба безполезна, рѣдкое исключеніе. Гораздо больше шансовъ для появленія такихъ чувствъ, которыя можно одолѣть, если сила сопротивленія совершенно не ослаблена. Вотъ для этихъ-то вѣроятнѣйшихъ шансовъ ему и не хотѣлось ослаблять ее. Вотъ мотивъ, по которому онъ оставилъ васъ неподготовленною и подвергъ столькимъ страданіямъ. Какъ вамъ это нравится?

— Это неправда, Рахметовъ. Онъ не скрывалъ отъ меня своего образа мыслей. Его убѣжденія были такъ же хорошо извѣстны мнѣ, какъ вамъ.

— Конечно, Вѣра Павловна. Скрывать это было бы уже слишкомъ. Мѣшать развитію въ васъ убѣжденій, которыя соотвѣтствовали бы его собственнымъ убѣжденіямъ, для этого притворяться думающимъ не то, что думаетъ, это было бы уже прямо безчестнымъ дѣломъ. Такого человѣка вы никогда бы и не полюбили. Развѣ я называлъ его дурнымъ человѣкомъ? Онъ человѣкъ очень хорошій, какъ же не хорошій? — я, сколько вамъ угодно, буду хвалить его. Я только говорю, что прежде, чѣмъ возникло это дѣло,—когда оно возникло, онъ поступалъ хорошо, но прежде, чѣмъ оно возникло, онъ поступалъ съ васъ дурно.

Изъ-за чего вы мучились? Онъ говорилъ,—да тутъ и говорить-то нечего, это видно само по себѣ,—изъ-за того, чтобъ не огорчить его. Какъ же могла остаться въ васъ эта мысль, что это очень сильно огорчитъ его? Ей не слѣдовало оставаться въ васъ. Какое тутъ огорченіе? Это глупо. Что за ревности такія?

— Вы не признаете ревности, Рахметовъ?

— Въ развитомъ человѣкѣ не слѣдуетъ быть ей. Это искаженное чувство, это фальшивое чувство, это гнусное чувство, это явленіе того порядка вещей, по которому я никому не даю носить мое бѣлье, курить изъ моего мундштука; это слѣдствіе взгляда на человѣка, какъ на мою принадлежность, какъ на вещь.

— Но, Рахметовъ, если не признавать ревности, изъ этого выходятъ страшныя послѣдствія.

— Для того, кто имѣетъ ее, они страшны, а для того, кто не имѣетъ ея, въ нихъ нѣтъ ничего не только страшнаго, даже важнаго.

— Но вы проповѣдуете полную безнравственность, Рахметовъ!

— Вамъ такъ кажется послѣ четырехъ лѣтъ жизни съ нимъ? Вотъ въ этомъ-то онъ и виноватъ. Сколько разъ въ день вы обѣдаете? Одинъ. Былъ бы кто нибудь въ претензіи на то, если бы вы стали обѣдать два раза? Вѣроятно, нѣтъ. Почему жь вы этого не дѣлаете? Боитесь, что ли, огорчить кого нибудь? Вѣроятно просто потому, что это вамъ не нужно, что этого вамъ не хочется. А вѣдь обѣдъ вещь пріятная. Да вѣдь разсудокъ и, главное, самъ желудокъ говоритъ, что одинъ обѣдъ пріятенъ, а другой ужь былъ бы непріятенъ. Но если у васъ есть фантазія или болѣзненная охота обѣдать по два раза, удержало бы васъ отъ этого опасеніе огорчить кого нибудь? Нѣтъ, если бы кто огорчался этимъ или запрещалъ это, вы только стали бы скрываться, стали бы кушать блюда въ плохомъ видѣ, пачкали бы ваши руки отъ торопливаго хватанья кушанья, пачкали бы ваше платье, отъ того, что прятали бы его въ карманы,—только. Вопросъ тутъ вовсе не о нравственности или безнравственности, а только о томъ, хорошая ли вещь контрабанда. Кого удерживаетъ понятіе о томъ, что ревность—чувство достойное уваженія и пощады, что «ахъ, если я сдѣлаю это, я огорчу» — кого это заставляетъ попусту страдать въ борьбѣ? Только немногихъ, самыхъ благородныхъ, за которыхъ ужь никакъ нельзя опасаться, что натура ихъ повлекла бы къ безнравственности. Остальныхъ этотъ вздоръ ни-

сколько не удерживаетъ, а только заставляетъ хитрить, обманывать, то есть, дѣлаетъ дѣйствительно дурными. Вотъ вамъ и все. Развѣ вамъ не извѣстно это?

— Конечно, извѣстно.

— Гдѣ жь вы послѣ этого отъищете нравственную пользу ревности?

— Да вѣдь мы съ нимъ сами всегда говорили въ этомъ духѣ.

— Вѣроятно, не совсѣмъ въ этомъ, или говорили слова, да не вѣрили другъ другу, слыша другъ отъ друга эти слова, а не вѣрили, конечно, потому, что безпрестанно слышали по всякимъ другимъ предметамъ, а можетъ быть, и по этому самому предмету, слова въ другомъ духѣ; иначе, какъ же вы мучились, Богъ знаетъ, сколько времени? и изъ-за чего? Изъ-за какихъ пустяковъ какой тяжелый шумъ! сколько разстройства для всѣхъ троихъ, особенно для васъ, Вѣра Павловна! Между тѣмъ, какъ очень спокойно могли бы вы всѣ трое жить по прежнему, какъ жили за годъ, или какъ нибудь перемѣститься всѣмъ на одну квартиру, или иначе перемѣститься, или какъ бы тамъ пришлось, только совершенно безъ всякаго разстройства, и по прежнему пить чай втроемъ, и по прежнему ѣздить въ оперу втроемъ. Къ чему эти мученья? Къ чему эти катастрофы? и все отъ того, что у васъ, благодаря прежнему дурному способу его держать васъ неприготовленною къ этому, осталось понятіе: «я убиваю его этимъ», чего тогда вовсе не было бы. Да, онъ надѣлалъ вамъ очень много лишняго горя.

— Нѣтъ, Рахметовъ, вы говорите ужасныя вещи.

— Опять «ужасныя вещи!» Для меня ужасны: мученье изъ-за пустяковъ и катастрофы изъ-за вздора.

— Такъ по вашему, вся наша исторія—глупая мелодрама?

— Да, совершенно ненужная мелодрама съ совершенно ненужнымъ трагизмомъ. И въ томъ, что, вмѣсто простыхъ разговоровъ самаго спокойнаго содержанія, вышла раздирательная мелодрама, виноватъ Дмитрій Сергѣичъ. Его честный образъ дѣйствія въ ней едва-едва достаточенъ для покрытія его прежней вины, что онъ не предотвратилъ эту мелодраму подготовленіемъ васъ да и себя, вѣроятно, къ очень спокойному взгляду на все это, какъ на чистый вздоръ, изъ-за котораго не стоитъ выпить лишній стаканъ чаю или недопить одного стакана чаю. Онъ сильно виноватъ. Ну, да онъ довольно поплатился. Выпейте еще рюмку хереса и ложитесь спать. Я достигъ теперь и послѣдней цѣли

своего посѣщенія: вотъ уже три часа; если васъ не будить, вы проспите очень долго. А я сказалъ Машѣ, чтобъ она не будила васъ раньше половины одиннадцатаго, такъ что завтра едва успѣете вы напиться чаю, какъ ужь надобно будетъ вамъ спѣшить на желѣзную дорогу; вѣдь если и не успѣете уложить всѣхъ вещей, то скоро вернетесь, или вамъ привезутъ ихъ, какъ вы думаете сдѣлать, чтобы вслѣдъ за вами поѣхалъ Александръ Матвѣичъ, или сами вернетесь? а вамъ теперь было бы тяжело съ Машею, вѣдь не годилось бы, еслибъ она замѣтила, что вы совершенно спокойны. Да гдѣ будетъ ей замѣтить въ полчаса торопливыхъ сборовъ? Гораздо хуже была бы Мерцалова. Но я зайду къ ней рано поутру и скажу ей, чтобы не пріѣзжала сюда, потому что вы долго не спали, и не должно васъ будить, а ѣхала бы прямо на желѣзную дорогу.

— Какая заботливость обо мнѣ! сказала Вѣра Павловна.

— Ужь хоть этого-то не приписывайте ему, это ужь я самъ. Но, кромѣ того, что я его браню за прежнее, — въ глаза ему я, конечно, наговорилъ побольше и посильнѣе, — кромѣ того, что онъ кругомъ виноватъ въ возникновеніи всего этого пустаго мученія, въ самое время пустаго мученья онъ держалъ себя похвально.

XXX.

БЕСѢДА СЪ ПРОНИЦАТЕЛЬНЫМЪ ЧИТАТЕЛЕМЪ И ИЗГНАНІЕ ЕГО.

Скажи же, о проницательный читатель, зачѣмъ выведенъ Рахметовъ, который вотъ теперь ушелъ и больше не явится въ моемъ разсказѣ? Ты ужь знаешь отъ меня, что эта фигура, не участвующая въ дѣйствіи...

— Неправда, перебиваетъ меня проницательный читатель: — Рахметовъ дѣйствующее лицо: вѣдь онъ принесъ записку, отъ которой...

— Ужь очень плохъ ты, государь мой, въ эстетическихъ разсужденіяхъ, которыя такъ любишь, перебиваю я его: — послѣ этого, по твоему, и Маша дѣйствующее лицо? Вѣдь она, въ самомъ началѣ разсказа, тоже принесла письмо, отъ котораго пришла въ ужасъ Вѣра Павловна. И Рахель дѣйствующее лицо? вѣдь она дала за вещи деньги, безъ которыхъ не могла бы Вѣра

Павловна уѣхать. И профессоръ N дѣйствующее лицо, потому что рекомендовалъ Вѣру Павловну въ гувернантки г-жѣ Б., безъ чего не вышло бы сцены возвращенія съ Конно-гвардейскаго бульвара? Можетъ быть, и Конно-гвардейскій бульваръ — дѣйствующее лицо? потому что вѣдь безъ него не было бы сцены свиданія на немъ и возвращенія съ него? А Гороховая улица этакъ выйдетъ ужь самое главное дѣйствующее лицо, потому что безъ нея не было бъ и домовъ, стоящихъ на ней, значитъ, и дома Сторешникова, значитъ, не было бы и управляющаго этимъ домомъ, и дочери управляющаго этимъ домомъ не было бы, а тогда вѣдь и всего разсказа вовсе бы не было. Ну, однако, положимъ по твоему, что все это дѣйствующія лица: Конно-гвардейскій бульваръ и Маша, Рахель и Гороховая улица, такъ вѣдь о нихъ и сказано по пяти словъ, или того меньше, потому что дѣйствіе ихъ такое, которое больше пяти словъ не стоитъ, а посмотрите-ко, сколько страницъ отдано Рахметову.

— А, теперь знаю, говоритъ проницательный читатель:—Рахметовъ выведенъ за тѣмъ, чтобы произнесть приговоръ о Вѣрѣ Павловнѣ и Лопуховѣ, онъ нуженъ для разговора съ Вѣрою Павловною.

— О, да какъ же ты плохъ, государь мой! какъ разъ наоборотъ понимаешь дѣло. Развѣ нужно было выводить особаго человѣка за тѣмъ, чтобъ онъ высказалъ свое мнѣніе о другихъ лицахъ? По этакимъ надобностямъ, можетъ быть, выводятъ и уводятъ людей въ своихъ произведеніяхъ твои великіе художники, а я, хоть и плохой писатель, а все-таки нѣсколько получше понимаю условія художественности. Нѣтъ, государь мой, Рахметовъ вовсе не былъ нуженъ для этого. Сколько разъ сама Вѣра Павловна, Лопуховъ, Кирсановъ выражаютъ сами свое мнѣніе о своихъ поступкахъ и отношеніяхъ? Они люди не глупые, они сами могутъ разсудить, что хорошо, что дурно, на это имъ не нужно суффлера. Неужели ты думаешь, что сама Вѣра Павловна когда на досугѣ, черезъ нѣсколько дней, стала бы вспоминать прошлую сумятицу, не осудила бы свою забывчивость о мастерской точно такъ же, какъ осудилъ Рахметовъ? И неужели ты полагаешь, что Лопуховъ самъ не думалъ о своихъ отношеніяхъ къ Вѣрѣ Павловнѣ всего того, что сказалъ о немъ Вѣрѣ Павловнѣ Рахметовъ? Онъ все это думалъ; порядочные люди сами думаютъ о себѣ все то, что можно сказать въ осужденіе имъ, потому-то, государь мой, они и порядочные люди, развѣ ты этого не зналъ?

Очень же плохъ ты, государь мой, по части соображеній о томъ, что думаютъ порядочные люди. Я тебѣ скажу больше: неужели ты полагалъ, что Рахметовъ въ разговорѣ съ Вѣрою Павловною дѣйствовалъ независимо отъ Лопухова? Нѣтъ, государь мой: онъ былъ тутъ лишь орудіемъ Лопухова, и самъ тогда же очень хорошо понималъ, что онъ тутъ лишь орудіе Лопухова, и Вѣра Павловна догадалась объ этомъ черезъ день или черезъ два, и догадалась бы въ ту же самую минуту, какъ Рахметовъ раскрылъ ротъ, если бы не была слишкомъ взволнована: вотъ какъ на самомъ-то дѣлѣ были вещи, неужели ты и этого не понималъ? Конечно, Лопуховъ во второй запискѣ говоритъ совершенно справедливо, что ни онъ Рахметову, ни Рахметовъ ему ни слова не сказалъ, каково будетъ содержаніе разговора Рахметова съ Вѣрою Павловною; да вѣдь Лопуховъ хорошо зналъ Рахметова, и что Рахметовъ думаетъ о какомъ дѣлѣ, и какъ Рахметовъ будетъ говорить въ какомъ случаѣ, вѣдь порядочные люди понимаютъ другъ друга, и не объяснявшись между собою; Лопуховъ могъ бы впередъ чуть не слововъ слово написать все, что будетъ говорить Рахметовъ Вѣрѣ Павловнѣ, именно потому-то онъ и просилъ Рахметова быть посредникомъ. Не посвятить ли тебя еще глубже въ психологическія тайны? Лопуховъ очень хорошо зналъ, что все, что думаетъ теперь про себя онъ, и думаетъ про него Рахметовъ (и думаетъ Мерцаловъ, и думаетъ Мерцалова, и думаетъ тотъ офицеръ, который боролся съ нимъ на островахъ), стала бы черезъ нѣсколько времени думать про него и Вѣра Павловна, хотя ей никто этого не скажетъ. Она сейчасъ же увидѣла бы это, какъ только прошла бы первая горячка благодарности; слѣдовательно, разсчитывалъ Лопуховъ, въ окончательномъ результатѣ я ничего не проигрываю отъ того, что посылаю къ ней Рахметова, который будетъ ругать меня, вѣдь она и сама скоро дошла бы до такого же мнѣнія; напротивъ, я выигрываю въ ея уваженіи: вѣдь она скоро сообразитъ, что я предвидѣлъ содержаніе разговора Рахметова съ нею и устроилъ этотъ разговоръ, и зачѣмъ устроилъ; вотъ она и подумаетъ: «какой онъ благородный человѣкъ, зналъ, что въ тѣ первые дни волненія, признательность моя къ нему подавляла бы меня своею экзальтированностью, и позаботился, чтобы въ умѣ моемъ, какъ можно поскорѣе, явились мысли, которыми облегчилось бы это бремя; вѣдь хоть я и сердилась на Рахметова, что онъ бранитъ его, а вѣдь я тогда же поняла, что, въ сущности, Рахметовъ говоритъ правду; сама я

додумалась бы до этого черезъ недѣлю, но тогда это было бы для меня ужь не важно, я и безъ того была бы спокойна; а черезъ то, что эти мысли были высказаны мнѣ въ первый же день, я избавилась отъ душевной тягости, которая иначе длилась бы цѣлую недѣлю. Въ тотъ день, эти мысли были для меня очень важны и полезны... да, онъ очень благородный человѣкъ». Вотъ какую штуку устроилъ Лопуховъ, а Рахметовъ былъ только его орудіемъ. Видишь ли, государь мой, проницательный читатель, какіе хитрецы благородные-то люди, и какъ играетъ въ нихъ эгоизмъ-то: не такъ, какъ въ тебѣ, государь мой, потому что удовольствіе-то находятъ они не въ томъ, въ чемъ ты, государь мой; они, видишь ли, высшее свое наслажденіе находятъ въ томъ, чтобы люди, которыхъ они уважаютъ, думали о нихъ, какъ о благородныхъ людяхъ, и для этого, государь мой, они хлопочатъ и придумываютъ всякія штуки, не менѣе усердно, чѣмъ ты для своихъ цѣлей, только цѣли-то у васъ различныя, потому и штуки придумываются неодинаковыя тобою и ими: ты придумываешь дрянныя, вредныя для другихъ, а они придумываютъ честныя, полезныя для другихъ.

— Однако, какъ ты смѣешь говорить мнѣ грубости? восклицаетъ проницательный читатель, обращаясь ко мнѣ: — я за это подамъ на тебя жалобу, разславлю тебя человѣкомъ неблагонамѣреннымъ!

— Пощадите, государь мой, отвѣчаю я: — смѣю ли я говорить вамъ грубости, когда вашъ характеръ я столько же уважаю, какъ и вашъ умъ. А я только осмѣливаюсь просвѣщать васъ по части художественности, которую вы такъ любите. Вы въ этомъ отношеніи заблуждались, государь мой, полагая, будто Рахметовъ выведенъ собственно для произнесенія приговора о Вѣрѣ Павловнѣ и Лопуховѣ. Не было такой надобности: въ мысляхъ, которыя онъ о нихъ высказываетъ, нѣтъ ничего такого, чего бы я не могъ сообщить тебѣ, государь мой, какъ мысли самаго Лопухова о себѣ и какъ мысли, которыя и безъ Рахметова имѣла бы черезъ нѣсколько времени Вѣра Павловна о себѣ и о Лопуховѣ. Теперь, государь мой, вопросъ тебѣ: зачѣмъ же я сообщаю тебѣ разговоръ Рахметова съ Вѣрою Павловною? Понимаешь ли ты теперь, что если я сообщаю тебѣ не мысли Лопухова и Вѣры Павловны, а разговоръ Рахметова съ Вѣрою Павловною, то нужно сообщить не тѣ только мысли, которыя составляли сущность разговора, но именно разговоръ? Зачѣмъ же нужно сооб-

щать тебѣ именно этотъ разговоръ? Затѣмъ, что онъ разговоръ Рахметова съ Вѣрою Павловною; понимаешь ли хоть теперь? Все еще нѣтъ? Хорошъ же однако ты. Плохъ по части смысла-то, плохъ. Ну, вотъ тебѣ, раскушу: если разговариваютъ два человѣка, то изъ разговора бываетъ болѣе или менѣе виденъ характеръ этихъ людей,—понимаешь, къ чему идетъ дѣло? Характеръ Вѣры Павловны былъ ли тебѣ достаточно извѣстенъ до этого разговора? Былъ, ты не узналъ тутъ ничего новаго о ней; ты уже зналъ, что она и вспыхиваетъ, и шутитъ, и не прочь покушать съ аппетитомъ, и пожалуй выпить рюмочку хересу, значитъ, разговоръ нуженъ для характеристики не Вѣры Павловны, а кого же? вѣдь разговаривающихъ-то двое: она да Рахметовъ, для характеристики не ея, а ну-тко, угадай?

— Рахметова! восклицаетъ проницательный читатель.

— Ну, вотъ, молодецъ, угадалъ, за это люблю. Такъ видишь ли, совершенно наоборотъ противъ того, какъ представлялось было тебѣ прежде. Не Рахметовъ выведенъ для того, чтобы вести разговоръ, а разговоръ сообщенъ тебѣ для того, и единственно только для того, чтобы еще побольше познакомить тебя съ Рахметовымъ. Изъ этого разговора ты увидѣлъ, что Рахметову хотѣлось бы выпить хересу, хоть онъ и не пьетъ, что Рахметовъ не безусловно «мрачное чудовище», что, напротивъ, когда онъ за какимъ нибудь пріятнымъ дѣломъ забываетъ свои тоскливыя думы, свою жгучую скорбь, то онъ и шутитъ, и весело болтаетъ, да только, говоритъ, рѣдко мнѣ это удается, и горько, говоритъ, мнѣ, что мнѣ такъ рѣдко это удается, я, говоритъ, и самъ не радъ, что я «мрачное чудовище», да ужь обстоятельства-то такія, что человѣкъ съ моею пламенною любовью къ добру не можетъ не быть «мрачнымъ чудовищемъ», а какъ бы не это, говоритъ, такъ я бы, можетъ быть, цѣлый день шутилъ да хохоталъ, да пѣлъ, да плясалъ.

Понялъ ли ты теперь, проницательный читатель, что хотя много страницъ употреблено на прямое описаніе того, какой человѣкъ былъ Рахметовъ, но что, въ сущности, еще гораздо больше страницъ посвящено все исключительно тому же, чтобы познакомить тебя все съ тѣмъ же лицомъ, которое вовсе не дѣйствующее лицо въ романѣ? Скажи же мнѣ теперь, зачѣмъ выставлена и такъ подробно описана эта фигура? Помнишь, я сказалъ тебѣ тогда: «единственно для удовлетворенія главному требованію художественности». Подумай-ка, какое оно, и какъ удов-

летворяется черезъ постановленіе передъ тобою фигуры Рахметова. Додумался ли? Да нѣтъ, куда тебѣ. Ну, слушай же. Или нѣтъ, не слушай, ты не поймешь, отстань, довольно я потѣшался надъ тобою. Я теперь говорю ужь не съ тобою, я говорю съ публикою, и говорю серьёзно.

Первое требованіе художественности состоитъ вотъ въ чемъ: надобно изображать предметы такъ, чтобы читатель представлялъ себѣ ихъ въ истинномъ ихъ видѣ. Напримѣръ, если я хочу изобразить домъ, то надобно мнѣ достичь того, чтобы онъ представлялся читателю именно домомъ, а не лачужкою и не дворцомъ. Если я хочу изобразить обыкновеннаго человѣка, то надобно мнѣ достичь того, чтобы онъ не представлялся читателю ни карликомъ и ни гигантомъ.

Я хотѣлъ изобразить обыкновенныхъ порядочныхъ людей новаго поколѣнія, людей, которыхъ я встрѣчаю цѣлыя сотни. Я взялъ троихъ такихъ людей: Вѣру Павловну, Лопухова, Кирсанова. Такими обыкновенными людьми я ихъ считаю, сами они считаютъ себя, считаютъ ихъ всѣ ихъ знакомые, то есть, такіе же люди, какъ они. Гдѣ я говорилъ о нихъ не въ такомъ духѣ? Что я разсказывалъ о нихъ не такого? Я изображалъ ихъ съ любовью и уваженіемъ, потому что каждый порядочный человѣкъ стоитъ любви и уваженія. Но гдѣ я преклонялся передъ ними? Гдѣ проглядываетъ у меня хоть малѣйшая тѣнь мысли, что они ужь, Богъ знаетъ, какъ высоки и прекрасны, что я не могу представить себѣ ничего выше и лучше ихъ, что они — идеалы людей? Какъ я о нихъ думаю, такъ они и дѣйствуютъ у меня, — не больше, какъ обыкновенные порядочные люди новаго поколѣнія. Что они дѣлаютъ превыспренняго? не дѣлаютъ подлостей, не трусятъ, имѣютъ обыкновенныя честныя убѣжденія, стараются дѣйствовать по нимъ, и только — экое какое геройство, въ самомъ дѣлѣ! Да, мнѣ хотѣлось показать людей, дѣйствующихъ, какъ всѣ обыкновенные люди ихъ типа, и надѣюсь, мнѣ удалось достичь этого. Тѣ читатели, которые близко знаютъ живыхъ людей этого типа, надѣюсь, постоянно видѣли съ самаго начала, что главныя мои дѣйствующія лица — нисколько не идеалы, а люди вовсе не выше общаго уровня людей своего типа, что каждый изъ людей ихъ типа переживалъ не два, не три событія, въ которыхъ дѣйствовалъ нисколько не хуже того, какъ они у меня. Положимъ, что другіе порядочные люди переживали не точно такія событія, какъ разсказываемое

мною; вѣдь въ этомъ нѣтъ рѣшительно никакой ни крайности, ни прелести, чтобы всѣ жены и мужья расходились, вѣдь вовсе не каждая порядочная женщина чувствуетъ страстную любовь къ пріятелю мужа, не каждый порядочный человѣкъ борется со страстью къ замужней женщинѣ, да еще цѣлые три года, и тоже не всякій бываетъ принужденъ застрѣлиться на мосту или (по словамъ проницательнаго читателя) такъ неизвѣстно куда пропасть изъ гостинницы. Но каждый порядочный человѣкъ вовсе не счелъ бы геройствомъ поступить на мѣстѣ этихъ изображенныхъ мною людей точно такъ же, какъ они, и совершенно готовъ къ этому, если бы такъ случилось, и много разъ поступалъ не хуже въ случаяхъ не менѣе, или даже и болѣе трудныхъ, и все-таки не считаетъ себя удивительнымъ человѣкомъ, а только думаетъ о себѣ, что я дескать такъ-себѣ, ничего, довольно честный человѣкъ. И добрые знакомые такого человѣка (все такіе же люди, какъ онъ: съ другими не водится у него добраго знакомства), тоже такъ думаютъ про него, что дескать онъ хорошій человѣкъ, но на колѣна передъ нимъ и не воображаютъ становиться, а думаютъ себѣ: и мы такіе же, какъ онъ. Надѣюсь, я успѣлъ достичь этого, что каждый порядочный человѣкъ новаго поколѣнія узнаетъ обыкновенный типъ своихъ добрыхъ знакомыхъ въ моихъ трехъ дѣйствующихъ лицахъ.

Но эти люди, которые будутъ съ самаго начала разсказа думать про моихъ Вѣру Павловну, Кирсанова, Лопухова: «ну да, это наши добрые знакомые, простые обыкновенные люди, какъ мы», люди, которые будутъ такъ думать о моихъ главныхъ дѣйствующихъ лицахъ, все-таки еще составляютъ меньшинство публики. Большинство ея еще слишкомъ много ниже этого типа. Человѣкъ, который не видывалъ ничего, кромѣ лачужекъ, сочтетъ изображеніемъ дворца картинку, на которой нарисованъ такъ-себѣ, обыкновенный домъ. Какъ быть съ такимъ человѣкомъ, чтобы домъ показался ему именно домомъ, а не дворцомъ? Надобно на той же картинкѣ нарисовать хоть маленькій уголокъ дворца; онъ по этому уголку увидитъ, что дворецъ — это должно быть штука совсѣмъ ужь не того масштаба, какъ строеніе, изображенное на картинкѣ, и что это строеніе дѣйствительно, должно быть, не больше, какъ простой обыкновенный домъ, въ какихъ, или даже получше, всѣмъ слѣдовало бы жить. Не покажи я фигуру Рахметова, большинство читателей сбилось бы съ толку на счетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ моего раз-

сказа. Я держу пари, что до послѣднихъ отдѣловъ этой главы Вѣра Павловна, Кирсановъ, Лопуховъ казались большинству публики героями, лицами высшей натуры, пожалуй даже лицами идеализированными, пожалуй даже лицами невозможными въ дѣйствительности по слишкомъ высокому благородству. Нѣтъ, друзья мои, злые, дурные, жалкіе друзья мои, это не такъ вамъ представлялось: не они стоятъ слишкомъ высоко, а вы стоите слишкомъ низко. Вы видите теперь, что они стоятъ просто на землѣ: это отъ того только казались они вамъ парящими на облакахъ, что вы сидите въ преисподней трущобѣ. На той высотѣ, на которой они стоятъ, должны стоять, могутъ стоять всѣ люди. Высшія натуры, за которыми не угнаться мнѣ и вамъ, жалкіе друзья мои, высшія натуры не таковы. Я вамъ показалъ легкій абрисъ профиля одной изъ нихъ: не тѣ черты, вы видите. А тѣмъ людямъ, которыхъ я изображаю вполнѣ, вы можете быть ровными, если захотите поработать надъ своимъ развитіемъ. Кто ниже ихъ, тотъ низокъ. Поднимайтесь изъ вашей трущобы, друзья мои, поднимайтесь, это не такъ трудно, выходите на вольный бѣлый свѣтъ, славно жить на немъ, и путь легокъ и заманчивъ, попробуйте: развитіе, развитіе. Наблюдайте, думайте, читайте тѣхъ, которые говорятъ вамъ о чистомъ наслажденіи жизнью, о томъ, что человѣку можно быть добрымъ и счастливымъ. Читайте ихъ — ихъ книги радуютъ сердце, наблюдайте жизнь — наблюдать ее интересно, думайте — думать завлекательно. Только и всего. Жертвъ не требуется, лишеній не спрашивается — ихъ не нужно. Желайте быть счастливыми — только, только это желаніе нужно. Для этого, вы будете съ наслажденіемъ заботиться о своемъ развитіи: въ немъ счастье. О, сколько наслажденій развитому человѣку! Даже то, что другой чувствуетъ, какъ жертву, горе, онъ чувствуетъ, какъ удовлетвореніе себѣ, какъ наслажденіе, а для радостей какъ открыто его сердце, и какъ много ихъ у него! Попробуйте: — хорошо!

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

НА РОДИНѢ.

(съ англійскаго).

«Съ дѣтскимъ ли сердцемъ, и чистъ ли душою
Ты воротился къ намъ?» Такъ надо мною
Лѣса роднаго березы и ели
Ясной, вечерней порою шумѣли.

«Все ли былъ вѣренъ призыву святому
Правды, съ тѣхъ поръ, какъ изъ отчаго дома
Вышелъ ты съ жаждой добра и свободы?»
Такъ мнѣ журчали родимыя воды.

«Все ли какъ прежде любовью богато
Сердце, и въ ближнемъ ты видишь ли брата?»
Молвилъ мнѣ вѣтеръ родимаго края,
Въ полѣ колосья къ землѣ пагибая.

«Вѣрно ли сердце сыновнее было
Тѣмъ, чья вдали зеленѣетъ могила?
И посреди обольщенья мірскаго
Помнилъ ли ты ихъ предсмертное слово?»

Слезы изъ глазъ полилися рѣкою.
— Тѣни родныя! взывалъ я съ тоскою: —
Не былъ я вѣренъ святому завѣту!
Дѣтскаго сердца въ груди моей нѣту!

Не уберегъ я и помысловъ чистыхъ.
Я отъ путей уклонялся тернистыхъ,
Я уклонялся отъ доблестной цѣли —
Юныя грезы всѣ прочь отлетѣли!

Такъ ужь давно не люблю, какъ любилъ я.
Ваше предсмертное слово забылъ я.
И въ суетѣ, посреди ликованій,
Много погибло святыхъ упованій.

Въ сердцѣ угасла былая отвага,
Жажда свободы, желаніе блага...
И возвращаюсь я въ край свой родимый,
Тяжкой, гнетущею скорбью томимый.

Только взгляну на жилище родное,
Ноетъ въ груди моей сердце больное.
Вспомню ль года, что безплодно убиты —
Слезы раскаянья жгутъ мнѣ ланиты.

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

НОВЫЯ ОСНОВАНІЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА.

III.

Переходя къ подробному разсмотрѣнію основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства, мы встрѣчаемъ съ перваго раза такое правило, которое находится въ прямомъ противорѣчіи съ объявленными началами предпринимаемой реформы и можетъ представить затрудненіе къ ихъ осуществленію. Въ 1-й статьѣ общихъ правилъ уголовнаго судопроизводства мы читаемъ слѣдующее:

«Никто не можетъ быть наказанъ за преступленія или проступки, «*подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ*, не бывъ присужденъ къ «наказанію приговоромъ подлежащаго суда, вошедшимъ въ законную «силу».

«*Примѣчаніе.* Административная власть принимаетъ, въ установленномъ законами порядкѣ, *мѣры для* предупрежденія и пресѣченія «преступленій и проступковъ».

Прежде всего надобно замѣтить, что эта статья могла бы возбудить множество недоразумѣній по одной темнотѣ своей редакціи, даже и въ такомъ случаѣ, если бы она не сопровождалась примѣчаніемъ. Говоря о преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ вѣдомству судебныхъ мѣстъ, она заставляетъ предполагать существованіе такихъ преступленій и проступковъ, которые имъ не подлежатъ и на дѣла о которыхъ дѣйствіе судебной охраны не распространяется. Иначе нельзя понять этой статьи. Если бы составители ея были проникнуты мыслью, что вѣдомство судебной власти обнимаетъ всѣ преступныя дѣйствія безъ всякаго исключенія, то имъ не было бы никакой надобности въ этомъ придаточномъ предложеніи, потому что оно нисколько не объясняло бы ихъ мысли, но, напротивъ, затемняло бы ее. Слѣдовательно, редакція самой статьи прямо указываетъ на возможность существованія такихъ преступленій и проступковъ, за которые можно быть наказанными безъ всякаго суда. Сверхъ того, въ этомъ придаточномъ предложеніи кроется и другое недоразу-

мѣніе. Здѣсь говорится не о вѣдомствѣ судебной власти вообще, но о вѣдомствѣ *судебныхъ мѣстъ*. Между тѣмъ, изъ основныхъ положеній видно, что судебная власть вручается не однимъ только судебнымъ мѣстамъ, но и нѣкоторымъ лицамъ (какъ наприм. мировымъ судьямъ), которыя не могутъ быть называемы *мѣстами*. Изъ этого слѣдуетъ, что важное право не быть наказаннымъ иначе, какъ по приговору подлежащаго суда, вошедшему въ законную силу, еще болѣе ограничивается. По буквальному смыслу этой статьи, административный произволъ не можетъ вторгаться лишь въ тѣсную область вѣдомства такъ называемыхъ судебныхъ мѣстъ (т. е. окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и кассаціоннаго суда), но внѣ ея имѣетъ полное право распоряжаться, какъ ему угодно. Но примѣчаніе даетъ этому произволу еще болѣе простора. Оно говоритъ, что административная власть принимаетъ, въ установленномъ законами порядкѣ, мѣры для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ. Такъ какъ въ этомъ примѣчаніи не сдѣлано никакого указанія на измѣненіе установленнаго порядка для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ, то изъ этого слѣдуетъ, что административная власть и на будущее время, при существованіи независимаго суда, уполномочивается принимать, въ видахъ предупрежденія преступленій, тѣ же самыя *мѣры*, какія находятся въ ея распоряженіи въ настоящее время. Между тѣмъ, эти *мѣры* большею частію состоятъ въ произвольномъ судѣ, лишенномъ всякихъ гарантій или представляютъ такія стѣсненія личной свободы, которыя очень часто далеко превосходятъ мѣру судебныхъ наказаній. Такъ какъ характеръ и дѣйствительное значеніе подобныхъ мѣропріятій извѣстны всѣмъ и каждому, то мы не находимъ никакой нужды описывать ихъ въ подробности. Очень понятно, что при оставленіи настоящаго порядка административнаго предупрежденія и пресѣченія преступленій, существованіе независимаго суда представляетъ такую несообразность, которая невозможна въ дѣйствительной жизни. Если административныя власти будутъ имѣть право употреблять прежнія мѣры предупрежденія, то вѣдомство суда будетъ ограничиваться лишь тѣми дѣлами, которыя администрація не заблагоразсудитъ рѣшать собственными средствами. Самый судъ сдѣлается игрушкою администраторовъ, потому что, при такомъ порядкѣ вещей, участь лицъ, занимающихъ судебныя должности, необходимо зависитъ отъ произвола административныхъ начальствъ. Если уже административная власть имѣетъ право распоряжаться судьбою человѣка безъ всякаго суда и слѣдствія, на основаніи особыхъ соображеній, то ея произволъ не можетъ ограничиться одними частными лицами. Опытъ всѣхъ странъ и народовъ показываетъ, что высшія административныя соображенія такъ эластич-

ны, что могутъ оправдывать всякія беззаконія. Поэтому, въ странахъ, гдѣ допускается подобное вмѣшательство администраціи въ область суда, нѣтъ и никогда не было такого оффиціальнаго положенія, которое могло бы защитить личность человѣка отъ всемогущаго административнаго произвола. Если уже допускается распоряженіе личностью человѣка безъ суда въ видѣ предупредительной мѣры, то никакія гарантіи, присвоиваемыя должности, не могутъ обезпечить ея независимости. Въ этомъ случаѣ спеціальныя предписанія закона совершенно безсильны, потому что они прямо противорѣчатъ общему строю государственной жизни и являются невозможными въ исполненіи. Такъ какъ всякое лицо, вступающее въ извѣстную должность, не перестаетъ быть гражданиномъ, то административныя власти, пользуясь широкимъ правомъ распоряжаться судьбою людей на основаніи личныхъ соображеній и отсутствіемъ гласности, не допускающимъ никакой защиты, могутъ лишить всякое должностное лице, какъ гражданина, не только особыхъ преимуществъ его оффиціальнаго положенія, но даже и возможности пользоваться общими человѣческими правами. Двѣ любимыя предупредительныя мѣры, употребляемыя безъ суда и слѣдствія и составляющія въ сущности самыя важныя уголовныя наказанія, даютъ администраціи вѣрныя средства для устраненія всѣхъ неудобствъ легальной независимости должностныхъ лицъ. Заключеніе или ссылка разрѣшаютъ въ этомъ случаѣ всѣ затрудненія. Эти два мѣропріятія представляютъ администраціи цѣлый арсеналъ средствъ для совершеннаго порабощенія ея произволу всѣхъ и каждаго. Можетъ быть, многіе намъ возразятъ, что наши уставы о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, не даютъ администраціи такихъ правъ. Дѣйствительно, по заключающимся въ нихъ правиламъ о предупрежденіи отдѣльныхъ преступленій, административныя власти могутъ только останавливать совершающіяся преступныя дѣйствія и въ маловажныхъ случаяхъ подвергать виновныхъ опредѣленнымъ наказаніямъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ отсылать ихъ къ суду. Но не надобно забывать, что дѣйствія административныхъ властей въ отношеніи предупрежденія преступленій не ограничиваются предѣлами, указанными въ этихъ уставахъ, потому что правила ими установляемыя, какъ видно изъ 1-й статьи Свода уставовъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (XIV Т. Св. Зак. изд. 1857 г.), служатъ не болѣе, какъ дополненіемъ къ особымъ наказамъ и инструкціямъ, даннымъ въ руководство разнымъ административнымъ начальствамъ. Пространство же административной власти въ этомъ отношеніи доказывается уже самыми фактами, ежедневно повторяющимися. Изъ всего этого слѣдуетъ, что оставленіе за администраціею права принимать мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій въ порядкѣ, установ-

леніемъ настоящими законами, уничтожаетъ всякую возможность осуществленія тѣхъ началъ судопроизводства, которыя приняты верховною властью. Очевидно, что при этомъ условіи отдѣленіе судебной власти отъ административной и независимость суда останутся мертвыми буквами, не имѣющими никакого дѣйствительнаго значенія.

Говоря въ первой нашей статьѣ о важныхъ сомнѣніяхъ, представляемыхъ нѣкоторыми изъ основныхъ положеній будущаго преобразованія, мы не упоминали объ этой статьѣ, потому что ея вредное значеніе находится въ совершенной зависимости отъ недопущенія личной отвѣтственности каждаго должностнаго лица предъ независимою судебною властью. Если бы административныя лица обязывались непосредственною отвѣтственностію за каждое свое дѣйствіе передъ лицомъ гласнаго и независимаго суда, и не имѣли бы права ссылаться на приказанія своего начальства, противорѣчащія закону, однимъ словомъ, если бы законъ уважался болѣе, нежели предписанія, ему противорѣчащія, то право административной власти принимать извѣстныя мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій не было бы вовсе опаснымъ. Въ такомъ случаѣ дѣйствія администраціи не могли бы выходить изъ предѣловъ, установленныхъ законами. Поэтому вопросъ о пространствѣ административной власти въ отношеніи предупрежденія преступленій, совершенно подчиняется вопросу о личной отвѣтственности должностныхъ лицъ и, въ сравненіи съ нимъ, не имѣетъ большаго значенія. Главное дѣло состоитъ не въ ограниченіи круга дѣйствій административныхъ властей, но въ устраненіи произвола. Какъ бы ни было велико пространство этой власти, но если должностныя лица будутъ гласно отвѣчать за всѣ свои дѣйствія, то они никогда не рѣшатся на произвольныя мѣры, выходящія изъ предѣловъ строгой законности. При этомъ самыя мѣры предупрежденія не могутъ уже имѣть огромнаго вліянія на судьбу человѣка, потому что право обжалованія ихъ передъ судебною властью ограничитъ ихъ дѣйствія небольшимъ пространствомъ времени. Что же касается до самаго опредѣленія мѣръ предупрежденія и пресѣченія преступленій, то это составляетъ уже второстепенный вопросъ, не имѣющій большаго значенія.

Далѣе, въ основныхъ положеніяхъ уголовнаго судопроизводства замѣчается другое довольно важное противорѣчіе, встрѣчающееся во всѣхъ странахъ, въ которыхъ правила судопроизводства составлялись по французскому образцу. Замѣняя слѣдственный порядокъ уголовнаго судопроизводства обвинительнымъ и объявляя, что власть *обвинительная* отдѣляется отъ *судебной*, «Основныя Положенія» утверждаютъ прежній инквизиторіальный порядокъ въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій. Здѣсь очевидная несообразность, потому что два порядка, обвинительный и слѣдственный, являются совер-

шенно несовмѣстными. Если предварительное изслѣдованіе преступленія производится инквизиторіальнымъ порядкомъ, то само собою разумѣется, что обвинительный процессъ въ судебномъ мѣстѣ является лишь одною формою, а власть судебная въ дѣйствительности нисколько не отдѣляется отъ обвинительной. Акты предварительнаго слѣдствія во всякомъ случаѣ имѣютъ рѣшительное вліяніе на исходъ дѣла и участь подсудимаго. Поэтому, въ производствѣ предварительнаго слѣдствія заключаются важнѣйшія судебныя функціи, при которыхъ соединеніе въ одномъ лицѣ судебной власти и обвинительной противорѣчитъ требованіямъ правосудія и отдаетъ участь подсудимыхъ въ руки личнаго произвола слѣдователей. Отдѣленіе обвинительной власти отъ судебной представляетъ огромное обезпеченіе правосудія, которое требуется необходимостью. Ни одинъ человѣкъ не можетъ выполнить въ одно время удовлетворительно двѣ несовмѣстныя обязанности—безпристрастнаго судьи и обвинителя, преслѣдующаго преступленіе. Быть въ одно и то же время обличителемъ преступленія и безпристрастнымъ судьею, точно такъ же не возможно, какъ участвовать въ тяжбѣ и въ то же время оставаться равнодушнымъ зрителемъ судоговоренія. Очевидно, что человѣкъ, поставленный въ такое положеніе, долженъ дѣлать что нибудь одно изъ двухъ: или преслѣдовать подозрѣваемыхъ, выйдя совершенно изъ роли судьи, или оставаться безстрастнымъ слушателемъ и забыть, что на немъ лежитъ обязанность обвиненія. Такимъ образомъ, при соединеніи этихъ двухъ обязанностей въ одномъ лицѣ, непремѣнно недостаетъ или судьи, или обвинителя. Поэтому слѣдственный, инквизиторіальный процессъ не представляетъ никакихъ обезпеченій правосудія. При немъ все зависитъ отъ личнаго произвола и темперамента судьи, который можетъ сдѣлаться преслѣдователемъ подсудимыхъ и играть роль стороны, или быть безстрастнымъ слушателемъ, не употребляющимъ никакихъ мѣръ къ раскрытію истины. Между тѣмъ, самыя обязанности его таковы, что одно добросовѣстное выполненіе ихъ непремѣнно увлекаетъ его въ одну изъ этихъ крайностей. Всякое лицо, обличающее подсудимаго, и старающееся привести его къ сознанію, незамѣтно для него самого, увлекается преслѣдованіемъ и, вступая въ борьбу съ подсудимымъ, дѣлается его противникомъ. Точно такъ же всякое лицо, старающееся сохранить необходимое для судьи безпристрастіе, незамѣтно увлекается этою мыслью и забываетъ свои обязанности обвинителя, которыя не совмѣстны съ положеніемъ совершеннаго безпристрастія. Поэтому, при слѣдственномъ порядкѣ судопроизводства нѣтъ суда: все зависитъ отъ личности судьи или слѣдователя, которые являются или ожесточенными врагами подсудимыхъ, или равнодушными зрителями ихъ беззаконій. Народная пословица «не бойся суда, а

бойся судьи» служитъ лучшимъ выраженіемъ того произвола, который представляется соединеніемъ судебныхъ функцій съ обязанностями обвинителя. При этомъ порядкѣ всякій судья можетъ поступать, какъ ему угодно, и всегда будетъ правъ передъ закономъ и собственною совѣстью. Такимъ образомъ, слѣдственный порядокъ судопроизводства, самъ по себѣ, независимо отъ прочихъ условій государственной и общественной жизни, вноситъ въ судъ элементъ личнаго произвола. Но не смотря на очевидную несообразность соединенія въ одномъ лицѣ судьи и обвинителя, многіе полагаютъ, что для обезпеченія правосудія достаточно допустить обвинительный процессъ только предъ лицомъ суда, произносящаго окончательный приговоръ, и совершенно забываютъ, что раздѣленіе этихъ двухъ обязанностей столько же необходимо и въ предварительномъ слѣдствіи, или находятся въ полной увѣренности, что это раздѣленіе въ предварительномъ слѣдствіи невозможно или неудобно. Между тѣмъ, не смотря на это разногласіе, существующее въ наукѣ и въ практической жизни, мы увѣрены, что допущеніе обвинительнаго процесса въ предварительныхъ слѣдствіяхъ необходимо и не представляетъ никакихъ практическихъ затрудненій. Это убѣжденіе наше основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Предварительное слѣдствіе представляетъ множество важныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ имѣетъ прямое вліяніе не только на временное положеніе лицъ, находящихся подъ слѣдствіемъ, но и на окончательный исходъ всего дѣла. Большею частію эти вопросы требуютъ немедленнаго разрѣшенія и принадлежатъ къ числу такихъ безотлагательныхъ распоряженій, которыя впослѣдствіи не могутъ быть исправлены никакою властью. Таковы, напримѣръ, вопросы о томъ, производить или не производить въ данномъ случаѣ домоваго обыска, задерживать ли извѣстное лицо или не задерживать, спрашивать ли его о чемъ нибудь или не спрашивать и т. п. Очевидно, что рѣшеніе этихъ вопросовъ требуется немедленно, на самомъ мѣстѣ происшествія, и что всякое распоряженіе, сдѣланное слѣдователемъ въ этихъ случаяхъ, не можетъ быть ничѣмъ исправлено. Между тѣмъ, при соединеніи въ одномъ лицѣ двухъ несовмѣстныхъ обязанностей судьи и обвинителя, всѣ дѣйствія слѣдователя зависятъ исключительно отъ случая и личнаго произвола. Слѣдователь желчнаго темперамента или самолюбивый, увлекающійся преслѣдованіемъ преступленія или славою производимыхъ имъ обличеній, естественно упускаетъ изъ вида все, что относится къ оправданію подозрѣваемыхъ. Напротивъ, слѣдователь—флегматикъ или лѣнивый, при отсутствіи обвинителя, дѣлаетъ только то, что настоятельно требуется отъ него лицами, находящимися подъ слѣдствіемъ, и не исполняетъ вовсе обязанности преслѣдователя и обличителя. Такимъ образомъ, инквизи-

торіальный процессъ, при самомъ добросовѣстномъ исполненіи слѣдователемъ своихъ обязанностей, ведетъ къ тому, что въ предварительныхъ слѣдствіяхъ дѣлаются неисправимыя упущенія во вредъ подсудимымъ или общественнымъ интересамъ. Наконецъ, при этомъ порядкѣ производства слѣдствій, нѣтъ никакой возможности обличать злоупотребленія слѣдователей. Для того, чтобы судить о степени добросовѣстности слѣдователя, нужно быть очевидцемъ самаго слѣдствія. Между тѣмъ, свѣдущихъ и безпристрастныхъ свидѣтелей при этомъ порядкѣ никогда быть не можетъ. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ нельзя разсчитывать на тѣхъ оффиціальныхъ свидѣтелей или понятыхъ, которыхъ приглашаетъ самъ слѣдователь, и которые, не имѣя юридическихъ свѣдѣній, очень часто не могутъ и догадаться о дѣйствительномъ значеніи дѣлаемыхъ имъ распоряженій. Притомъ, такъ какъ многія дѣйствія слѣдователя требуютъ отсутствія гласности, то лицо, представляющее въ одно время и судью и обличителя, имѣетъ всегда полную возможность удалить посторонниихъ зрителей именно въ тѣхъ случаяхъ, когда ему нужно. Поэтому, при инквизиторіальномъ порядкѣ, личный произволъ слѣдователя не стѣсняется даже законною отвѣтственностію. При этомъ порядкѣ недобросовѣстный слѣдователь можетъ безнаказанно скрывать слѣды преступленій, лишать подсудимыхъ лучшихъ средствъ оправданія и даже придумывать въ пользу лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, разныя лживыя показанія, которыя безъ него и не пришли бы имъ въ голову. Нечего и говорить, что всѣ эти дѣйствія имѣютъ рѣшительное вліяніе на окончательный исходъ дѣла и ничѣмъ не могутъ быть исправлены. Большею частію бываетъ такъ, что прежде, нежели дѣло достигнетъ судебнаго мѣста, всѣ горячіе слѣды происшествія исчезаютъ и что лица, прикосновенныя къ дѣлу, нравственно связываются показаніями, данными ими при слѣдствіи. Такимъ образомъ, предварительное слѣдствіе ставитъ дѣло въ извѣстныя рамки, изъ которыхъ оно уже никакъ не можетъ выйти. Если слѣдователь упустилъ что либо изъ вида, или умышленно испортилъ, то дѣло большею частію принимаетъ совершенно ложное направленіе; виновные избѣгаютъ заслуженнаго наказанія, а невинные лишаются всякихъ средствъ совершенно снять съ себя пятно незаслуженнаго ими подозрѣнія. Судьи, произносящіе окончательный приговоръ, видятъ передъ собою не живыхъ лицъ, а людей, играющихъ извѣстныя роли, сочиненныя для нихъ слѣдователемъ. Отъ этого дѣло окончательно затемняется и получаетъ такой ложный видъ, который неминуемо ведетъ къ несправедливому приговору. Всѣ эти соображенія ясно доказываютъ, что предварительное слѣдствіе непремѣнно требуетъ присутствія двухъ отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ одно исполняло бы обязанность обвинителя, а другое находи-

лось бы въ положеніи совершеннаго безпристрастія, необходимаго для немедленнаго разрѣшенія важныхъ судебныхъ вопросовъ, возникающихъ при изслѣдованіи преступленій. По самому смыслу судопроизводства, это послѣднее лицо должно быть облечено чисто-судебною властью, безъ всякой примѣси обвинительнаго элемента. Это требуется въ видахъ обезпеченія правосудія. Иначе судъ, произносящій окончательный приговоръ, при всякомъ устройствѣ и при всѣхъ гарантіяхъ, имъ представляемыхъ, будетъ игрушкою личнаго произвола слѣдователей. Это ясно, какъ день, и потому допущеніе обвинительнаго процесса въ судебныхъ мѣстахъ и оставленіе инквизиторіальнаго порядка при производствѣ предварительныхъ слѣдствій не можетъ быть оправдываемо никакими практическими затрудненіями. Между тѣмъ, простой взглядъ на условія дѣйствительной жизни удостовѣряетъ насъ, что этихъ затрудненій вовсе не существуетъ. На самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ оказывается лишь одно неудобство: имѣть двухъ лицъ вмѣсто одного. Но спрашивается: можно ли подчинять интересы правосудія денежнымъ разсчетамъ? Очевидно, что здѣсь главное дѣло состоитъ въ количествѣ расходовъ, а не въ чемъ либо другомъ, потому что всѣ остальныя возраженія, дѣлаемыя противъ допущенія обвинительнаго процесса въ предварительныхъ слѣдствіяхъ, не имѣютъ никакого практическаго значенія. Если говорятъ, что предоставленіе обязанности обвинителей частнымъ лицамъ приведетъ къ совершенной безнаказанности преступленій, то ничто не мѣшаетъ имѣть государственныхъ адвокатовъ, которые обязывались бы преслѣдовать всякое преступленіе въ качествѣ обвинителей. Во всякомъ случаѣ обязанность преслѣдованія не можетъ исполняться этими особыми лицами хуже, нежели слѣдователями, на которыхъ возлагаются разнородныя и несовмѣстныя обязанности. Если говорятъ, что присутствіе опытнаго и свѣдущаго въ законахъ обвинителя требуетъ въ интересахъ справедливости сопоставленія ему такого же опытнаго и свѣдущаго защитника подозрѣваемыхъ, и ссылаются на то, что нельзя набрать столько свѣдущихъ людей для обвиненія и защиты, то совершенно упускаютъ изъ вида, что положеніе подозрѣваемыхъ, не имѣющихъ защитниковъ, во всякомъ случаѣ гораздо лучше при обвинительномъ процессѣ, нежели при слѣдственномъ. При соединеніи обязанностей судьи и обвинителя въ одномъ лицѣ, подозрѣваемый имѣетъ дѣло также съ опытнымъ и свѣдущимъ обвинителемъ и не только остается безъ всякой защиты, но даже совершенно предоставляется одному личному произволу своего преслѣдователя, который имѣетъ рѣшительное вліяніе на его участь и окончательный исходъ дѣла. При слѣдственномъ порядкѣ, подозрѣваемый не находитъ ни одного человѣка, который бы могъ безпристрастно обсу-

дить дѣйствія его обвинителя и остановить его злоупотребленія, между тѣмъ какъ при обвинительномъ процессѣ онъ всегда можетъ найти защиту въ лицѣ, сохраняющемъ безпристрастіе и облеченномъ судебною властію. Слѣдовательно, обвинительный процессъ, даже и безъ адвокатуры, обезпечиваетъ интересы подсудимыхъ гораздо болѣе, нежели слѣдственный порядокъ. Изъ этого ясно видно, что вышеприведенное возраженіе не имѣетъ никакого практическаго смысла. Наконецъ, нѣкоторые думаютъ, что производство слѣдствій обвинительнымъ порядкомъ должно совершаться очень медленно на томъ основаніи, что формы этого процесса гораздо сложнѣе. Кажется, не намъ бы говорить объ этомъ. Собственный опытъ показываетъ намъ, что самыя пустыя слѣдствія, производимыя инквизиторіальнымъ порядкомъ, тянутся столько времени, что самое преслѣдованіе преступленія теряетъ всякій смыслъ. Причины этого очевидны. При слѣдственномъ порядкѣ все предоставляется безъотвѣтственному личному произволу одного человѣка, котораго единственный интересъ заключается въ скорѣйшемъ сбываніи дѣлъ. Весьма естественно, что онъ, производя слѣдствіе однимъ своимъ лицомъ и не встрѣчая ни отъ кого противорѣчія, имѣетъ полную возможность оставить безъ всякаго вниманія важнѣйшія обстоятельства, служащія къ разъясненію дѣла, если только изслѣдованіе ихъ требуетъ большаго труда. Поэтому при слѣдственномъ порядкѣ, дѣла очень часто являются въ судебныя мѣста неоконченными и въ большей части случаевъ требуютъ дополнительныхъ дослѣдованій и дознаній, которыя производятся впослѣдствіи только для формы, потому что въ это время уже не имѣется никакой надежды на открытіе чего либо новаго. Такимъ образомъ, медленность является необходимою принадлежностію слѣдственнаго порядка. Между тѣмъ въ Англіи и Сѣверо-американскихъ штатахъ, предварительныя слѣдствія, производящіяся обвинительнымъ порядкомъ, оканчиваются большею частію въ нѣсколько дней. Знатокъ англійскаго судопроизводства, профессоръ гейдельбергскаго университета Миттермейеръ, говоритъ слѣдующее:

«Въ Англіи предварительное слѣдствіе производится гораздо скорѣе, нежели въ какой либо другой странѣ. Это всего лучше видно «изъ календаря или печатнаго списка всѣхъ арестантовъ, содержащихся въ тюрьмахъ во время открытія судебныхъ засѣданій. День, «въ который судья опредѣлилъ представить обвиняемаго суду, обозначается въ календарѣ съ точностью. Если сличить дни, въ «которые совершены преступленія, съ днями, въ которые подозрѣваемые преданы суду, то оказывается, напримѣръ, что нѣкто «Томасъ Гринъ, нанесшій кому-то тяжелыя раны 29 августа 1850 «года, былъ представленъ суду 3-го сентября того же года, по окон-

«чанія предварительнаго слѣдствія; что два обвиняемыхъ въ гребкѣ, «бывшіе въ присутствіи полицейскаго суда (произволившаго слѣд- «ствіе) 27 августа, преданы суду 28 августа (на другой день). Два об- «виняемыхъ (Гетеръ и Стевенсъ съ его женою) убили одного чело- «вѣка 3-го сентября 1850 года, а 9 сентября былъ уже рѣшенъ во- «просъ о представленіи ихъ уголовному суду. Нѣкто Джемсъ Дер- «вель, нанесшій 9 августа одному человѣку раны, отъ которыхъ 1-го «сентября послѣдовала смерть, 3-го сентября былъ уже отосланъ къ «суду. Всѣ эти обвиняемые были окончательно приговорены лондон- «скимъ центральнымъ судомъ между 16 и 20 числами сентября» (*).

Кажется, что эти факты могутъ служить лучшимъ доказательствомъ тому, что обвинительный порядокъ при производствѣ предварительнаго слѣдствія не требуетъ особой медленности. Эта истина становится еще поразительнѣе, если мы вспомнимъ, что въ Англіи и Сѣверо-американскихъ Штатахъ производство предварительнаго слѣдствія обставлено такими важными гарантіями и формами, которыхъ въ другихъ государствахъ нѣтъ и въ поминѣ. Чтобы показать лучше и нагляднѣе очевидную необходимость этихъ гарантій и преимуществъ обвинительнаго слѣдствія, мы рѣшаемся описать порядокъ производства предварительныхъ слѣдствій, который установленъ въ Нью-Іоркѣ. Мы обращаемся къ этому штату на томъ основаніи, что его уголовное судопроизводство, сколько намъ извѣстно, наиболѣе обработано и что въ немъ всѣ существенные англійскіе судебные обряды и формы, которые соблюдаются въ Англіи по обычаю, приведены въ положительную извѣстность и представляются правилами, имѣющими обязательную силу законовъ. Если въ этихъ правилахъ и допущены нѣкоторыя измѣненія англійскихъ судебныхъ обычаевъ, то они касаются лишь подробностей процесса и представляютъ по большей части необходимыя улучшенія.

Нью-Іоркскій кодексъ уголовнаго судопроизводства 1850 года установляетъ слѣдующій порядокъ производства предварительныхъ слѣдствій (**):

Когда отвѣтчикъ (defendant), задержанный по особому приказу (warrant) или безъ приказа, представляется къ судьѣ съ жалобою о совершенномъ имъ преступленіи, то онъ долженъ немедленно объявить ему принесенную на него жалобу и сообщить, что онъ имѣетъ право на помощь адвоката при всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, и даже прежде, нежели будетъ къ нимъ приступлено. При этомъ судья дол-

(*) Mittermaier. Das engliche, schottische und nordamerikanische Strafverfahren. Erlangen 1851. 94.

(**) The code of criminal procedure of the state of New York. Albany 1850. § 187—220.

женъ дать отвѣтчику достаточное время для того, чтобы послать за адвокатомъ, и отсрочить для этой цѣли разсмотрѣніе дѣла; кромѣ того, онъ обязанъ также, въ случаѣ желанія отвѣтчика, послать полицейскаго чиновника за адвокатомъ по его указанію. По прибытіи адвоката или по прошествіи достаточнаго времени для его пріисканія, судья обязанъ приступить къ изслѣдованію, которое должно быть непремѣнно окончено въ одно засѣданіе, если только для отсрочки его не имѣется въ виду особой уважительной причины, подтвержденной клятвеннымъ показаніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ изслѣдованіе можетъ быть отложено не далѣе двухъ дней, если нѣтъ на это согласія отвѣтчика, и не далѣе шести дней, въ случаѣ его особой просьбы. Если изслѣдованіе отсрочивается по какой либо причинѣ, то судья долженъ арестовать отвѣтчика или освободить, взявъ съ него денежный залогъ, для обезпеченія его явки въ срокъ, назначенный для изслѣдованія. При началѣ изслѣдованія, судья обязанъ, прежде всего, прочесть отвѣтчику показанія свидѣтелей, данныя ими при извѣщеніи о происшествіи, и, въ случаѣ желанія отвѣтчика, вызвать этихъ свидѣтелей, если только они находятся въ графствѣ. Онъ также долженъ вызвать и новыхъ свидѣтелей, которые будутъ указаны обвинителемъ и отвѣтчикомъ. Свидѣтели должны быть спрашиваемы въ присутствіи отвѣтчика и могутъ подвергаться перекрестнымъ допросамъ. Когда кончится допросъ свидѣтелей со стороны народа (т. е. обвиняющихъ), судья обязанъ ясно растолковать отвѣтчику, что онъ имѣетъ право дать показаніе относительно возведеннаго на него обвиненія, и объяснить приводимыя противъ него обстоятельства, но что онъ можетъ такъ же и отказаться отъ дачи отвѣта и что въ такомъ случаѣ его отказъ не можетъ нисколько ему повредить. Если отвѣтчикъ отказывается отъ права отвѣчать, судья долженъ сдѣлать объ этомъ отмѣтку, немедленно слѣдующую за показаніями обвиняющихъ свидѣтелей, но самый фактъ отказа не можетъ быть употребленъ въ судѣ въ невыгоду отвѣтчика. Если же отвѣтчикъ желаетъ дать показаніе, то судья принимаетъ его письменно, безъ присяги, и ограничивается лишь слѣдующими пятью вопросами: 1) Какъ ваше имя и сколько вамъ лѣтъ? 2) гдѣ вы родились, 3) гдѣ вы живете и давно ли вы тамъ находитесь? 4) чѣмъ вы занимаетесь? 5) объясните, какъ вы считаете нужнымъ, обстоятельства, противъ васъ приводимыя, и представьте факты, которые, по вашему мнѣнію, могутъ способствовать вашему оправданію. Затѣмъ, каждое отдѣльное показаніе отвѣтчика, немедленно по написаніи его, должно быть ему прочитано. Онъ можетъ исправлять и дополнять его и это исправленіе продолжается до тѣхъ поръ, пока отвѣтъ сдѣлается правдоподобнымъ. Показаніе должно записываться самимъ судьею или подъ его руковод-

ствомъ и удостовѣряться по слѣдующимъ правиламъ: 1) въ показаніи должно быть подробно ооъясняемо, что отвѣтчику было объявлено о его правѣ отказаться отъ дачи отвѣта и что онъ далъ показаніе уже послѣ этого объявленія; 2) оно должно содержать всѣ предложенные вопросы и данные на нихъ отвѣты; 3) показаніе можетъ быть подписано отвѣтчикомъ и не подписано, но если отвѣтчикъ отказываэтся отъ подписи, то причины этого должны быть изложены и 4) показаніе должно быть непремѣнно подписано и удостовѣрсно судьею. Послѣ отказа отвѣтчика дать показаніе или послѣ отобранія его показаній, приводятся къ присягѣ и допрашиваются тѣ свидѣтели, на которыхъ онъ ссылается. Свидѣтели какъ той, такъ и другой стороны, не могутъ присутствовать при допросѣ отвѣтчика; когда же допрашивается одинъ изъ свидѣтелей, то судья можетъ удалить всѣхъ тѣхъ, которые еще не были допрошены. Онъ можетъ также потребовать, чтобы свидѣтели держались отдѣльно другъ отъ друга и не говорили между собою до тѣхъ поръ, пока ихъ не допросятъ. Сверхъ того, по просьбѣ отвѣтчика, судья обязанъ удалять отъ допроса всѣхъ лицъ, исключая своего секретаря, истца, отвѣтчика, адвокатовъ обѣихъ сторонъ, генералъ-атторнея, атторнея графства и чиновника, имѣющаго надзоръ за обвиняемымъ. Показаніе каждаго свидѣтеля должно записываться точно такъ же, какъ и показаніе отвѣтчика, съ тою только разницею, что если вопросъ, сдѣланный свидѣтелю, встрѣчаетъ возраженіе какой либо стороны и отвергается, или свидѣтель отказывается отвѣчать на него, то эти обстоятельства также записываются съ объясненіемъ причинъ, на основаніи которыхъ вопросъ отвергнутъ, или остался безъ отвѣта. Всѣ показанія должны храниться у судьи или его секретаря до самого возвращенія ихъ въ судъ, къ которому они принадлежатъ, и не могутъ быть показываемы никому, кромѣ судей, юрисдикціи которыхъ подлежитъ дѣло, генеральнаго и окружнаго атторнеевъ, отвѣтчика и его адвоката, (несоблюденіе этого правила наказывается, какъ преступленіе). Отвѣтчику и его адвокату дозволяется брать копіи со всѣхъ показаній и отвѣтовъ. Если по выслушаніи всѣхъ уликъ окажется, что преступленіе не было совершено, или что нѣтъ достаточныхъ причинъ подозрѣвать въ немъ отвѣтчика, то судья долженъ сдѣлать опредѣленіе объ освобожденіи его отъ суда. Это опредѣленіе пишется вслѣдъ за показаніями и состоитъ въ немногихъ словахъ. Если же по изслѣдованіи окажется, что преступленіе совершено и что имѣются достаточные поводы подозрѣвать отвѣтчика, то судья долженъ сдѣлать точно такую же отмѣтку о представленіи его къ суду и о томъ распоряженіи, какое онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать относительно личности подсудимаго, то есть, объ отсылкѣ его для содержанія подъ стражею, или освобожде-

нія его съ условіемъ должнаго обезпеченія. При этомъ судья объявляетъ тѣмъ свидѣтелямъ, которыхъ присутствіе въ судѣ необходимо, о томъ, что они должны явиться въ судъ, когда будетъ разсматриваться это дѣло, и въ случаѣ сомнѣнія обезпечиваетъ эту явку поднисками, залогами или личнымъ задержаніемъ. Тѣмъ и оканчивается все слѣдствіе.

Изъ этого краткаго очерка предварительнаго слѣдствія въ Нью-Іоркѣ, который въ сущности немного отличается отъ обычнаго англійскаго порядка, ясно видно, что обвинительный процессъ изслѣдованія уголовныхъ преступленій представляетъ гораздо болѣе гарантій правосудія, нежели слѣдственный порядокъ, при которомъ личный произволъ слѣдователя является единственнымъ и всемогущимъ двигателемъ всего дѣла. Въ Англіи и въ Сѣверо-американскихъ штатахъ судебное должностное лице, производящее изслѣдованіе, находится въ положеніи совершеннаго безпристрастія и не имѣетъ никакого повода раздражаться и принимать роль одной стороны. Поэтому при всѣхъ фазисахъ уголовнаго дѣлопроизводства, тамъ присутствуетъ чистая судебная власть, способная всякую минуту обсудить дѣло хладнокровно и направить его согласно съ здравымъ смысломъ и справедливостью. Очевидно, что этотъ порядокъ производства слѣдствія болѣе согласенъ съ требованіями правосудія и человѣческаго достоинства. Въ немъ не можетъ быть ни пристрастныхъ допросовъ, ни обращенія къ тѣмъ недобросовѣстнымъ средствамъ запутыванія и сбиванія допрашиваемыхъ, въ которыхъ нуждается слѣдственный порядокъ и которыя не приносятъ никакой пользы, а только безчестятъ правосудіе и вносятъ нравственную порчу въ его органы. Уважая человѣческое достоинство, англійское и сѣверо-американское судопроизводство не обращается ни къ физическому, ни къ нравственному насилію обвиняемыхъ. Оно считаетъ человѣка невиннымъ до тѣхъ поръ, пока преступленіе его не доказано ясно и положительно. Высоко уважая человѣческую свободу, оно не обращается къ нравственной пыткѣ и не обязываетъ никого сознаваться и быть собственнымъ своимъ обвинителемъ. Главное положеніе англійскаго судопроизводства: nemo se ipsum accusare tenetur представляетъ правило въ высшей степени разумное и согласное съ требованіями справедливости и практическаго смысла. Положеніе человѣка, приводимаго къ сознанію ловкими допросами, представляетъ нравственную пытку, унижающую человѣческое достоинство и не ведущую ни къ какимъ полезнымъ результатамъ. Ловкій и безстыдный мошенникъ всегда перенесетъ ее очень легко и ни въ чемъ не сознается, если противъ него не будетъ представлено очевидныхъ уликъ, на основаніи которыхъ онъ можетъ быть признанъ виновнымъ и безъ

собственнаго сознанія. Если же иногда и удается слѣдователямъ приводить обвиняемыхъ къ сознанію посредствомъ ловкихъ изворотовъ и разныхъ хитростей, то случаи эти бываютъ очень рѣдко и ограничиваются лишь небольшимъ числомъ такихъ наивныхъ преступниковъ, безнаказанность которыхъ имѣетъ гораздо менѣе вредныхъ послѣдствій, нежели нравственная порча судебныхъ органовъ, происходящая отъ обращенія правосудія къ недобросовѣстнымъ средствамъ. Самое употребленіе этихъ средствъ имѣетъ прямое вліяніе на пониженіе нравственнаго уровня лицъ, облеченныхъ судебною властью. Они дѣлаются чѣмъ-то въ родѣ същиковъ, ни мало не отличающихся въ нравственномъ отношеніи отъ людей, которыхъ они преслѣдуютъ. Между неутомимыми обличителями преступниковъ, обращающимися для достиженія своей цѣли къ нравственной пыткѣ, лжи, обману и другимъ подобнымъ средствамъ, найдется очень мало людей, которые не были бы способны употребить тѣ же средства для цѣлей, совершенно противоположныхъ. Такова уже человѣческая натура. Притомъ, употребленіе этихъ средствъ отнимаетъ у народа всякое довѣріе къ судебной власти и уничтожаетъ въ частныхъ лицахъ всякое желаніе помогать ей въ преслѣдованіи преступниковъ. Поэтому смѣло можно сказать, что допущеніе физическаго или нравственнаго насилія лжи и обмана и другихъ подобныхъ средствъ, для вынужденія сознанія, большею частію мѣшаетъ открытію истины. Всякій, кто производилъ слѣдствія или передопросы инквизиторіальнымъ порядкомъ, очень хорошо понимаетъ унизительное положеніе судебныхъ должностныхъ лицъ, поставленныхъ въ необходимость приводить преступника къ сознанію ловкими изворотами, ложью и нравственною пыткою. Если человѣкъ, занимающій подобную должность, не потерялъ совершенно нравственнаго чутья, то онъ не можетъ исполнять этой обязанности безъ крайняго отвращенія. Извинять эти средства необходимостью обнаруженія истины рѣшительно не можетъ никакая совѣсть. Судъ, обращающійся къ этимъ средствамъ, теряетъ всякое значеніе органа правосудія и превращается въ орудіе личнаго произвола, дѣйствующаго ложью и насиліемъ.

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, мы приходимъ къ тому, что все неудобство введенія обвинительнаго процесса въ предварительныя слѣдствія состоитъ лишь въ томъ, что, вмѣсто одного слѣдователя, надо имѣть двухъ лицъ: слѣдственнаго судью и особаго стряпчаго, преслѣдующаго преступленія при отсутствіи истцовъ или помогающаго послѣднимъ въ преслѣдованіи. Конечно, мы не можемъ еще обойтись безъ особыхъ публичныхъ обвинителей. Отсутствіе всякаго довѣрія къ судебной власти не позволяетъ надѣяться, чтобы у насъ частныя лица занялись преслѣдованіемъ тѣхъ преступленій,

которыя не приносятъ имъ особаго личнаго вреда. Намъ нельзя разсчитывать на то, чтобы у насъ съ перваго раза явились безчисленныя частныя общества для преслѣдованія разныхъ преступныхъ дѣйствій, какъ это мы видимъ въ Англіи и Сѣверной Америкѣ. Но примѣнясь къ новымъ основаніямъ нашего судопроизводства, мы легко можемъ имѣть особыхъ обвинителей безъ всякаго отягощенія бюджета. При раздѣленіи уѣзда на три мировые участка, наши мировые судьи будутъ имѣть достаточно времени для того, чтобы производить предварительныя слѣдствія по всѣмъ преступленіямъ, совершаемымъ въ ихъ участкахъ. Что же касается до обязанностей обвинителя, то они могутъ быть легко исполняемы тѣми лицами, которые занимаютъ должности судебныхъ слѣдователей. Такимъ образомъ, власть обвинительная будетъ совершенно отдѣлена отъ судебной. Разумѣется, что при этомъ должна быть допускаема и адвокатура. Это представитъ еще то удобство, что уголовныя дѣла, которыя по окончаніи слѣдствія окажутся подлежащими юрисдикціи мировыхъ судей, не будутъ проходить черезъ руки прокуроровъ и общихъ судебныхъ мѣстъ. Если по окончаніи слѣдствія мировой судья убѣдится, что дѣло не выходитъ изъ предѣловъ его юрисдикціи, то онъ и постановитъ немедленно рѣшеніе, не пересылая дѣлопроизводства. Выгоды такого порядка очевидны. Такъ какъ сущность большей части преступленій не можетъ быть опредѣлена прежде окончанія слѣдствія, то естественно, что, при раздѣленіи слѣдственныхъ дѣлъ по свойству преступленій между мировыми судьями и судебными слѣдователями, многія дѣла будутъ неоднократно попадать въ руки лицъ, которымъ они не подвѣдомственны, и пересылаться изъ одного мѣста въ другое. Отъ этого, кромѣ особой медленности въ производствѣ слѣдствій, произойдетъ еще то, что тѣ и другія судебныя лица должны будутъ тратить много времени и труда на напрасныя поѣздки и дѣйствія по такимъ дѣламъ, которыя до нихъ вовсе не относятся. Между тѣмъ, при производствѣ всѣхъ уголовныхъ слѣдствій однимъ мировымъ судьею, всѣ ошибки могутъ заключаться только въ рѣшеніи мировыми судьями дѣлъ, подлежащихъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. Но эти ошибки должны быть очень рѣдки, потому что, по произведеніи изслѣдованія, дѣло окончательно объясняется, а при этомъ присутствіе обвинителя, свѣдущаго въ законахъ, достаточно обезпечиваетъ правильность производства. Затѣмъ остается лишь одинъ вопросъ: можно ли поручить производство предварительныхъ уголовныхъ слѣдствій лицамъ, не получившимъ особаго юридическаго образованія? Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что для правильнаго производства слѣдствій нужно имѣть только практическій смыслъ, который не всегда научнымъ образованіемъ. Если въ Англіи на этотъ вопросъ

смотрятъ иначе, то это происходитъ отъ того, что тамъ подъ именемъ юристовъ не разумѣются люди, которыхъ образованіе ограничивается лишь извѣстными научными свѣдѣніями. Тамъ въ должности полицейскихъ судей, такъ называемыхъ юристовъ, являются люди, которые, кромѣ научнаго образованія, долго занимались судебными дѣлами, въ качествѣ адвокатовъ, и сдѣлались извѣстными своею безукоризненною честностію и громадными юридическими свѣдѣніями. У насъ же совсѣмъ другое дѣло. До сего времени мы не имѣли возможности практически изучать судопроизводство. Вся судебная практика нашихъ немногихъ дѣловыхъ людей состояла единственно въ соблюденіи извѣстныхъ письменныхъ формальностей и въ согласованіи ихъ съ искусственною теоріею доказательствъ. Очевидно, что это была скорѣе словосочинительная практика, нежели судебная. Что же касается до большинства людей, занимавшихъ наши судебныя должности, то они исключительно упражнялись въ одномъ подписываніи своей фамиліи. Поэтому у насъ вовсе нѣтъ тѣхъ юристовъ, которые могли бы считаться болѣе способными слѣдователями. Если у насъ есть практики по этой части, то это только лица, бывшія становыми и слѣдственными приставами, которые въ производствѣ слѣдствій прежнимъ порядкомъ нисколько не уступятъ кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ нашихъ университетовъ. Но при новомъ порядкѣ вещей въ этихъ практикахъ нѣтъ особой надобности. Имъ трудно примѣниться къ новымъ требованіямъ, потому что они болѣе или менѣе испорчены старою рутиною. Наконецъ, общее количество нашихъ юристовъ-теоретиковъ и юристовъ-практиковъ такъ мало, что при новомъ порядкѣ судопроизводства нѣтъ никакой возможности ими ограничиться. Ихъ едва достанетъ для замѣщенія высшихъ судебныхъ должностей и для образованія корпорацій присяжныхъ повѣренныхъ. Во всякомъ случаѣ должности судебныхъ слѣдователей во многихъ мѣстахъ придется замѣщать лицами, не получившими спеціальнаго юридическаго образованія, какъ это и до сихъ поръ дѣлалось. Все это ведетъ къ прямому заключенію, что вопросъ о томъ, долженъ ли непремѣнно нашъ слѣдователь имѣть университетскій дипломъ или не долженъ, не имѣетъ никакого существеннаго значенія. При существующемъ небольшомъ количествѣ образованныхъ юристовъ, рѣшительно все равно, куда бы они ни употреблялись. Если они будутъ преимущественно занимать одни судебныя должности, то ихъ, очевидно, недостанетъ на другія. Но если уже разсуждать о томъ, какія судебныя званія требуютъ менѣе научныхъ свѣдѣній, то всякій согласится, что за исключеніемъ общихъ судебныхъ мѣстъ и корпорацій присяжныхъ, повѣренныхъ, должности судебныхъ слѣдователей менѣе всѣхъ прочихъ нуждаются

въ лицахъ, получившихъ спеціальное теоретическое образованіе. Для лица, производящаго изслѣдованіе, болѣе всего нуженъ практическій смыслъ и добросовѣстность, которыя не даются научнымъ образованіемъ. Въ этомъ отношеніи мѣстные жители, заслужившіе всеобщее уваженіе, знакомые съ характеромъ страны и наиболѣе заинтересованные въ открытіи истины, представляютъ гораздо болѣе обезпеченій, нежели чиновники, отличающіеся однимъ спеціальнымъ теоретическимъ образованіемъ и не имѣющіе никакихъ интересовъ, кромѣ служебныхъ. Здравый смыслъ указываетъ на то, что чиновникъ можетъ заботиться только о скорѣйшемъ производствѣ порученныхъ ему дѣлъ. Въ этомъ онъ видитъ личную выгоду, потому что въ глазахъ высшаго начальства легче всего отличиться скоростью исполненія. Такимъ образомъ, онъ оставляетъ безъ вниманія всѣ важныя обстоятельства, которыя усложняютъ дѣло и могутъ быть устранены безъ особаго неудобства. Этого не можетъ быть въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, при гласности и публичности засѣданій. Но на мѣстѣ преступленія, въ глуши, гдѣ вовсе не имѣется публики, способной обсудить дѣйствія слѣдователя, и въ особенности тамъ, гдѣ слѣдователь является въ одно и то же время и судьею и обвинителемъ, онъ можетъ дѣлать безнаказанно все, что хочетъ. Совсѣмъ другое дѣло, если тотъ же чиновникъ явится обвинителемъ. Самое желаніе выслужиться будетъ поощрять его къ добросовѣстному исполненію его обязанности. Въ этомъ случаѣ начальство будетъ судить о его усердіи и способностяхъ по числу обличенныхъ преступниковъ. Между тѣмъ, излишнее усердіе его нисколько не можетъ повредить интересамъ правосудія. Если его нападенія будутъ выходить изъ предѣловъ законности, то обвиняемый найдетъ себѣ защитника въ лицѣ, облеченномъ судебною властью и сохраняющемъ полное безпристрастіе. Наконецъ, акты предварительнаго слѣдствія могутъ быть опровергнуты обвиняемымъ въ засѣданіи публичнаго суда, съ помощью особаго, свѣдущаго въ законахъ защитника. Очевидно, что всѣ соображенія говорятъ въ пользу производства предварительныхъ слѣдствій мировыми судьями при участіи особыхъ лицъ, облеченныхъ обвинительною властью, и съ допущеніемъ адвокатуры.

Далѣе, въ 89-й статьѣ основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства говорится, что присяжные засѣдатели разрѣшаютъ предложенные имъ вопросы не единогласно, а по большинству голосовъ. По нашему мнѣнію такое правило находится въ прямомъ противорѣчіи съ понятіемъ суда присяжныхъ и можетъ привести къ весьма вреднымъ послѣдствіямъ. Высказанное нами убѣжденіе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

1) Присяжные, рѣшающіе дѣло по внутреннему убѣжденію, явля-

ются представителями народной совѣсти, которая непремѣнно должна быть единою и не допускаетъ разныхъ воззрѣній. Если въ средѣ присяжныхъ происходитъ разногласіе, то это значитъ, что приговоръ ихъ не можетъ считаться совершенно сознательнымъ. Самое разногласіе ихъ даетъ поводъ сомнѣваться въ правильности выражаемыхъ ими мнѣній. Оно доказываетъ, что дѣло еще не доведено до той степени ясности, которая необходима для положительнаго обвиненія или оправданія подсудимаго. Поэтому приговоръ присяжныхъ, объявляемый по большинству голосовъ, не можетъ считаться чистымъ выраженіемъ народной совѣсти и служить основаніемъ для рѣшенія дѣла, отъ котораго зависитъ честь и свобода человѣка.

2) При судѣ присяжныхъ, самая важная гарантія правосудія состоитъ въ томъ, что предлагаемые вопросы разрѣшаются не иначе, какъ вслѣдствіе общаго совѣщанія многихъ безпристрастныхъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ классамъ общества и разнородныхъ по образу мыслей и степени образованія. Между тѣмъ, правило ограниченія вопросовъ по большинству голосовъ совершенно устраняетъ необходимость этого совѣщанія. Когда законъ не требуетъ единогласнаго приговора, а ограничивается лишь счетомъ голосовъ; тогда присяжнымъ нѣтъ никакой надобности совѣщаться между собою. Имъ достаточно объявить ихъ личныя мнѣнія и сосчитать, сколько каждое изъ нихъ имѣетъ голосовъ. Поэтому очевидно, что при допущеніи большинства голосовъ уничтожается самая важная гарантія правосудія.

3) При единогласномъ рѣшеніи вопросовъ, каждый присяжный чувствуетъ на себѣ гораздо болѣе нравственной отвѣтственности, нежели при рѣшеніи ихъ по большинству голосовъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ не признаетъ за своимъ голосомъ большаго значенія. Въ коллегіальныхъ мѣстахъ и собраніяхъ, рѣшающихъ по большинству голосовъ, намъ приходилось очень часто слышать отговорку: «развѣ рѣшеніе дѣла отъ меня зависѣло: я объявилъ только мое мнѣніе». Такимъ образомъ, при этомъ порядкѣ, всякій безхарактерный человѣкъ имѣетъ полную возможность, въ послѣдствіи, протестовать противъ собственнаго своего рѣшенія. Неминуемыми слѣдствіями этого правила явится малодушное потворство преступленіямъ значительныхъ людей и отсутствіе между лицами, рѣшающими дѣло, той солидарности, которая необходима для нравственной силы судебныхъ рѣшеній. Всѣ будутъ видѣть, что дѣла рѣшаются не судомъ, а извѣстными лицами. Поэтому приговоры присяжныхъ, составленные по большинству голосовъ, вообще не могутъ внушать довѣрія, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда на сторонѣ меньшинства оказываются лица, отличающіяся особыми достоинствами и пользующіяся общимъ уваженіемъ. Поэтому правило о рѣшеніи вопросовъ присяж-

ными по большинству голосовъ, ведетъ прямо къ нравственной ихъ порчѣ и къ потерѣ уваженія къ этому органу правосудія.

4) Говорятъ, что требованіе отъ присяжныхъ единогласныхъ отвѣтовъ на предлагаемые имъ вопросы не согласно съ началомъ постановленія рѣшенія по совѣсти, на томъ основаніи, что при такомъ законѣ были бы неизбѣжны случаи, въ которыхъ, для составленія единогласнаго рѣшенія, присяжнымъ пришлось бы отступать отъ своего убѣжденія и соглашаться съ мнѣніемъ, въ справедливости котораго они сомнѣваются. Мы полагаемъ, что это возраженіе не можетъ выдержать строгой критики. Очевидно, что оно основывается на ложномъ пониманіи значенія присяжныхъ и условій, представляемыхъ дѣйствительною жизнью. Присяжные не являются только представителями однихъ личныхъ индивидуальныхъ мнѣній. Если бы это было такъ, то надобно было бы признать, что рѣшенія ихъ не имѣютъ никакого твердаго основанія, а зависятъ исключительно отъ одного случая, представляющаго для обсужденія дѣла присяжныхъ извѣстнаго образа мыслей. Въ такомъ случаѣ приговоры ихъ представляли бы постоянное противорѣчіе между собою и не могли бы возбуждать ни малѣйшаго довѣрія. Но въ дѣйствительности мы видимъ совершенно другое. Судъ присяжныхъ считается въ настоящее время лучшимъ органомъ правосудія. Между тѣмъ, самое понятіе о правосудіи исключаетъ допущеніе разныхъ мѣрилъ для опредѣленія виновности или невинности подсудимыхъ. Изъ этого одного уже слѣдуетъ, что совѣсть, служащая основаніемъ для рѣшенія присяжныхъ, не можетъ считаться чѣмъ-то зависящимъ отъ индивидуальнаго образа мыслей тѣхъ лицъ, которыя попали случайно въ число присяжныхъ. Если бъ было иначе, то судъ присяжныхъ представлялъ бы для правосудія гораздо менѣе обезпеченій, нежели учрежденія, рѣшающія дѣла по извѣстной, напередъ заданной, теоріи доказательствъ. Но въ дѣйствительности судъ присяжныхъ вовсе не имѣетъ такихъ недостатковъ. Напротивъ, все превосходство этого учрежденія передъ другими органами правосудія именно въ томъ и состоитъ, что его рѣшенія основываются на болѣе ясныхъ и болѣе сознательныхъ началахъ. Если приговоры присяжныхъ не основываются на логическихъ выводахъ изъ сличенія фактовъ съ извѣстною теоріею доказательствъ, то это не значитъ, чтобы судъ присяжныхъ могъ руководиться одними индивидуальными впечатлѣніями и отвергать помощь общихъ законовъ человѣческаго мышленія. Тогда бы онъ былъ судомъ по чувству, а не по убѣжденію. Напротивъ, главное достоинство суда присяжныхъ состоитъ въ томъ, что рѣшенія его нисколько не зависятъ отъ личнаго образа мыслей и характера лицъ, произносящихъ приговоры. Присяжные судятъ по очевидности и выводятъ изъ нея

заключенія на основаніи общихъ законовъ человѣческаго мышленія. Понятно, что очевидность не можетъ быть спорнымъ вопросомъ для тѣхъ лицъ, которыя не страдаютъ особыми недостатками органовъ физическаго и нравственнаго зрѣнія. Точно такъ же и выводы изъ очевидныхъ доказательствъ, дѣлаемые на основаніи общей человѣческой логики, должны быть одни и тѣ же у всѣхъ людей, имѣющихъ здравый смыслъ. Если же въ средѣ присяжныхъ происходитъ непримиримое разногласіе, то это показываетъ, что дѣло не доведено до той степени ясности, которая называется очевидностью, и, слѣдовательно, не представляетъ достаточныхъ доказательствъ для разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ. Но въ большей части случаевъ такого разногласія не бываетъ. Если и возникаетъ между присяжными какое либо сомнѣніе, то оно обыкновенно разрѣшается при общемъ ихъ совѣщаніи путемъ разумнаго убѣжденія. Люди, хорошо знакомые съ ходомъ судебныхъ дѣлъ въ Англіи, удостовѣряютъ, что въ большей части случаевъ присяжные приходятъ къ единогласному рѣшенію послѣ самаго короткаго совѣщанія, что же касается до разногласія, то оно бываетъ очень рѣдко, потому что внимательное совокупное обсужденіе вопросовъ и разумныя убѣжденія судьи почти всегда приводятъ присяжныхъ къ соглашенію. Это иначе и быть не можетъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ необходимость общихъ совѣщаній присяжныхъ не устраняется правиломъ о рѣшеніи дѣлъ по счету голосовъ. Въ очевидности нѣтъ спора. Если и происходятъ относительно ея какія либо недоразумѣнія, то причина ихъ состоитъ въ томъ, что не всѣ люди одарены одинаковою способностью замѣчать явленія и понимать ихъ дѣйствительный смыслъ. При одинаковыхъ критеріумахъ зрѣнія и пониманія, у однихъ эти способности сильнѣе, у другихъ слабѣе. Но вся разница въ этомъ отношеніи заключается лишь въ томъ, что одинъ понимаетъ вещи быстрѣе и яснѣе, нежели другой. Очень можетъ быть, что человѣку, не одаренному особыми способностями, нѣкоторыя жизненныя явленія представляются сначала вовсе не въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, но это нисколько не мѣшаетъ ему понять дѣйствительный ихъ смыслъ, когда онъ потрудится сообразить свое личное мнѣніе съ мнѣніями другихъ и внимательно обсудить ихъ возраженія. Случается иногда и то, что человѣкъ, обладающій огромною проницательностью, бываетъ неспособенъ замѣтить и понять явленія, для всѣхъ очевиднаго. Это очень часто происходитъ отъ временнаго расположенія духа или отъ исключительнаго устремленія всего вниманія на одну какую нибудь сторону дѣла, вслѣдствіе чего всѣ остальныя его стороны дѣлаются невидимыми. Но все это нисколько не мѣшаетъ людямъ сходиться въ рѣшеніи дѣла, когда оно должно быть основано на очевидности, равно

всѣмъ доступной и понятной. Въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о необходимости соглашаться съ мнѣніемъ, въ справедливости котораго имѣется какое либо сомнѣніе. Присяжный, твердо увѣренный въ справедливости своего мнѣнія, никогда отъ него не отступитъ, и это можетъ случиться только съ тѣмъ, кто самъ не ясно сознаетъ справедливость своего мнѣнія или не имѣетъ достаточной силы воли, чтобы твердо защищать его. Но всѣ эти неспособные, безсильные и безхарактерные люди дѣлаются гораздо опаснѣе при рѣшеніи дѣла по большинству голосовъ. Тогда они могутъ безпрепятственно упорствовать въ своихъ ошибкахъ или подавать свои голоса на основаніи соображеній, не соотвѣтствующихъ цѣлямъ правосудія. На возраженія они и отвѣчать не станутъ. Если не требуется единогласнаго рѣшенія, то зачѣмъ же и разсуждать: всякій можетъ подавать голосъ, какой онъ хочетъ. При рѣшеніи по счету голосовъ, усиливается самое значеніе людей нравственно-слабыхъ. При этомъ порядкѣ во многихъ случаяхъ пріобрѣтеніе одного такого голоса имѣетъ рѣшительное вліяніе на окончательный исходъ дѣла. Такимъ образомъ рѣшеніе по счету голосовъ отдаетъ судъ преимущественно въ руки людей неспособныхъ, безхарактерныхъ и безнравственныхъ.

5) Еще возражаютъ, что если одинъ голосъ останавливаетъ осужденіе, признаваемое справедливымъ совокупностью одинадцати голосовъ, то уже не можетъ быть никакого равновѣсія между огражденіями отъ опасности неосновательныхъ осужденій и столь же необходимыми огражденіями отъ опасности потворства явнымъ преступникамъ. Признаемся, мы не понимаемъ этихъ опасеній. Мы увѣрены, что, при публичномъ производствѣ и въ особенности при единогласномъ рѣшеніи, ни одинъ присяжный не рѣшится потворствовать явному преступнику и отдать себя на позоръ общественнаго мнѣнія. Если и могутъ быть такіе случаи, то развѣ очень рѣдко и поэтому на нихъ нельзя разсчитывать. Напротивъ, упорство одного лица противъ одинадцати, при публичномъ судопроизводствѣ, служитъ лучшимъ доказательствомъ особой твердости его убѣжденія. Люди такъ созданы, что рѣдкій согласится выйти изъ толпы одинъ и публично объявлять отдѣльное мнѣніе, если онъ не имѣетъ особенно яснаго сознанія его справедливости. Но въ этомъ случаѣ нельзя не признать, что для рѣшенія вопроса не имѣется той очевидности, которая не допускала бы никакого сомнѣнія, и что при этомъ недостаткѣ достовѣрности гораздо лучше оправдывать подсудимыхъ, нежели присуждать къ наказанію. Наконецъ, случайное упорство одного или двухъ присяжныхъ не можетъ имѣть особенно вредныхъ послѣдствій и вести къ совершенной безнаказанности явныхъ преступниковъ, потому что въ такомъ случаѣ обвинительная власть имѣетъ полную возможность пре-

слѣдовать ихъ снова передъ судомъ при другомъ составѣ присяжныхъ, какъ это дѣлается въ Англіи и Сѣверо-американскихъ штатахъ. Изъ всего этого видно, что вышеприведенное возраженіе не имѣетъ никакой силы и въ особенности не можетъ имѣть личнаго значенія въ томъ государствѣ, гдѣ уже сто лѣтъ существуетъ общее правило, что лучше освободить отъ наказанія десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго (указъ Екатерины II 10 февраля 1763 года, вошедшій въ Св. Закон. Т. XV ч. 2 ст. 311).

6) Неправильность рѣшенія по большинству голосовъ доказывается уже тѣмъ, что при допущеніи его не имѣется никакихъ разумныхъ основаній для опредѣленія числа голосовъ, необходимаго для составленія приговора. Разъ допустивъ это правило, законодательство вступаетъ въ темную область чисто произвольныхъ заключеній, изъ которыхъ нѣтъ никакого разумнаго выхода. Поэтому, въ средѣ защитниковъ системы рѣшенія по большинству голосовъ и въ государствахъ, гдѣ такая система принята, существуетъ совершенная разноголосица. Одни защищаютъ абсолютное большинство, другіе — три четверти, третьи—десять и даже одиннадцать двѣнадцатыхъ. Одна Франція въ теченіе пятидесяти лѣтъ перепробовала всѣ числа отъ 7 до 10, и все-таки ея судьи, по общему мнѣнію, хуже англійскихъ. Въ Шотландіи, гдѣ судъ состоитъ изъ 15 присяжныхъ, признается простое большинство. Въ нѣкоторыхъ Сѣверо-американскихъ штатахъ, въ которыхъ допускается большинство голосовъ, для осужденія требуется не менѣе трехъ четвертей. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ, на островѣ Мальтѣ, допускается большинство голосовъ, но для присужденія къ смертной казни требуется единогласное рѣшеніе. Однимъ словомъ, этому разнообразію нѣтъ конца (*). Очевидно, что здѣсь не на чемъ остановиться, потому что всѣ числа являются одинаково произвольными и бездоказательными. Относительно всѣхъ этихъ числовыхъ соображеній можно сказать только то, что простое большинство представляетъ для правосудія гораздо менѣе обезпеченій, нежели относительное, и что степень огражденія отъ опасности неосновательныхъ осужденій находится въ прямомъ отношеніи къ количеству голосовъ, требующихся закономъ для составленія приговора. Спрашивается, какое же большинство слѣдуетъ придумать для того государства, въ которомъ признавалось общее правило, что лучше освободить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго? Неужели ограничиться случайнымъ перевѣсомъ одного или двухъ голосовъ? Если у насъ не употребительна смертная казнь, то неужели лишеніе правъ состоянія и ссылка на долгій срокъ въ каторжную работу или на по-

(*) Bieber. Das englische geschworenengericht. II. § 56.

ленію не отнимаютъ у человѣка всей его жизни? Что же намъ дѣлать? Если мы примемъ простое большинство голосовъ, то мы, очевидно, отдадимъ правосудіе въ руки слѣпаго случая. При этомъ правилѣ достаточно подѣйствовать на одного слабаго присяжнаго убѣжденіями или угрозами, чтобы наказать невиннаго или оправдать явнаго преступника. Если же мы примемъ разныя относительныя большинства, соотвѣтствующія важности преступленій и мѣрѣ наказаній, то мы не только не устранимъ вышеупомянутыхъ неудобствъ единогласнаго рѣшенія, но даже вызовемъ новыя важнѣйшія затрудненія. При допущеніи всякаго относительнаго большинства, присяжные могутъ объявлять мнѣнія, противныя ихъ совѣсти, еще легче и удобнѣе, нежели при единогласныхъ рѣшеніяхъ. Въ этомъ случаѣ все-таки не будетъ солидарности въ составѣ присяжныхъ и той полной отвѣтственности ихъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, какая существуетъ при необходимости согласиться и объявить одно мнѣніе отъ лица всѣхъ присяжныхъ. Между тѣмъ, объявлять несправедливыя мнѣнія въ одиночку и безъ объясненія причинъ гораздо легче, нежели высказывать ихъ тогда, когда предстоитъ необходимость защищать ихъ передъ своими товарищами. Очень часто нравственное значеніе высказаннаго мнѣнія можетъ обнаружиться только вслѣдствіе спора. Притомъ, къ счастію, на свѣтѣ очень мало людей, которые обладаютъ особымъ діалектическимъ талантомъ и способностью защищать несправедливыя мнѣнія съ сохраненіемъ своего видимаго достоинства. Поэтому очевидно, что всякій присяжный, съ кривою душою или безхарактерный, во всякомъ случаѣ скорѣе рѣшится поступить не по совѣсти, если онъ можетъ ограничиться односложнымъ отвѣтомъ или присоединиться къ чужому знамени. Что же касается до общественнаго мнѣнія, то оно ни мало его не безпокоитъ. При рѣшеніи по большинству голосовъ онъ можетъ удобно употребить общую оттоворку коллегіальныхъ лицъ, что приговоръ не отъ него зависѣлъ, а если ужъ потворство слишкомъ очевидно, то онъ имѣетъ въ будущемъ много времени для того, чтобы придумать какія либо причины недоразумѣнія и видать подачу своего голоса за неумышленную ошибку. Такимъ образомъ, и дѣло сдѣлано, и приличія соблюдены. Кажется, что очевидность этихъ соображеній не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

7) Наконецъ, долголѣтній опытъ тѣхъ странъ, въ которыхъ существуетъ судъ присяжныхъ съ непремѣннымъ условіемъ единогласнаго рѣшенія, совершенно убѣждаетъ насъ, что это требованіе не представляетъ никакихъ важныхъ практическихъ неудобствъ. Правда, что въ Англіи было время, когда единогласныя рѣшенія представляли множество затрудненій, и когда судьи прибѣгали для соглашенія присяжныхъ къ разнымъ мѣрамъ, которыя нельзя вспомнить безъ край-

ляго отвращенія. Но все это было во время господства деспотизма и насилія. Судьи, не дававшіе присяжнымъ ѣсть и пить, пока они не согласятся, или сажавшіе въ тюрьму присяжныхъ, не согласившихся съ товарищами, большею частію употребляли эти средства для того, чтобы вынудить рѣшеніе, какое имъ хотѣлось. Въ настоящее время не осталось и слѣдовъ этихъ затрудненій. При нынѣшнихъ судьяхъ, отличающихся особымъ знаніемъ дѣла и пользующихся общимъ довѣріемъ, въ рѣдкомъ случаѣ между присяжными происходитъ такое разногласіе, которое не удается уничтожить немедленно путемъ разумнаго убѣжденія. Если же и случается непримиримое разногласіе, то дѣло не представляетъ никакихъ затрудненій, потому что по правилу, узаконенному въ сѣверо-американскихъ штатахъ и вошедшему въ обычай въ Англіи, при разногласіи, дѣла оканчиваются съ предоставленіемъ обвинителямъ преслѣдовать ихъ вновь передъ судомъ при другомъ составѣ присяжныхъ. Что этотъ порядокъ рѣшенія дѣлъ не представляетъ въ Англіи особыхъ практическихъ неудобствъ, доказывается уже тѣмъ, что, не смотря на неоднократныя попытки отмѣнить его, большинство юристовъ-практиковъ и государственныхъ людей всегда высказывалось въ его пользу. Когда въ 1845 году собиралась особая коммиссія свѣдущихъ людей для обсужденія этого вопроса, то весьма небольшое число юристовъ объявило себя противъ единогласія и приводило въ основаніе тѣ самыя возраженія, которыя мы уже разбирали, но, не смотря на то, огромное большинство высказалось въ пользу сохраненія стараго порядка, удостовѣряя, что всѣ факты, приводимые въ доказательство его негодности, или не такъ поняты или случаются чрезвычайно рѣдко (*). Кажется, что подобный приговоръ огромнаго большинства юристовъ, практически знакомыхъ со всѣми выгодами и недостатками учрежденія, можетъ служить лучшимъ ручательствомъ превосходства единогласныхъ рѣшеній передъ составленіемъ ихъ по счету голосовъ.

По всѣмъ этимъ причинамъ, мы полагаемъ, что у насъ необходимо принять за правило, чтобы вопросы, предлагаемые нашимъ присяжнымъ, разрѣшались ими не иначе, какъ единогласно. Кромѣ всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, въ необходимости этого насъ убѣждаетъ и то обстоятельство, что приговоры по большинству голосовъ совершенно противорѣчатъ духу нашего народа, который не допускаетъ никакихъ рѣшеній, кромѣ единогласныхъ. Всякому, кто близко знакомъ съ нравами и обычаями нашихъ крестьянъ, хорошо извѣстно, что они, собираясь на сельскіе или волостные сходы, совсѣмъ не понимаютъ возможности рѣшать вопросы по числу голосовъ и считаютъ

(*) Mittermaier. Das engl., schot. und nordamer. Strafverfahren. 476.

дѣло неоконченнымъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не согласятся на чемъ либо одномъ. Если же эти люди не допускаютъ возможности рѣшать такимъ образомъ маловажныя хозяйственныя дѣла, то можно ли ожидать отъ нихъ уваженія къ разногласнымъ судебнымъ приговорамъ, которыми рѣшаются вопросы о чести и личной свободѣ человѣка? Намъ кажется, что уже одно это соображеніе должно заставить насъ принять сторону единогласія, которое и безъ того представляется выгоднѣйшимъ и удобнѣйшимъ. Какой же будетъ у насъ судъ присяжныхъ, если онъ съ самаго начала возбудитъ къ себѣ общее недовѣріе огромнаго большинства?

Наконецъ, мы считаемъ нужнымъ упомянуть еще объ одномъ противорѣчіи, встрѣчающемся въ основныхъ положеніяхъ уголовнаго судопроизводства.

Въ 17 статьѣ ихъ говорится, что различіе подсудности по сословіямъ отмѣняется. Между тѣмъ, по смыслу 3 пункта 19 статьи оказывается, что по дѣламъ о кражѣ, мошенничествѣ, лѣсныхъ порубкахъ, присвоеніи найденныхъ вещей и другихъ подобныхъ преступленіяхъ, лица привилегированныхъ сословій должны быть судимы въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, тогда какъ тѣ же самыя преступленія, совершенныя людьми низшихъ сословій, подлежатъ единоличному разбирательству мировыхъ судей; а изъ 1-го и 2-го пунктовъ 112 статьи видно, что окончательные приговоры, по которымъ дворяне, чиновники и священнослужители всѣхъ степеней духовной іерархіи присуждаются къ наказанію, соединенному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ или какого либо знака отличія, представляются на высочайшее усмотрѣніе, тогда какъ всѣ такіе же приговоры о лицахъ другихъ состояній прямо обращаются къ исполненію. Мы полагаемъ, что самое понятіе о правосудіи не допускаетъ никакого различія въ степени огражденія подсудимыхъ по личному или сословному положенію. Кромѣ того, мы думаемъ, что при рѣшеніи дѣлъ по внутреннему убѣжденію судей высочайшая власть не будетъ имѣть никакой возможности удостовѣряться въ правильности или неправильности представляемыхъ ей приговоровъ, и потому все дѣло будетъ зависѣть отъ лицъ, составляющихъ доклады. Такимъ образомъ, дѣйствительный судъ по преступленіямъ привилегированныхъ лицъ очутится въ рукахъ мѣстныхъ административныхъ властей или чиновниковъ центральнаго управленія.

Относительно основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства, мы можемъ только сказать, что они представляютъ всѣ необходимыя гарантіи правосудія. Единственное сомнѣніе, возбуждаемое этими правилами, состоитъ лишь въ томъ, будутъ ли они исполняться во всей ихъ точности. Мы до сего времени имѣли столько разныхъ

законовъ, строго предписывавшихъ соблюденіе разныхъ правилъ и никогда не исполнявшихся, что какъ-то повѣрится въ дѣйствительную силу новыхъ лучшихъ постановленій. Но это уже не зависитъ отъ самыхъ правилъ гражданскаго судопроизводства. Эти правила не могутъ представить никакихъ обезпеченій вѣрнаго неуклоннаго ихъ исполненія. Дѣйствительная сила ихъ находится въ прямой зависимости отъ общаго государственнаго устройства, и въ особенности отъ того порядка, который будетъ установленъ для преслѣдованія преступленій и проступковъ должностныхъ лицъ. Но объ этомъ мы уже говорили подробно, въ первой нашей статьѣ. Что же касается до будущихъ правилъ гражданскаго судопроизводства, то мы желаемъ отъ нихъ лишь одного: чтобы они точнѣе и яснѣе опредѣлили права тяжущихся сторонъ въ разные моменты судопроизводства. Это необходимо для устраненія разныхъ недоразумѣній, ведущихъ къ вреднымъ послѣдствіямъ и затрудняющихъ производство. Такимъ образомъ, въ нашихъ законахъ до настоящаго времени не было ясно опредѣлено, до какого времени отвѣтчикъ можетъ пользоваться правомъ совершенно устранять тяжбу посредствомъ ссылки на какое либо внѣшнее обстоятельство, какъ напримѣръ, на истеченіе давности, неподсудность тому мѣсту, въ которое подано исковое прошеніе и т. п. Очевидно, что всѣ эти споры не могутъ быть допускаемы послѣ того, какъ отвѣтчикъ приступилъ къ возраженіямъ противъ сущности иска, т. е. послѣ того момента, который опредѣляетъ начало тяжбы и называется въ римскомъ правѣ litis contestatio. Иначе въ судопроизводствѣ происходитъ совершенная галиматья. Каждый истецъ или отвѣтчикъ можетъ вступить въ тяжбу и вести ее очень долго на удачу или съ единственною цѣлью обезсиленія своего противника, а потомъ, придумавъ какой нибудь формальный крючекъ, устранить всѣ послѣдствія судопроизводства. Въ такомъ случаѣ судъ дѣлается въ дѣйствительности игрушкою одного тяжущагося, а другая сторона, понесшая убытки и представившая доказательства (которыя иногда бываетъ очень трудно и даже не возможно предъявить въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ) лишается всякихъ средствъ защиты. Между тѣмъ, допущеніе подобныхъ отводовъ суда послѣ вступленія въ тяжбу встрѣчается очень часто въ нашей судебной практикѣ, и въ особенности въ мировыхъ учрежденіяхъ. Желательно, чтобы при составленіи новаго устава гражданскаго судопроизводства права тяжущихся въ разные фазисы производства были опредѣлены съ большею точностью.

Что касается до основныхъ положеній нашего будущаго судопроизводства, то мы считаемъ нужнымъ ограничиться однимъ замѣчаніемъ. Существованіе особаго вѣдомства юстиціи, по представленіямъ котораго назначаются предсѣдатели и члены окруж-

ныхъ судовъ и судебныхъ палатъ (статьи 23 и 39), должно быть сильнымъ препятствіемъ къ осуществленію начала независимости судебной власти. Гдѣ уже есть вѣдомство, въ рукахъ котораго находится раздача мѣстъ, тамъ необходимо является и зависимость отъ него должностныхъ лицъ, имъ опредѣленныхъ. Если вѣдомство представляетъ къ назначенію въ должности, то въ его рукахъ находятся и *повышенія*. Такимъ образомъ, въ этомъ вѣдомствѣ сосредоточатся всѣ средства доставить такъ называемую судебную карьеру. Притомъ, въ основныхъ положеніяхъ нигдѣ не говорится, чтобы лица, занимающія судебныя должности, не могли разсчитывать на особыя награды чинами, орденами, деньгами или недвижимыми имѣніями. Можетъ быть, вѣдомство юстиціи будетъ имѣть и эти особыя средства поощренія. Очевидно, что при такомъ порядкѣ всѣ суды и даже адвокаты очутятся въ совершенной зависимости отъ лицъ, располагающихъ судебной карьерой. Это такъ ясно, что не требуетъ дальнѣйшихъ разсужденій (*).

Изложивъ наши соображенія объ основныхъ положеніяхъ судебной реформы, мы невольно приходимъ къ вопросамъ: чего же можно ожидать отъ нашихъ будущихъ судебныхъ учрежденій, какое мѣсто займутъ они въ средѣ другихъ государственныхъ и общественныхъ установленій и представятъ ли они достаточныя ручательства въ томъ, что правосудіе будетъ отправляться ими совершенно честно и нелицепріятно.

Отвѣчать на эти вопросы весьма затруднительно. Независимые и хорошіе органы правосудія не могутъ создаваться одними уставами судопроизводства и судоустройства. Такъ какъ судебныя учрежденія не являются чѣмъ-то внѣшнимъ, не отъ міра сего сущимъ, то существованіе ихъ, такъ же какъ и прочихъ учрежденій, необходимо обусловливается общимъ состояніемъ среды, въ которой они дѣйствуютъ. Поэтому особыя постановленія о судопроизводствѣ и судоустройствѣ могутъ получить жизнь и дѣйствительное значеніе лишь на столько, на сколько они соотвѣтствуютъ общему строю народной жизни. При извѣстныхъ условіяхъ, существованіе независимаго и нелицепріятнаго суда точно такъ же невозможно, какъ существованіе гласности безъ

(*) Въ Англіи судебная независимость является совершенно обезпеченною. Во первыхъ, тамъ нѣтъ министра юстиціи. Во вторыхъ, тамъ нѣтъ никакого разсчета на карьеру. Въ третьихъ, тамошніе судьи даютъ присягу въ томъ, что они будутъ судить по правдѣ, не взирая ни на какое лицо, и ни кому не откажутъ въ правосудіи даже и въ такомъ случаѣ, «если король будетъ требовать противнаго именнымъ повелѣніемъ». Притомъ, по господствующему старинному обычаю, судьи могутъ явиться ко двору *одинъ только разъ для* представленія. Gneist I. 495.

права свободной рѣчи или публичности безъ публики. Поэтому дѣйствительное осуществленіе какихъ либо началъ судопроизводства зависитъ не столько отъ правилъ судебнаго устава, сколько отъ тѣхъ условій, которыя представляются общимъ строемъ государственной жизни. Если же сообразить внимательно всѣ условія, необходимыя для существованія хорошаго суда, то ихъ окажется очень много. Знатокъ по этой части, Миттермайеръ, очень хорошо объясняетъ этотъ вопросъ въ своемъ историческомъ очеркѣ англійскаго судопроизводства, а потому мы находимъ не лишнимъ привести его слова.

«Исторія Англіи», говоритъ онъ, «поучаетъ насъ, что народъ «можетъ наслаждаться справедливымъ судомъ, обезпечивающимъ «общественный порядокъ, силу законовъ и личную свободу граж«данъ, только въ такомъ случаѣ, когда правительство уважаетъ «права народа и относится къ нимъ честно, добросовѣстно и «безъ всякихъ задними мыслей или своекорыстныхъ видовъ; ког«да оно твердо держится законовъ и вполнѣ увѣрено, что всякая «его попытка уклониться отъ нихъ встрѣтитъ сильное сопро«тивленіе не только со стороны всего общества, но даже и со сто«роны тѣхъ лицъ, въ содѣйствіи которыхъ оно нуждается для ис«полненія своихъ намѣреній; когда всѣ должностныя лица проникнуты «сознаніемъ своего долга и строго держатся законовъ, будучи твердо «увѣрены, что всякое уклоненіе отъ нихъ влечетъ за собою не ми«нуемую тяжкую отвѣтственность; когда судьи столько же уважаютъ «частное право, какъ и государственное, когда они ничего не боятся «и ни на что не надѣются, и убѣжденія ихъ не зависятъ отъ воли «другихъ; когда въ цѣломъ народѣ развиты чувства уваженія къ за«конамъ, сознанія своихъ правъ и гражданскаго мужества, необходи«маго для ихъ защиты и, наконецъ, когда всякое оскорбленіе част«ныхъ правъ одного гражданина чувствуется всѣми, какъ явленіе, «угрожающее общей безопасности» (*).

Таковы условія, необходимыя для существованія справедливаго суда. Въ какой мѣрѣ они представляются нашею жизнью, мы не беремся судить въ настоящее время. Этотъ вопросъ такъ сложенъ, что выходитъ изъ предѣловъ нашей статьи. Но не смотря на то, какъ бы этотъ вопросъ ни разрѣшился, мы твердо убѣждены, что нашъ публичный судъ присяжныхъ будетъ лучшею политическою школою для народа и вѣрнѣйшимъ средствомъ для его развитія.

А. УНКОВСКІЙ.

(*) Mittermaier. Engl, schot. und. nordam. Strafv. 2.

СТРАДА.

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Все-выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палитъ.

Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крикъ у сосѣдней полосоньки,
Баба туда — растрепалися косоньки, —
Надо ребенка качать!

Чтоже ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!...

Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею,
Право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Канутъ они — все равно!

Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?...

Н. НЕКРАСОВЪ.

ЖЕНИХИ БУРСЫ.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ (*).

(*Н. А. Благовѣщенскому*).

Наконецъ, Аксютка доигрался съ Лобовымъ до скверной шутки. Заглянула бурса въ столовую, щей негодныхъ похлебала, и опять въ свой классъ *идетъ*. Одинъ лишь Аксютка щолкаетъ зубами.

Какъ бы то ни было, всѣ болѣе или менѣе подкрѣпились: одинъ лишь Аксютка щолкаетъ зубами отъ голода, или по туземному выраженію, у него *по брюху девятый валъ ходитъ, въ брюхѣ зорю бьютъ*. Положеніе Аксютки никогда не было такъ безпомощно, какъ теперь, и въ моральномъ, и въ животномъ отношеніи. Онъ, потѣшаясь надъ Лобовымъ, по обыкновенію своему, лишь только попалъ въ камчатку, какъ опять сталъ появляться въ *нотатъ* съ *пятками*, т. е. самыми лучшимъ баллами.

Это только сбѣсило учителя: — «Ты, животное», — сказалъ ему Лобовъ:—«потѣшаешься надо мною: когда тебя порютъ, у тебя въ нотатѣ нули; когда шлютъ въ камчатку—пятки? Знаю я тебя: ты добиваешься того, чтобы опять перейти на первую парту, чтобы потомъ снова бѣсить меня нулями? Врешь же! Не бывать тебѣ на первой партѣ, и пока у тебя снова не будутъ

(*) Первые два очерка были напечатаны въ журналѣ «Время» за 1862 годъ.

нули, до тѣхъ поръ не ходи въ столовую». Аксютка клялся и божился, что онъ раскаялся и теперь будетъ учиться постоянно. Лобовъ ничего слышать не хотѣлъ. «Не надо твоего ученья», сказалъ онъ: — «сиди въ камчаткѣ». Аксюткино самолюбіе было сильно задѣто, и, раздувая ноздри, онъ думалъ: «посмотримъ, чья возметъ!» И въ нотатѣ его были отличные баллы; но Лобовъ каждый разъ говорилъ ему: «и сего дня не жри»!

Въ продолженіи трехъ дней Аксютка кое-какъ перебивался, выкрадывая тамъ или здѣсь булку, сайку, ломоть хлѣба, толокно, горохъ и тому подобное. Вчера онъ забрался въ *сбитенную*, гдѣ *Ванька рыжій* продавалъ сбитень, сайки, булки, пеклеванные хлѣбы, сухари, крендели, яблоки, рѣпу, патоку, медъ и красную икру, а для избранныхъ и *водчонку*, разумѣется, по двойной цѣнѣ противъ откупной; здѣсь Аксютка успѣлъ украсть нѣсколько булокъ, насадивъ на палку гвоздь, которымъ и добывалъ изъ-за залавка съѣдомое, когда Ванька рыжій отходилъ въ другую сторону. Но сего дня была среда, а сбитенная наполнялась биткомъ только по понедѣльникамъ и вторникамъ, пока у бурсачковъ держались деньжонки, принесенныя изъ дому; а при безлюдствѣ въ сбитенной опасно было рисковать на воровство въ ней. Что было дѣлать? Бурсаки, зная, что у Аксютки девятый валъ на брюхѣ, бережно припрятывали ломти хлѣба и зорко слѣдили за нимъ. Большинство не желало дѣлиться съ нимъ запаснымъ хлѣбомъ; впрочемъ, и дѣлиться было не съ чего: утреннихъ и вечернихъ фриштиковъ въ бурсѣ не полагалось; за обѣдомъ выдавали только по два ломтя хлѣба, изъ которыхъ одинъ съѣдался въ столовой, а другой уносился въ карманѣ въ запасъ.

Между тѣмъ все училище высыпало на дворъ. Ученики строили катальную гору. Такъ какъ досокъ взять было не откуда, то вся гора была сплошь изъ снѣгу. Снѣжные комы, величиною въ ростъ человѣка, двигались по огромному двору училища. Около каждаго изъ нихъ, подъ командою вожака, работало человѣкъ по десяти. Комы доставлялись къ горѣ, около которой, какъ муравьи въ муравейникѣ, кишили ученики. Дня черезъ два, по длинному расчищенному раскату, который былъ немного менѣе балаганныхъ раскатовъ Петербурга, полетитъ бурса внизъ головою на санкахъ, салазкахъ, подмороженныхъ дощечкахъ, рогожкахъ, конькахъ, а то и просто на самородномъ самокатѣ, т. е. на брюхѣ вверхъ спиною. Бурсаки представляютъ веселый

и радостный видъ: раздается команда выбраннаго распорядителя, привыкъ къ работѣ, звонкіе басы и тенора, хохотъ, остроты. Весело.

Аксютка щолкаетъ зубами.

На лѣвой сторонѣ двора около осьмидесяти человѣкъ играютъ въ *килу*, кожаный, набитый волосомъ мячъ, величиною въ человѣческую голову. Двѣ партіи *сходились* стѣна на стѣну; одинъ изъ учениковъ *велъ килу*, медленно подвигая её ногами, въ чемъ состоялъ верхъ искуства въ игрѣ, потому что отъ сильнаго удара мячъ могъ перейти въ противуположную сторону, въ лагерь непріятеля, гдѣ и завладѣли бы имъ. Запрещалось *бить съ носка*—при этомъ можно было нанести ударъ въ ногу противника. Запрещалось *бить съ закилька*, т. е., забѣжавъ въ лагерь непріятеля, и выждавъ, когда перейдетъ на его сторону мячъ, прогонять его *до города* — назначенной черты. Нарушающему правила игры *мылили шею*.

— Кила! закричали ученики—это означало, что *городъ взятъ*.

Побѣдители въ востортѣ и съ гордостью возвращались на свое мѣсто. Имъ весело.

Аксютка же щолкаетъ зубами.

Въ углу двора, около сѣнной и хлѣбной пекарни, нѣсколько человѣкъ прокапывали въ огромной кучѣ снѣга норы и проползали черезъ тѣ норы на своемъ брюхѣ. Въ другомъ углу двора играли въ крѣпость, стараясь выбить другъ друга изъ занятой на кучѣ снѣгу позиціи, при чемъ, вмѣсто картечи, употреблялись въ дѣло снѣжки. Гришкецъ и Васенда повалили Сашкеца на снѣгъ, зарыли его съ руками и ногами въ кучу снѣга, такъ что торчитъ одна лишь голова Сашкеца,—онъ беззащитенъ, и творятъ ему *смазь вселенскую*. Гришкецъ и Васенда хохочутъ, да и Сашкецъ хохочетъ—это была шутка полюбовная. Всѣмъ весело.

Аксютка щолкаетъ зубами.

На дворъ училища вошли двѣ женщины—одна старуха, другая лѣтъ тридцати слишкомъ. Спросивши, гдѣ живетъ *инвекторъ*, т. е. инспекторъ, онѣ направились къ двухъ-этажному зданію, крыша котораго заканчивалась шпилемъ со звѣздою. Скоро, онѣ уже стояли въ залѣ инспектора. Старуха была женщина дряхлая, лицо въ трещинахъ, до того обожженое лѣтнимъ солнцемъ, что и зимою не сходилъ съ него загаръ; маленькіе глазки ея бѣгали,

какъ двѣ перепуганныхъ мыши, и тоскливое ихъ выраженіе возбуждало жалость. Эта сгорбившаяся дама имѣла на сѣдой, въ вискахъ плѣшивой, головѣ шерстяной платокъ, на плечахъ поношенную шубейку, на ногахъ мужскіе сапоги. Другая женщина была лѣтъ тридцати двухъ, высокаго роста, рябая, съ длинными мозолистыми руками; она смотрѣла изъ подълобья съ тѣмъ безпристрастьемъ, съ которымъ смотрятъ люди на что либо неизбѣжное въ ихъ жизни и съ чѣмъ они примирились. Одѣта она въ новую заячью шубку, въ новый платокъ, и на ногахъ ея не сапоги, а башмаки козловые.

Онѣ прождали инспектора около получаса. Наконецъ, инспекторъ вышелъ, но, очевидно, въ дурномъ расположеніи духа.

— Что вамъ надо? сказалъ онъ грубо.

Обѣ женщины повалились въ ноги. Старая заплакала и тѣмъ напѣвомъ, какимъ голосятъ у насъ по покойникамъ, стала приговаривать:

— Батюшка, отецъ ронной...Охъ, кормилецъ, наше горе большое...лишились послѣдняго хлѣбушка...батюшка, не погнѣвайся!...

Старуха стукнула въ полъ головою.

Такое рабольпіе смягчило нѣсколько инспектора; но дурное расположеніе его духа не миновалось окончательно.

— Говори, зачѣмъ пришли...

Старуха отъ грознаго голоса начальника трепетала, терялась и понесла дичь:

— Померъ голубчикъ нашъ...пришибло сердечнаго...пошелъ кваску, сначала таково легко...

Инспекторъ вышелъ изъ себя:

— Чтобы чортъ васъ побралъ, паскудныя бабы! крикнулъ онъ, топнувъ ногою...

Обѣ женщины замерли...

— Сейчасъ на ноги и говори толкомъ, а не то метлой выгнать велю!...Шлюхи!...и поспать не дадутъ!...

— Батюшка!...начала было опять старуха...

— Иванъ! закричалъ инспекторъ: — гони ихъ въ шею!...

Обѣ женщины вскочили на ноги. Старушка бросилась изъ пріемнаго зала въ переднюю. Все это со стороны казалось очень страннымъ, особенно послѣдній манеръ старой женщины; теперь должно было, по видимому, ожидать, что инспекторъ окончательно выйдетъ изъ себя, но, напротивъ, взглядъ его прояснил-

ся и онъ сталъ спокойно ходить вдоль комнаты, дожидаясь терпѣливо старухи.

Та скоро вернулась въ одной рукѣ—съ кулькомъ, въ другой—съ узломъ. То и другое она положила къ ногамъ начальника...

— Что это? спросилъ онъ.

— Не побрезгуй, батюшка, деревенскимъ гостинцемъ, и...

— Покажи, что тутъ?

Старуха, торопливо развязывая кулекъ, вынимала изъ него сахаръ, чай, бутылку рому, сушеные грибы и яблоки, а въ узлѣ оказалось десятка четыре аршинъ холста...

Инспекторъ не безъ удовольствія, но и не безъ достоинства сказалъ:

— Хорошо, спасибо...Въ чемъ же твое дѣло?

— Это вотъ дочка моя, говорила старуха:—сиротой осталась... были у преосвященнаго...закрѣпилъ за ней мѣстечко...отцовское...

— Ну такъ что же?

— Къ тебѣ послалъ.

— *За женихами*?

— *За женихами*, батюшка, и старуха опять чебурахъ въ ноги.

— Хорошо, хорошо.

— Да не озорниковъ какихъ, батюшка! Старуха при этомъ вытянула свою руку, разжала кулакъ, и на ладони ея очутился серебряный рубль.

Инспекторъ взялъ старухинъ рубль и положилъ его себѣ въ карманъ съ полнымъ спокойствіемъ, точно такъ, какъ авдиторъ беретъ съ подъавдиторнаго взятку.

— У меня двое есть, а, можетъ быть, найдутся и еще охотники.

Послѣ того инспекторъ распросилъ, гдѣ мѣсто, какія обязательства, доходы, составъ причта, спросилъ адресъ старухи, и обѣщалъ отпустить учениковъ на другой день на смотрины невѣсты.

Старуха и невѣста, поблагодаривъ инспектора, отправились во сторожи. Онѣ остановились на дворѣ и посмотрѣли на пестрѣющую и кишащую толпу учениковъ.

— Кого-то изъ нихъ Богъ пошлетъ кормильцемъ? подумала старуха.

— Съ кѣмъ-то изъ нихъ подъ вѣнецъ идти? подумала невѣста...

Эта невѣста была *закрѣпленная невѣста*, вступавшая въ бракъ единственно для того, чтобы не умереть съ голоду. У насъ на Руси не рѣдкость, что бракъ устраивается потому, что женихъ получитъ повышеніе по службѣ и приданое, а невѣста пристроится, получитъ имя жениха и чинъ его. Но все это дѣлается болѣе или менѣе въ приличныхъ формахъ, такъ или иначе маскируется. И потому не поражаетъ сильно своимъ безобразіемъ и извращеніемъ честныхъ цѣлей брака. Случаевъ такихъ вездѣ не мало. Но ни гдѣ святость брака такъ не попирается, какъ въ сферѣ бурсацкихъ типовъ. Здѣсь нарушеніе брака, извращеніе его узаконено и освящено обычаемъ. Бурсакъ, сѣченный, быть можетъ, разъ четыреста, унижаемый и уродуемый нравственно, умственно и физически, часто въ продолженіи четырнадцати лѣтъ, наконецъ, послѣ такой педагогической дрессировки, заслужившій дипломъ, дающій, по видимому, ему право получить мѣсто въ приходѣ, — не иначе можетъ достигнуть этого, какъ обязавшись взять *такую-то*, по назначенію отъ *начальства, казенную, закрѣпленную* дѣвицу. Выходитъ что-то въ родѣ того, когда, бывало, *помѣщики женили* своихъ крестьянъ, а не то, чтобы крестьяне *сами женились*. Когда умираетъ то или другое лицо духовное и у него остается семейство,—куда ему дѣться? Хоть съ голоду умирай!.. Домъ (если онъ церковный), земля, сады, луга, родное пепелище—все должно перейти преемнику. Русскіе священники, діаконы, причетники — представители православнаго пролетаріата... У нихъ нѣтъ собственности... До поступленія на мѣсто всякій попъ нашъ гладенъ и хладенъ, при поступленіи приходъ его кормитъ; умираетъ онъ всегда съ тяжелой мыслью, что его сыновья и дочери пойдутъ по міру. Вотъ это-то пролетаріатство духовенства, безземельность, необезпеченность извратили всю его жизнь. Чтобы не дать умереть съ голоду осиротѣвшимъ семействамъ духовныхъ лицъ, рѣшились пожертвовать однимъ изъ высочайшихъ учрежденій человѣческихъ — бракомъ. Мѣста *закрѣпляютъ* — техническое, замѣтьте, чуть не оффиціальное выраженіе. По смерти главы семейства, мѣсто его остается за тѣмъ, кто согласится взять замужъ его дочь, либо родственницу. Кандидатамъ на мѣста объявляется объ открывшейся вакансіи, со взятіемъ такой-то. Начинается хожденіе женіховъ въ домъ невѣсты. Большею частію, это дѣлается на скорую руку, всегда [illegible]

чается срокъ для выбора невѣсты, вслѣдствіе чего *посылающіе* не имѣютъ времени узнать одинъ другаго. И бывали такіе случаи, что невѣста, находясь за двѣсти верстъ, не успѣвала ко времени пріѣхать въ главный эпархіальный городъ; претендентъ на поповское мѣсто не имѣлъ средствъ и времени съѣздить къ невѣстѣ; тогда объ стороны списывались; давалось заочное согласіе, и, получивши уже указъ о поступленіи на мѣсто, женихъ ѣхалъ къ невѣстѣ; при такихъ порядкахъ нерѣдко выходили скандальныя столкновенія — невѣста попадалась старая, рябая, сварливая дѣвчина, и женихъ еще до свадьбы порывался побить ее. Но когда невѣста пріѣзжала въ городъ, такъ и тогда умѣли обдѣлывать дѣла и спускали залежалый и бракованный товаръ съ удивительною ловкостію: щоки невѣсты штукатурились, смотрины назначались вечеромъ, при слабомъ освѣщеніи, — и рябое выходило гладкимъ, старое молодымъ... Бывало и то, что до самаго вѣнца роль невѣсты брала на себя ея родственница, молодая и недурная собою женщина, иногда замужняя, и уже только въ церкви по лѣвую руку женихъ видѣлъ какого нибудь монстра, въ родѣ тѣхъ древнихъ изображеній, которыя въ старину сначала задымляли и коптили, а потомъ промѣнивали на лукъ и яйца. Что было дѣлать? Бурсакъ, наголодавшись послѣ бурсы вдоволь, стиснувъ зубы и сирѣнивъ сердце, смотрѣлъ на свою будущую сожительницу, но... махнувъ рукою, поступалъ согласно внушенію Ольги, сдѣланному ею князю Игорю, и, стоя подъ вѣнцомъ, думалъ думу, какъ бы въ первую же ночь изломать бока своей, чортъ бы ее взялъ, подругѣ жизни. Нечего говорить, что, при подобномъ надуваньи и фальшѣ, бракъ есть зло и поруганіе самыхъ дорогихъ, самыхъ святыхъ правъ человѣчества. Но, когда при смотринахъ и сватовствѣ товаръ показывали лицомъ, и тогда рѣдко, рѣдко бракъ былъ счастливымъ. Если часто бываетъ, что послѣ долгаго знакомства, бракъ неудаченъ, что сказать о томъ, когда онъ устраивался на авось... Въ свѣтскихъ искусственныхъ бракахъ большею частію оскорбляется и унижается женщина; но въ бурсацкихъ и женщина, и мужчина... Въ свѣтскихъ мужчина говоритъ: «я сытъ и есть у меня имя, иди за меня—ты будешь сыта и получишь имя»; въ бурсацкихъ же не то; женихъ кричитъ: «ѣсть нечего»; невѣста кричитъ: «съ голоду умираю» — и исходъ одинъ: соединиться объ имъ сторонамъ. Все это порожденіе проклятаго пролетаріата въ нашемъ духовенствѣ. Кого же тутъ винить?

Вотъ и дѣвчика привезла, по смерти своего мужа, свою задеревенѣлую дочь и успѣла закрѣпить за ней мѣсто. Преосвященный послалъ ее въ училище, чтобы изъ готовящихся къ исключенію выбрать жениха.

Въ тѣ времена, когда въ бурсѣ свирѣпствовали Лобовъ, Батька, Долбежинъ и тому подобные педагоги, въ ней уже нарождался новый типъ учителей, какъ будто болѣе гуманныхъ.

Къ нимъ принадлежалъ Павелъ Ѳедорычъ Красновъ.

Павелъ Ѳедорычъ былъ изъ молодыхъ, окончившихъ курсъ семинаріи, студентовъ. Это былъ мужчина красивый, съ лицомъ симпатическимъ, по натурѣ своей человѣкъ добрый, деликатный.

Хотѣлось бы намъ отнестись къ нему вполнѣ сочувственно, но какъ это сдѣлать?

Онъ и не думалъ изгонять розги, а напротивъ, защищалъ ее, какъ необходимый суррогатъ педагогическаго дѣла.

Но онъ, наказывая ученика, не давалъ никогда болѣе десяти розогъ. Преподавая ариѳметику, географію и греческій языкъ, онъ не заставлялъ зубрить слово въ слово, а это въ бурсѣ почиталось едва ли не признакомъ близкаго пришествія антихриста и кончины вѣка сего. Онъ позволялъ ученикамъ дѣлать себѣ вопросы, возраженія, требовать объясненій по разнымъ предметамъ, и снисходилъ до отвѣтовъ на нихъ, а это уже окончательный либерализмъ для бурсы. Увлекаясь своимъ положительно добрымъ сердцемъ, онъ входилъ иногда въ нужды своихъ учениковъ. Такъ мы упомянули въ первомъ очеркѣ объ одномъ несчастномъ, который былъ почти съѣденъ чесотными клещами, если бы не Павелъ Ѳедорычъ: онъ сводилъ его въ баню, вымылъ, выпарилъ, остригъ его голову, сжегъ всю его одежду, далъ ему новую и обласкалъ бѣднягу. Былъ случай, что по классамъ Краснова, за его болѣзнію, пришлось справлять уроки Лобову. Лобовъ вознесъ Карася и *отчехвостилъ* его на воздусяхъ. То же самое хотѣлъ онъ сдѣлать съ цензоромъ класса, парнемъ лѣтъ подъ двадцать, но цензоръ утекъ отъ него; тогда Лобовъ записалъ его въ журналъ, и дѣло все-таки пахло розгой. Узнавъ о томъ, какъ въ классѣ свирѣпствовалъ Лобовъ, Красновъ вышелъ изъ себя, разорвалъ въ клочья журналъ и разсорился съ Лобовымъ. Онъ былъ справедливъ относительно списковъ, въ которыхъ не дѣлалъ для учениковъ тайны, а напротивъ вызывалъ

недовольныхъ на диспуты. Разъ только случилось, что Красновъ избилъ своего ученика собственноручно и безпощадно; но и то по той причинѣ, что бурсакъ рѣшился острить во время отвѣта урока самымъ площаднымъ образомъ, а Павелъ Ѳедорычъ былъ щекотливъ на нервы. Словомъ, Красновъ, какъ частное лицо, неоспоримо былъ честный и добрый человѣкъ.

Но посмотрите, чѣмъ онъ былъ, какъ учитель бурсы.

— Ивановъ! говоритъ онъ.

Ивановъ поднимается съ задняго стола бурсацкой камчатки, за которою Красновъ слѣдилъ постоянно и зорко, вслѣдствіе чего для желающихъ *почивать на лаврахъ*, то есть лѣнтяевъ, онъ былъ нестерпимый учитель. Красновъ донималъ ихъ не столько свѣченьемъ, сколько систематическимъ преслѣдованіемъ; и вотъ это-то преслѣдованіе, основанное на психологической тактикѣ, сильно отзывалось іезуитствомъ. Красновъ въ нотатѣ видитъ, что у Иванова стоитъ сегодня ноль, но все-таки говоритъ:

— Прочитай урокъ, Ивановъ.

Но Ивановъ не отвѣчаетъ ничего. Онъ думаетъ про себя: «вѣдь знаетъ же Красновъ, что у меня въ нотатѣ ноль... что же спрашиваетъ?—только мучитъ!

— Ну, что же вы?

Ивановъ молчитъ... Лучше бы ругали Иванова, тогда не было бы ему стыдно передъ товарищами, потому что ругань начальства на вороту бурсака, ей же Богу, не виснетъ; а теперь Ивановъ поставленъ въ комическое положеніе: надъ его замѣшательствомъ потѣшаются свои же, и такимъ образомъ главная поддержка противъ начальства—товарищество для него не существуетъ въ это время.

— Ты здоровъ ли? спрашиваетъ ласково Павелъ Ѳедорычъ.

Сбычившись и выглядывая изъ подлобья, Ивановъ говоритъ:

— Здоровъ.

— И ничего съ тобой не случилось?

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего, слышится отвѣтъ Иванова какимъ-то псалтирно-панихиднымъ голосомъ.

— Но ты точно разстроенъ чѣмъ-то?

Отъ Иванова ни гласа, ни послушанія.

— Да?

Но Иванову точно ротъ зашили.

— Что же ты молчишь?.. Ну, скажи же мнѣ урокъ.

Наконецъ, Ивановъ собирается съ силами. Краснѣя и пыхтя, онъ дико вскрикиваетъ:

— Я... я... не... зна-аю.

— Чего не знаешь?

— Я... урока.

Павелъ Ѳедорычъ притворяется, что не разслышалъ.

— Что ты сказалъ?

— Урока... не знаю! повторяетъ Ивановъ съ натугой.

— Не слышу; скажи громче.

— Не знаю! приходится еще разъ сказать Иванову.

Товарищи хохочутъ.

Ивановъ же думаетъ про себя: «черти бы побрали его!.. привязался лѣшій»!

Учитель между тѣмъ прикидывается изумленнымъ, что дома Ивановъ не приготовилъ уроковъ.

— Ты не знаешь? Да этого быть не можетъ!

Новый хохотъ.

Ивановъ радъ провалиться сквозь землю.

— Отчего же ты не знаешь?

Опять начинается травля до тѣхъ поръ, пока Ивановъ не начинаетъ лгать.

— Голова болѣла.

— Угорѣлъ вѣрно?

— Угорѣлъ.

— А ты, можетъ быть, простудился?

— Простудился.

— И угорѣлъ и простудился?.. Экая, братецъ ты мой, жалость!

Товарищи, видя, что Ивановъ сбился съ толку, помираютъ со смѣху. А мученикъ думаетъ: «Господи ты Боже мой, когда же отпорютъ наконецъ», и рѣшается покончить дѣло разомъ:

— Не могу учиться.

— Отчего же, другъ мой?

— Способностей нѣтъ.

— А ты пробовалъ учить вчера?

— Пробовалъ.

— О чемъ же ты училъ?

Вотъ тутъ доходитъ дѣло до самой мучительной минуты: хоть

убей, не разжать рта, точно губы съ пробоемъ, а на пробоѣ замокъ. Ивановъ не обезпокоился не только что выучить урокъ, но даже узнать, что слѣдовало учить. Павелъ Ѳедорычъ, боясь, что Иванову подскажутъ товарищи, всталъ со стула и подошелъ къ нему съ вопросомъ:

— Что жь ты не говоришь?

Ивановъ замкнулся, и не отомкнуться ему несчастному.

Павелъ Ѳедорычъ кладетъ на него руку. Ивановъ переживаетъ мучительную моральную пытку, да и другимъ камчатникамъ вчуже становится жутко.

— Зачѣмъ ты смотришь въ парту? Смотри прямо на меня.

У Иванова нервная дрожь. Не поднять ему своей головы — тяжела она, точно пивной котелъ, который только билъ по плечамъ богатыря.

Между тѣмъ Павелъ Ѳедорычъ беретъ Иванова за подбородокъ.

— Не надо быть застѣнчивымъ, мой другъ.

Мѣра душевныхъ страданій переполнена. Ивановъ только тяжело вздыхаетъ. Наконецъ, послѣ долгаго выпытыванія, съ тѣмъ глубокимъ отчаяніемъ, съ которымъ бросаются изъ третьяго этажа внизъ головой, Ивановъ принужденъ сознаться, что онъ не знаетъ, что задано. Но у него была теперь надежда, что послѣ этого начнутся только распеканія и порка, значитъ, скоро и дѣлу конецъ,—напрасная надежда.

— Зачѣмъ ты забрался въ камчатку? Посмотри, что здѣсь сидятъ за апостолы. Ну, хоть ты, Краснопѣвцевъ, скажи мнѣ, что такое шхера?

Краснопѣвцеву что-то подсказываютъ.

— Шхера есть, отвѣчаетъ онъ бойко, не что иное, какъ морская собака.

Всѣ хохочутъ.

— Ну ты, Воздвиженскій... поди къ картѣ и покажи мнѣ, сколько частей свѣта.

Воздвиженскій подходитъ къ висящей на классной доскѣ ландкартѣ, беретъ въ руки кій и начинаетъ путешествовать по европейской территоріи.

— Ну, поѣзжай, мой другъ.

— Европа, начинаетъ другъ.

— Разъ, считаетъ учитель.

— Азія.

— Два, считаетъ учитель.

— Гиппанія, продолжаетъ камчатникъ, заѣзжая кіемъ въ Бѣлое Море, прямо къ моржамъ и бѣлымъ медвѣдямъ.

Раздается общій хохотъ. Учитель считаетъ.

— Три.

Но ученый мужъ остановился на Бѣломъ Морѣ, отыскивая здѣсь свою милую Гиппанію, и здѣсь зазимовалъ.

— Ну, путешествуй дальше. Али уже всѣ пересчиталъ страны свѣта?

— Всѣ, отвѣчалъ нашъ мудрый географъ.

— Именно всѣ. Ступай, вались дерево на дерево, заключилъ Павелъ Ѳедорычъ.

Онъ нарочно вызываетъ самыхъ едрёныхъ лѣнтяевъ, отличающихся крутымъ, безголовымъ невѣжествомъ.

— Березинъ, скажи, на которомъ мѣстѣ стоятъ десятки?

— На десятомъ.

— И отлично.

— А сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать съ годомъ.

— А сколько времени ты учишься?

— Девятый годъ.

— И видно, что ты не безъ успѣха учился восемь лѣтъ. И впередъ старайся такъ же. А вотъ, послушайте, какъ переводитъ у насъ Тетеринъ. Слѣдовало перевести: «Діогенъ, увидя маленькій городъ съ огромными воротами, сказалъ: — мужи Мидяне, запирайте ворота, чтобы вашъ городъ не ушелъ».

— Мужи по гречески ἄνδρες (андресъ). Вотъ Тетеринъ и переводитъ: «Андрей, затворяй калитку — волкъ идетъ». Онъ же росписался въ полученіи казенныхъ сапоговъ слѣдующимъ образомъ: «Петры Тетеры получили сапоги». Ну, послушай, Петры Тетеры, что такое море?

— Вода.

— Какова она на вкусъ?

— Мокрая.

— Про Петры же Тетеры разсказывали, что онъ слово «maximus» переводилъ словомъ «Максимъ»; когда же ему стали подсказывать, что «maximus» означаетъ «весьма большой», онъ махнулъ «весьма большой Максимъ». Ну, а ты, Потоцкій, проспрягай мнѣ «богородица».

— Я богородица, ты богородица, онъ богородица, мы богородицы, вы богородицы, они, онѣ богородицы.

— Дѣльно. Проспрягай «дубина».

— Я дубина...

— Именно. Довольно. Ѳедоровъ, поди къ доскѣ и напиши, «охота».

— Тотъ пишетъ «охвота».

— Напиши «глина».

У того выходитъ «гнила».

Такимъ образомъ Павелъ Ѳедорычъ потѣшался надъ камчатниками, заставляя ихъ нести дичь. Ивановъ радовался въ душѣ, что учительское вниманіе было отвлечено отъ него. Напрасная радость: то былъ новый маневръ, пущенный въ ходъ учителемъ.

— Что, Ивановъ, хороши эти гуси?

Ивановъ опять приходитъ въ ажитацію.

— Какъ бы ты назвалъ этихъ господъ? Не назвалъ ли бы ты ихъ дикарями? Платоновъ, что такое дикарь?

— Дикой человѣкъ.

— А умѣешь ты говорить по гречески?

— Нѣтъ.

— А я слышалъ, что да. Идетъ онъ съ такимъ же, какъ самъ, гусемъ. Одинъ гусь говоритъ: «альфа, вита, гамма, дельта»; другой гусь говоритъ: «епсилонъ, зита, ита, фита». Не правда, что ли? Тогда еще пирожникъ назвалъ васъ язычниками. Вотъ въ родѣ его одинъ господинъ пріѣзжаетъ къ отцу на каникулы. Отецъ его спрашиваетъ: «какъ сказать полатынѣ: лошадь свалилась съ моста?»—Молодецъ отвѣчаетъ: «лошадендусъ свалендусъ съ мостендусъ».

Ивановъ опять оживился надеждой, что его забыли.

— И не стыдно тебѣ, Ивановъ, сидѣть среди такихъ олуховъ? Я вѣдь знаю, что ты не станешь спрягать «дубину», не скажешь, что десятки стоятъ на десятомъ мѣстѣ, не поѣдешь въ ледовитый океанъ съ какой-то «Гишпаніей», зачѣмъ же ты забрался къ этимъ дикарямъ?

— Простите, шепталъ Ивановъ.

— Въ чемъ тебя простить? И Павелъ Ѳедорычъ опять добивается того, что Ивановъ самъ себѣ дѣлаетъ приговоръ:

— Лѣнился...

— Дѣло ли будетъ, если я прощу тебя?

Пускается въ ходъ новый маневръ. Извѣстно, что для школьника мучительна не столько самая минута возмездія, сколько ожиданіе его. Это понималъ Павелъ Ѳедорычъ и пускалъ въ ходъ всю практическую психологію.

— Простить тебя? А потомъ самъ же будешь бранить за это, зачѣмъ дозволялъ тебѣ лѣниться; скажешь, не дуракъ же я былъ — учителя не хотѣли обратить на меня вниманія.

— Простите! говорилъ Ивановъ.

— Да ты знаешь ли, что съ тобой можетъ случиться, если, чего избави Боже, тебя исключатъ? Знаешь ли, что предстоитъ всѣмъ этимъ камчатникамъ?

Камчатка внимательно насторожила уши.

— Теперь по Руси множество шляется заштатныхъ дьячковъ, пономарей, церковныхъ и консисторскихъ служекъ, выгнанныхъ послушниковъ, исключенныхъ воспитанниковъ, — знаете ли, что хочетъ сдѣлать съ ними начальство? — оно хочетъ верстать ихъ въ солдаты.

— Простите! говорилъ Ивановъ, думая съ тоскою: «Боже мой, скоро ли же сѣчь-то начнутъ?... проклятый Красновъ!... всю душу вытянулъ».

— Я слышалъ за вѣрное, что скоро наборъ, рекрутчина. Ожидайте бѣды...

Мы имѣли случай въ первомъ очеркѣ замѣтить, что не разъ проносилась грозная вѣсть о верстаніи въ солдаты всѣхъ безмѣстныхъ исключенныхъ. Теперь прибавимъ, что такой проектъ начальство дѣйствительно не разъ хотѣло осуществить, но въ духовенствѣ всегда въ этомъ случаѣ подымался ропотъ; оно и понятно: многіе сильные міра были или сами дѣти причетниковъ, или имѣли причетниками своихъ дѣтей и другихъ родственниковъ. Однако, тѣмъ не менѣе грозная вѣсть о солдатчинѣ часто заставляла трепетать бурсаковъ.

Павелъ Ѳедорычъ пользовался этимъ обстоятельствомъ съ полнымъ успѣхомъ.

— Какъ же тебя простить, говоритъ онъ Иванову: — неужли тебѣ хочется подъ красную шапку?

— Я буду учиться.

— Какъ же ты давеча говорилъ, что не можешь учиться?

Скверно на душѣ Иванова, потому что учитель доводитъ его до того, что онъ самъ сознается.

— Лгалъ.

Травля продолжается далѣе. Приходилось, послѣ долгихъ выпытываній, соглашаться,—что и дѣлалось замогильнымъ тономъ,—въ томъ, что онъ долженъ быть наказанъ; потомъ, сколькими ударами розогъ. Когда ученикъ былъ доводимъ до истомы нравственной и едва не до полупомѣшательства, тогда только учитель отсылалъ его къ печкѣ, гдѣ и давалъ десять ударовъ розгами, при чемъ внушалось, что ученикъ, каждый разъ, при незнаніи урока, будетъ получать это ординарное количество стежковъ по тому мѣсту откуда ноги ростутъ. Рѣшившись обратить лѣнтяя на путь истины, Павелъ Ѳедорычъ всегда доводилъ свою работу до благопріятнаго результата, преслѣдуя цѣль неутомимо и энергически.

— Ивановъ! послѣ класса приходи ко мнѣ на квартиру.

Пригласивши къ себѣ на квартиру, Павелъ Ѳедорычъ заставляетъ Иванова учить урокъ въ рекреаціонные часы, такъ что если и послѣ этого захотѣлъ бы лѣниться, то ему пришлось бы всю училищную жизнь просидѣть надъ книгой, не нашлось бы и въ праздничные дни свободной минуты — вѣчно подъ носомъ проклятый учебникъ, и лѣнтяй, со скрежетомъ зубовнымъ, вгрызается въ ненавистныя строки. Мало по малу долбня всасываетъ его и поглощаетъ всецѣло.

Конецъ ли?

Нѣтъ, все-таки не конецъ. Павелъ Ѳедорычъ сносится съ другими учителями относительно неофита. Долбежинъ и Батька говорятъ неофиту: «а, голубчикъ, у другихъ ты учишься, а у меня нѣтъ?... Запорю, животное, убью!» Тѣ учителя въ свою очередь начинали *досѣчь* лѣнтяя каждый *до своей науки*. Что тутъ станешь дѣлать? По неволѣ съѣшь всю бурсацкую науку, хотя въ душѣ созрѣетъ и навѣкъ укоренится глубокая ненависть и безпощадное отвращеніе къ той наукѣ. Правда, ученикъ, досѣченный до хорошаго аттестата, будетъ благодаренъ, но все же не за бурсацкую науку, но за аттестатъ, дающій ему извѣстныя права.

Милостивые государи, какъ вамъ нравится подобное варварство въ педагогикѣ, къ которому однако прибѣгалъ даже Павелъ Ѳедорычъ, человѣкъ съ сердцемъ положительно добрымъ? Что же это значитъ? Если бы Лобовъ, Долбежинъ, Батька и Красновъ не употребляли противоестественныхъ и страшныхъ мѣръ преподаванія, то увѣряю васъ, рѣдкій бурсакъ сталъ бы учиться, потому что наука въ бурсѣ трудна и нелѣпа. Лобовъ, Дол-

бежинъ, Батька и Красновъ по неволѣ прибѣгали къ насилію нравственному и физическому. Значитъ, вся причина главнымъ образомъ не въ учителяхъ и не въ бурсакахъ, а въ бурсацкой наукѣ, чтобъ ей сгинуть съ бѣлаго свѣта. Мало-мальски развитый семинаристъ всегда вспоминаетъ о ней съ ужасомъ.

Камчатка *почивала на лаврахъ* до сего дня спокойно и безпечно; но сегодня въ ней ярые толки и шумъ. Павелъ Ѳедорычъ возбудилъ тѣ толки и шумъ своими угрозами о солдатчинѣ. Но не на всѣхъ камчатниковъ грозная вѣсть произвела одинаковое впечатлѣніе. Камчатники распадались на два типа по роду бурсацкихъ наукъ. Науки были: *божественныя*, которыя нынѣ называются богословскими, и *внѣшнія*, которыя нынѣ называются свѣтскими. Одни камчатники отрицали только *внѣшнія* науки и съ усердіемъ занимались закономъ Божіимъ, священною исторіею, церковнымъ уставомъ и церковнымъ пѣніемъ. Эти спеціально готовились въ дьячки и пономари. Представителями такого типа въ особенности были двое — *Васенда* и *Агапусъ*. Васенда былъ великовозрастный, такъ что кончить курсъ ему пришлось бы не юношей, а тридцатилѣтнимъ мужемъ. Онъ махнулъ на все рукою и принялся за божественныя науки. Это былъ человѣкъ честный, добрый, обладавшій громадною физическою силою, но, какъ всѣ силачи, спокойный и сосредоточенный; но главное, онъ былъ замѣчательный скопидомъ и хозяинъ. Такъ онъ и выглядитъ кремнемъ-причетникомъ, у котораго хозяйство никакъ не будетъ хуже, по крайней мѣрѣ, дьяконскаго. Загляднемъ въ его ученическій сундукъ, когда Васенда выдвигаетъ его изъ подъ кровати. Въ углу небольшой деревянный образокъ Василія Великаго, благословеніе матери, вдовы-дьячихи; на внутренней стѣнкѣ крышки сундука набиты два ремня, и за нихъ вложено нѣсколько десятей писчей бумаги; по краямъ, около бумаги, художественная выставка произведеній конфектнаго и леденечнаго искусства: генералъ, у котораго носъ чуть не поперегъ лица, голая женщина, кормящая грудью голубка, а за нею амуръ, какъ будто бы страдающій водяной болѣзнью, потомъ лубочная гравюра, вырѣзанная изъ Бовы и изображающая то, какъ сей богатырь побиваетъ метлою рать несмѣтную, далѣе, картинка изъ священной исторіи, на которой вы можете видѣть изгнаніе нашихъ прародителей изъ рая и тому подобныя изображенія; эти изображенія перемѣшаны съ леденечными билетиками; тутъ

же, между прочимъ, налѣплена числительница, показывающая дни и мѣсяцы на цѣлый годъ. Внутри сундука въ одномъ углу кадушка, въ которой грибы со сметаной, а въ другомъ мѣшокъ съ толокномъ. На днѣ лежатъ книги, все божественныя, ни одной внѣшней — ихъ Васенда продалъ, какъ ненужныя. Въ другой сторонѣ сундука аккуратно уложено чистое бѣлье и новенькая верхняя одежда. Кромѣ того, подъ образкомъ находится маленькій ящичекъ, въ которомъ хранятся его деньги, письма, новѣйшій нѣсенникъ, нюхательный табакъ, пустая склянка, перочинный ножъ, гребенка, мыло и тому подобное. Вотъ вамъ сундукъ Васенды, окованный прочными желѣзными полосами съ крѣпчайшимъ замкомъ. У Васенды отличный дубленый тулупъ и неизносимые осташи съ голенищами по колѣно. Его скопидомство доходило даже до крайности: такъ онъ цѣлый годъ писалъ однимъ перомъ, едва касаясь имъ бумаги и каждый разъ бережно завертывая его въ бумажку. Онъ уже и теперь такъ и выглядитъ степеннымъ и практическимъ дьячкомъ; и дѣйствительно онъ умѣетъ, что угодно, и купить и продать; походка у него важная, осташи блестятъ... Вотъ этотъ-то господинъ и былъ представителемъ лучшаго типа бурсацкой камчатки. Въ самомъ дѣлѣ, изъ него вышелъ прекрасный, зажиточный деревенскій дьячекъ. Вѣсть о солдатчинѣ мало тревожила его: онъ вѣрилъ въ свою звѣзду.

Азинусъ былъ ученикъ высокаго роста, сутуловатый, съ выдавшимися лопатками на спинѣ, на длинныхъ ногахъ; широкія скулы, бойкіе сѣрые глаза и постоянно вздернутый къ верху носъ, вѣчно нюхающій что-то въ воздухѣ, придавали лицу его выраженіе той хитрости, которою отличаются мелкіе плуты съ узкимъ лбомъ. Онъ ходилъ въ тиковомъ халатѣ, въ дырявыхъ сапогахъ и въ ватной шапкѣ зимой и лѣтомъ. Азинусъ былъ сынъ заштатнаго пономаря, горькаго пьяницы, жившаго подаяніемъ. Мать Азинуса, бѣдная старуха, забитая своимъ мужемъ, переслала своего сына въ училище съ однимъ дальнимъ своимъ родственникомъ, но при этомъ, по неопытности или старческой разсѣянности, не озаботилась передачею ему документовъ, необходимыхъ для поступленія въ бурсу. Родственникъ привезъ Азинуса, тогда еще осмилѣтняго мальчика, на огромный дворъ училища и пустилъ его на волю Божью отыскивать самому себѣ науку. Азинусъ долго ходилъ по двору, не зная, куда дѣться. Къ вечеру онъ проголодался и, увидя въ восемь часовъ огромную

массу воспитанниковъ, примкнулъ къ нимъ и очутился въ столовой, гдѣ, долго не думая, принялся за щи и кашу. Послѣ ужина ученики отправились сначала на молитву, а потомъ по спальнямъ, — онъ за ними; въ спальнѣ онъ нашелъ незанятую казенную кровать, гдѣ и уснулъ спокойно. Поутру онъ опять вмѣстѣ съ другими сходилъ на молитву, а потомъ попалъ въ приходскій классъ; тутъ онъ водворился на задней партѣ. Такъ онъ прожилъ около трехъ мѣсяцевъ, пока, наконецъ, учитель не обратилъ на него вниманія. Стали наводить справки, Азинуса въ спискахъ не оказалось. Его покормили въ послѣдній разъ обѣдомъ и велѣли убираться за ворота, на всѣ четыре стороны. Вотъ такъ младенчество — лучшая пора нашей жизни! Онъ нѣсколько дней питался милостынею, Богъ знаетъ, гдѣ ночуя, пока не наткнулся на другаго нищаго, своего отца, который отвелъ сынка къ знакомому дьячку, окончательно опредѣлившему маленькаго Азинуса въ бурсу, которая его окончательно изувѣчила. Онъ сначала оказывалъ успѣхи, но скоро плюнулъ на все, и, выживъ извѣстный періодъ сѣченія, засѣлъ въ камчатку навсегда. Здѣсь сложился его характеръ, въ высшей степени безалаберный. Главнымъ его занятіемъ были четъ и нечетъ, юла, три листика, мѣна ножами и тому подобныя коммерческія игры бурсы. Онъ сдѣлался настоящимъ цыганомъ училища, промѣнивая и вымѣнивая, продавая и покупая, что угодно. Деньжонки и вещи, пріобрѣтаемыя имъ, шли у него безъ толку. Всѣ ученики, остающіеся на Рождество или Пасху въ училищѣ, умѣли чѣмъ нибудь запастись для праздника; Азинусъ же часто проѣдалъ деньги наканунѣ его, а потомъ шлялся по спальнямъ, льстилъ, кланялся, прислуживался, ругался и лгалъ, выпрашивая кусокъ булки, яйцо, или клокъ масла у своихъ товарищей. При такомъ характерѣ онъ совершенно изолгался. До сихъ поръ передаютъ его разсказы. Такъ онъ однажды говорилъ, что въ страшную мятель зимою ѣхалъ куда-то, на него напали волки. Что было дѣлать? Я, говоритъ, со страху спрятался въ рожь. Когда его спрашивали, какимъ образомъ зимой попался онъ въ рожь, тогда Азинусъ ругался, разсыпалъ связи и, свертывая изъ полъ халата хвостъ, описывалъ имъ въ воздухѣ круги. Нерѣдко онъ сообщалъ своимъ слушателямъ о томъ, какъ онъ видѣлъ самъ привидѣнія, домовыхъ, мертвецовъ и чертей. Но онъ не только что вралъ, но не прочь былъ и стянуть что нибудь. Однажды онъ путешествовалъ на родину верстъ за полтораста съ четырьмя

копѣйками въ карманѣ, спалъ въ лѣсу, питался незрѣлыми ягодами, иногда заходилъ въ харчевни, обѣдалъ въ нихъ и потомъ утекалъ, не заплативши денегъ за обѣдъ. Этотъ молодецъ, когда прибылъ на родину, то у него оставалась еще одна копѣйка въ экономіи. Азинусъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ противоположность Васендѣ. Но и онъ не обратилъ вниманія на вѣсть о солдатчинѣ, хотя это сдѣлалъ единственно по безалаберности своего характера.

Вообще камчатка, отрицающая внѣшнія науки и изучающая только божественныя, не была сильно взволнована словами Павла Ѳедорыча. Къ тому были основанія. Начальство смотрѣло на божественную камчатку довольно благосклонно: она что нибудь да дѣлала. Бывали проекты (и это знали камчатники) о преобразованіи священныхъ заднихъ партъ въ спеціальный классъ, такъ называемый, *причетническій*. И потому ученики, подобные Васендѣ или Азинусу, были спокойны.

Но иное совсѣмъ происходило въ другой половинѣ камчатки. Здѣсь почивали на лаврахъ абсолютные нигилисты, отрицавшіе и внѣшнія и божественныя науки. Тамъ сидѣли нѣкоторыя убогія личности, которыя и сами убѣдились, и начальство убѣдили, что не имѣютъ способностей и учиться не могутъ, хотя странно считать кого бы то ни было неспособнымъ даже къ самому ограниченному элементарному образованію. Такъ былъ одинъ ученикъ, сынъ финскаго священника, который просидѣлъ въ приходскомъ классѣ шесть лѣтъ, и едва-едва научился читать, послѣ чего его исключили. Его и прозвище *Азбучка Забалдырь Евангѣлье Свѣтцы* за то, что онъ азбучка называлъ азбу́чкой, а Псалтырь забалдырью. Такіе примѣры не рѣдкость въ бурсѣ. Столько же времени и въ томъ же классѣ сидѣлъ Чабря. Иные до второуѣзднаго класса доплетались только черезъ четырнадцать лѣтъ—время, котораго достаточно для того, чтобы приготовиться на степень доктора какой угодно науки, срокъ, который однимъ годомъ только меньше срока нынѣшней солдатской службы. Эхъ, бѣдняги, какую жь лямку вы тянули: солдатскую, а васъ еще солдатчиной стращали!... Нашли, чѣмъ испугать!... Но вы все же таки пеняли тогда на начальство, дрожали отъ страха за свою судьбу: вамъ, конечно, не хотѣлось такую же службу вынести вторично.

Мы видѣли, что дѣйствительно неспособные ученики были сегодня сильно встревожены. Но во внѣшней камчаткѣ были и

способные ученики, сердце которыхъ тоже дрогнуло отъ словъ Краснова, не столько отъ того, что ихъ головы хотѣли накрыть красной шапкой — эти лѣнтяи были народъ беззаботный, мало думающій о будущемъ,—сколько отъ той бѣды, которую испыталъ сегодня ихъ товарищъ Ивановъ. Излѣнившись, они не могли взяться за книжку, а съ другой стороны, особенно умные изъ лѣнтяевъ инстинктивно и, право, справедливо чувствовали отвращеніе къ бурсацкой наукѣ. Однако, тѣмъ не менѣе нервная дрожь пробѣгала по ихъ тѣлу, когда они вспоминали Павла Ѳедорыча. Они чувствовали, что, вслѣдъ за Ивановымъ, стоитъ ихъ очередь, что зоркій глазъ Краснова отыщетъ ихъ въ камчаткѣ и заставитъ ихъ прочувствовать всю моральную пытку своей психолого-педагогической системой. Грустно, скучно сегодня въ камчаткѣ: но, читатель, подождите немного, и вы увидите, что сегодня же радостно взволновало не только камчатку божественную, не только камчатку впѣшнюю, но и весь классъ бурсаковъ.

Дайте только́ разсказать мнѣ, какую штуку отмочилъ сегодня Аксютка въ сообществѣ съ Ipse, — иначе разсказъ нашъ не будетъ вамъ понятенъ.

Аксютка все еще щолкаетъ зубами.

Стемнѣло. Лампы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не зажигались въ классахъ до занятныхъ часовъ. Аксютка пробрался въ первоуѣздный классъ, гдѣ въ потемкахъ объискивалъ карманы и парты учениковъ.

— Гдѣ бы *стилибонить*? шепталъ онъ.

Отправился онъ въ приходскіе классы. Успѣхъ былъ тотъ же, и Аксютка со злости загнулъ какому-то несчастному трехъ-этажныя салазки.

— Все стрескали, подлецы! проговорилъ онъ.

Съ голодомъ Аксютки естественно росло непобѣдимое его желаніе похитить что нибудь и съѣсть, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались его хитрость, изворотливость и предпріимчивость. Онъ отыскалъ своего друга и вѣрнаго пажа-Ipse, и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ уголъ двора, у воротъ, гдѣ была пекарня. Они пришли къ пекарнѣ; Ipse спрятался въ темномъ углу ея, а Аксютка, что есть силы, сталъ ломиться въ двери.

— Голубчикъ, Цѣпа, дай хлѣбца.

Цѣпка былъ солдатъ добрый. Онъ голодныхъ бурсаковъ часто надѣлялъ хлѣбомъ, а кого любилъ, такъ и ржаными ле-

пешками. Но этотъ хлѣбопекъ не могъ терпѣть Аксютку: онъ былъ увѣренъ, что Аксютка стянулъ у него новыя голенища.

Отмѣтимъ здѣсь еще странное явленіе бурсы. Служители училища были чѣмъ-то въ родѣ властей для учениковъ; у инспектора они имѣли значеніе гораздо большее, нежели всякій второклассный старшой. Свидѣтельство *сторожа* (такъ ученики звали прислугу) или жалобы его всегда уважались начальствомъ. Ученикъ противъ сторожа ничего предпринять не могъ. Это объясняется тѣмъ, что вахтеръ, гардеробщикъ, поваръ, хлѣбникъ, привратникъ и сѣкундаторъ изъ сторожей, очевидно, служили въ видахъ начальства. Всѣ они изъ урѣзанныхъ продуктовъ, разумѣется, ученическихъ, должны были, во что бы то ни стало, приготовить для начальства хлѣбъ, мясо, крупу, холстъ, сукно и тому подобное. Естественно, что жалоба на каждаго изъ нихъ была какъ бы жалобою на самое начальство; напримѣръ, сказать, что поваръ мало каши даетъ, значило сказать, что экономъ крадетъ казенную крупу, что экономъ дѣлится съ смотрителемъ, училищный смотритель съ семинарскимъ, этотъ съ академическимъ и такъ далѣе: выйдетъ, что жалоба о кашѣ есть жалоба противъ высшаго начальства, чуть не заговоръ и бунтъ. Да, на бурсацкомъ языкѣ такія жалобы дѣйствительно и назывались бунтами, и преслѣдовались, какъ бунты.

Служители сознавали свое положеніе и пользовались имъ.

Они жили гораздо лучше тѣхъ, кому служили: одежду носили казенную, ѣли въ волю и хорошо, могли высказывать свои неудовольствія и грозить оставленіемъ службы, у нихъ всегда бывали жирные щи со свѣжей говядиной, жирно промасленная каша, а хлѣба не порціями, какъ бурсакамъ, по сколько угодно. Живя почти на всемъ готовомъ, они, кромѣ того, получали жалованья отъ восьми до двѣнадцати, а вахтеръ и семнадцать руб. ассигнаціями, — они были богаче самыхъ богатыхъ бурсаковъ. Многіе изъ нихъ имѣли случай красть казенное. Поваръ получалъ отъ нѣкоторыхъ учениковъ еженедѣльную плату за то, что кормилъ ихъ утромъ и вечеромъ кашею. Захаренко, сѣкундаторъ, открыто бралъ взятки: каждый праздникъ онъ обходилъ классы и объявлялъ: «что же, господа, Алексѣю Григорьичу (такъ величали Захаренко) на табачокъ»? Къ нему сыпались на подставленную ладонь гроши и пятаки. За недѣлю, когда сборъ былъ скуденъ, ученики замѣчали, что онъ сѣкъ ихъ съ большею исправностію и аппетитомъ. Кромѣ того, Захаренко продавалъ уче-

никамъ нюхательный табакъ, сам-тре. Словомъ, служители составляли низшее начальство. Если къ этому прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ наушничали инспектору, то понятно будетъ ихъ вліяніе на учениковъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, когда Захаренко, подъ пьяную руку, проводилъ пальцемъ по головѣ ученика, какъ по бубну, приговаривая: «эй, прокислая кутья, ваше дѣло гадить, наше убирать». Или что удивительнаго, если Еловый билъ бурсака метлой по затылку, Трехполѣнный давалъ трепку и тому подобное? Въ большинствѣ случаевъ такія обиды терпѣливо сносились учениками.

Но Аксютка, какъ отпѣтая личность, не обращалъ вниманія на служительскія власти. Онъ продолжалъ ломиться къ Цѣпкѣ въ хлѣбную.

— Кто тутъ? послышался голосъ Цѣпки.

— Это я, Цѣпа.

— Я тебѣ дамъ такого хлѣбца, что не съѣшь.... прочь пошолъ!...

— Цѣпа, ей Богу, ѣсть хочется!

— Ну, пошолъ, пошолъ!... не проѣдайся!...

Аксютка перемѣнилъ тонъ. Онъ сталъ ругаться:

— Цѣпка, чортъ, дай же хлѣба! Жалко что ли тебѣ куска какого нибудь? Собака ты этакая, чтобъ подавиться тебѣ сапогомъ, который ты шьешь!

— Ахъ ты, бѣсовъ сынъ! проворчалъ Цѣпка.

Цѣпка воткнулъ шило въ деревянный обрубокъ, служившій ему столомъ, и, стиснувъ зубы, схватилъ метлу и стремительно бросился къ двери. Онъ пріударилъ за Аксюткой. Аксютка бѣгалъ очень хорошо; онъ мастеръ былъ играть въ пятнашки, и на небольшомъ пространствѣ умѣлъ *увертываться*, дѣлая неожиданные повороты то въ ту, то въ другую сторону. Дворъ былъ великъ, и потому Цѣпкѣ было бы трудно поймать Аксютку, но Аксютка побѣжалъ къ воротамъ. Цѣпка крикнулъ привратнику, стоявшему тамъ:

— Держи его!

Привратникъ схватилъ тоже метлу и бросился на Аксютку. Аксютка перемѣнилъ рейсъ. Къ его несчастію, былъ шестой часъ вечера, часъ, въ который служители мели спальныя комнаты. Они теперь выходили съ разныхъ концовъ двора.

— Держи его!

Аксютку всѣ знали. Служители ополчились на него со швабъ-

рами. Аксюткѣ приходилось плохо. Его травили съ четырехъ концовъ,—онъ и озирался хищнымъ волкомъ. «Намнутъ, черти, шею»! думалъ онъ. Но вотъ ноздри его поднялись и опустились. Онъ быстро бросился къ Цѣпкѣ. Цѣпка, не подозрѣвая ничего въ этомъ новомъ маневрѣ, бѣжалъ къ нему съ распростертыми руками. Другіе служители, видя, что Аксютка почти въ рукахъ Цѣпки, опустивъ швабры, кричали:

— Хватай его!

Но Аксютка, налетѣвъ на Цѣпку, неожиданно упалъ ему подъ ноги. Разлетѣвшійся Цѣпка полетѣлъ кубаремъ вверхъ ногами. Аксютка направилъ свой бѣгъ къ классу, который уже былъ освѣщенъ, потому что начались занятія. Цѣпка, человѣкъ бѣдовый въ сердцахъ, сталъ клясться и божиться, что убьетъ Аксютку. Онъ поднялся съ земли, схватилъ метлу и отправился къ классу, куда скрылся Аксютка.

— Теперь поймаетъ... попался! говорили служители и разошлись въ разныя стороны.

Цѣпка ворвался въ классъ съ страшными ругательствами и помахивая метлою. Аксютка, увидѣвъ его, вскочилъ на первую парту, съ первой на вторую и полетѣлъ надъ головами товарищей. Цѣпка послѣдовалъ его примѣру и, огромный солдатъ, носился съ метлою въ храмѣ бурсацкой науки... Картина была великолѣпная... Ученикамъ стало весело, — такіе спектакли приходилось видѣть не часто. Изъ-подъ ногъ разъяренныхъ враговъ летѣли на полъ дождемъ книги, грифельныя доски, чернильницы и линейки.

— Го–го–го! Начали бурсаки.

— Ату его! подхватили другіе.

Третьи свиснули.

Кто-то книгой пустилъ въ Цѣпку. Цѣпка не обращалъ вниманія на крикъ, атуканье и рёвъ бурсаковъ. Онъ распалился страшно. Двадцать двѣ парты, какъ клавиши играли подъ здоровенными его ступнями. Но вотъ Аксютка, соскочивъ на полъ, скрылся подъ партой; Цѣпка хотѣлъ послѣдовать его примѣру, но какой-то бурсакъ дернулъ его за ногу и онъ растянулся среди класса плашмя. Невозможно привести здѣсь той свирѣпой брани, которою онъ осыпалъ весь классъ.

Аксютка, выглядывая изъ-подъ парты, говорилъ ему:

— Цѣпка, встань, да на другой бокъ.

Цѣпка бросился къ нему; но Аксютка уже изъ подъ другой парты:

— Право, Цѣпка, дай, — голенищи подарю.

Цѣпка понялъ, что подъ партами ему не угоняться за врагомъ. Онъ, обозвавъ бурсаковъ прокислой кутьей и жеребячьей породой, направился къ двери. Его проводили крикомъ, свистомъ, атуканьемъ и крѣпкими остротами.

Покажется страннымъ, какимъ образомъ подобный гвалтъ и рёвъ могъ не доходить до начальства. Къ тому способствовало самое устройство училища. Все зданіе раздѣлялось на два корпуса — старый и новый. Въ *старомъ* года за три до описываемаго нами періода помѣщалась семинарія, а въ *новомъ* училище. Семинарія потомъ была переведена въ новое зданіе; училище же осталось въ прежнемъ. Въ училищѣ изъ начальства жили только смотритель и инспекторъ, другіе учителя помѣщались въ старомъ корпусѣ (*). Такимъ образомъ училище, по необходимости, управлялось властями, выбранными изъ учениковъ же. Кромѣ того, квартира смотрителя и инспектора была на противоположномъ концѣ двора, далеко отъ классовъ, такъ что никакой гвалтъ и рёвъ не доходили до начальства. Служители составляли, какъ мы уже имѣли случаи сказать, нѣчто въ родѣ начальства, и значитъ, были ненавидимы товариществомъ, вслѣдствіе чего скандалы въ родѣ описаннаго не доходили до инспектора и смотрителя.

Мало по малу все успокоилось въ классѣ. Аксютка пробрался въ камчатку. Скоро явился и Сатана (онъ же и Ipse)...

— Ну что, Сатана?

— Оплетохомъ!

— Лихо!.. Ну-ка, давай сюда!

Ipse вынулъ цѣлый хлѣбъ...

(*) Между прочимъ, описывая бурсу, мы опустили очень важное обстоятельство, что повело ко многимъ недоразумѣніямъ. Мы забыли сказать, что описываемая нами бурса—было закрытое учебное заведеніе. Ученики ея не жили, какъ въ другихъ бурсахъ, на вольныхъ квартирахъ. Всѣ, человѣкъ до пяти сотъ, помѣщались въ огромныхъ каменныхъ зданіяхъ, постройки временъ Петра 1-го. Эту черту не слѣдуетъ опускать изъ вниманія, потому что въ другихъ бурсахъ вольныя квартиры порождаютъ типы и бытъ бурсацкой жизни такіе, которыхъ нѣтъ въ закрытомъ зданіи. Быть можетъ, здѣсь же должно искать причину и того, что формы бурсацизма въ нашемъ училищѣ сложились такъ оригинально и такъ неискоренимо. Традиція, при закрытости заведенія, имѣла полную силу и жизненность.

— Да, ты молодецъ!.. я тебя за это жалую смазью...

Сатана принялъ смазь и проговорилъ:

— Азъ есмь Ipse!

Аксютка уписывалъ хлѣбъ съ волчьимъ аппетитомъ. Но послѣ завтрака, онъ все-таки не успокоился духомъ. — Чортъ ихъ побери, думалъ Аксютка: этакъ когда нибудь и съ голоду умрешь. Ужь не закатить ли завтра нуль въ нотатѣ? Э, нѣтъ, подожду — еще потѣшусь надъ Лобовымъ. А дѣло все-таки гадко. Но ладно «*Богъ напиталъ, никто не видалъ; а кто и видѣлъ, такъ не обидѣлъ*», заключилъ Аксютка бурсацкимъ присловьемъ. «Утро вечера мудренѣе»...

— Эхъ, Аксенъ Иванычъ, сказалъ ему Ipse, какъ бы отвѣчая его мыслямъ:—воззри на птицы небесныя: они не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, но Отецъ небесный питаетъ ихъ.

— Аминь! — сказалъ Аксютка и рѣшился продолжать свои продѣлки съ Лобовымъ.

Еще не утихъ гомерическій хохотъ бурсы, какъ вошелъ въ классъ лакей инспектора и спросилъ:

— Гдѣ дежурный старшой?

— Здѣсь, отвѣчалъ старшой.

— *Тебя* инспекторъ зоветъ.

Лакей ушелъ.

Сразу по всѣмъ головамъ прошла одна и та же мысль: вѣрно, Цѣпка нажаловался инспектору на Аксютку, у котораго уже дрожали отъ предчувствія бѣды поджилки, но и кромѣ его многіе струхнули, потому что многіе принимали участіе въ скандалѣ.

Старшой застегнулся на всѣ пуговицы и отправился къ инспектору, не безъ внутренняго трепета, потому что въ его дежурство случилась эта милая шутка веселыхъ бурсачковъ. На классъ напало уныніе. Минуты еле тянулись въ ожиданіи дежурнаго. Наконецъ онъ явился. Его встрѣтило мертвое молчаніе.

Дежурный окинулъ взоромъ классъ. Всѣ ждали.

— Женихи! крикнулъ онъ.

У всѣхъ отлегло отъ сердца.

— Женихи? отвѣчали ему.

Классъ наполнился радостнымъ ропотомъ. Туманъ съ физіономій исчезъ, по нимъ пробѣжала свѣтлая полоса. Всѣ приподъ-

пяли головы. У всѣхъ была одна мысль: «среди насъ есть женихи, значитъ, мы не мальчики, а народъ самостоятельный».

Но что сдѣлалось съ камчаткой? Тамъ воодушевленный говоръ, потому что насталъ часъ торжества, часъ величія камчатки.

Взоры всѣхъ были обращены въ эту счастливую страну.

Полно азбукѣ учиться,
Букваремъ башку ломать!
Не пора ли намъ жениться,
Въ печку книги побросать?

Шумъ усиливался.

— Тише! крикнулъ цензоръ.

Въ классѣ нѣсколько стихло.

— Кто женихи?

Вышли Васенда, Азинусъ, Ерра-Кокста, Рябчикъ.

— И я женихъ. Съ этими словами присоединился къ нимъ Аксютка.

Классъ захохоталъ.

Ipse отъ восторга вертѣлъ хвостомъ халата.

— Никого больше?

Больше никого не оказалось.

— Женихи къ инспектору!... живо!

Всѣ пятеро отправились къ инспектору. Классъ, глядя на Аксютку, который съ уморительными гримасами подпрыгивалъ и билъ себя по бедрамъ, весело смѣялся.

Когда женихи скрылись за дверями, классъ наполнился сильнымъ говоромъ, точно на рыночной площади торгъ во всемъ разгарѣ. Но это не былъ тотъ безшабашный гвалтъ, когда бурсаки тянули *холодно* или дули *разноголосицу*: онъ скорѣе походилъ на тотъ шумъ, который наполнялъ классъ во время полученія билетовъ на каникулы. Въ камчаткѣ же шло положительное ликованіе — она высылала отъ себя жениховъ, героевъ дня. Событіе во всѣхъ головахъ поднимало мечты: «когда нибудь и мы освободимся отъ бурсы». Отъ двѣнадцати-лѣтняго мальчика до двадцати-двухъ-годовалаго парня, отъ послѣдняго лѣнтяя до перваго ученика, — всѣ думали одну радостную думу. Все училище было охвачено трепетомъ. Богъ вѣсть, какимъ образомъ магическое слово «женихи» быстрѣе ласточки облетѣло по всѣмъ классамъ, сладостно волнуя бурсацкія души. Урокъ нейдетъ на умъ,

книги въ партахъ, ученики сбились въ кучки и цензоръ снисходителенъ на этотъ разъ — не разгоняетъ ихъ. Всѣ сразу почему-то вспомнили свою родину, домъ, отца съ матерью, братьевъ съ сестрами. Самые молодые бурсачки и тѣ разсуждаютъ о невѣстахъ, о женитьбѣ, о поповскихъ и дьяческихъ мѣстахъ и доходахъ, о славленьѣ и т. п. Многіе толкуютъ о днѣ исключенія ихъ: кто сбирается въ дьячки, кто въ послушники, кто въ чиновники, а кто такъ и въ военную службу.

Женихи вернулись отъ инспектора.

— Ну что? спрашивали ихъ съ любопытствомъ.

— Везетъ ли, Аксенъ Иванычъ? говорилъ Ipse.

— Вотъ тебѣ — читай.

Ipse взялъ изъ рукъ Аксютки осьмушку исписанной бумаги и началъ по ней читать громко:

«Билетъ.

«Ученикъ, Аксенъ Ивановъ, уволенъ въ городъ для «свиданія со своею невѣстою Ириною Вознесенскою, «18... года 23 октября, съ 4 часовъ пополудни до 9 «часовъ вечера».

Далѣе слѣдовала подпись инспектора.

— Браво, Аксютка! кричали товарищи.

У Васенды и Азинуса были такіе же билеты.

Но остальные два претендента пробирались на священныя парты камчатки съ унылымъ и понуреннымъ видомъ.

— Вы что?

— Ихъ сначала будутъ румянить, и ужь потомъ на смотрины.

Раздался смѣхъ.

Униженные и оскорбленные, усѣвшись на мѣсто, положили съ отчаяніемъ свои побѣдныя головы на руки.

— Этому, пояснялъ Аксютка, указывая на великовозрастнаго бурсака: — инспекторъ сказалъ: «я тебя замѣчалъ въ нетрезвомъ видѣ — какой же выйдетъ изъ тебя мужъ... Нѣтъ, вмѣсто свадьбы, устрою тебѣ баню».

— Поздравьте, господа, дополнилъ Аксютка:—молодыхъ съ законнымъ бракомъ.

Хохотъ.

— А этому, говорилъ Аксютка, указывая на другаго отверженнаго жениха: — оказалось всего четырнадцать лѣтъ.

— Вотъ такъ женихъ!

— Смазь ему, ребята!

— Салазки жениху!

Несчастнаго окончательно унизили и оскорбили нпрочайшей смазью и безпощадными салазками. Въ другое время онъ протестовалъ бы, но теперь стыдно было, что онъ, четырнадцати-лѣтній мальчикъ, задумалъ *брачиться* съ тридцати-двухъ-лѣтней древностью. Кромѣ того, его мучилъ страхъ грядущихъ румянъ. Съ горя, стыда и страха онъ заплакалъ.

Къ нему подошелъ Тавля, приподнялъ его голову, ущемилъ двумя перстами носъ жениха и потянулъ черезъ парту.

— У-у-у! затянулъ онъ.

Классъ захохоталъ.

— Молокососъ!

Тавля послѣ того еще надралъ ему уши.

Бѣдняга рыдалъ, но отъ стыда не рѣшился просить пощады. Съ той поры его прозвали «мозглымъ женихомъ». Онъ въ тотъ же вечеръ ударился въ бѣги. Когда будемъ говорить о бѣгунахъ бурсы, разскажемъ и о его похожденіяхъ.

Около женіховъ были шумъ и толкотня. Распрашивали о приходѣ, о невѣстѣ, о доходахъ, давали совѣты и снаряжали на завтрашній день къ невѣстѣ. Общая внимательность и предупредительность показывали то напряженное состояніе духа учениковъ, въ которомъ они находились. Это выразилось тѣмъ, что товарищи охотно предлагали женихамъ кто новенькій сюртучокъ, кто брюки, кто жилетъ, даже сапоги и бѣлье. Азинусъ на другой день сбросилъ съ себя тиковый халатъ и дырявые сапоги, у которыхъ, вмѣсто подметокъ, были привязаны дощечки деревянныя, и явился франтомъ хоть куда. Все это напоминаетъ намъ тѣхъ бѣглыхъ арестантовъ, которыхъ г. Достоевскій изобразилъ въ «Мертвомъ домѣ». Какъ тамъ товарищи радовались за освободившихся отъ каторги, такъ и здѣсь радовались за освободившихся отъ бурсы.

Вечеръ закончился блистательнымъ скандаломъ. Тавля женился на Катькѣ. Достали свѣчь, купили пряниковъ и леденцовъ, выбрали поѣзжанъ и поѣхали за Катькой въ камчатку. Здѣсь невѣста, недурной мальчикъ лѣтъ четырнадцати, сидѣла одѣтая во что-то въ родѣ импровизированнаго капота; голова была повязана платкомъ по бабьи, щеки ея были нарумянены линючей красной бумажкой отъ леденца. Поѣзжане, наряженные мужчинами и бабами, вмѣстѣ съ Тавлей отправились къ невѣстѣ, а

отъ ней къ печкѣ, которую Тавля заставилъ принять на себя роль церкви. Явились попы, дьяконы и дьячки, зажгли свѣчи, началось вѣнчанье съ пѣніемъ «Исаіе ликуй»! Гороблагодатскій *отломалъ апостолъ*, закричавъ во всю голову на концѣ: «а жена да боится своего мужа», Тавля поцѣловалъ у печки Богомъ данную ему сожительницу. Послѣ того поѣздъ направился опять въ камчатку, гдѣ и начался великій пиръ и столованье. Здѣсь гостямъ подавались леденцы, пряники, толокно, моченый горохъ, и даже часть украденнаго Аксюткою хлѣба шла въ угощеніе поѣзжанъ и молодыхъ. Поднялись пляска и пѣнье. Въ концѣ занятныхъ часовъ появилась и святая мать — сивуха. На другой день, черезъ фискаловъ, все извѣстно было инспектору и послѣдовало румяненье тѣхъ мѣстъ, откуда у бурсаковъ ростутъ ноги.

На другой день у Васенды, Азинуса и Аксютки были дѣйствительные смотрины.

Васенда, какъ человѣкъ положительный и практическій, нашелъ невыгоднымъ закрѣпленное мѣсто, приданое и обязательства, а невѣсту черезчуръ заматорѣвшею во днѣхъ своихъ, на видъ рябою, длинною и черствою. Онъ рѣшился остаться въ камчаткѣ до лучшей суженой.

Азинусъ, по безалаберности своего характера, а отчасти по тому, что ему надоѣла и опротивѣла бурса, махнувъ на все рукою, рѣшился вступить въ законный бракъ съ дамою, которая была старше его, по крайней мѣрѣ, десятью годами. Впослѣдствіи изъ него вышелъ мерзѣйшій мужъ, а изъ его супруги того же достоинства баба.

Аксютка вовсе и не думалъ жениться. Онъ отправился на смотрины единственно изъ желанія потѣшиться, поѣсть у невѣсты, стянуть что нибудь и погулять внѣ училища, на свободѣ. Онъ укралъ у «нареченной» шелковый платокъ и три мѣдныхъ гривны.

Одинъ изъ женіховъ, какъ мы уже видѣли, удралъ изъ училища и теперь состоялъ въ бѣгахъ.

Пятый женихъ на другой день получилъ отъ инспектора румяны, то есть блистательную порку.

НИКОЛАЙ ПОМЯЛОВСКІЙ.

ПЕРЕДЪ РАЗСВѢТОМЪ.

(съ нѣмецкаго).

О, звѣзды! Скоро ли исчезнетъ
Съ небесъ вашъ яркій хороводъ?
И мѣсяцъ спрячется за лѣсомъ,
И утро свѣжее дохнетъ?

Я сторожу. Хочу дождаться
Хоть разъ я той поры, когда
Стоитъ одна въ лазури чистой —
Лишь утра блѣдная звѣзда.

Какъ часто, съ болью жгучей въ сердцѣ,
Я близкимъ очи закрывалъ;
Какъ часто цвѣтъ, лишенный солнца,
При мнѣ печально увядалъ.

Я видѣлъ сломленные дубы,
И счастье смятое грозой.
О! дайте жь мнѣ хоть разъ увидѣть,
Какъ тьму смѣняетъ лучъ дневной!

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

ПРОЦЕССЫ О ПЕЧАТИ ВЪ АВСТРІИ.

II.

ПРОЦЕССЪ «НАРОДНЫХЪ ЛИСТОВЪ».

Изъ тѣхъ примѣровъ, которые приведены были нами въ первой статьѣ, читатель уже въ состояніи вывести нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ образомъ велись въ Австріи процессы о печати въ послѣдніе годы. Это были примѣры почти анекдотическіе: процессы, разсказанные нами, начинались по самымъ ничтожнымъ поводамъ и относились къ маловажнымъ изданіямъ. Для лучшей характеристики австрійскаго процесса, мы разскажемъ теперь вкратцѣ судьбу, постигшую одно изъ первыхъ по своему значенію славянскихъ изданій въ Австріи. Это—происходившій въ прошломъ году процессъ «Народныхъ Листовъ», изданія довольно извѣстнаго и нашей журналистикѣ.

Эта газета, принадлежащая доктору правъ, Юлію Грегеру, составляетъ главный органъ чешскаго общества и народа, съ ихъ внутренними стремленіями и политическими взглядами. Программа ея раздѣляется большею частію, почти всѣмъ чешскимъ обществомъ Богеміи, настроеннымъ нѣсколько прогрессивно; въ политическомъ отношеніи она была вѣрнымъ отголоскомъ чешскихъ депутатовъ на сеймѣ и ревностно защищала федеральный образъ мыслей противъ бюрократическаго самоуправства и централизаціи. Основанная послѣ конституціи въ 1861

году, она приняла своимъ легальнымъ основаніемъ императорскій дипломъ 20-го октября 1860 г., съ тѣми слѣдствіями, которыя прямо изъ него проистекали. Въ проведеніи чешскихъ тенденцій она строго держится конституціонныхъ основаній, конституціонныхъ даже въ томъ смыслѣ этого слова, какъ оно употребляется тамъ, гдѣ есть и болѣе передовыя партіи, т. е. основаній, въ сущности весьма умѣренныхъ. Такъ какъ газета соединила въ себѣ всѣ условія чешскаго патріотизма и крайне легальныхъ конституціонныхъ стремленій, — дальше которыхъ и не думаетъ вовсе идти чешское общество, — и такъ какъ она соединила много именъ, владѣющихъ политическимъ авторитетомъ, то она имѣла обширный успѣхъ; число подписчиковъ ея, какъ говорили, поднялось выше 5,000, — цифра, чрезвычайно большая для чешской публики.

Мы уже говорили о томъ, какое невыгодное впечатлѣніе производила на австрійскихъ федералистовъ политическая дѣятельность Шмерлинга: они видѣли въ ней прямое противорѣчіе съ императорскимъ дипломомъ и тѣми конституціонными порядками, которые были положительно обѣщаны дипломомъ. Шмерлингъ очень ясно высказывалъ наклонность къ прежней системѣ централизаціи, и ему очевидно не нравилась та оппозиція въ федеральномъ смыслѣ, какую онъ скоро встрѣтилъ и въ палатѣ, и въ либеральной журналистикѣ. Для славянскихъ либераловъ, напротивъ, единственнымъ спасеніемъ представлялась возможность такого устройства государства, при которомъ бы сохранены были мѣстныя условія и историческія права отдѣльныхъ земель, установлена была равноправность разныхъ народностей и конституціонныя условія внутренней жизни. Обо всемъ этомъ говорилось въ императорскомъ дипломѣ 20 октября и потому дипломъ сталъ политическимъ лозунгомъ федеральной партіи; въ то же время онъ былъ для нея и единственнымъ легальнымъ основаніемъ, которымъ она могла защищать свои стремленія къ большей общественной и политической свободѣ. Дипломъ давалъ почву и для стремленій національныхъ, а эти стремленія всегда горячо принимались къ сердцу славянскими патріотами.

Понятно, что для славянской журналистики, естественно стоявшей за федеральныя возврѣнія, дипломъ оставался единственной точкой опоры, отъ которой она могла надѣяться проведенія своихъ принциповъ. Потому она приходила въ полный, безусловный восторгъ отъ диплома и соединялась въ весьма еди-

нодушную оппозицію, когда политика Шмерлинга стала слишкомъ ясно высказывать симпатіи къ единой, централизованной Австріи. Противорѣчіе, встрѣченное Шмерлингомъ въ палатѣ, придавало журналистамъ смѣлости для борьбы съ министерствомъ: журналистика, въ этомъ случаѣ вѣрно выражавшая мнѣнія огромнаго числа людей федеральной партіи, настаивала на исполненіи диплома со всѣми его слѣдствіями, благопріятными для конституціонныхъ и національныхъ стремленій. Шмерлингъ въ сущности мало заботился объ этой оппозиціи, но она становилась все настойчивѣе, и тогда онъ рѣшился дѣйствовать противъ нея. Палата, раздѣленная и не довольно энергическая, оказалась безсильна для борьбы съ его централизаціонными планами; отпоръ министерства журналистикѣ обнаружился цѣлымъ рядомъ процессовъ, направленныхъ противъ федералистскихъ и конституціональныхъ изданій всякихъ австрійскихъ національностей: журналы венгерскіе, польскіе, чешскіе, хорватскіе, нѣмецкіе имѣли одинаковую участь. Истребленіе редакторовъ и истребленіе денежныхъ обезпеченій журналовъ штрафами производилось съ замѣчательной ревностью. Эта участь постигла и «Народные Листы».

Въ этихъ процессахъ вообще, и особенно въ процессѣ «Народныхъ Листовъ», очень ясно выказывается положеніе конституціоннаго вопроса; изъ этихъ процессовъ можно видѣть, до какой степени искренни конституціонныя заявленія министерства и на сколько существуетъ въ Австріи конституціонное право, объявленное правительствомъ. Преслѣдуемые журналы каждый разъ свидѣтельствуютъ о полной легальности своихъ мнѣній, о преданности престолу и данной имъ конституціи, ссылаются вездѣ на принципы, высказанные самимъ императоромъ, и не смотря на все это, подвергаются осужденіямъ, иногда весьма серьезнаго свойства. Читатель увидитъ, что журналы бываютъ правы, утверждая свою невинность, что они дѣйствительно исполняютъ только то, что имъ было положительно разрѣшено и дозволено: оказывается, что они остаются не правы, потому что, не смотря на всѣ конституціонныя формулы, министерство предоставило только себѣ одному истолкованіе сдѣланныхъ обѣщаній и выполненіе конституціонныхъ порядковъ, и удерживаетъ общество въ той опекѣ, въ какой держало его до сихъ поръ. Издатель процесса «Народныхъ Листовъ» (описаніе его вышло отдѣльной книгой) положительно утверждаетъ, что нынѣшнее

министерство непослѣдовательно въ отношеніи къ диплому 20 октября: споръ очевидно идетъ о существованіи конституціи, объявленной на бумагѣ и не исполняемой на дѣлѣ.

Чтобы лучше ввести читателя въ самое содержаніе этого спора, мы воспользуемся самыми дебатами, происходившими въ судѣ, и приведемъ наиболѣе характеристическія мѣста ихъ, изъ чего видны будутъ и сущность вопроса, и положеніе судей, и роль, занимаемая при этомъ министерствомъ. Намъ достаточно будетъ ограничиться только нѣкоторыми выдержками.

«Народные Листы» обратили на себя вниманіе оффиціальныхъ блюстителей прессы еще за долго до ихъ послѣдняго процесса. Въ февралѣ 1861 г., вскорѣ послѣ основанія газеты, редакторъ получилъ уже первое предостереженіе отъ главнаго полицейскаго управленія въ Прагѣ. Предостереженіе заключалось въ слѣдующемъ:

«Такъ какъ газета «Народные Листы» съ начала своего, 1-го января текущаго года, и до сихъ поръ въ цѣломъ рядѣ руководящихъ статей, разсужденій и корреспонденцій, стремится къ тому, чтобы поселить вражду между народностями, *мирно живущими* въ Богеміи, унизить постановленія правительства и дѣйствія его органовъ и тѣмъ произвести въ населеніи агитацію и недовѣріе; такъ какъ упомянутая газета такимъ образомъ постоянно слѣдуетъ направленію, несогласному съ поддержаніемъ общественнаго спокойствія и порядка; такъ какъ наконецъ, она въ нынѣшнемъ № 49 (въ статьѣ: «Паденіе Газты») *нарушаетъ* монархическій принципъ насмѣшкой, порицаніемъ и униженіемъ монарха, геройски защищающаго свои королевскія права и находящагося въ родственныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ съ высочайшимъ императорскимъ домомъ,—то г. штатгальтеръ королевства Богеміи находитъ нужнымъ въ силу § 22 закона о печати сдѣлать редакціи этой газеты первое предостереженіе».

Предостереженіе вызвано было статьями о положеніи чешской народности и названной статьей о Газтѣ. Первыя вовсе не были таковы, чтобы къ нимъ справедливо можно было приложить эпитеты, употребленные въ полицейскомъ предостереженіи: здѣсь полицейская власть запрещала славянскому журналисту говорить о нѣмцахъ тѣмъ языкомъ, которымъ нѣмцы постоянно и совершенно безнаказанно говорили о славянахъ; въ другомъ случаѣ полиція внушала подобострастіе къ неаполитанскому королю.

Но это первое предостереженіе, сдѣланное «Народнымъ Листамъ», оказалось и послѣднимъ. Полицейская власть оставила повидимому всякую заботу о журналѣ, — и когда начался наконецъ послѣдній процессъ, за журналомъ оказалась вдругъ цѣлая масса преступленій. Обвинительный актъ выставилъ въ іюнѣ 1862 г. семь пунктовъ, т. е. газетныхъ статей, изъ которыхъ открывалось, что редакторъ подкапывался подъ основы государства и что государство должно принять мѣры предосторожности противъ его зловредныхъ стремленій и мѣры строгости противъ преступленій, уже имъ совершенныхъ.

Почти всѣ обвиненныя статьи «Народныхъ Листовъ» касались прямо указаннаго выше конституціоннаго вопроса. Одна изъ статей, говорившихъ о политикѣ Шмерлинга, носила заглавіе: «Довѣрять ли?», другая: «У насъ есть конституція», третья: «Кто намъ поможетъ?» и т. д. Оффиціальное обвиненіе въ одномъ этихъ заглавіяхъ видѣло уже злостный умыселъ: вопросъ «довѣрять ли?», приложенный къ политикѣ Шмерлинга, по оффиціальному обвиненію предполагалъ непозволительный отвѣтъ, т. е. «не довѣрять»; статья на тему: «у насъ есть конституція» заключала въ себѣ иронію, потому что статья доказывала, что конституціи нѣтъ; вопросъ: «кто намъ поможетъ?» былъ также вопросъ вызывающій. Одна изъ числа обвиненныхъ статей была подвергнута суду по частной жалобѣ: статья касалась народнаго воспитанія и неуважительно отзывалась объ императорскомъ-королевскомъ шульратѣ Марешѣ, который пользуется во всей чешской землѣ репутаціей заклятаго германизатора. Самъ шульратъ явился обвинителемъ.

Публичное производство дѣла началось 4 іюня и продолжалось цѣлыхъ девять дней, каждый разъ требуя весьма продолжительныхъ засѣданій суда. Вопросъ дѣйствительно объяснился очень хорошо въ теченіи этихъ засѣданій. Судебные дебаты, печатавшіеся въ «Народныхъ Листахъ» и составившіе въ отдѣльномъ изданіи довольно большую книгу, заключаютъ подробный разборъ обвиненныхъ статей — съ обѣихъ сторонъ, и со стороны оффиціальнаго обвинителя, и со стороны обвиняемаго и его защитника. Мы воспользуемся только нѣкоторыми подробностями этихъ дебатовъ, потому что было бы слишкомъ длинно и безполезно передавать вполнѣ всѣ придирки оффиціальнаго обвиненія и слишкомъ достаточныя объясненія редактора.

Обвиненъ былъ одинъ г. Грегеръ: большая часть статей, вы-

звавшихъ преслѣдованіе, была, по его словамъ, написана имъ самимъ; другія, имена авторовъ которыхъ онъ умолчалъ, были также взяты имъ на свою отвѣтственность, потому что онъ отдалъ ихъ въ печать. Только отъ одной статьи онъ отказался, потому что она была напечатана во время его отсутствія, и онъ не могъ объяснить, какимъ образомъ она попала въ газету. Наконецъ, онъ отвѣчалъ и какъ издатель газеты.

Преступленія Грегера подведены были подъ два параграфа уголовнаго закона, карающіе преступленія нарушенія общественнаго спокойствія и возбужденія противъ установленныхъ властей посредствомъ злостныхъ нареканій, клеветы, насмѣшекъ и т. д. противъ правительства и его исполнителей въ ихъ оффиціальной дѣятельности. Какъ увидитъ читатель изъ характера самыхъ дебатовъ, на дѣлѣ было вовсе не то: Грегеръ, нисколько не отказывавшійся ни отъ своихъ статей, ни отъ своихъ мнѣній, рѣшительно отказывался отъ преступныхъ намѣреній, навязываемыхъ ему судомъ, и утверждалъ, что онъ пользовался только правомъ гражданина конституціоннаго государства говорить о внутреннихъ дѣлахъ своего отечества; нисколько не скрываясь, онъ публично предъ судомъ повторялъ тѣ же самыя мнѣнія, настаивалъ на нихъ, просилъ, чтобы его опровергли или уличили во лжи, указывалъ факты. Судъ не хотѣлъ вѣрить, что у него нѣтъ никакой личной вражды къ г. министру, что ему даже нѣтъ лично до него ни малѣйшаго дѣла... Изъ тѣхъ выдержекъ, которыя мы намѣрены привести изъ процесса (а онъ весь похожъ совершенно на эти выдержки), читатель самъ увидитъ, имѣлъ ли право Грегеръ утверждать, что ему занимательно только дѣло его земли и ея благосостоянія, слѣд. вопросъ объ обѣщанныхъ конституціонныхъ правахъ и вольностяхъ, о національной равноправности и справедливости, и больше ничего,— что въ своей журнальной дѣятельности онъ только пользовался тѣмъ правомъ голоса, которое конституціонныя учрежденія даютъ обществу.

Изъ всѣхъ статей, бывшихъ предметомъ процесса, мы выберемъ только одну первую и приведемъ только тѣ дебаты, которые относились къ ней: мы уже сказали, что это достаточно объяснитъ весь характеръ и направленіе процесса. Первой обвиненной статьей была названная уже нами статья подъ заглавіемъ: «Довѣрять ли?» Чтобы дать читателю возможность оцѣнить вполнѣ доводы оффиціальнаго обвиненія и защиту, приводимъ въ пе-

реводѣ самую статью; — она занимательна и безъ того, потому что представляетъ весьма здравый взглядъ на свойства новой австрійской конституціи.

Эта статья написана, какъ возраженіе полуоффиціальной газетѣ «Donau-Zeitung», органу министерства Шмерлинга, и заключается въ слѣдующемъ:

«Министерскія газеты,—говоритъ статья—съ набожнымъ лицомъ уговариваютъ насъ, чтобы мы не боялись ничего, что бы ни дѣлалось. Наше конституціонное правительство окажетъ себя великимъ въ своей послѣдовательности; ничтожное сопротивленіе не сдѣлаетъ ему ничего, потому что не можетъ достать до его высоты, и оно, не уклоняясь ни на шагъ отъ опредѣленнаго конституціоннаго пути, конечно найдетъ довѣріе и твердою рукою кончитъ начатое дѣло. Но эта боязнь—вещь довольно странная. Мы сами никогда не были изъ числа тѣхъ, которые боялись, которые малодушно пугались, когда вѣтеръ судьбы началъ крѣпче потрясать деревомъ нашей жизни: наша исторія свидѣтельствуетъ объ этомъ; но, въ этомъ случаѣ, дѣло представляется намъ все-таки нѣсколько иначе. Кого собственно хотятъ они успокоивать? Нѣмцы не боятся,—потому что они на вершинѣ своей славы, имъ удалось то, о чемъ они такъ сильно хлопотали, распущеніе венгерскаго сейма, а мы съ самаго начала правительства г. Шмерлинга не имѣли довѣрія, и Donau-Zeitung тѣмъ меньше возбудитъ въ насъ это довѣріе теперь; но, хотя мы и не имѣли довѣрія, мы не боялись, смѣло и рѣшительно смотря на лучшее будущее, котораго мы навѣрно дождемся, котораго бы дождался и нашъ пророкъ—Гавличекъ, если бы его не отравило насиліе министерства.

«Смѣшно спорить объ этомъ съ Donau-Zeitung, но намъ кажется не лишнее было бы бросить бѣглый взглядъ на наше положеніе, какъ вообще первая обязанность конституціоннаго гражданина состоитъ въ томъ, чтобы онъ зналъ, въ какомъ положеніи находится дѣло. Правда, что Прагу не счастливитъ больше своимъ присутствіемъ добрая рука Паймана (*); правда, что мы дождемся и чешскихъ надписей на канцеляріяхъ; правда, что купеческій судъ имѣетъ и чешскую печать; правда, что намѣстничество не затягиваетъ на два года позволенія основать сберегательную кассу; правда, что общинные выборы имѣютъ публичныя сходки безъ полицейскаго надзора; правда, что въ книжлахъ имп. кор. жандармеріи нѣтъ уже примѣтъ Палацкаго, Ригера и другихъ; правда, что мы можемъ писать такъ, какъ пишемъ, пока-мѣстъ намъ не дадутъ предостереженія, или не сконфискуютъ насъ, или просто не запретятъ; правда, что у насъ будетъ большая оффиці-

(*) Бывшій начальникъ полицейскаго управленія въ Прагѣ.

альная чешская газета, въ которую пожалуй, будутъ писать руководящія статьи Бринцъ, Искра и т. д. (*). Правда также и кое-что другое. Однако, гдѣ же конституція, гдѣ новая система? Имперскій сеймъ толкуетъ мѣсяцы о порядкѣ засѣданій, о ленахъ, о примиряющемъ управленіи, какъ будто отъ этого зависѣло спасеніе Австріи; сеймъ депутатовъ, не смотря на нелиберальныя предложенія о законѣ печати, вырабатываетъ либеральный трудъ,—но развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что его уничтожитъ верхняя палата? Министерство дало намъ выборы и каждый день увѣряетъ, что крѣпко стоитъ на нихъ, однако легко давать ихъ и легко стать на нихъ, но труднѣе ихъ провести на дѣлѣ и привлечь къ нимъ народы. И поэтому, кто ожидаетъ отсюда новой системы, выполненія основъ конституціи, тотъ долго этого не дождется. Имперскій сеймъ не дѣлаетъ конституціи, министерство связано имперскимъ сеймомъ и «не можетъ ничего дѣлать», земскіе сеймы не могутъ собраться, и во всемъ этомъ мы не видимъ конституціи, на которую ссылался въ Англіи эрцгерцогъ Максимиліанъ, кромѣ развѣ того, что мы можемъ немножко свободнѣе гарцовать въ газетахъ, изъ милости намъ данныхъ и изъ милости существующихъ; больше мы ея нигдѣ не видимъ. Присягало ли чиновничество на какую нибудь конституцію? присягало ли войско? сдѣлало ли правительство въ конституціи какія нибудь обезпеченія объ отвѣтственности министровъ? есть ли у насъ свобода составлять ассоціаціи? не должны ли мы для каждаго собранія просить позволенія и присутствія члена главной имп. кор. полиціи? Не остается ли вообще вся эта государственная машина той же, какъ при Бахѣ, и не тянетъ ли ее та же упряжка, какая была нѣкогда? Чиновничество наше до сихъ поръ сохраняетъ свое исключительное положеніе и въ своей обезпеченности и беззаботности такъ же мало, какъ и прежде, подлежитъ судебному разбору. Оно зависитъ отъ одного мощнаго министерскаго слова и такъ же слѣпо, какъ прежде, выполняетъ приказанія; у него нѣтъ и свободы снять униформу и уклониться отъ имп.-корол. бороды. Община и частный человѣкъ почти въ той же мѣрѣ подчиняются чиновническому руководству, и общинная автономія, о которой такъ прокричали, ожидается до сихъ поръ. Община можетъ сдѣлать все, что апробуетъ канцелярія. Наконецъ, едва ли можно подозрѣвать, чтобы измѣнился въ своихъ взглядахъ тотъ или другой имп.-кор. чиновникъ, который показалъ себя во времена Баха особенно дѣятельнымъ для счастія и блага общества и при томъ пріобрѣлъ увѣренность своей необходимости для удержанія порядка и общественной безопасности...»

Слѣдуютъ примѣры; одинъ имп.-кор. чиновникъ хочетъ изъ канцеляріи наставлять общину; другой убѣжденъ, что безъ чи-

(*) Двое изъ ревностнѣйшихъ противниковъ чешской стороны въ палатѣ.

новническаго позволенія не можетъ существовать театръ; третій думаетъ, что чешская реальная школа поведетъ къ несчастію; жандармы доискиваются и преслѣдуютъ тѣхъ, кто подписываетъ (конституціонно-законныя) петиціи въ палату; гр. Форгачъ пишетъ циркуляръ къ окружному чиновничеству, чтобы оно не дозволяло основанія новыхъ сельско-хозяйственыхъ обществъ и т. д.

«Какъ идетъ дѣло съ театромъ, увеселительными собраніями и т. д., мы видѣли недавно; а какъ идетъ съ нашими школами, о томъ всего лучше поучаетъ насъ то, что послѣ старательнаго изслѣдованія, тянувшагося цѣлый годъ, можно ли ввести въ гимназіяхъ отечественный языкъ, до сихъ поръ ничего не изслѣдовалось, а потому послѣ св. Вацлава дѣло начнется опять съ того же, чѣмъ кончилось... Вѣдь до сихъ поръ еще нѣтъ книгъ, учениковъ нельзя вести кое какъ, учителя еще не приготовлены, и поэтому правительство поступило бы недобросовѣстно, если бы стало вводить что нибудь новое! Наконецъ, извѣстно, что господинъ Марешъ (*) до сихъ поръ не рѣшилъ, долженъ ли онъ насъ покинуть; мы также этого не ожидаемъ... въ Вѣнѣ до сихъ поръ еще сидитъ пріятель господина Мареша, совѣтникъ министерства, почтенный г. Коллеръ, въ рукахъ котораго почиваютъ австрійскія реальныя школы, и достопочтенный министерскій совѣтникъ г. Клееманъ, который правитъ австрійскими гимназіями. На мѣстѣ гр. Туна г. Гельфертъ, нѣкогда помощникъ, теперь господинъ, тотъ, который написалъ защиту дѣла своего учителя, которое, какъ онъ утверждаетъ, должно остаться на долго, потому что-де наука есть selbstzweck, сама себѣ цѣль. Такимъ образомъ мы могли бы пройти и всѣ другія области и право не нашли бы, чѣмъ бы публичная дѣятельность Шмерлинга и Лассера слишкомъ отличалась отъ Баховской, и гдѣ бы проявлялся духъ конституціи, который ставитъ общество и народъ на высоту самоуправленія, который признаетъ цѣлью народъ и подчиняетъ ему все остальное, какъ средство.

«До сихъ поръ мы имѣли въ виду только внутреннія политическія и народныя отношенія. Посмотримъ на внутреннія государственныя отношенія Австріи. Какъ обнаруживаются здѣсь дѣйствія нашего правительства? Вездѣ такая разорванность, какой не знало никакое другое государство на свѣтѣ. Министерство выслушиваетъ народы, здѣсь словаковъ, тамъ сербовъ, здѣсь румуновъ, уничтожаетъ Воеводину, хотя (а можетъ быть, именно и потому?) сербы этого не желаютъ, прибавляетъ къ Венгріи Междумурье, хотя (или, пожалуй,

(*) Упомянутый выше шульратъ, котораго чехи не могутъ терпѣть за германизаторскія наклонности.

именно потому?) его желаютъ хорваты; провозглашаетъ единство далматско-хорватско-славонскаго королевства и оставляетъ въ немъ два сейма хорватскій и далматскій, которые враждуютъ между собой и изъ которыхъ одинъ отвергаетъ имперскій сеймъ, другой, снабженный прекраснымъ избирательнымъ порядкомъ, посылаетъ въ него депутатовъ; Рѣка (Фіуме) до сихъ поръ не принадлежитъ ни къ Венгріи, ни къ Хорватской землѣ, чехи вмѣстѣ и не вмѣстѣ съ Моравой, на перекоръ императорскому диплому 20-го октября, на перекоръ историческому праву и желанію народа, — и правительство довело запутанность нашихъ отношеній до того, что у непосвященнаго голова кругомъ пойдетъ. Уже теперь слышатся голоса, что въ эту путаницу нельзя привести порядокъ иначе, какъ абсолютизмомъ, что конституція вообще невозможна въ Австріи и что нынѣшнее министерство при своей доброй волѣ заслуживаетъ сожалѣнія.

«Конечно, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи, окажется ясно, что эти голоса проистекаютъ отъ близорукости, или вѣрнѣе, изъ умысла. Говорить, что конституція вообще не удастся, — когда не сдѣлано къ тому и попытки, — есть безсмыслица. А что попытки не сдѣлано, это ясно изъ предъидущихъ строкъ. Не менѣе ясно наконецъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Австрія, должны быть выслушаны народы, если хотятъ, чтобы конституція удалась. Иначе даже величайшій министръ не успѣлъ бы установить здѣсь конституціи, которая бы всѣ примирила, и не съумѣлъ бы устроить такой порядокъ, который бы удовлетворилъ всѣмъ законнымъ интересамъ. А г. Шмерлингъ до сихъ поръ остается больше франкфуртскимъ министромъ, чѣмъ австрійскимъ, больше нѣмецкимъ философомъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ, а что касается до г. Лассера, мы думаемъ, что изъ него никогда не выйдетъ творческій моцартовскій геній, мысль котораго покорила бы и проникла элементы, во многомъ противорѣчащіе другъ другу. Мы не отказываемъ ему въ энергіи и знаемъ, что онъ прошелъ школу у дѣльнаго учителя, и не сомнѣваемся, что если бы ему дана была власть, онъ бы съумѣлъ держать крѣпко узду, покамѣстъ бы хватило силы въ рукахъ, — но все-таки это было бы только копированьемъ съ той или другой стороны...

«Въ такомъ видѣ представляются намъ отношенія Австріи. Нигдѣ никакого согласія, нигдѣ нѣтъ одной мысли, нигдѣ ни слѣда того, чтобы у насъ было что нибудь иное, кромѣ какого-то временнаго положенія, а потому и мало надежды, чтобы наши Пальмерстоны, Кавуры и Деаки и т. д. сдѣлали дѣло. Но на верху этихъ взволнованныхъ австрійскихъ водъ все больше и больше показывается мысль, что народы сами рано или поздно будутъ устроителями Австріи, что они сами примирятъ ее, и что этимъ примиреніемъ будетъ федерація, — и этому одному мы довѣряемъ. А покамѣстъ этого нѣтъ, мы будемъ помогать себѣ сами и будемъ полагаться на себя».

Въ томъ же смыслѣ написана другая статья, подвергшаяся обвиненію, подъ заглавіемъ: «У насъ есть конституція». Изъ приведеннаго нами выше ясно, что статья могла по содержанію только противорѣчить своему заглавію. Авторъ ея какъ будто беретъ на себя защиту Шмерлинга отъ нападокъ оппозиціонныхъ газетъ и хочетъ доказать, что нападки несправедливы и что конституція, которую долженъ проводить Шмерлингъ, дѣйствительно существуетъ.

«Говорятъ, что Шмерлингъ заботится только о нѣмцахъ, что ихъ вездѣ поддерживаетъ, что имъ онъ устроилъ перевѣсъ въ избирательныхъ порядкахъ и т. д. — Ну, посудите сами, правда ли это. Онъ затѣмъ и поставилъ вамъ параграфъ въ конституціи, что вы можете измѣнить это. Правда, хоть и было на земскихъ сеймахъ и въ имперскомъ сеймѣ больше нѣмцевъ, чѣмъ слѣдуетъ по числу населенія, величинѣ земель и податей, — но вы можете измѣнить это. Вамъ нужно только собрать голоса и стараться, чтобы при сборѣ голосовъ васъ было больше за измѣненіе, чѣмъ противъ измѣненія этого порядка».

«Тогда вы и будете имѣть иной составъ земскаго представительства, — замѣчаетъ авторъ, — которое не будетъ поддерживать нѣмцевъ, и на которое вамъ нечего будетъ жаловаться». Для объясненія этого нужно замѣтить, что избирательный законъ построенъ въ Австріи на такихъ же началахъ, на какихъ основывается избирательный законъ у французовъ, недавно описанный въ «Современникѣ». Какъ тамъ приняты всѣ мѣры и употреблены всѣ средства, чтобы обезпечить избраніе людямъ благонамѣреннымъ и преданнымъ правительству, такъ они приняты и здѣсь, въ Австріи, чтобы большинство избираемыхъ, въ странахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, какъ въ Богеміи — было на сторонѣ нѣмцевъ, которые конечно скорѣе будутъ стоять за нѣмецкое правительство. Извѣстное раздѣленіе избирательныхъ округовъ, сообразно съ цифрами населенія разныхъ національностей, достигаетъ весьма удовлетворительно этого выгоднаго для правительства результата.

«Вы жалуетесь на то,—продолжаетъ статья — что Шмерлингъ не хочетъ провести равноправности народностей въ школѣ, что не заботится о томъ, чтобы приготовить книги и т. д. Вы указываете на г. Гельферта, что онъ считаетъ народныя гимназіи и университеты за сущее несчастіе, — но и здѣсь Шмерлингъ невиноватъ. Правда,

что отъ множества дѣлъ онъ не имѣлъ еще времени написать, а «Wiener-Zeitung» и «Donau-Zeitung» не имѣли мѣста, чтобы напечатать: *приказываю, чтобы въ чешскихъ гимназіяхъ исполненъ былъ императорскій указъ отъ 20-го іюля 1859. Шмерлингъ.* Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго—работы слишкомъ много; г. Шмерлингъ едва успѣваетъ отвѣчать на запросы въ палатѣ. Но мы все-таки имѣемъ равноправность за свои деньги, потому что, какъ сказалъ нашъ многоуважаемый главнокомандующій въ верхней палатѣ, мы всѣ равноправно умираемъ на полѣ битвы, мадяръ подлѣ словака, чехъ подлѣ нѣмца».

Вы жалуетесь, продолжаетъ авторъ, что мѣстныя власти назначаютъ подати по своему усмотрѣнію, что Келлерспергъ (намѣстникъ Богеміи) называетъ васъ, неизвѣстно почему, сепаратистами, что въ Моравіи преслѣдуютъ мнимыхъ эмиссаровъ, — но припомните, что мы живемъ въ переходное время, и радуйтесь, что министерство крѣпко держитъ бразды въ рукахъ. Вы жалуетесь на законъ о печати,—но вспомните, что ежели бы онъ исполнялся по своей буквѣ, то многимъ изъ васъ пришлось бы сидѣть въ Шпильбергѣ. Вы жалуетесь, что сеймъ ничего не дѣлаетъ, но Шмерлингъ не виноватъ: вѣдь венгры ничего не слушаютъ и отказываются идти на сеймъ, а министръ постоянно увѣряетъ словаковъ, сербовъ и румуновъ, что даетъ имъ равноправность. Нѣтъ, больше человѣкъ не можетъ уже сдѣлать.

Въ этомъ состояло содержаніе двухъ статей, которыя поставлены были въ преступленіе Грегеру; всѣ другія выражали тотъ же политическій образъ мыслей и относились къ тѣмъ же основнымъ вопросамъ внутренней политики Австріи. Въ статьяхъ Грегера очевидно дѣло шло не объ насмѣшкѣ или возбужденіи противъ властей, какъ утверждало оффиціальное обвиненіе, а въ очень серьезной критикѣ политической дѣятельности Шмерлинга и всей централизаціонной нѣмецкой партіи; оружіемъ, которымъ пользовался Грегеръ, были положительные факты, на нихъ онъ ссылается вездѣ, и они служатъ ему исходнымъ пунктомъ. Судъ поставленъ былъ въ затруднительное положеніе: чтобы обвинить Грегера, онъ долженъ былъ привязываться къ мелочамъ, тѣмъ или другимъ оборотамъ рѣчи, вообще подробностямъ, которыя онъ и находилъ оскорбительными для министерства. Грегеръ, напротивъ, настаивалъ на томъ, на что и слѣдовало конечно обратить главное вниманіе, — на общемъ смыслѣ статей, настаивалъ на своемъ правѣ гражданина кон-

стиціоннаго государства подвергать критикѣ дѣятельность правительственныхъ органовъ и исполнителей. Обвинить его въ прямомъ извращеніи истины и клеветѣ на правительство и его членовъ было невозможно, потому что всѣ обвиненныя статьи представили массу фактовъ, которыми онъ подтверждалъ изложеніе своихъ политическихъ взглядовъ. Если онъ выходилъ на эту дорогу, оказавшуюся скользкою, онъ выходилъ на нее съ тѣмъ же правомъ, какъ централизаціонныя или полуоффиціальныя газеты, усердно защищавшія министерство; его скептицизмъ часто былъ просто вызываемъ черезъ мѣру ревностнымъ поклоненіемъ этихъ изданій, — онъ только возражалъ на преувеличенія противной стороны. Наконецъ, его оппозиція шла рядомъ съ той легальной оппозиціей, которую министерство находило со стороны федералистовъ въ палатѣ. Въ газетѣ отражалась только общая конституціонная борьба: ежели министерство и партія централизаціи имѣли свои журнальные органы, то «Народные Листы» точно такъ же были однимъ изъ органовъ федерализма.

4-го іюня прошлаго года открылось публичное судопроизводство. Судъ освѣдомился, по обыкновенію, о личности редактора, о его лѣтахъ, званіи, занятіяхъ, мѣстѣ жительства. Затѣмъ прочитаны были постановленія судовъ разныхъ инстанцій о существованіи преступленія и отдачѣ издателя подъ судъ. Высшая инстанція удовольствовалась только подробнымъ разборомъ приведенной нами статьи «Довѣрять ли?» и подтвердила постановленіе первой инстанціи. Этотъ разборъ такимъ же въ сущности образомъ повторенъ былъ и публичнымъ оффиціальнымъ обвинителемъ, и намъ достаточно будетъ привести его, чтобы дать понятіе о характерѣ и доказательности оффиціальнаго обвиненія въ этомъ процессѣ.

Высшая инстанція разсуждала слѣдующимъ образомъ:

«Хотя въ инкриминованной статьѣ «Народныхъ Листовъ» поименно приведены отдѣльные министры, отдѣльные сановники государственнаго управленія, отдѣльные члены общественнаго управленія, хотя они подвергаются осмѣянію и въ своихъ дѣйствіяхъ критикуются такимъ образомъ, что это само по себѣ заслуживаетъ наказанія по § 200 угол. зак., потому что это имѣетъ цѣлью побудить къ презрѣнію тѣми особами; но при всемъ томъ, какъ ясно видно изъ цѣлаго содержанія статьи и изъ связи отдѣльныхъ предложеній, это не было настоящей цѣлью, а только средствомъ къ ней, только частью тѣхъ доводовъ, которыми

возбуждается въ читателѣ убѣжденіе о справедливости разсужденія и результатахъ его, которые авторъ статьи публично высказываетъ. Что это дѣйствительно такъ, и какова цѣль и настоящее намѣреніе этой статьи, можно судить изъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

«Въ заглавіи статьи стоитъ слово «Довѣрять ли?» съ знакомъ вопроса, слѣдовательно съ вопросомъ, можетъ ли и должно ли населеніе имѣть довѣріе. Этотъ вопросъ и еще больше отвѣтъ на него имѣетъ весьма важное и обширное значеніе для государственнаго интереса — именно въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ, потому что общественное довѣріе къ мѣрамъ государственнаго управленія служитъ самымъ существеннымъ условіемъ, чтобы трудное дѣло новаго устройства австрійской имперіи на конституціонныхъ началахъ могло совершиться скоро и счастливо; а недовѣріе раждаетъ величайшія препятствія, возбуждаетъ и поддерживаетъ безпокойство и броженіе, подламываетъ силы государства внутри и извнѣ.

«Какъ же отвѣчаетъ на этотъ вопросъ упомянутая статья?

«Авторъ говоритъ, что и прежде онъ не имѣлъ никакого довѣрія, что и Donau-Zeitung (газета Шмерлинга) не возбудитъ его въ немъ, но что все-таки онъ не боится, но мужественно и рѣшительно ожидаетъ лучшей будущности, которая конечно придетъ. Говоритъ дальше, что почти смѣшно разсуждать объ этомъ съ Donau-Zeitung, но что не мѣшаетъ указать вкратцѣ положеніе дѣла, чтобы видѣть, какъ оно стоитъ теперь и какъ далеко правительство ушло въ своемъ дѣлѣ. Затѣмъ авторъ начинаетъ свой обзоръ (слѣдуютъ выписки изъ статьи). Въ доказательство того (что государственная машина при Шмерлингѣ та же, что при Бахѣ) авторъ приводитъ примѣры изъ чиновничества, изъ общиннаго быта, изъ надзора и ограниченія сельско-хозяйственныхъ обществъ, изъ театральныхъ дѣлъ и увеселительныхъ собраній. Писатель не довольствуется и этимъ; переходитъ къ внутреннимъ отношеніямъ государства, именно къ Венгріи и принадлежащимъ къ ней землямъ, чтобы показать и здѣсь, какъ обнаружилась дѣятельность правительства, чтобы извлечь изъ этого новые поводы къ недовѣрію. При этомъ онъ замѣчаетъ, что «всюду такая разорванность, какой не знало никакое другое государство на свѣтѣ»... Авторъ берется здѣсь за презрѣнное средство, чтобы запугать читателя полной реакціей и говоритъ: «уже теперь слышатся голоса, что въ эту путаницу нельзя привести порядокъ

иначе, какъ абсолютизмомъ, что конституція вообще невозможна». Это мнѣніе авторъ опровергаетъ, приписывая его близорукости или умыслу, но не считаетъ все-таки необходимымъ опровергать иначе, какъ новымъ обвиненіемъ: «говорить, что конституція вообще не удастся, — когда не сдѣлано къ тому и попытки — есть безсмыслица; а что попытки не сдѣлано, это ясно изъ предыдущихъ строкъ».

«Въ концѣ статьи авторъ заходитъ такъ далеко, что не ждетъ другаго спасенья отъ этой путаницы, кромѣ непосредственнаго вмѣшательства австрійскихъ народовъ (выписки)....

«Эта статья, въ которой не только осмѣиваются, оскорбляются и строго наказываются отдѣльные министры, приведенные поименно, но и цѣлому министерству, правительству или государственному управленію ставится въ вину, что для выполненія конституціи не сдѣлано ничего, что бы заслуживало этого имени, что даже не сдѣлано еще и попытки;—которая ставитъ нынѣшнее правительство вровень съ *опротивѣвшимъ* министерствомъ Баха, видитъ до сихъ поръ ту же машину съ той же упряжкой, обвиняетъ правительство, что оно до такой степени запутало внутреннія государственныя отношенія, что уже слышатся голоса, находящіе единственное средство къ введенію порядка въ абсолютизмѣ и считающіе конституцію въ Австріи невозможною;—которая вѣритъ только въ помощь народовъ и кладетъ на нихъ всю надежду,—такая статья вполнѣ способна подкопать общественное довѣріе къ правительству и къ государственному управленію въ обширномъ кругѣ читателей «Народныхъ Листовъ», которые все принимаютъ за чистую монету и которыхъ потому научаютъ остерегаться, распространять вездѣ недовѣріе, побуждать къ ненависти и пренебреженію правительствомъ.

«Такимъ образомъ содержаніемъ этой статьи доказано присутствіе преступленія нарушенія общественнаго спокойствія въ смыслѣ § 65. а) угол. зак. Чтобы къ этому преступленію не было злаго умысла, нельзя предположить по статьѣ 1 угол. зак.; напротивъ, злой умыселъ заключается уже въ *содержаніи* названной статьи и доказанъ тѣмъ, что статья была отдана въ печать, была распространяема журналомъ весьма извѣстнымъ, и этого достаточно для обвиненія»...

Оффиціальный обвинитель началъ дебаты перечетомъ инкриминованныхъ статей и доказывалъ ихъ преступность простыми

выписками и голословными указаніями на статьи закона, который онѣ нарушаютъ. О статьѣ «Довѣрять ли»? онъ сказалъ еще меньше, чѣмъ приведенное нами постановленіе высшаго суда, и потому мы обратимся къ отвѣту Грегера.

Редакторъ «Народныхъ Листовъ» началъ свою защиту разборомъ того параграфа уголовнаго закона, подъ который было подведено его преступленіе. Этотъ § 65. а) говоритъ о *нарушеніи общественнаго спокойствія* слѣдующими словами:

«Въ преступленіи нарушенія общественнаго спокойствія дѣлается виновенъ тотъ, кто публично или передъ многими людьми, или въ произведеніяхъ печати, распространенныхъ сочиненіяхъ или изображеніяхъ, старается возбудить къ презрѣнію или къ ненависти противъ особы императора, противъ единства и государственной связи имперіи, противъ формы правленія или государственнаго управленія».

Первое и второе изъ этихъ преступленій, т. е. возбужденіе противъ особы императора и противъ политическаго единства имперіи не были приписываемы редактору и въ самомъ судебномъ обвиненіи; его обвиняютъ слѣдственно въ одномъ изъ двухъ, т. е. въ возбужденіи ненависти противъ формы правленія или противъ государственнаго управленія, или въ обоихъ преступленіяхъ вмѣстѣ. Но Грегеръ совершенно основательно доказалъ, что къ его обвиненнымъ журнальнымъ статьямъ не прилагается въ сущности ни то, ни другое. Судъ просто неясно понялъ содержаніе параграфа. Чтобы объяснить это содержаніе, Грегеръ привелъ толкованія оффиціальнаго комментарія, составленнаго тѣмъ же лицомъ, которое было оффиціальнымъ редакторомъ при составленіи уголовнаго закона 1852 г. Изъ нихъ оказывается, что подъ формой правленія понимается въ законѣ монархическая форма правленія, опредѣленная или основными законами или самымъ историческимъ развитіемъ австрійскаго государства, въ цѣлости и въ отдѣльныхъ частяхъ его, — именно абсолютная форма правленія, наслѣдство въ габсбургскомъ домѣ и полное владѣніе всѣми правами, принадлежащими абсолютной власти. Но такъ можно было понимать законъ только прежде, а теперь должна пониматься подъ формой правленія форма конституціонная,—а этой формы «Народные Листы» никогда не отвергали и не унижали. Съ другой стороны, редактора обвиняютъ въ преступленіи противъ государственнаго управленія. Но въ томъ же оффиціальномъ комментаріи угол. зак., объ этомъ предметѣ ска-

зано буквально слѣдующее: «государственное управленіе есть собраніе или совокупность тѣхъ органическихъ постановленій, основаній, мѣропріятій и средствъ, по которымъ и которыми въ австрійскомъ государствѣ осуществляются цѣли правительства не *вовсе не тѣ лица*, на которыхъ лежитъ правительственная дѣятельность или которыя исполняютъ ее». Очевидно, что и это обстоятельство также нисколько не приложимо къ обвиненнымъ статьямъ Грегера, который открыто признался, что онъ критиковалъ дѣятельность Шмерлинга, слѣдовательно, касался только отдѣльнаго лица въ правительствѣ: Шмерлингъ — министръ конституціонный; дѣло его состоитъ въ выполненіи объявленной конституціи, и «Народные Листы» разбирали только это его дѣло. Журналъ Шмерлинга, Donau-Zeitung, увѣрялъ общество, что оно должно имѣть довѣріе къ Шмерлингу, что онъ еще додѣлаетъ конституцію (изъ чего слѣдуетъ, что она ещё *не была* додѣлана). «Народные Листы» спорили только съ Donau-Ztg, и если она могла объяснять дѣятельность министра съ одной стороны, то «Народные Листы» могли взглянуть на нее и съ другой. Во всякомъ случаѣ дѣло не идетъ ни о формѣ правленія, ни о государственномъ управленіи, слѣд. никакъ не о § 65; вопросъ идетъ только объ отдѣльныхъ лицахъ управленія, о Шмерлингѣ, Лассерѣ, Марешѣ и т. п., такъ что, если бы могла быть подведена здѣсь какая нибудь статья закона, то это могъ быть развѣ только § 300. Но и этотъ параграфъ также не можетъ быть направленъ противъ «Народныхъ Листовъ», потому что въ нихъ нѣтъ осмѣянія, оскорбленія и т. д. отдѣльныхъ правительственныхъ органовъ,—что осуждается этимъ параграфомъ закона,— а есть только чисто фактическія указанія на ходъ дѣла; это фактическое изложеніе можетъ быть доказано до несомнѣнности и, слѣдовательно, не можетъ считаться преднамѣреннымъ осмѣяніемъ, клеветой и оскорбленіемъ. Справедливый фактъ не можетъ быть осмѣяніемъ кого бы то ни было; онъ можетъ быть укоромъ тому, къ кому относится, а не тому, кто его открываетъ.

Чтобы доказать это, Грегеръ самъ разобралъ подробно обвиняемую статью; мы приведемъ этотъ разборъ потому, что это была положительная защита и опроверженіе оффиціальнаго обвиненія и потому, что онъ хорошо передаетъ подробности политическихъ взглядовъ федеральной партіи, къ которой принадлежитъ большинство славянскаго населенія Австріи.

«Признаюсь открыто, говорилъ Грегеръ, что въ этой статьѣ обнаруживается явное недовѣріе къ г. министру, которое я имѣлъ съ самаго начала и которое я сохраняю еще до сихъ поръ.

«Признаюсь, что у меня было уже недовѣріе къ г. министру тотчасъ послѣ того, какъ онъ сѣлъ на министерское кресло, потому что я зналъ его *предшествовавшую* дѣятельность. Какъ извѣстно, г. министръ былъ въ 1848 президентомъ франкфуртскаго министерства и имѣлъ тѣ же стремленія, которыя имѣло все франкфуртское министерство... Оно взяло себѣ цѣлью соединеніе всей Германіи. Но если бы только осуществилось это, то, по моему мнѣнію и по мнѣнію другихъ, это привело бы къ неминуемому распаденію Австріи. Велико-германскія стремленія, оказавшіяся во франкфуртскомъ парламентѣ и министерствѣ, очевидно направлены были противъ цѣлости Австріи (*). Въ программѣ «Народныхъ Листовъ»,—эта программа подписана была лучшими нашими людьми, слѣдовательно, это программа цѣлой нашей народной партіи, — сказано, что Австрія нужна для насъ, и что мы всѣми силами будемъ стремиться къ ея сохраненію, потому что сохраненіе ея есть нашъ жизненный вопросъ. Мы слабы для того, чтобы стремиться къ собственной самостоятельности, для насъ должно быть важно не лишаться той охраны, какую даетъ намъ теперь Австрія; мы ни за какую цѣну не можемъ пожертвовать этой охраной неизвѣстной судьбѣ, или какимъ нибудь будущимъ неизвѣстнымъ событіямъ, которыя бы пожалуй способствовали распаденію Австріи и подвергли бы нашъ народъ еще большей опасности! — Тенденція франкфуртскаго министерства, во главѣ котораго сталъ министръ Шмерлингъ, была направлена противъ блага австрійской имперіи и особенно противъ блага земли чешской. Я, какъ чехъ, не могъ имѣть довѣрія къ г. министру, о которомъ зналъ, что онъ идетъ противъ блага моего отечества; это — одинъ доводъ, къ которому потомъ прибавилось еще много другихъ.

«20-го октября 1860 г. вышелъ императорскій дипломъ, ко-

(*) На томъ основаніи, что если бы Австрія пристала къ Великой Германіи, какъ государство нѣмецкое, это вызвало бы самую энергическую оппозицію со стороны не нѣмецкихъ національностей Австріи, и коллизія ихъ была бы рѣшительнымъ ударомъ австрійскому единству. Поэтому славянскія народонаселенія, въ видахъ самосохраненія, стали въ 1848—49 защитниками цѣлости Австрійской имперіи. Подобныя запутанныя отношенія господствуютъ въ политикѣ австрійскихъ національностей и до сихъ поръ.

торый, какъ извѣстно, обезпечиваетъ самоуправленіе и своезаконность отдѣльнымъ землямъ имперіи и, слѣдовательно,—самоуправленіе и своезаконность и землѣ чешской. Дипломъ былъ принятъ въ то время съ радостью, потому что обезпечивалъ историческія права и въ извѣстной мѣрѣ самоуправленіе и свободу, которыя были нами потеряны. Я полагалъ, что конституція, которая должна была развиться, разовьется на основаніи императорскаго диплома, который и почитаемъ былъ за основаніе будущей конституціи. Этотъ дипломъ объявленъ былъ его величествомъ за неизмѣнный основной законъ имперіи, и слѣдовательно, можно было думать, что министерство, каково бы оно ни было, какихъ бы оно ни держалось мнѣній, возьметъ его за мѣрило при введеніи конституціи въ Австріи, что на немъ, какъ на твердомъ основаніи, оно выстроитъ цѣлое конституціонное зданіе. Министръ Шмерлингъ вступилъ въ свою должность и въ циркулярѣ, изданномъ въ декабрѣ 1860 г., сослался на императорскій дипломъ... Считая его за человѣка послѣдовательнаго, который дѣлаетъ такъ, какъ говоритъ, я судилъ изъ его словъ, что г. министръ выполнитъ дипломъ и на основаніи диплома постарается объ осуществленіи конституціи. Но всѣ мы обманулись въ этомъ. Уже 26-го февраля вышла такъ называемая февральская конституція или патентъ, который уклонился отъ императорскаго диплома и не былъ уговоренъ съ народами, слѣдовательно, не былъ введенъ въ духѣ диплома, а просто былъ октроированъ правительствомъ».

Грегеръ указалъ потомъ эти противорѣчія патента съ первой конституціей; патентъ былъ выданъ правительствомъ безъ согласія съ народами имперіи, — это было первое противорѣчіе конституціи; патентъ не обращаетъ вниманія на историческое право и связь земель, что обѣщано было конституціей: такъ патентъ не соблюдаетъ исторической связи Чехіи, Моравіи и Силезіи; составъ имперскаго сейма также противорѣчитъ диплому, потому что въ немъ участвуютъ далеко не всѣ народы имперіи и двѣ трети Австріи не соглашаются признавать февральскій патентъ; наконецъ, во многихъ случаяхъ министерство самовольно, безъ дозволенія сейма, распоряжается земскими дѣлами, очевидно въ ущербъ земскимъ правамъ. Поэтому общество и «Народные Листы» могли недовѣрять министру, который противорѣчилъ диплому, объявленному за неизмѣнный основной законъ. Затѣмъ Грегеръ продолжалъ:

«Что мы не имѣли довѣрія къ Шверинову со самаго начала его власти, — я говорилъ, имѣя въ виду статью, написанную мной противъ г. министра, въ началѣ прошлаго 1861 года, когда изданы были основныя положенія избирательнаго закона. Установленіемъ слишкомъ высокаго цензa исключены изъ выборовъ цѣлые классы народа, и слѣдовательно стѣснены, и стѣснено въ особенности чешское населеніе...

«Въ обвиненіи ставится мнѣ въ вину, что я совершенно подкапываю довѣріе къ нынѣшнему правительству, а въ рѣшеніяхъ верхняго и высшаго судовъ сказано, что я вообще сомнѣваюсь въ выполненіи конституціи. Слова моей статьи свидѣтельствуютъ противное. Въ ней выказывается дѣйствительно вѣра въ *лучшую будущность*, которая конечно разовьется на другихъ основаніяхъ и съ помощью другихъ силъ; такимъ образомъ довѣріе къ будущему и къ конституціонализму не подкапывается....

«Въ статьѣ опредѣлено направленіе и цѣль ея, именно: посмотрѣть, какъ идетъ конституція, какъ далеко развились наши отношенія и какъ далеко правительство довело конституціонный вопросъ (выписка)...

«Говорить о журнальныхъ *предостереженіяхъ* я имѣлъ право потому, что мнѣ самому дано было такое предостереженіе тотчасъ послѣ циркуляра г. министра, хотя въ немъ онъ ясно говорилъ, что обезпечиваетъ свободу печати.

«Я говорилъ правду, что *общественныя собранія* не могутъ происходить *безъ полицейскаго надзора*. Когда это было писано, господствовало еще больше свободнаго движенія; а теперь нельзя сказать и того, потому что теперь собранія положительно не обходятся безъ полицейскаго присмотра.

«*Правда также и кое-что другое*. Эти слова должны дѣйствительно дополнить то, что было пересчитано мной, какъ имѣвшееся къ нашему благу, въ духѣ и смыслѣ конституціи. Въ обвинительномъ актѣ говорятъ мнѣ, что это написано иронически; но это въ самомъ дѣлѣ только перечетъ того, что случилось и что мы получили. Въ этомъ нѣтъ иронiи, а дѣйствительная правда; что такъ мало случилось при нынѣшней конституціи, это не моя вина...

«Все то, что я говорилъ о порядкѣ засѣданій, о лѣсномъ законѣ, объ уставѣ печати, теперь подтвердилось, и я слѣдовательно, былъ въ полномъ правѣ, когда высказывалъ это. Что же касается того, что труднѣе выполнить уставъ, чѣмъ дать его, то думаю,

что это и теперь еще трудно министерству, потому что оно и теперь еще не выполнило своихъ уставовъ, и народы до сихъ поръ еще не пристаютъ къ нимъ.

«Я говорилъ, что отсюда мы *долго не дождемся* конституціи. Я долженъ признаться, что во всѣхъ этихъ словахъ высказано дѣйствительное недовѣріе къ г. министру Шмерлингу. Я не вѣрю, чтобы онъ кончилъ начатое дѣло къ удовольствію всѣхъ народовъ; не вѣрю, что это удастся ему тѣмъ путемъ, какимъ онъ идетъ, потому что не считаю этотъ путь законнымъ и справедливымъ, потому что конституціонный законъ долженъ быть не просто данъ самимъ министерствомъ, но по смыслу императорскаго диплома, долженъ быть выработанъ при содѣйствіи сеймовъ земскихъ и имперскихъ...

«Когда я писалъ, что мы можемъ *торговать* въ журналахъ, *данныхъ намъ изъ милости*,—я конечно еще не зналъ о множествѣ процессовъ и судовъ, которые постигли почти всѣхъ федералистскихъ редакторовъ; теперь я уже не могъ бы сказать, что мы можемъ писать свободно.

«*Присягало ли* чиновничество на конституцію и т. д.? Почтенный судъ самъ знаетъ, что на конституцію не присягало ни чиновничество, ни войско.

«Сдѣлало ли правительство какія нибудь обезпеченія касательно *отвѣтственности* министровъ? Въ то время не было еще говорено объ отвѣтственности министерства, да и теперь еще не выработанъ законъ, по которому бы министерство могло быть привлечено къ отвѣтственности.

«Есть ли у насъ свобода составить *ассоціаціи*? Нѣтъ, потому что мы должны просить позволенія для основанія каждаго отдѣльнаго общества, хоть бы самаго незначительнаго, напримѣръ общества сапожниковъ, и я самъ съ нѣкоторыми господами просилъ о позволеніи основать художническое общество, полтора года тому назадъ; но позволеніе до сихъ поръ еще не вышло...

«Не остается ли вообще вся эта государственная машина *той же, какъ при Бахѣ* и пр.? До сихъ поръ почти всѣ чиновники тѣ же, какіе были прежде. Я думаю, что это вещь всѣмъ извѣстная и что до сихъ поръ не произошло въ этомъ никакой перемѣны: почтенный судъ знаетъ хорошо самъ.

«Я ссылаюсь здѣсь на Ost-Deutsche Post, которая считается однако, какъ извѣстно, за органъ г. министра, потому что защищаетъ тѣ же начала, какія онъ. Тамъ говорится между прочимъ,

что конституцію нельзя выполнить съ нынѣшними чиновниками, а потому нужно, чтобы въ чиновничествѣ сдѣлано было полное преобразованіе. Я могъ бы сослаться на другіе журналы, но думаю, что мнѣ достаточно будетъ указать на рѣчи гг. Шмерлинга и Лассера, въ которыхъ буквально говорится, что въ чиновничествѣ должно быть сдѣлано измѣненіе. Этимъ ясно признается, что съ нынѣшнимъ чиновничествомъ выполнить конституцію нельзя, потому что оно идетъ изъ временъ стараго абсолютизма и не вошло еще въ духъ нынѣшней конституціи».

«Чиновничество наше до сихъ поръ сохраняетъ свое *исключительное положеніе* и пр. Полагаю, что почтенному суду самому всего лучше извѣстно, что это такъ, и я ссылаюсь въ этомъ на г. министра Лассера, который публично говорилъ, что «чиновникъ долженъ повиноваться»; слѣдовательно, и здѣсь не произошло никакой перемѣны и судья до сихъ поръ не независимъ, какъ бы это должно быть въ конституціонномъ государствѣ.

«Предписанія о ношеніи *усовъ и бороды* дѣлаются до сихъ поръ, и еще недавно чиновникамъ здѣшняго казначейства было приказано носить ихъ по установленной формѣ».

Затѣмъ Грегеръ перешелъ къ земскому управленію и опять подтверждаетъ свои показанія фактами; потомъ доказываетъ свои замѣчанія о школахъ. Наконецъ, переходитъ къ политическимъ отношеніямъ разныхъ земель Австріи и, въ доказательство разорванности, указанной имъ во внутреннихъ отношеніяхъ имперіи, приводитъ положеніе Венгріи, которая все еще управляется иначе, чѣмъ другія земли, и гдѣ дѣйствительно господствуетъ военное правительство; далѣе положеніе Богеміи, которая по историческимъ правамъ, признаннымъ въ дипломѣ, должна быть въ соединеніи съ Моравіей, а на дѣлѣ не имѣетъ съ ней одного общаго сейма и раздѣлена по управленію. Что дѣйствительно были голоса о возвращеніи и даже неизбѣжности абсолютизма и реакціи, Грегеръ доказалъ журнальными статьями, которыя положительно говорили объ этомъ.

Переходя къ вопросу о конституціи, для которой, по словамъ «Народныхъ Листовъ», не было еще сдѣлано и попытки исполненія, Грегеръ сослался на тѣ конституціи, которыя уже существовали въ Австріи, именно уставы 1848 и 1849 года, и съ которыми февральскіе патенты Шмерлинга, конечно, не могли идти въ сравненіе. Изъ ихъ сличенія оказывается, что австрійская конституція 60—62 годовъ не достигла даже и того, что

было уже въ 48—49 годахъ: она не представляетъ ни присяги императора, ни конституціоннаго обезпеченія личной свободы гражданина, ни свободы печати, ни свободы ассоціацій, ни независимости судей, ни суда присяжныхъ. Ясно, что если конституція не представляетъ такихъ необходимыхъ законовъ и гарантій, она не можетъ возбуждать къ себѣ довѣрія. Если при этомъ «Народные Листы» называли Шмерлинга скорѣе нѣмецкимъ философомъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ, въ этомъ нѣтъ ему ни малѣйшаго оскорбленія; они хотѣли сказать этимъ только то, что Шмерлингъ былъ больше теоретикомъ, чѣмъ практическимъ министромъ, когда думалъ, что февральская конституція можетъ удовлетворить австрійскіе народы, и что вообще можно провести конституцію безъ содѣйствія самихъ народовъ. Изъ всего изложенія дѣла ясно, что положеніе Австріи дѣйствительно похоже на какое-то временное, недоконченное положеніе.

«Я не вѣрилъ,—говорилъ Грегеръ, переходя къ заключенію статьи, — и не вѣрю теперь, что г. Шмерлингъ выполнитъ конституціонное дѣло. Я полагаю, что оно должно идти другою дорогой и что именно *сами народы* устроятъ Австрію; на эту вѣру, на это желаніе я совершенно имѣю право по императорскому манифесту. Этотъ манифестъ самъ призываетъ народы къ конституціонному дѣлу; такимъ образомъ выполненіе конституціи не находится въ рукахъ одного министра или одного министерскаго кабинета. Напротивъ, я думалъ, что это дѣло выполнится только дѣйствительно конституціоннымъ путемъ, т. е. *содѣйствіемъ* австрійскихъ народовъ.

«Изъ цѣлой статьи ясно, что я не касаюсь государственнаго управленія. Напротивъ, въ ней рѣчь идетъ только о тенденціи г. министра Шмерлинга и о томъ способѣ, которымъ онъ, какъ отдѣльный правительственный органъ, проводитъ февральскую конституцію. Наконецъ я не знаю,—и если бы дѣло понято было въ смыслѣ обвинительнаго акта первой инстанціи,—чѣмъ бы я нарушилъ здѣсь § 300 угол. зак., потому что сказанное здѣсь о г. министрѣ основано на *чистой правдѣ*; нигдѣ въ моей статьѣ нѣтъ и слѣда какой нибудь насмѣшки, презрѣнія или оскорбленія. Я только сомнѣваюсь въ государственной способности г. министра. Если г. министръ Шмерлингъ кажется мнѣ неспособнымъ къ проведенію конституціи, если я имѣю къ нему *недовѣріе*, то я думаю, что могу высказать это недовѣріе и ему, какъ всякому другому, и что, какъ журналистъ, имѣю на это не только

право, но и обязанность, будетъ ли онъ министромъ или какимъ бы то ни было чиновникомъ. Но недовѣріе вовсе не есть какое нибудь оскорбленіе или осмѣяніе....Указываю еще на статью, напечатанную мной позже, гдѣ я говорю, что у нашего министра есть конечно добрая воля, но что онъ не стоитъ вровень съ задачей, которая на него была возложена. Я основываю свое недовѣріе на императорскомъ дипломѣ и тронной рѣчи....Прошу, чтобы почтенный судъ обратилъ вниманіе на эту статью и убѣдился изъ нея, что не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы я хотѣлъ осмѣивать г. министра Шмерлинга и унижать его дѣятельность,— и все это для того только, чтобы осмѣять и унизить; но что я выступалъ противъ него только на томъ основаніи, что мѣры его управленія кажутся мнѣ не конституціонными, и что онѣ не согласуются съ дипломомъ, что онѣ ведутъ къ гибели цѣлой земли, и имѣнію моего отечества».

Такъ окончилъ Грегеръ свою защиту отъ обвиненій, поднятыхъ противъ его статьи: «Довѣрять ли»? Очевидно, что онъ былъ правъ въ тѣхъ объясненіяхъ, какія давалъ своей статьѣ, или другими словами, что онъ былъ правъ въ защитѣ своихъ политическихъ мнѣній,—правъ, если только въ Австріи дѣйствительно существовала конституція, если подданные должны были сколько нибудь полагаться на императорскіе манифесты. Грегеръ весьма достаточно доказалъ, что его мнѣнія о февральской конституціи были основаны на дѣйствительныхъ фактахъ, что для него дѣло шло только о раскрытіи правды въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ политическое устройство обширной имперіи,—и что наконецъ онъ всегда стоялъ на твердомъ легальномъ основаніи императорскаго диплома 20-го октября. Мы увидимъ, какъ судъ оцѣнилъ его правдивость.

Мы не имѣемъ нужды пересказывать содержаніе другихъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ Грегера, и другихъ обвиненій. Въ сущности это было повтореніе одной темы; оффиціальный обвинитель также выискивалъ злонамѣренные умыслы редактора противъ безопасности государства и придирался къ словамъ, Грегеръ точно также выводилъ вопросъ на практическіе факты. Такъ дѣло шло нѣсколько дней. Въ седьмой день пренія были уже близки къ своему концу. Оффиціальный обвинитель резюмировалъ снова свои обвиненія и опроверженія обвиняемаго и пришелъ къ слѣдующему выводу: д-ръ Грегеръ, редакторъ «Народныхъ Листовъ», виновенъ въ преступленіи противъ § 65 угол.

закона напечатаніемъ или распространеніемъ статей: «Довѣрять ли?» и «Кто намъ поможетъ?» и въ проступкѣ противъ отдѣльныхъ органовъ правительства по § 300, проступкѣ, повторившемся нѣсколько разъ, и за то долженъ быть наказанъ: 1) тяжкимъ тюремнымъ заключеніемъ на 2 года; 2) штрафомъ изъ кауціи, въ 3000 гульденовъ; 3) потерей академической степени и 4) лишеніемъ права отвѣтственнаго редакторства политическихъ журналовъ. Мы перейдемъ прямо къ концу процесса и остановимся теперь на защитительной рѣчи адвоката Грегера, д-ра Клауди, одного изъ извѣстныхъ практическихъ юристовъ и чешскаго депутата на сеймѣ.

Д-ръ Клауди въ самомъ началѣ своей рѣчи упомянулъ, что онъ съ сожалѣніемъ долженъ замѣтить, что первое слѣдствіе противъ «Народныхъ Листовъ» начато было по приказанію министерства: съ этого министерскаго приказанія и начались потомъ остальныя обвиненія «Народныхъ Листовъ», и это обнаруживаетъ прискорбнымъ образомъ, что министерство не поняло конституціонныхъ отношеній общества. Въ дѣлѣ «Народныхъ Листовъ» обвиняется не одинъ Грегеръ, а тысячи и милліоны людей. Переходя къ самому вопросу, д-ръ Клауди весьма обстоятельно объяснялъ, какимъ образомъ милостивѣйшій императоръ и король чешскій далъ своимъ народамъ конституцію и «возвратилъ имъ тѣ права, которыя были ограничены и сокращены затруднительными обстоятельствами прежняго времени». Отсюда онъ выводитъ прямое слѣдствіе, что теперь, въ государствѣ конституціонномъ, не могутъ уже имѣть силы самыя статьи стараго уголовнаго закона, которыя теперь направлены противъ Грегера.

«Въ этотъ день (20 октября) было сказано, что всѣ дѣла имперіи съ этого дня будутъ идти и совершаться не иначе, какъ при содѣйствіи народовъ... Такимъ образомъ императоръ самъ сказалъ, что онъ на основаніи представительства ввѣряетъ своимъ народамъ развитіе и укрѣпленіе конституціи. Мнѣ кажется, что этимъ рѣшеніемъ слово нашего императора и короля вмѣстѣ съ тѣмъ высказало и обезпечило намъ то, что въ Австріи не будетъ уже больше владѣть простая сила, и что даны также и средства привести это убѣжденіе въ дѣло, которое бы процвѣтало въ самихъ народахъ.

«Этимъ высказано также и положеніе, что уже не могутъ больше имѣть силы предписанія § 65 и § 300 угол. закона.

«Мнѣ скажутъ, что еще существуетъ уголовный законъ 1852 года, что онъ до сихъ поръ не отмѣненъ и слѣд. имѣетъ еще полную силу. Но мнѣ кажется, что законъ есть только одна часть того цѣлаго, которымъ должно управляться государственное общество, чтобы достичь своей цѣли; и ежели эта цѣль состоитъ въ осуществленіи конституціоннаго правительства, то должны быть даны и средства къ достиженію этой цѣли; и должно быть устранено все, что бы мѣшало этому успѣху, мѣшало достигнуть цѣли, назначенной самимъ императоромъ.

«Въ государствѣ абсолютномъ рѣшаетъ одна сила, и уголовный законъ 1852 г. въ § 65 и § 300 имѣлъ полное право подавлять всякое движеніе, держась того правила, что молчаніе есть первый урокъ мудрости. Во времена конституціонныя это правило уже не имѣетъ своей силы, молчаніе перестаетъ быть урокомъ мудрости, должно говориться, и говориться безъ опасенія; а чтобы могло говориться, нужны средства, чтобы говорить можно было не только въ своей комнатѣ, но и такъ, чтобы властитель могъ узнать мое мнѣніе. Но гдѣ господствуетъ правило, что каждый чиновникъ, даже каждый оффиціальный служитель есть часть государственной власти, что поэтому каждое порицаніе, каждая критика, каждое осмѣяніе такого лица считается за оскорбленіе величества, тамъ нѣтъ конституціоннаго права.

«Во времена абсолютизма § 300 наказывалъ каждое движеніе противъ оффиціальныхъ мѣстъ и лицъ, потому что это касалось тѣхъ началъ, на которыхъ однихъ основывалась абсолютная власть. Начало абсолютной власти состоитъ въ томъ, что оно считаетъ народъ не *цѣлью*, а *средствомъ*, что самостоятельность отдѣльной личности не существуетъ. Отсюда выходитъ необходимое правило, что каждый отдѣльный человѣкъ долженъ дѣлать то, что ему приказано.

«Я считаю лишнимъ доказывать, что этого не можетъ быть въ конституціонномъ государствѣ, и что въ особенности не можетъ имѣть силы правило, чтобы кто нибудь могъ быть принуждаемъ скрывать свое убѣжденіе, и тѣмъ менѣе могъ быть принуждаемъ хвалить или другимъ способомъ содѣйствовать чему нибудь, что было бы *противъ закона*, чѣмъ бы нарушались начала, *обезпеченныя основнымъ закономъ*.

«Иначе, если бы этого не было, всякая конституція была бы пустыми словами; не было бы ничего инаго, кромѣ того, что абсолютизмъ одѣлся бы въ однѣ формы конституціи».

Кромѣ того, д-ръ Клауди указалъ еще на одно обстоятельство, по которому примѣненіе угол. закона 1852 г. оказывалось невозможнымъ въ дѣлѣ Грегера. Именно, въ томъ же 1852 г. изданъ былъ въ дополненіе къ угол. закону и спеціальный законъ о печати, имѣвшій цѣлью предупредить полицейскими мѣрами преступленія печати, которыя безъ того наводнили бы суды политическими процессами. Такимъ образомъ, самому Баху примѣненіе § 65 и 300, заключавшихъ въ себѣ и преступленія печати, казалось въ сущности неудобнымъ относительно журналовъ и вообще политической литературы. Теперь, если настаиваютъ на примѣненіи къ процессу Грегера угол. закона 1852 г., то съ тѣмъ же правомъ можно требовать, чтобы примѣнялись и § 22 и 25 устава о печати. Въ этихъ параграфахъ излагаются правила извѣстной системы предостереженій и конфискаціи журналовъ: если полицейская власть замѣчаетъ неодобрительное направленіе изданій, она обязана дать редактору два предостереженія и наконецъ приступить къ временному запрещенію изданія; далѣе полицейская власть обязывается конфисковать изданіе, въ случаѣ если оно будетъ заключать въ себѣ вещи, недопускаемыя закономъ. Законъ о печати, 1852 г., также не былъ отмѣненъ, какъ и весь уголовный законъ этого года, — между тѣмъ онъ не былъ исполненъ относительно «Народныхъ Листовъ». Редакторъ получилъ одно предостереженіе, но на томъ дѣло и остановилось. Юридически, судъ дѣйствительно не имѣлъ права преслѣдовать Грегера по § 65 и 300 угол. закона, когда не были исполнены § 22 и 25 закона о печати: если бы эти послѣдніе были исполнены, то становился бы излишнимъ и самый процессъ.

Указавши на это обстоятельство, адвокатъ перешелъ къ объясненію конституціонныхъ началъ государственнаго управленія, отношеній общества въ конституціонномъ государствѣ, къ объясненію самой статьи закона,—тѣхъ общихъ вопросовъ, которые были уже больше или меньше объяснены самимъ Грегеромъ, — и наконецъ, къ защитѣ каждой изъ инкриминованныхъ статей. Оффиціальный обвинитель возражалъ противъ разныхъ подробностей рѣчи д-ра Клауди и между прочимъ отказывался, что не получалъ приказаній отъ министерства. Но адвокатъ настаивалъ на своемъ мнѣніи; онъ положительно указалъ на разъ бывшій примѣръ такого приказанія по поводу «Народныхъ Листовъ» и предположилъ, что нѣчто подобное могло быть и теперь. «Ед-

ва это (первое) приказаніе было выдано, продолжалъ онъ, — какъ одно слѣдствіе стало появляться за другимъ, одна статья за другой подверглись обвиненію и суду. Если мы вспомнимъ притомъ, что не это одно изданіе, но и другія газеты подвергались преслѣдованію за подобное направленіе, то я думаю, не можетъ быть сомнѣнія, что былъ министерскій приказъ взять мѣры противъ оппозиціи,—потому что полагали, что нападокъ оппозиціи нельзя остановить иначе, какъ уничтожая ее, во что бы ни стало, по крайней мѣрѣ, въ той степени, въ какой это будетъ нужно министерству. Что статьи не были конфискуемы, это — фактъ, и я выводилъ изъ него заключеніе, какое всякій можетъ вывести. (Клауди хотѣлъ этимъ сказать, что министерство собственно само не находило въ этихъ статьяхъ уголовнаго преступленія, и привязалось къ нимъ уже тогда, когда ему нуженъ былъ приличный поводъ для преслѣдованія оппозиціонныхъ газетъ. Министерство привязалось къ этимъ статьямъ не смотря на то, что они въ свое время не были остановлены полиціей, т. е. не считались законопреступными). Каждый чиновникъ долженъ вполнѣ и твердо выполнять свои обязанности, и что полицейскія власти не такого сорта, чтобы упускать что нибудь даромъ, чего упускать не надо, — это также фактъ. Но если полицейская власть не нашла законныхъ поводовъ противъ «Народныхъ Листовъ» по § 22 уст. о печати, то надобно заключать, что тотъ кому слѣдовало (т. е. оффиціальный обвинитель) вѣроятно не нашелъ въ статьяхъ уголовнаго преступленія. Быть можетъ, онъ видѣлъ въ нихъ только проступокъ и думалъ: «ну, изъ-за этого я не буду конфисковать газеты». Но еслибъ онъ видѣлъ въ нихъ преступленіе и не конфисковалъ газеты, то въ самомъ дѣлѣ пренебрегъ бы своей обязанностью,—а этого я не могу предположить».

Вѣроятно, министерство съ самомъ дѣлѣ дало положительное распоряженіе о преслѣдованіи оппозиціонныхъ газетъ; мы уже упоминали прежде, что процессъ «Народныхъ Листовъ» былъ далеко не единственнымъ примѣромъ этихъ преслѣдованій, что въ то же время подверглись суду почти всѣ федералистскія изданія въ цѣлой Австріи. Притомъ адвокатъ Грегера обнаруживаетъ вообще большую осторожность въ своей защитѣ, и если онъ рѣшился высказывать такъ ясно свои догадки, то надобно думать, что эти догадки имѣли полное основаніе. Въ Прагѣ говорили объ этомъ предметѣ весьма утвердительно.

И останавливаясь дольше на этихъ спорахъ, мы перейдемъ

къ заключительной рѣчи Грегера, въ которой онъ очень ясно опредѣлилъ весь характеръ своего процесса.

«Преступленія и проступки, которыя ставятся мнѣ въ вину г. прокуроромъ, — говорилъ онъ, — факты уголовные, имѣющіе значеніе политическое и юридическое, и потому имѣющіе сторону политическую и юридическую. Я слишкомъ утомленъ, чтобы еще разъ пускаться въ подробный разборъ всѣхъ статей и въ критику цѣлаго обвиненія, поднятаго противъ меня. Притомъ, защитникъ мой прекрасно разобралъ обвиненіе г. прокурора, и я самъ уже не хочу приниматься за это дѣло. Что касается юридическаго значенія уголовныхъ фактовъ, я уже прежде доказалъ, что собственно говоря, здѣсь не можетъ рѣшать нашъ уголовный законъ 1852 г., законъ изъ эпохи суроваго абсолютизма, не соотвѣтствующій отношеніямъ нынѣшней конституціонной эпохи. Я указалъ на противорѣчіе, которое находится между дѣйствительностью и юридическими нашими отношеніями. Мнѣ остается еще припомнить, что само правительство заботится именно о томъ, чтобы устранить эти разногласія и противорѣчія; припомнить, что въ эту самую минуту въ обоихъ сеймахъ, представляющихъ полъ-имперіи, ходитъ прибавленіе къ уголовному закону, которое должно исправить § 65 угол. зак., потому что онъ уже не годится больше для нашихъ отношеній. Когда шли переговоры объ этомъ прибавленіи, депутатъ и имп.-кор. прокуроръ Вазеръ сказалъ въ палатѣ, что § 65, на основаніи котораго обвиняютъ меня, находится въ противорѣчіи съ конституціонными воззрѣніями, что такого параграфа не найдется нигдѣ въ законодательствѣ конституціонныхъ государствъ, что этотъ параграфъ очевидно направленъ *противъ права и справедливости*. Въ этомъ смыслѣ высказался и докладчикъ Гербстъ, и съ обоими ими согласился публично г. министръ Шмерлингъ и, слѣдовательно, признался самъ, что § 65 направленъ противъ права и справедливости, и если я буду осужденъ на основаніи этого параграфа, я буду осужденъ *незаконно и несправедливо*.

«Это хотѣлъ я замѣтить о юридическимъ значеніи дѣла.

«Такое же разногласіе и такія же противорѣчія и аномаліи, какія есть въ нашемъ правѣ, находятся и въ нашихъ политическихъ государственныхъ отношеніяхъ. Я говорилъ, что преступленія и проступки, въ которыхъ меня обвиняютъ здѣсь, — преступленія извѣстной тенденціи. Я могъ бы привести этому нѣсколько доказательствъ. Извѣстно, что *вся* оппозиціонная жур-

налистика, которая основываетъ свои начала на императорскомъ дипломѣ, подвергласъ множеству процессовъ, и что большая часть моихъ федералистскихъ товарищей подпала наказаніямъ, и наказаніямъ очень тяжелымъ. Это—конечно доказываетъ, что здѣсь дѣло идетъ скорѣе о подавленіи оппозиціоннаго политическаго направленія, чѣмъ объ уголовномъ законѣ. Я долженъ указать и на то, что послѣ того, какъ февральское торжество прошлаго (1861) года обнаружило, что февральскіе патенты не удовлетворяютъ отношеніямъ имперіи и не пользуются сочувствіемъ австрійскихъ народовъ, — что именно съ этого времени и усилилось преслѣдованіе оппозиціонныхъ редакторовъ.

«Я самъ журналистъ оппозиціи, я высказалъ это открыто и высказываю и теперь, что принадлежу къ федералистской партіи. Я думаю, что какъ журналистъ этой партіи, имѣю право возвышать голосъ во имя своей партіи. Начала, которыя я защищалъ и *потомъ буду послѣдовательно защищать*, не только законны, но и полезны, и не только моему отечеству, но и австрійской имперіи. Что мои стремленія законны, почтенный судъ могъ видѣть изъ нѣлаго разбирательства, которое велось въ этой судебной залѣ. Я доказалъ, и мой защитникъ доказалъ также, что всѣ свои взгляды и политическія мнѣнія я основываю на императорскомъ дипломѣ, который огромнымъ большинствомъ чешскаго народа считается за неизмѣнный конституціонный законъ, данный намъ императоромъ, обезпечивающій намъ самоуправленіе, земскую своезаконность и народную равноправность. Дипломъ долженъ былъ возвратить намъ не только королевскія права нашей короны, онъ долженъ былъ оживить наши юридическія воспоминанія, дать имъ дѣйствіе въ жизни и доставить намъ гарантію народной одноправности съ прочими австрійскими народами.

«У насъ, чеховъ, вынесшихъ въ послѣднія столѣтія такъ много бѣдствій и преслѣдованій, есть основаніе радоваться этому основному закону и данной въ немъ гарантіи лучшаго и счастливѣйшаго будущаго. Мы, имѣвшіе всѣхъ больше причинъ жаловаться на то, что наша земская своезаконность и самоуправленіе принесены были въ жертву онѣмечивающей централизаціи, — мы должны смотрѣть на императорскій дипломъ съ полной вѣрой, что онъ освободитъ насъ отъ притѣсненія, которое столько вѣковъ давило изъ Вѣны нашу землю и народность. Поэтому наши стремленія, основывающіяся на неизмѣнномъ и не-

отмѣнимомъ императорскомъ дипломѣ, не только законны, но и полезны нашей землѣ, потому что именно только дипломъ обезпечиваетъ намъ наше народное существованіе. Что изданные потомъ февральскіе патенты, которые не составляютъ конституціи, какъ замѣчаетъ самъ г. министръ Шмерлингъ, которые должны быть только проведеніемъ императорскаго диплома, *противорѣчатъ императорскому диплому, — это не наша вина*; а это противорѣчіе въ нашей государственной жизни, эта борьба двухъ враждебныхъ политическихъ партій, начались съ того, что февральскіе патенты уклонились отъ императорскаго диплома, и въ этомъ не виноватъ ни я, ни партія, къ которой я принадлежу, а *тѣ, кто присвоилъ февральскіе патенты.*

«Справедливо, что направленіе, котораго я держусь, и политическое убѣжденіе, которое я всегда защищалъ и буду защищать въ своемъ журналѣ, пока буду журналистомъ,—не похоже на политику министерства.

«Но я думалъ и думаю о благѣ *общественномъ*, о благѣ моего отечества. Я не журналистъ по профессіи, я юристъ и разсчитывалъ посвятить себя карьерѣ адвоката, и только общественное благо и настоянія моихъ друзей побудили меня отдаться на время журналистикѣ, потому что не было никого, кто бы могъ получить концессію на изданіе самостоятельной, независимой газеты.

«Мой журнальный трудъ былъ только временнымъ моимъ трудомъ, пока не уравнялись еще наши политическія отношенія, — это трудъ, который диктовала мнѣ любовь къ родинѣ.

«Вся моя дѣятельность до сихъ поръ проистекала изъ доброй воли быть полезнымъ землѣ, въ которой я живу, и полезнымъ народу, изъ котораго я вышелъ.

«Что у меня не было и мысли возмущать противъ правительства, что для меня важенъ былъ вопросъ о томъ или другомъ министрѣ не потому только, чтобы я хотѣлъ осмѣивать его официальное положеніе, объ этомъ свидѣтельствуетъ моя прежняя дѣятельность. Первымъ побужденіемъ моей журнальной дѣятельности было общее благо, которое я всегда и вездѣ ставлю выше интереса личнаго и выше интереса какого бы то ни было министра. Мнѣ кажется, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о злой волѣ, которой надѣляетъ меня г. прокуроръ. Систематическое подкапываніе министерской дѣятельности для того только, чтобы осмѣивать ее, не было и не могло быть моей цѣлью.

«Я выступалъ въ оппозиціи противъ г. министра Шмерлинга только тогда, когда думалъ, что дѣло его идетъ противъ блага моего отечества и противъ блага имперіи; я выступалъ противъ него и тогда, когда видѣлъ, что дѣло его оказывалось прямо противно основнымъ началамъ, высказаннымъ его величествомъ; я выступалъ противъ него, какъ государственнаго человѣка, боролся противъ его политическихъ основаній, но никогда не противился ему, какъ министру, какъ оффиціальному лицу, никогда не осмѣивалъ *правительственныхъ распоряженій*, которыя бы вышли изъ его министерской канцеляріи.

«Наконецъ, я полагаю, что здѣсь дѣло идетъ не объ отдѣльной статьѣ, не объ отдѣльномъ выраженіи въ той или другой статьѣ. Какъ я уже замѣтилъ, въ этомъ процессѣ я нахожу процессъ противъ тенденціи. Здѣсь осуждается цѣлое *направленіе*, осуждается цѣлая политическая партія, а вовсе не *моя* журнальная дѣятельность, и это кажется мнѣ достаточнымъ основаніемъ оставить дальнѣйшую свою защиту.

«Какъ журналистъ, я признаю себя болѣе отвѣтственнымъ передъ обществомъ, чѣмъ передъ правительствомъ, а общественное мнѣніе нашей земли согласно съ направленіемъ моей политической дѣятельности. Я могъ бы привести этому много доказательствъ. Во всемъ чешскомъ народѣ образованнѣйшій классъ признаетъ тѣ начала, которыя я публично защищалъ и за которыя стою теперь передъ судомъ. Но я надѣюсь и со мной надѣются всѣ мои соотечественники, что эти наши начала получатъ наконецъ силу и одержатъ побѣду; и я обращаю вниманіе почтеннаго суда на то, что теперь онъ судитъ меня за тѣ начала, *по которымъ*, можетъ быть, очень скоро самъ будетъ судить.

«Десять лѣтъ тому назадъ Гавличекъ былъ преслѣдованъ правительствомъ за то, что въ журналѣ публично одинъ защищалъ чешскій народъ противъ Баховской централизаціи; онъ долженъ былъ и пострадать за это, а все-таки эта самая централизація, противъ которой онъ вооружался съ такой энергіей, уже черезъ десять лѣтъ осуждена была самимъ императоромъ. Можетъ случиться, что это направленіе нынѣшняго министерства, противъ котораго я боролся и которое всего лучше можетъ быть названо *централистическо-нѣмецкимъ*, — что и это направленіе скоро должно будетъ уступить мѣсто другому направленію.

«Какъ бы то ни было впрочемъ, за свое направленіе и за свое политическое убѣжденіе я готовъ понести наказаніе, какое

бы оно ни было. Но я не думаю, что почтенный судъ произнесетъ такой приговоръ надо мной за мое нравственное убѣжденіе.

«Выйду ли я изъ этой судебной залы оправданнымъ или осужденнымъ, я вынесу изъ нея неизмѣнное убѣжденіе, что я исполнилъ свой долгъ, какъ журналистъ, и что, хотя бы почтенный судъ и осудилъ меня, народъ, котораго я сынъ и изъ нѣдръ котораго я вышелъ, не осудитъ меня; и это даетъ мнѣ силу мужественно снести приговоръ, каковъ бы онъ ни былъ!»

На слѣдующій день, — это былъ девятый день публичнаго производства процесса, — въ залѣ суда собралась многочисленная публика для выслушанія приговора. Рѣшеніе суда состояло въ слѣдующемъ. Двѣ статьи, изъ числа семи обвиненныхъ, онъ исключилъ изъ обвиненія, какъ не заключающія ничего противозаконнаго; частная жалоба шульрата Мареша также оставлена по желанію самаго истца; въ статьѣ: «Довѣрять ли?» судъ нашелъ только проступокъ, а не преступленіе, слѣдовательно, нарушеніе § 300, а не § 65 угол. зак.; всѣ другія обвиненія были удержаны. По статьѣ: «Кто намъ поможетъ?» Грегеръ обвиненъ былъ въ уголовномъ преступленіи по § 65; по другимъ статьямъ вина его была подведена подъ § 300. Эти преступленія подвергались по уголовному кодексу весьма строгимъ наказаніямъ, но судъ принялъ во вниманіе то, что д-ръ Грегеръ велъ до тѣхъ поръ жизнь порядочную и что его преступленія не повлекли за собой никакихъ вредныхъ послѣдствій, — и это послужило облегчающими обстоятельствами.

За преступленіе нарушенія общественнаго спокойствія и за проступокъ возбужденія противъ отдѣльныхъ органовъ правительства и оскорбленія чести, редакторъ «Народныхъ Листовъ» осужденъ былъ на 4 мѣсяца тюремнаго заключенія и на уплату изъ кауціи 1300 гульденовъ. Кромѣ того, преступленіе противъ § 65 влекло за собой потерю академической степени и редакторской концессіи, то есть разрѣшенія издавать газету.

Грегеръ перенесъ дѣло на апелляцію.

Процессъ «Народныхъ Листовъ», главной, какъ мы сказали, чешской газеты, всего прямѣе выражавшей желанія и стремленія общества и народа, возбудилъ конечно большое вниманіе и участіе въ чешской публикѣ. Въ день произнесенія приговора, толпа, собиравшаяся обыкновенно, чтобы слѣдить за ходомъ дѣла, возросла до нѣсколькихъ тысячъ и ожидала на площади

передъ судебной палатой окончательнаго результата. До произнесенія приговора Грегеръ и адвокатъ его просили публику — какой бы ни былъ приговоръ — сохранить совершенное спокойствіе и молчаніе, которое было бы въ подобномъ случаѣ лучше и достойнѣе всякихъ шумныхъ выраженій чувства. Но безъ демонстрацій, впрочемъ крайне мирныхъ, не обошлось. Къ редактору «Народныхъ Листовъ» являлись многочисленныя депутаціи, выражавшія ему сочувствіе и заявлявшія о своемъ полномъ согласіи съ его взглядами. Три города и двадцать одна община дали ему почетное право гражданства, 90 городовъ и мѣстечекъ, 260 сельскихъ общинъ выразило ему свое сочувствіе адресами: здѣсь было до 9,000 подписей, кромѣ тѣхъ адресовъ, которые были написаны отъ имени цѣлыхъ общинъ. Демонстрація обнаруживалась и нѣкоторыми чертами сантиментальнаго свойства: дамы и дѣвушки изъ провинцій писали адресы, въ Прагѣ онѣ приносили Грегеру вѣнки и высказывали свое сочувствіе.

Власти обратили на это вниманіе; намѣстничество издало приказаніе окружнымъ начальствамъ розыскать тѣхъ, кто писалъ адресы. Грегеръ хотѣлъ наконецъ остановить дальнѣйшіе адресы, чтобы не давать поводовъ къ преслѣдованію, — но они продолжали печататься въ газетахъ. Это сочувствіе выражалось впрочемъ не одними словами. Грегеръ получилъ нѣсколько предложеній — внести за него штрафъ въ 1300 гульденовъ, назначенный приговоромъ; одинъ ремесленникъ изъявилъ готовность сидѣть за него въ тюрьмѣ по воскресеньямъ, — такъ какъ это единственный свободный у него день; другой вызвался взять на себя, что онъ доставилъ въ типографію статью, незаконное помѣщеніе которой поставлено было въ вину редактору, — и слѣдовательно принять на себя и часть наказанія, и т. д.

Въ отвѣтъ на всѣ эти чувствительныя демонстраціи высшій апелляціонный судъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе процесса Грегера: вмѣсто четырехъ, онъ опредѣлилъ *десять* мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и вмѣсто 1300 гульд.—3000 гульд. штрафа.

Грегеръ до сихъ поръ еще находится въ своемъ заключеніи.

Это и требовалось доказать для правительства.

Кто же правъ и кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ? Изъ приведенной защиты Грегера и Клауди можно видѣть, что Грегеръ былъ совершенно правъ, что легальныя юридическія основанія были за него, что онъ дѣйствовалъ такъ, какъ можетъ дѣйствовать гражданинъ конституціонаго государства. Выраженныя

имъ мнѣнія, весьма умѣренныя, и по его словамъ и на самомъ дѣлѣ представляли нѣчто дозволенное конституціей: онъ сталъ на легальную точку и думалъ, что на ней онъ безопасенъ отъ всякой бѣды. Но конецъ дѣла показываетъ, что практически онъ жестоко ошибался, что у него не было конституціонной почвы, на которую онъ разсчитывалъ. Но изъ-за нея-то онъ и боролся, скажутъ намъ;—это правда, и ошибка его была въ томъ, что онъ думалъ вести конституціонную войну, когда это было невозможно, когда конституціоннаго оружія не существовало. Грегеръ да и другіе, въ сущности и сами не вѣрили въ возможность легальнаго спора; они и сами замѣтили въ мнимо-конституціонномъ управленіи столько самоуправныхъ замашекъ стараго времени, что очень естественно должны были ожидать того же и для себя, если бы они не понравились правительству. Федералисты утверждали свои начала на императорскомъ дипломѣ, въ которомъ они видѣли обезпеченіе конституціи, — но за изданіемъ диплома слѣдовали замѣченныя ими самими правительственныя дѣйствія антиконституціоннаго свойства.

Вѣрили или не вѣрили этому федералисты? Политическій опытъ послѣдняго времени, не только въ Австріи, но и во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ, долженъ былъ научить ихъ нѣкоторому скептицизму въ этомъ отношеніи. Если, не смотря на то, они сохранили наивное вѣрованіе въ даримыя уступки высшей власти, въ добровольные отказы отъ важнѣйшихъ ея привилегій,—они понесли на себѣ и необходимые результаты этой наивности. Но впрочемъ они настаиваютъ на томъ, что конституція должна была устрояваться самими народами, слѣдовательно, упомянутой наивности у нихъ нѣтъ,—въ такомъ случаѣ дѣлается страннымъ то поклоненіе передъ дипломомъ, которое они постоянно выставляютъ на первый планъ. Но они употребляютъ это поклоненіе, какъ средство легальной защиты, скажутъ намъ,—но тогда они своими патетическими выраженіями о дипломѣ введутъ въ заблужденіе огромную массу, которая приметъ ихъ слова на вѣру и будетъ основывать надежды на томъ, на чемъ нельзя основывать никакихъ надеждъ.

Въ своемъ процессѣ федералисты постоянно указывали на свою легальность, т. е. на законность своихъ стремленій, своего печатнаго слова. Но они понимали здѣсь легальность весьма отвлеченную, легальность конституціоннаго права, отсутствіе котораго они сами очень хорошо видѣли. Такимъ образомъ ихъ

легальность была въ нѣкоторой степени воображаемая, не имѣющая дѣйствительнаго значенія: такая легальность не спасаетъ отъ бѣды и мало приноситъ пользы въ практическомъ рѣшеніи вопросовъ. Тотъ самый Гавличекъ, идею котораго они продолжаютъ, былъ такой же жертвой легальности: когда его легальность надоѣла кому слѣдуетъ, его просто взяли и увезли. Съ Грегеромъ поступили иначе: высшая инстанція только *прибавила* ему наказаніе,—впрочемъ не схватывала и не увозила экспромтомъ.

Трагическое положеніе федералистовъ заключалось въ томъ, что они старались мирить двѣ враждебныя стороны въ то время, когда мирить ихъ невозможно: они защищали интересы своей партіи и въ то же время хотѣли сохранить всѣ требованія легальности въ главахъ своихъ противниковъ, имѣвшихъ въ рукахъ силу. Положеніе было въ сущности фальшивое: съ одной стороны, они выставляли для своей партіи политическое основаніе, не имѣвшее практическаго значенія и вводили въ заблужденіе своихъ послѣдователей; съ другой, противники ихъ, для которыхъ это политическое основаніе не было дѣломъ серьезнымъ, не удовлетворились ихъ усердіемъ, потому что хотѣли больше.

Стоило ли становиться въ такое неопредѣленное положеніе? Жертвы журналистики мало прибавляли къ дѣлу, когда безсильны были тѣ органы, которые оффиціально могли бороться за конституцію,—палата не могла составить оппозиціи. Не благодарнѣе ли было бы для политической литературы въ Австріи, если уже она шла на рискъ въ борьбѣ съ министерствомъ, искать болѣе широкихъ основъ для устройства народовъ, чѣмъ дипломъ, ею прославляемый и не исполняющійся? Вѣрно ли, съ политической точки зрѣнія, остановить свою критику на «историческихъ правахъ», и могутъ ли эти историческія права разрѣшить запутанный вопросъ внутренней политики Австріи? Нужно ли добровольно тратить столько силъ на защиту Австріи, какъ Австріи, когда на эту защиту и само правительство смотритъ довольно косо? «Историческія права» стали въ послѣднее время лозунгомъ этой федералистической литературы, но въ сущности они могутъ завести между австрійскими народами такую же сумятицу, какъ новѣйшая конституція. Если всѣ земли вдругъ станутъ вспоминать свои историческія права, одна съ одной эпохи, другая съ другой и т. д., то интересы отдѣльныхъ странъ будутъ сталкиваться еще больше, чѣмъ теперь,—и сталкиваться не

разрѣшая вопроса о національной свободѣ и гражданской свободѣ. Въ этихъ историческихъ правахъ далеко еще нѣтъ обезпеченія той свободной общественной дѣятельности, какой скорѣе должны желать себѣ славянскіе патріоты: какъ бы ни назывался властитель этихъ славянъ, гдѣ бы ни короновался онъ, въ Вѣнѣ или Прагѣ, какъ бы ни были назначены оффиціальныя границы земель, какъ бы ни была даже расширена національная равноправность,—они останутся въ томъ же положеніи, если будутъ продолжать то же слѣпое служеніе шаткимъ принципамъ въ родѣ буквы диплома.

Юридическая сторона австрійскихъ процессовъ о печати достаточно видна изъ разсказанныхъ нами примѣровъ, въ особенности изъ процесса «Народныхъ Листовъ». Правительство, давая знаменитый дипломъ, такъ мало думало о какой нибудь конституціонной свободѣ печати, что для дѣлъ этого рода преспокойно оставило старинное «уложеніе о наказаніяхъ» изъ временъ Баха. Въ этомъ уложеніи долженъ былъ запутаться каждый писатель, рѣшавшійся говорить что нибудь; ихъ запуталось очень много, и правительство не обратило вниманія ни на какія протестаціи; по обычаямъ стараго добраго времени — довольно страннымъ въ «конституціонномъ государствѣ»—начали прибѣгать къ прежнему средству и искать «милости»,—но и «милости» также не давалось. Теперь вышелъ наконецъ новый уставъ; но процессы и преслѣдованія не уменьшаются нисколько. Вѣроятно и этотъ уставъ также не выполняетъ диплома!

— А —

«БЛАЖЕНИ МИЛОСТИВІИ».

Наказаннымъ, судимымъ, обвиненнымъ
Ты изреки прощенія глаголъ.
Не вѣрь тупымъ, трусливымъ, омраченнымъ,
Что будто срокъ прощенья не пришелъ.

Прощенье, знай, всегда приходитъ къ сроку.
Для тѣхъ, кто ждетъ, кто въ мракѣ заключенъ,
Кого обрекъ безжалостный законъ —
Дай свѣтъ, дай жизнь, даруй одну лишь строку!

И прочь гони невѣжду и слѣпца,
Карателей преступно-безсердечныхъ,
Алкающихъ недопустить конца
Для этихъ всѣхъ томленій безконечныхъ.

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

САТИРЫ ЮВЕНАЛА.

I.

ДРЕВНІЙ РИМЪ.

Quando artibus, inquit, honestis
Nullus in urbe locus, nulla emolumenta laborum,
Res hodie minor est, here quam fuit, atque eadem cras
Deteret exiguis aliquid: proponimus illuc
Ire, fatigatas ubi Daedalus exuit alas.

D. Iun. Iuvenalis satira III.

Когда среди холмовъ разслабленнаго Рима
Одинъ слѣпой развратъ все давитъ несдержимо,

Когда опоры нѣтъ для честнаго труда,
И такъ податлива на подкупы нужда, —

Уйдемъ мы въ тѣ мѣста, гдѣ биться перестало
Крыло разбитое изгнанника Дедала (*).

(*) *Дедалъ* — миѳологическій герой, изобрѣтатель топора и другихъ орудій, строитель лабиринта на островѣ Критѣ, куда, за убійство, онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Икаромъ. Желая освободиться, Дедалъ сдѣлалъ себѣ и сыну крылья, но Икаръ подлетѣлъ слишкомъ близко къ солнцу, воскъ растаялъ, и онъ утонулъ. Дедалъ спасся на островъ Сицилію. О Сициліи и говоритъ теперь Ювеналъ.

Пока я бодръ еще подъ серебромъ сѣдинъ,
Пока я безъ клюки брести могу одинъ,

И у Лахезы (*) есть еще остатокъ пряжи —
Бѣгу изъ города корысти и продажи.

Пусть остаются здѣсь Арторій и Катуллъ (**),
И гордый, вѣчный Римъ пусть слышитъ только гулъ

Однихъ откупщиковъ, на откупъ взявшихъ храмы,
Канавы грязныя, гноящіяся ямы,

И трупы горожанъ, и темные гроба,
И торгъ свободою забитаго раба,

Сносившаго отъ нихъ съ терпѣніемъ удары;
Пусть наводняютъ Римъ канатные фигляры,

Флейтисты, плясуны народныхъ площадей,
Толпа воровъ, убійцъ, наемщиковъ — судей,

Которые купить мѣста свои успѣли,
Хотя вчера еще ходили въ черномъ тѣлѣ...

Что жь дѣлать въ Римѣ мнѣ? Ко лжи я не привыкъ,
Бездарнаго пѣвца не хвалитъ мой языкъ,

Не въ силахъ я кадить богатому болвану,
Я сыну богача предсказывать не стану,

Какъ магъ всезнающій, какъ наглый звѣздочетъ,
Когда отецъ его отъ дряхлости умретъ;

Какъ гнусный клеветникъ, не буду я изъ мести
Чернить любовника довѣрчивой невѣстѣ.

Бросаю съ ужасомъ проклятыя мѣста,
Гдѣ правду давитъ ложь, гдѣ честность — сирота,

(*) *Лахеза* — одна изъ Паркъ, и именно та, которая прядетъ нить жизни.

(**) Арторій и Катуллъ, вѣроятно, личности, пользовавшіяся не совсѣмъ хорошей репутаціей въ Римѣ.

Гдѣ сна покойнаго, правъ голоса лишенный,
Сталъ безполезенъ я, какъ нищій прокаженный...

Въ толпѣ предателей римлянинъ здѣсь привыкъ,
Знать много страшныхъ тайнъ—и подавлять свой крикъ,

Привыкъ ихъ хоронить, какъ кладъ хоронитъ скряга,
Но всѣ сокровища, добытыя изъ Тага,

Все золото земли, спася отъ нищеты,
Здѣсь не спасутъ тебя отъ чернои клеветы,

Отъ злой безсонницы, отъ вѣчнаго испуга,
Отъ зависти враговъ и отъ доносовъ друга.

Квириты! (*) Римъ ли здѣсь, иль Грецiя сама?
Да и одна ль она, ахейская чума,

Явилась тучею роднаго горизонта?
—Изъ дальней Сирiи, отъ береговъ Оронта

Намъ завѣщалъ изнѣженный востокъ
И нравы, и языкъ, и самый свой порокъ,

Въ лицѣ блудницъ своихъ, на женщинъ не похожихъ,
У цирка, въ воротахъ, хватающихъ прохожихъ.

Бѣгите жь обнимать прелестницъ выписныхъ
Въ ихъ размалёванныхъ уборахъ головныхъ (**),

Чтобъ похоти порывъ на ложѣ ихъ утратя,
Могли измучиться вы въ собственномъ развратѣ!...

О, Ромулъ! Ты своихъ потомковъ оцѣни:
Какъ гладiаторы раскрашены они,

(*) Квириты — почетное названiе римлянъ.

(**) Эти, такъ называемыя, «жертвы общественнаго темперамента» привозились въ Римъ съ востока и преимущественно изъ Сирiи, съ береговъ Оронта. Ихъ отличительною принадлежностью была особенной формы шапка, называемая *митрою*. Ювеналъ говоритъ: «Ite, quibus grata est picta lupa barbara mitra!» то есть ступайте любоваться разрисованными митрами на ихъ головахъ.

И, куклы цезарскихъ капризовъ и забавы
Всѣ носятъ на себѣ значки минутной славы (*).

Кому жь, кому жь теперь пріютомъ Римъ нашъ сталъ?
Со всѣхъ концовъ земли, отъ Самоса, изъ Траллъ,

Изъ Алабандъ (**) сюда ворвались, словно рѣки,
Для козней и интригъ пронырливые греки.

Забудемъ ли мы ихъ? Они къ намъ занесли
Таланты всѣхъ людей, пороки всей земли,

Грекъ — это все: онъ риторъ, врачъ-обманьщикъ,
Ученый и авгуръ, фигляръ, поэтъ и баньщикъ.

За деньги онъ готовъ идти на чудеса,
Скажите: полѣзай сейчасъ на небеса!

Голодный, жадный грекъ, лишь изъ-за корки хлѣба,
Не долго думая, полѣзетъ и на небо (***)...

О, мнѣ ль сносить, какъ пришлецовъ здѣсь чтутъ,
Какъ на пирахъ римлянъ сидитъ аѳинскій шутъ,

Потворствуя страстямъ и льстя неутомимо
Передъ нетрезвыми развратниками Рима?

Прислушайтесь къ словамъ аѳинскаго льстеца:
Онъ превозноситъ умъ ничтожнаго глупца,

Клянется въ красотѣ богатаго урода,
И чахлымъ старикамъ, у гробоваго входа

Влачащимъ жизнь свою усталую едва,
Съ обидной наглостью бросаетъ онъ слова:

(*) Побѣдители на играхъ пользовались въ то время *спортурою* (пайкомъ) отъ двора цезарей и носили на шеѣ особенные значки за свои побѣды въ циркѣ, и объ этихъ-то значкахъ и упоминается въ сатирѣ.

(**) Траллы и Алабанды — города въ Каріи, въ Малой Азіи.

(***) Намекъ не на Дедала, но на одного грека, временъ Нерона, который пробовалъ летать въ Римѣ.

«О, вы сильны еще, въ васъ вижу силы тѣ я;
Сильны, какъ Геркулесъ, стеревшій въ прахъ Антея» (*).

Смотрите, наконецъ, какъ грекъ мѣняетъ видъ:
Онъ собственный свой полъ, природу искажитъ,

И станетъ предъ толпой — то греческой Ѳаидой (**),
То обнаженною красавицей Доридой (***),

И грудью выпуклой, открытой на показъ,
И тѣломъ женщины обманетъ каждый глазъ.

Но не Стратоклъ (****) одинъ владѣетъ тѣмъ талантомъ:
Послѣдній самый грекъ рожденъ комедіантомъ.

Смѣяться началъ ты, — тѣмъ смѣхомъ зараженъ,
Схватившись за животъ, уже хохочетъ онъ;

Ты плачешь, — плачетъ онъ и корчится отъ муки;
Ты подошелъ къ огню, отъ стужи грѣя руки —

Онъ, завернувшись въ плащъ, зубъ на зубъ не сведетъ;
Ты скажешь: «жарко мнѣ!» — Грекъ обтираетъ потъ,

И рукоплещетъ онъ, сгибаясь отъ поклона,
При каждой мерзости надутаго патрона.

(*) Антей — миѳологическій гигантъ, сынъ Нептуна и Земли. Геркулесъ три раза побѣждалъ его, но мать Антея всегда возвращала сыну прежнія силы. Наконецъ Геркулесъ задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

(**) Ѳаида — аѳинская гетера, которою одно время увлекался Александръ Великій.

(***) Дорида — мать Нереидъ, морскихъ нимфъ и жена Нептуна.

(****) Nec tatem Antiochus nec erit mirabilis illic
Aut Sratocles aut cum molli Demetrius Haemo:
Natio comoeda est.

(Эта удивительная способность не есть исключительная принадлежность какого нибудь Антіоха, Димитрія, Стратокла или похотливаго Гема: эта способность цѣлой націи). Нужно думать, что эти имена взяты произвольно, или же принадлежатъ римскимъ селадонамъ того времени.

За то, когда, порой, проснется въ грекѣ страсть,
Онъ, съ гнусной жадностью, какъ звѣрь, спѣшитъ напасть

На честь любой семьи — раба или вельможи,
Готовый осквернить супружеское ложе.

Отъ грека не спасешь — отбрось надежду прочь —
Ни мать свою тогда, ни дѣвственницу дочь,

И даже бабушку беззубую собрата
Онъ жертвой изберетъ постыднаго разврата.

Д. Д. МИНАЕВЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НѢСКОЛЬКО ПОЛЕМИЧЕСКИХЪ ПРЕДПОЛОЖЕНІЙ.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Журнальная полемика—вещь не только хорошая, но и очень полезная. Это все равно, что въ обыкновенной жизни болтовня. Кажется, все слышишь вещи пустыя и малополезныя; кажется, что слуховой органъ болѣзненно поражается чѣмъ-то въ родѣ переливанья изъ пустаго въ порожнее — анъ, нѣтъ: смотришь, что-то какъ будто рисуется вслѣдствіе этой болтовни, что-то какъ будто обозначается и уясняется, словно нѣкоторый нравственный образъ мелькаетъ. Это мелькаетъ образъ самого болтуна, образъ правдивый и неподкрашенный, это обозначается нравственная его суть. Искусный наблюдатель можетъ извлечь изъ этого обстоятельства не малую для себя пріятность и даже не безъ пользы для публики. Посредствомъ болтовни можно возстановить физіономію не только извѣстнаго лица, но даже цѣлаго города, цѣлаго общества. Прочитайте, напримѣръ, въ «Современникѣ» «Письма объ Осташковѣ». Повидимому, тамъ нѣтъ ни таблицъ, наполненныхъ цифрами, ни особенныхъ пополненій на статистику; повидимому, тамъ одна болтовня. Люди закусываютъ, пьютъ ужаснѣйшую мадеру, несутъ великій вздоръ о старинныхъ монетахъ и жетонахъ; однако, за всей этой непро-

ходимой ахинеей, читателю въ очію сказывается живая жизнь цѣлаго города съ его оффиціальною приглаженностью и внутреннею неумытостью, съ его оффиціальнымъ благосостояніемъ и внутреннею нищетою и придавленностью... Журнальная полемика другимъ путемъ достигаетъ тѣхъ же результатовъ: она рисуетъ нравственный образъ журнала. Покуда «Русскій Вѣстникъ» воздерживался отъ полемики, кто могъ подумать, что почтенный журналъ этотъ издается отчасти подъ наитіемъ Ивана Яковлевича Корейши, отчасти же подъ вліяніемъ благодарныхъ воспоминаній о Ѳ. В. Булгаринѣ? Рѣшительно никто. Всѣ полагали, напротивъ, что журналъ этотъ издается обществомъ милыхъ людей, которые желаютъ пріятно провести время. Но вотъ, въ прошломъ году, онъ пустился въ полемику; онъ началъ писать письма къ какимъ-то прежде бывшимъ подругамъ, съ которыми онъ былъ друженъ въ то время, когда они еще были институтками, и читатель, къ крайнему своему огорченію, вдругъ прозрѣлъ. «Да, это онъ! сказалъ читатель, это онъ, это Ѳаддей Венедиктовичъ, съ нѣкоторымъ лишь прибавленіемъ Павла Ивановича Мельникова!»

Слѣдовательно, журнальная полемика и неизбѣжна, и полезна. Если не въ томъ смыслѣ она полезна, что прибавляетъ какія либо новыя знанія въ сокровищницу отечественнаго просвѣщенія, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что вызываетъ наружу тотъ внутренній визгъ, который до норы до времени сохраняется въ редакторской груди въ скрытомъ состояніи.

Нынѣшній годъ принесъ русскому читающему люду много новыхъ газетъ, да и старыя-то газеты почти всѣ до одной перемѣнили хозяевъ. Всѣ эти органы печатнаго русскаго слова, малые и большіе, хорошенькіе и гаденькіе, сразу такъ и ринулись на полемическую арену. Быть можетъ, это и не совсѣмъ для нихъ полезно, быть можетъ, это отниметъ у нихъ и тѣ немногія копѣйки, которыя они получили бы, еслибъ вели себя скромно, но, съ точки зрѣнія общаго движенія русской мысли, это хорошо, потому что отрезвительно. Пускай выбалтываютъ себѣ сразу всѣ визги, какіе у кого припасены.

Разумѣется, самая ожесточенная полемика, самые напзаботливѣйше выхоленные визги всегда были, есть и будутъ направлены противъ «Современника». Это ничего; это даже очень хорошо, потому что означаетъ, что «Современникъ» обращаетъ на себя вниманіе, и что въ немъ есть дѣйствительно нѣчто, что

слѣдуетъ заподозрить, разорить, истребить и уничтожить, съ тѣмъ, чтобы, по выполненіи этого, воспользоваться богатымъ наслѣдствомъ. Но разумѣется также, что и «Современникъ» не долженъ оставаться равнодушнымъ къ полемическому визгу, что онъ обязывается опредѣлить оттѣнокъ каждаго визга, уловить сродство, существующее между визгами, повидимому, противоположными, показать, напримѣръ, что Н. Ф. Павловъ есть хладный С. О. Громека, а С. С. Громека, въ свою очередь, есть взволнованный Н. Ф. Павловъ, что М. М. Достоевскій есть не что иное, какъ прожирающій никотинто Петръ Иванычъ Бобчинскій, котораго роль должна бы собственно въ томъ заключаться, чтобъ «пѣтушкомъ-пѣтушкомъ» за кѣмъ нибудь подпрыгивать, но который, вслѣдствіе знакомства своего съ Хлестаковымъ, вообразилъ, что можетъ быть самостоятельнымъ и имѣть право на знакомство съ министрами.

Не рѣшаюсь совѣтовать вамъ, мм. гг., но думаю, что «Современникъ» не можетъ пренебрегать полемикой даже въ такомъ случаѣ, еслибъ она исходила и изъ такихъ мѣстъ, которыя, по всей справедливости, пользуются названіемъ литературныхъ помойныхъ ямъ. Поставивъ себѣ задачею сколь возможно полное и подробное выясненіе общественныхъ добродѣтелей и недуговъ, стремленій и колебаній, «Современникъ» не можетъ же не признать, что журнальная полемика есть такой же драгоцѣнный фактъ для физіологіи русскаго общества, какъ напримѣръ, избіеніе нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, идущее рядомъ съ заявленіями о развитіи въ россіянахъ чувствъ законности и гражданственности. Все это на пользу; изъ всего этого будущій историкъ нашего тревожно-болѣзненно-пустопорожняго времени можетъ, впослѣдствіи, устроить порядный винигретъ.

Но, рѣшаясь не уклоняться отъ полемическихъ турнировъ, «Современникъ» ни въ какомъ случаѣ не долженъ забывать, что онъ обязывается имѣть при этомъ свою особую тактику. Извѣстно, что полемика, кромѣ обнаруженія истиннаго характера извѣстнаго журнальнаго визга, имѣетъ еще свойство знакомить съ этимъ визгомъ публику и даже заинтересовывать ее. Читатель усматриваетъ, напримѣръ, изъ привычнаго своего журнала, что въ другомъ подобномъ же изданіи доказывается, яко бы помѣщики очень довольны упраздненіемъ крѣпостнаго права. Читатель, разумѣется, сначала не вѣритъ глазамъ своимъ, но мало-по-малу, особливо этакъ въ послѣобѣденные сумерки,

когда желудокъ бываетъ отягощенъ яствами, а душа дѣлается способною къ воспріятію мягкихъ впечатлѣній, онъ начинаетъ раздумываться. «А что, если и въ самомъ дѣлѣ помѣщики рады упраздненію крѣпостнаго права?» думаетъ онъ: — «а постой-ка я посмотрю, что это за чудаки такіе, которые взялись переголять самое «Не любо не слушай, а лгать не мѣшай!» И, принявши однажды такую рѣшимость, читатель посылаетъ въ редакцію заинтересовавшаго его журнала отъ 3 до 15 рублей. И такимъ образомъ, полемика, вмѣсто того, чтобъ ослабить дѣйствіе журнала, сама невиннымъ образомъ посылаетъ ему пятнадцатирублевое подкрѣпленіе.

Разумѣется, этого не должно быть. Полемизаторы никакъ не должны забывать, что нѣкоторые журналисты только изъ-за того и хлопочутъ, чтобы пріобрѣсти эти пятнадцать рублей, изъ того только и надсѣдаются, чтобъ ихъ какъ нибудь въ кровь избили или такъ обругали, чтобы перья врозь посыпались. «Ты меня только побей! умиленно вопіютъ они, а ужъ тамъ я и самъ какъ нибудь съ публикой справлюсь!» Главное, скандалъ сочинить и пріобрѣсти, во что бы то ни стало, извѣстность.

Есть, напримѣръ, въ Петербургѣ газетка, которая между прочимъ сбирается между строками въ другихъ газетахъ и журналахъ читать, и вмѣстѣ съ тѣмъ предупреждаетъ, что она не остановится даже и передъ доносомъ. Газетка эта самая плохая; имѣетъ она всего девяносто подписчиковъ. Разумѣется, что ей хочется, чтобы хоть кто нибудь объ ней побесѣдовалъ. Во-первыхъ, это послужитъ ей вмѣсто объявленія, а во-вторыхъ, отъ радости у ней стѣснится въ зобу дыханіе, и она, пожалуй, съ такимъ самозабвеніемъ вопьется въ своего благодѣтеля, что послѣ никакими средствами ее и не оттащишь. И выйдетъ тутъ потѣха: ты ей слово, а она пятьсотъ, ты ей: цыцъ, шавка! а она: анъ лаю! анъ лаю! анъ лаю!... Каково въ публику-то показаться съ такимъ провожатымъ!

Но какимъ же образомъ такъ устроить, чтобы, не прекращая дѣйствія полемики, устранить только выгодныя послѣдствія ея для вредныхъ и ненужныхъ публикѣ журналовъ?

По моему мнѣнію, это довольно легко. Для достиженія такого благопріятнаго результата, слѣдуетъ только окрестить вредные и ненужные журналы какими нибудь псевдонимами, да потомъ и начать уже изобличать ихъ со всею безопасностью! Публика отъ этого ни мало не потеряетъ, ибо ее, въ сущности,

можетъ интересовать только то, имѣются ли въ обращеніи какія либо поганыя мысли, и какія именно, а совсѣмъ не то, изъ какой именно помойной ямы эти мысли выходятъ. Напротивъ того, редакція ненужной газеты, очевидно, обманется въ своихъ соображеніяхъ. Она навѣрное разсчитывала получить лишніе три рубля, чтобъ искупить на нихъ нѣкоторое количество литературной сулемы — и не получитъ ихъ, потому что публика даже не будетъ знать объ ея существованіи. Смотришь, анъ газета поскрипѣла мѣсяцъ, другой, да и скончалась, подобно «Атенею», истощивъ всѣ свои два двугривенныхъ въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики!

Объясню это примѣромъ той же убогой газетки, о которой я уже говорилъ выше. Пусть она такъ и будетъ называться «Убогимъ Листкомъ». Основныя убѣжденія «Убогаго Листка» вертятся около слѣдующей темы: «быть обскурантомъ въ настоящее время очень трудно, потому что обскурантъ, за свои дѣйствія, получаетъ не столько поощренія, сколько различные нравственные подзатыльники. Посему, человѣкъ, рѣшающійся быть обскурантомъ, тѣмъ самымъ заявляетъ свѣту, что могутъ существовать люди, которые доводятъ личную храбрость даже до презрѣнія къ подзатыльникамъ». Исходя изъ этого убѣжденія, «Убогій Листокъ» начинаетъ доказывать: а) что истинно храбрый человѣкъ не долженъ уклоняться отъ доноса; б) что истинный обскурантъ обязывается не быть чуждымъ и клеветы, и в) что означенный герой имѣетъ право читать между строками и простирать свои помыслы даже въ самое святилище мысли писателя.

Таковы убѣжденія и таковъ образъ дѣйствія «Убогаго Листка». «Современникъ» долженъ прежде всего обратить на это вниманіе, какъ на фактъ, представляющій достаточно характеристическій образчикъ такъ называемыхъ «плохихъ» мыслей, чтобы не безполезно было познакомить съ нимъ читателей. Затѣмъ «Современникъ» можетъ даже не входить въ обсужденіе этого факта; онъ просто противъ одного положенія отмѣчаетъ: не хорошо, противъ другаго — непохвально, противъ третьяго — даже и не заслуживаетъ подражанія — и болѣе ничего. Но настоящаго названія «Убогаго Листка» онъ не долженъ ни въ жизнь открывать, хотя бы «Убогій Листокъ» самъ себя сразу узналъ и даже истощился въ доказательствахъ, что онъ, «Убогій Листокъ», именно и есть тотъ «Убогій Листокъ», о которомъ

говорится въ «Современникѣ». На всѣ эти настоящія «Современникъ» можетъ, во-первыхъ, отвѣчать ему: «помилуй, любезный! Какой же ты «Убогій Листокъ!» ты совсѣмъ не «Убогій», ты «Плохой Листокъ» — и больше ничего!» Если же «Современникъ» не захочетъ отказаться отъ того, что «Убогій Листокъ», о которомъ въ немъ говорилось, есть именно тотъ самый, который такъ горячо хлопочетъ о возстановленіи своей тождественности, тогда онъ можетъ отвѣчать: «ну да! успокойся! ты тотъ самый «Убогій Листокъ» и есть!»

И затѣмъ, пускай «Убогій Листокъ» волнуется или не волнуется, читаетъ между строкъ или не читаетъ — до этого ни публикѣ, ни «Современнику» нѣтъ никакого дѣла. Главная цѣль достигнута: публика не знаетъ настоящаго «Убогаго Листка», а слѣдовательно не имѣетъ поползновенія и подписываться на него. А если и найдется такой чудакъ, который вышлетъ въ почтамтъ 3 руб. съ тѣмъ, чтобъ его познакомили съ «Убогимъ Листкомъ», то почтамтъ эти деньги возвратитъ съ увѣдомленіемъ, что никакого «Убогаго Листка» не издается. Нѣтъ, да вы представьте себѣ трагическое положеніе редакторовъ «Убогаго Листка!» Они знаютъ, что каждый день приходятъ новыя и новыя требованія на ихъ газету, что публика жаждетъ литературной сулемы, которою они предполагали обкормить всю читающую Россію, что всѣ эти трехрублевыя бумажки, которыя благодатнымъ дождемъ сыплются въ почтамтъ, несомнѣнно принадлежатъ имъ... и не могутъ доказать этого! Они уже рѣшаются примириться съ своей участью, они уже соглашаются откровенно принять для своей газеты наименованіе «Убогаго Листка», которое подарилъ ей «Современникъ», какъ вдругъ имя «Убогаго Листка» исчезаетъ съ страницъ «Современника», а вмѣсто онаго заявляется о существованіи какого-то «Плохаго Листка!»

Смѣю увѣрить васъ, мм. гг., что необходимымъ послѣдствіемъ подобной полемики для «Убогаго Листка» будетъ вѣрнѣйшая его смерть. Быть можетъ, онъ попроситъ прощенія, быть можетъ, онъ обѣщается исправиться—ну, тогда еще можно открыть читателямъ, что «Убогій Листокъ» не настоящее имя, а псевдонимъ такой-то газеты. Но и то въ такомъ только случаѣ дозволяется дѣлать эту уступку, если «Убогій Листокъ» дастъ положительное обязательство сравняться въ либерализмѣ, по крайней мѣрѣ, съ М. М. Достоевскимъ.

Итакъ, пускай же отнынѣ въ «Современникѣ» подъ собственными своими именами будутъ являться только тѣ названія журналовъ и газетъ, которые, вслѣдствіе недостатка полемической тактики, уже упоминались въ немъ (что дѣлать! прошлаго не воротишь!). Прочія же газеты и журналы пускай будутъ скрываться подъ псевдонимами, до тѣхъ поръ, покуда добрыми нравами и хорошимъ поведеніемъ не заслужатъ открытія настоящихъ ихъ именъ.

Такого же рода полемическій пріемъ можно съ успѣхомъ употреблять относительно нѣкоторыхъ публицистовъ. Такъ напримѣръ, я увѣренъ, что Викторъ Игнатьичъ Аскоченскій не пріобрѣлъ бы и сотой доли своей извѣстности, еслибъ «Искра» называла его не Аскоченскимъ, а только «скромнымъ авторомъ недавней Лурлеи».

На вашемъ мѣстѣ, я именно такъ и поступалъ бы относительно темныхъ публицистовъ, стремящихся, во что бы то ни стало, сдѣлаться извѣстными. Исключеніе на сей разъ сдѣлаю для г. Юхманова (кто такой этотъ Юхмановъ? развѣ есть писатель Юхмановъ?), но и то только на сей разъ, но и то только для того, что мнѣ нуженъ примѣръ для объясненія моей мысли. Извѣстно, что этотъ публицистъ ужасно заботится о томъ, что объ немъ думаютъ, и какое значеніе придаетъ публика его воробьиной дѣятельности. Я собственно ничего объ г. Юхмановѣ не знаю, а потому ничего объ его воробьиной дѣятельности и не думаю. Но знаю, что еслибъ я только имѣлъ счастье состоять хоть чѣмъ нибудь въ редакціи «Современника», то, не желая, чтобъ имя г. Юхманова пользовалось извѣстностью, сталъ бы называть его то Аскоченскимъ, то Павловымъ, то Громекою, то Анною Дарганъ, ибо это рѣшительно одно и то же. И повѣрьте, что вы скоро сами убѣдились бы въ неотразимости такой тактики; я даже не далекъ отъ мысли, что г. Юхмановъ въ самомъ не продолжительномъ времени принесъ бы въ вашъ журналъ статью, въ которой сталъ бы горько оплакивать свои прежнія заблужденія, безпощадно осмѣивать свои прежнія надежды и обѣщался бы, въ теченіе одного мѣсяца, вырости въ мѣру г. Косицы.

И такъ, вотъ какія благотворныя послѣдствія можетъ повлечь за собой хорошо понятая и удачно выполненная полемическая тактика. Она имѣетъ въ виду не только огражденіе матеріальныхъ интересовъ публики отъ излишней траты денегъ

на покупку ненужныхъ книгъ и журналовъ, но и нравственную експіацію множества субъектовъ, безсознательно и, быть можетъ, безвинно погрязающихъ среди разъѣдающихъ міазмовъ литературной сулемы! Въ этомъ есть что-то подвижническое. Читатель думаетъ, что я забавляюсь, а я совсѣмъ не забавляюсь, а исхищаю изъ ада погибающую душу! Читатель думаетъ, что я кого-то гоню, кого-то преслѣдую, а я совсѣмъ не гоню и не преслѣдую, а, напротивъ того, подманиваю: поди-дескать сюда! Мой подвигъ скроменъ и даже не благодаренъ, но это подвигъ— въ томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Да не подумаетъ, впрочемъ, читатель, что описанный мною полемическій пріемъ, служащій къ вразумленію заблуждающихся, есть единственный въ этомъ родѣ. Нѣтъ, тутъ цѣлая система, представляющая столь же великое разнообразіе формъ, сколь великое разнообразіе представляетъ и сама человѣческая изобрѣтательность. И всѣ онѣ имѣютъ въ виду одну великую цѣль — секвестръ человѣческихъ заблужденій въ тѣсныхъ границахъ того душнаго и темнаго мѣста, въ которомъ они зародились. И всѣ опѣ, кромѣ этого, имѣютъ въ виду и еще одну великую цѣль: возстановленіе, посредствомъ временнаго тюремнаго заключенія, безвинно попраннаго нравственнаго достоинства человѣка...

Дабы показать читателю, какъ велика можетъ быть сила полемическихъ пріемовъ, опишу, для примѣра, еще одинъ изъ многихъ.

Извѣстно, что въ русскихъ газетахъ и журналахъ нерѣдко помѣщаются статьи самаго нелѣпаго свойства, съ единственною цѣлью дѣйствовать на публику посредствомъ скандала. Къ числу такихъ нелѣпаго свойства статей могутъ быть отнесены, напримѣръ, прошлогодніе лѣтніе походы нѣкоторыхъ органовъ русской литературы противъ нигилистовъ; къ числу такого же рода статей относятся всѣ руководящія занятія г. Аскоченскаго, а также нѣкоторыя каникулярныя упражненія «Русскаго Вѣстника». Что статьи эти нелѣпы — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что статьи эти забавны — въ томъ тоже сомнѣваться нельзя; но главное и драгоцѣннѣйшее ихъ качество заключается въ томъ, что онѣ кратки. Эта краткость позволяетъ перепечатывать ихъ.

Если принять въ соображеніе, что весь интересъ подобныхъ статей заключается только въ томъ, что онѣ производятъ скандалъ, что онѣ и вкривь и вкось толкуютъ о предметахъ, которые почему

либо живо интересуютъ публику, то ясно будетъ, что если отнять у нихъ этотъ интересъ скандала, если устроить такъ, чтобы публика всѣмъ этимъ скандаломъ могла насладиться въ одномъ общемъ фокусѣ, не развлекая своего вниманія между множествомъ журналовъ и газетъ, то пристрастіе публики къ этимъ изданіямъ охладится немедленно. Въ самомъ дѣлѣ, какая надобность публикѣ выписывать, напримѣръ, какой нибудь «Убогій Листокъ», для того, чтобы прочесть въ немъ въ теченіе года одну веселую статью о нигилистахъ-подвижателяхъ, когда она будетъ увѣрена, что всѣ перлы «Убогаго Листка» можетъ прочесть, напримѣръ, въ особомъ, нарочно для того отведенномъ отдѣлѣ «Современника?» Рѣшительно, надобности никакой нѣтъ.

А потому, представляется возможнымъ и еще одинъ очень удачный полемическій пріемъ, который изображаетъ собой нѣчто тоже очень похожее на тюремное заключеніе. Пріемъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: собирать всевозможные литературные курьёзы, имѣющіе въ объемѣ не болѣе печатнаго листа, и издавать ихъ при журналѣ въ видѣ особой хрестоматіи. Никакихъ замѣчаній на эти курьёзы дѣлать не надо, потому что тутъ дѣло ясно говоритъ само за себя; слѣдовательно, умственнаго труда почти нѣтъ никакого, а матеріальныя выгоды несомнѣнны. Изданіе подобной хрестоматіи соединяетъ въ себѣ всѣ условія дешевизны, ибо влечетъ за собой издержки только за наборъ и бумагу; читатель, за самую умѣренную цѣну, даже просто, въ видѣ подарка или преміи, пріобрѣтаетъ чтеніе веселое и необременительное и притомъ разомъ получаетъ все самое замѣчательное, что онъ долженъ былъ бы разыскивать по разнымъ журналамъ и съ пожертвованіемъ немаловажныхъ издержекъ. Сверхъ того, связь, существующая между различными терминами одного и того же направленія, обнаруживается наглядно, и стало быть, устраняется всякая возможность обвинить въ проведеніи какихъ либо злостныхъ параллелей... однимъ словомъ, и дешево, и мило и — главное — полезно. Ибо, помимо забавной хрестоматіи, хорошій журналъ даетъ еще читателю значительный запасъ хорошаго и здороваго чтенія, котораго одного уже достаточно, чтобы уничтожить дѣйствіе, производимое вредными и нелѣпыми статьями. Читатель прочитываетъ и то и другое, и такъ какъ онъ предполагается одареннымъ здравымъ смысломъ, то и выборъ его не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Статьи знаменитыхъ псевдонимовъ сначала будутъ производить въ немъ веселый хо-

хотъ, но, мало-по-малу, наконецъ, опротивѣетъ. Тогда можно будетъ прекратить и изданіе хрестоматіи.

Всѣ эти предположенія я дѣлаю, мм. гг., вовсе не изъ одного удовольствія дѣлать предположенія болѣе или менѣе забавныя. Нѣтъ, я твердо убѣжденъ, что если бы «Современникъ» съ будущаго мѣсяца приступилъ къ изданію предлагаемой мною хрестоматіи, то знаменитые псевдонимы тотчасъ же и значительно понизили бы тонъ свой. Скажу болѣе: я увѣренъ, что они даже теперь, подъ вліяніемъ одной моей слабой угрозы, сдѣлаются скромнѣе, и что «Убогій Листокъ», съ слѣдующаго же номера, почувствуетъ въ себѣ отвращеніе къ постыдному и безвыгодному ремеслу чтенія между строками...

МОСКОВСКІЯ ПИСЬМА.

II.

На этотъ разъ побесѣдуемъ о московской публицистикѣ.

Московскія газеты волнуются. Все ихъ занимаетъ, ничто имъ не чуждо. Прусско-русская конвенція вызываетъ въ нихъ чувствительность, датско-голштинскій вопросъ наводитъ на соображенія. Императоръ Наполеонъ III не можетъ слова сказать безъ того, чтобъ этого слова не подхватили московскіе публицисты, и не похвалили его: очень ужь хорошо дѣйствуетъ! Повидимому, великіе политическіе дѣятели для того только и существуютъ, великія политическія событія для того только и совершаются, чтобы доставить московскимъ публицистамъ случай выказать прозорливость! Однихъ они порицаютъ, другихъ поощряютъ... «Въ прусско-русской конвенціи, говорятъ, поступлено прекрасно, а въ голштинскомъ вопросѣ и того лучше»... Точно имъ кто нибудь кого нибудь защищать поручилъ! точно онѣ и въ самомъ дѣлѣ газеты! точно онѣ и не афишки!

Мало того, что волнуются: заключаютъ притворные союзы, производятъ притворныя ссоры.

— Постой, говорятъ «Московскія Вѣдомости» «Нашему Времени»: — я сначала задеру о прусско-русской конвенціи...

— А я буду молчать, отвѣчаетъ «Наше Время».

— А если тебя спросятъ: зачѣмъ ты молчалъ?

— А я скажу: я ждалъ!

Или:

— Надо намъ поссориться! говорятъ «Московскія Вѣдомости».

— Будемъ ссориться! отвѣчаетъ «Наше Время».

— Надо намъ доказать, что мы не одного поля ягоды!

— Будемъ доказывать!

— Что мы не изъ одного источника пьемъ воду!

— Да вѣдь мы изъ одного?

— Это нужды нѣтъ, что изъ одного, а мы будетъ доказывать, что не изъ одного!

— Будемъ!

И начинаютъ доказывать, начинаютъ спорить и соглашаться, и опять спорить, и опять соглашаться! Точно онѣ и взаправду газеты! точно онѣ не афишки!

Но все это волненіе происходитъ лишь по вопросамъ внѣшней политики; по вопросамъ же внутренней политики все обстоитъ тихо. О мирной агитаціи, которую нѣкогда возбуждалъ «Русскій Вѣстникъ», нѣтъ и помину; очевидно, что всѣ вопросы уже исчерпаны, очевидно, русская жизнь уже обставилась, по иниціативѣ «Русскаго Вѣстника», надлежащими гарантіями, очевидно, теперь остается только пользоваться плодами и молчать. Такъ и поступаютъ московскія газеты.

Но такъ какъ безъ вопросовъ и времяпрепровожденія все-таки обойтись нельзя, то и пресса наша предположила до поры до времени заняться мирной агитаціей по слѣдующимъ тремъ существеннымъ вопросамъ:

1) По вопросу объ опаздываніи поѣздовъ николаевской желѣзной дороги.

2) По вопросу о дурномъ поведеніи машиниста московскихъ театровъ, г. Вальца.

и 3) По вопросу о выборахъ въ члены новаго московскаго городскаго управленія.

Что поѣзды николаевской желѣзной дороги опаздываютъ — это вообще весьма прискорбно; но еще прискорбнѣе то, что они не привозятъ въ Москву ни «Русскаго Инвалида», ни «Сѣверной Почты». Московскія газеты теряются, ибо лишаются вдохновенія (16 февраля «Московскія Вѣдомости» заявили объ этомъ съ особеннымъ негодованіемъ). Въ самомъ дѣлѣ, не изъ головы же сочинять руководящія статьи! не выдумывать же самимъ факты въ родѣ того, что въ такомъ-то селеніи, такого-то уѣзда и губерніи семилѣтняя крестьянская дочь Прасковья Тимофеева съѣдена свиньею! А вѣдь факты эти драгоцѣнные, ибо доказываютъ нравственное состояніе русскаго народа! И не столько этимъ еще полезны, сколько тѣмъ, что, при помощи ихъ, можно наполнить цѣлый столбецъ газеты... безвозмездно! А приказы

о производствѣ въ чины? А распоряженія разныхъ вѣдомствъ? «Развѣ мы взаправду газеты! кстати догадываются при этомъ московскія газеты: — развѣ мы не афишки!»

И. С. Аксаковъ, въ 7 № «Дня», съ свойственнымъ ему огорченіемъ (Иванъ Сергѣичъ вообще очень любитъ огорчаться: онъ огорчается и тѣмъ, что вездѣ царствуетъ ложь, и тѣмъ, что за построеніе въ западныхъ губерніяхъ православныхъ церквей наградили г. Четверикова орденомъ, и тѣмъ, что г. Батюшковъ не такъ его понялъ), говоритъ, что «современная русская журналистика напоминаетъ, *въ большей части своихъ представителей*, былые оркестры музыкантовъ, которыхъ помѣщики старались выдавать за вольныхъ артистовъ». Это правда, но рѣшительно не понимаю, что же тутъ огорчительнаго? Напротивъ того, это очень пріятно. По крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ ни напускной важности, ни чародѣйства, ни всѣхъ тѣхъ декорацій, до которыхъ такіе страстные охотники москвичи. Тутъ дѣло ясное: крѣпостные музыканты — и все тутъ; всѣмъ такъ и извѣстно, что крѣпостные музыканты. И никому не придетъ даже въ голову предположить, что это музыканты вольные: вѣдь не вѣрилъ же никто, когда помѣщики божились, завѣряя, что ихъ крѣпостные музыканты суть вольные артисты — ну, и въ настоящемъ случаѣ, никто не повѣритъ! Это фактъ—и больше ничего. Такая ясность и опредѣлительность положенія дѣлаетъ отношенія весьма легкими. Знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, знаешь, зачѣмъ и куда идешь, и не путаешься. Въ прошломъ моемъ письмѣ, я говорилъ о чувствѣ трепета, которое меня объемлетъ при одномъ упоминовеніи о различныхъ московскихъ заведеніяхъ. Отчего же этотъ трепетъ никогда не овладѣваетъ мною, когда я проѣзжаю, напримѣръ, мимо редакцій тѣхъ журналовъ, которые г. Аксаковъ такъ остроумно назвалъ «крѣпостными музыкантами?» А оттого и не овладѣваетъ, что я знаю, что тутъ нѣтъ ни возліяній, ни жертвоприношеній, что тутъ работаютъ люди, которыхъ сердца столь же прозрачны, какъ бы они изъ стекла были сдѣланы! Это, быть можетъ, единственное исключеніе изъ всѣхъ явленій московской жизни, которое рекомендуетъ себя просто и опредѣлительно. Я знаю, что здѣсь я не могу ошибиться; я знаю, что никто мнѣ не будетъ выдавать за философію то, что, въ дѣйствительности, не болѣе, какъ балетъ, въ которомъ неизвѣстное принимается за извѣстное, да потомъ посредствомъ этого неизвѣстнаго—извѣстнаго и объясняются дальнѣйшія судьбы дѣйствую-

цихъ лицъ. Я знаю, что никто не будетъ мнѣ заволакивать глаза народностью, тогда какъ, чуть дѣло коснется практики, то эта «народность» оказывается, право, ничѣмъ не хуже государственности, даже краше ея.

Напротивъ того, мнѣ прямо такъ и скажутъ, что философіи нѣтъ, а балетъ есть, и что онъ покамѣстъ необходимъ («разумѣется для массъ, милостивый государь! для массъ, а не для насъ съ вами!» объяснятъ мнѣ — не скроютъ даже и этого!): что народность вздоръ, а вотъ государственность не вздоръ, потому что необходима.

Вотъ, напримѣръ, и теперь: я читаю въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что «Русскаго Инвалида» и «Сѣверной Почты» въ Москву не доставлено, — ну, и знаю, что московская пресса на этотъ разъ исключительно займется полемикою гг. Павловскаго и Арловскаго съ г. Вальцемъ и московскими городскими выборами. Это меня радуетъ, потому что и самъ я больше наклонности чувствую къ маленькимъ вопросамъ, нежели къ большимъ. Ну ихъ, эти большіе вопросы! еще бѣды съ ними наживешь! Станешь разсуждать, пожалуй,—и вдругъ тебѣ скажутъ: врешь, не такъ разсуждаешь... ну ихъ!

О вы, которые любуетесь на сценѣ большаго театра великолѣпно поставленными балетами, вы, передъ глазами которыхъ летаетъ и носится пернатый рой корифеекъ, исчезаютъ и появляются цѣлые лѣса и долины, увядаютъ и распускаются цѣлые кусты розъ! Быть можетъ, вы думаете, что все это точно такъ и происходитъ, какъ вамъ представляется? что корифейки эти дѣйствительно духи долинъ, равнинъ, горъ, рѣкъ, озеръ, свѣта и тьмы, что кусты розъ дѣйствительно распускаются и дѣйствительно увядаютъ? что г-жа Богданова дѣйствительно плаваетъ, а г-жа Лебедева дѣйствительно летаетъ?

Увы! благодаря неисправной доставкѣ «Сѣверной Почты», вы должны во всемъ этомъ разочароваться! Вотъ уже нѣсколько недѣль сряду, фельетонисты «Московскихъ Вѣдомостей» и «Нашего Времени» всеусерднѣйше доказываютъ почтеннѣйшей публикѣ, что духи совсѣмъ не летаютъ, цвѣты совсѣмъ не распускаются, но что это все производитъ г. Вальцъ, который, однакожъ, производитъ это такъ плохо, что даже они, фельетонисты, это замѣтили.

Славно этому г. Вальцу жить въ подпольномъ его царствѣ! Велика, почти безгранична власть этого подпольнаго духа! Пред-

ставьте себѣ, онъ не только можетъ любой танцовщицѣ переломить ногу или руку, но даже имѣетъ право любую изъ нихъ прищемить или инымъ образомъ лишить жизни! И по всему видно, что онъ пользуется этою властью во всемъ ея пространствѣ — по крайней мѣрѣ, такъ удостовѣряютъ гг. Пановскій и Арповскій, по свидѣтельству которыхъ г. Вальцъ, въ теченіи прошлаго зимняго сезона, уже распорядился изувѣченіемъ нѣсколькихъ танцовщицъ. Если вѣрить г. Пановскому, стоитъ только танцовщицѣ не понравиться г. Вальцу, какъ онъ тотчасъ же и распорядится: или прищемитъ ее, или повредитъ ей руку. Это же самое подтверждаетъ и г-жа Надежда Богданова, которая собственнымъ опытомъ убѣдилась, что идти противъ г. Вальца дѣло рискованное, и потому рѣшилась оставить балетъ и сдѣлаться публицисткою.

Какіе виды имѣетъ г. Вальцъ, дѣлая свои членовредительныя распоряженія? Ужели онъ удовлетворяетъ этимъ только природной неучтивости своего сердца? Или, напротивъ того, онъ этимъ удовлетворяетъ учтивости своего сердца?

Не знаю, какъ г. Вальцъ, но будь на его мѣстѣ я,—я удовлетворялъ бы только учтивости своего сердца! Помилуйте, да вѣдь это больше, нежели обольщеніе! Прищемить! переломить ногу! да кто же устоитъ противъ такого обольщенія!

Г. Вальцъ, разумѣется, оправдывался; онъ говорилъ, что во время представленія балета «Наяда и рыбакъ» былъ въ Петербургѣ — оказалось, что онъ и изъ Петербурга долженъ былъ усматривать; онъ говорилъ, что танцовщицы ломаютъ себѣ руки оттого, что не слушаются режиссера,— оказалось, что г-жа Богданова слушалась; онъ говорилъ, что для него всѣ танцовщицы равны — оказалось: гм... ну, гм... ну, всяко бываетъ! онъ говорилъ, что состоитъ машинистомъ чуть ли не тридцать лѣтъ — оказалось, что это ничего; онъ говорилъ, что многіе иностранцы видѣли машины московскихъ театровъ, удивлялись имъ, — оказалось, что и это ничего...

Однимъ словомъ, г. Вальцъ былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ, а московская пресса провозгласила: ну вотъ, и еще маленькая побѣда! вотъ и еще маленькій трупъ, растерзанный посредствомъ мирной агитаціи!

Вотъ главнѣйшіе результаты, которыхъ достигла московская публицистика, по части внутренней политики, въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ. Всѣ эти прусско-русскія конвенціи, всѣ

эти политическіе вопросы, — все было примѣрное, притворное, допущенное съ единственною цѣлью какъ нибудь различиться отъ простыхъ афинъ. Собственно задоръ и полемическая страстность только и выказались по вопросу о г. Вальцѣ.

Не знаю, посѣщаетъ ли г. Юркевичъ балеты и слѣдитъ ли онъ за полемикою, возникшею по поводу самовластныхъ распоряженій г. Вальца, но если онъ посѣщаетъ балеты и слѣдилъ за полемикой, то открытія, сдѣланныя гг. Пановскимъ и Арновскимъ, должны были задать ему трудную задачу.

Подтверждаютъ ли балеты его философскую систему или опровергаютъ ее? Можетъ ли онъ сослаться на нихъ во время публичныхъ лекцій о философіи, которыя предполагаетъ прочесть въ теченіи великаго поста?

Съ одной стороны, подтверждаютъ, потому что въ философской этой системѣ, точно такъ же, какъ и въ балетѣ, есть свое подпольное царство, въ которомъ сидитъ своего рода Вальцъ и приводитъ въ движеніе всю эту механику.

Съ другой стороны, опровергаютъ, потому что Вальцъ балетный есть существо конкретное и, стало быть, осязаемое, а Вальцъ г. Юркевича есть существо, которое онъ самъ уловить до сихъ поръ не успѣлъ.

Но во всякомъ случаѣ, г. Юркевичъ долженъ убѣдиться, что посредствомъ Вальца всякія балетныя упражненія объясняются съ легкостью изумительною.

Но балетная полемика, по видимому, уже истощилась. Г-жа Надежда Богданова нанесла послѣдній ударъ г. Вальцу и доказала положительнымъ образомъ, что этотъ властелинъ подпольнаго царства, нанося танцовщицамъ раны и увѣчья, ничѣмъ не руководствуется, кромѣ своего усмотрѣнія. Совсѣмъ другое зрѣлище представляетъ полемика, возникшая по поводу городскихъ выборовъ: она рѣшительно угрожаетъ быть нескончаемою.

Признаться сказать, мы нѣсколько оплошали на выборахъ. Чтобъ было ясно, до какой степени мы оплошали, надо васъ предупредить на счетъ того, что для насъ сдѣлано. Для насъ сдѣлано то, милостивые государи, что мы, московскіе обыватели, относительно правъ состоянія, сравнены съ петербургцами! Новаго собственно, конечно, ничего, но вѣдь въ этомъ-то и важность, что ничего новаго. Значитъ, мы можемъ шествовать по слѣдамъ стараго, и притомъ шествовать, не оступаясь. И, сверхъ того, мы можемъ служить примѣромъ для другихъ

городовъ, которые, однакожь, никакого вниманія на насъ не обращаютъ. Извѣстно, напримѣръ, намъ, что въ Петербургѣ новая система городскаго управленія, введенная въ 1846 или въ 1847 году, породила въ обществѣ какія-то толкованія, вотъ мы, москвичи, и мотаемъ теперь себѣ на усъ, чтобъ этого у насъ не было. Извѣстно намъ также, что въ Петербургѣ, не смотря на толкованія, дѣло обошлось какъ нельзя лучше, т. е. городское управленіе осталось городскимъ управленіемъ, а не деженерировало во что-то другое, — вотъ мы, москвичи, и мотаемъ себѣ на усъ, чтобъ и у насъ было то же самое. По видимому, похвальнѣе такихъ намѣреній быть ничего не можетъ.

Сверхъ того, не надо забывать, что, наподобіе петербургскаго самоуправленія, мы пріобрѣли для себя одно весьма важное право: дѣятельными членами нашего городскаго общества сдѣлались домовладѣльцы-дворяне; стало быть, отъ насъ теперь зависитъ, если пожелаемъ, стать подъ команду гг. Каткова или Леонтьева, которые, въ качествѣ московскихъ домовладѣльцевъ, имѣютъ право быть и московскими воеводами. Эта послѣдняя мысль соблазнила даже И. С. Аксакова; по крайней мѣрѣ, въ 7-мъ № «Дня» онъ только о томъ и хлопочетъ: «выберите, говоритъ, городскаго голову изъ дворянъ! увидите, какихъ онъ вамъ дѣлъ надѣлаетъ»!..

И все-таки оказывается, что сердца наши недостаточно приготовлены даже для такихъ похвальныхъ намѣреній: не могутъ ихъ вмѣстить. Представьте себѣ, что изъ тысячи шести сотъ слишкомъ, дворянъ-домовладѣльцевъ, имѣющихъ право голоса на выборахъ, воспользовалось этимъ правомъ менѣе трехъ сотъ человѣкъ, а прочія сословія выказали равнодушіе даже бо́льшее. Чѣмъ можно объяснить себѣ подобное явленіе? тѣмъ ли, что у москвичей есть вкусъ (чувство гадливости), или же тѣмъ, что Москва ни примѣра съ кого бы то ни было брать не хочетъ, ни сама кому либо примѣромъ служить не желаетъ? «Буду, говоритъ, брать примѣръ съ самой себя, да и служить примѣромъ тоже только самой себѣ буду: хоть и яичница у меня, однако своя собственная!»

Какъ бы то ни было, но тѣ москвичи, которые воспользовались своимъ правомъ, оказались именно такими гражданами, какими быть москвичамъ надлежитъ. Напримѣръ, дворянъ-избирателей собиралось въ залу благороднаго собранія отъ 150 до 280 человѣкъ, и изъ нихъ предстояло выбрать сто выборныхъ; ясно,

стало быть, что господа избиратели могли дѣйствовать широкой рукой: ты выбери меня, а я выберу тебя. Это первое (зачѣмъ же они шары-то класть трудились?). Во вторыхъ, они клали другъ другу шары, сопровождаемые какими-то провожатыми, но и тутъ-таки ухитрились такъ устроить, что у нѣкоторыхъ избранныхъ оказывалось шаровъ вдвое болѣе противъ наличнаго числа избирателей. Значитъ, вышло тутъ чудо, и, что чуднѣе всего, чудотворами оказались тѣ самые провожатые, которые именно должны были наблюдать, чтобъ никакого чуда не было. Въ особенности изрядным чудотворомъ выказалъ себя нѣкто К—нъ, который и былъ отъ этой должности немедленно отрѣшенъ. Я этого К—на знаю: ничего, мужчина хорошій! До сихъ поръ, онъ избѣгалъ всякихъ исторій, однако тутъ не избѣгъ: стало быть, нельзя было—глядѣли! До сихъ поръ, онъ попадалъ всюду, куда попадать хотѣлось, однако тутъ не попалъ: стало быть, нельзя было — не пустили! Это напоминаетъ мнѣ разговоръ, происходившій между двумя почтенными гражданами по поводу одного спорнаго платка.

— А вы бы, Иванъ Петровичъ, его полегоньку въ карманъ схоронили!

— Нельзя, братецъ! глядятъ!

— Такъ вы бы, Иванъ Петровичъ, сами полегоньку въ публику схоронились!

— Нельзя братецъ! не пускаютъ! говорятъ: иди въ часть!

Въ третьихъ, москвичи, уставши класть шары или проголодавшись, безъ церемоній уѣзжали домой и тамъ облекались въ халаты. Отъ этого происходило, что въ началѣ собранія шли нѣсколько монотонно, а подъ конецъ оживлялись. «Мнѣ три шара! мнѣ четыре шара!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. Ну, разумѣется: бери хоть девять, только клади! Въ четвертыхъ, нѣкоторые сословные первымъ дѣломъ устроили у себя буфеты, въ которыхъ и поздравляли Москву съ новымъ управленіемъ. Это тоже очень помогало дѣлу, ибо придавало ему разнообразіе и какой-то пестрый видъ. Сказываютъ, что одинъ купецъ баллотировался въ выборные и почтенъ былъ этого званія 6 избирательными шарами противъ 161 неизбирательнаго. Однако, онъ не вналъ въ уныніе; вышелъ изъ буфета въ залу и закричалъ «ура!» Развеселились. Разумѣется, выбрать все-таки не выбрали, однако развлеклись-таки порядочно. Чтожъ, и на томъ спасибо, что полезное съ пріятнымъ соединяютъ!

При видѣ подобныхъ фактовъ, на многихъ напало раздумье. М. Н. Катковъ скорбитъ, однако не говоритъ; Н. Ф. Павловъ радуется, но до поры до времени тоже не говоритъ. Оба они предпочитаютъ, чтобъ въ ихъ газетахъ происходили непрестанные турниры, которые, какъ извѣстно, вознагражденія не требуютъ, а журналамъ все-таки придаютъ оживленіе. Когда полемизаторы истощатъ свои убѣжденія, когда доведутъ дѣло до той степени темноты, что читателямъ ничего разобрать нельзя будетъ, тогда наши знаменитые публицисты скажутъ и свое слово. М. Н. Катковъ скажетъ: «кто же могъ этого ожидать?»; Н. Ф. Павловъ скажетъ: «ну, вотъ и дали! ну, вотъ и дали!» И цѣлый годъ будетъ такимъ образомъ дразниться въ доказательство того, что давать никогда ничего не слѣдуетъ.

Если вы меня спросите, какого я мнѣнія объ этомъ предметѣ, я откровенно отвѣчу вамъ: не знаю. Думаю, однакожь, что всѣ замѣшательства и даже нѣкоторые робкіе опыты престидигаторства произошли отъ того, что мы, москвичи, еще не умѣемъ: никто намъ этого, какъ слѣдуетъ, не показалъ. Впрочемъ, худаго отъ этого еще не Богъ знаетъ что произошло: самое худшее, что могло выйти, — это-то, что лица, которыя въ дѣйствительности не были выбраны, оказались выбранными, а тѣ лица, которыя были выбраны, оказались невыбранными. И только.

Само собой, однако, разумѣется, что эту легкую неисправность устранить необходимо. Конечно, мы не можемъ, мы не должны, мы не имѣемъ права терпѣть равнодушно, чтобы даже малѣйшая тѣнь легла на наше самоуправленіе. Поэтому мы обязаны изыскать средства: средствъ этихъ много.

Во первыхъ, можно лучшихъ изъ москвичей (излюбленныхъ гражданъ) послать на казенный счетъ за границу, чтобы тамъ наглядным образомъ научиться, какимъ образомъ шары сами собой переходятъ съ правой стороны на лѣвую.

Во вторыхъ, можно изъ Англіи выписать нѣсколько лордовъ (я увѣренъ, эта идея понравится М. Н. Каткову), которые покажутъ у насъ намъ дома, какимъ образомъ слѣдуетъ производить выборы.

Въ третьихъ, наконецъ, можно и должно закрыть при залахъ собраній буфеты.

Это послѣднее условіе необходимо выполнить немедленно. А то помилуйте: самъ себѣ кричитъ человѣкъ «ура!» — на чтожь это похоже!

Въ этомъ, покаѣстъ, состоитъ вся наша общественная жизнь; на этомъ же сосредоточивается и вся дѣятельность нашихъ публицистовъ, по части внутренней политики. Поэтому, если письмо мое вышло мало разнообразно, прошу не осудить меня. Я хотѣлъ писать вамъ о московской наукѣ, о московской народности, о московской праздности, о московскомъ обжорствѣ, но нельзя же упустить такой фактъ, какъ зачатки московскаго самоуправленія. Наука, народность и обжорство отъ насъ не уйдутъ, а самоуправленіе-то, еще Богъ знаетъ, что скажетъ! А ну, какъ Н. Ф. окажется правъ? А ну, какъ намъ, вслѣдъ за нимъ, придется только повторять: «ну, вотъ и дали! ну, вотъ и дали!»

Стало быть, объ наукѣ—до слѣдующаго письма; теперь же заключу мое посланіе нѣсколькими мелкими слухами.

* * *

Носится слухъ, что, по старости лѣтъ г. Пановскаго, должность фельетониста «Московскихъ Вѣдомостей» не можетъ быть при немъ оставлена. А такъ какъ онъ обладаетъ большою наблюдательностью и несомнѣннымъ изяществомъ манеръ, то и рѣшено: отпускать его на балы съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи оттуда, пересказывалъ все видѣнное Байбородѣ, который уже и будетъ сообщать публикѣ о томъ, кто гдѣ былъ, что ѣлъ и съ кѣмъ шептался.

* * *

Носится слухъ, что нѣкто, увидѣвъ въ англійскомъ клубѣ М. П. Лонгинова, сказалъ: «сей человѣкъ утонулъ, распухъ, да съ тѣхъ поръ въ одномъ видѣ и остался».

* * *

О трудахъ Михаила Николаевича извѣстно слѣдующее: во-первыхъ, онъ на дняхъ издалъ изслѣдованіе по поводу словъ: la legalité nous tue. Оказывается, что ихъ сказалъ во Франціи депутатъ Viennè (онъ же академикъ и баснописецъ), который, однакожь, ихъ не говорилъ. Во вторыхъ, онъ ждетъ, не совретъ ли еще кто нибудь чего нибудь, чтобы тотчасъ же написать еще новое изслѣдованіе. Въ третьихъ, онъ приготовляетъ къ изданію полное собраніе сочиненій А. А. Краевскаго и изыскиваетъ средства для составленія его біографіи.

* * *

Для того, чтобъ эта послѣдняя была сколь возможно полнѣе, Михаилъ Николаевичъ не жалѣетъ никакихъ издержекъ. Съ этою

цѣлью: 1) онъ командировалъ г. Геннади въ гор. Чебоксары, чтобы узнать, не былъ ли тамъ Андрей Александрычъ, а если былъ, то что говорилъ и что ѣлъ; 2) въ самое лоно редакціи «Отечественныкъ Записокъ» подослалъ библіографа Эвирова, который обязанъ, подъ видомъ сотрудничества, собирать на мѣстѣ различныя черты изъ жизни ученаго редактора и сообщать ихъ Михаилу Николаевичу; 3) чтобы маскировать этотъ подсылъ и поселить въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» неограниченное довѣріе къ г. Эвирову, завелъ съ нимъ библіографическій споръ.

* * *

Носятся слухи, что скоро послѣдуетъ окончательное примиреніе между М. Н. Катковымъ и Н. Ф. Павловымъ. Необходимымъ условіемъ признано, чтобы первое свиданіе происходило ночью и въ неосвѣщенной комнатѣ.

* * *

Носятся слухи, что примиренія этого не будетъ, потому что М. Н. Катковъ требовалъ, чтобы при первомъ свиданіи непремѣнно присутствовалъ П. М. Леонтьевъ.

* * *

Носятся слухи, что примиреніе уже послѣдовало.

* * *

Носятся слухи, что примиренія не было и не будетъ.

* * *

Носятся слухи, что книжекъ «Русскаго Вѣстника» ни за январь, ни за февраль, ни за мартъ, ни за апрѣль, ни за май не будетъ. Первая книжка будетъ за іюнь, но и она выйдетъ въ октябрѣ.

* * *

Отъ этого одинъ изъ подписчиковъ, получивъ книжку въ октябрѣ, подумаетъ, что на дворѣ еще іюнь и пойдетъ купаться. Искупавшись, схватитъ горячку и умретъ.

* * *

На похоронахъ будетъ М. Н. Лонгиновъ, который скажетъ, что только Богъ его спасъ отъ подобной же участи.

* * *

Носятся слухи, что М. П. Погодинъ скажетъ рѣчь, а М. С. Щепкинъ заплачетъ. По этому случаю М. П. Погодинъ и еще скажетъ рѣчь, а М. С. Щепкинъ и еще заплачетъ. Н. Х. Кетчеръ

уведетъ Михаила Семеныча домой и упрекнетъ Михаила Петровича: вѣдь вы совсѣмъ старика разстроили!

* * *

Носятся слухи, что М. С. Щепкинъ въ настоящемъ году возьметъ послѣдній бенефисъ и выйдетъ въ отставку.

* * *

Гг. Шумскій и Самаринъ прослезятся. — Если вы, Михаилъ Семенычъ, оставляете сцену, то и мы выходимъ въ отставку! — Служите! служите молодые люди! на васъ вся моя надежда! отвѣтитъ Михаилъ Семенычъ, и будетъ плакать вплоть до самой квартиры Н. Х. Кетчера.

* * *

Носятся слухи, что гг. Шумскій и Самаринъ останутся на сценѣ, потому что М. С. Щепкинъ тоже съ своей стороны подумываетъ, не послужить ли ему еще годикъ, другой.

* * *

Носятся слухи, что, по случаю избранія М. Н. Каткова въ выборные по городскому общественному управленію, будетъ въ англійскомъ клубѣ устроенъ парадный обѣдъ, на которомъ будутъ подавать скунксовую кулебяку и жаренаго швейцара. М. Н. Катковъ не будетъ ничего ѣсть.

* * *

Носятся слухи, что издателю «Искры», г. Степанову, заказана картина: на горѣ стоитъ М. Н. Катковъ, по бокамъ у него гг. Леонтьевъ и Георгіевскій; внизу, въ оврагѣ, стоитъ г. Пановскій и не знаетъ, что ему дѣлать; въ сторонѣ почиваетъ М. Н. Лонгиновъ, ротъ у него облѣпили мухи; вдали поспѣшаетъ г. Геннади (одежда празелень, борода до чреслъ, внизу раздвоенная): боится, чтобы М. Н. не потускнѣлъ безъ него; еще далѣе, видиѣется пламя, среди котораго мучится Н. Ф. Павловъ. Если г. Степановъ съумѣетъ выполнить эту задачу хорошо, то ему обѣщана та самая іюньская книжка «Русскаго Вѣстника», которая выйдетъ въ октябрѣ, съ предупрежденіемъ, что купаться въ день полученія не слѣдуетъ.

* * *

Носятся слухи, что М. Н. Катковъ каждую ночь видитъ самаго себя во снѣ.

И. ГУРИНЪ.

РЕВНИТЕЛИ ЗАКОННОСТИ.

(«Московскія вѣдомости» 8-го февраля 1863 года).

Отечественная гласность достигла теперь, какъ извѣстно, такихъ размѣровъ, какихъ и не чаяли люди, хлопотавшіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, о доставленіи ей права гражданства въ нашей литературѣ. Всѣ—за исключеніемъ только самыхъ отъявленныхъ «отсталыхъ»—были убѣждены, что гласность должна принести намъ гражданское благодѣтельствіе, искоренить порокъ и наградить добродѣтель. О послѣднемъ, впрочемъ, думали меньше, —искореняли больше пороки, и это занимало все время обличителей. Прошлогодній литературный кризисъ произвелъ въ способѣ дѣйствій гласности нѣкоторую перемѣну: она начала заниматься больше восхваленіемъ добродѣтели, въ какомъ бы видѣ она ни проявлялась. Новѣйшія газеты, появленіемъ которыхъ ознаменованъ современный періодъ нашей гласности, съ большимъ усердіемъ, съ маниловской изнѣженностью, занимаются изъявленіями любви, и обличеніе порока, стоявшее прежде у всѣхъ на первомъ планѣ, стало даже считаться дѣломъ дурнаго тона: по крайней мѣрѣ многіе изъ прежнихъ апостоловъ гласности открыто высказали нѣкоторое пренебреженіе къ «обличенію», которымъ, десять, занимаются только пустые люди.

Изобличеніе порока, впрочемъ, продолжается, но оно все больше и больше начинаетъ дѣлаться бичеваніемъ «маленькихъ воришекъ, для удовольствія большихъ», то есть занятіемъ, въ сущности весь-

ма невиннымъ. Теперь обличеніе уже не доискивается «послѣднихъ причинъ», какъ прежде, а довольствуется ближайшими фактами.

Такъ отразилось на нашей гласности то примирительное направленіе, которое сталъ защищать теперь «Голосъ» А. А. Краевскаго, газеты Н. Ф. Павлова, М. Н. Каткова и т. д. Это была въ нѣкоторомъ родѣ миролюбивая реакція противъ прежняго неумѣреннаго отрицанія. Но, какъ всегда къ сожалѣнію бываетъ съ реакціями, она также потеряла мѣру и органы его простерли слишкомъ далеко свое миролюбіе къ тому, что прежде сами имѣли нѣкоторое поползновеніе отрицать. Гласность обратилась противъ самой литературы. Въ то время, когда правительство нашло нужнымъ озаботиться о новыхъ уставахъ книгопечатанія взамѣнъ прежняго неудовлетворительнаго устава о цензурѣ, — наши публицисты дошли въ своей ревности до того, что открыто изъявляютъ желаніе сами изобличать проступки печати. «Русскій Вѣстникъ» изобразилъ на своихъ страницахъ радостныя чувства въ ожиданіи будущаго опроверженія зловредной литературы административными мѣрами и судебными взысканіями; одна новая газетка обѣщаетъ положительно читать между строками и открывать злоумышленныя идеи другихъ изданій, хотя бы это повлекло за собой ихъ запрещеніе, т. е. иными словами обѣщаетъ взять на себя должность обвинителя по литературнымъ процессамъ, хотя, мы полагаемъ, начальство безъ сомнѣнія вовсе не давало ей такого порученія, такъ какъ порядокъ обвиненія будетъ еще опредѣленъ впослѣдствіи новой коммиссіей по дѣламъ книгопечатанія.

Мы думаемъ, что коммиссія должна бы обратить вниманіе на это предложеніе будущихъ услугъ: она, кажется, значительно могла бы смягчить карательныя мѣры противъ литературныхъ проступковъ, когда въ самой литературѣ являются добровольно охотники карать предъ общественнымъ мнѣніемъ или предъявлять начальству проступки отечественной прессы, и когда, слѣдовательно, опасность ихъ значительно уменьшается.

Обличая литературу за ея прежнее отрицаніе и грозя вести ее въ кварталъ общественнаго мнѣнія за легкомысленные и неблагонамѣренные поступки, наши публицисты новѣйшаго цикла считаютъ нужнымъ пригрозить и самимъ литераторамъ, чтобы они также держали ухо востро. Публицисты новѣйшаго цикла, повидимому, вообще не совсѣмъ одобряютъ литераторовъ, заботливо отдѣляютъ себя отъ нихъ и, чтобы не смѣшиваться съ ними, даже прямо называютъ себя отсталыми: «мы, отсталые». Въ особенности Москва, какъ извѣстно, не одобряетъ петербургскихъ литераторовъ: г. Шевыревъ, нѣкогда про-

профессоръ московскаго университета, называлъ Бѣлинскаго «недоучившимся студентомъ»; г. Катковъ, также нѣкогда профессоръ того же московскаго университета, изобрѣлъ для другаго петербургскаго писателя знаменитый эпитетъ «свистунъ», которому такъ посчастливилось во всей благонамѣренной журналистикѣ не только Москвы, но и Петербурга. Традиція сохраняется вѣрно и по сію минуту.

Мы убѣдились въ этомъ, читая «Московскія Вѣдомости» отъ 8-го февраля. Неизвѣстный сотрудникъ этой газеты, подписавшійся безъименнымъ «петербургскимъ жителемъ» (вѣроятно пріѣзжій изъ Москвы), и написавшій статейку подъ названіемъ «Дешево купленное эстетическое наслажденіе», очевидно также не одобряетъ петербургскихъ литераторовъ и пускаетъ въ нихъ камешкомъ особеннаго свойства. Камешекъ пущенъ немножко изъ-за угла; рѣчь о литераторахъ зашла какъ будто мимоходомъ: авторъ шелъ въ Маріинскій театръ смотрѣть пьесу г. Островскаго; при раздачѣ билетовъ онъ замѣтилъ злоупотребленіе, обличилъ его, и, описывая эту исторію, разсказалъ тутъ же и о томъ, какъ онъ былъ въ засѣданіи литературнаго фонда, гдѣ также замѣтилъ злоупотребленіе.

Злоупотребленіе состояло въ нарушеніи законности при выборахъ. Впрочемъ, чтобы познакомить читателя съ манерой публицистовъ новѣйшаго цикла, мы приведемъ подлинныя слова:

«Вчера въ 9-мъ часу утра отправился я, въ видѣ прогулки, въ Маріинскій театръ за билетомъ на представленіе новой піесы г. Островскаго. Была чудная погода; морозило, но не сильно; вѣтру не было, сіяло солнышко. На душу шли веселыя мысли: я размышлялъ объ отрадныхъ явленіяхъ прогресса, объ успѣхахъ нашего общества, о развитіи въ немъ понятія законности... Правда, еще бываютъ нѣкоторыя отступленія отъ законности, но это только легкія, ничего не значащія исключенія. Вотъ хоть бы третьяго-дня при выборахъ въ Обществѣ для пособія литераторамъ... Надобно выбрать четырехъ новыхъ членовъ въ комитетъ Общества на мѣсто такого же числа выбывшихъ. Выбирать можно было только изъ 8 кандидатовъ, заранѣе уже назначенныхъ комитетомъ. Слѣдовательно, выбираетъ собственно комитетъ, а не Общество, но это еще пожалуй можно допустить. Это конечно согласно съ уставомъ Общества. Но какъ производились выборы? При началѣ ихъ объявили, что за такихъ-то членовъ прислано по 10-ти голосовъ изъ Москвы. Какіе это московскіе голоса? Есть ли тамъ особое отдѣленіе Общества или нѣкоторые тамошніе члены частнымъ образомъ согласились въ выборѣ — никто не счелъ нужнымъ объяснить это присутствовавшимъ, и очень многіе изъ нихъ остались въ такомъ же невѣдѣніи по этому предмету, какъ и я. Пойдемъ далѣе: выборы производились посредствомъ запертыхъ билетовъ; но тутъ же объявили, что г.

Дружининъ прислалъ свой голосъ въ пользу такихъ-то. Слѣдовательно, въ подачѣ голосовъ закрытыми билетами участвуютъ и отсутствующіе? Это ново! Но посмотримъ, не будетъ ли чего еще оригинальнѣе. Послѣ передачи всѣхъ билетовъ г. предсѣдателю, они были положены въ шляпу, и начался счетъ голосовъ. Удивительнымъ показалось мнѣ, что самые билеты не были напередъ сосчитаны, чтобы свѣрить число ихъ съ числомъ присутствовавшихъ. Но особенно поразило меня то, что поданныхъ голосовъ оказалось гораздо болѣе, чѣмъ наличныхъ членовъ, и что на это не было обращено никакого вниманія, хотя списки кандидатовъ были розданы въ самомъ засѣданіи на печатныхъ листкахъ. Какъ это могло случиться, предоставляю всякому рѣшить про себя.

Кажется, эту процедуру нельзя признать вполнѣ законною, но повторяю себѣ и другимъ въ утѣшеніе: это только отдѣльный случай — легонькое изъятіе въ общемъ развитіи нашей законности. Притомъ вѣдь у насъ литература и общество идутъ врозь; эта маленькая незаконность, случившаяся какъ-то между литераторами, не могла бы случиться въ обществѣ. Однакожь, возразятъ мнѣ, кто же, какъ не литераторы, и хлопочутъ всего усерднѣе о законности? Что жь, отвѣчу я: можетъ быть, *для* литераторовъ, какъ людей передовыхъ, законно то, что мы отсталые находимъ незаконнымъ.

Читатель понимаетъ, конечно, что авторъ такъ только называетъ себя отсталымъ; это только пика новымъ передовымъ людямъ. Изъ этой пики явствуетъ, что прежде законность понималась лучше, чѣмъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, что тѣ, кого легкомысленные люди называютъ теперь отсталыми, знаютъ требованія законности тверже, чѣмъ такъ называемые передовые: читатель самъ уже сообразитъ, что и вообще люди старые, или держащіеся старыхъ порядковъ, гораздо основательнѣе свистуновъ и отрицателей.

Въ чемъ же дѣло? Нѣтъ ли дѣйствительно въ описанномъ порядкѣ выборовъ чего нибудь вонющаго и преступнаго? Авторъ называетъ обличаемыя имъ отступленія отъ законности легкими, ничего не значащими исключеніями, только для большаго пораженія этихъ отступленій. Это очевидно. Въ чемъ же дѣло? Замѣтимъ сначала для читателей, не знающихъ объ обществѣ литературнаго фонда, что это общество составилось три или четыре года тому назадъ съ почтенной цѣлью доставлять пособіе литераторамъ и ученымъ, которые какимъ нибудь образомъ лишились средствъ къ существованію и по своимъ трудамъ болѣе или менѣе достойны вниманія и поддержки. Общество при основаніи встрѣтило сочувствіе и въ литературномъ и въ нелитературномъ кругу, и въ нѣсколько лѣтъ своего существованія успѣло сдѣлать много добра по своимъ средствамъ и не разъ подавало дѣйствительную помощь людямъ труда, поставленнымъ несчастіемъ въ

самыя критическія обстоятельства. Когда явилась возможность нѣкоторой помощи, когда общество возбудило къ себѣ довѣріе тѣхъ, кто въ немъ нуждался, передъ нимъ раскрывались иногда факты самой ужасной нищеты. Кто интересовался дѣйствіями общества, тотъ знаетъ болѣе или менѣе эти факты... Общество литературнаго фонда дѣйствовало при посредствѣ комитета, выбраннаго сначала въ числѣ двѣнадцати человѣкъ изъ членовъ основателей: каждый годъ четыре члена выходятъ по жребію, и на мѣсто ихъ комитетъ выбираетъ восемь кандидатовъ, изъ числа которыхъ общее собраніе фонда назначаетъ четырехъ для замѣщенія вакантныхъ мѣстъ. Публицисту «Московскихъ Вѣдомостей» это не нравится,—хотя онъ и соглашается допустить это. Ему трудно было бы найти здѣсь отступленіе отъ законности, потому что такой способъ избранія новыхъ членовъ постановленъ въ самомъ уставѣ общества. Мы даже затрудняемся нѣсколько объяснить себѣ, почему этотъ способъ избранія не нравится публицисту. Жаль, что онъ не высказался яснѣе.

Но главнымъ образомъ публицистъ находитъ нарушеніе законности въ самыхъ выборахъ обществомъ четырехъ членовъ, которые должны пополнить составъ комитета. Если публицистъ спрашиваетъ о томъ, откуда взялись десять московскихъ голосовъ, то этимъ онъ обнаруживаетъ только то, что онъ незнакомъ съ прежними дѣйствіями общества. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Вслѣдствіе той традиціонной вражды и недовѣрія Москвы къ петербургскому литературному міру, самый фондъ—изъ-за того, конечно, что былъ основанъ въ Петербургѣ — имѣлъ въ Москвѣ очень мало успѣха; число московскихъ его членовъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ петербургскихъ. Не будемъ разбирать, на сколько рекомендуетъ Москву этотъ отказъ участвовать въ истинно-человѣческомъ и порядочномъ дѣлѣ, отказъ, основывающійся на какихъ-то темныхъ антипатіяхъ; но для фонда было очень важно имѣть въ Москвѣ своихъ корреспондентовъ, потому что много разъ пособія назначались лицамъ, живущимъ въ Москвѣ: на этомъ основаніи, немногіе московскіе члены фонда составили въ Москвѣ родъ небольшаго отдѣленія фонда, которое доставляло комитету свѣдѣнія о лицахъ, нуждающихся въ пособіи и передавало имъ посылаемыя деньги. Комитетъ съ самаго начала пользовался содѣйствіемъ этихъ московскихъ членовъ и при выборахъ новыхъ членовъ комитета счелъ справедливымъ, и даже, если угодно, законнымъ, предложить и имъ участіе въ выборахъ. Это участіе началось съ самыхъ первыхъ выборовъ, происходившихъ въ фондѣ, и сколько мы знаемъ, до сихъ поръ ни въ комъ не встрѣчало возраженій. Никому не приходило въ голову подводить филантропическое

литературное общество подъ мѣрку меркантильной компаніи. Если публицистъ «Московскихъ Вѣдомостей» не зналъ ничего этого и приходилъ отъ того въ недоумѣніе, то здравый человѣческій смыслъ посовѣтовалъ бы ему спросить знающихъ, и онъ, конечно, получилъ бы отвѣтъ удовлетворительный. Отчего онъ не спросилъ, мы не знаемъ. Можетъ быть, ему не просто ли нужно было какую нибудь привязку къ непріятнымъ ему передовымъ людямъ? Сами члены комитета сочли объясненіе въ этомъ случаѣ излишнимъ, конечно потому, что дѣло вошло въ обычай и предполагалось извѣстнымъ.

Дальше. Почему принятъ былъ голосъ отсутствовавшаго г. Дружинина? Мы не помнимъ, въ какомъ видѣ сообщено было въ засѣданіи объ этомъ голосѣ г. Дружинина,—но, что отсутствующіе могутъ участвовать въ выборахъ присылкой своихъ голосовъ, это вовсе не ново, какъ утверждаетъ публицистъ, и употребляется, какъ мы сами видѣли тому примѣры, даже въ оффиціальныхъ и казенныхъ коллегіальныхъ собраніяхъ. Замѣтимъ притомъ, что г. Дружининъ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ, которымъ принадлежитъ идея и основаніе фонда, такъ что даже простое вниманіе къ этому обстоятельству должно было нѣсколько смягчить строгую легальность публициста.

Затѣмъ, публицистъ «Московскихъ Вѣдомостей» выступаетъ съ прямымъ обвиненіемъ, которое будетъ актомъ весьма неприличнымъ и недозволительнымъ, если означенный публицистъ не въ состояніи доказать своего обвиненія. Ему показалось удивительно, какъ онъ говоритъ, что когда начался счетъ голосовъ, избирательные билеты не были предварительно сосчитаны и свѣрены съ числомъ присутствовавшихъ, между тѣмъ какъ, по словамъ его, голосовъ оказалось *больше*, чѣмъ наличныхъ *членовъ*.

Можетъ ли публицистъ доказать, что, когда голоса собирались, члены комитета или его секретарь не смотрѣли за сборомъ избирательныхъ листковъ, или сами, или при помощи лицъ, имъ извѣстныхъ?

Можетъ ли онъ положительно утверждать, что число наличныхъ членовъ было меньше числа поданныхъ голосовъ?

Считалъ ли онъ самъ поданные голоса и наличныхъ членовъ? Или, если считалъ, не ошибся ли онъ самъ въ счетѣ, — тѣмъ болѣе, что ошибка была очень легка, потому что члены расходились по разнымъ заламъ и потомъ собирались снова?

Мы совѣтуемъ автору статьи «Московскихъ Вѣдомостей» обдумать эти вопросы.

Намъ дѣйствія самого публициста кажутся не совсѣмъ законными. Въ какомъ качествѣ былъ этотъ «петербургскій житель» въ общемъ собраніи литературнаго фонда? Очевидно, что было одно изъ двухъ: или онъ былъ въ качествѣ члена фонда, или въ качествѣ человѣка постороннаго. Если онъ былъ въ качествѣ члена, то на него самого обращаются всѣ тѣ обвиненія, которыя онъ подбиралъ съ такимъ стараніемъ противъ другихъ. Если бы дѣйствительно, какъ онъ утверждаетъ, въ засѣданіи общества произведены были дѣйствія незаконныя, то вовсе не такъ виноваты тѣ, кто не замѣтилъ ихъ, какъ именно тѣ, кто видѣлъ ихъ и не заявилъ о нихъ тотчасъ же. Если онъ молчалъ, онъ очевидно раздѣляетъ вину тѣхъ, кого онъ обвиняетъ. Какъ членъ, онъ обязанъ былъ заявить о томъ, что онъ находилъ неправильнымъ: онъ видѣлъ, безъ сомнѣнія, что каждый, кто находилъ что нибудь замѣтить, имѣлъ полную свободу сказать свое мнѣніе. Спорные вопросы комитетъ предоставлялъ рѣшать самому собранію... Ясно, что если публицистъ молчалъ, будучи членомъ, онъ поступилъ незаконно; если затѣмъ, промолчавши въ собраніи, онъ прибѣгаетъ къ своей плоховатой гласности, то онъ поступаетъ и неприлично. Но если «петербургскій житель» былъ въ засѣданіи въ качествѣ человѣка посторонняго? Это также возможно, тѣмъ больше, что онъ обнаруживаетъ незнакомство съ дѣлами фонда. Какой смыслъ получаетъ его поступокъ въ этомъ случаѣ?

Этотъ примѣръ защиты законности можетъ служить удовлетворительнымъ образчикомъ той гласности, которой служатъ публицисты новѣйшаго цикла. Состояніе этой гласности въ настоящую минуту начинаетъ крайне напоминать добрыя старыя времена, когда создался типъ благонамѣреннаго человѣка, когда обличеніе порока доходило только до коллежскаго ассессора и когда извѣстный разрядъ публицистовъ считалъ позволенными всякія средства, чтобы нагадить непріятному ближнему. «Мы горимъ любовью къ отечеству, корили они своихъ противниковъ,—а вы не горите». И это говорилось съ благородной прямотой, во всеуслышаніе; и тѣ, кому слѣдуетъ, брали на замѣчаніе людей, не горѣвшихъ любовью къ отечеству, не задумываясь надъ тѣмъ, правду ли говоритъ публицистъ, кричащій о своей благонамѣренности. Нынѣшніе публицисты новѣйшаго цикла горятъ любовью къ умѣренному прогрессу и тѣми же старыми способами опровергаютъ своихъ противниковъ.

P. S. Такъ какъ мы уже заговорили о фондѣ, то считаемъ не лишнимъ остановиться еще на статьѣ г. Троицкаго «Маленькія ошибочки

литературнаго фонда», появившейся на этихъ дняхъ въ «Очеркахъ» (26 февраля). Эта статья нисколько не похожа на произведеніе «петербургскаго жителя»: авторъ не накидываетъ на себя сомнительной благонамѣренности, не жалуетъ себя въ отсталые и весьма просто разсказываетъ, въ чемъ дѣло. Нападенія его даже весьма жесткаго свойства, но они вовсе не производятъ непріятнаго впечатлѣнія московской легальности. Г. Троицкій ссылается на факты, указываетъ дѣйствительные промахи, на которые очень слѣдуетъ обратить вниманіе будущему комитету.

Г. Троицкій горячо нападаетъ на небрежность комитета. По словамъ его, эта небрежность доходитъ до крайней степени, такъ что лишаетъ даже нуждающихся всякой возможности разсчитывать на содѣйствіе фонда въ минуту затруднительныхъ обстоятельствъ: пособія опаздываютъ до такой степени, что иногда, вмѣсто того, чтобы помочь больному, поспѣваютъ только къ похоронамъ и расплатѣ долговъ покойника. Помощь приходитъ не во-время и оказывается отъ того или безполезной или недостаточной, потому что бѣда не дожидается разсчетовъ и растетъ больше и больше... Въ подтвержденіе своихъ словъ г. Троицкій разсказываетъ нѣсколько случаевъ. Одинъ разъ такъ случилось, по его словамъ, съ покойнымъ Т—чемъ, который успѣлъ умереть, не дождавшись вспомоществованія, потому что нельзя было собрать комитета: оказалось, что комитетъ «въ цѣломъ составѣ своемъ выѣзжаетъ изъ Петербурга на весь лѣтній сезонъ». Въ другой разъ случилось въ томъ же родѣ: одинъ господинъ (это было въ 1860 году) обратился въ комитетъ за пособіемъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, но члены были въ разъѣздѣ, и онъ получилъ деньги только въ октябрѣ. Въ третій разъ точно такъ же пришлось больному бѣдняку дожидаться пособія мѣсяца полтора.

Все это дѣйствительно очень прискорбно.

Виной этихъ неправильныхъ дѣйствій г. Троицкій считаетъ главнымъ образомъ отсутствіе комитета въ лѣтній сезонъ и излишнія проволочки въ веденіи дѣла.

«Судите сами, сколько можетъ быть въ это (лѣтнее) время всякихъ случаевъ! Комитетъ, вѣроятно, воображаетъ, что у бѣднаго (имѣющаго право на пособіе отъ литературнаго фонда) бываютъ нужды только осенью или зимою и, вообще, смотря по тому, какъ начнутся засѣданія? Вотъ то-то и горе, что и лѣтомъ, не смотря на благорастворенные воздухи, нужда-то все таки точитъ... То-то и бѣда, что этотъ негодный червь человѣчества мало обращаетъ вниманія на сроки комитетскихъ засѣданій. Потомъ находимъ маленькую несообразность въ другомъ отношеніи, именно: вмѣсто прямаго указанія § 33 устава, гдѣ говорится,

что «засѣданія комитета происходятъ *не менѣе* двухъ разъ въ мѣсяцъ», — комитетъ, на этотъ счетъ дѣлая маленькое уклоненіе, принялъ, если не ошибаемся, за обыкновеніе собираться *«смотря по накопленію поступающихъ бумагъ»*. Это разъ мы имѣли удовольствіе прочитать въ письмѣ г. Галахова, бывшаго секретаря комитета, а также видимъ и изъ самыхъ отчетовъ комитета, напримѣръ, изъ отчета отъ 30 декабря прошедшаго года, гдѣ между прочимъ показано, что въ апрѣлѣ было засѣданіе — 1, въ сентябрѣ — 1, а въ теченіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ комитетъ не собирался, за отсутствіемъ изъ Петербурга почти всѣхъ своихъ членовъ. Вслѣдствіе такихъ или иныхъ какихъ обстоятельствъ зачастую случалось, что пособіе выдавалось просителю спустя мѣсяцъ, полтора, два и даже болѣе послѣ поступленія его просьбы! Стало быть, во-время. Какимъ же это образомъ? Очень просто: мѣсяцъ лежитъ просьба безъ движенія за отсутствіемъ собранія комитета въ ожиданіи «накопленія таковыхъ просьбъ»; потомъ она поступаетъ, — прочитываютъ: — глядь, оказалась еще надобность навести кое-какія справки; такимъ образомъ, отлагая *дѣло нужды* до будущаго времени, поручаютъ секретарю забрать извѣстныя свѣдѣнія. Пока производятся эти справки, проходитъ еще мѣсяцъ, наконецъ, дѣло рѣшается, — нуждающагося *удовлетворяютъ*. Въ половинѣ третьяго мѣсяца онъ получаетъ и самыя денежки...

«Нѣтъ! Дорого красное яичко къ свѣтлому дню, дорога всякая помощь — когда она во-время; а чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Какъ всякую болѣзнь легко уничтожить при самомъ ея началѣ, такъ и язва *чернаго дня* легко, *съ мѣстными средствами*, можетъ быть предотвращаема, когда средства эти приложены будутъ съ самаго начала. А потянули дѣло, такъ оно уже и пойдетъ по русской пословицѣ — гдѣ тонко, тамъ и рвется... Безпроизводительная трата времени, разстройство здоровья, лишеніе послѣдняго, что человѣкъ еще имѣлъ, и т. д. Сами судите, поправить такое положеніе будетъ уже гораздо труднѣе, чѣмъ въ первый его моментъ.

«Вотъ вывѣска дѣйствій комитета общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Оно растрачиваетъ деньги, часто не достигая цѣли, — или же растрачиваетъ ихъ въ большихъ размѣрахъ при возможности размѣра меньшаго, когда бы дѣло дѣлалось своевременно. Завѣдывать дѣлами какого бы то ни было общества — дѣло довольно серьезное; оно требуетъ отчета въ каждой копѣечкѣ, въ каждомъ дѣйствіи. А комитетъ допустилъ себя до того, что, какъ значится изъ его послѣдняго отчета, однихъ *недоимокъ* и *неплатежей* членовъ состоитъ теперь *за три года — на семь тысячъ рублей*! Чего же смотрѣлъ комитетъ? Семь тысячъ для литературнаго фонда не маковое зерно, — это денежки, денежки!.. Нуждающіеся въ нихъ въ это время помираютъ, бьются, или идутъ въ больницы. Если комитетъ былъ не въ состояніи собрать недоимки и неплатежи за одинъ годъ, то какъ онъ будетъ собирать ихъ за два и за три года? Гораздо легче получить съ

недоимщика 10 р., и, конечно, втрое труднѣе получить съ него 30 р. Не такъ ли?»

Г. Троицкій находитъ, наконецъ, излишними разныя длинныя справки и собиранія свѣдѣній, которыми занимается комитетъ и которыя только протягиваютъ дѣло. Не богачъ же станетъ просить вспомоществованія въ 50—100 руб., говоритъ онъ, и находитъ страннымъ, что комитету иной разъ понадобится полицейское свидѣтельство о бѣдности просителя.....

Мы вовсе не намѣрены защищать разные комитеты, управляющіе дѣлами фонда и подвергшіеся теперь обличеніямъ. Замѣтимъ только, что и обличенія, если хотятъ быть дѣйствительны, должны быть вѣрны фактически; а исторію Т—ча, самую трагическую изъ разсказанныхъ г. Троицкимъ, люди, знающіе ее, передавали намъ не въ такомъ видѣ. По словамъ г. Троицкаго Т—чъ не дождался пособія фонда, и 50 руб., назначенные ему, поспѣли только къ уплатѣ долговъ покойника и похоронныхъ издержекъ. На самомъ дѣлѣ оказывается, что Т—чъ, *за три мѣсяца* до выдачи 50 рублей, получилъ отъ фонда вспомоществованіе въ 400 руб. сер. Это было въ послѣднихъ числахъ *марта* 1862 г. Совѣтуемъ г. Троицкому справиться, такъ ли было дѣло.

Существенной ошибкой, замѣченной г. Троицкимъ, остается только то, что комитетъ, не собираясь лѣтомъ, не позаботился обезпечить какимъ нибудь образомъ выдачу пособій, которая конечно и въ это время можетъ оказаться столько же необходимой, какъ и во всякое другое.

Г. Троицкому не нравится, что «дѣло нужды» комитетъ откладываетъ за справками, на которыя г. Троицкій кладетъ мѣсяцъ. Это послѣднее, конечно, также преувеличено, если дѣло идетъ о людяхъ, живущихъ въ Петербургѣ; что же касается до справокъ вообще, представляющихся автору ненужными, мы положительно съ нимъ не согласны. Комитетъ, напротивъ, именно долженъ знать, въ какой степени нуждается тотъ, кто требуетъ у него пособія. Случаи бываютъ всякіе: иногда, какъ мы читали въ ревизіяхъ фонда, въ комитетъ обращались за пособіемъ и такіе господа, которые очень мало имѣли на него права, и случалось, что ревизіонныя коммиссіи и при этой предосторожности не одобряли нѣкоторыхъ выдачъ, сдѣланныхъ комитетами.

Г. Троицкій недоволенъ и тѣмъ, что за членами общества числится за три года недоимокъ до *семи тысячъ рублей*, и въ этомъ онъ опять винитъ комитетъ. Дѣйствительно, въ этомъ виноватъ и комитетъ, но такъ же виновато и все общество, которое имѣетъ возмож-

ность пересматривать дѣйствія комитета и одобрять или неодобрять ихъ; если бы оно было недовольно комитетомъ, оно имѣетъ даже силу измѣнить составъ его по своему усмотрѣнію. Ему стоитъ только собраться въ полное собраніе и заявить свои запросы и требованія. Да и безъ того оно можетъ, по уставу, сдѣлать выборы и не ограничиваясь кандидатами, представленными комитетомъ. Но собиралось ли общество хоть разъ въ сколько нибудь полномъ составѣ? Это случилось развѣ только однажды, въ первый годъ существованія фонда, а затѣмъ собранія постоянно бывали крайне немногочисленны: однажды изъ нѣсколькихъ сотъ членовъ собралось едва пятнадцать или двадцать человѣкъ; собраніе нынѣшняго года также было довольно скромно, хотя нѣсколько и больше.

Судя по разсказамъ г. Троицкаго, доходящимъ до 1860 года, слѣдовательно до самаго основанія фонда, комитеты постоянно дѣйствовали неудовлетворительно въ отношеніи къ нуждающимся, выдавали пособіе небрежно и не во время. Отчего каждогодныя ревизіи, назначавшіяся обществомъ, не обратили на это вниманія? Можетъ быть, ревизіонныя коммиссіи были плохи? Да кто же виноватъ въ этомъ? Ревизіонныя коммиссіи выбираются изъ самого общества и самимъ обществомъ, — тутъ уже не мѣшаетъ ему никакое постороннее указаніе.

У насъ нѣтъ ни малѣйшей охоты защищать комитеты, да мы и не знаемъ особенныхъ подробностей о ихъ дѣйствіяхъ; намъ хотѣлось только замѣтить, что насъ не совсѣмъ удовлетворяетъ весьма распространенная теперь система обличенія «нашихъ общественныхъ ранъ», которая, выбравши себѣ въ жертвы какой нибудь совѣтъ, комитетъ и т. п., успокоивается на этой жертвѣ и не помышляетъ о томъ, что дѣло не въ этой одной жертвѣ, а въ цѣломъ обществѣ, его собственномъ неряшествѣ и нерадѣніи о своихъ дѣлахъ.

Обличеніе можетъ, конечно, принести нѣкоторую пользу, и въ настоящемъ случаѣ нравоученія г. Троицкаго окажутъ, вѣроятно, свое дѣйствіе на будущій комитетъ и будутъ приняты имъ въ соображеніе, но г. Троицкій не довольствуется указаніемъ замѣченныхъ ошибокъ: онъ хочетъ свалить на комитетъ все, что не нравится ему въ фондѣ, и потомъ набрасывается съ крайнимъ усердіемъ на подробности, а за ними не видитъ крупныхъ сторонъ дѣла.

Кого нужно обвинять, если общество, существующее при извѣстныхъ условіяхъ, принимающее ихъ добровольно, какъ достаточную гарантію своей дѣятельности, и въ самомъ дѣлѣ имѣющее въ нихъ достаточную гарантію, не умѣетъ пользоваться этими условіями, или даже начинаетъ жаловаться и на эти условія, которыя само принимаетъ и которыя отъ него и зависятъ,—и на своихъ исполнителей, надъ ко-

торыми всегда можетъ имѣть правильный и сколько угодно строгій контроль? И кто будетъ виноватъ, если оно своимъ азартомъ окажетъ дѣлу медвѣжью услугу?

Въ концѣ своей статьи г. Троицкій дѣлаетъ предположеніе,—которое называетъ юмористическимъ,—не лучше ли бы пошло дѣло, если бы вмѣсто нынѣшняго комитета изъ людей чиновныхъ, почтенныхъ и занятыхъ, составился комитетъ изъ свистуновъ и нигилистовъ, которымъ даже и не привлекательна перспектива быть почтенными людьми? Авторъ полагаетъ, что у нигилистовъ не оказалось бы ни президента, ни звонка, не оказалось бы, пожалуй, и комитета, — все было бы гораздо проще: не лучше ли было бы тогда? По прежде бывшимъ примѣрамъ мы думаемъ, что не лучше; потому что и свистуны бываютъ разные, болѣе основательные и менѣе основательные.

— А —

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЛОВО КЪ СОЧИНИТЕЛЯМЪ, УТВЕРЖДЕННОЕ НА ИСТОРИЧЕСКОМЪ ФУНДАМЕНТѢ. — НѢЧТО О МАТЕРІАЛИЗМѢ И СПИРТУАЛИЗМѢ. — НѢЧТО О НЕДОВѢРІИ НАШЕЙ ПУБЛИКИ ВООБЩЕ, ПО ПОВОДУ НЕДОВѢРІЯ НѢКОТОРЫХЪ КЪ ИЗВѢСТІЯМЪ «РУССКАГО ИНВАЛИДА». — НАРОДНЫЯ УЧИЛИЩА, ПО ОБНАРОДОВАННОМУ НЕДАВНО ПРОЭКТУ ПОЛОЖЕНІЯ О НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ. — НѢЧТО О ДУХОВЕНСТВѢ.

Обозрѣвая современную русскую литературу въ самой интересной ея въ настоящее время дѣятельности, — дѣятельности публицистической, человѣкъ не всматривавшійся, не вдумывавшійся близко въ *дѣло общественнаго развитія*, можетъ, пожалуй, придти въ неописанный ужасъ. Чего только не пишется и не печатается теперь въ видахъ поученія народа и общества! Не говоря о крайней бѣдности и даже совершенномъ отсутствіи въ большей части пишущихъ не только знакомства съ народомъ, но даже и какихъ бы то ни было теоретическихъ соціальныхъ свѣдѣній, сколько можно найдти въ разныхъ писаніяхъ поэтическихъ вольностей даже относительно простаго здраваго смысла! Можно смѣло сказать, что при томъ положеніи вещей, какое существуетъ въ настоящее время въ нашемъ обществѣ, трудно придумать какую нибудь нелѣпость, которую бы въ видѣ спасительной и въ высшей степени плодотворной мѣры для уврачеванія общественныхъ золъ и недуговъ не рекомендовалъ какой нибудь писатель!

И однакожь, все это не только пишется и печатается, но все это и читается, да еще какъ читается! Кругомъ себя вы постоянно слышите толки, споры, разговоры — самые оживленные о такихъ предположеніяхъ и мѣрахъ, нелѣпость которыхъ должна быть ясна, по

видимому, каждому съ перваго взгляда до послѣдней очевидности. И ведутъ эти толки, споры, разговоры люди часто далеко не глупые!

При такомъ плачевномъ зрѣлищѣ нашего общества, многіе изъ нашего брата сочинителей, пожалуй, могутъ впасть въ мрачное уныніе, даже въ отчаяніе — одни отъ горькаго представленія о безплодности своей дѣятельности, отъ боязни, что сѣмена истины и добра, ими сѣемыя, падаютъ на неблагодарную почву, что сѣмена эти не взойдутъ, будутъ подавлены множествомъ плевелъ, разсѣеваемыхъ рукою враговъ во множествѣ,—другіе отъ глубокаго покаяннаго сознанія своей многолѣтней сочинительской грѣховности, отъ представленія, что они насказали столько нелѣпостей и лжи, что родъ человѣческій развращенъ, погубленъ ими на цѣлые десятки, можетъ быть, сотни лѣтъ, что имъ придется на томъ свѣтѣ поплатиться за грѣхи свои горше, чѣмъ какому нибудь отчаянному разбойнику, ибо каждое новое поколѣніе, которое послѣдовательно будетъ возникать послѣ ихъ смерти на землѣ, будетъ вопіять предъ престоломъ Всевышняго о мести имъ за свое развращеніе, — какъ о всемъ семъ подробно изображено въ баснѣ: *сочинитель и разбойникъ*, написанной нашимъ незабвеннымъ баснописцемъ.

Братья — сочинители, успокойтесь! Успокойтесь и вы, которые сѣете доброе сѣмя, успокойтесь и вы, погибающіе отъ сознанія своей сочинительской грѣховности!

Вы, сѣющіе доброе сѣмя, продолжайте сѣять его, не боясь ни ретроградства, ни мракобѣсія, ни мраконеистовства. Если вы вѣрите твердо, что разумная сила будетъ вѣчно соприсуща человѣческому роду, что она неискоренима въ немъ никогда, и что, слѣдовательно, онъ не можетъ не двигаться поступательно, какія бы препятствія ни встрѣчались ему на пути, то несомнѣнно вѣрьте и тому, что ни одна истина, открытая лучшими современными умами и проповѣдуемая вами, какъ бы ни были малочисленны ея друзья въ настоящемъ, и напротивъ, какъ бы ни были многочисленны враги, какъ бы она ни была презираема, угнетаема, гонима многоразличными сторонниками отжившаго порядка, не понимающею ея народною массою, она не пропадетъ безслѣдно и безплодно, потому что имѣетъ свое несокрушимое основаніе въ разумной силѣ человѣческихъ обществъ; за нее стоитъ разумъ нескончаемаго ряда грядущихъ поколѣній. Все ложное, антиразумное, какъ бы твердымъ оно въ настоящее время ни казалось, на какихъ бы крѣпкихъ повидимому опорахъ моральныхъ и матеріальныхъ ни держалось, обречено на неизбѣжную смерть съ того самаго момента, какъ открыта долженствующая смѣнить его истина. Съ этого самаго момента, съ каждымъ днемъ оно все болѣе и болѣе будетъ терять своихъ приверженцевъ, и усилія его удержаться будутъ только способствовать ско-

рѣйшему торжеству истины. Такова исторія всѣхъ истинныхъ идей въ родѣ человѣческомъ — научныхъ, нравственныхъ, соціальныхъ и т. п. Когда-то, Галилей, въ цѣломъ мірѣ одинъ только Галилей стоялъ передъ судомъ священной инквизиціи и утверждалъ, что не солнце, а земля вертится. Противъ него было все:—религія, правительство, народъ; его признавали всѣ безбожникомъ, вознамѣрившимся потрясти *коренныя основы общества*; и, однакожь, безбожная идея Галилея признается теперь всѣми непререкаемой истиной, имя его покрылось ореоломъ славы; общество, за благосостояніе котораго боялись тогда инквизиціонные начальники общества, стоитъ несокрушимо, исчезли только они безслѣдно съ лица земли, сдѣлавъ самое имя судилища своего предметомъ позора и насмѣшекъ для всѣхъ грядущихъ поколѣній. Вотъ и у насъ, назадъ тому не болѣе четырехъ лѣтъ, сказать о комъ нибудь, что г. N имѣетъ тысячу душъ, значило сказать почти то же, что г. N прекраснѣйшій человѣкъ. Теперь самое слово *крѣпостникъ* сдѣлалось, какъ извѣстно всѣмъ, бранными. Итакъ, собратъ мой, сочинитель, сѣющій слово истины, продолжай сѣять его, не боясь ни безплодности посѣва, ни ретроградства, ни мракобѣсія, ни мраконепостовства. Вѣрь мнѣ, всегда найдется добрая почва, на которую упадетъ твое сѣмя. Можетъ быть, тебя не будетъ читать благовоспитанная дама, отъ тебя отвернется благонамѣренный мужъ... Но вѣдь есть чердаки, есть подвалы. Что тебѣ за дѣло, гдѣ тебя читаютъ, въ палатахъ ли, или подвалахъ и чердакахъ... Были бы благородныя груди, благородныя сердца. Двѣнадцать рыбаковъ утвердили евангеліе въ гордомъ Римѣ и цѣломъ мірѣ.... Сѣй же, сѣй!

Не робѣй, Варсонофій Петровъ!

Но и ты, мой собратъ сочинитель, сокрушающійся о мнимыхъ злодѣяніяхъ, нанесенныхъ тобою посредствомъ пера обществу, не сокрушайся напрасно, когда дѣло идетъ о практической жизни общества; никакая ерунда, какъ бы ты хитро и искусно ни придумалъ ее, или вовсе не привьется къ общественному смыслу, или не ляжетъ въ немъ прочно, и слѣдовательно, нѣтъ нужды опасаться, что на будущемъ свѣтѣ будутъ припекать тебя болѣе, чѣмъ отъявленнаго разбойника. Подобную штуку могъ написать только баснописецъ. Надобно быть слишкомъ *прекраснодушнымъ*, слишкомъ наивнымъ и невиннымъ, однимъ словомъ, сочинителемъ во всѣхъ отношеніяхъ,—что по латинѣ называется stultus rotundus,—чтобы думать, что всякая чепуха, которую мы придумаемъ и болѣе или менѣе краснорѣчиво, смотря по мѣрѣ даннаго каждому изъ насъ отъ Господа таланта, изобразимъ въ письменахъ, непремѣнно войдетъ въ плоть и кровь общества, сдѣлается его жизненнымъ элементомъ. Пока дѣло ограничивается одними

отвлеченными теоріями и фантастическими изысканіями, — тутъ можетъ быть и такъ, и сякъ. Но когда дѣло доходитъ до практической жизни, тутъ ничего не подѣлаешь. Жизнь есть такой непреоборимый антагонистъ всякой практической чепухи, съ которымъ не справится не только одинъ сочинитель, какъ бы онъ красноречивъ ни былъ, но даже и всѣ сочинители вмѣстѣ взятые. Обольстить ее на время кой-какъ, пожалуй, они еще могутъ, но утвердить въ ней какую бы то ни было чепуху навсегда, никогда. Мало того: жизнь умѣетъ убѣгать даже отъ обязательной силы закона, отъ обязательнаго примѣра, если они не ладятъ съ ея нормальнымъ теченіемъ. Мы могли бы представить въ подтвержденіе нашей мысли многочисленные примѣры изъ временъ недавнихъ, — но чтобы рѣчь наша имѣла болѣе величественное и прочное основаніе, возьмемъ примѣръ изъ всѣмъ извѣстной нашей древней исторіи, — и именно остановимся на Варягахъ.

Кто такіе были Варяги, пока исторія доселѣ еще не рѣшила, да и рѣшитъ ли когда, Богъ вѣсть. Существуютъ по этому предмету два мнѣнія: одни говорятъ, что варяги были скандинавы, другіе говорятъ, что они были изъ литвы; россійская академія придумала иныѣ, говорятъ, еще какое-то третіе мнѣніе, но мы не читали еще его. Впрочемъ для нашего дѣла это обстоятельство и не очень важно. Во всякомъ случаѣ мы можемъ принять за несомнѣнное, что они были а) не русскіе, т. е. не славяне, б) имѣли свой языкъ, свою религію, свои обычаи и законы; кромѣ того, лѣтописецъ разсказываетъ, что они пришли на русскую землю, т.е. изъ нашъ съ роды своими, значитъ, въ количествѣ весьма значительномъ, и притомъ въ послѣдствіи число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось приходящими къ нимъ земляками. Если вѣрить нѣкоторымъ изъ нашихъ историковъ, то первоначальное войско наше состояло исключительно изъ варяжскихъ пришельцевъ. Но если и не вѣрить имъ, то варяговъ все-таки было много. Если принять во вниманіе, что даже черезъ тысячу лѣтъ, въ нашъ просвѣщенный XIX вѣкъ у Австріи не отпала охота германизировать славянскія племена, у насъ г. Говорскій требуетъ настоятельно великорусизированія малороссійскаго племени, то можемъ ли мы сомнѣваться въ томъ, чтобы норманны, стоявшіе несомнѣнно ниже нашихъ современниковъ, не желали норманнизировать грубаго сравнительно съ ними и невѣжественнаго славянскаго племени? — И какъ бы имъ кажется было не успѣть въ этомъ? Если въ настоящее время Австрія не успѣваетъ германизировать всѣхъ славянъ, то это понятно. Славяне имѣютъ большую поддержку въ «Днѣ» и въ основанномъ въ Москвѣ славянскомъ комитетѣ. Если г. Говорскій не успѣваетъ великорусизировать малороссійское племя, и не смотря на поддержку «Дня» и московскаго славянскаго комитета не успѣваетъ въ этомъ, то и на это

есть достаточная причина. Противу г. Говорскаго сильно ратуетъ «Основа» и всѣ писатели-малороссы. Но варяги вѣдь не были въ такомъ положеніи. Тогда въ Россіи ни одного сочинителя не было, и, слѣдовательно, славянское племя поддерживать было некому. Кажется, трудное ли дѣло было его скандинавизировать или литвизировать, вообще варягизировать. Въ рукахъ варяговъ была власть, законъ, казна, преимущество образованія—однимъ словомъ, вся сила и моральная, и матеріальная. И однако же варяги не могли навязать ничтожному въ то время славянскому племени не только своей религіи, языка, законовъ, обычаевъ — куда! — даже одного закона о кровной мести не могли утвердить въ немъ. Впрочемъ это мы такъ думаемъ, что кровная месть не нашъ обычай, а норманскій,—другіе думаютъ иначе. Но правы ли мы, не правы ли въ этомъ случаѣ, — дѣло не важное. Ибо можно обойтись и безъ этого доказательства, которое мы привели только для показанія нашей спеціальности въ историческихъ познаніяхъ съ тою единственно цѣлію, чтобы «Время» не имѣло никакой возможности укорить насъ въ неосновательности нашихъ познаній, какъ укоряло оно Добролюбова, Чернышевскаго, Антоновича, справедливо гордясь тѣмъ, что само оно въ короткое время своего существованія такъ далеко успѣло углубиться въ почву знаній, что откопало тамъ цѣлую серію людей, неизвѣстныхъ ни древнему, ни новому міру и придумало имъ имя антиспатовъ. Впрочемъ все это *наши домашнія дѣла* съ «Временемъ», на которыя читатель можетъ обращать свое вниманіе и не обращать, какъ ему угодно. Главное, чего онъ не долженъ опускать изъ виду и что составляетъ нервъ нашего доказательства, состоитъ въ томъ, что варяги, при всемъ своемъ могуществѣ, не могли оставить въ славянскомъ племени никакого слѣда своей религіи, законовъ, обычаевъ, языка, напротивъ, исчезли безслѣдно съ лица земли, были всецѣло поглощены туземнымъ элементомъ. Кто же стеръ ихъ съ лица земли? Кто все, что въ нихъ было варяжскаго, переплавилъ, переработалъ въ одну славянскую массу? Это сдѣлалъ не кто другой, какъ жизнь, та самая жизнь, которая не слушаетъ ни сочинителей, ни закона, которая умѣетъ обойдти или претерпѣть всѣ притѣсненія, пройти сквозь всякія запоры и оковы и рано или поздно все-таки поставитъ на своемъ.

«Позвольте, могутъ сказать намъ. Положимъ, что вы и правы, когда говорите, что жизнь переработала, переплавила варяговъ, по своему вкусу, въ однородную со всѣмъ славянскимъ населеніемъ массу; но вѣдь за то, напримѣръ, Владиміръ и самъ передѣлалъ славянское населеніе нѣкоторымъ образомъ на свой ладъ, когда заставилъ его отказаться отъ вѣры отцовъ и принять христіанство». Возраженіе это мы предвидѣли и можемъ отвѣчать на него то же самое,

что сказали и выше, то есть, что Владиміръ точно такъ же не передѣлалъ жизни, какъ и бывшіе до него варяги. Владиміръ, напротивъ, подчинился славянскому элементу болѣе, чѣмъ всѣ бывшіе до него князья, совершенно слился съ туземнымъ населеніемъ, вслѣдствіе этого успѣлъ пріобрѣсти любовь народную и сдѣлаться вполнѣ народнымъ княземъ, а вслѣдствіе этого сдѣлался и представителемъ тогдашняго передоваго славянскаго общества. А это общество еще задолго до времени Владиміра начало въ своемъ религіозномъ развитіи переходить отъ своего непосредственнаго, грубаго обожанія предметовъ и силъ природы къ антропоморфизму, какъ очевидно это изъ того, что нѣкоторые изъ боговъ славянскихъ, какъ, напримѣръ, Перунъ, имѣли уже человѣческіе образы. Изъ этого видно, что относительно передоваго славянскаго общества Владиміръ не совершилъ насилія, онъ только помогъ скорѣйшему удовлетворенію порожденной уже въ немъ самобытно потребности замѣны отжившей формы религіи другою совершеннѣйшею. Конечно, развиваясь сами собою, самобытно славяне не пришли бы къ тому чистому антропоморфизму, который даетъ откровенное ученіе; они остановились бы болѣе на внѣшней формѣ; но за то болѣе внѣшнимъ образомъ отнеслись славяне и къ принятому ими христіанству, перенесши грубыя представленія язычества на христіанскихъ святыхъ и понявъ христіанство почти исключительно съ его обрядовой стороны. Такъ было съ передовымъ тогдашнимъ обществомъ. Что касается до массъ народныхъ, то они остались надолго при непосредственномъ натуральномъ обожаніи силъ природы и идоловъ, оставаясь чуждыми христіанству, хотя и именуясь христіанами. Со временъ христолюбца, обличавшаго въ XI вѣкѣ современныхъ ему христіанъ въ двувѣріи, въ томъ, что они, называясь христіанами, приносятъ тайно жертвы Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и Виламъ, и т. п., до позднѣйшихъ временъ мы видимъ въ простомъ народѣ это двувѣріе, обнаруживающееся сначала въ прямомъ соблюденіи языческаго культа въ полномъ его обрядѣ, потомъ въ удержаніи языческихъ суевѣрій, обычаевъ, воззрѣній, наконецъ, въ чисто натуральномъ воззрѣніи на религію и совершенномъ непониманіи внутренней стороны христіанства. Во многихъ мѣстахъ народъ нашъ остается даже доселѣ мало тронутъ христіанствомъ. Въ доказательство этого мы приведемъ любопытный разсказъ, передаваемый г. Пьяновымъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», разсказъ, которому трудно бы было дать вѣру, если бъ онъ совершался, такъ сказать, не въ нашу очію.

«Въ Черискомъ уѣздѣ, въ деревнѣ, что на Плавѣ, случилось слѣдующее замѣчательное происшествіе, такъ много говорящее само за себя, что не нуждается въ комментаріяхъ.

«Иванъ Ѳедоровъ Жаворонокъ еще мальчишкомъ былъ взятъ во дворъ помѣщика, для исполненія разныхъ мелкихъ работъ по хозяйству. Когда онъ выросъ, его женили, и онъ сдѣлался отцомъ двухъ мальчиковъ. Обязанности его состояли преимущественно въ обработкѣ барскаго огорода, въ чемъ помогали ему его сыновья. Записанный по третьей ревизіи въ дворовыхъ, онъ не былъ включенъ въ поземельный надѣлъ при введеніи уставной грамоты, и не зная никакого мастерства, которое могло бы дать ему средства къ жизни, очень скорбѣлъ о своемъ положеніи; но вотъ выгодное предложеніе его бывшаго однодомца и пріятеля, Сергѣя Павлова, обѣщало не только поправить его дѣла, но даже привести ихъ въ самое блистательное положеніе.

«Сергѣй Павловъ, мужикъ лѣтъ 50, былъ одинокъ, но это не помѣшало ему скопить порядочную для крестьянина сумму денегъ. У него хорошо водились пчелы, которыя достались ему еще отъ отца, онъ былъ трудолюбивъ, не пилъ водки, и все это вмѣстѣ, а особенно послѣднее обстоятельство привело его хозяйство въ цвѣтущее положеніе и сдѣлало его дворъ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ во всей деревнѣ. Одна только неотвязная мысль смущала его душу. Въ зимнее время онъ начиналъ чувствовать припадки удушья, чему подвержены почти всѣ трудолюбивые крестьяне, которые долго сохраняютъ свѣжій, здоровый видъ и потомъ вдругъ въ одинъ, въ два года, дѣлаются дряхлыми стариками, неспособными къ работѣ. «Вотъ я помру, думалъ Сергѣй, и дворъ мой рѣшится, — хотя бы пріемыша какого взять. Да гдѣ ихъ нынче взять, — и дѣти наровятъ съѣздить по уху отца! Вотъ кабы Жаворонокъ отдалъ своихъ ребятъ, ужь ублаготворилъ бы я его, — а ребята ничего, работящіе. Эта мысль не выходила у него изъ головы, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ землю, отведенную по уставной грамотѣ, крестьяне раздѣлили, какъ и прежде было, по тяглямъ, а не по душамъ, чего очень опасался Сергѣй, не хотѣвшій лишиться своихъ участковъ, стоившихъ ему столько трудовъ и пота. Онъ былъ пріятелемъ Жаворонка, но зная характеръ послѣдняго, не могъ рѣшить, какъ будетъ принято его предложеніе. Жаворонокъ былъ страшно скупъ и недовѣрчивъ. Сергѣй купилъ полштофъ водки и позвалъ къ себѣ пріятеля. Долго сидѣли они и разговаривали въ дружеской бесѣдѣ, но когда Сергѣй приступилъ къ занимавшему его предмету и высказалъ свои мысли, Жаворонокъ отказалъ на отрѣзъ, говоря, что онъ и самъ старъ, и что вся его надежда на дѣтей, — авось прокормятъ отца съ матерью. «Какіе-нибудь истошники будемъ находить», замѣтилъ онъ на всѣ возраженія Сергѣя. Тотъ не упалъ духомъ и не отказался отъ своего плана. Черезъ недѣлю, онъ вновь заговорилъ съ Жаворонкомъ и на этотъ разъ повелъ дѣло иначе: онъ предложилъ ему 100 рублей. Но Жаворонокъ не хотѣлъ и слушать. Переговоры длились долго, наконецъ Сергѣй восторжествовалъ. За 330 рублей Жаворонокъ уступалъ ему въ пріемыши обоихъ сыновей Дѣло казалось улаженнымъ, какъ вдругъ явилось неожиданное препятствіе съ такой стороны, откуда оба пріятеля его и не ждали. Жена Жаворонка,

при одномъ предложеніи мужа, разсвирѣпѣла какъ тигрица и сказала, чтобъ онъ лучше самъ убирался къ чорту, нежели она лишится своихъ сыновей. «Я ихъ кормила, я ихъ ростила, да на старости лѣтъ поди по-міру,» кричала она. Мужъ долго уговаривалъ жену, что имъ жить-то не гдѣ, что изба барская, что не нынче, такъ завтра ихъ выгонятъ, но баба не хотѣла слушать никакихъ резоновъ и твердо стояла на своемъ. Дѣлать было нечего, Жаворонокъ съ грустію понесъ полученный имъ задатокъ къ Сергѣю и объявилъ ему о встрѣтившемся препятствіи. Тотъ не принялъ назадъ задатка и сказалъ, что онъ самъ съ бабой переговоритъ. Дѣйствительно, переговоры Сергѣя съ бабой увѣнчались успѣхомъ, но только съ новою комбинаціей, состоявшей въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ дѣтьми перешла къ Сергѣю и мать, противъ чего она не только не протестовала, но соглашалась съ большою охотой. Но тутъ уже Жаворонокъ отказался, сказавъ, что ему безъ бабы жить не можно. Все опять рушилось.

«Между тѣмъ переговоры эти, тянувшіеся такъ долго, не были ни для кого въ деревнѣ тайною. Всѣ болѣе или менѣе принимали въ этомъ дѣлѣ участіе, и какъ Сергѣй былъ мужикъ зажиточный, не разъ ссужавшій своихъ сосѣдей и хлѣбомъ, и деньгами, не мудрено, что всякій старался дать ему посильный совѣтъ. Когда вновь это дѣло разсмотрѣли съ разныхъ сторонъ, то одинъ старикъ сказалъ Сергѣю: «Дивлюсь я, какъ вы этого не порѣшите, да ты отдай Жаворонку-то свою бабу. Вотъ тѣ и вся не долга». Совѣтъ былъ смѣлъ и неожиданъ, но тѣмъ не менѣе могъ уладить все дѣло. Отъ жены Сергѣя не могло быть никакого сопротивленія: это была баба тихая, безотвѣтная, не способная ни на какой протестъ. Жаворонокъ съ своей стороны выказалъ большое удовольствіе и сказалъ, что ему все равно, что та баба, что другая. Сергѣй пригласилъ всѣхъ къ себѣ запивать магарычъ. Здѣсь разсмотрѣли дѣло съ новой точки зрѣнія, и всѣ признали необходимымъ затереть брагу и справить въ обѣихъ дворахъ княжой обѣдъ. Такъ и сдѣлали. Сперва былъ княжой обѣдъ у Сергѣя, потомъ у Жаворонка. Много было слезъ и причитаній со стороны бабъ; особенно надрывалась жена Сергѣя, когда пришлось ей идти съ княжого обѣда въ новый для нея домъ съ Жаворонкомъ, но все это казалось въ порядкѣ вещей, и никто не былъ этимъ удивленъ. Когда всѣ пиры были окончены, новые прогрессисты зажили съ новыми хозяйками, и оба казались такъ довольны исходомъ дѣла, что торопились, каждый съ своей стороны, написать роспись и засвидѣтельствовать ее въ волостномъ правленіи. Отставной солдатъ написалъ роспись, какъ онъ утверждалъ, по всей формѣ, такъ что теперь, хотя кто раздумай, такъ ужь перевернуть нельзя, и пріятели поѣхали въ волость. Тамъ старшина съ своей стороны призналъ сдѣлку очень благоразумною и даже похвалилъ обоихъ контрагентовъ. Всѣ были довольны, Жаворонокъ получилъ 50 рублей въ задатокъ, какъ вдругъ недѣли черезъ двѣ узналъ обо всемъ этомъ мировой посредникъ. Нужно ли добавлять, что старшина былъ оштрафованъ, сдѣлка признана не дѣйствительною, а бабы водворены

на прежнихъ мѣстахъ жительства. Сколько же горькихъ слезъ пролили участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ! Вообще это рѣшеніе произвело ропотъ въ деревнѣ: «Вотъ тѣ и воля, говорили старики, какая же это воля, когда въ своемъ дѣлѣ, да воли нѣтъ. Кому тутъ, кажись, грубно? Ни барину, ни посреднику дѣла нѣтъ. А мужикъ все не смѣй. Одинъ Жаворонокъ остался съ барышомъ: онъ не возвратилъ полученнаго задатка, отговариваясь тѣмъ, что истратился на княжой обѣдъ.

Имена крестьянъ въ этомъ разсказѣ вымышлены, но событіе передано вѣрно.

Происшествіе, передаваемое этимъ разсказомъ, такъ значительно, что хотя «Московскія Вѣдомости» по свойственному всѣмъ курантамъ легкомыслію называютъ его не болѣе, какъ «курьезомъ (даже еще *куріозомъ*) изъ крестьянскаго быта», заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, вниманіе всякаго мыслящаго человѣка. Для насъ собственно разсказъ этотъ важенъ въ двухъ отношеніяхъ: онъ вполнѣ подтверждаетъ мысль нашу о томъ, что Владиміръ точно такъ же не могъ ничего сдѣлать съ жизнію, какъ и другіе варяги; почти черезъ тысячу лѣтъ она хранитъ свой натуральный смыслъ и взглядъ; — а этимъ и подтверждается та наша общая мысль, что жизнь умѣетъ ловко увернуться отъ законодательнаго на нее дѣйствія, отъ правительственныхъ мѣропріятій; ясно, что въ высшей степени было бы смѣшно думать, что она можетъ быть испорчена проповѣдуемою нѣкоторыми непризванными сочинителями чепухою. Но въ происшествіи, которое мы передали, есть и другая сторона, для насъ еще болѣе важная, чѣмъ первая.

Мы видимъ ясно изъ него, что всякая истина, принятая и содержимая нами по рутинѣ, не просвѣтленная разумнымъ разсмотрѣніемъ въ нашемъ собственномъ сознаніи, не принадлежитъ намъ; она составляетъ въ немъ нѣчто внѣшнее, чуждое намъ, и какъ легко намъ досталась, такъ легко можетъ быть и потеряна при первомъ искушеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ тѣ крестьяне, о которыхъ въ разсказѣ идетъ рѣчь, были истинные и добрые христіане, исполняли и посты, и церковныя постановленія, были вѣроятно въ числѣ ихъ и грамотные, познакомившіеся съ религіей по начаткамъ христіанскаго ученія, и однакожъ изъ множества лицъ не нашлось ни одного, который бы имѣлъ правильное христіанское понятіе о бракѣ. Ясное дѣло, что христіанскія понятія, принятыя и содержимыя ими по рутинѣ, по обычаю, не составляютъ въ нихъ никакого умственнаго капитала, точно такъ же какъ добрыя, укоренившіяся по обычаю свойства характера не составляютъ въ человѣкѣ капитала нравственнаго. Тѣ и другія, взятыя въ совокупности, не утвержденныя сознательнымъ разсмотрѣніемъ, представляютъ собою то состояніе, которое называется состоя-

ніемъ *невинности* и которое надежно бываетъ только дотолѣ, доколѣ не явился змѣй искуситель. Всякая истина дѣлается принадлежащею намъ, прочною въ насъ, однимъ словомъ, неотъемлемымъ нашимъ достояніемъ, когда она выяснится передъ нашимъ сознаніемъ чрезъ сопоставленіе ея съ противоположными ей ложными мнѣніями, когда разумными доводами утвердится ея превосходство надъ послѣдними. Вотъ почему появленіе всякихъ противоположныхъ общепринятымъ ученіямъ воззрѣній въ обществѣ или литературѣ, какъ бы они ни были нелѣпы, не только не вредно, но, напротивъ, весьма полезно. Эти противоположныя нелѣпыя ученія и воззрѣнія возбуждаютъ общественную мысль къ дѣятельности, заставляютъ ее выяснять для себя истину и тѣмъ даютъ послѣдней прочное основаніе въ сознаніи.

И такъ, собратъ мой, сочинитель, сѣющій или сѣявшій ерунду! Ты не только извиняешься въ прошедшихъ твоихъ дѣяніяхъ, но и поощряешься къ оными на будущее время. Ты, если и не столько полезенъ въ общемъ дѣлѣ какъ сѣющій доброе сѣмя, но все-таки весьма полезенъ. Ретроградъ ли ты, мракобѣснующійся ли, просто ли ерундистъ по умственному природному слабоумію, по недостатку ли образованія,—это все равно, сѣй сѣмя ретроградства, мракобѣсія, ерунды смѣлою и щедрою рукою, не только не боясь никакихъ препятствій на томъ свѣтѣ, а даже ожидая, какъ и всякій полезный дѣятель, соразмѣрнаго награжденія за свою дѣятельность. Объ одномъ умоляю тебя, добрый собратъ мой! Не пиши, если уже у тебя нѣтъ ровно никакой мысли въ головѣ! Не пиши однихъ *красивыхъ* словъ. Эта дѣятельность не только безполезна, но и положительно вредна. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что за таковую дѣятельность будетъ непремѣнно наказаніе въ будущемъ вѣкѣ, хотя въ настоящемъ ты и можешь пользоваться очень хорошимъ поощреніемъ въ редакціяхъ: «Московскихъ Вѣдомостей», «Нашего Времени», «Сѣверной Почты» и т. п.

Изъ того, что мы сказали, читатель видитъ, что для общества не опасно никакое движеніе мысли, для него опасенъ, убійственъ только застой ея. Какъ было въ древней исторіи, такъ видимъ мы и въ новой, что чѣмъ болѣе въ какомъ нибудь государствѣ движенія мысли, чѣмъ болѣе свободы слова, тѣмъ быстрѣе развивается оно и въ умственномъ, и нравственномъ отношеніи и тѣмъ лучшимъ пользуется соціальнымъ и матеріальнымъ благосостояніемъ. Когда мы говоримъ о свободѣ слова, мы разумѣемъ свободу не одного только литературнаго слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свободу слова общественную. Общество есть великое училище, гдѣ люди учатся другъ у друга взаимнымъ обмѣномъ мыслей и знаній. Гдѣ нѣтъ свободы для этого обмѣна, тамъ общество останется въ вѣчномъ застоѣ и прозябаніи, ли-

ненное всякаго общественнаго и практическаго смысла. Напрасно думаемъ мы это общественное обученіе другъ друга замѣнить школьнымъ ученіемъ. Школы могутъ дать элементарныя понятія въ разныхъ наукахъ, но общественнаго смысла не дадутъ, тѣмъ болѣе не разовьютъ гражданскихъ доблестей, если общество не воспитываетъ ихъ своимъ вліяніемъ. Мы видимъ зачастую, что многіе изъ кончившихъ курсъ даже въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оказываются очень плохими общественными дѣятелями не только по неразвитости своего смысла для общественныхъ дѣлъ, но даже и по своимъ моральнымъ качествамъ, когда-то блистательнымъ, но потерявшимъ весь свой блескъ, сдѣлавшимся даже гадкими въ приложеніи къ общественной дѣятельности. О среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и говорить нечего. Въ Пруссіи, гдѣ народное образованіе посредствомъ школьнаго ученія распространено болѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ европейскомъ государствѣ, давно поняли, что одно это образованіе само по себѣ безъ поддержки его взаимнымъ общественнымъ развитіемъ, ни къ чему не поведетъ, и потому тамъ правительство, въ видахъ народнаго развитія, дозволило народныя собранія для взаимнаго обмѣна мыслей и обученія. Мы приведемъ здѣсь любопытныя свѣдѣнія и соображенія по этому предмету, сообщенныя неизвѣстнымъ авторомъ въ 51 № «Очерковъ».

«Многіе думаютъ, что для народа достаточно завести кое-какія школы, гдѣ бы кое-какъ научили дѣтей читать и писать, и что за тѣмъ образованіе распространится какъ-то само по себѣ. Въ странахъ, перегнавшихъ насъ въ этомъ отношеніи и славящихся болѣе или менѣе хорошимъ устройствомъ школъ, люди мыслящіе въ настоящее время успѣли убѣдиться, какъ ошибочно это мнѣніе. Большинство дѣтей, какъ дознано въ Пруссіи, на основаніи ряда фактовъ, которые мнѣ не трудно было бы привести, оставаясь безъ дальнѣйшаго надзора, забываютъ даже чтеніе и письмо, такъ что, если спустя нѣсколько времени понадобится и то и другое, молодому человѣку, окончившему курсъ въ народномъ училищѣ, приходится начинать со складовъ. Въ Пруссіи само правительство нашлось въ необходимости сознаться въ этой грустной для ея школъ истинѣ и, для поправленія зла, прусское правительство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ учредило такъ называемые Fortbildungsschulen, цѣль которыхъ поддерживать и укрѣплять въ молодыхъ людяхъ свѣдѣнія, добытыя въ элементарныхъ училищахъ. Спрашивается, все ли сдѣлано съ учрежденіемъ этихъ дополнительныхъ школъ и долженъ ли человѣкъ, посѣщавшій ихъ, обходиться безъ всякой дальнѣйшей умственной пищи или, вѣрнѣе, — будетъ ли большинство такихъ людей въ состояніи пріобрѣтать себѣ ее безъ содѣйствія другихъ? Насущныя заботы и вліяніе сферы, незнакомой съ умственными интересами, и въ этомъ случаѣ, намъ кажется, убьютъ, если не все, то по крайней мѣрѣ очень многое и, безъ содѣйствія литературы и общества, скудныя

элементарныя свѣдѣнія будутъ для обладающаго ими безполезнымъ кладомъ. Откажите народу въ газетѣ, говорящей свободно въ духѣ ему понятномъ и полезномъ, запретите ему въ зрѣломъ возрастѣ сходиться и соединяться въ общества, которыя бы имѣли цѣлію содѣйствовать ему на пути преуспѣянія — и всѣ ваши заботы о народныхъ школахъ не принесутъ большихъ плодовъ. Мы помнимъ, какъ недавно записные педагоги нападали на наши воскресныя школы за то, что недоучившіеся будто бы мальчишки въ этихъ школахъ не ограничивались преподаваніемъ, а пускались со всякою дрянью въ серьезные разговоры. При всемъ томъ мальчишки были правы: механическій процессъ чтенія или письма ровно ничего не значитъ, и для выучиванія его дѣйствительно лучше командировать солдатъ, чѣмъ заводить воскресныя школы. Такъ и въ Пруссіи правительство, желавшее разукрасить себя и свой народъ именемъ просвѣщеннаго, позволяло заводить для народа школы, гдѣ бы учили, а разсуждать учившимся и въ зрѣломъ возрастѣ запрещало, такъ что школы существовали только для виду. Въ 1847 г. удалось нѣсколькимъ просвѣщеннымъ людямъ въ Пруссіи учредить первое собраніе работниковъ съ цѣлію сходиться съ ними постоянно и содѣйствовать ихъ развитію. Наступилъ 1848 годъ, а за нимъ и время реакціи, при которой конечно ферейны были распущены и открылись лишь со вступленіемъ на престолъ нынѣшняго короля. Впрочемъ, во время самаго гоненія главный ферейнъ въ самыхъ ревностныхъ приверженцахъ не прекращался; послѣдніе продолжали собирать на прогулки оставшихся имъ вѣрными адептовъ и, когда представилась возможность приняться съ усиленною энергіею за старое дѣло, они явились на сцену не одни. Назову изъ числа этихъ главныхъ дѣятелей въ ферейнахъ доктора Абарбанеля, личность глубоко честную и дорогую работникамъ. Въ недавнее время нѣкоторые изъ членовъ главнаго ферейна, находя его слишкомъ многочисленнымъ, образовали новый ферейнъ, и съ этимъ-то познакомился я сначала. Побѣдивъ нѣкоторыя трудности при входѣ, я преспокойно подсѣлъ къ одному изъ присутствовавшихъ въ саду ферейна. Передъ нами нѣкоторые занимались гимнастикой, особенно изъ молодыхъ, нѣкоторые сидѣли за столомъ съ кружкой пива въ рукахъ. Оказалось при распросахъ, что въ ферейнѣ 1400 членовъ, что за входъ платятъ 3 гроша въ мѣсяцъ, но за то пользуются даровыми уроками пѣнія, рисованія, французскаго языка, нѣмецкаго правописанія, гимнастики. Отъ времени до времени устраиваются праздники, которые, конечно, не обходятся безъ музыки. Во время нашего разговора раздался звонокъ, приглашавшій насъ въ залу. Тутъ вошелъ на каѳедру господинъ и, обратясь къ слушателямъ, замѣтилъ, что ихъ призваніе соединено не только съ разнаго рода лишеніями, но часто и съ отравою, которая проявляется въ различныхъ видахъ и нуждается въ точномъ распознаваніи. Затѣмъ, объявивъ, что ограничится отравою оловомъ, онъ описалъ подробно всѣ ея признаки и разсказалъ симптомы соединенной съ нею болѣзни. Послѣ того, взявшись вопросами, написанными работниками, на которые отчасти тутъ

же даны отвѣты, отчасти отложены до слѣдующаго раза, такъ какъ требовалось приготовленіе. Кто просилъ объ объясненіи какого-либо техническаго случая, кто наводилъ какую-либо мелочную справку, кто требовалъ описанія какихъ-либо явленій природы. Кто-то полюбопытствовалъ даже узнать, сколько вѣковъ прошло съ сотворенія міра и получилъ отвѣтъ научный. Окончилось наше засѣданіе пѣніемъ часовъ въ одиннадцать

Прочитавъ эту тираду, нельзя не согласиться, что только подъ условіемъ такого свободнаго народнаго обученія возможно надѣяться его развитія, что подъ вліяніемъ такой свободы цвѣла древняя Греція во время своего благосостоянія, что подъ вліяніемъ этой же свободы процвѣтаетъ въ настоящее время Англія. Имѣя это въ виду, мы думаемъ, что нѣкоторый соціальный и практическій смыслъ нашего народа, вынесенный имъ изъ древняго времени и сохраненный доселѣ, зависѣлъ отъ его общиннаго устройства и полной свободы сходокъ, что запрещеніе крестьянамъ, послѣдовавшее въ недавнее время, собираться на эти сходки не иначе, какъ по распоряженію начальства, подѣйствуетъ весьма неблагопріятно на ихъ умственное, общественное и даже нравственное развитіе.

Мы простояли почти тысячу лѣтъ, болѣе или менѣе изолированные отъ сношеній съ движущеюся Европою. Было время, когда всякая мысль, несогласная съ тѣмъ или другимъ образомъ нашихъ общепринятыхъ воззрѣній, была положительно намъ недоступна, преслѣдовалась, какъ тягчайшее преступленіе.—Чтожь мы вынесли изъ этого многолѣтняго карантиннаго положенія? Мы хвалились правотою нашихъ вѣрованій, чистотою нашихъ нравовъ, нашимъ патріотизмомъ. Чтожь мы видимъ теперь? При первомъ болѣе свободномъ прикосновеніи съ Европою все это рушится; воззрѣнія и добродѣтели, процвѣтавшія, яко кринъ сельный, при нашей изолированности, разлетаются въ пухъ и прахъ при первомъ приближеніи змѣя — искусителя! Чтожь будетъ далѣе при большемъ, неизбѣжномъ для насъ сближеніи съ Европою? — Не ясное ли дѣло, что самая святая истина и самая высокая добродѣтель, если онѣ не утверждены въ нашемъ умѣ и сердцѣ разумнымъ разсмотрѣніемъ, если для насъ не выяснено превосходство ихъ надъ всѣми противоположными воззрѣніями и образомъ дѣйствій, не принадлежатъ намъ? Первая хищная птица унесетъ ихъ отъ насъ. Не ясно ли, что если мы хотимъ идти впередъ, то полная свобода устнаго и письменнаго общественнаго взаимнаго обученія должна сдѣлаться необходимымъ достояніемъ нашего общества?

Тѣмъ удивительнѣе поэтому видѣть, что люди просвѣщенные, по видимому, ратующіе за дѣло прогресса, съ какимъ то страннымъ недоброжелательнымъ, можно сказать, злорадствомъ встрѣчаютъ всякую

свободную мысль въ литературѣ, впрочемъ не то, что даже и очень свободную, просто только не подходящую подъ рутинный уровень извѣстныхъ воззрѣній. Эта мысль явилась въ насъ по поводу слѣдующаго наивнаго объявленія о философскихъ лекціяхъ г. Юркевича, напечатаннаго въ 5 № Дня.

«Носится слухъ и, какъ кажется, достовѣрный, что профессоръ Юркевичъ откроетъ великимъ постомъ публичный курсъ лекцій, посвященныхъ преимущественно разбору и оцѣнкѣ ученій, въ томъ числѣ знаменитаго у насъ на руси Бюхнера. Отъ души желаемъ, чтобы этотъ слухъ скорѣе оправдался живымъ дѣломъ, и заранѣе предсказываемъ почтенному профессору блестящій успѣхъ и многочисленную публику. Нельзя не воздать должной благодарности матеріализму: онъ своимъ безжалостнымъ отрицаніемъ и храброю послѣдовательностію въ практической жизни своихъ адептовъ растревожилъ, напугалъ наше сонное общество и заставилъ или заставляетъ его поискать, для предотвращенія опасности, опоры въ логическихъ доводахъ разума въ той самой философіи, къ которой оно еще недавно относилось съ такимъ забавнымъ пренебреженіемъ! Бюхнеръ въ особенности является всѣмъ *отцамъ* какимъ-то страшнымъ кошмаромъ, и всѣмъ *дѣтямъ*, всѣмъ отрицателямъ авторитетовъ, какимъ-то непогрѣшимымъ, недосягаемымъ авторитетомъ. Развѣнчать этотъ кумиръ, показать, какъ мало заслуживаетъ онъ презрѣнія и страха, а тѣмъ менѣе поклоненія, было бы не маловажною общественною заслугою со стороны г. Юркевича».

Повидимому въ этой репликѣ ничего вѣдь нѣтъ особеннаго. Нѣтъ сомнѣнія, что И. С. Аксаковъ по своему философскому образу мыслей, относится къ числу спиритуалистовъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ желаетъ торжества почтенному профессору Юркевичу, также спиритуалисту. Нѣтъ сомнѣнія, что точно такъ же и всякій матеріалистъ пожелалъ бы торжества своему собрату — матеріалисту же. Но въ репликѣ И. С. Аксакова между строками читается нѣчто другое. Ему желается вмѣстѣ съ торжествомъ Юркевича видѣть совершенное пораженіе, уничтоженіе матеріализма въ обществѣ, такъ что бы и имя этого смертельнаго яда не воспомянулось къ тому. Вотъ этого ни одинъ матеріалистъ не пожелаетъ, — мы думаемъ, — спиритуализму. Потому что матеріалистъ знаетъ очень хорошо, что объ теоріи, и матеріалистическая, и спиритуалистическая суть не что иное, какъ философскія гипотезы для объясненія всего сущаго, и обѣ равно недостаточны. «Какъ? возопятъ на насъ наши доморощенные спиритуалисты, изучавшіе спиритуализмъ по часослову и псалтири,— такъ вы не вѣруете въ евангеліе, въ Бога и т. п.?» Позвольте, господа; да вѣдь мы разсматриваемъ спиритуализмъ и матеріа-

лизмъ, какъ продукты философствующаго естественнаго человѣческаго разума, не водящагося свѣтомъ откровенія. И съ этой точки зрѣнія мы совершенно правы въ своемъ отзывѣ. Еще святые отцы и учители первыхъ вѣковъ христіанства, изучавшіе философію и матеріалистическую и спиритуалистическую, о той и другой говорили, что «она ведетъ къ Христу» т. е., показывая человѣку скудость и несовершенство естественнаго его разума, оставленнаго самому себѣ, заставляетъ его искать истины въ евангеліи. Почему же вы, господа, доморощенные философы, такъ влюбились въ спиритуализмъ и такъ преслѣдуете матеріализмъ, когда отцы церкви то и другое ученіе признавали равно недостаточнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ равно полезнымъ *для* приготовленія къ принятію и понятію откровеннаго ученія? И дѣйствительно, всякому внимательно изучавшему спиритуализмъ и матеріализмъ, взглядъ на нихъ отцовъ церкви представится самымъ справедливымъ. Оба эти ученія должны и всегда будутъ идти другъ подлѣ друга всюду, гдѣ будетъ существовать философія, какъ два различныхъ пріема, единственно доступные ей для пониманія существующаго, но оба, по крайней мѣрѣ до настоящаго времени, не давшіе никакого удовлетворительнаго объясненія. Если матеріализмъ не объяснитъ намъ, откуда взялась вѣчная матерія съ присущими ей силами, какимъ образомъ изъ случайнаго соединенія матеріи могутъ вырождаться и вырабатываться организмы, удивляющіе сложностью, разумностью и красотою своего устройства, то вѣдь и спиритуализмъ тоже не объяснитъ, откуда взялась вѣчная матерія, какимъ образомъ чистѣйшій духъ породилъ ее, даже какимъ образомъ онъ, созерцающій все въ своихъ идеяхъ, можетъ познавать непрестанно текущій и измѣняющійся водоворотъ текущей жизни и вообще міра феноменальнаго, оставаясь самъ въ то же время неизмѣннымъ. Однимъ словомъ, спиритуализмъ и матеріализмъ, разсматриваемые только какъ теоретическія построенія ума философствующаго, равно неудовлетворительны. Другое дѣло, когда рѣчь идетъ объ откровенномъ ученіи. Тамъ, разумѣется, все это объясняется удовлетворительно, но объ откровеніи у насъ нѣтъ и слова. Еще И. А. Аксаковъ наивно думаетъ, что все ученіе матеріализма держится у насъ благодаря извѣстной книжечкѣ Бюхнера, что стоитъ только развѣнчать этотъ, по его выраженію, непогрѣшимый, недосягаемый авторитетъ, то ученіе матеріалистическое лишится всякихъ основъ въ умахъ его приверженцевъ и окончательно исчезнетъ съ лица земли русской. Какое легкое, презрительное отношеніе къ чужимъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ, не имѣющее впрочемъ для себя никакого основанія, кромѣ самодовольной увѣренности въ своихъ собственныхъ знаніяхъ и талантахъ! Кто же не знаетъ, что книжечка Бюхнера пользуется у насъ особеннымъ почетомъ

въ извѣстной средѣ только во популярности своего положенія и краткости, что есть много приверженцевъ матеріалистическаго ученія, знающихъ ной что гораздо побольше книжечки Бюхнера, что опроверженіе книжечки Бюхнера, какъ бы оно блистательно ни было, никакъ не поведетъ къ низпроверженію матеріализма?—Наконецъ, предполагая даже, что г. Юркевичъ основательно разсмотритъ слабыя стороны матеріализма вообще, независимо Бюхнера и того или другаго защитника матеріализма, мы все-таки, вопреки И. С. Аксакову, твердо убѣждены, что лекціи г. Юркевича поведутъ не къ уничтоженію у насъ матеріалистическихъ воззрѣній, а къ распространію ихъ, какъ бы ни было блистательно опроверженіе г. Юркевичемъ матеріализма; оно могло бы принести пользу только тогда, когда рядомъ съ аудиторіей, гдѣ читаются лекціи въ защиту спиритуализма, была другая аудиторія, гдѣ читались бы лекціи въ пользу матеріализма; сравнительное разсмотрѣніе того и другаго могло бы поставить слушателя на правильную дорогу и породить въ немъ твердое убѣжденіе въ большей основательности того или другаго ученія, ибо если гдѣ, то именно въ наукѣ справедливо изреченіе: audiatur et altera pars. Безъ этого, какъ ожесточенныя слѣпыя нападки на матеріализмъ, такъ и научныя безпристрастныя его разсмотрѣнія будутъ пріобрѣтать тѣмъ болѣе и болѣе ему адептовъ, во 1-хъ потому, что всякое гонимое ученіе возбуждаетъ къ себѣ невольную симпатію, такъ ужь созданъ человѣкъ; во 2-хъ, запрещеніе какого бы то ни было ученія необходимо заставляетъ предполагать въ этомъ ученіи силу, съ которою боятся вступить въ открытую борьбу противоположное ему принятое ученіе и тѣмъ самымъ заставляетъ подозрѣвать въ себѣ извѣстную слабость.

Когда мы дописывали эти строки, намъ принесли 51 № «Голоса», въ которомъ мы прочли слѣдующую замѣтку:

«Во вчерашнемъ нумерѣ «Русскаго Инвалида» напечатана статья, въ которой обвиняется одна изъ петербургскихъ газетъ въ печатаніи извѣстій, почерпаемыхъ изъ революціонной прессы, о ходѣ дѣлъ въ Полыпѣ. Статья недоумѣваетъ, для чего перепечатываются эти извѣстія? Если для того, говоритъ она, чтобы русскіе читатели знали, какія нелѣпости распространяются на западѣ о нашихъ дѣлахъ, то, по мнѣнію статьи, надобно оговорить это. «Ужели (говорится далѣе) редакціи нашихъ газетъ не знаютъ, что безъ этихъ оговорокъ значительная часть читателей добродушно принимаетъ всѣ напечатанныя фальшивыя вѣсти за чистую монету? Есть у насъ и такіе, которые систематически вѣрятъ какому нибудь мнимому рапорту Лангевича болѣе, чѣмъ офиціальному извѣстію въ «Инвалидѣ». Такихъ, конечно, исправить трудно. Но зачѣмъ же газетамъ распространять и поддерживать заблужденія?» Наконецъ, статья заключаетъ: «Если это дѣлается неумышленно, то по-

добная небрежность со стороны редакціи — прискорбна; если же это дѣлается съ умысломъ — то оно преступно.

«Хотя въ этой статьѣ не названа газета «Голосъ»; но такъ какъ она помѣстила въ своихъ столбцахъ нѣкоторыя свѣдѣнія, указанныя статьею «Русскаго Инвалида», то мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

«Статья требуетъ, чтобы наши журналы оговаривали нелѣпость извѣстій, заимствуемыхъ изъ иностранной прессы. Что касается до газеты «Голосъ», то она нѣсколько разъ предупреждала своихъ читателей, что не принимаетъ на себя отвѣтственности за вѣрность свѣдѣній, помѣщаемыхъ подъ рубрикою иностранныхъ извѣстій о польскихъ дѣлахъ. Редакція газеты «Голосъ» слишкомъ глубоко вѣруетъ въ здравый смыслъ русской публики, которая, безъ всякаго сомнѣнія, всегда съумѣетъ отличить ложь отъ правды. Притомъ же, наша газета печатаетъ официальныя извѣстія, и, стало быть, читателямъ дается возможность провѣрить ими свѣдѣнія, заимствуемыя изъ иностранныхъ источниковъ.

«Статья упоминаетъ о тѣхъ читателяхъ, которые добродушно вѣрятъ фальшивымъ вѣстямъ, вѣрятъ имъ болѣе, чѣмъ официальнымъ извѣстіямъ.. Мы скорбимъ объ этомъ печальномъ фактѣ не менѣе, чѣмъ кто либо; но спрашивается: гдѣ причина этого добродушнаго и ложнаго вѣрованія? Не въ томъ ли, что русская публика систематически вынуждалась вѣрить только официальному слову? что извѣстія, получаемыя неофиціальнымъ путемъ, не допускались до публики? что въ сообщеніи ей невѣрнаго извѣстія нерѣдко подозрѣвалось преступленіе?... Нелѣпость ложнаго извѣстія всегда можетъ быть опровергнута: эта обязанность лежитъ не только на частной, но и на официальной журналистикѣ, и опасаться вреда отъ нелѣпаго печатнаго слова совершенно напрасно. Но тотъ безконечный вредъ, который проистекаетъ отъ недовѣрія къ здравомыслію общества, отъ подозрительности нѣкоторыхъ къ печатному слову — неисчислимъ, и, между прочимъ, онъ порождаетъ не только добродушно вѣрующихъ читателей, но и читателей, систематически невѣрующихъ официальнымъ извѣстіямъ, порождаетъ тѣхъ неисправимыхъ людей, о которыхъ упоминаетъ статья «Русскаго Инвалида».

Фактъ, заявляемый «Русскимъ Инвалидомъ» о недовѣріи нашей публики къ извѣстіямъ, сообщаемымъ нашими газетами, въ особенности оффиціальнымъ, не новъ. Недовѣріе это дѣло весьма обыкновенное. Тѣмъ удивительнѣе, что «Русскій Инвалидъ» выдаетъ по этому случаю въ прискорбіе и подозрѣваетъ въ недовѣряющихъ какую-то неблагонамѣренность. Никакой неблагонамѣренности тутъ нѣтъ, — видна только одна любознательность, желающая знать истину. На публику смотрятъ у насъ, какъ на недозрѣлое дитя, которому нельзя того сказывать вподлинъ, этого и вовсе, третьяго въ такомъ-то видѣ и т. д. Ну, и публика дѣйствуетъ, какъ дитя, стараясь разузнать

скрываемое отъ нея другими путями. Такъ у насъ дѣлается не въ отношеніи только газетныхъ извѣстій, а и во всемъ: въ наукѣ, религіи, администраціи, жизни — однимъ словомъ, вездѣ. Все общество раздѣляется на двѣ половины: одна половина старается скрыть или представить въ иномъ видѣ тѣ свѣдѣнія, которыя она должна передавать другой, другая старается добыть контрабандою эти свѣдѣнія или въ полномъ ихъ количествѣ, или въ истинномъ, неискаженномъ видѣ, если они полны по количеству. Такъ дѣло идетъ съ испокон-вѣку. И какъ ни странно такое положеніе общества, какъ ни вредно оно вліяетъ на всѣ дѣла, на весь ходъ общественной жизни, — но къ нему привыкли и, замѣчу, тяготятся мало. Поколѣніе, воспіявшее противъ обмана, прибѣгаетъ само къ тому же самому обману, какъ скоро въ руки его попадается власть искажать свѣдѣнія — и такъ дѣло идетъ in infinitum. Оправдывается же это желаніемъ общественнаго порядка и спокойствія.

Конечно, нельзя отвергать, что бываютъ въ администраціи и дипломатіи немногія дѣла, преждевременное обнародованіе которыхъ повело бы къ смятенію, и которыя дѣйствительно требуютъ на извѣстное время тайны въ видахъ общественнаго порядка и спокойствія. Но затѣмъ, всѣ другія дѣла, а также научныя знанія, практическія и политическія свѣдѣнія, превращаемыя въ тайны только по мнимому несовершеннолѣтію публики, не только не способствуютъ общественному порядку и спокойствію, а напротивъ, возмущаютъ его. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы у насъ было дозволено свободное научное изслѣдованіе разныхъ философскихъ ученій и свобода ученыхъ мнѣній, московскимъ кумушкамъ не было бы никакой возможности бить въ набатъ и поднимать пустой шумъ и тревогу въ обществѣ изъ того, что вотъ, дескать, такой-то заражонъ матеріализмомъ и имѣетъ потаенное коварство *разрушить все россійское государство*. Тогда само общество хорошо видѣло бы и знало, что матеріалистъ вовсе не звѣрь какой нибудь, а такой же скромный изслѣдователь истины, и даже еще скромнѣйшій, чѣмъ спиритуалисты. Вѣдь по улицамъ Берлина, Штутгардта, Парижа, Лондона и т. п. разгуливаетъ безчисленное множество не только матеріалистовъ, но и другихъ всякаго рода гораздо худшихъ *методовъ*, однакожь они на людей не бросаются, грабежами и поджогами не занимаются, и города и государства, въ которыхъ они живутъ, не падаютъ.

Страннѣе всего представляется введеніе этихъ *тайнъ несовершеннолѣтія* въ науку въ учебныхъ заведеніяхъ не по неудобопріемлемости ихъ людьми извѣстнаго возраста и развитія, что, разумѣется, было бы весьма естественно и справедливо, а по чисто политическимъ соображеніямъ въ видахъ сохраненія общественнаго *порядка* и *спо-*

койствія. Для этого составляются особеннаго рода программы, чтобы черезъ науку не прошло къ слушающимъ болѣе свѣта, чѣмъ сколько благопотребно, устроиваются безчисленные надзоры и контроли надъ точнымъ исполненіемъ программъ. Достигается ли этимъ желаемая цѣль? — Нѣтъ, отвѣчаемъ мы. Какъ скоро въ юношѣ возникаетъ самостоятельная мысль, онъ находитъ возможность найдти и узнать то, что не договаривается ему на лекціяхъ, — а между тѣмъ означенный методъ тайны внушаетъ ему недовѣріе къ профессорамъ. Онъ перестаетъ смотрѣть на профессора, какъ на человѣка, желающаго передать ему добросовѣстно знанія, добытыя наукою, и смотритъ на него, какъ на чиновника, преподающаго науку для извѣстныхъ цѣлей. При такомъ взглядѣ въ немъ естественно теряется уваженіе къ профессору, является недовѣріе ко всему тому, что онъ говоритъ, а вслѣдъ затѣмъ манкированіе и лекціями. Излагай профессоръ науку добросовѣстно, высказывай свое истинное воззрѣніе, — замѣчанія его если не всегда, то, конечно, очень часто предупреждали бы увлеченія, во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе подрывали бы теоріи неосновательныя, — теперь же замѣчаніямъ профессора слушатель не даетъ никакой цѣны, даже вовсе ихъ не слушаетъ, и теоріи ложныя считаетъ за чистую истину.

Еще болѣе представляется страннымъ окруженіе надзоромъ и контролемъ школъ первоначальныхъ, тоже въ тѣхъ видахъ, чтобы туда не проникли *тайны несовершеннолѣтія*, могущія поколебать и возмутить общественный порядокъ и спокойствіе. Дѣтямъ отъ 7 до 12, даже 15 лѣтъ можетъ ли быть проповѣдана какая нибудь тайна, которая бы была опасна для общественнаго порядка и спокойствія? Если же по неразсудительности того, кто преподаетъ, такая тайна и была бы проповѣдана, можетъ ли это оставить въ мальчикѣ какой нибудь слѣдъ? — Положительно никакого. Мы видимъ, что всѣ возвышенныя знанія, преподаваемыя въ элементарныхъ школахъ, не соотвѣтствующія дѣтскому пониманію, преподаваемыя по рутинѣ, взятой съ нѣмецкой школы, исчезаютъ въ мальчикахъ безъ всякаго слѣда; и пришедши въ тотъ возрастъ, когда мысль начинаетъ дѣйствовать нѣсколько самостоятельно, они вновь начинаютъ изучать тѣ знанія, какъ будто они никогда не бывали въ ихъ сознаніи.

Мы очень жалѣемъ, что коммиссія, трудившаяся надъ составленіемъ *проекта устава народныхъ училищъ*, опустила изъ виду эту простую мысль и потому при составленіи его имѣла въ виду мѣры, которыя бы ограждали народныя училища отъ проникновенія туда *тайнъ несовершеннолѣтія*. Коммиссія поставила себя этимъ между Сциллой и Харибдой, между желаніемъ поставить народныя училища на основаніи какъ можно болѣе широкомъ и свободномъ, и между необходимостію

карантинныхъ мѣръ для огражденія отъ *тайнаго несовершеннолѣтія*. Вышло нѣчто весьма странное. Основанія, выставляемыя коммиссіею, въ силу которыхъ она дѣйствовала, весьма либеральны — лучшихъ желать нельзя, а самыя правила проектированнаго устава весьма стѣснительны, стѣснительнѣе даже бывшихъ у насъ доселѣ. Однимъ словомъ, заключеніе коммиссіи вовсе не вытекаетъ изъ посылокъ, ею же самою положенныхъ. Постараемся доказать нашу мысль разсмотрѣніемъ обнародованнаго проекта.

«Число народныхъ училищъ, существующихъ нынѣ, говоритъ коммиссія, по отношенію къ народонаселенію очень незначительно; и вообще самая грамотность развита у насъ очень мало. Поэтому наше правительство, какъ и всѣ просвѣщенныя правительства Европы, давно уже признало необходимымъ ускорять въ массѣ народонаселенія развитіе просвѣщенія поощрительными мѣрами.

«Въ трехъ образованныхъ странахъ Европы: въ Пруссіи, Франціи и Англіи, для достиженія этой цѣли употребляются три различныя системы:

«Въ Пруссіи ученье обязательно для всякаго ребенка въ теченіи опредѣленнаго возраста. Родители обязываются посылать въ школу своихъ дѣтей, достигшихъ извѣстнаго возраста, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа и даже тюремнаго заключенія, и вносить за ученье опредѣленную плату.

«Во Франціи нѣтъ никакой личной обязательности для каждаго учиться; но закономъ 15 марта 1850 г. предписано каждой общинѣ содержать на свой счетъ, по крайней мѣрѣ, школу для мальчиковъ, а если въ общинѣ 800 душъ и болѣе, то такую же школу для дѣвочекъ.

«Въ Англіи въ дѣлѣ народнаго образованія нѣтъ ни личной, ни общинной обязательности. Тамъ школы народныя учреждаются и существуютъ на общественныя и частныя средства, безъ всякаго внѣшняго побужденія и вмѣшательства со стороны правительства, которое само не устрояетъ народныхъ школъ, а ограничивается только пособіемъ имъ, и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сами школы обращаются къ нему за такимъ пособіемъ. Школѣ назначаютъ пособіе, по предварительномъ осмотрѣ ихъ правительственнымъ инспекторомъ, который опредѣляетъ размѣръ пособія, если школа удовлетворяетъ извѣстнымъ требованіямъ, и затѣмъ наблюдаетъ только, чтобы въ школѣ дѣйствительно производилось ученье и чтобы пособіе не шло даромъ, но не вмѣшивается во внутреннее устройство школы, въ составъ курса, въ характеръ преподаванія, въ опредѣленіе и увольненіе учителей и т. д. Во всѣхъ такихъ школахъ учащіеся обязаны платить за ученье по взаимному соглашенію съ содержателями ихъ.

«Первыя двѣ системы, прусская, и французская, для развитія на-

роднаго образованія, въ примѣненіи своемъ у насъ, встрѣтили бы огромныя препятствія. Прусская система личной обязательности у насъ невозможна уже потому, что, для повсемѣстнаго осуществленія ея, нѣтъ у насъ достаточныхъ средствъ; чтобы подвергать родителей взысканіямъ за неученье дѣтей ихъ, необходимо было бы устроить вездѣ школы, а какъ это сдѣлать, при разбросанности нашихъ селъ, при сравнительно недостаточномъ числѣ учителей, необходимыхъ для достиженія этой цѣли, и при бѣдности жителей, которые особенно въ отдаленныхъ деревняхъ поставлены были бы въ рѣшительную невозможность платить за ученье своихъ дѣтей?

«Не менѣе затрудненій представляетъ и французская система. Обязательность содержанія училищъ для каждыхъ 800 душъ была бы у насъ налогомъ несправедливымъ относительно большей части плательщиковъ. 800 душъ живутъ у насъ, даже въ густо-населенныхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ, на 20 верстахъ и обыкновенно не менѣе, нежъ въ 8 деревняхъ; школа, существуя въ одной только деревнѣ, будетъ доставлять возможность и удобство посѣщать ее только дѣтямъ этой деревни, а между тѣмъ налогъ падетъ на живущихъ во всѣхъ деревняхъ одинаково и притомъ безъ различія, и на тѣхъ, которые имѣютъ дѣтей, и на тѣхъ, у которыхъ ихъ нѣтъ. Далѣе, налогъ на каждыя 800 душъ былъ бы и слишкомъ тяжелымъ налогомъ: если считать самымъ бѣднымъ образомъ на полное содержаніе такого училища 200 руб. въ годъ, то на каждое тягло пришлось бы вносить, сверхъ прочихъ податей, по 25 коп. за душу въ годъ за одно ученье дѣтей. Наконецъ, не смотря на такой общій налогъ, цѣль повсемѣстнаго распространенія образованія во всей училищной общинѣ не достигается даже и во Франціи, гдѣ населеніе гуще, потому что бѣднѣйшія дѣти отвлекаются самими родителями отъ ученья для домашнихъ занятій по хозяйству, а у насъ такая цѣль еще менѣе можетъ быть достигнута, сверхъ того, и по невозможности даже для достаточныхъ дѣтей въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ училища, посѣщать училище въ ненастное время осени и зимы. По всѣмъ этимъ причинамъ, введеніе во всей Имперіи обязательнаго содержанія училища извѣстнымъ числомъ душъ произвело бы у насъ неудовольствіе, которое имѣло бы притомъ основаніе. Правда, подобная система, хотя и выраженная не въ такой формѣ, существуетъ у насъ и теперь въ селеніяхъ вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго, гдѣ на содержаніе училищъ собирается со всѣхъ, а между тѣмъ училища существуютъ далеко не вездѣ, потому что собираемыя средства недостаточны для повсемѣстнаго ихъ устройства. Но это именно обстоятельство показываетъ, что система эта достигла уже у насъ своего предѣла и что дальнѣйшее развитіе ея необходимо условливается установленіемъ но

вого налога. По невозможности принять такую мѣру въ настоящее время, необходимо оставить всякую мысль о дальнѣйшемъ развитіи училищъ посредствомъ обязательнаго ихъ содержанія обществами, а изыскивать другіе къ тому способы, въ числѣ которыхъ наиболѣе практическихъ удобствъ представляло бы нѣкоторое примѣненіе къ этому дѣлу англійскій системы, т. е. привлеченія къ дѣлу народнаго образованія обществъ и частныхъ лицъ посредствомъ поощрительныхъ мѣръ и даже пособій со стороны правительства въ случаяхъ необходимости».

Со всѣмъ тѣмъ, что говорится здѣсь о непримѣнимости у насъ системъ обязательнаго народнаго ученія, прусской и французской, нельзя не согласиться; кажется, отсюда прямо слѣдовало бы заключеніе, что единственная примѣнимая у насъ система англійская и притомъ во всей полнотѣ ея съ тою же самостоятельностью и независимостью отъ правительства, тѣмъ болѣе, что у насъ съ давняго времени грамотность, какая была между народомъ, пріобрѣталась и поддерживалась имъ безъ всякаго вмѣшательства правительства.

Между тѣмъ, комиссія, признавая превосходство англійской системы, говоритъ, что у насъ она можетъ быть допущена только съ ограниченіями или, какъ она выражается, можетъ быть сдѣлано только *нѣкоторое* примѣненіе ея.

Въ чемъ будетъ заключаться различіе нашего примѣненія одной и той же системы отъ англійскаго?

Въ Англіи школы народныя, говоритъ комиссія, *учреждаются и существуютъ на общественныя и частныя средства, безъ всякаго внѣшняго побужденія и вмѣшательства со стороны правительства*, которое и не знаетъ объ ихъ существованіи, если онѣ не обращаются къ нему за пособіемъ. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ обращаются къ нему за пособіемъ и оно даетъ пособіе, то наблюдаетъ только за тѣмъ, чтобы въ школѣ *дѣйствительно производилось ученіе и чтобы пособіе не шло даромъ, но не вмѣшивается во внутреннее устройство школы, въ составъ курса, въ характеръ преподаванія, въ опредѣленіе и увольненіе учителей и т. д.*

У насъ же всѣ народныя школы безъ исключенія подчиняются *училищному совѣту*, который въ свою очередь подчиненъ попечителю учебнаго округа.

«Всѣ народныя училища,—такъ гласитъ § 3 проекта положенія о народныхъ училищахъ, — въ каждомъ уѣздѣ состоятъ въ вѣденіи уѣзднаго *училищнаго совѣта*, который въ надлежащихъ случаяхъ по дѣламъ учебнымъ входитъ съ представленіемъ непосредственно къ попечителю учебнаго округа».

Что такое училищный совѣтъ и какую онъ имѣетъ власть надъ народными школами?

§ 4. «*Уѣздный училищный совѣтъ* состоитъ изъ членовъ отъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, отъ духовнаго вѣдомства и изъ представителей тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя народныя училища. (*По проекту предполагается сосредоточеніе народныхъ училищъ по всей Имперіи въ завѣдываніе министерства народнаго просвѣщенія; подъ представителями другихъ вѣдомствъ здѣсь разумѣются, напримѣръ, чиновники отъ училищъ министерства государственныхъ имуществъ, отъ удѣльнаго вѣдомства и т. д.*). Общества, содержащія на свой счетъ начальныя народныя училища, также могутъ имѣть, по дѣламъ ихъ училищъ, представителей въ этомъ совѣтѣ въ лицѣ попечителей и попечительницъ народныхъ училищъ. Предсѣдатель совѣта выбирается изъ среды совѣта самими членами на два года».

«*Примѣчаніе. Членомъ совѣта отъ министерства народнаго просвѣщенія состоитъ уѣздный инспекторъ народныхъ училищъ*».

§ 5. На уѣздномъ училищномъ совѣтѣ лежатъ между прочимъ слѣдующія обязанности:

а) наблюденіе за направленіемъ преподаванія во всѣхъ народныхъ училищахъ уѣзда и съ этою цѣлію обозрѣніе ихъ тѣмъ способомъ, какой признанъ будетъ имъ болѣе удобнымъ;

в) разрѣшеніе на открытіе новыхъ народныхъ училищъ обществами и частными лицами;

е) представленіе министерству народнаго просвѣщенія, чрезъ попечителей учебныхъ округовъ, о тѣхъ училищахъ и учителяхъ, которые заслуживаютъ пособія и поощренія,—а *министерству внутреннихъ дѣлъ—о тѣхъ лицахъ, содержащихъ училища или обучающихъ въ нихъ, которыя оказались бы неблагонадежными и не могли бы быть терпимы на педагогическомъ поприщѣ*;

ж) составленіе ежегоднаго отчета о состояніи всѣхъ народныхъ училищъ уѣзда для представленія его 1) къ министру народнаго просвѣщенія чрезъ попечителя учебнаго округа и 2) тѣмъ вѣдомствамъ, на счетъ которыхъ содержится училище.

§ 8. Всѣ сообщенія по дѣламъ училищъ собираются, по возможности, на мѣстѣ членами совѣта, во время осмотра ими училищъ.

§ 54. Для учрежденія низшихъ народныхъ училищъ обществами и частными лицами требуется разрѣшеніе уѣзднаго училищнаго совѣта, но закрытіе тѣхъ училищъ зависитъ отъ воли самихъ учредителей, которымъ вмѣняется въ обязанность о подобныхъ случаяхъ сообщать училищному совѣту для свѣдѣнія.

§ 55. Начальныя народныя училища, содержимыя частными ли-

цами, могутъ быть закрываемы и по распоряженію училищнаго совѣта только въ случаѣ безнравственности и по неблагонамѣренности ихъ содержателей.

§ 50. Дозволеніе на обученіе въ начальныхъ народныхъ училищахъ, учреждаемыхъ обществами и частными лицами, дается училищнымъ совѣтомъ лицамъ обоего пола, представившимъ надлежащее ручательство за добрую нравственность и благонамѣренность.

§ 52. Въ тѣхъ школахъ грамотности, содержимыхъ частными лицами, гдѣ учащіеся принадлежатъ къ православному исповѣданію, наставленіе учащихъ въ Законѣ Божіемъ возлагается обязательно на ближайшее мѣстное духовенство.

Изъ приведенныхъ нами §§ проектированнаго устава народныхъ училищъ видно, что каждая частная начальная школа

1) Открывается не иначе какъ съ *разрѣшенія* училищнаго совѣта

2) Обучающій или обучающіе должны получать также разрѣшеніе отъ того же совѣта на право обученія, представивъ совѣту ручательство о своей доброй нравственности и благонамѣренности.

3) За *направленіемъ* ученія въ школѣ наблюдаетъ училищный совѣтъ.

4) Совѣтъ имѣетъ право чрезъ своихъ членовъ во всякое время посѣщать школы для собранія свѣдѣній.

5) Совѣтъ можетъ закрыть школу, усмотрѣвъ безнравственность или неблагонамѣренность содержателей.

6) Совѣтъ даже *доноситъ* министерству внутреннихъ дѣлъ о тѣхъ лицахъ содержащихъ училище или обучающихъ въ нихъ, которыя бы оказались неблагонадежными и не могли бы быть терпимы на педагогическомъ поприщѣ.

7) Законъ Божій преподаетъ непремѣнно лицо духовное.

Предоставляемъ самому читателю изыскивать, на сколько въ подобной постановкѣ школъ есть сходства съ системою школъ англійскою и отчего комиссія придуманную ею постановку нашла нужнымъ назвать примѣненіемъ англійской системы. Мы, съ своей стороны, не только ничего не находимъ англійскаго, а напротивъ, думаемъ, что проектированный комиссіею уставъ стоитъ гораздо ниже даже нашей современной дѣйствительности, и боимся, что если онъ будетъ приведенъ въ исполненіе, то грамотность сильно уменьшится между народомъ противъ теперяшняго.

Кто у насъ учитъ въ настоящее время грамотѣ въ народѣ? Отставные солдаты, старыя дѣвушки, отставные чиновники, дьячки и тому подобныя лица, народъ все бѣдный, запуганный, да и за обученіе получающій, не Богъ вѣсть, какія выгоды, а кой какія крохи, а иногда и вовсе ничего не получающій. Согласятся ли они выхлопатывать себѣ

разрѣшеніе на ученіе, а также подвергаться посѣщенію и контролю членовъ совѣта, да еще и опасности быть аттестованными въ качествѣ неблагонамѣренныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ?—Изъ простыхъ людей никто ни подъ какимъ видомъ на это не согласится. Далѣе, какъ такое опасное орудіе, какъ *направленіе*, давать въ полновластное распоряженіе всѣмъ училищнымъ совѣтамъ на всемъ протяженіи россійской имперіи?—*Направленіе* вещь очень тонкая, въ распознаваніи которой ошибаются, какъ мы видимъ, даже въ столицахъ люди умные—преумные. Что жъ будетъ въ провинціяхъ-то, и особенно провинціяхъ глухихъ? — Вѣдь тамъ преслѣдованіе за направленіе превратится въ карикатуру. По всей вѣроятности, понятіе *направленія* во всѣхъ мѣстностяхъ сформируется по мѣстному настроенію и требованіямъ, какъ формируется нынѣ понятіе о добродѣтели по замѣчанію Гоголя: одинъ называетъ недостаткомъ добродѣтели въ подчиненномъ, когда онъ ему шапки не снимаетъ, другой, когда не угождаетъ его любовницѣ и т. д. Наконецъ, когда учить будутъ все лица *нравственныя* и *благонамѣренныя*, состоящія подъ наблюденіемъ совѣтовъ училищныхъ,—гдѣ же будутъ учиться дѣти раскольниковъ? Вѣдь нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ такимъ учителямъ въ обученье они своихъ дѣтей не отдадутъ.

Точно такъ же разсуждаетъ коммиссія о методѣ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ въ народныхъ школахъ, т. е. основаніе кладетъ широкое, либеральное, а въ заключеніи, т. е. въ самомъ правилѣ устава, ничего кромѣ стѣсненія не выходитъ. Мы уже видѣли проектированное ею непремѣнное требованіе, чтобъ учителями закона Божія были непремѣнно лица духовныя. Такое же обязательное требованіе высказывается ею относительно языка великорусскаго въ Малороссіи и Бѣлоруссіи.

По поводу этого вопроса коммиссія говоритъ между прочимъ: «представляется естественнымъ (!?) требованіе, чтобы всѣ жители имперіи знали господствующій языкъ русскій; на такое требованіе едвали возможно настаивать въ отношеніи ко всѣмъ инородцамъ, живущимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ русскій языкъ вовсе не употребляется. Поэтому въ настоящее время, во всѣхъ низшихъ народныхъ училищахъ остзейскаго края, русскій языкъ вовсе не преподается. Но есть мѣстности, гдѣ господствующее нарѣчіе подходитъ къ русскому, т. е. великороссійскому языку, какъ, напримѣръ, Малороссія и Бѣлоруссія, и гдѣ масса населенія принадлежитъ, кромѣ того, къ господствующему православному исповѣданію, но гдѣ однако русскій, т. е. великорусскій языкъ, недостаточно понимается учащимися и вслѣдствіе того обученіе на немъ исключительно встрѣчаетъ въ училищахъ препятствія весьма значительныя. Въ такихъ мѣстностяхъ, кажется,

весьма важно начинать ученье въ народныхъ училищахъ на мѣстномъ нарѣчіи и затѣмъ уже переходить постепенно къ собственно русскому языку. Ученье въ народныхъ училищахъ должно имѣть цѣлію развитіе учащихся посредствомъ религіознаго наставленія и сообщенія свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни. Можно ли дѣйствовать успѣшно въ этомъ смыслѣ на дѣтей, если учитель будетъ съ самаго перваго дня поступленія ихъ въ школу говорить съ ними и заставлять ихъ объясняться на языкѣ для нихъ непонятномъ? Не будетъ ли такое ученье чисто механическимъ заучиваніемъ малоизвѣстныхъ словъ и выраженій, не развивающихъ, а притупляющихъ дѣтей и внушающихъ имъ отвращеніе къ школѣ, что было бы особенно вредно по причинамъ политическимъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ народная школа является представителемъ русскаго элемента и средствомъ русскаго вліянія. Обстоятельства эти имѣютъ такое огромное значеніе, что нельзя не обратить на нихъ должнаго вниманія. Въ уставѣ 1804 года весьма благоразумно въ уѣздныхъ училищахъ полагалось преподаваніе, кромѣ русской грамматики, и грамматики мѣстнаго языка».

Со всѣмъ тѣмъ, что говорится здѣсь о трудности для дѣтей учить что бы то ни было на чуждомъ имъ нарѣчіи, нельзя не согласиться. Судя по разсужденіямъ, которыя дѣлаетъ коммиссія, можно бы было думать, что заключеніе будетъ такое, что весь курсъ ученія въ народныхъ школахъ долженъ быть преподаваемъ на мѣстномъ нарѣчіи. Тѣмъ болѣе надобно было ожидать такого заключенія, что курсъ и по объему предметовъ, и по времени продолженія очень не значителенъ; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что ни одинъ мальчикъ въ продолженіи всего курса не успѣетъ познакомиться порядочно съ великороссійскимъ нарѣчіемъ. Но если бъ онъ даже и могъ познакомиться, какая польза ему въ этомъ нарѣчіи? Большею частію онъ долженъ знакомиться съ нимъ только для того, чтобы потомъ совершенно забыть среди своего мѣстнаго населенія, не употребляющаго языка великороссійскаго. Другое дѣло, когда селенія находятся подлѣ мѣстности, требующей знанія великороссійскаго нарѣчія. Но въ такомъ случаѣ самая нужда дастъ знать о себѣ и потребуетъ преподаванія этого языка. Живущіе около Петербурга колонисты безъ всякаго приглашенія или предложенія сами ввели русскій языкъ въ своихъ школахъ и изучаютъ его усерднѣйшимъ образомъ. И такъ, по всѣмъ этимъ соображеніямъ, слѣдовало бы ожидать, что коммиссія сдѣлаетъ такое заключеніе, что во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ родной языкъ не есть великороссійскій, ученіе въ народныхъ школахъ производится на родномъ языкѣ,—между тѣмъ, коммиссія ограничиваетъ это заключеніе такимъ образомъ, что ученіе начинается только на родномъ языкѣ, а затѣмъ дѣлается переходъ къ ученію на русскомъ языкѣ. Зачѣмъ

нуженъ, спрашивается, великороссійскій языкъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ вовсе не употребляется? — Затѣмъ, отвѣчаетъ коммиссія, что *представляется естественнымъ, чтобы всѣ жители имперіи знали господствующій языкъ!!* Коммиссія не выясняетъ тѣхъ основаній, которыми обусловливается въ глазахъ ея эта *естественность*. А сами мы, признаемся, не можемъ додуматься ни до какихъ основаній, исключая опасенія сепаратизма. Но мы никакъ не смѣемъ себѣ позволить думать, чтобы надъ коммиссіею могло тяготѣть это химерическое пугало, созданное разстроннымъ воображеніемъ нашихъ запылѣвшихъ ретроградовъ!

То же самое, что мы сказали объ отношеніи взгляда коммиссіи на мѣстныя нарѣчія къ выводамъ изъ этого взгляда, мы должны сказать и объ отношеніи взгляда ея на *воскресныя школы* къ выводамъ, дѣлаемымъ изъ этого взгляда. Коммиссія признаетъ пользу, даже необходимость воскресныхъ школъ для народнаго образованія. «Воскресныя школы, говоритъ она, въ кратковременный періодъ своего существованія у насъ успѣли возбудить къ себѣ живое и дѣятельное участіе общества; это одно обстоятельство уже достаточно показываетъ, что у насъ существуетъ дѣйствительная потребность въ подобныхъ учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ необходимое первоначальное образованіе многочисленному классу ремесленнаго и вообще рабочаго населенія, лишенному возможности пользоваться ученіемъ ежедневно. Поэтому возможно скорое открытіе воскресныхъ школъ является дѣломъ весьма желательнымъ въ видахъ народнаго просвѣщенія».

«Но, продолжаетъ коммиссія,— приэтомъ представляется вопросъ, какъ согласить при устройствѣ этихъ школъ интересы педагогическіе съ видами общественнаго порядка и спокойствія?»

Усиливаясь сдѣлать это соглашеніе, коммиссія вырабатываетъ слѣдующее положеніе, относительно воскресныхъ школъ: «*воскресныя школы относительно способа ихъ учрежденія, учебнаго курса, правъ обученія въ нихъ и надзора за ними, подчиняются одинаковымъ условіямъ съ приходскими народными училищами*».

На нашъ взглядъ такое требованіе, относительно воскресныхъ школъ, равносильно ихъ запрещенію. Наши воскресныя школы своимъ успѣхомъ обязаны были участію въ нихъ такихъ лицъ, о которыхъ можно смѣло впередъ сказать, что они не согласятся подвергаться никакимъ формальностямъ, обусловливающимъ обученіе въ народныхъ училищахъ. Намъ кажется, скорѣе можно бы было, если ужь это непремѣнно нужно, согласить педагогическіе интересы съ видами общественнаго порядка и спокойствія такимъ постановленіемъ, чтобы во всякой воскресной школѣ при преподаваніи присутствовала какая нибудь полицейская власть, и затѣмъ было бы дозволено преподавать

въ школахъ всѣмъ, кто хочетъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разрѣшеній, наблюденій, контролей. Какъ ни стѣснительна мѣра, о которой мы говоримъ, но можно было бы все-таки надѣяться, что найдутся люди, которые ради пользы народа согласятся ей подчиниться. Проектированное же коммиссіею положеніе обрекаетъ воскресныя школы на вѣрную и неизбѣжную смерть.

Этимъ мы оканчиваемъ разсмотрѣніе новаго проектированнаго устава народныхъ школъ, не входя въ разборъ его внутренней стороны. Разсмотрѣніе послѣдней повело бы насъ очень далеко. Мы можемъ сказать одно, что если за школой признавать обязанность не только учить грамотѣ, но и развивать понятіе мальчиковъ, то внутренняя сторона устава также неудовлетворительна. Впрочемъ безъ свободной постановки народныхъ школъ самая образцовая программа ученія принесетъ мало пользы. А потому, безъ этой постановки распространяться о программѣ дѣло, на нашъ взглядъ, совершенно лишнее.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ училищахъ, — въ наше время при тѣхъ ограниченіяхъ, какія имѣются теперь въ виду при разрѣшеніи его, совершенно неразрѣшимый, — мы обратимся къ другому насущному вопросу, основательнымъ разрѣшеніемъ котораго, можетъ быть, со временемъ подготовится правильное разрѣшеніе вопроса и о народномъ образованіи. Мы разумѣемъ вопросъ объ обезпеченіи нашего духовенства.

Какъ ни разногласны мнѣнія нашихъ журналовъ о русскомъ духовенствѣ, но всѣ они въ одно слово говорятъ о жалкомъ положеніи его, о необходимости скорыхъ преобразованій въ его средѣ и въ томъ, что больше чѣмъ на половину священниковъ по матеріальнымъ средствамъ стоятъ ниже средней руки прихожанъ, хотя освобождены отъ податей, а причетники отличаются только одной косой и синимъ кафтаномъ отъ крестьянъ. Въ селахъ среднихъ губерній мы насмотрѣлись на бѣдное состояніе духовенства: тамъ отъ прихода священникъ получитъ въ годъ среднимъ числомъ 100 р. с. Дома ихъ состоятъ комнатъ изъ двухъ — трехъ, довольно низкихъ и не совсѣмъ опрятныхъ; мебель ограничивается часто скамьями и сундуками, на которыхъ раскинуты одѣяла домашняго издѣлія. Все богатство у зажиточныхъ священниковъ заключается въ хлѣбѣ, если они, кромѣ 16 десятинъ церковной земли, нанимаютъ или успѣютъ *вымолить у міра* десятинку, другую при общемъ раздѣлѣ. Вымаливанье это обходится не дешево священнику: нужно прежде собрать нѣсколько голосовъ на сходкѣ въ свою пользу, потомъ вспрыснуть землю непорядочно, чтобъ урожай на ней былъ хорошій. Не заниматься ему хлѣбопашествомъ, значитъ — жить хуже всякаго мелкаго торгаша.

Чай пьютъ не всѣ, иные только по праздникамъ, а у нѣкоторыхъ и самовара не имѣется; бѣлаго хлѣба и свѣжей говядины не покупаютъ; не въ приречномъ селѣ отвѣдываютъ рыбу только на масляницу. Если у священника 4 рабочихъ лошади, онъ уже считается богачемъ въ уѣздѣ между собратіями. Экипажей тоже не найдется никакихъ, кромѣ кибитки, даже у достаточнаго священника; иные сами занимаются издѣліемъ экипажей. На полѣ засѣваютъ довольно льну и въ огородѣ конопли, и собираютъ эти продукты во время славленья у прихожанокъ; изъ него сами жены и дочери духовныхъ приготовляютъ холсты для бѣлья. Не рѣдко вы увидите, что жена священника идетъ за версту и дальше въ стадо доить корову, пригоняетъ скотину въ стадо. При уборкѣ хлѣба духовные дѣлаютъ «помочи», т. е. зовутъ крестьянъ, а они разсчитываютъ на хорошее угощеніе. Дѣти духовенства съ малыхъ лѣтъ помогаютъ убирать хлѣбъ и пріобрѣтаютъ свѣдѣнія въ хозяйствѣ; а познанія, сообщаемыя имъ въ семинаріяхъ по части *раціональнаго* сельскаго хозяйства, оказываются совершенно ненужными и непригодными на дѣлѣ. Тамъ въ громкихъ теоретическихъ лекціяхъ трактуютъ о плодопеременной системѣ, паровыхъ плугахъ, различныхъ скарификаторахъ, объ удобреніи земли кровью, костями и т. п. А священнику, особенно на первыхъ порахъ, часто и на сѣмена достать хлѣба негдѣ и вспахать землю не чѣмъ.

Въ гродненской губерніи у немногихъ священно-служителей дома сносны для жилья; а въ остальныхъ приходахъ такого рода, что глядя на нихъ, не знаешь, чему болѣе удивиться, тому ли, какъ они, при необычайной ветхости, до сихъ поръ еще держатся, — или же смѣлости, безпечности, терпѣливости ихъ жильцовъ! (Духъ Хр. Янв. стр. 181). Иногда тамъ случаются такія исторіи, что собранныя съ крестьянъ деньги на устройство дома для священника, употребляются на свои нужды, и крестьяне принуждены бываютъ собирать вторично на тотъ же предметъ.

Не обезпеченное духовенство, даже и тамъ, гдѣ оно получаетъ жалованье (священникъ 180 — 100 р., дьяконъ 80 р., дьячекъ 40 р.), принуждено пробавляться сборами и поборами съ прихожанъ.

Томимый и преслѣдуемый постоянными нуждами, причтъ заботится устранить эти нужды и, не имѣя источниковъ дохода, привыкаетъ смотрѣть на свою обязанность, какъ на оброчную статью; холодно, а иногда и небрежно относится къ дѣлу вѣры, надъ внѣшностью религіи позволяетъ себѣ кощунствовать подъ пьяную руку въ глазахъ народа. Частыя безобразныя ссоры причта въ приходѣ, судбища и кляузы, которыми завалены всѣ консисторіи, сутяжничество и открытая брань съ прихожанами, пьяныя сцены—все это отталки-

ваетъ народъ отъ духовенства. Въ надеждѣ на поборы приходскіе, многіе изъ причта привыкаютъ къ беззаботности и праздности, не хотятъ заняться дѣломъ и все драгоцѣнное время губятъ безъ пользы для себя и для своихъ ближнихъ. Оттого крестьяне привыкли говорить: «жизнь нашимъ попамъ—умирать не надо!» Другіе же изъ духовенства наоборотъ—все почти время посвящаютъ на промыслы, хлѣбопашество и другія отрасли сельскаго хозяйства, и скорѣе походятъ на торгашей, чѣмъ на служителей церкви.

Такое бѣдственное положеніе духовенства обратило на себя вниманіе нашего правительства. Мы уже сообщали въ прошедшемъ нашемъ обозрѣніи, что по волѣ Государя Императора образованъ комитетъ изъ высшихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ для изысканія способовъ къ обезпеченію духовенства. Комитету дана на разрѣшеніе задача такая трудная, что, соображая всѣ условія, затрудняющія ее рѣшеніе, едва смѣешь надѣяться на счастливый исходъ дѣла.

Комитету нужно изыскать средства, достаточныя для безбѣднаго существованія, кажется, далеко болѣе, чѣмъ 100,000 лицамъ, служащимъ Церкви!

Налогъ на народъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы суммы, получаемыя черезъ него, могли дать это обезпеченіе, былъ бы такъ огроменъ и возбудилъ бы такой ропотъ и неудовольствіе въ народѣ, что объ этомъ нечего и думать.

Обязательное требованіе отъ каждой общины, чтобы она, по подобію лютеранскихъ общинъ, давала своему причту содержаніе натурой и деньгами — есть тоже налогъ и дѣло такое необычное у насъ, что православнымъ народомъ не будетъ встрѣчено сочувственно. Не обращать вниманія на подобную несочувственность въ дѣлѣ обезпеченія духовенства невозможно; потому что всякое обязательное требованіе въ этомъ случаѣ, не совпадающее съ взглядомъ и желаніями народными, будетъ непремѣнно вредить нравственнымъ цѣлямъ пастырскаго служенія.

Надѣлить причты такимъ количествомъ земли, чтобы они могли отсюда извлекать средства для своего безбѣднаго содержанія, это было бы всего проще и легче. Но земля безъ капитала и труда не даетъ ничего. А для того, чтобы безбѣдно обезпечить себя земледѣліемъ, отъ причта капитала и труда потребуется очень много. Онъ не найдетъ даже основнаго капитала, чтобы хорошо поставить свое хозяйство, въ порядочныхъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе не въ состояніи имѣть постоянныхъ запасовъ, при помощи которыхъ могутъ идти успѣшно хозяйство и работы. Выйдетъ то, что чѣмъ болѣе будетъ обезпеченъ причтъ, т. е. чѣмъ болѣе будетъ дано ему земли, тѣмъ онъ менѣе будетъ чувствовать себя обезпеченнымъ. Маленькое хозяйство

обезпеченія полнаго дать не можетъ. Не забудемъ при этомъ, что и при маленькомъ хозяйствѣ будутъ требоваться не незначительные запасцы, такъ какъ на личный свой трудъ духовенство въ земледѣльческихъ работахъ разсчитывать не можетъ, или можетъ весьма мало,—да и было бы нежелательно имѣть въ виду это. Личный трудъ будетъ поглощаемъ вполнѣ или почти вполнѣ его служеніемъ. Мы уже не говоримъ, что у насъ есть такія мѣстности, гдѣ земля при капиталѣ и трудѣ не даетъ ничего, не вознаграждаетъ даже за труды.

При такой безвыходности въ настоящемъ, представляющейся при разрѣшеніи вопроса объ обезпеченіи духовенства, мы невольно обращаемъ взоръ нашъ къ прошедшему.

Исторія намъ говоритъ, что когда духовенство было избираемо изъ среды народа, по правиламъ вселенскихъ соборовъ и св. отцовъ,—оно роднее было паствѣ, хлопотало въ пользу ея и сочувствовало ей; въ свою очередь, и прихожане свободно и съ полной вѣрой вручали совѣсть отцу своему духовному, уже извѣстному имъ, дорожили его нелестнымъ словомъ и обезпечивали въ матеріальномъ отношеніи. Когда же духовенство болѣе и болѣе замыкалось въ касту, когда стали разсылать по селамъ и городамъ на мѣста священническія людей совершенно незнакомыхъ прихожанамъ, чуждыхъ имъ по своему міровоззрѣнію, образу жизни и привычкамъ,—въ такомъ случаѣ они не могли сблизиться съ чуждымъ для нихъ причтомъ и неохотно стали содержать его; такъ что самому духовенству часто приходилось выпрашивать и ссориться изъ-за мелочей.

Хотя русское духовенство съ дѣтства живетъ въ средѣ народа, но не составляетъ съ нимъ общаго ни по характеру, ни по стремленіямъ: народъ не понимаетъ духовенства, а оно не сочувствуетъ народу. Воспитаніе раздружаетъ ихъ между собою и, подъ вліяніемъ семинарскихъ уроковъ и образцовъ, священникъ всегда становится въ начальническую позу предъ крестьяниномъ и дѣйствуетъ за одно съ помѣщикомъ и становымъ; онъ нерѣдко кривитъ душой, не защищая несчастныхъ страдальцевъ, которые считаютъ священника единственнымъ своимъ защитникомъ и руководителемъ. Такъ какъ причтъ не старается о просвѣщеніи, пользѣ народа и не даетъ ему почти ничего, поэтому и народъ жалѣетъ даромъ награждать его, и при сборахъ духовенства говоритъ: «что хромо и слѣпо, то Кузьмѣ-Демьянѣ».

При недостаткѣ связующихъ корней духовенства съ народомъ, въ дѣйствіяхъ перваго мало духа и жизни: все какъ-то идетъ сухо и вяло, формально и не вліятельно. Внѣ церковныхъ обрядовъ, священникъ мало соприкасается съ крестьянами: онъ не входитъ въ ихъ жизнь, не глядитъ за ними разумнымъ взглядомъ, чтобъ удобнѣе ру-

ководитъ ихъ на пути умственнаго и нравственнаго развитія. Вслѣдствіе этого, народъ мало довѣряетъ отцу духовному, иногда это недовѣріе доходитъ до такихъ ужасныхъ крайностей, что распространяются толки во время повальныхъ болѣзней, будто помѣщики за одно съ попами морятъ народъ. А это мнѣніе зависитъ отъ лести и зависимости во многихъ отношеніяхъ священниковъ отъ помѣщиковъ; самыя должности священнослужителей во многихъ епархіяхъ даются постороннимъ ходатайствомъ, связями и протекціями; особенно богатые помѣщики аристократы чрезвычайно прихотливы въ этомъ случаѣ. (Прав. обозр. кн. I стр. 115—16). Въ январской книжкѣ «Основы» о положеніи южно-русскаго духовенства совершенно справедливо замѣчено, что оно «какъ въ вещественномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ самое грустное. Это единственный классъ, рѣшительно не сознающій своего невѣрнаго положенія въ отношеніи къ народу и идущій по своему пути съ закрытыми глазами, даже не подозрѣвая возможности другаго пути. Поэтому, день ото дня, положеніе его становится хуже и хуже для него самого, тягостнѣе для другихъ. Оно не имѣетъ входа въ дома высшаго класса, съ пренебреженіемъ относится къ низшимъ и ведетъ съ послѣдними постоянно денежные счеты, разсчеты и борьбу по отбываніи ими повинности. (стр. 45—6). А въ современной лѣтописи той же книжки замѣчено: «Нашъ народъ помнитъ еще тѣ времена, когда священники или выходили прямо изъ его среды, или избирались обществомъ, когда въ тѣсномъ союзѣ съ нимъ они находили опору противъ насилій уніи. Мало по малу, духовенство стало отдѣляться отъ народа, чуждаться его, проникаться владѣльческими понятіями, — стало пренебрегать родною рѣчью, смотрѣть на простонародье свысока и въ словѣ «мужикъ» видѣть бранное слово: естественно, братская связь должна порваться и единодушіе, довѣріе и общность пользъ — исчезли. Воспитываемые съ малолѣтства на началахъ чуждыхъ народному духу и жизни, иногда даже на презрѣніи къ народу, лучшіе священники, живя потомъ въ селахъ, съ трудомъ скрѣпляли однажды порванную связь, а нѣкоторые — и даже вовсе не считали нужнымъ скрѣплять ее. Вліяніе духовенства, даже въ добромъ дѣлѣ, стало падать». (стр. 90).

Съ этими замѣчаніями нельзя вполнѣ не согласиться. Мы твердо убѣждены, что духовенство тогда только будетъ прочно обезпечено, когда оно будетъ поставлено въ ту же близкую и живую связь съ народомъ, въ какой было прежде.

Какъ это сдѣлать, мы побесѣдуемъ объ этомъ въ слѣдующемъ обозрѣніи.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НЕУВАЖЕНІЕ КЪ НАУКѢ.

(Нѣсколько современныхъ вопросовъ. *Б. Чичерина.* Москва. 1862).

Недавно еще такъ называемое «настоящее время» хвалили безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ; панегирики ему были самые восторженные. Теперь же панегиристы раздѣляютъ явленія настоящаго времени на двѣ части, и одну изъ нихъ хвалятъ, а другую сильно порицаютъ; они безусловно одобряютъ тѣ явленія и видоизмѣненія внѣшнихъ формъ жизни, которыя не сами собой развиваются, а, такъ сказать, дѣлаются чужими руками, вслѣдствіе внѣшней инициативы и внѣшнихъ распоряженій, и напротивъ, нападаютъ на внутреннія стороны жизни, развивающіяся свободно и самостоятельно изъ самихъ себя, безъ содѣйствія внѣшнихъ вліяній и поощреній, и даже при противодѣйствіи агентовъ внѣшней инициативы. Изъ разсужденій панегиристовъ выходитъ, будто внѣшнюю жизнь ведутъ и быстро ведутъ впередъ, тогда какъ внутренняя, предоставленная самой себѣ, идетъ назадъ; они говорятъ, что обстановка жизни, ея внѣшніе порядки и формы сдѣлались лучше прежняго, а между тѣмъ люди съ своимъ внутреннимъ содержаніемъ и развитіемъ сдѣлались хуже, и на сколько внѣшніе порядки и формы сдѣлались лучше

старыхъ, на столько нынѣшніе люди хуже прежнихъ людей. Эта мысль такъ прямо и рѣзко не выражается нигдѣ, но она вытекаетъ изъ многихъ современныхъ разсужденій. Почти всѣ судьи современной жизни относятся съ оптимизмомъ къ ея внѣшней сторонѣ, восторгаются отсутствіемъ откупа и дешевизной водки, множествомъ устроенныхъ и имѣющихъ устроиться желѣзныхъ дорогъ, будущей адвокатурой и магистратурой и т. д.; но тѣ же самые судьи становятся пессимистами, когда у нихъ зайдетъ рѣчь о внутренней сторонѣ жизни, объ умственныхъ и нравственныхъ проявленіяхъ ея, имѣющихъ самостоятельный характеръ. Пессимисты приходятъ въ ужасъ, разбирая умственное положеніе нынѣшнихъ людей; съ дѣйствительною или мнимою скорбію они говорятъ о томъ, что въ нынѣшнемъ поколѣніи ослабѣла любовь къ истинѣ и уваженіе ко всему святому, что оно все пропиталось ядомъ ложныхъ и зловредныхъ ученій, что оно съ удовольствіемъ и жадностью бросается на всякую ложную новую мысль, не хочетъ слушать опытныхъ совѣтовъ и благоразумныхъ увѣщаній людей прежнихъ. Ложныя ученія, по ихъ словамъ, съ какою-то неодолимою силою привлекаютъ къ себѣ все большее и большее число поклонниковъ; неблагоразумные восторги стали какою-то болѣзнію, и ничто не можетъ остановить ихъ быстраго и широкаго потока. Всего больше огорчаетъ пессимистовъ то, что привязанность къ ненавистнымъ для нихъ ученіямъ растетъ сама собою, свободно, не смотря на препятствія и противодѣйствія съ разныхъ сторонъ; они употребляютъ всѣ мѣры и напрягаютъ соединенныя усилія, чтобы задушить ее, а она все растетъ и растетъ. Являются разные большіе и маленькіе бойцы на аренахъ «Рус. Вѣс.» и «Отеч. Зап.», «Дня» и «Времени» и разныхъ другихъ мѣстъ, храбро сражаются съ ложными на ихъ взглядъ ученіями, но уходятъ, не пожавши лавровъ побѣды, только съ отбитыми руками и съ угрозой,—вотъ придетъ другой, онъ вамъ задастъ; дѣйствительно, приходитъ другой, но и онъ уходитъ съ той же не приведенной въ исполненіе угрозой. Однимъ словомъ никакою плотиной пессимисты не могутъ задержать того, что имъ не нравится въ современномъ умственномъ движеніи и развитіи. Очень естественно поэтому, что они неблагопріятно смотрятъ на это развитіе и даже совсѣмъ отрицаютъ его, видя въ немъ только упорное сопротивленіе старымъ истинамъ и упорное отстаиваніе новаго неблагоразумія. Это отрицаніе развитія они проводятъ по всѣмъ сферамъ моральной жизни нынѣшнихъ лю-

дей и находятъ, что современное поколѣніе не имѣетъ ни высокихъ чувствъ, ни возвышенныхъ стремленій, которыми одушевлены наличные остатки прежняго поколѣнія, что оно нечувствительно къ красотамъ природы и поэзіи, услаждавшимъ прежнихъ людей, что оно не имѣетъ любви и руководствуется только чувственными стремленіями, эгоистическими разсчетами, а иногда даже и жестокостью. Однимъ словомъ, нынѣшніе люди не люди, а какія-то изуродованныя существа, въ которыхъ замерло все, что должно украшать человѣка. Такимъ образомъ, панегиристы «настоящаго времени», восхваляя внѣшній дѣланный прогрессъ его, отрицаютъ прогрессъ внутренній. Что за странность такая? Казалось бы, внутреннее положеніе людей должно было улучшиться, особенно еще когда такъ ревностно улучшаютъ ихъ внѣшнее положеніе, и нынѣшнимъ людямъ слѣдовало бы стать въ нравственномъ отношеніи выше того уровня, на которомъ стояли прежніе люди, однако на дѣлѣ выходитъ противное, какъ увѣряютъ пессимисты; по ихъ мнѣнію, уровень внѣшнихъ формъ жизни поднимаютъ все выше и выше, а уровень внутренней жизни опускается все ниже и ниже прежняго; относительно перваго уровня они оптимисты, относительно втораго — пессимисты. Кромѣ того, у нихъ иногда высказывается мысль, что нынѣшніе люди противодѣйствуютъ внѣшнему прогрессу и улучшенію внѣшнихъ формъ жизни, что они къ этому улучшенію относятся враждебно, по крайней мѣрѣ безъ сочувствія и восторга, и по своей несчастной крайности и страсти къ отрицаніямъ не хотятъ должнымъ образомъ оцѣнить громадныхъ и благодѣтельныхъ явленій и перемѣнъ во внѣшнихъ формахъ жизни. Дѣйствительно, такой грѣхъ водится за нынѣшними людьми; они очень холодно относятся къ перемѣнамъ и улучшеніямъ внѣшней жизни, но не потому, чтобы они сами не желали перемѣнъ и улучшеній и не интересовались развитіемъ внѣшней обстановки, а потому, что видятъ въ этомъ естественный ходъ вещей. Пожалуй, они согласны одобрить тѣ или другія данныя перемѣны, но они видятъ въ нихъ только тысячную долю того, что требуется настоящей задачей, которую берется разрѣшить та или другая перемѣна; они возстаютъ не вообще противъ рѣшенія задачъ, предлагаемыхъ внѣшнею жизнію, а только противъ мелочнаго и микроскопическаго рѣшенія ихъ. Они требуютъ отъ внѣшней жизни гораздо больше того, сколько она даетъ и сколько ей дается; между тѣмъ, какъ оптимисты совершенно до-

вольствуются даннымъ и даже готовы считать его роскошью и излишествомъ, — что видно по ихъ восторгамъ и самоуслажденію. Нынѣшніе люди относятся враждебно только къ этому восторгу, а не къ внѣшнему прогрессу и внѣшнимъ измѣненіямъ жизни, хотя и эти измѣненія имѣютъ дурную сторону, независимо отъ ихъ недостаточности. Недостаточныя измѣненія дурны тѣмъ, что они порождаютъ оптимизмъ, ослѣпляютъ недальновидныхъ людей, притупляютъ ихъ взоръ и ограничиваютъ горизонтъ ихъ зрѣнія, и такимъ образомъ, усыпляютъ ихъ несовершеннымъ настоящимъ и парализуютъ стремленія къ совершеннѣйшему будущему; эти же измѣненія становятся орудіемъ въ рукахъ недобросовѣстныхъ оптимистовъ и благовиднымъ средствомъ, при помощи котораго они распространяютъ въ слабыхъ организмахъ ядъ тупаго самодовольства и лѣни. Бездѣйствіе и лѣнь очень привлекательны, рѣшимость на борьбу и напряженное стремленіе впередъ трудны; очень понятно, что оптимистъ всегда найдетъ себѣ сочувствіе въ слабыхъ натурахъ; зачѣмъ трудиться, когда и безъ труда все хорошо? зачѣмъ усиливаться и бороться, когда все достается безъ усилій, приходитъ само собою? Вслѣдствіе этого оптимизмъ есть зло, а внѣшній прогрессъ, которымъ восторгаются оптимисты, даетъ обильную пищу этому злу. Противъ этого-то зла и возстаютъ нынѣшніе люди и съ неудовольствіемъ относятся къ недостаточному внѣшнему прогрессу; значитъ, они своею дѣятельностію не противодѣйствуютъ этому прогрессу, а напротивъ имѣютъ вліяніе на его ускореніе. Они указываютъ высшую цѣль современнымъ стремленіямъ, заявляютъ самыя широкія требованія, постоянно держатъ предъ глазами полный идеалъ будущаго, чтобы сравнивать съ нимъ настоящее, ничтожность котораго ясно открывается изъ этого сравненія, и такимъ образомъ противодѣйствуютъ тому самоуничиженію, которое довольствуется скромной, сравнительно лучшей долей и въ ней видитъ послѣдній предѣлъ всѣхъ желаній и стремленій. Отъ этихъ усиленныхъ и преувеличенныхъ требованій зависитъ и тотъ внѣшній прогрессъ, которымъ восторгаются оптимисты. Этотъ прогрессъ совершается не самъ собою и не по доброй волѣ, онъ не есть дѣйствіе непостижимаго фатума, слѣдствіе чьей либо милости и благожеланія; онъ есть необходимая вынужденная уступка обстоятельствамъ и духу времени. А духъ времени и есть именно не что иное, какъ эти преувеличенныя требованія, заявляемыя прогрессу. Чтобы отвязаться отъ этихъ тре-

бованій и ослабить ихъ силу, ходъ прогресса принужденъ бываетъ осуществить хотя нѣкоторую часть ихъ, по возможности самую меньшую. Стало быть, для того, чтобы получить что нибудь отъ внѣшняго прогресса, нужно запрашивать отъ него какъ можно больше; эта неразумная сила вещей, называемая внѣшнимъ прогрессомъ, очень скупа и упорна; она сама становится слишкомъ требовательна и высокомѣрна, когда видитъ противъ себя покорную уступчивость, довольствующуюся самой скромной подачкой, или ограниченный оптимизмъ, расхваливающій все безъ разбора. Слѣдовательно, расхваливая внѣшній прогрессъ, оптимисты этимъ самымъ задерживаютъ его развитіе.

Еще болѣе неправы оптимисты, когда они становятся пессимистами и начинаютъ отрицать внутренній прогрессъ. Они обезображиваютъ явленія внутренняго современнаго развитія и совершенно произвольно выставляютъ ихъ въ ложномъ свѣтѣ. Въ числѣ обвиненій, заводимыхъ пессимистами на «настоящее время», одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ клевета, будто бы въ настоящее время охладѣла любовь къ наукѣ, будто нынѣшніе люди бросили науку и не хотятъ знать ее. Клевета эта почти не заслуживаетъ вниманія; но именно отъ того, что на нее не обращали вниманія оклеветанные, она какъ-то укрѣпилась и не перестаетъ высказываться въ разныхъ мѣстахъ. Патентованные ученые, прослужившіе довольное число лѣтъ на ученой службѣ, только себя однихъ и считаютъ истинными учеными, представителями науки; все, что появилось въ наукѣ послѣ нихъ, они признаютъ не научнымъ, поверхностнымъ, просто дѣтскимъ лепетомъ. Они воображаютъ, что только въ ихъ время были истинные труженики науки, а теперь все являются недоучившіеся диллетанты и научные недоросли. Прежде будто бы учащіеся прилежно занимались науками, а теперь они, какъ увѣряетъ яснополянскій г. Толстой, только читаютъ разныя легкомысленныя книги и набираются оттуда ложныхъ ученій и невѣроятныхъ идей; прежніе юноши вырабатывали себѣ твердыя убѣжденія, а теперешніе не имѣютъ никакихъ; прежніе юные химики почти претворяли воду въ вино и желѣзо въ золото, а нынѣшніе не умѣютъ отличить кислородъ отъ азота; вообще вмѣсто жрецовъ науки теперь появились рыцари свистопляски. Пессимисты такъ часто повторяли подобныя обвиненія и до того прислушались къ нимъ, что и въ самомъ дѣлѣ вообразили себя единственно учеными мужами. Г. Соловьевъ уже не въ шутку смотритъ на г. Щапова, какъ на школьника; гг. Катковъ

съ Леонтьевымъ воображаютъ, что въ нихъ однихъ сосредоточена всѣ сокровища ученой премудрости, и на всѣхъ своихъ противниковъ смотрятъ, какъ на мальчишекъ недоучившихся; г. Ламанскій думаетъ, что онъ одинъ владѣетъ ключемъ разумѣнія исторіи русской литературы и библіографіи; гг. Буслаевъ съ Тихонравовымъ не допускаютъ и возможности, чтобы кто нибудь, кромѣ нихъ, могъ постичь богатырскіе и разные другіе эпосы; г. Юрьевичъ ставитъ себя по учености на ряду съ гг. Катковымъ и Леонтьевымъ и своихъ противниковъ тоже считаетъ совершенными профанами; славянофилы поддерживаютъ въ немъ это самомнѣніе, надѣясь, что онъ совершитъ то дѣло, надъ которымъ безплодно трудился Хомяковъ въ «Русской Бесѣдѣ»; г. Кавелинскій въ Харьковѣ давно уже составилъ понятіе о себѣ, какъ о единственномъ государствовѣдѣ и знатокѣ политическихъ наукъ, которыя, по его мнѣнію, уже совершенно недоступны напр. хотъ г. Жуковскому. Всѣ эти и имъ подобные ученые и стараются распускать слухъ о томъ, будто въ настоящее время оскудѣла любовь къ наукѣ и уваженіе къ ней.

А что же такое наука? Это не вещь какая нибудь, не существо, а понятіе очень отвлеченное; нѣтъ предмета, на который можно было бы указать и сказать: вотъ наука! Стало быть, укоръ въ неуваженіи къ наукѣ есть укоръ слишкомъ общій и неопредѣленный. Но съ другой стороны, есть множество наукъ, о которыхъ такъ и говорятъ, что онѣ науки. Говорятъ напр., физика есть наука, занимающаяся изученіемъ физическихъ явленій, исторія есть наука, изображающая прошедшее, географія тоже наука, описывающая землю въ разныхъ отношеніяхъ; подобнымъ образомъ и всякая наука имѣетъ свой предметъ, подлежащій ея вѣдѣнію. Но совокупность сюжетовъ, входящихъ въ ту, или другую науку, не составляетъ еще науки; физическія явленія, прошедшее, земля сами по себѣ вещи безразличныя, и ихъ никакъ нельзя назвать наукой. Говорятъ еще, наука есть систематическое изложеніе понятій и наличныхъ свѣдѣній объ извѣстнаго рода предметахъ; дѣйствительно, въ каждой наукѣ есть нѣсколько, можетъ быть, непреложныхъ и точныхъ свѣдѣній; но совокупность этихъ свѣдѣній не составляетъ науки. Нужно еще найти или находить общій смыслъ свѣдѣній и къ извѣстному прибавить что нибудь неизвѣстное, или хоть сдѣлать попытку къ этому. Такимъ требованіямъ каждый ученый удовлетворяетъ по своему, при изложеніи науки; одинъ ученый понимаетъ и излагаетъ

науку такъ, другой иначе; чье же изложеніе нужно признать наукой? Въ этомъ вопросѣ вмѣсто науки представляются уже люди съ ихъ понятіями и взглядами на научные предметы, и вопросъ видоизмѣняется такимъ образомъ: физика Писаревскаго, географія Ободовскаго, исторія Лоренца, или Соловьева, — науки ли онѣ, или нѣтъ? Какъ бы вы ни относились къ этимъ, такъ сказать, индивидуальнымъ наукамъ, хоть бы вы вовсе не уважали ихъ, но на этомъ основаніи никто не имѣетъ права обвинять васъ въ неуваженіи къ наукѣ. Вы даже можете не уважать и не любить самыхъ сюжетовъ этихъ наукъ, можете обратиться къ другимъ наукамъ, наконецъ можете выбрать для изученія другіе предметы, на которые никто прежде и вниманія не обращалъ; какъ объ васъ сказать въ этомъ случаѣ, уважаете ли вы или любите науку, или нѣтъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, нужно обращать вниманіе не на предметы, на которые направляется ваша мысль, а на самую мысль, на то, есть ли въ васъ охота къ мысленной дѣятельности. Если можно говорить о наукѣ вообще, то она въ субъективномъ смыслѣ есть просто стремленіе къ знанію, а въ объективномъ всякій предметъ знанія и совокупность добытыхъ знаній объ этомъ предметѣ. Въ этомъ смыслѣ каждый человѣкъ любитъ науку; нѣтъ такого ограниченнаго человѣка, который бы при встрѣчѣ съ новымъ предметомъ не поинтересовался узнать его; каждое внѣшнее впечатлѣніе, дѣйствующее на чувство, обращаетъ на себя вниманіе всего человѣка, оно входитъ въ содержаніе его психической жизни и такъ или иначе соединяется съ тѣмъ, что осталось въ ней отъ прежнихъ впечатлѣній; всякое новое свѣдѣніе ставится въ связь съ прежде пріобрѣтенными, изъ нихъ составляется нѣчто цѣлое, образуется совокупность разнородныхъ знаній, представляющая собою, такъ сказать, индивидуальную, свою науку въ головѣ каждаго человѣка. Собственно говоря, каждый человѣкъ самъ собою долженъ бы былъ составить для себя полный курсъ всѣхъ наукъ, т. е. не изучить ихъ и позаимствовать отъ другихъ, а выработать собственною дѣятельностью, создать каждую науку на основаніи собственныхъ опытовъ и наблюденій и своего личнаго разсужденія. Всѣ главные вопросы, на которые пытаются отвѣчать науки и которые составляютъ сущность наукъ, сами собою и невольно приходятъ въ голову самому простому и необразованному человѣку, который и долженъ разрѣшать ихъ для себя. Видитъ онъ звѣзды на небѣ, и у него раждается вопросъ, — что

они такое, и откуда они взялись; вотъ онъ и долженъ заняться наблюденіемъ и изученіемъ звѣзднаго неба, составлять для себя астрономію. Такъ же точно ему слѣдовало бы изучить и всѣ предметы, окружающіе его и возбуждающіе его любознательность. Даже историческіе и соціальные вопросы зарождаются въ головѣ самаго простаго человѣка, и у него непремѣнно появляется любопытство и желаніе узнать, какъ живали люди въ старину, и его, можетъ быть, даже чаще, чѣмъ иныхъ образованныхъ людей, занимаетъ вопросъ о неодинаковой судьбѣ людей и о томъ, отчего однимъ хорошо жить на свѣтѣ, а другимъ худо. Такъ какъ почти всѣ существенные, научные вопросы приходятъ въ голову каждому здравомыслящему человѣку, то они и должны были бы получить рѣшеніе въ его умѣ, или что то же, онъ долженъ знать всѣ науки. Но такъ какъ предметовъ, вызывающихъ на размышленіе, очень много и для изученія ихъ недостаточно человѣческой жизни, жизни цѣлаго поколѣнія и множества поколѣній, и такъ какъ рѣшеніе вопросовъ, занимающихъ умъ, очень трудно и требуетъ слишкомъ много предварительной работы, то человѣку для удовлетворенія умственныхъ потребностей необходимо прибѣгать къ пособію другихъ людей, пользоваться знаніями, которыя пріобрѣтены предшествовавшими поколѣніями. За тѣмъ, не всякій человѣкъ имѣетъ возможность посвятить себя трудному дѣлу добыванія знаній; у большинства людей есть много другихъ насущныхъ потребностей и болѣе настоятельныхъ нуждъ, на удовлетвореніе которымъ тратится почти все ихъ время и почти всѣ силы; имъ просто некогда добывать знанія. Тутъ является на сцену принципъ раздѣленія труда. Не всѣ имѣютъ возможность добывать пищу; вслѣдствіе этого нѣкоторые принуждены бываютъ исключительно посвятить себя добыванію пищи для себя и для другихъ. То же самое дѣлается и относительно умственной пищи; нѣкоторые люди обрекаютъ себя на ученость, на добываніе и собираніе знаній. Это они дѣлаютъ не для себя, а для другихъ; они приготовляютъ матеріалъ, который должны потреблять другіе. Конечно, ученый занимается наукой, можетъ быть, безъ всякихъ цѣлей, имѣя въ виду удовлетворить только собственной потребности знанія; но онъ непремѣнно долженъ имѣть въ виду другихъ, или лучше сказать всѣхъ: всѣ должны усвоить пріобрѣтенныя имъ знанія; всѣ должны знать то, что знаютъ ученые. Каждый человѣкъ долженъ жить полною человѣческою жизнію и вырабатывающій матеріальную пищу имѣетъ

право на всю умственную пищу, добытую учеными. Ученый послѣ усиленныхъ трудовъ придумалъ рѣшеніе извѣстнаго человѣческаго вопроса; онъ сообщаетъ это рѣшеніе всѣмъ, которое и усвоется ими безъ особеннаго труда, подобно тому, какъ ученый усвоетъ кусокъ хлѣба, добытый въ потѣ лица. Раздѣленіе труда и продуктовъ его есть временное зло; собственно всѣ должны одинаково и взаимно пользоваться продуктами различныхъ отдѣловъ раздѣленнаго труда. Но съ теченіемъ времени и съ осложненіемъ человѣческихъ отношеній, раздѣленіе труда становится еще дробнѣе; добываніе пищи раздробляется на нѣсколько отдѣловъ: одинъ приготовляетъ хлѣбъ, другой—мясо, одинъ добываетъ сахаръ, другой—масло; одинъ шьетъ платье, другой—сапоги и рукавицы. То же самое дробленіе труда существуетъ и въ области умственнаго продовольствія человѣка: область знанія раздробляется на нѣсколько отдѣловъ, на нѣсколько наукъ; каждый ученый для своей практики, для своего ремесла избираетъ извѣстную отрасль наукъ, или даже одну науку, а не то въ самой наукѣ береть одинъ какой нибудь частный предметъ и посвящаетъ ему свою дѣятельность и силы, подобно потому, какъ въ матеріальной области кто нибудь посвящаетъ себя добыванію сахара, или шитью сапоговъ. Это сравненіе ученаго съ ремесленникомъ и фабрикантомъ можетъ показаться страннымъ и обиднымъ для перваго; но въ существѣ дѣла оно вѣрно, необидно и вполнѣ объясняетъ значеніе спеціализированія наукъ и ихъ частныхъ предметовъ. Это спеціализированіе и спеціальное изученіе не есть цѣль, а необходимое зло и крайнее средство, принятое для удобства. Ученый лучше отдѣляетъ одинъ спеціальный предметъ знанія; но онъ долженъ имѣть въ виду, что этотъ предметъ есть только малѣйшая часть въ числѣ умственныхъ продуктовъ, предназначаемыхъ для всеобщаго потребленія, что кромѣ этой части есть еще много другихъ и всѣ они существуютъ на службу человѣку и для служенія всѣмъ людямъ, какъ сапоги служатъ всѣмъ, и какъ кромѣ сапоговъ есть еще хлѣбъ, мясо, сахаръ. Человѣкъ по идеѣ не долженъ быть спеціалистомъ, а долженъ знать всѣ науки, или быть спеціалистомъ во всѣхъ наукахъ, а не въ одной, а тѣмъ менѣе въ одномъ предметѣ ея. Онъ долженъ бы былъ знать все, что знаетъ человѣческій умъ въ его время, знать рѣшенія вопросовъ, придуманныхъ совокупнымъ умомъ человѣчества, потому что эти вопросы могутъ и должны занимать его, какъ человѣка. Конечно, это идо-

алъ недостижимый, но по крайней мѣрѣ къ нему нужно стремиться и по возможности приближаться. Несчастна жизнь того человѣка, который всю ее долженъ убить на какую нибудь спеціальную отрасль механическаго труда и который изъ-за этого долженъ отказаться отъ развитія другихъ сторонъ и отъ удовлетворенія другимъ потребностямъ своей натуры; всякій назоветъ это зломъ. Человѣкъ долженъ жить полною жизнію; кромѣ спеціальнаго труда ему долженъ быть доступенъ и умственный трудъ, по крайней мѣрѣ онъ долженъ пользоваться продуктами этого труда, такъ же какъ и продуктами искуства и вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуются люди другихъ высшихъ спеціальностей. Можетъ быть, ученость и ученыя знанія составляютъ роскошь, недоступную для всѣхъ, какъ есть не для всѣхъ доступная роскошь въ матеріальной жизни; но во всякомъ случаѣ должно стремиться къ тому, чтобы матеріальная роскошь сдѣлалась общедоступною; такъ же точно и вслѣдствіе этого и умственная роскошь должна сдѣлаться общедоступною. Но до наступленія этого блаженнаго времени по крайней мѣрѣ всѣ ученые люди должны жить полною умственною жизнію, не забиваться исключительно въ ограниченный кругъ своей спеціальности, но стремиться къ полнотѣ знанія, къ разрѣшенію по возможности всѣхъ вопросовъ, занимающимъ умъ всякаго здраваго человѣка. Это требованіе не уничтожаетъ спеціализированія занятій; раздѣленіе ученыхъ работъ необходимо; нельзя же одному субъекту до подробностей изучить совершенно различные классы предметовъ, какъ нельзя одному добывать хлѣбъ, шить платье и сапоги и быть искуснымъ фабрикантомъ. Но между спеціалистами должны происходить мѣны продуктами, по крайней мѣрѣ главными результатами ихъ спеціальныхъ трудовъ; добытое однимъ должно сообщаться другому и наоборотъ. Повторяемъ, это идеалъ, къ которому нужно стремиться.

Что же такое неуваженіе къ наукѣ? Если подъ наукою разумѣть знаніе въ субъективномъ и объективномъ смыслѣ, то укоръ, направленный противъ настоящаго времени, будто оно не уважаетъ науки, оказывается несостоятельнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же думать, будто въ настоящее время люди переродились и утратили человѣческія свойства, стремленіе и любовь къ знанію. И нынѣшніе люди, такъ же какъ и прежніе, желаютъ знать, что ихъ интересуетъ, и пріобрѣтать возможно большее число знаній; они такъ же охотно стремятся въ тѣ мѣста, гдѣ сообщаются зна-

нія, и число стремящихся въ настоящее время даже гораздо больше, чѣмъ было прежде, такъ что бываютъ случаи, что ихъ или не допускаютъ въ святилища знанія, или выгоняютъ оттуда; средства знанія также увеличились противъ прежняго, и находится много желающихъ пользоваться этими средствами; охота къ чтенію также замѣтно возрастаетъ. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ какъ-то странно укорять настоящее время въ неуваженіи и неохотѣ къ знанію. Но какъ относится настоящее время къ записной учености, къ патентованнымъ хранителямъ знанія,—это другой вопросъ. Истинная, живая и разумная ученость также уважается; но есть другаго рода ученость, за которою водятся грѣшки, на эти-то грѣшки и нападаютъ въ настоящее время; а ученые въ этихъ нападеніяхъ видятъ нападеніе на науку и неуваженіе къ ней.

Многіе юноши, вѣроятно, помнятъ то время, когда они съ горячей жаждой знанія и съ радостнымъ трепетомъ въ сердцѣ въѣзжали въ столицу или въ другой городъ высшаго просвѣщенія; сколько у нихъ было самыхъ сладкихъ надеждъ и самыхъ лучшихъ ожиданій. Вотъ, думаетъ юноша, здѣсь-то я проясню и просвѣтятся мои мысленные очи; здѣсь мнѣ помогутъ понять себя самого и все окружающее, укажутъ мнѣ дорогу, приготовятъ къ дѣлу, котораго я такъ горячо желаю. Мало было счастливцевъ, которымъ бы не пришлось разочароваться въ этихъ надеждахъ. Берутъ ученые юношу въ свои руки и набиваютъ его разными мелочами, которыя онъ сперва принимаетъ охотно, увѣренный, что это такъ и нужно, что дальше дадутъ ему что-нибудь лучше; однако и дальше все идетъ то же; юноша инстинктивно чувствуетъ, что ученые сообщаютъ ему какъ-то не то, что сообщаемое не проясняетъ его очей, а затемняетъ ихъ ученою пылью, что смыслъ жизни и всего окружающаго по прежнему покрытъ мракомъ, а ученые по прежнему предлагаютъ мелочи. Онъ наконецъ обращается къ пособію посторонніхъ источниковъ, которые мало по малу освѣщаютъ его; изъ никъ онъ узнаетъ, какова скрытая сущность явленій, окружающихъ его жизнь; онъ видитъ, что эти явленія внутри вовсе не таковы, какъ они кажутся свыше, какъ они ему казались прежде и какъ расписывали ихъ ученые—его учители, что кумиры, стоящіе на возвышенныхъ пьедесталахъ, суть просто дѣло рукъ человѣческихъ; и вслѣдствіе этого, хотя въ общихъ чертахъ, онъ опредѣляетъ свое отношеніе къ окружающей его дѣйствительности и уразумѣ-

ваетъ, кто враги и кто друзья его жизни и всей жизни вообще. А между тѣмъ, ученые вожди его нападаютъ на эти посторонніе источники, совершившіе его умственное возрожденіе, презираютъ ихъ и ругаются надъ ними. Вслѣдствіе этого и начинается разладъ между юношами и ихъ учеными вождями, которые такимъ образомъ сами виноваты въ томъ, что ихъ не уважаютъ и имѣютъ съ ними не уважаютъ мертвую безжизненную ученость.

Мелочная ученость едва ли и прежде внушала къ себѣ много уваженія, но теперь она почти совсѣмъ потеряла кредитъ. Конечно, въ наукѣ важны и мелочи, изъ нихъ выводятся и очень важные научные результаты; дѣятельность спеціалиста, занимающагося подобными мелочами почтенна и достойна уваженія. Но такой спеціалистъ постоянно имѣетъ въ виду смыслъ занимающихъ его мелочей и ихъ отношеніе къ общимъ вопросамъ науки. Есть другаго рода спеціалисты, которые выбираютъ для себя самыя мелочныя мелочи, погружаются въ нихъ всѣмъ своимъ существомъ и взглядъ ихъ во всю жизнь остается прикованнымъ къ этимъ мелочамъ; умственное зрѣніе ихъ притупляется наконецъ до того, что они не способны видѣть и понимать ничего, что выше мелочей. Конечно, трудолюбіе ихъ похвально; но своею дѣятельностью они ничего не могутъ внушить къ себѣ, кромѣ состраданія и жалости. Наконецъ, они просто возбуждаютъ смѣхъ, когда отъ мелочей они переходятъ къ совершеннымъ пустякамъ и занимаются ими, какъ будто Богъ-знаетъ какимъ важнымъ дѣломъ. Такихъ мелочныхъ ученыхъ, говорятъ, очень много въ Германіи; но попадаются они и у насъ. Только наши ученые по большей части не выбираютъ для себя исключительныхъ спеціальностей, и не останавливаются всю жизнь на одной какой нибудь мелочи, а захватываютъ въ свои руки множество мелочей и обильно смѣшиваютъ ихъ съ пустяками. Г. Буслаевъ, напримѣръ, не довольствуется изученіемъ разныхъ видовъ русскаго эпоса и разными филологическими соображеніями, ему хочется непремѣнно сосчитать, сколько разъ извѣстная грамматическая форма или просто какое нибудь выраженіе употребляется въ сочиненіяхъ Державина, Ломоносова, Дмитріева и т. д., и онъ дѣйствительно считаетъ, сосчитываетъ и записываетъ, воображая, что обогащаетъ науку открытіями. Еще лучше подвизается на поприщѣ библіографіи г. Лонгиновъ; онъ насчитаетъ вамъ такихъ подробностей о жизни Карамзина, что вы только невольно подивитесь ихъ мелочности; но вы еще

болѣе удивитесь, когда узнаете, что этотъ ученый библіографъ не знаетъ и не можетъ понять, что такое былъ Бѣлинскій. Мы увѣрены, что даже г. Ковляревскій, при всемъ своемъ уваженіи къ библіографіи, воскрешенія которой онъ такъ желаетъ, не съ большимъ уваженіемъ относится къ библіографіи г. Лонгинова; не удивительно, если другіе посмотрятъ на нее безъ всякаго уваженія. Можно указать множество примѣровъ мелочной учености, притупляющей умственное зрѣніе; но достаточно будетъ привести еще только одинъ примѣръ, въ которомъ является не одинъ ученый, а цѣлый сонмъ ихъ. Археографическая коммиссія, годъ тому назадъ, вздумала издавать «Сказанія о князьяхъ и царяхъ земли русской», и на первый разъ издала «Княженіе Володимера Мономаха», описанное въ рукописи XVII вѣка. Изданіе представляетъ самую точную копію рукописи даже по внѣшнему виду; оно напечатано полууставомъ точно такимъ, какимъ написана рукопись, со всѣми надстрочными знаками, съ титлами и словотитлами, и иллюстрировано рисунками, скопированными съ рукописи. Для чего же и для кого ученая коммиссія предназначала свое изданіе? А вотъ послушайте, что она говоритъ въ предисловіи къ своему изданію.

«Изданіе лѣтописныхъ извѣстій съ картинами подъ заглавіемъ: «Сказанія о царяхъ и князьяхъ земли русской» предпринято археографическою коммиссіею съ двоякою цѣлью: 1) чтобы доставить *простому народу возможность* познакомиться съ важнѣйшими *событіями отечества на языкѣ*, хотя и нѣсколько отдаленномъ отъ нынѣшней его рѣчи, но все-таки, по крайней мѣрѣ, большею частью, ему понятномъ; притомъ чтеніе это облегчается *знакомыми ему кирилловскими буквами*, которыми писаны лѣтописи, а самыя событія уясняются приложенными тутъ же картинами. Впрочемъ, вставленные мѣстами въ лѣтописяхъ разсказы, не относящіеся собственно до Россіи, признано полезнымъ выпустить, какъ могущіе затемнить для простолюдина *главную нить* повѣствованія. Годы событій означены въ текстѣ цифрами отъ сотворенія міра и сверхъ того, съ боку, годами отъ Рождества Христова. 2) Чтобы составить подручную *для археологовъ* коллекцію рисунковъ *XVII вѣка*, которые дали бы понятіе не только о состояніи, въ какомъ находилась у насъ въ то время историческая живопись, если можно такъ назвать ее, но и о способности нашихъ предковъ къ воспроизведенію событій, болѣе или менѣе отъ нихъ отдаленныхъ, посредствомъ рисунковъ, во всякомъ случаѣ, крайне *интересныхъ и поучительныхъ для любителя старины*, ибо въ нихъ отражается *вся бытовая жизнь* и обстановка *XVII вѣка*. Съ

этою цѣлью картины переданы въ настоящемъ изданіи со всевозможною точностью. Можетъ быть, и *для филолога* окажется не совсѣмъ излишнимъ, что текстъ рукописей, изъ которыхъ заимствуются матеріалы для «Сказаній», нисколько не измѣненъ въ изданіи противъ подлинниковъ.»

Итакъ, изданіе предназначается для археологовъ, любителей старины, для филологовъ и для простаго народа; вотъ какая универсальная и всеобъемлющая цѣль! Ученые археографы вполнѣ осуществили высказанное нами выше требованіе, что всѣ знанія должны быть доступны всѣмъ; они даже простой народъ захотѣли познакомить съ чудесами археологіи и заставить его научать исторію отечества самостоятельно и по первоначальнымъ источникамъ. Скажите, пожалуйста, кому кромѣ близорукаго археолога можетъ придти въ голову подобная неестественная, вздорная мысль? Не говоря уже о внутренней сторонѣ дѣла, о томъ, что въ высшей степени неразумно питать народъ мертвечиной, истлѣвшей въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, и внушать ему то міровоззрѣніе, съ точки зрѣнія котораго написаны лѣтописныя сказанія,—одна внѣшняя сторона сказаній должна была показать ученымъ людямъ, что они сдѣлали очень неразумное дѣло. Они говорятъ, что языкъ лѣтописныхъ сказаній большею частію понятенъ народу: но если поточнѣе опредѣлить эту часть, то она окажется не большею, а меньшею; почти на каждой строчкѣ народъ будетъ наталкиваться на выраженія, которыя, пожалуй, и археолога поставятъ въ тупикъ. Говорится, напримѣръ, въ изданномъ сказаніи о Мономахѣ: «и въ недѣлю сяде на великомъ княженіи на столѣ отца своего». Слово *недѣля* только въ малороссійскомъ нарѣчіи имѣетъ тотъ смыслъ, въ какомъ оно употреблено здѣсь; большая же часть великоруссовъ употребляютъ это слово совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Садиться на столъ, по понятіямъ народа, неприлично и даже грѣшно; что же онъ подумаетъ о Володимерѣ, который сяде на столъ отца своего? И кто поручится за то, что народъ иначе пойметъ это мѣсто? Затѣмъ, какъ прикажете понимать народу такія мѣста: «крабицоу, сердоликову, изъ неяже Августу црь римскій веселяшеся; и повелѣ Владимеръ метати паволоки, фофудіи, ирничи и бѣлку людемъ сильно налегшимъ» и т. д. Ученые издатели старались о томъ, чтобы простолюдину ясна была главная нить повѣствованій; но какъ онъ несчастный найдетъ эту нить въ слѣдующемъ лабиринтѣ: «того

же лѣта преставися Олегъ князь Стославичъ. Того же лѣта заложи церковь.... Того же лѣта устрои мостъ. Того же лѣта преставися Олегъ Стославичъ (да ужь онъ разъ преставися, скажетъ простолюдинъ). Того же лѣта бысть знаменіе въ Новѣ городѣ. Того же лѣта заложи игуменъ Антоніи церковь.—Того же лѣта преставися епископъ Лазарь. — Того же лѣта Володимеръ жени сына своего». Изъ такихъ безсвязныхъ «того же лѣта» состоитъ все сказаніе; въ немъ не найдетъ главной нити даже тотъ, кто изучилъ троекратную исторію Устрялова; а какъ же быть простолюдину-то? Да, бишь, «событія уясняются картинами»; но что это за картины, если бъ вы увидали!—во сто разъ хуже иллюстрацій Бовы и Еруслана; картину на 6 стр., навѣрное, не понимаютъ сами археологи; на ней явственно различается только одна рожа съ пучкомъ прутьевъ во рту, вѣроятно солнце,—больше нельзя ничего разобрать. На стр. 4 помѣщена картина съ надписью: *вѣнчаніе* Володимера Мономаха; одинъ непростолюдинъ, разсматривая ее очень серьёзно, спросилъ, да гдѣ же Мономахова невѣста, или его вѣнчали заочно? А между тѣмъ, по убѣжденію ученой коммиссіи, картина эта должна была объяснять событіе—«сяде на столѣ отца своего». Вообще человѣкъ съ здравымъ смысломъ, при первомъ же взглядѣ на рукописное сказаніе о Мономахѣ, назвалъ бы нелѣпостью предлагать его народу съ цѣлью «познакомить народъ съ важнѣйшими событіями отечества»; а вотъ ученые люди предложили же. Изъ своихъ археологическихъ занятій они вынесли убѣжденіе, что простой народъ должно просвѣщать археологіей; по крайней мѣрѣ это любимая мечта и задушевная мысль г. Буслаева, который желаетъ, чтобы для народа изданы были древле русскіе толковые псалтыри, а пожалуй и все, что было въ древлехранилищѣ Погодина. Такія-то и подобныя спеціально-ученыя продѣлки нерѣдко совершаютъ наши записные ученые; при видѣ ихъ самому серьёзному человѣку нельзя удержаться отъ смѣха. Но какъ только засмѣетесь надъ ними, васъ тотъ часъ же станутъ укорять въ неуваженіи къ наукѣ, а отъ васъ станутъ дѣлать заключеніе и ко всѣмъ, и станутъ увѣрять, что въ настоящее время любовь къ наукѣ охладѣла и истинно ученые труды подвергаются осмѣянію и дѣлаются предметомъ глумленія.

Другимъ поводомъ къ обвиненію настоящаго времени въ неуваженіи къ наукѣ служитъ его понятіе объ отношеніи науки къ

жизни и несогласіе этого понятія съ мнѣніями тѣхъ, которые мнятъ себя быть учеными. Наука, говорятъ послѣдніе, есть единственная и послѣдняя цѣль для того, кто посвятилъ себя занятіямъ ученостью; онъ долженъ отречься отъ міра, забыть всѣ житейскія отношенія, отказаться отъ всѣхъ другихъ жизненныхъ цѣлей и отъ всѣхъ родовъ дѣятельности, не имѣющихъ непосредственной связи съ предметами его учености; онъ долженъ быть мертвъ ко всему кромѣ науки, для науки долженъ жертвовать жизнію; ему не слѣдуетъ заниматься отношеніемъ его науки къ жизни, не слѣдуетъ дѣлать ее служительницею и руководительницею жизни. Дѣйствительно, есть ученые, которые удовлетворяютъ этому требованію, для которыхъ вся жизнь сосредоточивается въ наукѣ и которые поэтому всю свою жизнь посвящаютъ ей и не хотятъ знать ни о чемъ, что не входитъ въ кругъ ихъ науки. Но у такихъ ученыхъ отреченіе и удаленіе отъ жизни искупается и вознаграждается ихъ болѣе или менѣе значительными заслугами для науки; плодомъ ихъ сосредоточенной дѣятельности бываютъ открытія и результаты, которые впослѣдствіи могутъ имѣть вліяніе на жизнь и которые прилагаются къ жизни другими. Однако, и въ примѣненіи къ такимъ ученымъ высказанное требованіе несправедливо: какъ ни важна наука, во всякомъ случаѣ, не человѣкъ существуетъ для науки, а наука для человѣка; наука есть одна изъ составныхъ частей, одно изъ явленій въ человѣческой жизни; она потому именно и важна, что имѣетъ большое вліяніе на жизнь; она есть удовлетвореніе умственнымъ потребностямъ человѣка, стало быть, по своему назначенію, должна служить человѣку. И такъ какъ умственныя потребности представляютъ собою ту сферу, отъ которой исходитъ, въ которой придумывается удовлетвореніе для всѣхъ другихъ человѣческихъ потребностей, то наука должна имѣть въ виду и эти послѣднія потребности и обращать вниманіе на свое отношеніе ко всей жизни вообще. Если иногда жизнь приносится въ жертву наукѣ, то это дѣлается не потому, чтобы наука сама по себѣ достойна была такой жертвы, а для того, что ею предупреждаются другія подобныя жертвы; въ такомъ только случаѣ жертва для науки имѣетъ смыслъ. Если люди страдаютъ и гибнутъ и ученый надѣется помочь имъ и спасти ихъ наукою, тогда обращеніе всѣхъ силъ его и всей дѣятельности на науку имѣетъ основаніе; въ противномъ же случаѣ онъ долженъ оставить науку,

помогать людямъ и спасать ихъ другаго рода средствами и другою дѣятельностью. Нигдѣ нѣтъ такой сосредоточенной и самозаключенной учености, какъ въ Германіи; однако и тамъ господствуетъ убѣжденіе, что наука должна служить жизни, и тамъ ученые имѣютъ въ виду своими сочиненіями содѣйствовать насущнымъ и временнымъ потребностямъ общества. Но положимъ, ученый не хочетъ обращать вниманія на жизнь и безраздѣльно погружается въ науку; что жь вы съ нимъ станете дѣлать? пусть его погружается; по крайней мѣрѣ въ чистой наукѣ онъ сдѣлаетъ что нибудь хорошее.

Но вотъ бѣда, когда щитомъ научной самозаключенности прикрываются мизерные ученые, когда и они начинаютъ говорить, что мы-де представители науки, намъ нѣтъ никакого дѣла до жизни, до минутныхъ интересовъ и временныхъ потребностей общества, мы преслѣдуемъ вѣчную истину, разработываемъ науку и тѣмъ служимъ обществу, которое не имѣетъ права требовать отъ насъ чего нибудь другаго. А между тѣмъ и для науки-то они ничего не дѣлаютъ и не сдѣлаютъ; она просто служитъ для нихъ предлогомъ къ бездѣйствію, покойной и уютной скорлупой, въ которой они живутъ беззаботно и съ комфортомъ, воображая, что, забравшись въ науку, они уже сдѣлали все и могутъ почивать на лаврахъ. Какъ идетъ жизнь и какъ относится къ этому ходу ихняя наука,—объ этомъ они благоразумно умалчиваютъ; когда имъ не хочется принять дѣятельное участіе въ жизни, они говорятъ, что они созданы не для житейскаго волненія и ничѣмъ не должны отвлекать себя отъ научной проповѣди, временное прекращеніе которой гибельно отзовется на всемъ умственномъ строѣ общетсва; а на самомъ-то дѣлѣ никто ничего не потерялъ бы, если бы ихняя проповѣдь и вовсе не раздавалась. Самозаключенность подобныхъ ученыхъ оправдывать нельзя, а пожалуй и можно было бы, если бы они выдерживали ее послѣдовательно. А то вѣдь каждый изъ такихъ ученыхъ имѣетъ весьма много постороннихъ отношеній, не научныхъ, и занимается ими очень внимательно; онъ имѣетъ извѣстное положеніе въ обществѣ, опредѣляемое не наукой, а другими посторонними условіями, и всѣми мѣрами старается укрѣпить или улучшить это положеніе и пользуется для этого самой наукой. Конечно, за эту житейскую сторону дѣятельности ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинять ученыхъ, она необходима; но только зачѣмъ же они

принимаютъ на себя видъ аскетовъ, для науки отрекшихся отъ міра? А главное, зачѣмъ же они проповѣдуютъ такой аскетизмъ своимъ питомцамъ и ученикамъ? Учащимся весьма часто приходится слышать отъ ученыхъ такія рѣчи: учитесь, дѣти, забудьте все, что васъ окружаетъ, учитесь и больше ничего; на жизнь не смотрите и не разсуждайте объ ней, ваше дѣло только наука.

Теоретически эти наставленія формулируются такимъ образомъ: «школа, даже высшая, и общество, учащійся и гражданинъ — вотъ двѣ противоположности, которыя въ дѣйствительности не могутъ быть соединены между собою такъ, чтобы одна не препятствовала другой (подлинныя слова). Въ школѣ нѣтъ ни одного элемента, который бы давалъ ея воспитанникамъ право на актуальное участіе въ общественной жизни. Признакъ образованнаго человѣка состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ опредѣлить свою дѣятельность тою средою, въ которой онъ находится. А уклоненіе отъ своей среды, переступаніе за предѣлы своихъ правъ и обязанностей не рѣдко встрѣчается въ дѣятельности нашихъ учащихся». Положенія эти неясны; что значитъ участіе учащихся въ общественной жизни, и какъ они превышаютъ свои права, объ этомъ судить трудно. Учащійся вѣдь живетъ въ обществѣ, стало быть, онъ и участвуетъ въ общественной жизни; но положимъ, это участіе не актуальное. Но онъ можетъ же дѣлать что нибудь и для общества; можетъ напр. учить дѣтей и даже взрослыхъ: будетъ ли это общественная дѣятельность, или нѣтъ, преступаетъ ли онъ свои права, или нѣтъ? Учащимся можетъ придти желаніе помочь чѣмъ нибудь бѣднымъ, пострадавшимъ отъ голода: имѣютъ ли они право на эту дѣятельность для общества? Наконецъ, учащихся окружаетъ дѣятельность, хотя и не относящаяся къ наукѣ, но близко и непосредственно касающаяся ихъ самихъ: какъ они должны относиться къ этой дѣятельности,—актуально, или пассивно? Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если учащіеся относятся къ нимъ активно, можно сказать, что они уклоняются отъ своей среды, но можно сказать, что и не уклоняются. «Въ стѣны этого зданія, посвященнаго наукѣ, говорятъ нѣкоторые ученые, не долженъ проникать шумъ страстей, волнующихъ внѣшнее общество. Здѣсь мы должны, углубляясь въ себя, въ тишинѣ готовиться на жизненное дѣло, или на полезное поученіе». Конечно, страсти вообще вещь не хорошая; но какъ же

быть, если «жизненное дѣло» учащихся будетъ состоять въ дѣлѣ съ этими страстями; вѣдь они и съ ними должны познакомиться, и «въ стѣнахъ зданія» даже необходимо заняться ими. Но положимъ, такъ ужь и быть, страсти въ сторону; а если, вмѣсто *страстей* въ приведенную фразу вставить *интересовъ*, волнующихъ общество, тогда что? долженъ ли шумъ интересовъ проникать въ стѣны зданія? Въ томъ вотъ и дѣло, что подъ видомъ огражденія отъ страстей ученые хотятъ оградить свои стѣны отъ всего живаго, отъ всѣхъ живыхъ интересовъ общества; они хотятъ, чтобы все совершающееся за стѣнами не дѣйствовало на то, и неподвергалось вліянію того, что совершается въ стѣнахъ, а главное, чтобы учащіеся слушали только ихъ голосъ, и не внимали бы голосамъ, раздающимся и за стѣнами. Для подкрѣпленія своихъ желаній они указываютъ на примѣръ Грановскаго и говорятъ, что сила его «заключалась не въ пошломъ исканіи мимолетной популярности, не въ лести юношескимъ страстямъ, или даже и заблужденіямъ, не въ громкомъ провозглашеніи новыхъ идей, плѣнительныхъ для молодаго воображенія, а въ благородствѣ натуры, въ любви къ истинѣ» и т. д. Видите, и въ этомъ указаніи пересчитываются сначала вещи предосудительныя, пошлое исканіе популярности, лесть страстямъ и заблужденіямъ, но въ одну категорію съ ними ставится и провозглашеніе новыхъ идей. Скажите, пожалуйста, кому же и провозглашать новыя идеи, какъ не ученымъ, гдѣ же имъ и провозглашаться, какъ не въ стѣнахъ зданія, посвященнаго наукѣ? Вотъ въ томъ и бѣда, что эти идеи зарождаются и распространяются сначала не въ стѣнахъ зданія, какъ бы слѣдовало, а внѣ ихъ, и только постепенно и съ большимъ трудомъ проникаютъ въ зданія, встрѣчая здѣсь ученое противодѣйствіе, и вносятся туда по большей части самими не учащимися. Учащіеся, если они не закупорены герметически въ стѣнахъ зданія, посвященнаго наукѣ, невольно подчиняются вліянію общества, ихъ занимаютъ интересы общества, даже волнуютъ страсти общественныя; и все это они не могутъ отрясти отъ себя, какъ пыль, при входѣ въ зданіе и отложить всякое житейское попеченіе. Учащемуся невозможно не интересоваться тѣмъ, что интересуетъ его родныхъ, пріятелей, знакомыхъ, всѣхъ окружающихъ его людей, тѣми предметами, которые ихъ сильно занимаютъ и которые имѣютъ не пус-

тое, а жизненное значеніе; учащемуся приходится слышать вопросы, — ты вѣдь ученый, какъ ты думаешь объ этихъ предметахъ? Учащійся съ этимъ вопросомъ хочетъ предстать во святилищѣ науки предъ лицомъ ея, а она ему приказываетъ оставить вопросъ при выходѣ, у швейцара, вмѣстѣ съ верхнимъ платьемъ; вѣдь это едва ли возможно, да едва ли и нужно. Новыя идеи также не могутъ не плѣнять молодое воображеніе, они проникаютъ и въ герметически закупоренныя зданія науки и критически относятся къ тѣмъ идеямъ, которыя издавна живутъ въ зданіяхъ и которыя тамъ провозглашаются учеными; и если вслѣдствіе этого учащіеся съ неудовольствіемъ отнесутся къ идеямъ зданія, то ученые начинаютъ укорять ихъ въ неуваженіи къ наукѣ и въ профанированіи ея идеями внѣшняго общества. Что и страсти проникаютъ въ святилища наукъ,—это также не подлежитъ сомнѣнію; разумѣются здѣсь не личныя страсти, напр. честолюбіе, корыстолюбіе и проч., которыя существуютъ всюдѣ, гдѣ есть люди, а страсти общественныя, такъ сказать, коллективныя, волнующія все общество. Во время крымской войны все наше общество волновалось страстью, ненавистью къ непріятелямъ; шумъ этой страсти внѣшняго общества проникъ и въ стѣны зданій, посвященныхъ наукѣ; и въ нихъ на ряду съ возгласами науки раздавались патріотическія пѣсни, въ особенности та знаменитая пѣсня, которая начиналась такъ: «вотъ въ воинственномъ азартѣ воевода Пальмерстонъ», къ которому далѣе слѣдовала рифма «перстомъ». Общественное настроеніе до того увлекло учащихся, что студенты казанскаго университета и другихъ заведеній, оставивъ науку, бросились въ Крымъ, чтобы сражаться съ англо-французами. И ужели ученые тогда бросали слово осужденія и укоризны въ этихъ восторженныхъ патріотическихъ юношей и говорили имъ, что они «уклонились отъ своей среды и переступили за предѣлы своихъ правъ и обязанностей»? Не знаемъ, но должно быть, что нѣтъ. Въ Германіи, странѣ учености, во время войны за освобожденіе, учащіеся также оставляли науку и толпами шли на брань противъ иноземнаго поработителя; самые строгіе ученые очень снисходительно относились къ нимъ и поэтически говорили объ нихъ, что «они промѣняли лиру на мечь и аудиторію на лагерь». Конечно, это случаи исключительные; но вѣдь они могутъ встрѣтиться всегда, и никакъ нельзя назвать совершенно справедливымъ требованіе,

чтобы учащіеся не выходили изъ своей среды внутри ученаго зданія и не интересовались ничѣмъ, что за стѣнами зданія, и не слушали шума страстей, волнующихъ внѣшнее общество, а тѣмъ болѣе никакъ нельзя укорять учащихся въ неуваженіе къ наукѣ, если они отступаютъ отъ этого требованія.

Наконецъ, упрекъ настоящему времени въ неуваженіи къ наукѣ часто слышится отъ людей, которые отожествляютъ науку съ однимъ какимъ нибудь воззрѣніемъ на тотъ, или другой предметъ научный, или просто съ какою нибудь личностью. Для такихъ людей исторія напр. есть не что иное, какъ Соловьевъ, Гизо, Миколей, или еще кто нибудь, философія—Гегель, или К. Фишеръ, политика—Р. Моль, или Токквиль, политическая экономія—Молинари, или Роширъ и т. д. Если вы станете не соглашаться съ одной изъ указанныхъ личностей и подвергать ее критикѣ, васъ извѣстнаго сорта ученые люди будутъ укорять прямо въ униженіи и отрицаніи той науки, олицетвореніемъ которой они считаютъ эту личность. До какой степени подобный укоръ основателенъ, — объ этомъ и говорить не стоитъ. Далѣе, есть ограниченные люди, которые до того привыкли къ установившимся, общепринятымъ воззрѣніямъ на извѣстный предметъ, что они не могутъ себѣ представить и возможности другаго воззрѣнія на тотъ же предметъ; воззрѣніе, уклоняющееся отъ общепринятаго, кажется имъ посягательствомъ на самый предметъ, уничтоженіемъ и отрицаніемъ его. Особенно интересныя примѣры этого рода представляютъ разсужденія о психической жизни человѣка. Кто объясняетъ эти явленія не по общепринятой искониой теоріи, на того сейчасъ же обрушивается обвиненіе, что онъ отвергаетъ душу, и за тѣмъ сыплются остроумные возраженія, зачѣмъ онъ мыслитъ умомъ, зачѣмъ вообще предается психическимъ упражненіямъ, зачѣмъ любитъ друзей, родныхъ, всѣхъ людей, когда люди, по его мнѣніямъ, суть не что иное, какъ куски грубой матеріи, массы глины и т. д. Но вѣдь объясненіе и отрицаніе явленія двѣ вещи разныя; какъ ни объясняйте психическія явленія, что ни полагайте въ основаніе ихъ, во всякомъ случаѣ они остаются неприкосновенными, какъ фактъ, какъ данное явленіе; одинъ говоритъ о происхожденіи этого явленія такъ, другой иначе; но явленіе все-таки одинаково существуетъ для того и другаго. Это же самое нужно сказать и о частныхъ отправленіяхъ психической жизни; какъ вы ни

мудрствуйте о происхожденіи чувства, оно останется чувствомъ, сила его не увеличится и не ослабѣетъ. Вы можете смотрѣть на людей какъ вамъ угодно; вы считаете ихъ необычайными, надземными существами, вслѣдствіе этого любите и уважаете ихъ; но вы такъ же точно можете и должны любить и уважать ихъ и въ томъ случаѣ, когда вы будете считать ихъ перстію и глиною, потому что вы сами тожественны съ ними; они глина, но и вы также глина, и потому, какъ равные, вы должны уважать другъ друга. Люди чувствуютъ въ себѣ извѣстныя хорошія стремленія; одинъ видитъ начало ихъ въ особой необыкновенной субстанціи, другой отрицаетъ эту субстанцію и объясняетъ происхожденіе ихъ иначе; но тотъ и другой одинаково могутъ и должны удовлетворять хорошимъ стремленіямъ. Если вы выскажете мысль, что психическая жизнь по сущности своей одинакова у животныхъ высшихъ формъ и не имѣетъ субстанціальной разницы даже съ психическими отправленіями человѣка, то ученые остроумно возразятъ на это, что вы смѣшиваете человѣка съ лягушкой и напрасно не поручаете ученыхъ работъ собакамъ, или медвѣдямъ, т. е. они просто исказятъ вашу мысль и припишутъ вамъ отрицаніе фактической разницы между разными степенями психическихъ явленій, тогда какъ вы собственно только отрицали ихъ ученое понятіе объ этой разницѣ. Химики говорятъ, что алмазъ и графитъ состоятъ изъ одного и того же элемента, что по составу они одинаковы; нелѣпо было бы на этомъ основаніи требовать, чтобы химики писали на бумагѣ алмазомъ, рѣзали стекло и производили игру свѣта графитомъ. Такимъ образомъ, ученые часто видятъ отрицаніе науки и ея предметовъ тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ, а есть только отрицаніе ихъ собственныхъ взглядовъ.

Въ заключеніе обратимся еще къ одному ученому, къ г. Чичерину, который, кажется, больше всѣхъ негодуетъ на настоящее время за неуваженіе его къ наукѣ; онъ говоритъ, что въ настоящее время «чуть кто отдѣлится отъ толпы, направляя свой полетъ въ верхнія области мысли, познанія и дѣятельности, какъ уже въ либеральныхъ болотахъ слышится шипѣніе пресмыкающихся. Презрѣнные гады вздымаютъ свои змѣиныя головы, вертятъ языкомъ и въ безсильной ярости стараются излить свой ядъ на все, что не принадлежитъ къ ихъ завистливой семьѣ» (Нѣсколько Современ. вопр. с. 191). Въ этихъ словахъ, проглядыв-

вветъ сильное раздраженіе, какъ будто г. Чичеринъ на себѣ лично испыталъ то зло, противъ котораго онъ вооружается, и какъ будто онъ самъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, «которые направляютъ свой полетъ въ верхнія области мысли». Дѣйствительно, г. Чичеринъ прежде пользовался репутаціею ученаго, подававшаго большія надежды, хотя были проницательные люди, которые не раздѣляли этихъ надеждъ и, принимая во вниманіе размѣръ его способностей и сообразительности и то направленіе, къ которому онъ былъ расположенъ, со всею точностью предсказали, что изъ него выйдетъ именно то, что онъ есть теперь. Но такихъ людей было не много, и ученая репутація г. Чичерина утвердилась повидимому прочно; за тѣмъ она постепенно стала колебаться и увядать, и дошла наконецъ до того, что объ ней трудно сказать, что она такое теперь. Теперь на ученость г. Чичерина смотрятъ какъ-то странно; одни отрицаютъ ее, другіе по крайней мѣрѣ не возлагаютъ на нее никакихъ надеждъ; большинство относится къ нему съ недовѣріемъ и неудовольствіемъ, дѣятельность его, по крайней мѣрѣ печатную, находитъ безплодною, а пожалуй, и того хуже. Послѣднее, какъ видно, сильно огорчаетъ г. Чичерина, и въ неуваженіи къ себѣ онъ видитъ неуваженіе къ наукѣ и къ высшему полету мысли. Г. Чичеринъ издалъ отдѣльной книгой свои статьи о современныхъ вопросахъ, помѣщавшіяся въ газетахъ, и теперь представляется возможность оцѣнить его печатную дѣятельность за послѣднее время и опредѣлить, какъ высокъ его полетъ въ области мысли.

Г. Чичеринъ человѣкъ очевидно раздраженный; съ мнѣніями его нужно обходиться осторожно, даже снисходительно, тѣмъ болѣе, что онъ постоянно жалуется на нетерпимость своихъ противниковъ, которые будто бы подавляютъ его убѣжденія. «Тотъ, говоритъ онъ, кто во имя либерализма хочетъ подавлять чужія убѣжденія, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о свободѣ. Это худшее изъ всѣхъ легкомыслій». Дѣйствительно, подавлять убѣжденія можно, и ихъ иногда подавляетъ либерализмъ, но не тотъ, о которомъ говоритъ г. Чичеринъ; при томъ, въ примѣненіи къ убѣжденіямъ его самаго слово подавленіе не имѣетъ смысла. Онъ свободно высказываетъ свои убѣжденія на каѳедрѣ; какъ бы ни принимались убѣжденія слушателями, во всякомъ случаѣ они высказываются и высказаны; стало быть, они ника-

кимъ образомъ не подавлены. Далѣе, г. Чичеринъ свободно высказываетъ свои убѣжденія въ печати; это уже устраняетъ всякую мысль о подавленіи; печатное убѣжденіе доступно всякому, оно имѣетъ собственную силу, которую можетъ ослабить только сила другаго убѣжденія; на него можно и нападать только печатно, бороться противъ него тѣмъ же оружіемъ, какимъ дѣйствуетъ и оно; нападенія могутъ ослабить убѣжденіе, поразить его, но не подавить, потому что съ подавленіемъ соединяется понятіе о насильственномъ дѣйствіи сильнаго противъ совершенно беззащитнаго. Нападенія могутъ быть ожесточенныя, свирѣпыя, неприличныя, какія угодно, но ихъ и въ этомъ случаѣ нельзя назвать подавленіемъ. Такимъ образомъ, убѣжденія г. Чичерина, безпрепятственно высказываясь въ печати, на каѳедрѣ, гарантированы, даже болѣе, чѣмъ всякія другія, отъ какого бы то ни было подавленія. Говоря о подавленіи убѣжденій, онъ очевидно имѣетъ въ виду способъ пораженія и опроверженія ихъ и ошибочно смѣшиваетъ его съ подавленіемъ. Въ своей статьѣ о «различныхъ видахъ либерализма» онъ говоритъ слѣдующее:

«Уличный либералъ не хочетъ знать ничего, кромѣ собственнаго своеволія. Онъ прежде всего любитъ шумъ; ему нужно волненіе для волненія. Это онъ называетъ жизнію, а спокойствіе и порядокъ кажутся ему смертію. Гдѣ слышны яростные крики, неразборчивыя и неистощимыя ругательства, тамъ навѣрно копышется и негодуетъ уличный либералъ. Онъ жадно сторожитъ каждое буйство, онъ хлопаетъ всякому беззаконію, ибо самое слово: законъ, ему ненавистно. Онъ приходитъ въ неистовый восторгъ, когда узнаетъ, что гдѣнибудь произошелъ либеральный скандалъ, что случилась уличная схватка въ Мадридѣ или Неаполѣ: знай нашихъ! Но терпимости, уваженія къ мысли, уваженія къ чужому мнѣнію, къ человѣческой личности, всего, что составляетъ сущность истинной свободы и украшеніе жизни — отъ него не ожидайте. Онъ готовъ стереть съ лица земли всякаго, кто не раздѣляетъ его необузданныхъ порывовъ. Онъ даже не предполагаетъ, что чужое мнѣніе могло явиться плодомъ свободной мысли, благороднаго чувства. Отличительная черта уличнаго либерала та, что онъ всѣхъ своихъ противниковъ считаетъ подлецами. Низкія души понимаютъ одни лишь подлыя побужденія. Поэтому онъ и на средства не разборчивъ. Онъ ратуетъ во имя свободы; но здѣсь не мысль, которая выступаетъ противъ мысли въ благородномъ бою, ломая копья за истину, за идею. Все вертится на

личныхъ выходкахъ, на ругательствѣ; употребляются въ дѣло безсовѣстныя толкованія, ядовитые намеки, ложь и клевета. Тутъ стараются не доказать, а отдѣлать, уязвить или оплевать. Иногда уличный либералъ прикидывается джентльменомъ, надѣваетъ палевыя перчатки и какъ будто готовится разсуждать. Но при первомъ столкновеніи, онъ отбрасываетъ несвойственные ему помыслы, онъ входитъ въ настоящую свою роль. Опьянѣлый и безумный, онъ хватается за все, кидаетъ чѣмъ попало, забывая всякій стыдъ, потерявши всякое чувство приличія. Уличный либералъ не терпитъ условій, налагаемыхъ гостиными; онъ чувствуетъ себя дома только въ кабакѣ, въ грязи, которою онъ старается закидать всякаго, кто носитъ чистое платье. Всѣ должны подойти подъ одинъ уровень, одинаково низкій и пошлый. Уличный либералъ питаетъ непримиримую ненависть ко всему, что возвышается надъ толпою, ко всякому авторитету. Ему никогда не приходило на умъ, что уваженіе къ авторитету есть уваженіе къ мысли, къ труду, къ таланту, ко всему, что даетъ высшее значеніе человѣку; а можетъ быть, онъ именно потому и не терпитъ авторитета, что видитъ въ немъ тѣ образованныя силы, которыя составляютъ гордость народа и украшеніе человѣчества. Уличному либералу наука кажется насиліемъ, нанесеннымъ жизни, искусство — плодомъ аристократической праздности. Чуть кто отдѣлился отъ толпы, направляя свой полетъ въ верхнія области мысли, познанія и дѣятельности, какъ уже въ либеральныхъ болотахъ слышится шипѣніе пресмыкающихся. Презрѣнные гады издымаютъ свои змѣиныя головы, вертятъ языкомъ, и въ безсильной ярости стараются излить свой ядъ на все, что не принадлежитъ къ ихъ завистливой семьѣ.

«Нѣтъ, не въ злобномъ шипѣніи гадовъ, не въ пьяномъ задорѣ уличнаго бойца узнаемъ мы черты той свѣтлой богини, которой поклоняется человѣкъ въ лучшихъ своихъ помыслахъ, въ идеальныхъ своихъ стремленіяхъ (189—191)».

Описанный способъ опроверженія убѣжденій дѣйствительно не хорошъ; но и его все-таки нельзя назвать подавленіемъ. Особенно не хороша въ немъ клевета — орудіе скверное; но въ печати и она ослабляется, теряетъ много своей вредоносной силы, и даже можетъ обрушиться всею тяжестью на самого клеветника, если оклеветанный имѣетъ полную возможность оправданія. Относительно г. Чичерина была одна клевета, говорившая, будто у его противниковъ нѣкоторое время не было возможности оспаривать его убѣжденія, но другіе утверждали, что это не была

клевета; и кто же виноватъ, что это дѣло не разъяснилось? умъ, конечно, не противники! Затѣмъ неблаговидныя оружія опроверженія и защиты — нетерпимость, неуваженіе къ личности, къ мнѣнію, названіе подлецомъ, несоблюденіе гостиныхъ условій, — все это вещи не страшныя въ печати; онѣ скорѣе содѣйствуютъ усиленію того убѣжденія, противъ котораго употребляются, чѣмъ того, которое ихъ употребляетъ. Но, положимъ, эти орудія неприличны, недостойны солиднаго человѣка, такъ; но г. Чичеринъ самъ же постоянно употребляетъ ихъ. Возьмемъ нетерпимость. Г. Чичеринъ безусловно восхваляетъ то, что мы назвали въ началѣ статьи внѣшнимъ прогрессомъ. Почти всѣ его статьи начинаются пресловутыми избитыми возгласами: «мы живемъ въ эпоху великихъ преобразованій; на нашихъ глазахъ совершается одинъ изъ переворотовъ, которые составляютъ эпоху въ исторіи» (стр. 23). Между тѣмъ, какъ только дойдетъ до общества, вы начинаете его бранить, какъ будто ужь само общество есть сущее ничтожество; вы говорите, что всѣ направленія, существующія въ обществѣ гибельны и разрушительны и только одинъ охранительный либерализмъ хорошъ, потому что онъ поддерживаетъ и хвалитъ внѣшній прогрессъ. Развѣ это похоже на терпимость? Г. Чичеринъ жалуется на неуваженіе къ чужому мнѣнію, къ человѣческой личности и въ особенности на неуваженіе къ консерваторамъ. «Слово консерваторъ, соболѣзнуетъ онъ, сдѣлалось у насъ пугаломъ. При этомъ русскій либералъ кипитъ злобой. Консерваторъ — синонимъ съ тупымъ равнодушіемъ, съ лестью, обманомъ и лихоимствомъ. Въ его черной душѣ таится одно лишь гнусное стремленіе къ чинамъ и карьерѣ» (стр. 145). Бѣдные консерваторы, какъ въ самомъ дѣлѣ къ нимъ несправедливы! Однако посмотрите, сколько, по словамъ г. Чичерина, таится гнусностей и «подлыхъ побужденій въ низкихъ душахъ уличныхъ либераловъ»; синонимомъ чего сдѣлалъ ихъ г. Чичеринъ?—синонимомъ подлости, низости, кабака, опьянѣлости, безумія и т. д., прочитайте приведенную выше тираду. Развѣ это есть уваженіе къ чужому мнѣнію и личности, г. Чичеринъ, скажите по совѣсти? Вы можете сказать, что уличные либералы таковы въ самомъ дѣлѣ, какъ вы ихъ изобразили; въ такомъ случаѣ вамъ отвѣтятъ, что и консерваторовъ изображаютъ такъ, какъ они есть на дѣлѣ. Не меньше уличныхъ либераловъ досталось и либера-

ламъ, которыхъ г. Чичеринъ называетъ оппозиціонными. «Оппозиціонный либерализмъ, говоритъ онъ, понимаетъ свободу съ чисто отрицательной стороны. Отмѣнить, разрушить, уничтожить, — вотъ вся его система. Ему верхомъ благополучія представляется освобожденіе отъ всякихъ законовъ, отъ всякихъ стѣсненій. У большей части нашихъ либераловъ весь запасъ мыслей и умственныхъ силъ истощается игрою въ ярлычки. Дѣло ихъ только, чтобы агитировать, дѣлать демонстраціи и манифестаціи, выкидывать либеральные фокусы, устроить штуку кому нибудь въ пику, уличить квартальнаго, обойти цензуру... напечатать какую *брань за границей*, собирать вокругъ себя недовольныхъ, и съ ними отводить душу въ невинномъ свирѣпѣніи». Видите, и эти либералы только стремятся къ разрушенію, къ освобожденію отъ всякихъ законовъ, къ брани. Только одинъ консерватизмъ есть истинный слуга и сынъ отечества, только ему общество обязано всѣмъ, и что всего удивительнѣе, даже истинной свободой. Это, г. Чичеринъ, и есть нетерпимость и неуваженіе къ чужому мнѣнію. Далѣе г. Чичеринъ говоритъ: «отличительная черта уличнаго либерала та, что онъ всѣхъ своихъ противниковъ считаетъ подлецами». Отличительная же черта г. Чичерина состоитъ въ томъ, что онъ своихъ противниковъ считаетъ «низкими душами, понимающими одни лишь пошлыя побужденія». А вѣдь подлецъ и низкая душа съ пошлыми побужденіями, въ этомъ разницы не много. Объ оппозиціонныхъ либералахъ онъ также говоритъ, что они бранятъ правительство, которое имъ благодѣтельствуетъ, и не смотря на брань, ищутъ теплыхъ мѣстечекъ и дѣлаютъ отличную карьеру, употребляя въ свою пользу тотъ порядокъ, противъ котораго они сами же возстаютъ. И это описаніе не слишкомъ далеко ушло отъ подлеца. Остается наконецъ «джентльменство въ палевыхъ перчаткахъ и условія, налагаемыя гостиными». Какія условія въ гостиныхъ, — объ этомъ судить трудно; но вѣроятно тамъ не употребляютъ тѣхъ выраженій, которыя ключомъ бьютъ у г. Чичерина, — «опьянѣлый и безумный, шипѣніе пресмыкающихся, презрѣнные гады вздымаютъ свои змѣиныя головы, вертятъ языкомъ, изливаютъ ядъ, злобное шипѣніе гадовъ, пьяный задоръ кулачнаго бойца» — и все это на одной полустраницѣ. Но объ гостинныхъ нечего говорить; дѣло идетъ о печати. Скажите же, г. Чичеринъ, употреблялъ ли кто нибудь въ печати

выраженія болѣе вашихъ крѣпкія и энергическія? ужели кто нибудь отдѣлывалъ, или, по вашему выраженію, оплевывалъ своего противника безцеремоннѣе того, какъ вы это сдѣлали въ приведенномъ отрывкѣ? Положимъ, такія оплеванія случаются въ печати со стороны вашихъ противниковъ, но сильнѣе и безцеремоннѣе вашихъ не было ничего. Однимъ словомъ, все, что вы говорите въ вашемъ отрывкѣ объ уличномъ либерализмѣ, вполнѣ прилагается къ вашему гостинному консерватизму; вы также напрасно надѣваете палевыя перчатки: какъ дойдетъ до дѣла, вы ихъ бросаете въ сторону. И смотрите, за это на васъ никто не въ претензіи, никто на васъ не жалуется; употребляйте, сколько вамъ угодно, самыхъ энергическихъ словъ и крѣпкихъ ругательствъ, но только, ради своего достоинства, не принимайтесь угнетенной жертвой, которая терпитъ притѣсненія отъ либерализма, не жалуйтесь на подавленіе вашихъ убѣжденій: ихъ никто не подавляетъ. Вы говорите, за ваши убѣжденія васъ ругаютъ неприлично, приписываютъ вамъ нехорошія намѣренія; но вѣдь и вы также ругаетесь и приписываете своимъ противникамъ еще худшія намѣренія; вамъ сдаютъ сдачи тою монетой, какой вы платите. Тутъ подавленія нѣтъ никакого; тутъ борьба равнымъ оружіемъ, оба противника безъ палевыхъ перчатокъ; вамъ нѣтъ причинъ жаловаться.

Г. Чичеринъ жалуется еще на то, что направленіе его не понято, перетолковано; «иные, говоритъ онъ, утверждали, что я все приношу въ жертву государству; другіе, что у меня все исходитъ изъ власти и все возвращается къ ней; третьи подозрѣвали здѣсь еще худшее. Смѣю думать, что все это толки людей, или не желавшихъ или не умѣвшихъ понять то, что хотѣлъ сказать авторъ (с. 7)». Хорошо; мы не будемъ разумѣть объ его направленіи ни того, ни другаго, ни третьяго; посмотримъ на направленіе такъ, какъ смотритъ на него самъ авторъ; спросимъ у него, что такое его направленіе и къ чему оно стремится? Онъ отвѣчаетъ: «до сихъ поръ наши писатели полагали главную свою задачу въ развитіи либеральныхъ началъ, въ заявленіи либеральныхъ требованій. Мнѣ казалось, что настояла потребность указать на забытые литературою элементы власти и закона, столь же необходимые обществу, какъ и самая свобода. Сочетаніе порядка и свободы въ примѣненіи къ историческому развитію и къ современнымъ потребностямъ нашего отечества—вотъ единствен-

ная мысль, которая имѣлась въ виду въ предлагаемыхъ статьяхъ (с. 8).» Итакъ, это ваша исходная точка, сущность вашего направленія и цѣль его; кромѣ либеральныхъ началъ и требованій, вы еще требуете элементовъ власти и закона, кромѣ свободы, требуете еще порядка. Въ этомъ исходномъ пунктѣ вашемъ заключается ошибка, которая извращаетъ все ваше направленіе и подаетъ поводъ къ нареканіямъ, которыя высказываются на него. Вы противополагаете, представляете себѣ враждебными и несогласными два понятія, которыя въ сущности не враждебны, а согласны, даже тожественны; вы противопоставляете либеральныя начала и требованія элементамъ власти и закона, свободу ставите въ несогласіе съ порядкомъ. Не отпирайтесь отъ этого, это правда; вы сами говорите, что «сущность вашего охранительнаго либерализма состоитъ въ *примиреніи* начала *свободы* съ началомъ *власти* и *закона* (с. 199)». Значитъ, по вашему, свобода и власть съ закономъ двѣ вещи враждебныя и несогласныя, которыя вы беретесь согласить и примирить. Вотъ ваша главная ошибка. На дѣлѣ, свобода и власть съ закономъ вещи согласныя и тожественныя; такими они и должны быть всегда. Если же вы гдѣ нибудь въ области фактовъ замѣчаете, что свобода не согласна съ закономъ, или наоборотъ, законъ съ свободой, и беретесь примирять ихъ, то вы дѣлаете дѣло безплодное и даже скверное, потому что, если они враждебны другъ другу, то ихъ примирять не слѣдуетъ. Если свобода не согласна съ разумнымъ закономъ, то она вовсе не свобода, или свобода скверная, вы ее должны уничтожить и замѣнить другою, согласною съ закономъ. Если же законъ не согласенъ съ свободою, тогда онъ не есть разумный, и вы должны стараться объ его устраненіи. При столкновеніи этихъ двухъ элементовъ соглашенія не должно быть; выбирайте изъ нихъ одинъ какой нибудь, который вамъ больше нравится. Свобода ли существуетъ для закона, или законъ для свободы; при столкновеніи ихъ, кто долженъ уступить,—жизненное ли начало свободы, или отвлеченная формула закона? По понятіямъ г. Чичерина свобода и отвлеченная формула равноправны, при столкновеніи онѣ должны дѣлать взаимныя уступки, идти на соглашенія; онъ даже даетъ предпочтеніе закону. Тогда какъ на самомъ дѣлѣ законъ долженъ быть только выраженіемъ свободы, гарантіею для нея и долженъ вполнѣ сообразоваться съ нею и уступать ей во всемъ. Задача г. Чичерина оказывается

такимъ образомъ фальшивою. «Наши писатели, говоритъ онъ, полагали главную задачу въ развитіи либеральныхъ началъ, въ заявленіи либеральныхъ требованій»; а онъ поставляетъ свою задачу въ развитіи и требованіи «элементовъ власти и закона». Но вѣдь либеральное требованіе писателей есть требованіе общее, подъ которое подходятъ и въ которомъ необходимо заключаются и тѣ элементы, о которыхъ заботится г. Чичеринъ; требованіе ихъ есть требованіе извѣстнаго качества отъ всѣхъ элементовъ, составляющихъ гражданскую жизнь общества, есть желаніе, чтобы этимъ качествомъ отличалось все въ жизни общества и тѣ элементы, на которые онъ указываетъ. Подумайте хорошенько, г. Чичеринъ, и вы убѣдитесь, что тотъ, кто требуетъ, чтобы все было либерально и вездѣ были либеральныя начала, подъ этимъ *все* и *вездѣ* разумѣетъ и общество и государство, себя и васъ, законъ и власть, однимъ словомъ все, стало быть и ваши элементы,—даже болѣе: его требованіе относится, если не исключительно, то большею частію къ вашимъ элементамъ; онъ желаетъ, чтобы и эти элементы отличались качествами и проникли началами, которыхъ онъ требуетъ отъ всего. Но не смотря на это, вы называете его требованіе одностороннимъ, и неизвѣсто, для чего, суете ему свои элементы, которые уже заключаются въ его требованіи; впрочемъ это еще ничего, — повторить два раза одно требованіе не бѣда. А дѣло въ томъ, что выставляя свои элементы и требуя ихъ, вы совершенно забываете, по крайней мѣрѣ ни слова не говорите о томъ качествѣ, котораго требуютъ отъ нихъ «наши писатели», несогласные съ вами. Это молчаніе очень странно, подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ относительно вашего направленія, на которыя вы жалуетесь. Указанная ошибка въ задачѣ г. Чичерина будетъ яснѣе въ примѣрѣ. Положимъ, вы заявляете такое требованіе: пища для людей должна быть свѣжая и здоровая; въ этомъ требованіи несомнѣнно разумѣются, между прочимъ, хлѣбъ и говядина. И вдругъ кто нибудь возражаетъ вамъ, говоритъ, что ваше требованіе одностороннее и прибавляетъ: а я требую хлѣба и говядины. Что вы подумаете о такомъ возражателѣ? Вы скажете, что вы съ нимъ согласны, что и вы требуете того же, но кромѣ того требуете еще, чтобы хлѣбъ и говядина имѣли извѣстныя качества, были свѣжи и здоровы. Если и онъ заявитъ требованіе этихъ качествъ, тогда

вы съ нимъ совершенно согласны и скажете ему, что онъ напрасно и неосновательно считаетъ васъ своимъ противникомъ; если же, не смотря на это, онъ все-таки будетъ продолжать свои нападенія на васъ, повторять свое требованіе хлѣба и говядины, не говоря объ ихъ качествахъ, то вамъ очень естественно подумать, что его требованіе отлично отъ вашего, что онъ на качества не обращаетъ вниманія, довольствуется хлѣбомъ и говядиной, какіе бы они ни были, хоть бы даже и не имѣли качества свѣжести и были нездоровы. Подобно этому противнику вашему поступаетъ и г. Чичеринъ; онъ требуетъ того, что входитъ въ требованія его противниковъ какъ часть; противники въ этой части, какъ и во всемъ, желаютъ видѣть извѣстныя качества; онъ же, не обращая вниманія на качества, продолжаетъ настаивать на своей части, на своихъ элементахъ. Естественно, что это и возбуждаетъ разнаго рода сомнѣнія на счетъ его элементовъ.

. . . . . .

Элементы власти и закона дѣйствительно необходимы для свободы, для общества, для всего, какъ пища для человѣка; элементы эти служатъ выраженіемъ свободы, огражденіемъ и утвержденіемъ ея. Но эти элементы бываютъ благодѣтельны только при извѣстныхъ условіяхъ, когда они отличаются извѣстными качествами, при которыхъ они наиболѣе были бы способны оградить и утвердить свободу. Требовать же этихъ элементовъ и защищать ихъ безусловно, какъ дѣлаетъ г. Чичеринъ, значитъ защищать всякое statu quo ихъ, каково бы оно ни было. Конечно, и такая защита нужна въ интересѣ самихъ элементовъ; но она не есть дѣло науки, а тѣхъ органовъ и орудій, которые спеціально служатъ элементамъ и по самому назначенію своему обязаны защищать ихъ. Эти органы и орудія непрекословенно охраняютъ statu quo, потому что отъ него они получаютъ жизнь и значеніе. Наука же не должна рабски служить statu quo; она должна возвышаться надъ нимъ, настаивать не на томъ, что есть, а требовать того, что должно быть. Выступая съ указаніемъ на элементы власти и закона, г. Чичеринъ не опредѣлилъ точно своей роли, не уяснилъ себѣ, что онъ такое, — служитель ли науки, или защитникъ элементовъ въ ихъ statu quo, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ на фактѣ. Если онъ думаетъ защищать ихъ какъ фактъ, то дѣло его напрасно и излишне; нечего тратить силы

на усиленіе и защиту того, что и безъ него сильно и совершенно защищено; оно не нуждается въ его защитѣ, которая при неловкости даже можетъ компрометировать защищаемое. Если же онъ защищаетъ элементы, какъ идею, какъ научное требованіе, то онъ долженъ заявлять и требованіе извѣстныхъ качествъ отъ нихъ, тѣхъ качествъ, которыхъ желаютъ его противники. Г. Чичеринъ непремѣнно выступаетъ то въ той, то въ другой роли; иногда онъ по видимому склоняется къ послѣдней роли, но потомъ вдругъ переходитъ въ первой и становится безусловнымъ защитникомъ своихъ элементовъ, какъ факта. «Мое направленіе, говоритъ онъ, рискуетъ сдѣлаться солидарнымъ со всякимъ дѣломъ, о которомъ оно не можетъ говорить. На него возложится отвѣтственность за чужія ошибки; на него посыпятся обвиненія въ томъ, что оно стоитъ не за идеи, не за общее благо, а за существующій фактъ, каковъ бы онъ ни былъ (с. 146)». Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: «свобода, подчиняющаяся закону, одна можетъ установить прочный порядокъ. Не думайте притомъ, чтобы повиновеніе закону ограничивалось одними хорошими законами. Еслибъ всякій сталъ исполнять только тѣ законы, которые онъ считаетъ хорошими, то было бы полное господство анархіи. Во всѣхъ странахъ міра есть законы и хорошіе и дурные; но обязанность повиновенія распространяется на всѣ. Это — требованіе общее (с. 34)». И требованіе справедливое; въ практикѣ безъ него жить нельзя, и неисполненіе этого требованія есть преступленіе. Но такъ ли относится къ этому требованію идея, наука? Наука имѣетъ право на критику и, при этомъ требованіи, можетъ заявлять еще и другія, выходя изъ жизненныхъ началъ и руководясь идеей. Это и дѣлаютъ ваши противники, о которыхъ вы говорите, что они развиваютъ, конечно, теоретически, «либеральныя начала и заявляютъ либеральныя требованія». Вы же не соглашаетесь съ этимъ, браните вашихъ противниковъ, требуете вашихъ элементовъ безусловно, безъ всякихъ качествъ; значитъ, вы отстаиваете status quo. Въ этой цѣли сознался «отчасти» и г. Чичеринъ. «Разладъ между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ всегда составляетъ преграду народному развитію. Содѣйствовать по мѣрѣ силъ ихъ сближенію, такова была *отчасти* цѣль автора этихъ статей (стр. 7)».

Начала охранительнаго направленія г. Чичерина, по его

исчислению, суть слѣдующія: «сила власти. Отличительная черта русской исторіи состоитъ въ преобладаніи начала власти (с. 166). Бюрократія — элементъ, который дается намъ исторіею и современною жизнію. Къ несчастію, Россія для обезпеченія противъ бюрократическаго произвола не имѣетъ магистратуры. За то бюрократіи можетъ противодѣйствовать корпоративное устройство, сословія. Первое мѣсто занимаетъ наслѣдственное дворянство. Другая корпорація — университетъ. Но здѣсь корпоративное устройство имѣетъ значеніе не временное, не мѣстное, а постоянное, проистекающее изъ самаго существа учрежденія, изъ учебной его цѣли. И здѣсь опять здоровый корпоративный духъ служитъ противодѣйствіемъ умственной анархіи; онъ является хранителемъ научной мысли, серьезнаго труда и просвѣщеннаго вліянія на молодыя поколѣнія, которыя стекаются въ университеты. Наука двигаетъ общественную мысль, но она же служитъ и умѣряющимъ началомъ (с. 177)».

Вотъ видите, чего захотѣли ученые; имъ бы желалось засѣсть въ университеты, составить корпораціи и быть законодателями мысли и вліянія на учащіяся поколѣнія, а потомъ захватить въ свои руки общественную мысль и быть регуляторомъ общественнаго движенія; а этого никогда не будетъ, да и нѣтъ теперь; вотъ почему они и плачутся на неуваженіе къ наукѣ, подъ именемъ которой они разумѣютъ ученую корпорацію. — Въ указанныхъ началахъ заключается вся сущность направленія г. Чичерина; вы видите, какъ оно бѣдно мыслями и какъ ограниченъ горизонтъ его зрѣнія; «очистить по возможности бюрократію», закрѣпить старое наслѣдственное дворянство, потому что «новое сословіе никогда не можетъ замѣнить стараго, окрѣпшаго вѣками и носящаго въ себѣ преданія», запереть науку въ университетъ, и все это затянуть крѣпкими узами, — вотъ вся перспектива, которую имѣетъ въ виду и представляетъ для Россіи это направленіе. И зачѣмъ г. Чичеринъ прикидывается законникомъ, указывающимъ на забытые будто бы литературою элементы власти и закона; онъ просто отстаиваетъ statu quo; оно немножко начало было шевелиться, онъ и этимъ недоволенъ. Бюрократизмъ, аристократизмъ и ученый цехъ, — вотъ идеалы г. Чичерина; и если въ нихъ онъ видитъ забытые элементы закона, то напрасно онъ

и напоминаетъ объ нихъ. Понятно теперь, почему онъ говоритъ о примиреніи и соглашеніи своихъ элементовъ съ свободой; они дѣйствительно враждебны свободѣ до такой степени, что весь трудъ г. Чичерина, направленный на ихъ примиреніе, и даже усиленный въ тысячу разъ, пропадетъ совершенно напрасно.

М. АНТОНОВИЧЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ. Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ издалъ съ примѣчаніями и дополненіями *П. Пекарскій*. Спб. 1862 г.

Книга г. Пекарскаго принадлежитъ къ тому новому роду исторической литературы, который появился у насъ въ послѣдніе годы и занимается главнымъ образомъ исторіей нашего восемнадцатаго столѣтія. Эта литература могла бы быть весьма интересна и поучительна: у насъ было такъ много споровъ о восемнадцатомъ столѣтіи, о такъ называемомъ «петербургскомъ» періодѣ, что наконецъ въ самомъ дѣлѣ было бы любопытно заглянуть въ это восьмнадцатое столѣтіе и въ этотъ петербургскій періодъ. Перестала ли старая Россія быть настоящей русской Россіей съ тѣхъ поръ, какъ изъ семнадцатаго вѣка перешла въ восемнадцатый, и дѣйствительно ли виноватъ именно «петербургскій» періодъ въ томъ, что Россія, по крайней мѣрѣ вышняя Россія, немножко образовавшаяся по европейски, перестала быть русской, какъ въ этомъ положительно увѣряютъ насъ партизаны Руси «московской». Изслѣдованіе было бы до нѣкоторой степени важно въ томъ отношеніи, что могло бы опредѣлить, съ какого времени могутъ начинаться и какъ далеко идутъ наши добродѣтели, которыя отыскиваютъ въ нашихъ предкахъ защитники московской

Руси, и каково было происхожденіе пороковъ, которые они сваливаютъ на такъ называемый петербургскій періодъ.

Исторія восемнадцатаго столѣтія, такъ хорошо извѣстная для остальныхъ странъ Европы, у насъ только недавно сдѣлалась возможна. До самаго послѣдняго времени объ ней позволялось говорить только тономъ г. Устрялова, который въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ проводилъ только одну тенденцію, — что «все обстояло благополучно», и если упоминалъ о какихъ нибудь недостаткахъ управленія, тяжеломъ положеніи народа, то всегда пригонялъ такъ, чтобы сказать это уже при описаніи другаго, слѣдующаго царствованія, которое являлось все исправляющимъ, приводящимъ въ порядокъ финансы, уничтожающимъ злоупотребленія, устаповляющимъ новыя мудрыя мѣры. Если же въ этомъ царствованіи случались прорѣхи, г. Устряловъ опять не упоминалъ о нихъ въ своемъ мѣстѣ и предпочиталъ снова обличать ихъ уже тогда, когда вновь мудрые правители замѣчали безпорядокъ и искореняли его самымъ блестящимъ образомъ. — Затѣмъ, исторія восемнадцатаго вѣка была извѣстна только по слухамъ: нѣсколько отрывочныхъ разсказовъ и случайныхъ анекдотовъ составляли все, что было извѣстно изъ закулисной жизни этого пресловутаго восемнадцатаго вѣка, вѣка «матушки Екатерины» и покоренья Крыма. Были конечно разныя иностранныя книжицы, въ которыхъ съ большей откровенностью описывались событія этихъ знаменитыхъ временъ, но книжки оставались недоступны публикѣ, — отчасти онѣ были рѣдки, отчасти заключали въ себѣ превратныя сужденія и не допускались въ продажѣ.

Нынѣшнее положеніе дѣла представляетъ уже большой шагъ впередъ; когда обличеніе стало господствующей задачей нашей литературы, то въ область ея обличеній вошло и восемнадцатое столѣтіе. Открылось поприще гг. Есипова, Семевскаго и т. д.; какъ обличительные повѣствовали заимствовали свои сюжеты изъ уголовныхъ дѣлъ, такъ наши историки принялись пересказывать уголовныя дѣла прошлаго вѣка, снабжая ихъ для красоты слога собственными прибавленіями въ родѣ: «было прекрасное утро 1710 года, когда подъячій такой-то» и т. д. По справкѣ оказывалось иногда, что прекраснаго утра не было, что историкъ навралъ, — какъ Ноздревъ, безъ всякой надобности, — но дѣло было сдѣлано: восьмнадцатый вѣкъ обличенъ, скандалъ разсказанъ, и читателю оставалось только утѣшаться, что времена грубости прошли, что просвѣщеніе распространилось, что мы не страдаемъ болѣе отъ пытокъ и тайныхъ канцелярій. Обличеніе и здѣсь сохраняло тотъ же характеръ, какъ въ повѣстяхъ этого направленія: фактъ обличался,

но откуда онъ идетъ, какой онъ имѣетъ смыслъ, что изъ него слѣдуетъ, оставалось неизвѣстнымъ. Была конечно нѣкоторая польза въ томъ, что фактъ дѣлается по крайней мѣрѣ извѣстенъ, но извѣстность факта еще не помогала пониманію: описанія «медвѣжьихъ угловъ» не только не истребляли ихъ, но иной разъ не мѣшали и самимъ авторамъ ихъ укрываться въ такіе же «медвѣжьи углы».

Словомъ, эта обличительная исторія восьмнадцатаго столѣтія оказывается въ сущности такимъ же простодушно-невиннымъ занятіемъ, какъ много другихъ вещей, которыми услаждала себя наша отечественная литература въ послѣднее время. Въ сущности, она пока еще не много объяснила намъ въ восьмнадцатомъ столѣтіи. Намъ скажутъ, что она «затрогиваетъ» историческій вопросъ, что она «прокладываетъ дорогу» серьезному историческому изученію: мы согласимся, что съ этой болѣе обширной точки зрѣнія, книги гг. Есипова, Семевскаго, Щебальскаго, Чистовича и т. д. имѣютъ нѣкоторое значеніе, но онѣ все еще остаются только на затрогивающей точкѣ зрѣнія. Да и прокладываніе дороги не совсѣмъ удовлетворительно. Раскрываетъ ли оно по крайней мѣрѣ матеріалы для исторіи эпохи? Нѣтъ, потому что оно останавливается на случайныхъ матеріалахъ,— попалась автору книжка, дали ему прочитать рукопись, разрѣшили заглянуть въ торопяхъ въ какой нибудь архивъ — у него готово изслѣдованіе съ упомянутымъ описаніемъ прекраснаго утра, съ описаніемъ уголовныхъ процессовъ и застѣночныхъ исторій, и авторъ думаетъ, что дѣло кончено. Онъ часто вовсе не думаетъ о томъ, что попавшаяся ему рукопись—вовсе не единственная въ своемъ родѣ, что описанное событіе — не исключительный случай, что за этими анекдотами скрывается цѣлая общественная жизнь и цѣлый народный характеръ; ему не приходитъ въ голову, что въ этихъ старыхъ исторіяхъ скрывается начало нашей современной исторіи и современныхъ нравовъ.

Намъ казалось всегда, что въ воплях противъ такъ называемаго «петербургскаго» періода было что-то фальшивое и недодуманное, какъ бы ни были справедливы тѣ факты, за которые петербургскій періодъ обвинялся замоскворѣцкими патріотами. Въ чемъ состоятъ эти обвиненія? Обыкновенно говорятъ, что петербургскій періодъ нарушилъ правильное развитіе національной жизни разными иноземными порядками, что этимъ онъ испортилъ прежнія прекрасныя начала этой жизни, произвелъ разрывъ между народомъ и высшими классами, перенявшими мнимое европейское образованіе. Петербургскій періодъ обвиняютъ далѣе за то, что средствомъ для исполненія своихъ плановъ онъ выбиралъ всегда грубое насиліе и произволъ, что вслѣдствіе того онъ сталъ случайнымъ наростомъ на жизни народа.

Корнемъ, изъ котораго вышло все это неправильное развитіе, была конечно реформа Петра Великаго, и эта реформа у людей, не признающихъ ея, считается обыкновенно деспотической прихотью отдѣльнаго лица. Но ошибка и заключается въ томъ, что цѣлый періодъ исторической жизни приводится къ одной личности, на которую и сваливаются всѣ грѣхи и преступленія цѣлой эпохи. Но понимать такимъ образомъ исторію значитъ давать слишкомъ мало цѣны самой средѣ, въ которой дѣйствуетъ эта прихотливая и капризная отдѣльная личность: неужели внутреннія условія этой среды, то есть цѣлой массы общества, были такъ слабы, что подчинялись первому желающему, и неужели достаточно было каприза, чтобы перевернуть ходъ народной жизни?

Существенный вопросъ заключается конечно въ томъ, какова была степень общественной автономіи въ этой жизни, за нарушеніе которой обвиняютъ реформу и ея служителей. Была ли реформа насиліемъ, татарскимъ нашествіемъ, которое уничтожало все, встрѣчающееся на пути, не разбирая, хорошо оно или дурно? Или, можетъ быть, само общество, сама жизнь дѣлала возможными всѣ тѣ мѣры, которыя принимала реформа для своего утвержденія; не были ли ея средства — привычными, традиціонными средствами, которыхъ возможность, а иногда и самая форма приготовлены были уже прежней исторіей? На эти вопросы наша обличительная исторія восемнадцатаго столѣтія отвѣчаетъ мало или вовсе не отвѣчаетъ. Она думаетъ, что достаточно разсказать о тайной канцеляріи, о насильственныхъ мѣрахъ петровскаго царствованія, чтобы порѣшить вопросъ. Но развѣ прежде не было ничего подобнаго? Шестнадцатое и семнадцатое столѣтія представляютъ примѣры не хуже тайной канцеляріи и преображенскаго приказа, и между этими вещами было, конечно, несомнѣнное историческое родство. Это родство восемнадцатаго вѣка съ нашей національной стариной, еще не зараженной европейскими нравами, бросается въ глаза каждому, кто станетъ смотрѣть на вещи безъ принятой напередъ доктрины, и вопли противъ «петербургскаго» періода должны бы были по справедливости принять нѣсколько иное направленіе.

Насъ наводитъ на эти мысли и книга г. Пекарскаго, заглавіе которой мы выписали. Что касается до книги, то прежде всего замѣтимъ, что г. Пекарскій не ставитъ себѣ задачей того обличенія восемнадцатаго вѣка, о которомъ мы говорили. Книга его просто сборникъ документовъ, большею частію депешъ французскаго посланника Шетарди, жившаго при русскомъ дворѣ въ концѣ царствованія Анны Іоанновны, въ регентство Бирона и въ началѣ царствованія Елизаветы, и, какъ извѣстно, игравшаго немаловажную роль въ переворотѣ, доста-

нашемъ престолѣ этой императрицѣ. По нашему мнѣнію, составитель книги поступилъ весьма благоразумно, сдѣлавши ее изданіемъ подлинныхъ документовъ; читатель имѣетъ, по крайней мѣрѣ, вѣрный матеріалъ, не прикрашенный описаніемъ прекрасныхъ утра. Книга будетъ всегда весьма полезнымъ матеріаломъ для изученія нашей исторіи восемнадцатаго вѣка. Депеши добросовѣстно переведены и снабжены объяснительными примѣчаніями, такъ что матеріалъ является здѣсь достаточно обработаннымъ. Обозначивши этотъ характеръ изданія г. Пекарскаго для тѣхъ, кто бы заинтересовался имъ, мы воспользуемся изъ него нѣсколькими любопытными подробностями.

Документы, изданные г. Пекарскимъ, интересны, всего больше, для той придворной и дворцовой исторіи прошлаго вѣка, которая до сихъ поръ одна выдавалась за русскую исторію этого времени. Эта дворцовая исторія имѣла, конечно, мало общаго съ жизнью народа, роль котораго заключалась только въ томъ, что отъ одного царствованія до другаго онъ выносилъ на своихъ плечахъ всѣ издержки жизни высшихъ сословій и правительства: но во всякомъ случаѣ, при всей разрозненности двухъ слоевъ національной жизни, эта придворная исторія имѣетъ въ себѣ гораздо больше чисто-національныхъ особенностей, чѣмъ обыкновенно думаютъ. «Петербургскій» періодъ не былъ такой исключительно-нѣмецкой выдумкой, какъ оно представляется на первый разъ. Характеръ общества бросался въ глаза французскимъ дипломатамъ, жившимъ при нашемъ дворѣ въ половинѣ XVIII столѣтія: ихъ замѣчанія, сдѣланныя со стороны, но не безъ большой наблюдательности, могутъ дать тему для любопытныхъ размышленій о нашей общественной исторіи.

Одинъ изъ французскихъ дипломатовъ, въ 1738 году, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее о характерѣ русской націи и общества: «я не могу дать болѣе простой и въ то же время болѣе вѣрной идеи о Россіи,—пишетъ онъ къ кардиналу Флёри,—какъ сравнивъ ее съ ребенкомъ, который оставался въ утробѣ матери гораздо долѣе обыкновеннаго срока, росъ такъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и, выходя наконецъ на свѣтъ, открываетъ глаза, видитъ предметы, на него похожіе, протягиваетъ свои руки и ноги, но не умѣетъ ими пользоваться; чувствуетъ свои силы, но не знаетъ, на что ихъ употребить. Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ въ такомъ состояніи остается совершенно въ сторонѣ. Нѣмцы (если можно такъ назвать сборище датчанъ, пруссаковъ, вестфальцевъ, голштинцевъ, ливонцевъ и курляндцевъ) были первыми встрѣчными; они и воспользовались руками и ногами этого народа и управляютъ его движеніями» (стр. 15). Они управляли ими до такой степени, что

достаточно было быть русскимъ, чтобъ быть отстраненнымъ на задній планъ; французская депеша замѣчаетъ объ одномъ генералѣ Левашовѣ, что онъ лишенъ возможности командовать арміей, потому что — онъ русскій (стр. 5). Для этихъ русскихъ XVIII столѣтія жаловаться, что имъ отъ нѣмцевъ житья нѣтъ, было бы такъ же смѣшно, какъ сапожнику у Гоголя, который жаловался на то же самое, или тѣмъ ревнителямъ отечественной науки, которые все еще жалуются, до сихъ поръ, на нѣмецкую академію.

Маркизъ Шетарди и другіе члены французскаго посольства, описывающіе въ своихъ депешахъ состояніе Россіи въ ея внутреннихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, сообщаютъ много интереснаго, какъ посторонніе и хладнокровные наблюдатели. Въ цѣломъ, картина была крайне неудовлетворительна: къ той нравственной анархіи, которой всегда отличалась русская жизнь, а въ то время особенно, присоединялись и крайне разстроенныя матеріальныя отношенія. «Трудно, чтобъ не сказать, невозможно, знать настоящее количество обращающихся въ Россіи денегъ, потому что въ странѣ, гдѣ не существуетъ собственности (т. е. собственности чѣмъ нибудь обезпеченной отъ всякаго произвола), господа и крестьяне одинаково хлопочутъ скрывать отъ своихъ властей имѣющіяся у нихъ деньги, такъ какъ эти власти *по праву* отнять ихъ. Такимъ образомъ крестьянинъ старается закопать свои деньги въ землю, а баринъ передаетъ ихъ въ иностранные банки» (стр. 21). Деньги вообще чрезвычайно рѣдки въ Россіи, по замѣчанію Шетарди. «Большая часть полей остаются необработанными по 5 и 6 лѣтъ. Жители пограничныхъ областей *спасаются* (изъ отечества!) къ сосѣдямъ; въ особенности Украйна нынѣ почти совершенно пуста» (стр. 53). Государство вообще крайне истощено: «не не война (со временъ Петра I-го) истощила государство, такъ какъ деньги, которыми снабжаетъ царица армію, опять скоро къ ней возвращаются: она даетъ одною рукою, а другою получаетъ большую часть ихъ чрезъ *кабаки*;—государство истощаетъ роскошью, введенною при дворѣ, суровымъ управленіемъ министерствъ, переводомъ за границу суммъ, которые дѣлали и дѣлаютъ иностранцы и даже высшее дворянство, наконецъ безплодная распущенность, тщеславіе и суетность разоряютъ государство» (стр. 24). «Цѣль двора достигнута, если въ Европѣ говорятъ, что Россія богата: посмотрите, какіе чрезвычайные расходы дѣлаетъ Россія! Умалчиваю о содержаніи заведеній математическихъ и астрономическихъ и о совершенномъ пренебреженіи и упадкѣ народныхъ школъ» (стр. 21).

Главнѣйшимъ источникомъ доходовъ, послѣ подушной подати, служилъ доходъ съ кабаковъ. «Доходъ съ этой монополіи назначенъ на жалованье войскамъ, содержаніе магазиновъ, укрѣпленій и т. д.;

но эти деньги почти тотчасъ же возвращаются въ казну государя, такъ какъ московитскій солдатъ и матросъ вообще льстецы и не большей части все получаемое относятъ въ кабакъ» (стр. 81). Способъ взиманія податей также отличался средневѣковыми особенностями. «Онъ не всегда былъ одинаковъ со времени введенія его, въ 1722 г. Сборъ податей царь возложилъ на полки въ мѣстахъ ихъ квартированія, и это было сдѣлано съ цѣлью предотвратить взяточничество воеводъ, которые не пропускали никогда случая вознаграждать себя за подарки любимцамъ, при назначеніи въ такія должности. По этой самой причинѣ воеводы были уничтожены наконецъ Петромъ Первымъ; но при восшествіи на престолъ Екатерины, тѣ же самые воеводы были возстановлены по тѣмъ же самымъ уваженіямъ, по которымъ были уничтожены въ предъидущее царствованіе; именно: князь Меншиковъ, извѣстный своею жадностью къ деньгамъ, могъ одинъ извлекать большія суммы отъ опредѣленія воеводъ; имъ былъ снова предоставленъ сборъ податей» (стр. 78).

Все это вещи, болѣе или менѣе знакомыя всѣмъ въ жизни восемнадцатаго вѣка; посторонніе наблюдатели отмѣчали еще другія, которыя менѣе извѣстны. Русское общество не внушало имъ никакого довѣрія въ смыслѣ общественнаго развитія; другими словами, въ этомъ обществѣ они видѣли такъ же мало нравственной самостоятельности и чувства собственнаго достоинства, какъ мало можно было бы найти его въ полу-азіатскомъ обществѣ нашего XVII-го вѣка, если только можно назвать его обществомъ. «Не должно думать, — пишетъ одинъ изъ Шетарди о тогдашней русской знати, — чтобы неуваженіе, которое выказываетъ правительство къ знатнѣйшимъ фамиліямъ этого государства, повело что нибудь въ родѣ недовольства; помогало бы разрушать то, что полезно иностранцамъ. Знатные только по имени, въ дѣйствительности же они рабы, и такъ свыклись съ рабствомъ, что большая часть изъ нихъ не чувствуетъ своего положенія» (стр. 74). Въ справедливости этого замѣчанія не будетъ, конечно, сомнѣваться никто, кто хоть нѣсколько знакомъ съ характеромъ нашего общества въ восемнадцатомъ столѣтіи, со временъ Петра великаго и такъ далѣе: всѣмъ извѣстно это гнусное раболѣпство такъ называемыхъ старинныхъ вельможъ съ высшими, и азіатское варварство съ подчиненными,—черта, всегда отличающая рабскіе нравы и рабское общество. Традиція этого рабства, очевидно, не была вовсе исключительнымъ созданіемъ восемнадцатаго вѣка и «петербургскаго» періода; она коренится дальше, въ болѣе раннемъ періодѣ. Самый «петербургскій» періодъ былъ возможенъ только потому, что нашелъ себѣ достаточную почву въ этомъ рабствѣ.

Въ другомъ мѣстѣ замѣчено также, что «здѣсь не смѣютъ говорить

публично (въ газетахъ) ничего такого, что не шло бы изъ министерства». Нечего, конечно, и говорить о томъ, возможна ли была какая нибудь свобода слова при подобномъ характерѣ общества. Нравственное достоинство упало до такой степени, что съ одной стороны не было даже и привычки выражать свободно свои мнѣнія, съ другой— каждая нѣсколько свободная мысль неизбѣжно доносилась въ тайную канцелярію и влекла за собой извѣстныя послѣдствія. Въ большомъ числѣ случаевъ причиной доносовъ былъ даже не страхъ личной опасности со стороны доносчика, а та извращенная мораль, которая всюду идетъ за испорченностью общественныхъ понятій и вслѣдствіе которой доносъ совершается для доноса, изъ любви къ искусству. Это «слово и дѣло» никогда, конечно, не разыгрывалось въ такой степени, какъ въ восьмнадцатомъ столѣтіи; но всѣ пріемы властей въ этомъ случаѣ, всѣ нравы застѣнковъ и тайныхъ канцелярій были такимъ чисто-русскимъ произведеніемъ, что приписывать ихъ одному «петербургскому» періоду опять было бы исторической несправедливостью. Общественные нравы не создаются такъ скоро и не вкореняются такъ крѣпко въ общественную жизнь безъ воли самой жизни, т. е. безъ воли массы. Тайная канцелярія со всѣми ея застѣнками могла существовать потому, что масса находила ихъ вполнѣ резонными, оффиціальная мораль защищала ихъ,— а общество и не осмѣливалось имѣть иной морали, кромѣ оффиціальной.

Если что нибудь слишкомъ давило это общество, оно оказывалось безсильно для сопротивленія. Въ народѣ оппозиція уже давно становилась только пассивной и молчаливой; образованные классы, начавшіе отдѣляться отъ народа по образу жизни и нѣкоторымъ понятіямъ, не умѣли еще составить себѣ опредѣленной идеи объ общественныхъ и политическихъ порядкахъ и потеряли даже способность пассивнаго сопротивленія. Рабство общества увеличивало деспотизмъ власти, и даже безобразное правленіе Бирона при Аннѣ Іоанновнѣ и въ регентство не вызвало никакой дѣйствительной оппозиціи: паденіе Бирона было слѣдствіемъ простой придворной интриги. Шетарди очень ясно понималъ это безпомощное положеніе общества и не вѣрилъ ни въ какіе перевороты, которые бы могли быть имъ совершены. «Касательно волненій внутри,—говоритъ онъ, разсчитывая шансы войны съ Швеціею,—прошедшее достаточно показало, что недовѣрчивость русскихъ другъ къ другу и недостатокъ *въ людяхъ съ головой* производятъ то, что никогда не найдется начальника, способнаго руководить подобнымъ предпріятіемъ съ вѣроятностью успѣха; при томъ же это подвержено затрудненіямъ, почти непреоборимымъ при такомъ тираническо-деспотическомъ правительствѣ; и слѣдовательно съ этой стороны, если не хочешь увлекаться химерами, нѣтъ никакой надежды»

(стр. 96). Точно такъ же разсуждаетъ Шетарди о невозможности общественнаго движенія и впослѣдствіи, по поводу видовъ на престолъ Елизаветы: «здѣсь труднѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, подбить на невѣрное предпріятіе; власть здѣсь слишкомъ безгранична, и естественно, что человѣкъ, самый неустрашимый, если не труситъ за себя, то поколеблется и будетъ остороженъ, когда вспомнитъ, что отъ сомнительной приверженности зависитъ пожертвованіе своей жизнью, имуществомъ и всѣмъ семействомъ *до четвертаго колѣна*, если бы таковое было» (стр. 389).

Такія преслѣдованія до четвертаго колѣна не были въ русской жизни новой выдумкой восемнадцатаго столѣтія; точно такъ же и общественная неподвижность, о которой говоритъ Шетарди, не была новой чертой, принесенной «петербургскимъ» періодомъ. Эта неподвижность была уже давно привычнымъ свойствомъ русской жизни, съ тѣхъ поръ, какъ существеннымъ политическимъ началомъ стала исключительная централизація власти и управленія, — въ XVII вѣкѣ безотвѣтность высшихъ классовъ была уже обыкновеннымъ явленіемъ, и самая централизація московской власти была не столько причиной, сколько слѣдствіемъ этого внутренняго упадка бытовой самостоятельности. Въ этомъ отношеніи собственно петербургскому вліянію можно приписать уже немногое; оно шло по дорогѣ, уже проложенной, не вводило, а развѣ только усовершенствовало испорченность. Мы полагаемъ, что для иностраннаго наблюдателя Россія не даромъ казалась слабымъ, неумѣлымъ ребенкомъ, которымъ правили по усмотрѣнію; этотъ ребенокъ былъ дѣйствительно ребенокъ безпомощный.

Аристократія прошлаго вѣка, конечно, такъ же справедливо казалась этому постороннему наблюдателю безотвѣтной рабой,—такой она была и прежде. Достаточно просмотрѣть у Шетарди ходъ дѣла о возведеніи на престолъ Елизаветы, чтобы понять рабское ничтожество этихъ *вельможъ* стараго вѣка: ихъ трусость и безхарактерность побѣждались только одной приманкой, — Шетарди безъ церемоніи высчитываетъ въ своихъ депешахъ, кого и какъ можно подкупить. Одна княгиня переходила въ его лагерь даже за весьма умѣренную плату. Если таковъ былъ господствующій, наиболѣе образованный классъ, то другіе, подчиненные классы, если и сохранили больше патріархальныхъ добродѣтелей, не имѣли никакого вліянія на ходъ дѣлъ и только принимали то, что давалось имъ сверху. Старинная допетровская порча приняла только иную форму; воеводы, и затѣмъ вся администрація и судъ продолжали старую систему, основанную на кормленіи, и масса, какъ прежде, оставалась предметомъ всеобщей экс-

плуатаціи отъ всякаго рода властей. Власти, конечно, вооружились европейскими орудіями эксплуатаціи, но самое дѣло оставалось то же.

Насъ поймутъ неправильно, если вздумаютъ приписывать намъ апологію восемнадцатаго столѣтія. Мы хотимъ только сказать, что историческая судьба народа опредѣляется не какими нибудь случайными событіями въ родѣ построенія Петербурга въ 1703 году и перенесеніемъ столицы на Неву, а внутренними свойствами народности. При всемъ вліяніи внѣшнихъ событій, если только участь народа предоставляется его собственнымъ силамъ, эти внутреннія свойства остаются главнымъ опредѣляющимъ условіемъ его жизни. Если въ этихъ условіяхъ есть что нибудь фальшивое, недоконченное или вредное, эти качества необходимо отражаются на историческихъ событіяхъ. Поэтому «петербургскій» періодъ, при всѣхъ непривлекательныхъ сторонахъ своихъ, обязанъ своей ролью тѣмъ же внутреннимъ свойствамъ націи, которыя прежде создавали московское царство XVII вѣка, которыя теперь создаютъ нашу современную исторію. Очевидно, что когда въ противоположность и въ оппозицію «петербургскому» вліянію наши патріотическіе публицисты выставляютъ «незыблемыя основы» старинной народности, они впадаютъ въ нѣкоторое недоразумѣніе. Для того, чтобы дѣло шло иначе, чѣмъ было прежде, очевидно нужны и нѣкоторые другіе элементы. Они и входили дѣйствительно съ теченіемъ времени и входятъ до сихъ поръ, но доктринерство не замѣчаетъ ихъ.

Въ книгѣ г. Пекарскаго найдутся очень характерныя вещи для опредѣленія той критической минуты нашей исторіи, когда шло это колебаніе между старинными незыблемыми основами и новыми понятіями, въ которыхъ было уже гораздо меньше суевѣрнаго поклоненія передъ традиціями. Въ маленькихъ размѣрахъ уже начиналась оппозиція общества противъ существовавшаго хозяйства тогдашнихъ правителей. Исторія регенства и возведеніе на престолъ Елизаветы пріобрѣтаютъ здѣсь много важнаго матеріала.

Земство и расколъ, *А. Щапова*. Выпускъ первый. Спб. 1862.

«Бѣгуны», *А. Щапова*. («Время», 1862, октябрь и ноябрь).

Въ сочиненіяхъ г. Щапова въ нашу историческую литературу входитъ новая точка зрѣнія на событія народной жизни, и эта точка зрѣнія должна исправить много ошибокъ и недосмотровъ нашей прежней исторической рутины. Въ этомъ новомъ взглядѣ было много свѣжаго

и оригинальнаго, и сочиненія г. Щапова имѣли весьма значительный успѣхъ, который далеко не ограничивался кружкомъ спеціалистовъ. Первая книга г. Щапова, обратившая на него вниманіе, имѣла своимъ предметомъ расколъ, и ему же посвящены главнѣйшимъ образомъ и новые труды автора. Въ своей первой книгѣ г. Щапову не удалось, впрочемъ, изложить свои представленія о дѣлѣ съ той ясностью и полнотой, какъ въ статьяхъ о «Земствѣ и расколѣ», выходящихъ теперь отдѣльно. Заглавіе статей показываетъ уже, къ чему направлены изслѣдованія г. Щапова; это—внутренняя исторія «земства», т. е. народа въ тѣсномъ смыслѣ слова, и исторія «раскола», который также былъ исключительно земскимъ, народнымъ явленіемъ. Такимъ образомъ изслѣдованія г. Щапова берутся прямо за тотъ предметъ, къ которому давно съ разныхъ сторонъ подходятъ наша исторія и археологія, изученіе народности и старыхъ памятниковъ. Мы изслѣдовали и собирали народныя пѣсни, обычаи, памятники старины, но большинство останавливалось на томъ и удовлетворялось, какъ будто послѣдняя цѣль въ томъ только и заключалась, чтобы собирать и описывать. Всему собранному матеріалу все еще недоставало должныхъ объясненій, — разныя хитрыя миѳологическія и филологическія толкованія были на дѣлѣ очень далеки отъ настоящаго положенія народной жизни. Г. Щаповъ не останавливается на однихъ предварительныхъ изученіяхъ и старается ввести читателя въ самую среду этой исторической жизни народа въ извѣстную эпоху, объяснить ту связь, которая соединяетъ его старину съ настоящимъ, и отъ давняго историческаго вопроса привести къ вопросу современному и практическому. Въ этомъ мы видимъ существенное и высокое достоинство трудовъ г. Щапова, какъ бы ни были иногда невѣрны или преувеличены они въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Народъ и народная жизнь перестаютъ у него быть той отвлеченностью, о которой вкривь и вкось судятъ разные умные люди.

Въ тѣ времена, когда у насъ изучали народность, какъ занимательный курьёзъ, или привязывались къ ней безсознательнымъ чувствомъ и на этомъ чувствѣ строили болѣе или менѣе трансцендентныя теоріи, — у насъ вошло въ обращеніе много разныхъ положеній, которыя выдавались служителями народности за непреложную истину. Эти служители образовали наконецъ цѣлую школу, толковали о глубокихъ свойствахъ русской народности, о ея великой исторической задачѣ, о непригодности и гнили западной цивилизаціи. Въ историческихъ мнѣніяхъ школы на первомъ планѣ стояло возвеличеніе древней Руси и проклятіе петербургскому періоду, въ литературныхъ—восхищеніе, во что бы то ни стало, произведеніями народной поэзіи и старинной письменности и отрицаніе новой литературы, какъ

не народной. Отсюда довольно прямо ведутъ свое начало и тѣ толки о «почвѣ», которые начинаютъ уже такъ надоѣдать читателямъ. Всего хуже во всемъ этомъ было то, что въ большинствѣ случаевъ толковавшіе о народности обходились безъ всякихъ доказательствъ и, вмѣсто фактовъ, считали достаточными одни свои усмотрѣнія домашней работы. Къ сожалѣнію, многіе довѣрчивые люди видѣли въ этихъ усмотрѣніяхъ нѣчто дѣйствительное и реальное, хотя опытъ практическаго сближенія съ народомъ, какіе бывали въ послѣднее время, могъ бы убѣдить ихъ въ иномъ.

Поставивши предметомъ своего изученія «земство», г. Щаповъ касался именно этого спорнаго вопроса: какой характеръ носитъ на себѣ современная жизнь «земства», въ чемъ состоитъ ошибка новой жизни, разстроившая правильность отношеній (если она была), почему раздѣлились разные слои народа, откуда пошелъ общественный и религіозный расколъ и къ чему приводится дѣло въ настоящую минуту?

До сихъ поръ вина распаденія общества съ народомъ всего удобнѣе сваливалась на реформу, на иноземные обычаи и цивилизацію, на иноземныя политическо-государственныя тенденціи. Древнюю Русь, блаженствовавшую на чисто-русскихъ началахъ, доводили до конца XVII-го вѣка, начинали за тѣмъ испорченный, ненародный, «петербургскій» періодъ, и считали дѣло конченнымъ и непуждающимся въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ. Время Петра и послѣ него было дѣйствительно такимъ непріятнымъ для стараго «земства» временемъ, и не даромъ окрещено было у раскольниковъ временемъ антихристова пришествія. Въ изслѣдованіи о «бѣгунахъ» г. Щаповъ удачно собираетъ въ одну картину всѣ стѣсненія петровской эпохи, которыя должны были оставить по себѣ такой печальный слѣдъ въ народной жизни; многія явленія раскола, какъ напр. самая секта «бѣгуновъ», своимъ происхожденіемъ или особеннымъ развитіемъ обязаны именно эпохѣ Петра и порядкамъ, которые съ нея начались и пошли. Но какъ бы ни были велики въ этихъ нововведеніяхъ нарушенія старой народной жизни, эта эпоха, очевидно, не была тѣмъ критическимъ пунктомъ, который положилъ границу между двумя разными періодами народнаго быта и уничтожилъ исконные «земскіе» порядки.

Народная «скорбь», исторію которой раскрываетъ г. Щаповъ, началась гораздо раньше. Начало раскола лежитъ еще въ старой допетровской Руси, а въ расколѣ г. Щаповъ видитъ чисто «земское» движеніе. Онъ доказываетъ это весьма основательными доводами. Въ расколѣ задался именно протестъ земства, т. е. народа въ тѣсномъ смыслѣ, противъ притязаній государства — устроивать народную жизнь

по-своему собственному, произвольному усмотрѣнію. Такимъ образомъ критическій пунктъ распаденія, о которомъ мы говорили, отодвигается дальше эпохи Петра, именно въ самую блестящую пору московскаго царства. Въ первыхъ статьяхъ своихъ о «земствѣ и расколѣ» г. Щаповъ очень наглядно изобразилъ положеніе народа въ XVII-мъ столѣтіи, послѣ земскаго собора 1613 г. и всенароднаго устройства земли, когда государственныя и централизаціонныя стремленія московскаго правительства все больше и больше нарушали старинный порядокъ народной жизни. Антипатія народа къ этимъ нарушеніямъ выразилась еще въ семнадцатомъ вѣкѣ общественнымъ и религіознымъ отпаденіемъ отъ московскаго правительства, бунтомъ Стеньки Разина, стрѣльцовъ и т. д., и церковнымъ расколомъ. По объясненіямъ г. Щапова, расколъ усилился и распространился именно потому, что онъ тѣсно былъ связанъ съ самыми разнообразными интересами земства, что онъ вообще имѣлъ смыслъ демократической оппозиціи противъ московскаго самовластія. Позднѣйшая исторія оффиціальной, военной и чиновничьей исторіи Россіи только развила эти старые оппозиціонные зародыши.

Изъ этого слѣдуетъ, что первоначальный разладъ въ національной жизни принадлежитъ еще самой древней Руси, что онъ произошелъ въ границахъ ея собственнаго развитія, еще не тронутаго иноземными тенденціями восемнадцатаго вѣка и петербургскаго періода. Въ чемъ же состояли причины разлада и изъ-за какихъ началъ совершалась эта борьба?

Обѣ боровшіяся стремленія основывались на различныхъ идеалахъ. Государство, уже съ самаго начала московскаго царства, стремилось къ сосредоточенію своихъ силъ, слѣдовательно — къ установленію сильной центральной власти и управленія и къ уравненію мѣстныхъ областныхъ отличій; земство, напротивъ, искало своего идеала именно въ этой мѣстной самостоятельной жизни, въ свободѣ внутренняго областнаго устройства и распоряженія своими силами; словомъ, характеръ стремленій земства опредѣлялся федераціей и самоуправленіемъ. Борьба, начавшаяся между этими принципами, оказалась невыгодна для интересовъ земства: въ большинствѣ случаевъ оно было подавлено сильнѣйшей стороной и подпало подъ гнетъ центральной власти, которая, раз получивши верхъ, дѣлала потомъ, что хотѣла, надъ безсильной массой. Масса протестовала, но протесты были безполезны: недовольные были недостаточно сильны для того, чтобы тверже выставить свое право. Кончилось тѣмъ, что они лишились права гражданства въ новой жизни, устроенной побѣдившимъ принципомъ; имъ оставалось скрыться въ расколъ и въ «бѣгство». Это послѣднее и слу-

чилось буквально въ сенѣ «бѣгуновъ», бѣжавшихъ отъ новаго порядка жизни.

Такова сущность дѣла, излагаемаго г. Щаповымъ. Конечно, было бы безполезно разбирать, на чьей сторонѣ правда или кто былъ виноватъ въ этомъ историческомъ процессѣ. Обѣ боровшіяся стороны имѣли свои идеалы и защищали ихъ; возвышеніе одной и паденіе другой зависѣло только отъ массы физической и нравственной силы, которая могла быть введена въ борьбу обѣими сторонами. Государство было право, потому что сосредоточеніе народной силы, составлявшее цѣль его желаній, было необходимо для внѣшней цѣлости племени, а стремленіе сохранить эту цѣлость есть инстинктивная его потребность; земство было право, потому что столько же справедливо и естественно въ человѣкѣ требованіе личной свободы, изъ котораго исходитъ и желаніе мѣстной независимости, т. е. независимости въ ближайшей области жизни. Такимъ образомъ, виновныхъ отыскивать будетъ трудно: мы найдемъ частныя преступленія, эксцентричность и несправедливость въ отдѣльныхъ лицахъ, но эти частныя несправедливости не объяснятъ дѣла; такъ называемая историческая несправедливость можетъ быть совершаема и людьми совершенно честными по обыкновеннымъ понятіямъ. Въ той борьбѣ, о которой мы говоримъ, ошибки дѣлались, какъ и всегда, съ обѣихъ сторонъ; обѣ стороны заблуждались часто о предметахъ своего спора, приходили къ ложнымъ выводамъ, прибѣгали къ несправедливостямъ въ ихъ выполненіи. Другъ друга онѣ понимали мало, и отсюда, чѣмъ дальше, тѣмъ больше разгоралась между ними непримиримая вражда, считавшая дозволительными всѣ средства для уничтоженія противника, отсюда безжалостное преслѣдованіе съ одной стороны и коварная пропаганда преслѣдуемаго начала съ другой.

Историкъ въ этомъ случаѣ долженъ конечно оставаться безпристрастнымъ судьей дѣла, но имѣетъ также и полное право выражать свою симпатію къ той, хотя бы и побѣжденной, сторонѣ, съ паденіемъ которой изчезали начала жизни, имѣвшія свое здоровое и разумное содержаніе. Г. Щаповъ, кажется намъ, воспользовался этимъ правомъ больше, чѣмъ допускалъ бы строгія историческія критеріи. Онъ очень краснорѣчиво (хотя и довольно извѣстно) изображаетъ страданія земства, оскорбляемаго и угнетаемаго въ своихъ любимыхъ обычаяхъ, привычкахъ, потребностяхъ и стремленіяхъ,—земства, терявшаго всякую физическую и нравственную свободу, какой оно пользовалось нѣкогда, въ лучшія времена, и впадавшаго наконецъ въ полное рабство и нравственное отупѣніе или мрачную и суевѣрную религію раскола. И эти описанія конечно справедливы фактически,

но намъ кажется, что г. Щаповъ, представляя намъ борьбу и страданія земства за его идеалъ, недостаточно опредѣляетъ свойства этого идеала. Читатель остается подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что эта старая жизнь земства нѣкогда была дѣйствительно вѣрна этому идеалу, и что свобода его вдругъ была оборвана одной злонамѣренностью централизаціи и гнетомъ приказнаго правленія. Авторъ нѣсколько разъ съ особеннымъ выраженіемъ настаиваетъ на старомъ характерѣ земства, идеалъ котораго былъ въ поземельной федераціи, областномъ самоуправленіи, свободѣ колонизаціи, свободѣ промысловъ, торговли и пр. Но существовалъ ли когда нибудь этотъ идеалъ въ такомъ видѣ, который бы могъ казаться удовлетворительнымъ для массы, т. е. представлялъ бы достаточную гарантію для правильной общественной жизни? Въ семнадцатомъ вѣкѣ его уже очевидно не было: этотъ бытъ падаетъ подъ гнетомъ московской централизаціи. Почти такъ же мало существуетъ этотъ бытъ въ шестнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкѣ, когда эта московская централизація дѣятельно соединяла подъ свою единую власть отдѣльныя области и ставила имъ закономъ великокняжеское *слово*, т. е. приказаніе. Примѣръ самаго блестящаго развитія этого идеала конечно представляетъ историческая жизнь Новгорода, но и здѣсь эта вольная народная община далеко еще не успѣла образовать какихъ нибудь правильныхъ общественныхъ отношеній. Новѣйшій историкъ Новгорода, г. Костомаровъ, слѣдующимъ образомъ выражается о новгородской братчинѣ и похожденіяхъ новгородскаго героя Василія Буслаевича, олицетворявшаго цѣлый характеръ новгородской жизни: «невольно приходитъ вопросъ: какія же побудительныя причины всей этой кутерьмы?—спрашиваетъ онъ, описавши побоища Василья Буслаевича съ новгородскими «мужиками», т. е. самимъ земствомъ:—все здѣсь является плодомъ внезапныхъ увлеченій, порыва страстей; нѣтъ ничего разсчитаннаго. *Оно такъ и дѣлалось въ жизни вольнаго города.* Здѣсь все безпричинно, какъ и въ разсказахъ лѣтописей, гдѣ также не доберешься, изъ-за чего люди волнуются, за что князей выгоняютъ, другихъ приглашаютъ; сегодня одного возносятъ, завтра того же грабятъ, съ моста сбрасываютъ, потомъ опять честятъ». «Новгородская душа, — говоритъ тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ, — *не любитъ закона*, связывающаго дѣятельность,—это видно *во всей общественной жизни*» (Сѣверн. Народопр., т. 2,141,147). Эти замѣчанія заслуживаютъ вниманія, потому что автора нельзя никакъ обвинить въ нерасположеніи къ старому Новгороду. Дѣйствительно, эта вѣчевая жизнь древней Руси, всего болѣе сложившаяся въ Новгородѣ, не представляла достаточной общественной гарантіи: въ самомъ Новгородѣ очевидно она не успѣла дорости до

принципнаго учрежденія, которое бы управляло не дѣйствительной народной волей, а не на одной прихоти и произволѣ массы, не отвѣчающей сегодня за то, что она дѣлала вчера; въ другихъ мѣстахъ слабость вѣчеваго устройства доказывается уже тѣмъ, что оно слишкомъ рано уступило передъ властью князей. Была конечно общинная свобода, свобода промысловъ, колонизаціи и торговли, но насалъ земства и здѣсь не выдерживалъ критики, потому что вездѣ происходило то же, что съ вѣчемъ: свобода колонизаціи стоила немного, потому что зачастую дѣло шло только о пустыхъ земляхъ или слабыхъ племенахъ инородцевъ, или же просто свобода земства кончалась ушпйничествомъ и грабежемъ своихъ же единоземцевъ. Исторія того же Новгорода представляетъ примѣры, что когда выѣзжали изъ города купцы въ свои путешествія, то вслѣдъ за ними отправлялись и «удалые люди» — догнать и ограбить ихъ. Ясно, что если была полная свобода для такъ называемыхъ охочихъ, удалыхъ, гуляющихъ и т. п. людей, и была свобода рукъ ходить куда ей угодно, то съ другой стороны не было никакой гарантіи для общественной и частной безопасности людей самой свободной «земской» общины. Самъ Новгородъ одобрялъ молодечество своихъ буйныхъ сыновъ, сознательно освящалъ насиліе надъ своими же членами. Эта патріархальная наивность могла бы имѣть свои предѣлы, чтобы стать идеаломъ «лучшей изъ общинъ». Такимъ образомъ, если мы станемъ отыскивать въ исторіи тотъ идеалъ, который бы «земство» справедливо могло противопоставить идеалу московской централизаціи, — противопоставить какъ дѣйствительную общественную силу, намъ пришлось бы больше и больше удаляться въ такъ-называемую глубину вѣковъ, предполагать наилучшее устройство общества въ его древнѣйшей эпохѣ, словомъ — поступать такъ, какъ поступали философы XVIII-го вѣка, познавшіе своего общественнаго идеала въ такъ называемомъ естественномъ состояніи человѣка.

Идеала отыскать было бы очевидно трудно въ какой либо эпохѣ древней Руси. Во всѣ вѣка, которые сколько нибудь ближе намъ извѣстны и сколько нибудь успѣли удалиться отъ жизни «звѣринымъ образомъ», народный бытъ только стремился къ тому, чтобы выработать себѣ извѣстные положительные принципы. Во все это время, правильная организація общества была только благочестивымъ желаніемъ, весьма далекимъ отъ исполненія. Но въ глазахъ г. Щапова это было такъ будто иначе; какъ будто всѣ свойства свободной федеративной и самоуправляющейся жизни земства уже нашли свое полное выраженіе и форму въ древней Руси, и уже существовали въ этой развитой формѣ тогда, когда внезапно явившаяся централизація и затѣмъ

иноземная реформа Петра пришли — неизвѣстно, на какомъ основаніи — разрушать народное созданіе. По крайней мѣрѣ г. Щаповъ не совсѣмъ разъясняетъ этотъ вопросъ. И въ XVII-мъ столѣтіи, когда онъ отмѣчаетъ явный упадокъ старой земской свободы (какова бы она ни была), онъ все еще находитъ въ земскихъ обычаяхъ извѣстныя проявленія областной свободы, которымъ и придаетъ большую важность. Таковы между прочимъ знаменитые соборы, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ особенной гордостью выставлены были московскими словенами, какъ рекомендація въ пользу древней Руси, а потомъ выставлялись и другими въ видѣ мистическаго правоученія для Руси новой. Мы не считаемъ здѣсь нужнымъ особенно останавливаться на нихъ, потому что простыя фактическія повѣствованія о нихъ уже достаточно показываютъ, на сколько эти соборы имѣли вліянія на государственную жизнь. Значеніе ихъ преклонялось передъ властью «земскаго» царя, такъ что передъ ней они были чуть не простой вѣрноподданнической формальностью; земскій царь не слушалъ ихъ рѣшеній, когда они ему не нравились, да и собирались они крайне рѣдко. Дальше г. Щаповъ указываетъ на право «земскаго челобитья», на основаніи котораго всѣ области русской земли обращались съ своими мѣстными нуждами и просьбами прямо къ царю и «вопіяли» (выраженіе г. Щапова) передъ нимъ о своихъ бѣдствіяхъ. Справедливо конечно, что въ этихъ мѣстныхъ челобитныхъ оставался нѣкоторый признакъ прежней мѣстной особности и независимости, но намъ кажется, что это право челобитья и право воплей не есть еще слишкомъ завидное право. Челобитную можно выслушать и не выслушать, исполнить и не исполнить: областныя желанія, очевидно, отдавались на московскій произволъ точно такъ же, какъ прежде великокняжеское *слово* уничтожало свободу старыхъ федеративныхъ общинъ. Челобитныхъ было множество; въ челобитныхъ обращались къ царю со всевозможными просьбами, часто весьма мелочными, то есть слишкомъ частными просьбами: земскій царь, конечно, не имѣлъ возможности входить во всѣ подробности мѣстныхъ дѣлъ и управленій, и онѣ шли тѣми же приказными путями, которыхъ такъ не любило земство. Наконецъ, истощилась всякая возможность двумъ началамъ ужиться въ мирѣ; центральная власть больше и больше захватывала въ свои руки всѣ отправленія земской жизни, стала безконтрольно распоряжаться и имуществомъ, и трудомъ, и личностью членовъ земства, и когда чаша переполнилась, протестъ земства проявился мятежомъ. Народная память до сихъ поръ сохранила имя Стеньки Разина, какъ героя, на ряду съ старыми богатырскими именами древней Руси. За множествомъ мелкихъ мятежей въ XVIII-мъ вѣкѣ вспыхнуло и очень круп-

ное возстаніе. Все это были чисто земскія движенія, хотя мы думаемъ, что въ ихъ побудительныхъ причинахъ была отъ XVII до XVIII-го вѣка значительная разница, такъ что ихъ не совсѣмъ можно подводить подъ одну категорію. Какъ бы ни были иногда странны ихъ подробности (какъ напримѣръ самозванство Пугачева и многихъ другихъ), во всякомъ случаѣ это были единственные случаи, когда земство открыто заявляло свое недовольство. Но всѣ эти движенія не удавались, — очевидно, что той огромной силѣ, которую поднимали тогда эти движенія, не доставало внутренней сосредоточенности или яснаго пониманія того, чего она хотѣла; въ этихъ движеніяхъ опять только продолжалось то броженіе общественной идеи, которая прежде неудачно пыталась основать самостоятельныя народныя федераціи. Но и въ XVIII-мъ вѣкѣ эта общественная идея была еще слишкомъ слаба; и побѣда земскаго движенія, если бы она удалась, сломала бы централизаціонные порядки, но потомъ вѣроятно опять привела бы къ диктатурѣ того же свойства, — потому что иныхъ формъ еще не представляло себѣ и само земство.

Съ другой стороны, движеніе земства выразилось въ расколѣ, который, какъ мы замѣтили, кромѣ вопроса чисто религіознаго, стоялъ въ близкомъ соотношеніи съ общимъ недовольствомъ земства, вызваннымъ централизаціонной государственной опекой. Надобно отдать полную справедливость тѣмъ удачнымъ объясненіемъ г. Щапова, гдѣ онъ указываетъ эту тѣсную связь раскола съ другими движеніями земства и увязываетъ его источникъ не въ однихъ только богословскихъ тонкостяхъ и спорахъ о буквѣ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ почти всегда въ книгахъ, писанныхъ противъ раскола. Это первый широкій взглядъ на происхожденіе раскола; взглядъ, при которомъ становятся болѣе или менѣе понятны всѣ его разнообразныя проявленія и всѣ странныя причуды его развитія. Но и здѣсь мы часто несогласны съ тѣми сторонами взгляда г. Щапова, которыя касаются культурнаго значенія раскола. Авторъ часто отвлекаетъ расколъ отъ его догматическаго содержанія и изображаетъ его протестомъ старинныхъ понятій земства противъ нововведеній и притязаній московскаго царства и петровской имперіи, — протестомъ противъ нарушенія свободы нравственной, свободы личной, противъ стѣсненія правъ промышленныхъ и торговыхъ, противъ рекрутства, подушной переписи и т. д. Но значеніе и смыслъ пріобрѣтаются протесту только его дѣйствительностью, и въ этомъ отношеніи мы сомнѣваемся приписать расколу ту историческую силу, какую даетъ ему г. Щаповъ. Протестъ его былъ почти всегда исключительно пассивный: расколъ постоянно скрывался, или изъ суевѣрнаго опасенія обмірщиться или

изъ сознанія своей слабости; чрезвычайно характеристическимъ выраженіемъ его началъ была именно секта «бѣгуновъ», которой г. Шаповъ посвятилъ свое послѣднее любопытное изслѣдованіе, и которой весь смыслъ заключается въ скрытіи и бѣгствѣ. Намъ скажутъ, что раскалъ и не могъ дѣйствовать иначе, что противъ него стояла слишкомъ большая сила; мы и не винимъ его въ трусости, мы знаемъ его жертвы, трудъ его пропаганды, цѣнимъ преданность убѣжденію, но сомнѣваемся въ качествѣ пріобрѣтеннаго результата: все это могло служить извѣстному принципу, но, идя своимъ прежнимъ путемъ, едва ли можетъ привести его къ осуществленію.

По словамъ историковъ раскола, онъ развивался съ теченіемъ времени, т. е. развивался не внѣшнимъ только образомъ, въ увеличеніи числа адептовъ и въ размноженіи сектъ, но въ своемъ внутреннемъ содержаніи; оставилъ прежній споръ о буквѣ, который былъ его первой насущной задачей, и обратился къ разрѣшенію болѣе широкихъ вопросовъ догмата, практической жизни и нравственной свободы. Это кажется намъ справедливымъ только въ извѣстной степени и для извѣстныхъ отдѣльныхъ случаевъ; но въ массѣ расколъ слишкомъ долго стоитъ на одномъ и томъ же содержаніи, т. е. на мертвой буквѣ и обрядности. Такъ и должно было быть при той враждѣ ко всему чужому, которая заставляла расколъ заключаться въ самомъ себѣ, отдѣляться отъ всего остальнаго міра и тѣмъ самымъ лишать себя возможности развивать свои положенія. Эта заключенность въ себя самомъ существенно мѣшала и мѣшаетъ его дальнѣйшему развитію. Въ то время, когда все кругомъ его движется и худо-ли, хорошо-ли, но все идетъ по немногу дальше впередъ, онъ упрямо держится авторитета старины; а это оружіе отъ времени будетъ становиться все тупѣе. Чтобы дѣйствовать съ пользой для себя, расколъ долженъ былъ по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени запастись тѣмъ оружіемъ, какое уже употребляется вокругъ него. И онъ не лишенъ былъ этого средства: онъ имѣетъ своихъ приверженцевъ не въ одной массѣ простаго народа, который своимъ стѣсненнымъ положеніемъ лишенъ возможности подновлять свои нравственныя силы, но и въ богатомъ купеческомъ классѣ, который не можетъ жаловаться на отсутствіе матеріальныхъ средствъ. Въ доказательство того, что расколъ имѣетъ много залоговъ и основаній развитія и много внутренней крѣпости, указываютъ на его замѣчательную способность къ общинному устройству и организаціи: такова, напримѣръ, раскольничья школа и грамотность, таково устройство раскольничьихъ монастырей и общинъ въ родѣ преображенскаго кладбища; такова обыкновенная зажиточность раскольничьихъ селъ и де-

ревень, и относительно высшее развитіе раскольниковъ, въ сравненіи съ прочимъ населеніемъ. Дѣйствительно, грамотность развилась въ расколѣ безъ всякихъ стараній благодѣтельныхъ обществъ, казенныхъ школъ и комитетовъ грамотности; раскольничьи общины устроивались не смотря на множество препятствій со стороны всякихъ крупныхъ и мелкихъ властей и доходили до замѣчательнаго богатства, какъ преображенское кладбище, иргизскіе скиты и т. п.; давно замѣчено, что бытъ раскольниковъ устроивается гораздо удовлетворительнѣе, что они крѣпко поддерживаютъ другъ друга въ случаѣ нужды, лучше ведутъ свои дѣла, и во многихъ случаяхъ отличаются и болѣе строгой нравственностью, чѣмъ православные сосѣди, живущіе рядомъ съ ними и въ тѣхъ же условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти факты несомнѣнны, но мы не полагаемъ, чтобы они зависѣли только отъ внутренняго принципа раскола, и чтобы многое въ нихъ не было прямымъ слѣдствіемъ чисто внѣшнихъ условій. Указанныя свойства раскольничьяго быта представляютъ довольно общую черту всѣхъ новыхъ или преслѣдуемыхъ сектъ и ученій: многія изъ этихъ свойствъ — трудолюбіе, тѣсную общительность между собой, недовѣріе къ чужимъ, болѣе или менѣе строгую религіозность, нравственность, большую сравнительно степень развитости и т. д. — мы находимъ и у богумиловъ, альбигойцевъ, гугенотовъ, моравскихъ братьевъ, пуританъ и т. д. Самое преслѣдованіе всегда до извѣстной степени экзальтируетъ физическія и нравственныя силы, поневолѣ сближая людей, которые не сошлись бы иначе. Преслѣдуемые естественно чуждаются тѣхъ, кто если не преслѣдуетъ ихъ самъ, то живетъ въ ладахъ съ преслѣдователями; они перестаютъ водиться съ этими чужими людьми, не хотятъ походить на нихъ, и часто изъ этого, чисто случайнаго, повода крѣпче держатся за свои особенности и боятся компрометировать себя ихъ нарушеніемъ: общія правила жизни могутъ быть иногда одни и тѣ же у тѣхъ и другихъ, но у однихъ они ревниво исполняются, у другихъ держатся болѣе небрежно, потому что нѣтъ посторонняго побужденія соблюдать ихъ... Богатыя раскольничьи общины довольно легко поддаются критикѣ со стороны ихъ управленія: напомнимъ хоть исторію того же преображенскаго кладбища и его диктатора Ковылина или новѣйшіе слѣдственно-эстетическіе очерки раскольничьяго быта, въ которыхъ бывали весьма вѣрно, хоть можетъ быть иной разъ и не кстати, описаны иныя подробности этого быта. Очевидно, что эти общинныя учрежденія раскола не таковы, чтобы ихъ можно было считать прочнымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ народной жизни. Изъ характера этихъ учрежденій, да и изъ всего раскольничьяго быта, окажется наконецъ, что

прежнее религіозно-обрядное существіе раскола далеко не упало и не измѣнилось къ лучшему; болѣе развитыя религіозныя и общественныя понятія принадлежатъ только отдѣльнымъ лицамъ или немногимъ небольшимъ сектамъ, въ родѣ молоканъ, а за тѣмъ большинство вмѣстѣ тѣмъ же двуперстнымъ сложеніемъ, боязнію антихриста, переписываніемъ разной старинной мудрости и т. д. Грамотность раскола, приводящая въ изученіе нѣкоторыхъ любителей, не принесетъ конечно большой пользы, пока будетъ ограничиваться тѣмъ же содержаніемъ, какимъ довольствовались до сихъ поръ.

Такимъ образомъ движеніе земства, выражающееся теперь въ расколѣ, также оказется слабымъ въ общемъ движеніи народной жизни. Расколъ соединяетъ въ себѣ много лучшихъ силъ земства, много живыхъ, энергическихъ и рѣшительныхъ личностей народа, и потому тѣмъ важнѣе понять и оцѣнить его дѣятельныя силы. Г. Щаповъ по видимому считаетъ силы земства гораздо выше, чѣмъ можно судить по даннымъ фактическимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ исторической судьбѣ земства онъ даетъ слишкомъ много дѣйствительнаго значенія тому идеалу земства, о которомъ мы говорили, и который въ существѣ никогда не достигалъ сколько нибудь полнаго осуществленія на дѣлѣ. Г. Щаповъ вѣритъ въ этотъ идеалъ: разсказывая судьбу «земства» и ставя его стремленія рядомъ съ противоположными ему началами, онъ всегда склоненъ взять сторону земства... Есть люди, въ которыхъ увлеченіе народностью (т. е. тѣмъ же, но туманнѣе понятымъ земствомъ) доходитъ до того, что въ ней они видятъ единственное средство отъ всѣхъ историческихъ невзгодъ, на ней одной хотятъ основать цѣлое развитіе общества, требуютъ народности не только для литературы, но и для науки. По мнѣнію этихъ людей, то, что непародно, и существовать не должно; то, что пріобрѣтено мимо чисто народныхъ источниковъ, есть одна ложь и должно быть брошено, какъ старое платье: народу нѣтъ дѣла, говорятъ они, до вопросовъ и заботъ того класса, который отдѣлился отъ его вѣрованій и понятій, и этотъ классъ напрасно будетъ обращаться къ народу; когда увидитъ «пустоту» своей жизни: — народъ не узнаетъ этихъ людей и не приметъ ихъ и т. д. и т. д. Впечатлѣніе, оставляемое чтеніемъ г. Щапова, нѣсколько приближается къ тому впечатлѣнію, которое оставляютъ эти мистики народности. Само собою разумѣется, что подобное раздѣленіе двухъ общественныхъ силъ совершенно фальшиво по самому основанію: каждая изъ нихъ, предоставленная самой себѣ, не можетъ существовать. Если такъ называемый образованный классъ подвергается опасности впасть въ дѣйствительную пустоту и отсутствіе всякой разумной жизни, когда выдѣлится въ одну особую

касту и откажется принять участіе въ интересахъ народа, — какъ бываетъ иногда съ кутящими аристократіями, — то съ другой стороны, и народная «земская» сила истощится въ безплодной борьбѣ и выдумываніи того, что уже выдумано; если послушается подобныхъ мистиковъ и вздумаетъ въ самомъ дѣлѣ отказаться отъ той симпатіи, которая открывается въ другихъ слояхъ общества. Полагаться на однѣ такъ называемыя непочатыя силы народа, ожидать спасенія отъ тѣхъ «русскихъ самородковъ», которые описываются часто въ «Сѣверной Пчелѣ» и не учившись устраиваютъ разныя удивительныя вещи, и думать, что народность можетъ производить чудеса по щучьему велѣнью, — это значитъ имѣть весьма фантастическія понятія о томъ, какъ ведется жизнь общества, и особенно, какъ велась до сихъ поръ наша русская жизнь. Въ «земствѣ» есть безъ сомнѣнія много здоровыхъ элементовъ, способныхъ къ отличному развитію, но до сихъ поръ они развивались еще немного и разовьются не скоро, если будутъ предоставлены самимъ себѣ, и если само земство будетъ отталкивать чужую помощь. Люди, преднамѣренно старающіеся поставить его въ это уединенное положеніе и превозносящіе впередъ его удивительныя качества, по нашему мнѣнію, оказываютъ земству весьма дурную услугу. Ему не доставало организаціи, силы его были разбросаны, понятія о вещахъ оставались крайне неопредѣленны, — земству нужна эта организація, сосредоточенность, опредѣленность: чтобы пріобрѣсти все это, необходимъ новый трудъ, оно должно вдуматься въ дѣло, подчиняясь мысли, а не инстинктамъ, которые такъ часто были его главнымъ руководствомъ въ прежнее время. Въ этомъ новомъ трудѣ ему не поможетъ идеальная народность и ея почитатели, считающіе за ложь все, пріобрѣтенное опытомъ послѣдняго періода нашей исторіи. Перспектива будущаго лучшаго устройства жизни откроется только тогда, когда два разные до сихъ поръ дѣятеля развитія, «земство» и образованный классъ, соединятъ свои интересы: одинокія стремленія земства, какъ бы ни далеко стали отыскивать ихъ исторію, какое бы ни придавали имъ значеніе предубѣжденные партизаны земства, эти одинокія стремленія, по всей вѣроятности, останутся такъ же безплодны и безсильны, какъ были до сихъ поръ. Западная цивилизація, которую такъ бранятъ приверженцы идеальнаго земства, окажетъ услугу земству тѣмъ лучше, что она имѣетъ довольно оружія противъ того фантастическаго тумана, какой до сихъ поръ такъ тяжело лежитъ на массахъ. Этотъ самый расколъ, гдѣ такъ ясно выказываются свойства и стремленія земства, безспорно крайне страдаетъ этимъ излишествомъ фантастическаго, — а съ нимъ трудно сдѣлать что нибудь прочное и дѣйствительное. Фантастическая подкладка можетъ испортить самое лучшее дѣло.

Памятныя записки *А. В. Храповицкаго*, статсъ-секретаря императрицы Екатерины II. Изданіе полное, съ примѣчаніями *Г. П. Геннади* («Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.», 1862, кн. 2 и 3).

Въ послѣдніе годы начинаетъ появляться въ печати довольно много произведеній нашей литературы прежняго времени, которыя долго скрывались подъ спудомъ и были извѣстны только записнымъ антикваріямъ и любителямъ. Такъ скрывались долго подъ спудомъ записки Лопухина, нѣкоторыя сочиненія кн. Щербатова, или, если взять подальше, Стоглавъ, издаваемый теперь г. Кожанчиковымъ, и другія книги изъ раскольничьей литературы. Начали говорить и о разныхъ старинныхъ личностяхъ, которыя также лежали для нашихъ историковъ подъ спудомъ; стали появляться біографіи и разсужденія о такихъ личностяхъ, какъ напр. біографіи: Новикова, Арсенія Мацѣевича, Радищева, Марлинскаго и т. п. Словомъ, начало появляться что-то, чего не находится въ русской исторіи Устрялова, ни въ краткой, для уѣздныхъ училищъ, ни въ пространной, для высшихъ заведеній.

Записки Храповицкаго также лежали отчасти подъ спудомъ; онѣ были изданы въ первый разъ еще въ двадцатыхъ годахъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» Свиньина, но съ такимъ количествомъ реторической фигуры умолчанія, что г. Геннади нашелъ нужнымъ напечатать ихъ снова. Что же заключалось въ умолчаніи, или каковы были вообще и эти записки, и другія упомянутыя произведенія, лежавшія подъ спудомъ? Да большею частью это были такія благонамѣренныя и невинныя упражненія, что трудно даже понять, почему они должны были лежать подъ спудомъ. Въ настоящую минуту появленіе подобныхъ вещей въ печати совершенно безопасно. Даже если бы и нашлось въ нихъ что нибудь соблазнительное и неблагонамѣренное, какъ напр. въ книгѣ Радищева, то наша литература пріобрѣла столько степенности или отрезвленія (по любимому выраженію «Дня»), что подобныя вещи не встрѣтили бы въ ней ничего, кромѣ должнаго осужденія, какое уже и сдѣлано было давно книгѣ Радищева нашимъ знаменитымъ поэтомъ, А. С. Пушкинымъ. Зачѣмъ же бы теперь существовали «Русскій Вѣстникъ» и «Наше Время»?

Что касается до записокъ Храповицкаго, въ нихъ нѣтъ и слѣда чего-либо подобнаго. Напротивъ, это самая благонамѣренная вещь, какая только можетъ существовать, и чтеніе ея скорѣе должно быть поощряемо тѣми, кто блюдетъ за общественной нравственностію.

Храповицкій былъ статсъ-секретаремъ императрицы Екатерины, и записки его, идущія съ 1782 до 1793, обнимаютъ только то время, когда онъ состоялъ въ этой должности. Такимъ образомъ, онъ хотѣлъ изобразить потомству только ту эпоху своей жизни, когда онъ находился при самой монархинѣ; весь интересъ его ограничивается ея особой, а передъ тѣмъ, и послѣ того онъ не считаетъ нужнымъ и говорить ни о себѣ, ни о своихъ дѣлахъ, ни о положеніи любезнаго отечества. Вся книга его проникнута полнѣйшимъ усердіемъ и преданностью, и съ этой стороны могла бы быть, какъ мы сказали, крайне поучительна и заслуживала бы всякаго поощренія: недопущеніе ея изданія было непонятнымъ заблужденіемъ.

Преданность Храповицкаго была образцовая. Онъ отмѣчаетъ все, что только находилъ замѣчательнаго въ поступкахъ, изреченіяхъ, и т. п. императрицы, и доводилъ аккуратность своего дневника до того, что вносилъ въ него даже, такъ сказать, домашнія подробности изъ жизни своей повелительницы. Любопытно, что при этомъ онъ никогда почти не называетъ имени лица, о которомъ идетъ рѣчь въ его дневникѣ: замѣчательная черта скромности! Онъ просто записываетъ: «были веселы» — «лежали въ постели» — «пріобщались» — «жаловались головою» — «интересовались, что наканунѣ занемогъ»—«сказывали о болѣзни съ несносною колико» и тому подобное. Каждый день отмѣчаетъ онъ, чѣмъ занимались: иностранными дѣлами, донесеньями статсъ-секретарей или «перепостраціей» (чтеніе распечатываемыхъ чужихъ писемъ). Иногда записываются разныя достопамятныя изреченія, напр.—15 августа (1782). «Не можно было видѣть открытіе монумента Петра Перваго безъ чувствительности». Или случай такого рода:—17 августа (1783). «Послѣ обѣда Муфти искусалъ Тезея (собачки)». На другой день, 18 августа. «Милостивое изъясненіе: «Твоя собака сильнѣе моей». Писано къ А. Матвѣичу (Мамонову): «собаки себѣ, хозяева себѣ», — le cas est très désagréable». Или же записывается собственный комплиментъ: — 28 іюня (1783). «Поздравленіе.... шелъ дождь.... богато жить.... царствовать.... по 60 м. дохода».

Такимъ отрывочнымъ образомъ написана большая часть записокъ Храповицкаго; впрочемъ, подъ конецъ онѣ становятся подробнѣе, и читатель можетъ извлечь изъ нихъ больше историческихъ подробностей о событіяхъ того времени и характерѣ жизни двора. Эта послѣдняя часть записокъ относится ко времени шведской и турецкой войны, французской революціи, гоненія противъ московскихъ мартинистовъ, такъ что можно было бы ожидать весьма любопытныхъ замѣтокъ отъ человѣка, который стоялъ такъ близко, какъ Храповицкій,

къ тому центру, гдѣ сходились событія и гдѣ они часто имѣли свой первый источникъ: къ сожалѣнію, аккуратный статсъ-секретарь слишкомъ занятъ былъ поздравленіями, справками о здоровьѣ и разными своими мелкими дѣлишками, и его журналъ больше похожъ на журналъ гофъ-фурьера, чѣмъ статсъ-секретаря.

Весь дневникъ состоитъ изъ отрывочныхъ замѣтокъ, написанныхъ большею частію коротко, двумя словами, и не даетъ слѣдовательно никакой полной картины: онѣ годны только для дополненія подобной картины, а сами по себѣ онѣ даже трудно читаются.

Мы выберемъ впрочемъ для читателя нѣсколько такихъ анекдотическихъ подробностей, которыя познакомятъ его и съ характеромъ записокъ, и съ нѣкоторыми любопытными чертами времени. Въ восемнадцатомъ столѣтіи сварились идти впередъ съ вѣкомъ. Подъ 18 іюля 1782 записано у Храповицкаго такое изреченіе: «въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ; коль скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою; тутъ насилія неудобно». Правда, въ этихъ же самыхъ запискахъ разсказывается потомъ о поимкѣ нѣкотораго старца, носившаго вериги и отданнаго для послѣдованія Шешковскому, но по крайней мѣрѣ понималася хотя отвлеченный принципъ вѣротерпимости.

Въ другой разъ разсказывается слѣдующій случай. «Разсмотрѣвъ докладъ отъ сената объ одномъ преступникѣ, написавшемъ фальшивый паспортъ въ пьянствѣ, по просьбѣ *нарочно переодѣтаго* полицейскаго офицера, который *съ тѣмъ его и поймалъ*, приказано справиться о семъ обстоятельствѣ; тутъ сказано: не введи во искушеніе, и надобно запретить полицейскимъ» (стр. 169).

Дальше: «съ неудовольствіемъ говорено, что 2000 больныхъ умерло, а осталось въ лазаретѣ, и крали на нихъ порцію въ финляндской арміи» (стр. 216).

Въ придворномъ кругѣ восьмидесятыхъ годовъ читались энциклопедіи, задумывались либеральные планы для блага «человѣчества»; но внутри отъ тѣхъ строго поддерживались установленные порядки и должное повиновеніе, и «человѣчество» не осмѣливалось подавать собственнаго голоса. Эта строгость въ особенности становится замѣтна съ тѣхъ поръ, какъ стала разыгрываться французская революція. На 24 сентября 1791 г. записано слѣдующее: «вчера пріѣхалъ курьеръ изъ Парижа, что король, вошедъ въ собраніе національное, подписалъ конституцію. Президентъ былъ Thouret. Примѣтное неудовольствіе» (стр. 251). Статсъ-секретарь конечно раздѣлялъ это неудовольствіе, ибо: «при разговорѣ о Франціи, записываетъ Храповиц-

кій, — я сказалъ: c'est un pays metaphysique, chaque membre de l'assemblée est un Roi et chaque citoyen un animal. *Принято хорошо»* (стр. 229). Статсъ-секретарь думалъ, что это остроумно; впрочемъ цѣли своей онъ достигъ, то есть получилъ одобреніе.

Революція напугала дворъ до такой степени, что даже въ Петербургѣ стали подозрѣвать основаніе якобинскаго клуба. Эти подозрѣнія возбудилъ нѣкто Мильоти, который выдавалъ Зубову за рѣдкость и comme une chose sainte рѣзной камень, взятый изъ обдѣлки часовъ Мирабо. «Подозрѣніе на Мильоти, — пишетъ Храповицкій, — не заводитъ ли здѣсь якобинскаго клоба (это было въ ноябрѣ 1792). Я сказалъ, что зналъ отъ Чинати. Два раза начинали о семъ говорить и приказали мнѣ, чтобъ Чинати замѣчалъ, но послѣ того позванъ былъ Самойловъ, и онъ, вышедъ отъ ея величества, просилъ меня, чтобъ ознакомить его съ Чинатіемъ, моимъ курьеромъ изъ кабинета по должности секретарской». На слѣдующій день: «донесъ, что послалъ своего Чинати къ Самойлову. Такъ и велѣла, чтобъ онъ поговорилъ и съ извощикомъ, который былъ у принца de Ligne и теперь живетъ у Мильоти. Тутъ надобно только примѣтить, и когда начнутся *шалости*, то велѣть ему выѣхать изъ Россіи». (стр. 278). Замѣчательно во всякомъ случаѣ, что среди самыхъ важныхъ государственныхъ занятій находили время внимательно наблюдать за такими мелочами, какъ Мильоти съ его рѣзными камнями, и сами придумывали средства наблюденія.

Благодаря этому настроенію нашлись, наконецъ, и дома вещи, показавшіяся двору вредными и опасными. Въ дневникѣ Храповицкаго остались свидѣтельства о томъ впечатлѣніи, которое произвела тогда извѣстная книга Радищева. Подъ 26 іюня 1790 г. у Храповицкаго записано: «говорено о книгѣ: путешествіе отъ Петербурга до Москвы; тутъ разсѣваніе французской заразы; отвращеніе отъ начальства; авторъ Мартинистъ; я прочла 30 стр. Открывается подозрѣніе на Радищева». 2 іюля: «продолжаютъ писать примѣчаніе на книгу Радищева, а онъ, сказываютъ, *препорученъ* Шешковскому и сидитъ въ крѣпости». 7 іюля: «примѣчанія на книгу Радищева посланы къ Шешковскому. Сказывать изволила, что онъ бунтовщикъ, хуже Пугачева, показавъ мнѣ, что въ концѣ хвалитъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ. Говорено съ жаромъ о *чувствительности»*. Какого рода была эта чувствительность, трудно понять изъ разсказа Храповицкаго: она опять является, когда сдѣланъ былъ докладъ о Радищевѣ 11-го августа: «съ примѣтною чувствительностію приказано разсмотрѣть въ совѣтѣ, чтобы не быть пристрастію и объявить, — дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю».

Неизвѣстно, уважилъ ли это совѣтъ или нѣтъ, но извѣстно, чѣмъ кончилось дѣло и чего стоило автору его настоящее увлеченіе тѣмъ «человѣчествомъ», которое въ такой модѣ было тогда на словахъ.

Подобнымъ образомъ кончилось дѣло и съ Новиковымъ, который также былъ другомъ заподозрѣннаго «человѣчества» и также былъ препорученъ Шешковскому. Въ запискахъ Храповицкаго сказано только мимоходомъ о его арестѣ и заключеніи, и потомъ о пріѣздѣ князя Прозоровскаго, устроившаго эту исторію: «спросили у меня: знаетъ ли онъ самъ (Прозоровскій), зачѣмъ пріѣхалъ? — Я промолчалъ.—Онъ пріѣхалъ, сирѣчь, къ наградѣ *за истребленіе* мартинистовъ». (стр. 281). Это послѣднее замѣчаніе императрицы не лишено остроумія, только оно мало кажется идетъ къ ея прежнему взгляду на дѣло и къ его рѣшенію.

Нѣсколько разъ появляется въ запискахъ Храповицкаго и знаменитый пѣвецъ Фелицы, но появляется весьма невыгоднымъ образомъ. Знаменитый пѣвецъ, какъ извѣстно, не отличался особенной сообразительностію и, ободренный однажды императрицей, приставалъ къ ней потомъ кстати и не кстати. Наконецъ, онъ ей положительно надоѣлъ, и въ этомъ видѣ представляется онъ въ запискахъ Храповицкаго: онъ навязывался къ императрицѣ съ своими докладами и напрашивался на награды, воображая, что приносилъ большія услуги отечеству. Императрица отозвалась о немъ такимъ образомъ: «онъ долженъ быть много доволенъ, что взятъ изъ подъ суда въ секретари, а орденъ безъ заслугъ не дается» (стр. 266). Любопытно, какъ объяснитъ эти свойства знаменитаго поэта г. Гротъ въ своей академической біографіи пѣвца Фелицы.

Вообще говоря, чтеніе Храповицкаго вознаграждаетъ мало: авторъ отличается всѣми свойствами аккуратнаго и точнаго слуги и забѣгающаго передъ начальствомъ чиновника, — своего мнѣнія онъ боится высказать, а можетъ быть, и не имѣетъ его, или не рѣшается имѣть. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе онъ оставляетъ въ читателѣ. Очевидно, что писатель такого рода не можетъ имѣть никакого вреднаго вліянія: онъ полагаетъ факты скромно, не вдаваясь ни въ какую неразрѣшительную критику; въ сомнительныхъ случаяхъ онъ пишетъ даже и малопонятно, скрываетъ имена подъ буквами; тонъ его всегда крайне почтителенъ. Если ему пришлось упомянуть нѣсколько фактовъ, которые не были потомъ занесены въ исторію г. Устрялова, то и объ этихъ фактахъ онъ выражается такъ, что могъ бы заслужить одобреніе людей самыхъ строгихъ. Мы полагаемъ вообще, что недону-

щеніе дневника его въ печать въ полномъ его составѣ было не иначе, какъ недоразумѣніемъ.

Анаѳема, или торжество Православія, совершаемое ежегодно въ первый воскресный день великаго поста. (Три письма къ другу). Составилъ *А. А. Быстротоковъ*. Спб. 1863.

Грустно видѣть, какъ иногда мы, люди, считающіе себя образованными, нерѣдко употребляемъ въ разговорѣ слова не въ истинномъ ихъ значеніи. Еще грустнѣе то, что, вмѣстѣ съ этимъ, мы, иногда сами того не подозрѣвая, дѣлаемъ грѣхъ. Такъ напримѣръ, нѣкоторые изъ насъ имѣютъ зазорную привычку служителей своихъ называть «анаѳемой»; конечно, мы дѣлаемъ это по невѣжеству, ибо не знаемъ, что, произнося слово «анаѳема», мы вмѣстѣ съ тѣмъ отлучаемъ своихъ служителей отъ церкви. Если бы мы знали это, то, разумѣется, прежде всего спросили бы самихъ себя, имѣемъ ли право кого бы то ни было отлучать отъ церкви: одного этого вопроса было бы достаточно, чтобъ воздержать насъ. А то мы часто думаемъ, что «анаѳема» есть выраженіе, равносильное «скверной рожѣ» — ну, и анаѳемствуемъ, сами не подозрѣвая, какой тяжкій беремъ на душу грѣхъ.

Вообще, въ нашей жизни многое происходитъ неладно именно потому, что мы соединяемъ съ нѣкоторыми даже очень важными жизненными обрядами понятія самыя невѣрныя, а отчасти и нелѣпыя. Такъ напримѣръ, многіе ли изъ насъ знаютъ, что такъ называемые ефимоны представляютъ не что иное, какъ искаженное греческое слово меѳимонъ (меѳ'имон, *съ нами*, подразумѣвается: Богъ)? Не только не знаютъ, но даже называютъ ефимоны ефимонами — и гдѣ же называютъ? называютъ въ благочестивой Москвѣ! Такого же рода извращенныя понятія имѣемъ мы и объ обрядѣ Православія, совершающемся въ *сборное* воскресеніе первой недѣли великаго поста. Такъ напримѣръ, многіе думаютъ (преимущественно тоже въ Москвѣ), что при совершеніи этого обряда предаются, между прочими, анаѳемѣ тѣ, которые ѣздятъ въ экипажахъ съ дышлами... ну, на что жъ это похоже?

Очевидно, что всѣ эти предразсудки необходимо истребить, такъ какъ сохраненіе ихъ можетъ повредить намъ если не въ сей, то въ будущей жизни. Къ этой-то именно цѣли и направлена книжка А. А. Быстротокова, которую мы теперь разбираемъ.

Такъ какъ читатели «Современника» врядъ ли прочтутъ книжку почтеннаго автора, то мы считаемъ нелишнимъ познакомить ихъ съ тѣмъ, кому именно произносится анаѳема. А именно, она произносится:

«1) Отрицающимъ бытіе Божіе, и утверждающимъ, яко міръ сей есть самобытенъ, и вся въ немъ безъ промысла Божія, и по случаю бываютъ;

«2) Глаголющимъ Бога не быти духъ, но плоть: или не быти Его праведна, милосерда, премудра, всевѣдуща, и подобныя хуленія произносящимъ;

«3) Дерзающимъ глаголати, яко Сынъ Божій не единосущный и неравночестный Отцу, такожде и Духъ Святый, и исповѣдающимъ Отца и Сына и Святаго Духа, не единаго быти Бога;

«4) Безумнѣ глаголющимъ не нужно быти къ спасенію нашему и ко очищенію грѣховъ пришествіе въ міръ Сына Божія во плоти, и Его вольное страданіе, смерть и воскресеніе;

«5) Не пріемлющимъ благодати искупленія Евангеліемъ проповѣданнаго, яко единственнаго нашего ко оправданію предъ Богомъ средства;

«6) Дерзающимъ глаголати, яко Пречистая Дѣва Марія не бысть прежде рождества, въ рождествѣ и по рождествѣ дѣва;

«7) Не вѣрующимъ, яко Духъ Святый умудри пророковъ и апостоловъ, и чрезъ нихъ возвѣсти намъ истинный путь къ вѣчному спасенію, и утверди сіе чудесами, и нынѣ въ сердцахъ вѣрныхъ и истинныхъ христіанъ обитаетъ, и наставляетъ ихъ на всякую истину;

«8) Отмещущимъ безсмертіе души, кончину вѣка, судъ будущій, и воздаяніе вѣчное за добродѣтели на небесѣхъ, а за грѣхи осужденіе;

«9) Отмещущимъ вся таинства святая, церковію Христовою содержимая;

«10) Отвергающимъ соборы святыхъ отецъ, и ихъ преданія Божественному откровенію согласная, и православнокаѳолическою церковію благочестно хранимая;

«11) Помышляющимъ, яко православные государи возводятся на престолы не по особливому о нихъ Божію благоволенію, и при помазаніи дарованія Святаго Духа къ прохожденію великаго сего званія въ нихъ не изливаются: и тако дерзающимъ противъ ихъ на бунтъ и измѣну, яко Гришкѣ Отрепьеву, Ивану Мазепѣ, и прочимъ подобнымъ;

«12) Ругающимся и хулящимъ святыя иконы, иже святая церковь къ воспоминанію дѣлъ Божіихъ и угодниковъ его, ради возбужденія взирающихъ на оныя къ благочестію, и къ оныхъ подражанію пріемлетъ, и глаголющимъ оныя быти идолы.»

Теперь, читатели предупреждены; мы можемъ съ своей стороны прибавить, что одинъ изъ самыхъ лютѣйшихъ иконоборцевъ, греческій императоръ Ѳеофилъ, за это самое былъ пораженъ тяжкимъ недугомъ.

ПОПЫТКИ НАРОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

Съ новаго года появилось въ Петербургѣ нѣсколько новыхъ періодическихъ изданій, назначенныхъ собственно *для народа*. Появленіе этихъ изданій, не смотря на новизну, въ сущности не представляетъ ничего особенно неожиданнаго. Оно было только необходимымъ слѣдствіемъ прежде начатыхъ дѣлъ и завершило собою цѣлый рядъ послѣдовательныхъ и постепенныхъ реформъ.

До 19-го февраля 1861 года народъ, какъ извѣстно, спалъ. Послѣ этого срока даже и оффиціально признано считать его пробужденнымъ. Понятное дѣло, что пробужденному народу должны были понадобиться такія вещи, о которыхъ ему во время сна вѣроятно и не грезилось. Но такъ какъ съ пробонья человѣкъ самъ не можетъ понять, что ему нужно, то необходимо было подумать о немъ. Само собой разумѣется, что прежде всего нужно было похлопотать о улучшеніи его матеріальнаго быта, и въ то же время озаботиться и о неоставленіи его безъ духовной пищи: такъ какъ уже извѣстно, что человѣкъ непросвѣщенный не способенъ заботиться, какъ слѣдуетъ, даже о своихъ собственныхъ выгодахъ и легко можетъ причинить самому себѣ вредъ. Съ цѣлію просвѣтить его, была поощряема грамотность, заводились школы. Для этого также приняты были извѣстныя мѣры: учреждались различныя общества и комитеты, писались проекты, издавались руководства и книги для назидательнаго чтенія. Но и этого оказалось недостаточно; чего-то все-таки не хватало, а чего, никто не могъ понять. Тогда нашлись люди прозорливые, мужи, горячо преданные дѣлу народнаго образованія и объявили, что они знаютъ, что нужно народу. Народу нужны книги... Почитать ему хочется, а читать нечего. Издали книги. Народъ дѣйствительно принялъ нарочно для него написанныя книги,—но нынѣ съ ними читаетъ подрядъ и всякую всячину: и *Кирѣевъ-Кайсова* и *«тульскія губернскія вѣдомости»* и даже разницы между ними никакой не находитъ. Что хочешь ему дай, — читаетъ все безъ разбору, а старыя книги еще пуще читаетъ. Какъ быть? Подумали, подумали,—догадались. Потому народъ читаетъ безъ разбору, что самъ от-

личить не можетъ дурную книгу отъ хорошей, полезную отъ вредной. Нужно ему указать. Только какъ указать? Вѣдь онъ и указаніе будетъ читать такъ же, какъ тульскія губернскія вѣдомости, т. е. прочтетъ, положитъ книгу и примется за слѣдующую; а если это будетъ вредная?.. Впрочемъ, до этого не додумали, остановились на *указаніяхъ*, а отъ указаній сейчасъ же перешли къ мысли о мужицкой литературѣ и журналистикѣ. Эта мысль всѣмъ очень понравилась. Ну, вотъ и литературу создали, и журналы завели. Захотѣли и завели. И этому нечего удивляться: такая у насъ натура. Иной при раздѣлѣ чего нибудь все жилитъ, все жилитъ, все старается, хоть на грошъ утянуть у своего противника; а то вдругъ его прорветъ: — на же, говоритъ, коли на то пошло, бери все, — жертвую! Моли за меня Бога!...

Передъ нами лежатъ двѣ народныя газеты и одинъ ежемѣсячный журналъ. Всѣ они ничѣмъ почти не отличаются другъ отъ друга, какъ по направленью, такъ и по умѣнію приноравливаться къ потребностямъ того круга читателей, который они имѣютъ въ виду. Главная отличительная черта этихъ изданій — благонамѣренность, доходящая до самоотверженія, до готовности публично признаться въ совершенной бездарности и безнадежнѣйшемъ тупоуміи.

Возьмемъ на пробу журналъ. Уже одинъ внѣшній видъ книжки поражаетъ васъ строгой благонамѣренностію. На *розовой* оберткѣ изображенъ мракъ. (Должно быть, мракъ вѣковъ). Изъ мрака выступаетъ скала, поросшая съ одной стороны дубомъ, а съ другой — лаврами. На скалѣ сидитъ двуглавый орелъ; одна голова его обращена къ небу. Подъ орломъ на скалѣ надпись: *19 февраля 1861 г.* Надъ орломъ корона съ сіяніемъ, которое освѣщаетъ слѣдующую сцену: у подножія скалы сидятъ три старца, четвертый стоитъ. Одинъ изъ старцевъ читаетъ книгу, на которой видна надпись: *законы*. Нѣсколько младыхъ юношей слушаютъ; одинъ изъ нихъ даже палецъ въ ротъ положилъ, должно быть, отъ удивленія. Позади старика видѣнъ ребенокъ тоже съ пальцемъ во рту и еще дѣвушка. Вдали дымится паровозъ; вокругъ него мужики что-то стараются. Надъ орломъ видна тоже освѣщенная сіяніемъ надпись: «Мірской Вѣстникъ».

Разбирать подробно весь внутренній составъ этого журнала было бы слишкомъ утомительно, да и безполезно, тѣмъ болѣе, что двухъ, трехъ отрывковъ будетъ совершенно достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ изданіи и уразумѣть, въ чемъ тутъ дѣло. Для примѣра можно взять статью въ первой книжкѣ, въ 1-мъ отдѣлѣ, подъ рубрикою: «государственные законы и значеніе ихъ», — въ которой авторъ старается, какъ видно, дать читателю общія понятія о томъ, что такое законъ, и доказать необходимость знанія и исполненія законовъ. Статья начинается такъ:

«Всѣ народы, по образу ихъ жизни, то есть по тому, какъ они устраиваютъ свое житье-бытье, раздѣляются на образованныхъ и необразованныхъ».

По прочтеніи только этихъ строкъ, каждый честный и добрый христіанинъ закрываетъ книгу и кладетъ ее подъ столъ, но мужикъ, не понявъ тутъ ни одного слова и, прочтя *образу*, предполагаетъ, что это книга *божественная* и потому читаетъ далѣе:

«Образованные народы живутъ въ благоустроенныхъ государствахъ и повинуются властямъ и законамъ.

— Это насчетъ властей и закона (*).

— Такъ, такъ, божественная, разсуждаетъ мужикъ и уже считаетъ себя въ правѣ вовсе не *вникать* въ смыслъ, считая грѣхомъ желаніе *вникнуть въ слово Божіе*.

«Законы эти указываютъ, какъ каждый гражданинъ государства долженъ поступать, чтобы въ государствѣ, въ которомъ онъ живетъ, *порядокъ не былъ нарушенъ*. Тамъ, гдѣ нѣтъ порядка, не можетъ быть успѣха въ дѣлахъ», и т. д.

Очевидно, что все приведенное здѣсь служитъ только повтореніемъ и совершенно лишнимъ пережевываніемъ извѣстнаго изреченія Карамзина: «Народы дикіе любятъ независимость, народы мудрые любятъ порядокъ».

Далѣе:

«Мы, русскіе, принадлежимъ къ образованнымъ народамъ и повинуемся государственнымъ законамъ».

Какъ, должно быть, пріятно будетъ русскому мужику узнать, что и онъ тоже принадлежитъ къ образованнымъ народамъ!

Дальше идутъ точно такія же разглагольствованія о томъ, что всякій долженъ знать законы и что никто не можетъ отговариваться незнаніемъ законовъ и т. д., и все это въ такой же общедоступной формѣ и такимъ же обще-писарскимъ языкомъ.

Необходимость знанія законовъ объясняется такимъ образомъ:

«Да и какъ же намъ не знать законовъ? Вѣдь ими охраняется наша собственность и наша личная безопасность; если бы не было законовъ, то любой человѣкъ могъ бы у насъ отнять безнаказанно все, что мы имѣемъ, и мы не нашли бы защиты».

Такое доказательство вовсе не доказываетъ необходимости знанія законовъ. Какъ будто моя личная безопасность зависитъ отъ того, знаю я, или не знаю законы. Я могу ихъ знать, или не знать, могу даже и не желать ихъ узнавать, и моя личная безопасность отъ этого ничего не выиграетъ, не потеряетъ. Что же касается *любого человѣка*,

(*) Извѣстно, что подъ словомъ *законъ* русскій крестьянинъ подразумѣваетъ *бракъ* или сводъ законовъ — *книгу*.

то онъ одинаково безнаказанно можетъ грабить, какъ знающаго законы, такъ и незнающаго. Ему это все равно. Онъ не разбираетъ.

Потомъ слѣдуютъ сожалѣнія о томъ, что «немногіе изъ насъ исполняютъ законъ изъ любви къ правдѣ, а исполняютъ его только изъ страха наказанія, тогда какъ въ каждомъ человѣкѣ должно быть собственное добровольное сознаніе, что закона нарушать не слѣдуетъ, ни изъ корысти, ни по какой либо другой причинѣ». Но почему нужно исполнять законъ и какими средствами пріобрѣтается это *добровольное сознаніе*, — авторъ статьи не объясняетъ. Да и хорошо дѣлаетъ, потому что объяснить это очень трудно, а суди потому, какъ онъ объясняетъ прочее, можно предположить, что тутъ онъ совсѣмъ бы запутался, и ужь вовсе ничего нельзя было бы разобрать. Впрочемъ, самъ же онъ тоскуетъ о томъ, что въ народѣ мало *любви къ правдѣ*; а вѣдь это такая вещь, которую никому насильно навязать нельзя; слѣдовательно, и говорить объ этомъ безполезно.

«Каждый изъ насъ» — продолжаетъ авторъ, — «обязанъ по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать исполненію закона въ государствѣ и тѣмъ помогать правительству въ его распоряженіяхъ, но когда закона мы не знаемъ, то не можемъ и знать, что отъ насъ требуется. Напримѣръ, законъ запрещаетъ зарывать межевыя ямы или выкапывать межевые столбы. Для чего запрещается это закономъ? Единственно *для* того, чтобы всякій видѣлъ границу своей земли и не воспользовался бы незаконнымъ образомъ землею своего сосѣда, то есть *для* того, чтобы собственность каждаго была охранена. Понятно для каждаго, что это справедливо и необходимо; между тѣмъ крестьяне неохотно исполняютъ требованія межеваго чиновника, когда тотъ приказываетъ имъ ѣхать въ лѣсъ за новыми столбами; не понимаютъ крестьяне, что законное требованіе установлено *для* ихъ же пользы».

Авторъ, какъ видно, наивнѣйшимъ образомъ убѣжденъ, что крестьяне уклоняются отъ исполненія законныхъ требованій межеваго чиновника вслѣдствіе непониманія пользы межевыхъ ямъ и столбовъ, и что если имъ объяснить эту пользу, то они перестанутъ вырывать столбы и закапывать ямы, и будутъ охотно ѣздить въ лѣсъ по требованію межеваго чиновника; что крестьяне не слушались *по незнанію*. Они были увѣрены, что эти столбы и ямы, равно какъ и требованія межеваго чиновника—незаконны, и что отъ нихъ долженъ произойти вредъ. Автору статьи, какъ видно, и въ голову не приходитъ, что крестьяне *очень хорошо знаютъ* и о законѣ, запрещающемъ уничтожать межевые знаки и о той пользѣ, которая должна происходить отъ этихъ знаковъ; знаютъ они это потому, что обыкновенно отвѣчаютъ за нихъ по суду, и не смотря ни на что, продолжаютъ закапывать ямы и вырывать столбы. Что за странная нелогичность? Тутъ, какъ

видно, дѣло ужь не въ *незнаніи* законовъ, тутъ что-то другое. Тутъ мыслію то, чего люди, подобные автору «значенія законовъ» не понимаютъ, или не хотятъ понять.

Мужикъ знаетъ давно, что всѣ заботятся о немъ, всѣ, кому не лѣнь, хлопочутъ о его пользѣ, и не смотря на это, всюду, гдѣ только можетъ, уклоняется отъ этихъ заботъ и отъ этой пользы. Почему жь это такъ? Потому что мужикъ не признаетъ никакой отвлеченной истины вообще, не признаетъ идеи общественной пользы и не вѣритъ никакимъ попеченіямъ о его пользѣ. Онъ допускаетъ только такія истины, которыя онъ самъ извлекаетъ изъ дѣйствительности и не придаетъ ровно никакого значенія разнымъ увѣщаніямъ, приходящимъ къ нему извнѣ, тѣмъ болѣе, если эти увѣщанія предлагаются въ видѣ непонятныхъ и чуждыхъ ему афоризмовъ.

Въ той же статьѣ народнаго журнала дальше помѣщены краткія объясненія о происхожденіи, изданіи, храненіи, обнародованіи и раздѣленіи законовъ Россійской имперіи. Всѣ эти краткія объясненія (вслѣдствіе краткости что ли, — Богъ ихъ знаетъ), очень неудовлетворительны, ничего не объясняютъ и производятъ только путаницу въ мысляхъ. Человѣкъ, незнакомый съ русскими законами, прочтя это объясненіе, непремѣнно долженъ придти къ убѣжденію, что узнать русскіе законы, не смотря на все желаніе, невозможно, и такимъ образомъ, фраза, гласящая, что *всякій долженъ знать законы*, такъ и останется для него фразой, не имѣющей смысла.

Чѣмъ больше читаешь эту статью «о значеніи законовъ», тѣмъ чаще и чаще начинаетъ приходить въ голову вопросъ: — чтожь это такое? Кто это писалъ? Кто его такъ неудачно насмѣхается надъ народнымъ образованіемъ?... Бываютъ такіе писаря. Что хочешь ему дай написать, напишетъ. Какое угодно извлеченіе, сокращеніе, отношеніе — въ одну минуту. Спросите, что ты написалъ? Не знаетъ. Вотъ такъ-то и это «значеніе законовъ» написано.

Хороши тоже «Вѣсти изъ губерній», которыя начинаются слѣдующимъ вступленіемъ:

«Нечего грѣха таить, приходится сознаться, что если въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и уѣздахъ составленіе уставныхъ грамотъ идетъ *не совсѣмъ успѣшно*, то всему причиною недовѣріе крестьянъ, ошибочныя ихъ надежды, что послѣдуетъ еще новый указъ отъ Государя, который будтобы дастъ крестьянамъ льготы...» и т. д.; затѣмъ разсказывается извѣстный случай неповиновенія крестьянъ, по поводу введенія уставной грамоты въ имѣніяхъ Демидова, Ерахтурѣ и Мышцахъ, Рязанской губерніи, Касимовскаго уѣзда. Изъ дѣла (какъ оно разсказано въ Мірскомъ Вѣстникѣ) видно, что крестьяне не хотѣли подписать уставной грамоты, не смотря ни на какія льготы, предоставлен-

ныя имъ помѣщикомъ. Не подписывали они на основаніи распространившагося слуха, будто бы за подписаніе грамоты стариковъ сошлютъ на Амуръ, молодыхъ отдадутъ въ солдаты, а деревни сожгутъ и пепелъ развѣютъ по вѣтру. Кромѣ того, крестьяне объявили посреднику, что имъ приказано по Положенію два года быть въ полномъ повиновеніи у помѣщика, что они это исполняютъ, а что черезъ два года придетъ отъ царя уставная грамота и тогда, они ей будутъ повиноваться. *Умные* крестьяне говорили посреднику, что эти нелѣпые толки и мнѣнія выносятся крестьянами преимущественно изъ кабаковъ и базаровъ. Прочли крестьянамъ бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которой прописано было Высочайшее повелѣніе о томъ, «чтобы они не ожидали другой воли», однако это не помогло, крестьяне не повѣрили. Послѣ того увѣщевали ихъ посредникъ и уѣздный предводитель дворянства, прочли имъ рѣшеніе губернскаго присутствія, которымъ объявлялось крестьянамъ, что если они не послушаются, то уставная грамота будетъ введена въ дѣйствіе по Положенію, безъ всякаго со стороны ихъ участія и безъ всякихъ льготъ; въ то же время велѣно было *перенести недовольныхъ*. И изъ этого ничего не вышло. Тутъ же, на грѣхъ, явился на сходъ отставной солдатъ *Терентій Яковлевъ*, по прозванію *Морской*, — «не удалился по приказанію со схода, на которомъ не имѣлъ права участвовать, и оказалъ явное неуваженіе къ начальству словами, *движеніями* и смѣхомъ; когда же онъ былъ удаленъ со схода сотскимъ, то, при становомъ приставѣ, обратился къ народу изъ-за ограды господскаго дома со словами: *не подписывайте ничего*». Дѣло кончилось, однако, тѣмъ, что уставную грамоту ввели по Положенію, а самовольный уходъ крестьянъ со схода и оказанное ими неуваженіе къ начальству передано *для сужденія* въ уѣздный судъ. Само собою разумѣется, что *Морской* также преданъ суду. «Мірской Вѣстникъ» по поводу этого дѣла держитъ такую рѣчь.

«Жаль этихъ крестьянъ! спохватятся они, что поступили глупо, многаго тѣмъ себя лишили, да ужь поздно,—воротить нельзя. А всему причиной наша темнота: неграмотны мы, сами прочесть Положенія не можемъ, ну такъ и вѣримъ всякому вздору».

«Для успѣшнаго исполненія воли Царской, крестьяне сами должны зорко слѣдить за ложными толкователями и подстрекателями, и если гдѣ появится таковой, то долженъ немедленно быть задержанъ и представленъ для преданія суду».

Все это прекрасно, и объявлять о такихъ происшествіяхъ очень полезно; одно только не хорошо, именно то, что во всемъ этомъ разсказѣ, въ самой манерѣ разсказывать, а главное, въ разсужденіяхъ по поводу этого дѣла, замѣтно прежде всего какое-то трусливое желаніе увѣрить

ребенка, что онъ еще ребенокъ, что онъ ничего не понимаетъ. И эта трусость, это жалкое малодушіе проглядываетъ во всемъ: и въ торопливомъ желаніи уменьшить вину этихъ крестьянъ, приписывая ихъ поступокъ неразумію и недостатку грамотности («а всему причиной наша темнота»), и въ стремленіи поощрять доносы, называя «умными» не принимавшихъ участія въ дѣлѣ мужиковъ; и наконецъ въ этомъ наивномъ желаніи опошлять въ глазахъ народа нелѣпые слухи, указывая на ихъ происхожденіе изъ «кабаковъ и базаровъ». Какъ будто достовѣрность слуха сколько нибудь уменьшится, если сказать мужику, что слухъ идетъ изъ кабака или базара? Какъ будто у него есть другіе, болѣе достовѣрные источники? А какою страшною достовѣрностію пользуются въ глазахъ крестьянъ эти слухи, видно изъ тѣхъ же «Вѣстей изъ губерній», изъ того же разсказа, о которомъ мы сейчасъ читали. Крестьяне не повѣрили становому, не повѣрили посреднику, не повѣрили предводителю, не повѣрили наконецъ бумагѣ министра, а слухамъ изъ кабака повѣрили; предводителя не послушались, а отставнаго солдата послушались. Стало быть, тутъ дѣло не въ грамотности, а въ какомъ-то твердомъ убѣжденіи, заставившемъ крестьянъ добровольно отказаться отъ всевозможныхъ льготъ и привиллегій. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы изъ 2225 душъ не было ни одного грамотнаго человѣка, и притомъ въ богатомъ селѣ, на Окѣ въ Рязанской губерніи, и что всему причиной «наша темнота». Должна же это понять редакція «Мірскаго Вѣстника», а если она не хочетъ, ну, это другое дѣло. Такъ мы и будемъ знать.

Дальше идутъ такого же свойства и такою же манерою написанныя разсужденія о томъ, что вотъ «приведеніе въ исполненіе законоположеній 19 февраля 1861 года, съ каждымъ днемъ, все подвигается впередъ: крестьяне начинаютъ яснѣе понимать дарованныя имъ права и обязанности» и проч.; говорится о томъ, что «на волостныхъ и сельскихъ начальникахъ лежитъ большая отвѣтственность въ успѣхѣ крестьянскаго дѣла», что «нельзя поэтому не радоваться, когда получаются утѣшительныя извѣстія о такихъ сельскихъ начальникахъ, коихъ дѣятельность и т. д.». «Отрадно видѣть, когда встрѣчаешь волостныхъ и сельскихъ начальниковъ коноводами и руководителями»... и наконецъ, что «старшины и старосты, по самому положенію своему, *должны быть защитниками* своихъ односельцевъ, *должны оберегать* ихъ»... (Отъ кого же?) Въ заключеніе говорится о томъ, что если рѣшеніе волостнаго суда правильно, то оно не будетъ уничтожено, а если неправильно, то будетъ уничтожено. Въ доказательство приводятся примѣры тѣхъ и другихъ рѣшеній.

Въ той же книжкѣ читатели могутъ прочесть отрывки изъ Новаго Завѣта, два или три самыхъ жалкихъ разсказа, *трудолюбиво под-*

вѣдя Крылова и отрывокъ изъ дневника Шевченки, и наконецъ, — верхъ удивленія: — «понятіе о здоровьѣ и болѣзни».

Изъ этого «понятія» видно, что «здоровый человѣкъ можетъ достигнуть и славы и богатства; для больнаго же все это недоступно. *Значитъ*, здоровье для человѣка первое благо въ жизни».

Странная вещь! Благонамѣренность имѣетъ какое-то удивительное свойство обезображивать все, до чего ни коснется! Отчего это?

Между 1-й и 2-й книжкой «Мірскаго Вѣстника» разницы нѣтъ почти никакой: тѣ же разсказы изъ Новаго Завѣта, тѣ же вѣсти изъ провинцій; та же бездарность и незнаніе дѣла. Вотъ образчикъ изъ 2-й книжки: (стр. 15).

«Въ 25 день декабря 1862 года Государемъ Императоромъ утверждено *Положеніе объ устройствѣ полиціи въ городахъ и уѣздахъ*. Назначеніе полиціи оберегать и охранять спокойствіе жителей; *хорошая* полиція служитъ первою покровительницею и защитницею гражданъ; къ ней *съ довѣріемъ* обращаются за помощію и защитою. Безъ полиціи не возможно благоустройство государства».

Спрашивается: для кого это написано? Съ какой цѣлью? Если для народа, то, во-первыхъ, народъ (т. е. грамотный крестьянинъ, мѣщанинъ, дворовый человѣкъ, солдатъ) изъ этого ни слова пойметъ, по привычкѣ не понимать печатнаго; а во-вторыхъ, если даже и пойметъ, то неужели эти господа воображаютъ, что такого рода внушеніями можно внушить что нибудь, кромѣ недовѣрія и боязни?..

«Полицейскіе чиновники *должны* исполнять свои обязанности честно, по долгу присяги и совѣсти», и проч.

«*Назначеніе полиціи... хорошая полиція....*» Да развѣ полиція была когда нибудь нехорошей? развѣ полицейскіе чиновники прежде *не должны* были исполнять своихъ обязанностей честно? развѣ народъ можетъ разсуждать о томъ, хороша была прежняя полиція или не хороша? развѣ онъ можетъ сравнивать? съ чѣмъ? Вѣдь онъ знаетъ одну только, свою; а хороша она, или нѣтъ, — это не его дѣло. Существуетъ она, и кончено, а если существуетъ, стало быть, хороша, стало быть, надо ей повиноваться. Эти господа не понимаютъ, что о вещахъ такого рода разсуждать нельзя. Тутъ зайдешь въ такую трущобу, что и не выѣзжешь. Ну, какъ вы растолкуете мужику, что теперь будетъ *хорошая* полиція? Онъ вамъ сейчасъ же долженъ сдѣлать вопросъ: а прежняя-то какъ же? стало быть, ужь не годится?—Нѣтъ, не годится.—Ну, и кончено. Какъ только вы попятнули въ немъ вѣру въ непогрѣшимость полиціи, такъ ужь попятнули весь его взглядъ на законную власть вообще. Если эта власть, хоть бы полиція напримѣръ, можетъ вдругъ сдѣлаться негодной, то кто же можетъ поручиться за то, что и эта новая, хорошая полиція завтра тоже не окажется негодною, а по-

тому... и т. д. Однимъ словомъ, на насъ вдругъ обрушивается цѣлый потокъ силлогизмовъ, который уже остановить будетъ невозможно; и намъ останется выбирать одно изъ двухъ: или вдругъ круто повернуть назадъ, бросить ранѣе пошлое либеральничанье и крикнуть: молчать! дѣлай, что тебѣ приказываютъ! (и это будетъ лучшій исходъ дѣла)—или уже совсѣмъ запутаться въ разсужденіяхъ о пользѣ полиціи (что вы и сдѣлали) и поставить себя въ такое положеніе, что отвѣчать на вопросы нельзя и не отвѣчать тоже нельзя. Ну, разумѣется, и договоришься до такой безсмыслицы, напримѣръ, что-дескать *на полицію можно жаловаться полиціи*. (Мірской Вѣстникъ, кн. 2, стр. 17).

Вотъ это гораздо лучше сказано въ объясненіи *объ обязанностяхъ полиціи:*

«...Законъ предписываетъ, чтобы, въ случаѣ нарушенія благочинія и порядка, полиція дѣйствовала, не смотря ни на какое лицо, а оказывающихъ явное сопротивленіе ея требованіямъ брала бы подъ стражу и поступала съ таковыми по закону».

Вотъ это такъ. По крайней мѣрѣ прямо, коротко и ясно. Зачѣмъ тутъ еще разсуждать о томъ, что, «всѣ жители для собственной пользы должны помогать полиціи во всѣхъ ея дѣйствіяхъ»...или: «всякій, повинуясь распоряженіямъ и приказаніямъ полиціи, способствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ полиціи достигнуть той цѣли, которую она себѣ предположила».

Любопытно было бы знать, какъ это вы растолкуете мужику, что онъ долженъ помогать полиціи *для своей же пользы*? И почемъ онъ знаетъ, какія тамъ цѣли предположила себѣ полиція? И что такое для мужика эти полицейскія *цѣли*? Но любопытнѣе всего въ этой статьѣ то, что, какъ ни старался авторъ доказать необходимость духовнаго общенія полиціи съ народомъ и сліянія ихъ для преслѣдованія одной общей цѣли, а все-таки подъ конецъ свелъ на то, что—«а оказывающихъ явное сопротивленіе ея требованіямъ брать подъ стражу»...

Да вѣдь иначе и быть не можетъ. Это неизбѣжный результатъ, къ которому неминуемо приходитъ каждый, кто возьмется разсуждать о такихъ предметахъ, о которыхъ не нужно разсуждать, а нужно только исполнять.

И къ счастію, народъ это отлично понимаетъ, и всегда смотритъ на эти внушенія или съ недовѣріемъ, подозрѣвая въ нихъ непремѣнно какую нибудь корыстную цѣль, или относится къ нимъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, какъ къ неразумной и пустой болтовнѣ. И вѣдь нельзя не согласиться въ этомъ случаѣ съ народнымъ взглядомъ. Чѣмъ больше всматриваешься въ дѣятелей этихъ просвѣтителей народа, тѣмъ больше и больше убѣждаешься въ справедливости этого недовѣрія и этого презрѣнія. Что могутъ они сказать народу съ своей

бездарностью и полнѣйшимъ незнаніемъ народа? Да если бы и могли сказать что нибудь путное, то неужели, въ самомъ дѣлѣ, могутъ они разсчитывать на какое-то довѣріе? Неужели можно надѣяться съ помощію книжекъ въ родѣ «Мірскаго Вѣстника», переплавить эту страшную бездну, раздѣляющую народъ отъ канцеляріи? Такая дерзкая мысль можетъ придти въ голову или отчаяннѣйшему либералу-бюрократу или отчаяннѣйшему идіоту.

Какъ ни легкомысленны планы и намѣренія «Мірскаго Вѣстника», но по всему видно, что ему съ его писарскими замашками далеко не уйти и не угоняться за новымъ свѣтиломъ на горизонтѣ народнаго образованія, за «Народною газетою» г-на Кушнерева. Задача этой новой газеты несравненно шире, «жестъ вольный, широкій», г. Кушперевъ не удовольствовался мужиками. Что мужики? Стоитъ ли изъ за нихъ руки марать? Ужь коли жертвовать собою, такъ было бы изъ за чего. Хочу, говоритъ, облагодѣтельствовать всю Россію, — хочу, чтобы моя газета *была пригодною для всѣхъ сословій безъ исключенія*. Г. Кушнеревъ намѣренъ касаться въ ней «тѣхъ потребностей, которыя одинаково близки *всѣмъ*: какъ бѣдному ремесленнику, едва добывающему себѣ насущное пропитаніе, такъ и богатому купцу фабриканту, который посылаетъ свои корабли въ чужія страны, какъ землевладѣльцу-помѣщику, каменныя палаты котораго виднѣются за нѣсколько верстъ, такъ и труженику-крестьянину, *проживающему въ отдѣльной* (?) деревушкѣ подъ соломенной крышею; наконецъ, какъ сановнику (вотъ какъ!), занимающему высшія государственныя должности, такъ и мелкому чиновнику какого нибудь уѣзднаго городка».

Ужь изъ одного этого перечня читатель легко можетъ усмотрѣть, что тутъ дѣло пошло не на шутку. Ужь это не какой нибудь убогій «Мірской вѣстникъ», канцелярскимъ слогомъ доказывающій крестьянамъ пользу межевыхъ столбовъ. Г. Кушнеревъ, какъ видно, не намѣренъ стѣсняться и издаетъ свою газету для народа вообще, для всего русскаго народа; даже самый слогъ его отличается большей свободой и картинностью; и приступая къ столь важному дѣлу, каково изданіе народной газеты, онъ даже хочетъ соблюсти всѣ конвенансы, признается откровенно, что «понятіе о народѣ вообще *у насъ* нѣсколько сбивчиво», — и наконецъ дѣлаетъ «*ясное и точное*», по его мнѣнію, опредѣленіе того, что онъ «будетъ разумѣть подъ словомъ народъ».

«И такъ, говоритъ г. Кушнеревъ, мы подъ словомъ народъ будемъ разумѣть всѣхъ людей русскихъ, къ какому бы званію или состоянію они ни принадлежали. Подчинясь одной верховной власти въ лицѣ Государя, его законамъ и поставленнымъ отъ него же правительственнымъ лицамъ, народъ представляетъ собою нѣчто стройное

цѣлое, словомъ сказать, то, что мы называемъ *порядкомъ*. На этотъ-то порядокъ мы основываемъ свое благосостояніе и довольство».

Само собою разумѣется, что никто не мѣшаетъ г-ну Кушереву понимать подъ словомъ *народъ* все, что ему угодно; никто вѣроятно также не захочетъ мѣшать ему основывать *свое благосостояніе и довольство*, на чемъ ему угодно. По справедливому замѣчанію г-на Кушерева, каждый идетъ своею дорогою. Но въ то же время никому нельзя запретить видѣть ложь и лицемѣріе тамъ, гдѣ, можетъ быть, желательно было бы выказать примѣрное благонравіе и усердіе. Очевидно, что г. Кушеревъ въ своемъ опредѣленіи народа вовсе не то хотѣлъ сказать, что сказалъ, и потому у него вышла разладица. Г-нъ Кушеревъ просто перепуталъ извѣстное изреченіе Наполеона III: l'empire c'est la paix, (имперія—это миръ). Онъ увлекся, какъ видно, благонамѣренностію этой фразы и не сообразилъ, что между такими двумя понятіями, какъ имперія (т. е. политическій принципъ), и народъ (т. е. живая организація), — огромная разница и смѣшивать ихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Есть еще не менѣе извѣстное изреченіе Моля: der Staat ist die Ordnung selbst (государство есть самъ порядокъ, олицетвореніе порядка); но и въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о *государствѣ*, и опять таки о принципѣ, а не о народѣ. Но г. Кушеревъ этого различія не признаетъ. Ему, что ни попъ, то батька. Главное, чтобы слово *порядокъ* вклеить, да курсивомъ, чтобы въ глаза бросилось пуще всего, чтобы видно было усердіе; а выйдетъ изъ этого смыслъ, или нѣтъ, — это вопросъ второстепенный. Да и кто его будетъ отыскивать, этотъ смыслъ? Бѣдный ремесленникъ, едва добывающій себѣ насущное пропитаніе», или «трудникъ-крестьянинъ, проживающій въ *отдальной* деревушкѣ подъ соломенной крышей» искать не будутъ, понятное дѣло. Вотъ развѣ «богатый купецъ-фабрикантъ, который посылаетъ свои корабли за море», или можетъ быть, «землевладѣлецъ-помѣщикъ, каменныя палаты котораго видѣются за нѣсколько верстъ»? Что же касается «сановника, занимающаго высшія государственныя должности», онъ, по всей вѣроятности, за недостаткомъ времени, на подобное изданіе не обратитъ вниманія. А впрочемъ, до смысла ли тутъ, когда дѣло идетъ о поддержкѣ, такъ сказать, общественнаго здавія, о государственномъ благоустройствѣ и благочиніи? Въ годину такихъ испытаній, во время всеобщаго шатанія и разслабленія умовъ о смыслѣ не думаютъ; каждый заботится о себѣ, о своихъ «выгодахъ». Вотъ объ этихъ-то *выгодахъ* особенно краснорѣчиво разсказываетъ г. Кушеревъ.

«Самый непроницательный человѣкъ, — говоритъ онъ, — тотчасъ же догадается, что и у нихъ (у бѣднаго ремесленника и у землевладѣльца-помѣщика, каменныя палаты котораго... и у трудника-

крестьянина, проживающаго въ отдѣльной деревушкѣ...) есть общія выгоды, которыми они одинаково дорожатъ; и если бы кто вздумалъ нарушить ихъ, то это оскорбило бы всѣхъ безъ различія, потому что, не соблюдая этихъ общихъ выгодъ, не возможно достигнуть общественнаго порядка и государственнаго благоустройства, къ которымъ *народъ* постоянно стремится».

Впрочемъ, не смотря на фигурность слога и силу выраженія, тутъ опять можетъ выйти маленькое недоразумѣніе, относительно смысла. *Народъ*, вѣдь это «нѣчто стройное, цѣлое, — словомъ сказать то, что мы называемъ *порядкомъ*»; — къ какому же еще порядку онъ стремится? позвольте спросить.

Ужасная вещь однако — эти выгоды! На что, иной разъ, не рѣшится человѣкъ для соблюденія выгодъ! Конечно, выгоды — вещь очень почтенная, и справедливо замѣчаетъ г. Кушнеревъ, что «всѣ ими одинаково дорожатъ», да только народъ-то зачѣмъ же сюда приплетать? Труженика-крестьянина, проживающаго въ отдѣльной деревушкѣ, зачѣмъ впутывать въ такое дѣло? Пусть бы его «проживалъ подъ соломенной крышею». Какое ему дѣло до того, что думаетъ г. Кушнеревъ въ Петербургѣ? Однако, почитаемъ еще, можетъ быть, и узнаемъ, почему г. Кушнеревъ взялся поучать народъ.

«Позовутъ насъ посудить да порядить, какъ бы устроить для насъ самихъ же получше, мы и тутъ, либо пустимъ впередъ крикуновъ-міроѣдовъ, которымъ только бы покричать да показать свою удаль; либо сами, не разобравъ за недосугомъ дѣла, — порѣшимъ его такъ, что если насъ послушать, то выйдетъ еще хуже прежняго. *Привыкли мы, значитъ, больше къ тому, чтобы за насъ думали другіе*».

А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ! Ничего-то мы сами сдѣлать не можемъ. Пожалуй, вѣдь и хуже будетъ, если мы сами примемся судить да рядить о своихъ дѣлахъ, потому, *значитъ*, не привыкли. Да вотъ еще говоритъ г. Кушнеревъ, что «много горя мы терпимъ отъ того, что мало въ нашемъ народѣ людей грамотныхъ и много такихъ, которые, какъ говорится, схватили только *верхушки*; съ этими-то *верхушками* они и пошли *разсуждать* объ разныхъ дѣлахъ. А мы давай ихъ слушать да сгоряча-то похваливать. Вотъ (,), думаемъ себѣ (,), умные-то люди (!), они поговорятъ за насъ въ случаѣ нужды и лучше нашего обсудятъ все (,), что намъ пригодно (,) или нѣтъ. А выходитъ на повѣрку, что эти *свистуны* только мудры на словахъ (,). На дѣлѣ же, когда взаправду требуется растолковать людямъ не свѣдущимъ ихъ настоящее положеніе (,), они такъ хитро заговариваютъ, что поневолѣ отъ нихъ отсторонишься».

Теперь отчасти дѣло разъясняется. Во-первыхъ, мы не привыкли сами заботиться о своихъ дѣлахъ, а во-вторыхъ, огорчаютъ насъ

свистуны; потому что они «схватили верхушки и хитро заговаривают». Так; теперь понятно. Но тут необходимо сдѣлать маленькое отступленіе.

Было время (въ 1857 году), когда... впрочемъ, всякій самъ знаетъ, какое тогда было время. Въ то время въ Москвѣ и въ Петербургѣ явилось много различныхъ авторовъ. Всякій, кто хотѣлъ *заявлять*,—заявлялъ; всякій кто могъ издавать,—издавалъ. Тогда было издано и собраніе сочиненій г. Кушнерева, въ которыхъ авторъ по мѣрѣ силъ своихъ тоже *заявлялъ* и обличалъ. Тогда всѣ обличали, *свистуны* же свистали. То время прошло....

Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры
И прилегли стада.

Свистуны по прежнему свищутъ.

«А разбери-ка хорошенько, говоритъ г. Кушнеревъ (Народн. газета. 1863 г. № 1), зачѣмъ въ городѣ городничій, такъ и увидишь, что онъ поставленъ за тѣмъ, чтобы было кому приглянуть *за порядкомъ да позаботиться* о спокойствіи обывателей».

Еще народная газета: «Мірское слово», №№ 1, 2, 3, 4.

Въ № 1 больше всего понравилось намъ описаніе «празднѣства тысячелѣтія Россіи въ округѣ Богословскихъ (горныхъ) заводовъ». Во время торжества врачъ, г. Тепловъ, сказалъ рѣчь, которая начиналась такими словами:

«Господа!»

«Въ жизни каждаго человѣка, общества, народа *бываютъ минуты* самосознанія. Жизнь *нарушаетъ въ это время свою цѣлость*, душа *какъ бы выдѣляется изъ самой себя*»... и т. д. «Для Россіи вообще и *для* каждаго изъ насъ въ частности наступила тоже такая эпоха». Нечего сказать, хороша эпоха самосознанія, когда «жизнь нарушаетъ свою цѣлость и душа какъ бы выдѣляется изъ самой себя!» Однако, не смотря на то печальное положеніе, въ которомъ находились г-да офицеры и горные чиновники Богословскихъ заводовъ въ достопамятный день тысячелѣтія Россіи, — по окончаніи торжества «народъ съ чувствомъ искренней и живѣйшей благодарности провожалъ всѣхъ офицеровъ. Такъ было отпраздновано, вблизи полярныхъ круговъ, торжество тысячелѣтія Россіи». Въ этомъ же № напечатано извѣстіе о томъ, что «въ г. Саламанкѣ, въ Испаніи, 10-го минувшаго ноября, около шести часовъ вечера появился на небѣ блестящій шаръ».

Кромѣ этого извѣстія, есть еще объясненіе нѣкоторыхъ болѣзней у домашнихъ животныхъ, гдѣ говорится, что «кровавая моча у скотины бываетъ либо *настоящая*, либо *поддѣлькая*». Любопытно знать, кто это занимается *поддѣлкой коровьей мочи*?

Во 2 № есть стихотвореніе г-на Бакланова, (редактора газеты) — «Богоявленіе Господне». Въ 3 № въ «Смѣси» разсказывается какое-то «истинное происшествіе» изъ народнаго быта, и по поводу воровства, которое открылось самымъ сверхъ-естественнымъ образомъ, читается такого сорта мораль:

«Лучше жить правдою, чѣмъ кривдою. Правдивый человѣкъ получитъ рано или поздно *награду*, а *криводушный* сдѣлается жертвою своихъ страстей. Запомните это, братцы, да живите по христіански, въ любви и берегите другъ друга».

Но заманивъ *мирнаго селянина* привидѣніемъ награды, авторъ находитъ нужнымъ и припугнуть его въ то же время.

«Берегитесь преступленія, говоритъ онъ *братцамъ*. — Если оно не откроется сейчасъ, то оно *непремѣнно откроется* впослѣдствіи».

И вслѣдъ за этимъ вдругъ оказывается, что «нѣтъ ни одной деревни на Святой Руси, гдѣ бы *не сѣяли льна*.»

Но самой осязательной и несомнѣнной пользы для крестьянина слѣдуетъ ожидать отъ «Правилъ къ сохраненію здоровья». Способность и умѣніе примѣняться къ потребностямъ и понятіямъ народа и знаніе дѣла — изумительны; напр.

«Для сохраненія здоровья необходимо исполненіе слѣдующихъ правилъ: 1) Пища должна быть *свѣжая, хорошо сваренная* или *выпеченная*» (напр. мякина или кора), съ *достаточнымъ количествомъ* соли. Она не должна быть употребляема вдругъ въ большомъ количествѣ, до пресыщенія и т. д. 3) Одежда *должна быть* всегда согласна съ погодою, такая, чтобы зимою не *зябнуть*, а лѣтомъ *слишкомъ не потѣть*. Нужно заботиться о чистотѣ рубашекъ и потому *чаще перемѣнять* ихъ и мыть... 5) Сонъ *не долженъ быть слишкомъ продолжителенъ*; потребно спать столько, сколько нужно для отдохновенія тѣла, утомленнаго дневнымъ трудомъ,—часовъ *восемь въ сутки*. Спать нужно *ночью, а не днемъ*. Постель должна быть чистая...

7) Послѣднее и весьма важное *требованіе для поддержки здоровья* есть — *работа*. Она укрѣпляетъ тѣло и дѣлаетъ его способнымъ переносить различныя невзгоды жизни. Тѣло работающаго человѣка плотно, *какъ воскъ*, напротивъ, у мало трудящихся оно мягко и жирно, *какъ сало*.

Что это такое? Злая и скверная насмѣшка или совершенное непониманіе дѣла?...

Въ заключеніе говорится, что въ случаѣ несоблюденія этихъ правилъ «являются *многоразличныя* болѣзни. Причины зарожденія ихъ *весьма различны*».

Ну, да разумѣется.

В. С.

ПОЛИТИКА.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ПОЛИТИКИ ФРАНЦІИ И ПРУССІИ. — ДѢЛА ВО ФРАНЦІИ: ВЫБОРЫ, ПРЕССА, ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫЙ КРИЗИСЪ; ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ СЕССІЯ 1868 ГОДА. — ДѢЛА ВЪ ПРУССІИ. — ПОЛОЖЕНІЕ РАЗЛИЧНЫХЪ ПАРТІЙ И ВОЗМОЖНЫЙ ИСХОДЪ ИЗЪ ЭТОГО ПОЛОЖЕНІЯ.

Если будущій историкъ 19-го столѣтія захочетъ охарактеризовать однимъ словомъ весь ходъ европейской исторіи въ этомъ столѣтіи, то онъ безъ сомнѣнія назоветъ 19-е столѣтіе, по крайней мѣрѣ первую половину его, *вѣкомъ конституцій*. Можетъ быть, для второй половины этого столѣтія будетъ выработано какое-нибудь новое начало, которое ляжетъ въ основаніе всей его исторіи; вотъ напр. намъ говорятъ, что теперь съ неудержимою силою выдвигается принципъ *національности* и стремится занять первое мѣсто во всемірномъ ходѣ событій. Оно, можетъ быть, такъ и будетъ, можетъ быть, принципу національности суждено играть важную роль въ исторіи человѣчества, но во всякомъ случаѣ это все еще въ будущемъ. Мы намѣрены со временемъ возвратиться къ этому вопросу, и постараемся объяснить ту роль, которую, по нашему мнѣнію, онъ можетъ играть въ судьбахъ человѣчества вообще и въ политической исторіи Европы въ частности. Но велика ли или мала будетъ эта роль, во всякомъ случаѣ она принадлежитъ болѣе будущему, нежели настоящему и прошедшему. Но до настоящаго времени, исторія 19-го вѣка была исторія *конституцій*. Конституціи давались, отнимались, измѣнялись, кроились, перекраивались, надбавлялись, урѣзывались, и т. д. Одна Франція съ 1791 года имѣла не менѣе *осьми* конституцій; изъ этого мы можемъ вывести

смѣлое заключеніе, что она конституціонное государство по преимуществу. А потомъ: Швеція, Норвегія, Германскій Союзъ, Голландія, Іоническіе острова, Бельгія, Сербія, Греція, Виртембергъ, Баденъ, Гессенъ и большая часть прочихъ крупныхъ и мелкихъ германскихъ государствъ, Испанія, Піемонтъ, Швейцарія, Данія, Пруссія, Румынскія княжества, новое Итальянское королевство, Австрія и, наконецъ, княжество Лихтенштейнъ (самое юное конституціонное государство, получившее конституцію 5 Декабря 1862 года) — вотъ сколько въ Европѣ конституціонныхъ государствъ!

Мы остановимся теперь на двухъ государствахъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ прекрасную писанную конституцію, состоящую изъ множества параграфовъ, конституцію, въ которой все предъусмотрѣно, опредѣлено, ну просто, заглядѣнье-конституцію: мы говоримъ о Франціи и Пруссіи. Франція живетъ и движется по конституціи 1851—52 года, Пруссія по конституціи 1850 года. Вѣроятно въ свое время и въ той и въ другой странѣ большинство населенія радовалось и было увѣрено, что теперь дѣла у нихъ пойдутъ совсѣмъ инымъ образомъ—путемъ конституціоннымъ. Впослѣдствіи факты были до того краснорѣчивы, что должны были удостовѣрить не одного Француза и Пруссака, что и при конституціонныхъ учрежденіяхъ часто бываетъ жить не лучше, нежели при отсутствіи всякихъ конституціонныхъ актовъ.—Особенно новаго читатели ничего не найдутъ въ нашемъ изложеніи. Все, что они прочтутъ въ немъ, это будетъ болѣе или менѣе повтореніемъ того, что мы уже говорили прежде о дѣлахъ, совершающихся во Франціи и въ Пруссіи. Но пусть читатели не винятъ насъ въ томъ, что мы сообщаемъ имъ мало новаго объ этихъ странахъ.

Для правительствъ, власть которыхъ ограничена de jure конституціей, но которыя вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли бы de facto управлять страною неограниченнымъ образомъ, главная задача заключается въ томъ, чтобы дѣлать видъ, будто они управляютъ страною сообразно съ конституціей. Это удается имъ болѣе или менѣе легко, смотря по тому, больше ли или меньше довѣрчивости и добродушія въ управляемомъ ими народѣ, и съ большимъ ли или меньшимъ искусствомъ они берутся за дѣло. Такъ напр. однимъ изъ самыхъ простыхъ средствъ къ этому служило доселѣ отвлеченіе вниманія народнаго отъ внутреннихъ дѣлъ какими нибудь дѣлами внѣшней политики; но одного этого средства недостаточно, и оно можетъ служить только вспомогательнымъ орудіемъ при другихъ, главныхъ средствахъ.

Умный правитель понимаетъ, что онъ легче всего достигнетъ желаемой имъ цѣли, когда народъ будетъ увѣренъ, что онъ пользуется всѣмъ тѣмъ, что даетъ ему конституція. Задача, конечно, не легкая. Хотя масса вообще бываетъ довольно довѣрчива, однако же не всегда

удается увѣрить ее съ перваго раза въ томъ, что черное бѣло, а бѣлое черно. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо искусство и терпѣніе. Напримѣръ, положимъ, конституція говоритъ, что верховная власть принадлежитъ народу:—нужно оставлять народъ въ пріятной увѣренности, что дѣйствительно ему принадлежитъ верховная власть. Онъ видитъ на престолѣ своего избранника—хорошо. Но, кромѣ того, онъ высказываетъ свою волю черезъ своихъ депутатовъ, которыхъ онъ посылаетъ въ законодательный корпусъ. Умный правитель долженъ устроить это дѣло такъ, чтобы депутаты были по наружному виду избранниками, представителями народа. Умные правители, далѣе, должны непремѣнно слѣдовать той же самой методѣ, которой слѣдовалъ знаменитый американецъ Рери при укрощеніи неукротимыхъ коней: они должны самымъ очевиднымъ образомъ доказать народу всю его слабость, безпомощность; они должны внушить ему убѣжденіе, что онъ самъ не можетъ сдѣлать одного шага безъ того, чтобы не упасть, что единственною и самою необходимою его опорою является правительство, и что безъ этого отечески-заботливаго, ласковаго правительства онъ совершенно пропалъ. Этимъ путемъ правители скорѣе всего достигнутъ своей цѣли. Другой путь, состоящій въ томъ, чтобы отвлекать общественное мнѣніе отъ внутренней политики блестящими дѣлами политики внѣшней, отчасти устарѣлъ и не всегда приводитъ къ желанной цѣли. Что же касается до третьяго пути, по которому еще слѣдуютъ иныя правительства и который состоитъ въ томъ, что правители бравируютъ общественное мнѣніе, то это путь самый ненадежный, и умные правители всячески избѣгаютъ его, и прибѣгаютъ къ нему развѣ только въ крайности. Франція сначала долгое время слѣдовала второму пути; потомъ послѣ Орсиніевскаго покушенія она вступила было на короткое время на третій путь, но затѣмъ правительство ея одумалось и обратилось къ первому пути. Но, впрочемъ, отъ времени до времени ему все-таки приходится перемѣнить тонъ и прибѣгать къ открытой строгости. Что же касается до Пруссіи, то она въ послѣднее время рѣшительно бросилась на третій путь — на путь бравированія общественнаго, народнаго мнѣнія; при этомъ правительство ея пытается также брать примѣръ съ французскаго и позанять общественное мнѣніе страны дѣлами внѣшней политики. Разсмотримъ теперь, какіе успѣхи дѣлаютъ оба правительства, французское и прусское, на предпринятомъ ими пути.

Одна изъ главныхъ заботъ благоразумнаго правительства должна заключаться въ томъ, чтобы имѣть хорошую палату, которая въ одно и то же время являлась бы представительницею общественнаго мнѣнія и не отбивалась бы отъ рукъ правительства. Въ этомъ отношеніи фран-

цузское правительство было очень счастливо. Это обнаружилось съ достаточною ясностью во время прошлогоднихъ засѣданій законодательнаго корпуса (не смотря даже на *нечаянную* оппозицію этого собранія противъ проекта о пенсіи генералу Монтобану); еще рельефнѣе это выказалось во время сессіи нынѣшняго года, о которой мы будемъ говорить ниже. На этотъ разъ палата вела себя такъ примѣрно, что совершенно загладила свой нечаянный, прошлогодній проступокъ; правительство, конечно, не могло бы мечтать о лучшей палатѣ. Но къ несчастію, ему приходится съ нею разстаться, потому что оканчивается срокъ выборовъ, и въ настоящемъ году должна быть выбрана новая палата. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ избирательный вопросъ выдвинулся на первый планъ среди вопросовъ внутренней политики Франціи и не остался также безъ послѣдствій и на внѣшнюю политику этой державы. Разсмотримъ, въ какомъ положеніи находится во Франціи этотъ вопросъ.

Когда въ прошломъ году законодательный корпусъ далъ неожиданную оппозицію въ вопросѣ о пенсіи графу Паликао, французское правительство не мало этимъ встревожилось. Ему показалось, что народные представители хотятъ сдѣлаться независимыми и самостоятельными (это оказалось совершенно невѣрнымъ). Но тогда у него явилась мысль немедленно распустить законодательный корпусъ и назначить новые выборы. Оно разослало къ префектамъ запросы, освѣдомляясь о состояніи общественнаго мнѣнія. Большая часть префектовъ отвѣтили, что, по ихъ мнѣнію, нельзя ожидать успѣховъ отъ новыхъ выборовъ, потому что населеніе еще недостаточно *обработано*. Вслѣдствіе этого, правительство тогда же отказалось отъ мысли немедленно произвести новые выборы и принялось обработывать населеніе и подготовлять благопріятные результаты новыхъ выборовъ. Это подготовленіе обнаружилось во множествѣ фактовъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ; имъ обусловливается какъ совершенная перемѣна характера французской внѣшней политики, такъ и весь образъ дѣйствій администраціи внутри страны. Извѣстно, что французскій, имперіалистскій демократизмъ одинаково не благоволитъ къ республиканскому демократизму, къ орлеанистской буржуазіи, къ бурбонскому легитимизму и къ ультрамонтанскому клерикализму — къ послѣднему направленію, можетъ быть, еще болѣе, нежели къ прочимъ. Французское правительство, искусно эксплуатируя демократическія наклонности извѣстной части французскаго населенія (въ особенности городскаго), находило постоянную и сильную опору въ партіи имперіалистской демократіи. Но оно не могло не замѣтить сильнаго вліянія, которое имѣло на другую часть французскаго населенія католическое духовенство. Оно взвѣсило, что въ данныхъ

обстоятельствахъ для него важнѣе — поддержка ли демократовъ-бонапартистовъ или поддержка духовенства, и рѣшило, что поддержка послѣдняго нужнѣе. Поэтому, не разрывая окончательно съ первыми, оно обратилось къ ультрамонтанской партіи: оно стало выказывать большее сочувствіе къ папѣ и къ свѣтской власти его, оно стало рѣшительно отвергать мысль о присоединеніи Рима къ итальянскому королевству, оно смѣнило Тувенеля, осмѣлившагося желать этого присоединенія. Лицо ультрамонтановъ просіяло, и правительство могло быть увѣрено, что при будущихъ выборахъ всѣ французскіе епископы, а за ними и всѣ сельскіе curés, а за ними и все благочестивое сельское населеніе, которое очень мало заботится о свѣтской власти папы, но которое привыкло слушаться своихъ духовниковъ,— что всѣ они будутъ одушевлены желаніемъ оказать правительству своему посильную поддержку, и что они слѣдовательно всѣ будутъ подавать голоса въ пользу кандидатовъ правительства. Это вовсе не значитъ, чтобы правительство дѣйствительно обязывалось передъ страною слѣдовать именно такой-то политикѣ; окончатся выборы, попадутъ въ законодательный корпусъ всѣ правительственные кандидаты — тогда правительству можно будетъ слѣдовать какой угодно политикѣ.

Но этого общаго измѣненія въ характерѣ французской политики было конечно недостаточно для приготовленія успѣшныхъ результатовъ выборовъ. Для этого нужно было принять мѣры болѣе спеціальныя. Правительство приняло цѣлый рядъ мѣръ, которыя должны были дать выборамъ благопріятное направленіе. Напримѣръ, французская конституція 1851 и 1852 года, (т. е. конституція, данная Наполеономъ), говоритъ, что избирателемъ можетъ быть всякій французъ, достигшій 21-лѣтняго возраста. Для этого каждые пять лѣтъ должны быть пересматриваемы въ общинахъ списки избирателей, при чемъ вычеркиваются изъ списковъ убывшіе члены и вносятся новоприбывшіе, т. е. тѣ, которые или достигли въ эти пять лѣтъ совершеннолѣтія, или прибыли въ общину извнѣ. Но подобный порядокъ дѣлъ показался неудобнымъ, и правительство отступило отъ него. Во-первыхъ, оно долго медлило обнародованіемъ пересмотрѣнныхъ избирательныхъ списковъ: они должны были быть обнародованы еще въ 1862 г., такъ какъ послѣдняя ревизія ихъ происходила въ 1857 г.; но они были обнародованы не ранѣе, какъ въ январѣ 1863 г. Ну, это еще не бѣда; проволочка нѣсколькихъ мѣсяцевъ сама по себѣ не имѣетъ особеннаго значенія. Но гораздо важнѣе другія мѣры правительства, соединенныя съ этой проволочкой. Такъ, напримѣръ, при пересматриваніи списковъ, чиновники правительства отступали отъ постановленія конституціи, по которому всякій совершеннолѣтній французъ

можетъ быть избирателемъ; они вносили въ избирательные списки только тѣхъ, которыхъ администрація считала надежными, а люди неблагонадежные исключались изъ списковъ подъ тѣми или другими предлогами: то они недостаточно долго жили въ общинѣ, то бумаги ихъ не въ порядкѣ, и т. д.; иногда *избиратели исключаются* изъ списковъ безъ всякихъ предлоговъ.

Но эти исключенія до поры до времени не были разглашаемы. — Съ этою цѣлью чиновники составили списки избирателей, какъ слѣдуетъ, внося въ нихъ всѣхъ, кто по закону имѣетъ право быть избирателемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они составляли добавочные списки, въ которые вносились имена тѣхъ, которые исключаются отъ выборовъ... Если кто нибудь приходитъ къ мэру, чтобы справиться, внесенъ ли онъ въ списки или нѣтъ, мэръ, который вообще не любитъ излишняго любопытства, старается, если только возможно, вовсе не показывать избирательныхъ списковъ; если же пришедшій настаиваетъ слишкомъ сильно, то ему показывается полный списокъ, въ который по большей части имя его бываетъ внесено; но добавочныхъ списковъ мэры вообще не показываютъ. Значитъ, избиратель уходитъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ, т. е. онъ все таки не знаетъ, будетъ ли онъ избирателемъ или нѣтъ. — Такимъ образомъ избѣгается ненужная огласка въ этомъ дѣлѣ...

Французское правительство избѣгаетъ также слишкомъ многочисленныхъ собраній. Оно и понятно: въ многочисленныхъ собраніяхъ гораздо труднѣе сохранять дисциплину, нежели въ немногочисленныхъ. Поэтому правительство слѣдитъ за тѣмъ, чтобы число членовъ законодательнаго корпуса не увеличилось бы по новымъ спискамъ. По распоряженію его, оно не должно превышать цифры 261, что, при населеніи въ 37 милліоновъ, равняется одному депутату на 140,000 человѣкъ. Но и эти 261 депутатъ распредѣляются не по числу населенія Франціи, а по благонадежности его.—Въ мѣстностяхъ, гдѣ проявляется нѣкоторая оппозиція нынѣшнему правительству, число депутатовъ вообще уменьшается независимо отъ численности населенія. Такъ, напримѣръ, въ сенскомъ департаментѣ число населенія увеличилось сравнительно съ 1857 годомъ; во время прошедшихъ выборовъ этотъ департаментъ далъ 10 депутатовъ, теперь онъ долженъ бы дать ихъ 11 или 12 сообразно съ числомъ теперешняго его населенія. По новому правительственному распредѣленію, отъ сенскаго департамента будетъ только 9 депутатовъ.

Заслуживаетъ также вниманія слѣдующее распоряженіе. — Положимъ, въ мѣстности А. проявились нѣкоторыя оппозиціонныя стремленія, слѣдовательно можно ожидать, что мѣстность А. пошлетъ въ палату депутата оппозиціоннаго. — Этого надобно избѣг-

нуль. Около мѣстности А. находится мѣстности Б. и В., которыя объ отличаются своею благонадежностью, прекраснымъ направленіемъ своихъ жителей, привязанностью къ порядку. Вотъ правительство и распредѣляетъ выборы слѣдующимъ образомъ: одна половина мѣстности А. будетъ подавать голоса вмѣстѣ съ мѣстностью Б., а другая вмѣстѣ съ мѣстностью В. Оно и выйдетъ хорошо: благонамѣренное большинство мѣстностей Б. и В. поглотитъ меньшинство неблагонамѣренныхъ жителей А., и оппозиціонный депутатъ не попадетъ въ палату. Руководствуясь этимъ планомъ, правительство раздѣлило всю страну на совершенно своеобразные избирательные округи. Въ особенности полезнымъ показалось ему присоединеніе меньшинства менѣе благонадежныхъ городскихъ избирателей къ большинству болѣе благонадежныхъ избирателей сельскихъ и поглощеніе первыхъ послѣдними. Такъ, напримѣръ, на югѣ Франціи есть между прочимъ три города: Э, Марсель и Арль. Правительство не составило изъ каждаго изъ нихъ отдѣльнаго избирательнаго округа. Нѣтъ, оно распорядилось такъ, что городъ Э будетъ вотировать съ округомъ Марсельскимъ, а городъ Арль съ округомъ Э. Можно надѣяться, что вслѣдствіе всѣхъ этихъ предусмотрительныхъ и благоразумныхъ распоряженій, нынѣшніе выборы (которые должны быть произведены въ іюнѣ) будутъ вполнѣ благопріятны для французскаго правительства, и что изъ нихъ выйдетъ палата, которая въ благонамѣренности и преданности правительству не уступитъ нынѣшней.

Нѣкоторые органы французской прессы вздумали было протестовать противъ подобнаго образа дѣйствій. Газета Siècle напечатала объявленіе нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ Парижѣ юристовъ и адвокатовъ, которые доказывали, что составленіе избирательныхъ списковъ и другія мѣры, принятыя правительствомъ по поводу выборовъ, несогласны съ буквой и смысломъ конституціи; къ объявленію этому пристали многія изъ французскихъ знаменитостей прежнихъ временъ. Правительство, конечно, отвѣтило на это объявленіе такъ, какъ ему слѣдовало отвѣтить: оно объявило, что всѣ вышеприведенныя мѣры приняты съ согласія сената, и что по смыслу конституціи одинъ сенатъ имѣетъ право толковать конституцію. Газета же Siècle за свою неумѣстную попытку толковать конституцію получила предостереженіе.

Вообще французскимъ періодическимъ изданіямъ, въ концѣ 1862 и въ началѣ 1863 года, было какое-то особенное счастіе на предостереженія. Вопросъ о положеніи французской прессы въ послѣднее время стоитъ того, чтобы мы сказали объ немъ нѣсколько словъ.

Извѣстно, что до 1860 и 1861 года французское правительство обходилось довольно безцеремонно съ прессой. Но впослѣдствіи пра-

вительство пришло къ тому убѣжденію, что подобная система неудовлетворительна. Оно нашло, что лучше отказаться отъ системы стѣсненія прессы. Но эти мѣры удавались только отчасти; такъ что приходится опять прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Въ концѣ 1860 года новый министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перенье, рѣшился первый сдѣлать прессу болѣе свободною. — Онъ обнародовалъ извѣстный свой циркуляръ къ префектамъ, въ которомъ приглашаетъ ихъ не быть слишкомъ строгими къ прессѣ и не дѣлать слишкомъ частаго употребленія изъ своего права карать и миловать періодическую литературу. Но право это, какъ извѣстно, все-таки осталось за административною властью, и г. министръ объявилъ только собственное свое желаніе быть *болѣе милостивымъ* къ прессѣ, приглашая къ тому же и подчиненныхъ своихъ. Такимъ образомъ знаменитый циркуляръ этотъ не производилъ собственно никакого дѣйствительнаго измѣненія въ отношеніяхъ французскаго правительства къ французской прессѣ: онъ производилъ только нѣкоторое кажущееся измѣненіе. Нѣкоторые недогадливые литераторы и журналисты вздумали серьезно обсуждать и критиковать мѣры правительства. Напримѣръ, правительство говоритъ имъ, что они могутъ разсуждать о потребностяхъ страны и дѣйствіяхъ администраціи, но что они при этомъ не должны забывать уваженія къ династіи и къ существующей конституціи. Нѣкоторые органы прессы вообразили, что если только они не будутъ прямо касаться императора и его семейства, если только не будутъ доказывать нелѣпость конституціи, то они значитъ не нарушаютъ постановленій о прессѣ и не превышаютъ даннаго имъ права. На дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то. — Положимъ, напримѣръ, кто нибудь скажетъ, что мексиканская экспедиція предпріятіе неразумное. Но мексиканская экспедиція предпринята по желанію императора, съ одобренія законодательнаго корпуса, который, по смыслу конституціи, служитъ представителемъ народной воли. Назвавши ее неразумною, вы оскорбили разомъ и императора, и конституціонную палату. Положимъ еще, напримѣръ, кто нибудь скажетъ, что въ городѣ Z. тускло горятъ фонари; тутъ нѣтъ по видимому неуваженія ни къ династіи, ни къ конституціи. Неправда. Если фонари тускло горятъ, то это, значитъ, происходитъ отъ нерадѣнія и упущенія городскихъ властей, городской полиціи; власти эти установлены конституціей; *слѣдовательно* вы оскорбили и т. д.

Въ короткое время должно было сдѣлать до 20 предостереженій газетамъ, и при этомъ не была забыта ни одна изъ *либеральныхъ* газетъ столицы и провинціи, къ какимъ бы оттѣнкамъ онѣ ни принадлежали. Нѣкоторыя изъ газетъ получили уже по три предостереженія, напр. Courrier du Dimanche; *другія* по два—напр. Opi-

sion Nationale; третьи еще покамѣстъ по одному—Temps, Siècle, Journal des Débats, Revue des deux Mondes и пр.; такіе лучшія изъ провинціальныхъ изданій — Phare de Loire, Gironde, Progrès de Lyon и др. Нѣкоторыя изданія уже осуждены судомъ. Большая часть этихъ предостереженій и запрещеній имѣли причиною обсужденіе избирательнаго вопроса, который составляетъ въ настоящее время самое больное мѣсто французской администраціи; другія газеты получили предостереженія за слишкомъ сильныя нападки на клерикаловъ—тоже характеристическая черта времени; третьи—за сообщеніе неблагопріятныхъ извѣстій изъ Мехики, четвертыя—за статьи о средствахъ помочь бѣдствующимъ руанскимъ работникамъ, и т. д. Заграничныя газеты, печатающія вещи, не совсѣмъ нравящіяся правительству, безцеремонно задерживаются на почтѣ, и подписчики на Europe, на Indépendance Belge зачастую напрасно ждутъ нумеровъ выписываемыхъ ими газетъ.

Но какъ мы уже замѣтили выше, къ этимъ крайностямъ французское правительство прибѣгаетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда газеты своею излишнею откровенностью сами вынуждаютъ его къ этому. Собственно же для того, чтобы заставить говорить газеты тономъ привычнымъ и благонамѣреннымъ, употребляются мѣры менѣе гласныя и менѣе бросающіяся въ глаза. Такъ напр. недавно по случаю скандала, случившагося въ редакціи правительственныхъ газетъ Pays и Constitutionnel, публика узнала слѣдующее обстоятельство, существованія котораго она досель не подозрѣвала. Директоры и главные редакторы газетъ утверждаются правительствомъ; но оказывается, что при утвержденіи ихъ министерство внутреннихъ дѣлъ требуетъ, чтобы они оставляли въ министерствѣ бланки съ прошеніемъ объ отставкѣ. Лишь только что-нибудь не такъ, главный редакторъ или директоръ получаетъ увѣдомленіе, что его прошеніе объ отставкѣ принято. Такимъ образомъ правительство имѣетъ возможность постоянно держать ихъ на веревочкѣ, которую оно могло удлинять и укорачивать, какъ ему было угодно, а между тѣмъ публика этой веревочки не замѣчала. Средство очень остроумное, но къ сожалѣнію, не всегда дѣйствительное. Иной редакторъ, рискуя даже быть удаленнымъ отъ редакціи, скажетъ иногда такую вещь, которая не можетъ понравиться правительству, и самъ напрашивается на предостереженіе и на отставку. Въ особенности часто это случалось при обсужденіи преній въ законодательномъ корпусѣ. Тутъ газетамъ обо всемъ приходилось говорить: и о Мехикѣ, и объ избирательномъ вопросѣ, и о занятіи Рима. Чтобы не быть принужденнымъ давать постоянныя предостереженія и отставлять редакторовъ, правительство рѣшилось на мѣру энергическую, крайнюю, которая не мог-

ла произвести благопріятнаго впечатлѣнія въ публикѣ. Но чтожь дѣлать? Даже и умные правители бываютъ иногда вынуждены поступать на перекоръ своей осторожной и хитрой политикѣ. Въ одно прекрасное утро въ Монитерѣ появилась замѣтка, въ которой говорилось, что газеты не имѣютъ права передавать пренія въ законодательномъ собраніи съ своими комментаріями и замѣчаніями, потому что это противно французской конституціи; при этомъ газетамъ предлагалось ограничиваться простымъ сообщеніемъ произносимыхъ въ палатѣ рѣчей. Эта замѣтка сильно встревожила французскую прессу и часть французскаго общества. Депутатъ Пикаръ сдѣлалъ по этому случаю запросъ въ законодательномъ корпусѣ, доказывая, что нигдѣ конституція не запрещаетъ разсуждать о преніяхъ въ палатѣ. Но министръ Барошъ отклонился отъ объясненія, объявивъ, что онъ не имѣетъ ни желанія, ни права толковать французскую конституцію. Депутатъ Даримонъ, и даже самъ знаменитый сенаторъ Лагерроньеръ, подали по этому поводу прошенія въ сенатъ. Газета Presse объявила, что она готова заплатить 4000 или 5000 франковъ пени, но все-таки не откажется отъ права обсуждать вышеозначенное запрещеніе. Другія газеты, и въ томъ числѣ самыя благонамѣренныя, тоже были сильно поражены этимъ случаемъ и не скрыли, что считаютъ себя обиженными. Правительство принимаетъ мѣру, которая вмѣстѣ съ виновными (неблагонамѣренными изданіями) поражаетъ и невинныхъ (изданія съ прекраснымъ направленіемъ). Но правительство, какъ и слѣдовало ожидать, явило должную стойкость и безпристрастіе, и осталось при своемъ распоряженіи. Графъ Персиньи говоритъ въ своемъ отчетѣ о состояніи имперіи въ прошломъ году, что «прессѣ дана была возможность свободно обсуждать всѣ дѣйствія правительства по иностранной и внутренней политикѣ, и что она была останавливаема только тогда, когда забывала должное уваженіе къ династіи и конституціи»...

Если какой нибудь классъ могъ бы быть опасенъ для существованія нынѣшняго правительства, то это именно классъ рабочій, населеніе городское. Относительно высшихъ классовъ общества правительство спокойно; оно увѣрено, что интересы этихъ классовъ слишкомъ тѣсно связаны съ порядкомъ и спокойствіемъ въ странѣ — значитъ, бунтовать не будутъ. Въ сельскомъ населеніи оно тоже увѣрено: тутъ за него работаетъ духовенство, и все искусство его должно состоять лишь въ томъ, чтобы не раздражать это послѣднее. Совсѣмъ иное дѣло представляетъ рабочее населеніе городовъ, болѣе развитое, нежели населеніе сельское, и менѣе консервативное по самому положенію своему, нежели высшіе, привилегированные классы. Поэтому правительство должно въ собственныхъ своихъ интересахъ обращать про-

имущественное вниманіе на этотъ болѣе опасный классъ населенія. Правительство употребляетъ различныя средства для того, чтобы сдѣлать его безвреднымъ. Для этой цѣли оно старается расшевелить небольшое сравнительно количество городскихъ избирателей въ массѣ совершенно надежныхъ избирателей сельскихъ. Для этой же цѣли оно любезничаетъ съ нимъ и иногда даетъ представителямъ его преимущество передъ лицами императорскаго семейства. Для этой же цѣли оно употребляетъ вышеупомянутую нами мѣру, которая состоитъ въ томъ, чтобы увѣрить его въ полной его безпомощности, выставить себя единственнымъ его другомъ, пріучить его къ тому, чтобы онъ ожидалъ всего хорошаго только отъ правительства. Недавно представился очень удобный къ тому случай. Извѣстно, что и во Франціи есть свой Ланкаширскій округъ, который страдаетъ отъ недостатка въ подвозѣ хлопка и отъ прекращенія работъ на многихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ — это руанскій округъ, гдѣ оказалось довольно много бѣдствующихъ. Общество не осталось равнодушно къ страданіямъ рабочихъ и, по примѣру англичанъ, открыло подписку въ пользу бѣдствующихъ рабочихъ. Но правительство поспѣшило захватить всю инициативу этого дѣла въ свои руки: правительственныя газеты первыя открыли эту подписку за императора, императрица, императорскій принцъ первые подписались въ спискахъ Монитера на столько-то тысячъ франковъ. Газета Temps, жалуясь на то, что подписка идетъ не совсѣмъ удачно, сказала какъ-то, что дѣло пошло бы гораздо лучше, если бы правительство не взяло въ свои руки инициативы его. Не врядъ ли это замѣчаніе самой либеральной изъ французскихъ газетъ справедливо. Мы скорѣе раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ людей, которые увѣряютъ, что французское общество до того уже отвыкло отъ самодѣятельности, до того привыкло ожидать всего отъ своего правительства и смотрѣть постоянно въ глаза своему правительству, что многіе изъ его членовъ именно потому только и подписывались, что примѣръ къ этому подало само правительство. Прочіе увѣрены въ томъ, что обязанность помогать бѣдствующимъ лежитъ не на всемъ обществѣ, а на правительствѣ. И правительство поспѣшило оправдать эти ожиданія: оно сдѣлало законодательному корпусу предложеніе внести въ бюджетъ сумму въ 5 милліоновъ франковъ, для производства различныхъ общественныхъ работъ, которыя должны облегчить бѣдствія рабочихъ. Предложеніе это конечно будетъ исполнено, и правительство получитъ требуемые имъ 5 милліоновъ франковъ для облегченія бѣдствія страждущихъ. Какъ же рабочему населенію, получающему нѣсколько сотъ тысячъ франковъ отъ всего французскаго общества и 5 милліоновъ франковъ отъ щедротъ правительства, не увѣровать въ то, что единственная его

опора — въ настоящемъ, императорскомъ правительствѣ, и что безъ этого правительства ему нѣтъ спасенія? Но если мы сказали выше, что значительная часть обществе уже привыкла ожидать всего хорошаго отъ правительства, то это не значитъ, чтобы все общество дошло до такой апатіи: въ настоящемъ случаѣ мы замѣчаемъ, именно въ самихъ рабочихъ и въ нѣкоторыхъ литераторахъ, желаніе помочь горю, не обращаясь за милостыней къ правительству. Рабочіе нѣкоторыхъ городовъ хотѣли было устроить (по примѣру англичанъ) митинги для обсужденія вопроса, какимъ образомъ оказать необходимую помощь бѣдствующимъ своимъ собратьямъ. Кто-то сдѣлалъ остроумное предложеніе, чтобы всѣ французскіе рабочіе прибавили бы 5 минутъ къ обыкновенному рабочему времени своему, и вырученныя за эти 5 минутъ лишней работы деньги употребили бы на оказаніе помощи своимъ собратьямъ. Но правительство запретило (конечно подъ благовидными предлогами) какъ митинги, такъ и всякое иное обсужденіе мѣръ къ оказанію помощи работникамъ, и объявило, что и безъ всего этого будутъ приняты всѣ нужныя мѣры къ облегченію бѣдствія. Оно руководствовалось безъ сомнѣнія тѣми же самыми побудительными причинами, когда отказало недавно нѣкоторымъ членамъ института въ разрѣшеніи читать публичныя лекціи въ пользу бѣдствующихъ рабочихъ. Гг. Легуве, Лабуле, Литтре, Ренанъ и другіе французскіе ученые просили у префекта полиціи разрѣшенія читать публичныя лекціи съ тѣмъ, чтобы сборъ отъ нихъ былъ употребленъ для вышеназванной цѣли. Г. префектъ полиціи прислалъ имъ очень вѣжливый отказъ, который онъ мотивировалъ между прочимъ тѣмъ страннымъ доводомъ, что высшее образованіе составляетъ *привилегію* университета, и что эта привилегія была бы нарушена, еслибъ означеннымъ господамъ дано было право читать лекціи съ болѣе или менѣе научнымъ направленіемъ. Это отвѣтъ достойный префекта полиціи! Монополія, привилегія высшаго образованія, нарушеніе этой привилегіи! Въ заключеніе этого интереснаго отвѣта своего, г. префектъ полиціи изъявляетъ увѣренность, что подобное предпріятіе гг. членовъ института было бы даже совершенно излишнимъ, потому что въ пользу бѣдствующихъ рабочихъ сдѣлано уже столько, что они могутъ безбѣдно переждать тяготѣющій надъ ними кризисъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ въ Парижѣ открылись годичныя засѣданія сената и законодательнаго корпуса. Съ 1861 года по волѣ императора мертвое молчаніе, окружающее цѣлый годъ высшія правительственныя сферы, нарушается вдругъ на двѣ или на три недѣли толками о внѣшней и внутренней политикѣ, къ которымъ прислушивается вся Франція, и затѣмъ все погружается вновь въ прежнее молчаніе. Чи-

тателя нашли могли ознакомиться уже изъ прошлогоднихъ нашихъ обозрѣній съ характеромъ этихъ преній. Вообще нельзя не сознаться, что засѣданія французскихъ палатъ (сената и законодательнаго сословія) имѣютъ совершенно стереотипную форму. Тѣ же лица вотъ уже третій годъ говорятъ о тѣхъ же самыхъ предметахъ, почти тѣми же самыми словами: — такъ заведено, такъ и должно быть. Въ законодательномъ корпусѣ тѣ же пять оппозиціонныхъ депутатовъ говорятъ смѣлыя рѣчи и иногда высказываютъ правительству весьма рѣзкія истины. Министры-ораторы съ тѣмъ же успѣхомъ побѣдоносно отвѣчаютъ на ихъ нападенія и обвиненія, палаты встрѣчаютъ ихъ рѣчи съ тѣмъ же сочувствіемъ, и забаллотировываютъ всѣ предложенія оппозиціи тѣмъ же самымъ большинствомъ 240 или 250 голосовъ противъ 5. Все это непремѣнно повторяется каждый годъ. Можетъ быть, иному покажется страннымъ, почему это правительство дозволяетъ оппозиціоннымъ ораторамъ высказывать такія рѣзкія истины, какія они говорятъ уже третій годъ. Но страннаго ничего нѣтъ. Опасности же это не можетъ представлять никакой, потому что рѣчи, произносимыя ораторами, не производятъ никакого впечатлѣнія въ палатѣ, не слишкомъ сильно волнуя и всю страну. Засѣданія сената были въ этомъ году еще безцвѣтнѣе, нежели засѣданія прежнихъ лѣтъ. Прежде почтенныхъ сенаторовъ болѣе всего волновалъ римскій вопросъ; они все боялись, что вотъ, вотъ императоръ заключитъ союзъ съ революціей, выведетъ свои войска изъ Рима и позволитъ революціи уничтожить свѣтскую власть папы. Эта ужасная мысль внушала имъ на столько мужества, что они иногда смѣли противорѣчить предполагаемой политикѣ правительства и говорить горячія рѣчи въ защиту папы. Нынѣшній годъ и этого не было: новѣйшая политика императора Наполеона въ римскомъ вопросѣ заслужила полнѣйшее одобреніе почтеннаго собранія, и ему нечего было возражать. Гг. Тувенель и Лавалеттъ говорили, правда, чрезвычайно осторожныя и робкія рѣчи о римскомъ вопросѣ; но въ этихъ рѣчахъ они старались только оправдать свой образъ дѣйствій, избѣгая всякихъ нападокъ на императорскую политику. Гроза и краса сената — принцъ Наполеонъ — не произнесъ въ нынѣшнемъ году ни единаго слова по римскому вопросу. Что же касается до прочихъ вопросовъ, о которыхъ говорилось въ адресѣ — вопроса мексиканскаго, американскаго, вопроса о внутренней политикѣ, то гг. сенаторы питаютъ слишкомъ глубокое уваженіе къ императорскому правительству, для того чтобы дѣлать какія-либо замѣчанія о его политикѣ въ этихъ вопросахъ. Адресъ, составлявшій не что иное, какъ великолѣпнѣйшій похвальный гимнъ правительству, былъ принятъ большинствомъ 121 голоса, противъ 1 (принца

Наполеона). Когда обсуждали проектъ этого адресса, то не было почти никакихъ противъ него возраженій. Только нѣкоторые сенаторы выразили свое сомнѣніе, не слишкомъ ли дерзкою будетъ та фраза, въ которой сенатъ проситъ императора продолжать начатую имъ политику. Они спрашивали, прилично ли сенату давать совѣты императору?

Что же касается до законодательнаго корпуса, то онъ не обошелъ въ своихъ разсужденіяхъ ни одного изъ важныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ вопросовъ. Но только онъ облекъ ихъ, какъ мы уже замѣтили, въ такую стереотипную форму, что мы рѣшительно не видимъ надобности подробно на нихъ останавливаться. Но мы приведемъ изъ этихъ преній только нѣкоторые эпизоды, характеризующіе внутреннее состояніе Франціи, и сдѣлаемъ замѣчанія только по поводу нѣкоторыхъ рѣчей, касающихся разобранныхъ нами выше вопросовъ внутренней политики Франціи.

Вообще эти вопросы занимаютъ въ преніяхъ нынѣшней сессіи гораздо болѣе видное мѣсто, нежели вопросы политики внѣшней. Уже самъ императоръ, въ тронной рѣчи своей, касается преимущественно этихъ вопросовъ. Въ этой рѣчи, которая, какъ и всѣ подобныя рѣчи, трактуетъ о благосостояніи страны, объ удовлетворительности внѣшнихъ сношеній и о заботахъ правительства, сколько-нибудь интересны только слѣдующія заключительныя слова, касающіяся избирательнаго вопроса.

«Скажите своимъ согражданамъ (такъ кончаетъ рѣчь свою императоръ), что я всегда буду готовъ принимать все, что клонится къ выгодамъ большинства; но если они хотятъ облегчить начатое дѣло, избѣгнуть столкновеній, отъ которыхъ являются только безпокойства, и усилить конституцію, которая есть не что иное, какъ ихъ же произведеніе, то пусть пришлютъ въ новую палату лица, которыя подобно вамъ принимаютъ безъ задней мысли нынѣшній порядокъ, такія лица, которыя предпочитаютъ серьёзныя обсужденія безплоднымъ борьбамъ и которыя, движимыя духомъ времени и истиннымъ патріотизмомъ, своею независимостью облегчаютъ движеніе правительства и никогда не поколеблются поставить прочность государства и величіе отечества выше интересовъ партій.»

Въ этихъ словахъ своихъ императоръ очень опредѣлительно объявляетъ своимъ подданнымъ, какихъ людей онъ желаетъ видѣть въ законодательномъ корпусѣ и кого они должны выбирать въ депутаты. Въ отвѣтъ на эту рѣчь особо-назначенная коммиссія составила великолѣпный адресъ, который ни въ чемъ не уступаетъ адресу сената и который преисполненъ благодарности и благоговѣнія къ императору. Этотъ

адресъ, какъ водится, обсуждался въ законодательномъ корпусѣ по параграфамъ, и противъ каждаго почти параграфа пяти-членная оппозиція предлагала сдѣлать измѣненія, которыя должны были выражать вещи діаметрально противоположныя тому, что говорилось въ адресѣ. Приведемъ главнѣйшія измѣненія, предложенныя оппозиціей по вопросамъ внутренней политики. Въ томъ параграфѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ общей политикѣ правительства, она предлагаетъ сдѣлать слѣдующее измѣненіе:

«Право избирать совмѣщаетъ въ себѣ права — знать, спорить и обсуждать, а слѣдовательно съ тѣмъ неразлучна свобода. Послѣ декрета 24 ноября 1860 года слово свобода постоянно произносится въ оффиціальныхъ рѣчахъ, но въ дѣйствительности характеръ правительства вовсе не измѣнился. Оно все еще задерживаетъ всякую индивидуальную инициативу, оно не допускаетъ свободныхъ преній и свободной муниципальной жизни. Оно расточаетъ журналамъ предостереженія даже и тогда, когда въ нихъ вовсе не затрогиваютъ правительственнаго принципа, и не перестаетъ втайнѣ угнетать ихъ. Національное достоинство требуетъ, чтобы подобное противорѣчіе между словомъ и дѣломъ было бы покончено; чтобы не мѣшали намъ пользоваться свободой или же пусть перестанутъ указывать намъ на благія ея послѣдствія и унижать насъ, объявляя намъ, что мы одни только недостойны пользоваться тѣмъ благомъ, которое послѣ нашей революціи мы такъ часто упрочивали за другими (*).»

(*) Эти послѣднія слова измѣненія очевидно намекаютъ на рѣчь, произнесенную императоромъ за нѣсколько дней до начала преній палаты при раздачѣ медалей за лондонскую выставку. Въ этой рѣчи Наполеонъ сказалъ, что, хотя иностранцы могутъ во многомъ завидовать Франціи, но за то, съ другой стороны, французамъ недостаетъ того духа свободы, которымъ отличается Англія и который, оставляя свободными всѣ мнѣнія, содѣйствуетъ развитію всѣхъ интересовъ. Свобода, какъ она понимается въ Англіи, продолжалъ императоръ, содѣйствовала основанію промышленности и морскаго величія этой страны. Франція можетъ придти къ тому же результату, какъ скоро она довершитъ устройство основаній, необходимыхъ для возведенія зданія общественной свободы. Въ заключеніе императоръ увѣщеваетъ всѣхъ французовъ стремиться общими силами къ достиженію этой цѣли. Эта рѣчь, которая есть не что иное, какъ парафраза знаменитаго изреченія, сказаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ пассажѣ, привела въ неописанный восторгъ тѣхъ наивныхъ энтузіастовъ, которыхъ такое множество въ каждой странѣ. А! воскликнули они, и намъ дадутъ англійскую свободу! вотъ дайте намъ только дорвѣться! Но не всѣ французы взглянули на эту рѣчь такими глазами,—какъ это видно изъ предложенія Ж. Фавра съ товарищи. Газета Courrier du Dimanche пустилась въ вычисленія и, на основаніи неизвѣстно какихъ данныхъ, разсчитала, что французы могутъ дорвѣться и достигнуть обѣщанной свободы не ближе, какъ къ 2360-му году. Нѣкоторыя англійскія газеты, благодаря императора за его лестный отзывъ объ

Предложивши за тѣмъ измѣненія въ параграфахъ о Мексикѣ и Италіи, въ которыхъ нѣтъ ничего замѣчательнаго и новаго, оппозиціонные депутаты переходятъ опять къ вопросамъ о внутренней политикѣ.

«Новые принципы, освященные коммерческими трактатами, влекутъ за собою, какъ необходимое послѣдствіе, право для работниковъ и нанимателей свободно условливаться о заработной платѣ. Статьи уголовнаго кодекса, касающіяся коалиціи, должны быть уничтожены.

«Мы стоимъ за примѣненіе въ Парижѣ и Ліонѣ принципа общественнаго права, въ силу котораго не можетъ быть наложена подать, ни утвержденъ какой нибудь расходъ безъ согласія платящихъ подати или ихъ представителей. Какъ бы ни была мала община, она не можетъ быть обложена экстра-ординарною податью, безъ согласія муниципальнаго совѣта, избраннаго изъ важнѣйшихъ, платящихъ подати лицъ. Парижъ и Ліонъ, бюджеты которыхъ равняются бюджетамъ нѣкоторыхъ государствъ, не имѣютъ другой гарантіи, кромѣ ревизіи муниципальнаго совѣта, назначеннаго правительствомъ. Мы просимъ для этихъ двухъ великихъ городовъ муниципальнаго совѣта по избранію.

«Населеніе пойметъ наконецъ всю важность своего представительства въ лицѣ депутатовъ, избранныхъ помимо воли правительства, и которыхъ оно должно будетъ поддерживать и контролировать. Кто права рѣшать, кто долженъ быть внесенъ въ избирательные списки, вовсе не слѣдуетъ право соединять раздѣленные пространствомъ округи, раздроблять избирательные округи и города для того, чтобы содѣйствовать дѣлу администраціи и проч. Тѣмъ болѣе еще не слѣдуетъ мэрамъ ни увеличивать, ни уменьшать по своему произволу число избирателей, стараясь болѣе вычеркнуть, нежели прибавить, съ тѣмъ чтобы поставить подлѣ кандидата отъ правительства избирателя тоже отъ правительства. Мы просимъ, слѣдовательно, чтобы пересмотрѣнъ былъ декретъ 24 декабря 1862 года, чтобы вмѣсто уменьшенія числа парижскихъ депутатовъ дозволено было сенскому департаменту избрать ихъ столько, сколько нужно, соображаясь съ увеличеніемъ населенія.»

По поводу этихъ измѣненій пять членовъ оппозиціи и очень немногіе другіе депутаты (Плишонъ, говорившій о стѣсненіяхъ производимыхъ администраціей при выборахъ, Лемерсье, говорившій о стѣсненіяхъ прессы) говорили очень сильныя рѣчи, въ которыхъ высказывали много правды. Мы не станемъ останавливаться на этихъ рѣчахъ. Факты, которые въ нихъ приводились, болѣе или менѣе извѣстны; разсужденія по поводу этихъ фактовъ, выводы изъ нихъ

Англіи, припоминаютъ однако по поводу его рѣчи того чудака, который объявилъ, что не прежде пойдетъ въ воду, какъ когда выучится плавать. Намъ это сравненіе кажется не лишеннымъ нѣкотораго основанія.

не трудно себѣ представить. Гораздо интереснѣе для насъ отвѣты, даваемые министрами-спикерами на энергическія нападки и обвиненія смѣлыхъ депутатовъ. Г. Бильо защищалъ внѣшнюю политику правительства (въ мехиканскомъ и римскомъ вопросахъ), г. Барошъ — внутреннюю. Очень любопытно также видѣть, какъ вела себя въ нынѣшнемъ году палата и какъ держалъ себя президентъ ея, получившій въ прошедшемъ году титулъ герцога за то, что хорошо дирижировалъ преніями палаты. Мы не можемъ не видѣть большаго прогресса въ поведеніи палаты. Уже и прошлый годъ она выражала сильное негодованіе, когда ей приходилось выслушивать рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ, и сильнѣйшее удовольствіе, когда оффиціальные ораторы хвалили правительство. Но нынѣшній разъ она далеко ушла впередъ. Желала ли она окончательно загладить передъ правительствомъ свой прошлогодній проступокъ, по поводу оппозиціи пенсіи Монтобану, желала ли она окончательно убѣдить правительство въ томъ, что лучшихъ депутатовъ, какъ настоящіе, ему никогда не удастся получить, но негодованіе всей палаты при слушаніи дерзкихъ рѣчей оппозиціи не знало предѣловъ: этимъ несчастнымъ пяти или семи ораторамъ приходилось постоянно говорить среди страшнаго шума, гама, крика, возгласовъ негодованія и отрицанія, и прочихъ тому подобныхъ выраженій чувствъ палаты; это доходило до того, что президентъ, который конечно не сочувствовалъ тому, что говорили оппозиціонные депутаты и который конечно раздѣлялъ негодованіе палаты, долженъ былъ однакоже нѣсколько разъ останавливать негодующую палату и просить ее обуздать свое негодованіе. Но за то, когда говорилъ г. Барошъ или г. Бильо, поднимался почти такой же (по силѣ) шумъ, какъ во время рѣчей оппозиціи; но конечно читатель пойметъ, что этотъ шумъ выражалъ не негодованіе, а сочувствіе, одобреніе, умиленіе, даже восторгъ палаты. Ужь если теперь правительство не будетъ довольно своей палатою, то трудно себѣ представить, какую же еще оно желаетъ имѣть. Что касается до поведенія президента законодательнаго корпуса, то мы и въ немъ видимъ перемѣну, но только страннымъ образомъ въ другую сторону. Должно быть, на г. президента подѣйствовали уроки, которые онъ получилъ въ прошломъ году отъ Жюля Фавра и другихъ членовъ и которыхъ даже титулъ герцога не могъ изгладить изъ его памяти. Какъ бы то ни было, онъ уже не разъигрывалъ въ палатѣ роль школьнаго учителя, какъ онъ это дѣлалъ въ прошломъ году, онъ не кричалъ на депутатовъ, не прерывалъ ихъ при всякой фразѣ, которая ему не нравилась, и нѣсколько разъ даже останавливалъ палату, слишкомъ громко выражавшую свое негодованіе. На одну изъ рѣчей Фавра онъ сдѣлалъ коротенькое замѣчаніе, что хотя эта рѣчь заключаетъ въ себѣ много

оскорбительнаго для палаты и для правительства, однако онъ не прерывалъ оратора и позволялъ ему говорить — по уваженію къ парламентскимъ обычаямъ и къ свободѣ слова, думаете вы! нѣтъ — потому что эта сессія была послѣднею сессіею настоящей палаты. Резонъ нѣсколько странный. Но такъ или иначе, только президентъ-герцогъ держалъ себя гораздо скромнѣе, нежели президентъ-графъ.

Изъ всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ въ палатѣ министрами-ораторами, интереснѣе всего рѣчь, сказанная г. Барошемъ въ отвѣтъ депутату Оливье, который, предлагая измѣненія ко 2-му параграфу адреса, относящемуся къ общей политикѣ Франціи, напалъ на общую политику правительства. Сначала г. Барошъ сдѣлалъ выговоръ г. Оливье и его товарищамъ какъ за неприличную форму, въ которую они облекли свое предложеніе, такъ и за основную мысль его, которая, по словамъ г. министра, унизительна для чести Франціи. Послѣ этого строгаго внушенія министръ переходитъ къ опроверженіямъ и къ возстановленію истины. Нельзя не сознаться, что система опроверженія, которой придерживается министръ, нѣсколько странна. Она состоитъ почти исключительно въ простомъ отрицаніи того, что говорятъ оппозиціонные депутаты. Тѣ говорятъ — да, министръ говоритъ — нѣтъ (палата апплодируетъ); тѣ говорятъ, этого нѣтъ, это не существуетъ — министръ говоритъ, это есть, это существуетъ (и палата опять апплодируетъ). Онъ очень серьёзно увѣряетъ палату, что все обстоитъ благополучно и что всякое противное увѣреніе есть самая недостойная клевета противъ правительства. Если же мы назвали эту оригинальную рѣчь сколько нибудь интересною, то это происходитъ отъ того, что мы замѣтили въ ней два презабавныя противорѣчія г. Бароша, во 1-хъ съ самимъ собою, а во 2-хъ съ его августѣйшимъ повелителемъ, императоромъ Наполеономъ III. Сказавши, что все обстоитъ благополучно, Барошъ начинаетъ доказывать, что всѣ нападенія ораторовъ на стѣсненіе свободы прессы совершенно неосновательны. При этомъ г. Барошу приходилось защищать министра внутреннихъ дѣлъ, графа Персиньи противъ обвиненій оппозиціи, будто онъ стѣсняетъ свободу печати; г. Барошъ исполнилъ эту лежащую на немъ обязанность съ большой энергіей и съ большимъ искусствомъ. Но тому же самому г. Барошу приходилось недавно защищать въ сенатѣ того же самаго Персиньи противъ нападеній почтенныхъ сенаторовъ, которые обвиняли его въ томъ, что онъ оставляетъ прессу безъ всякаго надзора. Г. Барошъ энергически опровергалъ это обвиненіе, доказывалъ, что надзоръ за прессой существуетъ и что онъ весьма строгъ — и доказалъ это не съ меньшимъ искусствомъ. Но читаемъ дальше рѣчь г. Бароша. Г. Барошъ, забывши то, что онъ говорилъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ о существованіи стро-

болда прессы во Франціи, впадаетъ въ совершенно другой тонъ (болѣе приличный характеру собранія, въ которомъ она произносилась). Онъ вдругъ начинаетъ очень убѣдительно доказывать, что пресса есть то же Ахиллесово копье, которое не въ состояніи залечить тѣ раны, которыя оно само нанесло. Пресса, говоритъ онъ, подрываетъ уваженіе къ существующимъ правительствамъ и подкапывается подъ нихъ. Наконецъ, онъ сообщаетъ всему свѣту интересную новость, которую доселѣ никто не зналъ,—именно то, что пресса погубила республику 1848 г. Уже одно это открытіе дѣлаетъ рѣчь г. Бароша драгоцѣннѣйшимъ историческимъ документомъ, который раскроетъ передъ будущимъ историкомъ весь смыслъ событій 1848 г. Онъ увидитъ, что республика 1848 года погибла не отъ того, что люди ставшіе во главѣ ея, вздумали влить новое вино въ старые мѣха, но отъ того, что эти люди умѣли оттѣснить отъ правленія истинныхъ республиканцевъ и патріотовъ, а отъ того, что существовала свободная пресса. Изобразивши всѣ эти ужасы, производимыя свободной прессой, г. Барошъ восклицаетъ: «нѣтъ, этого не должно быть». Мы, по правдѣ сказать, не понимаемъ г. Бароша. Если связать обѣ части его рѣчи, то пожалуй можно вывести заключеніе, что свобода прессы къ сожалѣнію существуетъ во Франціи (первая часть), но что она гибельна, разрушительна, грозитъ паденіемъ государству (вторая часть), и что слѣдовательно современной Франціи угрожаетъ та же участь, какъ и республикѣ 1848 года. Это прямой выводъ изъ рѣчи г. Бароша; но это былъ бы довольно странный смыслъ, и поэтому мы полагаемъ, что г. Барошъ просто увлекся ораторскимъ краснорѣчіемъ, и доказавши сначала, что лежащій передъ нимъ предметъ бѣлъ, потому что онъ долженъ быть бѣлымъ, сталъ потомъ доказывать, что онъ черенъ, потому что долженъ быть чернымъ. Увлекшись желаніемъ доказать г. Оливье, что онъ говоритъ вздоръ, г. Барошъ увѣряетъ, что во Франціи есть свобода прессы; а потомъ, возвращаясь къ истинѣ, онъ доказываетъ, что ея нѣтъ. Г. Барошъ не заботится о томъ, что подобное противорѣчіе странно и нелѣпо. Ему-то что до того?

Еще интереснѣе та часть рѣчи Бароша, въ которой онъ противорѣчитъ не г. Барошу, а самому императору Наполеону. Мы упомянули выше о рѣчи, произнесенной императоромъ при раздачѣ медалей за лондонскую выставку, рѣчи, въ которой императоръ сознается, что во Франціи нѣтъ еще той свободы, которая существуетъ въ Англіи, потому что французы еще не дозрѣли, но обѣщаетъ имъ, что и они будутъ имѣть эту свободу, если будутъ вести себя скромно и тихо. Но г. Барошъ, коснувшись въ своей рѣчи того мѣста, гдѣ г. Оливье говоритъ о стѣсненіи свободы, говоритъ опять-таки, что это неправ-

да, что во Франціи есть свобода, свобода настоящая. Первымъ аргументомъ его есть то, что императорское правительство есть правительство демократическое (?), а демократическое правительство не можетъ не быть либеральнымъ и приверженнымъ къ свободѣ. Такъ какъ вторая посылка вѣрна (если только понимать демократизмъ въ истинномъ его смыслѣ), то, должно быть, первая посылка не вѣрна, потому что выводъ изъ нихъ положительно ложенъ. Г. Барошъ увѣряетъ, что и первая посылка вѣрна — да мало ли, въ чемъ увѣряютъ министры императора французовъ. Весь народъ, увѣряетъ далѣе г. Барошъ, ввѣрилъ государю власть, и онъ имѣетъ право и обязанность сохранять ее. Но онъ умѣетъ дѣлать это безъ всякаго стѣсненія свободы. Франція въ его царствованіе пользуется всевозможными *свободами*: гражданскою, религіозною, торговою свободою. Чего же болѣе? Есть еще одинъ видъ свободы, котораго требуютъ противники правительства: это свобода просто, свобода безъ всякихъ эпитетовъ. Но этой свободы, говоритъ г. Барошъ, правительство не можетъ имъ дать, потому что это свобода необузданная, безпорядочная, губительная; эту свободу, говоритъ онъ, дали намъ республиканцы 1848 года, и въ самомъ скоромъ времени внушили намъ такое отвращеніе къ ней (громкое одобреніе палаты), что мы поспѣшили отъ нея отказаться». Да и дѣйствительно, это ужасный видъ свободы—та пресловутая свобода безъ эпитета, о которой говоритъ г. Барошъ. Знаете ли, въ чемъ она состоитъ, эта свобода? Въ возможности тузить другъ друга палками и вообще, чѣмъ попало. Это вѣрно. Это говоритъ самъ министръ, г. Барошъ. Послушайте. «Для того чтобы судить о количествѣ свободы, которую можно дать странѣ, надо принять въ соображеніе темпераментъ этой страны, посмотрѣть, сколько она можетъ вынести свободы. Я назову одинъ случай. — Недавно хотѣли созвать большое народное собраніе, для того что бы потолковать о томъ, что должно возбуждать общій интересъ—именно о положеніи рабочихъ. Но не представляютъ ли подобныя собранія нѣкоторой опасности? Полагаете ли вы, что можно безопасно дозволять эти *митинги*, какъ называютъ ихъ англичане, эти собранія въ 20 и 30 тысячъ человѣкъ, которые очень мало понимаютъ другъ друга, но которые за то очень много кричатъ? Эти митинги не окончились бы у насъ ударами кулаковъ и палокъ, но могли бы повести къ чему нибудь болѣе серьёзному. Вотъ свобода, которой мы не хотимъ.» *Многочисленные голоса.* «И мы также, и мы также! мы также не хотимъ ея». *Г. Барошъ.* «Хотя безусловное право собраній существуетъ въ Англіи, однако противъ того, чтобы оно введено было у насъ». *Многочисленные голоса.* «Вы правы». Наконецъ г. министръ заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Посмотрите, что сдѣлало правительство въ послѣднія 12 лѣтъ: аме-

хія побѣждена, массы, такъ легко возбуждаемыя, сдѣлались послушными и довѣрчивыми, династія прочно утвердилась. Къ чему же вы хотите изгѣнить направленіе правительства, которое установило такой прекрасный порядокъ вещей? Къ чему же вы хотите заставить его свернуть съ этого вѣрнаго пути и ринуться на опасный путь приключеній? Нѣтъ! нѣтъ! палата этого не захочетъ. Такъ какъ мы находимся въ такомъ прекрасномъ положеніи, то останемся въ немъ, будемъ его крѣпко придерживаться, постараемся еще болѣе укрѣпиться въ немъ». Смыслъ этой рѣчи очень ясенъ. Пусть у англичанъ существуетъ свобода колотить другъ друга палками и кулаками — намъ не нужна англійская свобода. Франція пользуется достаточною долею свободы: всякая прибавка была бы излишнею. Столько свободы, сколько намъ дано — и ни на волосъ болѣе. — Это все прекрасно. Но это совсѣмъ не то, что говорилъ Наполеонъ, допускавшій, что во Франціи еще слишкомъ мало свободы, что въ Англіи ея гораздо болѣе, и что Франція должна стремиться къ достиженію того же количества свободы, которое имѣетъ Англія, но только въ будущемъ (въ 2360 году). Кому же изъ нихъ вѣрить, императору или министру? достаточно ли у Франціи свободы или нѣтъ? слѣдуетъ ли ей желать полученія англійской свободы или нѣтъ? Будетъ ли французская политика слѣдовать пути начертанному императоромъ или министромъ? Богъ ихъ знаетъ, кто изъ нихъ искреннѣе! Но только намъ почему-то кажется, что Наполеонъ не совсѣмъ вѣрно передаетъ задушевную мысль императора французовъ, и что эта мысль высказывается скорѣе въ краснорѣчивыхъ рѣчахъ министра. Вотъ еще очень недавно одинъ членъ англійскаго парламента (Бэкстонъ) сказалъ, что какъ только императоръ французовъ произнесетъ прекрасную рѣчь, то за ней непремѣнно послѣдуетъ дѣйствіе, совершенно противоположнаго характера. Можетъ быть, почтенный сэръ Бэкстонъ и не совсѣмъ неправъ. Можетъ быть, настоящій императоръ французовъ буквально слѣдуетъ извѣстному изреченію Таллейрана, что слово дано человѣку для того, чтобы скрывать то, что онъ думаетъ.

Совершенно иную картину, нежели Франція, представляетъ Пруссія. Это тоже страна конституціонная, но здѣсь правительство гораздо откровеннѣе показываетъ, что конституція его стѣсняетъ. Когда «Современникъ» въ послѣдній разъ говорилъ о дѣлахъ Пруссіи, въ управленіе страною недавно вступило министерство фон-дер-Гейдта, и страна, призванная къ новымъ выборамъ, послала въ палату еще болѣе рѣшительныхъ *прогрессистовъ*, нежели какіе си-

дѣли въ прежней палатѣ (*). Говоря о возможномъ исходѣ тогдашняго положенія дѣлъ, мы сказали, что уступки со стороны правительства нельзя ожидать. Мы предсказывали, что бюрократическо-феодало-конституціонное министерство фонъ-дер-Гейдта останется на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не утомится постоянною борьбою съ палатою и своею непопулярностью, и что тогда оно будетъ замѣнено министерствомъ болѣе рѣшительнымъ, которое не откажется подписать эдиктъ объ измѣненіи конституціи. Такъ и случилось. Нѣсколько мѣсяцевъ пробыли на своихъ мѣстахъ гг. Гейдтъ и его товарищи, попробовали было управлять страною конституціонно-бюрократическимъ образомъ, попробовали было заманить палату кое-какими уступками— нѣтъ, не клеится дѣло. Побились, побились эти почтенные господа, да и повышли одинъ за другимъ въ отставку, уступивъ мѣсто людямъ болѣе рѣшительнымъ и безцеремоннымъ. Изъ прежнихъ министровъ остались только военный министръ Роонъ — еще остатокъ министерства Шверина, министры юстиціи, народнаго просвѣщенія и торговли — гг. Липпе, Мюлеръ и Иценплицъ; вышли же изъ министерства сначала — Гогенлоэ, Гейдтъ, Бернсторфъ, Гольцбринкъ, уступившіе свое мѣсто Бисмарку-Шёнгаузену, Бодельшвингу, Зельхову. Потомъ оказался даже слишкомъ либеральнымъ бюрократъ Ягова (министръ внутреннихъ дѣлъ); нашли, что онъ не слишкомъ ревностно очищалъ администрацію отъ либеральныхъ элементовъ: его замѣнилъ чистый феодалъ, графъ Эйленбургъ. Министерство совершенно переформиро-

---

(*) Очень любопытно это названіе *прогрессисты*, которое постоянно встрѣчается въ прусскихъ газетахъ. Извѣстно, что это громкое имя прилагается къ людямъ, которыхъ въ другихъ странахъ назвали бы просто либералами, а иныхъ даже очень умѣренными либералами. Но въ Берлинѣ иначе нельзя. Слово *либералъ*, благодаря господамъ Ауэрсвальдамъ, Патовамъ и въ особенности благодаря знаменитому либералу Финке, сдѣлалось какимъ-то бранным словомъ. Вотъ какъ говоритъ напр. National-Zeitung о либералахъ: «Главнымъ горемъ новой эры былъ такъ называемый либерализмъ. Этотъ либерализмъ не приноситъ никакой пользы странѣ; главная же его невыгода заключается въ томъ, что онъ пришелся по рукѣ феодальной партіи. Эта партія, если она долго останется въ силѣ, дойдетъ наконецъ до положительной невозможности сдѣлать еще хотя бы одинъ шагъ. Тогда ей придется на время отступить на второй планъ, чтобы потомъ, послѣ болѣе или менѣе долгаго отдыха, снова имѣть возможность выдвинуться впередъ. Для восполненія же этого промежутка предлагаетъ всегда свои услуги мнимый либерализмъ, *который способенъ поддерживать все въ такомъ отличномъ видѣ, что феодалы, когда наступитъ часъ ихъ, могутъ смѣло занять свое мѣсто, не найдя никакихъ существенныхъ перемѣнъ.* Съ своей стороны мнимый либерализмъ употребляетъ всѣ средства, чтобы продлить свое господство. Но чувствуя слабость, онъ считаетъ необходимымъ приближаться къ феодальнымъ принципамъ, и пр.» Понятно, что послѣ подобнаго отзыва никому не лестно называться *прусскимъ либераломъ*.

вдось: оказалось, что тѣ министры, которые при Гейдѣ и Барсторфѣ были самыми консервативными членами министерства, стоя на крайнемъ правомъ флангѣ, очутились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ; гг. графы цур-Липпе и Иценплицъ вѣроятно сами не мало удивились, увидавши себя самыми либеральными членами министерства. Душою этого новаго министерства явился президентъ его, г. Бисмаркъ-Шенгаузенъ, который въ своемъ феодально-реакціонномъ направленіи оставляетъ далеко за собою гг. Вестфалена, Мантейфеля и прочихъ министровъ пятидесятыхъ годовъ. Но къ этому слѣдуетъ прибавить, что г. Бисмаркъ, бывши нѣкоторое время посланникомъ въ Парижѣ, познакомился вблизи съ системой Наполеона и рѣшился слѣдовать его примѣру во внѣшней политикѣ. Онъ съ самаго начала рѣшился не слишкомъ много церемониться съ палатою и съ ея конституціонными требованіями. Но для того, чтобы она не слишкомъ много кричала, или для того, чтобы народъ не слишкомъ прислушивался ея крикамъ, и вообще не занимался бы слишкомъ много разными конституціонными вопросами, онъ думалъ отвлечь его вниманіе блестящей, воинственной внѣшней политикой. Это онъ высказалъ съ самаго начала, въ одной изъ первыхъ своихъ рѣчей, въ которой онъ объявилъ, что Пруссія должна стремиться къ осуществленію своихъ плановъ, не путемъ договоровъ и трактатовъ, а путемъ крови и желѣза. И дѣйствительно онъ началъ было поступать сообразно съ этой грозной своей программой. Но до сихъ поръ всѣ его попытки отвлечь вниманіе Пруссіи дѣлами внѣшней политики были неудачны, потому что онъ упускалъ изъ виду одно—что для того, чтобы вниманіе народа дѣйствительно отвлеклось отъ внутренней политики къ политикѣ внѣшней, необходимо, чтобы народъ сочувствовалъ этой внѣшней политикѣ. Пытался было Бисмаркъ поднять опять безконечный споръ съ Даніей — но этотъ споръ надоѣлъ даже самимъ германцамъ. Заговорилъ онъ грознымъ тономъ съ курфюрстомъ Гессенскимъ, но этимъ онъ только напомнилъ прусскимъ подданнымъ, что у нихъ въ странѣ ничѣмъ не лучше, чѣмъ у курфюрста, да и курфюрстъ-то оказался ужь больно уступчивымъ. Написалъ онъ было грозную ноту къ Австріи, въ которой онъ не только грозитъ выступленіемъ Пруссіи изъ Союза, но даже и занятіемъ прусскими войсками части союзной территоріи, — но и тутъ грозовыя тучи прошли мимо не разразившись. Наконецъ, Бисмаркъ увидалъ въ польскомъ вопросѣ случай примѣнить къ дѣлу свою теорію. Но этотъ вопросъ еще не разъяснился вполнѣ, и намъ вѣроятно придется заняться имъ въ слѣдующемъ обозрѣніи.

Пока Бисмаркъ стоитъ на своемъ Олимпѣ съ рукою, наполненною перунами, отыскивая, кого бы поразить этими перунами, внутреннее броженіе продолжалось и доселѣ продолжается въ Пруссіи. Съ за-

крытіемъ палаты (въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года) борьба партій не прекратилась, а приняла только иную форму. Начались депутаціи, адресы и прочія изъявленія преданности и сочувствія, какъ королю, такъ и палатѣ депутатовъ. Не извѣстно, кому собственно принадлежитъ мысль объ этихъ депутаціяхъ и адресахъ, но только они съ обѣихъ сторонъ приняли весьма обширные размѣры, и пруссаки забавлялись ими во весь промежутокъ времени отъ закрытія засѣданій палаты (въ октябрѣ) до открытія ихъ вновь (въ январѣ). Особенно интересны депутаціи и адресы феодаловъ. Соберутся нѣсколько ланд-юнкеровъ, поѣдутъ въ Берлинъ, попросятъ аудіенціи у короля и, взявши съ собой для колорита нѣсколько сапожниковъ или мясниковъ, пойдутъ объяснять королю, что палата вовсе не выражаетъ мнѣнія страны, что она состоитъ изъ какихъ-то зловредныхъ людей, а что они вотъ уполномочены заявить королю глубочайшую преданность націи. Сначала все это высказывалось королю черезъ депутаціи. Но разъ какой-то чудакъ во время аудіенціи, послѣ рѣчи предводителя депутаціи, вышелъ изъ среды ея и объявилъ королю, что предводитель говорилъ совсѣмъ не то, и что нація вовсе не отказывается отъ своихъ депутатовъ. Съ тѣхъ поръ заявленія преданности стали совершаться посредствомъ адресовъ. Напишетъ какой нибудь помѣщикъ или ландратъ адресъ, заставитъ крестьянъ подписаться, да и отправляетъ въ Берлинъ. Такихъ адресовъ собралось не малое количество. Съ другой стороны и противная партія не оставалась въ бездѣйствіи. Депутаты тоже получали адресы, въ которыхъ изъявлялось сочувствіе ихъ довѣрителей. Правда, Бисмаркъ послѣ и говорилъ въ палатѣ, что подписи къ этимъ адресамъ собирались всѣми правдами и неправдами, и что будто бы иные даже заставляли дѣтей подписываться подъ этими адресами. Другіе задавали банкеты депутатамъ, особенно отличившимся своими либеральными рѣчами. Третьи принялись составлять фондъ для вспомоществованія отставляемыхъ правительствомъ либеральныхъ чиновниковъ. Вообще въ странѣ въ продолженіе всего ноября и декабря мѣсяца продолжалась сильная борьба партій. Наконецъ, въ январѣ мѣсяцѣ открылись вновь засѣданія, и мѣсто борьбы между различными партіями, между правительствомъ и народнымъ представительствомъ вновь перенесено было въ палату депутатовъ. Король не открылъ ея засѣданій лично, а поручилъ министру-президенту прочесть тронную рѣчь, въ которой повторяется то же самое, что уже такъ часто было говорено о желаніи короля соблюдать конституцію, о желаніи его дать странѣ полезныя реформы, и проч. Уже съ самаго начала опредѣлился тонъ, въ которомъ палата поведетъ свою рѣчь. Въ первый же день по открытіи ея президентъ Гребовъ

произнесъ рѣчь, въ которой онъ говорилъ, при сильномъ одобреніи палаты, о нарушеніи министрами конституціи, объ отставленіи отъ должностей либеральныхъ депутатовъ, занимавшихъ казенныя должности, о введеніи кондуитныхъ списковъ для чиновниковъ (по повелѣнію министра юстиціи Линде), о блестящемъ пріемѣ, оказанномъ страною прогрессистскимъ депутатамъ, о многочисленныхъ адресахъ, полученныхъ ими, и проч. въ томъ же родѣ. Затѣмъ, послѣ краткихъ преній о томъ, слѣдуетъ ли палатѣ отвѣчать адресомъ на такую сухую по тону и незначительную по содержанію тронную рѣчь, этотъ вопросъ рѣшенъ былъ утвердительно. Коммиссія, которой поручено было составленіе адреса, состояла на *двѣ трети* изъ прогрессистовъ, а остальную треть составляли люди прочихъ либеральныхъ оттѣнковъ. Этою коммиссіею былъ принятъ адресъ, составленный прогрессистскими депутатами Фирховомъ и Карловицемъ, и затѣмъ онъ же былъ принятъ палатою большинствомъ 255 голосовъ противъ 68 (эти 68 голосовъ принадлежали католикамъ, феодаламъ и либераламъ партіи Финке). Въ этомъ адресѣ къ королю высчитываются всѣ неправды министерства: оно обвиняется между прочимъ въ томъ, что не только управляло страною безъ бюджета, но и дѣлало расходы, неразрѣшенные палатою. Далѣе въ адресѣ говорится о странномъ поведеніи министровъ относительно чиновниковъ — депутатовъ, которые были отставляемы, и наконецъ объявляется, что министрами нарушена конституція. О депутаціяхъ и адресахъ, отправляемыхъ въ такомъ множествѣ къ королю, говорится, что они не выражаютъ мнѣній и желаній народа, и что они заключаютъ не что иное, какъ грубую ложь и клевету на палату. Вообще адресъ составленъ въ довольно сильныхъ выраженіяхъ и прямо высказываетъ королю истину. За то Бисмаркъ и объявилъ, что не посовѣтуетъ королю принять подобный адресъ, и адресъ былъ отправленъ не оффиціальнымъ путемъ, не черезъ депутацію, а частнымъ путемъ, черезъ кабинетъ-секретаря короля. Король отвѣтилъ на него очень сухо, что все сдѣланное его министрами сдѣлано съ его согласія, по его желанію и по его повелѣнію: такимъ образомъ онъ бралъ ихъ подъ свою отвѣтственность и хотѣлъ сдѣлать ихъ безотвѣтственными передъ страною и конституціей.

Ободренные благопріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ странѣ преніями объ адресѣ, ими предложенномъ, ободренные тѣмъ, что даже очень умѣренные либералы, какъ гр. Шверинъ, становятся на ихъ сторону для борьбы противъ министерства, прогрессисты не отступаютъ. Вскорѣ послѣ окончанія преній объ адресѣ въ палату внесено было предложеніе депутата Форкенбека о томъ, чтобы конституція объявлена была нарушенною, и чтобы министры должны

былъ отвѣчать за перерасходы въ расходахъ своею личностью и своимъ имуществомъ. Это мнѣніе было принято еще болѣе значительнымъ большинствомъ голосовъ, а именно 264 голосами противъ 45. Вслѣдствіе подобнаго рѣшенія и изъ того, что въ скоромъ времени можетъ быть сдѣлано предложеніе о преданіи министровъ суду, начались разсужденія о томъ, какъ и кому судить министровъ. Министръ юстиціи, цур-Липпе, придумалъ средство, которое по его мнѣнію было чрезвычайно остроумно: онъ предложилъ проектъ, по которому право обвинять министровъ должно принадлежать нижней палатѣ, а судъ надъ ними должна производить палата господъ. Отличный проектъ: нижняя палата будетъ себѣ обвинять, а верхняя палата, отъ души сочувствующая нынѣшнему направленію министерства, будетъ себѣ объявлять министровъ нисколько невиновными. Какого жъ еще лучше желать суда! Но этотъ прекрасный проектъ г. графа цур-Липпе показался даже министерству слишкомъ наивнымъ, и оно поспѣшило внести другой проектъ закона о судѣ надъ министрами, который, гарантируя безнаказанность министерству, не былъ бы однакоже такъ дѣтски-наивенъ. Министерству, главное, не хочется, чтобы судъ надъ министрами производился въ высшемъ апелляціонномъ судилищѣ, члены котораго назначаются королемъ по представленію палаты депутатовъ. Оно предлагаетъ устроить для такого экстреннаго случая (суда надъ министрами) особое судилище; это судилище должно состоять изъ высшихъ должностныхъ лицъ, которыя должны быть назначаемы въ равномъ числѣ тремя факторами власти: королемъ, верхнею и нижнею палатою. Это также очень остроумная мѣра, и надо отдать ей справедливость, она болѣе либеральна, чѣмъ проектъ г. Липпе. Здѣсь противники министерства (по настоящему положенію дѣлъ по крайней мѣрѣ) будутъ составлять третью часть суда, а жаркіе сторонники его все-таки двѣ третьихъ. Но преобладающая въ палатѣ депутатовъ прогрессистская партія недовольна этою уступкою министерства и составила свой, обстоятельный проектъ объ отвѣтственности министерства, въ которомъ она опредѣляетъ случаи обвиненія, процедуру обвиненія министровъ и процедуру суда надъ ними. Вѣроятно этотъ проектъ и будетъ принятъ нижней палатой.

Итакъ разногласіе между правительствомъ и представителями народа не только не уменьшается, но идетъ все болѣе усиливаясь, и доходитъ уже до суда надъ министрами. Но каждому читателю опять таки непремѣнно представляется при этомъ вопросъ: какой же можетъ быть исходъ этого дѣла? Можно сдѣлать различныя предположенія о томъ, какой оборотъ примутъ дѣла въ Пруссіи. Постараемся разсмотрѣть, которое изъ этихъ предположеній болѣе всего вѣроятно.

Во первыхъ, могло бы случиться такъ, что король просто распустилъ бы настоящую, неугодную ему палату и велѣлъ бы произвести въ странѣ новые выборы. Новые выборы привели бы безъ сомнѣнія къ тѣмъ же самымъ результатамъ, и депутаты начали бы опять говорить рѣчи противъ министровъ. Палату можно бы опять распустить, назначить новые выборы и продолжать это дѣло не малое время. А тѣмъ временемъ или настоящее министерство, или подобное ему могло бы управлять страною безбюджетно, безконституціонно и безотчетно. Но это все-таки не было бы конечнымъ исходомъ изъ запутанныхъ отношеній. Второе предположеніе состоитъ въ томъ, что король могъ бы послушаться или собственнаго благаго внушенія или хорошихъ совѣтовъ и согласиться на уступки; онъ отставилъ бы теперешнихъ министровъ и назначилъ бы министровъ либеральныхъ, министровъ, которые не нарушали бы конституціи. Положимъ даже, что онъ взялъ бы этихъ министровъ не изъ партіи собственно-либеральной (Финке, Патовъ), а даже изъ партіи прогрессистской. Но подобный исходъ, во первыхъ, невѣроятенъ. А во вторыхъ, если бы это и было, если бы какимъ нибудь образомъ королю и вздумалось составить министерство изъ прогрессистовъ, то такой исходъ былъ бы все-таки непроченъ. Если бы король и сдѣлалъ эту уступку, то онъ конечно сдѣлалъ бы ее изъ снихожденія. Вѣдь правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ матеріальную силу, значитъ, оно можетъ не дѣлать никакихъ уступокъ; значитъ, если оно и сдѣлаетъ уступку, то оно, обладая матеріальною силою, можетъ во всякій данный моментъ отнять то, что оно дало. Значитъ, уступка съ той стороны, на которой находится матеріальная сила, не имѣла бы серьезнаго смысла. Эту самую мысль г. Бисмаркъ недавно выразилъ очень резонно въ одной своей рѣчи, за которую на него посыпалось множество упрековъ, за которую его подняли на смѣхъ, но въ которой онъ между тѣмъ высказываетъ совершенную истину. Но г. Бисмаркъ высказалъ глубокую истину, и странно, какъ можно было возмущаться подобной неопровержимой истиной. Эта рѣчь была сказана по поводу преній объ адресѣ. Бисмаркъ говорилъ сначала, что со стороны палаты все это дѣло есть не что иное, какъ желаніе захватить въ свои руки абсолютную власть. За тѣмъ онъ говорилъ, что такъ какъ въ странѣ существуетъ три фактора власти, то все управленіе страною должно быть основано на взаимныхъ компромиссахъ и уступкахъ со стороны этихъ трехъ факторовъ, что правительство и желаетъ этого, но что палата отвергаетъ всякія средства къ соглашенію. Для насъ совершенно не важно то, вѣрны или невѣрны эти увѣренія Бисмарка; достаточно того, что правительство такъ смотритъ на дѣло. «А если палата не хочетъ соглашенія, говоритъ органъ правитель

ства, г. Бисмаркъ, то дѣло должно дойти до столкновенія, гдѣ побѣду рѣшаетъ *сила*. Но здѣсь напередъ нельзя ничего ожидать, потому что сила на сторонѣ правительства, и правительство конечно будетъ пользоваться ею». Очень резонно. Эти слова ужасно оскорбили многихъ наивныхъ идеалистовъ. Но развѣ право можетъ когда-либо и гдѣ либо восторжествовать безъ того, чтобы на его сторонѣ не была матеріальная сила? Если всѣ люди дойдутъ до того, что у нихъ явится желаніе поддерживать именно правую сторону, то они всѣ и перейдутъ на эту сторону: значитъ на этой сторонѣ будетъ матеріальная сила, которая и дастъ ей побѣду. Покуда вѣроятнѣе всего тотъ исходъ дѣла, при которомъ сторона, владѣющая матеріальной силой, воспользуется этой силой для склоненія побѣды на свою сторону.

Въ послѣднее время, въ общеевропейской политикѣ выступилъ на первый планъ польскій вопросъ. Намъ слѣдовало бы сообщить нашимъ читателямъ что нибудь о дѣйствіяхъ мятежниковъ и вообще ходѣ этого вопроса. Но такъ какъ онъ находится еще въ первомъ фазисѣ своего развитія и относительно его почти ничего еще не выяснилось, то мы откладываемъ до слѣдующей книжки описаніе того, какое вліяніе имѣлъ этотъ вопросъ на общій ходъ европейской политики.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ «ИЗВѢСТІЮ ИЗЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ». (*)

Насъ просятъ извѣстить почтеннѣйшую публику, что въ названной выше статьѣ, помѣщенной въ I томѣ «Современника», вкрались нѣкоторыя невѣрности, и что г. С. вовсе не такой идеальный посредникъ, какимъ онъ представляется «Современнику». Изъ полученнаго нами по этому дѣлу новаго письма явствуетъ:

1) Что г. С. тотъ самый мировой посредникъ, о которомъ въ 3 № «Дня» изображено, что онъ, при вводѣ въ одномъ имѣніи уставной грамоты, дѣйствовалъ съ такимъ убѣжденіемъ, что выкололъ палкой глазъ семидесятилѣтнему старику, крестьянину Дьяконо.

2) Что гг. С. и З. (у котораго въ домѣ происшла исторія избіенія г. С.) составляютъ одну компанію.

3) Что г. З. выбилъ временно-обязанному крестьянину своему, Ивану Клочану, два зуба, а посредникъ С., которому Клочанъ принесъ жалобу, вмѣсто всякаго удовлетворенія, приказалъ ему разинуть ротъ, и, заглянувъ туда, сказалъ: «ты лжешь! у тебя цѣлы корни, а зубы выбиваются съ корнями!»

4) Что тотъ же г. З. принесъ посреднику С. жалобу въ томъ, что онъ, «къ крайнему своему изумленію, поймалъ самолично, въ полунощное время, бабу Гарпину, съ украденными изъ господской кладовой куриными яицами и сальными свѣчами, которыя она несла въ передникѣ своей запаски, а всего на сумму 30 р. сер.», и что посредникъ С., вмѣсто того, чтобы разобрать дѣло и понять, что баба ни-

---

(*) См. 1-ый т. «Современника» за сей годъ.

какъ не можетъ унести въ своемъ передникѣ яицъ и сальныхъ свѣчей на сумму 30 р. с., посадилъ бабу Гарпину въ «холодную». Баба была беременная, испугалась и родила мертваго ребенка.

5) Что г. С., сверхъ того, многихъ кучеровъ не удовлетворилъ, и имѣлъ даже поэтому случаю исторію съ г. К., который, вслѣдствіе сего, вынужденъ былъ оставить Полтаву и удалиться въ г. Вельскъ вологодской губерніи.

6) Что гг. Б., напротивъ того, очень хорошіе люди и подарили своимъ временно-обязаннымъ крестьянамъ ихъ усадьбы и полевой надѣлъ, за что и заслужили непріязнь со стороны прочихъ помѣщиковъ полтавскаго уѣзда.

и 7) Что хотя въ домѣ З. и дѣйствительно была драка, но зачинщикомъ оной былъ посредникъ С., а отнюдь не Александръ Б.

Помѣщая этѣ поправки, оставляемъ, впрочемъ, ихъ достовѣрность на отвѣтственности того лица, которое намъ ихъ доставило. Съ своей стороны, считаемъ долгомъ присовокупить, что мы вовсе не имѣли намѣренія разсматривать г. С., какъ «идсальнаго мироваго посредника»; мы даже вовсе не желали разсматривать г. С. ни съ какой точки зрѣнія. Насъ занимали собственно извѣстія о различныхъ казусахъ, случающихся съ мировыми посредниками, и, по мѣрѣ силъ нашихъ, мы старались вывести изъ этихъ частныхъ фактовъ общее заключеніе. Успѣли ли мы въ этомъ — это другой вопросъ, но во всякомъ случаѣ насъ интересовалъ не С., а фактъ драки, фактъ далеко уединенный. Затѣмъ, г. С. можетъ выкалывать глаза, можетъ сажать бабу Гарпину въ «холодную», можетъ выскаблывать тѣ или другія мнѣнія на счетъ выбиванія зубовъ съ корнями, до насъ это нисколько относиться не можетъ. Это дѣло мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ властей, которыя, вѣроятно, найдутъ средство пролить миръ и спокойствіе въ взволнованную душу г. С. А намъ взволнованными душами заниматься не приходится, ибо протяженіе россійской имперіи великое и взволнованныхъ людей на этомъ протяженіи можетъ обрѣтаться множество.

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

ОГОВОРКА. — НЕСКОЛЬКО СЛОВЪ О БЛАГОРОДСТВѢ ЧУВСТВЪ ВООБЩЕ. — КАРТОННЫЯ КУШАНЬЯ, КАРТОННЫЯ КОПЬЯ, КАРТОННЫЯ РѢЧИ. — БЛАГОРОДСТВО ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЪ ЧАСТНОСТИ, И ОБРАЗЧИКИ ОНАГО.—ПРИМѢРНЫЯ ПОВѢСТИ И ПРИМѢРНЫЯ ДРАМЫ. — «ВАНЯ—БѢЛЫЯ ПЕРЧАТКИ И МАША—ДЫРЯВОЕ РУБИЩЕ».— «ПОЛУОБРАЗОВАННОСТЬ И ЖАДНОСТЬ — РОДНЫЯ СЕСТРЫ». — «СЫНЪ ОТКУПЩИКА». — «БѢДНАЯ ПЛЕМЯННИЦА». — ЧЕГО МОЖНО ОЖИДАТЬ ОТЪ БЛАГОРОДСТВА ВЪ БУДУЩЕМЪ? — НѢСКОЛЬКО СРЕДСТВЪ ВЪ ВИДАХЪ ОЖИВЛЕНІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ. — ТРЕВОГИ «ВРЕМЕНИ».

Я заключилъ первую мою хронику обѣщаніемъ объяснить читателямъ, отчего въ современномъ человѣкѣ происходитъ нѣкоторое нравственное распаденіе, отчего онъ обязывается балансировать, отчего никуда не можетъ примкнуть съ увѣренностью, что тутъ именно сила.

Однако, я покуда нахожу еще невозможнымъ выполнить это обѣщаніе, и вотъ почему. Для того, чтобы выполнить его, какъ слѣдуетъ, я долженъ доказать, что силы дѣйствительно нѣтъ нигдѣ и, разумѣется, въ этомъ отсутствіи силы преимущественно обвинить мальчишество, какъ такую корпорацію, которая одна и можетъ заключать въ себѣ залоги дѣйствительной силы. Быть можетъ, я вынужденъ буду сдѣлать мальчишеству строгій выговоръ за то, что оно не умѣетъ или не хочетъ воспользоваться пло-

дами своего положенія; быть можетъ, я долженъ буду сдѣлать кой какія наставленія...

Все это, разумѣется, я сдѣлать могу: и доказать, и выговоръ сдѣлать, и наставленіе прочитать, но, покуда, я еще чувствую, что перо выпадаетъ у меня изъ рукъ... Почему я это чувствую? не потому ли, быть можетъ, что мальчишество, въ настоящую минуту, и безъ того подвергается выговорамъ и выслушиваетъ наставленія?

И опять-таки, пускай не заключитъ читатель изъ моихъ словъ, будто я хочу сказать: бѣдные мальчишки! и безъ того вы обижены! зачѣмъ же я-то буду еще усугублять вашу горесть! Нѣтъ, я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать. Я знаю, что, если мальчишки подвергаются выговорамъ и наставленіямъ, то, значитъ, это такъ и слѣдуетъ; что они сами обязаны были все это предвидѣть и предусмотрѣть, и что, стало быть, тутъ ни соболѣзновать, ни радоваться нечему. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я не могу же не спросить себя: если мальчишки уже получаютъ выговоры, то зачѣмъ же мнѣ соваться еще со своими выговорами! имѣютъ ли мои выговоры что нибудь общее съ тѣми, которые они получаютъ? а если не имѣютъ, какъ я и подозрѣваю, то съ какой же стати я стану производить гибельное двоегласіе въ впечатлительныхъ юношескихъ умахъ?

Нѣтъ, лучше я воздержусь, и это тѣмъ легче для меня сдѣлать, что никто меня и не пуститъ.

Притомъ же, и говорить-то о прошломъ въ ту минуту, когда оно, такъ сказать, ликвидируется, не значитъ ли только заниматься праздными словами? Вѣдь тутъ расчетъ ясенъ: что есть въ печи, все на столъ мечи! и еще: каждому по дѣламъ его—ну, и дѣло съ концомъ. Тутъ не поможешь ни оханьями, ни стонами, ни совѣтами, въ родѣ: кабы ты чуточку-чуточку влѣво забралъ—ну, и уцѣлѣла бы твоя голова! Нѣтъ, тутъ этимъ не поможешь! Другое дѣло, поговорить о прошломъ въ видахъ назиданія будущаго—это иногда полезно бываетъ. Но вѣдь это тогда только полезно и возможно, когда имѣется въ виду совершенная ясность духа, когда въ сердцѣ царитъ безмятежіе, а какая же можетъ быть ясность, какое безмятежіе въ минуты ликвидаціи!

Слѣдовательно, этотъ разговоръ я отложу до болѣе благопріятной минуты, тѣмъ болѣе, что мудрецомъ быть во всякое время пріятно и не подозрительно. Теперь же, обращусь опять къ

той вѣчно-милой средѣ, которая выговорамъ не подвергается и наставленій не получаетъ.

Поговорю на сей разъ о благородствѣ чувствъ. Это тѣмъ для меня сподручнѣе, что можетъ отчасти послужить предисловіемъ и къ предстоящему въ будущемъ выговору.

КАРТОННЫЯ КУШАНЬЯ, КАРТОННЫЯ КОПЬЯ, КАРТОННЫЯ РѢЧИ!

Часто приходитъ мнѣ на мысль, что всѣ мы, сколько насъ ни есть, живемъ и дѣйствуемъ на какихъ-то безконечно-обширныхъ театральныхъ подмосткахъ, которые почему-то называемъ ареною жизни; что надъ нами стелется холстинное небо, освѣщаемое промасляннымъ бумажнымъ кругомъ, сквозь который тускло свѣтится мерцаніе стеариноваго огарка; что вокругъ насъ простираются холстинные лѣса, разстилаются холстинные луга, ходуномъ ходятъ холстинныя волны; что хотя на насъ падаетъ снѣгъ и дождь, но снѣгъ этотъ бумажный, дождь шнурковый; что мы питаемся картонными кушаньями, пьемъ примѣрное вино, воюемъ картонными копьями и произносимъ картонныя рѣчи...

И чѣмъ болѣе я углубляюсь въ эту мысль, тѣмъ больше убѣждаюсь, что она совсѣмъ не заключаетъ въ себѣ парадокса. Не знаю, отъ того ли, что жизнь положительно сошла съ прежней наѣзженной колеи, отъ того ли, что, сошедши съ этой колеи, она не успѣла еще наѣздить себѣ колеи новой, но всѣ мы находимся въ томъ странномъ положеніи, въ какое добровольно поставила себя редакція журнала «Время»; всѣ мы сидимъ между двухъ стульевъ, и то и дѣло шлепаемся на полъ. Всѣ мы раздражаемся только физически, радуемся и негодуемъ только окончностями языка, всѣ ежемгновенно прообразуемъ любовь пьянаго человѣка, который и любитъ-то словно не за себя, а за кого-то посторонняго.

Отчего самый непривлекательный возрастъ человѣческой жизни есть тотъ переходный возрастъ, который идетъ тотчасъ вслѣдъ за отрочествомъ? не отъ того ли, что въ немъ утрачены всѣ правдивые тоны жизни, что въ немъ многое потеряно и ничего не пріобрѣтено? Не отъ того ли, что здѣсь истиною жизни временно дѣлается ея ложь? Желанія не улеглись, мысль не просвѣтлѣла, а отроческая наивность и впечатлительность исчез-

ла уже безвозвратно. Происходитъ нѣчто смѣшное и вмѣстѣ съ тѣмъ горькое; является хладная, картонная восторженность, являются дѣланныя чувства, дѣланныя мысли, сквозь которыя слышатся чьи-то беззвучныя голоса, чье-то не понятое, не усвоенное, не обратившееся въ плоть и кровь слово... Понятно, что при первомъ дуновеніи невзгоды вся эта картонная обстановка падаетъ сама собою, падаетъ безъ шума, среди самаго обиднаго равнодушія; понятно, что при первомъ дождѣ, сколько нибудь не шнурочномъ, всѣ эти кой какъ набросанныя краски мгновенно смываются, всѣ эти кой какъ склеенныя частицы картоннаго зданія разлетаются врозь.

Давно ли казалось намъ, что жизнь наша полнымъ ключемъ кипитъ, какъ уже мы убѣдились, что это ключъ не взаправду ключъ, а ключъ театральный; давно ли казалось намъ, что вокругъ насъ произносятся новые вопросы, возстаетъ цѣлая новая обстановка, какъ мы уже убѣдились, что это вопросы картонные, обстановка картонная. Давно ли мы бѣжали, стремились, шумѣли, рукоплескали, а теперь, плодомъ всей этой суеты, передъ нами стоитъ, въ обидной наготѣ, вопросъ: куда стремились, чему рукоплескали? Да, именно только этотъ вопросъ и остался, да и то остался только для тѣхъ, кто еще не совсѣмъ забылъ о стремленіяхъ и рукоплесканіяхъ, а для большинства и этого вопроса не существуетъ...

Но хуже всего то, что картонная жизнь произвела картонную литературу. Жизнь забывается по мѣрѣ того, какъ измалывается и принимаетъ новыя формы, но картонная литература не забывается; она остается вѣчнымъ монументомъ извѣстнаго строя жизни.

Отличительные признаки современной картонной литературы — совершенное отсутствіе содержанія и полное безплодіе, прикрываемое благородными чувствами. Надъ всѣмъ этимъ царитъ безпримѣрная безталантность и неслыханнѣйшая бѣдность міросозерцанія.

Если дѣйствительная жизнь ускользаетъ отъ нашего пониманія, если идеалы намъ не даются, если мы до того поражены повальною неспособностью, что не знаемъ даже, за что намъ уцѣпиться, къ чему устремить нашу жажду подвиговъ, то очень ясно, что для насъ можетъ быть доступна только одна сфера дѣятельности—это та сфера, въ которой всѣ пути уже

давно изборождены рутиной, та сфера, въ которой всѣ званные, а нѣтъ избранныхъ, та сфера, наконецъ, которой неприхотливое и скудное содержаніе, не измѣняясь въ своей сущности, только мѣняетъ цвѣта, только сгущается или разжижается, смотря по тону, задаваемому извнѣ.

На сей разъ, это пристанище безсильныхъ, эту безплодную смоковницу, подъ которою свободно укрываются нищіе духомъ, представляютъ такъ называемыя благородныя чувства, такъ называемыя хорошія мысли.

Что благородство чувствъ есть одинъ изъ самыхъ сильнодѣйствующихъ ядовъ нашей литературы — это я совсѣмъ не шутя говорю. Дѣло въ томъ, что благородныя чувства и хорошія мысли грозятъ затопить русскую литературу, по крайней мѣрѣ, въ такой же степени, въ какой, съ другой стороны, затопляетъ ее сильнодѣйствующая благонамѣренность. Если эта послѣдняя является отвратительною, вслѣдствіе своей циничности — легкой удовлетворяемости, то благородныя чувства и мысли поражаютъ своею безтактностью и сухостью, рѣжутъ глаза своимъ безсиліемъ и ограниченностью.

Какъ благонамѣренность, такъ и благородныя чувства равно противны; это маски, за которыми скрывается отсутствіе содержанія, это искусственно напускаемый туманъ, который мѣшаетъ видѣть жизнь дѣйствительную, жизнь не картонную. Когда вы занимаетесь дѣломъ положительнымъ, имѣющимъ корни въ дѣйствительной жизни, придетъ ли вамъ въ голову мысль о необходимости подпустить туда благородства чувствъ? Нѣтъ, не придетъ, потому что дѣло есть дѣло и ни благороднымъ, ни неблагороднымъ оно не можетъ быть. Возможно ли написать благородную ариѳметику, похвальную химію и не чуждую вопроса о воскресныхъ школахъ физіологію? нѣтъ не возможно, потому что все это: и ариѳметика, и химія, и физіологія — все это дѣло. Такъ, стало быть, литература...

Ну да, стало быть, литература есть бездѣлье, коль скоро въ нее, какъ въ нѣкоторый непокрытый сосудъ, можно легко помѣщать всѣ плохія чувства, всѣ праздныя пополненія, всѣ непригодныя для дѣла мысли. Дѣйствительно, благородство чувствъ тамъ преимущественно и прижилось, ибо хотя и были попытки починить благородную ариѳметику, но скоро было найдено, что тамъ благородство не пригодно, и что всего ближе оно подходитъ къ беллетристикѣ.

Явились цѣлыя фаланги повѣствователей, романистовъ, фельетонистовъ и драматурговъ, которые рѣшили разъ навсегда, что талантъ — вздоръ, что знаніе жизни — нелѣпость, наблюдательность — чаромутіе, и что главное заключается въ благородствѣ чувствъ. Рѣшивши такимъ образомъ, всѣ они въ запуски принялись доказывать:

Что образованіе не въ примѣръ лучше необразованія.

Что порокъ и въ шолковомъ платьѣ все-таки порокъ, а добродѣтель и въ рубищѣ все-таки добродѣтель.

Что тщеславіе и въ золотыхъ палатахъ все-таки тщеславіе, а покорность судьбѣ и въ хижинѣ — все-таки покорность судьбѣ.

Что дѣвица начитанная не впримѣръ пріятнѣе дѣвицы не начитанной.

Что дѣвица, занимающаяся преподаваніемъ наукъ въ воскресныхъ школахъ, должна быть избираема въ подруги жизни предпочтительно передъ дѣвицею, посѣщающею танцклассы Ефремова.

Что человѣкъ, пожертвовавшій одинъ рубль въ пользу процвѣтанія общества трезвости, несравненно добродѣтельнѣе того, который такой же рубль пропилъ въ кабакѣ.

Что, ѣдучи на рысакѣ, надлежитъ помышлять о томъ, что большинство рода человѣческаго обязывается ѣздить на извощикахъ... да еще если бы на извощикахъ!

Что поѣдаючи бифштексы, не слѣдуетъ забывать, что есть несчастные, которые ѣдятъ хлѣбъ съ квасомъ.

Что скверныя мысли — скверны.

Что неблагородныя чувства — неблагородны.

Что писать плохіе стихи съ благородными чувствами не впримѣръ благороднѣе, нежели осмѣивать плохіе стихи съ благородными чувствами.

Что жизнь есть обманъ.

Что человѣкъ, сожалѣющій о паденіи откуповъ, подобенъ піявицѣ, сожалѣющей о невозможности сосать человѣческую кровь.

Что увлекаться любовными дѣлами, когда настаетъ надобность позаботиться о преуспѣяніи любезнаго отечества, не прилично и не позволительно.

Что жизнь есть рѣка, человѣкъ — пловецъ, лодка — величественное зданіе общества, весло — прогрессъ, а волны — тщетная реакція безумныхъ ретроградовъ.

Ко всему этому на живую нитку привязываются какія-то безличныя Машеньки, крохотные аскеты Вертяевы, полу-помѣшанныя графини Клавдіи Алексѣевны — и пошла потѣха!

Какъ видите, кодексъ жизни не очень мудреный и не очень замысловатый. И съ помощью этого-то незамысловатаго кодекса фаланга литераторовъ, обуреваемыхъ благородными чувствами, вознамѣрилась постепенно и неустанно отравлять жизнь человѣческую! И при этомъ, не потрудилась даже припомнить, что, съ помощью именно точно такого кодекса, уже отравлялъ человѣческую жизнь Ѳ. В. Булгаринъ!

Плодомъ этого намѣренія появляются повѣсти неслыханныя, драмы, повергающія въ остолбенѣніе. Напишу здѣсь нѣсколько примѣрныхъ повѣстей.

ПОВѢСТЬ I.

МАША — ДЫРЯВОЕ РУБИЩЕ.

Ваня—бѣлыя перчатки полюбилъ Машу — дырявое рубище. Они встрѣтились на крутомъ берегу рѣки; Ваня билъ бекасовъ, Маша собирала грибы; солнце; съ рѣки вѣетъ вѣтерокъ; издали доносится рожокъ пастуха...

— Что это у тебя — грибы? спрашиваетъ Ваня — бѣлыя перчатки.

— А тебѣ зачѣмъ? отвѣчаетъ Маша — дырявое рубище, и закрываетъ лицо рукавомъ.

Однако они слюбились. Звѣзды; съ рѣки вѣетъ вѣтеръ; на верху поютъ небожители.

Вторая глава застаетъ насъ на берегу рѣки. Ваня — бѣлыя перчатки бьетъ бекасовъ, Маша — дырявое рубище ищетъ грибовъ, и въ то же время чувствуетъ, что она уже носитъ подъ сердцемъ залогъ.

— Ваня! говоритъ Маша: — вѣдь я...

Но Ваня не даетъ ей докончить; онъ горячимъ поцалуемъ заграждаетъ ей уста; онъ очевидно предпочитаетъ милое дѣло милому бездѣлью. Солнце; вѣтеръ вѣетъ съ рѣки, но вдали раздаются уже перекаты грома.

Третья глава застаетъ насъ на берегу рѣки. Осень; дождь такъ и хлещетъ; съ рѣки стонетъ вѣтеръ; призывной голосъ пастушьяго рожка умолкъ, Ваня — бѣлыя перчатки оказывается подлецомъ; онъ по прежнему бьетъ бекасовъ, которые въ этотъ годъ особенно жирны, и въ то же время увѣряетъ Машу, что ему нельзя, что онъ долженъ ѣхать, что въ Петербургѣ будетъ происходить открытіе общества постепеннаго прогресса, при которомъ онъ обязанъ присутствовать (и все-то вѣдь вретъ!).

— Ваня! говоритъ Маша сквозь слезы: — вѣдь я...

Но Ваня опять не даетъ ей кончить; онъ опять предпочитаетъ милое дѣло милому бездѣлью, и суетъ бѣдной, обольщенной дѣвицѣ въ руку двадцати-пяти рублевую бумажку. А вѣтеръ стонетъ и ноетъ. «Бѣдное, бѣдное дитя мое!» стонетъ вѣтеръ. А дождикъ льетъ да льетъ, какъ изъ ведра. «Бѣдное, бѣдное дитя мое!» поливаетъ дождикъ.

— Подлецъ ты этакой! развѣ ты за двадцать пять невинности-то меня рѣшилъ! (рѣшилъ—лишилъ: couleur locale) восклицаетъ негодующая Маша.

Эпилогъ застаетъ насъ на станціи. Авторъ ѣдетъ на почтовыхъ по какому-то казенному порученію (эти авторы всегда по казеннымъ порученіямъ и всегда на телѣгахъ куда-то стремятся: это ихъ идеалъ). Разумѣется, закладываютъ лошадей; солнце, съ рѣки тянетъ вѣтеръ; вдали раздаются жалобные звуки пастушьяго рожка. Ямщики ругаются (couleur locale).

— Лѣшой! кричитъ рыжій парень съ добродушно-веселымъ лицомъ:—ты куда супонь-ту дѣвалъ? (супонь! каково знаніе народнаго быта)!

— Оборотень! отвѣчаетъ брюнетъ съ привлекательною наружностью: — рази я за твоей-ту супонью въ надзиратели наймовался?

Вдругъ къ крыльцу подлетаетъ щегольская вѣнская коляска, изъ которой вылетаетъ, какъ легкое видѣніе, прелестное существо, а съ козелъ слетаетъ ловкій лакей. Ну, авторъ, разумѣется, сейчасъ къ лакею (на то онъ и авторъ):—кто такая? откуда ѣдетъ? куда? зачѣмъ? и что везетъ?

— Ѣдетъ графиня Марья Сидоровна, отвѣчаетъ лакей.

— Какая графиня Марья Сидоровна? вопрошаетъ авторъ.

— Какая Марья Сидоровна? Неужели? и т. д.

— О, да это, сударь, цѣлый романъ! говоритъ лакей.

Оказывается, что Маша-дырявое рубище совсѣмъ не Маша-дырявое рубище, а графиня Марья Сидоровна; что она дочь графини Клавдіи Алексѣевны, которая, желая, приучить ее къ труду, отдала на воспитаніе бѣднымъ поселянамъ, что потомъ все это открылось, что Ваня-бѣлыя перчатки обо всемъ этомъ узналъ и подъѣхалъ было съ предложеніями, однако ему указали дверь, вслѣдствіе чего онъ запилъ, прибилъ своего начальника и находится теперь подъ судомъ.

Оказывается также, что, черезъ недѣлю, графиня Марья Сидоровна уже на другой станціи (что-то ужь много вы разъѣздились, ваше сіятельство!) встрѣчаетъ нищаго, который стоитъ у крыльца и проситъ копѣечку; Марья Сидоровна вглядывается... ахъ! Передъ нею стоитъ въ пьяномъ видѣ Ваня-бѣлыя перчатки, который, за подлое свое поведеніе, произведенъ въ Ваню-дырявое рубище!

ПОВѢСТЬ II.

ПОЛУОБРАЗОВАННОСТЬ И ЖАДНОСТЬ — РОДНЫЯ СЕСТРЫ.

(Очеркъ изъ народнаго быта).

Лѣто; по дорогѣ ѣдутъ дьяконица съ пономарицей; лошадь бѣжитъ лѣнивой рысцой и махаетъ хвостомъ. Изъ подъ колесъ поднимается пыль, отъ которой дьяконица и пономарица, по временамъ чихаютъ.

— Чай, къ Успѣнью-то поѣдете? спрашиваетъ пономарица.

— Поѣдемъ... а вы?

— Ну, намъ... пономарица завистливо вздыхаетъ: — а къ Воздвиженью-то тоже поѣдете?

— Поѣдемъ,... а вы?

— Ну, намъ... пономарица опять озлобленно вздыхаетъ.

Собесѣдницы умолкаютъ, лошадь махаетъ хвостомъ.

— Чи-ихъ! чи-ихъ! ужь какую же только ноньче пыль уродилъ Богъ! говоритъ пономарица.

— Да, ноньче пыль ничего, отвѣчаетъ дьяконица, и немного помолчавъ, прибавляетъ:—здравствуйте! и еще здравствуйте!

Опять молчаніе; лошадь перестаетъ бѣжать, но хвостомъ ма-

хаетъ. Дьяконица клюетъ носомъ, изъявляя очевидное желаніе вздремнуть. Одна пономарица не дремлетъ; ее угнетаетъ мысль: сколько перемѣнъ купаньевъ будетъ у воздвиженскаго попа.

— Матрена Петровна! а, Матрена Петровна! говоритъ она.

— Что вамъ?

— А медъ-то у воздвиженскихъ подаютъ?

— Подаютъ и медъ.

— А сначала-то, чай, щи съ рыбицей?

— Сначала щи съ рыбицей.

— Ну, такъ!

Опять молчатъ. Лошадь, побѣжавшая было рысцой, опять пошла шагомъ. Солнце такъ и палитъ лицо дьяконицы, съ котораго льютъ крупныя капли пота. Пономарица какъ-то такъ устроилась, что лицо ея находится въ тѣни. Дьяконица только отдувается и приговариваетъ:

— Ужь и жарынь же уродилъ Господь!

— Чи-ихъ! чи-ихъ! расчихалась пономарица.

— Здравствуйсте! и еще здравствуйте! отвѣтила дьяконица.

— И къ Казанской поѣдете?

— И къ Казанской поѣдемъ...а вы?

— Ну, намъ...

Въ это время ѣдетъ на встрѣчу пьяный мужикъ: онъ лежитъ въ телѣгѣ и напѣваетъ:

Что ты, Дуня, приуныла,
Призадумавшись, шельма, сидишь?

— Э! да это никакъ отъ Спаса наши конопляннницы ѣдутъ? говоритъ онъ, поравнявшись съ дьяконицей.

— Ну-ка, проваливай, суконное рыло! ворчитъ пономарица.

Вдругъ, подлѣ самой дороги, запищалъ куликъ.

— Ишь ты! сказала пономарица.

— Божья тварь! отвѣчала дьяконица и слегка усмѣхнулась.

— А къ Покрову поѣдете? спросила пономарица.

— Поѣдемъ и къ Покрову, а вы?

— Ну, намъ...

Въ это время телѣга въѣхала въ деревню; у самой околицы чернѣется кабакъ. Пономарица съ дьяконицей переглянулись.

— Прру! сказала дьяконица.

— Да стой же ты, лѣшой! усугубила пономарица: — Матрена Петровна, при васъ есть?

— Ну, и такъ повѣрятъ! чай, знакомые!

Пономарица начала слѣзать и задѣла за чеку сарафаномъ, на которомъ образовалась порядочная дыра.

— Ишь! ты! сказала пономарица: — точно вотъ въ прорву! точно вотъ въ прорву!

Дьянокица слѣзла благополучно. Пономарица не утерпѣла, чтобы не проворчать:

— Вотъ вѣдь, не бось, не заденетъ за чеку.... о, чтобъ васъ!

Въ кабакѣ никого не было; собесѣдницы забрались къ цѣловальничихѣ и спросила пива.

— И къ Введенію поѣдете? спросила пономарица.

— И къ Введенію поѣдемъ, а вы?

— Ну, намъ...

Чрезъ полчаса пріятельницы, обнявшись, выходили изъ кабака. Дьяконица усмѣхалась; пономарица называла ее красавицей.

— И къ Михайлу Архангелу поѣдете? спросила пономарица, когда обѣ усѣлись въ телѣгу.

— И къ Архангелу поѣдемъ, а вы?

— Ну, намъ...

Понамарица замолкла; ее грызла мысль, будутъ ли подавать у архангельскаго попа лапшу. Лошадь бѣжала рысцой и махала хвостомъ.

— Все-то вы ѣздите! пропасти-то на васъ нѣтъ! молвила, наконецъ, пономарица и сплюнула въ сторону.

Дьяконица усмѣхнулась.

— И къ Николѣ поѣдете? спросила пономарица.

— И къ Николѣ поѣдемъ, а вы?

— Ну, намъ...

Ужь было довольно поздно вечеромъ, когда пріятельницы въѣхали въ родное село. Пастухъ пригналъ стадо; дьяконъ самъ загонялъ худую коровенку; пономарь сидѣлъ на завалинѣ и бездѣйствовалъ. Ему нечего было загонять, потому что у нихъ и коровенки не было.

— А къ Рождеству поѣдете? спросила пономарица, прощаясь съ дьяконицей.

— Поѣдемъ и къ Рождеству, а вы?

— Ну, намъ...

— Несытое твое брюхо! думаетъ лошадь вслѣдъ удаляющейся пономарицѣ.

— А знаешь ли ты, что полуобразованность и жадность—двѣ родныя сестры? раздается сверху голосъ, обращаясь, по всей вѣроятности, къ лошади.

ПОВѢСТЬ III.

СЫНЪ ОТКУПЩИКА.

(*Истинное происшествіе*).

Квартира становаго пристава; разказывается исторія этого чиновника: прежде онъ бралъ взятки, но съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ института и поселилась съ нимъ его дочь, ангелъ—Наденька, совершенно измѣнилъ свой взглядъ на службу. Становой красивый и добрый старикъ; чело его увѣнчивается великолѣпной лысиной, которая въ свою очередь увѣнчивается прекрасными сѣдыми локонами. О Наденькѣ нечего и говорить. Авторъ описываетъ ее такъ: «всякому, говоритъ онъ, кто встрѣчалъ на пути своемъ это неземное существо, становилось легко на душѣ и какъ-то отрадно».

Наденька и становой пьютъ чай; Наденька пристаетъ къ становому, зачѣмъ онъ становой?

— Помилуй, душа моя! говоритъ становой: — какъ же мнѣ не быть становымъ, коли я становымъ уродился?

— Становые всѣ такіе противные! возражаетъ Наденька и граціозно топаетъ ножкой.

Становой задумывается и припоминаетъ то время, когда весь, такъ сказать, во злѣ погрязалъ.

— А помнишь Надя, говоритъ онъ, тяжело вздыхая:—помнишь то время, какъ я... (*показываетъ рукой хапанца*).

— Не напоминайте! не напоминайте объ этомъ, папаша, говоритъ Наденька и спѣшитъ заградить уста папашины.

— Да, тяжкое было это время! и еслибъ не ты... произноситъ становой, захлебываясь отъ слезъ.

Пріѣзжаетъ Матвѣй Семенычъ Сивушниковъ. Онъ любитъ Надю, и Надя знаетъ это, но онъ сынъ откупщика, а Надя не знаетъ этого. Старикъ становой знаетъ это, но не знаетъ, какимъ образомъ открыть Надѣ ужасную тайну. Дѣло въ томъ, что Надя однажды проговорилась.

— Я за всѣхъ выйду замужъ, сказала она: — я выйду замужъ за разночинца, я выйду замужъ за золотаря, но за откупщика... ни за что!

— А за сына откупщика? произнесъ Сивушниковъ, блѣднѣя и едва удерживая слезы, готовыя хлынуть изъ глазъ.

— Ни за что! повторила красавица Надя и граціозно топнула ножкой.

Съ тѣхъ поръ Матвѣй Семенычъ сдѣлался мраченъ и уныль; днемъ, онъ, какъ тѣнь, бродитъ по лѣсамъ и пещерамъ; вечеромъ — является къ квартиру становаго и безпрестанно треть себѣ рукою лобъ, ибо полагаетъ, что на лбу этомъ есть клеймо, по которому Наденька тотчасъ же узнаетъ его.

Въ этотъ вечеръ, онъ является особенно озабоченнымъ. По видимому, онъ на что-то рѣшился.

— Надежда Кондратьевна! говоритъ онъ:—вы когда-то выразились, что не пойдете замужъ за сына откупщика...

— Да, я сказала это, и теперь то же самое повторю!

И топаетъ при этомъ ножкой.

— А если этотъ сынъ откупщика васъ любитъ?

— Сынъ откупщика можетъ любить только водку!

— Наденька! это ты несправедливо! вмѣшивается становой приставъ.

— А если вы сами любите сына откупщика? настаиваетъ Сивушниковъ.

Надя конфузится; она вопросительно смотритъ на своего собесѣдника; она боится угадать страшную истину. Однако благородныя мысли всплываютъ на верхъ.

— Я-то? я-то? мнѣ полюбить сына откупщика! восклицаетъ она: — ни за что!

— Это ты, Надя, несправедливо! опять замѣчаетъ становой приставъ.

— Но вѣдь это ужь предразсудокъ, Надежда Кондратьевна! горячо вступается Сивушниковъ:—зачѣмъ же вы хотите сдѣлать сына солидарнымъ отцу!

Наденька разумѣется, возражаетъ; всякому понятно, что высказанная Сивушниковымъ мысль была до нѣкоторой степени неожиданностью для нея. Она возражаетъ слабо, но щеки ея горятъ и грудь подымается высоко. (Замѣтьте, что «благородные» сочинители вообще любятъ описывать, какъ подымаются груди).

— Вѣдь вы же первые, продолжаетъ Сивушниковъ:—вооружаетесь противъ тѣхъ, которые не принимаютъ въ великосвѣтское общество молодыхъ людей, происшедшихъ отъ вольноотпущенныхъ, отъ мѣщанъ и разныхъ нѣдоместъ крестьянъ! но скажите пожалуйста, не то ли же самое дѣлаете вы сами!

— Нѣтъ, не то же...

— Нѣтъ, то же!

— Это ты, Надя, несправедливо!

— Стало быть, по вашему мнѣнію, можно оставить откупщика ненаказаннымъ? горячится Надя, тоная ножкой.

— Откупщика — такъ! мой отецъ наказанъ — это такъ! мой отецъ воняетъ — это такъ!

— Вашъ отецъ? что я слышу?

— Да, Надежда Кондратьевна, я... я сынъ откупщика! восклицаетъ Сивушниковъ, падая къ ногамъ Наденьки.

Наденька слабо вскрикиваетъ и теряетъ чувства; черезъ минуту она открываетъ, однакожь, глаза, въ которыхъ уже виднѣется томность и... прощеніе!..

— Надежда Кондратьевна! жизнь или смерть сулитъ мнѣ этотъ небесный взглядъ? пристаетъ Сивушниковъ.

Вмѣсто отвѣта, Надя подаетъ ему руку.

«Замѣчательно, прибавляетъ отъ себя авторъ, что въ это время Сивушникову предстояла богатая партія въ лицѣ дочери откупщика Какикаки, но онъ пренебрегъ милліонъ приданаго, чтобы только соединиться съ своею красавицей Надей. Отецъ его, однакожь, не разсердился на него за этотъ бракъ: онъ самъ стыдился своего прошлаго»!

Да не подумаетъ читатель, что я шучу. Нѣтъ, я увѣренъ, что если онъ захочетъ потревожить свою память, то самъ убѣдится, что книжки журналовъ сплошь наполнены такими повѣстями. Но еще болѣе находится ихъ въ журнальныхъ редакціяхъ. Что такое, напримѣръ, эти «Театральные закоулки», эти «Ис-

порченьмъ жизни», эти «знахари» и «знахарки», которые блестятъ такими крупными перлами въ современной беллетристикѣ? Что это такое, какъ не благородство чувствъ, обставленное совершеннымъ отсутствіемъ таланта и приправленное крошечнымъ куринымъ міросозерцаніемъ и крошечною же куриною наблюдательностью?

Мало вамъ повѣстей и разсказовъ — вотъ вамъ комедія:

БѢДНАЯ ПЛЕМЯННИЦА.

Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Н. Л. Г.

Это ужь не плодъ моей фантазіи, это не шутка, а комедія дѣйствительная, представленная въ первый разъ въ Петербургѣ на театрѣ 3 января сего года.

Представьте себѣ, что тутъ все дѣло состоитъ въ томъ, что есть на свѣтѣ какая-то графиня Клавдія Алексѣвна, которая помѣшалась на томъ, что она графиня Клавдія Алексѣвна, и которая, съ помощью разныхъ безпутствъ, разорилась до такой степени, что никто не хочетъ ее признавать графиней Клавдіей Алексѣвной. И вотъ эта ужасная женщина, для того, чтобы поправить свои стѣсненныя обстоятельства, хочетъ выдать свою дочь за милліонера Меригина, котораго дочь не любитъ, а любитъ племянница, и который самъ не знаетъ, кого онъ любитъ: дочь или племянницу. «Тогда, говоритъ графиня Клавдія Алексѣвна, я буду по прежнему графиней Клавдіей Алексѣвной!» — Графиня! съ своей стороны напоминаетъ ей авторъ: — помните, что тщеславіе и въ золотыхъ палатахъ — все тщеславіе!

Разумѣется, эта язвительная затѣя ей не удается, потому что природа окружила ее благородными людьми. Дочь ея, графиня Зина Клавдіевна, дѣвушка не столько умная, сколько благородная, весьма основательно разсуждаетъ, что она любитъ не Меригина, а Ваню, и что слѣдовательно, если она отдастъ руку Меригину, то сдѣлаетъ пакость. Въ этомъ укрѣпляетъ ее племянница Ольга Клавдіевна, тоже очень благородная дѣвица, но при томъ и не пренебрегающая собственными выгодами, и Карлъ Антонычъ Фишеръ, котораго благородство, какъ ни замѣчательно, но никакъ не можетъ сравниться съ его тупостью. Графиня

Клавдія Алексѣевна остается съ носомъ и теряетъ всякую надежду «быть, по прежнему, графиней Клавдіей Алексѣевной». Еще бы! вѣдь это все равно, что замужней женщинѣ быть по прежнему дѣвицей! Вотъ единственное сколько нибудь разумное нравоученіе, которое зритель можетъ извлечь изъ комедіи.

И вотъ такая-то комедія дается всенародно на театрѣ, и находятся даже бѣдные племянники, которые наслаждаются ею и шумными кликами вызываютъ автора «Бѣдной племянницы». Что означаютъ подобныя явленія? и въ особенности, что означаетъ обиліе ихъ? Конечно, разсматриваемыя сами по себѣ, они до того ничтожны, что не слѣдовало бы даже утомлять ими вниманіе читателя, но въ томъ-то и дѣло, что ихъ надлежитъ разсматривать не въ уединеніи, а въ связи съ общимъ теченіемъ жизни. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, служа выраженіемъ извѣстной стороны общественной дѣятельности, они представляются фактомъ далеко не забавнымъ. Съ невольнымъ страхомъ спрашиваешь себя: неужели общественныя стремленія могутъ быть до такой степени убогими? неужели можетъ существовать такая жизнь, въ которой все картонно: и куриные помыслы, и куриныя желанія, и куриный способъ выполненія?

Да, стало быть, такая жизнь возможна, коль скоро она выродила изъ себя цѣлую литературу. Для чего же мы шумѣли, куда же мы стремились, изъ-за чего мы такъ громко хлопотали? Изъ-за того ли, чтобъ въ результатѣ вышло, что жизнь есть рѣка, человѣкъ — пловецъ, лодка — величественное зданіе общества, весло — прогрессъ, а волны — тщетная реакція безсмысленныхъ ретроградовъ? Да вѣдь на эту тему литература наша болѣе сорока лѣтъ сряду отравляла публику! И вѣдь никто не хочетъ сообразить, что это картонное благородство чувствъ есть лишь ближайшій шагъ къ благонамѣренности, той самой благонамѣренности, о которой я объяснялъ читателю въ прошедшей моей хроникѣ. Скажу даже болѣе: черта, которая проведена между ними до того тонка, что почти незамѣтна. Ибо, если благородство чувствъ стоитъ на томъ, чтобъ доказать, что добродѣтель добродѣтельна, а порокъ пороченъ, то и благонамѣренность не отрицаетъ этого, и даже охотно погладитъ по головѣ за такія пріятныя мысли. Тутъ не только представляется легчайшая возможность для компромисса, но даже нѣтъ никакого основанія для разладицы. «Изъ-за чего мы спорили! скажетъ благонамѣрен-

ность благородству:—и ты глупо, и я глупа! а если мы оба глупы, то не лучше ли намъ сочетаться законнымъ бракомъ!» Благородство услышитъ такія-слова, подумаетъ, подумаетъ да и сдѣлается потихоньку благонамѣренностью. Никто этого и не замѣтитъ, потому что оно, въ сущности, и всегда было благонамѣренностью. Кто замѣтилъ, какъ «Русскій Вѣстникъ» сдѣлался благонамѣреннымъ? никто! — всегда былъ. Кто замѣтитъ, какъ «Время» сдѣлается благонамѣреннымъ? никто! — всегда было.

Благородство чувствъ никогда не усматриваетъ связи между явленіями, никогда не группируетъ ихъ, никогда не разсуждаетъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится частный фактъ къ цѣлой системѣ: оно слишкомъ взволновано для этого. Оно преслѣдуетъ какія-то пылинки, оно бумажку какую-то загоняетъ, оно замахивается обухомъ на божью коровку и на комара. Отъ того-то оно и не огорчаетъ никого, само же, напротивъ того, легко пріобрѣтаетъ способность удовлетворяться. И однажды получивши эту способность, оно ужъ не останавливается; оно утрачиваетъ послѣдніе остатки своей куриной непріязненности къ куриному злу, которая составляла основу его, и дѣлается способнымъ проповѣдывать только истины въ родѣ того, что куриный міръ красенъ, что куриное солнце свѣтло, и что куриный навозъ благоуханенъ.

Доказательствъ подобнаго куринаго благородства не занимать стать. Въ Петербургѣ существуетъ даже цѣлая газета, которая поставила себѣ за правило служить проводникомъ куринаго благородства. Назовемъ эту газету хоть «Куринымъ эхомъ». Отъ первой строки до послѣдней она все умиляется, все поетъ: «Красенъ куриный міръ!» «тепло грѣетъ куриное солнышко!»; отъ первой строки до послѣдней все докладываетъ, какіе сдѣлались россіяне умные, какъ у нихъ все это идетъ, всякія эти новыя штучки. «Изъ Рязани пишутъ, что выборы произведены въ совершеннѣйшемъ порядкѣ»; «изъ Саратова пишутъ, что по случаю упраздненія откуповъ ожидали нѣкоторыхъ безпорядковъ, однако все обошлось смирно: народъ пилъ дешовку и похваливалъ»; «изъ Калуги пишутъ, что тамъ, по случаю назначенія новаго губернатора, дворяне рѣшились дать балъ»; «изъ Костромы пишутъ, что тамъ дворяне рѣшились дать балъ безъ всякаго случая»... Даже урожаи у этой газеты вездѣ хороши: саранча была, да и противъ той принимаются мѣры, которыя дозволяютъ надѣяться, что впредь этой язвы никогда не будетъ; даже

ногда у ней стоитъ всегда благопріятная: были сначала дожди, но вредъ, произведенный ими уничтоженъ, благодаря просвѣщеннымъ стараніямъ начальства. И никогда-то не напишетъ никто «Куриному Эху», что, напримѣръ, у насъ на сходкѣ, въ Глуповѣ, одного мироваго посредника всего, между шутками, веселые робята сзади въ кровь исщипали, за то, что тотъ посредникъ не таковъ, какого намъ надобно...

Такого рода слошнымъ благородствомъ давно уже съ величайшимъ успѣхомъ занимаются всѣ губернскія вѣдомости обширной россійской имперіи. Неужели же наша литература осуждена превратиться въ губернскія вѣдомости? ужели общество, для котораго литература все-таки служитъ органомъ, допуститъ такое нелѣпое превращеніе?

Многіе думаютъ, что безплодіе современной «изящной словесности» отъ того происходитъ, что никакого литераторамъ поощренія нѣтъ. Это правда.

Изъ-за чего трудиться? спрашиваю я иногда самого себя:—изъ-за чего убиваться? Будешь писать хорошо, будешь писать дурно—все въ томъ же рангѣ останешься; будешь ставить знаки препинанія, гдѣ слѣдуетъ, или станешь допускать въ этомъ дѣлѣ лирическій безпорядокъ — все-таки карьеры не сдѣлаешь! Господи! хоть бы масличныя вѣтви что ли въ руки дали! да такъ, чтобы и ходить съ ними, и не смѣть бы ихъ прятать! или шпагу бы на правую сторону привѣсили, или воротникъ такой: сова-лира, сова-лира, лира-лира-лира, а въ серединѣ опять сова; мудрствуетъ-поетъ, мудрствуетъ-поетъ, поетъ-поетъ-поетъ и опять мудрствуетъ! Возьмите хоть то въ разсчетъ: теперь является литераторъ въ домъ, гдѣ имѣются богатыя невѣсты — никто и вниманія на него не обращаетъ, а тогда, какъ бы съ масличною-то вѣтвью въ рукахъ... вотъ ужь подлинно бы разахались!

Вообще, я объ этомъ предметѣ много думалъ и пришелъ къ заключенію, что безъ поощренія никакъ нельзя.

Много у меня на этотъ счетъ проектовъ въ головѣ: отчего жь не сообщить ихъ читателямъ?

Во-первыхъ, можно было бы учредить «постоянныхъ меценатовъ»... ну, хоть по одному меценату на каждую часть горо-

да. Теперь, если литераторъ находится въ горести, если онъ негодуетъ на міръ, если онъ, однимъ словомъ, не знаетъ, куда дѣваться съ тоски, — куда онъ обратится? единственное для него убѣжище танцплаесъ... поймите, какъ это вредно! А тогда, онъ прямо пойдетъ къ меценату, выплачетъ у него на груди свое горе — и возвратится домой веселый!

Во-вторыхъ, еслибъ не нашлось такихъ лицъ, которыя добровольно пошли бы въ меценаты, то можно бы эти должности сдѣлать обязательными, наравнѣ съ прочими городскими должностями. А для поощренія этихъ меценатовъ можно бы и для нихъ двухъ, трехъ меценатовъ сдѣлать, на груди которыхъ и они могли бы выплакать свое горе. Или знакъ отличія какой нибудь дать... какой бы, напримѣръ? ну, напримѣръ, хоть бѣлый колпакъ...

Въ-третьихъ, можно бы купить домъ кн. Вяземскаго на Сѣнной и подарить его литературѣ...

Въ-четвертыхъ, можно бы, въ Лѣтнемъ саду, ристанія какія нибудь устроить...

Въ-пятыхъ, можно бы поручить г. Семевскому водить литераторовъ по праздникамъ по Петербургу и показывать: вотъ тутъ блаженныя памяти императрица Анна Ивановна, а тутъ блаженныя памяти императрица Елизавета Петровна...

Можно бы на адмиралтейской площади столбъ, обмазанный медомъ, поставить...

Можно бы литераторамъ назначать значительныя пожизненныя пенсіи...

Можно бы, вмѣсто одного театральнаго комитета, учредить таковыхъ два...

Можно бы отличившагося литератора пустить на полчаса въ магазинъ ювелира: выбирай, дескать, что хочешь! А онъ разинетъ ротъ — и ничего не выберетъ! Ну, самъ, значитъ, виноватъ!..

Да и мало ли что можно было бы сдѣлать!

Главное дѣло, чтобы литература понимала, чтобы литература чувствовала... Ну, и еще, разумѣется, главное, чтобы рядомъ съ системою поощреній существовала и соотвѣтственная система наказаній. Безъ этого тоже нельзя.

И такъ, читатель, хотя я и не сдержалъ обѣщанія, сдѣланнаго въ концѣ послѣдней моей хроники, однако сказалъ тебѣ все, что отъ меня зависѣло, то есть показалъ тебѣ язву, но вмѣстѣ съ тѣмъ не скрылъ, что имѣются и средства къ ея исцѣленію.

Я не поступилъ, какъ поступаютъ свистуны, «свистящіе изъ хлѣба», которые кричатъ: язва! язва! язва! а что за «язва?» гдѣ «язва?» и какъ съ этой «язвой» поступить? — ничего не объясняютъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я не послѣдовалъ и примѣру «Курящаго ѳха», который говоритъ, будто бы язвъ и совсѣмъ уже нѣтъ.

Я пошелъ по серединѣ.

Я говорю: утѣшьтесь, господа, язвы есть! но есть, господа, и пластыри! лечите! старайтесь!

Я говорю: пусть каждый изъ насъ выберетъ себѣ свою особенную язвочку! Пусть «Убогій Листокъ» говоритъ, что язвы можно лечить посредствомъ доноса; пусть «Курящее ѳхо» утверждаетъ, что язвы можно лечить, скрывая ихъ—въ томъ разсчетѣ, что, можетъ быть, и забудутся какъ нибудь! пусть «Время», пусть «Наше Время», пусть «Русскій Вѣстникъ», пусть, однимъ словомъ, всякій свою капельку, — и я убѣжденъ, что соединенными нашими усиліями мы, навѣрное, принесемъ на грошъ пользы!

И все будетъ хорошо, и все пойдетъ какъ по маслу, и всѣ мы дружно запоемъ:

Ахъ, пришли, пришли наши красны дни!

P. S. Настоящая хроника уже была набрана, какъ я получилъ отъ одного нигилиста статью, съ убѣдительнѣйшею просьбой напечатать ее. Не нахожу лучшаго средства исполнить желаніе моего друга-нигилиста, какъ заключивъ его статьею мою хронику. Вотъ эта статья:

ТРЕВОГИ «ВРЕМЕНИ».

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ рощѣ толковали.

Такъ гласитъ въ 1 № «Времени» поэтъ Ѳ. Бергъ, отнюдь не подозрѣвая, что онъ пишетъ самую язвительную характеристику того самаго журнала, въ которомъ помѣщаетъ стихи свои. Прилетали птицы: М. Достоевскій, А. Григорьевъ, гг. Страховъ и Косица

Прилетали, въ рощѣ толковали...

Разумѣется, толковали чепуху:

— Знъ бѣда теперь намъ, птицамъ смирнымъ,
Смирнымъ птицамъ, утицамъ залетнымъ,

На землѣ житьи совсѣмъ не стало
Птицѣ смирной, птицѣ перелетной.

Полетимъ мы, птицы, на болота
На болота, дальнія озера;

Въ камышахъ совьемъ мы, птицы, гнѣзда
Въ камышахъ, туманахъ непроглядныхъ (?)..,

Будемъ, птицы, плавать по затишьямъ,
По затишьямъ, по озерамъ тихимъ;

Повыведемъ, птицы, дѣтокъ малыхъ,
Лебедятокъ, да утятокъ сѣрыхъ;

Пролетимъ мы, птицы, надъ полями,
Надъ полями, хлѣбными полями,

Прокликемъ мы, птицы, за людями,
За людями, сельскими людями.

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ рощѣ толковали.

Ѳ. БЕРГЪ.

Какова поэзія! Хорошо, что все это не взаправду написано, хорошо, что все это изображено съ язвительною цѣлью представить вѣрную характеристику «Времени». Намъ даже не безъизвѣстно продолженіе этой диковинной пьесы, которое, однакожь, не помѣщено во «Времени». Вотъ оно:

Такъ и Достоевскихъ пара и съ Косицей
Цыркаютъ: бѣда намъ! ахъ бѣда намъ, птицамъ!

Мы ли, птицы-птицы, смирно не живали,
Смирно не живали, въ рощѣ толковали,

Въ рощѣ толковали, смирно не живали,
Смирно не живали, въ рощѣ толковали;

Плавали въ затишьяхъ, да въ озерахъ тихихъ
Страховыхъ плодили да Косицятъ сѣрыхъ,

Косицятокъ сѣрыхъ, Достоевскихъ бѣлыхъ,
Смирно поживали, въ рощѣ толковали,

Въ рощѣ толковали, смирно поживали,
Смирно поживали, въ рощѣ толковали...

И такъ далѣе: помнится, листа два есть.

Подобно этимъ бѣднымъ птицамъ, «Время» почему-то встревожилось. Все ему кажется, что кто-то его притѣсняетъ, кто-то хочетъ утянуть у него пару подписчиковъ. Кто тебя, душенька? кто тебя ушибъ? топни, душенька, топни ножкой!

Вы ошибаетесь, «Время»; никто васъ не ушибъ. Никто васъ не притѣсняетъ, никто даже не думаетъ объ васъ. Занялся было вами одно время «Современникъ», предполагая, что изъ васъ можетъ что нибудь выйти, но теперь, вѣроятно, и онъ оставитъ это занятіе. Очень ужь употребляете во зло то вниманіе, которое вамъ оказывается.

Что вы сказали такого, что можно было бы уловить и формулировать, по поводу чего можно было бы вооружаться противъ васъ? Ничего вы такого не сказали. Что вы такого сдѣлали, что можно было бы назвать какимъ нибудь именемъ? Ничего вы такого не сдѣлали.

Вы сидѣли, птицы, въ рощѣ толковали,
Въ рощѣ толковали, смирно поживали,

Смирно пожили, въ ротъ толковали,
Въ ротъ толковали, смирно пожили...

Ваша вся дѣятельность за два года ограничилась тѣмъ, что вы открыли какихъ-то «свистуновъ, свистящихъ изъ хлѣба, и подхлестывающихъ себя маленькимъ кнутикомъ рутиннаго либерализма». Это самое ясное изъ всего, что вы сказали. И вы думаете, кто кого нибудь этимъ обидѣли?

Кого вы обидѣли? кто заявлялъ вамъ объ обидѣ? По поводу чего вы объясняетесь и извиняетесь? На основаніи какихъ резоновъ, съ какого права, съ чьего разрѣшенія вы приплели Чернышевскаго и Добролюбова въ эту грустную повѣсть вашихъ самолюбивыхъ тревогъ? Да скажите же, скажите, кто жаловался вамъ на обиду?

Можетъ быть, вамъ жаловался Иванъ Ѳедорычъ Шпонька? Можетъ быть, вами уязвленъ титулярный совѣтникъ Поприщинъ? Или вы подпустили обиняка Ивану Никифорычу Довгочхуну? Или вы споритe и разговариваете съ покойникомъ Булгаринымъ? Такъ вы такъ и объявляйте, что вы именно Шпоньку обидѣли, а не заигрывайте съ какими-то незнакомцами, которые, быть можетъ, и не знаютъ объ васъ!

Знаете ли, что? Я думаю, что вамъ даже никто не жаловался, что вы сочиняете этѣ неслыханныя обиды нарочно для того, чтобъ имѣть поводъ самимъ съ собой разговаривать, и затѣмъ получить возможность похвастаться передъ публикой: вотъ каково мы обидѣли, что и отмахаться не можемъ! Вы устраиваете примѣрное сраженіе; вы сами себя уязвляете, да потомъ сами же себѣ приносите оправданія и извиненія. Косица обидитъ Косицу, Страховъ Страхова, Григорьевъ Григорьева, а потомъ и поведутъ сами съ собой ожесточенную полемику! Этотъ пріемъ не новъ; прочтите въ прошломъ № «Современника» статью г. Дмитріева «Провинціальная Газета» и убѣдитесь, что герой этого разсказа давно уже употреблялъ его для приданія живости своему журналу.

Чтожъ тутъ обиднаго, что вы упомянули о какихъ-то свистунахъ, свистящихъ изъ хлѣба? Это тупо и больше ничего; это такъ тупо, что даже прелестно, но это не прелестнѣе всего прочаго, что вы пишете въ вашемъ журналѣ. Какой руководящей мысли вы были органомъ? никакой. Что вы высказали? ничего. Вы постоянно стремились высказать какую-то истину въ родѣ «сапо-

говъ въ смятку», вы всегда садились между двухъ стульевъ, и до того простирали свою наивность, что даже не хотѣли замѣтить, какъ шлепались на полъ.

И не то чтобы вы не стремились обидѣть кого бы то ни было: нѣтъ, у васъ есть желаніе не только обидѣть, но даже живьемъ проглотить. Но Богъ зналъ эту вашу злобу и, чтобы не допустить васъ обижать другихъ, обидѣлъ васъ самихъ, т. е. не далъ вамъ ни умѣнья, ни остроты ума, ни — главное — фонда никакого, изъ котораго можно было бы отправляться, чтобы наносить удары врагамъ.

Напримѣръ, вы очень желаете обидѣть «Русскій Вѣстникъ» и называете его то булгаринствующимъ, то тэйнствующимъ. Видите ли, вы даже выраженія-то своего выдумать не въ состояніи, вы даже острите на чей-то манеръ. А знаете ли вы, что съ «Русскимъ Вѣстникомъ» все-таки пріятнѣе имѣть дѣло, нежели съ вами? По крайней мѣрѣ, не обманываешься: войдешь въ «Русскій Вѣстникъ» — ну, и знаешь, что вошелъ въ лѣсъ, а въ насъ войдешь—не можешь даже опредѣлить, во что попалъ: и сѣренько, и жиденько, и скользко...

Вы называете г. Каткова булгаринствующимъ, но развѣ не правъ будетъ тотъ, кто васъ, «Время», назоветъ катковствующимъ? Вотъ я, напримѣръ, именно одаренъ такою прозорливостью, которая такъ и нашептываетъ мнѣ, что вы начнете катковствовать въ самомъ непродолжительномъ времени (*). Мало того: я

(*) Вѣрность этого замѣчанія поразительна. Во 2-мъ своемъ нумерѣ, «Время», желая наобидѣть одного изъ нашихъ сотрудниковъ, по поводу помѣщенной въ 1-мъ томѣ «Современника» рецензіи на «Литературную подпись» г. Скавронскаго, помѣстило статью «Молодое перо», въ которой, во-первыхъ, сравниваетъ нашего сотрудника съ барономъ Брамбеусомъ, и во-вторыхъ, обращаясь къ нему, постоянно называетъ его «молодымъ человѣкомъ». Точь-въ-точь такое же сравненіе и обращеніе дѣлалъ, два года тому назадъ, «Русскій Вѣстникъ», и, повторяя «Время» все это и заимствовало, разумѣется, внеся въ это заимствованіе своихъ собственныхъ «сапоговъ въ смятку». Эти «сапоги въ смятку» заключаются въ томъ, что будто бы нашъ сотрудникъ-рецензентъ до того «впился въ интересы редакціи «Современника», что, напившись, оставилъ прежнее у порога»... Читая эти слова, мы долго не могли придти въ себя отъ изумленія. Что это такое! да вѣдь рецензія не подписана! къ кому же можетъ относиться обвиненіе «Времени»? и какъ могло узнать «Время», кто именно написалъ статью, приведшую его въ такое волненіе? Или, быть можетъ, «Время» имѣетъ привычку справляться у наборщиковъ типографіи, въ которой печатается «Современникъ». Но если это такъ, то увѣряемъ васъ, о «Время», что наборщикъ, сообщившій интересныя для васъ свѣдѣнія, обманулъ васъ. Лицо, которое вы такъ легкомысленно упрекнули

даже думаю, что если признавать силу булгаринской традиціи, то надо признать, что она уже коснулась и васъ... разумѣется, покуда только невинной своей стороной. Вѣдь и Булгаринъ проводилъ что-то въ родѣ сапоговъ въ смятку, вѣдь и онъ никогда не говаривалъ, что душа человѣческая не безсмертна, и что за воровство не слѣдуетъ наказывать. Вы говорите и проповѣдуете то же самое, да притомъ хотите еще отвести глаза, хотите увѣрить, что у васъ все это свое, самостоятельное. Напрасно. Вѣрьте, что тѣмъ больше будете такимъ образомъ самостоятельничать и своимъ умомъ доходить, тѣмъ болѣе и болѣе будете приближаться къ идеалу, отъ котораго вы теперь отворачиваетесь съ такимъ презрѣніемъ.

Вы говорите, что г. Каткова оспаривать можно и слѣдуетъ (и что вы такъ пристали къ Каткову? Или вы получили отъ него разрѣшеніе? смотрите, вѣдь онъ когда нибудь и самъ на васъ замахнется — и не пикнете!), да вѣдь и это еще не вовсе плохое дѣло, коли есть, что оспаривать, а вотъ когда худо, коли и спорить не объ чемъ. Возьмите, напримѣръ, «Время»: за что ни прицѣпись — все гладко; хоть всю книжку обшарь (разумѣется, мы не говоримъ о беллетристикѣ), ни обо что не заинешься! А вы еще говорите, что васъ кто-то за что-то не любитъ!

Сидятъ птицы смирно,
Живутъ поживаютъ, въ рощѣ все болтаютъ...

да вдругъ и вообразятъ себѣ, что ихъ кто-то не любитъ! Да за что же васъ не любить-то? И кто же на свѣтѣ такой человѣкъ былъ, который бы смирныхъ птицъ не любилъ?

Вы говорите, что васъ не любятъ за то, что вы самостоя-

въ чемъ-то «прежнемъ», уже четыре года *постоянно и исключительно* печатаетъ свои сочиненія въ «Современникѣ», если же въ прошломъ году и было помѣщено нѣсколько его разсказовъ во «Времени», то это произошло единственно отъ того, что «Современникъ» былъ закрытъ, а налагать на уста молчаніе не всегда бываетъ для литератора удобно. Слѣдовательно, интересы «Современника» всегда были близки этому рецензенту, слѣдовательно, и впиваться было не во что, слѣдовательно, и слова ваши, какъ и всѣ вообще ваши слова, суть не болѣе, какъ толкованіе въ пустынѣ и о пустынѣ. Что же касается до того, что вы въ полемикѣ своей противъ неизвѣстнаго вамъ рецензента сослались на пословицу «береги честь смолоду», то надо думать, что презрѣнная эта выходка употреблена вами въ припадкѣ особеннаго увлеченія, и что впредь этого съ вами не случится. Ред.

тельны, за то, что вы не подражаете. Но вѣдь развѣ вы взапрядку самостоятельны, развѣ вы не притворяетесь? Нѣтъ, вы подражаете; вся хитрость ваша въ томъ состоитъ, что вы всѣмъ по немножку подражаете, у всѣхъ чего нибудь съ крошечку утянете, да и прикроете эту смѣсь тѣмъ, что напустите въ чужія мысли своихъ сапоговъ въ смятку. Собственно вашего только и есть. Да вѣдь это еще счастье, что у васъ есть хоть «сапоги въ смятку», ибо какой же органъ русской литературы, сколько нибудь заботящійся объ интересахъ защищаемаго имъ дѣла, можетъ желать, чтобы вы ему подражали? Вѣдь это значило бы просто желать своей собственной смерти, ибо всѣмъ извѣстно, что ничто такъ не убиваетъ дѣла, какъ неловкое подражаніе ему. Неловкій подражатель всегда или не доскажетъ, или перескажетъ что нибудь — ну, и сразитъ! Вспомните г. Вс. Крестовскаго: могъ ли А. Н. Майковъ предчувствовать, что ему придется погибнуть отъ руки его въ цвѣтѣ лѣтъ? Вспомните это и поймите, кому же можетъ быть надобность въ вашемъ подражаніи, въ вашей помощи?

Вы говорите, что первые вооружились противъ авторитетовъ, и въ то же время отмахиваетесь отъ тѣхъ, которые будто бы обвиняютъ васъ за то, что вы не вооружались противъ Тургенева, Писемскаго и т. п. Вотъ видите ли, вы даже понятія объ авторитетѣ не можете отдѣлить отъ чьего-нибудь лица, вы даже думаете, что авторитетъ есть что-то такое, что можно ощупать, поцаловать и т. д. Для васъ есть авторитетъ-Тургеневъ, авторитетъ-Добролюбовъ, дальше вы не идете. Я увѣренъ, что у васъ имѣются даже авторитеты бѣлокурые, авторитеты съ просѣдью и авторитеты черноглазые. Я бы совѣтовалъ вамъ просто прекратить разговоръ объ такихъ дѣлахъ, а если ужь такъ придется, что не сказать нельзя, то какъ нибуть проглотить, оставить бѣлое мѣсто и потомъ сослаться на печатника: выпало дескать слово это въ то время, какъ форму въ станокъ клали. А то вѣдь такихъ «антиспатовъ» наскажете, что послѣ цѣлую жизнь за вами будутъ мальчишки бѣгать да приговаривать: антиспатъ! антиспатъ! антиспатъ!

И еще вы объявляете, что въ тѣхъ сочиненныхъ вами врагахъ (главнѣйшіе-то враги ваши суть: М. М. Достоевскій, Страховъ и Косица), которые вами обижены и передъ которыми вы извиняетесь, ничего нѣтъ русскаго. «Духа русскаго тутъ и слыхомъ не слыхать, и видомъ не видать» говорите вы. Ну, не въ пусты-

нѣ ли вы проповѣдуете? и объ комъ это вы говорите? Выдумали себѣ какихъ-то не существующихъ враговъ да и пишутъ ихъ чѣмъ попало! И объ червонорусcахъ тутъ же кстати что-то пролепетали, объ какихъ-то четырехсотлѣтнихъ страданіяхъ! Что, я думаю, бѣготни-то стоило вамъ опредѣлить эту четырехсотлѣтнюю цифру! чай, у всѣхъ знакомыхъ переспросили, точно ли четыреста лѣтъ, а не триста девяносто девять! Какъ бы опять «антиспатовъ» не наврать! И объ чемъ это, объ какихъ это страданіяхъ вы говорите? И зачѣмъ вы анонимы употребляете? зачѣмъ вы бесѣдуете съ читателемъ въ формѣ какого-то невиннаго письма отъ Машеньки Н. къ Оленькѣ Р.?

А въ васъ-то что русскаго? А что, если мы докажемъ, что все ваше русское есть не болѣе, какъ арбузныя корки, выкинутыя вамъ покойною «Русскою Бесѣдой» за ненадобностью и обглоданіемъ? А что, если мы докажемъ вамъ, что въ васъ только и есть русскаго, что «Мертвый домъ»?

И еще вы хвастаетесь, что васъ любитъ публика, что у васъ много подписчиковъ. Знаете ли, кому вы этимъ обязаны? вы обязаны этимъ «Современнику», который нѣкоторое время заблуждался, что изъ васъ можетъ нѣчто выйти, и занимался наставленіемъ васъ на путь истинный; вы обязаны этимъ временному прекращенію того же «Современника», которое на минуту сосредоточило у васъ всѣ литературныя силы. И тутъ покровительствующею вамъ силою явились совсѣмъ не собственные ваши сапоги въ смятку, а чужая неудача. Все-то въ васъ чужое: ваши мысли суть объѣденныя чужія мысли, ваше сантиментальничанье съ либерализмомъ есть тысячекратно повторяемое трясеніе гоголевской «Шинели»; даже ваше счастье есть чужая неудача.

Чего же вы пугаетесь? сами себя пугаетесь. Съ кѣмъ вы воюете? сами съ собой воюете.

Вѣдь вы до такой степени галлюцинаціи дошли, что сами же свои собственныя внутренности раздираете, и тутъ же совершенно искренно убѣждаетесь, что раздираетъ ихъ вамъ кто-то посторонній. Вѣдь до этого доходилъ только Хлестаковъ, когда увѣрялъ, что сочинилъ Юрія Милославскаго!

Изъ-за моря птицы прилетали,
Прилетали, въ рощѣ толковали...

Ну, какая можетъ грозить бѣда «птицамъ смирнымъ, смирнымъ птицамъ, утицамъ залетнымъ»? Да не вѣрьте же вы г. Ѳ. Бергу: онъ васъ обманываетъ, онъ, кажется, даже хочетъ польстить вамъ. Сидите себѣ смирно, каждый на своей вѣткѣ, и толкуйте.

Въ рощѣ толковали, смирно поживали,
Смирно поживали, въ рощѣ толковали...

Хотите, я сейчасъ же пять печатныхъ листовъ такихъ стиховъ напишу? Хотите, я каждый мѣсяцъ сто такихъ книжекъ сочиню, какъ 1-ый № «Времени» за сей 1863 годъ?

Только и не могу сочинить одну драму Островскаго. Драма! драма! какъ ты въ рощу попала?

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

РАЗНЫЯ ШКОЛЫ.

БЕЙЕРЪ. Дѣтская фортепіанная школа, предназначенная исключительно для самыхъ малолѣтныхъ учениковъ и посвященная матерямъ семействъ, содержащая въ себѣ начальныя правила музыки, 100 примѣровъ, этюдъ, упражненій, гаммъ и маленькихъ пьесъ. Съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ, переложенныхъ для фортепіано (3 р.)

ГЮНТЕНЪ. Полная школа для фортепіано, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. 8-е изданіе, просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности въ 2 и 4 руки (3 р. 50 к.).

КОНТСКІЙ. Систематическое изложеніе игры на фортепіано, основанной на теоріи музыки, содержащее въ себѣ также руководство къ изученію Генерал-баса и приложеніе примѣровъ, взятыхъ изъ произведеній классическихъ композиторовъ (3 р.). Другъ дѣтей. Упражненія для маленькихъ рукъ, съ приложеніемъ пьесъ въ двѣ и четыре руки (2 р.). Необходимый путеводитель для піаниста. Ежедневныя упражненія. Новое дополненное изданіе (3 р.).

БЕРІО. Новѣйшая школа для скрипки, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 р.).

МАЗАСЪ. Лучшій скрипичный учитель или новая школа игры на скрипкѣ. Новое просмотрѣнное и дополненное изданіе (3 р.).

РОДЕ, БАЛЬО и КРЕЙЦЕРЪ. Скрипичный самоучитель, или полная теоретическая и практическая школа для скрипки. Новое изданіе, просмотрѣнное и дополненное А. Киндигеромъ, съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи (3 р.).

ЛИ. Новѣйшая школа для віолончели (4 р.).

МОРКОВЪ. Полная школа для семиструнной гитары, съ объясненіемъ о вновь усовершенствованной 10-ти струнной гитарѣ и приложеніемъ нѣсколькихъ для нея пьесъ. Въ этой школѣ, кромѣ подробно изложенныхъ правилъ для изученія музыки и игры на гитарѣ, даже безъ помощи учителя, помѣщено слишкомъ 50 упражненій, прелюдій, этюдовъ и разныхъ нигдѣ еще не напечатанныхъ новыхъ пьесъ, какъ для семиструнной, такъ и для 10-ти стр. гитары; нѣсколько дуэтовъ для двухъ гитаръ и

для гитары съ фортепіано. При школѣ приложены два рисунка, кромѣ того гитарный гриф для облегченія при самоученіи и портретъ автора (3 р.).

ЧІАРДИ. Новѣйшая теоретическая и практическая школа для флейты, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при придворной пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ (3 р.).

МАЙЕРЪ-МАРИКСЪ. Школа для гармониФлейты, съ изъясненіемъ и описаніемъ сего инструмента, просмотрѣнная и дополненная новыми пьесами М. Бернардомъ (1 р.).

ПАНСЕРОНЪ. Музыкальная азбука или первоначальная школа пѣнія (3 р.).

ВАККАЙ. Практическія упражненія для итальянскаго пѣнія, состоящія изъ 15 уроковъ (2 р. 50 к.).

БЕРНАРДЪ. Искусство настраивать или систематическое изложеніе правилъ научиться безъ труда и въ самое короткое время вѣрно и чисто строить фортепіано, натягивать струны и вообще поддержать инструментъ въ надлежащемъ порядкѣ (40 к., за перес. 1 ф.).

МОРКОВЪ. Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала по 1862 г. Съ прибавленіемъ нѣсколькихъ афишъ и объявленій, издававшихся болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, и увертюра первой русской оперы, написанная въ 1755 г. (1 р., за перес. за 1 ф.).

ШУМАНЪ. Совѣты молодымъ музыкантамъ (30 к., за перес. за 1 ф.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того ничего не платятъ за пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1 февраля 2-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXIV), содержащая въ себѣ 7 пьесъ: *Бенделя, Блюменталя, Майера, Кеттерера, Эдарда* и др., 2 новые танца, 2 русскіе романса и литературное прибавленіе къ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 коп.).

Вновь получены: ИНОСТРАННЫЯ РОЯЛИ и ПІАНИНО лучшаго достоинства, СКРИПКИ, ВІОЛОНЧЕЛИ, СМЫЧКИ разныхъ цѣнъ и достоинствъ, ФЛЕЙТЫ, ГАРМОНИФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, МЕТРОНОМЫ, КАММЕРТОНЫ и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 марта 1863 года.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца, въ домѣ Лихачева.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ФИЗІОЛОГІЯ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ. Соч. І. І. Льюиса. Переводъ съ англійскаго Борзенкова и Рачинскаго. Изданіе второе съ политипажами. Москва, 1863. Ц. 3 р., съ перес. 4 р.

ОЧЕРКИ АНГЛІИ. Соч. Леона Фоше. Перев. Дементьева и Хлѣбникова. Спб. 1863. Ц. 2 р., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА отъ времени вѣнскаго конгресса. І. Гервинуса. Перев. подъ редакціей Антоновича. Томъ 1-й. Спб. 1863. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 75 к.

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ. Соч. Щедрина. 1 томъ 20 листовъ. Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СЧАСТЬЕ НЕСЧАСТЬЕ. Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. А. Ѳ. Вельтмана. 2 ч. Москва. 1863. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

УЧЕБНАЯ КНИГА ГЕОГРАФІИ. Соч. Даніеля. Перев. А. Корсакъ. Москва. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. 50 к.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. М. Стасюлевича. Томъ 1-й. Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. 25 к.

СИРІЯ и ПАЛЕСТИНА подъ турецкимъ правительствомъ въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ. Соч. Базили. 2 тома. Спб. 1862. Ц. 4 р., съ перес. 5 р.

ЮЛІАНЪ ШМИДТЪ. Исторія французской литературы со временъ революціи 1799 года. Переведено подъ редакціей Дилтомостьева. 2 тома. Спб. 1863. Ц. 4 р., съ перес. 5 р. Выпускъ 1-й; выдается на остальные билетъ.

РУКОВОДСТВО ФИЗІОЛОГИЧЕСКОЙ ХИМІИ. Перев. съ нѣмецк. Волкова и Маналеинъ. Выпускъ первый. Дерптъ. 1862. Ц. 2 р. 25 к., съ перес. 3 р.

ОПИСАНІЕ ВАРШАВЫ и ея окрестностей, съ дополненіемъ описанія Ченстохова. Съ планомъ Варшавы. Варшава. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ ФИЗИКИ съ присовокупленіемъ главнѣйшихъ свѣдѣній изъ химіи. Сост. Тыртовъ. 2 ч., съ политипажами. Спб. 1862. Ц. 1 р. 60 к., съ перес. 2 р.

КАРТА ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО съ частями пограничныхъ губерній. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к. Наклеенная на полотнѣ 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ [illegible] Глубова. Спб. 1863. Ц. 60 к., съ перес. 85 к.

ОБЩЕПОНЯТНОЕ РУКОВОДСТВО къ практическому сельскому хозяйству. П. Преображенскаго. Часть шестая съ 168 политипажами. Изданіе второе. Москва. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. Тожь, томы 1, 2, 3, 4 и 5. Ц. 7 р. 50 к., съ перес. 10 рублей.

КУРСЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ (введеніе и краткая зоологія). Составилъ Д. Михайловъ. Изданіе второе. Выпускъ 1-й. Спб. 1862. Ц. 60 к., съ перес. 1 р.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КУРСЪ ЗООЛОГІИ. Сост. по методѣ Любена и Габріеля Д. Михайловъ. Спб. 1862. Ц. 30 к., съ перес. 60 коп.

РАЗГОВОРЫ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, составленныя Ивановымъ. Спб. 1859. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ОСНОВНЫЯ ПОНЯТІЯ ХИМІИ, изложенныя Ѳ. Савченковымъ, горнымъ инженеромъ. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

УЧЕБНАЯ КНИГА ГЕОГРАФІИ. Сравнительное описаніе всѣхъ частей свѣта въ физико-этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Составилъ К. Смирновъ. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к. Тоже, выпуски 1 и 2. Ц. 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ОПИСАНІЕ УЛИЦЪ С.-ПЕТЕРБУРГА и фамиліи домовладѣльцевъ къ 1863 году. Сост. Н. Цыловъ. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ ЛЕКСИКОНЪ синонимовъ, галлицизмовъ, натуральныхъ выраженій, поговорокъ, пословицъ и особенностей разговорнаго французскаго языка. Составили Л. Крестлингъ и Н. Крестлингъ. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

ОБЩЕСТВЕННОЕ БОГОСЛУЖЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, кратко изложенное въ вопросахъ и отвѣтахъ А. Т. Бузовой. Съ 34 изображеніями священныхъ предметовъ и двунадесятыхъ праздниковъ. Спб. 1862. Ц. 50 к., съ перес. 80 к.

СВЯЩЕННЫЯ ПѢСНОПѢНІЯ ДРЕВНЯГО СІОНА, или стихотворное переложеніе псалмовъ, составляющихъ Псалтирь. Изданіе второе. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

ВѢЧНАЯ ЖИЗНЬ. Публичныя чтенія Эрнеста Новиля, бывшаго профессора философіи въ Женевѣ. Переведено свящ. М. Сергіевскимъ, профессоромъ богословія въ московскомъ университетѣ. Москва. 1863. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

КАРМАННАЯ поваренная книжка, составленная К. Чаадѣевой. Изд. третье. Спб. 1859. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться на имя Алексѣя Ивановича Давыдова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 8 марта 1863 года.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

СТОГЛАВЪ. Соборъ бывшій въ Москвѣ, при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Изданъ буквально по древнимъ рукописямъ, переданнымъ мнѣ извѣстными любителями старины Т. Ѳ. Большаковымъ и Д. Ѳ. Болотовымъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова, Спб. 1863 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАСКОЛЬНИЧЬИ ДѢЛА XVIII СТОЛѢТІЯ ТОМЪ II-й, заимствованный изъ дѣлъ преображенскаго приказа и тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи Г. В. Есиповымъ. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Въ этомъ томѣ, между прочими документами, напечатаны буквально: Исторія объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ. Исторія о бѣгствующемъ священствѣ. Житіе Павла коломенскаго. Житіе Потемкина. О бритіи бородъ со всѣми указами и посланіями. Спб. 1863 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к. Того же изд. Томъ I-й. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ соч. Н. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова Спб. 1863 г. Два тома. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 коп.

СѢВЕРО-РУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА во времена удѣльно-вѣчнаго уклада. Новгородъ, Псковъ, Вятка. Соч. Н. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два тома. Спб. 1863 г. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 коп.

ГРАФЫ НИКИТА И ПЕТРЪ ПАНИНЫ; опытъ разработки новѣйшей русской исторіи по неизданнымъ источникамъ. Соч. П. О. Лебедева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1. 25 к.

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЪ. Соч. А. Щапова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Выпускъ 1-й. Спб. 1862 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ЧЕЛОБИТНЫЯ, справщики Савватій Сидвы Романова и монаховъ соловецкаго монастыря; три памятника изъ первоначальной исторіи старообрядства, изданные буквально, по древнимъ рукописямъ Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 руб.

ИСТОРІЯ ВЫГОВСКОЙ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ПУСТЫНИ. Издадана буквально, по рукописи Ивана Филиппова, съ соблюденіемъ его правописанія, Д. Е. Кожанчиковымъ. Большой томъ съ одиннадцатью портретами знаменитыхъ старообрядцевъ и двумя видами Выговскаго общежительнаго монастыря. Спб. 1862 г. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

ЖИТІЕ ПРОПОТОПА АВВАКУМА, [illegible] по раскольнической рукописи, подъ редакціею Н. Тихонравова Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 руб.

ПОВѢСТЬ О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ и сказаніе о хранительномъ быліи, мерзскомъ заліи, еже есть [illegible]. Два произведенія раскольнической литературы, изд. буквально Д. Е. Кожанчиковымъ. Спб. 1862 г. Цѣна 40 к., съ пер. 65 коп.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРІИ СТАРООБРЯДСТВА, переданные С. Максимовымъ, по раскольническимъ рукописямъ, съ портретомъ инока Корнилія изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 руб.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ русской народной словесности и искусства. Соч. Ѳ. Н. Буслаева; изд Д. Е. Кожанчикова, два большихъ тома. Великолѣпное изданіе на веленевой гласированной бумагѣ, съ 212 рисунками, съ древнихъ рукописей. Спб. 1861 г. Цѣна 7 р., съ пер. 8 р. 50 коп.

СБОРНИКЪ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ сост. В. Варенцовъ; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА изъ новгородской и Псковской губерніи Павла Якушкина. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г. Цѣна 75 к., съ пер. 1 руб.

НОВЫЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ МАРКА ВОВЧКА. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ МАРКА ВОВЧКА. Перев. Н. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова; Спб. 1860 г. 50 к., съ пер. 75 коп.

ГРИША. Повѣсть изъ раскольничьяго быта, Андрея Печерскаго. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г. Цѣна 40 к., съ пер. 50 коп.

ТЫСЯЧА ДУШЪ. Романъ соч. А. Писемскаго. Изд. Д. Е. Кожанчикова; 4 части въ 2-хъ томахъ. Спб. 1858 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА. Драма въ 4 дѣйствіяхъ, соч. А. Писемскаго. Изд. Д. Е. Кожанчикова, Спб. 1860 г. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПИТЪ ВЪ ПРОДАЖУ.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. А. К. Толстаго. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863 г. Два тома. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 марта 1863 года.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ «СОВРЕМЕННИКА» ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ, ИЗДАННЫЯ ЕЮ, КНИГИ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА, заключающая въ себѣ, въ переводѣ съ исправленнаго изданія, исторію XVIII столѣтія и XIX до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. Соч. Шлоссера. Это изданіе состоитъ изъ 8 томовъ, до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ. Цѣна за всѣ 8 томовъ 10 руб. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою 12 руб. Отдѣльно послѣдніе четыре (5, 6, 7 и 8) тома (исторія конца XVIII столѣтія, съ 1788 года, и начало XIX до паденія французской имперіи) продаются за 5 руб., съ пересылкою 6 руб.

РАЗСКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКАГО. Спб. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

ГРОЗА, драма А. Островскаго. Спб. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 50 коп.

ВОСПИТАННИЦА, комедія А. Островскаго. Спб. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 50 коп.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ НОВАГО ПОЭТА, И. И. Панаева. Спб. Цѣна за 2 тома 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

ОЧЕРКИ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ, Н. И. Костомарова. Спб. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Книги эти по вышеозначеннымъ цѣнамъ можно получать въ С.-Петербургской и Московской конторахъ «Современника».

Въ конторѣ редакціи «Современника» осталось нѣкоторое количество экземпляровъ пяти выданныхъ номеровъ «Современника» 1862 г. Желающіе имѣть эти пять номеровъ, могутъ получать или выписывать ихъ изъ С.-Петербургской конторы «Современника», уплачивая по 5 р. с. за экземпляръ (*изъ пяти номеровъ*) безъ пересылки, и по 6 р. с. съ пересылкою.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

НОВОЕ (ТРЕТЬЕ) ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. НЕКРАСОВА.

Со втораго изданія, содержащаго въ себѣ 500 стран., въ 12 долю, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Цѣна за двѣ части въ Петербургѣ и Москвѣ 1 руб. сер., съ перес. 1 руб. 50 коп. Желающіе получить книгу тотчасъ по ея выходѣ могутъ высылать требованія заблаговременно въ Конторы «Современника» Петербургскую или Московскую.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.

РОМАНЪ

М. В. АВДѢЕВА.

1 томъ, цѣна 1 руб. 50 коп.; съ пересылкой 2 руб. Желающіе получить эту книгу тотчасъ по ея выходѣ могутъ высылать свои требованія заблаговременно въ Конторы «Современника» Петербургскую или Московскую.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

СОЧИНЕНІЕ

М. ЩЕДРИНА.

1 томъ, заключающій въ себѣ до 500 страницъ. Изданіе книжнаго магазина Серно-Соловьевича. Цѣна 1 р. 50 к.; съ пересылкой 2 р. Желающіе получить книгу тотчасъ по ея выходѣ могутъ адресоваться заблаговременно въ книжный магазинъ Серно-Соловьевича *на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Покровской церкви.*

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 марта 1863 года.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, д. № 24.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ.

СОЧИНЕНІЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА, 4 тома съ портретомъ автора. Спб. 1862 г. Ц. 5 руб., перес. за 5 ф. по разстоянію.

ДНЕВНИКЪ ДѢВОЧКИ. Соч. Буташевской, съ пред. И. С. Тургенева. Изд. Серно-Соловьевича. Спб. 1862 г. Ц. 50 коп., перес. за 1 ф.

СБОРНИКЪ ПѢСЕНЪ САМАРСКАГО КРАЯ. Сост. В. Варенцовымъ. Изд. Серно-Соловьевича. Спб. 1862 г. Ц. 75 к. перес. за 1 ф.

СОБРАНІЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ Н. И. Пирогова. Кіевъ, 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ВЪ ПРОВИНЦІИ М. Л. МИХАЙЛОВА, изд. гр. Кушелева-Безбородко. Спб. 2 ч. Ц. 1 р., перес. за 3 ф.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА, изд. подъ редакціею А. П. Пятковскаго. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

ПОВѢСТИ КОХАНОВСКОЙ. 2 ч. М. 1863 г. Ц. 2 р., пер. за 3 ф.

СТИХОТВОРЕНІЯ В. КРЕСТОВСКАГО, 2 т. Спб. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

БѢЛИНСКІЙ КАКЪ МОРАЛИСТЪ. Спб. 1862 г. ч. 1. Ц. 1 р., пер. за 1 ф.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ XVI и XVII СТ. Соч. Ив. Забѣлина. Ч. 1. М. 1862 г. Ц. 3 р., перес. за 2 ф.

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛА-ШЕТАРДИ ВЪ РОССІИ 1740—1742. Переводъ рукописныхъ депешъ франц. посольства въ Петербургѣ, издалъ съ прим. и дополн. П. П. Пекарскій. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 ф.

ОПЫТЪ РАЗРАБОТКИ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ. Графы Никита и Петръ Панины, Н. Лебедева, бывшаго проф. Николаевской академіи генерал. штаба. Спб. 1863 г. Ц. 1 р., перес. за 1 ф.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ НАРОДНАГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ И СУЕВѢРІЯ (православнаго и старообрядческаго) Щапова. Спб. 1862 г. Ц. 30 к., перес. за 1 ф.

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЪ, ЩАПОВА. Вып. 1. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

ДѢЛО ПАТРІАРХА НИКОНА. Историческое изслѣдованіе, по поводу XI т. Исторіи Россіи Соловьева, Н. Субботина, съ приложеніемъ актовъ и бумагъ, относящихся къ этому дѣлу. М. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

МЕТОДЫ РАЗРАБОТКИ ПОЛОЖИТЕЛЬНАГО ПРАВА И ОБЩЕСТВЕННАГО ЗНАЧЕНІЯ ЮРИСТОВЪ ОТЪ ГЛОССАТОРОВЪ ДО КОНЦА XVIII ст. Изслѣдованіе Г. Стоянова. Харьковъ, 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

ПОЛНЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВАГО ВЕЛИКОРУССКАГО ЯЗЫКА, В. Даля. Вып. V. М. 1862 г. Ц. 1 р., пер. за 1 ф.

НАСТОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ДЛЯ СПРАВОКЪ ПО ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ, (Справочный энциклопедическій Лексиконъ). составляемый подъ редакціею Ф. Толля, 12 вып. или 3 тома. Вып. I. А.-Баш. Спб. 1863 г. Ц. всѣхъ выпусковъ или 3 т. 5 р. 50 к., съ перес. 7 р. сер.

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ, составилъ по коруч. Имп. Рус. Геогр. Общ. дѣйств. членъ Общ. П. Семеновъ, т. I, вып. 1-й 2-й 3-й. Спб. Ц. каждаго вып. 75 к. сер., пер. за 1 ф.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ РАСХОДОВЪ НА ВОЕННЫЯ ПОТРЕБНОСТИ СЪ 1711 ПО 1825 Г. Д. П. Журавскаго. Спб. Ц. 1 р. пер. за 1 ф. 1859.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ Ф. Шлоссера. Т. I—VII изд. Серно-Соловьевича. Спб. 1861—1863 г. Ц. каждаго Т. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА ОТЪ ВРЕМЕНИ ВѢНСКАГО КОНГРЕССА. І. Гервинуса, перев. подъ редакціею М. А. Антоновича, изд. О. Бакста, вып. 1-й 2-й. Спб. 1862 г. Ц. каждаго вып. 75 к., съ пер. за 1 ф. При подпискѣ на 8 выпусковъ, платится 5 р., съ пер. 7 р.

ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 Г. ТАРНЬЕ ПАЖЕ. Т. I, Италіи; Т. II, Франціи (Февральской революціи). Спб, 1862 г. Ц. каждаго тома 1 р, 50 к., съ пер. за 2 ф., на каждый томъ.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ. І. Шерра, пер. подъ редакціею А. Н. Пыпина, изд. О, Бакста. Вып. I. Спб. 1862 г. Изданіе будетъ состоять изъ 3-хъ выпусковъ (2 тома около 50 печатныхъ листовъ). Цѣна за все изд. 3 р. съ пер. за 4 ф.

ЮЛІАНЪ ШМИДТЪ. ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Т. I, вып. I. Изданіе составитъ 2 т. въ 5 вып. Изд. Н. Тиблена. Спб. 1862 г. Цѣна за 2 вып. 4 р., съ пер. за 5 ф.

КУНО-ФИШЕРЪ. ИСТОРІЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ. Т. 1-й 2-й. Спб. 1862—6 т. пер. Н. Страхова; изд. Н. Тиблена. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., съ пер. за 2 ф. на каждый томъ. Все изданіе состоитъ изъ 4-хъ томовъ. При подпискѣ на 4 т. платится 7 р. 50 к. съ пер. за 8 ф. по разс.

БОКЛЬ. ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ АНГЛІИ. Т. I (часть 1), изд. Н. Тиблена. Спб. 1863. 2-я часть 1-го тома выйдетъ весной, а 2-й томъ къ осени 1863 г. Цѣна за весь 1-й т. 2 р. 50 к., за каждую часть отдѣльно 1 р. 50 к.

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ, сочиненіе Н. Щедрина. Изд. книжнаго магазина Серно-Соловьевича. Спб, 1863. Ц. 1 р. 50 к.

ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ПОСТУПЯТЪ ВЪ ПРОДАЖУ ИЗДАНІЯ КНИЖНАГО МАГАЗИНА СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧА.

О ПИЩѢ, соч. Молешотта, пер. подъ редакціею А. Н. Энгельгардта.
НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ, Н. Щедрина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 марта 1863 года.

Стр.

цузскаго посольства въ Петербургѣ. Изданъ съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскій (101). — Земство и расколъ, А. Щапова. Выпускъ первый. — «Бѣгуны», А. Щапова. («Время», 1862, октябрь и ноябрь) (110). — Памятныя записки А. В. Храповицкаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины II. Изданіе полное, съ примѣчаніями Г. Н. Геннади («Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.», 1862, кн. 2 и 3) (123). — Анаѳема, или торжество Православія, совершаемое ежегодно въ первый воскресный день великаго поста. (Три письма къ другу). Составилъ А. А. Быстротоковъ. 128

XXI. — ПОПЫТКИ НАРОДНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. в. а. с. . 131

XXII. — ПОЛИТИКА. (Общій характеръ политики Франціи и Пруссіи.—Дѣла во Франціи: выборы, пресса, хлопчатобумажный кризисъ; законодательная сессія 1863 года.— Дѣла въ Пруссіи. — Положеніе различныхъ партій и возможный исходъ изъ этого положенія). 145

XXIII. — ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ИЗВѢСТІЮ ИЗЪ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ. 173

XXIV. — НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. (Оговорка. — Нѣсколько словъ о благородствѣ чувствъ вообще. — Картонныя кушанья, картонныя копья, картонныя рѣчи.— Благородство литературное въ частности, и образчики онаго. — Примѣрныя повѣсти и примѣрныя драмы. — «Ваня—бѣлыя перчатки и Маша—дырявое рубище».— «Полуобразованность и жадность — родныя сестры». — «Сынъ откупщика». — «Бѣдная племянница». — Чего можно ожидать отъ благородства въ будущемъ? — Нѣсколько средствъ въ видахъ оживленія русской литературы. — Заключеніе. — Тревоги «Времени». 175

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ПОРТРЕТЪ ИВАНА ИВАНОВИЧА ПАНАЕВА.

Объявленія: 1) отъ музыкальнаго магазина *М. Бернарда*, 2) отъ книжнаго магазина *А. И. Давыдова*, 3) отъ книжнаго магазина *Д. Е. Кожанчикова*, 4) отъ конторы редакціи «Современника», 5) отъ книжнаго магазина *Серно-Соловьевича*.

***Сверхъ того, при семъ № прилагается для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе о книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ* КОРАБЛЕВА И СИРЯКОВА.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14-го марта 1863 года.

СОВРЕМЕННИКЪ выходитъ въ 1863 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	*съ пересылкою или доставкою:*
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО *въ Контору Современника въ С. Петербургѣ.*

ПЕЧАТАЮТСЯ:

НОВОЕ (ТРЕТЬЕ) ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. НЕКРАСОВА.

Со втораго изданія, содержащаго въ себѣ 500 стр., въ 12 долю, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Цѣна за двѣ части въ Петербургѣ и Москвѣ 1 руб. сер., съ перес. 1 р. 50 к. Желающіе получить книгу тотчасъ по ея выходѣ, могутъ высылать требованія заблаговременно въ конторы «Современника» Петербургскую или Московскую.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.

Романъ М. В. АВДѢЕВА.

1 томъ; цѣна 1 р. 50 к.: съ перес. 2 р. Желающіе получить эту книгу тотчасъ по ея выходѣ могутъ высылать свои требованія заблаговременно въ Конторы «Современника» Петербургскую или Московскую.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

Соч. Н. ЩЕДРИНА.

1 томъ, заключающій въ себѣ до 500 страницъ. Изданіе книжнаго магазина Серно-Соловьевича. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. Желающіе получить книгу тотчасъ по ея выходѣ, могутъ адресоваться заблаговременно въ книжный магазинъ Серно-Соловьевича *на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НОВЫЙ ВАВИЛОНЪ.

La Nouvelle Babylone, par E. Pelletan. Paris. 1862.

Подъ этимъ заглавіемъ въ концѣ прошлаго года вышелъ рядъ писемъ провинціала о современномъ Парижѣ. Провинціалъ этотъ довольно извѣстный писатель, Пелльтанъ. Пелльтанъ писатель бойкій, даже блестящій, но при всемъ этомъ невзыскательный: два, три острыхъ слова на главу, и съ него совершенно достаточно; мысль его вымѣрена по вершкамъ; нравамъ онъ можетъ передать такую же тщательно вымѣренную филантропію, которая имъ не будетъ въ тягость. Если онъ протестуетъ противъ современной деморализаціи, то протестъ его, какъ мы увидимъ, ограничивается однимъ лишь извѣстнымъ видомъ безнравственности и никакъ не можетъ затронуть общество съ такими безукоризненными нравами, какъ наше. Мы его можемъ читать поэтому, что называется, всласть.—Не смотря на то, Пелльтанъ слыветъ за одного изъ либеральныхъ писателей современной Франціи. Дѣло въ томъ, что онъ не спроста вооружается противъ современнаго упадка нравовъ, а тутъ же кстати занимается и высшей политикой. Нравы здѣсь дѣло второстепенное, а главное диктатура; она, портя все, портитъ и нравы, она-то и порождаетъ оппозицію, къ которой принадлежитъ между прочимъ и Пелльтанъ—вотъ почему онъ и относится къ числу либеральныхъ писателей.

Такъ какъ мы желаемъ одинаковаго успѣха какъ диктатурѣ, такъ и оппозиціи Пелльтана, то разберемъ, въ чемъ состоятъ ихъ пререканія, если не для того, чтобы мѣшаться въ политику, то чтобы по-

нять, какой смыслъ имѣютъ всѣ возгласы о современномъ разложеніи французскаго общества.

Толки эти стали въ послѣднее время общимъ мѣстомъ, въ нихъ вѣрили болѣе или менѣе всѣ, еще болѣе говорили о нихъ такъ спроста, безъ всякой вѣры. Не доставало только, чтобы кто нибудь отнесся къ нимъ критически, чтобы окончательно убѣдиться въ справедливости этихъ толковъ; и такъ, вотъ еще причина познакомиться съ Пельтаномъ.

Не смотря на все наше уваженіе къ общимъ мѣстамъ, не скроемъ, что толки эти казались намъ всегда не лишенными нѣкоторой поэтической вольности. Посудите сами, какъ такъ цѣлое населеніе доведено до крайняго разврата въ какіе нибудь десять лѣтъ вліяніемъ диктатуры? Тутъ есть что-то неясное.

Не ясно, во первыхъ, кого понимать подъ развращенными: цѣлую Францію, то есть 35 мил. населенія, половину, треть или, можетъ быть, однихъ приговоренныхъ полицейскими судами за проступки противъ правилъ благочинія; во вторыхъ, что слѣдуетъ собственно понимать подъ развращеніемъ.

Теперь Пельтанъ даетъ возможность понять и то и другое.

Что касается внѣшнихъ топографическихъ границъ разложенія, то здѣсь сомнѣніе было порождено, какъ оказывается, логическимъ промахомъ, общимъ не только житейскимъ моралистамъ, но и писателямъ. Съ тѣхъ поръ, какъ какой-то софистъ позволилъ себѣ замѣтить, что нельзя дѣлать умозаключеній отъ частнаго къ общему, не договорившись до нелѣпости, обычай вѣроятно на зло старался доказать противное и плодилъ умозаключенія, которыя внесли нелѣпость и въ этотъ вопросъ.

Такое приблизительно явленіе повторялось и у писателей различныхъ школъ и партій, особенно между публицистами и историками. Здѣсь часть или единица принималась за цѣлое, какъ будто иначе и быть не могло. Привыкнувъ разъ къ такой логикѣ, публицистъ считалъ себя за тѣмъ вправѣ не обращать никакого вниманія на сумму частей, бралъ одну долю и по ней выводилъ рѣшенія: если часть была въ чемъ виновата, то значитъ было виновато и все общество; если часть въ чемъ нуждалась, то это было и нуждой всего цѣлаго. Нѣчто похожее дѣлаютъ теперь французскіе писатели, вооружаясь противъ общественной деморализаціи: каждый видитъ свой тѣсный кружокъ, если еще не себя одного, и отсюда судитъ общее положеніе. У Пельтана, по крайней мѣрѣ, всѣ обвинительные факты, все содержаніе книги касается одной исключительно части парижскаго населенія, къ которой принадлежитъ самъ авторъ; между тѣмъ, какъ названіе Вави-

лона распространяется на весь городъ, деморализація касается только бульваровъ и квартала Бреда.

Откуда происходитъ эта несообразность, понять не трудно. Она невольно наводитъ сомнѣніе, не принимаетъ ли Пелльтанъ и во всемъ остальномъ буржуазіи за цѣлое, не видитъ ли въ этомъ клочкѣ населенія интересовъ всей Франціи и становится на сторону оппозиціи только въ видахъ этого клочка. Самъ Пелльтанъ объясняетъ, что онъ нотаріусъ, что его отецъ былъ нотаріусъ и т. д., что онъ сторонникъ капитала и счастливъ тѣмъ, что никогда не занималъ никакого мѣста въ правительствѣ, хотя и пробовалъ искать. Онъ, словомъ, не человѣкъ, какъ мы другіе, для него погода измѣряется положеніемъ лавки, для него свобода есть свобода лавки, право—право лавки. Онъ чувствуетъ, что если лавка будетъ продолжать жить на настоящую ногу, то она должна будетъ неминуемо прожиться, какъ было съ ея предмѣстницей, и тогда прощай навсегда ея вліяніе. Весь протестъ его противъ диктатуры заключается лишь въ томъ направленіи, которое приняли нравы лавки подъ ея вліяніемъ. Ему естественно поэтому разумѣть подъ бульварной деморализаціей не только деморализацію Парижа, но и разложеніе поднебесной.

Теперь мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, ключъ ко всякимъ толкамъ о нравственномъ паденіи, знаемъ, что дѣло состоитъ только въ борьбѣ между двумя правительственными порядками, императорской диктатурой и опрокинутымъ буржуазнымъ либерализмомъ, разнящихся развѣ тѣмъ, что при одномъ буржуазія должна прожиться медленнѣе, при другомъ быстрѣе. Пелльтанъ считаетъ лучшимъ средствомъ въ этой борьбѣ противупоставить нравы общества 40-хъ годовъ тому, что происходитъ въ настоящую минуту, онъ въ нашихъ глазахъ хочетъ дать поединокъ между нравами двухъ правительствъ. Посмотримъ же, чьи нравы лучше. Это дастъ намъ случай понять окончательно, что разумѣютъ эти господа подъ нравственнымъ разложеніемъ.

Намъ бы очень хотѣлось знать всю глубину распущенности буржуазныхъ нравовъ, чтобы судить болѣе или менѣе вѣрно о томъ градусѣ, до котораго дошелъ патологическій процессъ, долженствующій выродить лавку. Къ сожалѣнію, деморализація все-таки не слишкомъ бросается въ глаза и скорѣе заставляетъ себя отгадывать, чѣмъ поражаетъ. Доступъ къ наблюденію ея не такъ легокъ тому, кто заглянулъ въ Парижъ на нѣсколько недѣль. Кое-гдѣ отъ времени до времени выпрется наружу фактъ, пройдетъ глухое указаніе въ газетахъ, явится судебный процессъ, намекающій на богатую жилу деморализаціи, скрытую подъ внѣшней формой законности, но и только. Пока все это затаенное содержаніе не вскроется само собою, мы ждемъ, что, по крайней мѣрѣ, литература покажетъ намъ эти ужасы вавилонскаго кру-

шенія подъ полицейской фалдой, ждемъ прежде всего фактовъ. Между тѣмъ, французская обличительная литература, подобно нашей, ходитъ только около, кричитъ что есть что-то страшное, возмутительное, и не называетъ ничего поимянно, не выводитъ фактовъ. Пельтанъ посвятилъ цѣлую книгу новому Вавилону, а между тѣмъ всѣ свидѣтельства его ограничиваются нѣсколькими анекдотами, собранными тамъ и сямъ провинціальнымъ туристомъ, который видимо не успѣлъ и не имѣлъ ни средствъ, ни времени проникнуть въ закрытыя двери, за которыми кроется настоящее дѣло деморализаціи. Читая его, русская публика можетъ только улыбаться болтливости нотаріуса, который на томъ основаніи, что стоитъ за собственность, считаетъ нужнымъ звать на помощь городоваго, завидѣвъ въ окнѣ лавки стереоскопическое изображеніе необутой цвѣточницы. Ему не вдомекъ, что это съ его стороны явное посягательство на художественную собственность. Всѣ ужасы современнаго Вавилона ограничиваются у Пельтана подобными случайными наблюденіями. Онъ проходитъ послѣдовательно всѣ элементы бульварнаго быта, отъ порядочной женщины до лоретки, отъ романа до фотографіи, отъ кринолина до сигарки, и отъ всего отворачивается, какъ старая дѣва, опускаетъ глаза и приходитъ въ негодованіе. Порядочная женщина одѣвается у швеи мужскаго пола; передъ каждымъ придворнымъ баломъ рядъ каретъ толпится въ улицѣ de la Paix у мужчины—модистки, который собственноручно одѣваетъ парижскую знать прекраснаго пола, и Пельтанъ называетъ это вавилонской чертой.

Женщина въ раздумьи надъ колыбелью ребенка облокотила голову на руку, унизанную кольцами. Кругомъ ночная тишина, лампа льетъ полусвѣтъ изъ-подъ синяго абажура на всю картину. О чемъ она думаетъ? Она высчитываетъ математическую линію для вырѣза корсажа, съ которой женщина можетъ быть въ одно и то же время одѣта и нѣтъ. Та же женщина вертитъ въ рукахъ романъ Федо, и при томъ не купленный только что въ лавкѣ, а взятый на прокатъ, не совсѣмъ безукоризненной чистоты, съ слѣдами ногтей на поляхъ и отмѣтками, напоминающими маскарадное остроуміе. Одной танцовщицѣ вздумалось выкупаться въ шампанскомъ и потомъ напоить изъ ванны гостей, другая распродаетъ въ Avenue des Champs Elysées свою утварь; Пельтанъ входитъ, пользуясь случаемъ, и приходитъ въ ужасъ отъ одной комнаты, заставленной только кушетками! Читальни стоятъ пусты; между тѣмъ кофейни и кабаки растутъ, тогда какъ по сосѣдству Пельтана живетъ сумасшедшій британецъ, выписывающій цѣлую библіотеку журналовъ и книгъ, хотя впрочемъ ничего не читающій. Въ литературѣ царитъ половой романъ, плодятся иллюстрированныя изданія, на сценѣ les Intimes, критика, по выраженію Вольтера, въ

лицѣ С.-Бёва плюетъ въ блюдо (читай: литературу), чтобы послѣдняя опротивѣла наконецъ публикѣ; фотографія и гравюра истощаютъ всѣ предлоги, цвѣточницъ, купальщицъ и т. д., чтобъ обратиться въ базаръ человѣчесиаго мяса, женщина носитъ страшные кринолины, мужчины курятъ табакъ, въ обществѣ вертятъ столы, пьютъ, ѣдятъ, ведутъ игру и ничего не читаютъ. У живаго поколѣнія одно слово на языкѣ: amusons nous et moquions nous de nous mêmes, cras enim moriemur, en bon français après nous le déluge. Можетъ быть, все это было точно такъ въ Вавилонѣ передъ его крушеніемъ, но мы знаемъ, что не одинъ Парижъ находится въ такомъ случаѣ въ подобномъ положеніи.

Итакъ, гдѣ же во всѣхъ приведенныхъ указаніяхъ Пельтана что либо особенное, чего бы нельзя было отыскать въ прошлыхъ нравахъ буржуазіи и въ остальной Европѣ?

Сколько бы мы ни вглядывались въ парижскіе нравы съ этой стороны, мы не найдемъ существенной разницы между Парижемъ 40-хъ и 60-хъ годовъ; то же бульварное царство, та же деморализація, подкупы, крапленыя карты и т. д.

Все это немного поразвилось развѣ, отъ времени возмужало, перестало конфузиться, усѣлось не съ прежней лицемѣрной сдержанностію, а протянуло ноги, пріобрѣло нѣкоторый размахъ и откровенность, выглянуло отчасти на улицу. Эта-то именно откровенность портитъ кровь людямъ, привыкшимъ въ соціальномъ порядкѣ къ извѣстному чину, для которыхъ все сносно, и лоретка, и подкупы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы все знало свое мѣсто,—то именно, на которомъ они привыкли ихъ видѣть прежде: чтобы лоретка не смѣла жить въ Avenue des Champs Elysées, чтобы подкупы производило только конституціонное министерство и половой романъ читался порядочной женщиной не при бѣломъ свѣтѣ, а прятался гдѣ нибудь подъ подушкой. Въ этихъ нравахъ люди успѣли состарѣться, стать брюзгливы, завелись очагомъ и женой, которая умѣетъ отлично стеречь кухню, мыть дѣтей и т. д.

Между тѣмъ, прогрессъ пошелъ на прибыль, а съ нимъ вмѣстѣ и бульварные нравы. Бульваръ сталъ тяготиться формалистикой, замѣнившей нравственность, сталъ сбрасывать мало по малу пустыя приличія, началъ съ самыхъ ничтожныхъ, ну хоть замѣнилъ сюртукъ пеганлеромъ и закурилъ сигару въ гостиной. Затѣмъ дѣло пошло само собою. Выбрасывая каждый день за окно что нибудь новое подъ предлогомъ пустой формы, онъ незамѣтно отправилъ туда же литературу, науку, трибуну, судъ и конституцію, потому что все это было въ сущности только пустымъ приличіемъ, и наконецъ, очутился на-

голо безъ малѣйшаго винограднаго листка для прикрытія своей наготы, кромѣ тощей фалды сержанъ-де-вилля.

Другаго превращенія не было, сущность осталась та же. Между тѣмъ, бездна людей вообразила, что свѣтъ сошелся клиномъ на министерскихъ подкупахъ, разсчитала, что все это было вызвано, какъ изъ подъ земли, переворотомъ 2 декабря, и не узнаетъ съ тѣхъ поръ Парижа: — онъ перестроился, явились широкія улицы, негодныя для баррикадъ, онъ сталъ трактиромъ всего свѣта и взялъ девизомъ наглость публичной женщины. Пельтанъ подобно другимъ пріѣхалъ въ Парижъ и не узналъ его. Парижъ его времени жилъ, смѣялся, надѣялся, мыслилъ, теперь все это утонуло въ ажіотажѣ, въ пьяномъ разгулѣ оргіи, за которой должны придти послѣдніе дни и новый Сарданапалъ сжечь себя съ своими сокровищами и наложницами, если только буржуа минувшаго порядка не броситъ супружеское ложе, чтобы явиться среди оргіи въ ночномъ колпакѣ и предложить товарищамъ удержаться по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ поль-де-коковскихъ сальностей.

Таковъ взглядъ Пельтана на праздную сторону парижской бульварной жизни—ту, которая ничего не добываетъ, а только проматываетъ.

Посмотримъ теперь на производительность средствъ, доступныхъ праздному классу.

Будемъ продолжать выписки. Развивающаяся роскошь и праздность приводитъ къ долгамъ, разстраиваетъ семейный бюджетъ, — какъ избѣжать тогда несостоятельности? Есть два средства чеканить монету: ловкій ударъ на биржѣ или мѣсто въ правительствѣ! «Мнѣ стыдно сказать, говоритъ Пельтанъ, но часть Франціи смотритъ на службу, какъ на резервный фондъ послѣ растраты собственнаго имущества, — обстоятельство, одинаково гибельное для правительства и для общества. Правительство наполняется людьми жадными урвать свою часть бюджета. Въ обществѣ развивается какое-то нищенство хорошаго тона. Я уважаю службу, говоритъ онъ, но только подъ условіемъ труда; когда же на нее смотрятъ, какъ на синекуру, я бы съ удовольствіемъ крикнулъ въ отвѣтъ просителю: проходите, любезный, вамъ было уже дано, и попросилъ бы еще одну лишнюю статью въ кодексѣ противъ нищенства. Все это потому, что одинъ трудъ вырабатываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ гражданина и даетъ ему при случаѣ способность защищать свои права, тогда какъ у просителя нѣтъ собственно ни лица, ни воли; это — стертая монета, не имѣющая соціальной цѣнности, — это цѣнность другой цѣнности, человѣкъ другаго человѣка, онъ носитъ письмо госпожи N на почту, ухаживаетъ за ея собаченкой. Госпожѣ покровительницѣ идетъ *шестой* десятокъ,

для просителя же ей все-таки не болѣе двадцати лѣтъ. Лакей другаго лакея съ лишней нашивкой, онъ глотаетъ дерзость съ улыбкой; ему отказываютъ, и онъ улыбается; его выталкиваютъ изъ прихожей, и онъ опять улыбается: улыбка безсмѣнный дежурный на его лицѣ.

«Когда онъ начинаетъ сомнѣваться въ самомъ себѣ, онъ пускаетъ въ ходъ жену. Есть арабская поговорка, которая говоритъ: «если тотъ, въ комъ ты нуждаешься, сидитъ на ослѣ, скажи ему, какая у васъ хорошая лошадь». Въ этой поговоркѣ заключается первое и послѣднее слово искусства дѣлать карьеру.

«И я также, говоритъ Пельтанъ, заплатилъ въ свое время часть этой эпидеміи и преклонялъ чело передъ оффиціальными зеркалами, которыя отбрасываютъ назадъ вашъ образъ съ любезной улыбкой; передъ мебелью, шелкомъ и позолотами, которыя напоминаютъ вамъ, что вы другой породы,—изъ той, которая протягиваетъ руку. Я ждалъ въ прихожихъ съ шляпой въ рукѣ, пока меня не отправляли съ учтивымъ обѣщаніемъ, которое тутъ же позабывали; но теперь я благодарю судьбу, которая устроила такъ, что я до сихъ поръ жду мѣста, потому что это дало мнѣ возможность устроить свою жизнь собственными силами» и т. д.

Вотъ видите опять, если Пельтанъ въ мододости просилъ мѣста, значитъ не съ 1849 года пошелъ въ ходъ такой порядокъ и не въ одномъ Парижѣ онъ нашелъ себѣ пріютъ.

Если бы намъ позволяло мѣсто, мы бы привели здѣсь много выдержекъ изъ писателей другой эпохи, которыя показали бы намъ, что въ этомъ взглядѣ на службу не было никогда недостатка.

Вотъ что писалъ о французахъ еще Филиппъ де Комминъ: ils n'ont souci de rien, si non d'offices et d'états, que trop bien ils savent faire valoir, causes principales de mouvoir guerres et rebellions. Съ тѣхъ поръ дѣла мало измѣнились, прибавляетъ писатель другой эпохи, Поль-Луи-Курье. Не смотря на то, что число штатныхъ мѣстъ возрасло до нельзя, считая ихъ только 100,000, можно навѣрно найти постоянно по десяти соискателей на каждое, что составитъ два милліона праздныхъ людей, которые торчатъ въ прихожихъ со шляпой въ рукѣ. Всякій старается помѣститься и, помѣстившись, толкаться впередъ. Школьникъ, выучившійся только выдѣлывать поклонъ, становится въ ряды, просить жалованья, шаркаетъ ножкой и т. д. «On est quelque chose en raison du mal qu'on peut faire. Un laboureur n'est rien, un homme qui cultive, qui bâtit, qui travaille utilement n'est rien. Un gendarme est quelque chose, un préfet est beaucoup; Bonaparte était tout... chacun veut être Bonaparte, sinon préfet ou bien gendarme»...

За такую же новость, какъ описанная погоня за служебными мѣстами, Пельтанъ принимаетъ и другія слабости парижскаго общества,

Читая его, подумаешь, что только со времени диктатуры французы стали волочиться за чужими женами и подсмѣиваться надъ доктринерствомъ разнаго рода.

Въ этомъ смыслѣ Пельтану дѣлается дурно и отъ нравственности Стендаля, и отъ критики Сенъ-Бева. Что же такое нравственность Стендаля? — Это половое волокитство, возведенное въ принципъ; что такое критика С.-Бёва? это то же волокитство въ сферѣ мысли, та же мѣна убѣжденій, кончающаяся совершеннымъ индифферентизмомъ. Все это конечно очень ново.

«Я человѣкъ самый надломанный превращеніями изъ тѣхъ, которые когда нибудь жили, пишетъ С.-Бёвъ: я прошелъ школу матеріалистовъ XVIII-го вѣка, школу доктринеровъ, романтиковъ, неокатоликовъ, соціалистовъ, методистовъ и т. д.

«Подобнымъ примѣромъ превращеній можетъ похвастать только развѣ одна лэди Карлейль. Красивая герцогиня съ береговъ Темзы, говоритъ Пельтанъ, въ теченіи молодости, продолженной при посредствѣ искусства, она истощила на своей груди всѣ перемѣны современной англійской политики, переходя послѣдовательно изъ объятій падающаго министерства въ объятія слѣдующаго, отъ Букингама къ Стреффорду и т. д.; она любила успѣхъ.

«Я входилъ въ школу, продолжаетъ С.-Бёвъ, для того только, чтобы допросить нравы дома; разъ узнавъ домашнія тайны, я уходилъ въ другое мѣсто. Отсюда я вынесъ слѣдующій кодексъ убѣжденій: Что такое свобода? человѣкъ воображаетъ, что онъ свободенъ. Жизнь есть игра, которую нужно проиграть въ концѣ всего. Какъ Соломонъ, я дошелъ до мудрости черезъ наслажденіе, моя душа похожа на прибрежье во время отлива, море ушло вмѣстѣ съ вѣрой. Человѣчество? Я дошелъ до совершеннаго равнодушія, и что мнѣ за дѣло до человѣчества, лишь бы я зналъ, что дѣлать утромъ и куда дѣться вечеромъ. Человѣкъ? животное. Мысль—роскошь. Я смотрю на философію, какъ на личную обиду; еслибы у меня спросили, кто такой былъ Кантъ, я бы отвѣтилъ, что онъ надѣвалъ свой парикъ въ урочный часъ дня, что онъ носилъ сѣрый сюртукъ и совершалъ каждый день прогулку по Кенигсбергу.

«Мнѣ кажется, что природа наградила меня особымъ чутьемъ—проникать въ скрытыя складки совѣсти и открывать запасъ разложенія, затаенный въ человѣческомъ сердцѣ».

Вотъ изъ такихъ-то выдержекъ состоитъ походъ Пельтана противъ французскаго общества. Съ этой стороны всего страннѣе читать Пельтана; не приходитъ никакъ въ голову, чтобы подобными выдержками можно было удивить и тѣмъ менѣе обратить кого-либо на другую дорогу. Чего пошлѣе нашей литературы, а и та не займет-

ся никогда такими вздорами, какъ ванны изъ шампанскаго или перестройкой улицъ;—надѣнь русская женщина въ пятьдесятъ разъ болѣе, чѣмъ нужно, чтобы считаться одѣтой; переодѣвайся не четыре, а сорокъ разъ на день, и литература не поведетъ ухомъ. Пусть вся мука уйдетъ изъ петербургскихъ лабазовъ за французскія шляпки, — извѣстно: насъ хлѣбомъ не корми, а дай намъ чистыя перчатки и красивый галстухъ.

Видали ли вы, какъ порядочный человѣкъ, завившись и надѣвши новую шляпу, обѣдаетъ кондитерскими пирожками или бутербротами и потомъ катитъ въ первые ряды оперы; какъ образованная женщина не топитъ цѣлую недѣлю кухни и кормитъ дѣтей объѣдками, приготовляясь къ балу; какъ бархатный салопъ шмыгаетъ подъ вечеръ въ грязныя ворота, похожія на разрушенную пасть шестидесятилѣтняго старца? Понимаете ли вы, что все это плоды только долгой образованности,—черта, отличающая сердце просвѣщенное отъ не просвѣщеннаго? Одно только образованіе въ состояніи дать подобную силу характера, которая доводитъ до аскетизма и убиваетъ родительскіе инстинкты: Какъ устоять противъ подобной нравственной энергіи? Нужно имѣть женскую нервность къ болтовнѣ, чтобы возмущаться подобными явленіями. Сколько нибудь дѣльный писатель знаетъ, что могутъ быть давно площади вмѣсто улицъ. Можно купать не только людей,—лошадей въ шампанскомъ, смѣшать нравы регентства и биржеваго разрушенія и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣсть, пить, толстѣть, быть почтеннымъ гражданиномъ, и не только не говорить о разложеніи, а видѣть среди всего этого гигантскій полетъ къ прогрессу, симптомы небывалаго возрожденія.

Будемъ разсуждать, впрочемъ, серьезно. Неужели въ самомъ дѣлѣ все это взялось только со вчерашняго дня во Франціи? Было же время такъ же похожее на Вавилонъ, ну хоть время регентства, и не провалилась сквозь землю Франція; отчего же не быть подобному теперь? Тогда, положимъ, дообразовывался одинъ классъ, теперь дообразовывается другой, вотъ и вся разница. Вѣдь господа, которые такъ пишутъ, болѣе всего стоятъ за конкурренцію, за личную инціативу, ну, и пускай любуются на биржевую давку. Если не нужно никакихъ законовъ для имущихъ, зачѣмъ же приходить въ ужасъ отъ прямыхъ послѣдствій биржевой неурядицы. Вотъ наши конкуренты, по крайней мѣрѣ, если стоятъ за тѣ же начала, то ужь молчатъ себѣ, тамъ хоть земля трещи подъ ногами, они себѣ все свое, не нужно, да и только. Это, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно. Тутъ опять мужество, убѣжденія видны, а французамъ сломали два переулка и ужь они: Вавилонъ! Вотъ то-то и дико, что достаетъ духу внести въ печать какую хотите безсмыслицу и потомъ не достаетъ храбрости при-

нять ея прямыхъ послѣдствій. Отыскали бы и здѣсь, наконецъ, хорошія стороны, — онѣ вѣдь, говорятъ, вездѣ есть: согласитесь, что и здѣсь есть свой разгулъ страсти, своя полнота жизни, свое лавочное изящество и остроуміе, которымъ не замѣнишь, конечно, кружевной фразеологіи аристократической эпохи. Прошлаго щеголеватаго слога нельзя плести въ сапогахъ; люди, которые унесли секретъ стараго разврата, брили не только бороды, брили головы, пока не выбрили послѣднихъ остатковъ мысли; они носили бархатъ, эти носятъ фланель—они, словомъ, лавочники, но они также были вправѣ потребовать своего воскресенья. Ихъ хотѣли прогнать, не давъ имъ прожиться до тла, хотѣли опередить время и отнять самое неопровержимое и старое право, право субботы у цѣлаго класса. Но вотъ нашелся человѣкъ, который съумѣлъ постоять за справедливость! За это его уважили и пригрѣли. И такъ, почему же современному Парижу не насладиться въ конецъ?

Положимъ, онъ доживетъ до того состоянія, въ которомъ изображаетъ Пелльтанъ одного изъ счастливыхъ биржевыхъ игроковъ: у него будетъ пустой дворецъ, за недостаткомъ людей населенный попугаями; онъ будетъ завтракать въ этомъ обществѣ чашкой шоколаду съ молочной булочкой и безсмысленными отъ истощенія глазами смотрѣть равнодушно на окружающее. Что же выйдетъ отсюда особенно дурнаго, — ничего ровно.

Когда лавка доживетъ приблизительно до такого состоянія, тогда будетъ кончено ея образованіе, придутъ подъ утро слуги и выметутъ остатки вчерашней оргіи,—вотъ весь ея романъ, весьма простой и вовсе не страшный. Франція не пропадетъ отъ этого, потому что она не вся приглашена на эту пирушку и втянута въ ея наслажденія.

Есть же въ самомъ дѣлѣ люди въ современномъ Парижѣ, которые не играютъ на биржѣ, не купаются въ шампанскомъ, а ждутъ и работаютъ; и кладя руку на сердце, сами обличители знаютъ, что ихъ гораздо больше, чѣмъ пирующихъ. Къ чему же послѣ того взводить обвиненія на всю жизнь, называть Вавилономъ городъ, когда изъ двухъ милліоновъ въ немъ есть двѣ трети по крайней мѣрѣ лучшихъ людей. И такъ, оставивъ анекдоты, выслушанные въ прихожихъ, не лучше ли было поразсказать о нравахъ тѣхъ, которые не играютъ на биржѣ, не держатъ звѣринцевъ. Это было бы не только интереснѣе, было бы гораздо дѣйствительнѣе, какъ оружіе противъ деморализаціи диктатурой, въ которую цѣлятъ господа оппозиціи въ духѣ Пелльтана. Но сдѣлать этого они не умѣютъ, именно потому, что мы указали въ началѣ: у нихъ мысль и филантропія вымѣряны — столько-то вершковъ на книжку, не болѣе.

А. СКИФЪ.

ВОПРОСЪ О ПОЗЕМЕЛЬНОМЪ УСТРОЙСТВѢ

АЛЖИРСКИХЪ АРАБОВЪ.

Въ парижскихъ газетахъ завязалась полемика о томъ, какъ лучше устроить поземельный бытъ алжирскихъ арабовъ, на общинномъ или личномъ началѣ. Самый споръ о преимуществахъ того или другаго вида землевладѣнія насъ мало интересуетъ, за то обстоятельства, подавшія поводъ къ такому вопросу, заключаютъ въ себѣ нѣчто поучительное, для разъясненія нашихъ домашнихъ чисто-русскихъ сомнѣній. Прежде, однако, нежели коснуться прямо алжирскихъ арабовъ, скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ сомнѣніяхъ, заставившихъ насъ обратиться къ алжирскимъ арабамъ.

Среди недавней горячки къ благодѣтельствованію меньшей братіи, «Современникъ» имѣлъ неосторожность выразить мысль, что дѣло это вовсе не трудное, что стоитъ только начать, а потомъ все пойдетъ уже, какъ нельзя легче, и мало по малу придетъ къ тому, что и рязанскіе, и ярославскіе, и другіе парни станутъ не только нашими братьями о Христѣ, или о сводѣ законовъ, но и о самомъ карманѣ. Теперь мы застаемъ читателя съ вопросами: дѣло было начато, говорятъ, срочно-обязанные крестьяне были облагодѣтельствованы, почему же до сихъ поръ нѣтъ, во первыхъ того, во вторыхъ другаго, въ третьихъ третьяго, а есть напротивъ во первыхъ одно, во вторыхъ другое и въ третьихъ третье. Почему «Русскій Вѣстникъ» до сихъ поръ не запрещенъ цензурно, почему въ Полтавской губерніи происходитъ одинъ казусъ, въ Пековской другой, почему *«лучшіе люди»* (такъ называетъ ихъ г. Катковъ) вездѣ огрызаются на мировыхъ посредни-

ковъ, и въ земскую хронику начинаютъ ошибкой попадать анекдоты изъ временъ уличнаго мордобитія извощиковъ? Почему вотъ уже два года, какъ облагодѣтельствованы срочно-обязанные, а общественная инициатива не высказалась, слѣдуетъ ли также облагодѣтельствовать и другихъ, и если слѣдуетъ, то на какомъ основаніи?

Словомъ, «Современникъ» солгалъ, и продолжать дѣло оказалось труднѣе, чѣмъ даже начать. Рязанскимъ парнямъ, вѣроятно, придется остаться нашими братьями болѣе въ литературномъ, чѣмъ въ дѣловомъ смыслѣ.

Изъ этихъ допросовъ читатель можетъ видѣть, что публика рѣшительно ничего не поняла въ томъ, что ей говорилъ «Современникъ», но тѣмъ не менѣе тѣ же вопросы доказываютъ, что общество сознается, будто бы въ его усердіи произошелъ нѣкотораго рода застой, на предпринятое не хватило выдержки, и вмѣсто серьезнаго дѣла, въ результатѣ вышелъ кляксъ.

Факты, которые приводятся для характеристики этого кляксы довольно рѣзки и убѣдительны, такъ рѣзки и убѣдительны, что намъ остается только принять ихъ за правду и развѣ съ другой стороны спросить: да почему же вы считали себя вправѣ ждать чего либо иного и не было ли все случившееся, какъ нельзя больше, въ программѣ?

Мы вотъ припомнимъ эту программу для ясности. У кого получше память, тотъ можетъ помнить, что, говоря о легкости улучшеній, «Современникъ» сдѣлалъ одну оговорку, и вотъ по какому поводу.

Приступали мы къ улучшеніямъ, какъ говорилось, въ свое время, въ счастливую минуту, т. е. послѣ того, какъ Европа успѣла изучить настоящіе пути прогресса и открыть философскій камень гражданскаго благополучія. Открытіе это было едва ли не послѣднимъ блистательнымъ подвигомъ текущаго вѣка, за нимъ уже слѣдовали, кажется, только пошлости. Все дѣло было въ одномъ словѣ, но слово это было дорого. Во второй половинѣ XIX вѣка открыли *легальность*, было доказано, что улучшенія тогда только возможны и прочны, когда они совершаются на легальной почвѣ. Какія улучшенія совершила въ частности Европа съ тѣхъ поръ, основываясь на этомъ открытіи, объ этомъ здѣсь судить нѣтъ мѣста, но несомнѣнно, что все совершавшееся съ тѣхъ поръ совершалось не иначе, какъ въ предѣлахъ легальности.

Вотъ этого-то слова заклиналъ своихъ читателей остерегаться «Современникъ». Тогда объяснили это такъ, что мы проповѣдуемъ беззаконіе, но мы понимали свои слова конечно иначе; мы хотѣли просто сказать, что если ты хочешь писать новые улучшенные законы, т. е. создавать совершеннѣйшую легальность взамѣнъ старой,

которую признаешь негодною, то не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться формализмомъ старой, ибо иначе ты опять таки напишешь старый законъ, а не новый, и будетъ тебѣ служить эта легальность только неисчерпаемымъ источникомъ отговорокъ для того, чтобы ничего не сдѣлать изъ задуманнаго, а только морочить добрыхъ людей; и дойдешь ты, наконецъ, до того, что признаешь уничтоженіе крѣпостнаго права вещью незаконною, потому что оно стояло en toutes lettres въ законѣ, и слѣдовательно выражало собою легальность, а ты уничтожалъ его, и стало быть, шелъ противъ закона и легальности.

Такими заявленіями «Современникъ» вызвалъ на себя литературную травлю, сдѣланы были ему ученые выговоры и вразумленія, изъ которыхъ онъ еще лучше понялъ, какая разница должна выйти въ результатѣ между легальной и человѣческой почвой. До вразумленія, напримѣръ, онъ могъ думать, что обязанность полиціи не допускать ночныхъ грабежей: стало быть, ему нужно было втолковать, что если, по закону, раіонъ полицейскаго благодѣянія ограниченъ примѣрно 10 шагами кругомъ будки, то на одиннадцатомъ можно заниствовать безбоязненно не только чужія вещи, но даже чужую кровь, и что будочникъ, который бы сталъ этому противиться, оказался бы нигилистомъ или человѣкомъ, не имѣющимъ принциповъ. А вотъ и еще зналъ «Современникъ», и знали другіе, что крестьяне имѣли право въ послѣднее время пріобрѣтать въ собственность земли, но многіе изъ крестьянъ этого не знали и потому зачастую просили позволенія помѣщиковъ покупать земли на имя послѣднихъ съ тѣмъ, чтобы помѣщикъ допустилъ ихъ пользоваться пріобрѣтаемой землей, хотя извѣстное время, и помѣщики въ видѣ особой милости рѣшались на подобныя сдѣлки. Опять помѣщикъ, который сказалъ бы въ этомъ случаѣ: «ребята, вѣдь вы глупы; покупать, такъ покупайте на себя, потому что вы имѣете на то полное право»,—сдѣлалъ бы больше, чѣмъ обязывалъ его законъ, ибо легальность ему не приказывала надоумливать мужиковъ, и сосѣди назвали бы его навѣрно нигилистомъ или агитаторомъ, а легальный благодѣтель взялъ бы деньги съ ребятъ, купилъ бы землю на себя и не далъ бы ее даже понюхать потомъ ребятамъ.

Вотъ, что узнали мы изъ вразумленій, то же долженъ былъ узнать и ты, читатель. Но ты на слова «Современника» отвѣчалъ только, что тебѣ лучше, чѣмъ кому нибудь, извѣстно изъ европейскаго опыта, что тѣ только преобразованія прочны, которыя совершаются на легальной почвѣ, и допрашивалъ насъ тутъ же, нужно ли тебѣ заводить шерифовъ, устраивать цензъ, присяжныхъ, учиться ораторскому искусству, словомъ, о вещахъ, по нашему, столь же антилегальныхъ, какъ и все другое.

Видя твою пустоту, «Современникъ» думалъ, что рано толковать съ тобой о шерифахъ, пока такая ерунда царитъ въ твоей частной жизни, и приглашалъ сперва освоиться съ вопросами, болѣе домашними. «Не заводи, говорилъ онъ, мокетовой мебели, потому что она очень дорого стоитъ не тебѣ, а тому, кто за тебя пашетъ. Не задерживай у лакея жалованья, и даже не заставляй его чистить твоихъ саноговъ, потому что можешь вычистить ихъ самъ, если, какъ сознаешься, тебѣ нечего дѣлать; не предавайся лезбійской поэзіи ни въ стихахъ Майкова, ни лезбійскимъ разговорамъ въ парикмахерской Дюбюра, потому что все это только называется *хорошимъ тономъ*, а въ сущности гнусное хамство; а главное, не стремись къ высокимъ оцѣнкамъ надѣла, по Положеніямъ, потому что въ этихъ оцѣнкахъ ты съѣшь плоть твоихъ ближнихъ».

— Я буду говорить лакею вы, отвѣчалъ ты, но оброчныхъ оцѣнокъ не подарю мужику, потому что онъ ихъ пропьетъ, а заведу ему лучше у себя въ имѣніи воскресную школу, — и вотъ все въ этомъ тонѣ.

Отсюда сдѣлалось ясно уже совсѣмъ иное; ясно, что ты не то, что не понимаешь, а виляешь и хитришь; то считаешь себя нравственно связаннымъ передъ какими-то гражданскими обязанностями, то мучительно хочется тебѣ надуть эти обязанности, и видишь ты, какую пользу для этого надувательства можно извлечь, толкуя о легальности. Но прямо извлечь ее не смѣешь, и выходитъ у тебя пока, чортъ знаетъ, что такое: то шерифъ съ отрыжкой крѣпостнаго права, то Бабёфъ съ запахомъ жилой лакейской.

Но видно также, что этимъ не кончится, что будешь ты настойчиво добиваться и сдѣлаешь все, лишь бы тебѣ приказали извлечь эту пользу: станешь хвастаться, писать на себя доносы въ такихъ вещахъ, которыхъ у тебя не было даже въ помыслахъ, а другіе и вправду повѣрятъ и станутъ тебя больно бить и сваливать на тебя собственныя пакости. Ты сказалъ, что заведешь воскресную школу собственно изъ подлости, чтобы воспользоваться оцѣнками. Понятное дѣло, что школы ты все-таки не заведешь, а черезъ мѣсяцъ будешь разсказывать: «что не только школа будетъ, а будутъ тамъ учить ходить на головахъ». Ну, стало быть, ясно, что если кто другой дѣйствительно заведетъ школу, то у него должны учить тому же, что не только станешь ты учить ходить на головахъ, но и что Юрій Милославскій твое произведеніе, и то, и другое, все твое. Словомъ, станешь вилять и нести чепуху, и лгать на себя, и выдумывать паршивыя оттоворки до тѣхъ поръ, пока, видя твою глупость, тебѣ не прикажутъ выдти вонъ и скажутъ: не нужно ничего, живи по старому.

Вотъ вѣдь твоя программа. Стало быть, зная свою программу, ты долженъ понимать теперь лучше «Современника» все, о чемъ недо-

умѣваешь, — что если при несомнѣнномъ прогрессѣ въ благодѣтельствованіи могли подвернуться и полтавскіе и псковскіе анекдоты и прочее, то подвернулись они, вѣроятно, потому только, что дѣло происходило внѣ легальнаго раіона полицейской защиты; что «Русскій Вѣстникъ» могъ проповѣдывать батрачество и, вмѣстѣ съ тѣмъ, считать себя благодѣтельнымъ органомъ, потому что въ положеніяхъ 19 февраля нигдѣ прямо не запрещено батрачество; что ты могъ также огрызаться и на мировыхъ посредниковъ, потому что огрызанія твои происходили, вѣроятно, или безъ свидѣтелей, или въ такой формѣ, что за нихъ нельзя было никакъ ухватиться судебнымъ порядкомъ.

Такія разъясненія, какъ намъ кажется, показываютъ уже отчасти, къ чему послужила тебѣ, читатель, легальность въ томъ, что ты уже отжилъ и совершилъ по сію пору; теперь обратимся къ розысканію ея пользы для будущаго, — что она можетъ сказать, чѣмъ помочь по тѣмъ вопросамъ, которые еще не рѣшены и рѣшеніе коихъ близится. Объ этомъ будущемъ ты, конечно, весьма мало заботишься въ настоящую пору; за вышеприведенными разъясненіями ты не могъ собственно заниматься въ послѣднее время уже никакими вопросами, кромѣ вывода саранчи, посѣтившей Новороссію; изъ положеній 19 февраля и петербургскихъ пожаровъ, изъ новороссійской саранчи, не могъ ты, стало быть, заниматься и остальными крестьянами. Во первыхъ, не было статьи закона, которая бы обязывала тебя думать о нихъ, но, положимъ, не было и такой, которая бы запрещала. Все-таки интересно было бы, можетъ быть, знать, въ какомъ видѣ этотъ вопросъ представляется, хотя съ твоей легальной точки. Но на повѣрку выходитъ, что и о легальномъ способѣ воззрѣнія и нелегальномъ все-таки приходится говорить намъ. Происходитъ ли это отъ того, что, выдумавъ легальную точку зрѣнія, ты все-таки плохо владѣешь ея смысломъ и боишься провраться или думаешь, что за такой выдумкой все уже сдѣлано, и стоитъ только думать о томъ, какъ бы подороже продать выкупныя свидѣтельства: и то и другое возможно. Во всякомъ случаѣ ты болѣе неинтересовался своими домашними дѣлами. Между тѣмъ, въ то же время одно западное правительство рѣшало случайно вопросъ почти тождественный съ тѣмъ, который предстояло рѣшать и у насъ, и рѣшеніе его интересно по тому взгляду, которое означенное правительство высказало на легальность, такъ какъ западныя понятія, какъ утверждаютъ, еще гораздо болѣе нашего были всегда спутаны легальными категоріями.

Здѣсь мѣстный порядокъ особенно категорически требовалъ, какъ извѣстно, чтобы за всякимъ лицомъ владѣющимъ и обрабатывающимъ стояло, во что бы то ни стало, другое лицо, ни владѣю-

щее, ни обработывающее, для полученія ренты, т. е. чистаго дохода отъ обработки. Основано это было на томъ, вѣроятно, разсчетѣ, что одно лицо никоимъ образомъ не будетъ въ состояніи совладать со всею операціей, и вспахать, и посѣять, и сжать, и получить доходъ, и истратить тотъ же доходъ. Стало быть, нужно раздѣлить операцію, чтобы облегчить ея тягость для одного лица; на долю однихъ возложить одну половину дѣла, на другихъ—другую. На такомъ разсужденіи западные экономисты, вмѣстѣ съ юристами, незыблемо утвердили свою теорію ренты и доказали справедливость существующаго распредѣленія продукта.

Во всѣхъ образованныхъ государствахъ существовало поэтому два рода труда или два разряда людей, занятыхъ различными отправленіями: всюду обстоятельства поставили за производительной силой и собирателя ренты. Но такъ какъ земли вообще много и такъ же много должно быть и рабочей силы, т. е., говоря короче, собиратели ренты стоятъ вообще обществу довольно дорого, то рѣдко гдѣ было возможно удѣлить на счетъ рабочей силы въ разрядъ собирателей такой %, котораго было бы достаточно для собиранія въ частныя руки всей ренты съ земель; отсюда извѣстная доля земли, а съ нею и извѣстный процентъ хлѣбопашцевъ остался вездѣ безъ собирателей, и трудъ этотъ приняло на себя государство. Такъ образовалось два разряда земель: одни названы были частной собственностью, другія собственностью государства.

Описанный порядокъ установленія имущественныхъ отношеній былъ столь раціоналенъ и простъ, что онъ оказался почти совершенно одинаковъ и во Франціи, и въ скромномъ Алжирѣ во время турецкаго владычества. Такъ какъ въ массѣ европейскія образованныя населенія вообще неприхотливы, то ихъ и не очень заботило такое сходство:—Турція такъ Турція, отчего не походить и на Турцію? Пока сходство съ Турціею не прямо бросалось въ глаза, и тутъ оно сносилось втихомолку. Турція никогда не властвовала во Франціи, слѣдовательно, судя дѣло по внѣшнимъ признакамъ, здѣсь и не могло быть турецкихъ установленій. Другое дѣло, когда вотъ пришлось недавно рѣшать тѣ же сомнѣнія не относительно европейскихъ странъ, а некристіанскихъ владѣній Франціи, т. е. относительно Алжира. Алжиръ населенъ магометанами. На 200,000 французовъ здѣсь приходится 3.000,000 арабовъ. Алжиръ принадлежалъ Турціи, и по турецкому праву земля, на которой жили арабы, считалась собственностью султана. По покореніи Алжира французами, арабы продолжали жить на тѣхъ же земляхъ по прежнему, при чемъ французское правительство не позаботилось разъяснить, хочетъ ли оно утвердить за собой права султана. Формальность не была соблюдена, и хотя арабы очень хоро-

ню знали, что они со всей землей и имуществомъ находятся въ полномъ распоряженіи французскаго правительства, но для юристовъ было все-таки неизвѣстно навѣрно, кому принадлежатъ земли, на которыхъ живутъ арабы.

Въ такомъ положеніи дѣло это продолжало бы оставаться вѣроятно еще долго, если бы императору французовъ не вздумалось недавно улучшить бытъ Алжира. Сенатъ вскорѣ будетъ разсматривать основанія для новой конституціи Алжира, и этому разсмотрѣнію императоръ счелъ нужнымъ предпослать письмо на имя генералъ-губернатора Алжира, посвященное спеціально разъясненію вышеозначеннаго вопроса. Въ этомъ письмѣ императоръ рѣшительно отказался для Алжира отъ вотчинныхъ началъ, потому что эти начала оказались турецкія. Мало того, онъ пошелъ далѣе и высказалъ общее положеніе, крайне можетъ быть оскорбительное для юристовъ, утверждая торжественно, что легальность должна давать дорогу человѣколюбію.

«Мнѣ возразятъ, пишетъ онъ, что право не на сторонѣ арабовъ: султанъ былъ собственникомъ всей территоріи и его права перешли естественно къ намъ по завоеванію! Какъ, неужели государство станетъ вооружаться устарѣвшими понятіями магометизма и станетъ на землѣ, сдѣлавшейся частью Франціи, утверждать права турка?...

Ну, спросятъ, а если, чего добраго, еще наука ухватится за этотъ случай и станетъ соваться въ дѣло съ новой фразой: *легальность уступаетъ дорогу человѣколюбію*?..

Тогда все-таки ничего; наукѣ скажутъ, что она ошибается, и только. Но прежде всего императоръ поступилъ безопасно въ томъ смыслѣ, что настоящее заявленіе нисколько не воспрепятствуетъ ему наложить на арабовъ ту подать, которая покажется нужной. Онъ даже можетъ взять съ нихъ больше, чѣмъ взялъ бы, выбравъ выкупъ, приуročивался къ турецкому праву. И все-таки громкое дѣло сдѣлано.

Все это мы говоримъ къ тому, чтобы объяснить разъ навсегда, что одинъ легальный формализмъ, какъ бы онъ ни былъ громокъ, еще не гарантія для сущности дѣла, что поэтому и теперь выборъ того рѣшенія въ юридическомъ смыслѣ, которое намъ и могло бы казаться лучшимъ, все-таки не есть еще рѣшеніе. Сущность дѣла всегда въ самой цѣли его; если эта цѣль въ настоящемъ случаѣ есть улучшеніе, а не ухудшеніе быта арабовъ, то она заключается не въ чемъ иномъ, какъ *въ размѣрѣ платежей*: будутъ сообразны эти платежи съ средствами, бытъ улучшится, не будутъ, — онъ ухудшится, а какъ ни назови ихъ, это въ сущности все равно.

Этими не хитрыми соображеніями, устраняющими легальныя затрудненія, вполнѣ разъясняется вопросъ объ улучшеніи быта обязанныхъ платежами населеній.

Обратимся для примѣра хотя къ нашимъ свободнымъ земледѣльцамъ и увидимъ сейчасъ, какая разница выйдетъ; будемъ ли мы смотрѣть на дѣло по сущности или зададимся юридическимъ формализмомъ.

Съ нелегальной точки зрѣнія предлежащій вопросъ рѣшается довольно просто. Требуется улучшить бытъ населенія въ 20 мил. Въ чемъ же недостатки? во первыхъ, бѣдность, во вторыхъ, неудовлетворительная администрація. На счетъ администраціи рѣшено: ее слѣдуетъ отмѣнить и распространить на остальныхъ крестьянъ порядокъ управленія общій; — этотъ лучше, стало быть, тутъ и толковать нечего. Остается бѣдность, въ чемъ она? Населенія, о которыхъ идетъ рѣчь, суть земледѣльческія, стало быть, прежде всего записать въ средствахъ существованія отъ земли; можетъ быть, поэтому вся причина въ недостаткѣ земли. Нѣтъ, говорятъ, земли достаточно еще порожней, — стало быть, если гдѣ и мало, то есть откуда прирѣзать: въ общемъ счетѣ недостатокъ не въ землѣ. Остается искать его, значитъ, только въ отяготительности повинностей, — стало быть, слѣдуетъ обратить все вниманіе на повинность. Когда рѣчь шла о срочнообязанныхъ крестьянахъ, то главныя затрудненія указывались въ томъ, что главная часть повинности принадлежала помѣщику, который съ сокращеніемъ ея лишался средствъ къ жизни. Свободные крестьяне не несли никакой прямой повинности за землю: вмѣсто того, они платили прибавочную противъ крѣпостныхъ крестьянъ личную подать въ казну. Для соображенія послѣдней съ личными средствами крестьянъ не представлялось поэтому уже указанныхъ выше затрудненій, и дѣло могло быть устроено гораздо легче. Это достигается очень просто, стоитъ только вникнуть въ различіе ренты отъ подати. Рента, или оброкъ за землю помѣщику, есть плата въ пользу посторонняго лица; подать же, взимаемая фискомъ, въ сущности есть не что иное, какъ пожертвованіе частныхъ лицъ на свои же собственныя нужды. Если она оказывается отяготительною, то это доказываетъ только, что населеніе тратитъ на извѣстные предметы болѣе, чѣмъ можетъ, и принуждено стѣснять себя въ самыхъ первыхъ потребностяхъ, т. е. въ кускѣ хлѣба и въ средствахъ къ нравственному развитію. Словомъ, поступаетъ оно на подобіе чиновницы, которая кормитъ дѣтей объѣдками для того, чтобы купить бальное платье. Эта несообразность была признана и легально, какъ общій недостатокъ нашей податной системы правительствомъ, и въ «Современникѣ» прошлаго года было заявлено, что лучшимъ средствомъ уравненія налоговъ при предстоящемъ преобразованіи системы податей была бы подоходная подать; при этомъ указано было, что и платежи съ остальныхъ крестьянъ должны были опредѣлиться такимъ же порядкомъ сами собою, въ своемъ надле-

жащемъ размѣрѣ. Такимъ образомъ, глядя на дѣло просто, настоящій вопросъ могъ быть разрѣшенъ безотлагательно.

Посмотримъ теперь, къ какого рода выводу пришли бы мы по тому же вопросу съ такъ называемой легальной точки зрѣнія. Прямо изъ юристовъ никто не отозвался на мысли, выраженныя въ «Современникѣ», но мы достаточно освоились уже со всѣми изгибами ихъ пониманія, чтобы знать, по крайней мѣрѣ, о чемъ здѣсь должна зайти рѣчь. Прежде, чѣмъ говорить о недостаткахъ администраціи и тягости повинностей, слѣдуетъ опредѣлить юридическія основанія предмета, должны сказать законники. Прежде всего слѣдуетъ установить юридическія свойства земель, на которыхъ живутъ тѣ или другіе крестьяне.

Покоримся.

Развернемъ сводъ законовъ и станемъ опредѣлять юридическія свойства земель, на которыхъ живутъ казенные крестьяне. Мы найдемъ здѣсь десять статей, идущихъ къ дѣлу: въ законахъ о состояніяхъ (т. IX) четыре: ст. 669, 670, 671, 674, въ законахъ гражданскихъ пять: 414, 421, 515, 560 и 696, въ уставѣ о благ. каз. сел. (т. XII ч. 2) одну статью 170.

Въ ст. 669 IX т. говорится вотъ что: «земли и угодья, принадлежащія къ каждому селенію, какимъ бы образомъ они въ началѣ ни были пріобрѣтаемы, по прежнимъ ли данным и крѣпостямъ (замѣтьте это: по данным и крѣпостямъ) и отведены отъ казны для водворенія и надѣленія, считаются имуществомъ *общественнымъ*.

Въ ст. 414 X т. повторяется: «имущества общественныя суть: 1) имущества, дворянскимъ обществамъ принадлежащія, какъ-то: домы дворянскихъ собраній и т. п.; 2) имущества, городскимъ обществамъ принадлежащія, каковы: городскія земли, лѣса, мельницы и другія угодья; 3) имущества, къ казеннымъ селеніямъ отведенныя, какимъ бы образомъ они ни были вначалѣ пріобрѣтены, по прежнимъ ли дачамъ и крѣпостямъ, или отведены отъ казны для водворенія и надѣленія крестьянъ.

Стало быть, умозаключаете вы, земли, на коихъ поселены казенные крестьяне, составляютъ имущество общественное, такое же, какъ и домы дворянскихъ собраній, во первыхъ потому, что объ этомъ два раза сказано прямо въ законѣ, и во вторыхъ, потому, что онѣ пріобрѣтены, какъ видно изъ того же закона, тѣмъ же порядкомъ, какимъ пріобрѣтены земли помѣщичьи, т. е. по даннымъ и крѣпостямъ.

Нѣтъ, возражаютъ вамъ; немного далѣе, ст. 421 (X т.), говоритъ: «отъ права частной собственности различается право собственности государственной, состоящее *въ верховномъ обладаніи* государственными имуществами, въ пользованіи или распоряженіи оными». Хорошо,

говорите вы,—но что же означаетъ это право верховнаго обладанія или распоряженія? укажите намъ, въ чемъ оно выражается по закону? ибо если рѣчь идетъ о такомъ правѣ, которое не можетъ имѣть ни какихъ осязаемыхъ послѣдствій, то это не право, стало быть, а реторическая фигура, случайно уцѣлѣвшій остатокъ вымирающаго оффиціально-легальнаго слога. Такимъ правомъ могу я снабдить каждаго изъ васъ на всѣ земли поднебесной безъ протеста съ чьей либо стороны, такимъ правомъ и безъ того снабжала васъ не разъ литература, ибо давно извѣстно, что человѣкъ есть царь земли и не только земли, но даже царь природы. Стало быть, нужно искать категорическаго смысла въ вышеприведенныхъ словахъ. Ищите, сколько хотите, и найдете, что въ сущности здѣсь не можетъ заключаться ничего другаго, кромѣ такъ-называемаго права экспропріаціи на общія нужды, отъ котораго, кажется, не избавлено никакое имущество по тому же своду законовъ. Если въ этомъ все различіе общественнаго имущества отъ частной собственности, то укажите намъ статью свода, по которой могла бы откупаться отъ этого права и всякая частная собственность.

Нѣтъ, еще не въ этомъ только: по ст. 671 IX т. всякая продажа, закладъ или другая уступка участковъ (отведенныхъ отдѣльнымъ крестьянамъ) запрещается.

Но опять это условіе вытекаетъ прямо изъ смысла *общественнаго имущества*, какимъ признается каждый участокъ, и потому никакъ не идетъ къ дѣлу.

И такъ, заключаете вы, пока общественное имущество ни чѣмъ ни отличено въ законѣ отъ личнаго.

Ну такъ вотъ вамъ, говорятъ, статья 518 (X т.), въ которой изложено вотъ что: «когда по распоряженію правительства отводятся казенныя земли или угодья городскимъ или казеннымъ селеніямъ въ надѣленіе, тогда *право собственности на сіи земли* сохраняется казнѣ, а тѣмъ городамъ и селеніямъ принадлежитъ *одно право владѣнія*, — а по ст. 560 владѣніе этого рода не влечетъ за собою даже права давности.

И вотъ вы въ недоумѣніи: одна статья сбиваетъ всѣ ваши разсчеты. Для чего она написана, спрашиваете вы себя; неужели для того, чтобы опровергнуть ровно восемь предъидущихъ статей? въ такомъ случаѣ зачѣмъ же эти восемь статей оставлены въ сводѣ, или, по крайней мѣрѣ, не передѣланы? или ст. 518 должна въ сущности съ ними быть согласна?—Въ такомъ случаѣ, какъ же прикажете истолковать ее? сказано въ ней: *земля казенная*, и все тутъ. Что такое казна? — сборникъ налоговъ, fiscus — корзинка, по выраженію римлянъ, сумма частныхъ пожертвованій на собственныя нужды. Когда и какими частными единицами произошло это пожертвованіе обще-

ственной земли, исторія не показываетъ; — нѣтъ, этимъ путемъ не разъяснишь, только запутаешься. Начинаете вы полагать, что тутъ подъ казной должно разумѣть что-то другое, чѣмъ сумму пожертвованій, нѣчто въ родѣ частнаго собственника, и соглашаться, что нужно дѣйствительно пожертвовать восемью предъидущими статьями. Но опять земли, говорится, пріобрѣтены по такимъ же даннымъ и крѣпостямъ, по какимъ пріобрѣтены и всѣ остальныя, почему же съ одними слѣдуетъ поступить такъ, съ другими иначе? Зачѣмъ, наконецъ, жертвовать восемью статьями противъ одной, если не сказано прямо, что ими должно пожертвовать? Да и какое мы имѣемъ право равнять казну съ частнымъ собственникомъ? Мы знаемъ, что намъ скажутъ на это юристы. Они намъ скажутъ вотъ что: невѣжды! мальчишки! знаете ли вы то время, когда казна мѣрялась понятіемъ частной собственности? это время удѣльнаго варварства, когда судъ отдавался на откупъ, какъ водка, и каждая пощечина составляла доходную статью князя, когда на западѣ заставляли откупаться отъ права первой ночи. Съ тѣхъ поръ Россія стала *государствомъ*, понятіе частной собственности замѣнилось понятіемъ блага общественнаго. Такъ объяснялъ юристъ Чичеринъ и Неволинъ незабвенный; о томъ же найдется кое что и у Карамзина. А вы хотите сдѣлать изъ казны вотчинника, вернуть насъ на пять вѣковъ къ Батыю!...

Вотъ что намъ должны сказать юристы. — Стало быть, не слѣдуетъ ли ихъ и послушаться?

Но опять придутъ юристы другаго рода — казуисты и скажутъ, что имъ нѣтъ дѣла до Чичерина, что въ Сводѣ нигдѣ не сказано, что должно слушаться его мудрствованій, что въ такомъ случаѣ придется слушаться уже не Чичерина, а Гизо, потому что Чичеринъ цѣликомъ списалъ у Гизо свои наставленія московскимъ студентамъ во вступительной лекціи о государственномъ правѣ, а что, напротивъ того, въ Сводѣ прямо различается общественное имущество отъ частной собственности; поэтому, тамъ, какъ хотите, назовите казну вотчинникомъ или еще проще, намъ все равно, лишь бы буква была исполнена.

И вотъ чудится намъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ должно существовать какое-то несогласіе между статьями не только по формѣ и буквѣ, но неясность въ самыхъ понятіяхъ, о которыхъ въ нихъ идетъ рѣчь. Произошло ли это отъ того, что такъ-называемая юристами идея объ общемъ благѣ не успѣла себя вполнѣ развить и выразить, или отъ того, что, напротивъ, въ болѣе позднее время сюда замѣшались мотивы и опредѣленія, случайно попавшія изъ чужихъ кодексовъ, въ сущности все равно. Въ результатѣ выходитъ то, что мы не разъ уже замѣчали, открывается, какъ будто *сама ле-*

гальность–то еще не готова для того, чтобы изъ нея можно было дѣлать категорическіе выводы.

И такъ, легальнаго вывода о томъ, кому принадлежитъ земля въ настоящемъ случаѣ по буквѣ закона, стало быть, нѣтъ; и сколько бы мы его ни искали, мы все–таки его не получимъ; кромѣ того, для сущности дѣла онъ совершенно не нуженъ, а между тѣмъ за его поисками мы стали бы только останавливать рѣшеніе вопроса, сплетя по всей вѣроятности новыя веревки будущимъ законодателямъ. Все это столь просто, что, кажется, пойметъ всякій. Сказавъ «всякій», мы конечно, увлеклись: хорошо и то, если пойметъ одинъ на десять, а объ остальныхъ, конечно, отложи всякое попеченіе.

ПОСЛѢ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ.

Кончилась всемірная выставка.

Что же? какую роль играли мы на ней, что̀ наши картины, скульптура, архитектура? вотъ вопросъ, на который и до сихъ поръ нѣтъ еще никакого отвѣта, не смотря на то, что давно пора.

Это однакоже странно! Сколько русскихъ видѣло эту выставку, сколько людей успѣло побывать въ Лондонѣ, сколько было между ними знатоковъ, художниковъ, глубокихъ ревнителей просвѣщенія, истинныхъ патріотовъ, должностныхъ людей, ѣздившихъ узнать и поучиться, или просто поглазѣть, сколько было и простыхъ туристовъ, любопытныхъ аматеровъ! Можно было ожидать, кажется, множества разныхъ сужденій, отчетовъ — никакихъ не появилось. Значитъ, и это путешествіе кончилось для каждаго у насъ тѣмъ же, чѣмъ кончаются всѣ остальныя: ничѣмъ? Ни мысли свѣжей, ни воспоминанія дорогаго, ни животворнаго ощущенія, ни новаго толчка на будущую дѣятельность, ничего не явилось, ничего не произошло. Отъ самыхъ избранныхъ и приготовленныхъ изъ числа тѣхъ, кто нынче съѣздилъ въ Лондонъ, можно было одно только узнать: что наша художественная выставка показалась необыкновенно значительною, интересною; что въ русскомъ искусствѣ всѣ открыли вдругъ столько неожиданнаго совершенства, такія заслуги рисунка и краски, такіе эффекты, нашли у насъ столько отличныхъ художниковъ, что отъ сихъ поръ насъ будутъ уважать по заслугамъ и дадутъ наконецъ почетное мѣсто въ ряду прочихъ европейскихъ школъ. Вотъ и все.

Повѣримъ на минуту, что въ самомъ дѣлѣ такъ и было, какъ эти люди разсказываютъ. Такъ чтожъ?

Неужели радоваться такимъ результатамъ? Какое счастье, какое восхищеніе! Сами иностранцы насъ похвалили! Сами французы и англичане нашли, что мы умѣемъ держать кисть въ рукахъ, наносить краски на холстъ, чертить руки и ноги. Что̀ за неизреченная милость съ ихъ стороны, что за честь! Но неужели цѣлому народу меньше стыд-

но, когда его такъ хвалятъ, чѣмъ отдѣльному человѣку то, когда ему скажутъ: о! да ты, братъ, меньше глупъ, чѣмъ мы думали!

И еще этимъ хвастаться и гордиться? Если всемірная выставка должна была повести насъ только къ такому униженію передъ другими, точно передъ естественными господами своими, если она была нужна намъ только на то, чтобы дождаться иностранной милости, стоило же для этого быть всемірной выставкѣ, стоило же намъ двинуть для нея хоть однимъ пальцемъ!

Но на дѣлѣ было совсѣмъ другое.

Приговоръ иностраннаго общества не былъ таковъ, какимъ представился русскому самообожанію. Онъ не былъ ни столько поверхностенъ, чтобы придти въ энтузіазмъ отъ одного нашего умѣнья водить кистью, ни столько высокомѣренъ, чтобы вмѣсто разбора милостиво кивать головою. Онъ былъ строгъ, но справедливъ.

Хотите знать, что во время всемірной выставки говорили и писали о насъ? Говорили и писали, что нельзя конечно отрицать нашей художественной способности, что дарованіе у насъ безспорно, что быть можетъ, намъ предстоитъ значительная своеобразная будущность, если судить по нѣкоторымъ исключеніямъ новѣйшаго времени. Но что искусство наше обвито до сихъ поръ такими пеленками, всегда столько бросалось на подражанія, держалось такъ далеко отъ всякой самостоятельности и тратило свои силы на такіе пустяки, что никакого опредѣлительнаго сужденія составить себѣ о немъ покуда нельзя.

Наши самодовольные защитники, всего болѣе, кажется, нуждающіеся не въ истинѣ, а въ томъ, что пріятно слышать про себя и про своихъ, какъ-то не замѣтили многочисленныхъ разборовъ выставки, гдѣ о нашемъ искусствѣ было сказано только это, и ничего больше; какъ-то не замѣтили, что ему отвели мѣсто лишь въ одномъ ряду со Швейцаріей, Швеціей, Норвегіей и Сѣверной Америкой, да и у тѣхъ нашли нѣсколько такихъ художниковъ, которые обозначаютъ собою новый шагъ развитія въ исторіи обще-европейскаго искусства. Какое разочарованіе!

Вотъ достойные плоды безхарактерицы, вѣчнаго копированія, вотъ достойное наказаніе за раболѣпство передъ чужимъ искусствомъ, передъ чужими школами. При первомъ столкновеніи русскихъ произведеній съ произведеніями другихъ народностей, никто не нашелъ ничего важнаго въ произведеніяхъ, которыми мы гордимся. «Что тутъ для насъ интереснаго, говорили иностранцы, въ этихъ подражаніяхъ то Каррачамъ, то Гвидо-Реніямъ, то французамъ прошлаго вѣка, то нѣмцамъ нынѣшняго! У насъ есть самые оригиналы. Да намъ же давно надоѣли наши собственные подражатели. Отъ нихъ, слава Богу, наконецъ отдѣлались, что же намъ въ вашихъ-то! Вотъ

пусть будетъ у васъ своя собственная школа, безъ подражаній и повтореній, тогда дѣло другое, тогда давайте изучать, давайте толковать, станемте мѣряться, а то что!» И они пожалуй правы.

Большое дѣло всемірная выставка. Она всемірный экзаменъ. Все тутъ разомъ перемѣняется: и уголъ зрѣнія, и перспектива разсматривающаго, и физіономія разсматриваемаго.

Мало ли, кто дома казался великимъ свѣтиломъ, мало ли, кого иногда приходилось принимать за художника всемірнаго, кто потомъ, при сравненіи съ другими, вовсе не оказывался талантомъ необычайнымъ. Какое неожиданное превращеніе! Вдругъ выходитъ, что для насъ однихъ существовало все это величіе, вся эта громадность, что и у другихъ бывали такіе же художники, а никто не считалъ ихъ выше посредственности или обыкновенности.

Всемірная выставка — смерть и гибель для всѣхъ оптическихъ обмановъ, вѣрная кара чваннымъ самообожаніямъ. Ея уроки суровы, но ничто не замѣнитъ ихъ пользу, когда къ нимъ приступаютъ безъ смѣшнаго подобострастія, безъ раболѣпной трусости — эти даже и къ выигрышу никакому не ведутъ, — но вмѣстѣ и безъ чваннаго довольства самимъ собою.

Такіе уроки для насъ покуда не существуютъ. Всемірная выставка прошла безъ слѣда точно такъ, какъ безъ слѣда, безъ поученія проходили до сихъ поръ всѣ наши домашнія выставки. И тутъ и тамъ причина одна и та же. У насъ еще не пробовали взглянуть на значеніе, цѣль и содержаніе художественныхъ произведеній. Мы и до сихъ поръ смотримъ на искусство, какъ на каллиграфію, а на художника, какъ на чистописца. Видимъ красивыя или замысловатыя черты, радуемся на эту красивость, и ничего больше знать не хотимъ. Намъ все равно, на какомъ языкѣ и что такое написано посредствомъ этой каллиграфіи: слова ли, рѣчи ли, заключившіе въ себѣ глубокую мудрость, красоту истины, или вертопрашное ничтожество, постыдная и безобразная ложь. Мы равнодушны ко всему, что ведетъ къ оцѣнкѣ, къ сравненію, уразумѣнію художества. Всемірныя выставки всего болѣе возбуждаютъ мысль, отъ того мы такъ къ нимъ и равнодушны. Намъ дѣла нѣтъ до разбора, идущаго дальше замѣтокъ школьнаго учителя объ орѳографіи, и всего чаще мы становимся искренними врагами того разбора, который примется дорываться поглубже.

«Что это за критики художественныя, и на что онѣ? Нѣтъ въ нихъ пользы художнику, не отыщешь въ нихъ ни одного дѣльнаго, техническаго указанія», говорятъ тѣ, у кого мозгъ еще не просыпался и кто понимаетъ лишь одну внѣшнюю, ремесленную дѣятельность искусства. «Что это за художественныя критики, и на что ихъ вѣчныя неумѣстныя строгости?» говорятъ въ свою очередь тѣ, которые

стоятъ немножко повыше, но какъ огня боятся всякого разсмотрѣнія, дошедшаго до порицанія существующаго. И тѣ и другіе готовы обвинить и въ недостаткѣ истиннаго патріотизма (котораго впрочемъ не понимаютъ), и въ неразумѣніи настоящихъ отечественныхъ интересовъ (которымъ впрочемъ мѣшаютъ своею трусостью). И тѣ и другіе не въ состояніи отдѣлаться отъ мысли, что снисходительность и благосклонное потаканье непремѣнно необходимы всякой человѣческой дѣятельности для ея роста и силы; и тѣ и другіе убѣждены, что безъ этого пригрѣвающаго солнца не развернуться ни одной почкѣ, не подняться ни одному стеблю. Какая старческая трусливость за живое зерно! Какое глубокое невѣдѣніе могущественныхъ силъ таланта, которому суждено разцвѣсть, какое непониманіе законовъ его развитія! Какъ бы, казалось, не замѣтить, не знать, что не боязливая охрана отъ каждаго вѣтерка и пылинки, не робкое холенье и обереганье даютъ ростъ, силу и здоровье, а многочисленность внѣшнихъ соприкосновеній, хотя бы иногда и суровыхъ, свѣжій воздухъ, многообразіе вліяній и впечатлѣній. Искусство не гаремъ, его произведенія не султанскія жены, до которыхъ не смѣетъ коснуться ни глазъ, ни судъ посторонняго. Какъ Фринеѣ древнихъ грековъ, ихъ торжество тогда, когда они безбоязненно отдаютъ нагое тѣло свое очамъ и суду всѣхъ. Ничья безобразная ревность не должна стоять сторожемъ надъ ними, никакой усердный евнухъ не долженъ отгонять отъ нихъ пытающаго взгляда и оцѣнивающей мысли.

Но не знаютъ еще этого у насъ ни художники, ни публика, ни покровители, ни клієнты, ни пишущіе, ни читающіе статьи о художествѣ, и отъ того такія событія, какъ всемірная выставка, которыя должны бы нарѣзывать глубокіе слѣды, летятъ мимо, даже не затронувъ, даже не зарябивъ нашей поверхности, или падаютъ вокругъ, какъ благополучно отраженные вражескіе удары.

Нынче нигдѣ больше не боятся критики художественной, будто какого-то пугала; да нигдѣ и не презираютъ ея. Нигдѣ больше не найдешь боязни увидать вдругъ у себя убавленнымъ число великихъ произведеній, ни опасенія передъ строгимъ перевѣшиваньемъ съизнова, передъ переоцѣнкою каждаго изъ именъ, все считавшихся великими, колоссальными. Нѣтъ больше фарисейскаго патріотизма, нѣтъ жеманной народной обидчивости: всѣ эти ложные, такъ долго пугавшіе призраки смѣнились, какъ и въ дѣлѣ литературы, какъ и во всемъ, желаніемъ твердо и ясно добиться одной истины.

Лондонъ въ первые же дни открытія всемірной выставки представилъ тому блестящій примѣръ.

Королевская коммиссія выставки поручила изданіе художественнаго каталога Френсису Пальгрэву. Никто не протестовалъ противъ

темнаго, ничѣмъ еще не прославленнаго человѣка: каталогъ появился въ свѣтъ. И вдругъ вышло, что Пальгрэвовы вступительныя страницы не заключаютъ, какъ всегда въ такомъ случаѣ, одинъ только рядъ именъ, систематически и мертво разставленныхъ, систематически и мертво похваленныхъ. На этихъ страницахъ блеснулъ огонь мысли, тутъ пронесся жаръ симпатій и антипатій, тутъ никто не остался оффиціальной бездушной цифрой. Каждый художникъ, англійскій, французскій, нѣмецкій, былъ взятъ и тронутъ анатомическимъ ножомъ, котораго не своротятъ съ дороги ни громкое имя и слава, ни безвѣстность и непризнанность. Сколько вышло тогда противорѣчія между знаменитостями нынѣшняго или прошлаго времени и тѣмъ, что нашла новая критика! Сколько перемѣнъ, сколько перестановокъ отъ начала и до конца!

Но какъ было такому посягательству остаться безнаказаннымъ? Какъ было терпѣть такую смѣлость? Весь художественный цехъ поднялся и возопіялъ: слишкомъ много личностей и интересовъ было тутъ затронуто. Посыпались на столбцы Times и другихъ журналовъ письма противъ дерзкаго критика. Въ первое время выставки не проходило почти дня безъ печатнаго протеста противъ Пальгрэва. Коммиссія выставки не въ состояніи была сладить съ этимъ напоромъ обиженныхъ художественныхъ самолюбій и сдѣлала наконецъ то, чего бы никогда нельзя было ожидать въ свободной и безбоязненной Англіи: она взяла назадъ изъ продажи всѣ экземпляры своего оффиціальнаго каталога художественной выставки и замѣнила его другимъ, гдѣ былъ уже другой вступительный текстъ. Но что же англійская либеральная, свободная публика? Неужели она стала на сторону вопіявшихъ художниковъ и имъ послушной коммиссіи? Никогда! Она по своему высказала, что думала о Пальгрэвѣ и его критикѣ: въ серединѣ лѣта Пальгрэвъ отпечаталъ особой книжкой изгнанный изъ оффиціальнаго каталога текстъ свой и прибавилъ къ нему нѣсколько новыхъ страницъ. Въ самое короткое время изданіе было расхватано. И въ то же время эта самая публика жадно читала еще другую книгу: книгу Тэйлора о художественной выставкѣ, а и эта не щадила ни англійскаго, ни вообще европейскаго самолюбія, и не боялась прямо высказывать, что видѣла слабаго и ложнаго не только въ отдѣльныхъ произведеніяхъ и художникахъ, но въ цѣлыхъ школахъ, въ художественномъ направленіи цѣлыхъ народовъ. Былъ ли тутъ поминъ объ обиженномъ народномъ самолюбіи, было ли опасеніе болѣзненно затронуть старыя привычки мысли, оскорбить великія тѣни прошедшаго, или высоко возносимыя личности настоящаго? Никто объ этомъ и не вспомнилъ. Всѣ обратили глаза и уши къ раздавшемуся свѣжему голосу, къ пробившемуся лучу истины; взглядъ, охватившій огромную груду снесеннаго вмѣстѣ мате-

ріала и ясно различившій тамъ каждое явленіе, не только не поразилъ непріятно, но еще показался благодѣтельною путеводною нитью и зрителю, и художнику.

То, что въ Англіи въ первый, быть можетъ, разъ появилось только теперь по поводу всемірной выставки, еще раньше пробилось на свѣтъ въ другихъ мѣстахъ, во Франціи, Германіи. Тамъ уже давно смѣютъ взглянуть прямо въ глаза каждой славѣ, каждой знаменитости, хотя бы она была самая національная, самая желанная для народной гордости. А мы? мы и подумать еще ни о чемъ подобномъ не смѣемъ, отъ страха грозной кары и упрековъ. И такъ будетъ у насъ, по видимому, еще долго. Хоть бы изъ моды, у насъ всегда столько всемогущей, слѣдовать намъ добрымъ примѣрамъ Европы!

Но оставимъ чужія дѣла и моды, забудемъ сужденія иностранцевъ о посланномъ нами въ Лондонъ. На что намъ вѣчно ждать, что скажутъ старшіе или господа, обратимся къ тому, что важнѣе и того и другаго. Взглянемъ собственными глазами, попробуемъ опредѣлить для самихъ же себя, чѣмъ на всемірной выставкѣ было наше искусство въ ряду съ искусствомъ прочихъ народовъ. Здѣсь вышло столько поучительнаго, или, по крайней мѣрѣ, любопытнаго, что посмотрѣть стоитъ.

I.

Для многихъ другихъ народовъ, нынѣшняя выставка имѣла гораздо меньше важности, чѣмъ для насъ. У нихъ есть музеи для національнаго искусства, есть книги, сочиненія о немъ, исторіи искусства, изданія памятниковъ. И своя, и чужая публика давно ихъ узнала, оцѣнила, какъ умѣла, или какъ ей то нужно; отечественные собиратели коллекцій уже не десятки, а сотни лѣтъ собираютъ, вмѣстѣ съ иностранными созданіями искусства, и свои собственныя, народныя; однимъ словомъ, уже много сдѣлано для того, чтобы всякій могъ узнавать и уразумѣвать искусство того народа, къ которому принадлежитъ. У насъ этого почти вовсе еще нѣтъ. Кто бы и захотѣлъ, не найдетъ возможности составить себѣ понятіе о прошедшемъ русскаго искусства. Надобенъ былъ такой необыкновенный случай, какъ всемірная выставка, чтобы лѣниво поднялись у насъ и собрали оттуда и отсюда кое-что. А развѣ тутъ нужно было «кое-что?» Мы были въ совершенно особенныхъ условіяхъ противъ другихъ, намъ нечего было брать примѣръ съ тѣхъ, кто не посылалъ на этотъ разъ въ Лондонъ созданное прежними періодами своего художества. Хорошо было французской художественной коммиссіи сказать въ своихъ протоколахъ: «вовсе не нужно намъ посылать на лондонскія и парижскія всемірныя выставки произведенія *прежнихъ* эпохъ французскаго искусства, по-

тому что эту цѣль выполняютъ богатые французскіе музеи, постоянно обозрѣваемые посѣтителями всѣхъ націй; напротивъ, будетъ полезно собирать всякій разъ, по случаю этихъ торжествъ, произведенія *новѣйшаго* искусства, разсѣянныя по множеству отдѣльныхъ коллекцій». Французы тутъ были совершенно правы, и ихъ рѣшимость основательна. Но мы ничего подобнаго не могли сказать съ своей стороны. Намъ вечего было бояться, что произведенія слишкомъ уже извѣстны, что они, пожалуй, надоѣдятъ: ихъ еще никто не видалъ. Намъ надо было бы собрать, показываясь въ первый разъ въ люди, все, что только можно было выискать у насъ не только превосходнаго и отличнаго, но во всякомъ отношеніи особеннаго, примѣчательнаго. Иностранныя коммиссіи (напримѣръ, французская и англійская), на славу составленныя, еще за цѣлый годъ до выставки начали собираться, сходились много-много разъ, выбрали изъ среды своей особыя частныя коммиссіи по каждому отдѣльному искусству, созвали въ каждую изъ этихъ коммиссій лучшихъ художниковъ, знатоковъ и писателей своей страны о художествѣ, назначили туда предсѣдателей и секретарей съ энергическою иниціативою, и потомъ до самой выставки не переставали совѣтоваться, соображать, придумывать, что именно послать на всемірную выставку, просили, указывали частнымъ владѣльцамъ, вели обширную корреспонденцію, выбирали изъ общественныхъ коллекцій, пріискивали, вызывали, облегчали частнымъ владѣльцамъ пересылку принадлежащихъ имъ произведеній: во всемъ доказали они, что дѣло было для нихъ серьёзное, они имъ занимались съ жаромъ, съ ревностью. И результатъ вышелъ достойный такихъ усилій: ихъ выставки поражали не только обширностью, разнообразіемъ, но и просвѣчивавшею въ нихъ мыслію, заботою о дорогомъ *своемъ*, отсутствіемъ прихоти и случайности въ выборѣ.

Ничего подобнаго не было у насъ. Все дѣлалось кое-какъ, какъ ни попало, точно по нечаянности. Ни разсужденій, ни розысковъ, ни просьбъ, ни усилій ни чьихъ не было. Взяли, что было ближе подъ руками, да и то безъ мысли, безъ критики, безъ руководящаго намѣренія; каждый радъ былъ сбросить съ плечъ тяжелую и непривычную работу разбора и разсужденія, каждый только о томъ и думалъ, какъ бы отъ нея избавиться и нагрузить ее на другаго. Одно исключеніе было только тогда, когда рѣчь шла о картинахъ, или вообще художественныхъ произведеніяхъ того или другаго художника, имѣвшаго голосъ при распоряженіяхъ. Тутъ являлась вдругъ и энергія, и настойчивость, нѣмыя уста разверзались; еще бы! надо было, во что бы то ни стало, попасть съ своими вещами на выставку. До общаго содержанія нашей выставки, до ея полноты, настоящаго выраженія въ ней нашего искусства — никому не было дѣла. Какъ же сравнивать наши

приготовленія къ выставкѣ, нашу дѣятельность въ этомъ случаѣ, съ тѣмъ, что было и дѣлалось въ другихъ краяхъ! Легко понять, должна ли была потомъ выйти разница въ результатахъ.

Но такъ или иначе, вотъ картины и скульптуры наши въ Лондонѣ. Что же теперь прежде всего важно намъ въ ихъ участи? Конечно то, какъ онѣ размѣстились на выставкѣ.

Размѣщеніе не пустое, не равнодушное дѣло, имъ нельзя пренебрегать. Въ расположеніи художественныхъ предметовъ выражается понятіе о художествѣ и оцѣнка ему тѣхъ, кто въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ властенъ имъ распоряжаться. То или другое обращеніе съ произведеніями искусства свидѣтельствуетъ о томъ, что такое для насъ художество и художники, какую роль они играютъ у насъ и какую роль мы имъ предназначаемъ для другихъ. Уже въ магазинѣ, лавкѣ какой нибудь, можно съ перваго взгляда судить, по внутреннему распорядку ихъ, по присутствію или отсутствію художественнаго элемента въ расположеніи, о той степени, на которой стоитъ съ своимъ дѣломъ торговецъ, промышленникъ. Что же сказать про выставку художественныхъ коллекцій? Она тоже имѣетъ свои періоды, свои эпохи, она всегда двигается однимъ шагомъ съ тѣмъ обществомъ, которому принадлежитъ, и постоянно завися отъ всѣхъ нравственныхъ интеллектуальныхъ условій его, въ свою очередь представляетъ въ каждой чертѣ портретъ своихъ хозяевъ и своего общества. Есть употребленіе художественныхъ произведеній, есть обращеніе съ ними, которое болѣе невозможно у извѣстнаго народа, потому что оно ему обидно, оскорбительно, точно такъ же, какъ оно возможно и законно у другаго народа, потому что не нарушаетъ еще ничьего понятія, не затрогиваетъ еще ни чьей щекотливости.

Какая же была общая, внѣшняя физіономія нашей художественной выставки?

Она была — странная.

Съ общею внѣшнею физіономіею ея распорядились точно такъ же въ Лондонѣ, какъ съ общимъ внутреннимъ составомъ всего назначеннаго на выставку, еще въ Петербургѣ. Будто нарочно употреблены были всѣ усилія, чтобы приготовить для милліоновъ иностранцевъ, въ первый разъ знакомящихся съ русскимъ искусствомъ, самое бѣдное, а главное, самое невѣрное о немъ понятіе. Образцы разнородныхъ его эпохъ были приготовлены для выставки самымъ страннымъ образомъ: одну эпоху отъ начала до конца выпустили вонъ, другую урѣзали на столько, что и узнать нельзя было, третью ослабили, измѣнили, и такъ было со всѣми. Ни одна не явилась во всей полнотѣ, такою, какою была въ дѣйствительности, какою мы ее знали. И все это безъ злаго умысла, а такъ какъ-то по нечаянности.

Русскому искусству была отведена одна изъ лучшихъ залъ выставки, почти рядомъ съ тѣми огромными галлереями, гдѣ главными хозяевами расположились Франція и Англія. Что же? Какъ воспользовались мы превосходнымъ мѣстомъ? Воспользовались, какъ никто, конечно, въ цѣлой Европѣ. У насъ дали совершиться тому, на что не согласился бы ни одинъ человѣкъ, чему даже повѣрить трудно. Мы добровольно, Богъ знаетъ, по добродушію или иному качеству, отступились отъ нашей отличной, большой, широкой и высокой залы, отдали ее Даніи. И вотъ мы взяли на обмѣнъ узкую, тѣсную комнату, одну изъ неудобнѣйшихъ на выставкѣ, гдѣ никому не пришло бы въ голову искать отдѣльной школы цѣлаго народа, и гдѣ проходишь, какъ по какимъ нибудь сѣнямъ, въ которой разставлено то, что осталось отъ главныхъ комнатъ.

Проходя мимо и взглянувъ на эту нашу залу, никакъ не вообразишь, что тутъ, на этой небольшой стѣнѣ, наше все, весь нашъ музей на этотъ разъ. Ждешь чего-то еще, думаешь: главное еще впереди. И что же? кто принялся бы искать этого главнаго, этого другаго, нашелъ бы, наконецъ, за версту отъ первой комнаты, другой проходной уголъ, гдѣ кое какъ прилажены были на перегородкѣ еще нѣсколько русскихъ картинъ. Онѣ тутъ висѣли, точно пріѣхали въ Лондонъ, когда все уже было кончено.

Большія картины были рѣшительно лишены точки зрѣнія, онѣ задыхались безъ воздуха, точно человѣкъ, запертый въ сундукъ; маленькія картины отъ тѣсноты лѣзли одна на другую, однѣ спустились низъ на столько, что приходились не противъ глазъ, а противъ живота проходящихъ зрителей, другіе вскарабкались по стѣнамъ на ту высоту, гдѣ разсматривать ихъ могли бы только развѣ порхающая канарейка или муха, еще иныя были заставлены и перерѣзаны придвинутымъ прямо къ стѣнѣ фортепіано, въ сосѣдствѣ съ наваленною какъ ни попало грудою сапоговъ, калошъ, торжковскаго сафьяна, валенокъ, ваксы и всякаго товара со Щукина двора.

Вотъ какъ поступили съ живописью. Это былъ для иностранцевъ образчикъ обхожденія съ нею у насъ: вѣдь у насъ до сихъ поръ еще не вывелась старинная барская привычка задавать балъ, обѣдъ, ужинъ въ картинной галлереѣ, подвергать драгоцѣннѣйшія созданія геніяльныхъ художниковъ всѣмъ выгодамъ копоти, передвигаемой или нагроможденной во время уборки мебели, суетящихся и неразборчивыхъ слугъ, сдавленной къ стѣнамъ толпы, такъ что счастливы, счастливы бѣдныя картины, если всякій разъ потомъ двѣ трети между ними не прорваны.

Но что же было на выставкѣ съ нашими скульптурами, бѣдными, немногочисленными? Конечно, то же самое, что съ картинами? Разу-

мѣется; но, чтобы дать настоящее понятіе о размѣщеніи русской скульптуры на всемірной выставкѣ, я долженъ напередъ взглянуть на промышленную нашу выставку.

Нечего мнѣ разсказывать теперь про всѣ подробности ея внѣшняго вида: о ея безпорядкѣ, неустройствѣ, хаосѣ. Обо всемъ этомъ довольно уже сказано въ нашей печати. Но все-таки необходимо собрать здѣсь передъ воображеніемъ читателя главныя черты ея.

Мы никогда не умѣемъ сами устроиться. Намъ вѣчно нужна чужая мысль, чужой совѣтъ и помощь. Обходиться безъ нихъ мы еще не можемъ. Вдругъ заграничные распорядители наши вздумали поступить иначе. Въ недобрый часъ пришло имъ на мысль дѣлать лишь то, что самимъ въ голову придетъ. Это было истинное несчастіе на этотъ разъ: все вышло еще хуже обыкновеннаго. Мы въ первый еще разъ появлялись на всемірную выставку (1851 года почти вовсе нельзя намъ брать въ разсчетъ); какъ было не посмотрѣть, что и какъ дѣлаютъ другіе, какъ было не сообразиться со славными лондонскими и парижскими примѣрами 1851 и 1855 годовъ? У насъ всегда за границей цѣлая куча оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ корреспондентовъ, наблюдателей, сообщителей, за дорогія-дорогія деньги слѣдящихъ за всѣмъ, что дѣлается въ Европѣ! Чего жь они-то смотрѣли? Но пусть мы пріѣхали въ Лондонъ ни къ чему не готовые, ничего не вспомнившіе и не сообразившіе изъ прежнихъ примѣровъ, и въ то же время не умѣющіе ничего сами вновь выдумать и устроить, все-таки неужели не довольно было первыхъ дней, чтобы видѣть, какъ другіе готовятъ свои выставки, наряжаютъ ихъ невѣстами, чтобы перенять съ нихъ хоть внѣшность приличія, хоть наружную щеголеватость и изящество?

Нѣтъ, не было довольно, и наша выставка вышла чѣмъ-то особеннымъ, совершенно безпримѣрнымъ на выставкѣ, рѣзко отличнымъ отъ остальнаго, даже между такими, казалось бы, неопасными сосѣдями, какъ Турція съ одной стороны, и Швеція съ другой. У другихъ изъ малаго выходило многое, они изъ только-что хорошаго извлекали столько выгоды, что оно казалось отличнымъ. Мы, на оборотъ, ухитрились изъ матеріаловъ превосходныхъ, завидныхъ, сотворить что-то самое незавлекательное, съумѣли данныя, по истинѣ колоссальныя, сжать во что-то ужасно тщедушное, несчастное. Не только мы не приложили своего таланта, но похоронили и тотъ, что намъ былъ данъ. Цѣлыя башни въ нѣсколько этажей, съ лѣстницами внутри, были выстроены изъ поставленныхъ рядомъ, или наложенныхъ одни на другихъ колосальныхъ обрубковъ, стволовъ и досчатыхъ полотнищъ, выкроенныхъ изъ гигантскихъ деревъ Австраліи и Америки. Куда дѣвались стволы и деревья нашихъ непроходимыхъ

лѣсовъ, уцѣлѣвшихъ въ сердцѣ самой еще Европы? Бѣдные образчики ихъ, которымъ бы впору было соперничать съ цѣлымъ свѣтомъ, валялись гдѣ-то, криво и косо брошенные на полъ, на задахъ нашей выставки. Мы, какъ дикари, не знающіе цѣны своимъ сокровищамъ, бросили тоже на полъ, въ заднемъ углу, тамъ, куда забредутъ развѣ немногіе, въ ногахъ у проходящихъ, и образцы удивительныхъ металлическихъ богатствъ нашихъ, кованныя и литыя полосы, громадныя цѣпи, цѣлую пушку. Какая пропасть раздѣляла это презрѣніе, это незнаніе, отъ той сознательной гордости, отъ того пониманія своего значенія, съ которыми англичане, точно въ галантерейномъ магазинѣ, полномъ жемчуговъ и изумрудовъ, разставили и разложили на изящныхъ подставкахъ и пьедесталахъ, развѣсили по стѣнамъ, разубраннымъ какъ для пира, свои полосы, свои пушки, цѣпи, орудія, сырые куски и слитки, все, что придумываетъ и выдѣлываетъ кузнецъ, литейщикъ, чеканьщикъ, слесарь: Подъ однимъ изъ куполовъ выставки поставленъ былъ цѣлый городъ изъ колоколовъ: стройными рядами возвышались они въ пирамиду, уступами поднимались въ гору вокругъ самаго большаго колокола. Подъ общимъ помостомъ вдѣланъ былъ механизмъ, двигавшій ихъ, и по нѣскольку разъ въ день по галлереямъ выставки гудѣлъ трезвонъ ихъ, въ перемежку съ колоссальными органами, стоявшими на оконечныхъ перехватахъ зданія, и какъ будто аккомпанируя мѣрными переливами своими тихому шуму фонтановъ, журчавшихъ тамъ и сямъ по выставкѣ. Что же? Конечно, всѣмъ этимъ колоколамъ пришлись тяжелыми соперниками русскіе колокола, съ ихъ чуднымъ густымъ звукомъ, эта давнишняя наша слава и гордость, любимое и чудесно выросшее дитя нашего народа? Нѣтъ, они молчали въ Лондонѣ, лишь изрѣдка звенѣлъ подъ щелкающимъ пальцемъ проходящихъ одинъ изъ той полдюжины маленькихъ колоколовъ, которые одни очутились на выставкѣ и умѣстились подъ кровелькой храмика, лакированнаго и игрушечнаго, обязаннаго дать иностранцамъ столько же понятія о нашей народной архитектурѣ, какъ и рядомъ тутъ же стоявшая игрушечная, точеная, какъ наперстокъ, и лакированная, какъ подносъ—изба. Намъ трудно было перевезти и одинъ большой колоколъ, другимъ не трудно было посылать на три всемірныя выставки хрупкія зеркала, величиною чуть не съ тріумфальныя ворота, нѣжныя скульптурныя группы, съ цѣлый домъ въ объемѣ. Но даже и тѣ колокола, что мы послали на этотъ разъ въ Лондонъ, такъ удачно были выставлены, что походили на мячикъ, заброшенный въ кусты. Гдѣ была знаменитая съ глубокой древности серебряная чернь наша, наслѣдство Востока? Гдѣ филигрань, перенесенная къ намъ еще изъ Византіи? Ихъ не было въ Лондонѣ, никто тамъ и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи у насъ. Всѣ

любовались какъ на совершенство, единственное въ мірѣ, на нѣжные цвѣты и орнаменты изъ паутинной серебряной филиграни, присланные Мальтой. А чѣмъ наша филигрань не была бы достойная соперница ей? Но опять наши мѣха. Мы всегда такъ ими гордились, и по нраву. Какой превосходный былъ теперь случай выставить передъ цѣлымъ свѣтомъ весь рядъ ихъ, все разнообразіе пышной волны и цвѣтовъ ихъ! Что же мы выставили? Всякій подумаетъ: конечно, необозримый строй мѣховыхъ богатствъ, начиная отъ овчины и бараньей шкурки и до чернобурой лисицы. Вышло иначе. Мы выставили дюжины двѣ мѣховъ, вотъ и все. Да и тѣ какъ выставили! У французовъ, у англичанъ великолѣпные зеркальные шкапы заключили цѣлыхъ звѣрей съ дорогими шкурами ихъ, многочисленныя издѣлія, на которыя пошли мѣха, шубы, платья, шапки, и все это съ бархатомъ, атласомъ, серебромъ; охваченные ихъ разнообразными красками и переливами, они выходили еще прекраснѣе, еще драгоцѣннѣе. На нашей выставкѣ, печально, бѣдно, безъ изящества висѣли, точно сырое мясо у мясника, самые удивительные мѣха: наши голубые песцы, бобры, соболи, медвѣди; глядя на нихъ, представлялось, что стоишь не на всемірной выставкѣ, а въ плохой лавчонкѣ, куда по нечаянности попали наивеличайшія рѣдкости.—А наши парчи, штофы, золотые бархаты? До сихъ поръ не перевелась еще у насъ древняя работа ихъ, наслѣдіе востока, соперничествуя съ лучшимъ и роскошнѣйшимъ, что до сихъ поръ производитъ Индія. Цари и священники древней Византіи нарядились бы и теперь, точно въ самые блестящіе дни своей исторіи, въ наши матеріи; древніе цари Вавилона и Ассиріи признали бы узоры и краски тяжелыхъ нашихъ штофовъ достойными своихъ плечъ, престоловъ и своихъ восточныхъ праздниковъ. Но какое униженіе! Образчики этихъ чудныхъ произведеній тѣснились и жались на выставкѣ робкой кучкой въ небольшомъ шкапикѣ своемъ, точно стыдясь показаться на свѣтъ. Тутъ и помину не было объ томъ, чтобъ имъ разлиться широкими густыми складками, гдѣ бы заиграли яркими свѣтами и узорами великолѣпные цвѣта ихъ, вся восточная орнаментистика ихъ: они выглядывали одни изъ-за другихъ какъ трусливая дворня изъ-за дверей на балъ господъ. На остальной выставкѣ простые сукна или ситцы являлись зрителю съ большимъ кокетствомъ и изяществомъ, чѣмъ наши драгоцѣннѣйшія парчи. — Но что же наконецъ золотыя и серебряныя вещи, чѣмъ вышли онѣ на выставкѣ? Немного ихъ было въ Лондонѣ, да и между тѣми ничего значительнаго, все были тутъ одинъ только стаканчики да чарочки. Два, три евангелія, да пара чашъ и крестовъ, едва ли не одни доказывали, что золото и серебро идетъ у насъ на что нибудь другое. Важнѣе другихъ были вещи, гдѣ проявлялись восточныя формы.

Правда, у насъ въ золотыхъ и серебряныхъ вещахъ есть свое особое мастерство и ловкость работы,—тоже наслѣдіе съ Востока,—но одна эта ловкость конечно никогда не отведетъ глазъ отъ главнаго: отъ изобрѣтенія и цѣли вещей. Въ огромныхъ, великолѣпныхъ витринахъ англичанъ, французовъ, нѣмцевъ, сверкали по ступенчатымъ полкамъ, изъ-за массивныхъ стеколъ, длинные ряды золотыхъ вещей, достойныхъ лучшаго времени Бенвенуто Челлини и стараго итальянскаго художества, но еще болѣе дорогихъ для нашего времени, какъ свидѣтельство нынѣшней мысли и чувства. Эти канделабры, съ деревьями и фигурами, эти огромные щиты всѣ изъ барельефовъ, эти цѣпи фантастическихъ формъ изъ тяжелыхъ золотыхъ колецъ и разноцвѣтной эмали, эти храмы, зданія, разнообразнѣйшіе сосуды и вазы, гдѣ всѣ дорогіе металлы чудесно переплетены или сплавлены въ огромныя массы творческою рукою художества,—всѣ они памятники благодарности, удивленія, сочувствія товарищей и сотрудниковъ, всѣ они сдѣланы для тѣхъ, кто въ которомъ нибудь уголку свѣта проблисталъ энергіей, дарованіями, принесенною пользой. Эти памятники созданы были и для того, кто прокладывалъ желѣзныя дороги сквозь американскія или индѣйскія горы и степи, и для того, кто спасалъ погибающій народъ во время голода, и для агронома—изобрѣтателя, и для талантливаго художника, и для любимаго актера, и для проповѣдника, ремесленника, и для искренне-уважаемаго государственнаго человѣка. Талантъ, сила мысли, долгіе годы труда и пользы, все нашло тутъ свою награду, не казенную, не оффиціальную, не фарисейски-лживую благодарность утомленныхъ, замученныхъ подчиненныхъ, нѣтъ! награду свободныхъ свидѣтелей благодѣтельной жизни, добровольныхъ судей и оцѣнщиковъ ея. Художество собрало и вынесло на свѣтъ лучшія свои фантазіи и формы, чтобъ прославить ту или другую дѣятельность, послужить ей художественною лѣтописью. Что противъ этихъ историческихъ памятниковъ наши бѣдныя, пустыя игрушки изъ золота и серебра, наши пепельницы и колокольчики, наши стаканчики и чарочки! Но даже и этихъ чарочекъ—какъ ихъ мало было, и какія все незначительныя, какая даже и численная ограниченность ихъ!

И вотъ, вся эта выставка, печально составленная, печально разложенная и развѣшенная, сатира на наши необозримыя богатства, на наши безконечныя силы, тѣснилась въ одномъ изъ узкихъ поперечныхъ двориковъ выставки, сжимая еще болѣе свое узкое пространство неловко и не впопадъ поставленными столами. Между тѣмъ, какъ у другихъ все лучшее, блистательнѣйшее, все самое примѣчательное вынеслось на срединную большую дорогу выставки, подъ громаду ея разноцвѣтныхъ арокъ, между тѣмъ, какъ эта средняя галлерея пестрѣла отъ цѣлыхъ монументовъ изъ стекла, камня, металла, сооруженій художественныхъ,

ремесленныхъ, между тѣмъ, какъ цѣлые алтари, громадныя рѣшотки, фонтаны, маяки, разстановились тамъ, какъ лѣсъ кораблей въ какомъ-то колоссальномъ докѣ, мы забились со всѣмъ, что у насъ было лучшаго, въ глубину своего маленькаго отдѣленья, точно на задній дворъ господскаго дома, точно на проселочныя дороги, и тамъ запрятались по неуклюжимъ угламъ. Выбѣжала выставка наша всѣмъ на глаза, на главную большую дорогу, только со своими работами изъ крѣпкаго камня, а потомъ еще бросалась въ глаза заднею стѣною своею, гдѣ разстилались наши мозаики. Но чѣмъ, если не печальнѣйшимъ злоупотребленіемъ человѣческихъ силъ и труда, считать эти на половину рабскія, на половину дамскія работы? Мозаика, не тоже ли это самое, что вышиванье бисеромъ, только въ размѣрѣ на сотню разъ большемъ? Обтачиваніе и лощеніе страшно крѣпкихъ камней, для того, чтобы потомъ дѣлать изъ нихъ вздорные столики, бауличики, пресспапьé, печатки, не напоминаютъ ли древнихъ египтянъ и того хладнокровнаго презрѣнія, съ какимъ они тратили руки рабовъ своихъ на безжалостныя, безчеловѣчныя работы.

И вотъ, посреди всего этого хаоса, посреди этого печальнаго толкучаго рынка, который могъ бы быть блестящей, богатой и драгоцѣнной выставкой, отвели нѣсколько, не саженъ, не аршинъ, а вершковъ, — нашей скульптурѣ. Удивительно тутъ размѣстились русскія статуи. Одна вдвинута была между какихъ-то жалкихъ бронзовыхъ часовъ съ охотникомъ и дичью, и кадушекъ съ крупой и сѣменемъ, связокъ льна и пеньки; другую заперли въ щегольской мебельный шкафъ котораго-то моднаго нашего столяра, будто она принадлежала къ его завиткамъ и вырѣзкамъ; третья пряталась между грудой какого-то вздора и сора; четвертая поднята была на самый верхъ шкафа съ мѣхами, въ pendant къ той полдюжинѣ нашихъ птичьихъ чучелъ, выглядывавшихъ съ карнизовъ двухъ, трехъ шкафовъ напротивъ, между тѣмъ, какъ въ отдѣленіяхъ другихъ народовъ красовались великолѣпныя коллекціи животныхъ, птицъ, рыбъ, раковинъ, живописно и мастерски разставленныхъ.

Сколько усилій надо было, чтобы только открыть тутъ нашу скульптуру! Какое терпѣніе и настойчивость нужны были, чтобъ отыскать ее, точно булавку въ стогѣ сѣна! Искусство, ремесло, фабричная и заводская работа, все было здѣсь перемѣшано, перепутано, одно громоздилось на другое, одно мѣшало другому. Скульптура наша вынесла въ Лондонѣ еще болѣе тяжкое испытаніе, чѣмъ остальныя искусства. Что должны были думать сотни тысячъ посѣтителей, находя вдругъ наши статуи (или по крайней мѣрѣ модели ихъ) посреди гороха и бобовъ! Переходя изъ другихъ отдѣленій въ наше, они конечно ощущали то же, что человѣкъ, переходящій изъ свѣтлаго европейскаго

дома въ безтолковую лачугу, гдѣ дымъ ѣстъ глаза, а когда при лучинѣ начнешь различать предметы, то увидишь, какъ телята и поросята валяются по полу вмѣстѣ съ хозяйскими дѣтьми.

О всѣхъ этихъ чудесахъ, о всѣхъ этихъ невѣроятностяхъ должно сохраниться воспоминаніе для настоящаго и будущаго времени. Пусть современники выставки видятъ, какъ художество наше выступило въ первый разъ въ свѣтъ, но пусть и наши наслѣдники узнаютъ нынѣшніе, малозамѣченные факты во всей ихъ истинѣ, и найдутъ и тутъ всегдашній нашъ портретъ:

И ноты есть у насъ, и инструменты есть,
Спаси лишь, какъ намъ сѣсть.

Пусть знаютъ, какъ у насъ съумѣли исковеркать, обезобразить, превратить во что-то ничтожное средства громадныя; какъ художеству не нашли другого мѣста, кромѣ тѣхъ прилавковъ, гдѣ навалены были сапоги, щетина, вакса; какъ въ полнѣйшемъ презрѣніи и къ художеству и къ ремеслу, дали распоряжаться ихъ произведеніями не людямъ знающимъ, а чиновникамъ, къ тому не приготовленнымъ и ничего не умѣвшимъ, потому что и не могли ничего умѣть; и какъ изъ всего вмѣстѣ вышло то, чего только и можно было ожидать: выставка не съ художественною, не съ промышленною, а только съ служебною физіономіей. Лучшіе, драгоцѣннѣйшіе предметы, превращенные въ случайные, безобразные ряды занумерованныхъ дѣлъ и бумагъ—вотъ все, что представляло наше отдѣленіе на всемірной выставкѣ. Проходя по отдѣленіямъ разныхъ европейскихъ народовъ, нельзя было надивиться изяществу, вкусу, умѣнью выставить предметы въ полнѣйшемъ и совершеннѣйшемъ ихъ видѣ. Вступая въ наше, надо было обо всемъ этомъ позабыть.

II.

Мы пробовали набросать фигуру болѣзненнаго одра, на которомъ цѣлыхъ полгода растянуто и пригвождено было въ Лондонѣ наше искусство. Теперь взглянемъ на самаго паціента. Каковъ-то онъ самъ былъ?

Я начну съ архитектуры, потому что она представила самое неожиданное зрѣлище.

Неожиданное зрѣлище состояло въ томъ, что русской архитектуры на лондонской всемірной выставкѣ вовсе не было. Кто бы могъ это предвидѣть, кто бы вообразилъ себѣ это за одинъ день, за одинъ часъ до открытія выставки?

Пусть каждый изъ читателей вспомнитъ всѣ разговоры о русскомъ искусствѣ, которые ему случилось слышать на своемъ вѣку, или въ которыхъ ему пришлось участвовать. Что всегда толковали истинные патріоты, истинные знатоки дѣла, коренные протекторы и цѣнители

нашего искусства? «Русская архитектурная школа, русскіе архитекторы высоко стоятъ въ Европѣ, твердили они всегда. Мы ни отъ кого не отстали, мы равны хоть кому угодно. Посмотрите, какіе рисовальщики, какіе акварелисты наши архитекторы! Что за программы, что за реставраціи у насъ всегда бывали!» и т. д. Попробовалъ бы кто нибудь замѣтить, что ничего не вышло изо всего хваленаго; что и реставраціи и программы были, въ продолженіе болѣе полустолѣтія, только пустой и безплодной игрой; что и классы дома, и путешествія въ Римъ ничему дѣльному не научили, ни къ чему хорошему не повели; что все строенное у насъ въ продолженіе полутораста лѣтъ — блѣдно, вяло и ничтожно, или чудовищно и нелѣпо. Попробовалъ бы кто нибудь заикнуться обо всемъ этомъ, какъ всѣ бы на него бросились, какъ его бы спалили пламеннымъ негодованіемъ! «Какъ, закричали бы тутъ всѣ, а наши воспитанники, пансіонеры, профессора? Развѣ вы ихъ ни во что не ставите? Развѣ они ничего не стоятъ, ничего не значатъ? Развѣ они ничего не сдѣлали? Сколько лѣтъ ихъ признавали отличными еще въ школѣ, а потомъ въ самой жизни, и сколько ими построено дворцовъ, казармъ, церквей, арокъ, министерствъ! Неужели это были все только призраки?» Не знаю, что слѣдуетъ отвѣчать на каждый изъ этихъ вопросовъ по одиначкѣ, но всемірная выставка была громовымъ отвѣтомъ на всѣ вмѣстѣ. Сто лѣтъ нашей новой, европейской жизни, и ни одного русскаго архитектурнаго созданія на лондонской выставкѣ! Что же подумать всякому? Либо ихъ никогда на самомъ дѣлѣ не было, либо, если были, то такія, которыхъ показывать не стоитъ, а не то и стыдно. На призывный кличъ всемірной трубы отъ насъ не вышло ни одного борца. Значитъ, ихъ либо нѣтъ, либо они трусятъ и спрятались. Сколько бывало мы насчитывали у себя великихъ и малыхъ талантовъ, сколько въ теченіе полутораста лѣтъ было у насъ заказовъ, славъ, почетовъ, наградъ, а когда пришло время дать во всемъ отчетъ, вдругъ показать нечто, вдругъ нечѣмъ оправдать долгіе годы школы и заграничной жизни, посѣянные милліоны.

Или это только безумная безпечность, преступная апатія? Можетъ быть, наши архитекторы находили, что имъ не для чего посылать въ Лондонъ свои планы и фасады, если никто ихъ не купитъ, никто за нихъ не заплатитъ, если никто не приметъ строить по этимъ проектамъ? О, да это было бы еще хуже всякой безпечности и лѣни! Вѣдь это доказывало бы полнѣйшее отсутствіе художественной натуры! Неужели наши архитекторы слушаются только голоса покупателя и заказчика, а до остальнаго имъ дѣла нѣтъ? Это было бы такое печальное дѣло, что не хочется ему вѣрить.

Однако же, отчего другимъ нужно посылать свою архитектуру на

выставку, а намъ нѣтъ? Изображенія сотенъ зданій, воздвигаемыхъ въ разныхъ краяхъ Германіи, Франціи, Англіи, начиная отъ дома горожанина, простаго или прихотливаго, и до громадныхъ банковъ и всенародныхъ хрустальныхъ дворцовъ, отъ пуритански-бѣдной сельской церкви въ какой нибудь глуши Шотландіи или Индіи, и до колоссальнаго собора, отъ маленькаго уѣзднаго дебаркадера желѣзной дороги и до огромныхъ сооруженій, противъ которыхъ блѣднѣютъ каменные гиганты древняго міра,—явились изъ всѣхъ краевъ Европы, указывая на всеобщее архитектурное творчество прошлаго и новаго времени. Какое богатство, какое разнообразіе, какая неутомимая мысль и дѣятельность! Сотни проектовъ, рисунковъ, смѣлыхъ предположеній свидѣтельствуютъ о томъ, съ какою непобѣдимою энергіею бросаются всѣ на перерывъ, одинъ передъ другимъ, чтобы взять съ боя, приступомъ, новыя формы, одолѣть новыя сочетанія, новыя приложенія, нужныя нашему вѣку. Вездѣ жизнь, стремленіе, исканіе новаго русла.

Рядомъ съ этими доказательствами собственнаго творчества, всѣ архитектурныя отдѣленія всемірной выставки заключили множество другихъ чертежей и рисунковъ, назначенныхъ показать, какъ страстно и глубоко художники нашего времени умѣютъ изучать искусство прежнихъ временъ, какъ они способны проникать въ духъ и настроеніе всѣхъ прошедшихъ эпохъ его. Помпейскіе домы и палермскіе соборы, восточныя мечети и средневѣковыя церкви, византійскіе храмы и готическія крѣпости и замки, всѣ они узнаны и изучены, отъ пяты столба и до послѣдняго орнамента верхушки. За то, какую печать твердаго знанія, вѣрнаго умѣнья носятъ на себѣ проекты возстановленія! Варварски рубили и ломали все созданное средневѣковою Европою послѣднія столѣтія, въ печальномъ невѣжествѣ своемъ, въ педантскомъ академическомъ раболѣпствѣ передъ Римомъ и Греціею (впрочемъ понятыми на-выворотъ). На долю архитектуры изъ всѣхъ искусствъ пришелся самый тяжелый крестъ. Лишь наше столѣтіе понялo весь стыдъ того, что дѣлалось въ Европѣ въ продолженіе трехъ или четырехъ сотъ лѣтъ. Съ головою болѣе просвѣтленною, съ художественнымъ чувствомъ, болѣе здоровымъ, чѣмъ его предшественники, оно хочетъ залѣчить глубокія старыя раны, оно пробуетъ возстановить старыя искаженныя черты. Мало по малу стираются безобразные наросты и бородавки, облѣпившіе готическіе и романскіе соборы, сползаютъ вонъ фальшивыя краски, безсмысленныя украшенія, и чудесные ветераны выходятъ изъ пяти-шести сотъ вѣковой плесени, какъ оживившая бабочка изъ шелковаго гроба. Вся Европа кишитъ теперь муравьиной мудрой работой возстановителей, краснѣющихъ за предковъ, торопящихся загладить слѣды безумныхъ ударовъ

ихъ. На лондонскую выставку собрались со всѣхъ концовъ Европы десятки, сотни всякаго рода изображеній, рисунковъ, которые явились тутъ доказательствомъ юношескаго жара, водящаго рукою возстановителей, ихъ благочестія къ высокому, наконецъ понятому искусству древнихъ европейскихъ поколѣній. И не одни великолѣпные рисунки,—цѣлыя печатныя изданія наполнены были представленіями того, что снова исправляютъ, что приводятъ въ прежній чудесный видъ. Въ Лондонѣ, на выставкѣ, какъ будто слышались повсюдные удары сплочающаго молота, стукъ замазывающей лопаты; здѣсь, посреди безчисленныхъ созданій новаго искусства, поднимался и образъ древняго художества, воскресающаго изъ тяжелаго савана.

Только русскій уголъ выставки молчалъ. Цѣлые края нашего отечества наполнены драгоцѣнными остатками русскаго, восточнаго, византійскаго, средневѣковой архитектуры, и никто не увидалъ томленія медленной, но постоянной гибели ихъ, никто не нашелся, чтобы защитить ихъ художественнымъ крыломъ своимъ и указать толпѣ, какъ они всѣ погибаютъ подъ ударами передѣлывателей, украсителей, усовершенствователей. На лондонской выставкѣ не явилось ни одного листа, ни одного очерка, который показалъ бы любовь, изученіе художника, постигнувшаго, сколько удивительныхъ остатковъ художества разсыпано нетронутыхъ на сѣверѣ и югѣ, на западѣ и востокѣ Россіи, на Кавказѣ, въ Крыму. Но сколько сдѣлано у насъ для изученія существующаго, точь въ точь столько же создано и своего новаго. Нѣтъ вовсе ни того, ни другаго. По крайней мѣрѣ, этому научатъ насъ всемірная выставка. Намъ нечего было, и мы не съумѣли ничего создавать своего, намъ нечего было, мы не съумѣли изучать и прежняго. Мы въ Лондонъ ничего не послали.

Видно, намъ покуда нѣтъ дѣла ни до чего своего; видно, долго еще весь интересъ, все важное будутъ заключаться для насъ лишь въ чужомъ, далекомъ, вовсе не нужномъ для насъ: мы все только думаемъ о помпейскихъ баняхъ, да о дворцахъ кесарей, впрочемъ и то только, если имѣемъ въ виду медаль или премію. Видно, и чужіе уроки не доходятъ еще до нашихъ ушей, видно, нужно, чтобъ и въ дѣлѣ узнанія нашихъ собственныхъ памятниковъ, чья-нибудь посторонняя рука принесла свой плугъ и разворотила наши сокровища. Видно, лѣнь, апатія и равнодушіе наросли такой толщей, сквозь которую не пронизаться никакому лучу свѣта и жизни.

Хоть бы вынесли мы на всемірную выставку тѣ особенности, которыя отличаютъ, вслѣдствіе особенностей страны, наше строительное производство. Нельзя взять художествомъ, отличились бы хоть ремесломъ. Всѣ наши зимнія устройства, окна и двери, печи и полы, теплыя лѣстницы, наша русская баня, — сколько тутъ и интереснаго и важнаго, чего нѣтъ у прочей Европы!

Если и этого нельзя было, хоть бы выступили наши знаменитые архитекторы-акварелисты, которыми такъ давно мы чванимся. Пусть бы по крайней мѣрѣ они поставили на лондонской выставкѣ свои виды и перспективы, всѣ свои Алгамбры и Греціи, Капры и Римы, со всею роскошью ихъ тоновъ, съ золотомъ и мракомъ чудныхъ свѣтовъ и тѣней ихъ.

Наконецъ, хоть прислали бы, если ужь не рисунки, то хоть фотографіи со старой и новой русской архитектуры, съ дѣйствительныхъ построекъ или хоть проектовъ нашихъ художниковъ.

Но ничего не было, даже и акварелей изъ путешествій, даже фотографій, которыя не стоили бы архитекторамъ нашимъ и штриха ихъ драгоцѣннаго карандаша. Чему учились, что дѣлали, все пропало, все скрылось за непроницаемою завѣсой. За всѣ 100, 150 послѣднихъ лѣтъ нашей архитектуры отвѣчали на выставкѣ: какой-то варшавскій госпиталь какого-то невѣдомаго г. Орловскаго; проектъ гамбургской биржи г. Бонштета, до насъ вовсе не касающейся и впрочемъ до сихъ поръ у насъ никому не извѣстной; наконецъ, кропотливыя картинки гг. Бенуа, Рязанова и Кракау съ орвіетскаго собора, гдѣ впрочемъ гораздо меньше заботы было о самой архитектурѣ, чѣмъ о безчисленныхъ камешкахъ, жилкахъ мраморныхъ плитъ и всякихъ медочахъ. Картинки эти вышли апоѳеозомъ терпѣнія, но ничуть нашего архитектурнаго таланта. Гдѣ же мы-то сами, гдѣ русская архитектура и русскіе архитекторы? Неужели въ продолженіе всего періода новаго русскаго искусства, съ прошлаго вѣка и по сихъ поръ, наша архитектура только и была занята, что варшавскимъ госпиталемъ, гамбургской биржей и орвіетскимъ соборомъ? Лучше бы ужь было и этихъ разрисованныхъ листиковъ не посылать на выставку.

Итакъ, русскихъ, какъ архитекторовъ, не было на всемірной выставкѣ. И это, когда списокъ нашихъ архитекторовъ, прошедшихъ и настоящихъ, просто безконечный, когда архитекторовъ у насъ всегда бывало во сто разъ больше, чѣмъ остальныхъ художниковъ! Нечего этому удивляться. Одного мы не можемъ, другаго не умѣемъ, третьяго не хотимъ. Но всего хуже то, что, собственно говоря, намъ ни до чего дѣла нѣтъ. Что-же это, какъ не смерть?

III.

Со скульптурой нашей на выставкѣ было почти то же самое, что съ архитектурой. И здѣсь никто не захотѣлъ и пальцемъ двинуть, чтобы показать Европѣ, что такое наша скульптура прежняя и нынѣшняя.

Съ пол-дюжины образчиковъ должны были отвѣчать за всю ея исторію. И какихъ еще образчиковъ! Все вещей, которыя посѣли вчера, сегодня, и которыхъ пожалуй завтра никто не будетъ знать.

Это былъ почти магазинный расхожій товаръ. Гдѣ же все остальное? Неужели со временъ императрицы Елисаветы Петровны, у насъ только и было сдѣлано въ скульптурѣ, что эти лошадки и собачки, эти пары двѣ статуэтокъ, очутившіяся на лондонской выставкѣ? Если-жъ было что нибудь еще другое, то не можетъ быть, чтобы посланное на выставку было лучшее, совершеннѣйшее и замѣчательнѣйшее изъ всего появлявшагося у насъ. То, что намъ здѣсь показываютъ, слишкомъ не значительно.

Бывало, когда иностранному художнику закажутъ статую или барельефъ, со всѣхъ сторонъ поднимался крикъ негодованія: «какъ, зачѣмъ, на что намъ иностранцевъ? Какая несправедливость, какое недовѣріе, какое презрѣніе къ своимъ собственнымъ талантамъ! Наши художники не уступятъ никому въ Европѣ, они и сами все съумѣютъ!» Этимъ жалобамъ часто у насъ сочувствовали, вздыхая о преимуществахъ, которыми пользуется въ Россіи все нерусское.

Но вотъ явился вдругъ небывалый, неожиданный случай блеснуть талантомъ, занять наконецъ настоящее заслуженное мѣсто. Что же вышло? Именно тутъ-то всѣ и пропали безъ вѣсти. Скрылись угнетенные художники, исчезли всѣ ихъ высокомѣрныя требованія, всѣ похвальбы. И между тѣмъ, какъ они сами для себя ничего не сдѣлали, ихъ всегдашніе опекуны и защитники, тѣ, что такъ гордились всегда нашими талантами, тоже ничего не сдѣлали, чтобы выставить наши скульптурныя заслуги. Теперь ихъ дѣло было собрать все, на что бывало такъ много указывали, говоря о нашей скульптурѣ, выставить въ Лондонѣ на выставкѣ созданія живыхъ и мертвыхъ нашихъ художниковъ. Въ оригиналахъ или слѣпкахъ, въ рисункахъ или фотографіяхъ, должны бы явиться на выставку наши монументы и портреты, историческіе и религіозные барельефы, группы и бюсты, все, все изъ нашей скульптуры, чѣмъ мы всегда дома и за границей такъ хвалились передъ другими. Должны бы явиться, однако не явились.

Что подумать объ этомъ отсутствіи? Почувствовали у насъ, что не стоитъ вспоминать теперь, чѣмъ прежде гордились, или догадались, что тутъ ничего нѣтъ своего, а обезьянничества съ чужаго не для чего посылать на всемірную выставку? Пожалуй что послѣднее: вѣдь существуй всемірная литературная выставка, не посмѣли бы на нее послать переводовъ или передѣлокъ французскихъ или нѣмецкихъ книгъ.

Но если намъ нечего въ самомъ дѣлѣ посылать, пусть же не будетъ впередъ и рѣчи о *нашей* скульптурѣ: она ославила себя на всемірной выставкѣ точно на столько же, на сколько и наша архитектура. Мы нѣчто прежняго утвердили Европу въ понятіи о нашемъ искусствѣ, о его совершенномъ младенчествѣ и полнѣйшемъ отсутствіи въ немъ чего бы то ни было самостоятельнаго. Даже ближніе наши сосѣди по выставкѣ, Греки, и тѣ заявили, что у нихъ есть скульптура,

которая къ чему-то стремится, что у нихъ есть національное и художественное чувство, требующее и умѣющее высказаться. Греки прислали длинный рядъ мраморныхъ бюстовъ, портретовъ со знаменитыхъ соотечественниковъ своихъ, настоящаго и прошедшаго времени. Не казною, не какимъ нибудь начальствомъ заказаны они были, — народное чувство требовало ихъ произведенія; не казною посланы они на выставку, — народное чувство послало ихъ туда. Пусть же впередъ за нашихъ художниковъ, нынѣшнихъ и прошедшихъ, никто и не выставляетъ какихъ бы то ни было правъ. За ними останется теперь развѣ одно только право: считать самихъ себя высокими талантами, великими художниками. Но всякій разъ, когда дѣло будетъ идти о дѣйствительныхъ художественныхъ созданіяхъ, о дѣлѣ, а не о разговорахъ и розсказняхъ, въ Европѣ обойдутся и безъ ихъ именъ. Имъ бы, кажется, хотѣлось ничего не дѣлать, ничего никому не показывать, но чтобы въ то же время всѣ вѣровали въ ихъ необычайныя способности и высокое призваніе. Но кто же согласится на такой забавный деспотизмъ? Кто же станетъ вѣрить, никогда ничего не видя на дѣлѣ?

Но когда начнешь разсматривать тощій вкладъ нашей скульптуры на всемірную выставку, приходится съизнова пожалѣть объ этомъ искусствѣ у насъ. Пускай бы еще мало было вещей, но онѣ бы, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствовали о развитіи, о движеніи нашего искусства впередъ, о его жизни. Этого однакожъ тоже не было.

Мы вездѣ были, все видѣли, все поняли. Казалось бы, мы должны были знать, что у другихъ дѣлается, сколько вездѣ кипитъ дѣятельности, сколько начинаній, предпріятій даже въ скульптурѣ, этомъ наиболѣе отставшемъ въ наше время искусствѣ. Не смотря на нерѣшительность, что ему теперь дѣлать, на какой путь ступить, когда жизнь требуетъ новаго содержанія и формъ, а скульптура еще не вездѣ рѣшается окончательно расшибить и выбросить вонъ старыя привычки и преданія, не смотря на все это, нигдѣ не найдешь теперь скульптуру мертвою, оцѣпенѣлою. Современные художники, какъ твердые волею рудокопы, ведомые вѣрнымъ инстинктомъ, щупаютъ почву въ ста мѣстахъ, они неугомонны, неутомимы, а у такихъ натуръ всегда кончается успѣхомъ и достиженіемъ. Но не замѣчаютъ повсемѣстнаго движенія наши художники: имъ все кажется, что ничего въ скульптурѣ не произошло; что прежде было, то и теперь продолжается. Чѣмъ занимались въ искусствѣ три, четыре поколѣнія тому назадъ, въ прошломъ вѣкѣ, то только они и признаютъ своею задачею. Возьмите то, что было выставлено русскими скульпторами въ Лондонѣ, и, исключая лошадокъ и собачекъ (въ самомъ дѣлѣ принадлежащихъ нашему времени), и перемѣшайте имена старыхъ и новыхъ авторовъ, поставьте при нынѣшнихъ произведеніяхъ имена прошлаго столѣтія, а при произведеніяхъ прошлаго столѣтія имена нынѣшнихъ нашихъ

скульпторовъ, разницы не будетъ, никто и не догадается, что тутъ на самомъ дѣлѣ цѣлыхъ 100 или 50 лѣтъ лѣтъ разницы. Отложивъ въ сторону различіе таланта, индивидуальное умѣнье и способность, на повѣрку выходитъ, что въ общемъ итогѣ ничего у насъ съ тѣхъ поръ не перемѣнилось, ни въ настроеніи, ни въ мысли, ни въ задачахъ. Все осталось старое. Нынѣшніе наши скульпторы, точь въ точь прежніе, готовы всю жизнь провести въ томъ, чтобы свой талантъ, умѣнье и мастерство употреблять на школьныя аллегоріи и олимпійскія божества, или, что и того хуже, на безразличное прославленіе кого и чего бы то ни было. Какъ художниковъ прежняго времени, ихъ не оттолкнетъ никакая фальшивая или напыщенная задача, а въ то же время не привлечетъ и не согрѣетъ ни одна здравая и въ самомъ дѣлѣ поэтическая мысль. Они точь въ точь наши старинные сочинители одъ и поэмъ. Все у нихъ реторика. Каждая фигура не стоитъ, а выступаетъ, не идетъ, а шествуетъ. Понадобятся ли памятники древняго и новаго времени, все дрится у нихъ въ видѣ претензливыхъ аллегорій, гдѣ одна фигура будетъ пронзать копьемъ чудовище-гидру, подъ которою зрители обязаны разумѣть все, что ни есть худшаго, а другая фигура будетъ потрясать мечомъ надъ упавшею фигурою аллегорическаго язычества. Лиры и мечи, кони и идолы, геніи съ пламенемъ и Венеры съ сандаліями, фауны съ кошеленкомъ и купидоны безъ ничего; воинъ въ латахъ и шлемѣ въ былыя времена, въ современныхъ костюмахъ въ новыя, вотъ весь умственный арсеналъ нашихъ художниковъ, вотъ весь міръ ихъ фантазіи. Ни за что другое они сами и не принимаются, ничто другое не тревожитъ ихъ. Продолжая весь вѣкъ свой подобныя занятія, они и не воображаютъ, что есть для художника задачи болѣе важныя и высокія, и что этому искусству не стоило бы и быть на свѣтѣ, еслибъ на его долю приходилось только такое назначеніе.

Хотѣлъ бы я взять нашихъ скульпторовъ и поставить всѣхъ ихъ вмѣстѣ на лондонской всемірной выставкѣ, чтобы они сравнили то, что Россія прислала, со скульптурою остальной Европы. Я не таланты, не способности, не большее или меньшее умѣнье работы хотѣлъ бы сравнивать, а направленіе тѣхъ и другихъ. Талантъ — дѣло личное, индивидуальное. Не имъ одним взвѣшивается состояніе искусства въ данную минуту, не въ немъ одномъ все состоитъ. Онъ только орудіе, средство для высказанія того, что наполняетъ художника и чего требуетъ себѣ на пищу отъ искусства тотъ или другой народъ. Я не отрицаю таланта у многихъ изъ числа прежнихъ и нынѣшнихъ нашихъ художниковъ. Но не искусствомъ, а только внѣшнею его оболочкою владѣетъ тотъ народъ, гдѣ все въ области художества ограничивается личными талантами, т. е. однимъ умѣньемъ извѣстныхъ лицъ владѣть тѣмъ или другимъ способомъ производства. Чтобы доказать это

нашимъ художникамъ, чтобы убѣдить ихъ въ разницѣ, какая существуетъ между коренньимъ, дѣйствительнымъ художествомъ и художествомъ призрачнымъ, притворнымъ, наиднымъ, я показалъ бы имъ иностранную скульптурную выставку, а потомъ—нашу. Въ одномъ случаѣ, у нихъ была бы передъ глазами богатая жатва, рожденная почвой, гдѣ она явилась, и потому свободно растущая на чистомъ воздухѣ, безъ призора и внѣшней поддержки; она вызвана общею потребностью, и явившись на этотъ зовъ, идетъ на дѣйствительное питаніе. Въ другомъ случаѣ, имъ представились бы искусственныя, насильно возращенные и поддерживаемые плоды, никакою настоящею потребностью не вызванные, ни для кого ненужные, и потому зачахлые въ самомъ корню. Лишите нашу скульптуру (по крайней мѣрѣ ту, которую мы до сихъ поръ только одну и знаемъ) лишите ее опеки, насильно ее выжимающей, и она пропадетъ со свѣта безъ вѣсти и слѣда.

Я ничуть не думаю утверждать, что нынѣшняя европейская скульптура представитъ намъ рядъ великихъ произведеній. Этого нѣтъ, потому что наша эпоха не эпоха скульптуры; сильныхъ талантовъ въ этомъ родѣ давно не появляется. Гнушаясь пустаго, сладкаго потаканья, строгая художественная критика не побоялась высказать настоящее значеніе многочисленныхъ скульптурныхъ произведеній выставки. Немногія изъ нихъ служатъ доказательствомъ значительныхъ художественныхъ дарованій. Но постоянство и горячность стремленій, неутомимая жажда на всемъ извѣдать свои силы, возможности и способы искусства, доказываютъ глубоко тлѣющій огонь жизни.

Взгляните на статуи разныхъ европейскихъ націй, толпами населившія оба этажа выставки. Какая тутъ являлась сила производительности, какое исканіе истинныхъ путей художества! Пробѣгайте ихъ глазами, вы увидите, что ихъ родили на свѣтъ самые разнородные художники, начиная отъ людей, бѣдно одаренныхъ природой, и до значительныхъ талантовъ. Но что поразитъ въ нихъ больше, чѣмъ присутствіе большаго или малаго таланта, это—сила стремленія, въ нихъ присутствующая. Одни изъ этихъ художниковъ остались еще при прежнихъ преданіяхъ и задачахъ, аллегоріяхъ и плохо понимаемой миѳологіи, при сюжетахъ греческихъ и римскихъ, однимъ словомъ, не выходятъ еще изъ того настроенія, которое прежде называлось классическимъ, а нынче называется только ложнымъ и школьнымъ; другіе ищутъ себѣ сюжетовъ въ новой Европѣ, въ среднихъ ея вѣкахъ, или между значительными событіями и личностями послѣдняго времени; третьи берутъ задачей поэмы, драмы великихъ поэтовъ всѣхъ націй; еще другіе передаютъ народные типы и сцены, разнообразныя явленія національной жизни; наконецъ, иные, полные благоговѣйнаго обожанія къ талантливымъ или геніальнымъ дѣятелямъ своего народа и исторіи, создаютъ статуи, монументы этимъ людямъ, предла-

гаютъ ихъ своей странѣ. Вы увидѣли бы на лондонской выставкѣ и Наполеона воспитанникомъ бріенской военной школы, и Гёте юношей, и Франклина ребенкомъ, и монументъ Шекспиру, и монументъ Фридриху великому, и молодаго республиканца Барра, геройски погибшаго во время первой французской революціи, и первыхъ христіанскихъ мучениковъ, и индѣйскихъ набобовъ, и африканскихъ царевенъ, и новую римлянку въ ея поэтическомъ костюмѣ, и пастушку норвежскихъ горъ, и скандинавскихъ борцовъ; и вдохновенную Сивиллу-африканку, и задумчивую красавицу, царицу Клеопатру; и несеніе въ гробъ Христа, и Магдалину, и нимфъ, и Геневьеву Брабантскую, и Рафаэля Урбинскаго, и Бэкона Веруламскаго; и Прометея, и Луцифера, и Сусанну, и Прозерпину, и Байронова Сарданапала, и Вальтеръ-Скоттову Дженни Динсъ, и Шекспировыхъ Титанію, Лира и Шейлока, и Мильтонову Еву, и Гораціеву Лалагу, и Дантову Франческу Римини, и Гётевскую Миньону и Пери Томаса Мура; и Кромвелля, и Гарибальди, и Кобдена. Тутъ вы нашли бы и подражанія древнимъ, съ попыткою воспроизвести ихъ разцвѣченныя красками мраморныя статуи; и созданія рѣзной скульптуры изъ дерева, цѣлыя статуи и группы во вкусѣ среднихъ вѣковъ, раззолоченныя и раскрашенныя, отъ которыхъ не отказались бы талантливѣйшіе скульпторы великолѣпныхъ готическихъ соборовъ; были тутъ и тонкія изящныя скульптуры, точно вышедшія изъ мастерской рафаэлевскихъ современниковъ, были и скульптуры, прямо принадлежащія вкусу, понятію и умѣнью нашей эпохи. Какое здѣсь во всемъ разнообразіе, какое безконечное творчество фантазіи, какая неутомимая работа никогда не покладывающихся рукъ!

Въ сравненіи съ этою дѣятельностію, съ этою художественною подвижностью творчества и воображенія, мы съ нашей скульптурой являлись какъ съ чѣмъ-то стародавнимъ, по китайски остановившимся. Вообразимъ себѣ, что наши скульпторы удивительно талантливы въ своемъ техническомъ производствѣ, удивительные мастера своего дѣла (чѣмъ впрочемъ они никого особенно не поразили въ Лондонѣ), — что же такое у насъ было, чѣмъ бы намъ заинтересовать всемірную публику выставки? Техническое умѣнье говорило чувству лишь немногихъ; что же до остальной массы зрителей, то наши статуи не могли произвести на нее обаятельнаго дѣйствія ни поразительною красотою формъ, ни увлекательною поэзіей содержанія.

Ни того, ни другаго у нашей скульптуры еще не бывало.

В. СТАСОВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сѣверная Пальмира, въ просторѣчіи называемая: Санктпетербургъ, есть, какъ извѣстно, въ нѣкоторомъ смыслѣ рогъ изобилія, изъ котораго исходитъ всякая благостыня на всю землю русскую. Кромѣ того, въ Петербургѣ, какъ извѣстно, есть сенатъ, сунодъ и корабельные доки. Въ Петербургѣ увидѣли свѣтъ многіе ученые и поэты; и, къ довершенію всего, Петербургъ мнитъ себя быть просвѣщенною столицею. Я тоже родился въ Петербургѣ. Я бы могъ сказать: Петербургъ моя родина, но не скажу; потому что это было бы такъ же нелѣпо, какъ если бы кто нибудь сказалъ, что его родина управа благочинія. И хотя дѣйствительно бывали случаи дѣторожденія въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ, однако никто не называетъ ихъ своею родиною. Петербургъ не можетъ быть ни чьей родиной. Мы всѣ, живущіе здѣсь, мы всѣ люди пріѣзжіе, всѣ, такъ сказать, временно проживающіе. И если мы видимъ людей, которые родятся, живутъ и умираютъ не выѣзжая изъ Петербурга, то такіе случаи слѣдуетъ относить къ категоріи извѣстій, печатаемыхъ въ полицейскихъ вѣдомостяхъ, къ категоріи мертворожденныхъ, безъ вѣсти пропавшихъ, и такихъ людей, у ко-

торыхъ еще въ дѣтствѣ половину тѣла отъѣдаютъ домашнія животныя. Мы же, временно проживающіе здѣсь по своей или казенной надобности, мы всегда бываемъ на чеку и смотримъ на всѣхъ такъ, какъ будто намъ нужно куда-то ѣхать. Петербургъ съ этой стороны можно разсматривать, какъ нѣкоторое большихъ размѣровъ увеселительное заведеніе, въ которомъ всякій посѣтитель за установленную плату получаетъ право гулять, слушать музыку, любоваться канатными плясунами и сидѣть на дерновыхъ скамьяхъ. Входящій въ это мѣсто утѣхъ и ликованій ищетъ въ немъ того, что ему нужно. Жаждущій наслажденія легкомысленный посѣтитель съ жадностію внимаетъ пѣнію иностранныхъ артистовъ, не безъ зависти смотритъ на то, какъ обѣдаютъ ученыя собаки, или же пріискиваетъ себѣ между гуляющими красивую подругу и проходится по хересамъ. Входящіе же съ болѣе практическою цѣлію не увлекаются пѣніемъ и обѣдающими собаками, не упиваются виномъ; напротивъ того, ведутъ себя скромно, рукоплещутъ умѣренно и въ то же время высматриваютъ богатыхъ невѣстъ, или, наконецъ, таскаютъ платки изъ кармановъ.

Но какъ тѣ, такъ и другіе посѣтители не должны сомнѣваться въ томъ, что наконецъ программа всѣхъ этихъ удовольствій когда нибудь истощится, иностранные артисты допоютъ послѣднюю пѣсню, трубачи протрубятъ всѣ свои три отдѣленія, догоритъ послѣдній бриллiантовый щитъ, и распорядитель праздника объявитъ почтеннѣйшей публикѣ, что представленіе кончилось. Въ этомъ не должны сомнѣваться и тѣ, которые, по легкомыслію или по мягкости сердца, явились на праздникъ даже съ семействами, съ женами и дѣтьми; а равномѣрно и тѣ, которые вообразили себѣ, что можно будетъ вѣчно высматривать богатыхъ невѣстъ или таскать платки изъ кармановъ у зазѣвавшихся посѣтителей. Въ непрочности всѣхъ этихъ удовольствій не должно сомнѣваться даже и въ томъ случаѣ, когда бы новая двухаршинная афиша возгласила новый великолѣпный праздникъ съ каскадомъ живой воды и участіемъ вновь прибывшихъ въ здѣшнюю столицу иностранныхъ чародѣевъ, показывающихъ свои фокусы безплатно и сверхъ того одѣляющихъ публику разными увеселительными сюрпризами. Благоразумный посѣтитель не увлекается щитами и тирольцами, не бѣгаетъ по темнымъ дорожкамъ за красивыми дѣвицами и не располагается по домашнему въ «храмѣ славы.» Ни на одну минуту не оставляетъ его мысль, что все это въ сущности тлѣнъ и наважденіе духа тьмы. Благоразумный посѣтитель ежеминутно держитъ въ памяти, что всѣ эти колосальныя афиши, всѣ эти сюрпризы и преміи свидѣтельствуютъ только о томъ, что дѣла распорядителя

праздника очень поразстроились и требуютъ поправки; что трубачи и нѣмцы понесучили публикѣ и теперь нужно выдумать что нибудь новое, досель невиданное. Не смотря на это, однако, многіе легкомысленные посѣтители убѣждены въ томъ, что жизнь именно въ этихъ увеселеніяхъ-то и заключается. Такое мнѣніе раздѣляется и отдаленными провинціями. На сколько ошибоченъ такой взглядъ, предоставляю судить читателю. Но въ то же время я съ своей стороны утверждаю, что жизнь наша есть дѣйствительно безконечный праздникъ съ музыкой, національными плясками и бенгальскимъ освѣщеніемъ. Разница между моимъ мнѣніемъ и мнѣніемъ легкомысленныхъ посѣтителей въ сущности самая пустая и зависитъ лишь отъ перестановки словъ. Они убѣждены въ томъ, что жизнь наша *должна заключаться* въ безконечномъ празднествѣ, а я утверждаю, что она въ этомъ *заключается*. Не смотря на это ничтожное, по видимому, различіе, въ результатахъ мы расходимся такъ далеко, что даже намъ становится трудно понимать другъ друга. Такъ напримѣръ, объявляется о какомъ нибудь новомъ увеселеніи; легкомысленный посѣтитель со свойственнымъ ему легкомыслiемъ, забывая о скоропреходимости и непрочности всѣхъ прежнихъ представленій, съ жаромъ бросается на новое и предается ему всей душой и сердцемъ и даже негодуетъ на тѣхъ, кто не предается ему также легкомысленно. Я же, читая афишу, разсуждаю такимъ образомъ: вчера было подобное объявленіе, завтра будетъ еще великолѣпнѣе, а между тѣмъ на дѣлѣ окажется, что разницы между ними никакой нѣтъ; потому что ни одинъ акробатъ, ни одинъ чародѣй, не можетъ сдѣлать ничего больше того, что онъ сдѣлать можетъ; а все, что они могли сдѣлать, они ужь давно сдѣлали и новаго ничего выдумать не могутъ. Слѣдовательно, безразсудно вѣрить объявленію, въ которомъ говорится, что сегодня, напримѣръ, будетъ афинская ночь, когда я доподлинно знаю, что ночь сегодня, также какъ и завтра, будетъ петербургская; безразсудно вѣрить и тому, что нѣкоторый пріѣзжій огнеѣдъ будетъ пить кипящую смолу и закусывать пылающими головешками, когда мнѣ положительно извѣстно, что человѣческій желудокъ такой пищи не принимаетъ.

Вооруженный благоразуміемъ и разсудительностію, я не могу предаваться тѣмъ наслажденіямъ, которымъ такъ малодушно ты предаешься; я не долженъ имъ предаваться; мало того, я беру на себя обязанность предостерегать тебя, легковѣрный посѣтитель; стоя у входа въ увеселительное заведеніе, я встрѣчу тебя, отведу въ сторону и скажу: — другъ мой! въ этомъ заведеніи предстоятъ тебѣ великіе соблазны, здѣсь будутъ обольщать тебя музыкою, пѣніемъ и любо-

страстными взглядами, а въ заключеніе станутъ пугать шутихами и ракетами; но ты будь твердъ, ничего не бойся и помни, что съ разсвѣтомъ все это исчезнетъ, останутся только битыя стекла и сѣрный запахъ. Помни это и будь твердъ, а иначе тебѣ угрожаетъ опасность быть одураченнымъ самымъ постыднымъ образомъ. Но я знаю напередъ, что ты не послушаешь меня и погибнешь глупо, безславно, почти не понимая своей гибели, облизываясь и равнодушно болтая ногами. И никто тебя жалѣть не будетъ. Если ты погибъ на грошовой приманкѣ, стало быть, ты самъ гроша не стоишь,—туда тебѣ и дорога. Ты всегда былъ легкомысленъ, хотя и тщеславенъ, всегда былъ жаденъ и сластолюбивъ, хотя и безпеченъ, ты всегда былъ жестокосердъ и малодушенъ, ты съ самаго дня рожденія твоего обреченъ на гибель, а потому и говорить о тебѣ много не стоитъ. Но ты не удовольствовался своимъ собственнымъ развратомъ, ты привелъ за собой на праздникъ и «малыхъ сихъ». Ты покушаешься развратить дѣтей для того, чтобы они не могли тебѣ служить укоромъ. Къ нимъ я не могу оставаться равнодушнымъ. Для того, чтобы тебѣ не мѣшали развратничать, ты хочешь увѣрить всѣхъ, что дѣти влекутъ тебя къ гибели, но это ты врешь, любезнѣйшій, и я обличу тебя. Обличу хладнокровно, безстрастно, рисуя одну за другой картины твоего безпутства въ назиданіе твоимъ дѣтямъ. Я покажу имъ тебя во всей формѣ, во всей *натольной* красотѣ твоей; я разоблачу передъ ними боговъ, которымъ ты куришь ѳиміамы. Твои дѣти увидятъ тебя, ворующаго и прелюбы творящаго, лгущаго, доносящаго и завидующаго скотамъ твоего ближняго. Съ омерзеніемъ отвернутся отъ тебя твои собственныя дѣти и не пойдутъ за тобой.

I.

ВЕСЕННЯЯ ПРОГУЛКА СЪ ДѢТЬМИ ПО САНКТПЕТЕРБУРГСКИМЪ УЛИЦАМЪ.

Я думаю, милыя дѣти, что вамъ не безполезно было бы пройтись по городу и хотя поверхностно ознакомиться съ его нравами. Мнѣ будетъ легко говорить съ вами, потому что вы понимаете многое гораздо лучше, нежели какъ думаютъ ваши родители. Къ тому же погода стоитъ чудесная; солнышко свѣтитъ, на небѣ чисто, какъ будто его только что вымели и не успѣли еще посыпать пескомъ. Воздухъ немного душенъ, но что жъ дѣлать? Нельзя же все вдругъ. За то мы

нежели любоваться картиною весны. Видите, уже начинаютъ чинить мостовыя, возятъ грязь и городовой съ пистолетомъ глядитъ за порядками. Но вы не бойтесь, милыя дѣти, онъ стрѣлять въ васъ не будетъ. Закономъ строго запрещается стрѣлять въ проходящихъ, особливо если они ведутъ себя смирно. Ктому же и пистолетъ его не заряженъ; онъ служитъ только аттрибутомъ его званія и означаетъ власть. Знаете, какъ Юпитеръ изображается съ громомъ? Греки огнестрѣльнаго оружія не знали, а не то, они вѣрно изобразили бы Юпитера съ пистолетомъ въ рукѣ. Снурокъ же, который вы видите на груди городоваго, привязанъ къ свистку. Городовой свиститъ въ него всякій разъ, когда кому нибудь угрожаетъ опасность, или кто нибудь вдругъ запалитъ на улицѣ. Такъ заведено за границею.

Но пойдемте дальше. Видите, сколько здѣсь большихъ домовъ, сколько красивыхъ магазиновъ. Если вы будете послушны, то и у васъ будутъ такіе же дома и вы ихъ станете отдавать въ наймы. А вотъ это бани. Бани также очень выгодно имѣть, потому что въ баняхъ можно проводить время гораздо пріятнѣе, нежели въ маскарадѣ. Многіе мужчины, слѣдуя древнему русскому обычаю, прямо изъ маскарада ѣздятъ въ бани, чтобы смыть съ себя грѣхъ. Поэтому, можетъ быть, многія дамы баню называютъ *маскарадомъ*. Впрочемъ, все это вы узнаете впослѣдствіи, а теперь обратите вниманіе на этотъ мостъ, и замѣтьте, какъ онъ искусно сдѣланъ. Однако многіе его не хвалятъ, а почему не хвалятъ — вы и объ этомъ узнаете впослѣдствіи.

Я бы очень желалъ разсказать вамъ кое-что о разныхъ замѣчательныхъ зданіяхъ, но во время прогулки это не совсѣмъ удобно: здѣсь такъ много любопытныхъ. Вотъ, видите этого мальчика, который стоитъ въ толпѣ и смотритъ въ окно магазина. Вы думаете, онъ картинки разсматриваетъ? — Нѣтъ; онъ стоитъ и ждетъ; и если кто нибудь скажетъ: — «какая славная борода у этого Гарибальди!» онъ сейчасъ пойдетъ къ своему папашѣ и насплетничаетъ: «такой-то сказалъ: «славная борода у Гарибальди». А папаша скажетъ: «Не пускать его гулять за это! Пусть сидитъ».

А въ этомъ магазинѣ книжки продаютъ, разныя книжки. Въ однихъ книжкахъ написано: «милыя дѣти! что вы сидите? вы бы пошли, поиграли». А въ другихъ написано: «если ты, щенокъ, посмѣешь не слушаться, я тебя въ баранiй рогъ согну». Но только первыхъ книжекъ дѣтямъ не даютъ, потому что большіе боятся, чтобы дѣти не запалили.

Замѣтьте, какая это многолюдная улица, сколько тутъ экипажей и магазиновъ, сколько дамъ и мужчинъ гуляетъ по тротуарамъ. Видѣли вы, сейчасъ проѣхалъ господинъ въ колясочкѣ, сердитый такой? Вы думаете, онъ въ самомъ дѣлѣ сердитъ? Нѣтъ: это онъ нарочно притворяется, чтобы его дѣти слушались. А вотъ это чиновники. Это все чиновники. Вы знаете, что такое чиновникъ? Этакой домъ есть большой, въ домѣ стоятъ столы, а за этими столами сидятъ люди и все пишутъ. Придетъ къ нимъ начальникъ и скажетъ: «пишите такъ, какъ я приказываю». Они напишутъ. А потомъ придетъ другой начальникъ и скажетъ: «а теперь пишите такъ, какъ я приказываю» — они опять напишутъ. А когда эти люди придутъ домой, то возьмутъ своихъ дѣтей за уши и скажутъ имъ: «мы отечеству служимъ, а вы этого не чувствуете. Становитесь на колѣни!»

А вотъ жены этихъ чиновниковъ. Они все ходятъ по магазинамъ и думаютъ: — «если бы намъ подарили всѣ эти игрушки! вотъ бы хорошо!» Берегитесь, дѣти, берегитесь! На улицѣ надо быть осторожнымъ. Чуть-чуть было васъ не раздавилъ этотъ всадникъ. Видите, какъ онъ ловко скачетъ. У него въ сумочкѣ записка лежитъ, а въ запискѣ написано: — «милый Ваня! Нети нѣтъ дома. Приходи ко мнѣ играть. Твоя Люлю». А вотъ эти люди, которые съ гремушками ходятъ, — ихъ надо жалѣть. Когда они были маленькіе, имъ родители говорили: — «учитесь дѣти! учитесь! а то на вѣкъ останетесь болванами». А они не хотѣли слушаться и говорили: — «мы не хотимъ учиться, мы лучше будемъ въ лошадки играть». Вотъ такъ и вышло, какъ родители говорили. И если вы не будете учиться, то и вамъ привѣсятъ гремушку. Васъ, можетъ быть, удивляетъ, что здѣсь такъ много нѣмцевъ. Этому нечего удивляться. Они очень любятъ пиво. Если гдѣ нибудь поставить бутылку, то вокругъ нея сейчасъ же соберутся нѣмцы, выпьютъ пиво и скажутъ: «so. Теперь мы будемъ учить дѣтей: ein, zwei, drei, ein, zwei, drei... acht! stehen si ruhich!»

Да впрочемъ, не довольно ли на первый разъ? Не пора ли намъ домой? Но для того, чтобы весело кончить нашу прогулку, мы завернемъ на площадь, гдѣ гуляетъ народъ. Можетъ быть, и тамъ увидимъ, что нибудь поучительное. Но будьте осторожны и здѣсь, милыя дѣти! Осторожность нигдѣ не мѣшаетъ. Не смотрите на то, что здѣсь музыка играетъ и продаются орѣхи. Это еще ничего не значитъ. Здѣсь въ настоящую минуту происходитъ нѣчто очень серьезное, нѣчто такое, чего дѣти не должны понимать. Если бы я вамъ сказалъ,

что здѣсь дѣлается, то вы бы вѣрно заплакали, но я не хочу васъ огорчать. Что толку плакать? Слезъ и безъ того много на свѣтѣ. А такъ какъ слезами ничему не поможешь, то я лучше разскажу вамъ что нибудь веселенькое.

Замѣчаете вы эти лубочные домики и палатки съ разными вывѣсками и флагами. Эти домики и палатки выстроены для того, чтобы въ нихъ веселиться. Тутъ же, около этихъ домиковъ, продаютъ разныя лакомства и водку. Видите, сколько здѣсь народу! Это все пришли сюда веселиться. Но посмотрите, что они дѣлаютъ. Напримѣръ: вотъ, на балконѣ стоитъ ужь пожилой человѣкъ, одѣтый испанцемъ (это отецъ четверыхъ дѣтей), ему холодно въ этомъ легкомъ нарядѣ и вовсе не весело, но онъ дѣлаетъ разныя гримасы и старается всѣхъ разсмѣшить. Другой, тоже не молодой человѣкъ, въ костюмѣ паяца, бьетъ его сзади палкой по головѣ, и всѣ смѣются. Неправда ли, какъ это смѣшно? Вотъ здѣсь тоже маленькая деревянная кукла съ большимъ носомъ бьетъ другую куклу и опять всѣ смѣются. Публика всегда бываетъ рада, когда кого нибудь бьютъ. Вы спросите: почему? А потому, что это въ самомъ дѣлѣ очень весело. Мнѣ не больно, а тотъ, кого бьютъ, сдѣлалъ такую смѣшную гримасу, что нельзя не смѣяться. А эта кукла, посмотрите, она всѣхъ бьетъ: цыгана, доктора, будочника; квартальнаго только не бьетъ, но за то онъ ее бьетъ; кромѣ него, она всѣхъ переколотила, и наконецъ ее самое загрызла собака. Никого не осталось, только одинъ квартальный цѣлъ. Развѣ это не смѣшно? А тутъ еще лучше. Глядите! Стоитъ человѣкъ и колотитъ по головѣ деревяннаго турка и даже деньги за это платитъ. «Почему же турка?» — спросите вы. А потому, что онъ турокъ.

Посторонитесь дѣти! Дайте дорогу! пьяный идетъ. Здѣсь много пьяныхъ. Ихъ никогда не надо толкать, потому что это больные люди. Они не могутъ жить, какъ мы живемъ: ходить вездѣ, смотрѣть, что дѣлается. Имъ все это очень противно, и потому они нарочно напиваются, чтобы забыть все. Для этого же устроены и вотъ эти круги, на которыхъ вертятъ людей до дурноты. У нихъ закружится голова, они и не помнятъ ничего, пѣсни поютъ, кричатъ, смѣются. Они тоже больны. Однако я почти начинаю раскаяваться въ томъ, что привелъ васъ въ это печальное мѣсто. Кто далъ мнѣ право отравлять ваши дѣтскіе годы? Пойдемте домой.

Много ли мы прошлись, а погода успѣла ужь испортиться. Поглядите, на небѣ тучи, накрапываетъ дождь, что-то сѣрое за-

тануло все: и дома, и людей, и впереди ничего не видно, одинъ туманъ.

Въ это время у большихъ разыгрывается желчь, они становятся мрачны и злы, а дѣти пугливо жмутся по угламъ. Только пьяный, качаясь, бредетъ по улицѣ и что-то безсвязно бормочетъ про себя и машетъ руками. Ему теперь кажется, что онъ и будочника избилъ, и доктора избилъ, и цыгана избилъ, и что никто къ нему подступиться не смѣетъ. Онъ очень доволенъ своею судьбою. Такъ и вы старайтесь поступать, милыя дѣти! Ибо тотъ только истинно счастливъ, кто доволенъ своимъ жребіемъ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВНОСТЬ.

Сѣверноруссвія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. Сочиненіе *Николая Костомарова*. Два тома. Спб. 1863.

Историческія монографіи и изслѣдованія *Николая Костомарова*. Два тома. Спб. 1863.

Два названныя изданія представляютъ историческіе труды г. Костомарова за послѣднее время: первое заключаетъ въ себѣ лекціи, читанныя авторомъ въ петербургскомъ университетѣ, въ 1860—1861 годахъ; второе — различныя историческія изслѣдованія и статьи, разсѣянныя въ журналахъ. Изслѣдованіе о сѣверныхъ народоправствахъ занимается почти исключительно Новгородомъ; другія «народоправства», исторію которыхъ присоединяетъ сюда авторъ, — Псковъ и Вятка. Въ историческихъ монографіяхъ помѣщены статьи: «О федеративномъ началѣ древней Руси», «Черты народной южнорусской исторіи», «Двѣ русскія народности», «Мистическая повѣсть о Нифонтѣ», «О значеніи Великаго Новгорода», «Иванъ Сусанинъ», «Гетманство Выговскаго», «Бунтъ Стеньки Разина» и пр. Эти статьи болѣе или менѣе знакомы всѣмъ читателямъ, которыхъ интересуетъ наша новая историческая литература. Впрочемъ въ изданіи недостаетъ еще многихъ вещей, которыя въ свое время такъ же произвели впечатлѣніе: здѣсь нѣтъ, напримѣръ, статьи о «Началѣ Руси», надѣлавшей нѣкогда столько шуму, послужившей предметомъ знаменитаго публичнаго диспута и возмутившаго столько строгихъ ученыхъ головъ отъ г. Погодина до г. Щег-

лова включительно; нѣтъ слова объ историческихъ трудахъ К. Аксакова, нѣтъ рѣчи о Тысячелѣтіи и мн. др.

Быть можетъ, впрочемъ, авторъ поступилъ хорошо, что оставилъ въ сторонѣ эти произведенія, — кромѣ развѣ сочиненія о началѣ Руси: авторъ по видимому нисколько не отказывается отъ выставленной тамъ теоріи, и сочиненіе могло бы стать въ ряду трудовъ чисто-историческихъ, написанныхъ внѣ другихъ посторонннхъ побужденій. Другія сочиненія, и рѣчь о Тысячелѣтіи, и похвальное слово Аксакову, и статьи о Польшѣ въ ея отношеніяхъ съ южной Русью, имѣютъ чисто полемическій характеръ и иногда выходятъ изъ того тона нелицепріятной исторіи, котораго г. Костомаровъ старается всегда держаться. Изъ историка г. Костомаровъ дѣлался нерѣдко публицистомъ, и нельзя сказать, чтобы объ эти стороны его дѣятельности шли въ немъ параллельно и представляли одинаковыя достоинства. Какъ публицистъ, г. Костомаровъ иногда очень не удовлетворяетъ ожиданіямъ...

Г. Костомаровъ занялъ высокое мѣсто между нашими историками уже первымъ значительнымъ сочиненіемъ своимъ о Богданѣ Хмельницкомъ. Книга имѣла замѣчательный успѣхъ; за ней слѣдовало нѣсколько другихъ изслѣдованій, о «Торговлѣ московскаго государства», о «Жизни и правахъ великорусскаго народа» въ старую эпоху, «Стенька Разинъ»; наконецъ, въ изданныхъ теперь сочиненіяхъ г. Костомаровъ обратился къ древней эпохѣ русской исторіи, такъ что въ нихъ выразился теперь цѣлый взглядъ его на историческую жизнь стараго періода, которая переголковывалась до сихъ поръ на столько различныхъ ладовъ. Этотъ взглядъ г. Костомарова всего лучше представляетъ собой ту ступень, на которой стоитъ въ настоящее время изученіе русской старины. Это взглядъ, въ которомъ въ первый разъ получаетъ свое должное историческое мѣсто народъ и народная жизнь. Въ историческомъ изученіи г. Костомарова народъ постоянно стоитъ на первомъ планѣ, на немъ онъ сосредоточиваетъ свой главный интересъ, въ его судьбѣ видитъ существенное движеніе исторіи, и въ измѣненіяхъ его отношеній видитъ тѣ моменты, которыми отмѣчаются разные періоды цѣлой національной жизни. Этотъ взглядъ становится теперь болѣе и болѣе общимъ мотивомъ историческаго изученія. Сущность его уже давно подготовлялась и прежней исторической школой, и тѣми этнографическими и литературными изысканіями въ области русской ста-

рины, которыя въ послѣднія десятилѣтія приняли такое живое, хотя и разрозненное движеніе. Теорія родоваго быта уже имѣла ту заслугу, что стала отмежевать внутреннія принципы народной исторіи, не довольствуясь исторіей внѣшнихъ фактовъ, побѣдъ, завоеваній и самодержавнаго управленія. Изученіе народной поэзіи, обычаевъ, преданій, вело съ другой стороны къ тому же стремленію раскрыть историческую роль народа въ нашемъ прошедшемъ. Новые историческіе труды, начатые уже внѣ преданій старой исторической школы, съ разныхъ точекъ зрѣнія приходятъ къ одному существенному выводу: независимо отъ историческаго взгляда г. Костомарова, являются изслѣдованія г. Щапова о земствѣ, которыя не менѣе рѣзко сосредоточиваютъ историческій интересъ на народѣ и дѣлаютъ исторію какъ бы археологіей народнаго права. Но во всякомъ случаѣ между этими новыми трудами труды г. Костомарова являются наиболѣе широкимъ выраженіемъ новаго историческаго взгляда, сбрасывающаго теперь исключительно государственную исторію прежней школы.

Основная мысль теоріи г. Костомарова заключается въ федераціи. Тѣ внутреннія движенія древней Руси, которыя наши историки объясняли родовыми отношеніями удѣльныхъ князей, случайными мотивами, нисколько не зависимыми отъ самого народа, г. Костомаровъ объясняетъ федеративнымъ устройствомъ земли, въ которомъ далеко не такое значеніе имѣютъ личныя условія княжескаго дома, сколько мѣстныя особенности отдѣльныхъ племенъ и народностей древней Руси. Русская земля представляется въ объясненіяхъ г. Костомарова федеративнымъ союзомъ различныхъ русскихъ народностей, составлявшихъ отдѣльныя земли, съ своимъ характеромъ, правами и чувствомъ своей земельной самобытности. Устройство земель въ главныхъ чертахъ было сходно вездѣ и характеризуется вѣчевымъ народоправствомъ, которое вовсе не преклонялось передъ княжеской властью, а напротивъ, часто было главнымъ дѣйствующимъ принципомъ въ тѣхъ событіяхъ, гдѣ до сихъ поръ видѣли только родовыя отношенія и добрую волю князей. Борьба удѣльнаго періода была слѣдовательно борьбой не однихъ только лицъ, а главнымъ образомъ борьбой земель и народностей. Эти отдѣльныя народности, земли, отмѣчены были самой лѣтописью, которая, говоря о древнемъ населеніи Руси, пересчитываетъ его по племенамъ и указываетъ въ этихъ племенахъ различіе нравовъ и обычаевъ. Различіе ихъ поддерживалось и впослѣдствіи; потому что, хотя

историческая жизнь уже давно стала сближать ихъ и соединять въ одно цѣлое — религіей, вліяніемъ Византіи, единствомъ владѣтельнаго княжескаго дома и т. д.,—но всѣ эти обстоятельства не были такъ сильны, чтобы уничтожить первоначальныя отличія земель, зависѣвшія отъ географическихъ и климатическихъ условій. Внутреннее устройство отдѣльныхъ федерацій было вѣчевое, народоправное; это устройство, развившееся или сохранившееся впослѣдствіи только въ Новгородѣ, существовало первоначально вездѣ, во всѣхъ земляхъ древней Руси, и составляло существенный характеръ древняго быта, — до сихъ поръ недостаточно оцѣненный нашими историками.

Такимъ образомъ, отличительной чертой древняго русскаго народнаго быта является вѣчевая федерація, съ свободной жизнью народа, съ ближайшимъ правомъ его участвовать въ управленіи, съ свободной колонизаціей. Но это федеративное устройство не успѣло развиться въ правильное политическое учрежденіе; оно съ одной стороны остановлено было внѣшнимъ событіемъ, татарскимъ нашествіемъ, которое нарушило правильность образованія русской земли, съ другой различными внутренними условіями русской жизни, которыя взаимнымъ федераціи способствовали усиленію другаго начала. Этимъ началомъ было единодержавіе. Зародыши его, по объясненіямъ г. Костомарова, почти такъ же древни, какъ и начала федераціи. Уже введеніе христіанства принесло къ намъ новое понятіе о князѣ, не существовавшее въ древней Руси и заключавшее въ себѣ всѣ сѣмена грядущаго московскаго государства. Со многими другими византійскими традиціями въ церкви и въ правѣ въ древнюю Русь принесено было представленіе о единой монархической власти, требовавшей всеобщаго подчинія. «Кормчая», передавшая намъ не только византійское церковное, но даже отчасти и гражданское законодательство, не знало другой власти, кромѣ единой, нераздѣльной власти восточнаго византійскаго владѣтеля. Духовенство съ своей стороны много способствовало развитію единодержавнаго начала. Сильный внѣшній толчекъ къ усиленію единодержавія далъ татарское нашествіе: старшій великій князь сдѣлался въ глазахъ татарскихъ хановъ представителемъ цѣлой земли, отвѣчавшимъ за ея подчиненіе и исправное собираніе дани; власть татаръ придала великому князю значеніе полновластнаго хозяина, собственника всей земли, которая волей-неволей должна была признавать его силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта же единая княжеская власть притого-

вина и освобожденіе отъ ига. «Народъ созналъ, что ни вѣча, ни удѣльные князья не спасутъ его отъ хищничества сосѣда, что ему нужна единая крѣпкая власть, которая бы двинула разомъ всѣ его силы и устремила ихъ на общее дѣло». Конечно это сознаніе пришло не вдругъ; земскія федераціи и удѣльные князья долго представляли пассивную и дѣятельную оппозицію возвышенію единодержавной Москвы, но ихъ силы недостало, и Москва поглотила въ себѣ отдѣльные элементы русской народности. Съ паденіемъ Новгорода палъ послѣдній сильный представитель древней федераціи; съ мѣстными владѣніями и княжествами упадаетъ и внутреннее вѣчевое устройство, и народъ теряетъ свои независимыя права. Наступаетъ новый порядокъ вещей.

«Картина удѣльно вѣчевой Руси,—говоритъ г. Костомаровъ,—является наблюдателю въ такомъ видѣ: все дробится, все идетъ къ тому, чтобы каждый городъ и даже каждое село образовывало самостоятельное цѣлое; и между тѣмъ однако существуетъ федеративная связь всѣхъ этихъ частей, безъ опредѣленныхъ учрежденій для поддержки согласія между ними, основанная болѣе на всеобщемъ чувствѣ и сознаніи единства русской земли и русскаго народа; управленіе посредствомъ цѣлаго рода князей, изъ которыхъ ни одинъ, однако, не имѣетъ значенія государя; народоправленіе, выражаемое формою вѣчъ,—формою, которая въ однихъ мѣстахъ созрѣла, въ другихъ не созрѣла, смотря по обстоятельствамъ; перевѣсъ обычая надъ постановленіемъ, побужденія надъ закономъ, личной свободы надъ повинностію, общинности надъ единичностью власти, воли живаго народа надъ учрежденіемъ; вольница, движеніе, броженіе, кочеванье и потому безладица и непрочность.

«Напротивъ, признаки единодержавія были таковы: всѣ народные интересы сосредоточиваются въ одномъ лицѣ, которое становится апоѳеозомъ страны и народа, и потому личность его пріобрѣтаетъ святое значеніе; исчезаетъ бытіе отдѣльныхъ частей, уничтожается народоправленіе,—все стремится къ единообразію; преобразованіе обычая въ постановленіе, сознанія въ буквy закона, перевѣсъ повинности надъ личною свободою; старѣйшинства надъ общинностью, стремленіе къ осѣдлости, установкѣ и покою.

«Въ борьбѣ этихъ двухъ укладовъ (выраженіе, придуманное г. Костомаровымъ) русскаго быта: удѣльно-вѣчеваго и единодержавнаго—вся подноготная нашего стараго дѣеписанія»...

«Побѣда единодержавія достигла высшей степени при Іоаннѣ IV; но этотъ борецъ-побѣдитель, празднуя свое преобладаніе надъ врагомъ и казнями князей и бояръ, претендентовъ удѣльности, и бойнею въ Новгородѣ, еще вспоминавшемся о своемъ вѣчѣ,—въ то же время подавалъ побитому, истерзанному врагу руку на мировую учрежденіемъ общинныхъ властей, самоуправою посадовъ и уѣздовъ, созваніемъ земской думы, понудимому вступавшей въ права всѣхъ вѣчъ вмѣстѣ, уже не для какого нибудь города или земли, а для цѣлой русской державы, и наконецъ своимъ духовнымъ завѣщаніемъ, гдѣ онъ сыну Ѳедору давалъ независимый удѣлъ. Хорошо, что у Іоанна остался одинъ сынъ: еслибъ ихъ было нѣсколько, у насъ бы воспресла удѣльность. Оживающій врагъ избралъ тогда на югѣ Россіи уголокъ, гдѣ могъ, оправившись, не только давать отпоръ своему торжествующему сопернику, но и вторгаться въ завоеванные имъ предѣлы. Старое удѣльно-вѣчевое начало Руси облеклось теперь въ новый образъ,—то было козачество. Въ лицѣ Ермака оно показало Грозному, чего можно ожидать отъ него. Между тѣмъ по смерти Грознаго явился въ Москвѣ новый борецъ единодержавія—Борисъ Годуновъ. Онъ нанесъ старому врагу новыя раны введеніемъ кабаковъ и крѣпостнаго права. За то и старый врагъ отомстилъ этому борцу—онъ низпровергъ его тронъ; ворвавшись въ Россію въ образѣ козачества, покрылъ ее развалинами и кровью, повелъ Русь до ограниченнаго избранія Владислава, до соединенія съ Польшею, до полугодичнаго правленія посредствомъ земскаго собора... Далѣе идти онъ не могъ; у него не хватало силъ, когда дѣло шло объ устойкѣ на завоеванномъ полѣ; единодержавіе опять взяло надъ нимъ верхъ избраніемъ Михаила Ѳедоровича.... Едва торжествующая теперь сторона укрѣпилась, какъ тотчасъ же начала уничтожать всѣ уступки, данныя во время тяжкой битвы; она вытѣснила вліяніе противника усиленіемъ власти воеводъ, составленіемъ уложенія, строжайшимъ укрѣпленіемъ крестьянъ и образованіемъ регулярнаго войска. Старый врагъ между тѣмъ, казалось, болѣе и болѣе молодѣлъ въ своей козацкой одеждѣ. Нѣсколько разъ соперники подавали другъ другу руку, сохраняя въ душѣ злобу, бросали одинъ другому ласковыя увѣренія, думая, какъ бы уничтожить одинъ другаго съ корнемъ и заводомъ; наконецъ, улучивъ удобное время, побѣжденный столько разъ, старикъ отважился на открытый бой. Сталъ у него борецъ Стенька Разинъ...» (Ист. Мон. 2, 204—207).

Дальнѣйшая судьба этой борьбы извѣстна: борьба закончилась съ Петромъ Великимъ, который окончательно установилъ побѣду единодержавія, не подлежащую сомнѣнію и до нашихъ дней.

Таковъ въ общихъ чертахъ взглядъ, которымъ г. Костомаровъ объясняетъ событія нашей древней исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ взглядѣ чрезвычайно много вѣрнаго, гораздо больше, чѣмъ въ теоріи родоваго быта и въ исключительно-государственной исторіи старой школы. Съ другой стороны въ этомъ взглядѣ еще больше вѣрнаго, чѣмъ въ патріотическихъ-сантиментальныхъ мечтаніяхъ «Русской Бесѣды» и «Дня», представляющихъ древнюю Русь сущимъ раемъ, а новую чуть не адомъ. Г. Костомаровъ оцѣнилъ впрочемъ довольно высоко заслугу славянофиловъ въ объясненіи древней русской исторіи; но при всемъ томъ, какъ мы видимъ, у него нѣтъ того поклоненія передъ ней, которое заставляло новѣйшихъ партизановъ древней Руси находить одну изъ величайшихъ заслугъ ея въ безропотномъ смиреніи, и оправдывать кормленія и правежи. Приведенная нами выписка, соединяющая въ себѣ главные пункты историческаго взгляда г. Костомарова на политическую жизнь древней Руси, показываетъ достаточно, что г. Костомаровъ, не увлекся, какъ часто бываетъ, предметомъ своего изученія до неисторическаго пристрастія; какъ ни выгодной представляется древняя вѣчевая федерація для развитія народной свободы, онъ указываетъ прямо ея слабыя стороны, ея политическую несостоятельность.

Подробное развитіе этого взгляда заняло нѣсколько отдѣльныхъ изслѣдованій, собранныхъ въ вышедшихъ теперь «Монографіяхъ»; въ «Сѣверныхъ Народоправствахъ» г. Костомаровъ разсказалъ съ той же точки зрѣнія исторію главной федеральной вѣчевой земли въ древней Руси, Новгорода.

Мы не будемъ подробно разбирать спеціальнаго значенія всѣхъ этихъ изслѣдованій. Сочиненія г. Костомарова разсчитаны не на однихъ спеціалистовъ, а на большую массу читателей; исторія Новгорода также была разсчитана на большую массу слушателей, собиравшихся на публичныя чтенія въ университетѣ. Это даетъ намъ другую точку зрѣнія на его книги. Г. Костомаровъ передавалъ общія данныя объ исторіи народа, имѣлъ въ виду общее впечатлѣніе,—съ этой точки зрѣнія общаго впечатлѣнія мы и хотѣли бы взглянуть на сочиненія г. Костомарова и провѣрить нѣкоторые изъ общихъ принциповъ, которые г. Косто-

маровъ внушаетъ публикѣ. Спеціальная критика отчасти уже и указывала недостатки разныхъ сочиненій г. Костомарова, и по поводу Новгорода упрекала его, напримѣръ, за недостаточность изслѣдованій по разнымъ сторонамъ древняго быта, ставя автору въ вину даже то, что онъ не объяснилъ въ подробности архитектуру новгородскихъ церквей и характеръ иконописныхъ школъ. Этихъ недостатковъ, въ самомъ дѣлѣ, можно насчитать очень много, если смотрѣть на книгу г. Костомарова, какъ на чисто ученое изслѣдованіе. Но цѣль г. Костомарова въ этой книгѣ, и въ большей части его сочиненій, не заключается въ этомъ, чисто и исключительно ученомъ изслѣдованіи. Во первыхъ, его исторія Новгорода была публичными лекціями, объемъ которыхъ не допускалъ слишкомъ частныхъ разысканій; во вторыхъ, и это главное, талантъ г. Костомарова есть талантъ историка-разсказчика, который даетъ ему иныя цѣли, кромѣ подъискиванья цитатъ. Всего лучше этотъ характеръ г. Костомарова, какъ историческаго писателя, выразился, изъ собранныхъ имъ теперь сочиненій, въ «Стенькѣ Разинѣ»: это — разсказъ, какихъ немного въ нашей литературѣ. Г. Костомаровъ находитъ новый историческій матеріалъ, и онъ прежде всего складывается у него въ эту же форму, какъ напр. въ «Гетманствѣ Выговскаго». Талантъ историческаго разсказа въ свое время доставилъ г. Костомарову множество почитателей обоего пола, когда оба пола могли еще слушать его чтенія въ университетѣ.

Поэтому мы не стали бы такъ строго обвинять г. Костомарова съ этой стороны; мы не сомнѣваемся, что г. Куникъ пожалуй лучше г. Костомарова разберетъ новгородскіе куны и гривны и опредѣлитъ новгородскіе вѣсы и мѣры, что г. Буслаевъ аккуратнѣе разскажетъ объ иконописныхъ школахъ, и самъ г. Костомаровъ не оскорбится такимъ предположеніемъ, — но за то г. Куникъ и не съумѣетъ дать оживленный историческій разсказъ, какъ это часто удается г. Костомарову.

Но критики г. Костомарова остаются тѣмъ не менѣе правы въ своихъ требованіяхъ: если характеръ литературной задачи, которую задаетъ себѣ г. Костомаровъ, и даетъ ему право оставить мелкіе вопросы спеціальнаго археологическаго изслѣдованія, то во всякомъ случаѣ онъ долженъ имѣть въ виду его общія направленія и результаты. Если онъ беретъ напр. изображать намъ черты древнѣйшаго историческаго быта, то этотъ бытъ едва ли освѣтится для насъ достаточнымъ историческимъ свѣ-

тойъ, если авторъ, — какъ это и дѣлаетъ г. Костомаровъ въ статьѣ подобнаго содержанія, — разскажетъ объ общихъ политическихъ условіяхъ древней жизни, о раздѣльности и федеративной связи земель и народностей, будетъ объяснять отношеніе народа и земель къ власти князя, и вообще больше внѣшнія стороны быта, удѣляя мало мѣста тѣмъ внутреннимъ началамъ, которыя составляютъ нравственную физіономію народа. Такимъ внѣшнимъ образомъ опредѣлилъ онъ напр. значеніе и вліяніе христіанства: мы узнаемъ не больше того, что мы знали уже и прежде объ этомъ предметѣ. Г. Костомаровъ характеризуетъ христіанство древней Руси разсказами изъ кіевскаго Патерика, — имѣющими конечно свой историческій колоритъ, — но во первыхъ, идеи Патерика представляютъ уже до нѣкоторой степени законченную ступень въ процессѣ образованія христіанскихъ понятій древней Руси, а за тѣмъ они не могутъ быть приняты общимъ ихъ мѣриломъ, потому что въ массѣ народа были и другія степени религіозной культуры и, напримѣръ, долго еще сохраняли силу преданія иного, языческаго порядка. Очевидно, что выдержки изъ Патерика не составляютъ картины цѣлаго религіознаго состоянія той эпохи. Такъ же мало г. Костомаровъ объясняетъ эту сторону народныхъ понятій и въ описаніяхъ позднѣйшихъ эпохъ; разсказъ о новгородскихъ ересяхъ и вольнодумцахъ XVI-го вѣка далеко не вводитъ насъ въ міръ старинныхъ религіозныхъ представленій русскаго народа. Вольнодумцы, описанные г. Костомаровымъ, являются въ его разсказѣ эпизодическими и случайными личностями; авторъ недостаточно указалъ тѣ предыдущія, предварительныя историческія условія, изъ которыхъ могло развиться ихъ появленіе. Опредѣленіе принциповъ стараго православія и старой ереси, которое дѣлаетъ онъ по поводу Матвѣя Башкина (Ист. Мон. 1, стр. 461) еще не объясняетъ появленія ереси; читателю все еще остается темно то цѣлое народное міровоззрѣніе, изъ котораго проистекали эти религіозные взгляды и ереси. Еще разъ г. Костомаровъ возвращается къ тому же предмету въ своей статьѣ: «Двѣ русскія народности»; онъ чувствовалъ конечно всю важность опредѣленія этого пункта для характеристики народностей, но и здѣсь, сдѣлавши нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, не успѣлъ, кажется намъ, придти къ вѣрному окончательному выводу; онъ не установилъ основаній для него прежде. Г. Костомаровъ слѣдующимъ образомъ говоритъ о различіи малорусской и великорусской народностей въ ре-

лигіозномъ отношеніи: «Наблюдая надъ великорусскимъ народомъ во всѣхъ слояхъ общества, мы встрѣтимъ не рѣдко людей истинно христіанской нравственности, которыхъ религіозность обращена къ практическому осуществленію христіанскаго добра, но въ нихъ мало христіанскаго благочестія, піэтизма; мы встрѣчаемъ книжей, начетчиковъ, строгихъ исполнителей внѣшнихъ правилъ и обрядовъ, но такихъ безъ внутренняго благочестія... Истинно благочестивыя натуры составляютъ исключеніе, и благочестіе, духовная созерцательность у нихъ — признаки не народности, не общаго натурѣ народной, а ихъ собственной индивидуальной особенности. Между южнорусскими мы встрѣтимъ совсѣмъ обратное въ характерѣ... За то у насъ (т. е. южнороссовъ) и образованный классъ не такъ легко поколебать въ вѣрѣ, какъ великороссовъ; невѣріе внѣдряется въ нашей душѣ только вслѣдствіе долгой, глубокой борьбы» и т. д. (Ист. Мон. 2, стр. 273—274). Г. Костомаровъ проводитъ свою мысль еще дальше. «Поэзія южнорусса религіозна и противоположна анализу, говоритъ онъ. У него въ душѣ вѣра въ прекрасное, а вѣру убиваетъ анализъ, разлагая цѣлый образъ, который душа любитъ и созерцаетъ... Попытки матеріалистовъ добраться путемъ анализа явленій до сущности впечатлѣнія, производимаго изящнымъ на душу нашу, оставались безуспѣшными и часто обличали собственную неспособность чувствовать и понимать красоту въ тѣхъ, которые на это рѣшатся. Французы, народъ глубоко не поэтическій, еще въ прошломъ столѣтіи возвѣщали теорію изящнаго, основанную на признакахъ его сущности, въ простомъ подражаніи природѣ. Эта мысль по душѣ великороссамъ» и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ разсужденіе о томъ, какъ вообще матеріалистъ понимаетъ идеальныя чувствованія, что въ добрѣ онъ видитъ только пользу, что добродѣтель его основывается на силлогизмѣ: если другому буду дѣлать добро, то и мнѣ станутъ его дѣлать. «Совсѣмъ не то у человѣка, въ которомъ есть даръ и привычка ощущать живую душу въ себѣ и видѣть ее внутреннимъ зрѣніемъ въ оболочкѣ внѣшнихъ для него явленій» и т. д. (стр. 276). Этотъ контрастъ выводится у г. Костомарова, какъ продолженіе его сравненія двухъ народностей, и конечно долженъ дополнять это сравненіе. Но мы думаемъ, что авторъ слишкомъ далеко зашелъ, если дѣлаетъ людей одной народности матеріалистами, а другой—послѣдователями г. Юркевича. Такъ же мало убѣдительны его наблюденія надъ невѣріемъ въ образованныхъ

классахъ: и въ томъ и другомъ народѣ онъ найдетъ одинаково и людей, легко отступающихся отъ убѣжденій, и людей, крѣпко держащихся за нихъ и отступающихъ только послѣ борьбы. Наклонность къ извѣстнымъ убѣжденіямъ, и къ матеріализму въ томъ числѣ, является слѣдствіе извѣстной степени развитія; есть такія ступени развитія, при которыхъ матеріализмъ одинаково невозможенъ въ какой угодно народности, и есть другія, при которыхъ онъ становится у нихъ въ одинаковой степени возможенъ и естественъ. Если г. Костомаровъ хотѣлъ сказать, что у южнорусса больше преобладанія чувства, чѣмъ у великорусса, ему можно было и не прибѣгать къ этимъ сомнительнымъ рѣшеніямъ — и какъ будто корить великороссовъ свойствами, которыя составляютъ результатъ извѣстнаго направленія образованности, независимо отъ какихъ нибудь данныхъ первобытнаго характера народности.

Въ другихъ мѣстахъ этой характеристики двухъ народностей г. Костомаровъ, кажется намъ, также основывалъ свои выводы не столько на историческихъ фактахъ, сколько на собственныхъ предположеніяхъ. Почему, напримѣръ, великороссамъ нравятся разбойничьи пѣсни? По словамъ г. Костомарова, въ пѣсняхъ великороссовъ «высоко-поэтическою является именно сила воли, сфера дѣятельности, именно то, что такъ необходимо для совершенія задачи, для какой опредѣлилъ себя этотъ народъ въ историческомъ теченіи политической жизни. Лучшія великорусскія пѣсни тѣ, гдѣ изображаются моменты души, собирающей свои силы, или гдѣ представляется торжество ея или неудачи, не ломающія однако внутренняго могущества. Оттого такъ всѣмъ нравятся разбойничьи пѣсни: разбойникъ — герой, идущій бороться и съ обстоятельствами, и съ общественнымъ порядкомъ. Разрушеніе—его стихія, но разрушеніе неизбѣжно предполагаетъ воссозданіе. Послѣднее выказывается уже и въ составленіи разбойничьихъ шаекъ, которыя представляютъ нѣкотораго рода общественное тѣло. И потому, да не покажется страннымъ, что мы будемъ усматривать въ разбойническихъ пѣсняхъ ту же стихію общинности, то же стремленіе къ воплощенію государственнаго тѣла (?), какое находимъ во всемъ проявленіи исторической жизни великорусскаго племени» (стр. 266). Все это слишкомъ мудрено. Если бы г. Костомаровъ обратилъ вниманіе на болѣе близкіе исторические факты, объясненіе успѣха разбойничьихъ пѣсенъ вышло бы много проще и естественнѣе. Разбойничьи пѣсни, во вся-

комъ случаѣ, пѣсни весьма новыя; въ ихъ построеніи и образахъ можно прослѣдить остатки болѣе древняго эпоса, но сущность ихъ вызвана новыми обстоятельствами народной жизни. Разбойникъ нашихъ пѣсенъ есть прямой союзникъ Стеньки Разина, человѣкъ, оставившій общество, потому что оно угнетало и лишало его свободы; его борьба была протестомъ противъ стѣсненія народнаго земскаго быта, противъ угнетеній XVI и XVII вѣка, противъ крѣпостнаго права и т. д. Масса чувствовала на себѣ ту же тяжесть и очень естественно сочувствовала поэзіи, которая выставляла идеалъ человѣка вольнаго и разгульнаго. Вмѣсто стараго эпоса, потерявшаго свой смыслъ, явился новый эпосъ, разбойничій; Ермакъ еще ставится вровень съ Ильей-Муромцемъ, но наконецъ, старинные богатыри совсѣмъ сошли со сцены и уступили свое мѣсто новѣйшимъ атаманамъ. Любовь къ разбойничьимъ пѣснямъ продолжалась и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока существуютъ породившія ихъ общественныя причины, и въ разбойничьихъ пѣсняхъ во всякомъ случаѣ весьма мудрено усматривать стремленіе къ воплощенію государственнаго тѣла, по крайней мѣрѣ того, какое понимаетъ г. Костомаровъ.

Главнымъ достоинствомъ изслѣдованій г. Костомарова въ области древней Руси остается опредѣленіе политической формы удѣльно-вѣчевой народной жизни, на которое мы указали, и борьбы двухъ противоположныхъ началъ государства, наполняющей старый періодъ. Внѣшняя форма этихъ изслѣдованій также представляетъ большія достоинства, которыя вообще мало встрѣчаются въ нашей исторической литературѣ; это живой, легкій, иногда драматическій разсказъ, лучшимъ образцомъ котораго можетъ служить «Стенька Разинъ». Но исключая этотъ разсказъ, мы не всегда найдемъ у г. Костомарова то, чего бы мы ждали отъ настоящей исторіи, т. е. именно ближайшаго изображенія того, что думалъ и чувствовалъ народъ въ извѣстную минуту, къ чему сводились его житейскія понятія, въ чемъ состояло движеніе его внутренней культуры; г. Костомаровъ мало останавливается на народномъ міровоззрѣніи, когда оно выходитъ изъ области его политическаго земскаго устройства, такъ что его исторія, какъ напримѣръ, изданная имъ теперь исторія Новгорода, остается односторонняя въ этомъ смыслѣ. Эта сторона древней жизни лучше дается, напримѣръ, г. Щапову, не смотря на его преувеличенія. Быть можетъ, этотъ недостатокъ происходитъ отъ того, что г. Костомаровъ именно боялся такихъ преувеличеній, кото-

рыя очень естественно являются у писателя, когда онъ вполнѣ сживается съ своими героями и входитъ въ ихъ интересы и помышленія. Г. Костомаровъ, быть можетъ, хотѣлъ относиться къ своимъ героямъ слишкомъ безстрастнымъ наблюдателемъ: въ характерѣ его сочиненій могла отразиться теорія, которую онъ составилъ себѣ объ обязанности историка. Въ чемъ же состоитъ эта теорія? Упомянутое нами безстрастіе дѣйствительно играетъ въ ней роль. Мы видѣли, что г. Костомаровъ поставленный между двумя школами, когда шло дѣло о древней Руси, сохранилъ полное безстрастіе къ вопросу, и не увлекся ни древней Федераціей и свободой, ни завоеваніями государственнаго начала; при всей любви къ воспоминаніямъ южнорусской исторіи, онъ не сдѣлалъ изъ козачества своего идеала; точно такъ же Новгородъ, долго бывшій любимымъ предметомъ его ученія, нашелъ въ немъ безпристрастнаго судью вѣчевой неурядицы и броженія. Мы могли бы привести еще много подобныхъ примѣровъ. Очень часто случается, что извѣстные вопросы дня овладѣваютъ идеями историка и отражаются на его трудѣ; бываетъ, что это вмѣшательство не вредитъ однако ученой сущности дѣла, — историкъ можетъ вести свое изслѣдованіе тѣмъ же научнымъ путемъ, и только въ тѣхъ пунктахъ, которые предоставляются умозаключенію и чувству каждаго, онъ можетъ высказывать свое собственное впечатлѣніе, направленное этими вопросами дня въ ту или въ другую сторону. Г. Костомаровъ никакъ не хочетъ допустить въ себѣ этого вмѣшательства. Мало того, онъ какъ-то особенно чурается его, чтобы сохранить историческое безстрастіе. «Для историка не должно существовать въ прошедшемъ *хорошо* или *худо*, по современнымъ понятіямъ, — говоритъ онъ въ своей рѣчи объ историческихъ трудахъ К. Аксакова. Ничто такъ не вредитъ уразумѣнію исторической истины, какъ то, когда историкъ, изслѣдуя или описывая прошедшее, увлекается сочувствіемъ къ тому, что происходитъ вокругъ него, или съ намѣреніемъ думаетъ, что прошедшее наведетъ читателя на что нибудь современное. *Объективность* взгляда—первое условіе къ достиженію исторической истины. Историкъ не долженъ быть преднамѣреннымъ указателемъ современныхъ общественныхъ вопросовъ. Одна истина, безотносительная, неподкупная никакими побужденіями, отыскиваемая безъ всякой цѣли, кромѣ ея содержанія, должна занимать его, и если ему скажутъ то, что говоритъ чернь поэту въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина:

«*давай намъ смѣлые уроки, а мы послушаемъ тебя*», онъ не долженъ внимать этому соблазнительному голосу» (стр. 31). Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что объективность нужна для того, кто занимается исторіей, какъ и для всякаго, кто занимается научнымъ изслѣдованіемъ, но почему же г. Костомаровъ думаетъ, что объективность невозможна и тогда, когда дѣло идетъ о чемъ нибудь современномъ? А что же дѣлать историку, если предметъ его изученія самъ по себѣ имѣетъ необходимую и близкую связь съ этой современностью? Г. Костомаровъ думаетъ, что историкъ долженъ держать себя на сторожѣ въ этомъ случаѣ. «Чѣмъ менѣе онъ будетъ желать своими трудами принести пользу современному обществу, — продолжаетъ онъ тамъ же, — тѣмъ болѣе ручательства, что онъ принесетъ ее». Другими словами, оказывается, что г. Костомаровъ проповѣдуетъ здѣсь науку для науки. — На сколько онъ выдерживаетъ свою теорію?

Историческіе вопросы, какъ извѣстно, бываютъ разные: одни идутъ, напримѣръ, о началѣ Руси и варягахъ, — другіе, напримѣръ, о южной Руси и разныхъ ея отношеніяхъ. Историкъ можетъ заниматься тѣмъ или другимъ, одинъ можетъ принести пользу обществу варяжскимъ вопросомъ, другой—болѣе новымъ вопросомъ южно-русскимъ, который, конечно, очень близокъ къ современности. По мнѣнію г. Костомарова, для историка и тотъ и другой вопросъ должны быть одинаково важны, къ обоимъ онъ долженъ относиться одинаково объективно. На дѣлѣ бываетъ однако такъ, что если историкъ—человѣкъ такого рода, что для него важенъ только *процессъ* учености, онъ займется преспокойно варяжскимъ вопросомъ, и не смотря ни на что окружающее будетъ заниматься имъ всѣми силами своего разумѣнія; но если это человѣкъ сколько нибудь живой, для него современное значеніе вопроса, конечно, придастъ ему интересъ и привлечетъ къ этому вопросу его вниманіе. Интересъ ученаго будетъ совершенно законный; онъ не сдѣлаетъ преступленія противъ объективности, если даже *преднамѣренно* захочетъ указать историческій смыслъ современнаго вопроса и прямо будетъ желать принести этимъ пользу современному обществу: при всемъ этомъ онъ можетъ остаться совершенно вѣренъ наукѣ, если выработалъ себѣ правильные пріемы критики и пріобрѣлъ для нея вѣрныя научныя основанія. Безъ этихъ основаній онъ не будетъ истиннымъ историкомъ, сколько бы ни бѣгалъ отъ современности, и на оборотъ, при всѣхъ заявленіяхъ о безпристрастіи, ученый не

спасется отъ неисторическаго безпристрастія, если не привыкъ хладнокровно судить о вещахъ, которыя лично ему не нравятся или непонятны. Мы увидимъ дальше примѣры.

Наука для науки, исторія безстрастная къ современному вопросу—вещи весьма спокойныя и даже въ гражданскомъ смыслѣ благонамѣренныя. Углубляясь въ варяжскіе вопросы разнаго рода, человѣкъ можетъ жить себѣ мирно, не тревожить себя тѣмъ, что занимаетъ и тревожитъ «чернь непросвѣщенну», и углубленіе даетъ даже этому человѣку увѣренность, что онъ совершилъ свой гражданскій долгъ, даже и «не желая принести пользу современному обществу», говоря словами г. Костомарова. Этой системой науки для науки давно уже воспользовались и педагоги низшихъ заведеній, а теперь и высшихъ: храмъ науки, по словамъ ихъ, долженъ быть только храмомъ науки, и люди, входящіе въ него, должны отрясать прахъ съ ногъ своихъ и забывать все земное, что они видѣли и слышали за его порогомъ. Педагоги низшихъ заведеній на этомъ основаніи строго смотрѣли за тѣмъ, чтобы ученики читали только исторію Кайданова, и преслѣдовали всякія другія непозволительныя книги (которыя, себственно говоря, только и спасали юношей отъ совершеннаго отупѣнія): такъ въ прежнія времена преслѣдовался Пушкинъ, когда онъ считался прегрессистомъ; такъ преслѣдовался потомъ Бѣлинскій или Гоголь, считавшійся слишкомъ либеральнымъ писателемъ; такъ преслѣдуются теперь другіе...Въ высшихъ заведеніяхъ повторяется теперь та же исторія: «наука существуетъ только для науки,—говорятъ болѣе взрослымъ юношамъ, а иногда и довольно зрѣлымъ людямъ,—вы осквернite науку, если будете связывать ее съ вашими эфемерными интересами; наука—цѣль сама себѣ, эта цѣль—истина» и т. д., и т. д. И молодому человѣку, съ свѣжей головой и сердцемъ, живо увлеченному тѣми идеями, которымъ суждено отмѣтить собой нашу эпоху, стремящемуся найти въ наукѣ отвѣтъ на свои сомнѣнія и вопросы,—этому молодому человѣку читается наука въ видѣ казеннаго «ученія», въ которомъ отъ науки часто остается только педантическая фразеологія. Въ молодомъ человѣкѣ преслѣдуются завиральныя идеи, и для исцѣленія отъ нихъ прописывается варяжскій вопросъ. Если имъ посерьезнѣе призаняться да поразобрать хорошенько ярославле серебро, то пожалуй завиральныя идеи и дѣйствительно пропадутъ.

Наши благопріятели не замедлятъ конечно обвинить насъ въ

неуваженіи къ наукѣ, въ желаніи подчинить ее своимъ прихотямъ, и тому подобныхъ качествахъ. «Современникъ» уже былъ принужденъ одинъ разъ давать объясненія по этому предмету. Теперь въ отвѣтъ строгимъ судьямъ мы скажемъ слѣдующее. Сколько бы ни хлопотали блюстители строгой науки о предохраненіи ея отъ вмѣшательства современныхъ вопросовъ, они никогда не достигнутъ своей цѣли. Наука отвлеченная всегда и безъ ихъ стараній останется объективнымъ знаніемъ, въ которомъ каждая истина будетъ логическимъ выводомъ, свободнымъ отъ всякаго случайнаго вліянія личности, независимымъ отъ расположенія духа и образа мыслей ученаго. Но въ своихъ представителяхъ, слѣдовательно въ каждомъ ученомъ писателѣ, наука всегда и вездѣ неизбѣжно будетъ связана современностью. Писателю невозможно выстроить около себя китайскую стѣну, загородить свою мысль въ какой нибудь одинъ уголъ, — если только этотъ писатель не очень тупой человѣкъ и если предметъ его занятій есть жизнь человѣка и общества. Вліяніе ея выскажется противъ его желанія и воли... Самая наука въ цѣломъ своемъ движеніи подчиняется тому же вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ, которое не даетъ ей существовать только въ себѣ и для себя: движеніе жизни отражается въ ней разными направленіями и приводитъ ее къ тѣмъ или другимъ задачамъ, которыхъ она не касалась прежде, напр., къ политико-экономическимъ, естественно-историческимъ, физіологическимъ вопросамъ въ области исторіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что то важное значеніе, которое дается теперь въ нашихъ историческихъ изслѣдованіяхъ народу и народной жизни — что это значеніе получаетъ народъ въ исторической наукѣ не столько трудами Татищева, Карамзина и Погодина, сколько дѣйствіемъ той самой жизни, отъ которой г. Костомаровъ открещиваетъ историка. Г. Костомаровъ согласится, можетъ быть, что его собственные труды, какъ и труды г. Щапова, Павлова, имѣютъ свое начало не въ той ученой традиціи, которую даютъ намъ норманскія изслѣдованія Погодина. Намъ представляется страннымъ поклоненіе наукѣ для науки у насъ съ другой стороны: собственно говоря, не имѣется еще предмета поклоненія, потому что давать высокое имя науки произведеніямъ нашего отечественнаго глубокомыслія нужно съ нѣкоторой осторожностью. У насъ нерѣдко случается слышать жалобы на ненаучныя пристрастія, на нарушенія науки отъ вмѣшательства современныхъ

интересовъ и т. п. Но эти жалобы на грубый говоръ, нарушающій благоговѣйное молчаніе нашего храма наукъ, удовлетворительно уничтожаются приведеннымъ замѣчаніемъ. Жрецы науки могутъ предъявлять свои требованія только тамъ, гдѣ наука признается въ своихъ правахъ: можемъ ли мы серьезно говорить о ней, предавать остракизму погрѣшающихъ противъ нея тамъ, гдѣ наука существуетъ только съ извѣстными рестрикціями и членоповрежденіями, гдѣ философія еще не можетъ бороться даже съ г. Юркевичемъ, гдѣ исторія имѣетъ свои заповѣдныя страницы, которыхъ почти никогда не развертываетъ, гдѣ право можетъ подвергнуть доскональной критикѣ только leges barbarorum да какую нибудь диссертацію г. Лохвицкаго, гдѣ общественныя науки доросли только до г. Капустина и Ржевскаго? Много людей, которые бы захотѣли у насъ предаться служенію въ храмѣ науки, по неволѣ или оставляетъ ее, или бросается на частности, или впадаетъ въ окончательную безличность; и этотъ недостатокъ движенія въ нашемъ собственномъ храмѣ науки заставляетъ большинство предающихся наукѣ искать и у другихъ — преимущественно у нѣмцевъ — науки патентованной и снабженной видомъ на проживаніе. Другая наука, болѣе независимая, была бы еще не по силамъ для насъ; нашъ слухъ еще совершенно не привыкъ къ ея языку, безъ загадокъ и умолчаній. Очевидно, что патентованная наука, которая одна до сихъ поръ получала у насъ до нѣкоторой степени право гражданства, не можетъ предъявлять тѣхъ высокихъ правъ, которыхъ мы нисколько не отвергаемъ за дѣйствительной, истинной наукой.

Мы замѣтили выше, что нынѣшняя историческая школа, и вмѣстѣ труды самого г. Костомарова, были вызваны движеніемъ самой жизни. Самъ г. Костомаровъ, — когда постороннія внѣшнія обстоятельства заставили его поставить свою безстрастную науку въ связь съ обстоятельствами современности, — долженъ былъ согласиться въ зависимости науки отъ этой современности. Въ 1861 году его пригласили читать въ Новгородъ; при своемъ заявленномъ «нежеланіи приносить пользу обществу»,—а только наукѣ, — при всемъ уклоненіи отъ современности, онъ говоритъ въ началѣ своей рѣчи: «Нужно ли доказывать, что здравое и ясное узнаніе своего народа есть дѣло *первой важности* въ *настоящее время*?» — «Едва ли кто въ этомъ сомнѣвается», отвѣчаетъ онъ самъ на этотъ вопросъ, и затѣмъ развиваетъ цѣлый

рядъ мыслей, который скорѣе продолжаетъ наши понятія, чѣмъ его понятія о наукѣ и объ исторіи. «Излишне намъ было бы доказывать,—говоритъ онъ, — что народа невозможно узнать, не зная его прошедшей жизни (слѣдовательно, прошедшее нужно изучать для современности?); того, что составляетъ современную жизнь народа, нельзя считать недавнимъ. Не въ пятьдесятъ, не въ сто лѣтъ накопилось то, изъ чего образовался народный характеръ... Тотъ образъ, въ которомъ народъ является теперь, слагался постепенно, и чтобы прослѣдить его исторію, необходимо обращаться къ такой древности, отъ которой только по наружности осталось, какъ нѣкоторые себѣ воображаютъ, слишкомъ мало наглядныхъ слѣдовъ... Какъ ни кажутся отдаленными отъ насъ вѣка удѣльно-вѣчеваго уклада, но многое въ характерѣ нашего народа сложилось еще въ тѣ поры... Наша прошедшая историческая народная жизнь явилась въ борьбѣ двухъ началъ — удѣльно-вѣчеваго и единодержавнаго, и составляющее характеръ того и другаго вошло въ плоть и кровь народа: очевидна важность изученія удѣльно-вѣчеваго періода, на который еще не такъ давно если не смотрѣли съ полнымъ презрѣніемъ, то не искали въ немъ ничего *для современности*...» (Ист. Мон. 1, стр. 360). И такъ, и по словамъ г. Костомарова, прошедшее нужно для пониманія современности, и оно можетъ давать ей уроки: это ясно. Во многихъ случаяхъ эти уроки бываютъ даже очень наглядны и немудрены. Можетъ ли высказать ихъ историкъ, когда они могутъ быть осязательны даже и для другихъ? По мнѣнію г. Костомарова, приведенному выше, онъ этихъ уроковъ собственно высказывать не долженъ, — но мы думаемъ, что это можетъ зависѣть только отъ его пониманія: если онъ понимаетъ дѣло, то можетъ высказать урокъ исторіи, если не понимаетъ, то конечно ему лучше и не браться за это.

Впрочемъ г. Костомаровъ всего лучше опровергаетъ собственную теорію, потому что самъ берется давать уроки современности. Не знаемъ, дѣлалъ ли онъ это въ качествѣ историка или на это время слагалъ съ себя свое званіе и говорилъ въ качествѣ частнаго человѣка. Существуетъ цѣлый рядъ рѣчей и сочиненій г. Костомарова, въ которыхъ дѣло идетъ о современности. Они производили въ свое время различное дѣйствіе, и когда читались публично, то вызывали обыкновенно громкіе аплодисменты многочисленной публики. Такъ было съ его рѣчью объ историческихъ трудахъ Конст. Аксакова, съ рѣчью о Тысячелѣтіи. Об-

щая черта этихъ произведеній состоитъ въ томъ, что г. Костомаровъ не совсѣмъ долюбливаетъ современность. Припомнимъ напр. одну тираду изъ рѣчи объ Аксаковѣ, гдѣ г. Костомаровъ построилъ, какъ вѣнецъ своихъ историческихъ изученій, свой выводъ о настоящемъ русскаго общества. Мы остановимся здѣсь на этой рѣчи, потому что въ свое время она мало замѣчена была въ литературѣ, и между тѣмъ интересна для изученія взглядовъ г. Костомарова. Выводъ его заключается въ слѣдующемъ: «Раболѣпное поклоненіе европейскимъ теоріямъ, взглядамъ и образцамъ составляло сущность нашей образованности. Не смѣли ни думать, ни писать иначе, какъ намъ указывали на западѣ (да кто же намъ указывалъ? вѣдь мы сами съ западомъ знакомились; да и грѣхъ сказать, чтобы дѣйствительно мы такъ и думали, какъ думаютъ на западѣ)... Петровская реформа оторвала государственную сторону національнаго нашего быта отъ народной, привлекла къ первой, въ противорѣчіе съ послѣдпею, образованность, поставила стѣну между классами народа, и одну большую половину съ старой жизнью его отбросила за предѣлы развитія и исторіи, другую же повела къ подражанію иноземщинѣ». Г. Костомаровъ совсѣмъ забылъ здѣсь то, о чемъ онъ самъ говорилъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о борьбѣ федеративнаго начала съ государственнымъ. Это послѣднее еще въ древней Руси создано было своими собственными силами въ такой формѣ, которая крѣпостнымъ правомъ не только поставила стѣну между классами народа, но заставила даже народъ просто бѣжать съ родины въ козачество и въ шайки Разина. Далѣе. «Несправедливо однако нѣкоторые выражаются, что эта реформа и послѣдующее ея продолженіе лишили насъ народности; напротивъ, онѣ произвели у насъ двѣ народности: одна была старая, другая новая, — народность Евгенія Онѣгина. Онѣгинъ съ его легкимъ образованіемъ, въ которомъ онъне сознаетъ другой необходимости кромѣ побужденія *казаться* образованнымъ для другихъ, со всѣми продуктами воспитанія—пустотою, тщеславіемъ, отсутствіемъ нравственныхъ убѣжденій и модною жестокостью, подъ которою тяготится его природный здравый умъ и природное доброе сердце,—есть олицетвореніе русской жизни образованнаго круга, выраженіе нравственныхъ послѣдствій вліянія спасительной реформы и занятія на прокатъ иностраннаго просвѣщенія. Въ личности Онѣгина совмѣщается половина русской народности, отрѣзанная отъ другой; черты этого типа — черты нашего обще-

ства, нашего умственнаго прогресса, нашей науки». Затѣмъ характеризуется слѣдующими чертами народъ: «За этой половиной русской народности, народностью Онѣгина, существуетъ другая — народность подавленной, заброшенной массы, народность старой Руси, гдѣ переплелись между собою обломки стараго удѣльно-вѣчеваго міра съ сокрушившею его московскою стихіею, гдѣ проницательный взоръ наблюдателя отыщетъ еще не вполнѣ стертыя противорѣчія произвола личности новгородской свободы съ безличностью эпохи Іоанна Грознаго, гдѣ многовѣковая допетровская исторія напечатлѣлась въ народномъ бытѣ, нравахъ и народномъ характерѣ — отъ языческихъ славянскихъ празднествъ до дьяковъ Алексѣя Михайловича и стрѣльцовъ двуцарствія»... Народность Евгенія Онѣгина за свое отдѣленіе отъ народа карается г. Костомаровымъ самымъ ужаснымъ образомъ. «Извѣстно, до чего доживается наконецъ Евгеній Онѣгинъ. Убійственная тоска, доходящая почти до сумасшествія, снѣдаетъ его; еще юный, здоровый, полный силъ, неудовлетворимой жажды дѣятельности, безъ сознанія путей, куда бы можно обратить эту дѣятельность, Онѣгинъ завидуетъ тульскому засѣдателю, страдающему параличемъ. Почти до такого же состоянія дошла и русская мысль, и съ нею русская наука. И хотѣла было она обратиться къ покинутой, отвергнутой, презрѣнной старой народности, когда западные учители позволили (?!) ей уважать то, что сдѣлалось достояніемъ черни; да не давалась ей эта народность, какъ отвергнутая Татьяна Онѣгину, когда, презрѣвши деревенскую дѣвушку, онъ началъ на нее глядѣть иными главами, коль скоро другіе стали уважать въ ней знатную барыню» (стр. 4).

О комъ идетъ здѣсь дѣло? Соображая другія мѣста сочиненій г. Костомарова и то, что эту народность Онѣгина, по словамъ г. Костомарова, побораетъ Константинъ Аксаковъ, должно заключить, что народность Онѣгина авторъ доводитъ и до нашихъ дней, что къ ней именно и принадлежатъ тѣ люди, противъ которыхъ возставалъ Аксаковъ, т. е. люди, не признающіе принциповъ «Русской Бесѣды». Такимъ образомъ, подъ понятіе народности Онѣгина подводится все развитіе нашего общества за послѣднее время, вся литература—съ исключеніемъ «Русской Бесѣды». Въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій г. Костомаровъ обнаруживаетъ это несомнѣннымъ образомъ, напр. хоть тамъ, гдѣ онъ обзываетъ модными соціалистами людей, защищавшихъ по поводу крестьянскаго вопроса нашу сельскую общину. Мод-

ным соціалисты должны были изобразить людей, которые «хотѣли бы обратиться къ презрѣнной старой народности», когда это позволили западные учители, но которымъ «не давалась эта народность».

Мы не беремъ конечно на себя убѣждать въ чемъ нибудь г. Костомарова; мы хотимъ только провѣрить на его собственномъ примѣрѣ его теорію объ обязанностяхъ историка. Сколько онъ ни старался соблюдать въ своихъ приговорахъ безстрастіе историка, соглашаясь то съ Соловьевымъ, то съ Аксаковымъ, оспаривая то Погодина, то Кавелина, всячески избѣгая говорить *худо* или *хорошо*, онъ не могъ удержаться, чтобы въ вопросѣ историческомъ—какъ вопросъ о движеніи русскаго общества послѣ реформы и до новѣйшихъ временъ—не дать мѣста своимъ личнымъ пристрастіямъ, и даже выражать ихъ въ формѣ слишкомъ рѣзкой. Нелюбовь г. Костомарова къ этимъ временамъ раздѣляютъ многіе историки, раздѣляетъ напр. и г. Щаповъ, котораго мы уже называли, но нелюбовь г. Щапова весьма понятна и имѣетъ свои достаточно высказанные резоны, при томъ ясно, что эта нелюбовь его къ новому времени имѣетъ свои разумные предѣлы. Г. Костомаровъ въ своей нелюбви доходитъ въ сущности до послѣднихъ крайностей того направленія, въ которомъ онъ самъ видитъ преувеличенный мѣстный патріотизмъ и ошибкамъ котораго даетъ деликатный эпитетъ «легкодумныхъ». Въ самомъ дѣлѣ г. Костомаровъ не одобряетъ новой исторіи русскаго общества съ той же точки зрѣнія, какъ не одобряетъ ея г. И. Аксаковъ; одинъ видитъ въ ней всюду *ложь*, другой, какъ мы сейчасъ увидимъ, въ передовыхъ людяхъ ея видитъ одну *моду*: разница, очевидно, невелика. На сколько въ обоихъ отзывахъ безпристрастія, это понятно. Безпристрастія мало уже потому, что своими рѣзкими отзывами о цѣлой эпохѣ г. Костомаровъ не отдаетъ должной справедливости всему тому, что было выработано добраго и разумнаго людьми этой эпохи, какъ бы ихъ ни было мало, какъ бы еще ни были мало осуществлены на дѣлѣ результаты ихъ мысли. Въ существованіи этихъ результатовъ г. Костомаровъ вѣроятно не будетъ сомнѣваться. И самый тотъ фактъ, съ котораго г. Костомаровъ начинаетъ новый періодъ будущей русской исторіи, періодъ соединенія государственнаго начала съ народнымъ,—крестьянское освобожденіе,—не было ли оно уже давно, задолго до своего исполненія, горячимъ желаніемъ лучшихъ людей изъ той народности Онѣгина, которую г. Ко-

стомаровъ осудилъ на окончательную безплодность. Неужели вся исторія новаго общества дѣйствительно проходила въ одномъ подражаніи «иноземщинѣ» (терминъ презрительный), и что самое сочувствіе къ народу явилось въ этомъ обществѣ только потому, что это позволили наши завадные учители. Такія вещи можно разсказывать только дѣтямъ. Если бы было дѣйствительно такъ, русская нація оказалась бы весьма жалкой и бездарной націей,—чего вѣроятно не хотѣлъ сказать г. Костомаровъ: иначе бы не могло быть. — если все, что только имѣло возможность къ развитію въ цѣломъ народѣ, способно было на одно нелѣпое обезьянство, и если къ тому и наша древняя исторія была такова, что и г. Костомаровъ ее не совсѣмъ одобряетъ.

Для большаго знакомства съ этими взглядами г. Костомарова, мы должны обратиться еще къ другому его произведенію. Не менѣе ярко, чѣмъ въ рѣчи объ Аксаковѣ, идеи г. Костомарова о современномъ положеніи русскаго общества высказались въ его рѣчи о Тысячелѣтіи, гдѣ авторъ, касаясь современности, не находилъ для ея передовыхъ личностей другаго имени кромѣ «людей моды», и для ихъ стремленій — названія «роднаго прогресса». Слово «мода» употреблено было г. Костомаровымъ именно въ томъ смыслѣ пустоты, безсодержательности и безплодности, какой обыкновенно придается этому слову. Рѣчь о Тысячелѣтіи не велика, авторъ не излагаетъ въ ней подробно своихъ взглядовъ, но тѣмъ не менѣе — при опредѣленіи значенія г. Костомарова, какъ писателя и оратора для большой массы общества—она заслуживаетъ того, чтобы вспомнить здѣсь о ней. Случай, по которому высказывается г. Костомаровъ, былъ случай торжественный: Россія оканчивала тысячу лѣтъ своего существованія; общество, слушавшее и потомъ читавшее рѣчь, ожидало отъ любимаго историка аратора его послѣднихъ историческихъ выводовъ и безпристрастнаго приговора о собственной эпохѣ; въ словахъ его оно надѣялось найти отвѣтъ на свои задушевныя стремленія. Самъ г. Костомаровъ чувствовалъ торжественность этого случая: говоря о Тысячелѣтіи, онъ долженъ былъ пройти въ умѣ все, что видѣлъ онъ жизненнаго въ этомъ громадномъ періодѣ національной исторіи, и показать послѣднюю ступень, на которой останавливалась эта исторія.

Въ первыхъ словахъ своей рѣчи г. Костомаровъ говорилъ объ общемъ смыслѣ минуты, заставлявшей насъ оглянуться на прошедшее. Безпристрастный историкъ позволялъ себѣ дать на

нѣкоторое время волю своему чувству, которому, мы видѣли, онъ обыкновенно боится поддаваться. «Намъ слышатся — говоритъ онъ — стоны рано отцвѣтшихъ надеждъ, безполезно растраченныхъ силъ, вопль милліоновъ страдальцевъ, погибшихъ въ эпохи ломовыхъ бѣдствій безъ участія современниковъ, не оплаканныхъ потомствомъ, забытыхъ исторіею — звѣрскій разгулъ произвола, тихая скорбь безвыходнаго терпѣнія... Все, пропитое русскимъ народомъ въ минувшее тысячелѣтіе, проситъ насъ вспомнить его, подумать о немъ, поплакать надъ нимъ. Даже поплакать... *научное* безпристрастіе должно хоть на эти торжественныя минуты дать волю чувству».

Таково было предисловіе. Г. Костомаровъ напоминалъ снова объ историческомъ безпристрастіи и позволялъ себѣ отступить отъ него только теперь, чтобы дать волю чувству. Это чувство не могло конечно быть иное, какъ чувство любви и участія къ судьбамъ своего отечества. За предисловіемъ авторъ прямо обращается къ разбору современной эпохи и современнаго общества. «Посмотримъ внутрь себя, — говоритъ онъ. Какіе задатки можемъ мы, теперь живущее поколѣніе, оставить для будущаго?.. Посмотримъ на свои нравственныя силы, на способъ ихъ употребленія, на пріемы, съ которыми мы управляемся съ нашими общими стремленіями, убѣжденіями, желаніями».

Оказывается, что все это у насъ крайне неудовлетворительно. «Неясный гулъ кругомъ насъ. Мы слышимъ завѣтныя слова: впередъ, прогрессъ, развитіе, свобода, гласность и проч. и проч. Но мы не уяснили себѣ значенія этихъ словъ, потому что не нашли еще непосредственнаго тѣснаго приложенія ихъ къ условіямъ своей жизни. Они для насъ не болѣе, какъ общія мѣста, потому что прилагаются разомъ ко многому и разомъ многими способами. Отъ этого, если бы собирать голоса, въ чемъ состоитъ ихъ сущность въ сферѣ потребностей нашей жизни, то вышла бы тотчасъ разноголосица (!), не отъ многосторонности убѣжденій, пріобрѣтенныхъ думою и опытомъ, а отъ недостатка мысли и опыта, отъ того, что каждый изъ насъ былъ бы, такъ сказать, захваченъ въ расплохъ этимъ вопросомъ, и долженъ былъ бы, можетъ быть, въ первый разъ, импровизовать на тему, которую до сихъ поръ повторялъ машинально». Г. Костомарову, по видимому, хотѣлось бы, чтобы все это шло по извѣстной заданной мѣркѣ, чтобы разноголосицы не было: иначе мы не умѣемъ понять его слова. Гдѣ же слова: прогрессъ, развитіе и т. д. не при-

лагались къ самымъ несходнымъ вещамъ и самымъ различнымъ образомъ? Для обскурантовъ прогрессъ, т. е. лучшее состояніе жизни матеріальной и нравственной, заключается въ неподвижности и застоѣ, для другихъ этотъ застой кажется полнымъ отсутствіемъ прогресса; для однихъ общество можетъ быть счастливо только опираясь на авторитеты и подчиняясь имъ, для другихъ оно нуждается въ самобытности движенія, если желаетъ улучшить свое состояніе; для однихъ высшій законъ въ непогрѣшимости папы, для другихъ въ полной свободѣ мышленія; однимъ нравится австрійская конституція, другимъ Соединенные Штаты, и т. д., и т. д., и всѣ эти идеи могутъ существовать въ одномъ и томъ же обществѣ; они и дѣйствительно существуютъ рядомъ тамъ, гдѣ дѣйствительно общество имѣетъ нѣкоторую долю самобытнаго развитія. Въ подобныхъ обществахъ, напр. обществахъ европейскаго характера, это явленіе до такой степени обыкновенно, что къ нему всѣ уже привыкли и никто на это не плачется; разноголосицы не существуетъ только въ обществахъ, потерявшихъ всякую способность судить о своемъ положеніи, какъ напр. долго было въ обществѣ китайскомъ, да еще въ папскомъ Римѣ, — да и тамъ теперь общественныя потрясенія грозятъ произвести наконецъ ту же разноголосицу. Что наша разноголосица происходитъ отъ одного недостатка мысли и опыта, какъ утверждаетъ г. Костомаровъ, мы также не думаемъ: если у насъ не было такого широкаго опыта, какъ у другихъ культурныхъ народовъ, то во всякомъ случаѣ и мы прошли суровую дисциплину, существованія которой не станетъ отвергать г. Костомаровъ, а эта дисциплина ни въ какомъ случаѣ не могла пройти даромъ, если общество не было стадомъ барановъ. Наше общество, какъ бы мы о немъ ни думали, заявляло и качества иного рода: мы все-таки причисляемъ его къ обществамъ европейскаго характера.

Далѣе г. Костомаровъ объясняетъ еще свою мысль. «У насъ — говоритъ онъ — не сознанная потребность факта вызываетъ отвлеченное понятіе, а послѣднее принимается за необходимость въ его общемъ значеніи, и потомъ уже мы ищемъ факта; а такъ какъ оно, само по себѣ, прилагается къ слишкомъ многому, то изъ этого и выходитъ, что мы разомъ хотимъ слишкомъ много, хватаемся за тысячу фактовъ, ко всѣмъ разомъ стремимся, ни одного, какъ слѣдуетъ, не осмотримъ со всѣхъ сторонъ, ни одного не оцѣнимъ, не знаемъ, что поставить прежде, что послѣ, и наше

понятіе остается чѣмъ-то неуловимымъ, непримѣнимымъ, а потому въ сущности ненужнымъ (?). Отъ этого у насъ шаткость въ сужденіяхъ, нетвердость въ приговорахъ и несообразность слова съ дѣломъ». Можно подумать, что эти слова внушены крайнимъ скептицизмомъ, который укажетъ намъ свои доказательства въ крупнѣйшихъ недостаткахъ и ошибкахъ нашей общественной мысли и дѣятельности,—эти же недостатки въ самомъ дѣлѣ такъ крупны; — но въ сущности скептицизмъ г. Костомарова идетъ не слишкомъ далеко. Онъ жалуется на то, что у насъ широки замыслы и слабо исполненіе, что программы нашихъ учебныхъ заведеній обширны, а результаты ихъ ограниченные, что мы не уважаемъ науки, что мы слишкомъ скоро охладѣваемъ къ своимъ предпріятіямъ и впадаемъ въ сомнѣніе. Мы ожидали встрѣтить примѣры болѣе крупные и осязательные, а не эти голословные отзывы, нисколько не указывающіе сущности дѣла. Г. Костомаровъ жалуется, что у насъ является на первомъ планѣ отвлеченное понятіе, послѣ котораго мы ищемъ факта (— не совсѣмъ ясно —): но въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Если дѣло идетъ о развитіи общественныхъ понятій, то это развитіе всегда и вездѣ совершается, какъ и у насъ, двумя путями, именно путемъ практическаго опыта, который указываетъ устарѣлость однихъ началъ и необходимость замѣны ихъ другими, и путемъ отвлеченной мысли, которая и есть орудіе образованія. Что вслѣдствіе усвоенія извѣстнаго понятія, мы хватаемся за тысячу фактовъ и по всѣмъ разомъ стремимся, — это есть также вещь самая естественная, потому что одно отвлеченное понятіе влечетъ за собой тысячи разнообразныхъ проявленій въ жизни; такъ что, если мы дѣйствительно хватаемся за тысячу фактовъ, это означаетъ не шаткость нашей мысли, а напротивъ твердость ея, состоящую именно въ томъ, что во множествѣ разныхъ фактовъ мы видимъ результатъ одного общаго понятія и къ нему сводимъ эти факты. Но хватаясь за множество задачъ, мы не успѣваемъ исполнить ни одной, замѣчаетъ г. Костомаровъ; — отчасти это справедливо, но зависитъ ли это отъ нашей доброй воли. Для примѣра сошлемся хоть на университетскій вопросъ. Г. Костомаровъ написалъ о немъ множество статей, которыя составятъ, пожалуй, цѣлую книгу; общество очень сочувствовало его проектамъ (хотя они представляли и большіе промахи), — но недостатокъ ли доброй воли со стороны г. Костомарова и сочувствія со стороны общества помѣшалъ осу-

ществиться этимъ проектамъ? Мы думаемъ, нѣтъ. Точно такъ же бывало и въ другихъ случаяхъ, и если г. Костомаровъ захочетъ судить о вещахъ хладнокровнѣе и осмотрительнѣе, то онъ перестанетъ взводить свои обвиненія на общество, или—онъ станетъ взводить другія. Что касается до неуваженія къ наукѣ, — это такая тема, на которую было уже достаточно говорено въ «Современникѣ», и мы не будемъ снова повторять ее.

И такъ, гдѣ же источникъ неудовлетворительности нашего труда и источникъ приходящихъ наконецъ сомнѣній? «Все это отъ того, — отвѣчаетъ г. Костомаровъ, — что у насъ готовыя, но неясныя и слишкомъ общепримѣнительныя понятія ищутъ явленій для своего воплощенія, а не вырабатываются изъ явленій (т. е. то же самое, что говорилось прежде другими словами) и не увеняются вмѣстѣ съ ними. У насъ много идеаловъ, и нѣтъ ближайшихъ прямыхъ цѣлей, а потому наши стремленія, вмѣсто дѣйствительной жизни, обращаются въ область *моды* — самый печальный исходъ!» Намъ кажется, что это печальное восклицаніе поставлено здѣсь совершенно по напрасну. Если г. Костомаровъ опять сожалѣетъ о томъ, что мы выходимъ изъ отвлеченныхъ понятій и по нимъ стараемся устроивать свою дѣйствительность, то онъ долженъ помнить, что отвлеченныя понятія, какъ мы уже замѣчали, играютъ великую роль въ жизни общества. Развѣ не было такимъ же отвлеченнымъ понятіемъ христіанство, когда оно было введено у насъ? оно точно такъ же должно было искать явленій для своего воплощенія, и конечно не выработалось изъ нашихъ собственныхъ явленій того времени, то есть языческой мивологіи: это однако не помѣшало христіанству принести для русской жизни свои полезные плоды. Второй изъ приведенныхъ фразъ мы не понимаемъ: г. Костомаровъ говоритъ, что у насъ много *идеаловъ* и нѣтъ ближайшихъ цѣлей, и что *поэтому* наши стремленія обращаются въ область моды. Мы не понимаемъ этого силлогизма ни въ цѣломъ, ни въ составныхъ его частяхъ. Если у нашего развитаго общества бывали идеалы, напримѣръ, хоть народное образованіе, то у него бывали и ближайшія цѣли, напримѣръ воскресныя школы; но г. Костомаровъ говоритъ, что ближайшихъ цѣлей не было, и потому стремленія дѣлались модой. Почему, какимъ образомъ? Печальный исходъ конечно былъ, какъ потомъ оказалось, но отъ насъ ли онъ зависѣлъ? Это должно быть извѣстно г. Костомарову.

На этомъ туманномъ силлогизмѣ г. Костомаровъ и строитъ

дальше цѣлую характеристику нашей общественной дѣятельности. Что такое мода? «Свойство моды — мѣняться и не имѣть разумнаго основанія. Кто только занимается модой, въ чемъ бы то ни было, тотъ непремѣнно одержимъ болѣзнію пустоты, безсмыслія и неспособности ни къ умственному, ни къ гражданскому подвигу... Наши модные прогрессисты, гуманисты, либералы съ презрѣніемъ глядятъ на раскольниковъ..... но въ сущности между ними не такъ велико различіе» и т. д. Пропускаемъ характеристику моды, доказывающую ея пустоту и безсмыслие. Мы не отвергаемъ присутствія моды въ разныхъ явленіяхъ нашей современной жизни, но недоумѣваемъ въ одномъ, неужели г. Костомаровъ можетъ серьезно дѣлать ее единственнымъ господствующимъ характеромъ этой современной жизни и ея лучшихъ людей? Мода либерализма, прогресса и т. п. отдала свою значительную дань обличительной литературѣ, которая съумѣла замѣтить это явленіе раньше г. Костомарова, но никому не приходило въ голову видѣть всюду одну только моду. Г. Костомаровъ, кромѣ того, вводитъ на «модныхъ прогрессистовъ» (у него это общее названіе для всѣхъ мыслящихъ людей современнаго общества, какъ увидимъ дальше) и совершенныя напраслины: откуда онъ знаетъ, что они смотрятъ съ презрѣніемъ на раскольниковъ? Мы совѣтуемъ ему припомнить, въ чемъ дѣло, и онъ увидитъ, что презрѣніе и вражда къ раскольникамъ принадлежатъ скорѣе старому, чѣмъ новому времени. Неужели г. Костомаровъ въ средѣ развитаго общества, въ которой живетъ онъ, не видѣлъ ничего кромѣ моды, не видѣлъ людей съ истинными и глубокими убѣжденіями, людей, которые оставятъ по себѣ свѣтлое воспоминаніе въ исторіи нынѣшняго общества?

По видимому, онъ не видѣлъ этихъ людей. Это ясно изъ слѣдующихъ строкъ, гдѣ онъ противопоставляетъ модѣ обычай, и даетъ преимущество конечно послѣднему, потому что онъ идетъ со временъ Рюрика. «Передовые люди въ сферѣ обычая—говоритъ онъ—всегда лучшія личности; въ сферѣ моды напротивъ: тутъ передовые люди—личности наиболѣе неспособныя и пустыя. Мы не говоримъ: передовые люди идей, которыя по несчастію достаются игрушкою модѣ, но разумѣемъ передовыхъ людей—именно моды (?). Если идеи не воплощаются въ мірѣ прочныхъ явленій, то значитъ перваго рода передовыхъ людей нѣтъ: *все вращается въ одной модѣ*». Можно было бы ожидать наконецъ, что г. Костомаровъ будетъ говорить нѣсколько яснѣе

и укажетъ, кого онъ понимаетъ подъ этими людьми моды, кто эти наиболѣе пустыя личности, нѣтъ ли исключеній, которыхъ не касается его приговоръ; но послѣдняя фраза рѣшаетъ все. Да, наша общественная мысль, наши нравственныя силы—это только мода: таковъ приговоръ историка, изучившаго тысячелѣтіе русской національной жизни, историка строго безпристрастнаго, который только въ самую торжественную минуту позволяетъ себѣ дать волю своему чувству. Неужели въ этомъ только и съумѣло высказаться его чувство? Неужели современная жизнь вызвала въ немъ только чувство мрачной досады? Еслибъ онъ досадовалъ на злоупотребленіе словами: прогрессъ, развитіе и т. д., онъ могъ бы сказать это яснѣе,—нѣтъ, онъ не дѣлаетъ исключеній....

Въ результатѣ г. Костомаровъ, какъ извѣстно, далъ своей публикѣ совѣтъ поворотить слегка назадъ и поучиться у нашихъ предковъ, которые такъ же какъ и мы запутались въ хаосѣ общественныхъ неустройствъ; наши предки не съумѣли неразмыслить о нихъ собственнымъ умомъ и призвали варяговъ. Совѣтъ г. Костомарова, взявшаго теперь на себя роль Гостомысла, заключается въ слѣдующемъ: «Какъ предки наши въ IX вѣкѣ пришли къ необходимости призвать къ себѣ княжескій родъ, *такъ* и *намъ* слѣдуетъ обратиться къ главнымъ цѣлямъ (?), около которыхъ должны сгруппироваться, сложиться и имъ подчиниться всѣ наши многообразные современные вопросы». И только? Да, и только: какія эти главныя цѣли, какъ сгруппироваться, кому сгруппироваться, остается неизвѣстно.

Что же слѣдуетъ изъ всего этого? Во первыхъ то, что какъ бы ни загораживался историкъ въ научное безстрастіе, онъ остается человѣкомъ своего времени и человѣкомъ извѣстной тенденціи своего общества. Онъ можетъ предостерегать другихъ отъ соблазнительнаго голоса: «давай намъ смѣлые уроки», и подчинится самъ этому же голосу и будетъ браться за смѣлые уроки даже тамъ, гдѣ оказывается судьей весьма несостоятельнымъ. Дальше слѣдуетъ изъ этого, что и заявленное громко уваженіе къ наукѣ и къ варяжскому вопросу не спасаетъ отъ ненаучныхъ выводовъ и пристрастія. Наконецъ слѣдуетъ, что одно дѣло—быть прекраснымъ разсказчикомъ историческихъ событій, объяснять старину, и другое дѣло—произносить приговоры современной дѣятельности общества. Браться за послѣднее можно только отдавая себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ этой дѣятельности.

НОВЫЯ КНИГИ.

Нѣсколько серьезныхъ словъ, по случаю новѣйшихъ событій въ С.-Петербургѣ. Соч. *М. Бенидкаго*, изданіе К. И. Синявскаго. Спб. 1862 г.

Замѣтки и отзывы. «Русск. Вѣстн.» 1863 г. № 1-й.

Вести журнальное дѣло очень не трудно. Надобно только взирать на вещи безпристрастно, т. е. съ патріотической точки зрѣнія: дурное порицать, хорошее хвалить—и тогда все пойдетъ отлично. Никакихъ недоразумѣній не будетъ, никто къ журналу не пристанетъ, и хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, никто его читать не станетъ, но проживетъ онъ все-таки покойно и неподозрительно. Я помню, одинъ просвѣщенный иностранецъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, говорилъ мнѣ: — «удивляюсь, какъ это Россію прославили въ Европѣ варварскимъ государствомъ! да по моему, нѣтъ въ мірѣ человѣка счастливѣе русскаго подданнаго! только ничего не трогай и можешь быть увѣренъ, что и тебя никто не тронетъ!»

Это правда.

Слѣдовательно, чтобы прожить на свѣтѣ спокойно, слѣдуетъ только имѣть хорошее поведеніе, т. е. ничего не трогать. Но этого недостаточно; мы, сверхъ этого, имѣемъ право дурное порицать и хорошее хвалить. Въ приложеніи этой теоріи къ практикѣ не можетъ встрѣтиться никакихъ затрудненій; ибо если самъ не знаешь, что именно хорошо и что дурно, можешь обратиться къ свѣдущимъ людямъ. И

кажется мнѣ, что просвѣщенный французъ, основывавшій наше русское счастье на одномъ ничего нетроганьи, былъ не совсѣмъ справедливъ; нѣтъ, мы, русскіе, можемъ и трогать, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что должны трогать умѣючи.

Это послѣднее право, т. е. право «трогать умѣючи» пріобрѣтено нами въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ. Первый этимъ правомъ воспользовался «Русскій Вѣстникъ», который до того воспламенился имъ, что иногда даже трогалъ «не умѣючи»; за «Русскимъ Вѣстникомъ» поднялась цѣлая фаланга «трогателей», которые всѣ старались

...вникать во смыслъ таинственныхъ загадокъ...

но успѣвали въ этомъ не всѣ равно: одни съ большею, другіе съ меньшею прозорливостью, и въ одномъ только были одинаково равны — это въ умѣньи трогать. Доказательствомъ, какъ полезно такое умѣнье трогать, служитъ то, что изъ этого троганья ничего не произошло, то есть ничего предосудительнаго, никакихъ непріятностей.

Тѣмъ не менѣе, хотя право «трогать умѣючи» само по себѣ не вредно, но я все-таки думаю, что система «ничего нетроганья» была не въ примѣръ полезнѣе. Во первыхъ, она національнѣе, потому что мы, русскіе, вообще не охотники мѣшаться въ чужія дѣла; это завѣщано еще старикомъ Гостомысломъ, который и свои-то собственныя дѣла совѣтовалъ намъ поручать людямъ, которые ихъ лучше нашего знаютъ. Во вторыхъ, эта система никого не спутывала, никого не обманывала, никого не обременяла; теперь, поди еще справляйся, что слѣдуетъ хвалить, что слѣдуетъ порицать, а тогда просто: «ничего не трогай» — любезное дѣло!

Конечно, могутъ сказать, что человѣкъ, какъ существо разумно свободное, постепеннымъ вникапіемъ въ существо лежащихъ на немъ обязанностей и согласованіемъ оныхъ съ потребностями людей свѣдущихъ, можетъ до такой степени усовершенствоваться, что даже самую природу свою преподѣдитъ. И тогда, скажутъ мнѣ, не надо будетъ прибѣгать ни къ какимъ справкамъ, ибо всѣ эти справки будутъ, такъ сказать, разъ навсегда заключены въ человѣческихъ сердцахъ. Это бывало. Сила этого «вникапія» такова, что увлекаетъ за собой не только людей, отъ природы расположенныхъ къ «согласованію», но и такихъ, которые первоначально никакихъ къ «согласованію» способностей не выказываютъ. По крайней мѣрѣ, исторія намъ приводитъ достаточное количество примѣровъ, какъ многіе очень достойные и благонадежные люди первоначально были простыми озорниками, и именно благодаря постепенному вникапію, сдѣлались людьми достой-

ными и благонадежными. Въ особенности, такое вникание бываетъ полезно, когда имъ занимается очень понятливый человѣкъ. Такой человѣкъ можетъ всякую штуку, всякій маневръ надъ собой сдѣлать; можетъ разъ навсегда вникнуть и согласовать до того, что и спрашиваться ни у кого не будетъ нужды: точно онъ такъ и родился, точно сама природа еще до рожденія напечатлѣла въ его сердцѣ золотыми буквами: «трогай умѣючи»... Такіе способные люди въ просторѣчіи называются золотыми.

Скажу болѣе: можно обойтись и безъ вниканія. Можно просто лечь спать озорникомъ, а на слѣдующее утро проснуться человѣкомъ достойнымъ. Все зависитъ отъ свойства сновъ, какіе видишь. Напримѣръ, кто не знаетъ, что нынѣшній французскій министръ безъ портфёля, г. Биньо, былъ когда-то самымъ отъявленнымъ смутьяномъ, и кто же не знаетъ, что онъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ достойнѣйшихъ сыновъ Франціи? И все это произошло безъ всякаго вниканія.

Итакъ, хотя я все-таки отдаю преферансъ системѣ «ничего нетроганья», какъ не вводящей никого въ соблазнъ, однако не могу противорѣчить, что встрѣчаются искусные люди, которые и систему «трогання умѣючи» успѣваютъ сдѣлать весьма пріятною, обратить ее себѣ, такъ сказать, въ плоть и кровь, послѣ чего она уже дѣлается совершенно равносильною системѣ «ничего не трогання».

Талантъ «трогать умѣючи» можетъ имѣть множество степеней и быть весьма разнообразнымъ. Это зависитъ, во первыхъ, отъ богатства или убожества данныхъ намъ Богомъ способностей, и во вторыхъ, отъ той спеціальности, которую мы разработываемъ. Но во всякомъ случаѣ, на всѣхъ ступеняхъ, во всѣхъ проявленіяхъ, талантъ сей равно умилителенъ. Солнце, гдѣ бы оно ни было видимо: въ каплѣ ли воды, или въ пространной лужѣ, вездѣ солнце. Даже въ каплѣ воды видѣть его любопытнѣе; думаешь: вотъ поди ты—капелюшка малая, а солнце вмѣщаетъ! Точно то же должно сказать и относительно права «трогать умѣючи». Тутъ дѣло не въ томъ, что у одного это право выражается чѣмъ-то въ родѣ писка, а у другаго вырывается изъ груди въ видѣ бурнаго дыханья, а въ томъ, что одно и то же начало смотрится и въ каплѣ малой и въ лужѣ пространной, что и та и другая служатъ принципу по мѣрѣ силъ своихъ, со всѣмъ усердіемъ и со всякою готовностью...

Во всякомъ случаѣ, система «ничего нетроганья», которою такъ умилялся просвѣщенный французъ, уже отжила свой вѣкъ, и мы должны съ этимъ помириться. Мы обязываемся постоянно что нибудь «трогать», потому что первый же «Русскій Вѣстникъ» можетъ

спросить насъ: а почему же вы того или другаго вопроса не трогаете? а можетъ быть, вы находите, что это вопросы, незаслуживающіе вашего вниманія? и можетъ быть, вы думаете, что разрѣшеніе, которое дано имъ *жизнію*, не совмѣстно съ вашими фантазіями? Чтожъ бы мы отвѣтили на такіе запросы? Нѣтъ, тутъ даже и скромная фигура умолчанія неумѣстна! Ну вотъ, мы и «трогаемъ» поналеньку.

Мы трогаемъ, потому что насъ самихъ очень многое трогаетъ. Мы не можемъ оставаться равнодушными ко всѣмъ этимъ «штукамъ и экивокамъ», потому что эти штуки и экивоки близко касаются насъ самихъ. Въ этомъ смыслѣ, высокомѣрное къ нимъ отношеніе было бы явленіемъ въ высшей степени неумѣстнымъ и неполезнымъ, потому что какъ бы ни были обширны наши требованія отъ жизни, все-таки мы по временамъ бываемъ вынуждены, такъ сказать, смириться и замѣнить орлиный полетъ куринымъ. Конечно, сознавать себя скромной курицей не всегда пріятно, но вѣдь что же станешь дѣлать, когда размѣры дѣятельности, мыслей, желаній и даже мечтаній полагаются внѣшними условіями, и когда при этомъ сознаешь, что проспать жизнь не возможно.

По крайней мѣрѣ, я за себя отвѣчаю. Я именно могу сказать о себѣ:

Съ природой одною я жизнью дышу,
Я чувствую травъ прозябанье...

а слѣдовательно, могу понимать и всякія экивоки.

Правда, что по временамъ меня еще посѣщаетъ мысль, что иногда можно бы допустить и систему «трогать не совсѣмъ умѣючи». То есть, не то, чтобы совсѣмъ не умѣючи, а такъ, съ помощію, такъ сказать, нѣкоторыхъ невинныхъ антрашъ. И не то, чтобы взаправду допустить, а такъ въ родѣ чего нибудь примѣрнаго. По моему мнѣнію, это было бы даже пользительно. Во первыхъ, эти антраша, сами по себѣ очень невинные, имѣли бы всѣ внѣшніе признаки виновности и наложили бы печать безмолвія на уста тѣхъ ничѣмъ не довольныхъ грубіяновъ, которыхъ какъ ни корми, а они все въ лѣсъ смотрятъ. Во вторыхъ, мы очень скоро бы убѣдились, что человѣкъ, въ совершенствѣ обладающій системою «трогать не совсѣмъ умѣючи», непремѣнно, въ самомъ непродолжительномъ времени и безъ всякой посторонней помощи, дойдетъ до системы «трогать умѣючи». И вотъ тогда-то мы были бы въ правѣ сказать во всеуслышаніе: «смотрите! не совершается ли передъ вами наглядными образомъ естественный законъ тяготѣнія!» И никто бы не могъ сказать противъ этого ни слова, кромѣ меня, разумѣется, который всю эту штуку придумалъ и даже предусмотрѣлъ вѣроятныя ея послѣдствія.

Итакъ, повторяю: талантъ «трогать ушёчки» умиляетъ меня во всѣхъ степеняхъ и во всѣхъ проявленіяхъ. Въ малой ли каплѣ воды или въ пространной лужѣ онъ обнаруживаетъ дѣйство свое—вездѣ онъ для меня пріятенъ, вездѣ я хвалю его. Иногда я могу не соглашаться съ самымъ содержаніемъ извѣстнаго «трогания», но какъ принципъ, какъ искусство для искусства, я не могу не благоговѣть передъ нимъ.

Вотъ, напримѣръ, теперь передо мной лежитъ скудная, плохая брошюрка, подъ названіемъ, «Нѣсколько серьёзныхъ словъ по случаю новѣйшихъ событій въ С. Петербургѣ», и рядомъ съ нею первый № «Русскаго Вѣстника» за сей годъ съ замѣткой о польскомъ вопросѣ, то есть не столько о польскомъ вопросѣ, сколько о глаголемыхъ «мальчишкахъ» и «нигилистахъ». И если мнѣ скажутъ, что о «нигилистахъ» и «мальчишкахъ» тутъ нѣтъ и помину, а говорится объ «изящныхъ», то я отвѣчу: да, дѣйствительно, слова «мальчишки» и «нигилисты» обойдены довольно искусно, но есть въ статьѣ запахъ такой, который ясно говоритъ о присутствіи этихъ словъ. Вѣдь и въ брошюрѣ г. Беницкаго, трактующей собственно о поджигателяхъ, не указывается прямо на «мальчишекъ», но кто же, прочитавъ эту прекрасную брошюру, усумнится сказать: ну да, это они! это мальчишки! Да сверхъ того, и память же какая нибудь есть у читателей: всѣ помнятъ, какія въ прошломъ году изрекалъ «Русскій Вѣстникъ» предики мальчишкамъ устами г. Белюстина...

Читая эти два произведенія человѣческой преданности, я и въ томъ и въ другомъ равно удивляюсь, до какой смѣлости полета можетъ возвышаться потребность облегчиться отъ всей чепухи, накопившейся на днѣ взволнованной души, и нахожу между ними только ту разницу, что онѣ различнымъ слогомъ написаны. Это очень жалко, потому что изъ-за слога, г. Беницкій, чего добраго, не попадетъ въ сотрудники «Русскаго Вѣстника», котораго онъ могъ бы быть истиннымъ украшеніемъ.

Слогъ г. Беницкаго не блестящъ и не сжатъ; напротивъ того, онъ отчасти разваленъ, отчасти напоминаетъ писк новорожденнаго поросеночка, да и то не настоящаго поросеночка, а какъ будто бы рожденнаго отъ курицы. Должно быть, онъ еще молодъ и имѣетъ чинъ не свыше колежскаго регистратора, потому что, не смотря на взволнованность своихъ чувствъ, все-таки пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы показать, что и онъ что нибудь знаетъ — какъ же! посмотрите, говоритъ, на Македонскую имперію, вспомните, говоритъ, древнюю Грецію! Или, быть можетъ, это происходитъ отъ того, что онъ слишкомъ ужъ старъ, а извѣстно, что старики любятъ поболтать о прежнихъ шалостяхъ. Кто знаетъ, быть можетъ, г. Беницкій

даже сверстникъ Александра Македонскаго, обращающійся, въ тяжелыя времена, изъ македонской вѣры въ православную; тѣмъ, какъ же ему и не поговорить о немъ! Во всякомъ случаѣ, эти ссылки на героевъ древности положительно вредятъ его слогу и наполняютъ брошюру его ненужными околичностями. Мысль, которую проводитъ г. Бѣлицкій, такъ ясна сама по себѣ и такъ ароматна, что привлекать къ ней македонянъ и грековъ нѣтъ никакой надобности. Сверхъ того, г. Бѣлицкій излагаетъ въ своей брошюрѣ какія-то теоріи, — ну, и это много ему вредитъ. Ну, посудите сами, какихъ еще нужно теорій, когда при взволнованности чувствъ одна только и можетъ быть теорія — любвеобильное человѣческое сердце! Тутъ надо быть сжатымъ, краткимъ, удушливымъ, почти насущающимъ.

Все это очень хорошо понялъ публицистъ «Русскаго Вѣстника»; по всему видно, что это мужчина зрѣлыхъ лѣтъ, и хотя не сверстникъ Александра Македонскаго, но и не коллежскій регистраторъ. Онъ не ссылается ни на македонянъ, ни на грековъ, потому что знаетъ, что всякій читатель заранѣе увѣренъ въ его знакомствѣ и съ тѣми и съ другими. Онъ не чувствуетъ также надобности полагать какія нибудь теоріи, потому что очень хорошо понимаетъ, что въ такомъ дѣлѣ можетъ быть допущена только одна теорія. Поэтому рѣчь у него краткая, стройная и удушливая. Подобно Бѣлостопину проносится онъ по рядамъ «мальчишекъ» и поражаетъ ихъ безтрепетно, ибо знаетъ, что «трогаетъ умѣючи». Это волненіе спокойное, это гнѣвъ, такъ сказать, сладкій, увѣренный въ будущей похвалѣ. Это идеалъ непозорительнаго гражданскаго слога, посредствомъ коего всякій благонаміренный человѣкъ можетъ выражать свои чувства со всею откровенностью.

Но слогомъ и ограничивается разница между обоими публицистами. Намѣренія ихъ одинаковы и заключаются въ томъ, чтобы «трогать умѣючи», т. е. обвинять такъ называемыхъ прогрессистовъ, нигилистовъ и мальчишекъ въ измѣнѣ и революціонныхъ стремленіяхъ. Средства, посредствомъ которыхъ они все сіе производятъ, тоже одинаковы и заключаются въ томъ, чтобы дѣйствовать на читателя не столько силою доказательствъ, сколько силою прозорливой увѣренности въ невозможности какихъ либо возраженій. Ни тотъ, ни другой не вѣрятъ въ предметѣ обвинять людей зрѣлаго возраста и даже среднихъ лѣтъ, потому что между такими людьми могутъ попрѣтиться генералы и дѣйствительные статскіе совѣтники.

Г. Бѣлицкій очень наивно спрашиваетъ себя, о чемъ онъ говоритъ и какихъ лицъ разумѣетъ? И очень наивно же отвѣчаетъ: «обратимъ только вниманіе, сколько лицъ судимо и осуждено за распространеніе возмутительныхъ возгласовъ среди простыхъ, невинныхъ людей,

если вспомнимъ страшный пожаръ, бывшій 28 мая въ Петербургѣ; *если судомъ будетъ доказано*, что произошелъ онъ отъ поджоговъ, и на тѣ подметныя письма, которыя публика неоднократно находила у себя, — и тогда каждый пойметъ, о какихъ недостойныхъ людяхъ я говорю». Затѣмъ, далѣе онъ говоритъ, что пишетъ собственно въ назиданіе молодыхъ людей...

Публицистъ «Русскаго Вѣстника» менѣе деликатенъ, потому что болѣе увѣренъ въ своей проворливости. Кромѣ положительныхъ указаній г. Бѣлюстина по этому предмету, онъ имѣетъ еще и нѣкоторыя врожденныя идеи, которыя не оставляютъ въ немъ никакого сомнѣнія, что виновники всѣхъ бѣдствій — именно «прогрессисты». «Мы было думали, говоритъ онъ, что эта забава (хороша забава!) уже надоѣла нашимъ прогрессистамъ, но вотъ передъ нами новая прокламація со штемпелемъ *земля и воля*... Такого поступка нельзя было ожидать даже отъ нашихъ прогрессистовъ: *это еще хуже пожаровъ*».

Г. Бѣлюстинъ прежде всего считаетъ должнымъ ознакомить читателя съ тѣми началами нравственными, политическими и гражданскими, изъ которыхъ онъ выходитъ. «Кажется, каждый въ особенности образованный христіанинъ, говоритъ онъ, понимаетъ, что только тамъ государство процвѣтаетъ и славится, гдѣ подданные неуклонно повинуются властямъ, соблюдаютъ въ точности законы и ведутъ жизнь такъ, какъ благопріятно Богу и свойственно христіанину. Но, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ малодушныхъ людей смотрятъ на все въ жизни въ превратномъ смыслѣ... Для нихъ скучно смотрѣть на благосостояніе отечества, видѣть соотечественниковъ въ счастіи и благополучіи... Глупцы, въ буквальномъ смыслѣ, съ подобными свойствами люди. Что было бы, если бы въ государствахъ не было властей и законовъ? Конечно—хаосъ-кавардакъ!.. Тогда дѣти оскорбляли бы родителей, младшіе обижали бы старшихъ, кто сильнѣ, тотъ и былъ бы всегда правъ, обижали бы, грабили другъ друга открыто; вели бы жизнь самую развратную—и все бы это, конечно, повело государство къ потрясенію».

Нѣтъ сомнѣнія, что эта государственная теорія самая настоящая. Что можетъ быть типичнѣе слова «хаосъ-кавардакъ?» и что можетъ быть устрашительнѣе перспективы постояннаго грабежа и постоянной развратной жизни? Однако, публицистъ «Русскаго Вѣстника» ничего объ этомъ не говоритъ. Онъ не говоритъ, потому что знаетъ, что есть мысли до того умныя, что сдѣлались даже глупыми; онъ не говоритъ, потому что предполагаетъ, что никто не долженъ сомнѣваться, чтобъ у него не было такихъ мыслей; онъ не говоритъ, какъ-

вещъ, потому, что навѣрное знаетъ, что и г. Беницкому не откуда было почерпать этѣ мысли, какъ изъ того же «Русскаго Вѣстника».

Почтенный публицистъ знаетъ, что въ прежнія времена россіяне исповѣдывали, что хорошія мысли зарождаются въ головѣ независимо отъ какихъ либо государственныхъ теорій, и что только со времени появленія «Русскаго Вѣстника» они начали прибѣгать къ изъясненію хорошихъ мыслей посредствомъ хорошихъ государственныхъ теорій. Прежде россіяне приказывали просто: «люби!» теперь они говорятъ: «люби! потому что въ противномъ случаѣ выйдетъ хаосъ-кавардакъ!» Все это съ достодолжною ясностью изложилъ «Русскій Вѣстникъ» въ продолженіе семилѣтняго своего существованія, и тѣмъ самымъ доказалъ, что любить, во всякомъ случаѣ, есть первѣйшій нашъ долгъ и самонужнѣйшая наша обязанность. Поэтому-то, быть можетъ, онъ и не счелъ за нужное обращаться къ этой матеріи въ новомъ своемъ упражненіи. Но почтенный публицистъ забылъ, что хорошія вещи при всякомъ удобномъ случаѣ повторять полезно, потому что люди наивные и простодушные и до сихъ поръ продолжаютъ смѣшивать эти два рода любви: любовь практическую («люби!» просто) и любовь теоретическую («люби, потому что выйдетъ хаосъ-кавардакъ!). Между тѣмъ, первая есть плодъ системы «ничего не трогать», вторая есть плодъ системы «трогать умѣючи». Объ этѣ системы весьма различны, хотя онѣ объ одинаковы; ихъ нельзя между собой смѣшивать, хотя ихъ нельзя и не смѣшивать. Вотъ на эту-то различную одинаковость обѣихъ системъ, на эту-то ихъ несмѣшиваемую смѣшиваемость и должно быть обращено вниманіе. А вниманіе это какимъ образомъ можетъ быть обращено? А это можетъ быть сдѣлано очень просто: не смѣшивай—десять — и дѣло съ концомъ!... О чортъ возьми, да никакъ мы опять пришли къ системѣ ничего нетроганья!

Далѣе г. Беницкій говоритъ: «ахъ, какіе гнусные поступки (пожары и прокламаціи)! Гдѣ же? въ Россіи, между православными и при томъ почти цивилизованными людьми. По моему мнѣнію, — это не люди и не потомки праотца нашего Адама, а изверги рода человѣческаго».

Этого публицистъ «Русскаго Вѣстника» тоже не говоритъ, но навѣрное думаетъ что нибудь въ этомъ родѣ, потому что иначе откуда же могъ бы узнать г. Беницкій, что есть на свѣтѣ люди, которые могутъ не быть «потомками нашего праотца Адама». Это онъ могъ узнать только изъ «Русскаго Вѣстника», который одинъ изрѣдка занимался распространеніемъ подобныхъ идей. Сверхъ того, я думаю, что «Русскій Вѣстникъ» идетъ далѣе г. Беницкаго въ томъ

отношенія, что послѣдній полагаетъ, что «гнусные поступки» могутъ составлять принадлежность людей только почти цивилизованныхъ, между тѣмъ какъ «Русскій Вѣстникъ» положительно обвиняетъ въ гнусныхъ поступкахъ однихъ «прогрессистовъ», то есть людей совершенно цивилизованныхъ и передовыхъ. Отсюда другое различіе между гг. Безпицкимъ и публицистомъ «Русскаго Вѣстника». Первый говоритъ прямо: «я очень вѣрю тому, что науки въ жизни вещь похвальная; онѣ юношей питаютъ, отраду въ старости подаютъ»; второй, напротивъ того, всевозможнымъ образомъ доказываетъ, что науки могутъ вести лишь къ «гнуснымъ поступкамъ».

Не выдавая своего мнѣнія за непогрѣшимое, я осмѣливаюсь, однакожь, думать, что въ этомъ спорномъ вопросѣ правда на сторонѣ г. Безпицкаго, и что къ «гнуснымъ поступкамъ» болѣе способности выказываютъ люди «почти цивилизованные», нежели «прогрессисты». Конечно, я этого не утверждаю, но думаю, что «позволительно такъ думать», какъ выражаются «Московскія Вѣдомости». Я спрашиваю себя: какимъ образомъ опредѣлить званіе «почти цивилизованнаго» человѣка, о которомъ говоритъ г. Безпицкій, и опредѣляю его такъ: это человѣкъ низшаго сорта, который услаждаетъ свои досуги отчасти «Маленькимъ Временемъ», отчасти «Русскимъ Вѣстникомъ», и получивъ отъ этого занятія не здоровую и питательную пищу, а первое лишь раздраженіе, дѣлается способнымъ къ упомянутымъ выше поступкамъ. Напротивъ того, прогрессистъ есть человѣкъ, «Русскаго Вѣстника» не читающій, но изучающій науку по подлинникамъ, и вообще занимающійся дѣломъ, а не московскою публицистикой. Поэтому, мнѣ кажется, что прогрессисту даже времени нѣтъ для того, чтобы волновать общественное мнѣніе, и что дѣло подразниванья, дѣло подуськанья, киванья головами и подергиванья носомъ есть дѣло тѣхъ «почти цивилизованныхъ» колотырниковъ, которые единственно объ томъ помышляютъ, какъ бы имъ свое самолюбьишко и свою изворотливость куда бы то ни было впомѣстить.

Такихъ изворотливыхъ и самолюбивыхъ людей очень много въ наше тревожное время, и спеціальность ихъ именно въ томъ и заключается, чтобы волновать и пугать ложными страхами людей невинныхъ и простодушныхъ. Большею частью, это люди уже взрослые и заглядывающіе въ чужіе карманы съ нѣкоторымъ умиленіемъ, не лишеннымъ характера плотоядности. Поэтому, когда они проходятъ мимо меня, то я прячу платокъ свой какъ можно далѣе, а четвертака даже и не показываю.

Что же мудренаго, если люди сіи, яко въ бездѣльныхъ изворотахъ искусившіеся, оказываются наклонными и къ «гнуснымъ по-

ступаетъ?» Это ихъ исконная профессія (прежняя идея) — и больше ничего. Итакъ, не они ли именно суть истинные виновники пожаровъ и того, что хуже пожаровъ?

Этотъ вопросъ, или, лучше сказать, эту «серьезную мысль» я отдаю на разсмотрѣніе г. Бешицкому и публицисту «Русскаго Вѣстника», предупреждая ихъ, впрочемъ, что это съ моей стороны остроумная догадка, и ничего больше. Вообще я много предоставляю разрѣшенію этихъ публицистовъ и многаго же отъ нихъ надѣюсь. Я надѣюсь, напримѣръ, что г. Бешицкій возразитъ «Русскому Вѣстнику», а «Рус. Вѣст.» не оставитъ этого возраженія безъ отвѣта, потомъ опять возразитъ г. Бешицкій, и опять это возраженіе не останется безъ отвѣта. И будетъ нашъ отечественный міръ свидѣтелемъ полемики, въ которой оппоненты не понимаютъ ни предмета своего спора, ни того, что они оба говорятъ одно и то же. Быть можетъ, окажется, что они говорятъ совсѣмъ не о томъ, объ чемъ говорятъ; быть можетъ, окажется, что поджигатели совсѣмъ не прогрессисты, а коллежскіе ассессоры? Да, я надѣюсь, что и это можетъ оказаться, потому что отъ диалектической тонкости г. Бешицкаго.

Еще далѣе, г. Бешицкій говоритъ: «если подобныя, уничтожающія человѣка заблужденія злочестивые люди считаютъ вѣрными, неоспоримыми, то почему же они свои похвальныя идеи не рѣшаются распространять между другими путемъ прямымъ, открытымъ?» — Именно, именно такъ; скажите, почему? ну да, почему? хочетъ съ своей стороны подхватить публицистъ «Русс. Вѣсти.», но, не извѣстно съ чего, вдругъ покрывается пурпуромъ стыдливости. Припоминаются ему всѣ эти «Брунн и Броки», всѣ эти «Китайскія ассигнаціи»... «Господи! да не ужели я все это дѣлалъ? неужели и во мнѣ когда-нибудь этотъ адъ дѣйствовалъ?» лепечетъ онъ, и въ испугѣ уже представляется ему, что его заставляютъ лизать раскаленныя сковороды...

И еще говоритъ г. Бешицкій, что «умъ человѣческій слабъ и неремѣнчивъ, какъ крылья вѣтряной мельницы». Этого публицистъ «Русскаго Вѣстника» не говоритъ, потому что это давно уже было высказано на его страницахъ г. Юркевичемъ.

Но всего умилительнѣе то, что и г. Бешицкій не объясняетъ, кого именно онъ разумѣетъ подъ людьми «почти цивилизованными», и публицистъ «Русскаго Вѣстника» умалчиваетъ, кто такіе «прогрессисты». И такимъ образомъ, и тотъ и другой окружаютъ своего рода таинственной литературой, въ которой Богъ знаетъ кто обвиняетъ Богъ знаетъ кого. Отъ этого читатель недоумѣваетъ. Онъ думаетъ, что «прогрессисты» — это нынѣшніе титулярные совѣтники въ первоначальномъ своемъ первозданномъ видѣ. Онъ думаетъ, что если нынѣш-

ніе титулярные совѣтники суть раскаявшіеся прогрессисты, то кто же мѣшаетъ нынѣшнимъ прогрессистамъ заключать въ себѣ, какъ въ зародышѣ, будущихъ титулярныхъ совѣтниковъ?...

Никто.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. *А. К. Толстаго.* 2 тома. С.-Петербургъ. 1863 г.

Византійское это сочиненіе составляетъ, какъ по внѣшней своей формѣ, такъ и по внутреннему содержанію, явленіе столь отличное въ кругу современныхъ литературныхъ произведеній, что редакція не нашла, въ числѣ постоянныхъ своихъ сотрудниковъ, ни одного, который взялся бы написать на него рецензію. Между тѣмъ, сочиненіе произвело въ публикѣ нѣкоторое впечатлѣніе, такъ что игнорированіе его могло бы быть сочтено за злонамѣренность. Поэтому редакція вынуждена была обратиться за помощью къ одному отставному учителю, нѣкогда преподававшему россійскую словесность въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Къ сожалѣнію, почтенный педагогъ, столь обязательно принявшій наше предложеніе, не могъ выполнить его до конца: ужасный параличъ преждевременно прекратилъ дни его въ самомъ началѣ труда. Тѣмъ не менѣе, мы печатаемъ его рецензію такъ, какъ она намъ доставлена, и думаемъ, что и въ этомъ видѣ она могла бы служить украшеніемъ любой книжки «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», точно такъ же, какъ самъ «Князь Серебряный» былъ бы весьма пріятнымъ явленіемъ въ «Аонидахъ».

Я помолодѣлъ; читаю и не вѣрю глазамъ. Любезный графъ! волшебную вашу кисть вы окунули въ живую воду фантазіи, и заставили меня, старика, присутствовать при «дѣлахъ давно минувшихъ дней»; исполать вашъ! Но еще больше вамъ исполать за то, что вы воскресили для меня мою юность, напомнили мнѣ появленіе «Юрія Милославскаго», «Рославлева», напомнили первыя попытки робкаго еще тогда Лажечникова. Это было счастливое время, любезный графъ; это было время, когда писатели умѣли

Истину царямъ съ улыбкой говорить. .

Когда всякій, не скрывая своего сердца, заявлялъ о чувствахъ преданности (да и зачѣмъ это скрывать?)... Но, конечно, никто еще не высказывалъ такой истины, какую вы высказали Іоанну Грозному!

Да, вы воскресили для меня доброе, старое время, которое я считалъ давно погибшимъ! Но довольно о себѣ.

Внѣшнее построеніе романа графа А. К. Толстаго вполнѣ соотвѣтствуетъ правиламъ, на предметъ составленія таковыхъ упражненій преподаннымъ. Въ немъ имѣется завязка, (и даже, какъ увидимъ ниже, не одна, а нѣсколько завязокъ, что дѣлаетъ интересъ романа почти нестерпимымъ), изъ которой дѣйствіе развивается постепенно возвышаясь, покуда, наконецъ, не достигаетъ своего зенита; по достиженіи сего, дѣйствіе развивается уже понижаясь и незамѣтно утопаетъ въ развязкѣ. Многіе нынѣшніе писатели правилами сими пренебрегаютъ, думая, что завязка и развязка не составляютъ еще существеннаго условія литературнаго упражненія, но доказать неосновательность подобнаго воззрѣнія очень не трудно: стоитъ только вспомнить о томъ, что всякая вещь имѣетъ свое начало и свой конецъ. Нынѣшніе писатели думаютъ, что обязанность ихъ заключается лишь въ томъ, чтобы поставить героевъ своихъ въ критическое положеніе, и что, по исполненіи сего, можно ихъ бросить. «Сказавъ это, они вздохнули и разошлись»—вотъ фраза, которою модные современные повѣствователи позволяютъ себѣ заканчивать недозрѣлыя свои произведенія. Но читатель любопытенъ; онъ хочетъ знать, куда разошлись герои, куда пошелъ *онъ*, куда направила путь *она*; что они дѣлали, что въ тотъ день обѣдали, сколько времени жили и какъ умерли. Все это графомъ Толстымъ исполнено. Исполнено имъ и другое требованіе теоріи, касающееся характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Въ семъ отношеніи теорія неумолима; она требуетъ, чтобы дѣйствующія лица имѣли характеры разнообразные, и даже указываетъ, какіе должны быть эти характеры. Впереди всѣхъ, разумѣется, идетъ герой; герой долженъ быть изъ хорошаго семейства; благороденъ, но твердъ, чувствителенъ, но не лишенъ разсудка, правдивъ, но не безъ надежды, что авторъ, въ сомнительномъ случаѣ, найдетъ возможность вытащить его изъ бѣды, великодушенъ до безразсудства, но знающъ, что великодушные поступки никогда не пропадаютъ даромъ; сверхъ сего, не худо, если герой человѣкъ съ деньгами. Героинею можетъ быть всякая хорошая женщина, которой наружность представляетъ въ себѣ что либо для мужчины привлекательное; нужно только, чтобы она была: или мужнею женою (это необходимо для завязки), или же хотя и дѣвицею, но не одинаковаго съ героемъ званія или состоянія (это также необходимо для той же надобности). За симъ лица, окружающія героя и героиню, должны раздѣляться на друзей и враговъ. Друзья могутъ быть слѣдующихъ сортовъ: а) добродушный, веселый и вѣрный (обыкновенно слуга); б)

другъ глупый, но тоже веселый (такіе изъ низшаго званія); в) другъ заблудшійся, но вѣрный и умный (тоже изъ низшаго званія, обыкновенно разбойникъ) и наконецъ г) другъ изъ высшаго званія. Враги могутъ быть трехъ сортовъ: а) врагъ честный, но неумышленно обиженный (обыкновенно мужъ героини или крестовый ея братъ), б) врагъ жестокій, преслѣдующій самъ не зная почему, и в) врагъ коварный. За тѣмъ слѣдуютъ князіе міра воздушнаго, ихъ угодники, юродивые и колдуны, въ отношеніи которыхъ оставляется авторамъ полная свобода дѣйствія, съ тѣмъ однакожъ ограниченіемъ, чтобы и сіи лица непремѣнно являли силу характера. Это второе требованіе теоріи также графомъ А. К. Толстымъ соблюдено, равно какъ и третье относительно слога. Слогъ этотъ можно назвать жемчужнымъ (style perlé). Одно лишь условіе (четвертое) не соблюдено любезнымъ сочинителемъ: обычай требовалъ, чтобы романъ былъ раздѣленъ на четыре части, а не на двѣ, какъ это сдѣлано въ настоящемъ случаѣ; но и этому читатель легко можетъ помочь, умственно раздѣливъ каждую часть на двѣ половины.

Что же касается до внутренняго содержанія романа, до его основной идеи, то, кажется, я не ошибусь, если отыщу оную въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ 9-й главы части 1-й. «Молится царь и кладетъ земные поклоны. Смотрятъ на него звѣзды въ окно косящатое, смотрятъ свѣтлыя притуманившись,—притуманившись, будто думая: ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ! Ты затѣялъ дѣло не въ добрый часъ, ты затѣялъ, насъ не спрошаючи: не рости двумъ колосьямъ въ уровень, не сравнять крутыхъ горъ съ пригорками, не бывать на землѣ безбоярщины!»

Надо сознаться, что въ государствѣ, въ коемъ еще недавно существовали такъ называемыя «Редакціонныя Коммиссіи», высказать подобную мысль есть дѣло довольно смѣлое... Умолкаю, дабы не навлечь автору непріятности.

Не довольно объ общихъ чертахъ романа; буду разбирать по главамъ, какъ дѣлывалось въ наше доброе, старое время, и какъ невозможно дѣлать нынче, ибо нынѣшнія литературныя упражненія нельзя понимать иначе, какъ прочитавши всѣ главы въ совокупности. Разобравши сочиненіе по главамъ, приступлю къ разбору характеровъ дѣйствующихъ лицъ.

Первая глава начинается тѣмъ, что въ деревнѣ Медвѣдевкѣ, верстъ за тридцать отъ Москвы, подъѣзжаетъ двадцатипятилѣтній князь Никита Романовичъ Серебряный, возвращающійся изъ Литвы, куда онъ былъ посланъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ для подписанія мира. Удачное начало! Героя своего талантливый графъ описываетъ простодуш-

нымъ, вспыльчивымъ, правдивымъ и имѣющимъ соотвѣтственную симъ качествамъ наружность. Наружность сія простосердечна и откровенна; роста онъ средняго, широкъ въ плечахъ, тонокъ въ поясѣ. Вообще, описаніе сіе можно бы назвать мастерскимъ, если бы не вкралась въ оное нѣкоторая непослѣдовательность, а именно, на стр. 12-й есть указаніе на нѣкоторую косую складку, находящуюся между бровями и означающую, по мнѣнію автора (весьма остроумному), безпорядочность и непослѣдовательность въ мысляхъ, и вслѣдъ за тѣмъ говорится, что ротъ героя выражалъ ничѣмъ непоколебимую твердость. Изъ этого выходитъ, что ротъ въ соединеніи съ складкою выражалъ твердость непослѣдовательную и безпорядочную, или же твердую безпорядочность, что, всеконечно, не входило въ разсчеты дѣеписателя; но за то все прочее въ сей главѣ превосходно. Князь возвращается на родину, не зная, что царь Иванъ Васильевичъ, въ отсутствіе его, испортилъ свое поведеніе и завелъ опричнину. Объ этомъ онъ узнаетъ отъ поселянъ деревни Медвѣдевки, и вслѣдъ же за симъ неожиданнымъ образомъ знакомится и съ самими опричниками.

Извѣстно всякому, сколь пагубно было для Россіи сіе заведеніе... Но между тѣмъ, какъ князь добродушно присутствуетъ при забавахъ поселянъ, вбѣгаетъ окровавленный двѣнадцатилѣтній мальчикъ, и вслѣдъ за нимъ врываются опричники подъ предводительствомъ Хомяка, стремяннаго Григорія Лукьяновича Скуратова-Бѣльскаго. Немоговства, которыя производятъ опричники, описаны весьма естественно и въ совершенствѣ напоминаютъ изображенные обличительною литературой наѣзды земской полиціи. Само собой разумѣется, что благодушный князь принимаетъ сторону угнетенныхъ и съ помощью своихъ людей не только посрамляетъ опричниковъ, но и освобождаетъ отъ нихъ еще двоихъ полоненныхъ ими неизвѣстныхъ людей. Сначала, слѣдуя лишь внушеніямъ своего благороднаго характера, князь намѣревается перевѣшать опричниковъ, но потомъ, однакожъ, уступаетъ резонамъ неизвѣстныхъ людей и ограничиваетъ кару тѣмъ, что допускаетъ своего стремяннаго Михеича «влѣпить опричникамъ по полсотенкѣ нагайками». Сцена эта исполнена истинно-національнаго юмора; въ ней чрезвычайно тонко выраженъ простодушный взглядъ русскаго человѣка на нагайки, которыя, пройдя сквозь горнило народнаго представленія, утрачиваютъ истязательный свой характеръ и представляются уму безпристрастнаго наблюдателя лишь простымъ и незлобивымъ времяпровожденіемъ. Здѣсь кончается эта замѣчательная глава, которая съ тѣмъ вмѣстѣ составляетъ и завязку романа. Въ самомъ дѣлѣ, не влѣпи Миничъ опричникамъ по полсотенкѣ, и романа бы не было! Слогъ въ этой главѣ представляетъ смѣсь высокаго (sublime) съ низ-

кимъ (burlesque), смотря по тому, кто говоритъ и о чемъ идетъ рѣчь.

Во второй главѣ, князь ѣдетъ къ Москвѣ, сопровождаемый стремяннымъ Михеичемъ и двумя спасенными незнакомцами. Ѣдутъ лѣсомъ и одинъ изъ незнакомыхъ затягиваетъ пѣсню; эта пѣсня наводитъ автора на размышленія о русской пѣснѣ вообще, поражающія тою самою оригинальностью, которая извлекаетъ изъ учителя россійской словесности полный баллъ въ пользу отличившагося ею ученика. Вдругъ раздается подозрительный свистъ, и путешественниковъ окружаютъ станичники (разбойники); очевидно, что князю предстоитъ опасность, но не бойся, читатель, его не убьютъ! И въ самомъ дѣлѣ, открывается, что спасенные незнакомцы суть тоже разбойники, и даже одинъ изъ нихъ, Ванюха Перстень, оказывается атаманомъ. Дѣло объясняется само собой, и путники благополучно пріѣзжаютъ на мельницу, въ которой обитаетъ колдунъ-мельникъ. Спасенные незнакомцы возвращаются восвояси, а князь съ Михеичемъ остаются ночевать на мельницѣ и вскорѣ засыпаютъ. И въ этой главѣ, слогъ представляетъ смѣсь высокаго съ низкимъ, но болѣе преобладаетъ низкій элементъ, ибо дѣйствуютъ преимущественно простолюдины.

Въ третьей главѣ, мы знакомимся съ княземъ Аѳанасьемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, однимъ изъ опричниковъ Грознаго. Онъ пріѣхалъ къ мельнику, чтобы воспользоваться его наукой и приворожить къ себѣ ту, которую онъ любилъ.

До чего можетъ довести любовь человѣка самаго безнравственнаго, и до какой высоты можетъ дойти слогъ уже самъ по себѣ высокій, это явствуетъ изъ слѣдующей рѣчи кн. Вяземскаго.

«— Колдунъ, продолжалъ князь, смягчая свой голосъ, — помоги мнѣ! Одолѣла меня любовь, змѣя лютая! Ужъ чего я не дѣлалъ! Цѣлыя ночи передъ иконами молился! Не вымолилъ себѣ покою. Бросилъ молиться, сталъ скакать и рыскать по полямъ съ утра до ночи, не одного добраго коня заморилъ, а покоя не выѣздилъ! Сталъ гулять по ночамъ, выпивалъ цѣлые ковши вина крѣпкаго, не запилъ тоски, не нашелъ себѣ покоя въ похмѣльѣ! Махнулъ на все рукой и пошелъ въ опричники. Сталъ гулять за царскимъ столомъ вмѣстѣ со страдниками, съ Грязными, съ Басмановыми! Самъ хуже ихъ злодѣйствовалъ, разорялъ села и слободы, увозилъ женъ и дѣвокъ, а не залилъ кровью тоски моей! Боятся меня и земскіе, и опричники, жалуетъ царь за молодечество, проклинаетъ народъ православный. Имя князя Аѳанасья Вяземскаго стало такъ же страшно, какъ имя Малюты Скуратова! Вотъ до чего довела меня любовь, погубилъ я душу мою! Да что мнѣ до нея! Во днѣ вдовомъ не будетъ хуже вдѣшняго! Ну, старикъ, чего смотришь мнѣ

въ глаза? Али думаешь, я помѣшался? Не помѣшался Аѳанасій Ивановичъ; крѣпка голова, крѣпко тѣло его! Тѣмъ-то и ужасна моя мука, что не можетъ извести меня!»

Князь требуетъ отъ мельника такой травы, чтобы «молодушка полюбила постылаго», или же такой, чтобы свою любовь перемочь, но мельникъ отзывается, что онъ такихъ травъ не знаетъ, а знаетъ: колюку-траву, тирличъ-траву, плакунъ-траву, адамову голову, голубецъ болотный, ревенку траву, кочадыжникъ, Иванъ да Марью, разрывъ-траву. Однако, свойства сихъ травъ не таковы, чтобы потушить жаръ, пламенѣющій въ груди свирѣпаго князя, и потому онъ начинаетъ трясти мельника за воротъ. Эта сцена дышитъ такою правдою, что я не смѣю не привести ее цѣликомъ.

«— Старикъ! вскричалъ вдругъ Вяземскій, хватая его за воротъ: — подавай мнѣ ее! Слышишь? Подавай ее, подавай ее, лѣшій! Сейчасъ подавай!

«И онъ трясъ мельника за воротъ обѣими руками.

«Мельникъ подумалъ, что насталъ послѣдній часъ его.

«Вдругъ Вяземскій выпустилъ старика и повалился ему въ ноги.

«— Сжалься надо мной! зарыдалъ онъ: — излѣчи меня! Я задарю тебя, озолочу тебя, пойду въ кабалу къ тебѣ! Сжалься надо мной, старикъ!

«Мельникъ еще болѣе испугался.

«— Князь, боярин! Что съ тобой? Опомнись! Это я, Давыдычъ, мельникъ!... Опомнись, князь!

«— Не встану, пока не излѣчишь!

«— Князь! князь! сказалъ дрожащимъ голосомъ мельникъ: — пора за дѣло. Время уходитъ, вставай! Теперь темно, не видалъ я тебя, не знаю, гдѣ ты! Скорѣй, скорѣй за дѣло!

«Князь всталъ.

«— Начинай, сказалъ онъ: — я готовъ.»

Какъ хотите, а такой быстрый переходъ отъ трясенія за воротъ къ валянію въ погахъ положительно доказываетъ, что авторъ добросовѣстно изучилъ науку словосочиненія, которою подобные внезапные переходы не только не возбраняются, но даже поощряются, вопреки притязаніямъ другой науки, называемой психологіею (извѣстно, что въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ науки, преподаваемыя различными учителями, постоянно состоятъ во взаимной другъ съ другомъ враждѣ).

Затѣмъ мельникъ начинаетъ колдовать и заставляетъ князя смот-

рѣть подъ колесо. Князь смотритъ и видитъ будущую судьбу свою, т. е. свою собственную казнь, но это его интересуетъ мало; онъ хочетъ знать — такова уже сила любви! — любитъ ли *она* другаго. Съ этою цѣлью, онъ опять смотритъ подъ колесо, и, разумѣется, видитъ *ее* не одну, а съ русымъ молодцомъ въ кармазинномъ кафтанѣ. «Анаѳема! восклицаетъ онъ: — они цѣлуются! Анаѳема! Будь ты проклятъ, колдунъ, будь проклятъ, проклятъ!»

Разумѣется, бросаетъ мельнику горсть денегъ, вскакиваетъ въ сѣдло и уѣзжаетъ.

Это — вторая завязка романа. Читатель предчувствуетъ героиню и знаетъ, что есть нѣкоторый русый молодецъ въ кармазинномъ кафтанѣ. Сказать ли болѣе? кажется, что читатель начинаетъ даже подозрѣвать, что русый молодецъ въ кармазинномъ кафтанѣ есть не кто иной, какъ самъ князь Серебряный.

Глава сія написана языкомъ правильнымъ и вообще ведена старательно. Но возникаетъ вопросъ: вѣритъ ли любезный графъ въ колдовство мельника, или не вѣритъ? Если принять въ соображеніе состояніе отечественнаго просвѣщенія, то, конечно, надо будетъ дать отвѣтъ отрицательный; если же принять въ соображеніе, что, не взирая на просвѣщеніе, въ природѣ все-таки скрывается много таинственнаго, и что нельзя же предположить, чтобы князь Вяземскій могъ столь вѣрно усмотрѣть ожидающую его участь, еслибъ она не была ему показана въ водѣ искуснымъ мельникомъ, то отвѣтъ будетъ едва ли не положительный.

Главы 4, 5 и 6-ю слѣдуетъ разбирать въ совокупности. Онѣ застаютъ насъ сначала въ саду, а потомъ въ домѣ боярина Дружины Андреевича Морозова, къ которому пріѣзжаетъ князь Серебряный съ грамотою отъ князя Пронскаго. Въ саду боярыня Елена утѣшается съ сѣнными дѣвушками, въ домѣ сидитъ старый боярин Дружина Андреевичъ и соболѣзнуетъ о томъ, что находится подъ опалой и не видитъ свѣтлыхъ очей царскихъ, за то, что, на царскомъ пирѣ, не захотѣлъ уступить свое мѣсто Годунову. Замѣчательная черта боярскаго самолюбія, подмѣченная еще Карамзинымъ. Боярин и боярыня живутъ, какъ братъ съ сестрой, ибо Дружина Андреевичъ, по преклонности своихъ лѣтъ, иначе и жить ужь не можетъ—это третья завязка романа. Является князь Серебряный и еще не войдя въ домъ къ Морозовымъ, черезъ частоколъ видитъ въ саду боярыню Елену, видитъ и не вѣритъ глазамъ своимъ. Прозорливость читателя оказывается вознагражденною: русскій молодецъ въ кармазинномъ кафтанѣ есть именно князь Серебряный, а боярыня Елена есть именно та самая боярыня Елена, которая до замужества еще любила Серебрянаго, но

впослѣдствіи, чтобы избавиться отъ преслѣдованій князя Вяземскаго, вынуждена была выйти замужъ за Морозова. Сцена свиданія черезъ частоколъ написана рукою искуснаго мастера. Сначала князь негодуетъ и даже «не хочетъ тратить по напрасну рѣчей», но подъ конецъ дѣло все-таки приходитъ къ тому, что «они бросились другъ къ другу, и уста ихъ соединились»... Чтобы достигнуть этого, не помавъ раздѣляющій ихъ частоколъ, князь поднимается на стременахъ, а боярыня становится на скамью. Опять дивный переходъ отъ негодованія къ нѣжности, послѣ котораго герой романа уже отправляется къ Морозову въ домъ. Тамъ они бесѣдуютъ объ опричникахъ, о перемѣнѣ, происшедшей въ характерѣ царя Ивана Васильевича, и рядомъ логическихъ умозаключеній, приходятъ къ мысли, что все сіе происходитъ по волѣ Божіей, карающей россіянъ, для очищенія отъ грѣховъ.

Сія политическая теорія столь достопримѣчательна, что нахожу не излишнимъ на ней остановиться.

Если народъ погрязаетъ въ грѣхахъ и черезъ то оскорбляетъ промыслъ, то какой наилучшій способъ имѣетъ сей послѣдній, чтобы напомнить о себѣ и заставить народъ восчувствовать? Тяжело сознаться, но совершенно достовѣрно, что наилучшими въ семъ случаѣ орудіями всегда почитались вожди народные. Посредствомъ ихъ промыслъ еще древлѣ наказывалъ Израиля, да и въ новѣйшее время, по свидѣтельству П. И. Мельникова, Розенгейма и другихъ опытныхъ обличителей, продолжаетъ слѣдовать той же системѣ. Такъ напримѣръ, если градъ начнетъ утопать въ роскоши и богатствѣ, то промыслъ посылаетъ въ оный градоначальника, который въ скорости доказываетъ гражданамъ, что существенными интересами человѣческой жизни должны быть не столько земные интересы, сколько небесные. Что цѣлыя страны такимъ способомъ очищаются отъ грѣховъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, однакожь нельзя не сознаться, что и въ этой теоріи имѣется своя слабая сторона. Она заключается въ томъ, что теорія сія съ преувеличенною, какъ мнѣ кажется, строгостью относится къ самымъ орудіямъ, посредствомъ коихъ производится очищеніе отъ грѣховъ. Положимъ, что народъ, погрязшій въ грѣхахъ, не мѣшаетъ по временамъ очищать, но чѣмъ же виноваты правители, кои, будучи сами по себѣ людьми невинными, именно для этой цѣли надѣляются самыми звѣрскими качествами и черезъ это погубляютъ свои души и впослѣдствіи наслѣдуютъ геенну огненную? Народъ поражается казнью временною, правители—казнью вѣчною: неравенство передъ закономъ очевидное. Не наказывать же правителей тоже невозможно, ибо въ такомъ случаѣ всякій охотнѣе

предпочтетъ ремесло правителя ремеслу управляемаго (это и бываетъ въ эпохи затменія человѣческаго разума, называемыя революціями, когда человѣкъ лѣзетъ на высоту, совершенно забывая, что за сіе положена геенна огненная). И потому, дабы устранить всякія сомнѣнія въ столь важномъ дѣлѣ, я полагалъ бы возможнымъ, чтобы промыслъ въ такихъ случаяхъ употреблялъ орудіями не дѣйствительныхъ людей, а такъ сказать подобія ихъ, или лучше сказать такія сомнительныя существа, которыя имѣли бы наружный человѣческій обликъ, но внутренняго человѣческаго естества не имѣли бы. Думаю, что сочетаніе фотографіи, метахромотипіи и гальванопластики можетъ легко привести къ составленію такого рода людей.

Но довольно съ проектами, возвращусь къ роману. Побесѣдовавши довольно, боярин заставляетъ князя обѣдать, за обѣдомъ подаютъ разнаго рода студень, кулебяки, жаркія, похлебки и буженину. Жаль, что любезный сочинитель подробнѣе не распространился объ этомъ предметѣ, но этотъ недостатокъ онъ выполняетъ далѣе, при описаніи царскаго стола. Послѣ обѣда, Морозовъ наливаетъ себѣ и князю малвазіи, и, откинувъ назадъ свои опальные волосы, произноситъ:

— «Во здравіе великаго государя нашего, царя Ивана Васильевича!

— «Просвѣти его Богъ! Открой ему очи! отвѣчалъ Серебряный, осушая стопу, и оба перекрестились.

Сія политическая теорія также весьма достопримѣчательна, но я не считаю долгомъ распространяться о ней, потому что сущность ея по прямой линіи выходитъ изъ той же теоріи очищенія грѣховъ, о которой говорено мною выше. Не могу, однакожь, не сказать, что въ этой теоріи замѣчается четвертая завязка романа; не будь ея, князь Серебряный не поѣхалъ бы въ Александрову слободу, и не было бы пятой завязки романа. Пятая завязка происходитъ въ Александровой слободѣ и занимаетъ главы: 7, 8 и 9-ю. Князь Серебряный прибылъ туда благополучно. Слѣдуетъ великолѣпное описаніе слободы и дворца царскаго. Въѣхавши во дворъ, князь Серебряный видитъ оживленную сцену опричниковъ, играющихъ въ *зернь* и въ свайку, но картина сія едва не кончилась для него печально, такъ какъ опричники, немедленно возненавидѣвъ Серебрянаго, чуть-чуть не затравили его медвѣдемъ. Избавленный благополучно отъ этой опасности, въ самую критическую для себя минуту, сыномъ злѣйшаго изъ всѣхъ опричниковъ, Малюты Скуратова (шестая завязка романа), князь находится теперь въ раздумьи, знаетъ ли царь Иванъ Васильевичъ о томъ, что онъ влѣпилъ его опричникамъ по полсотенкѣ, или не знаетъ (седьмая завязка романа). Но покуда онъ размышляетъ, къ нему подходитъ

стольникъ и приглашаетъ къ царскому столу. Описаніе царскаго стола составляетъ верхъ совершенства. Читая, я не вѣрилъ глазамъ своимъ и даже чувствовалъ невольный голодъ. Надѣясь, что и читатель испытаетъ то же ощущеніе, я не могу воздержаться, чтобы не привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ этого описанія.

«Въ огромной двусвѣтной палатѣ, между узорчатыми расписными столбами, стояли длинные столы въ три ряда. Въ каждомъ ряду было по десяти столовъ, на каждомъ столѣ по двадцати приборовъ. Для царя, царевича и ближайшихъ любимцевъ стояли особые столы въ концѣ палаты. Гостямъ были приготовлены длинныя скамьи, покрытыя парчею и бархатомъ, государю высокія рѣзныя кресла, убранныя жемчужными и алмазными кистями. Два льва замѣняли ножки креселъ, а спинку образовалъ двуглавый орелъ съ подъятыми крыльями, золоченый и раскрашенный. Въ серединѣ палаты стоялъ огромный четвероугольный столъ, съ поставомъ изъ дубовыхъ досокъ. Крѣпки были толстыя доски, крѣпки точеные столбы, на коихъ покоился столъ; имъ надлежало поддерживать цѣлую гору серебряной и золотой посуды. Тутъ были и тазы литые, которые четыре человѣка съ трудомъ подняли бы за узорчатыя ручки, и тяжелые ковши, и кубки, усыпанные жемчугомъ, и блюда разныхъ величинъ съ чеканными узорами. Тутъ были и чары сердоликовыя и кружки изъ строфокамиловыхъ яицъ, и турьи рога оправленные въ золото. А между блюдами и ковшами стояли золотые кубки, страннаго вида, представлявшіе медвѣдей, львовъ, пѣтуховъ, павлиновъ, журавлей, единороговъ и строфокамиловъ. И всѣ эти тяжелыя блюда, суды, ковши, чары, черпала, звѣри и птицы громоздились кверху клинообразнымъ зданіемъ, котораго конецъ упирался почти въ самый потолокъ.

Чинно вошла въ палату блестящая толпа царедворцевъ и размѣстилась по скамьямъ. На столахъ, въ это время, кромѣ солонокъ, перечницъ и уксусницъ, не было никакой посуды, а изъ яствъ стояли только блюда холоднаго мяса на постномъ маслѣ, соленые огурцы, сливы и кислое молоко въ деревянныхъ чашахъ.»

Далѣе:

«Слуги, бывшіе въ бархатной одеждѣ, явились теперь всѣ въ парчевыхъ доломанахъ. Эта перемѣна платья составляла одну изъ роскошей царскихъ обѣдовъ. На столы поставили сперва разные студени; потомъ журавлей съ пряностью, разсольныхъ пѣтуховъ съ имбиремъ, безкостныхъ куницъ и утокъ съ огурцами. Потомъ принесли разныя похлебки и трехъ родовъ уху: курячью бѣлую, курячью черную и курячью шафранную. За ухою подали рябчиковъ со сливами гусей со пшеномъ и тетерекъ съ шафраномъ.

«Тутъ наступилъ прогулъ, въ продолженіе котораго разносили гостямъ меды, смородинный, княжій и боярскій, а изъ винъ: аликантъ, бастръ и малвазію.»

Еще далѣе:

«Уже болѣе четырехъ часовъ продолжалось веселье, а столъ былъ только во полу-столѣ. Отличился въ этотъ день царскіе повара. Никогда такъ не удавались имъ лимонныя кальи, верченыя почки и караси съ бараниной. Особенное удивленіе возбуждали исполинскія рыбы, пойманныя въ Студеномъ морѣ и присланныя въ слободу изъ Соловецкаго монастыря. Ихъ привезли живыхъ, въ огромныхъ бочкахъ; путешествіе продолжалось нѣсколько недѣль. Рыбы эти едва умѣщались на серебряныхъ и золотыхъ тазахъ, которые вносили въ столовую нѣсколько человѣкъ разомъ. Затѣйливое искусство поваровъ выказывалось тутъ въ полномъ блескѣ. Осетры и шевриги были такъ надрѣзаны, такъ посажены на блюда, что походили на пѣтуховъ съ простертыми крыльями, на крылатыхъ зміевъ съ развертыми пастями. Хороши и вкусны были также зайцы въ лапшѣ, и гости, какъ уже ни нагрузились, но не пропустили ни перепеловъ съ чесночною подливкой, ни жаворонковъ съ лукомъ и шафраномъ. Но вотъ, по знаку стольниковъ, убрали со столовъ соль, перецъ и уксусъ и снали всѣ мясныя и рыбныя яства. Слуги вышли по два въ рядъ, и возвратились въ новомъ убранствѣ. Они замѣнили парчевые доломаны лѣтними кунтушами изъ бѣлаго аксамита съ серебрянымъ шитьемъ и собольею опушкой. Эта одежда была еще красивѣе и богаче двухъ первыхъ. Убранные такимъ образомъ, они внесли въ палату сахарный кремль, въ пять пудовъ вѣсу, и поставили его на царскій столъ. Кремль этотъ былъ вылитъ очень искусно. Зубчатыя стѣны и башни, и даже пѣшіе и конные люди были тщательно отдѣланы. Подобные кремли, но только поменьше, пуда въ три, не болѣе, украсили другіе столы. Вслѣдъ за кремлями внесли около сотни золоченыхъ и крашеныхъ деревьевъ, на которыхъ, вмѣсто плодовъ, висѣли пряники, коврижки и сладкіе пирожки. Въ то же время явились на столахъ львы, орлы и всякія птицы, литыя изъ сахара. Между городами и птицами возвышались груды яблоковъ, ягодъ и волжскихъ орѣховъ. Но плодовъ никто уже не трогалъ, всѣ были сыты. Иные допивали кубки романеи, болѣе изъ приличія, чѣмъ отъ жажды, другіе дремали, облокотясь на столъ; многіе лежали подъ лавками, всѣ безъ исключенія распоясались и разстегнули кафтаны. Нравъ каждаго обрисовался яснѣе.»

Признаюсь, я не утерпѣлъ, чтобъ непоказать это описаніе своему коллегѣ, учителю латинскаго языка, который имѣетъ весьма основательныя свѣдѣнія о томъ объяденіи, которому, въ древности, преда-

вались римляне. Но и онъ пришелъ въ восторгъ и на отрѣзъ мнѣ сказалъ, что римляне никогда ничего подобнаго не ѣдали.

Нѣчто подобное обжорному московскому великолѣпію видимъ мы лишь въ древнемъ Карѳагенѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ французскій писатель Густавъ Флоберъ, издавшій въ прошломъ году знаменитый романъ «Salammbô»,

Содержаніе сихъ романовъ («Кн. Серебрянаго» и «Salammbô») во многомъ до такой степени сходствуетъ, что нелишне было бы провести между ними нѣкоторую параллель, дабы видѣть, что и кто у кого предвосхитилъ.

Мѣсто дѣйствія «Кн. Серебрянаго, происходитъ въ древней Москвѣ; мѣсто дѣйствія «Salammbô» происходитъ въ древнемъ Карѳагенѣ. По видимому, тутъ сходства нѣтъ, но это лишь по видимому, и это-то именно я берусь дока...

(*На этомъ мѣстѣ рукопись прервана несчастною смертью рецензента*).

ПОЛИТИКА.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТІЯ.

Въ концѣ января нынѣшняго года, когда газеты съ величайшимъ усердіемъ продолжали пережевывать греческій вопросъ, или въ сотый разъ разсказывали своимъ читателямъ о бѣдствіяхъ ланкаширскихъ работниковъ, или даже съ отчаянія схватывались опять за римскій или гольштинскій вопросы, вдругъ явился вопросъ, который отвлекъ ихъ вниманіе отъ принца Альфреда и герцога Эрнста, отъ Антонелли и Кіавоне, отъ Пуэблы и Раппаганока, и обратилъ на себя почти исключительное ихъ вниманіе. Вслѣдствіе возстанія поляковъ, польскій вопросъ занялъ первое мѣсто въ ряду вопросовъ, занимающихъ общественное мнѣніе Европы. И правители, и дипломаты, и газеты, и простые граждане стали заниматься польскимъ вопросомъ болѣе, нежели какимъ либо другимъ. Не смотря на то, что нѣкоторые видятъ въ польскомъ возстаніи вовсе не международный вопросъ, а вопросъ внутренней политики, Европа почему-то поставила его на первомъ мѣстѣ въ ряду международныхъ вопросовъ и ломаетъ себѣ голову о томъ, какъ бы разрѣшить его. Такъ какъ вотъ уже скоро три мѣсяца объ этомъ вопросѣ толкуетъ вся Европа, то мы считаемъ не лишнимъ представить нашимъ читателямъ общую картину отношеній польскаго вопроса къ европейской дипломатіи — хотя бы для того, чтобы успокоить тѣхъ изъ нихъ, которые опасаются вмѣшательства Европы въ пользу поляковъ, и для того, чтобы показать, что

ни одна изъ великихъ европейскихъ державъ и не думаетъ серьезно принять сторону инсургентовъ. Мы не станемъ говорить здѣсь о ходѣ самаго возстанія, потому что читатели вѣроятно достаточно знакомы съ нимъ изъ извѣстій, печатаемыхъ «*Русскимъ Инвалидомъ*» и перепечатываемыхъ другими газетами. Но мы прослѣдимъ всѣ фазисы, черезъ которые проходилъ польскій вопросъ въ европейской дипломатіи, и покажемъ, что въ сущности во всѣхъ этихъ фазисахъ отношенія европейскихъ правительствъ къ польской инсуррекціи оставались тѣ же, не смотря на всѣ кажущіяся колебанія и измѣненія. При этомъ мы должны предъупредить читателя, что онъ въ настоящемъ обозрѣніи встрѣтитъ очень много выписокъ изъ иностранныхъ газетъ, толкующихъ о польскомъ вопросѣ; но мы надѣемся, онъ согласится съ нами, что иногда бываетъ гораздо лучше и удобнѣе заставлять говорить другихъ, нежели говорить самому.

Первыя телеграфическія депеши о варѳоломеевской ночи, полученныя изъ Варшавы и С.-Петербурга, возбудили сильное негодованіе въ значительной части европейской прессы и почти во всѣхъ европейскихъ правительствахъ. Газета «Indépendance Belge» (*), занося въ свое политическое обозрѣніе извѣстіе о событіяхъ въ ночи съ 10—22 на 11—23 января, говоритъ съ негодованіемъ о тѣхъ «злоумышленникахъ, которые своими преступными дѣйствіями стараются остановить и уничтожить благодѣтельныя реформы императора Александра II». Парижская пресса также отозвалась съ неодобреніемъ о польскомъ возстаніи. Самые либеральные органы ея говорили, что хотя они не одобряютъ всѣхъ мѣръ русскаго правительства въ Польшѣ, однако они считаютъ возстаніе дѣломъ неразумнымъ, потому что оно только встревожитъ прочія европейскія правительства, представивши имъ призракъ революціи, помѣшаетъ русскому правительству сдѣлать полезныя реформы, и не принеся Польшѣ ни малѣйшей пользы, навлечетъ на нее неисчислимыя бѣдствія. Такъ говорили самыя либеральныя французскія газеты; что же касается до газетъ въ родѣ «Монитёра», «Constitutionnel'a» и пр., то онѣ говорили о возстаніи совершенно инымъ языкомъ. «Constitutionnel» напр. не находитъ до-

(*) Мы еще неоднократно будемъ возвращаться къ отзывамъ и толкамъ этой безцвѣтной, безвкусной, безформенной газеты, которая готова въ теченіи одного мѣсяца 30 разъ измѣнить направленіе. Но это не должно удивлять читателя; эта газета служитъ самою лучшею представительницею прекрасной теоріи *золотой середины*, которой придерживается большая часть людей на земномъ шарѣ; а потому вамъ кажется, что отзывы подобной газеты часто бываютъ гораздо важнѣе, нежели отзывы газетъ, придерживающихся того или другаго крайняго направленія.

статочно сильныхъ словъ, для того, чтобы заклеймить движеніе, «которое началось убійствами и потомъ запятнало себя коммунизмомъ». (Это послѣднее обвиненіе было очевидно вызвано прокламаціей польскаго революціоннаго комитета, которая появилась немедленно послѣ начала возмущенія и обѣщала крестьянамъ землю; «Constitutionnel» полагаетъ, что предоставить крестьянамъ владѣніе землею помѣщиковъ значитъ обратиться въ секту коммунистовъ). Англійскія газеты не придаютъ вначалѣ почти никакого значенія польскому возстанію, и разсматриваютъ его преимущественно съ точки зрѣнія человѣколюбія. «Times» полагаетъ, что это возстаніе есть дѣло центральнаго общества заговорщиковъ, на что указываетъ единство плана и внезапность возстанія; она сильно не одобряетъ того, что инсургенты позволили себѣ жестокости и убивали солдатъ въ домахъ, гдѣ тѣ квартировали. Но она не думаетъ, чтобы это возстаніе было движеніемъ національнымъ; она высказываетъ увѣренность, что въ нѣсколько дней все возстаніе будетъ подавлено и порядокъ возстановленъ во всей странѣ. Газета «Morning-Herald» судитъ еще строже объ этомъ предметѣ: она говоритъ, что «храбрые мужи не защищаютъ своей свободы въ одеждѣ ночныхъ убійцъ»; она сознается, что можно пожалуй сожалѣть объ участи поляковъ, но утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что вѣдь и другіе народы постигла та же участь, и что практическій политикъ долженъ брать вещи какъ онѣ есть, а не какъ онѣ могли бы быть и пр. Другія газеты идутъ впрочемъ далѣе, нежели почтенная и благоразумная торійская газета, и позволяютъ себѣ давать нѣкоторые совѣты русскому правительству. Либеральная «Morning-Post» указываетъ Россіи на примѣръ Австріи въ отношеніяхъ ея къ Галиціи; а самая либеральная англійская газета «Daily-News» совѣтуетъ Россіи даровать Польшѣ существенныя реформы и сдѣлать нѣкоторыя смягченія въ способѣ рекрутированія. Такъ какъ англійскія газеты вѣрнѣе выражаютъ общественное мнѣніе, нежели газеты континентальныя; то можно принять съ нѣкоторою достовѣрностью, что всякій англичанинъ, интересующійся тѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, говорилъ въ началѣ возстанія о польскихъ дѣлахъ приблизительно то же, что говорили «Times», «Morning-Post», «Mornig-Herald», «Daily-News» и пр. Что же касается до общественнаго мнѣнія во Франціи, то о немъ конечно нельзя судить по тому, что читаешь на столбцахъ французскихъ газетъ, и приходится искать другихъ источниковъ, съ помощью которыхъ можно бы составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, что думали французы о польскомъ возстаніи. Изо всего можно заключить, что въ началѣ возстанія французъ, читающій газеты, не зналъ, что ему подумать о событіяхъ въ Польшѣ. Онъ былъ застигнутъ въ расплохъ, онъ не зналъ, какъ отнесется къ этому

дѣлу правительство, что скажутъ о немъ его руководители, и поэтому онъ предпочиталъ ничего не думать. Этой нерѣшительности, этому колебанію общественнаго мнѣнія во Франціи (или вѣрнѣе сказать, въ Парижѣ) не мало способствовали также слова и дѣйствія членовъ польской эмиграціи въ Парижѣ: большая часть эмигрантовъ была также застигнута въ расплохъ извѣстіемъ о возстаніи, и поэтому они увѣряли сначала всѣхъ и каждаго, что движеніе это не имѣетъ серьезнаго характера, что оно есть лишь дѣло немногихъ людей, и пр. Впрочемъ по свидѣтельству парижскаго корреспондента берлинской «National-Zeitung», общественное мнѣніе въ Парижѣ было довольно благопріятно Польшѣ, хотя далеко не въ такой степени, какъ въ 1831 году.

Но если общественное мнѣніе во Франціи и въ другихъ странахъ Европы сначала колебалось и не знало, въ какое ему встать положеніе относительно польскаго вопроса, то европейскія правительства не раздѣляли этого колебанія и сразу встали въ очень рѣшительное положеніе. Прежде всего высказалось объ этомъ предметѣ французское правительство. Когда въ законодательномъ корпусѣ въ засѣданіи 5 февраля, депутатъ Гюйаръ-Делаленъ (принадлежащій къ крайней католической партіи) завелъ рѣчь о Польшѣ, и когда Жюль Фавръ произнесъ сильную рѣчь, въ которой онъ требовалъ вмѣшательства французскаго правительства въ пользу поляковъ, министръ Биньо произнесъ между прочимъ слѣдующія слова, въ которыхъ онъ говоритъ о польскомъ вопросѣ не только отъ имени французскаго правительства, но и отъ имени всей Франціи: «Франція не утратила своей симпатіи къ Польшѣ; но она полагаетъ, и правительство императора полагаетъ вмѣстѣ съ нею, что польскому народу слѣдовало бы скорѣе ожидать улучшенія своей участи отъ благородныхъ и либеральныхъ намѣреній россійскаго императора, нежели отъ новой попытки возмущенія, которая навлечетъ только новыя бѣдствія на эту несчастную страну». Когда Жюль Фавръ воскликнулъ, что министръ отвѣтитъ за эти слова передъ исторіей, г. Биньо продолжалъ, при громкихъ знакахъ одобренія со стороны палаты: «Болѣе всего достойны сожалѣнія подстрекательства, которыя обманываютъ польскихъ патріотовъ и заставляютъ ихъ навлекать новыя бѣдствія на свою родину. Правительство императора слишкомъ благоразумно для того, чтобы возбуждать пустыми словами обманчивыя надежды инсургентовъ, и оно слишкомъ дорожитъ честью Франціи для того, чтобы допускать въ продолженіи 15 лѣтъ повтореніе въ адресѣ безполезныхъ словъ и тщетныхъ протестовъ». Эти слова г. Биньо были до того враждебны польскому возстанію, что въ Парижѣ распространился даже довольно странный и неправдоподобный слухъ о томъ, будто русскій посланникъ, г. Будбергъ, ѣздилъ нарочно къ г. Биньо для того,

чтобы благодарить его за слова, произнесенныя имъ въ засѣданіи 5 февраля. Какъ бы то ни было, но парижское общество сравнивало слова министра съ статьями о польскомъ возстаніи, напечатанными за нѣсколько дней передъ этимъ въ «Монитёрѣ» и въ «Constitutionnel'ѣ», и смѣло выводило изо всего этого заключеніе о томъ, что французское правительство относится враждебно къ движенію въ Польшѣ. Слѣдствіемъ этого убѣжденія были разные, болѣе или менѣе нелѣпые слухи, распространявшіеся въ Парижѣ относительно образа дѣйствія французскаго правительства въ дѣлѣ польскаго возстанія. То говорили, что французское правительство даетъ русскому правительству одного изъ самыхъ искусныхъ полицейскихъ агентовъ своихъ (и этого искуснаго агента называли даже по имени), который долженъ былъ помогать варшавской полиціи въ открытіи центральнаго комитета, будто бы скрывающагося въ Варшавѣ. То вдругъ распространился слухъ о томъ, что между Россіей, Пруссіей и Франціей заключенъ договоръ, имѣющій цѣлью подавленіе польскаго мятежа, и что въ виду этого договора Англія и Австрія согласились поддерживать принципъ невмѣшательства въ дѣла Польши. Самая возможность возникновенія подобныхъ слуховъ показываетъ, какъ Франція и Европа смотрѣли на отношенія французскаго правительства къ польскому возстанію. И французское правительство своими распоряженіями какъ будто старалось подтвердить свое враждебное расположеніе къ польскому возстанію: въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца было арестовано нѣсколько студентовъ, старавшихся устроить демонстрацію въ пользу Польши. Въ то же время правительство запретило издавать въ Парижѣ органъ польской эмиграціи, газету «Polska», и редакторы ея должны были перенести свое изданіе въ Лондонъ.

Много толковъ возбуждалъ также образъ дѣйствія Австріи относительно польскаго возстанія. Многіе почему-то заподозрили австрійское правительство въ сочувствіи къ польскимъ инсургентамъ. Но подобное подозрѣніе есть самая вопіющая несправедливость, и главное Австрія ничѣмъ не подала повода къ подобному обвиненію.—При первомъ извѣстіи о томъ, что въ Польшѣ вспыхнуло возстаніе, австрійское правительство запретило вывозъ оружія въ предѣлы царства польскаго, Волынской и Подольской губерній; оно дѣйствовало даже съ такимъ усердіемъ, что услыхавши о томъ, будто нѣкоторые польскіе инсургенты вооружены косами, оно не задумалось включить косы въ разрядъ оружія и запретило вывозить косы изъ австрійскихъ владѣній во владѣнія русскія (*). Австрійское правительство приняло так-

(*) Этимъ своимъ распоряженіемъ оно поставило въ немалое затрудненіе нѣкоторыхъ рыльскихъ купцовъ, которые выписали партію австрійскихъ косъ, съ

же другую рѣшительную мѣру, имѣвшую цѣлью воспрепятствовать снабженію польскихъ инсургентовъ австрійскимъ оружіемъ: оно издало въ Лембергѣ повелѣніе о томъ, что во всей Галиціи никто не можетъ покупать оружія, если онъ не представитъ на то вида отъ полиціи. Такъ какъ до австрійскаго правительства доходили также слухи о томъ, что къ инсургентамъ переходятъ многіе Поляки изъ Галиціи, то оно поспѣшило принять мѣры противъ подобныхъ переходовъ: полиція получила приказаніе зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не переходилъ изъ Галиціи въ Польшу безъ надлежащаго вида; она должна была останавливать всякую попытку къ нарушенію этого постановленія. Въ виду всѣхъ мѣръ австрійскаго правительства относительно польскаго возстанія, полуоффиціальная вѣнская газета General-Korrespondenz имѣла полное право сказать, что «если русское правительство имѣетъ причины жаловаться на поведеніе иностранныхъ державъ относительно событій въ Польшѣ, то конечно подобные упреки не могутъ быть обращены къ австрійскому правительству». Однако, не смотря на это, многія прусскія газеты въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи продолжали обвинять австрійское правительство въ сочувствіи къ возстанію. Это побудило другую вліятельную Вѣнскую газету, Дунайскую газету, еще разъ категорически объявить, что подобныя увѣренія нелѣпы и что австрійское правительство нисколько не сочувствуетъ возстанію; въ доказательство этого увѣренія своего Дунайская газета приводитъ всѣ мѣры, которыя австрійское правительство приняло противъ возстанія. Но чтобы объяснить спокойствіе австрійскаго правительства и австрійской правительственной прессы, которыя дѣйствительно нѣсколько противорѣчили поведенію прусскаго правительства и прусскихъ правительственныхъ газетъ, вышеназванная газета бросаетъ камешекъ въ огородъ своего сосѣда и объявляетъ, что Австрія такъ спокойна потому, что не имѣетъ основанія опасаться за свои польскія владѣнія, ибо она никогда не старалась германизировать Галицію и не преслѣдовала въ ней католической вѣры. Эти увѣренія Дунайской газеты пожалуй и справедливы, особливо послѣднее; но чтобы быть вѣрной истинѣ, сей бы слѣдовало упомянуть еще объ одной причинѣ, вслѣдствіе которой Австрія можетъ быть покойна на счетъ своихъ польскихъ владѣній: ей слѣдовало бы только вспомнить о галиційскихъ событіяхъ 1846 года и упо-

---

цѣлью перепродать ихъ при началѣ сѣнокоса курскимъ мужичкамъ. Всѣ эти косы были задержаны въ Бродской таможнѣ, и нужны были особенные переговоры между г. Рехбергомъ и русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, г. Балабинымъ, для того, чтобы выручить косы рыльскихъ купцовъ, задержанныя въ Бродахъ.

мянуть о національномъ и сословномъ антагонизмѣ обитателей Галиціи, какъ объ одномъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ удержанію Галиціи подъ австрійскимъ владычествомъ.

Итальянское правительство, которое само обязано своимъ происхожденіемъ революціи и обширному національному движенію, выступило столь же враждебно противъ польскаго возстанія, какъ и правительства французское, австрійское, прусское. Оно дало этимъ Европѣ лучшее доказательство въ томъ, что оно отрекается отъ своего происхожденія, и что въ привязанности своей къ законности и въ антипатіи своей ко всему революціонному и антилегитимистскому, оно въ какія нибудь два–три года уже успѣло сравняться съ другими европейскими правительствами. Въ тотъ самый день, когда г. Бильо произносилъ въ законодательномъ собраніи вышеприведенныя нами слова, итальянское правительство энергически выступало противъ людей, желавшихъ выразить свое сочувствіе польскому возстанію. 5 февраля въ Генуѣ назначено было собраніе демократическаго общества, которое должно было заняться обсужденіемъ мѣръ, какимъ образомъ помочь полякамъ. Правительство велѣло, во первыхъ, захватить тотъ нумеръ газеты Movimento, въ которомъ возвѣщалось о времени и мѣстѣ этого собранія; а во вторыхъ, полицейскіе чиновники явились заблаговременно въ помѣщеніе, занимаемое демократическимъ собраніемъ, и приглашали всѣхъ прибывающихъ членовъ его возвратиться домой. Протесты г. Бертани, президента демократическаго общества, ни къ чему не повели. Итальянское правительство и послѣ этого продолжало такъ же энергически подавлять всякое проявленіе сочувствія къ Польшѣ; такъ оно между прочимъ захватывало всѣ газеты, въ которыхъ возвѣщались митинги касательно польскихъ дѣлъ. Тѣмъ страннѣе и неправдоподобнѣе является слухъ, сообщенный *тріестской газетой*, будто графъ Штакельбергъ, русскій посланникъ въ Туринѣ, изъявлялъ итальянскому министру иностранныхъ дѣлъ претензіи русскаго правительства на то, что итальянское правительство оказываетъ косвенную поддержку польскому возстанію тѣмъ, что не уничтожило военной школы въ Кунео и что дозволяетъ организованіе въ разныхъ мѣстахъ Италіи вооруженныхъ польскихъ отрядовъ. Если бы графъ Штакельбергъ и заявлялъ подобныя претензіи, то графу Пазолини не трудно было опровергнуть ихъ: ему стоило только указать на всѣ враждебныя мѣры итальянскаго правительства относительно польскаго возстанія. *Тріестская газета* въ вышеупомянутомъ своемъ извѣстіи говоритъ, что онъ такъ и сдѣлалъ: онъ будто бы объявилъ графу Штакельбергу, что когда въ январѣ мѣсяцѣ Мирославскій и Высоцкій хотѣли устроить свиданіе съ Гарибальди, итальянское правительство помѣшало этому свиданію;

что во многихъ городахъ, гдѣ хотѣли основать комитеты для вспомоществованія польской революціи, правительство энергически воспротивилось этому; что, благодаря его энергическому вмѣшательству, ни одному итальянцу еще не удалось уйти въ Польшу, и т. д. Однимъ словомъ, по увѣренію тріестской газеты, графъ Пазолини привелъ цѣлый рядъ мѣръ итальянскаго правительства, враждебныхъ польскому движенію. Никто не имѣетъ также права сказать, чтобы итальянское правительство оказывало моральную поддержку возстанію рѣчами, произносимыми въ парламентѣ: министры отвѣчали очень осторожно на всѣ запросы, которые имъ дѣлали относительно польскихъ дѣлъ.

Въ такомъ положеніи находился польскій вопросъ приблизительно съ мѣсяцъ послѣ начала возстанія. Явное неодобреніе и негодованіе съ одной стороны, сожалѣніе и нерѣшительное колебаніе съ другой стороны — вотъ что польское возстаніе встрѣтило въ Европѣ. Многіе увѣрены въ томъ, что все это было только въ началѣ, что это былъ только первый фазисъ польскаго вопроса; что впослѣдствіи и общество, и пресса, и правительство выказало болѣе сочувствія къ Польшѣ, что они стали самымъ серьезнымъ образомъ изъискивать средства, какъ бы помочь Польшѣ, и что это будто бы всеобщее сочувствіе гарантируетъ Польшѣ улучшеніе въ ея судьбѣ; вслѣдствіе этого насчитываютъ второй, третій и, Богъ знаетъ, еще какіе фазисы въ развитіи польскаго вопроса. Эти фазисы пожалуй и существуютъ, но мы увѣрены въ томъ, что это фазисы только внѣшніе, кажущіеся; что, вводя польскій вопросъ въ тотъ или другой фазисъ, правительства дѣлали только видъ, будто они намѣрены слѣдовать иной политикѣ относительно польскаго вопроса, нежели той, къ которой они обратились при первомъ извѣстіи о возмущеніи. Одно несомнѣнно — это то, что общественное мнѣніе въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, послѣ нѣкотораго боязливаго колебанія, высказалось довольно рѣшительно въ пользу Поляковъ. Но также несомнѣнно и то, что симпатія общественнаго мнѣнія не можетъ принести Польшѣ ни малѣйшей существенной пользы, и не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на дальнѣйшую судьбу ея. Тѣ, которые говорятъ, что въ наше время, общественное мнѣніе имѣетъ сильное вліяніе на дѣйствія правительствъ, говорятъ чистѣйшій вздоръ. Т. е. это не было бы вздоромъ, еслибы во всей Европѣ были правительства недалекія, неискусныя, которыя позволили бы руководить себя общественнымъ мнѣніемъ. Но правительство благоразумное, искусное никогда не позволитъ близорукому и неразумному общественному мнѣнію руководить своими дѣйствіями. Подобное правительство будетъ искусно пользоваться общественнымъ мнѣніемъ для достиже-

нія своихъ собственныхъ цѣлей и направить общественное мнѣніе на то, что ему нужно. Если же неразумное общественное мнѣніе будетъ требовать отъ него рискованной политики, въ которой оно лично для себя ничего не можетъ выиграть, то оно, конечно не бравируя его открыто, будетъ однако искусно лавировать, дѣлать видъ, будто желаетъ слѣдовать именно такой-то (рискованной, неразумной) политикѣ, но что оно встрѣчаетъ на этомъ пути непреодолимыя препятствія; оно положитъ эти препятствія подъ увеличительное стекло и заставитъ общество смотрѣть на него въ это стекло; оно будетъ всячески оттягивать рѣшеніе вопроса, оно будетъ всячески стараться выиграть время, а тамъ воспользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы рѣшить извѣстный вопросъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно желаетъ рѣшить его, продолжая дѣлать видъ, что оно все-таки повинуется общественному мнѣнію.

Если правительство дѣйствуетъ только мало-мальски искусно, то подобные маневры ему всегда удаются. А общество утѣшаетъ себя тѣмъ, что правительство послушалось бы его голоса и поступило бы именно такъ, какъ оно (общество) этого желало, если бы не обстоятельства. Все сказанное нами выше вполнѣ относится къ образу дѣйствія различныхъ правительствъ въ польскомъ вопросѣ. Увидавши, что общественное мнѣніе въ ихъ государствахъ довольно благопріятно польскому движенію, но не видя по большей части ни малѣйшей для себя пользы отъ вмѣшательства въ польскія дѣла, правительства эти принялись лавировать между требованіями общественнаго мнѣнія и своими собственными интересами, и все ихъ вниманіе обращено было на то, чтобы совершить это лавированіе со всевозможнымъ искусствомъ. Отсюда такъ называемые вторые, третьи и прочіе фазисы въ развитіи польскаго вопроса, которые собственно не суть фазисы вопроса, а лишь болѣе или менѣе искусные маневры разныхъ правительствъ — преимущественно французскаго, австрійскаго и англійскаго. Мы обращаемъ на это вниманіе нашихъ читателей и совѣтуемъ имъ имѣть это постоянно въ виду впродолженіе всего дальнѣйшаго нашего изложенія.

Но что же заставило общественное мнѣніе выйти изъ того колебанія, въ которомъ оно сначала находилось, и что заставило правительства и дипломатовъ выйти изъ того твердаго и опредѣленнаго положенія, въ которое они поставили себя съ самаго начала возстанія, и вступить на скользкій и трудный путь лавированія? Все это надѣлала, какъ извѣстно, такъ называемая русско-прусская конвенція, заключенная 8-го февраля нынѣшняго года. Съ тѣхъ поръ, какъ Европа узнала о заключеніи этой конвенціи, начинается такъ называемый второй фазисъ въ развитіи польскаго вопроса.

Сначала прусское правительство относилось къ польскому вопросу довольно умѣренно. При первомъ извѣстіи о возстаніи, оно сдѣлало только распоряженіе объ отправленіи изъ Бреславля къ русской границѣ пѣшихъ и конныхъ жандармовъ, которые должны были составить кордонъ вдоль границы. Когда въ Пруссіи распространился слухъ о мобилизаціи 5 армейскаго корпуса, расположеннаго въ Познани, то правительственныя газеты даже опровергали этотъ слухъ, и объявили, что сдѣлано только распоряженіе объ усиленіи гарнизоновъ въ пограничныхъ съ Польшею городахъ. 1-го февраля въ Познани обнародовано было объявленіе, подписанное гражданскимъ начальникомъ Познани и командиромъ расположенныхъ тамъ войскъ; въ этомъ объявленіи говорилось, что тотъ, кто будетъ оказывать помощь къ возстанію или даже выражать сочувствіе къ нему, будетъ судимъ по всей строгости законовъ; объявленіе это выражалось съ негодованіемъ о жестокомъ характерѣ польскаго возстанія, но вообще было составлено въ довольно мягкихъ выраженіяхъ и не предвѣщало ничего особеннаго. Нѣсколько дней спустя, прусское правительство приняло мѣру, которую оно принимало также во время возстанія 1830 года и которая показывала, что оно начинаетъ обращать на возстаніе болѣе серьезное вниманіе: оно назначило одного общаго главнокомандующаго для 1-го, 2-го, 5-го и 6-го армейскихъ корпусовъ (расположенныхъ въ Помераніи, Восточной Пруссіи, Познани и Силезіи). Въ началѣ февраля, въ Пруссіи начали уже носиться слухи о томъ, будто между Россіей, Австріей и Пруссіей заключенъ договоръ, имѣющій цѣлью помѣшать распространенію и содѣйствовать подавленію возстанія. Впрочемъ австрійскія газеты тогда же объявили эти слухи лишенными всякаго основанія, потому что Австріи не нужно принимать никакихъ оборонительныхъ мѣръ относительно своихъ польскихъ провинцій.

Между тѣмъ около 10-го февраля въ Берлинѣ уже началъ ходить слухъ о томъ, что генералъ Альвенслебенъ заключилъ въ Варшавѣ конвенцію съ прусскимъ правительствомъ, и что эта конвенція имѣетъ цѣлью совокупное подавленіе польскаго мятежа. Въ виду послѣдующихъ увѣреній прусскихъ министровъ и правительственныхъ газетъ о происхожденіи этихъ слуховъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, кто въ Пруссіи первый заговорилъ о заключеніи конвенціи. 10 февраля, когда слово конвенція еще едва было упомянуто въ Пруссіи, въ одной берлинской газетѣ, получающей внушенія свыше, напечатано было слѣдующее о прусскомъ вмѣшательствѣ: «благоразумная часть польскаго населенія должна сама желать вмѣшательства Пруссіи въ польскія дѣла, не только потому, что подобное вмѣшательство ограничило бы число жертвъ движенія, которое ни въ какомъ случаѣ не можетъ

надѣяться на успѣхъ, но и потому, что въ томъ случаѣ, если бы движеніе это было подавлено съ помощію пруссаковъ, Пруссія имѣла бы возможность принять на себя благодарную роль посредника между русскимъ правительствомъ и введеннымъ въ заблужденіе польскимъ населеніемъ». Если въ этихъ словахъ былъ сдѣланъ только намекъ (хотя довольно прозрачный) на возможность вмѣшательства Пруссіи въ дѣла Польши, то два дня спустя 12 февраля органъ феодальной партіи, *Крестовая газета*, объявлялъ съ торжествомъ, что конвенція между Россіей и Пруссіей дѣйствительно заключена. Сначала она выставляетъ въ самомъ черномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ Восточной Пруссіи и Познани, желая убѣдить этимъ своихъ читателей въ необходимости конвенціи. Затѣмъ, заявивши о фактѣ заключенія конвенціи, она не говоритъ, въ чемъ именно она состоитъ, но объявляетъ, что она имѣетъ цѣлью совокупное дѣйствіе русскихъ и прусскихъ войскъ противъ польскихъ мятежниковъ, и намекаетъ на то, что въ конвенціи заключаются условія касательно перехода русскихъ войскъ на прусскую территорію, съ цѣлію преслѣдовать мятежниковъ, и касательно случаевъ вступленія прусскихъ войскъ въ русскіе предѣлы. Въ заключеніе статьи своей о конвенціи, *Крестовая газета* радуется тому, что въ ней видѣнъ первый шагъ къ возобновленію священнаго союза, который долженъ стремиться къ повсемѣстному ниспроверженію принциповъ 1789 года и къ повсемѣстному торжеству легитимизма. Она предвидитъ также возможность протестовъ Англіи и Франціи противъ этой новой политики Пруссіи, но она полагаетъ, что эти протесты будутъ имѣть единственнымъ послѣдствіемъ болѣе тѣсное сближеніе трехъ великихъ восточныхъ державъ. Итакъ, первыя извѣстія о заключеніи конвенціи и о содержаніи ея сообщены были правительственными и феодальными газетами. Но въ чемъ состояла эта конвенція, никто не зналъ положительно ни въ то время, ни даже теперь, когда прошло уже болѣе двухъ мѣсяцевъ со времени заключенія ея. Въ этомъ отношеніи конвенція эта очень замѣчательна: она произвела страшный шумъ во всей Европѣ, о ней толковали во всѣхъ парламентахъ, во всѣхъ газетахъ, чуть не на всѣхъ улицахъ столицъ Европы, по поводу ея писались ноты — но почти никто изъ трактовавшихъ и трактующихъ о ней не зналъ и не знаетъ навѣрное, въ чемъ она состоитъ. Она нигдѣ не была опубликована. Первыя извѣстія о содержаніи ея были сообщены, какъ мы замѣтили выше, *Крестовою газетою*; но хотя эта газета стоитъ въ очень близкихъ сношеніяхъ съ правительственными сферами, однако эта газета неоффиціальная и правительство имѣло впослѣдствіи, когда ему понадобилось, возможность объявить, что всѣ извѣстія сообщенныя газетами—въ томъ числѣ и Крестовою—были совершенно ложны. Нѣкоторыя иностран-

ныя газеты сообщили (будто бы изъ вѣрныхъ источниковъ) извѣстія о содержаніи конвенціи; но, конечно, за достовѣрность этихъ извѣстій ручаться нельзя. Такъ, напримѣръ австрійская General-Correspondenz говоритъ, что въ силу конвенціи русскія войска, переходящія на прусскую землю, сохраняютъ свое оружіе, что они могутъ проходить черезъ прусскія земли въ видахъ сокращенія пути, что они могутъ преслѣдовать инсургентовъ на прусской территоріи, и наконецъ, что прусскія войска могутъ дѣйствовать отдѣльно или въ совокупности съ рускими войсками противъ польскихъ инсургентовъ. Сообщая эти извѣстія, австрійская газета высказываетъ свое неодобреніе этому шагу, который по ея мнѣнію можетъ вызвать броженіе и даже возстаніе въ польскихъ провинціяхъ самой Пруссіи; она пользуется этимъ случаемъ для того, чтобы еще разъ выставить на видъ различіе между политикой австрійскаго и прусскаго правительствъ въ польскомъ вопросѣ. Франкфуртская газета «Europe» сообщаетъ, что конвенція 8-го февраля состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части будто бы заключаются гласныя статьи, которыя содержатъ тѣ же условія, о которыхъ сообщаетъ и «General-Correspondenz». Но кромѣ того существуетъ будто бы еще вторая часть конвенціи, въ которой заключены какія-то особенныя, тайныя статьи. Берлинское правительство ограничивалось тѣмъ, что объявляло всѣ эти слухи о конвенціи ложными; но въ чемъ собственно она состояла — это для всѣхъ оставалось тайной. Пруссія начала волноваться этими слухами о конвенціи. Вообще конвенція, по скольку содержаніе ея извѣстно было изъ нѣкоторыхъ намековъ правительственныхъ органовъ и изъ извѣстій иностранныхъ газетъ, возбуждала сильное неудовольствіе въ странѣ. Но отъ этого неудовольствія до сочувствія польскому возстанію находится еще цѣлая бездна, и Бисмаркъ вмѣстѣ съ феодалами были совершенно неправы, когда они обвиняли всѣхъ недовольныхъ конвенціей въ недостаткѣ патріотизма, въ сочувствіи революціи, въ сочувствіи полякамъ, и пр. Все это было совершенно ложно; неодобреніе конвенціи происходило именно отъ *обилія патріотизма* во всемъ прусскомъ населеніи. Это обиліе патріотизма высказалось какъ въ прошеніяхъ, поданныхъ правительству пруссаками различныхъ сословій, такъ и въ отзывахъ о конвенціи самыхъ либеральныхъ прусскихъ газетъ, такъ наконецъ и въ рѣчахъ, произнесенныхъ по этому поводу самыми либеральными, самыми прогрессистскими членами прусской палаты. Вездѣ на первомъ планѣ стоятъ интересы Германіи, интересы пруссаковъ; что же касается до интересовъ Польши, то вопреки увѣреніямъ гг. Бисмарка и другихъ, они или вовсе упускаются изъ виду, или стоятъ въ отдаленіи, на второмъ планѣ. Напримѣръ, при первыхъ слухахъ о конвенціи, *общество для споспѣшествованія нѣмецкихъ интересовъ въ Познани*, состоя-

щее преимущественно изъ крупныхъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ въ этой провинціи, послало въ Берлинъ адресъ, въ которомъ оно проситъ правительство отказаться въ интересахъ *нѣмецкаго* населенія Познани отъ исполненія тѣхъ статей конвенціи, которыя не имѣютъ цѣлью защищенія прусскихъ границъ отъ вступленія инсургентовъ. Нѣтъ ни малѣйшаго повода опасаться, говорится въ этомъ адресѣ, чтобы партія познанскихъ поляковъ, питающая химерическія надежды на возстановленіе Польши, была бы на столько безразсудна и ослѣплена, чтобы поднять знамя возстанія въ странѣ, на половину (?) населенной нѣмцами, стоящими гораздо выше ихъ по образованію; нѣтъ также ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы польскіе инсургенты вздумали перенести возстаніе въ познанскую провинцію. А слѣдовательно, заключаетъ адресъ, нѣтъ никакого основанія безъ всякой надобности налагать на Пруссію новые расходы (по усиленію и мобилизаціи арміи) и подвергать прусскую территорію тягостямъ прохожденія новой русскихъ войскъ. Какъ мы видимъ, сочувствія къ полякамъ, къ польскимъ интересамъ здѣсь нѣтъ ни на грошъ: здѣсь конвенція порицается исключительно съ точки зрѣнія нѣмецкихъ интересовъ. Прусское правительство стало также получать отъ купечества различныхъ городовъ адресы, въ которыхъ его просили не давать хода конвенціи: первый шагъ былъ сдѣланъ купечествомъ города Штеттина; его примѣру послѣдовали купцы Берлина, Данцига, Кёльна, Познани и другихъ городовъ. Во всѣхъ этихъ адресахъ высказывалось убѣжденіе, что вмѣшательство правительства въ дѣла Польши будетъ имѣть очень вредныя послѣдствія для ихъ торговли; но о мечтательномъ какомъ-то сочувствіи этихъ гражданъ къ польской инсурреціи въ адресахъ этихъ нѣтъ и помину. Г. Бисмаркъ и феодалы неоднократно обвиняли извѣстную часть прусской прессы въ томъ, что она страдаетъ недостаткомъ патріотизма и сильно сочувствуетъ польскому возстанію. Эти обвиненія повторялись такъ часто и съ такимъ негодованіемъ, что иной, пожалуй, можетъ подумать, будто въ нихъ есть доля правды: но онъ жестоко ошибется. Возьмемъ, напримѣръ, самую либеральную изъ нѣмецкихъ газетъ, берлинскую National Zeitung и посмотримъ, какъ она относится къ конвенціи и на сколько она сочувствуетъ польскому возстанію. При первыхъ слухахъ о заключеніи конвенціи, она помѣстила на столбцахъ своихъ (№ 73) статью, въ которой доказываетъ, что Пруссія въ польскомъ вопросѣ не должна идти рука объ руку съ Россіей, потому что положеніе ихъ относительно поляковъ совершенно различное. Она доказываетъ, что «Пруссія имѣетъ болѣе права владѣть своею частью Польши, нежели Россія, потому что нѣмцы издавна боролись на востокѣ съ славянами и распространяли между ними германское обра-

ваніе медленными, но справедливыми и всесильными средствами». Логика ея, значитъ, заключается въ томъ, что такъ какъ германцы уже въ теченіе многихъ столѣтій стараются германизировать Польшу, а Россія только лѣтъ сто тому назадъ начала присоединять къ себѣ польскія провинціи, то значитъ поляки имѣютъ право и основаніе возставать противъ русскаго владычества, но не должны возставать противъ владычества нѣмцевъ. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что логика либеральной берлинской газеты не лишена нѣкоторыхъ странностей. Далѣе она говоритъ, что Пруссія не можетъ слѣдовать одинаковой съ Россіей политикѣ въ польскомъ вопросѣ еще потому, что при всѣхъ раздѣлахъ Польши Россія будто бы брала себѣ львиную долю и оставила Пруссіи самую меньшую часть; при этомъ ясно слышится сожалѣніе о томъ, что эта львиная доля не досталась на долю Пруссіи. Конвенція, по мнѣнію Nat-Zeit., безполезна, потому что въ Познани никакъ нельзя ожидать возстанія. Пруссія, говоритъ она, съумѣла сильно прикрѣпить къ себѣ своихъ польскихъ подданныхъ, *она дала имъ все, что сама имѣетъ, слѣдовательно*, имъ было бы странно желать отложиться отъ Пруссіи. Она соглашается съ тѣмъ, что и въ Познани есть нѣкоторые поляки, которые мечтаютъ о возстановленіи Польши отъ Одессы до Данцига, и увлекаясь подобными мечтами, совершенно упускаютъ изъ виду истинно полезную дѣятельность, посредствомъ которой они могли бы принести пользу своей странѣ; но она называетъ подобныя мечты несбыточными утопіями, на которыя не должно обращать вниманія, и которыя не должны возбуждать опасеній благоразумныхъ пруссаковъ (Nat.-Zeit. 81). Слѣдовательно, если National Zeitung, Kölnische Zeitung и другія либеральныя нѣмецкія газеты и сочувствуютъ отчасти польскому возстанію и полякамъ, то онѣ сочувствуютъ только полякамъ — русскимъ подданнымъ и возстанію въ Царствѣ Польскомъ. Но и на этомъ ограниченномъ пространствѣ онѣ сочувствуютъ имъ не вслѣдствіе платонической любви къ полякамъ, а опять таки изъ патріотизма. Онѣ допускаютъ даже мысль о возстановленіи самостоятельной Польши (конечно онѣ съ негодованіемъ отвергаютъ всякую мысль о присоединеніи къ самостоятельной Польши хоть одной пяди польской земли, принадлежащей въ настоящее время нѣмцамъ); но онѣ очень просто и ясно объявляютъ, что онѣ желаютъ этого въ интересахъ Пруссіи, потому что для Пруссіи гораздо выгоднѣе имѣть въ ближайшемъ своемъ сосѣдствѣ слабое польское королевство, нежели могущественную россійскую имперію, и что поэтому со стороны Пруссіи вовсе не политично содѣйствовать усиленію и безъ того уже сильной россійской монархіи. National-Zeitung говоритъ между прочимъ, что западныя державы могутъ, пожалуй, желать возстановленія Польши въ прежнихъ

ея предѣлахъ, что для нихъ это все равно, пожалуй, даже выгодно; но что это дѣло касается ближе всего Германіи, что Германія въ этомъ дѣлѣ компетентнѣе другихъ, и что поэтому, какъ частный вопросъ о конвенціи, такъ и общій вопросъ о возможномъ возстановленіи Польши слѣдуетъ разсматривать съ точки зрѣнія выгодъ Германіи. И разсматривая вопросъ съ этой точки зрѣнія, она пришла къ вышеприведенному нами заключенію о выгодѣ для Германіи частнаго возстановленія Польши, о самостоятельности той части Польши, которая находится въ настоящее время подъ властью Россіи. (N. Z. 95). Почти тѣ же самыя мысли, которыя высказывались въ разное время прусскими либеральными газетами по поводу польскаго вопроса, высказаны были и либеральными прусскими депутатами во время трехъ-дневныхъ парламентскихъ преній о конвенціи 8 февраля. Депутаты Шульце-Деличъ и Карловицъ сдѣлали въ палатѣ запросъ о томъ, существуетъ ли конвенція и каково ея содержаніе? Бисмаркъ отвѣчалъ очень неопредѣленно, началъ распространяться о нескромности и о преувеличеніяхъ туземной и иностранной прессы, но положительнаго отвѣта не далъ; впрочемъ, изъ его отвѣта все-таки можно было вывести заключеніе о томъ, что конвенція существуетъ. Дѣйствительно, нѣкоторыя иностранныя газеты начали сообщать извѣстія о томъ, что конвенція 8 февраля уже приводится въ исполненіе. Они сообщили о томъ, будто прусскія войска перешли границу Царства Польскаго, заняли городъ Добжинъ, и пробывъ тамъ 8 часовъ, возвратились назадъ; онѣ разсказали равнымъ образомъ о томъ, что четверо молодыхъ поляковъ, снабженные французскими паспортами, были арестованы въ Торнѣ и выданы русскимъ начальствамъ. По поводу этихъ увѣреній газетъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Эйленбургъ, объявилъ въ палатѣ, что первое изъ нихъ совершенно ложно, а второе невѣрно въ томъ смыслѣ, что означенные 4 поляка не были выданы русскому правительству, а только высланы за границы Пруссіи, въ предѣлы Россіи. Между тѣмъ, въ 20 числахъ февраля депутаты Говербекъ и Карловицъ рѣшились сдѣлать въ палатѣ слѣдующее предложеніе: «интересы Пруссіи требуютъ, чтобы королевско-прусское правительство въ виду вспыхнувшаго въ Польшѣ возстанія не оказывало никакой поддержки ни русскому правительству, ни польскимъ инсургентамъ (впослѣдствіи принято было измѣненіе, предложенное депутатомъ Бокумъ-Дольфсомъ, замѣнившее послѣднія слова словами:—*ни той, ни другой сторонѣ*), и чтобы согласно съ этимъ не было позволено ни одной изъ воюющихъ сторонъ вступать на прусскую территорію безъ того, чтобы вступившіе немедленно не были обезоружены». Пренія о принятіи или непринятіи этого предложенія начались 26 февраля, продолжались 3 дня и окончились 28-го февраля приня-

тіемъ этого предложенія большинствомъ 246 голосовъ противъ 57 (феодалы, ультрамонтаны, партія Финке). Во время этихъ преній, обратившихъ на себя вниманіе не только всей Пруссіи, но и всей Европы, сказано было много хорошихъ рѣчей; люди различныхъ партій высказали свой взглядъ на польскій вопросъ и на политику, которой въ этомъ вопросѣ должна слѣдовать Пруссія. Феодалы и друзья министерства не переставали высказывать во всѣ три дня преній, что резолюція гг. Говербека и Карловица имѣетъ цѣлью выказать сочувствіе къ революціи противъ законнаго правительства; что революціонная партія въ Пруссіи сочувствуетъ Польшѣ, и что слѣдовательно, наоборотъ, всякій, кто не порицаетъ возстанія, есть революціонеръ; что пресса, порицающая образъ дѣйствія прусскаго правительства въ этомъ вопросѣ, поступаетъ въ высшей степени непатріотично, даже преступно; что возстановленіе Польши невыгодно для Пруссіи, потому что поляки были и вѣроятно будутъ очень безпокойными сосѣдями, которые, стремясь къ Балтійскому морю, будутъ угрожать прусскимъ провинціямъ. Въ этомъ смыслѣ говорили между прочимъ феодалъ Готтбергъ, министръ-президентъ г. Бисмаркъ, который очень остроумно подсмѣивался надъ тревогой прессы по поводу конвенціи и надъ тѣмъ, что газетчики и журналисты сдѣлали изъ этой конвенціи «морскаго змія», но который все-таки во всѣ три дня преній не сказалъ ни одного слова о томъ, въ чемъ именно состоитъ конвенція (*). Либералъ г. Финке говорилъ,

---

(*) Въ первый день преній, во время рѣчи г. Бисмарка, въ палатѣ случился любопытный эпизодъ, который хотя и не относится собственно къ польскому вопросу, но стоитъ того, чтобы о немъ заявить. Г. Бисмаркъ назвалъ депутатовъ Вальдека и Упру людьми, которые желаютъ погибели Пруссіи, и напомнилъ образъ дѣйствія ихъ въ 1848 году; когда при этихъ словахъ его въ палатѣ обнаружились признаки неодобренія, онъ высказалъ свое удовольствіе тому, что палата не одобряетъ подобныя вещи. Когда лицо-президентъ палаты, Беренд, просилъ его не касаться въ своей рѣчи предметовъ, не относящихся къ дѣлу, г. Бисмаркъ надменно объявилъ, что власть президента палаты не распространяется на министерскую скамью, что онъ (Бисмаркъ) признаетъ надъ собою только власть короля, и что поэтому президентъ не имѣетъ права прерывать его рѣчи и призывать его къ порядку. Хотя г. Беренд съ твердостью возразилъ на это, что власть его распространяется на все, заключающееся въ четырехъ стѣнахъ палаты, и что онъ съумѣетъ сдѣлать должное употребленіе изъ этой власти, однако г. Бисмаркъ, съ свойственнымъ ему упрямствомъ, повторилъ еще разъ прежнее свое выраженіе о г. Упру; тогда г. Беренд пригрозилъ, что онъ закроетъ засѣданіе, и г. Бисмаркъ, сирѣпя сердце, долженъ былъ повиноваться; впрочемъ при этомъ онъ доставилъ себѣ удовольствіе заявить, что послѣ двукратныхъ его нападковъ на г. Упру всѣ поняли, что онъ хочетъ сказать, и что поэтому онъ самъ считаетъ излишнимъ пояснять это.

что онъ не желаетъ вступленія русскихъ войскъ на прусскую территорію, но что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы очень радъ, еслибы напр. прусская полиція узнала и арестовала бы Мирославскаго, еслибы были схвачены оружіе и военные запасы, доставляемые полякамъ, и еслибы напротивъ пруссаки доставляли русскимъ всевозможные запасы и оружіе; что вообще онъ въ интересахъ Пруссіи желаетъ, чтобы русскимъ оказано было всякое содѣйствіе въ подавленіи мятежа, и чтобы имъ только запрещено было преслѣдовать инсургентовъ на прусской территоріи. Онъ считаетъ возстановленіе Польши очень опаснымъ для Пруссіи и выражается очень сильно противъ тѣхъ, которые симпатизируютъ безразсудному и преступному польскому возстанію. Страннымъ образомъ, и въ Пруссіи, и у насъ, и въ остальной Европѣ многіе повѣрили увѣреніямъ Финке, Бисмарка, Готтберга и другихъ, и вообразили, что въ прусской палатѣ депутатовъ дѣйствительно сидятъ такіе депутаты, у которыхъ отсутствіе патріотизма и привязанность къ революціи доходятъ до того, что они питаютъ какую-то платоническую любовь къ полякамъ, сочувствуютъ возстанію ихъ и готовы принести въ жертву возставшимъ полякамъ интересы Германіи и Пруссіи «во имя какихъ-то идей либерализма и свободы». Многіе до того проникнулись этимъ убѣжденіемъ, что читали рѣчи разныхъ прогрессистскихъ депутатовъ прусской палаты, и дѣйствительно увидѣли въ нихъ *нѣчто такое*. Но мы можемъ положительно увѣрить этихъ господъ, что они ошибаются, что они хотя и читали разныя краснорѣчивыя и не краснорѣчивыя рѣчи, но не поняли ихъ смысла. Правда, прусскіе депутаты различныхъ партій и оттѣнковъ — гг. Зибель, Твестенъ, Симсонъ, Рённе, Геннигъ, Шульце-Деличъ, Репель, Карловицъ, Говербекъ, Фирховъ и др. — говорили рѣчи, въ которыхъ они болѣе или менѣе энергически порицали министерство на разные манеры; правда, они выражались очень рѣзко и остроумно о донкихотской политикѣ министерства; правда, они наговорили очень много непріятныхъ вещей министерству — но недостатка патріотизма, но безкорыстнаго сочувствія къ польскому возстанію, въ которыхъ ихъ постоянно упрекали, мы и слѣда не видимъ въ этихъ рѣчахъ. Возьмемъ для примѣра нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи депутата Ренне, потому что въ этой рѣчи особенно ясно формулированы взгляды прусскихъ прогрессистовъ на польское возстаніе, а также нѣсколько мѣстъ изъ рѣчи передоваго человѣка Пруссіи—г. Шульце-Делича. При этомъ мы можемъ увѣрить нашихъ читателей, не слѣдившихъ за самими дебатами, что и всѣ прочіе названные нами ораторы-прогрессисты говорили вообще въ духѣ гг. Ренне и Шульце-Делича, и даже умѣреннѣе, потому что приведенные нами два депутата допускали хотя частное возстановленіе самостоятельной Польши, чего другіе прогрес-

систы не имѣли въ виду. Г. Реше, сказавши сначала нѣсколько словъ о раздѣленіи Польши и о судьбѣ различныхъ частей ея, попавшихъ въ разныя руки, продолжаетъ:

«Я не требую политики симпатій, но политики, основанной на нашихъ интересахъ. Непомѣрное расширеніе предѣловъ Россіи уже нѣсколько десятилѣтій тому назадъ возбудило опасенія Европы; въ послѣднее время проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи еще увеличило для Европы опасность съ этой стороны. Правда, со времени восточной войны Россія стала быть менѣе опасной для Европы; но съ осуществленіемъ всѣхъ начатыхъ внутри государства реформъ она безъ сомнѣнія опять укрѣпится. Наши интересы вовсе не требуютъ того, чтобы мы противодѣйствовали раздробленію Россіи. Политика, которой слѣдуетъ правительство, упускаетъ изъ виду эти интересы и не согласна съ желаніями народа: поэтому не только палата, но и народъ должны протестовать противъ подобной политики, и начало тому уже сдѣлано почтеннымъ штеттинскимъ кунечествомъ. Мы тоже съ своей стороны должны успокоиться не прежде, нежели когда мы отклонимъ правительство отъ политики, которая враждебна интересамъ государства и династіи, и которая даже грозитъ опасностью существованію того и другой».

Воззрѣнія нѣмецкой партіи прогресса на польскій вопросъ были высказаны не менѣе ясно и отчетливо въ рѣчи, произнесенной 27 февраля депутатомъ Шульце. Приводимъ нѣкоторыя мѣста изъ этой чрезвычайно длинной и многословной рѣчи:

«Меня и моихъ политическихъ друзей упрекаютъ въ томъ, что мы, увлекаясь нашими симпатіями къ Польшѣ, забываемъ то, что мы прежде всего нѣмцы и прусскіе депутаты, и удаляемся отъ той точки зрѣнія, на которой мы собственно должны бы стоять. Въ отвѣтъ на подобныя обвиненія я считаю своею обязанностью объявить, что я и друзья мои признаемъ за государствомъ нашимъ священную обязанность удерживать всѣми силами прежнія польскія провинціи, которыя теперь принадлежатъ прусскому королевству. Всякое возстаніе поляковъ, которое коснулось бы нашихъ владѣній, оскорбило бы нѣмецкую національность, и мы должны непремѣнно противиться этому, не жалѣя ни денегъ, ни крови. Этотъ мой образъ мыслей раздѣляетъ вся партія нѣмецкихъ прогрессистовъ, и я не признаю, чтобы кто либо имѣлъ право на это имя, еслибы онъ смотрѣлъ на дѣло съ другой точки зрѣнія. Мы не желаемъ быть несправедливыми относительно поляковъ; мы не оспариваемъ у нихъ права на національное возрожденіе; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы при столкновеніи нашей національности съ чужою, наши симпатіи къ послѣдней заставили бы насъ сдѣлаться измѣнниками относительно первой. Я сочувствую

стремленіямъ поляковъ, пока они остаются въ должныхъ предѣлахъ. Мы крѣпко будемъ держаться за наши польскія провинціи, потому что въ нихъ германизація уже сильно подвинута впередъ, и потому что намъ приходится защищать въ нихъ германскіе интересы. Но какъ скоро рѣчь зайдетъ о политикѣ будущаго, то я твердо увѣренъ въ томъ, что мы должны быть скорѣе *за* возстановленіе Польши, нежели *противъ* него. Въ томъ-то и заключается особенность нѣмецкаго духа, что онъ въ своихъ политическихъ и соціальныхъ требованіяхъ и стремленіяхъ никогда не приходитъ въ противорѣчія съ интересами гуманизма». И такъ далѣе въ этомъ же родѣ.

Слѣдовательно, было бы совершенно ошибочно возводить на прусскихъ прогрессистовъ обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма, въ сочувствіи революціи quand même, и другія подобныя обвиненія. Все это совершенный вздоръ. Прусскіе прогрессисты не меньшіе патріоты, нежели г. Бисмаркъ; но вся разница между ними та, что они нѣсколько иначе понимаютъ интересы Пруссіи, нежели министръ-президентъ. Г. Бисмаркъ полагаетъ, что интересы Пруссіи нисколько не пострадаютъ, если по прусской территоріи пройдутъ русскія войска; прогрессисты полагаютъ, что это было бы неудобно. Г. Бисмаркъ полагаетъ, что поляки будутъ стремиться къ осуществленію своихъ обширныхъ національныхъ стремленій, и находитъ, что противъ этого нужно принять мѣры; прогрессисты полагаютъ, что мѣръ принимать не нужно, потому что эти стремленія (возстановленіе Польши отъ Данцига до Одессы) слишкомъ нелѣпы и несбыточны. Г. Бисмаркъ думаетъ, что для Пруссіи полезно имѣть въ своемъ сосѣдствѣ могущественную и сильную россійскую монархію; прогрессисты полагаютъ, что для Пруссіи было бы лучше имѣть подлѣ себя слабое польское королевство или варшавское герцогство. Что же касается до обвиненій въ платонической любви къ Польшѣ и въ сочувствіи къ революціи, которыми осыпали и осыпаютъ прогрессистовъ, то это, повторяемъ, чистая клевета, отъ которой мы по мѣрѣ силъ и возможности старались очистить нѣмецкихъ прогрессистовъ.

Между тѣмъ въ Пруссіи всѣ начали замѣчать, что заключеніе конвенціи было промахомъ со стороны прусскаго правительства; поэтому даже правительственная партія, вмѣсто того, чтобы хвастать ею, какъ она это дѣлала сначала, стараясь теперь уменьшить ея значеніе, и даже сваливать съ министерства отвѣтственность въ заключеніи ея. Начали говорить, что она была даже заключена безъ вѣдома Бисмарка, и что все это было дѣломъ военной партіи; (это впрочемъ довольно странное оправданіе въ государствѣ, гдѣ существуетъ конституціонный образъ правленія). Правительственные и феодальные органы, слѣдуя примѣру г. Бисмарка, старались сорвать досаду за этотъ

прочахъ на палатѣ депутатовъ и на либеральной прессѣ. Они говорили не обинуясь, что во всемъ виноваты газеты и парламентскіе крикуны, которые не только что растрезвонили о существованіи конвенціи, но еще и преувеличили значеніе ея; что они желаютъ смутъ и революціи въ Пруссіи, что они дѣлаютъ это изъ личной вражды къ министерству. Крестовая газета не задумалась даже объявить (2 апрѣля), что и торговая палата, и пресса, и депутаты *были подкуплены* польскими инсургентами. Но не смотря на все это, конвенція осталась какъ бы мертворожденной, и съ этихъ поръ ничего уже не было слышно объ исполненіи ея; прусское правительство само старалось не давать ей ходу; оффиціальная газета старалась представить ее какимъ-то миѳомъ, говорила о ней: «такъ называемая конвенція». Прусское правительство послѣ неудачной попытки принять дѣятельное участіе въ рѣшеніи польскаго вопроса какъ бы сошло со сцены; оно должно было предоставить другимъ державамъ играть первую роль въ этомъ дѣлѣ.

Эта конвенція не осталась безъ вліянія и на отношенія прочихъ государствъ къ польскому вопросу. Во Франціи первыя заговорили о ней газеты Opinion Nationale и Siècle и указали при этомъ на необходимость политики невмѣшательства. Но правительство видимо старалось черезъ посредство полуоффиціальныхъ газетъ (напр. статья Patrie отъ 14-го февраля) уменьшить значеніе конвенціи и увѣрить публику, что нѣтъ еще никакого основанія видѣть въ польскомъ вопросѣ вопросъ международный. Но по мѣрѣ того, какъ заключеніе конвенціи дѣлалось достовѣрнымъ, началось колебаніе французскаго правительства. Положеніе его было очень затруднительно. Съ одной стороны, оно понимало, что не можетъ допустить вмѣшательства Пруссіи въ дѣла Польши, но съ другой стороны, ему очень не хотѣлось портить своихъ дружественныхъ отношеній къ Россіи, возбуждать подозрительность Англіи и Германіи. Эта затруднительность его положенія высказалась въ словахъ, которыя приписываютъ Друэну де Люи. Онъ будто бы сказалъ по поводу польскаго вопроса. «Cette maudite affaire de Pologne n'aura d'autre résultat que de nous compromettre avec tout le monde». (Единственнымъ результатомъ этого вопроса будетъ то, что мы со всѣми перессоримся). Отсюда начинается прелюбопытное колебаніе правительства, которое продолжается еще и доселѣ: какъ должно понимать это колебаніе, мы объяснили выше. Напр. правительство выпустило студентовъ, незадолго передъ тѣмъ арестованныхъ за демонстрацію въ пользу поляковъ, сказавши имъ, что сочувствовать полякамъ они могутъ, но что на улицѣ они не должны шумѣть; но вслѣдъ за тѣмъ оно запретило иллюстрированнымъ газетамъ помѣщать у себя портреты Лангевича и другихъ польскихъ предводителей. Газетамъ позволено было говорить свобод-

нѣе о польскихъ дѣлахъ, и даже самъ Монитёръ заговорилъ очень строго о конвенціи: но вслѣдъ за тѣмъ правительство запретило газетѣ «Siècle» открыть подписку для помощи возстанію, и позволило газетамъ дѣлать подписку только въ пользу жертвъ возстанія. Вдругъ въ Constitutionnel'ѣ 21-го февраля появляется статья, отзывающаяся очень сочувственно о польскомъ возстаніи и очень строго о поведеніи Пруссіи: биржа предвидитъ войну, тревожится, дѣла колеблются; тотчасъ же 23-го февраля тамъ же появляется новая статья, въ которой говорится, что всякія опасенія напрасны, что все обстоитъ благополучно, и что дѣло ни въ какомъ случаѣ не можетъ дойти и не дойдетъ до войны. Между тѣмъ въ Парижѣ ходили самые разнообразные слухи; то говорили, что императоръ Наполеонъ написалъ собственноручное письмо къ императору Александру, и что Морни уже повезъ это письмо въ Петербургъ; то разсказывали за достовѣрное, что между Англіей и Франціей состоялось соглашеніе для совокупнаго дѣйствія въ польскомъ вопросѣ; другіе прибавляли, что и Австрія уже изъявила готовность дѣйствовать въ этомъ вопросѣ заодно съ западными державами. Легитимистскія газеты заговорили о трактатахъ 1815 года; Эмиль Жирарденъ напечаталъ въ своей газетѣ «Presse» письмо къ императору Александру: однимъ словомъ, всякій старался сказать свое слово въ польскомъ вопросѣ. Но немного погодя послѣ сильныхъ опасеній за спокойствіе Европы, послѣ паники, распространившейся было въ Парижѣ на биржѣ и въ обществѣ, наступила реакція; всѣ газеты наперерывъ старались доказать, что войны никакъ не можетъ быть; всѣ спрашивали себя, откуда могла произойти паника; о конвенціи стали говорить, что она какъ бы уже уничтожена de facto; въ такомъ смыслѣ будто бы отозвался о ней и графъ Гольцъ, прусскій посланникъ въ Парижѣ. Вмѣшательство, по увѣренію благонамѣренныхъ газетъ, должно было ограничиться дружескими совѣтами, съ которыми европейскіе кабинеты обратятся къ русскому правительству; нѣкоторые увѣряли положительно, что это послѣднее уже согласилось даровать польшѣ амнистію и національныя учрежденія. Если нѣкоторыя газеты, какъ напр. «Opinion Nationale и Siècle, и продолжали еще распинаться за поляковъ, то благоразумная «Indépendance Belge» давала имъ очень полезный совѣтъ: она говоритъ, что пожалуй можно сочувствовать полякамъ, но что не должно простирать донкихотства до того, чтобы забывать ради чужой свободы самые драгоцѣнные свои интересы — интересы собственной свободы; вмѣсто того, чтобы толковать о войнѣ съ Пруссіей и Россіей, пускай бы эти газеты поговорили о выборахъ во Франціи или о мехиканской экспедиціи. Между тѣмъ французское правительство понимало, что ему нужно же что нибудь дѣлать въ поль-

своемъ вопросѣ, что безъ этого никакъ не обойдешься, и поэтому оно принялось писать ноты. 17-го февраля министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Друэнъ де Люи отправилъ къ прусскому правительству ноту, въ которой онъ выставлялъ ему на видъ, что въ прусскихъ владѣніяхъ все спокойно, и что поэтому мѣры прусскаго правительства, и въ особенности заключеніе конвенціи, скорѣе опасны, нежели полезны, потому что онѣ какъ бы приглашаютъ разрозненные члены польской національности дѣйствовать сообща, и пр. На другой день, т. е. 18 февраля, изъ Парижа была отправлена нота къ французскому посланнику въ Петербургѣ, герцогу Монтебелло, который долженъ былъ сообщить эту ноту русскому правительству. Въ этой нотѣ строго осуждалось всякое революціонное движеніе и всякое стремленіе къ анархіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней говорилось о положеніи общественнаго мнѣнія во Франціи, которое будто бы выразилось въ газетахъ различныхъ партій и инымъ образомъ. Поэтому, говорится далѣе въ нотѣ, правительство императора французовъ увидѣло бы съ особеннымъ удовольствіемъ реформы, которыя были бы даровавы Польшѣ, и т. д. Но такъ какъ французское правительство не хотѣло одно впутываться въ непріятный для него польскій вопросъ, то оно и послало въ Вѣну и Лондонъ ноты, въ которыхъ приглашало Австрію и Англію къ совокупному дѣйствію въ польскомъ вопросѣ; оно даже присоединило къ этому предложенію проектъ общей ноты, съ которой кабинетъ вѣнскій, лондонскій и тюльерійскій могли бы обратиться къ Россіи. Оно было почти увѣрено въ успѣхѣ этого шага своего, и въ этой увѣренности его еще болѣе поддерживали отзывы англійской прессы о польскомъ вопросѣ и рѣчи, произносимыя въ англійскомъ парламентѣ.

Въ обѣихъ палатахъ англійскаго парламента сдѣланы были запросы о конвенціи и о политикѣ правительства въ польскомъ вопросѣ. Въ верхней палатѣ графъ Россель отвѣчалъ очень уклончиво и осторожно; онъ не одобрилъ конвенціи, но говорилъ, что дѣло должно быть серьезно взвѣшено, что этотъ вопросъ еще не разъяснился, что многое должно зависѣть отъ хода возстанія и пр. Въ нижней палатѣ нѣкто г. Геннеси предложилъ представить правительству адресъ въ пользу дѣятельнаго вмѣшательства въ польскія дѣла. Предложеніе это было поддержано депутатами различныхъ партій — вигами и торіями, католиками и англиканцами, консерваторами, либералами и радикалами. Въ отвѣтъ на этѣ рѣчи лордъ Пальмерстонъ отозвался очень строго о конвенціи, но выразилъ надежду, что ей не дано будетъ хода; онъ сказалъ далѣе, что Англія имѣетъ право, но не обязанность дѣйствовать въ смыслѣ, благопріятномъ Польшѣ; что вѣроятно, либеральный русскій императоръ дастъ полякамъ амнистію и

національныя учрежденія; что англійское правительство сдѣлаетъ все, что будетъ нужно, и чтобы поэтому г. Геннесси взялъ обратно свое предложеніе. Г. Геннесси такъ и сдѣлалъ.

Англійская пресса высказалась очень энергическимъ образомъ по поводу прусской политики въ польскомъ вопросѣ. «Times» вспоминала по этому поводу о Стюартахъ и Бурбонахъ, «Daily-News» находила, что со времени заключенія конвенціи Европа имѣетъ право и даже обязана вмѣшаться въ польскій вопросъ; «Morning-Post» говорила съ опасеніемъ о томъ, что теперь Франціи дана возможность играть очень замѣтную роль. Эта газета откровеннѣе другихъ и лучше всего выражаетъ причины, почему Англія недовольна конвенціей: дѣйствительно, эта конвенція какъ будто налагала на европейскія правительства нравственную обязанность вмѣшаться въ польскій вопросъ, въ который они вовсе не желали вмѣшиваться. Они были очень рады, что на этотъ вопросъ можно было смотрѣть, какъ на вопросъ внутренней политики. Европа осталась бы себѣ въ сторонѣ и смотрѣла бы, что тамъ дѣлается въ Польшѣ; а тутъ вдругъ Пруссія такъ некстати заключила конвенцію и превратила польскій вопросъ изъ вопроса внутренняго въ вопросъ международный. Англія, можетъ быть, увидѣла бы не совсѣмъ неохотно, еслибы Франція впуталась въ великую континентальную войну, въ которой Англія оказывала бы ей моральную поддержку; но вѣдь Франція даромъ сражаться не захочетъ; хотя Франція и сражается за идеи, но ей въ случаѣ удачи давай все-таки вознагражденіе (напр. въ видѣ рейнской границы); а это вознагражденіе сильно тревожило почтенныхъ англійскихъ политиковъ, которые никакъ не могутъ забыть присоединенія Савойи и Ниццы. Поэтому всѣ англійскія газеты, такъ сильно порицавшія конвенцію, несказанно обрадовались вышеупомянутой рѣчи Пальмерстона (въ отвѣтъ г. Геннесси) и принялись хвалить ее на всѣ лады. «Morning-Herald» и другія газеты, принадлежащія къ торійской оппозиціи, заявляли только свое полное удовольствіе тому, что по всѣмъ видимостямъ конвенцію можно считать уничтоженною, и что слѣдовательно польскій вопросъ пересталъ быть вопросомъ международнымъ; «Times», «Spectator» и другія газеты говорили, что дипломатическое вмѣшательство пожалуй еще можно допустить (и то какъ право, а не какъ обязанность); но онѣ энергически протестуютъ противъ всякой мысли о дальнѣйшемъ шагѣ, что, по ихъ мнѣнію, было бы чистѣйшимъ донъ-кихотствомъ; Англія, говорятъ онѣ прямо, никогда не сражается за идеи, каковы бы ни были эти идеи; а поэтому нечего возбуждать ложныя надежды поляковъ. Между тѣмъ англійское правительство, объявивши, что оно имѣетъ право на дипломатическое вмѣшательство, рѣшилось воспользоваться этимъ правомъ и сдѣлать кой-

какія дипломатическія попытки: это показалось ему нужнымъ какъ для того, чтобы не дать въ руки одной Франціи дипломатическое веденіе этого вопроса, такъ и для того, чтобы удовлетворить нѣсколько общественному мнѣнію, которое начало шевелиться въ Англіи со времени заключенія русско-прусской конвенціи. Прежде всего лордъ Россель отвѣтилъ отрицательнымъ образомъ на предложеніе французскаго правительства сдѣлать совокупный дипломатическій шагъ: подобный шагъ, сдѣланный сообща, обязывалъ бы правительства къ болѣе энергическому вмѣшательству, въ случаѣ если бы онъ не имѣлъ успѣха, а этого англійское правительство всячески хотѣло избѣгнуть; да къ тому же Англіи хотѣлось самой взять въ свои руки инициативу дипломатическаго веденія польскаго вопроса. Согласно съ этимъ оно сначала обнародовало нѣсколько писемъ, обмѣненныхъ въ 1856 году между лордомъ Кларендономъ и лордомъ Пальмерстономъ; изъ этихъ писемъ обнаружилось, что во время переговоровъ о заключеніи парижскаго мира, Англія хотѣла уже завести рѣчь о реформахъ въ Польшѣ, но что русскій уполномоченный кн. Орловъ объявилъ, что это будетъ излишне, такъ какъ императорское правительство и безъ того намѣрено произвести эти реформы, и что можно только помѣшать дѣлу, поднявши о немъ рѣчь на конгрессѣ; вслѣдствіе этихъ увѣреній гр. Кларендонъ и не поднималъ этого вопроса. Въ концѣ февраля лордъ Россель отправилъ въ Берлинъ ноту, въ которой выражается неодобрительно о заключеніи конвенціи (впрочемъ онъ же заявилъ графу Бернсторфу — прусскому посланнику въ Англіи, что Англія во внѣшней политикѣ никогда не отдѣлится отъ Пруссіи, потому что интересы ихъ слишкомъ тѣсно связаны). Затѣмъ 2-го марта онъ отправилъ депешу въ С.-Петербургъ, въ которой онъ съ прискорбіемъ говоритъ о событіяхъ въ Польшѣ и дружески совѣтуетъ Россіи даровать Польшѣ амнистію и возвратить ей учрежденія, которыя она имѣла при Александрѣ I; онъ выражаетъ свою увѣренность въ томъ, что это вполнѣ бы удовлетворило поляковъ, и что этимъ Россія расположила бы въ свою пользу общественное мнѣніе Европы. Затѣмъ 4 марта лордъ Россель послалъ къ державамъ, подписавшимъ Вѣнскій трактатъ 1815 г., циркуляръ, въ которомъ онъ извѣщалъ ихъ о нотѣ, посланной 2 марта въ С.-Петербургъ, и выражалъ надежду, что «державы, подписавшія вѣнскій трактатъ, одобрятъ этотъ шагъ англійскаго правительства, и съ своей стороны присоединятся къ нему, на сколько онѣ найдутъ это удобнымъ». (Этотъ циркуляръ лорда Росселя подалъ поводъ къ толкамъ, будто Англія потому отвергла предложеніе Франціи, что желала болѣе энергическаго дипломатическаго вмѣшательства въ польскій вопросъ, что она желала совокупнаго дѣйствія не только 3-хъ великихъ державъ, но всѣхъ державъ, подпи-

савшихъ вѣнскій трактатъ. Какъ мы видимъ, образъ дѣйствія англійскаго правительства вовсе не имѣлъ этого характера).

Вмѣстѣ съ отказомъ Англіи присоединиться къ совокупному вмѣшательству, въ Парижъ прибылъ также отрицательный отвѣтъ Австріи. Эта держава не имѣла ни малѣйшаго интереса впутываться въ рискованную политику по польскому вопросу; она была очень довольна тѣмъ положеніемъ, въ которое поставила себя съ самаго начала. Ее хвалили за ея благоразумное поведеніе въ польскомъ вопросѣ и сравнивали это повеленіе съ поведеніемъ Пруссіи, вызвавшемъ повсемѣстное неодобреніе. Она упивалась похвалами, которыя ей расточались со всѣхъ сторонъ; она радовалась тому, что за нею всѣ ухаживаютъ, что всѣ желаютъ склонить ее на свою сторону; она наслаждалась тѣмъ, что ей какъ бы пришлось играть первую роль въ Европѣ, и что вся будущая судьба Европы зависитъ почти исключительно отъ того, на чью сторону она склонится. Очень понятно, что она не имѣла ни малѣйшаго желанія выходить изъ этого выгоднаго положенія, которое не имѣло для нея никакихъ неудобствъ, и вдаваться въ болѣе рѣшительную политику, которая была бы сопряжена съ дипломатическими разрывами, войнами и пр. Поэтому австрійское правительство и продолжало балансировать на томъ пути, на который оно разъ вступило. Очень любопытно слѣдить за тѣмъ, что писалось въ это время въ вѣнской оффиціальной и полуоффиціальной прессѣ: съ одной стороны, она очень усердно занимается польскими дѣлами, разсуждаетъ очень много о гостепріимствѣ Австріи, не отказывающей никому въ убѣжищѣ, полемизируетъ съ «Русскимъ Инвалидомъ» о генералѣ Гіулаѣ и пр. Но рядомъ съ этимъ, когда Австрію совершенно несправедливымъ образомъ обвиняютъ въ сочувствіи къ польскому возстанію, разные оффиціальные и полуоффиціальные органы энергически протестуютъ противъ этого, доказываютъ, что это неправда, приводятъ разные факты, свидѣтельствующіе о томъ, что Австрія вовсе не сочувствуетъ революціи и пр. Но послѣ того, какъ Австрія, благодаря польскому вопросу, прочно утвердила за собою репутацію либеральной державы, она стала дѣйствовать все болѣе и болѣе откровенно и выступать все болѣе и болѣе рѣшительно на настоящую дорогу, т. е. на путь прямо враждебный польскому движенію. Такъ корреспондетъ «Times» писалъ изъ Вѣны въ началѣ марта, что посланники Россіи и Пруссіи имѣютъ очень частыя свиданія съ гр. Рехбергомъ; 12 марта австрійское правительство издало постановленіе, по которому никто не можетъ выѣхать изъ Галиціи въ царство польское безъ особеннаго полицейскаго разрѣшенія (между тѣмъ еще за нѣсколько недѣль передъ этимъ австрійская пресса доказывала очень убѣдительно, что австрійское правительство не можетъ и не

хочетъ запрещать своимъ подданнымъ ѣздить, куда имъ угодно). На предложеніе Франціи о совокупномъ вмѣшательствѣ и на циркуляръ лорда Росселя къ державамъ, подписавшимъ трактатъ 1815 года, она отвѣчала отрицательно, и сдѣлала это съ такою откровенностію, которую мы къ сожалѣнію рѣдко встрѣчаемъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ державъ: вмѣсто того, чтобы подобно Франціи и Англіи распространяться о принципѣ невмѣшательства, который между тѣмъ остается пустымъ звукомъ, она прямо объявила, что принципа вмѣшательства или невмѣшательства она не признаетъ, а что она понимаетъ только принципъ *интересовъ*; потребуютъ интересы Австріи вмѣшательства за поляковъ, она приметъ ихъ сторону; потребуютъ они вмѣшательства въ пользу русскихъ, она приметъ ихъ сторону; потребуютъ они сохраненія нейтралитета — она останется нейтральною. Въ настоящемъ случаѣ интересы Австріи требуютъ нейтралитета—и она соблюдаетъ и будетъ соблюдать его. А почему именно Австріи нельзя придерживаться наступательной политики, это ясно видно изъ словъ, приписываемыхъ императору Францу-Іосифу, и изъ статьи, напечатанной въ вѣнской газетѣ «Presse». Императоръ австрійскій будто бы сказалъ по поводу предложенія Франціи о совокупномъ дипломатическомъ вмѣшательствѣ: «Я не понимаю значенія подобной ноты, если она не будетъ поддержана въ случаѣ надобности сотнею тысячъ штыковъ. А что касается до этой послѣдней возможности, то я понимаю, что иная держава можетъ, какъ въ 1859 году (Франція), начать войну безъ всякаго повода съ цѣлью пріобрѣсти провинцію; но я не знаю ни одного примѣра, гдѣ бы какой нибудь государь нарочно впутался бы въ войну съ цѣлью потерять провинцію». А вотъ какъ говоритъ о вмѣшательствѣ австрійская газета «Presse»:

«Весьма важныя причины заставили австрійское правительство отказаться отъ совокупнаго дѣйствія въ С.-Петербургѣ, которое могло бы имѣть единственнымъ послѣдствіемъ то, что и безъ того уже натянутыя отношенія Австріи къ Россіи сдѣлались бы еще хуже. Есть множество вопросовъ, которые Россія можетъ обратить противъ самой Австріи: присоединеніе Кракова, Дунайскія княжества, Сербія, Черногорія—вотъ сколько вопросовъ, въ которыхъ австрійская политика расходится съ русской. (Эта газета могла бы прибавить, что всякое вмѣшательство въ политическія и религіозныя дѣла Польши было бы очень странно со стороны Австріи, которая сама еще не покончила счетовъ съ Венеціей и Венгріей, и въ которой религіозная терпимость составляетъ еще не болѣе, какъ pia desideria). Поэтому благоразумная политика требуетъ, чтобы Австрія не возбуждала противъ себя вражды Россіи до тѣхъ поръ, пока она еще уязвима въ столькихъ пунктахъ. Однимъ словомъ, Австрія не можетъ вмѣшаться

въ польскій вопросъ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ твердо увѣрена въ томъ, что этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ такъ, что не подвергнетъ Австрію впослѣдствіи гнѣву и мстительности Россіи. До тѣхъ поръ она должна ограничиться простымъ желаніемъ, чтобы въ Польшѣ возстановленъ былъ порядокъ; этого требуютъ ея интересы, потому что при настоящемъ порядкѣ вещей, во первыхъ, страдаетъ ея торговля, а во вторыхъ, на нее падаютъ лишніе расходы на содержаніе арестованныхъ инсургентовъ и на усиленный надзоръ за восточною своею границею. Съ этою цѣлью она можетъ обратиться къ заступничеству, а не къ вмѣшательству, и то въ единственномъ числѣ, а не во множественномъ».

Между тѣмъ, какъ во Франціи и общество, и пресса, и можетъ быть, даже самое правительство, предавалось сладкой надеждѣ, что Англія, Австрія и Франція будутъ дѣйствовать сообща въ польскомъ вопросѣ, что всѣ затрудненія легко уладятся, если уже не уладились, что Россія непремѣнно дастъ, если уже не дала, Польшѣ широкія реформы, вдругъ прибыли въ Парижъ извѣстія, которыя нѣсколько озадачили людей, видѣвшихъ все въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ. Сначала прибыли одинъ за другимъ отвѣты Англіи и Австріи, которыя подъ разными предлогами отказывались отъ совокупнаго дѣйствія въ польскомъ вопросѣ. Во Франціи почти никто не ожидалъ подобнаго результата. Если еще нѣсколько сомнѣвались въ согласіи Австріи, то относительно англійскаго правительства не было ни малѣйшаго сомнѣнія, и всѣ считали себя почему-то вправѣ полагать, что Англія съ удовольствіемъ согласится на совокупное дѣйствіе въ С.-Петербургѣ. А между тѣмъ англійскій кабинетъ отвергъ предложеніе Франціи, а самъ предложилъ возвратиться къ трактатамъ 1815 года. Это было очень досадно французской дипломатіи. Во первыхъ, инициатива въ этомъ дѣлѣ какъ будто переходила изъ его рукъ въ руки англійскаго правительства. Во вторыхъ, французскому правительству, которое постоянно только и дѣлало, что нарушало и трактаты, и самые принципы 1815 года, было очень неловко присоединиться къ державамъ, опирающимся на эти принципы. Отсюда дѣлается очень понятнымъ гнѣвъ, съ которымъ французскія газеты стали отзываться объ образѣ дѣйствія Англіи въ польскомъ вопросѣ. Однѣ (Opinion Nationale, Esprit public) прямо обвиняли англійское правительство въ двуличности и говорили, что оно хотѣло втравить Францію въ континентальную войну, а потомъ обратиться противъ нея же. Другія доказывали безполезность обращенія лорда Росселя къ державамъ, участвовавшимъ въ конгрессѣ 1815 года, и очень остроумно подсмѣивались надъ этой его попыткой, называя ее «ударомъ шпаги въ воду». Французское правительство, также недовольное тѣмъ, что встрѣтило

неудачу въ Лондонѣ, рѣшилось доказать всему свѣту, что оно не только сочувствуетъ, но и всегда сочувствовало Польшѣ болѣе, нежели Англія. Съ этою цѣлью оно обнародовало ноты, недавно писанныя Друэномъ де Люи ко дворамъ С. Петербургскому, Лондонскому, Вѣнскому и Берлинскому. Извольте-мол читать и судите сами, какъ мы стараемся. Многіе придавали чрезвычайно важное значеніе обнародованію этихъ документовъ; распространился даже нелѣпый слухъ, будто бы баронъ Будбергъ просилъ французское правительство не обнародовать ихъ. — По нашему мнѣнію очень странно и неосновательно приписывать правительству какіе-то особенные виды при опубликованіи этихъ нотъ: оно просто хотѣло показать, сколько уже оно сдѣлало въ польскомъ вопросѣ, что больше оно не могло и не можетъ сдѣлать, и что поэтому пускай на него не нещутъ. Когда же англійское правительство принялось за архивы и обнародовало не только вышеупомянутую переписку лорда Кларендона съ Пальмерстономъ въ 1856 году, но и ноту, адресованную еще въ 1832 году, вскорѣ послѣ подавленія польскаго возстанія, тѣмъ же лордомъ Пальмерстономъ къ тогдашнему англійскому посланнику въ С. Петербургѣ,—ноту, въ которой англійское правительство ходатайствуетъ за побѣжденную Польшу, — французское правительство, желая и тутъ перещеголять Англичанъ, тоже стало раскапывать архивы и вытащило оттуда относящуюся къ 1855 году переписку между г. Друэнъ де Люи и гр. Валевскимъ, тогдашнимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и французскимъ посланникомъ въ Лондонѣ. Изъ этой переписки обнаруживается, что въ 1855 году французское правительство хотѣло поднять вопросъ о Польшѣ и предлагало англійскому правительству поставить автономію Польши однимъ изъ условій будущихъ переговоровъ о мирѣ; но англійское правительство не видѣло въ этомъ предложеніи никакой пользы для себя, а напротивъ предвидѣло во всемъ этомъ только множество неудобствъ и поэтому не согласилось на тогдашнее предложеніе Франціи. Еще въ Парижѣ не успѣли успокоиться послѣ неудачи, испытанной французской дипломатіей въ Лондонѣ и Вѣнѣ, какъ явилось новое разочарованіе. Мы говорили уже о тѣхъ преувеличенныхъ и неосновательныхъ слухахъ, которые ходили въ Парижѣ, касательно согласія Россіи даровать возставшей Польшѣ амнистію, національныя учрежденія, чуть-чуть не конституцію 1815 года. Всѣ ожидали, что все это будетъ высказано въ отвѣтѣ русскаго правительства на ноту г. Друэнъ де Люи отъ 18 февраля; всѣ утѣшали себя тѣмъ, что всѣмъ этимъ Польша будетъ обязана не Англіи, не Австріи, не Турціи, ни даже Пруссіи, или Италіи, а почти исключительно Франціи, которая будто бы первая подала за нее голосъ; поэтому всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія въ Парижъ курьера отъ герцога

Монтебелло, который долженъ былъ привезти желанный отвѣтъ. Но вотъ 9 марта прибылъ въ Парижъ нетерпѣливо ожидаемый курьеръ, и пріѣздъ его имѣлъ послѣдствіемъ новое разочарованіе. Разсказывали, что привезенный имъ отвѣтъ русскаго правительства на ноту г. Друэна де Люи отъ 18 февраля, состоялъ въ томъ, что русское правительство не намѣрено отступать отъ пути реформъ и не отказывается отъ дарованія Польшѣ полезныхъ и брагоразумныхъ учрежденій (это же, какъ говорятъ, было заявлено русскимъ правительствомъ иностраннымъ державамъ при самомъ началѣ возстанія и потомъ еще разъ заявлено барономъ Брунновымъ лорду Росселю); но что этѣ реформы не могутъ простираться до возвращенія къ порядку, установленному въ 1815 году; и наконецъ, что во всякомъ случаѣ, ни объ амнистіи, ни о реформахъ не можетъ быть рѣчи, пока будетъ продолжаться вооруженное возстаніе. Какъ скоро содержаніе этого отвѣта (какъ по крайней мѣрѣ разсказывали о немъ въ Парижѣ) стало извѣстнымъ, оптимистическія увѣренія о томъ, что все уже совсѣмъ уладилось или улаживается, опять изчезли: цѣны на биржѣ опять пришли въ колебаніе; газеты всякихъ оттѣнковъ заговорили опять другимъ голосомъ; Constitutionnel пустилъ слухъ, что въ нынѣшнемъ году войска соберутся въ шалонскій лагерь уже къ концу марта, вмѣсто конца мая. (Хотя *Монитеръ* и объявилъ это извѣстіе ложнымъ, однако оно произвело свое дѣйствіе). Другіе распускали неправдоподобный слухъ, будто императоръ Наполеонъ открыто высказалъ, что онъ неудовлетворенъ полученнымъ отвѣтомъ. Въ связи со всѣми этими слухами стали ходить слухи о томъ, что французское правительство рѣшилось совершенно оставить мехиканскую экспедицію, конечно съ тою цѣлью, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ свои силы. Indépendance Belge при видѣ всѣхъ этихъ, будто бы тревожныхъ, симптомовъ, принялась считать, черезъ сколько фазисовъ прошелъ польскій вопросъ во французской прессѣ, и насчитала четыре фазиса: сначала, говоритъ она, для французской прессы возмутившіеся поляки были не что иное, какъ враги порядка и опасные соціалисты (точно такъ же, какъ и для самой Indépendance); потомъ она воодушевилась такою симпатіей къ полякамъ, что имѣла сильнѣйшее желаніе совершить походъ на Рейнъ—это второй фазисъ; потомъ она вдругъ стала видѣть все въ розовомъ свѣтѣ — это третій фазисъ; а теперь, говоритъ Indépendance, цѣны на биржѣ упали, и начинается четвертый актъ этой комедіи. Мы вполнѣ согласны съ почтенной брюссельской газетой въ томъ, что въ западной Европѣ разыгрывается въ послѣднее время комедія—для увеселенія кого, мы не знаемъ. Но намъ только странно видѣть, что надъ перемѣнчивостью французской прессы подсмѣивается Indépendance, та самая Indépen-

dance, у которой польскій вопросъ успѣлъ уже пройти не черезъ 4, а развѣ черезъ 44 фазиса, черезъ столько фазисовъ однимъ словомъ, сколько она получила телеграммъ изъ Варшавы, Кракова, Петербурга, или Парижа—ибо почти каждая телеграмма заставляла ее говорить другимъ голосомъ. Что касается до насъ, то намъ гораздо лучше нравится независимая бельгійская газета, когда она отбрасываетъ въ сторону нендущій къ ней юморъ и открыто высказываетъ свое мнѣніе о безполезности всякихъ дипломатическихъ переговоровъ, которые доставляютъ удовольствіе однимъ только дипломатамъ, любующимся краснорѣчивымъ и элегантнымъ слогомъ своихъ собственныхъ нотъ, или когда она перепечатываетъ отзывы другихъ газетъ, говорящихъ въ этомъ смыслѣ. Вотъ напр. что она пишетъ о пользѣ, которую дипломатія принесла и приноситъ польскому дѣлу:

«Теперь, кажется, стало очевиднымъ, что ни французская, ни англійская дипломатія, хотя онѣ и пошли различными путями, не сдѣлаютъ для Польши ничего дѣйствительно полезнаго. Дипломатія можетъ удовлетворить сколько нибудь общественное мнѣніе, которое сочувствуетъ Польшѣ; но этимъ она принесетъ очень мало пользы полякамъ, и единственнымъ результатомъ всѣхъ ея кажущихся хлопотъ и стараній будетъ то, что она безъ нужды продлитъ въ этой несчастной странѣ кровопролитіе и ожесточенную, безпощадную борьбу. Есть только одинъ видъ серьезнаго и дѣйствительнаго вмѣшательства въ дѣла Польши — это война. Желаетъ ли Европа начать войну? Мы не думаемъ этого и не думаемъ также, чтобы кто либо, кромѣ принца Наполеона, могъ подать Франціи этотъ гибельный совѣтъ. А поэтому мы и считаемъ настоящимъ преступленіемъ противъ человѣчества возбужденіе обманчивыхъ надеждъ, которыя заставляютъ цвѣтъ польскаго юношества идти на вѣрную смерть».

Въ тотъ самый день, когда въ «Indépendance Belge» напечатаны были эти строки, г. Жирарденъ, редакторъ «Presse», говорилъ съ свойственной ему откровенностью объ этомъ вопросѣ. Сначала онъ осмѣиваетъ дипломатовъ и народныхъ представителей 1793, 1831 и 1848 годовъ, которые ужасно хлопотали за Польшу, и конечно ничего не сдѣлали; онъ предсказываетъ такую же участь дипломатамъ 1863 года, и затѣмъ продолжаетъ: «Доведемъ нашу откровенность до цинизма. Скажемъ полякамъ всю истину, все равно, будетъ ли нами руководить слабость или осторожность. Если мы не хотимъ или не можемъ помочь имъ, то не будемте обманывать ихъ. Не будемъ внушать имъ напрасныхъ надеждъ и побуждать ихъ къ безполезному кровопролитію. Ничто не походитъ болѣе на безчеловѣчность, какъ ложное человѣколюбіе. Можно защищать всякую политику, кромѣ той,

въ которой дѣйствія идутъ въ разрѣзъ со словами. Пусть Франція и Польша выходятъ изъ своего заблужденія: отъ дипломатіи нечего, рѣшительно нечего ожидать. Время, которое проводится въ переговорахъ, есть безвозвратно потерянное время. Пусть князь Меттернихъ ѣдетъ въ Вѣну, пусть онъ остается въ Парижѣ—это рѣшительно все равно; это послужитъ только къ тому, чтобы легче наполнить столбцы журналовъ и увеличить колебанія биржи. Дипломатія 1863 года останется столь же безплодною, какъ и дипломатія 1831 года; г. Друэнъ де-Люи въ 1863 году сдѣлаетъ столь же мало, какъ и въ 1848 г.» Мы не можемъ не признать словъ г. Жирардена совершенно справедливыми, и мы не можемъ не воскликнуть вмѣстѣ съ нимъ: къ чему же эта комедія? Кого это они потѣшаютъ?

Однако французское правительство, не смотря на испытанныя имъ неудачи, не смотря на отказъ Англіи и Австріи послать общую ноту въ С. Петербургъ, не смотря на отвѣтъ, полученный имъ изъ С. Петербурга, продолжало играть въ дипломатическую игру. Ноты не имѣли успѣха, можетъ быть, личные переговоры поведутъ къ чему либо, подумало оно. И вотъ австрійскому посланнику въ Парижѣ, князю Меттерниху, поручается съѣздить въ Вѣну и поговорить самому съ императоромъ Наполеономъ и гр. Рехбергомъ. Ѣдетъ князь Меттернихъ и, какъ справедливо замѣтилъ г. Жирарденъ, доставляетъ этою поѣздкою журналамъ и газетамъ превеликое удовольствіе. Впродолженіе по крайней мѣрѣ двухъ недѣль столбцы всевозможныхъ европейскихъ газетъ, а въ особенности французскихъ, наполнялись извѣстіями о результатѣ поѣздки князя Меттерниха. И какихъ, какихъ разнообразныхъ слуховъ не распускали о результатахъ его поѣздки, пока онъ былъ еще въ Вѣнѣ и послѣ того, какъ онъ возвратился уже въ Парижъ. Каждая газета спѣшила сообщить какое нибудь извѣстіе, полученное ею изъ самаго достовѣрнаго источника. То говорили, что путешествіе его сопровождалось полною удачею, то говорили, что оно ни къ чему не повело; то говорили, что Австрія согласилась на совокупное дипломатическое вмѣшательство и что гр. Рехбергу поручено даже составить общую ноту, но что отъ всякаго дальнѣйшаго шага Австрія на отрѣзъ отказалась; другіе утверждали самымъ достовѣрнымъ образомъ, что Австрія согласилась безъусловно на всякій шагъ, который будетъ предпринятъ Англіей и Франціей; а тутъ является третій и говоритъ, что онъ знаетъ навѣрное о томъ, что Австрія ни на что не согласилась. Какой-то забавникъ изъ рядовъ ультрамонтановъ вдругъ вздумалъ пустить въ ходъ извѣстіе о союзѣ, заключенномъ между папою и четырьмя католическими державами Европы — Франціей, Австріей, Италіей и Испаніей — и имѣющемъ цѣлью возстановленіе пятой католической державы — Польши. Тутъ

каждому изъ союзниковъ опредѣлялось приличное вознагражденіе: папа сохранитъ свѣтскую власть, Австрія получитъ императорскую корону, Франція получитъ лѣвый берегъ Рейна, Италія пріобрѣтетъ Венецію, а Испанія ничего не пріобрѣтетъ, но какъ католическая держава по преимуществу, найдетъ должное вознагражденіе въ томъ, что папа останется въ Римѣ и что въ Европѣ будетъ еще пятая католическая держава. Въ результатѣ изъ поѣздки князя Меттерниха конечно ничего не вышло: говорятъ, будто императоръ австрійскій объявилъ, что онъ будетъ ходатайствовать дружественнымъ образомъ у Россіи о дарованіи Польшѣ тѣхъ реформъ, которыми Галиція пользуется подъ скипетромъ Габсбурговъ, но что дальше онъ не можетъ сдѣлать ни одного шага.

Не менѣе шума, нежели поѣздка въ Вѣну князя Меттерниха, надѣлала въ Европѣ столь же громкая, сколько безполезная французская демонстрація въ польскомъ вопросѣ—а именно трехъ-дневныя пренія о польскомъ вопросѣ во французскомъ сенатѣ, въ этомъ невиннѣйшемъ и благонамѣреннѣйшемъ изъ политическихъ собраній. Еще въ концѣ февраля въ Парижѣ стали говорить о томъ, что въ сенатъ подано нѣсколько петицій въ пользу поляковъ, и что изъ всѣхъ этихъ прошеній особеннаго вниманія заслуживаетъ прошеніе, подписанное профессоромъ С. Маркъ-Жирарденъ и аббатомъ Гратри;—говорили, что о томъ же предметѣ поданы и другія прошенія съ безчисленными подписями; увѣряли, что по этому поводу будутъ говорить рѣчи принцъ Наполеонъ, г. Бильо и др., и что эти рѣчи будутъ очень сочувственны полякамъ. Потомъ нѣсколько разъ назначались дни для разсужденія о польскихъ дѣлахъ, но подъ различными предлогами являлись постоянныя отсрочки. Сначала говорили, что правительство ждетъ, чтобы было подано большее количество просьбъ, съ большимъ числомъ подписей. Набралось наконецъ 12 просьбъ съ 650 подписей; тогда стали говорить, что правительство ждетъ отвѣтовъ отъ Англіи и Австріи касательно совокупнаго дѣйствія въ польскомъ вопросѣ. Получены были отрицательные отвѣты отъ этихъ двухъ державъ; тогда правительство, не желая явиться съ пустыми руками въ сенатъ, стало ожидать отвѣта на ноту, посланную въ С. Петербургъ, надѣясь, что ему можно будетъ возвѣстить въ сенатѣ о важныхъ реформахъ, которыя Россія даетъ Польшѣ. Полученъ былъ отрицательный отвѣтъ изъ С. Петербурга; но французское правительство все-таки не унывало, послало князя Меттерниха въ Вѣну и стало ждать, не пришлетъ ли онъ оттуда хорошихъ вѣстей, чтобы можно было хоть чѣмъ нибудь похвастать передъ сенатомъ. Но изъ Вѣны не было получено ничего удовлетворительнаго, и правительство рѣшилось явиться передъ сенатомъ съ одними увѣреніями, что оно сдѣ-

лало и сдѣлаетъ въ польскомъ вопросѣ все, что только можно. (И здѣсь явились злые языки, которые увѣряли, что совершенно другія побудительныя причины заставляли французское правительство постоянно отсрочивать засѣданія сената; оно будто бы все ждало, не будетъ ли тѣмъ временемъ подавлено польское возстаніе; — тогда пренія сдѣлаются уже безполезными и можно будетъ совершенно избѣгнуть неловкаго положенія, въ которое эти пренія не замедлятъ поставить французское правительство. Да мало ли чего не выдумаютъ злые языки). Наконецъ, послѣ полученія телеграммъ отъ князя Меттерниха изъ Вѣны рѣшено было окончательно, что пренія въ сенатѣ начнутся 17 марта. 14 марта докладчикъ Ларабн представилъ сенату свой докладъ о поданныхъ прошеніяхъ. Въ этомъ докладѣ г. Ларабн всѣмъ угодилъ (кромѣ впрочемъ Англіи, которой онъ видимо не благоволитъ): онъ отозвался сочувственно относительно Польши, мягко относительно Россіи, благопріятно относительно Австріи и безъ горечи относительно Пруссіи. Онъ говорилъ, правда, о страданіяхъ Польши, но за то онъ отозвался также о благородномъ характерѣ и о либеральномъ направленіи императора Александра II. Но Англіи въ его докладѣ досталось порядкомъ: онъ прямо говоритъ, что Англія хотѣла втянуть Францію въ войну, и потомъ коварнымъ образомъ покинуть ее (*). Говорятъ, что заключеніе доклада г. Ларабн клонилось сначала къ тому, чтобы передать поданныя въ сенатъ прошенія министру иностранныхъ дѣлъ. Но ему замѣтили, что подобная передача имѣла бы видъ, будто сенатъ желаетъ руководить дѣйствіями правительства, чего правительство никакъ не можетъ допустить; что правительство само дѣлаетъ и будетъ дѣлать относительно польскаго вопроса все, чего требуютъ благоразуміе и интересы Франціи; что поэтому гораздо лучше вотировать переходъ къ очередному порядку, тѣмъ болѣе что прошенія и при этомъ достигнутъ желаемой цѣли, потому что подадутъ и правительству, и сенату возможность выразить свое сочувствіе къ Польшѣ. Г. Ларабн послушался полезныхъ совѣтовъ, данныхъ ему свыше, и предложилъ сенату перейти къ очередному порядку. Затѣмъ 17 марта начались пренія въ сенатѣ о польскомъ вопросѣ. Многіе придавали этимъ преніямъ преувеличенное значеніе, предполагая, что от ь

(*) Впрочемъ Times очень справедливо замѣтила на эту колкую выходку г. докладчика, что сама Франція, хотя она и негодуетъ на Англію, сама ничего не сдѣлала для поляковъ и такъ же, какъ и Англія, не хочетъ вести за нихъ войну. Впрочемъ въ глазахъ Times это даже вовсе не упрекъ, потому что Англія имѣетъ весьма важныя побудительныя причины не желать войны, наконецъ она высказываетъ убѣжденіе, что и во Франціи всѣ люди съ вѣсомъ не желаютъ войны, въ чемъ мелъя не согласиться съ нею.

этихъ преній зависитъ чуть ли не вся будущая судьба Польши; поэтому иные съ жадностью бросались на газеты и спѣшили узнавать, что говорилъ о польскомъ вопросѣ такой-то или такой-то сенаторъ. Мы рѣшительно не понимаемъ наивности этихъ господъ, которые видятъ въ рѣчахъ произносимыхъ во французскомъ сенатѣ что либо иное, кромѣ болѣе или менѣе искусныхъ упражненій въ элоквенціи, которыя рѣшительно не приносятъ никому ни малѣйшаго вреда и ни малѣйшей пользы (конечно, если понимать эти ораторскія упражненія, какъ слѣдуетъ, и не придавать имъ того значенія, котораго они не имѣютъ). Поэтому, не придавая никакого значенія рѣчамъ, произнесеннымъ въ сенатѣ, мы упомянемъ здѣсь только о томъ, что г. Ларошжаклэнъ отзывался очень сурово о польскихъ бунтовщикахъ, которые подняли возстаніе только изъ любви къ безпорядкамъ, и которые не могутъ имѣть никакихъ законныхъ требованій; что г. Лагерроньеръ, какъ строгій легитимистъ, распространялся очень много о трактатахъ 1815 года, что г. Валевскій отвѣчалъ на нападки г. Ларошжаклена, а гг. Бонжанъ, Понятовскій и принцъ Наполеонъ говорили съ большимъ сочувствіемъ о Польшѣ; этотъ послѣдній впрочемъ употреблялъ такія неумѣренныя выраженія, что постоянно возбуждалъ сильнѣйшее неудовольствіе сената, который болѣе всего любитъ умѣренность и соблюденіе приличій. Болѣе значенія имѣетъ рѣчь г. Билье, который сначала отозвался неодобрительно о неосторожной рѣчи принца Наполеона, а за тѣтъ самъ произнесъ весьма длинную рѣчь. Впрочемъ вся эта рѣчь, не смотря на свою длину, была не что иное, какъ парафраза немногихъ словъ того же Билье, сказанныхъ имъ за 6 недѣль передъ этимъ въ засѣданіи законодательнаго собранія; онъ самъ выразился очень опредѣлительно, что онъ не можетъ отказаться ни отъ одного слова, сказаннаго 5 февраля, и за тѣмъ онъ къ великому удовольствію сената распространялся очень пространно о томъ, что полякамъ не слѣдовало начинать возстанія, что имъ слѣдуетъ ожидать всего отъ великодушія Александра II, что французское правительство съ своей стороны сдѣлаетъ все, что можетъ. Такимъ образомъ самымъ очевиднымъ образомъ доказана была неосновательность тѣхъ людей, которые ждали для Польши чего-то важнаго отъ преній въ сенатѣ. Но и тутъ нашлись люди, которые всячески хотѣли видѣть въ преніяхъ французскаго сената благопріятный для Польши смыслъ; такъ, напримѣръ, газета «Opinion Nationale» объявила, будто она навѣрное знаетъ о томъ, что задушевная мысль императора высказалась не въ словахъ оффиціальнаго лица, министра Билье, а въ словахъ двоюроднаго брата императора, принца Наполеона. И многіе вѣрили этимъ слухамъ. Чтобы отнять у этихъ легковѣрныхъ послѣднюю ихъ надежду, въ Монитерѣ появилось слѣдующее письмо императора Напо-

леона къ министру Бильо: «Любезный господинъ Бильо, я только что прочелъ рѣчь, произнесенную вами въ сенатѣ, и былъ особенно радъ тому, что нашелъ въ васъ такого вѣрнаго и такого краснорѣчиваго истолкователя моей политики. Вы съумѣли соединить выраженіе нашихъ симпатій къ дѣлу, близкому Франціи, съ уваженіемъ, которое мы должны оказывать чужимъ государямъ и правительствамъ. Ваши слова вполнѣ соотвѣтствовали моимъ мыслямъ, и я отвергаю всякое другое толкованіе моихъ чувствъ». Само собою разумѣется, что послѣ рѣчи г. Бильо сенатъ принялъ огромнымъ большинствомъ (109 голосами противъ 17) переходъ къ очереднымъ занятіямъ, т. е. выраженіе довѣрія къ образу дѣйствія правительства.

Изложивши политику, которой слѣдовали въ польскомъ вопросѣ правительства четырехъ великихъ европейскихъ державъ, т. е. Пруссіи, Австріи, Англіи и Франціи, и которая, какъ мы видѣли, была не что иное, какъ постоянное разъигрываніе комедіи, скажемъ для полноты разсказа нѣсколько словъ объ образѣ дѣйствія нѣкоторыхъ другихъ правительствъ въ польскомъ вопросѣ, а также и о томъ, какъ высказывается въ этомъ вопросѣ общественное мнѣніе Европы, на сколько мы можемъ судить о немъ по разнымъ митингамъ, демонстраціямъ и пр.

Мы видѣли уже въ началѣ нашего разсказа, какъ враждебно держало себя сначала относительно польскаго вопроса итальянское правительство. Эту враждебность оно сохранило до тѣхъ поръ, пока не увидало нѣкоторой перемѣны въ образѣ дѣйствія Англіи и Франціи. Оно съ неумолимою строгостью преслѣдовало всякіе митинги и демонстраціи въ пользу поляковъ, и постоянно приходилось читать въ газетахъ, что начальство разогнало митингъ или энергическими мѣрами своими помѣшало демонстраціи въ Неаполѣ, Флоренціи, Миланѣ, Равеннѣ и пр. Узнавши, что во Франціи позволили сочувствовать полякамъ, оно наконецъ рѣшилось дозволить польскій митингъ въ Генуѣ; но на этомъ митингѣ позволено было выражать сочувствіе только на словахъ; когда же вздумали сдѣлать сборъ въ пользу поляковъ, явились полицейскіе чиновники и запретили дѣлать сборъ.

Въ засѣданіе палаты 28-го февраля министръ иностранныхъ дѣлъ также осмѣлился сказать нѣсколько словъ сочувствія къ Польшѣ и заявилъ, что Италія будетъ дѣйствовать въ польскомъ вопросѣ заодно съ Франціей и Англіей. Нѣсколько времени спустя распространился слухъ о томъ, что итальянское правительство послало къ итальянскому посланнику въ Парижѣ, г. Нигра, депешу, въ которой объявляетъ, что заранѣе присоединяется ко всякому шагу западныхъ державъ въ польскомъ вопросѣ. Нѣкоторые находили этотъ слухъ нелѣпымъ и смѣялись надъ легковѣріемъ тѣхъ, которые повѣрили

ему; «Indépendance Belge» говоритъ, что этотъ слухъ такъ неправдоподобенъ, что не стоитъ даже опровергать его. Но мы находимъ, что подобный поступокъ итальянскаго правительства возможенъ и даже очень вѣроятенъ: вся политика итальянскаго правительства въ польскомъ вопросѣ доказываетъ основательность этого слуха. Что касается до папскаго правительства, то оно колебалось, и кажется, еще колеблется между привязанностью своею къ католической, и отвращеніемъ къ революціонной Польшѣ. Впрочемъ говорятъ, что папа отвѣчалъ отрицательно на предложеніе, съ которымъ будто бы ѣздилъ въ Римъ одинъ русскій дипломатъ, и которое состояло будто бы въ томъ, что папа долженъ былъ обратиться къ полякамъ съ увѣщаніемъ положить оружіе. (По другимъ извѣстіямъ, русское правительство вовсе не обращалось къ папѣ съ подобнымъ предложеніемъ). Говорили, что папа отзовется съ сочувствіемъ о Польшѣ въ засѣданіи консисторіи, которое должно было происходить въ мартѣ мѣсяцѣ; и дѣйствительно, папа сказалъ, что онъ всегда сожалѣлъ и сожалѣетъ о бѣдствіяхъ Польши... и что поэтому онъ назначаетъ туда трехъ или четырехъ новыхъ епископовъ. Турція не отстала отъ другихъ европейскихъ правительствъ въ мѣрахъ благоразумной строгости относительно поляковъ: она перестала выдавать находящимся въ Турціи полякамъ паспорты въ Молдавію и не стала увольнять въ отставку поляковъ, находящихся въ турецкой службѣ. Изъ всѣхъ европейскихъ правительствъ болѣе всѣхъ сочувствія къ полякамъ выказала съ самаго начала Швеція: здѣсь и народные представители, и министры высказывались неоднократно въ пользу самостоятельной Польши. А между тѣмъ относительно Швеціи слѣдуетъ замѣтить, что она по самому положенію своему должна соблюдать нѣкоторую осторожность.

Что касается до общественнаго мнѣнія въ Европѣ, то на сколько мы можемъ судить о немъ издали, оно послѣ нѣкотораго колебанія, о которомъ мы упоминали въ началѣ обозрѣнія, стало высказывать довольно откровенно свои симпатіи къ полякамъ. Мы уже упоминали о нѣкоторыхъ демонстраціяхъ, бывшихъ въ Парижѣ, Генуѣ и въ другихъ городахъ Европы. Впродолженіе всего марта мѣсяца газеты наполнялись извѣстіями о разныхъ болѣе или менѣе значительныхъ митингахъ. Болѣе всего ихъ было въ Италіи (*): польскіе митинги

(*) Не можемъ не упомянуть здѣсь о замѣткѣ итальянской газеты gazetta del Popolo, которая говоритъ, что всѣ митинги потому такъ многочисленны, что представляютъ всякому отличный случай полиберальничать даромъ; она увѣряетъ, что если бы опредѣлена была извѣстная плата за входъ на митингъ, съ цѣлью

происходили въ Павіи, Брешіи, Неаполѣ и многихъ другихъ городахъ; самый значительный митингъ происходилъ 8-го марта въ Туринѣ, въ театрѣ Виктора-Эммануила, подъ предсѣдательствомъ депутата Брофферіо. Здѣсь говорили рѣчи депутаты лѣвой стороны, Кайроли, Синео, венгерецъ Клапка, французъ Дюпра и другіе. Очень оживленные митинги происходили также въ Стокгольмѣ, гдѣ говорили многіе редакторы и депутаты; въ Брюсселѣ, въ Бернѣ, Санъ-Галленѣ и другихъ городахъ Швейцаріи (говорятъ также, что изъ Швейцаріи отправилось много волонтеровъ въ Польшу). Конечно не обошлось также безъ митинговъ и въ классической странѣ митинговъ — въ Англіи. Кромѣ многихъ другихъ собраній, имѣвшихъ цѣлью выразить свое мнѣніе о польскомъ вопросѣ, здѣсь происходилъ 17-го марта огромный митингъ въ Гильдгаллѣ (въ Лондонѣ). Здѣсь являлись ораторами разные члены верхней и нижней палаты, изъ которыхъ одни говорили о невозможности инаго вмѣшательства со стороны Англіи, кромѣ дипломатическаго, другіе требовали болѣе энергическаго вмѣшательства; наконецъ, были составлены довольно рѣшительныя резолюціи и отправлены къ лорду Пальмерстону, который впрочемъ принялъ очень холодно депутацію, представившую ему эти резолюціи и не сказалъ ей ничего вѣрнаго насчетъ будущей политики Англіи. Правда, на другой день послѣ митинга, въ газетѣ Morning-Post (органѣ лорда Пальмерстона), явилась очень рѣзко написанная статья, въ которой говорилось, что императоръ Наполеонъ и лордъ Пальмерстонъ желаютъ мира, но что имъ, можетъ быть, придется обратить вниманіе на общественное мнѣніе во Франціи и Англіи и согласиться на его требованія. Впрочемъ подобная статья ничего не доказываетъ: она нисколько не помѣшаетъ той же газетѣ написать завтра же статью въ совершенно иномъ тонѣ.

Въ то самое время, когда во французскомъ сенатѣ происходили пренія о польскомъ вопросѣ, когда ораторы говорили рѣчи въ Гильдгаллѣ, и когда князь Меттернихъ разсуждалъ въ Вѣнѣ съ графомъ Рехбергомъ, въ южной части царства польскаго, недалеко отъ австрійской границы происходило трехъ-дневное сраженіе Лангевича съ русскимъ войскомъ, кончившееся тѣмъ, что Лангевичъ, послѣ девятидневной диктатуры, ушелъ въ Галицію, а отрядъ его раздробился на болѣе мелкіе отряды, изъ которыхъ нѣкоторые были тоже отброшены на австрійскую территорію, а другіе разсѣялись въ цар-

---

послать вырученную сумму полякамъ, то имъ пришлось бы получить немного денегъ. Не знаемъ, на сколько справедливо это ядовитое замѣчаніе: можетъ быть, оно и не совсѣмъ несправедливо.

ствѣ польскомъ. Въ слѣдующемъ обозрѣніи нашемъ, мы передадимъ нашимъ читателямъ нѣкоторые разсказы иностранныхъ газетъ, касающіеся внутренней исторіи этой кратковременной диктатуры и обстоятельствъ, предшествовавшихъ ея паденію и слѣдовавшихъ за нимъ. Мы займемся тогда также дальнѣйшимъ ходомъ польскаго вопроса въ европейской дипломатіи: хотя мы уже достаточно ясно высказали нашъ взглядъ на ту роль, которую европейская дипломатія можетъ играть въ польскомъ вопросѣ, однако мы считаемъ не лишнимъ заносить и на будущее время въ нашу лѣтопись важнѣйшіе факты, касающіеся образа дѣйствія европейскихъ державъ въ этомъ вопросѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ПОЛЬСКАГО ВОПРОСА. — ФИЛОСОФСКІЯ ЛЕКЦІИ Г. ЮРКЕВИЧА ВЪ МОСКВѢ. — БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЧТЕНІЯ И СПЕКТАКЛИ. — ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА ОТЪ КІЕВА ДО ОДЕССЫ.

«Въ воскресенье, 13-го января, по окончаніи развода отъ л.-гв. измайловскаго полка, въ Михайловскомъ манежѣ, Государь Императоръ, подозвавъ къ себѣ всѣхъ присутствовавшихъ на разводѣ офицеровъ, изволилъ обратиться къ нимъ съ слѣдующими словами:

«Такъ какъ многимъ изъ васъ, господа, вѣроятно не извѣстны послѣднія происшествія въ Царствѣ Польскомъ, то Я хочу, чтобы вы о нихъ узнали отъ Меня Самого.

«Послѣ столь благополучно совершившагося рекрутскаго набора съ 2-го на 3-е января, въ Варшавѣ, съ 6-го числа стали появляться мятежническія шайки на обоихъ берегахъ Вислы, для разсѣянія которыхъ были немедленно посланы отряды. Наконецъ, въ ночь съ 10-го на 11-е число, по всему Царству, за исключеніемъ Варшавы, было сдѣлано внезапное нападеніе на войска наши, стоящія по квартирамъ, причемъ совершены неслыханныя злодѣйства; такъ напримѣръ, около Сѣдльца, аттакованные солдаты оборонялись отчаянно въ одномъ домѣ, который мятежники подожгли, не видя средствъ имъ овладѣть. Не смотря на то, храбрыя войска наши отбили повсюду мятежниковъ.

«По первымъ свѣдѣніямъ, потеря наша заключается въ 30 чел. убитыми, въ томъ числѣ старый нашъ измайловскій товарищъ, командиръ Муромскаго пѣхотнаго полка, полковникъ Козлянинов. Раненыхъ до 100, и между ними генералъ Каннабихъ. Подобная же попытка была сдѣлана около Бѣлостока, въ предѣлахъ даже Имперіи.

«Но и послѣ сихъ новыхъ злодѣйствъ, Я не хочу обвинять въ томъ

весь народъ польскій, но вижу во всѣхъ этихъ грустныхъ событіяхъ работу революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка.

«Мнѣ извѣстно, что партія эта разсчитываетъ и на измѣнниковъ въ рядахъ нашихъ; но они не поколеблятъ вѣру Мою въ преданность своему долгу вѣрной и славной Моей арміи.

«Я убѣжденъ, что теперь болѣе, чѣмъ когда либо, каждый изъ васъ, чувствуя и понимая всю святость присяги, исполнитъ свой долгъ, какъ честь нашего знамени того требуетъ. Въ рядахъ вашихъ Я самъ началъ мою службу; потомъ нѣсколько лѣтъ имѣлъ честь вами командовать, и потому чувства преданности вашей мнѣ хорошо были извѣстны, и Я ими гордился за васъ предъ покойнымъ Государемъ, родителемъ Моимъ.

«Увѣренъ, что если обстоятельства того потребуютъ, вы и теперь докажете на дѣлѣ, что Я могу на васъ разсчитывать, оправдаете Мое полное къ вамъ довѣріе.»

«Слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ, вызвали единодушныя, восторженныя «ура!»

Со времени обнародованія приведенной нами рѣчи государя императора къ войскамъ и со времени начатія военныхъ дѣйствій въ Польшѣ, польскія событія привлекли къ себѣ сильное вниманіе публики. Ежедневныя газеты удовлетворяли, на сколько могли, этому вниманію, передавая о ходѣ дѣлъ въ Польшѣ краткія, но правдивыя извѣстія «Русскаго Инвалида», а затѣмъ болѣе подробныя, но не апробованныя въ достовѣрности извѣстія газетъ иностранныхъ. Въ обсужденіе вопроса польскаго долго ни одна изъ газетъ, исключая развѣ «Московскихъ Вѣдомостей», не вдавалась, по тому самому, что правдивыя извѣстія «Русскаго Инвалида» были очень кратки, а на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ подробно недоброжелательными къ намъ иностранными газетами, основаться было нельзя. Публика, хотя и заинтересована была въ польскомъ вопросѣ, не придавала ему слишкомъ большой важности, потому что извѣстія «Русскаго Инвалида» сообщали, что возстаніе очень ничтожно, и поддерживается незначительной революціонной партіей, и не имѣетъ никакой поддержки для себя въ народѣ польскомъ.

Но и слабое польское возстаніе, поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ недоброжелательствующихъ намъ европейскихъ народовъ, продолжало и продолжаетъ держаться. Покоряясь общественному мнѣнію, нѣкоторыя изъ европейскихъ державъ рѣшились сдѣлать свои представленія нашему правительству по польскому вопросу. «Русскій Инвалидъ» въ 78 № 11 апрѣля въ передовой статьѣ своей по этому предмету говоритъ слѣдующее: «въ заграничныхъ газетахъ въ послѣдніе дни постоянно сообщаются различныя извѣстія и толкова-

нія о нотахъ, отправленныхъ европейскими дворами къ нашему правительству относительно польскаго вопроса. Дѣйствительно въ апрѣлѣ, представители дворовъ лондонскаго, парижскаго и вѣнскаго представили каждый особо и въ разное время ноты отъ своихъ державъ. Равнымъ образомъ по тому же поводу получены ноты отъ правительствъ испанскаго и шведскаго. Но мы воздерживались говорить по этому предмету нашимъ читателямъ, считая своимъ долгомъ заботиться, чтобы сообщаемыя нами свѣдѣнія были прежде всего достовѣрны. На дняхъ мы надѣемся имѣть случай поговорить подробно о содержаніи сказанныхъ нотъ».

По мѣрѣ развитія польскаго вопроса, или точнѣе сказать, по мѣрѣ увеличенія участія въ немъ европейскихъ державъ естественно стало увеличиваться вниманіе къ этому вопросу русскаго общества; съ недавняго времени русскій патріотизмъ со всѣхъ сторонъ снѣшитъ заявить о себѣ по польскому дѣлу, и событія въ этомъ родѣ такъ быстро идутъ одно за другимъ, что то, что еще вчера поглощало вниманіе общества, сегодня отодвинуто на задній планъ. Адресъ С. Петербургскаго дворянства съ заявленіемъ вѣрно-подданническихъ чувствъ, скорби и негодованія на притязанія на достояніе Россіи, вызванный польскими смутами, и похвальная готовность его «не щадя силъ и жертвъ, въ тѣсномъ союзѣ со всѣми сословіями» стать на защиту предѣловъ имперіи; многозначительныя слова Государя Императора къ депутаціи отъ дворянъ: «при нынѣшнихъ обстоятельствахъ онъ (адресъ) доставилъ мнѣ одну изъ самыхъ пріятныхъ и утѣшительныхъ минутъ», указъ 31 марта, дарующій амнистію полякамъ съ обѣщаніемъ дальнѣйшаго постепеннаго развитія общественныхъ правъ и самостоятельности мѣстныхъ учрежденій; патріотическій адресъ С. Петербургскаго городскаго общества и его заявленіе; «если Провидѣнію угодно будетъ допустить испытаніе для Россіи, не остановиться ни предъ какими жертвами, поднять знамя за царя и отечество, и пойти, куда укажетъ державная воля Государя Императора, наконецъ призваніе срочно и безсрочно-отпускныхъ для сформированія резервныхъ полковъ и баталіоновъ, — все это событія такой большой важности, что останавливаютъ на себѣ всеобщее вниманіе и подаютъ поводъ къ толкамъ и разсужденіямъ. Собранія дворянства, имѣвшія только отрицательный интересъ, перестали совсѣмъ занимать общество; нельзя того же сказать о реформахъ судебныхъ и сельско-хозяйственныхъ, онѣ хотя и ожидаются по прежнему съ нетерпѣніемъ, но общественное вниманіе занято не ими, а польскимъ вопросомъ. Вездѣ толки объ немъ одномъ. Вслѣдствіе этого и органы журналистики стали высказывать свои мнѣнія о польскомъ вопросѣ.

«Московскія Вѣдомости» болѣе всѣхъ другихъ трудятся надъ раз-

работкою польскаго вопроса, поэтому мнѣнія ихъ выходятъ болѣе опредѣленными и закругленными, тѣмъ болѣе, что гг. Катковъ и Леонтьевъ полемизируютъ и съ иностранными газетами. Чтобы обозначить настоящее положеніе польскаго вопроса по взглядамъ разныхъ партій, мы сдѣлаемъ извлеченіе изъ трехъ передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» 4, 5 и 10 апрѣля.

«Когда надъ польскимъ краемъ,—такъ говоритъ между прочимъ статья 4 апрѣля,—тяготѣла строгая и крѣпкая рука, онъ былъ спокоенъ; стѣсненный во всѣхъ отправленіяхъ своей общественной жизни, въ своемъ языкѣ, въ своихъ національныхъ обычаяхъ, управляемый вооруженною силой, безъ всякихъ видовъ на національную самостоятельность, онъ былъ спокоенъ; его выходцы сидѣли въ безсильной правдности по всѣмъ угламъ Европы, и мало по малу примирялись съ безнадежностію своихъ замысловъ; европейскіе доброжелатели Польши хранили молчаніе и полнѣйшее равнодушіе къ судьбамъ этой страны; только въ парламентахъ изъ году въ годъ раздавался, ради куріоза, какой нибудь одинъ и тотъ же голосъ, напоминавшій въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ о Польшѣ, и былъ постоянно встрѣчаемъ общимъ смѣхомъ палаты. Но вотъ измѣнился старый порядокъ; все болѣе и болѣе отпускала крѣпкая рука; польское національное чувство получило возможность дышать свободно, и открылись виды на будущее; политическіе преступники возвращены изъ ссылки и изъ изгнанія; понадобилось въ школахъ учить по польски, стали учить по польски; понадобился университетъ, данъ университетъ; управленію края предоставлена полная автономія, съ видами на дальнѣйшее развитіе въ будущемъ; административныя должности поручены полякамъ, и люди русскаго происхожденія, служившіе въ Царствѣ Польскомъ, уволены въ угоду національной щекотливости; во главу гражданскаго управленія поставленъ человѣкъ, чье имя всего болѣе ручалось за національный характеръ управленія, маркизъ Велёпольскій, всегда принадлежавшій къ ревностнѣйшимъ польскимъ патріотамъ, одинъ изъ значительнѣйшихъ дѣятелей въ возстаніи 1831 года, человѣкъ съ твердою волей, искусный политикъ, наученный опытомъ, и по признанію зрѣлыхъ людей изъ поляковъ, несравненно болѣе способный оказать услуги польскому дѣлу, чѣмъ всѣ прочіе пылкіе ревнители, взятые вкупѣ. Дѣло, стало быть, шло очень хорошо въ польскомъ смыслѣ; чего же еще могла желать Польша? Она уже начинала пользоваться желаемою самостоятельностію, на какую потеряла уже и надежду; она находилась въ обладаніи всѣми условіями продолжать успѣшнымъ образомъ свое національное развитіе; ни на что не было наложено окончательнаго запрета, ни въ чемъ не было рѣшительнаго отказа; много было дано, и много было еще впереди. Однако къ чему послужили всѣ эти облегченія и условія, которыми обезпечивались надежды на спокойное развитіе? Къ тому, чтобы вдругъ все заходило и заколебалось, и то, что долженствовало успокоить всѣ умы и согласить всѣ интересы, произвело только полнѣйшій разладъ, волненія и смуты, и наконецъ, воору-

женное всеволненіе. Что должно было послужить къ утвержденію спокойствія, то, напротивъ, возмутило его самымъ жестокимъ образомъ. Что же случилось, и чего вдругъ потребовалось? Польшѣ дана была полная автономія, и ея національность обезпечивалась льготами, о которыхъ она не мечтаетъ ни въ Пруссіи, ни въ Австріи: вотъ что случилось. А что потребовалось? потребовалась полная самостоятельность Польши съ конституціей 1815 года и съ пол-Россіей въ придачу; потребовалось отнять у Россіи не только значеніе великой державы, но и всякое политическое значеніе, такъ чтобы годовщина ея тысячелѣтняго существованія превратилась для нея въ похоронную тризну.»

Какимъ образомъ Россія потеряетъ значеніе великой державы и всякое политическое значеніе съ отдѣленіемъ отъ нея Польши, это развивается подробно въ передовой статьѣ 10 апрѣля, которую мы здѣсь и приводимъ.

«Петербургскій корреспондентъ «Кельнской Газеты» разсказываетъ, что ему случалось слышать такъ по польскому вопросу мнѣнія разумнѣйшихъ людей, патріотизмъ которыхъ хорошо ему извѣстенъ, мнѣнія распространенныя въ массѣ людей образованныхъ, которые съумѣли возвыситься до полной свободы отъ національныхъ предразсудковъ и отъ ложныхъ понятій о народной чести, и имѣютъ въ виду только дѣйствительное положеніе дѣлъ. Эти необыкновенные люди въ нашей сѣверной столицѣ, дѣйствительные ли они люди, или только созданные воображеніемъ корреспондента, задаютъ себѣ вопросы такого рода: въ самомъ ли дѣлѣ независимая Польша была бы опаснѣе и пагубнѣе для Россіи, чѣмъ Польша, находящаяся подъ ея властью, и если Польша должна оставаться въ зависимости, то должна ли она зависѣть отъ Россіи, или отъ какого нибудь другаго государства. «Съ возстановленіемъ независимости Польши», говорятъ эти горячіе петербургскіе патріоты, свободные отъ національныхъ предразсудковъ и обычныхъ понятій о народной чести, «съ возстановленіемъ независимости Польши, Россія освободилась отъ пагубнаго нравственнаго вліянія, отъ того духа недовѣрія, подозрительности и т. д., который, благодаря смутамъ и тайнымъ замысламъ поляковъ, по необходимости проникаетъ въ русскую правительственную систему. Сверхъ того, Россія не только не подвергла бы опасности своихъ западныхъ областей, а напротивъ, упрочила бы за собою спокойное и безспорное обладаніе ими: независимое польское королевство оказало бы, особенно на первыхъ порахъ, такую притягательную силу на высшіе классы населенія въ западныхъ провинціяхъ Россіи, что они охотно переселились бы въ него, особенно если бы правительство облегчило имъ продажу ихъ недвижимыхъ имуществъ; низшіе же классы, особенно же поселяне, хотя бы они были и католики, легко могутъ быть расположены въ пользу русскаго правительства, какъ это доказываетъ и нынѣшнее возстаніе, а чрезвычайно вліятельныхъ тамъ евреевъ, болѣе многочисленныхъ, чѣмъ сами поляки —

ихъ считается до 1.139.633 человѣкъ, тогда какъ поляковъ всего 988.617 —ничего не стоило бы привлечь на свою сторону, совершивъ въ отношеніи къ нимъ начатое уже дѣло справедливости, то есть уравнявъ ихъ совершенно въ правахъ съ прочими подданными имперіи. Какъ только въ Россіи не станетъ такимъ образомъ польскихъ элементовъ, поляки перестанутъ быть опасны для западныхъ областей ея, тѣмъ болѣе, что Австрія и Пруссія равно заинтересованы миролюбивымъ и спокойнымъ направленіемъ польской политики». Впрочемъ и эти приверженцы независимой Польши не скрываютъ отъ себя, что на первыхъ порахъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ Россія принуждена была бы держать на границахъ ея значительныя военныя силы и расходовать на это огромныя денежныя суммы; при томъ же простое отреченіе отъ Польши могло бы показаться признакомъ безсилія, а потому русскому Государю слѣдовало бы отказаться отъ польской короны подъ условіемъ, чтобы новое королевство Польское приняло на себя, за ручательствомъ Франціи и Англіи, часть иностраннаго долга Россіи: такимъ образомъ русскимъ финансамъ была бы оказана существенная помощь, и народная честь была бы спасена совершенно.

«Говорить ли, до какой степени несостоятеленъ этотъ взглядъ на вещи и до какой степени онъ несвойственъ русскому патріоту, какъ бы ни былъ онъ свободенъ отъ всѣхъ народныхъ предразсудковъ? Знаютъ ли эти витіи, что̀ значитъ отказаться Россіи отъ Польши? Это значитъ пренебречь единственнымъ осязательнымъ результатомъ достославной борьбы, которую Россія выдержала въ 1812 г. противъ всѣхъ полчищъ Наполеона I, которую она великодушно продолжала, не щадя жизни и имущества своихъ сыновъ, въ 1813, 1814 и 1815 годахъ; это значитъ пренебречь всѣми подвигами мужества и храбрости, всѣми потоками русской крови, пролитой какъ въ эти годы, такъ и во время польскаго возстанія 1830 и 31 годовъ и наконецъ теперь еще разъ льющейся. Не только Польшею, но и западными, нѣкогда польскими, областями своими Россія владѣетъ не въ силу раздѣла польскаго королевства въ концѣ прошлаго столѣтія, раздѣла, который многіе считаютъ неправымъ, а въ силу завоеванія, дважды совершеннаго: въ 1812 г., когда поляки поднялись вмѣстѣ съ Наполеономъ и шли на порабощеніе Россіи, и въ 1831 г., когда они снова взялись за оружіе и были снова покорены Россіей. И послѣ того, какъ мы принесли столько жертвъ для обладанія Польшей, когда мы купили ее самою дорогою цѣною, цѣною русской крови, хотятъ, чтобы мы ни за что, ни про что, сами, добровольно, безъ серьёзной борьбы, отказались отъ своего законнаго достоянія. Такихъ подвиговъ не великодушія и безкорыстія, а слабоумія и безсилія можно ожидать только отъ выродившагося народа, не имѣющаго будущности, а потому и неспособнаго дорожить результатами прошедшаго. Попробуйте-ка потребовать отъ Англіи Гибралтара, который она въ расплохъ захватила въ 1704 г., и вы увидите, чѣмъ она отвѣтитъ вамъ на это требованіе: а что такое Гибралтаръ сравнительно съ Польшею, какъ по своей политической важности для занято-

ресованныхъ государствъ, такъ и по количеству жертвъ, принесенныхъ на пріобрѣтеніе!

. . . . . .

«Но этого мало: отпаденіе отъ Польши значитъ лишить Россію ея политическаго значенія въ Европѣ. При неблагопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ находились до сихъ поръ и Россія, и Польша, Россія вынуждена была держать въ Польшѣ до 80,000 войска; но за то въ случаѣ внѣшней войны, какъ это оказалось въ 1853—56 годахъ, Россія могла быть уже спокойна съ этой стороны, да и Польша давала Россіи приблизительно такое же число солдатъ. Съ возстановленіемъ независимости Польши, въ какомъ бы то ни было видѣ, это вознагражденіе само собою отпадаетъ, а между тѣмъ и сами «петербургскіе патріоты», придуманные *Кельнскою Газетой*, соглашаются съ тѣмъ, что Россіи придется держать еще болѣе значительное войско на нашихъ границахъ съ Польшею. Положимъ, что за увеличеніе своихъ денежныхъ расходовъ на этотъ предметъ, Россія была бы вознаграждена возложеніемъ части ея иностраннаго долга на Польшу, хотя и невозможно ожидать, чтобъ Англія, и даже Франція, когда либо рѣшились поручиться въ этомъ отношеніи за Польшу. Но чѣмъ была бы вознаграждена Россія за пожертвованіе людьми, которые брались бы въ солдаты, пожертвованіе не въ примѣръ болѣе тяжкое для нашей малонаселенной страны? И такъ, съ утратой Польши, военная сила Россіи уменьшилась бы на все то число солдатъ, какое даетъ ей теперь Польша, и для внѣшнихъ войнъ, а равно и для защиты всѣхъ ея предѣловъ, кромѣ пограничныхъ съ Польшею, потеряны были бы всѣ тѣ войска, которыя она принуждена была бы постоянно противопоставлять независимому польскому королевству. Такимъ образомъ для внѣшняго дѣйствія у Россіи оказалось бы 200,000 войска меньше теперешняго. При такомъ условіи, въ состояніи ли была бы Россія удержать за собою значеніе великой европейской державы, въ состояніи ли была бы она поддержать свое слово дѣломъ?

«Мы говорили въ томъ предположеніи, какое выставлено *Кельнскою Газетой*, въ предположеніи, что возстановленіемъ независимаго польскаго королевства Россія только упрочитъ за собою и обезопаситъ свои западныя области; но это предположеніе, очевидно, небывалое и прямо противоположное истинѣ. Поляки скорѣе откажутся отъ своей національности, чѣмъ отъ своихъ притязаній на Литву, Бѣлоруссію, Волынь и Подолію: только что мелькнула предъ ними тѣнь независимости, только что вооружилось нѣсколько тысячъ человѣкъ, какъ они уже теперь громко провозглашаютъ свое намѣреніе оторвать отъ Россіи всѣ эти области. Не успѣло бы организоваться и окрѣпнуть новое польское королевство, какъ оно начало бы борьбу съ Россіей за эти области, борьбу на смерть, и Россіи пришлось бы снова проливать кровь сыновъ своихъ, снова жертвовать своими вещественными средствами, чтобы совершить еще разъ то, что уже совершено ею. Петербургскіе патріоты *Кельнской Газеты* совершенно правы, говоря о необходимости привлеченія на сторону Россіи не только крестьянъ, но и

евреевъ западнаго края дипломатіею ихъ равенства правъ со всѣми русскими подданными, и можно только пожелать, чтобы русское законодательство относительно евреевъ продолжало идти по тому пути, на который оно уже вступило. Не говорите о добровольномъ выселеніи не только 988,000 поляковъ, но десятой, двадцатой и даже сотой ихъ части изъ западнаго края Россіи въ независимую Польшу, это просто значитъ бредить. Итальянское правительство приняло на свое содержаніе всѣхъ эмигрантовъ изъ венеціанскихъ и папской областей, и однако же такихъ переселенцевъ оказалось всего 7,000 человѣкъ. Поляки же западнаго края стали бы дѣйствительно толпами изъ независимой Польши, но только съ цѣлію притянуть къ ней весь западный край: при средствахъ, которыми они и теперь располагаютъ, какъ высшій классъ населенія, и при той поддержкѣ, которую они нашли бы въ правительствѣ независимой Польши, Россія не могла бы и въ мирное время безъ пожертвованій и особыхъ усилій обезпечивать внутреннее спокойствіе своихъ западныхъ областей, а при первой войнѣ ей неминуемо пришлось бы выдержать борьбу не только съ независимыми, но и съ подвластными ей поляками.

«Такимъ образомъ для разумнаго русскаго человѣка, который хоть сколько нибудь дорожитъ спокойствіемъ, честью и величіемъ своего отечества, возможностью безпрепятственнаго для него развитія, наконецъ собственнымъ своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, не можетъ быть и рѣчи объ отреченіи Россіи отъ Польши. Почти то же самое можетъ быть сказано о возстановленіи полной политической независимости Польши подъ властью кого либо изъ членовъ русскаго царствующаго дома. Дѣло очевидное, что если новый король польскій будетъ управлять польскимъ королевствомъ, не уступая его стремленіямъ къ расширенію своихъ предѣловъ на счетъ Россіи, то возбудитъ противъ себя революцію, и безъ военнаго вмѣшательства Россіи и новаго завоеванія ею Польши, принужденъ будетъ уступить свой престолъ какому нибудь правнуку Наполеону; или же онъ противъ воли принужденъ будетъ воевать съ Россіею, какъ въ XVII столѣтіи Польша воевала съ Швеціей, хотя обѣ страны находились подъ властью двухъ линій одной и той же династіи Вазы. Для Россіи было бы погибко не только возстановленіе Польши подъ особымъ скипетромъ, но даже возстановленіе польской конституціи 1815 года подъ скипетромъ русскаго императора. Тутъ можетъ быть только одно изъ двухъ: или русскій государь принужденъ будетъ силами Россіи, какъ въ 1831 г., подавлять польскія революціи, опирающіяся на значительное и хорошо вооруженное войско, или онъ принужденъ будетъ пожертвовать интересами Россіи для Польши, какъ это, по словамъ нашихъ недруговъ, намѣревался будто бы сдѣлать Александръ I. Династическіе интересы были бы такимъ образомъ соблюдены: не вѣсто Россіи заняла бы Польша, и Всероссійскій Императоръ сталъ бы по преимуществу королемъ польскимъ. Плоды тысячелѣтней, исполненной такихъ испытаній исторіи, были бы Россіей утрачены, и она была бы вскорѣ отброшена въ глубь

Азіи, униженная и подавленная своею надменною и властолюбивою соперницей. Но къ чему останавливаться на такихъ скорбныхъ, несбыточныхъ, безумныхъ предположеніяхъ? Вмѣсто того, чтобы говорить о возстановленіи полной политической независимости Польши подъ русскимъ ли, или подъ чужимъ скипетромъ, ужъ лучше отдать ее въ руки Австріи или Пруссіи, что тоже совѣтуютъ намъ сдѣлать «петербургскіе патріоты». Съ доводами ихъ по этому пункту мы постараемся ознакомить нашихъ читателей завтра.»

Въ статьѣ 5 апрѣля высказываются и опровергаются мнѣнія европейскихъ державъ по польскому вопросу.

«Вчера вечеромъ, — такъ начинается передовая статья Times отъ 11-го апрѣля (30-го марта), — посланы въ Петербургъ депеши изъ Лондона, Парижа и Вѣны къ представителямъ Великобританіи, Франціи и Австріи съ инструкціями прочесть эти депеши князю Горчакову и оставить съ нихъ копіи. Эти депеши, прибавляетъ органъ лондонскаго города, изложены въ дружественныхъ выраженіяхъ; но всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ ясное и вразумительное предостереженіе русскому правительству.» «Европейскія державы, говоритъ Morning Post, не сочли должнымъ обратиться съ коллективною нотою къ с.-петербургскому кабинету, чтобы не придать своему дѣйствію угрожающаго характера, который могъ бы сдѣлать его совсѣмъ безплоднымъ. Они предпочли дѣйствовать отдѣльными нотами, хотя и одушевлены одинаковыми видами и чувствами.» Что особенно ново и замѣчательно въ статьѣ органа лорда Пальмерстона, это пренебрежительный тонъ, съ которымъ онъ отзывается о трактатахъ 1815 г. относительно Польши.

«Европейскимъ державамъ, говоритъ онъ, нѣтъ надобности ломать голову надъ истолкованіемъ вѣнскихъ трактатовъ, такъ какъ они не имѣютъ въ виду требовать отъ Россіи выполненія обязательствъ, которыя систематически нарушались цѣлый рядъ годовъ. Они ожидаютъ отъ Россіи не того, чтобъ она дала Польшѣ ту или другую форму правленія сообразно съ трактатами 1815 г., но того, чтобъ она дала ей такую форму правленія, которая положила бы конецъ состоянію непрерывнаго и хроническаго возстанія, въ какомъ находится Польша.»

Когда Австріи, говоритъ Journal des Débats, основываясь на полученныхъ имъ письмахъ изъ Вѣны, — сообщено было оффиціальнымъ путемъ, но конфиденціально, что Императоръ Всероссійскій уже подписалъ манифестъ о всепрощеніи и имѣетъ въ виду слѣдовать прежней системѣ реформъ, преобразовать администрацію, развить муниципальныя учрежденія и народное просвѣщеніе, ввести начало свободы печати, расширить избирательныя права, обезпечить свободу вѣроисповѣданій, когда все это доведено было до свѣдѣнія вѣнскаго кабинета, онъ былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе, и не зналъ, чего еще требовать отъ Россіи въ обѣщанной имъ Франціи нотѣ. Осталось только высказать общія и неопредѣленныя желанія, которыя

выражаютъ все или ничего, смотря по волѣ желающаго. Подъ этою неопредѣленною формой каждая изъ трехъ державъ можетъ очень легко и удобно скрывать свои особые виды.

Дать Польшѣ такую форму политическаго существованія, которая водворила, бы въ ней миръ и спокойствіе,—да это все, чего только можетъ желать сама Россія, и въ этомъ отношеніи существуетъ, повидимому, полное согласіе между Россіей, Австріей, Англіей и Франціей. Но какая именно форма политическаго существованія можетъ успокоить и умиротворить Польшу, въ этомъ заключается вся сущность вопроса и источникъ всѣхъ разногласій. Если обратиться за рѣшеніемъ этого вопроса къ самимъ полякамъ, то они, поддерживаемые издавна всѣми врагами Россіи, предъявили бы самыя безграничныя требованія, осуществленіе которыхъ уничтожило бы всякое политическое значеніе Россіи и поставило бы на ея мѣсто Польшу. Если прислушаться къ голосу большей части французскихъ журналовъ, если спросить совѣта у полуоффиціальной Франціи, то пришлось бы точно также не только возстановить политическую независимость Царства Польскаго, но и оторвать отъ самой Россіи Литву, Бѣлоруссію и значительную часть Малой Россіи. Да и сама оффиціальная Франція, самъ императоръ Наполеонъ III, какъ увѣряютъ, лелѣетъ по меньшей мѣрѣ мысль объ образованіи изъ Царства Польскаго независимаго государства, соглашаясь (на первый разъ) предоставить новый престолъ одному изъ членовъ русской императорской фамиліи, какъ будто осуществленіе такого плана водворитъ миръ и спокойствіе между поляками. Если, наконецъ, припомнить содержаніе англійской депеши отъ 2-го марта, если принять голосъ Morning Post за голосъ англійскаго правительства, то повидимому и Англія не прочь разумѣть подъ формою правленія, способною обезпечить миръ и спокойствіе Польши, совершенное отдѣленіе ея отъ Россіи. Въ одной изъ недавнихъ статей своихъ Morning Post развиваетъ, въ связи съ польскимъ вопросомъ, очень коварную мысль. По мнѣнію органа лорда Пальмерстона, Россія, при своемъ огромномъ пространствѣ, можетъ быть управляема только деспотическимъ образомъ: такъ чествуетъ англійскій журналъ нынѣшній образъ правленія въ Россіи. Польша въ этомъ отношеніи, продолжаетъ Morning Post, представляетъ истинное затрудненіе для Россіи. Была сдѣлана попытка управлять ею деспотически, и попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ. Дать ей либеральное устройство, но соединивъ ее узами подданства съ Россіей, значило бы создать одну изъ величайшихъ опасностей для сохраненія нынѣшняго правленія въ прилежащихъ къ ней областяхъ собственно Россіи. Такимъ образомъ органъ лорда Пальмерстона, обрекая Россію или на раздробленіе, или на вѣчное продолженіе такъ называемаго имъ деспотическаго правленія, въ видахъ сохраненія послѣдняго, лучше совѣтуетъ повнимательнѣе вникнуть, «не лучше ли будетъ отказаться вовсе отъ Польши и предоставить ей полную независимость, чѣмъ даруя полякамъ права, въ которыхъ придется отказывать самимъ Русскимъ, пробудить въ нихъ неудовольствіе». Вопросы, которыхъ касается Morning Post, самые ка-

питальные, въ разсмотрѣніе которыхъ мы не станемъ здѣсь вдаваться, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ на нихъ читатель найдетъ отчасти въ статьѣ: «Русскій вопросъ» въ недавно вышедшей книгѣ *Русскаго Вѣстника*. Мы не станемъ говорить также, какъ больно русскому человѣку слышать, что серьезный органъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ считаетъ себя въ правѣ называть нашъ образъ правленія деспотическимъ. Мы не станемъ также указывать ему на примѣры Италіи и Австріи, которыя не деспотизмомъ стремятся создать и упрочить цѣлость и единство своихъ государствъ, а учрежденіями, которыя способны внутренно сблизить и слить въ одно политическое цѣлое различныя племена и области.

«Morning Post предлагаетъ, дѣйствительно, новый и неиспытанный еще способъ разрѣшенія польскаго вопроса — совершенное отдѣленіе Польши отъ Россіи; но и эта форма политическаго существованія не успокоила бы, не умиротворила бы поляковъ, которые стремятся вовсе не къ тому, а къ возстановленію Польши въ тѣхъ предѣлахъ, какіе она нѣкогда имѣла. Но вмѣсто того, чтобъ обращаться къ этимъ предположительнымъ и неиспытаннымъ еще планамъ, не естественнѣе ли было бы со стороны Англіи,—еслибы тутъ не было коварной задней мысли,—не естественнѣе ли было бы обратиться къ тому, что уже испытано, правда, не нами, а Пруссіей и Австріей? Дѣло идетъ о созданіи для Польши такой политической формы, которая положила бы конецъ ея смутамъ и волненіямъ. Отдѣльная политическая организація Польши, испытанная въ 1815—30 годахъ, не успокоила Польши, при всѣхъ своихъ либеральныхъ учрежденіяхъ; деспотизмъ, какъ называетъ Morning Post послѣдовавшую за тѣмъ правительственную систему, также не привелъ къ желаннымъ результатамъ. За тѣмъ остается или отдать Польшу Австріи и Пруссіи, или же соединить ее съ Россіею не однѣми внѣшними, но и внутренними узами, какими соединена Галиція съ Австріей, Познань съ Пруссіей.

«Какъ же это увязывается отъ почтенной англійской газеты? Дѣло въ томъ, что понадобилось отдѣлить Польшу отъ Россіи, чтобъ ослабить насъ, и Англіи очень хотѣлось бы достигнуть этой цѣли не обнажая меча, посредствомъ однихъ представленій и убѣжденій. Еслибы это было дѣло статочное, то надобно признаться, что это былъ бы верхъ искусства. Англія сбыла бы съ рукъ цѣлую великую державу, не проливъ ни одной капли англійской крови. Тутъ есть изъ-за чего поднять крикъ и очень можно рискнуть двумя, тремя дипломатическими депешами, не говоря уже о журнальныхъ статейкахъ.

«Итакъ, если настоящія обстоятельства способны тревожить русское чувство, то источникъ этой тревоги можетъ заключаться не въ самомъ польскомъ возстаніи, не въ буквальномъ смыслѣ требованій, обращенныхъ къ намъ тремя великими державами Европы, а въ самой неопредѣленности ихъ, которая, смотря по обстоятельствамъ, даетъ возможность западнымъ державамъ придать этимъ требованіямъ тотъ смыслъ и то значеніе, какіе они найдутъ для себя нужными. Энергія

и единодушіе, съ какими выскажутся русскіе люди противъ планов несогласныхъ съ жизненными интересами Россіи, могли бы оказать не малое вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій, образумивъ Францію и Англію и ограничивъ ихъ чересчуръ широкіе планы».

Высказывая мнѣнія различныхъ нашихъ и иностранныхъ газетъ по польскому вопросу, мы сами затрудняемся высказать какое нибудь опредѣленное свое мнѣніе по этому предмету. И не потому, чтобы думали, что оно можетъ быть найдено неудобнымъ, а потому: во первыхъ, что всѣ мы русскіе близко заинтересованы въ польскомъ вопросѣ; удержаться отъ болѣе или менѣе пристрастнаго рѣшенія его очень трудно: во вторыхъ, въ наше время трудно найдти какія нибудь основанія, опираясь на которыхъ можно было бы съ приблизительнымъ вѣроятіемъ рѣшить вопросъ такъ, чтобы рѣшеніе его не повлекло за собою неудобствъ въ настоящемъ или будущемъ. Представляется два способа рѣшенія вопроса, могущихъ уладить дѣло польское окончательно: 1) отдѣленіе Польши отъ Россіи, и 2) окончательное слитіе Польши съ Россіей. Если отдѣлить Польшу отъ Россіи, то очень можетъ быть, что Россія можетъ испытать по крайней мѣрѣ часть тѣхъ затрудненій, о которыхъ говорятъ «Московскія вѣдомости». Сохранивъ за собою общественное мнѣніе Европы, Россія, можетъ быть, дѣйствительно должна будетъ быть на сторожѣ противъ притязаній Польши на наши западныя провинціи. Въ какой мѣрѣ опасны будутъ эти притязанія для Россіи? Какъ смотрѣть будутъ на нихъ европейскіе народы и правительства? Это сказать теперь трудно. Съ другой стороны, предположимъ, что Польша слита съ Россіей, что въ дипломатіи дѣло это улажено, — общественное мнѣніе Европы останется все-таки противъ Россіи. Вопросъ: должно ли обращать вниманіе на это общественное мнѣніе Европы, наши газеты рѣшаютъ отрицательно на основаніи прошедшихъ историческихъ примѣровъ. Но прошедшая исторія въ наше время плохая подмога въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Новая исторія, т. е. исторія нашихъ дней видимо для всѣхъ слагается совсѣмъ на другихъ основахъ. Европейскіе народы, при помощи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ такъ быстро сближаются между собою, что нѣтъ никакого сомнѣнія, въ самое скорое время превратятся въ одну семью,—и ни одному европейскому народу существовать въ этой семьѣ отдѣльно, не пользуясь ея симпатіями, будетъ не возможно. Образованіе одного итальянскаго королевства подъ властію Виктора-Эммануэля вопреки плану Наполеона, прочное его утвержденіе съ перваго раза безъ этихъ симпатій было бы немыслимо. Польское нынѣшнее возстаніе безъ этихъ симпатій не продержалось бы въ теченіи и одного мѣсяца. Является вопросъ слѣдующаго рода: слитіе Польши съ Россіей, вооруживъ противъ Россіи мнѣніе Европы, усмиритъ ли

Польшу окончательно, покончитъ ли польскій вопросъ въ наше время? Кто внимательно присмотрится къ силѣ, движущей и направляющей современныя событія въ Европѣ, кто прослѣдитъ дѣйствія самого Наполеона III, тотъ едва ли рѣшитъ вопросъ этотъ утвердительно. Вотъ почему, не позволяя себѣ подобно другимъ нашимъ публицистамъ предрѣшать польскаго вопроса, мы думаемъ, что чѣмъ болѣе будетъ въ рѣшеніи его оказано любви, великодушія, терпѣнія, тѣмъ прочнѣе будетъ его разрѣшеніе.

Въ прошедшемъ нашемъ обозрѣніи мы сдѣлали нѣсколько замѣчаній по поводу объявленія, сдѣланнаго «Днемъ» о предполагавшихся тогда публичныхъ философскихъ лекціяхъ г. Юркевича. Мы какъ будто предчувствовали, что чтеніе лекцій г. Юркевича добрымъ и тихимъ порядкомъ не кончится, что выйдетъ непремѣнно какой нибудь скандалъ. Такъ и случилось. Дѣйствительно, вышелъ скандалъ. Образовался онъ такимъ образомъ. Одинъ изъ слушателей г. Юркевича, недовольный его чтеніемъ, нашелъ нужнымъ заявить о своемъ неудовольствіи ему *анонимнымъ* письмомъ и просить профессора о болѣе удовлетворительномъ изложеніи предмета. Письмо свое слушатель заключалъ такимъ образомъ: «*Предоставляю* на ваше благоусмотрѣніе *оглашать это письмо, я не стряпусь.* А если теперь не сказывается, то это согласно съ цѣлію моего письма: я хочу только инкогнито помочь вамъ честно выполнить принятую вами на себя обязанность». Г. Юркевичъ прочелъ письмо на лекціи. Какъ онъ прочелъ и что потомъ было на лекціи, — объ этомъ пусть читатель прочтетъ въ «Свисткѣ». Но все это ничего. Такъ дѣло маленькимъ скандальчикомъ *на лекціи* кончилось бы, публика московская потѣшилась бы на счетъ *доступнаго* ея понятіямъ матеріализма, и изъ всей исторіи ничего, кромѣ общаго удовольствія, не вышло бы. Какъ вдругъ г. Лонгиновъ захотѣлъ поднять шумъ съ извѣстною музыкою, придать дѣлу колоритъ особаго свойства. Онъ напечаталъ объ этомъ дѣлѣ статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», *анонимное* письмо назвалъ, неизвѣстно почему, *подметнымъ*, автора его обвинилъ чуть ли не въ покушеніи на жизнь г. Юркевича, однимъ словомъ, придалъ дѣлу такой видъ, что авторъ написалъ письмо не вслѣдствіе неудовлетворенной своей личной любознательности, а вслѣдствіе составленнаго шайкою матеріалистовъ заговора противъ г. Юркевича. Мы очень рады, что оба письма, то есть, и письмо г. Лонгинова, и письмо автора анонима обнародованы и съ удовольствіемъ даемъ имъ мѣсто на страницахъ нашего журнала. Пусть судятъ добрые люди сами, сколько бываетъ истины въ словахъ московскихъ кумушекъ-литераторовъ, когда они въ чужихъ трудахъ и дѣйствіяхъ начинаютъ изыскивать *вредоносность* для тѣхъ нелѣпыхъ общественныхъ основъ.

«Очерки» № 93. *Письмо г. Рогова въ редакцію «Очерковъ» и за тѣмъ письмо его г. Юркевичу.*

«Я авторъ того анонимнаго письма, которое надѣлало столько шуму, отъ котораго пришли въ экстазъ гг. Лонгиновъ и И. и А. написали свои громовыя статьи, одинъ «въ Московскихъ вѣдомостяхъ», другой въ «Днѣ», изъ коихъ на первую г. М. С. написалъ статью, помѣщенную въ вашей газетѣ. По личнымъ моимъ соображеніямъ, я не считалъ нужнымъ подъ письмомъ выставлять мою фамилію; но когда оно приняло извѣстность и начинается перетолковываться такъ и сякъ, то я его представляю передъ публику, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Раньше я этого не сдѣлалъ по предположенію, что г. Юркевичъ напечатаетъ его. *А. Рогов.*

Вотъ письмо.

«6 марта 1863 г. Позвольте, м. г., сказать вамъ нѣсколько словъ о вашихъ публичныхъ лекціяхъ. Предметъ вашихъ лекцій — показать ложность ученія матеріалистовъ. Задача громадная! Но, слушая васъ въ аудиторіи, я былъ увѣренъ, что васъ хватитъ на это, что вамъ по силамъ такая задача. Съ этой вѣрой я потратился на ваши дорогія лекціи и слушалъ ихъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Но, увы! вы разубѣдили меня! Я увидѣлъ, какъ вы слабы противъ матеріалистовъ? И не меня одного вы убѣдили въ вашей слабости: выходя съ послѣдней лекціи, я слышалъ, какъ многіе говорили о неудовлетворительности ея. Вѣроятно, вы и сами замѣтили этотъ фактъ разубѣжденія изъ того, что лекція отъ лекціи аплодисменты слабѣютъ, а на двухъ послѣднихъ слышалось даже шиканье. Матеріализмъ уже сильно въѣлся въ убѣжденія, потому надобно обращаться съ нимъ строго деликатно. Это-то и было причиною шиканья и неодобрительныхъ отзывовъ, ибо вы, въ вашихъ лекціяхъ, показали крайнее неуваженіе ка матеріалистамъ. Самоувѣренность, твердость убѣжденій — качества, достойныя уваженія, но потому же надобно уважать убѣжденія другихъ. Въ силу своихъ убѣжденій вы могли разбирать, судить, опровергать матеріалистовъ, но съ достоинствомъ, съ терпимостію. Это священная обязанность каждаго порядочнаго человѣка и, конечно, ученаго, отъ коей нельзя отступить и при очевидной ложности убѣжденій противниковъ. А вспомните, такови ли были вы въ вашихъ лекціяхъ? Нѣтъ. И я скажу вамъ, господинъ профессоръ философіи, знающій, что все знать значитъ все прощать, что такъ цинически отзываться о Бюхнерѣ, какъ вы отзываетесь, называть матеріалистовъ безголовыми не достойно каѳедры! Мало того. Вы видимо превратно толкуете Бюхнера. Напр. выраженіе, что мысль происходитъ въ пространствѣ и времени вы извратили, отнесясь къ нему самымъ циническимъ образомъ и сказали, что мысль не имѣетъ никакого отношенія къ пространству и времени. Между тѣмъ Бюхнеръ хотѣлъ сказать, что мысли наши не всеобъемлющи и временны, что не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ доказательство этого, — такъ какъ вы очень любите примѣры, — я представлю примѣръ. Мы теперь убѣж-

деды, что все для человѣка, что всѣ одинаково имѣютъ право на жизнь и на свободу, что та и другая неприкосновенны. Что, кажется, священнѣе этой истины? Между тѣмъ древній міръ ее не зналъ. Тамъ человѣкъ былъ средствомъ; весь поглощался или религіей или государствомъ; тамъ было рабство, рабы считались вещами, жизнь ихъ не ставилась ни во что, владѣльцы ихъ убивали, охотились на нихъ, распинали по своему произволу. Что же это значитъ? Не подтверждаетъ ли это Бюхнера? Не значитъ ли это, что мысль происходитъ въ пространствѣ и времени? Не противорѣчитъ ли прирожденнымъ отвлеченнымъ понятіямъ, кои вы приписываете человѣку? Если есть что нибудь безусловное, вѣчное, то это законы нашего организма, естественныя его потребности; законы же, способы лучшаго удовлетворенія потребностей намъ даются временемъ мало по малу. Въ настоящее время становится общимъ убѣжденіемъ, что такое удовлетвореніе возможно въ общежитіи только при разумной и свободной дѣятельности человѣка, въ силу чего человѣкъ можетъ дѣлать все, что не вредно другимъ. А прирожденныя отвлеченныя понятія, кои вы находите въ человѣкѣ, есть только слѣдствіе общежитія и опыта, который научаетъ простолюдина при переноскѣ тяжестей прилагать законы механики, не зная ихъ (вашъ примѣръ). Не называете же вы Платона и Аристотеля безголовыми за ихъ убѣжденія о необходимости рабства и за объясненіе послѣдняго, что душа есть тончайшая матерія. Далѣе. Вы слишкомъ вѣрите въ логику. Какъ извѣстно, логика лишь помогаетъ намъ дѣлать правильные выводы изъ фактовъ. Между тѣмъ вы думаете, что если силой логики опровергли какой нибудь выводъ, то опровергли и самый фактъ, сдѣлали его негоднымъ, и обходите его, не сказавши своего вывода, того, какъ слѣдуетъ понимать фактъ. Такъ вы обошли, не объяснивши: отчего съ потерею мозга теряются умственныя способности? отчего, если совершенно отдѣлить человѣка отъ другихъ, лишивши человѣческихъ способовъ развитія, человѣкъ тупѣетъ, и понятія его искажаются? отчего ребенокъ въ первые дни жизни не имѣетъ ни о чемъ сознанія, а движенія, въ коихъ проявляется его жизнь, иногда замѣчали въ трупахъ? Такой обходъ можетъ рождать въ слушателяхъ еще болѣе неопредѣленныя понятія. Наконецъ, васъ нельзя похвалить и въ отношеніи къ публикѣ. Вы считаете публику неспособной къ глубокому мышленію, вы смотрите на нее, какъ на дитя, потому угощаете ее массой примѣровъ, разжевывая ихъ по своему, иногда такъ, что они получаютъ иной, ложный смыслъ, такой, какой вамъ нужно, чтобы потѣшить публику на счетъ матеріалистовъ. Честно ли это? Не унижаете ли вы каѳедру до балаганныхъ подмостокъ? Словомъ, въ вашихъ лекціяхъ много лжетолкованій и нелѣпостей, для опроверженія коихъ нужно столько же лекцій. Послѣ всего этого позвольте спросить васъ: чѣмъ можете вы оправдать хоть сколько нибудь ваши цинические отзывы о матеріалистахъ? Ничѣмъ. Если матеріалисты ошибаются, то и вы не свободны отъ ошибокъ. Потому имѣю честь предупредить васъ, милостивый государь: если въ слѣдующихъ лекціяхъ вы не оставите

цинизмъ, не будете съ достоинствомъ относиться къ матеріализмамъ, то услышите уже не шиканье, а свистки. Но еще лучше сдѣлаете, если сознаете ваше безсиліе и прекратите лекціи, тѣмъ избавите публику отъ большаго заблужденія, а себя отъ обидныхъ подозрѣній.

Предоставляю на ваше благоусмотрѣніе *огласить это письмо, я не стыдлюсь.* А если я теперь не сказываюсь, то это согласно съ цѣлію моего письма: я хочу только инкогнито помочь вамъ честно выполнить принятую вами на себя обязанность.

«Московскія вѣдомости» № 5-й. Письмо г. Лонгинова къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей».

«Вамъ извѣстно уже, что 9-го марта, на публичной лекціи, г. профессоръ Юркевичъ заявлялъ объ анонимныхъ письмахъ, полученныхъ имъ отъ отечественныхъ послѣдователей матеріализма, грозившихъ ему свистками, если онъ осмѣлится впредь говорить противъ этой системы. Вы, вѣроятно, сообщите вашимъ читателямъ извѣстіе о курсѣ почтеннаго профессора, заслужившемъ столь громкій и заслуженный успѣхъ, и приводящемъ въ истинно-комическое отчаяніе его безыменныхъ противниковъ, безсильно старающихся повредить ему жалкими публикаціями, подметными письмами и тому подобными средствами, не оставляющими возможности даже «цѣлію оправдываться», такъ какъ цѣли очевидно они не достигнутъ. Но въ случившемся на лекціи 9-го марта есть особенная сторона, на которую не худо обратить вниманіе публики, чтобы разъяснить ей, чего должно ожидать, еслибы извѣстнаго рода тенденціи восторжествовали въ наукѣ и въ жизни.

«Авторъ анонимнаго письма къ г. Юркевичу, конечно, считаетъ себя принадлежащимъ къ числу благодѣтелей человѣчества «in spe», къ числу поборниковъ прогресса и свободы. Съ какимъ же выступилъ онъ оружіемъ? Съ подметнымъ письмомъ, которое *содержитъ въ себѣ угрозы, чтобы насиловать чужое убѣжденіе и заставить молчать противника.*

«Признакъ интересный для наблюденія. Поборники матеріализма не могутъ оправдаться тѣмъ, что открытое изложеніе ихъ ученія имъ невозможно. Уже нѣсколько лѣтъ они проповѣдывали его публично и глумились надъ тѣми, которые не принадлежатъ къ числу матеріалистовъ. А когда профессоръ осмѣлился не благоговѣть передъ какимъ нибудь Бюхнеромъ и высказать о немъ свое мнѣніе, они хотятъ застращать его. Вотъ они, провозвѣстники свободы «sui generis», вотъ они, друзья человѣчества, хотящіе устроить судьбу его!

«Теперь они могутъ, слава Богу, угрожать только свистками и тому подобнымъ. Но и этого довольно, чтобы судить, чѣмъ бы они стали грозить и даже какъ бы они дѣйствовали, еслибы, къ несчастію, имъ привелось когда нибудь чѣмъ нибудь распоряжаться.... Надобно, чтобы въ общее сознаніе у насъ вошла наконецъ истина, доказанная исторіею относительно извѣстнаго рода народолюбцевъ, что за ихъ громкими фразами скрывается поползновеніе къ грубѣйшему деспотизму. Да и какъ ожидать, чтобы свобода и достоинство человѣка были уважены тѣми,

кто низводитъ его на степень животнаго? Такое противорѣчіе невозможно, и это не худо всѣмъ «на стѣнѣ зарубить».

«Примите и пр.»

Не знаемъ, какъ чувствуетъ себя г. Лонгиновъ, но мы на мѣстѣ его по обнародываніи письма г. Рогова чувствовали бы себя очень неловко! Какъ въ самомъ дѣлѣ! Изъ невиннаго письма, написаннаго серьезно, спокойно и не обличающаго въ авторѣ ничего, кромѣ искренняго желанія изучить предметъ, сочинить исторію *о поджигателяхъ*! Вѣдь найдутся такіе злые люди, которые подобный способъ толкованія чужихъ писемъ назовутъ, пожалуй, недобросовѣстнымъ. Но и не только найдутся, а они уже есть даже. Мы сами, конечно, горой стоимъ за г. Лонгинова. Мы увѣрены, что г. Лонгиновъ писалъ свое письмо съ единственною цѣлію послужить наукѣ и русской свободѣ, угрожаемой опасностію матеріализма, — и если сказалъ кой-что лишнее, чего вовсе не было, то это весьма натурально. Его обычно-спокойное мышленіе разстроилъ *аноним*. Анонимъ! согласитесь сами, что ужасъ, невольно представляются скрытые ножи, злонамѣренные поджоги и проч. и проч. Такъ это и на насъ подѣйствовало, и на всю Москву такъ подѣйствовало. Въ солидарности въ этомъ случаѣ Москвы съ нами свидѣтельствуетъ нѣкто г. Захарьинъ, помѣстившій въ 11 № «Современной Лѣтописи» передовую статейку по поводу возбужденной лекціями г. Юркевича полемики. Г. Захарьинъ, доказывая, что профессоръ прочитавъ анонимное письмо на лекціи, вовсе не говорилъ той плоскости, которую ему приписываютъ (см. «Свистокъ»), высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свой взглядъ на анонимныя письма. Странно, — говоритъ онъ, — для чего г. М. С. исказилъ дѣйствительныя слова профессора: «анонимное письмо, сказалъ г. Юркевичъ, — не имѣетъ никакихъ правъ, потому я и воспользовался имъ, какъ счелъ пригоднымъ» т. е. профессоръ оправдывалъ себя въ томъ, что прочиталъ письмо передъ публикой, и давалъ этимъ сочинителю письма урокъ, которымъ онъ, вѣроятно, воспользуется въ послѣдствіи. Писатель анонимнаго письма есть какъ бы ничто предъ получителемъ письма, онъ существо безъ правъ (sic), существо, уничтожившее свою личность (!!) Именно такъ, г. Захарьинъ. Мы вполнѣ съ этимъ согласны. И вотъ почему мы не мало удивились, встрѣтивъ людей, которые совершенно не раздѣляютъ нашего мнѣнія объ анонимныхъ письмахъ, мало того, которые удостовѣряютъ, что въ Европѣ писать анонимныя письма профессорамъ, читающимъ лекціи, дѣло такое обычное, что считается чуть не легальнымъ. Дадимъ здѣсь мѣсто одному письму съ такимъ страннымъ взглядомъ, присланному къ намъ по поводу письма г. Лонгинова.

«Невѣжливый и крайне не приличный поступокъ съ анонимнымъ письмомъ г. Юркевича, профессора философіи въ московскомъ университетѣ, поступокъ, къ сожалѣнію вызвавшій, какъ пишутъ московскіе корреспонденты, громкое одобреніе и такія же громкія рукоплесканія многихъ восьма почтенныхъ и достойныхъ всякаго уваженія людей, какъ редакторъ напр. одной изъ серьезныхъ московскихъ газетъ, напомнили мнѣ одинъ случай, аналогичный до нѣкоторой степени съ тѣмъ, который прервалъ назидательныя чтенія московскаго профессора. Я привожу его вовсе безъ затаенной цѣли дѣлать какія бы то ни было сравненія, тѣмъ болѣе въ ущербъ самолюбію г. невѣжливаго профессора, не постыдившагося произнести весьма сальный намекъ на то употребленіе, какое онъ намѣренъ сдѣлать изъ анонимнаго письма; нѣтъ, это, я думаю, было бы безполезно и вовсе не повело бы къ желательному смягченію отечественныхъ нравовъ, хотя на каѳедрѣ, и не на каѳедрѣ какой нибудь естественной науки, съ понятіемъ о которой соединяется необходимость встрѣчаться съ такими предметами и явленіями, упоминать о которыхъ въ обыкновенномъ разговорѣ, а тѣмъ болѣе предъ дамской публикой считается неприличнымъ, а на каѳедрѣ философіи, изъ устъ представителя метафизической, идеалистической системы, къ которой такія матеріалистическія отправленія нисколько не относятся. Я имѣю цѣлью просто представить разрѣшеніе подобнаго же аналогическаго явленія, котораго былъ личнымъ свидѣтелемъ, разрѣшеніе, не прибѣгавшее къ пріемамъ оскорбляющимъ эстетическое чувство аудиторіи и имѣющее цѣлью прямое, посильное уясненіе вопроса. Можетъ быть, изъ нѣсколькихъ подобныхъ случаевъ и возможно будетъ сдѣлать болѣе или менѣе вѣрное опредѣленіе, какъ слѣдовало бы поступить профессору въ случаѣ анонимныхъ писемъ, въ которыхъ излагается взглядъ, противоположный взглядамъ, возвѣщаемымъ съ каѳедры, разумѣется, въ видахъ честнаго разъясненія вопроса, а не безплоднаго глумленія надъ противникомъ.

«Со времени второй имперіи, французское общество не можетъ похвалиться свободой преподаванія ни въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, ни въ высшихъ, представителями которыхъ служатъ Сорбонна и французская коллегія, еще не болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, привлекавшія такое огромное стеченіе публики со всѣхъ концевъ Европы и пользовавшіяся такимъ заслуженнымъ вниманіемъ. Всѣ знаменитости или разъѣхались, или отказались читать лекціи подъ надзоромъ императорской администраціи, или были отстранены за несочувствіе къ современному порядку дѣлъ во Франціи отъ каѳедры университета и коллегіи. Уставы послѣднихъ были пересмотрѣны и пре-

образованы на новыхъ, соотвѣтствующихъ духу настоящей имперіи началахъ.

«Ни въ одной странѣ исторія политическихъ учрежденій не находится въ такой близкой и тѣсной связи съ учеными корпораціями, какъ во Франціи. Съ XIV вѣка французскій университетъ (который, какъ извѣстно, составляетъ совокупность всѣхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній) принималъ самое дѣятельное участіе въ политической исторіи общества и нерѣдко бралъ на себя инициативу прогресса и движенія, когда прочія отрасли жизни глохли и замирали. Одно изъ самыхъ популярныхъ учрежденій составляетъ коллегія, устроенная на основаніяхъ совершенно самостоятельныхъ и оригинальныхъ. Совѣтъ университета опредѣлялъ въ прежнее время курсы ея на каждый семестръ и избиралъ профессоровъ. Самая цѣль учрежденія коллегіи заключается въ популяризаціи наукъ университета. Чтеніе въ коллегіи вслѣдствіе этого считалось особаго рода почетомъ. Профессору университета всегда лестно было быть избраннымъ въ коллегію для распространенія и популяризаціи той науки, которую часто самъ онъ читалъ въ Сорбоннѣ, тѣмъ болѣе, что съ правомъ этимъ соединено значительное денежное вознагражденіе.

Въ то время, о которомъ я намѣренъ говорить, выборное право университетскаго совѣта было уже нарушено: совѣтъ только рекомендовалъ профессора въ коллегію на утвержденіе правительства, да и на самую рекомендацію послѣднее имѣло весьма значительное вліяніе. Новый порядокъ оставилъ только тѣнь прежней самостоятельности совѣту въ формѣ избранія профессора въ коллегію; въ сущности же, назначеніе и сопряженное съ нимъ содержаніе вполнѣ зависитъ отъ императорской администраціи, которая сдѣлала изъ бывшаго популярнаго учрежденія нѣчто въ родѣ награды для профессоровъ за ихъ ревностную и усердную службу правительству. Мѣры эти были причиной совершеннаго упадка французской коллегіи. Все талантливое удалилось или было отстранено. Особенная пустота и бездарность ощущались на каѳедрахъ политическихъ и соціальныхъ наукъ. Изъ замѣчательныхъ именъ по этимъ отраслямъ знанія оставался одинъ только Лабуле, и лекціи его посѣщались довольно усердно. При такихъ невыгодныхъ условіяхъ для преуспѣянія названныхъ мною наукъ, обыкновенно весь интересъ невольно обращается на науки опытныя, естественныя и математическія. Французское общество въ такія неблагопріятные моменты своей исторической жизни какъ будто силится запастись новыми силами, новыми выгодами послѣднихъ, чтобы употребить ихъ съ пользою для приложенія къ политическимъ наукамъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. По естественной исторіи чтенія въ это время, о которомъ я говорю, были ожив-

ленныя. Лекціи Косты объ эмбріогеніи и Клодъ-Бернара о животномъ сахарѣ привлекали толпу посѣтителей. Но не о нихъ дѣло, а о томъ, что Франкъ, послѣдователь Кузена въ философіи, назначенъ былъ, съ разрѣшенія администраціи, читать курсъ народнаго права. Для Парижа (разумѣется, не сенъ-жерменскаго предмѣстья, елисейскихъ полей и булонскаго лѣса, а латинскаго квартала), это было дикованной новостью. На первую же лекцію собралось значительное число публики, съ трудомъ помѣстившейся въ отведенной г. Франку аудиторіи. О двухъ лекціяхъ этого профессора я и намѣренъ разсказать по отношенію вообще къ знаменитымъ письмамъ и къ непріязненному наступку нашего доморощеннаго философа въ частности.

«Франкъ послѣдователь Кузена. Кузенъ послѣдователь и главный представитель французскаго эклектизма. Эклектизмъ есть господствующая философія въ современномъ французскомъ обществѣ. Ни одной философской системѣ, если только эклектизмъ можно назвать философской системой, не приходилось такъ привольно дышать на французской почвѣ, какъ эклектической. Причина процвѣтанія такой безцвѣтной дѣятельности мысли лежитъ столько же въ свойствахъ французскаго ума, сколько въ историческихъ обстоятельствахъ, породившихъ французское современное общество. Французы только въ весьма недавнее время познакомились съ нѣмецкой метафизикой, и, должно отдать имъ справедливость, познакомились весьма плохо. Я думаю, что они не дошли еще до Гегеля, и укажу на Прудона, какъ на одинъ изъ сильнѣйшихъ французскихъ умовъ: что такое для него нѣмецкая метафизика вообще и Гегель въ особенности. Воспитанные на философіи XVIII вѣка и энциклопедистахъ, они хорошо понимаютъ, какъ плохо вяжутся съ ними нѣмецкія системы, да еще такъ шлакованныя, что и одолѣть-то ихъ трудно человѣку, привыкшему къ простымъ и наглядимъ пріемамъ родной философіи. Но нѣкоторые выводы особенно Канта не могли не поразить ихъ своей логичностью, отвергать ихъ было, по крайней мѣрѣ, безразсудно. Вотъ и взялись французскіе философы соединить, примирить свою здравую философію прошлаго столѣтія съ здравыми частями германской метафизики. Въ результатѣ вышелъ эклектизмъ, зараженный въ нѣкоторой степени туманными частностями, непослѣдовательностями, непонятными для непривычнаго ума особенными формами и выраженіями, которыхъ избѣгала отрицательная философія XVIII вѣка. Эти результаты были на руку современному обществу: эклектизмъ сдѣлался философской школой буржуазіи. Это, впрочемъ, не школа, а смѣсь, анализъ всѣхъ системъ въ томъ, что онѣ имѣютъ наиболѣе здраваго, понятнаго или правдоподобнаго, и анализъ не химическій, а скорѣе механическая связь, смѣшеніе различныхъ кусковъ, такъ что и ихъ часто легко различить

въ тѣхъ частяхъ, которыя соединены имъ. Пріемъ эклектизма обыкновенно тесенъ, его не всегда можно заподозрить даже въ предвзятости цѣли, къ которой онъ стремится, но его выводы всегда нелѣпы, и если нелѣпость ихъ разоблачается безъ труда, то тѣмъ не менѣе въ нихъ можно замѣтить ревнивое и эгоистическое желаніе удержать мысль на самой выгодной точкѣ для упроченія современнаго порядка вещей.

«На первой же лекціи Франкъ заявилъ, что ему необходимо поставить нѣсколько философскихъ вопросовъ вмѣсто предисловія по своимъ чтеніямъ. Онъ говорилъ и о двухъ направленіяхъ въ философіи: идеалистическомъ и матеріалистическомъ. Я постараюсь только резюмировать его выводы. Идеалистическія системы: и метафизическая, и пантеистическая построены на гипотезахъ; матеріалистическая философія разрушаетъ эти гипотезы, дѣйствуя критически, но при попыткахъ построить свою собственную систему, она не ставитъ что либо столь же опредѣлительное, какъ ея отрицаніе, а ставитъ новую гипотезу. Итакъ, всѣ три системы имѣютъ основаніемъ гипотезы, и гипотезы, равно не выдерживающія критики; строго говоря, ни одна изъ нихъ не представляетъ въ свою пользу больше вѣроятностей. Мало того: за гипотезой таятся все тѣ же начала, какими бы именами мы ихъ ни назвали—это все равно. Отъ насъ теперь вполнѣ зависитъ выборъ, свободный и непринужденный. Куда же мы пойдемъ, на чью сторону станемъ?

«Нельзя не отдать справедливости—вопросъ былъ поставленъ почти вѣрно. Выводъ былъ сдѣланъ профессоромъ въ пользу идеализма. За него, по его словамъ, исторія и весь прогрессъ человѣчества, за него всѣ политическія и соціальныя науки, за него добродѣтель и нравственность, религія и политическая экономія, порядокъ и буржуазія.

«На слѣдующую лекцію собралось еще больше слушателей, такъ что пришлось переѣхать аудиторію и перейти въ самую обширную, какая нашлась въ зданіи. Профессоръ объявилъ, что получилъ по городской почтѣ нѣсколько анонимныхъ писемъ въ опроверженіе своей первой лекціи *и не считаетъ себя въ правѣ* продолжать свои чтенія, не давъ добросовѣстнаго объясненія на сдѣланныя ему возраженія. Замѣтимъ, что обычай посылать анонимныя письма въ подобныхъ случаяхъ вовсе не имѣетъ того неприличнаго и двусмысленнаго значенія, какой ему приписываетъ г. Лонгиновъ, и нисколько не компрометтируетъ написавшаго. Вопросъ этотъ давно рѣшенъ, и надобно удивляться только недостатку сообразительности, чтобы въ неподписанномъ письмѣ видѣть письмо *подметное*. Я посылаю письмо, въ которомъ излагаю кратко свои положенія, защищать которыя путемъ дис-

пути я не имѣю права; а если профессоръ съ моими возраженіями обойдется, какъ обошелся г. Юркевичъ съ письмомъ, что имѣ за охота быть предметомъ сильныхъ, физически грязныхъ нападокъ подобнаго идеалиста? Вѣдь я не могу ни возражать, ни остановить его естественныхъ возраженій. Подпись моя не возбудитъ въ человѣкѣ, привыкшемъ обращаться съ научными вопросами такимъ неуважительнымъ образомъ, чувства человѣческаго достоинства, которое есть источникъ чувства уваженія къ ближнему. Если у профессора достало наглой хвастливости назвать дуракомъ Бюхнера, доводы котораго все же, какъ профессоръ, онъ обязанъ знать ближе, то можетъ ли онъ отнестись добросовѣстно къ моимъ доводамъ, изложеннымъ въ коротенькомъ письмѣ? Нѣтъ, подписывать въ такихъ случаяхъ свое письмо не разсудительно, по крайней мѣрѣ, если не желаешь быть предметомъ для скандала и потѣхи гг. профессоровъ московскаго университета и редакторовъ почтенныхъ московскихъ газетъ.

«Французскій профессоръ объявилъ, какъ г. Юркевичъ, что онъ получилъ нѣсколько анонимныхъ писемъ. Онъ прочиталъ для примѣра одно изъ нихъ, подписанное, сколько я помню: atheiste de votre auditoire, которое онъ счелъ самымъ рельефнымъ. Опроверженія, заключающіяся въ прочихъ, онъ резюмировалъ. (Что сдѣлалъ изъ прочихъ писемъ г. Юркевичъ?). Резюмировалъ онъ добросовѣстно, и такъ же добросовѣстно, какъ большая часть эклектиковъ, снова поставилъ вопросъ. Ни до мальчишества, ни до личныхъ добродѣтелей противниковъ тутъ нѣтъ никакого дѣла. Глупъ или не глупъ Бюхнеръ и Молешоттъ—это не разъяснитъ вопроса, ими поставленнаго: нужно доказать глупость вопроса, ложность выводовъ, не принимая личныхъ симпатій, ибо одинъ разумъ судья истины. Нельзя сказать, чтобы и на западѣ вопросъ даже въ теоріи рѣшенъ былъ окончательно, какая сторона владѣетъ истиной. По моему, и та, и другая равно не правы въ выводахъ, основанныхъ, какъ уже упомянуто, на гипотезахъ. Эта безплодная почва оставлена, и если истина не принадлежитъ еще ни той, ни другой системѣ, то тѣмъ не менѣе рѣшено, что сущность духа системъ можетъ разсматриваться какъ только, какъ путь для отысканія разрѣшеній. И такъ, какой путь вѣрнѣе, какимъ путемъ слѣдуетъ идти? На этомъ только поприщѣ и существуютъ схватки между идеалистами и матеріалистами. Философы идеалисты не могутъ опредѣлить раздѣльную сущность вещей, природу матеріи и природу духа; философы матеріалисты не въ состояніи опредѣлить единую сущность вещей, единую природу матеріи и силъ, ибо въ дѣйствительности, замѣна слова духа словомъ силы не даетъ разрѣшенія. Древніе славяне говорили, что громъ и молнію производитъ Перунъ, новѣйшіе философы доказываютъ, что причина этого явленія

есть сила электричества. Что такое Перунъ—не знаю, что такое электричество—тоже не знаю,—разрѣшеніе одинаково. Но разница заключается въ томъ, что предъ Перуномъ падали ницъ и приносили для его умилостивленія человѣческія жертвы, а электричество силятся подчинить человѣческой волѣ и устраиваютъ громоотводъ. Въ результатѣ, стало быть, побѣда надъ Перуномъ и электричествомъ для пользы и благоденствія человѣка. Вотъ различіе двухъ гипотезъ, хотя ни та, ни другая не даютъ разрѣшеній для философствующаго ума, и обѣ служатъ путемъ для отысканія истины. Какой же путь полезнѣе, какой мы изберемъ предпочтительнѣе?

«Мы воспитаны такимъ образомъ, что стыдимся сказать: *не знаю*. Мы всегда готовы разрѣшить то, что намъ еще недостаточно извѣстно, и впадаемъ въ заблужденіе. Философамъ-идеалистамъ давно уже предложены вопросы, на которые они не въ состояніи дать отвѣта, но стыдятся сказать: не знаю, и вынутываясь изъ неловкаго положенія, они впадаютъ изъ одного заблужденія въ другое. Философы-матеріалисты тоже возымѣли желаніе отвѣчать на вопросы, на которые имъ отвѣчать вовсе не слѣдуетъ, которыхъ они при существующихъ данныхъ разрѣшить не могутъ; они тоже не говорятъ: не знаю, и чрезъ это впадаютъ въ заблужденіе, въ которомъ и уличаютъ ихъ противники.

«Кто основательно изучилъ спиритуализмъ и матеріализмъ, тотъ хорошо долженъ понимать слабыя стороны того и другаго и быть, по крайней мѣрѣ, на столько добросовѣстнымъ, чтобы не скрывать этихъ слабыхъ сторонъ того и другаго ученія, тѣмъ болѣе не оскорблять истины и науки балаганнымъ глумленьемъ надъ противниками, достойными уваженія уже за одно стремленіе познать истину. Жаль, что профессоръ философіи въ старѣйшемъ изъ нашихъ университетовъ не подражаетъ въ этомъ случаѣ профессорамъ запада.

«Потомъ, какъ назвать этотъ страхъ, страхъ за нравственность, страхъ за порядокъ, страхъ за свободу—обнаруживаемые московскими литераторами и учеными каждый разъ при одномъ наименованіи матеріализма. Ни современной нравственности, ни порядку, ни современной свободѣ вовсе не грозитъ никакой опасности; имъ даже нѣтъ никакого дѣла, если 2, 5, 6, 10 тысячъ человѣкъ будутъ того или другаго мнѣнія о двухъ системахъ философіи. Нравственность, порядокъ и свобода никогда своимъ основаніемъ не ту или другую философію, а количество и качество добытыхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, изъ которыхъ и составляется философія, какъ синтезъ всего, что человѣкъ знаетъ. Чтобы отстранить всѣ возможные страхи отъ матеріалистическихъ ученій, стоитъ припомнить только, что въ нашей жизни насущный вопросъ не философская система, а система народныхъ

училищъ; не уклоненія праздной мысли, а распространеніе грамотности. Для примѣра возьмемъ истину, открытую болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ и возбудившую на себя гоненія всѣхъ силъ общества за ту опасность, которой она, по видимому, подвергала религію и нравственность. Коперникъ открылъ, что не солнце вертится вокругъ земли, а земля вокругъ солнца. Припомнимъ гоненія, испытанныя Галилеемъ, рядъ геніальныхъ людей, подтвердившихъ эту мысль, Кеплера и Ньютона, и посмотримъ съ одной стороны, на сколько были основательны опасенія за нравственность и религію, съ другой на то ничтожное число людей, которое приняло эту истину, болѣе 300 лѣтъ возвѣщенную человѣчеству! Безъ сомнѣнія, еслибъ религія и нравственность имѣли въ своемъ основаніи эту астрономическую истину, то онѣ разлетѣлись бы вмѣстѣ съ нею отъ открытія Коперника. Точно такимъ же образомъ странны со стороны московскаго профессора нападки на безнравственность и мальчишество своихъ противниковъ. Ему говорятъ: позвольте, г. профессоръ, я вамъ докажу, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ. Нѣтъ, говоритъ онъ, васъ я слушать не стану, или: вы не можете этого доказать, или: выводамъ вашимъ я не повѣрю, потому что вы не вѣрите въ Бога, не уважаете старшихъ и не посѣщаете лекцій. — Извольте опровергать такого господина!»

Отъ матеріализма переходимъ къ благотворительности.

Съ нѣкотораго времени въ Петербургѣ сильно развилась страсть къ благотворительности. Но благотворительность эта проявляется большею частію въ новыхъ формахъ благотворенія, т. е. посредствомъ благотворительныхъ литературныхъ чтеній, спектаклей, лотерей и т. п. гдѣ и благотворимый получаетъ пользу, и благотворящій вознаграждается за свое благотвореніе. Мы, конечно, не противъ самыхъ формъ; почему же не допустить и этихъ формъ благотворенія, если черезъ нихъ можетъ быть оказана помощь бѣдному. Но дѣло въ томъ, что спекуляція успѣваетъ не рѣдко при такомъ способѣ благотворенія пользоваться благотворителями въ свою пользу. Недавно одинъ литераторъ говорилъ намъ, что не рѣдко изъ читающихъ на литературныхъ чтеніяхъ никто не знаетъ, въ пользу чью они читаютъ, и затѣмъ о собранныхъ черезъ чтеніе деньгахъ нигдѣ не публикуется; въ чью пользу они поступаютъ, Богъ вѣсть.

— «Но какимъ же образомъ это возможно? спросилъ я. — какъ вы соглашаетесь читать, не узнавши сначала, въ пользу чего или кого будете читать, и кто будетъ распоряжаться деньгами?»

— «Да Богъ знаетъ, какъ это случается. Является къ вамъ обыкновенно молодой человѣкъ, прилично, даже изящно одѣтый, рѣчистый, начинаетъ говорить, что вотъ такого-то числа предполо

жено устроить благотворительное чтеніе, что въ этомъ чтеніи дали согласіе принять участіе такіе и такіе-то,—называетъ все имена извѣстныя, — ну, и думаешь, что эти лица не зря же согласились читать, вѣрно разузнали, въ чью пользу будетъ чтеніе и кѣмъ будутъ собираемы деньги; затѣмъ и не сомнѣваешься, и даешь согласіе. Иногда и спросишь устроителя чтеній, являющагося къ вамъ, въ чью пользу чтеніе и кто этимъ дѣломъ управляетъ,—такъ куда! никакого отвѣта не добьешься. Онъ васъ засыплетъ остроумными анекдотами и исторіями, только намекнетъ о близости своей съ разными извѣстностями, да тутъ же бѣгло присовокупитъ, что употреблены всѣ старанія, чтобы внѣшняя обстановка чтенія обошлась какъ можно дешевле и чтобы весь сборъ поступилъ по назначенію. Ну, и согласишься на чтеніе. А потомъ и оказывается, что всѣ изъ читавшихъ точно такъ же были заколдованы краснорѣчіемъ устраивателя литетатурныхъ чтеній и никто не знаетъ въ чью пользу было чтеніе. Разъ узнали навѣрное, что чтеніе было въ пользу самаго устраивателя чтеній.»

Вотъ видите ли, читатель, какъ все у насъ дѣлается еще просто. Какъ легко ловкому человѣку воспользоваться трудомъ даже сторонникъ, совершенно не извѣстныхъ ему лицъ, приглашенныхъ къ участію въ дѣлѣ. Судите же, сколько бываетъ злоупотребленій въ такъ называемыхъ благотворительныхъ спектакляхъ! Объ нихъ мы намѣрены сказать здѣсь нѣсколько словъ въ назиданіе нашей часто слишкомъ довѣрчивой публики.

Обычай давать спектакли, съ благотворительною цѣлью, въ послѣдніе два года, у молодыхъ людей, обратился въ страсть, въ болѣзнь. Всѣмъ извѣстны спектакли, которые въ прошломъ году давались въ пользу воскресныхъ школъ, нуждавшихся въ матеріальныхъ пособіяхъ. Молодежь, прислушивающаяся къ общественнымъ нуждамъ, предложила обществу свои услуги. Нѣкоторые изъ этихъ спектаклей дѣйствительно приносили хоть малую пользу школамъ, большинство же ровно никакой. Но спектакли прошлаго года дѣло прошедшее, мы объ нихъ распространяться не станемъ. Съ закрытіемъ воскресныхъ школъ, число спектаклей и концертовъ, съ благотворительною цѣлью, значительно уменьшилось. Извѣстія о голодѣ въ Финляндіи и Вологодской губ. снова воодушевили молодежь: отъ Рождества и до поста спектаклямъ не было конца.

Нѣтъ ничего легче, какъ дать спектакль съ благотворительною цѣлью; стоитъ только захотѣть. Одинъ или два господина, согласившись дать спектакль, выбираютъ пьесы; за тѣмъ идутъ въ пассажъ и даютъ залавонъ, къ извѣстному сроку. Все это сдѣлать не трудно. Послѣ этого раздаютъ ролино конкурренціямъ, или просто такъ. Пока выхлопочется разрѣшеніе, роли разучатся, музыка наймется, парик-

махеръ договорится. Этимъ хлопоты по устройству спектакля и оканчиваются. Мы не говоримъ, чтобы здѣсь не было хлопотъ, ѣзды и т. д.; но такъ какъ распорядители принимаются за дѣло съохотою, то они не безъ удовольствія пиньряютъ на извозчикахъ по цѣлымъ днямъ, въ счетъ будущихъ благополучій. Богъ вѣсть, быть можетъ, и это есть одно изъ побужденій? это предположеніе тѣмъ вѣрнѣе, что давать спектакли есть вмѣстѣ съ тѣмъ и веселое дѣло. Многіе являются на сцену въ первый разъ; согласитесь, что неопытному и робкому таланту выйти какъ-то неловко къ публикѣ, не вооружившись храбростью; подъ этимъ предлогомъ является чай съ ромомъ и коньякъ гольемъ...

Наша публика не скупится на деньги, когда дѣло идетъ о благотворительности, и въ особенности, когда она за это получаетъ хоть какое бы то ни было удовольствіе. Да притомъ же, господа, устраивающіе спектакли, не стѣсняются тянуть зрителей, какъ говорится, съ нахрапу. Они имѣютъ сильный аргументъ: «возьмите же хоть одинъ билетъ;... неужели вамъ рубля жаль... вѣдь съ благотворительною цѣлью... въ пользу несчастныхъ, голодающихъ финляндцевъ»... Такими обыкновенно мѣрами вынуждается рубль у тѣхъ, у которыхъ чувство благотворительности не слишкомъ развито. И вотъ настаетъ день спектакля, публика собралась, занавѣсъ поднялся и молодые артисты начинаютъ удивлять своимъ искусствомъ. По окончаніи спектакля, устраиватели дѣлаютъ счетъ, изъ котораго оказывается, что финляндцы или вологодцы не только не могутъ получить ничего, но кромѣ того еще надо съ нихъ получить на покрытіе дефицита. Непонятно, почему это такъ.

Молодые люди, устраивая спектакль, не имѣютъ строго обдуманнаго плана и выбора дѣйствующихъ лицъ. Другая причина та, что публика, впродолженіи двухъ лѣтъ, уже хорошо познакомилась съ качествомъ спектаклей, которыя даются въ залѣ пассажа, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, помимо театра, а потому и не спѣшитъ туда. Но кромѣ этихъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ цѣль благотворительности не достигается, есть еще двѣ причины: во первыхъ, устраиватели спектаклей поступаютъ весьма непрактически, пуская публику на генеральную репетицію, для оцѣнки, — за деньги или безъ оныхъ, — публика, насладившись разъ, въ другой разъ не явится; во вторыхъ, молодые артисты ведутъ себя на сценѣ иногда такъ, какъ могутъ вести себя балаганщики, цѣль которыхъ только потѣшить. Чтобы гг. артисты не заподозрили насъ въ почтенномъ недоброжелательствѣ къ нимъ, мы приведемъ публикѣ на память одинъ спектакль (въ залѣ пассажа), на которомъ давались «Слово и дѣло» и «Осенній вечеръ въ деревнѣ». Первая пьеса шла благополучно, даже

нѣкоторыя роли шли хорошо, но когда дѣло дошло до водевиля (Осен. веч.), то хоть выходи изъ залы, если не желаешь видѣть сцены на сценѣ. Водевиль былъ шуточный. Въ продолженіе «Слово и дѣло» артисты нагружались юморомъ и шутками (посредствомъ пуншей или другими способами) и до поднятія занавѣса для водевиля до того нагрузились, что начали дѣлать непристойности: начали вставлять въ роли неудачные фарсы и перестали сходить со сцены, — такъ что нужно было выводить артистовъ, чтобы дать мѣсто другой роли. Отсюда понятно предубѣжденіе публики противъ подобныхъ спектаклей, равно какъ понятенъ и результатъ ихъ. Изъ всѣхъ пассажскихъ спектаклей не было ни одного, который бы принесъ хоть что нибудь тѣмъ, въ чью пользу давался. Мы не имѣемъ права представлять здѣсь бюджетъ, да мы его и не знаемъ хорошо, скажемъ только, что эти спектакли, въ результатѣ, давались въ пользу пассажа, музыкантовъ, парикмахеровъ, погребщиковъ, извозчиковъ и т. д., но что финляндцы и вологодцы отъ нихъ ничего не получали. Мы съ удовольствіемъ сдѣлаемъ одно исключеніе въ пользу какого-то г. Аристова, котораго лично не знаемъ и никогда не видѣли, но слышали отъ нѣкоторыхъ людей. Этотъ господинъ, вѣроятно имѣя лучшія побужденія и зная дѣло лучше другихъ, раза два отдавалъ по принадлежности рублей по 50 и 60-ти. За тѣмъ всѣ остальные устраиватели должны еще получить съ финляндцевъ и вологодцевъ, изъ которыхъ иные понесли дефицитъ свыше ста рубл.

Спрашивается, съ какой точки зрѣнія нужно смотрѣть на эти спектакли съ *благотворительною* (!) цѣлью, когда цѣль благотворительности никоимъ образомъ не достигается? Такой вопросъ мы предложили нѣкоторымъ артистамъ и получили такой отвѣтъ: *хотя цѣль благотворительности и не достигается, но за то обнаруживаются и развиваются молодые таланты, которые безъ этого пропадали бы въ безвѣстности.* Да утѣшатся голодающіе финляндцы и вологодцы! на счетъ ихъ несчастій и голода развиваются таланты; да утѣшатся вмѣстѣ съ ними и тобольцы, у которыхъ также начали свирѣпствовать голодъ, потому, богъ-вѣсть, можетъ быть, и ихъ голодъ вызоветъ новые таланты!! Не знаемъ, какъ другіе посмотрятъ на это, а по нашему мнѣнію это грабежъ, хотя, впрочемъ, и неумышленный. Иначе смотрѣть нельзя. Публика предубѣждена противъ аматерскихъ спектаклей и не желаетъ ихъ посѣщать, но распорядители, имѣя благовидное знамя «помочь голодающимъ братьямъ», не стѣсняются навязывать билеты. Добро, если бы публика, за свои деньги, получила хоть какое нибудь удовольствіе, а то нѣтъ, — она съ негодованіемъ выходитъ изъ спектакля; наконецъ, благо бы, если бы отъ этихъ насильственныхъ посѣщеній финляндцы или вологодцы получи-

ли хоть что нибудь, — а то нѣтъ; а не слѣдуетъ забывать, что каждый спектакль обходится публикѣ не меньше 300 рублей: а иногда и больше. Какая же отъ того выгода голодающимъ, если господа артисты потѣшаются на ихъ счетъ и успокоиваютъ публику тою мыслью, что въ ихъ пользу даются спектакли — отъ рождества и до поста? Грабежи эти претерпѣвала не одна петербургская публика: артисты дѣлали набѣги на Кронштадтъ, Царское село и чуть ли и не на Петергофъ. Здѣсь, какъ въ Петербургѣ, артисты терпѣли дефицитъ. Оно дѣйствительно, подобныя странствованія дѣло очень пріятное: ухарская тройка, женщины, коньякъ, веселый ямщикъ, ясная погода, ровная дорога и проч., да какая изъ всего этого польза финляндцамъ, на счетъ которыхъ все это дѣлается?

Настоящую замѣтку объ аматерскихъ спектакляхъ вызвали двѣ необходимости, изъ которыхъ одна довольно непріятная. Первая состоитъ въ томъ, что въ публикѣ начинаютъ бродить толки, что дѣломъ спектаклей, съ благотворительною цѣлью, занимаются тѣ люди, которыхъ мы теперь называемъ молодымъ поколѣніемъ, что эти люди, отдѣленные отъ университета, не имѣя чѣмъ заняться, потѣшаются на частныхъ сценахъ. Мы беремъ на себя трудъ, никѣмъ впроченъ на насъ не возложенный, доложить публикѣ, что слухи эти нисколько не справедливы, что этимъ дѣломъ занимаются не представители молодаго поколѣнія, а представители праздношатающихся петербургскихъ франтовъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ тѣми людьми, которыхъ мы называемъ молодымъ поколѣніемъ. Мы были бы несправедливы, если бы не сдѣлали исключеній; дѣйствительно, въ эти группы аматеровъ попадаютъ иногда по различнымъ причинамъ и такіе люди, цѣль которыхъ не только состоитъ въ томъ, чтобы потѣшать, но ихъ очень мало, и присутствіемъ своимъ они дѣла не исправятъ, такъ какъ остальной наборъ дѣйствующихъ лицъ зависитъ отъ распорядителей. Вторая необходимость та, что описываемымъ нами спектаклямъ конца не предвидится.

Предлогомъ для этого служатъ все тѣ же финляндцы и вологодцы, а нѣкоторые устраиватели даютъ, какъ мы слышали, спектакли уже и безъ всякаго предлога, просто въ свою пользу. Два распорядителя спектаклями, какъ-то встрѣтившись на улицѣ, вели слѣдующій разговоръ:

— Вы куда? спрашивалъ одинъ.

— Да хлопочу о разрѣшеніи... хочу дать спектакль для финляндцевъ; а вы?

— Я тоже за разрѣшеніемъ, отвѣчаетъ одинъ.

— А вы въ чью пользу думаете дать? спрашиваетъ другой.

— Да въ свою пользу... Недавно давалъ въ пассажѣ спектакль — да неудачно... понесъ большой дефицитъ... хочу отыграться.

— Желаю вамъ успѣха, говоритъ одинъ,—благодарю васъ, говоритъ другой, и оба торопливо разстались, лаская себя надеждой, что одинъ обогатитъ финляндцевъ, другой отыграется...

Пишемъ мы все это въ назиданіе и свѣдѣніе той части публики, которая не бывала на благотворительныхъ позорищахъ, но которая можетъ легко пойти туда, такъ какъ они даются съ благотворительною цѣлію. Пусть она знаетъ, какое назначеніе будетъ имѣть ея лепта: лепта эта пойдетъ въ пользу пассажа, парикмахеровъ и т. д., а никакъ не въ пользу тѣхъ бѣдняковъ, ради которыхъ устроится спектакль.

Оканчиваемъ наше обозрѣніе самою трудною въ теперешнее глухое время вѣстію,—объ образованіи общества для устройства желѣзной дороги отъ Кіева до Одессы. 21 прошедшаго марта утвержденъ уставъ этого общества. Вотъ что сообщаютъ объ этомъ обществѣ «Биржевыя Вѣдомости»:

«Мы весьма счастливы, что можемъ наконецъ сказать, что южная желѣзная дорога на пути къ ея скорому осуществленію. 21 марта уставъ общества одесско-кіевской желѣзной дороги утвержденъ.

Учредители общества: графы: Г. А. Строгоновъ, А. В. Адлербергъ и Э. Т. Барановъ, князь С. А. Долгорукій, И. М. Толстой; инженеръ-генералъ-маіоръ К. И. Марченко и С. В. Кербедзъ; помѣщики: графы А. В. и К. В-чи Браницкіе, Ф. Л. Сабанскій, графъ А. А. Ржевускій, князь Л. В. Кочубей, графъ М. Д. Толстой; купцы А. Д. Гитшовъ и К. и А. А. Гизико.

Общество учреждается для сооруженія желѣзной дороги отъ Одессы до Кіева по изслѣдованному направленію около 647 верстъ. Дорога эта раздѣляется на два отдѣленія: первое, отъ Одессы до с. Крыжополя, съ вѣтвію къ р. Днѣстру, на протяженіи 322 верстъ, и второе, отъ с. Крыжополя до Кіева, на протяженіи до 325 верстъ.

Капиталъ общества опредѣляется въ 55 мил. руб.; нарицательная цѣна акціи 100 р.; первый выпускъ назначается въ 30 мил. руб. Обществу предоставлено право и выпуска облигацій, цѣнность которыхъ не должна превышать суммы, внесенной по акціямъ.

Общество обязано собрать капиталъ со дня открытія подписки въ теченіи 9 мѣсяцевъ, или весь за границею, или частью за границею, частью въ Россіи, и на первый разъ въ размѣрѣ половины перваго выпуска со взносомъ хотя 20%, или же двухъ третей со взносомъ 15% наличными деньгами. При подпискѣ вносится 25 руб.

Общество обязывается: 1) устроить и содержать на собственный свой счетъ: а) желѣзную дорогу, со всѣми необходимыми къ ней сооруженіями и подвижнымъ составомъ, отъ г. Одессы до г. Кіева.

и б) Вѣтвь желѣзной дороги отъ с. Парканы на р. Днѣстрѣ чрезъ г. Тирасполь, до соединенія съ одесско-кіевскою желѣзною дорогою у деревни Капоклѣевки (въ 54 верстахъ отъ г. Одессы).

2) Работы по устройству дороги начать не позже одного года со дня утвержденія настоящаго устава и вести такъ, чтобы движеніе было открыто: на первомъ отдѣленіи дороги не позже 1868 года, а на всемъ

протяженія дороги отъ Одессы до Кіева не позже 1870 года, если не будетъ къ тому заслуживающихъ уваженія препятствій, какъ-то войны, блокады и другихъ общественныхъ бѣдствій.

3) Земляное полотно и каменныя части мостовыхъ сооруженій, за исключеніемъ моста чрезъ р. Бугъ, устроить для двухъ путей, рельсы же положить въ одинъ путь, имѣя для безопасности движенія надлежащее число разъѣздовъ, которые должны въ общей сложности (считая и разъѣзды на станціяхъ) составить до $\frac{1}{3}$ всего протяженія дороги.

и 4) Второй путь на этомъ протяженіи общество обязывается устроить тогда, когда дѣятельность на сихъ желѣзныхъ дорогахъ того потребуетъ; во всякомъ случаѣ второй путь устраивается не прежде, какъ ежегодный валовой доходъ съ версты будетъ, среднимъ числомъ, не менѣе девяти тысячъ рублей серебромъ. При этомъ мостъ большой, на р. Бугѣ, можетъ оставаться на одномъ пути.

«Обществу предоставляется полное и совершенное право пользованія одесско-кіевскою желѣзною дорогою и вѣтвію ея къ Днѣстру у с. Маркапы, со всѣми принадлежащими къ нимъ сооруженіями, въ продолженіи восьмидесяти пяти лѣтъ со дня истеченія срока, назначеннаго для окончанія работъ, или же впредь до выкупа дороги.

«Правительство даруетъ обществу гарантію, т. е. ручательство пяти процентовъ чистаго годоваго дохода съ опредѣленнымъ процентомъ на погашеніе акцій, на капиталъ, исчисленный для устройства желѣзной дороги, считая капиталъ этотъ среднимъ числомъ по восьмидесяти пяти тысячъ рублей на версту, по окончательно утвержденному протяженію главной линіи дороги и вѣтви къ р. Днѣстру, съ тѣмъ, что общая сумма гарантированныхъ правительствомъ процентовъ и погашенія не можетъ, ни къ какому случаѣ, превышать двухъ милліоновъ семи сотъ девяноста четырехъ тысячъ ста семидесяти четырехъ рублей въ годъ.

«Учредители общества, тотчасъ по утвержденіи устава, избираютъ, изъ среды себя не менѣе 3 лицъ во временное управленіе, которыхъ уполномочиваютъ отъ имени всѣхъ учредителей завѣдывать дѣлами общества, вполнѣ, на правахъ, предоставленныхъ обществу симъ уставомъ, въ особенности входить въ сношеніе, какъ за границею, такъ и въ Россіи съ капиталистами для наивыгоднѣйшаго полученія капитала, необходимаго для перваго выпуска акцій, послѣ чего учредители приглашаютъ акціонеровъ въ общее собраніе для избранія членовъ правленія въ составѣ шести членовъ.

«Вотъ въ краткихъ чертахъ главныя основанія общества одесско-кіевской желѣзной дороги, дальнѣйшія права и обязанности сходствуютъ съ тѣми, которыя опредѣлены въ уставѣ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

«Вполнѣ увѣренные въ успѣхѣ осуществленія этого важнаго государственнаго предпріятія, глубоко обдуманнаго какъ съ экономической, такъ и съ технической стороны, мы можемъ пока сообщить, что для соглашеній съ иностранными капиталистами, предложившими денежное участіе въ этомъ дѣлѣ, отправляется на дняхъ за границу уполномоченный отъ всѣхъ учредителей инженеръ-генералъ-маіоръ Константинъ Ивановичъ Марченко».

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О СПРАВЕДЛИВОСТИ. — СЛУЧАЙ СЪ ПЕТРОМЪ И ИВАНОМЪ. — Г. ФЕТЪ, КАКЪ ПУБЛИЦИСТЪ. — СЧАСТЛИВЫЕ ПОСЕЛЯНЕ И УГНЕТЕННЫЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЫ. — НѢЧТО О СБЛИЖЕНІЯХЪ И ОБЩЕНІЯХЪ.

«Мальчишкамъ» дѣлаютъ упрекъ въ несправедливости; уверяютъ, что они мало того, что несправедливы, но даже возводятъ несправедливость на степень принципа, находятъ, что о справедливости не должно быть и рѣчи. «Въ природѣ», говорятъ поборники справедливости, «есть много милыхъ вещей; одни мальчишки не признаютъ ихъ милыми»...

Этотъ пунктъ необходимо разъяснить. Что такое справедливость? По поводу чего справедливость? Къ кому и къ чему справедливость?

Если вы вникнете попристальнѣе въ тотъ смыслъ, который придается слову «справедливость» ея ревнителями, то легко догадаетесь, что въ немъ звучитъ чуждая нота, что тутъ дѣло идетъ совсѣмъ не о «справедливости», а о снисходительности. «Вы рѣзко относитесь къ вещамъ и лицамъ! вы забываете, что нельзя же все вдругъ»!—вотъ наиболѣе употребительная формула, которая при этомъ пускается въ ходъ и которая самымъ наглядными образомъ удостовѣряетъ, что подъ «справедливостью» отнюдь не слѣдуетъ разумѣть «справедливость» дѣйствительную, а нѣчто другое. Чтобы доказать, что это совсѣмъ не произвольное съ

моей стороны предположеніе, я обязанъ войти въ нѣкоторыя разъясненія.

Справедливость или, лучше сказать, правосудіе выражается въ правильной оцѣнкѣ извѣстнаго порядка вещей, извѣстнаго факта, извѣстнаго дѣйствія отдѣльнаго человѣка. Это просто судъ, на отправленіе котораго имѣетъ право всякій человѣкъ, обладающій способностью мышленія. Во имя чего отправляется правосудіе? Во имя чего судья извѣстное человѣческое дѣйствіе признаетъ заслуживающимъ порицанія, а другое дѣйствіе, напротивъ того, заслуживающимъ похвалы? Въ удовлетворительномъ разрѣшеніи этихъ вопросовъ заключается вся сущность дѣла. Хотя всякій мыслящій судья необходимо судитъ о вещахъ жизни во имя извѣстнаго жизненнаго идеала, тѣмъ не менѣе сужденія людей о вещахъ и лицахъ весьма разнообразны. Такое разнообразіе сужденій, очевидно, происходитъ отъ разнообразія идеаловъ, а это послѣднее есть слѣдствіе крайней неположительности и неточности такъ называемыхъ соціальныхъ наукъ. Въ особенности, рѣзкое различіе оказывается между приговорами суда привилегированнаго, окрѣпшаго, и приговорами такъ называемаго суда общественнаго. И, конечно, причина этого различія будетъ для насъ ясна, если мы припомнимъ, что привилегированный судъ отправляетъ свое правосудіе во имя идеаловъ тоже привилегированныхъ, а судъ общественный дѣйствуетъ во имя идеаловъ болѣе или менѣе невыработанныхъ, не вошедшихъ въ общее сознаніе, спорныхъ. Слѣдовательно, то, что въ первомъ случаѣ является дѣломъ простаго, почти механическаго сопоставленія изслѣдованнаго факта съ готовымъ опредѣленіемъ его, во второмъ случаѣ представляетъ обширную область для колебаній и болѣе или менѣе проблематическихъ поисковъ. Но рѣчь, покамѣстъ, идетъ не о томъ, какимъ идеаламъ отдать предпочтеніе: ходячимъ или только подозрѣваемымъ, рѣчь о томъ, возможна ли для судьи и въ томъ и въ другомъ случаѣ иная формула сужденія, кромѣ положительной или отрицательной? Можетъ ли тутъ быть допущено, вмѣсто простаго и яснаго «да» или «нѣтъ», какое нибудь маленькое «да», маленькое «нѣтъ»? Предложите каждому изъ насъ этотъ вопросъ, исключительно относя его къ суду привилегированному, — каждый изъ насъ ни мало не усумнится сказать: нѣтъ, маленькаго «да» тутъ не можетъ быть. Это и совершенно естественно, потому что мы понимаемъ, что здѣсь идетъ рѣчь о фактѣ, и что рядомъ съ этимъ

фактомъ существуетъ и готовое мѣрило для оцѣнки его: привилегированный идеалъ привилегированной справедливости. Согласно съ требованіями этого идеала, судья не можетъ сказать: виновать-не-виновать даже и тогда, когда онъ не понимаетъ факта, даже и тогда, когда фактъ, по своей оригинальности, не подходитъ ни подъ какія опредѣленія привилегированной правды. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ онъ долженъ сказать: я не понимаю факта и потому удаляюсь. Совсѣмъ другими являемся мы, когда идетъ рѣчь о судѣ общественнаго мнѣнія, или одного изъ его органовъ: тутъ наши требованія измѣняются, и измѣняются именно вслѣдствіе многоразличія идеаловъ, съ высоты которыхъ мы смотримъ на предметы и людей. То есть, коли хотите, каждый изъ насъ лично все-таки дѣйствуетъ точно съ тою же рѣзкостью, какъ и обладатель привилегированныхъ идеаловъ, но въ отношеніи къ обладателямъ идеаловъ, противоположныхъ нашимъ, мы этой новости дѣйствія признавать не хотимъ. И тутъ-то именно выступаютъ на сцену тѣ воззванія къ снисходительности, умѣренности и другимъ болѣе или менѣе сводническимъ способностямъ, съ помощію которыхъ человѣку такъ легко ужиться со всякою средою, если даже эта среда и не удовлетворяетъ его. А подкладка всего этого: — «мы будемъ говорить, а вы молчите, мы будемъ приговоры произносить, а вы приводите ихъ въ исполненіе! Мы одни имѣемъ право быть мудрыми». И не то, чтобы тутъ была какая нибудь военная хитрость, т. е., что вотъ, дескать, отъ вашей рѣзкости и вашего нетерпѣнія только дѣлу порука, будьте, дескать, кротки, какъ голуби, и мудры, какъ змѣи, — нѣтъ, это просто какое-то нравственное ожирѣніе, не желающее знать никакихъ противорѣчій, это просто невинно-фаталистическое чаяніе, что все въ мірѣ строится само собою, что былъ успѣхъ прежде, будетъ успѣхъ и впредь.... самъ собою...

Между тѣмъ, тутъ есть очевидное недоразумѣніе, ибо точка отправленія какъ суда привилегированнаго, такъ и суда общественнаго собственно одна и та же: идеалы. Если общественный идеалъ еще не выяснился до той степени, чтобы быть признаннымъ всѣми одинаково, и если, съ другой стороны, общество, въ оффиціальной, торжествующей своей формѣ, довольствуется одними азбучными истинами, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ члены общества непремѣнно обязывались довольствоваться азбучными истинами, и чтобы тотъ или другой членъ не могъ имѣть своего особаго представленія объ идеалѣ. Напротивъ то-

го, существованіе привилегированныхъ идеаловъ, официальное признаніе справедливости однихъ старыхъ, избитыхъ истинъ нисколько не мѣшаютъ протѣсняться въ жизнь новымъ идеаламъ, новымъ истинамъ. И эти новые идеалы, эти новыя истины, не смотря на свою непризнанность, все-таки не теряютъ права на названіе идеаловъ и истинъ, потому что они дѣйствительно идеалы, дѣйствительно истины, хотя не вошедшіе еще, такъ сказать, въ общее употребленіе.

Чтобы сдѣлать мою мысль яснѣе, прибѣгну къ примѣру: укажу на литературу, которая вездѣ и совершенно справедливо признается главнымъ органомъ общественнаго самосознанія, и преимущественно укажу на журналы, какъ на органы литературы. Если журналъ не имѣетъ твердыхъ понятій о томъ, куда онъ идетъ и чего хочетъ, если онъ занимается доискиваньемъ чужихъ одеждъ и догладываньемъ чужихъ объѣдковъ, заслуживаетъ ли онъ чести называться органомъ и руководителемъ общественнаго мнѣнія? Нѣтъ, не заслуживаетъ, и это до такой степени справедливо, что просто ни на одинъ журналъ нельзя указать, который не имѣлъ бы своего яснаго міросозерцанія. Возьмите, напримѣръ, «Русскій Вѣстникъ»—что можетъ быть опредѣлительнѣе и точнѣе! У него есть свой собственный взглядъ и на прогрессъ, и на зундскую пошлину, и на польскія дѣла, и даже на подкидышей; никто ему не говоритъ: не имѣй своего взгляда, выражайся такъ, чтобы понять тебя было невозможно. Напротивъ того, всѣ говорятъ: очень пріятно, что вы такъ польщательно, такъ ясно и такъ величественно-строго выражаетесь! Если иногда, по обстоятельствамъ, и нельзя съ тобой спорить, то, во всякомъ случаѣ, можно тебя цитировать—и этого, пожалуй, довольно. Свобода мысли, свобода убѣжденій дѣло до такой степени святое, что даже то, что мы иногда называемъ несправедливыми мыслями, несправедливыми убѣжденіями, и то должно пользоваться правомъ гражданства. Вотъ напримѣръ, въ 1-мъ своемъ № за настоящій годъ «Русскій Вѣстникъ» дѣлаетъ легкое сопоставленіе между дѣятелями подземной литературы и петербургскими пожарами: можно на это, конечно, сказать, что такое сопоставленіе нѣсколько гадательно и отчасти пошло, что, наконецъ, не далѣе, какъ въ прошломъ году, «Современная Лѣтопись» публично отказывалась отъ возможности подобныхъ сопоставленій, но запретить «Русскому Вѣстнику» производить подобныя операціи нельзя, ибо онѣ соотвѣтствуютъ его идеаламъ. Конечно, многимъ кажется, что

«Русскій Вѣстникъ» можетъ говорить, что ему угодно, можетъ даже ошибаться по временамъ, именно въ силу того, что основаніе у него хорошее, а вотъ, напримѣръ, «Современникъ» говорить не можетъ, потому что основаніе у него плохое. Но вѣдь не надо забывать, что вопросъ объ основаніяхъ есть вопросъ очень спорный. Почему именно основанія «Современника», а не основанія «Сладкаго Бремени», не основанія «Куринаго Эха» должны считаться плохими? почему именно «Современникъ» долженъ считать себя отверженнымъ? Вѣдь этихъ вопросовъ никто еще не разрѣшилъ, вѣдь объ нихъ еще спорятъ. А если и за всѣмъ тѣмъ находятся органы, которые простираютъ къ «Современнику» подобныя деспотическія притязанія, то очевидно, что въ основахъ ихъ лежитъ неблаговидныя страсть къ единоторжію мысли и суда. Спорьте, милостивые государи, опровергайте, даже доказывайте, что «Современникъ» несправедливъ съ вашей точки зрѣнія, но позвольте же ему быть справедливымъ съ своей точки зрѣнія! Вѣдь притязанія ваши клонятся, ни много, ни мало, къ тому, чтобы сдѣлать изъ всѣхъ дѣятелей литературы чистописцевъ, смиренно заносящихъ на бумагу изреченія М. Н. Каткова... ну, нѣтъ, на это мы не согласны!

И совсѣмъ не потому мы не согласны, чтобы считали для себя унизительнымъ писать подъ диктантъ М. Н. Каткова, а просто потому, что имѣемъ свой собственный образъ мыслей. И въ силу этого-то именно образа мыслей мы полагаемъ, что справедливость и снисходительность — совсѣмъ не синонимы. Снисходительность есть дружеская стачка, есть кроткая взятка сердца, допущенная въ пользу очень милаго намъ лица, или очень любезнаго намъ порядка вещей, тогда какъ справедливость есть простой анализъ факта, въ связи съ его исторіей и окружающей средой. Что же общаго между ними?

Все сказанное мною выше сдѣлается еще болѣе яснымъ для читателя, если онъ дастъ себѣ трудъ припомнить, по поводу чего обвиняются «мальчишки» въ несправедливости, т. е. въ неснисходительности.

Милостивые государи! Конечно, справедливость сама по себѣ великое слово, но потому-то именно и слѣдуетъ пользоваться этимъ словомъ съ осторожностію. По поводу чего вы требуете справедливости? по поводу вашей же собственной несправедливости. Къ кому требуете справедливости? къ самимъ себѣ!.. Вы требуете справедливости, вы, которые сами насквозь

проникнуты ненавистями и неправосудіемъ всякаго рода, вы, которые шагу не можете ступить безъ того, чтобы не допросить съ пристрастіемъ, чтобы не кинуть тѣни язвительнаго подозрѣнія, чтобы не уськнуть и не кивнуть головой на тѣхъ, которыхъ вы, правильно или неправильно, считаете врагами вашего спокойствія! Сердца ваши преисполнены желчью и оцтомъ, языкъ вашъ источаетъ ядъ клеветы, руки ваши сводятся судорогою — и вы хотите, чтобы къ этому позорному зрѣлищу, чтобы къ этой «хладной» ненависти, сдѣлавшейся почти ремесломъ, оставались равнодушными и даже оказывали дань уваженія и снисходительности!

Милостивые государи! вы ссылаетесь на прежнія ваши заслуги — никто у васъ ихъ и не отнимаетъ! вы объясняете, что въ вашемъ положеніи, при вашемъ воспитаніи, въ силу вашего прошедшаго... Никто противъ этого и не возражаетъ! Вамъ говорятъ одно: если вы остановились въ вашемъ развитіи, если жизнь захлопнула передъ вами свою книгу, если напрыскъ новыхъ силъ, новыхъ стремленій составляетъ для васъ загадку, которую вы разрѣшить не въ силахъ, зачѣмъ же вы усиливаетесь разгадать ее? зачѣмъ вы, не успѣвъ въ этомъ, обвиняете этѣ новыя силы, новыя стремленія въ противо-общественности? зачѣмъ вамъ никогда не придетъ на мысль, что новыя вещи кажутся вамъ дурными не потому, чтобъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были дурны, а потому, что вы къ нимъ не приготовлены, ихъ не ожидали, ихъ не понимаете?

Еслибы вамъ хоть однажды, хоть ошибкою пришло это на мысль, вы сказали бы себѣ: не можетъ же быть, чтобы цѣлое поколѣніе двигалось подъ вліяніемъ одуряющаго обмана чувствъ, не можетъ же быть, чтобы въ цѣломъ поколѣніи не было инстинкта правды! И сказавши себѣ это, вы, конечно, заглушили бы вопли ненависти, закипающіе въ сердцахъ вашихъ, вы стали бы въ сторону и не загораживали бы дороги молодому, потому только, что оно молодо и не можетъ пѣть вамъ въ тонъ?

Но нѣтъ, вы носитесь съ вашимъ прошедшимъ, до котораго никому уже нѣтъ дѣла, и убѣдившись, что дѣла до васъ дѣйствительно никто не имѣетъ, вы озлобляетесь, вы все забываете и ничему не научаетесь. Вы презрительно бросаете въ глаза вашъ безаппеляціонный приговоръ, очень кстати припоминая, что на вашей сторонѣ сила дня. Это послѣднее воспоминаніе, вмѣсто того, чтобъ смутить и воздержать васъ, вливаетъ, напротивъ

того, бодрость въ ваши сердца, придаетъ игривости и бойкости вашимъ пререченіямъ и приговорамъ (*).

Единственная справедливость, какая возможна въ отношеніи къ подобнымъ явленіямъ, заключается въ анализѣ ихъ внутренней сущности и въ постановкѣ тѣхъ выводовъ, которые естественно изъ этого анализа вытекаютъ. Что же касается до снисходительности, то, сознаюсь откровенно, я не могу себѣ взять въ толкъ этого понятія. Кому нужна снисходительность, полезна ли для кого или для чего нибудь снисходительность? Можетъ ли она хоть на минуту затемнить справедливость, и притомъ такъ затемнить, чтобы совершенно замѣнить эту послѣднюю?

И еще говорите вы, милостивые государи, что нельзя же все вдругъ, но кто же отъ васъ и требуетъ «всего вдругъ?» «Мальчишки» ни «всего», ни «по малости»—ровно ничего не требуютъ просто потому, что требованія и неумѣстны и безполезны.

(*) Недавно, напримѣръ, случилось мнѣ вычитать въ одной убогой московской газетѣ такую характеристику «Современника», что въ немъ, въ настоящее время, дѣйствуютъ одни эпигоны, и что «даже такъ называемые нигилисты, побойчѣе, замолкли...» «Замолкли!» слышите ли вы радость, которая сочится въ этихъ словахъ прискорбнаго публициста! «Замолкли!» но почему замолкли, любезный публицистъ? не извѣстна ли вамъ причина этого молчанія? Вотъ видите ли, прискорбный публицистъ отнюдь не желаетъ стѣснять себя въ сужденіяхъ о нигилистахъ... даже замолкшихъ, и въ то же время вопіетъ о справедливости, выставляетъ на видъ какое-то кощунство надъ современной исторіей, «надъ всѣмъ, что близко и дорого современному человѣку!» Это совершенно особаго рода логика, совершенно особаго рода справедливость, въ силу которой одинъ можетъ нахальствовать, сколько душѣ угодно, а другой обязывается молчать, одинъ можетъ формулировать свои обвиненія ясно, а другой не имѣетъ права проводить свою мысль и подъ покровами! Я очень хорошо понимаю, о, прискорбный публицистъ! что вы должны быть обрадованы молчаніемъ «нигилистовъ, побойчѣе». Вы разсуждаете въ этомъ случаѣ такъ: если ужь отъ «эпигоновъ» мнѣ больно достается, то до какой степени я былъ бы изогорченъ, когда бы начали со мной считаться вожди и учители! Это разсчетъ очень вѣрный и довольно успокоительный. Только жаль, что вы ужь очень скромны: не назвали «нигилистовъ побойчѣе» по именамъ и не доложили вашимъ читателямъ о причинѣ ихъ молчанія. Чего добраго, они вѣдь могутъ подумать, что это вы заставили ихъ замолчать! Что же касается до названія «эпигоновъ», то и тутъ вы обнаруживаете скромность совершенно излишнюю. Эпигоны осаждали Ѳивы, слѣдовательно, вамъ необходимо было бы, для ясности, растолковать, какія это именно Ѳивы осаждаетъ «Современникъ». Можетъ быть, это какія нибудь не дозволенныя Ѳивы! Подумайте только, какую вы благодарность можете получить отъ современниковъ за подобное указаніе! благодарность, быть можетъ, вящшую той, которую уже вы получаете! А то вѣдь читатели могутъ подумать, что Ѳивы-то — вы, и что «Современникъ» именно васъ осаждаетъ! Нѣтъ, онъ васъ не осаждаетъ.

Чтобъ объяснить читателю, до какой степени могутъ быть неумѣстны требованія, я вынужденъ привести одинъ легкій примѣръ.

Былъ у меня знакомый судья, не какой нибудь высшій судья, который безопасно сыплетъ себѣ приговорами направо и налѣво, а простой уѣздный судья, который все-таки иногда опасается, что секретарь губернскаго правленія можетъ самого его, судью, подъ судъ отдать. Не смотря, однакожь, на эту опаску, судья этотъ обладалъ такою «непосредственною» смѣлостью, которая подчасъ приводила меня въ изумленіе. И представьте себѣ, этотъ несчастный даже не подозрѣвалъ, что онъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ, что онъ храбрѣе даже маршала Бюжо, который нѣкогда совѣтовалъ Луи-Филиппу бомбардировать Парижъ (ахъ, если бъ я его послушался! тосковалъ, сказываютъ, этотъ король въ своемъ уединеніи), ибо Бюжо совѣтовалъ бомбардировать только Парижъ, а мой судья постоянно бомбардировалъ... страшно сказать!—бомбардировалъ справедливость!

Философія его была очень простая. Обвинялся, напримѣръ, Иванъ въ томъ, что укралъ у Петра платокъ изъ кармана; противъ Ивана уликъ никакихъ нѣтъ; когда Петръ шелъ по улицѣ, то, хотя изъ кармана его пальто дѣйствительно торчалъ кончикъ краснаго фуляроваго платка, могшій соблазнить чувствительную душу Ивана, и хотя Иванъ дѣйствительно проходилъ въ это время мимо Петра, однако Иванъ платка не крадъ, и у Ивана платка не отыскано. Иванъ говоритъ, что, когда онъ шелъ мимо Петра, то кончика платка, выходящаго изъ кармана его пальто, не замѣтилъ, потому что весь поглощенъ былъ въ ту минуту мыслью, какъ-то ему завтрашній день придется девяти-пудовые кули съ барокъ таскать, да хорошо еще, если придется таскать, а то вѣдь, пожалуй, и съ голоду лопнуть можно!

Мой судья разсматриваетъ это дѣло (разумѣется, разсматриваетъ на прохладѣ, сидя у себя дома, въ халатѣ) и точно такъ же, какъ и я, и вы, и всѣ мы, находитъ, что никакихъ уликъ противъ Ивана нѣтъ. Но его смущаетъ мысль: если Иванъ дѣйствительно не совершилъ этого ужаснаго преступленія, то съ какой же стати оно взведено на него? съ какой стати оно не взведено на Ѳому, на Якова, которые также, въ минуту пропажи платка, находились по близости отъ Петра? стало быть, Иванъ дѣйствительно дурной, способный къ воровству человѣкъ? стало быть, если нѣтъ противъ него уликъ, то это не потому, чтобы ихъ не было въ

дѣйствительность, а потому, что онъ съумѣлъ ловко схоронить концы въ воду? И вотъ мой судья рѣшаетъ: хотя настоящихъ уликъ въ покражѣ Иваномъ изъ кармана Петра шелковаго краснаго платка и не обрѣтается, однако такъ какъ: а) платокъ не могъ же исчезнуть самъ собою; б) въ минуту пропажи платка, Иванъ проходилъ мимо Петра; в) въ то же время по близости Петра проходили Ѳома и Яковъ, на которыхъ, тѣмъ не менѣе, подозрѣнія не изъявлено, а изъявлено таковое именно на одного Петра, — то признать сіи улики несовершенными, а совокупность сихъ несовершенныхъ уликъ—совершеннымъ доказательствомъ...

Спрашиваю я васъ, милостивые государи, на какомъ раціональномъ основаніи, знакомый мнѣ судья, трусившій часто самого послѣдняго столоначальника губернскаго правленія, обладалъ въ этомъ случаѣ такою непосредственною храбростью? А просто обладалъ — да и все тутъ! Скажу болѣе: онъ самъ не сознавалъ, что обладаетъ этою храбростью, ибо даже не понималъ, въ чемъ тутъ храбрость!

— Помилуйте, Кузьма Терентьичъ! усовѣщиваешь, бывало, его: — какъ же можно этакъ смаху рѣшать человѣка?

— Стану я ворамъ потакать!

— Да вѣдь законъ, Кузьма Терентьичъ, законъ!

— Стану я ворамъ потакать!

— Да вѣдь вы можете невиннаго погубить!

— Стану я ворамъ потакать!

И я уходилъ отъ Кузьмы Терентьича опечаленный. «Господи! думалъ я, вотъ и законъ вѣдь есть, и гарантіи всякія есть... что-же это такое!» Да и то еще приходило мнѣ въ голову, что вѣдь и Кузьма-то Терентьичъ чудесный малый: мухи никогда не обидѣлъ! И долго бы проплакалъ я такимъ образомъ, еслибъ не догадался, наконецъ, что «тупа философія, косноязычна риторика... безъ грамматики!» Да, именно грамматики-то у насъ и нѣтъ! разсуждаю я въ настоящее время, и вѣрите ли, благосклонный мой читатель, чувствую себя обновленнымъ и освѣженнымъ.

Желаніе справедливости и снисходительности сдѣлалось столь насущною потребностью всѣхъ угнетенныхъ, что имъ заразился даже поэтъ Фетъ. Помните ли вы г. Фета, читатель? того

самаго г. Фета, который нѣкогда написалъ слѣдующіе прелестные стихи:

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайной,
Перстамъ послушную волосъ златую прядь
Изъ мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ незримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты,
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, на перекоръ уму
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

или:

Здравствуй! тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!
Опять и опять я люблю тебя!
Тихая, теплая!
Серебромъ окаймленная!

Я совсѣмъ не шутя говорю, что эти стихи прелестны: по моему мнѣнію, другихъ подобныхъ стиховъ современная русская литература не имѣетъ. Ни въ комъ, рѣшительно ни въ комъ не найдетъ читатель такого олимпическаго безмятежія, такого лирическаго прекраснодушія. Видно, что душа поэта не смотря на кажущуюся мятежность чувствъ, ее волнующихъ, все-таки безмятежна; видно, что поэта волнуютъ только подробности, въ родѣ «коварнаго лепета», но что жизнь, въ общемъ ея строѣ, кажется ему созданною для наслажденія, и что онъ дѣйствительно наслаждается ею. Но увы! съ тѣхъ поръ, какъ г. Фетъ писалъ эти стихи, міръ страннымъ образомъ измѣнился! Съ тѣхъ поръ, упразднилось крѣпостное право, обнародованы новыя начала судопроизводства и судоустройства, свѣтлыя струи безмятежія и праздности возмущены, появился нигилизмъ и нахлынули мальчишки. Правды на землѣ не стало; люди, когда-то наслаждавшіеся безмятежіемъ, попрятались въ ущелія и разсѣдины земныя; остался одинъ «коварный лепетъ», да и тотъ совсѣмъ не такого свойства, чтобы его

Изъ мыслей изгонять и снова призывать...

Вмѣстѣ съ людьми, спрятавшимися въ земныя разсѣдины, и г. Фетъ скрылся въ деревню. Тамъ, на досугѣ онъ отчасти пишетъ романсы, отчасти человѣконенавистничаетъ; сперва напишетъ романсъ, потомъ почеловѣконенавистничаетъ, потомъ опять напишетъ романсъ и опять почеловѣконенавистничаетъ, и все это, для тисненія, отправляетъ въ «Русскій Вѣстникъ». Нынѣшніе романсы его уже не носятъ того характера свѣтлой безмятежности, которымъ отличалась Фетовская поэзія въ крѣпостной періодъ; напротивъ того, отъ нихъ вѣетъ грустью, въ нихъ слышится вопль души по утраченномъ крѣпостномъ раѣ. Вотъ напримѣръ, послѣдній романсъ г. Фета (Русск. Вѣсти. 1863 г. № 1):

Прежніе звуки, съ былымъ обаяньемъ
Счастья и юной любви!
Все, что сказалося въ жизни страданьемъ,
Пламенемъ жгучимъ пахнуло въ крови!

Старыя пѣсни, знакомые звуки,
Сонъ безотвязно больной!
Точно изъ сумрака блѣдныя руки
Призраковъ нѣжныхъ манятъ за собой.

Пусть обливается жгучею кровью
Сердце, а очи слезой!
Доброю няней прильнувъ къ изголовью,
Старая пѣсня, звучи надо мной!

Пой! не спущайся! Пусть время былое
Яркой зарей расцвѣтетъ!
Можетъ быть, сердце утихнетъ больное,
И, какъ дитя въ колыбели, уснетъ.

Объясненіе къ этому стихотворенію мы находимъ въ статейкѣ г. Фета «Изъ деревни», напечатанной въ томъ же № «Русскаго Вѣстника». Здѣсь г. Фетъ докладываетъ читателямъ, что времена наступили крутыя и тяжкія, что равенства передъ закономъ нѣтъ, что работники его, Василій и Семенъ, пользуются покровительствомъ законовъ, а онъ, г. Фетъ, не пользуется, что у него, г. Фета, чуть чуть не пропало за Семеномъ 11 р., а Василью, къ счастію, не было выдано задатка, а то точно такъ же

чуть-чуть бы не пропалъ, что у него, г. Фета, потравили было пшеницу крестьянскіе гуси, и что во всѣхъ этихъ беззаконіяхъ и безпорядкахъ обвиняется литература, которая, вмѣсто того, чтобы «обсуживать» вопросы, только «судачитъ объ нихъ свысока».

Итакъ, г. Фетъ обиженъ и тоже кого-то обвиняетъ въ несправедливости. Онъ хотѣлъ избѣжать этихъ несправедливостей, съ этою цѣлью спрятался въ деревню — но увы! и тамъ несправедливости его преслѣдуютъ! Приходитъ почта и приноситъ журналы; г. Фетъ, разумѣется, вскрываетъ ихъ, и «ему дѣлается вдругъ и грустно, и смѣшно, и стыдно, и противно». Счастливъ г. Фетъ, что можетъ одновременно испытывать столько ощущеній, да притомъ еще не выпускать изъ головы вѣчно присущую мысль (врожденная идея) о чуть-чуть не пропавшихъ 11 руб., но посмотримъ, что же такое возмущаетъ г. Фета въ русской литературѣ? Его смущаетъ, что литература («слава Богу, говоритъ онъ, нѣтъ правила безъ исключенія») считаетъ «своимъ присяжнымъ долгомъ отвѣчать на всякій вопросъ: veto». Разумѣется, его, какъ поэта, плавающаго въ эмпиреяхъ истины безотносительной, такъ сказать заоблачной, это дѣтское veto только забавляетъ... что же его смущаетъ однако? Его смущаетъ «притокъ этого veto — струя демократизма, въ самомъ циническомъ значеніи этого слова». Изволите видѣть, «это тотъ самый мотивъ, который, въ парижскомъ театрѣ *для черни*, заставляетъ блузниковъ выгонять чисто одѣтаго человѣка изъ партера огрызками яблокъ».

Извините, г. Фетъ, но мнѣ просто «и грустно, и смѣшно, и стыдно, и противно» читать приведенныя выше строки. Обвинять русскую литературу въ демократизмѣ въ то время, когда она, съ легкой руки того самаго журнала, въ которомъ вы произносите ваши укоризны, предлагаетъ различные проекты самыхъ невинныхъ сближеній и общеній, просто несправедливо. Очевидно, что тутъ совсѣмъ не о томъ рѣчь идетъ, совсѣмъ не о раздѣленіи царства на я, а о сближеніи, милостивый государь, объ общеніи! Быть можетъ, вы скажете, что вы о той литературѣ, которая заботится объ общеніи и къ которой принадлежите сами, и не говорите, а говорите о другой... Но вѣдь и другая-то литература о чемъ же хлопочетъ? она хлопочетъ о равенствѣ, милостивый государь, не о мечтательномъ какомъ нибудь равенствѣ, а о томъ равенствѣ передъ закономъ, о которомъ хлопочете и вы. О какомъ же демократизмѣ вы гово-

рите? вспомните, что вѣдь мы не въ дикомъ государствѣ живемъ, гдѣ все можно говорить, что у насъ тоже цензура есть, цензура попечительная, налагающая на уста добровольное молчаніе... А то «демократизмъ»! гдѣ вы такое чудо видѣли? укажите же, гдѣ вы слышали тотъ «мотивъ, который заставляетъ блузниковъ выгонять изъ партера чисто одѣтаго человѣка»? дайте намъ факты, милостивый государь, факты дайте намъ, а не наполняйте пустыню вашими воплями, не вливайте фіала желчи и горечи въ наши груди, и безъ того уже исцарапанныя когтями премудрыхъ московскихъ совъ!

Вы говорите, что литература ко всѣмъ вопросамъ относится посредствомъ: «помилуйте! къ чему это? это вздоръ! это все пустяки!» Но вѣдь это смотря по тому, въ чемъ состоитъ и какого свойства вопросъ. Вотъ вы, напримѣръ, говорите, что чуть-чуть не потеряли 11 рублей, которыхъ вамъ не отработалъ работникъ Семенъ, и что крестьянскіе гуси чуть-чуть не потравили вашей пшеницы, — ну, на это, пожалуй я первый скажу: «помилуйте! къ чему это! это вздоръ! все пустяки!» но чтобы я сказалъ тоже самое объ измѣненіяхъ паспортной системы и о другихъ матеріяхъ важныхъ—это никакъ не возможно! И гдѣ вы это видѣли, гдѣ слышали, чтобы литература такъ легкомысленно относилась къ важнымъ матеріямъ? Быть можетъ, литература сказала объ нихъ не то слово, какое бы вамъ хотѣлось отъ нея слышать — ну, это другой резонъ! Такъ вы такъ и говорите: вотъ дескать какъ легкомысленно относится литература къ паспортной системѣ, не понимаетъ даже, что она должна существовать для успокоенія землевладѣльцевъ!

Но, быть можетъ, вы меня спросите, какъ же быть съ тѣми 11 рублями, которыхъ чуть-чуть было вы не лишились, и какъ поступить съ тѣми гусями, которые чуть-чуть было не потравили вашей пшеницы? На это могу вамъ отвѣчать одно: ущербъ вашъ представляетъ одну изъ случайностей несовершеннаго сего міра, и вы объ этомъ ущербѣ можете искать въ подлежащихъ мѣстахъ (что вы и сдѣлали), литературѣ же нѣтъ никакого дѣла не только до 11 рублей, но даже еслибъ у васъ чуть-чуть не пропали и всѣ 20 рублей, данные вами работнику Семену въ задатокъ, ибо она разработываетъ общіе вопросы жизни, а не четвертаковые. Въ настоящее время она можетъ дать вамъ одинъ совѣтъ: относительно гусей—брать ихъ немедленно подъ арестъ и поднимать тотъ же гвалтъ, какой описанъ вами въ статьѣ вашей; отно-

сительно работника Семена — не давать ему впередъ ни копѣйки въ задатокъ. Извините, что считается невозможнымъ совѣтовать вамъ повѣсить Семена или содрать съ него шкуру: этого дѣлать нельзя, потому что за такой поступокъ вы можете отвѣчать передъ начальствомъ.

Наши собственныя боли всегда кажутся намъ больнѣе чужихъ, г. Фетъ. Положимъ, что у насъ сдѣлана порубка на 5 рублей; преступникъ пойманъ, сознался и наказанъ розгами. Но намъ отъ этого не легче, потому что пять-то рублей, взятые изъ нашего, такъ сказать, карманнаго итога, все-таки не воротились туда; и вотъ мы начинаемъ волноваться, намъ кажется, что преступника наказали мало, что его, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы... Но повѣсить все-таки нельзя, а также нельзя и шкуру съ живаго содрать, потому что за это можно отвѣчать передъ начальствомъ.

За всякое преступное дѣйствіе полагается въ законахъ свое опредѣленное возмездіе, г. Фетъ. Прежде, когда въ насъ самихъ заключался весь судъ, мы устраивались легко, ибо задатковъ мы никому не давали, а гусей могли всѣхъ поголовно перерѣзать. Теперь однихъ обвиненій, съ нашей стороны, оказывается недостаточно, требуются еще доказательства; надо жаловаться на работника Семена посреднику, надо доказывать, что гуси дѣйствительно насъ обидѣли—вотъ мы и вошли о какомъ-то неравенствѣ передъ закономъ! Съ кѣмъ неравенство? съ гусями? Но представьте же себѣ, что васъ въ Москвѣ обокрали, г. Фетъ, и что вы того вора изловили въ тотъ самый моментъ, когда рука его шарила въ вашемъ карманѣ. Вѣдь вы не стали бы требовать, чтобы вамъ того вора позволено было зарѣзать вашими собственными руками? Вѣдь васъ не ужаснула бы мысль, что на вора вамъ слѣдуетъ принести жалобу въ полицію и затѣмъ спокойно ожидать дальнѣйшаго удовлетворенія? Не повѣрьте же, г. Фетъ, что все точно такъ же должно происходить и въ томъ случаѣ, о которомъ вы разсказываете въ вашей статьѣ, что это явленіе совсѣмъ не исключительное, и что васъ оно поражаетъ потому только, что вы еще не привыкли, г. Фетъ, не привыкли!

Есть люди, которые обнаруживаютъ необычайную твердость характера и вѣрность какимъ-то принципамъ, особенно когда идетъ рѣчь о мелочахъ. Иной садится за карты и говоритъ себѣ: не поставлю ни одного рейза — и дѣйствительно не поставитъ! Мало того, что не поставитъ, но еще, выходя изъ-за карть, ки-

лый вечеръ только и твердитъ: сказалъ, что не поставлю — и не поставилъ!

Такого-то рода твердостью характера и политическою неуступчивостью обладаетъ и г. Фетъ. Онъ сказалъ себѣ, что будетъ твердъ въ дѣлѣ о потравѣ гусями его пшеницы — и былъ твердъ до конца!

Курица, у которой другая курица отняла хлѣбное зерно, конечно, воображаетъ, что посредствомъ оскорбленія ея куринаго интереса потрясены священнѣйшія общественныя основы. И вотъ она клохчетъ; ей хочется, чтобы вся литература отнеслась къ этому факту особеннымъ какимъ нибудь образомъ: все дескать прочее вздоръ, а вотъ вы объ томъ посудите, какъ бы куриные интересы-то оградить, какъ бы такой законъ издать, который бы обезпечивалъ вполнѣ куриную собственность! Я понимаю безпокойство курицы, но вмѣстѣ съ тѣмъ попимаю и равнодушіе къ ней литературы!

Нѣтъ сомнѣнія, что забота объ огражденіи своей собственности отъ расхищенія есть дѣло весьма похвальное. Но вѣдь это дѣло касается нашихъ личныхъ хозяйственныхъ распоряженій, это, наконецъ, дѣло общихъ судовъ, для всѣхъ равно доступныхъ, и волноваться по этому случаю, призывать свидѣтелей и ссылаться на мнимое неравенство передъ закономъ... право, это болѣе, нежели странно!

Вы говорите, г. Фетъ, что нѣтъ равенства передъ закономъ; вы пристаете къ вашему мировому посреднику: «вы нашъ общій судья; рабочій и я въ двухъ данныхъ случаяхъ предстоимъ предъ судомъ вашимъ въ совершенно одинаковомъ положеніи. Считаете ли вы насъ равноправными? Если считаете, то откуда являются двѣ мѣры и двое вѣсовъ?» Надо сказать правду, что вы ставите вопросы откровенно и не запутываете ихъ, но потому-то именно, что вы очень откровенны, вы и изобличаете самихъ себя. Вы говорите, что если бы вамъ случилось не удовлетворить рабочаго деньгами, то земская полиція не усумпилась бы описать у васъ лошадь, корову, овцу, и все-таки удовлетворила бы рабочаго. Хорошо, кабы вашими устами да медъ пить, но повѣрьте, г. Фетъ, что чаще, гораздо чаще бываютъ случаи, что рабочіе просто побьются, побьются, да и уйдутъ съ пустыми руками. Не знаю, какъ это случается, но сильный человѣкъ и капиталистъ какъ-то по преимуществу пользуются полицейскими симпатіями — это вѣрно. Мы каждый день видимъ примѣры, какъ очень сильные

фабриканты (до сихъ поръ мы имѣемъ право ссылаться лишь на эти примѣры, потому что земледѣльческій вольный трудъ считаетъ свою исторію чуть ли не со вчерашняго дня) отпускаютъ отъ себя рабочихъ съ однимъ краткимъ, но сильнымъ словомъ: поди, ищи на мнѣ! Я самъ былъ неоднократно очевидцемъ, какъ рабочіе приходили цѣлыми толпами искать управы на фабрикантовъ, насчитывавшихъ на нихъ неимовѣрные штрафы за прогулъ (принято за правило, что фабрикантъ — всегда исправный сынъ отечества, а рабочій — всегда пьяница)... и, разумѣется, фабриканты всегда оказывались правыми! И послѣ этого позволительно говорить, что есть какія-то двѣ мѣры, какіе-то двое вѣсовъ! Но если бъ и это было точно такъ, какъ явствуетъ изъ вашихъ рыданій, г. Фетъ, т. е., что полиція всегда мирволитъ рабочему и всегда притѣсняетъ капиталиста, посудите сами, какимъ же образомъ оно и можетъ быть иначе? Вы имѣете и лошадь, и корову, и овцу, полиція видитъ это и описываетъ, и продастъ ихъ; работникъ Семенъ не имѣетъ ни лошади, ни коровы, ни овцы—полиція не видитъ ихъ, слѣдовательно, не имѣетъ возможности ни описать, ни продать ихъ. Чтожь ей дѣлать? не зарѣзать же, въ самомъ дѣлѣ, Семена! Да если бъ она и «спустила» съ Семена двѣ шкуры, то этимъ, быть можетъ, доставила бы только вамъ удовольствіе, но убытокъ вашъ все-таки не пополнила бы! Конечно, Семенъ пьяница, но представьте себѣ, съ другой стороны, что не Семенъ, а вы—пьяница (извините меня, я это предположеніе отношу не къ вамъ собственно, а вообще къ антрепренерамъ и капиталистамъ, между которыми примѣровъ подобнаго рода найдется, пожалуй, и не мало); представьте себѣ, что вы наняли рабочихъ, которые очень усердно вамъ служатъ, а между тѣмъ сами немедленно закурили. На потребности этого куренья уходятъ не только лошадь, и корова, и овца, о которыхъ вы говорите, но и все ваше имѣніе; вы дѣлаете долги и кутите съ лоретками, а рабочіе и не подозрѣваютъ, что вы ужь несостоятельный: они считаютъ себя не вправѣ наблюдать за вашимъ поведеніемъ, и думаютъ только, что вѣдь у барина есть и лошадь, и корова, и овца... Какъ тогда поступить съ вами? Писать ли въ журналахъ, что вотъ, дескать, какимъ образомъ поступилъ г. Фетъ съ своими рабочими да и не то, какъ поступилъ г. Фетъ, а вотъ, дескать, какое неравенство передъ закономъ! Знаете ли что? я думаю, что всѣ ваши сѣтованія именно отъ того происходятъ, что вы приступили къ хозяйничанью не столько съ знаніемъ дѣла,

сколько съ твердою увѣренностью, что при васъ завсегда будетъ находиться становой приставъ, который будетъ разрѣшать немедленно всѣ эти недоразумѣнія. Иначе вы поняли бы, что всякій хозяинъ, всякій предприниматель, наряду съ ожидаемыми отъ предпріятія выгодами, разсчитываетъ и ожидаемые отъ него ущербы. Потому что вѣдь иначе вы и на градъ, и на засуху взъѣдитесь! будете говорить, зачѣмъ нѣтъ противъ нихъ закона! Ну да, эта именно мысль и руководила вами, когда вы писали: «идеалъ равенства именно и заключается въ соблюденіи полной справедливости среди возможнаго колебанія отношеній. Сегодня я нанимаю, завтра меня нанимаютъ, и справедливость требуетъ, чтобы я удовлетворялъ требованіямъ закона и въ томъ, и въ другомъ положеніи». Полно такъ ли, г. Фетъ? можетъ ли справедливость, понятіе абсолютное, неколеблющееся, примѣняться къ отношеніямъ колеблющимся? Кромѣ того, что вѣдь это безсмыслица, что колеблющіяся отношенія необходимо предполагаютъ уступку (потому что являются человѣческому сужденію не изолированно, а въ связи съ другими, тоже колеблющимися отношеніями), вспомните, что вѣдь ваша справедливость вся исчерпывается словомъ «вознагражденіе ущерба», а я уже имѣлъ случай показать вамъ, какъ это можетъ быть иногда трудно даже въ матеріальномъ отношеніи! Вспомните и еще, что ваша фраза: «сегодня я нанимаю, а завтра меня нанимаютъ» — есть только фраза и больше ничего. Благородныхъ людей сажаютъ въ тюрьму, но не нанимаютъ!

Вообще мнѣ кажется, что вы нѣсколько завидуете счастливымъ поселянамъ. Это неоднократно случалось и со мной, особливо, когда ѣдешь, бывало, темнымъ осеннимъ вечеромъ по грязи и колоти, а на тебя такъ привѣтливо смотрятъ огоньки изъ «бѣдныхъ, Богомъ хранимыхъ» хижинъ. Но зависть эта сейчасъ же унималась, какъ только я убѣждался, что съ этими огоньками соединяется понятіе о лучинѣ, о дымѣ и смрадѣ, который при этомъ распространяется; и еще унималась зависть, когда я тутъ же встрѣчалъ обозъ и собственными глазами увѣрялся, что я все-таки сижу въ болѣе или менѣе покойномъ экипажѣ, а счастливый поселянинъ идетъ за своимъ возомъ пѣшкомъ, да часто еще обязывается лично помогать своей испитой кляченкѣ. Право, займитесь когда нибудь подобными же размышленіями; это совсѣмъ не трудно, потому что здѣсь требуется только добросовѣстность и часъ, другой времени, требуется, однимъ словомъ, мысленно поставить себя на мѣсто счастливаго поселянина. Вы это може-

те сдѣлать съ успѣхомъ, потому что обладаете хорошимъ художественнымъ талантомъ.

И вѣрьте, г. Фетъ, что этотъ совѣтъ даетъ вамъ не столько литераторъ, къ которому (не ко мнѣ собственно, а къ собирательному имени) вы вообще питаете нелюбовь, сколько сельскій хозяинъ, самъ на практикѣ испытавшій всю горечь этого ремесла. Дѣйствительно, собственный интересъ дороже всего на свѣтѣ: какъ займешься имъ съ надлежащимъ усердіемъ, то кажется, что никто-то объ немъ не радитъ, никто-то ничего не дѣлаетъ, всѣ-то пьянствуютъ или празднуютъ. Иногда, однако, раздумаешься. Будемъ приводить примѣры практическіе, возьмемъ, напримѣръ, пахоту. Извѣстно вамъ, г. Фетъ, что одинъ работникъ съ сохой на исправной лошади, или съ плугомъ на двухъ лошадяхъ, долженъ вспахать въ день полдесятины — это урокъ и притомъ умѣренный; извѣстно вамъ также, что работая съ сохой или плугомъ, счастливый поселянинъ не просто гуляетъ и покрикиваетъ на лошадей, но напрягаетъ свои мышцы почти наравнѣ съ лошадью. Но вамъ не извѣстно, быть можетъ, сколько верстъ проходитъ работникъ, гуляя такимъ образомъ: онъ проходитъ до 15 верстъ, напрягая свои мускулы самымъ усиленнымъ образомъ, и увязая притомъ въ вязкой, только что вспаханной почвѣ. Мало вамъ этого примѣра — возьмите навозницу, тѣмъ болѣе, что этотъ трудъ въ понятіяхъ сельскихъ хозяевъ слыветъ чуть-чуть не увеселительнымъ. Положимъ, что пашня ваша отстоитъ отъ скотнаго двора на версту; работникъ, за исключеніемъ всѣхъ отдыховъ, работаетъ въ лѣтній день 12 — 14 часовъ, слѣдовательно, въ исправномъ хозяйствѣ, онъ долженъ оборотить въ день туда и назадъ, по малой мѣрѣ, десять разъ, т. е. наложить, привезти на мѣсто, сложить и раскидать тамъ десять возовъ, полагая въ каждомъ пудовъ около 25. Отсюда для работника проистекаютъ слѣдующія обязанности: а) пройти пѣшкомъ въ день двадцать верстъ; б) вскинуть на каждый возъ, на высотѣ отъ 1 до $1^1/_2$ арш. до 25 пудовъ тяжести, и того 250 пудовъ, и в) таковое же количество пудовъ тяжести раскидать по полю. И все это исполнить за 30 к. сер. въ сутки, или много-много за 40. А косьба, а жнитво? какъ оцѣнить эту мучительную работу? Слова нѣтъ, что работникъ все это долженъ сдѣлать, что это его прямая обязанность, но согласитесь же, что въ самой трудности этой обязанности есть... ну, хоть *нѣкоторое* смягчающее обстоятельство. И вотъ, въ ту минуту,

когда работникъ не довезетъ одного воза или не допашетъ полуаршина, мы говоримъ, что объ насъ никто не радитъ, что рабочіе празднуютъ и только даромъ хлѣбъ ѣдятъ!

Быть можетъ, вы возразите, что при такихъ размышленіяхъ никакое сельское хозяйство не можетъ идти. Ну да, этотъ вопросъ я предоставляю вамъ разрѣшать, какъ угодно; я собственно настаиваю на томъ, что размышленія, сейчасъ мною приведенныя, не придти не могутъ. И потому-то именно мнѣ кажется, что удобно заниматься сельскимъ хозяйствомъ возможно только тому, кто въ это дѣло можетъ помѣстить свой собственный трудъ. Конечно, вы можете еще сказать, что помѣщичьи хозяйства—это, такъ сказать, ядро, житница и т. д. Ну да, я и этотъ вопросъ вполнѣ отдаю на ваше разрѣшеніе, а что и крестьянскія хозяйства могутъ служить и ядромъ и житницей—въ этомъ вамъ служитъ порукою, напримѣръ, Вятская губернія. Въ этомъ краѣ помѣщичьихъ хозяйствъ очень мало, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и совсѣмъ нѣтъ,—и представьте же себѣ, онъ не только снабжаетъ хлѣбомъ цѣлый бѣломорскій край, но даже огромную пропорцію отпускаетъ черезъ архангельскій портъ за границу! И еще мнѣ кажется, что если ужь признавать постепенность за единственно разумное руководство въ жизни, то необходимо признавать ее во всѣхъ видахъ и на всѣхъ степеняхъ. А то вѣдь это странно: покуда идетъ рѣчь объ общемъ жизненномъ прогрессѣ, мы кричимъ: «не все же вдругъ — поймите!» а какъ только дѣло коснется нашихъ личныхъ выгодъ, подавай намъ все вдругъ! А вы подождите, г. Фетъ! можетъ быть, оно какъ нибудь тамъ и устроится!

Но статья ваша такъ прелестна, что я рѣшительно не могу разстаться съ нею. Вы тамъ говорите о какихъ-то «гнусныхъ валяніяхъ» (въ ноги); дѣйствительно, мужикъ, изъ-за цѣлковаго гнусно валяющійся у васъ въ ногахъ — картина свойства весьма возмутительнаго, однако нельзя же обвинять въ ней одного валяющагося мужика. Это явленіе есть слѣдствіе тѣхъ самыхъ колеблющихся отношеній, о которыхъ вы говорите, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что здѣсь колебаніе происходитъ какое-то странное... Одно, однакожь, несомнѣнно, что еслибъ не было колебаній, то и валяній не было бы. А то, согласитесь сами, что у васъ выходитъ нѣсколько странно: съ одной стороны, судя по вашему описанію, не только всѣ власти, но какъ будто даже всѣ силы природы сговорились, чтобы мирволить мужику, во что бы

то ни стало, а съ другой стороны, онъ все еще гнусно валяется... Для чегожь онъ валяется? Для того ли, что у него ужь такой вкусъ, или для того, что онъ обстоятельствами къ тому вынужденъ?

Но вѣдь и независимо отъ ожидаемаго вами «равенства передъ закономъ», представляется же возможность умѣрять силу валяній: все зависитъ отъ того, какъ поставитъ себя лицо, силу имѣющее...

Нѣкоторымъ изъ моихъ читателей, быть можетъ, покажется страннымъ, что я въ свою хронику общественной жизни привлекаю г. Фета. Г. Фетъ, скажутъ мнѣ, человѣкъ благодушный, простодушный и прекраснодушный: онъ сидитъ себѣ въ деревнѣ и описываетъ факты въ томъ грубомъ внѣшнемъ видѣ, въ какомъ они проходятъ передъ простодушными его глазами, но не философствуетъ, т. е. не понимаетъ ни причины, ни происхожденія, ни существа фактовъ. Нѣтъ, милостивые государи, г. Фетъ философствуетъ! коли хотите, онъ философствуетъ словосочинительно, т. е. беретъ фразы публицистовъ, сочувствующихъ его чуть-чуть не пропавшимъ 11 рублямъ, и потомъ склеиваетъ ихъ, какъ попало, но все-таки онъ философствуетъ. Онъ беретъ этѣ фразы по выбору, слѣдовательно размышляетъ. Онъ преисполненъ тѣхъ же антипатій, которыми заражены и сочувствующіе 11 рублямъ публицисты, и вообще не любитъ, чтобы кто нибудь разсуждалъ не такъ, какъ онъ разсуждаетъ. Это очень понятно, потому что въ г. Фетѣ еще не остыли старыя привычки, которыя, какъ извѣстно, давали россіянамъ жестъ вольный и рѣчь свободную. Во всякомъ случаѣ, это фактъ совсѣмъ не уединенный, но находящійся въ тѣсной связи съ общимъ настроеніемъ той частицы общества, которая присвоиваетъ себѣ названіе «благонамѣренной». Слѣдовательно, это явленіе общественной жизни, явленіе, которое нельзя пропустить уже по тому одному, что оно доказываетъ, до какой степени могутъ быть тягучи нѣкоторыя плохія мысли: онѣ заражаютъ даже простодушныхъ, благодушныхъ и прекраснодушныхъ поэтовъ.

Тѣмъ менѣе окажется возможнымъ его пропустить, если мы примемъ въ соображеніе, что оно прикасается еще и къ другому порядку благонамѣренныхъ мечтаній: мечтаній о сближеніи и общеніи. Но такъ какъ г. Фетъ касается этого вопроса только съ задней, такъ сказать, стороны, и доказываетъ непрактичность

упомянутыхъ выше мечтаній лишь съ точки зрѣнія неразвитости грубыхъ поселянъ, то я и оставлю здѣсь этого поэта, на грѣхъ себѣ сдѣлавшагося публицистомъ. Это тѣмъ легче для меня сдѣлать, что неразвитость грубыхъ поселянъ—вещь давно всѣмъ извѣстная, на доказательство которой потрачено не мало пороха, помимо пороха г. Фета. Я, напротивъ того, буду говорить о сближеніи, какъ о вещи изображаемой желательною, какъ о вещи, къ которой, по мнѣнію многихъ, слѣдуетъ стремиться, не смотря на неразвитость грубыхъ поселянъ.

Обыкновенно, понятіе о «сближеніи» формулируется у насъ такимъ образомъ: «сблизимся! ты меня возлюби, а я съ своей стороны постараюсь!» Если вы вникните въ смыслъ этихъ словъ, то увидите, что это штука довольно легкая, и что тутъ дѣло идетъ объ однихъ цалованіяхъ, и ни о чемъ больше. Если не ошибаюсь, то мысль о сближеніи впервые зародилась у насъ тотчасъ по упраздненіи крѣпостнаго права; въ то время многіе замѣтили за собой разныя провинности и пожелали сблизиться. Съ тѣхъ поръ мысль о сближеніи стала крѣпнуть и мужать, и наконецъ, возмужала до того, что перетревожила даже почтенное общество московскихъ купцовъ, которое, устами одного изъ своихъ представителей, г. Четверикова, на сихъ дняхъ публично заявило, что сближеніе, такъ сближеніе — чтожь, мы готовы! «Мы тѣмъ болѣе готовы», могъ бы прибавить г. Четвериковъ, «что на этотъ путь намъ указываетъ само правительство, созвавшее насъ въ одну общую комнату для обсужденія дорогихъ нашему сердцу интересовъ!»

Скажите на милость, отчего въ другихъ странахъ Европы люди живутъ себѣ смирно другъ подлѣ друга, дѣлаютъ каждый свое дѣло и не думаютъ ни о сближеніи, ни объ общеніи, мы же, русскіе, либо въ зубы другъ друга огорошить наровимъ, либо цаловаться лѣземъ? Или такова ужь природа «славянъ могучаго рода»? Или мы до того еще «непочатые родники», до того «широкія, неиспорченныя натуры», что подлинно убѣждены, что на сближенія и общенія можно взирать съ точки зрѣнія однихъ цалованій?

Какъ бы то ни было, но это достовѣрно, что россійская журналистика внезапно наполнилась какимъ-то удивительнымъ благоуханіемъ любезности. Только и слышишь со всѣхъ сторонъ: cher ami! поцалуй меня! cher ami! позабудемъ прошлое! cher ami! жить безъ тебя мнѣ тошнехонько! На эту тему вздыхаетъ и «Рус-

скій Вѣстникъ» г. Каткова, и «День» г. Аксакова; одно «Наше Время» посматриваетъ какъ будто иронически, но тѣмъ никого не убѣждаетъ, а напротивъ того, лишь навлекаетъ на себя подозрѣніе въ равнодушіи къ славѣ отечества. Прибавимъ, наконецъ, что на эту же тему надышало благородное и передовое тверское дворянское сословіе, которое до того зарвалось на свой поприщѣ, что чуть-чуть не отказалось за себя и за потомковъ отъ всякихъ дворянскихъ правъ, но въ нынѣшнемъ году какъ будто спохватилось и поспѣшило исправить свое кратковременное заблужденіе.

Источникъ этихъ общительно-примирительныхъ стремленій заключается, какъ сказано выше, преимущественно въ томъ, что большая часть изъ насъ, играющихъ на верху той плотной массы, въ пользу которой открываются нынѣ наши сердца, сознаетъ за собой нѣкоторыя провинности (увлеченія), а сверхъ того, и въ томъ еще, что многіе изъ насъ до сихъ поръ не могутъ уяснить себѣ свое положеніе съ надлежащей отчетливостью. Вѣроятно, вамъ случалось, читатель, встрѣчать старыхъ чиновниковъ, уволенныхъ или за штатомъ, или за возрастомъ, или наконецъ за тѣмъ, что порядковъ новыхъ понимать не могутъ. Взглядъ у этихъ чиновниковъ влюбленный, походка кроткая и сантиментальная, вздохи глубокіе, но выражающіе не протестъ, а тихую покорность судьбѣ. Присутствіе новыхъ бюрократовъ, усвоившихъ себѣ всю глубину новыхъ исходящихъ и входящихъ регистровъ, не волнуетъ ихъ, но приводитъ въ краткое умиленіе: они не говорятъ при видѣ ихъ: щенки! какъ говаривали прежде, когда были старые входящіе и исходящіе регистры, но, напротивъ того, благоговѣютъ и ловятъ на лету слова мудрости, налетающія бурнымъ потокомъ изъ устъ ихъ... «Послужили бы мы! еще вотъ какъ послужили бы»! роняютъ они себѣ потихоньку... Подобно этимъ уволеннымъ за возрастомъ чиновникамъ, и мы не прочь послужить, и въ этихъ видахъ подлаживаемся на разныя хитрости.

Живительный лучъ солнца ударилъ въ наши головы, благоухающими вѣтрами весны пахнуло въ наши лица. Отсюда зудъ во всемъ тѣлѣ, тотъ возбуждающій зудъ, который съ особенною настойчивостью сказывается въ старческихъ организмахъ. Отсюда безпорядочныя маханья руками, безпорядочныя совванья во всѣ стороны, безпорядочныя жалобы и безпорядочныя надежды. Гдѣ отыскать подпоры для себя? гдѣ найти возрожденія аппетита?

Отсюда наши учтивости, отсюда наши журнальныя и не журнальныя мечтанія о сближеніяхъ и общеніяхъ, отсюда различныя совѣщанія и митинги.

— Я полагаю, милостивые государи, что «непочатые родники» должны быть призваны для того только, чтобы подать намъ полезный совѣтъ! ораторствуетъ одинъ.

— Браво! браво! раздаются кругомъ сочувственные голоса.

— И затѣмъ, по исполненіи этой обязанности, должны скрыться... немедленно! продолжаетъ ораторъ.

— Немедленно! немедленно!

— Говорю «немедленно», ибо дальнѣйшая въ этомъ смыслѣ проволочка можетъ повредить ихъ собственнымъ интересамъ, можетъ отвлечь ихъ отъ приличныхъ ихъ званію занятій...

И затѣмъ начинается длинный рядъ соображеній, излагается длинный рядъ надеждъ и опасеній, предлагается длинный рядъ мѣропріятій. Оканчивается тѣмъ, что, «главное, милостивые государи, въ этомъ дѣлѣ: строгость и скорость, но это — въ будущемъ и какъ запасное средство, а покудова будемъ стараться!»

И съ новою силою начинаются: cher ami! поцалуй меня! cher ami! позабудемъ прошлое!

Что должны думать тѣ, къ которымъ обращаются подобныя заигрыванья? Увы! они еще не приготовились къ принятію желаннаго поцалуя, они не утерлись, не расправили щетины, не вычистили носовъ! Они не подозрѣваютъ, что въ нашихъ сердцахъ дѣйство любви проявляется внезапно, и что, слѣдовательно нечего тутъ думать о чисткѣ носовъ, когда любовь, съ электрическою быстротою, пронизываетъ насъ насквозь. Я даже не прочь отъ мысли, что они не подозрѣваютъ и о существованіи самыхъ заигрываній...

Да, они не подозрѣваютъ, не смотря на то, что заигрыванья изъ области печатнаго слова мало по малу переходятъ уже и въ практику. Сладко и умилительно путешествовать въ настоящую минуту по россійскимъ палестинамъ: нигдѣ-то крика и гама, нигдѣ-то ямской брани. Выѣдешь въ поле — даже сердце не нарадуется.

— А ну-ка, братцы! какъ Богъ работать помогаетъ (не работать, а работать — этого требуютъ правила общенія)? спрашиваетъ какой нибудь Сидоръ Сидорычъ, а самъ такъ-то веселенько хихикаетъ.

— Рады стараться для вашего здоровья, Сидоръ Сидорычъ! отвѣчаютъ «непочатые родники».

Шапочки снимаютъ, вѣжливенько такою распланируются, однако сами ни съ мѣста.

— Что̀, видно, не спорится? или дерябнуть для куражу?

— Покорно благодаримъ на ласкѣ, Сидоръ Сидорычъ!

— Эй, водки сюда! только ужь вы не оставьте, голубчики.

— Мы вашу ласку завсегда помнимъ, Сидоръ Сидорычъ!

Приносятъ водку. «Непочатые родники» пьютъ и похваливаютъ, Сидоръ Сидорычъ пуще хихикаетъ, потому что простосердечный лепетъ невинныхъ дѣтей природы не можетъ не веселить его. Но водка кончилась, а «непочатые родники» ни съ мѣста; этого мало: по отвратительному, звѣриному своему обычаю, они начинаютъ во все горло драть пѣсни.

— Ахъ, пострѣлы васъ горой! думаетъ Сидоръ Сидорычъ, но, ежечасно помня о «сближеніи», выражаетъ свою мысль такъ:— ужь, видно, сегодня отдохнуть, голубчики?

«Непочатые родники» соглашаются и дерябя расходятся по домамъ, а Сидоръ Сидорычъ, понуривъ буйную головушку, возвращается домой. А дома не лучше; тамъ идутъ толки о какой-то протухлой солонинѣ, о какомъ-то кисломъ молокѣ, которыхъ будто бы ѣсть нельзя.

— Сегодня намъ, Сидоръ Сидорычъ, щи съ солониной за обѣдъ подавали! пристаютъ «непочатые родники».

— На здоровье, голубчики, на здоровье!

— Только эту солонину намъ теперича ѣсть невозможно!

— А что, развѣ пахнетъ? А вы, друзья, кухарку за бока! хорошенько ее, мерзкую!

— Она отговаривается, что вы сами приказывали!

— И-и-и, какой грѣхъ! Лжетъ она, старая! А вы, друзья, въ другой разъ, какъ станетъ она говорить это, отнимите у ней ключъ отъ погреба, да и распорядѝтесь по своему!

И Сидоръ Сидорычъ вновь уповаетъ, вновь надѣется, до такой степени надѣется, что когда супруга его колко замѣчаетъ ему: «ну что! опять съ подлецами литки пили?», то онъ не отвѣчаетъ ей, а только возводитъ къ небу глаза.

Не знаю, какъ вамъ, читатели, а мнѣ кажется, что всѣ эти опасенія и надежды свидѣтельствуютъ о какомъ-то удивительномъ малодушіи. Ну, скажите на милость, позволительно ли, напримѣръ, хитрить на счетъ солонины? Такъ ли поступали древніе

римскіе сенаторы, когда варваръ Бренъ, съ мечемъ въ рукахъ, ворвался въ форумъ? Ссылались ли они облыжно на кухарку, отдавали ли ее на растерзаніе разсвирѣпѣвшему врагу? Нѣтъ, тутъ не было рѣчи ни о солеными, ни объ водкѣ. Древніе римляне, видя неизбѣжность факта, стоически разрѣзывали себѣ жилы, садились въ теплыя ванны и умирали. Если это и нелѣпость, то, по крайней мѣрѣ, нелѣпость благообразная, грандіозная...

И такъ, наши общительныя мечтанія покуда не привели ни практикѣ ни къ какому результату: мы стоимъ сами по себѣ, а «неоченатые родники» сами по себѣ. Я знаю, многіе обвиняютъ въ этомъ такъ называемыхъ либераловъ: «это, говорятъ, все они натяфтяфокали, да теперь и сплетничаютъ!» Однако это не справедливо, ибо, если мы вспомнимъ, что наши русскіе либералы, какъ и прочіе, всегда питались мясомъ, а не мякиной, то невозможно сомнѣваться на счетъ того, куда они принадлежатъ своими наклонностями и привычками.

Вѣрнѣе разрѣшаетъ это дѣло г. Фетъ: онъ просто говоритъ, какое же можетъ быть тутъ сближеніе, когда нѣтъ равенства передъ закономъ? Но и эта сентенція, какъ мы видѣли, не вполнѣ справедлива.

Еще вѣрнѣе разрѣшаетъ вопросъ, за славянофиловъ, единственный представитель славянофильства, оставшійся въ живыхъ, И. С. Аксаковъ. Онъ прямо обвиняетъ во всемъ общество. Онъ укоряетъ общество въ недостаткѣ энергіи и совершенной мертвенности, онъ укоряетъ общесто во лжи, онъ укоряетъ общество въ томъ, что оно православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ не строитъ. Смотрите, говоритъ онъ, правительство вынуждено было наградить г. Четверикова Владиміромъ 4-й степени за его пожертвованіе въ пользу православныхъ церквей! Православіе... и орденъ! какой горькій урокъ! какое сопоставленіе! Напрасно вы горячитесь, пишетъ ему въ отвѣтъ г. Батюшковъ, если вы имѣете право приносить посильную благодарность лицу, оказавшему вамъ услугу, то отчего не можетъ имѣть такое же право правительство? — Да вы меня не такъ поняли! отвѣчаетъ И. С. Аксаковъ.

Но тѣмъ не менѣе, мысль, что во всемъ виновато «общество», очень хорошая мысль. Жаль только, что Иванъ Сергѣевичъ недостаточно вразумительно объясняетъ своимъ почитателямъ значеніе таинственнаго слова «общество», а это, по моему мнѣнію, отъ того происходитъ, что онъ вообще дѣйствуетъ какъ-то не

прямо, а больше посредствомъ фигуръ и уподобленій. Все-то и выходитъ у него какое-то величественное дерево, которое верхушкой упирается въ небо, а корнями высасываетъ изъ земли соки. Дерево это прообразуетъ общество, верхушка—вѣроятно, разную этакую устроительную выспренность (земскій соборъ), сосущіе корни—вѣроятно, прожорливость, а земля... земля-то что означаетъ?

Признаюсь, я видалъ на своемъ вѣку довольно такихъ деревьевъ, но они меня очень мало соблазняли. Не знаю почему, но мнѣ всегда казалось, что они берутъ изъ земли соки за тѣмъ только, чтобы, напитавшись вдоволь, вести съ небомъ разговоръ о разныхъ душеспасительныхъ матеріяхъ. Неблагодарные, находясь столь близко отъ свѣтозарнаго ѳеба, совершенно забываютъ о землѣ-кормилицѣ и думаютъ, что въ такомъ важномъ сосѣдствѣ имъ слѣдуетъ заниматься интересами высокими, такъ сказать, небесными, а не тѣми, которые копошатся гдѣ-то тамъ, въ землѣ...

Но допустимъ, наконецъ, что всѣ эти мечтанія совершились въ очію, что у насъ есть дерево-общество, которое вершиной упирается въ небо, а корнями въ землю,—что выйдетъ изъ этого? Боюсь сказать, но думаю, что изъ этого выйдетъ новый манеръ питанія соками земли — и ничего больше. Твердятъ намъ, что нынѣшнее русское дерево-общество виновато тѣмъ, что оно корнями своими не упирается въ землю, что корни эти находятся гдѣ-то на воздухѣ... гм... да вѣдь это, право, было бы еще не такъ дурно! вѣдь это просто означало бы, что общество живетъ, и ничего лишняго не беретъ! Похвально.

Но увы! всякое дерево, хотя бы оно корнями и въ землѣ стояло, все-таки растетъ, и по мѣрѣ того, какъ оно растетъ, горизонтъ, передъ нимъ открывающійся, дѣлается все шире, а горизонтъ земли остается все тотъ же маленькій, узенькій, низенькій. Ремесло общества дерева — мыслить, комбинировать, чувствовать, воображать, стремиться, ремесло земли — быть погруженной въ одни матеріальные интересы. Для перваго науки и искусства, для второй — заботы объ удовлетвореніи грубыхъ потребностей жизни; первое, съ помощью науки, очистило себя отъ предразсудковъ, вторая — вся лежитъ въ предразсудкахъ. О чемъ они будутъ бесѣдовать другъ съ другомъ, и какъ будутъ другъ друга понимать? Не ясно ли, что вооружаясь противъ современнаго русскаго общества, вы на мѣсто его хотите создать нѣчто такое,

что совершенно подобно ему, и что не только не разрѣшаетъ дѣла, но даже какъ будто запутываетъ его, ибо нагромождаетъ надъ землею новую тяжесть, совершенно излишнюю?

Если вы дѣйствительно хлопочете о землѣ, то для васъ это будетъ ясно. Но это вамъ только такъ кажется, что вы хлопочете о землѣ, да притомъ еще объ *русской* землѣ. Въ сущности, вы проповѣдуете ту же самую политическую теорію, которая давнымъ давно процвѣтаетъ на западѣ: вѣдь и тамъ существуетъ земля, и тамъ произрастаютъ на землѣ деревья. Чѣмъ же вы отличаетесь отъ тѣхъ, которыхъ называете «западниками»? Или, въ самомъ дѣлѣ, только тѣмъ, что исторія, писанная Мстиславами Удалыми и Іоаннами Грозными, милѣе для васъ, нежели исторія, писанная лейбъ-гвардіи преображенскимъ полкомъ? Да вѣдь это вашъ капризъ. А вы полюбите исторію, писанную преображенцами, и возненавидьте исторію, писанную Мстиславами — все это въ вашихъ рукахъ.

Ко всѣмъ вашимъ мечтаніямъ о сближеніяхъ вы подмѣшиваете политическаго элемента—и это васъ спутываетъ. Не однимъ западникамъ, но и вамъ политическая тріада кажется чѣмъ-то въ родѣ очарованнаго круга, за черту котораго невозможно перейти; не одни западники, но и вы предаетесь сухотѣ отъ заботъ объ устройствѣ какой-то неестественной комбинаціи, которая обезпечивала бы... что обезпечивала бы? обезпечивала бы все ту же самую сущность, противъ которой вы, по видимому, сами ратуете. И потому, какъ вы ни стараетесь придумать что нибудь народное, вы все-таки вращаетесь въ томъ же кругѣ, въ которомъ вращаются и оппоненты ваши, перетираете тѣ же идеи, которыя давнымъ давно уже перетерты другими, до того перетерты, что даже приготовляются къ сдачѣ въ архивъ.

Мнѣ кажется, вы были бы гораздо ближе къ истинѣ, еслибъ отказались навсегда отъ политическихъ утопій и перенесли вопросъ на другую почву. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь весь вопросъ состоитъ въ томъ, какъ бы устроить сближеніе такимъ образомъ, чтобы этому не мѣшали ни образованіе, ни необразованіе, ни различіе способностей, ни другія случайности...

Какимъ бы образомъ такъ сдѣлать, чтобы образованный г. Фетъ былъ равенъ передъ закономъ съ необразованнымъ работникомъ Семеномъ? чтобы, съ одной стороны, г. Фетъ не рисковалъ 11 рублями, а съ другой стороны, работникъ Семенъ не предавался гнуснымъ вліяніямъ?

Какимъ бы образомъ такъ сдѣлать, чтобы высокій поэтическій талантъ г. Фета не нарушалъ равновѣсія въ ущербъ высокому земледѣльческому таланту работника Василія? Чтобы, съ одной стороны, г. Фетъ могъ сказать Василію-работнику: я услаждаю твой слухъ пѣснями, а съ другой стороны, Василій работникъ могъ отвѣчать: а я услаждаю твой желудокъ возращенными мною произведеніями земли?

Квиты они будутъ, или не-квиты?

Увы! мнѣ, бѣдному ремесленнику-фельетонисту, не дано разрѣшать столь важныхъ вопросовъ, хотя я и знаю, что Н. Ф. Павловъ обвинитъ меня за мое умолчаніе, точно такъ же, какъ обвинилъ недавно одного изъ сотрудниковъ «Современника» за то, что тотъ въ своей статьѣ, написанной по поводу Прудона, ухитрился не назвать этого публициста по имени. «Что вы боитесь? писалъ по этому случаю г. Павловъ, называйте Прудона — вѣдь это имя въ русской литературѣ не тайна». Ну да, конечно, не тайна; а все-таки какъ-то жутко. Вѣдь, если его назвать, такъ, пожалуй, могутъ сказать: — нѣтъ, милостивый государь, вы не такъ отзываетесь о Прудонѣ, какъ русскому публицисту надлежитъ! А какъ не назовешь-то, такъ если и пристанетъ какой нибудь наянъ съ такими внушеніями, можно ему отвѣтить:—да что вы! перекреститесь! да когда же я о Прудонѣ говорилъ! Ну, и отстанетъ... А вотъ я ужо соберусь съ силами да укрѣплюсь намѣреніемъ обругать хорошенько Прудона:—ужь и проклинаю же я его въ ту пору!

П. М. Садовскій въ Петербургѣ. На дняхъ пріѣхалъ къ намъ изъ Москвы актеръ Садовскій, и уже нѣсколько разъ игралъ на сценѣ Александринскаго театра. Спектакли, въ которыхъ участвуетъ знаменитый артистъ, всегда привлекаютъ въ театръ цѣлую тоиу зрителей, да оно весьма и естественно, потому что Садовскій, безъ всякаго спора, есть величайшій изъ современныхъ русскихъ актеровъ. До настоящаго времени онъ появлялся на сценѣ въ слѣд. піесахъ: «Грѣхъ да бѣда на кого не живутъ», «Бѣдность не порокъ», «Свои люди сочтемся» (всѣ три пьесы Островскаго), «Женитьба» Гоголя и «Испорченная жизнь» г. Чернышева.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «СОВРЕМЕННИКА».

Хотя мода на обличенія и заявленія видимо всѣмъ надоѣла, тѣмъ не менѣе необходимость вынуждаетъ меня прибѣгнуть къ помощи типографскаго станка, для приведенія въ ясность одного запутаннаго частнаго дѣла.

Я бы могъ обнародовать письмо это и въ другомъ изданіи, но здѣсь идетъ рѣчь о дѣлѣ, касающемся собственно читателей «Современника», которые могли бы и не прочесть моего письма, если бы оно явилось въ какой нибудь газетѣ. Да при томъ же дѣло это возникло изъ за статьи, напечатанной въ «Современникѣ». Заключается оно въ слѣдующемъ:

Въ майской книжкѣ «Современника», прошлаго 1862 года, была помѣщена статья моя подъ заглавіемъ: «Письма объ Осташковѣ». Первые три письма, напечатанныя въ ней, составляли только незначительную часть всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ мною для полной характеристики города Осташкова. Такъ какъ во время разработки этихъ матеріаловъ оказался недостатокъ въ разныхъ подробностяхъ и мелочахъ, о которыхъ я не слишкомъ заботился въ началѣ, то я и обратился къ нѣкоторымъ знакомымъ мнѣ лицамъ, живущимъ въ Осташковѣ, съ просьбою доставить мнѣ дополнительныя свѣдѣнія. Такимъ образомъ устроилась у меня съ этими лицами корреспонденція.

Извѣщенія о моихъ знакомыхъ и о причинѣ моей переписки съ ними не могутъ, разумѣется, интересовать *всѣхъ* читателей «Современника»; не смотря на это, однако, я считаю необходимымъ вдаться въ эти подробности, потому что ими очень интересуются *нѣкоторые* читатели. Написать къ нимъ отдѣльныя письма я не могу по причинѣ ихъ многочисленности, да къ тому же я и не знаю, какъ ихъ всѣхъ зовутъ; адресовать же *соборное посланіе* просто *въ городъ Осташковъ* для прочтенія его на площадяхъ и базарахъ всѣмъ гражданамъ Осташкова скопомъ, — тоже не совсѣмъ удобно, такъ какъ подобное посланіе можетъ имѣть видъ нѣкотораго воззванія.

Продолжаю.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же 1862 года извѣстился я чрезъ одного изъ корреспондентовъ моихъ, что майская книжка «Современника» въ Осташковѣ *запрещена*, и хотя «Современникъ» выписывается постоянно городскою публичною библіотекою, однако майской книжки въ чтеніи не имѣется. По случаю послѣдовавшаго о ней запрещенія, всеобщее любопытство возбудилось еще болѣе, такъ что знакомые мои просили меня выслать въ Осташковъ новый экземпляръ этой книжки.

Вслѣдъ за этимъ дошли до меня слухи, что въ Осташковѣ производится строжайшее изслѣдованіе объ открытіи злонамѣренныхъ лицъ, способствовавшихъ моимъ разысканіямъ и давшихъ мнѣ возможность ближе ознакомиться съ нѣкоторыми чертами осташковскихъ нравовъ. Наконецъ явились I и II книжки «Современника» за 1863 годъ, въ которыхъ напечатано было продолженіе «Писемъ объ Осташковѣ». Вскорѣ послѣ этого получилъ я извѣстіе, что *злонамѣренныя лица* открыты изъ этихъ «Писемъ»; и что по наведеніи справокъ *подъ рукою* оказалось, что означенныя лица дѣйствительно способствовали разкритикованію нѣкоторыхъ секретныхъ свойствъ города Осташкова и его жителей, свойствъ до сего времени составлявшихъ, такъ сказать, городскую тайну. Какія послѣдовали по этому случаю распоряженія на счетъ «Современника», мнѣ не извѣстно, что же касается моихъ злонамѣренныхъ корреспондентовъ, то я знаю, что противъ нихъ приняты дѣятельныя мѣры, имѣющія цѣлію лишить ихъ на будущее время возможности выносить изъ избы соръ. Мѣры эти пока заключаются въ преслѣдованіи заподозрѣнныхъ въ сношеніи со мною; но кромѣ того имъ угрожаетъ опасность быть удаленными изъ городскаго общества «съ очерненіемъ». Такой оборотъ дѣла моимъ можетъ показаться невѣроятнымъ, а угроза невозможною для исполненія; однакожь я убѣжденъ, что опасность, угрожающая многимъ осташковскимъ знакомымъ, и возможна и вѣроятна. Въ бытность мою въ Осташковѣ мнѣ приходилось не разъ слышать разсказы о подобныхъ случаяхъ, а каждый жившій въ уѣздномъ городѣ самъ знаетъ, какъ это дѣлается. Удаленіе изъ города зависитъ отъ приговора членовъ городскаго общества, но кто же сомнѣвается въ томъ, что общественное мнѣніе въ уѣздномъ городѣ всегда почти находится въ полномъ распоряженіи какого нибудь сильнаго лица? Что же касается *очерненія*, то объ этомъ и говорить нечего; что можетъ быть легче очернить человѣка, который *меня* чернитъ, или способствуетъ очерненію меня въ глазахъ всей просвѣщенной публики? Въ этомъ случаѣ границъ изобрѣтательности человѣческаго ума никто еще не полагалъ. Слѣдовательно, кто же *мнѣ* можетъ въ этомъ препятствовать? Но печальнѣе всего то обстоятельство, что лица, которымъ угрожаетъ опасность подвергнуться остракизму, въ разсказанномъ мною случаѣ, страдаютъ совершенно безвинно. Сообщая мнѣ разныя свѣдѣнія, они никогда и предвидѣть не могли, что оказываютъ этимъ своему городу такую плохую услугу. Разсказывая мнѣ всякую всячину, они имѣли въ виду одну цѣль: помочь по мѣрѣ силъ своихъ прославленію роднаго города; они и представить себѣ не могли, что каждое лишнее славословіе прибавляло только лишнее обвиненіе противъ тѣхъ, отъ кого зависитъ судьба ихъ роднаго города. Кто же виноватъ, если картина вышла некрасива? Во всякомъ случаѣ не я и не мои корреспонденты. Я думаю даже, что всѣ эти подкопы и домашнія мѣры, принятыя противъ моихъ знакомыхъ, служатъ доказательствомъ, что я не погрѣшилъ противъ истины.

В. Слѣпцовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ПЯТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Стр.

Что дѣлать? Изъ разсказовъ о новыхъ людяхъ. Романъ. Часть первая *Н. Г. Чернышевскаго* 5
Зеленый шумъ. Стихотв. *Н. А. Некрасова*. 143
Новыя основанія судопроизводства.—II.—*А. М. Унковскаго* . . . 145
I. «Понизъ я долу головой».—II. «Какая жалкая судьба». Стихотв. *В. Буренина*. 161
Послѣ обѣда въ гостяхъ. *Н. Щедрина*. 163
Крестьянское дѣло и общественная инициатива. — I. — *Ю. Г. Жуковскаго*. 175
Что думаетъ старуха, когда ей не снится. Стихотв. *Н. А. Некрасова*. 203
Записки хуторянина. *Н. Окнерузама* 205
Закоулокъ. Романъ. (Окончаніе). *Ѳедора Берга*. 239
«Добро бы жить, какъ надо,—человѣкомъ»! Стихотв. *С. Дурова*. . 297
На мотивъ изъ Виктора-Гюго. Стихотв. *А. Н. Плещеева* 298
Акціонерная пучина. (Изъ записокъ утопленника). *Непрактическаго Человѣка*. 299
«Много въ дѣтствѣ страшныхъ сказокъ». Стихотв. *В. Буренина*. . 310
«Кто сталъ, помимо вѣчныхъ лжей». Стихотв. *С. Дурова* 312
Городъ Бучиловъ. Повѣсть. *III*. 313
Изъ записокъ моего сосланнаго пріятеля. 1850 годъ. *Ф. Толля* . . 355

Стр.

Что Дѣлать? Изъ разсказовъ о новыхъ людяхъ. Романъ. Часть вторая. *Н. Г Чернышевскаго*. 373
На родинѣ. (Съ англійскаго). Стихотв. *А. Н. Плещеева*. 527
Новыя основанія судопроизводства.—III.—*А. М. Унковскаго* . . . 529
Страда. Стихотв. *Н. А Некрасова*. 557
Женихи Бурсы. Очеркъ третій. *Н. Г. Помяловскаго*. 559
Передъ разсвѣтомъ. (Съ нѣмецкаго). Стихотв. *А. Н. Плещеева* . . 588
Процессы о печати въ Австріи.—II.— —*А*— 589
«Блажени милостивіи». Стихотв. *П. М. Ковалевскаго*. 626
Сатиры Ювенала. —I.— *Д. Д. Минаева*. 627

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Портретъ Ивана Ивановича Панаева.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МАРТЪ.

Нѣсколько полемическихъ предположеній. Изъ письма въ редакцію . 1
Московскія письма.—II.—*К. Гурина*. 11
Ревнители законности. («Московскія Вѣдомости» 8-го февраля 1863 года).— *А* — 23
Внутреннее обозрѣніе. (Слово къ сочинителямъ, утвержденное на историческомъ фундаментѣ. — Нѣчто о матеріализмѣ и спиритуализмѣ. — Нѣчто о недовѣріи нашей публики вообще, по поводу недовѣрія нѣкоторыхъ къ извѣстіямъ «Русскаго Инвалида». —Народныя училища, по обнародованному недавно *проекту положенія о народныхъ училищахъ*. — Нѣчто о духовенствѣ) 35
Русская литература.—Неуваженіе къ наукѣ. (По поводу книги: Нѣсколько современныхъ вопросовъ. Б. Чичерина. Москва. 1862). *М .А. Антоновича*. 67
Новыя книги: Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ. Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ. Изданъ съ примѣчаніями и дополненіями И. Пекарскій (101). — Земство и расколъ, А. Щапова. Выпускъ первый. — «Бѣгуны», А. Щапова. («Время», 1862, октябрь и ноябрь) (110).—Памятныя записки А. В. Храповицкаго, статсъ-секретаря императрицы Екатерины II. Изданіе полное, съ примѣчаніями Г. Н. Геннади («Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.», 1862, кн. 2 и 3) (123).—Анаѳема, или торжество Православія,

Стр.
совершаемое ежегодно въ первый воскресный день великаго поста. (Три письма къ другу). Составилъ А. А. Быстротоковъ. 128
Попытки народной журналистики. *В. А. С.* 131
Политика. (Общій характеръ политики Франціи и Пруссіи.—Дѣла во Франціи: выборы, пресса, хлопчато-бумажный кризисъ; законодательная сессія 1863 года.—Дѣла въ Пруссіи.—Положеніе различныхъ партій и возможный исходъ изъ этого положенія) 145
Дополненіе къ извѣстію изъ Полтавской губерніи. 173
Наша общественная жизнь. (Оговорка.—Нѣсколько словъ о благородствѣ чувствъ вообще. — Картонныя кушанья, картонныя копья, картонныя рѣчи.—Благородство литературное въ частности, и образчики онаго. — Примѣрныя повѣсти и примѣрныя драмы. — «Ваня — бѣлыя перчатки и Маша — дырявое рубище».—«Полуобразованность и жадность — родныя сестры». — «Сынъ откупщика». — «Бѣдная племянница». — Чего можно ожидать отъ благородства въ будущемъ?—Нѣсколько средствъ въ видахъ оживленія русской литературы.—Заключеніе. — Тревоги «Времени»). 175

АПРѢЛЬ.

Новый вавилонъ. *Скиов*. 203
Вопросъ о поземельномъ устройствѣ алжирскихъ арабовъ 213
Послѣ всемірной выставки. *В. Стасова* 225
Петербургскія замѣтки. 249
Русская Литература.—Историческая объективность. (Сѣверноруссія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. Сочиненіе Николая Костомарова. Два тома.—Историческія монографіи и изслѣдованія Николая Костомарова. Два тома). . . . 257
Новыя книги: Нѣсколько серьёзныхъ словъ, по случаю новѣйшихъ событій въ С.-Петербургѣ. Соч. М. Беницкаго. — Замѣтки и отзывы. «Русск. Вѣсти». 1863 г. № 1-й (285).—Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. 2 тома 285
Политика. (Польскій вопросъ и европейская дипломатія). 307
Внутреннее обозрѣніе. (Настоящее положеніе польскаго вопроса.—Философскія лекціи г. Юркевича въ Москвѣ. — Благотворительныя литературныя чтенія и спектакли.—Желѣзная дорога отъ Кіева до Одессы). 345
Наша общественная жизнь. (Нѣсколько словъ о справедливости.—Случай съ Петромъ и Иваномъ. — Г. Фетъ, какъ публицистъ.—Счастливые поселяне и угнетенные землевладѣльцы.—Нѣчто о сближеніяхъ и общеніяхъ). 375
Письмо въ редакцію «Современника». *В. А. Слѣпцова* 403

СВИСТОКЪ

СОБРАНІЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ЖУРНАЛЬНЫХЪ И ДРУГИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

9

Стр.

«Свистокъ» и его время. Опытъ исторіи «Свистка». 1
Вступительное слово «Свистка» къ читателямъ. 8
Цензоръ въ попыхахъ (Лесть въ видѣ грубости). *Михаилъ Зміевъ-Младенцевъ.* 12
Письма отца къ сыну. 19
Московскія пѣсни объ искушеніяхъ и невинности. *Мих. Зміевъ-Младенцевъ.* 33
Неблаговонный анекдотъ о г. Юркевичѣ или исканіе розы безъ шиповъ. 37
Секретное занятіе. Комедія въ четырехъ сценахъ. 51
Краткій некрологъ и два посмертныя произведенія Кузьмы Петровича Пруткова: 54
1) Опрометчивый турка, или пріятно ли быть внукомъ? Комедія естественно-разговорная. 58
2) Проектъ. 63
Пѣсня объ «Очеркахъ». 67
Пѣснь Московскаго Дервиша. *Мих. Зміева-Младенцева.* 71
Мое желаніе. (Романсъ господина, обиженнаго литературой). *Саввы Намордникова.* 72
Голосъ изъ «Акціонерной пучины». (Отъ нашего «собственнаго» корреспондента). 73
Литературные Будочники. (Размышленія, навѣянныя чтеніемъ № 67 «Моск. Вѣд.» и № 66 «Нашего Времени». 78
Сопѣльщицы. (Отрывокъ изъ частнаго письма). 81
Стихотворенія, присланныя въ редакцію «Свистка». Драматическія сцены по поводу выхода «Современника». 89

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 апрѣля 1863 года.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА для одного голоса съ аккомпанементомъ фортепіано собранныя и арранжированныя М. Бернардомъ. Новое просмотрѣнное и исправленное изданіе (6 р.).

СОБРАНІЕ МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ для одного голоса съ аккопаниментомъ фортепіано А. Едличкою. 2 части, каждая содержитъ въ себѣ 50 избранныхъ пѣсенъ (къ красивымъ заглавнымъ листомъ) (каждая часть 4 р.).

СОБРАНІЕ ЛЮБИМЫХЪ РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ для четырехъ голосовъ съ аккопан. фортепіано П. Воротниковымъ, 2 тетр. (каждая 3 р.).

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ для одного фортепіано М, Бернардомъ. Часть 1-я, новое передѣланное и 25 цыганскими пѣснями умноженное изданіе (3 р.).

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ для одного фортепіано М. Бернардомъ. Часть 2-я (3 р.).

СТО МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ для одного фортепіано М. Бернардомъ. 2 части (каждая 2 р.).

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ для одной скрипки М. Бернардомъ (2 р.).

125 РУССКИХЪ И ЦЫГАНСКИХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ для одной флейты Ц. Чіарди (3 р.).

СТО МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, арранжированныхъ для одной скрипки А. Киндингеромъ. Часть 1-я (2 р.).

АЛЬБОМЪ САМЫХЪ ЛЮБИМЫХЪ РУССКИХЪ РОМАНСОВЪ: Булахова, Варламова, Глинки, Гурилева, Даргомыжскаго, Дерфельдта, Титова, Яковлева и др. арранжированныхъ для одного фортепіано. 3 тетр. (каждая 1 р.).

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

BERNARD. Hommage à la jeunesse. Six romances russes paraphrassées: № 1 Скажите ей (50 к.) № 2 Матушка голубушка (50). № 3. Нѣтъ! онъ меня не любитъ (50 к.) № 4. Хочешь что ли моя радость (50 к.) № 5. Онъ меня разлюбилъ (60 к.) № 6. Ты не повѣришь (60 к.).

VOSS. Airs russes transcrits et variés. op 232 № 1. Арія изъ оперы Жизнь за Царя. № 2 Шестнадцать лѣтъ. № 3 Матушка голубушка. № 4 Пѣснь цыганки, Булахова. № 5 Хуторокъ. № 6

Ахъ ты время, времячко (каждый 1 р. . Онъ меня разлюбилъ. Romance de Paschkoff (75 к.). Скажите ей! Romance de la Princesse Kotschoubey 75 к.).

SCHILLER. Trois fantaisies sur des airs russes: № 1 Матушка голубушка. № 2 Тяжело не стало силы. № 3 Не бѣлы снѣги (каждый 1 р.).

NAEKE «Album russe» 12 fantaisies élégantes sur des airs favories russes et bohêmiens. 12 тетр. (каждая 60 к.). Deux fantaisies élégantes: № 1 Любушка. № 2 Ангелъ (каждый 1 р.).

MAYER. Deux chansons favorites de Bulahoff: № 1 Нѣтъ, онъ меня не полюбитъ. № 2 Не хочу, не хочу, (каждый 1 р.).

LOESCHHORN. Mélodies russes transcrites et variées op. 43. № 1 Пѣсня сироты изъ оперы Жизнь за Царя (1 р.). № 2 Душечка дѣвица (1 р.). № 3 Ты скоро меня позабудешь (1 р.).

LISZT. Mélodies russes: № 1 Ты не повѣришь (1 р. 15 к.). № 2 Соловей (85 к.).

LANGER. Сладко пѣлъ душа соловушка (1 р.). Для чего ты лучь востока (1 р.).

KULLAK. Illustrations russes: № 1 Мнѣ грустно (75 к.). № 2 Я помню чудное мгновенье (1 р.). № 3 Благодарность (75 к.).

KOTSHOUBEY. (Princesse) Скажите ей! Romance favorite transcrite (60 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 4-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXIV), содержащая въ себѣ: SPINDLER, Célèbre marche de l'opera Tannhäuser de Wagner — MANSOUR, Une fête au hameau — IUNGMANN, Fleur des Alpes. Mélodie — CHOYATAL, Les papillons, piéce de salon—KULLAK, le lac «Attersee». Idylle—2 новые танца, 2 легкія пьесы для дѣтей, 2 русскіе романса и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р. с., съ пересылкою 11 р. 50 коп.).

Желающіе подписаться на Нувеллистъ, на 1863 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены: ИНОСТРАННЫЯ РОЯЛИ и ПІАНИНО, СКРИПКИ, ВІОЛОНЧЕЛИ, СМЫЧКИ, ФЛЕЙТЫ, ГАРМОНИФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, МЕТРОНОМЫ, КАММЕРТОНЫ и проч. по умѣренныхъ цѣнамъ.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Апрѣля 1863 года.

СВИСТОКЪ

СОБРАНІЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ЖУРНАЛЬНЫХЪ И ДРУГИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

9

«СВИСТОКЪ» И ЕГО ВРЕМЯ.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ «СВИСТКА».

Познай себя.
СОКРАТЪ.

«Свистокъ» пишетъ свою исторію главнымъ образомъ и вообще для исторіи, для науки, для истины, которая сама для себя есть цѣль; а потомъ уже въ частности и для того, чтобы въ своемъ прошедшемъ почерпнуть урокъ и назиданіе для дѣятельности въ будущемъ. «Свистокъ» смѣло и не боясь никакихъ возраженій можетъ сказать, что онъ, подобно другимъ ученымъ и литературнымъ изданіямъ, имѣетъ славное прошедшее и надежду на великое будущее, что и ему есть на что оглянуться назадъ и посмотрѣть впередъ. Этого краткаго предисловія и достаточно для исторіи, которая также будетъ краткою.

Въ то время, когда, не смотря на вѣковую отчаянную мольбу московской руси — «не будите меня на зарѣ», ее все-таки разбудили и, какъ нарочно, именно на зарѣ великаго дня, занявшейся по мановенію

какой-то волшебной десницы, когда могучій богатырь, тысячу лѣтъ сиднемъ сидѣвшій и отъ нечего дѣлать сладко дремавшій, наконецъ, проснулся, машинально протеръ сонные глаза, погладилъ усы и бороду, когда пробудились его мощныя силы и запросились къ энергической дѣятельности, когда все устремилось къ гласности, вошлось къ свѣту на встрѣчу восходящему солнцу и, оживленное его теплотворными лучами, встрепенулось и закопошилось, когда многочисленные вопросы одинъ за другимъ стали подниматься, словно грибы послѣ дождя,—въ это-то многознаменательное время явился на свѣтъ и «Свистокъ» съ яснымъ сознаніемъ своей задачи, съ свѣтлою мыслію о своемъ призваніи, съ печатію на челѣ, съ огнемъ въ груди, съ ядомъ въ устахъ, но съ удивительнымъ незлобіемъ и добродушіемъ въ сердцѣ. Появленіе его не было предвозвѣщено ни трубными и барабанными звуками стоустой молвы, ни широковѣщательными и соблазнительными голосами печатныхъ объявленій и вообще не было предшествуемо ни одною изъ тѣхъ приготовительныхъ торжественныхъ церемоній, которыя сопровождаютъ обыкновенно рожденіе не только новыхъ журналовъ, но почти каждой, иногда самой пустой статейки, заранѣе обѣщаемой читателямъ, какъ драгоцѣнный подарокъ, и всегда почти представляющей собою подобіе мышонка, рожденнаго горою. «Свистокъ» явился просто и скромно, безъ оффиціальныхъ представленій; высказалъ свою задачу, заявилъ свои тенденціи, и—«защолкалъ, засвисталъ на тысячу ладовъ». Повсюду воцарилось глубокое торжественное молчаніе; «внимало все тогда любимцу и пѣвцу Авроры», то есть собственно зари, пробудившей спавшую московскую Русь,—внимало все, но не все хотѣло сознаться и показать видъ, что внимаетъ. Безхитростная и откровенная публика внимала и не скрывала своего мнѣнія; нѣкоторые господа «внимали свисту уже привычнымъ ухомъ», уставясь въ землю лбомъ. Но ученые и глубокомысленные мужи притворились, будто вовсе не замѣчаютъ «Свистка», будто свистъ его вовсе не доходилъ до ихъ ученыхъ ушей и ужь никакъ не производилъ на нихъ опредѣленнаго и сильнаго впечатлѣнія; своимъ презрѣніемъ они надѣялись убить «Свистокъ» въ первые дни его жизни. Но проницательный «Свистокъ», на основаніи своего глубокаго знанія натуры человѣческой вообще и ученой въ особенности, сразу же отгадалъ эту притворную невнимательность, это преднамѣренное, неестественное презрѣніе; онъ навѣрное разсчитывалъ, что его свистъ болѣзненно и злобовозбудительно отдается въ ихъ звонкихъ головахъ и сердцахъ, окованныхъ мудростію, и какъ разъ приспособленныхъ для резонанса; онъ зналъ, какія чувства волнуютъ бумажныя груди его собратовъ, и потому ихъ молчаніе принималъ за «умыселъ иной»; вслѣдствіе этого онъ тотчасъ же напрямки объявилъ, что

ученые просто только игнорируютъ «Свистокъ». Такимъ образомъ, маска съ ученыхъ мужей была сорвана. Предъ глазами всѣхъ открылось умилительное и вмѣстѣ забавное зрѣлище! Юный «Свистокъ» вдругъ перехитрилъ цѣлый сонмъ ученыхъ, посѣдѣвшихъ въ самыхъ искусныхъ академическихъ диспутахъ и діалектическихъ маневрахъ! Нечего было дѣлать,—солидные мужи бросили свою прежнюю роль, которая, вслѣдствіе проницательности «Свистка», становилась уже отчасти смѣшною, рѣшились выдвинуть противъ него свою тяжелую-претяжелую артиллерію, усовершенствованную Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ, остроумнымъ московскимъ Армстронгомъ и Уайтвортомъ, и положили съ этого времени дѣйствовать противъ «Свистка» наукообразно, по преимуществу филологически. И вотъ, на горизонтѣ литературы собралась грозная туча, засверкали молніи, послышались удары грома, завыла буря затѣмъ собственно, чтобы заглушить веселый свистъ. Все въ литературѣ озлобилось на безкорыстныхъ «рыцарей свистоплясски». Озлобленіе доходило до того, что «Свистокъ» имѣлъ удовольствіе встрѣчать въ печати слѣдующія фразы: «что, если бы говорилось въ одномъ журналѣ, имени котораго «Свистокъ» не назоветъ изъ снисходительности,—этотъ свистъ раздался, не говоримъ, въ Германіи и Англіи, но даже въ теперешней Франціи? Тамъ бы общество отвѣтило на него *личной расправой*, которая весьма дѣйствительна для лицъ, скрывающихся подъ псевдонимами». Всякій поймете, что значило это указаніе въ переводѣ на обыкновенный языкъ. Впрочемъ, тогда же нашлись люди, которые посовѣтовали литераторамъ «перестать биться и драться». Этотъ совѣтъ, вѣроятно, возъимѣлъ свое дѣйствіе. Затѣмъ противники «Свистка» стали придумывать планы, какъ бы остановить свистъ, — до того было нестерпимо для нихъ его дѣйствіе. Эти планы предлагали всему русскому обществу предпринять крестовый походъ противъ «Свистка» и запретить ему свистъ. Въ планахъ говорилось, между прочимъ: «какъ только раздался «Свистокъ», его могло остановить общество. Какое же наше общество? Наше общество молодо въ литературномъ дѣлѣ»; т. е. наше общество не созрѣло, и потому не остановило «Свистка». Ударъ былъ направленъ на самую чувствительную струну общества, которое тогда сильно раздражалось упреками въ незрѣлости. Планы оканчивались вопросомъ: «чья же это обязанность (остановить Свистокъ)? Конечно, не правительства, которому не усмотрѣть за всѣми мелочами (а еслибъ усмотрѣло?)» По долгу историческаго безпристрастія, «Свистокъ» могъ сказать, кому принадлежали такіе планы, но онъ умалчиваетъ объ этомъ и надѣется, что его великодушіе будетъ достойно оцѣнено. Само собою разумѣется, что всѣ нападенія и грозные планы нисколько не ослабили энергіи «Свистка»; ученый морозъ не могъ охладить

жаръ его юной крови, и серьёзное наукообразное ворчаніе не заглушило его свиста, подобно тому, какъ однообразный и глухой шумъ выпускаемыхъ паровъ на стекляномъ заводѣ, или на бумагопрядильной фабрикѣ не можетъ заглушить пронзительнаго и всепроницающаго свиста самаго послѣдняго локомотива на С.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ. «Свистокъ» неутомимо работалъ, смѣло и рѣшительно шелъ къ своей цѣли, и такимъ образомъ достигъ втораго періода своей исторіи.

Въ этомъ періодѣ отрадное и утѣшительное зрѣлище открывается для «Свистка»: его идеи мало по малу принимаются къ литературѣ; обвиненія на него взведенныя падаютъ; орда враговъ его рѣдѣетъ и гибнетъ; его заслуги цѣнятся; его завоеванія признаются; его теоріи крѣпнутъ и популяризуются; ученые сосѣди въ сношеніяхъ съ нимъ, принимаютъ даже заискивающій видъ. Излагать исторію «Свистка» въ этомъ періодѣ — значитъ повѣствовать объ его побѣдахъ и славныхъ дѣяніяхъ. Скажите въ самомъ дѣлѣ, кто умѣрилъ неумѣренные и, можно сказать, безумные восторги русскіе? Кто проникъ въ истинный смыслъ колоссальной фразы «въ настоящее время, когда» и проч? Кто измѣрилъ океанъ глубокій нашего прогресса? Кто сосчиталъ пески, лучи нашего развитія? И — если теперь, при трескѣ напыщенныхъ рѣчей о быстротѣ нашего развитія, у каждаго на устахъ блещетъ улыбка, — скажите, кому какъ не «Свистку» она обязана своимъ происхожденіемъ? Кто оцѣнилъ музу Розенгейма, понялъ фальшивость ея звуковъ? Кто анализировалъ литературный талантъ и филантропическія тенденціи Кокорева? Кто понялъ Москву и сомнительное величіе московскихъ дѣятелей? Кто, въ состояніи прозрѣнія, пророчески созерцалъ настоящую судьбу «Русскаго Вѣстника»? «Время» говоритъ теперь, что оно первое возстало противъ авторитета «Русскаго Вѣстника», тогда какъ исторія свидѣтельствуетъ, что «Свистокъ» разбилъ пьедесталъ, на которомъ стоялъ этотъ знаменитый журналъ, еще тогда, когда «Времени» и на свѣтѣ не было. Но мы никогда не кончили бы, милостивые государи, если бы захотѣли подробно исчислять всѣ ученыя, литературныя и общественныя заслуги «Свистка». Для полноты картины остается еще указать на самую капитальную заслугу «Свистка», относящуюся къ русской гласности. Гласность эта обращала на себя преимущественное вниманіе «Свистка». Онъ обходился съ нею безцеремонно, насмѣшливо и даже дерзко, и кончилъ отрицаніемъ ея, — что собственно и составляетъ его заслугу. Но за такую заслугу на «Свистокъ» посыпались укоры, можно сказать, со всѣхъ концовъ міра. Одни говорили, что «Свистокъ» топчетъ молодые всходы гласности. Другіе же выражались объ его поступкахъ съ гласностью такимъ образомъ: «замѣтимъ

робкость и неловкость гласности, подняли бѣдную, какъ говорится, на зубокъ; насмѣшника не пощадила ея новаго положенія въ обществѣ; особенно же въ этомъ глотаньѣ словъ нашли что-то очень смѣшное. Она разсказываетъ намъ, говорили насмѣшники, что-то и про кого-то; но о какихъ именно странахъ, и о какихъ существахъ лепечетъ она, понять невозможно. Такъ говорили насмѣшники и недовольные (да, «Свистокъ» говорилъ это; ну такъ чтоже?). Гостья прислушалась, поняла, въ чемъ дѣло, оправилась и—вотъ оставляетъ она свои робкія движенія и замѣняетъ ихъ смѣлою осанкой (?), становится сама насмѣшницей. Послышались въ устахъ ея и имена собственныя, и уже не малое число ихъ произнесла она». Но не смотря на эти укоры, «Свистокъ» стоялъ и стоитъ на своемъ, и отрицаніе русской гласности считаетъ своей заслугой, которую должна признать исторія.

Наконецъ, наступилъ третій, самый славный періодъ въ исторіи «Свистка». Его идеи торжествуютъ, покоряютъ себѣ умы; его вліяніе захватываетъ обширную сферу; всѣ журналы признаютъ его; объ немъ пишутся статьи и цѣлыя пространныя критики; его прямо называютъ уже «знаменитымъ». Свистъ получаетъ право гражданства въ литературѣ; названіе «свистунъ» становится почетнымъ, и многіе ищутъ чести—быть и называться свистунами. Повсюду обнаруживается стремленіе подражать «Свистку»; многіе журналы заводятъ у себя юмористическіе отдѣлы и только изъ ложнаго стыда не называютъ ихъ свистками, или анти-свистками. Можно было ожидать, что «Свистокъ», при видѣ этихъ неожиданныхъ явленій, придетъ въ восторгъ:—ничего не бывало; онъ не восторгался, потому что ожидалъ ихъ, потому что ему очень хорошо извѣстна была исторія распространенія всѣхъ новыхъ идей,—какъ они, хоть съ трудомъ и только мало по малу, но всегда дѣлаются общимъ достояніемъ. Даже ученые мужи, истощивъ всѣ научныя средства въ борьбѣ со «Свисткомъ», сознали свое безсиліе, безмолвно преклонились предъ нимъ, поняв наконецъ, что свистъ дѣло важное и благотворное. Подъ вліяніемъ этой мысли и они рѣшились подражать «Свистку». Какая рѣзкая противоположность между третьимъ періодомъ исторіи «Свистка» и первымъ! «Свистку» рѣшились подражать тѣ самые люди, которые въ первомъ періодѣ взывали къ обществу, чтобы оно остановило свистъ и «Свистокъ», указывали на примѣръ Англіи и Германіи и называли общество молодымъ за то, что оно не послѣдовало ихъ внушеніямъ.— Для доказательства того, какъ сильно развилась подражательность «Свистку», достаточно указать на нѣсколько примѣровъ. — «Русскій Вѣстникъ», дольше всѣхъ журналовъ хранившій личину презрѣнія къ «Свистку», призналъ наконецъ «Свистокъ», сталъ относиться къ нему, какъ къ равному, вступилъ съ нимъ въ серьезную полемику,

занялся учеными изслѣдованіями о «Свистѣ» и помѣстилъ у себя капитальную статью подъ заглавіемъ: «Нашъ языкъ, и что такое свистуны». А наконецъ и самъ сталъ свистать и даже самъ откровенно сознался въ томъ, что онъ свищетъ. Лучшіе, типическіе образцы его оригинальнаго свиста публика видѣла въ его прошлогднихъ лѣнихъ статьяхъ.—А ужь если «Рус. Вѣстн.» поддался свисту, то другіе журналы и подавно должны были заразиться свистомъ. Самымъ ученымъ и серьезнымъ между нашими русскими журналами считался журналъ, названіе котораго едвали и нужно произносить, потому что при одномъ словѣ «ученый и серьезный» въ умѣ каждаго возникало представленіе объ «Отечественныхъ Запискахъ». Излишне также упоминать и о томъ, что Отеч. Зап., по самому характеру своей натуры, были не расположены къ свисту вообще и къ «Свистку» въ особенности. Да правду сказать, свистъ и не шелъ къ лицу Отечес. Запис., къ ихъ строгой физіономіи, и внимать ихъ свисту было бы такъ же странно, какъ глядѣть на пляску и канканированіе какой нибудь 80-ти лѣтней старушки. Однакожь и «Отечественныя Записки» заразились свистомъ, и прежде всего стали свистать ученымъ образомъ. Первая статья со свистомъ была помѣщена въ нихъ подъ слѣдующимъ ученымъ заглавіемъ на латинскомъ языкѣ: «gesta reipublicae literarum Moscoviensis. Accedunt prolegomena de rationibus criticis et gramaticis controversiae maxime (преимущественно для профессоровъ классической словесности и греческой философіи).» Въ ней заключались разныя остроты сначала на счетъ всей Москвы, потомъ на счетъ «Рус. Вѣстн.» и г–жи Евгеніи Туръ.

За тѣмъ «Отечес. Зап.» дѣлали нѣсколько попытокъ формально завести у себя свистокъ; въ числѣ этихъ попытокъ были «Все и ничего» и «Самодуръ». Изъ всѣхъ свистящихъ остротъ, разсыпанныхъ по этимъ quasi–свисткамъ, только одна достойна того, чтобы занимать мѣсто въ исторіи и сохраниться на память грядущимъ поколѣніямъ, а именно слѣдующее окончаніе какого–то стихотворенія:

«Погоди, Громека,
Свистишь, братъ, и ты».

Сбылось ли это предсказаніе,—неизвѣстно.—Даже «Время», болѣзненное и хилое, по самой природѣ своей предназначенное для плача и стенанія, усиливалось и натужилось свистать, — что конечно очень вредно дѣйствовало на его слабый организмъ; оно осклаблялось болѣзненно и раздражительно, и это осклабленіе въ простотѣ своей принимало за свистъ; оно сочиняло статьи «со свистомъ и пляскою, съ переодѣваніемъ» и т. д., разсуждало о «хлѣбныхъ свистунахъ», о «либеральныхъ кичкахъ» и т. д. Вслѣдствіе этого, подражая той

знаменитой мухѣ, которая говорила нѣкогда: «мы орали», и «Время» говоритъ теперь о себѣ: «и мы свистали»! Дѣйствительно, свистали; оно свищетъ и теперь, только въ собственный кулакъ и на собственную шею. Но это уже не относится къ исторіи, это дѣло текущее. — «Русское Слово», не смотря на свою суровость и даже нѣкотораго рода мрачность, тоже усиливалось подражать «Свистку» въ «Дневникѣ Темнаго Человѣка», который, воображая, что сущность свиста заключается въ стихахъ, просто измучилъ читателей громаднымъ количествомъ своихъ стишковъ, и воспѣвалъ въ стихахъ, часто весьма дубовыхъ, такія событія, которыя не стоили бы самой пошлой прозы. Приведенные примѣры ясно показываютъ, до какой степени свистъ въѣлся въ умы и сердца, какъ сильна свисткоманія и горячка подражанія «Свистку»!

Въ это-то, славное для «Свистка», время на него посыпались удары слѣпой, но жестокой судьбы; онъ понесъ чувствительныя, ужасныя потери, которыя онъ долго оплакивалъ и долго не могъ забыть. Едва только онъ успѣлъ оправиться послѣ этихъ потерь, какъ его поразилъ новый ударъ, послѣ котораго онъ уже и не помнитъ, что было съ нимъ. Помнитъ только, что для него наступила длинная мрачная ночь и какой-то тяжелый сонъ....Первыя минуты его пробужденія были отравлены сознаніемъ новыхъ потерь....Пробудился онъ и едва могъ дать себѣ отчетъ о томъ, что происходитъ вокругъ него; въ самомъ дѣлѣ, какъ много воды утекло въ продолженіи этого перерыва въ дѣятельности «Свистка», какъ измѣнился міръ и какъ въ особенности измѣнилось лицо земли русской! На одной сторонѣ лица застыла тупая безсмысленная улыбка; другая сторона сморщилась въ кислую гримасу; по всему лицу пробѣгаютъ судорожныя подергиванія; одинъ глазъ неестественно блещетъ, изъ другаго сочатся слезы. Матушка Россія! что съ тобой? Да, много событій совершилось въ мірѣ въ то время, когда «Свистокъ» не могъ видѣть и наблюдать ихъ!—Гарибальди, дразнившій капризную и измѣнчивую музу Якова Хама, получилъ достойное возмездіе: великій Раттацци, преемникъ великаго Кавура, подстрѣлилъ его; и «Свистокъ» не воспѣлъ этого торжества закона надъ беззаконіемъ! Скатилось съ горизонта еще одно солнце — Оттонъ I, ушедшій во слѣдъ за Франциской II; и «Свистокъ» не оплакалъ этого печальнаго заката! Австрія, любимый предметъ «Свистка», измѣнила своимъ преданіямъ и своему призванію и ринулась на опасный путь парламентовъ и палатъ; и «Свистокъ» не покаралъ ея измѣны! Великіе государственные люди Пруссіи взяли на себя прежнюю великую задачу Австріи; и «Свистокъ» не ободрилъ ихъ словомъ одобренія! Не мало было и другихъ событій на Западѣ, и ни на одно изъ нихъ не могъ отозваться «Свистокъ». А сколько

совершилось достопримѣчательнаго въ самомъ отечествѣ «Свистка»! сколько перемѣнъ, преобразованій, улучшеній! одно уничтоженіе откуповъ достаточно было, чтобы видоизмѣнить строй русской жизни. Литература обогатилась и разрослась, какъ лоза плодовитая, растущая въ привольномъ мѣстѣ. Людей раздѣлили на два отдѣла, на отцовъ и дѣтей, которые не прикасаются другъ къ другу, какъ жиды къ самарянамъ. Изобрѣтена особая порода людей, подъ названіемъ нигилистовъ, вѣроятно имѣющая сходство съ зефиротами. «Петербургскія Вѣдомости» переселились въ Москву; а «Московскія» въ Петербургъ. Совершилось за тѣмъ много такого, о чемъ прискорбно и вспоминать, и что однако совершается доселѣ.

Много воды утекло безъ «Свистка», многое она унесла съ собою, но ничего не омыла и не очистила. То, что достойно свиста и освистанія, осталось неизмѣннымъ и продолжаетъ обнаруживать себя явленіями, способными вызвать не только рѣзкій свистъ, но и глухой болѣзненный стонъ, явленіями общими, универсальными, объемлющими все русское человѣчество, и явленіями частными, близко касающимися самого «Свистка». Поле «Свистка» по прежнему очень обширно и предметовъ для свиста очень много; но это поле тернисто, но эти предметы не податливы. «Свистокъ!» по прежнему fait ce que doit, advient ce qui pourra.

Время, въ которое «Свистокъ» снова выступаетъ въ свѣтъ, и чувства, волнующія его при свиданіи съ читателемъ, отчасти выражаются въ слѣдующемъ стихотвореніи:

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Въ тѣ дни, когда въ литературѣ
Порядки новые пошли,
Когда съ вопросомъ о цензурѣ
Давно стоимъ мы на мели,
Когда намекомъ да украдкой
Касаться дѣла мудрено:
Когда серьезною загадкой
Все занято, поглощено,
Взволновано, а въ журналистахъ
Послѣдній помрачаетъ умъ
Какой-то споръ о нигилистахъ,
Глупѣйшій и безплодный шумъ;
Когда при помощи Пановскихъ

Догадливый антрепренеръ
И вождь «Вѣдомостей Московскихъ»,
Почуявъ время и просторъ.
Катковъ, прославленный витія,
Одинъ съ Москвою рѣчь ведетъ,
Что̀ предпринять должна Россія,
И гимнъ безмолвію поетъ (*);
Когда въ затмѣніи разсудка
Юркевичъ листъ бумаги мялъ
И о намѣреньяхъ желудка
Публично лекцію читалъ;
Когда наклонностей военныхъ
Духъ прививается ко всѣмъ,
Когда мы видимъ избіенныхъ
Посредниковъ; — когда совсѣмъ
Нейдутъ Краевскаго изданья,
И надъ Громекиной главой
Летаетъ *бомба отрицанья*,
Какъ повѣствуетъ сей герой (**);
Когда сыны обширной Руси
Вкусили волю на яву,
И всплакалъ Фетъ, что топчутъ гуси
Въ его владѣніяхъ траву (***);
Когда ругнулъ Иванъ Аксаковъ
Всѣхъ, кто въ Европу укатилъ,
И, негодуя противъ фраковъ,
Духовныхъ лицъ не пощадилъ (****);

(*) *Они собраній не имѣютъ,*
Они рѣчей не говорятъ,
Они въ невѣжествѣ коснѣютъ,
Но духомъ высоко парятъ... и т. д.
См. «Моск. Вѣдом.» № 68, «Москва, 27 марта».

(**) См. «Отеч. Зап.», № 3, 1863 г., «Соврем. Хрон. Россіи», стр. 9.

(***) См. «Русскій Вѣстникъ», 1863 г., № 1, «Изъ деревни».

(****) Двѣсти семдесятъ пять тысячъ
Русскаго дворянства
Проживаютъ за границей
Изъ пустаго чванства,
Восхищаются Парижемъ,
Тратятъ деньги на свободѣ;
Тамъ и наше духовенство
Одѣвается по модѣ... и т. д.
См. «День», «Изъ Парижа». (*Письмо въ Редакцію*).

Когда, покончивъ подвигъ трудный,
Внезапно Павловъ замолчалъ,
И Аполлій Очкинъ кунштикъ чудный
Съ газетой «Очерки» удралъ (*),
Когда подкошена какъ колосъ
Она исчезла навсегда;
Въ тѣ дни, когда явился «Голосъ»
И прекратилась «Ерунда», —

Тогда въ невинности сердечной
Любимый нѣкогда поэтъ,
Своей походкою безпечной
«Свистокъ» опять вступаетъ въ свѣтъ...
Какъ измѣнилось все, Создатель!
Какъ рѣдокъ лицъ любимыхъ рядъ!
Скажи: доволенъ ты, читатель?
Знакомцу старому ты радъ?
Или изгладила «Заноза»
Все, чѣмъ «Свистокъ» тебя плѣнялъ,
И какъ увянувшая роза
Онъ для тебя ненуженъ сталъ?
Мѣняетъ время человѣка:
Быть можетъ, пасмурный Катковъ,
Быть можетъ, пламенный Громека
Теперь милѣй тебѣ свистковъ?
Возненавидѣвъ нигилистовъ,
Конечно, полюбить ты могъ
Сихъ благородныхъ публицистовъ
Возвышенный и смѣлый слогъ, —
Когда такое вѣроломство
Ты учинилъ — я не ропщу,
Но ради стараго знакомства
Все жь говорить съ тобой хочу.

(*) Обстоятельства ужасныя
Вынуждаютъ насъ продать
Наши «Очерки» несчастные
Писаревскому... Читать
Будешь «Слово Современное»
Ты теперь, подписчикъ мой,
Вѣрь, изданіе отмѣнное,
И будь счастливъ — Богъ съ тобой!
«Ред. Оч.» («Соврем. Слово», № 80).

«Узнай по крайней мѣрѣ звуки,
«Бывало милые тебѣ,
«И думай, что во дни разлуки,
«Въ моей измѣнчивой судьбѣ (*),
Ты былъ моей мечтой любимой
И если слышалъ ты порой
Хоть легкій свистъ, то знай: незримой
Тогда виталъ я надъ тобой!...

* * *

Систокъ предъ публику выходитъ.
Высокомѣрья не любя,
Онъ робко взоръ кругомъ обводитъ
И никого вокругъ себя
Себя смиреннѣй не находитъ! (**)
Да, измѣнились времена!
Другъ человѣчества блѣднѣетъ,
Вражда повсюду сѣмена
Неистовства и злобы сѣетъ.
Газеты чуждыя шумятъ...
(О вы, несчадье вольной прессы!...)
Чортъ ихъ поймета, чего хотятъ,
Чего волнуются, какъ бѣсы!
Средь напряженной тишины
Катковъ гремитъ съ кварто̀мъ, съ чувствомъ,
Онъ жаждетъ славы и войны (***)
И вовсе пренебрегъ искусствомъ.
Оно унижено враждой,
Въ пренебреженіи науки,
На брата братъ подъемлетъ руки
И лѣзетъ мостъ на мостъ горой (****), —
Ужасный видъ!... Въ сей часъ тяжелый
Являясь въ публику, «Свистокъ»

(*) Стихи Пушкина.
(**) Изъ Пушкина.
(***) Стихъ Лермонтова.
(****) См. «Московскія Вѣдомости».

Желаетъ мирной и веселой
Развязки бѣдствій и тревогъ;
Чтобы въ сумятицѣ великой
Напрасно не томился умъ...

И сбудется... Умолкнетъ шумъ
Вражды отчаянной и дикой.
Недружелюбный разговоръ
Покончитъ публицистъ московскій,
И вновь начнутъ свой прежній споръ
Гіероглифовъ и Стелловскій;
Миръ принесетъ искусствамъ дань,
Престанутъ радоваться бѣсы,
Уймется внутренняя брань
И смолкнетъ шумъ заморской прессы.
Да, да! Скорѣе умолкай, —
Не достигай предѣловъ невскихъ,
И гимны братьевъ Достоевскихъ
Самимъ себѣ не заглушай!

ЦЕНЗОРЪ ВЪ ПОПЫХАХЪ.

(*Лесть въ видѣ грубости*).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я давно уже помышляю, любезный читатель, о возможности предъявить публикѣ такое произведеніе человѣческаго слова, въ которомъ грубость (грубіянство, обличеніе) являлась бы въ пріятномъ сочетаніи съ лестью, и которое, въ одно и то же время, удовлетворяло бы требованіямъ современности и не противорѣчило намѣреніямъ начальства. Если существуютъ на свѣтѣ прогрессивные ретрограды и ретроградные прогрессисты, то почему же не существовать лести въ видѣ грубости и грубости въ видѣ лести! думалъ я, и думалъ, надѣюсь, правильно. Нѣтъ сомнѣнія, что грубость въ дикомъ состояніи, грубость абсолютная, въ государствѣ, пользующемся покровительствомъ законовъ, не возможна; но съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и то, что

публика настоятельно требуетъ, чтобы писатели грубили какъ можно сильнѣе. Посему, задача писателя знаменитаго обрисовывается сама собою. Онъ долженъ дѣйствовать, такъ сказать, двуутробно: одною утробою изливать ядъ и хулу, другою—источать тонкую паутину лести. Я знаю, что и до меня нѣкоторые отличнѣйшіе писатели выказывали въ этомъ смыслѣ намѣренія, заслуживающія всякаго поощренія, но считаю, что опыты ихъ были не совсѣмъ удовлетворительны, ибо лесть буйствовала въ нихъ слишкомъ исключительно и притомъ во всей своей наготѣ. Я же, напротивъ того, думаю, что въ литературномъ упражненіи лесть должна быть распространена въ видѣ тончайшаго эѳира. Поэтому, замѣчая за собой такой правильный образъ мыслей, я рѣшился. Я нарочно взялъ, для испробованія своихъ силъ на этомъ поприщѣ, предметъ самый, по видимому, неприступный: думаю, пусть выйдетъ, что выйдетъ, но пускай же вѣдаютъ россіяне, что для россіянъ ничего неприступнаго не можетъ быть. Вышло хорошо.

Примѣчаніе редакціи «Свистка». Всѣ примѣчанія къ этой статьѣ составлены самимъ авторомъ.

Бьетъ часъ ночи (*). Въ одной изъ блестящихъ частей города, въ великолѣпной и роскошно-убранной квартирѣ (**), развалясь на гамбсовскомъ мягкомъ патѣ, полулежитъ цензоръ и читаетъ журнальныя корректуры. Глаза его слѣдятъ за корректурой, а мысли витаютъ въ эмпиреяхъ государственнаго благоустройства (***). Онъ думаетъ о серьёзномъ характерѣ лежащихъ на немъ обязанностей; онъ думаетъ, что съ одной стороны, онъ не долженъ стѣснять силы вѣрноблагонамѣренныхъ изліяній, а съ другой стороны, не долженъ стѣснять самого себя въ мѣрахъ къ

(*) Намекъ на то, что цензора обременены работами, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что цензора производятъ свои работы ночью, когда добрые люди занимаются только колдовствомъ.

(**) Намекъ этотъ даетъ понятіе о получаемомъ цензорами достаточномъ содержаніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ, что содержаніе это едва ли ими заслужено.

(***) Показываетъ, что цензоръ человѣкъ мечтательный, и что мечтательные люди, по большей части, отличаются добросердечіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что и мечтательность въ нѣкоторыхъ случаяхъ не можетъ считаться признакомъ добросердечія.

огражденію молодыхъ и неопытныхъ писателей отъ могущихъ послѣдовать для нихъ непріятностей (*).

— Моя задача двойственна, говоритъ онъ, лѣниво опуская руку, державшую корректуру: — и между тѣмъ она единотождественна. Я преслѣдую двѣ цѣли, а между тѣмъ, обѣ этѣ цѣли составляютъ, въ сущности, одну и ту же цѣль.

Успокоенный этою мыслью, цензоръ снова принимается за корректуру, и вдругъ вскакиваетъ, какъ ужаленный.

— Что это они пишутъ! что это они пишутъ! вскрикиваетъ онъ, и какъ бы не вѣря глазамъ своимъ, подноситъ корректуру къ богатой бронзовой лампѣ, въ которой весело пылаетъ блестящее пламя фотогена. Чтобы лучше увѣриться, онъ начинаетъ читать вслухъ, съ точнымъ соблюденіемъ всѣхъ знаковъ препинанія.

«И потому, принимая въ соображеніе, что, въ существѣ вещей, общество привлекается къ обсужденію сего предмета въ размѣрахъ весьма благонадежныхъ, мы думаемъ, что упомянутый выше проектъ представляетъ залоги преуспѣянія весьма изряднаго (**)...

— «Мы»! кто это «мы»? прежде всего восклицаетъ (***) взволнованный цензоръ: — ты, ты, ты — и никто больше!

Но мало по малу чувства цензора утихаютъ и принимаютъ серьёзное направленіе. Дѣло въ томъ, что нынче «мальчишки» такъ писать изловчились, что самъ чортъ ихъ не разберетъ. Хвалятъ они или издѣваются, сочувствуютъ или только такъ время проводятъ — опредѣлить это можно развѣ только посредствомъ «Ключа къ таинствамъ природы». Мало того, что сами писать изловчились, но и цензуру къ такому своему противоестественному слогу приучили и постепенно (вотъ гдѣ пригодилась постепеность!) достигли, наконецъ, того, что вещи отлично благонамѣренныя, но писанныя слогомъ размазистымъ, весьма часто не проходятъ, а вещи противоестественныя, написанныя

(*) Означаетъ, что, не смотря на добросердечіе, сей человѣкъ твердъ. Комментарій обоюду острый.

(**) Ничего не означаетъ.

(***) По настоящему, слѣдовало бы сказать «неистовствуетъ», но боюсь, не пройдетъ. Пусть такъ и остается «восклицаетъ», но пусть читатели все-таки знаютъ, что я не прочь былъ сказать и «неистовствуетъ».

слогомъ, такъ сказать, вывороченнымъ на изнанку, проходятъ весьма благополучно (*).

— О чертъ возьми! что онъ хочетъ сказать этимъ? разсуждаетъ цензоръ, ходя по комнатѣ и зажавши себѣ обѣими руками уши. Онъ знаетъ, что когда человѣкъ желаетъ пристальнѣе сосредоточить на чемъ нибудь свое вниманіе, то непремѣнно долженъ зажать себѣ уши (**).

— Что онъ хочетъ сказать этимъ? повторяетъ цензоръ: — «сего предмета!» какого это предмета!

Нѣкоторый тайный голосъ шепчетъ цензору, что для того, чтобы знать, какое значеніе скрывается въ словахъ «сего предмета», надобно прочесть фразу съ самаго начала. Онъ слѣдуетъ совѣту тайнаго голоса, и читаетъ.

— Ну, «сего предмета» — это ничего; это просто означаетъ: «предмета сей статьи»... но что онъ хочетъ сказать посредствомъ: «къ размѣрахъ весьма благонадежныхъ?» Любезничаетъ онъ или ругается? (***)

Съ одной стороны, слово «благонадежный», какъ доказываетъ это присутствіе въ немъ слова «благо», имѣетъ смыслъ совершенно благонадежный. Съ другой стороны, мало ли случалось въ исторіи примѣровъ, когда слова самыя благонадежныя оказывались впослѣдствіи самыми неблагонадежными? Такъ напримѣръ, въ древности, Тиверій (см. драму г. Костомарова «Кремуцій Кордъ») всегда выражался, по видимому, весьма благонадежно, но впослѣдствіи всегда же оказывалось, что онъ принадлежалъ къ тайной сектѣ «свистуновъ».

— А какое имѣешь ты право давать словамъ автора непрямыя толкованія? шепчетъ тайный голосъ (****).

— Чорта съ два! «право»! отвѣчаетъ цензоръ тайному голосу: — чай, у меня жена и дѣти есть! (*****)

(*) Означаетъ, что всякое дѣло надо дѣлать умѣючи. Сверхъ того, означаетъ, не слѣдуетъ ли издать законъ, которымъ вмѣнялось бы авторамъ въ обязанность выражаться понятно и категорически? И еще сверхъ того означаетъ, не слѣдуетъ ли предоставить авторамъ свободу выражаться, какъ имъ хочется?

(**) Обозначаетъ вниманіе, съ которымъ цензоръ исполняетъ свои обязанности.

(***) Обозначаетъ: и этого-то ты понять не можешь!

(****) Обозначаетъ, что законъ (тайный голосъ) самъ по себѣ всегда благодѣтеленъ, но исполнители не всегда слѣдуютъ внушеніямъ его. Объясненіе для всѣхъ удовлетворительное.

(*****) Обозначаетъ, на сколько узы естественныя сильнѣе узъ государственныхъ. Съ другой стороны обозначаетъ, что и естественныя узы, при силѣ воли и строгомъ исполненіи предписаній начальства, можно преборотъ.

Въ головѣ его зрѣетъ проектъ: для разсмотрѣнія нигилистскихъ сочиненій опредѣлить цензора изъ нигилистовъ; разумѣется, такого нигилиста, который понималъ бы нигилистскіе діалоги, но, въ сущности, былъ бы человѣкомъ благонамѣреннымъ. Посредствомъ такой комбинаціи достигалась бы двоякая цѣль: во первыхъ, всегда былъ бы подъ руками человѣкъ, который нигилистскую кабалистику могъ бы читать à livre ouvert, и во вторыхъ, въ лоно благонамѣренности поступала бы лишняя заблудшая овца (*).

— А что, если никто не пойдетъ?

Ну, тогда можно прибѣгнуть къ другому средству; можно, напримѣръ, взять малолѣтняго сына какихъ нибудь бѣдныхъ родителей и отдать его въ обученіе къ нигилистамъ, а когда онъ всѣмъ ихъ пріемамъ научится, то опредѣлить въ цензоры.

— А что, если онъ такъ *тамъ* и погрязнетъ?

— Ну, нѣтъ! шалишь! этакъ и проектовъ, пожалуй, совсѣмъ нельзя писать будетъ! разсуждаетъ цензоръ, и снова принимается за корректуру.

— «Залоги преуспѣянія весьма изряднаго!» гм:... «изряднаго!» Что такое «преуспѣяніе изрядное», да еще «весьма изрядное»! Что они со мной дѣлаютъ! Не пропустить — не могу!... ну, нѣтъ, врешь, могу!

Цензоръ опять обращается къ корректурѣ и начинаетъ выправлять ее. Вслѣдствіе поправокъ, выходитъ слѣдующее: «и потому, принимая въ соображеніе, что, въ существѣ вещей, общество привлекается къ обсужденію сего предмета, мы думаемъ, что упомянутый выше проектъ представляетъ»...

— И точка, говоритъ цензоръ: — ну да, и точка. Дальше! «а такъ какъ при семъ имѣется въ виду учредить надлежащій бдительный надзоръ, то, взирая съ довѣрчивостью на настоящее, не теряемъ упованія и въ будущемъ».

— Вонъ куда метнулъ! те-те-те... знаемъ, какъ вы «не теряете упованія въ будущемъ!» И вѣдь какъ онъ это подвелъ!

Цензоръ уже не задумывается и зачеркиваетъ властною, увѣренною рукою, оставляя только «упованіе въ будущемъ».

(*) Проектъ сей столь полезенъ, что говоритъ самъ за себя. А потому, обращаю на него вниманіе гг. командующихъ на заставахъ. Съ другой стороны, внезапное возникновеніе подобнаго проекта не доказываетъ ли вообще легкость, съ какою такіе проекты возникать могутъ!

— Ну вотъ и прекрасно! и съ предыдущимъ связь соблюдена! стало быть: «упомянутый выше проектъ представляетъ упованіе въ будущемъ». Отлично! Но вѣдь какъ онъ подъѣхалъ! и статью-то, злодѣй, какъ озаглавилъ! «Сомнѣваться или вѣрить»! а! (*Зачеркиваетъ заглавіе*). Вѣрить, милостивый государь, вѣрить! (*Пишетъ на мѣсто зачеркнутаго*: «И еще предлогъ къ сочувствію»). Ну-съ, что жь дальше? А дальше: «Ну, конечно». Эту фразу я полагаю оставить... да, ее надо оставить! Что она обозначаетъ? О чортъ возьми... что она обозначаетъ? Ну да, она обозначаетъ... «ну, конечно»... то есть, «конечно»... ну да... фу ты, чортъ! (*Зачеркиваетъ*). (*)

— George! ты будешь съ нами завтракать, другъ мой? спрашиваетъ въ эту минуту жена цензора, входя въ его кабинетъ (**).

— Мой другъ! я голоденъ, но я ѣсть не хочу! (***)

— Это странно, George!

— Я самъ знаю, что это странно, мой другъ, но если бъ ты прочитала вотъ эту статью (*указываетъ на корректуры*), то поняла бы, что можно потерять аппетитъ, не потерявши его!

Жена цензора очень миленькая, бѣлокуренькая нѣмочка, съ быстренькими голубенькими глазками, въ которыхъ выражается любознательность. Она беретъ корректурные листы и не столько читаетъ, сколько играетъ ими.

— George! что такое «упованіе»? спрашиваетъ она.

— «Упованіе», мой другъ — это такое слово, которое нарочно пишется, чтобы показать, что упованія не должно быть!

— Зачѣмъ же ты, George, такія слова пропускаешь?

— А развѣ я пропустилъ? (*Читаетъ*) «представляетъ упованіе въ будущемъ»... гм... да!

(*) Намекъ этотъ даетъ понятіе о варварствѣ цензора, но съ другой стороны не оставляетъ безъ обличенія и варварства нигилистовъ, которые, во всѣхъ своихъ изворотахъ, имѣютъ въ виду одну цѣль: помраченіе умовъ.

(**) Читателю можетъ показаться страннымъ, что я заставляю героя моего завтракать во второмъ часу ночи, но эта поэтическая вольность нужна была мнѣ въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, я сообразилъ, что вѣдь не сироешь же ни отъ кого, что дѣйствіе происходитъ днемъ, а не ночью, и во вторыхъ, ночь мнѣ была нужна для того, чтобы показать, какую страшную пертурбацію могутъ произвести занятія цензурой не только въ жизни самого цензора, но и въ жизни его домочадцевъ.

(***) Это также нѣсколько странно, но если читатель вспомнитъ лекціи г. Юркевича о самодѣятельности души, то найдетъ, что это странность весьма еще умѣренная.

— Вѣдь этакъ мы, другъ мой, можемъ нашего мѣста лишиться! соображаетъ жена (*).

— Что жъ, стоитъ только вычеркнуть!

— Вѣдь этакъ мы, другъ мой, легко можемъ нашего мѣста лишиться! пристаетъ жена.

— Ну что жъ, и вычеркну!

— Потому что вѣдь этакъ, другъ мой, мы очень легко можемъ нашего мѣста лишиться! повторяетъ жена.

— Отстань, сударыня! зачеркну! (*Зачеркиваетъ*). (**)

— Но этого для меня мало!

Цензоръ начинаетъ сердиться.

— Что жь тебѣ нужно, сударыня?

— Но этого для меня мало!

— Да объяснись же, мой другъ!

— Ты меня заперъ въ четырехъ стѣнахъ этой великолѣпной квартиры! ты заставилъ меня бодрствовать по ночамъ!

— Что же я долженъ сдѣлать, мой другъ?

— Что ты долженъ сдѣлать? ты спрашиваешь, что ты долженъ сдѣлать? онъ спрашиваетъ!

Вбѣгаетъ Коля (***), розовенькій и свѣженькій мальчикъ, очень похожій на маманшу; въ глазахъ его также выражается любознательность.

— Папаша! ты будешь завтракать? спрашиваетъ онъ.

— Коля! другъ мой! говоритъ взволнованный цензоръ.

— Ты спрашиваешь, что ты долженъ сдѣлать? пристаетъ жена.

Вбѣгаетъ Джипси, рѣзвая и милая левретка; она не спрашиваетъ цензора, будетъ ли онъ завтракать, но лижетъ ему руки и веселыми прыжками, очевидно, доказываетъ, что ей было бы пріятно, если бъ цензоръ пошелъ завтракать.

(*) Съ одной стороны, обозначаетъ, что женщина есть фіалъ всякаго ехидства, и что такъ называемые эмансипаторы суть самые пустые люди; съ другой стороны, — что женщины, по своей прозорливости и сообразительности, вполнѣ заслуживаютъ, чтобъ ихъ сравняли въ правахъ съ мужчинами, и что слѣдовательно, эмансипаторы совсѣмъ не пустые люди.

(**) Обозначаетъ съ одной стороны — доброту, съ другой — недозволенное слабодушіе. Какъ кому угодно.

(***) Это доказываетъ, что у цензора могутъ быть дѣти, и еще доказываетъ... что мнѣ надоѣло писать примѣчанія, и что читатель обязанъ доходить своимъ умомъ. Предупреждаю, однакожь, что мною ни одного слова не употреблено безъ умысла.

— Вотъ все мое семейство! задумчиво грезитъ цензоръ: — что съ нами будетъ, если мы лишимся нашего мѣста!

— Ты спрашиваешь, что ты долженъ сдѣлать? опять надоѣдаетъ жена.

И она, ловкимъ движеніемъ руки, разрываетъ корректуры пополамъ.

— Блаво, мамаса! кричитъ Коля, хлопая ручонками.

Джипси радостно лаетъ.

Цензоръ стоитъ въ нѣкоторомъ изумленіи.

— Что ты сдѣлала, несчастная! ты обезобразила казенную вещь! шепчетъ онъ, приходя, наконецъ, въ чувство.

Не знаю, какъ ты, читатель, но я положительно нахожу, что цензура очень полезная вещь. Охраняя общество отъ наплыва идей вредныхъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ молодыхъ и неопытныхъ публицистовъ отъ могущихъ случиться съ ними непріятностей. Все это такъ вѣрно, такъ вѣрно, что у меня даже слезы навертываются на глазахъ отъ благодарности. Но для того, чтобы она достигала своей высокой цѣли, для того, чтобы устранить изъ ея рѣшеній характеръ случайности, я полагалъ бы: цензоровъ, во время исполненія ими обязанностей, запирать на ключъ.

МИХАИЛЪ ЗМІЕВЪ-МЛАДЕНЦЕВЪ.

ПИСЬМА ОТЦА КЪ СЫНУ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Милый мой Ваничка!

Благодарю тебя за письмо, за довѣріе и откровенность, съ которыми ты обратился ко мнѣ; мнѣ пріятно видѣть ихъ въ тебѣ, особенно въ настоящее время, когда дѣти такъ скоро забываютъ своихъ родителей и теряютъ къ нимъ всякое уваженіе. Изъ настоящаго же моего письма ты увидишь, что и отецъ можетъ пригодиться тебѣ и помочь тебѣ своими совѣтами. Ты прислалъ мнѣ нѣсколько своихъ статей о разныхъ предметахъ и спрашиваешь меня, можно ли ихъ напечатать, стоютъ ли они того. Мнѣ очень пріятно сообщить тебѣ мое откровенное мнѣніе объ нихъ; надѣюсь, ты вполнѣ оцѣнишь безпристрастіе и искренность моего мнѣнія, иначе ты бы и не обратился

ко мнѣ. — Въ одной статьѣ ты занимаешься опроверженіемъ моднаго философскаго ученія, которое называется матеріализмомъ. Ты не повѣришь, какъ я радъ тому, что ты не заразился ядомъ этого ученія, которымъ пропитана большая часть современной молодежи; особенно пріятно моему родительскому сердцу то, что ты, не смотря на твою скромность, смѣло выступаешь на борьбу съ этимъ ученіемъ. Ты знаешь, я самъ не люблю этого ученія, и потому отъ души желаю тебѣ успѣха въ твоихъ опроверженіяхъ. Въ видахъ этого успѣха я и рѣшаюсь сдѣлать нѣсколько подробныхъ замѣчаній на твое опроверженіе указаннаго ученія. Прямо скажу тебѣ, что оно не слишкомъ глубоко задѣваетъ опровергаемый предметъ, и потому едва ли достигнетъ своей цѣли; хотя нужно правду сказать, перо у тебя очень бойкое, а слогъ положительно краснорѣчивъ, и если у тебя современемъ разовьются мыслительныя способности и качества твоихъ мыслей будутъ соотвѣтствовать качествамъ твоего пера, то ты сдѣлаешься замѣчательнымъ писателемъ и я вправѣ буду гордиться тобой. Я читалъ твою статью твоей мамашѣ; она плакала отъ умиленія, слушая ее; особенно тронуло ее то мѣсто, гдѣ ты отстаиваешь начала вѣрованій. Нѣсколько разъ съ восторгомъ она повторяла, что твою статью слѣдуетъ напечатать золотыми буквами. Но ты знаешь, что материнское сердце всегда пристрастно къ сыну; я же, послѣ холоднаго безпристрастнаго размышленія, нахожу, что печатать твою статью ты погоди. Ужь если опровергать противника, такъ нужно его пробрать хорошенько, поразить его такъ, чтобы онъ или совсѣмъ не всталъ, или не скоро оправился послѣ пораженія; а иначе, братъ, наши противники только посмѣются надъ нами. Вѣдь ты конечно читалъ рекомендованныя мною тебѣ статьи Хомякова и Самарина, въ которыхъ они опровергаютъ твоихъ же противниковъ; видишь, и такіе умные люди, какъ они, не умѣли хорошенько справиться съ дѣломъ, начали его и не кончили, взялись опровергать и не опровергли. Тебѣ слѣдовало идти дальше, довершить начатое ими; сколько же нужно было тебѣ осмотрительности и основательности; а твоя-то, братъ, статья оказывается даже слабѣе ихнихъ. Ты берешь одну сторону ученія твоихъ противниковъ, — практическую, конечно важную, но все-таки одну; ты взялся доказать, что матеріализмъ и общественная свобода два начала несовмѣстимыя и противоположныя. Ты говоришь: «всѣ благородныя движенія человѣческой природы несовмѣстны съ ученіемъ матеріалистовъ, обоготворившимъ матерію и слѣдовательно, вещественную, матеріальную силу». Положеніе вѣрное, я съ тобою согласенъ, но чѣмъ же ты докажешь его? «Отнимите у людей, говоришь ты, нравственное отношеніе другъ къ другу, и какъ бы вы ни хлопотали о механическомъ равновѣсіи эгоизмовъ и частныхъ пользъ,

вы никогда не утвердите этого равновѣсія, потому что у васъ не останется другой точки опоры, другаго мѣрила и критеріума для оцѣнки вреда и пользы, кромѣ «ощущенія» и взаимнаго столкновенія ощущеній. А такъ какъ ощущеніе зависитъ отъ расположенія мозговыхъ шариковъ, мускуловъ и нервъ, то, стало быть, на этой-то физической основѣ ощущеній построено у матеріалистовъ все зданіе человѣческой свободы! Она не есть нравственное право, а есть продуктъ взаимнаго матеріальнаго самоограниченія, чего-то въ родѣ физическаго тренія ощущеній другъ о друга, въ разныхъ человѣческихъ организмахъ; поэтому каждое ощущеніе можетъ проявляться и дѣйствовать свободно—пока чужое ощущеніе не заставитъ его войти въ свои предѣлы. На этомъ основаніи права каждая матеріальная сила, покуда она сила и не пересилена другою силою. Очевидно (ну, не знаю!), что тѣ, которымъ матеріализмъ вошелъ въ плоть и кровь, обманываютъ себя и другихъ, когда толкуютъ объ общественной и политической свободѣ: въ сущности имъ дѣла нѣтъ и не должно быть дѣла до чужой свободы, а они добиваются только одного—чтобы на мѣсто гнетущей ихъ матеріальной силы, поставить такую же грубую силу собственныхъ матеріальныхъ ощущеній». Ну скажи, Ваничка, откровенно мнѣ, какъ отцу, ужели ты понимаешь, что ты это такое написалъ? Какая связь между этими твоими словами объ ощущеніяхъ и о свободѣ? Вѣдь очевидно ты самъ не понимаешь, что значитъ у тебя «продуктъ взаимнаго матеріальнаго самоограниченія», «сила ощущеній, и треніе ихъ въ разныхъ организмахъ, ощущеніе, входящее въ свои предѣлы» и т. д.; и дѣйствительно все это фразы, не имѣющія смысла. Но согласись же самъ, мой дружокъ, ужели можно опровергнуть противника безсмысленными тирадами? вѣдь нѣтъ? То-то же и есть, глупенькій ты мой! Вырази коротко и ясно твое доказательство, и ты самъ увидишь его нелѣпость. «У матеріалистовъ зданіе свободы построено на физической основѣ ощущеній», слѣдовательно, заключаешь ты, они враги свободы, потому что на мѣсто грубой гнетущей ихъ силы они ставятъ силу своихъ собственныхъ матеріальныхъ ощущеній. Понимаешь теперь, что твое доказательство просто пуфъ, и я не хочу, чтобы ты скомпрометировалъ себя этимъ доказательствомъ. Грубая сила совсѣмъ не то, что сила ощущеній даже матеріальныхъ; грубой силой можно угнетать, а ощущеніями угнетать нельзя, если только ты понимаешь, что значитъ на философскомъ языкѣ ощущеніе. На ощущеніяхъ можетъ быть основана свобода такъ же хорошо, какъ и на тѣхъ основаніяхъ, какія ты придумаешь, если только придумаешь. Привязавшись къ твоимъ словамъ противникъ скажетъ тебѣ: да, я принимаю за основаніе свободы мозговые шарики; эти шарики, при извѣстныхъ дѣйствіяхъ на нихъ,

производятъ извѣстные продукты или явленія, т. е. ощущенія; если человѣкъ уважаетъ ощущенія въ себѣ, то онъ долженъ уважать ихъ и въ другихъ; онъ не можетъ насильственно уничтожить мозговыхъ шариковъ въ своихъ ближнихъ, стало быть, не долженъ насиловать въ нихъ и производимыхъ шариками ощущеній; вотъ тебѣ и основаніе для свободы. «Послѣдовательные матеріалисты, говоришь ты, если только послѣдовательность возможна, должны, въ развитіи своемъ, непремѣнно испытывать сочувствіе со всѣми грубыми матеріальными силами, дѣйствующими въ политической жизни обществъ, и составить современемъ отличный матеріалъ для полицейскаго контингента всякой деспотической власти». Ну ужь, братъ, тутъ ты очевидно фантазируешь; съ какой же стати твои противники должны сочувствовать *всѣмъ* грубымъ силамъ? Твоя правда, наши противники, по какому-то ослѣпленію, всѣ дѣйствующія силы въ мірѣ называютъ матеріальными; но они также признаютъ и различіе между разнаго рода матеріальными силами, — это я знаю навѣрное, потому что и самъ когда-то хотѣлъ заняться опроверженіемъ матеріалистовъ; однѣ силы они называютъ матеріальными и грубыми, а другія—тоже матеріальными, но не грубыми; къ тому и другому порядку силъ они относятся различно и съ неодинаковымъ сочувствіемъ. Розги и палки они считаютъ грубой матеріальной силой, а ощущенія и происходящія изъ ощущеній представленія, понятія они также считаютъ матеріальной силой, но ужь не грубой и заслуживающей гораздо большаго уваженія, чѣмъ первая. Когда ты былъ ребенкомъ, я хотѣлъ ввести въ систему твоего воспитанія розги,—каюсь тебѣ въ этомъ; и кто же меня отговорилъ отъ этого, какъ ты думаешь? матеріалистъ, ей-Богу правда. Я тогда же упрекалъ его въ непослѣдовательности; но онъ сказалъ мнѣ, что розга не относится къ тому порядку силъ, который я хочу развить въ тебѣ воспитаніемъ, и она ничего не сдѣлаетъ для твоего развитія. И такъ, мой дружокъ, ты напрасно навязываешь твоимъ противникамъ послѣдовательность, вслѣдствіе которой они будтобы должны «испытывать сочувствіе со всѣми грубыми матеріальными силами». Вѣдь и тебѣ противники могутъ навязать такую же послѣдовательность; они скажутъ: по понятіямъ идеалистовъ всѣ силы, дѣйствующія въ мірѣ, происходятъ отъ высшей идеальной силы, самыя грубыя силы проистекли изъ идеальной; идеалисты обоготворили идеальную силу; слѣдовательно они необходимо должны испытывать сочувствіе со всѣми грубыми матеріальными силами, происходящими отъ силы идеальной, и могутъ составить контингентъ и т. д. Видишь, и твои противники такъ же правы, какъ и ты; нѣтъ, братъ, брось ты это навязываніе послѣдовательности, иначе оно обрушится на твою же голову. Къ несчастію, между нашимъ братомъ, идеали-

стами, есть такіе, которые стараются внушать уваженіе къ грубой матеріальной силѣ именно посредствомъ того аргумента, который я выше вложилъ въ уста нашимъ противникамъ; ты чай самъ слыхалъ, какъ часто говорятъ идеалисты: уважай грубую силу, повинуйся ей, потому что она происходитъ отъ силы идеальной. Ну что, если твои противники подслушаютъ такія рѣчи и скажутъ, что они послѣдовательно вытекаютъ изъ твоего ученія; что ты имъ отвѣтишь? Конечно, откажешься отъ такой послѣдовательности; то же сдѣлаютъ и они съ твоею послѣдовательностью.—Вообще, Ваничка, твоя точка зрѣнія на ученіе твоихъ противниковъ не основательна. Ты не можешь понять, какимъ образомъ люди, признающіе существенно тождественными всѣ силы, могутъ относиться къ нимъ различно, одну изъ нихъ уважать, а другую нѣтъ; тебѣ даже кажется это невозможностью, или непослѣдовательностью. А между тѣмъ это вещь понятная, возможная и послѣдовательная. Я докажу тебѣ это примѣромъ. Помнишь, какъ бывало мамаша утѣшала тебя и Катю во время постовъ, которые вы строго соблюдали; она говорила вамъ, когда вы просили, чтобы вамъ дали покушать молока: погодите, дѣточки, пройдетъ постъ, придетъ праздникъ, тогда молоко сойдетъ съ неба, вы и будете его ѣсть. Наступалъ праздникъ, Катя съ удовольствіемъ ѣла молоко, воображая, что оно дѣйствительно пришло съ неба; ты ѣлъ его съ неменьшимъ удовольствіемъ, хотя и зналъ, что молоко не съ неба упало, а принесено Матреной со скотнаго двора; ты даже говорилъ объ этомъ происхожденіи молока Катѣ, и помнишь, какъ она сердилась на тебя. «На скотномъ дворѣ, лепетала она тебѣ, все грязь, да навозъ, тамъ такъ гадко, такъ дурно пахнетъ, и если оттуда молоко, такъ зачѣмъ ты ѣшь его, поди прочь, гадкій, на скотный дворъ». Тебя вѣдь не смущали такія возраженія, и ты ѣлъ же молоко. Теперь изъ химіи и физіологіи ты узналъ, что молоко дѣйствительно происходитъ изъ грязи и навоза, травка сосетъ навозъ, корова щиплетъ травку, изъ травки образуется въ ней молоко. Видишь, навозъ и молоко въ сущности одно и то же. Если бы ты представилъ это объясненіе Катѣ, и если бы она въ видѣ возраженія сказала тебѣ, что ты ставишь на ряду навозъ и молоко, испытываешь сочувствіе съ тѣмъ и другимъ, и потому вмѣсто молока долженъ ѣсть навозъ,—то ты конечно назвалъ бы ее глупенькой и не сталъ бы толковать съ нею. А между тѣмъ твои возраженія матеріалистамъ совершенно походятъ на возраженія Кати. Навозъ, — это грубая матеріальная сила, наприм. розги, палка; молоко, — это высшая матеріальная сила, ощущенія, представленія и понятія; твои противники говорятъ, что эти двѣ силы въ сущности одно и то же, какъ навозъ и молоко. Въ видѣ возраженія ты говоришь имъ: «вы испытываете сочувствіе со всѣми грубыми силами, ставите наравнѣ

розги и понятія, и потому заставляете людей вмѣсто понятій (молоко) употреблять розги и палки (навозъ)». Вотъ почему и я съ своей стороны называю тебя глупенькимъ; и ты, надѣюсь, не будешь на меня въ претензіи за это.—Ты вотъ что сдѣлай, докажи, что силы, дѣйствующія въ мірѣ, безконечно различны между собою, что матеріальныя силы до того различны отъ духовныхъ, что не имѣютъ ничего общаго между собою даже по сущности, что они проистекаютъ изъ двухъ разныхъ источниковъ, происходятъ отъ двухъ различныхъ началъ. Все свое вниманіе устреми на этотъ пунктъ, и если ты докажешь его, тогда тебѣ не будетъ надобности прибѣгать къ этимъ ненадежнымъ практическимъ выводамъ, изъ которыхъ состоитъ твоя статья, и къ этому навязыванію послѣдовательности, столь опасной для твоего ученія.—А за тѣмъ прощай; да смотри, не сердись на мои, можетъ быть, рѣзкія замѣчанія; помни, что ихъ дѣлаетъ любящій тебя твой отецъ С.

P. S. Мамаша цалуетъ тебя и посылаетъ свое родительское благословеніе «моему умнику», какъ она называетъ тебя.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Милый мой Ваничка!

Вотъ ты, братъ, каковъ у меня! не соглашаешься съ моими замѣчаніями и не отступаешься отъ своихъ доказательствъ противъ матеріализма, — это дѣлаетъ честь твоей стойкости, но не уму. Ты говоришь, что я слишкомъ требователенъ, что нельзя же придумать доказательства несокрушимаго, что люди невзыскательные повѣрятъ и твоимъ доказательствамъ и подумаютъ, что ты разбилъ на голову твоихъ противниковъ. Можетъ быть, можетъ быть; не спорю; но ты все-таки отложилъ въ сторону твою философскую полемику, и занимаешься теперь другими предметами; это дѣлаетъ честь и твоему уму. Ты прислалъ мнѣ свою новую статью и просишь моего откровеннаго мнѣнія объ ней; это опять дѣлаетъ честь тебѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣ. — Я право не знаю, въ какомъ смыслѣ нужно понимать твою статью, въ шуточномъ или серьезномъ. Если въ шуточномъ, то шутка, братъ, у тебя вышла злая и мысли, изложенныя въ твоей статьѣ, выходятъ очень юмористичны; если же въ серьезномъ, то я опять назову тебя глупенькимъ ребенкомъ, какъ ты хочешь. Въ твоей статьѣ ты доказываешь положеніе, что должно обрусить все, что соприкасается съ русскими. Положеніе очень вѣрное, и я противъ него ни слова; но мнѣ кажутся странными представляемые тобою мотивы и средства обрусиванья. Ты говоришь, германцы германизируютъ,

пруссаки прусачатъ все смежное съ ними; отчего же и намъ не обрусить того, что попало въ наши руки? «Отчего, спрашиваешь ты, мы не обрусили западный край? Отчего мы не обрусили Остзейскихъ провинцій?» А тебѣ хочется этого, спрошу я тебя? Почему же хочется? Да такъ всѣ дѣлаютъ, отвѣчаетъ твоя статья. Здѣсь я опять приведу тебѣ примѣръ изъ нашей семейной жизни. Помнишь, лѣтъ пять тому назадъ, Матрена и Палашка со слезами упрашивали мамашу, чтобъ она отпустила ихъ на волю; эти просьбы не рѣдко слыхала конечно и Катя. Я живо помню, а ты вѣроятно еще живѣе, ту сцену, какъ Катя вся въ слезахъ стала на колѣни передъ мамашей и задыхаясь заговорила: «Матрена просится на волю, Палашка просится на волю; мамашечка, душечка, отпусти и меня на волю.» Помнишь, какъ мы расхохотались при этомъ, особенно ты; ты цѣлую недѣлю не давалъ Катѣ покою твоими насмѣшками; а мамаша сама расплакалась и стала ласкать Катю. Теперь же ты долженъ хохотать надъ собою; въ твоей статьѣ высказывается такое же ребяческое желаніе, какое насмѣшило тебя у Кати. Она просилась на волю, потому что другіе просятся; ты хочешь обрусивать, потому что другіе онѣмечиваютъ; у нея подражаніе и у тебя подражаніе. Но скажу тебѣ прямо, Катя въ моихъ глазахъ гораздо выше тебя; она подражала факту, которому слѣдовало подражать; она сочувствовала требованію доброму, гуманному. Ты же, напротивъ, своимъ обрусиваніемъ подражаешь факту недоброму и злостному; ты заявляешь требованіе, совершенно противоположное гуманному требованію Кати. Если бы ты зналъ, какъ выставляемые тобою за образецъ эксперименты онѣмечиванія болѣзненно дѣйствуютъ на тѣхъ, надъ которыми они производятся, ты бы понялъ, почему я твое требованіе противополагаю требованію Кати и называю его нехорошимъ. Что въ самомъ дѣлѣ было бы хорошаго въ томъ, еслибы всѣ стали дѣйствовать такъ, какъ ты желаешь, если бы напр. татары стали отатаривать, а калмыки—окалмычивать всѣхъ, кто попадется имъ подъ руку? Понимаешь ты теперь, въ чемъ дѣло? Высказавши желаніе обрусиванья, ты долженъ былъ показать, для чего оно нужно и къ чему хорошему можетъ повести; а ты просто ограничился ссылкою на другихъ, и потомъ началъ жаловаться и плакаться на то, что у насъ нѣтъ средствъ для обрусиванія. Каждый можетъ возразить тебѣ: да зачѣмъ и эти средства, когда не доказана и не нужна необходимость самаго обрусиванія? Но посмотримъ на твои жалобы. Ты говоришь: «прежде чѣмъ обрусивать другихъ, русскимъ слѣдуетъ обруситься самимъ. Чтобы обрусить, надо быть русскимъ, а русскихъ-то между вами и нѣтъ. Есть ли у насъ русскіе, спрашиваешь ты, кромѣ простаго народа, лишеннаго всякихъ средствъ къ образованію?» И отвѣчаешь, что нѣтъ; въ до-

казательство указываешь на то, что русскіе въ значительномъ количествѣ отправляются за границу и живутъ тамъ, не смотря на то, что иностранцы выказываютъ къ нимъ презрѣніе. Свое доказательство ты заканчиваешь такой тирадой: «ни презрѣніе иностранцевъ, такъ громогласно высказавшееся недавно устами принца Наполеона, Бонжана, Генесси и другихъ, — ни оскорбленія, наносимыя ежедневно и ежечасно Русской, не только государственной, но и народной чести, всѣми органами европейской публичности, — ничто не разумѣетъ, ничто не возмущаетъ нашихъ заграничныхъ русскихъ, продолжающихъ тратить въ пользу иноземцевъ наши русскія деньги!» Чтобы увидѣть, Ваничка, до какой степени логичны твои мысли, ихъ слѣдуетъ только выразить кратко и ясно; тогда они получаютъ такой видъ: нѣмцы онѣмечиваютъ; слѣдовательно, и русскимъ нужно обрусивать; но русскихъ у насъ нѣтъ, кромѣ простаго народа; потому что нѣкоторые русскіе уѣзжаютъ за границу; иноземцы выказываютъ презрѣніе къ нимъ, а они тратятъ русскія деньги въ пользу иноземцевъ. Согласись, братъ, что логика у тебя не важная. Но это не бѣда; посмотримъ, какъ ты силенъ въ знаніи фактовъ. Какъ ты думаешь, кого больше,—русскихъ ли, живущихъ за границей, или иноземцевъ, живущихъ въ Россіи? Не правда ли, что нѣмцевъ, напримѣръ, у насъ чрезвычайно много; однако заграничные нѣмцы могутъ обходиться безъ нихъ, и, какъ ты говоришь, онѣмечиваютъ другихъ. Стало быть, и намъ можно было бы обойтись безъ заграничныхъ русскихъ и обрусивать кого слѣдуетъ; такъ, или нѣтъ? Видишь, мой дружокъ, какъ ты запутался! Далѣе, ты говоришь въ приведенной выше тирадѣ, что «всѣ органы европейской публичности наносятъ ежечасно оскорбленія русской чести». Неправда; ты значитъ не знаешь дѣла; а я тебѣ скажу, что Le Nord не наноситъ, Moniteur universel не наноситъ, Allgemeine Zeitung не наноситъ, Kreuzzeutung не наноситъ, Times не наноситъ, даже похваливаетъ Россію; если Morning Post и говоритъ иногда, что Россія не созрѣла и не способна къ самоуправленію, то этого нельзя считать оскорбленіемъ; ты вѣдь самъ раздѣляешь подобное убѣжденіе, и раздѣляютъ его нѣкоторые русскіе философы. Стало быть, ты соврался, сказавши, что всѣ органы наносятъ оскорбленіе нашей чести. Въ той же тирадѣ ты говоришь, что презрѣніе иностранцевъ къ русскимъ высказывается, между прочимъ, устами принца Наполеона. Скажи, пожалуйста, откуда ты почерпнулъ такое свѣдѣніе? Я внимательно прочитываю всѣ наши газеты и нигдѣ не встрѣчалъ подобнаго свѣдѣнія; знаю я и то, что вѣщали уста принца Наполеона; но въ его вѣщаніяхъ, правда задорныхъ — вѣдь нельзя же французу обойтись безъ задора — нѣтъ презрѣнія къ русскимъ, увѣряю тебя; для него русскіе, собственно какъ русскіе, вещь безраз-

личная. Другіе иноземные господа, можетъ быть, дѣйствительно презираютъ русскихъ; но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что русскіе не должны жить за границей, если имъ нужно тамъ жить. Вѣдь вотъ же твоя мамаша жила два года за границей, лѣчилась; а сколько твоихъ товарищей отправлено за границу учиться; зачѣмъ же ты коришь ихъ пребываніемъ за границей? Я кончилъ разборъ твоей статьи; сдѣлаю въ заключеніе одно замѣчаніе. Что ты такъ близко принимаешь къ сердцу русскую честь; не народную честь, а вообще всякую честь, все, что ты видишь у себя передъ глазами? Ты, кажется, забралъ себѣ въ голову, что ты долженъ быть адвокатомъ всего русскаго, особенно того, на что нападаютъ органы европейской публичности. Знай, мой дружокъ, что для этого у насъ есть нарочитые органы русской публичности, въ родѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Нашего Времени»; ихъ должность и назначеніе въ томъ и состоитъ, чтобы защищать то, что они обязались защищать; ихъ защита и ихъ усилія понятны. Ты же изъ-за чего хлопочешь? Или и тебя соблазняютъ почести и выгоды защитника? Нѣтъ, я ожидалъ отъ тебя, что ты будешь не адвокатомъ, односторонне смотрящимъ на дѣло и защищающимъ одну сторону, во что бы то ни стало, а безпристрастнымъ судьею, воздающимъ всѣмъ должное. Твое прошлое рыцарское бравированье, твое стремленье къ прогрессу на всѣхъ парусахъ подкрѣпляли во мнѣ такую надежду на тебя. Смотри же, Иванъ, оправдай мою надежду. Если же ты пойдешь по пути указанныхъ органовъ русской публичности, соблазнишься славой Каткова, Щебальскаго, Н. Павлова и т. п., ты, конечно, воленъ сдѣлать и это—но тогда нѣтъ тебѣ моего родительскаго благословенія на вѣки нерушимаго, и я назову тебя Хамомъ. Не подумай, что я сбиваю тебя на крайности; нѣтъ, я самъ держусь умѣреннаго образа мыслей; но знай, Ваничка, что умѣренность не есть адвокатство и защита, во что бы то ни стало. Благо тебѣ будетъ, если ты примешь къ свѣдѣнію замѣчаніе любящаго тебя отца С.

P. S. Мамаша благословляетъ тебя и цалуетъ «моего горячаго патріота», какъ она называетъ тебя по выслушаніи твоей статьи.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Милый мой Ванюшечка!

Я въ восторгѣ; я не помню себя отъ радости; я готовъ прыгать, какъ ребенокъ; я никогда не испытывалъ такого удовольствія, какое испытываю въ настоящую минуту! Я спѣшу подѣлиться имъ и съ тобою, мой сынъ. Испытывалъ ли ты когда нибудь то высокое отрадное чувство, которое охватываетъ мыслящаго человѣка, когда ему

удастся сдѣлать какое нибудь хоть неважное, хоть теоретическое открытіе, когда его внезапно озаритъ какая нибудь новая свѣтлая мысль? А я именно теперь наслаждаюсь присутствіемъ во мнѣ этого чувства. Я открылъ фактъ, или вѣрнѣе сказать, осмыслилъ фактъ, который, если только онъ подтвердится, низвергнетъ въ прахъ всѣ,—пойми ты, всѣ! теоріи нашихъ философскихъ противниковъ, матеріалистовъ. Этотъ громадный фактъ своимъ значеніемъ заинтересуетъ тебя больше всѣхъ; поэтому я тебѣ первому и говорю о немъ. Мнѣ пріятно не столько то, что осмысленный мною фактъ поразитъ нашихъ противниковъ, сколько то, что онъ намъ самимъ поможетъ уяснить истину. Фактъ этотъ сообщенъ Ждановымъ въ «Сѣверной Пчелѣ», № 81. Сердечно благодарю—благодари и ты—Жданова за сообщеніе, возблагодаримъ вмѣстѣ и «Сѣверную Пчелу» за напечатаніе сообщенія; благодари и меня, — я имѣю на это право и смѣю могу гордиться тѣмъ, что я, можетъ быть, одинъ въ цѣлой Россіи обратилъ вниманіе на сообщенный фактъ и умѣлъ понять его значеніе. Вотъ онъ:

Сѣв. Пчел.» № 81. Къ издателю «Сѣверной Пчелы». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы квартировали въ домѣ г-жи Б–ловой, которая держала, въ числѣ разной домашней птицы, и голландскихъ куръ. Замѣтивъ, что нѣкоторыя изъ этихъ куръ снесли яйца 25-го марта, мы вспомнили повѣрье, что въ сказанный день ни одна птица гнѣзда не вьетъ. Не предаваясь никогда фанатизму, какъ плохому руководителю въ явленіяхъ общественной жизни (видишь, какая раціональность), мы и здѣсь не подчинились ему, а рѣшились анализировать факты (видишь, ученый пріемъ), чтобы хотя и относительно, но повѣрить существованіе пословицы. Изъ снесенныхъ яицъ мы взяли два, замѣтили ихъ, и когда куръ посадили на яйца, для вывода цыплятъ, то подложены были эти два яйца. Одно изъ нихъ дало цыпленка съ неправильной головой и кривошею, другое оказалось болтуномъ. На слѣдующій годъ, 25-го марта, изъ всѣхъ голландскихъ куръ только одна положила яйцо; мы также его прибрали, замѣтили, и опять подвергли опыту. Цыпленокъ вывелся положительно калѣка, кривоногій и слабокрылый, ходилъ мало, больше сидѣлъ или полулежалъ... Быть можетъ, оба эти явленія суть игра прихотливой и капризной въ своей дѣятельности природы, но тѣмъ не менѣе они, эти явленія, фактически достовѣрны (замѣть хорошо). По временамъ разговаривая съ нѣкоторыми помѣщицами-домоводками и съ пріѣзжими крестьянами Виленской губерніи о сказанныхъ наблюденіяхъ, мы получили отъ нихъ отвѣтъ, что не только яйца, снесенныя дворовой птицей 25-го марта, класть въ гнѣзда, но и птицъ сажать въ этотъ день не должно; что отъ яицъ, снесенныхъ въ означенное время, дѣйствительно выводятся дѣти, негодныя ни на племя, ни на продажу, и что подобныя яйца всегда откладываются прочь, употребляются въ пищу, или вмѣстѣ съ другими продаются. Почему бы кому нибудь изъ лицъ, имѣющихъ возможность производить по-

вѣрну заявленныхъ нами фактовъ, не сдѣлать дальнѣйшихъ опытовъ? Весьма любопытно было бы узнать, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ то нарушеніе естественныхъ законовъ природы относительно процесса зарожденія птицъ въ тотъ день, о которомъ мы говоримъ?

И. И. Ждановъ.

Читая это сообщеніе, ты, можетъ быть улыбался и подумалъ, что твой отецъ спятилъ съ ума, задумавши доказывать свои философскія теоріи куриными яйцами и цыплятами. Не безпокойся, дружокъ, я въ здравомъ умѣ; онъ у меня въ настоящую минуту, можетъ быть, здравѣе, чѣмъ у тебя. Ты вѣроятно не знаешь, а я знаю, чего добиваются наши противники, и гдѣ они ищутъ неопровержимаго доказальства своихъ теорій. Они тоже начинаютъ съ куринаго яйца, въ которомъ, какъ ты знаешь, есть бѣлокъ; всѣ свои усилія, всѣ эксперименты они обращаютъ на то, чтобы искуственнымъ образомъ изъ неорганическихъ веществъ составить такой же бѣлокъ, какой есть въ яйцѣ. Если имъ удастся это сдѣлать, говорятъ они, то они въ этомъ искусственномъ бѣлкѣ будутъ имѣть непоколебимое математическое доказательство вѣрности ихъ философскихъ теорій. И это правда, я съ ними согласенъ; своимъ бѣлкомъ они нанесутъ намъ смертельный ударъ. Но не унывай, мой сынъ! если подтвердится фактъ, сообщенный Ждановымъ, то и мы въ немъ будемъ имѣть непоколебимое математическое доказательство вѣрности нашихъ теорій. И это вѣрно, съ этимъ непремѣнно согласятся и наши противники; и уродъ цыпленокъ будетъ для нихъ смертельнымъ ударомъ. Вотъ видишь, какое важное, всеобъемлющее значеніе имѣетъ куриное яйцо; отъ него зависитъ судьба двухъ философскихъ ученій; оно держитъ вѣсы нашихъ теорій: въ немъ заключается—«быть, или не быть?» для насъ и нашихъ противниковъ. Надѣюсь, ты теперь поймешь мою радость и восторгъ при чтеніи сообщенія Жданова; я думаю, что восторжествовало наше ученіе, вѣсы склонились на нашу сторону и на нашу долю досталось «быть». Я признаю фактъ, сообщенный Ждановымъ, несомнѣннымъ; хотя самъ Ждановъ желаетъ повѣрки факта, но я считаю повѣрку излишнею. Во первыхъ, Ждановъ производилъ свои опыты научнымъ образомъ, съ анализомъ и въ теченіи двухъ лѣтъ; во вторыхъ, наблюденные имъ факты подтвердили «помѣщицы—домоводки» и «пріѣзжіе крестьяне изъ Виленской губерніи». Я знаю, что показаніямъ послѣднихъ ты не захочешь повѣрить, такъ какъ они живутъ въ западномъ краѣ, который еще не совсѣмъ обрусился; но ты не имѣешь никакого основанія не вѣрить помѣщицамъ—домоводкамъ и Жданову, который говоритъ, что явленія, описанныя имъ, «фактически достовѣрны». И я признаю ихъ достовѣрность; и потому объясню тебѣ значеніе этихъ явленій. Ты знаешь, наши противники

тщеславятся знаніемъ законовъ природы и говорятъ, что эти законы неизмѣнны и непреложны, что все совершается по дѣйствію законовъ и нѣтъ ничего въ мірѣ, что могло бы остановить или видоизмѣнить ихъ дѣйствіе; что всякое явленіе совершается тогда, когда есть естественныя условія для него, и коль скоро есть эти условія, ничто не можетъ остановить явленія. Эти положенія наши противники суютъ намъ въ глаза при всякомъ случаѣ. Итакъ, мой другъ, когда ты увидишь или услышишь quasi-философа, проповѣдующаго эти положенія, ты покажи ему яйцо и скажи,—вотъ свѣжее, нормальное яйцо, въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго органическаго недостатка, вотъ и курица, которая будетъ правильно насиживать яйцо, вотъ всѣ естественныя условія для дѣйствія законовъ природы, для произведенія здороваго цыпленка, и потомъ спроси: выведется ли цыпленокъ при этихъ условіяхъ? Твой противникъ конечно отвѣтитъ, что выведется и потомъ засыпетъ тебя фразами, что законы природы неизмѣнны, что естественныя условія и причины явленія непремѣнно произведутъ явленіе и т. д. Тогда ты его останови и скажи торжественно: врешь ты, дуракъ; если я положу яйцо подъ курицу 25 марта, то изъ него не выведется цыпленокъ при всѣхъ твоихъ естественныхъ условіяхъ и законахъ; 25 марта низвергнетъ въ прахъ и посрамитъ всѣ твои естественные законы; если же они станутъ сопротивляться и захотятъ во что бы то ни стало произвести цыпленка, то ихъ сопротивленіе не удастся и цыпленокъ выйдетъ калѣка, кривоногій или кривошея. Отчего не выведется цыпленокъ, завопитъ твой противникъ, отчего же онъ будетъ калѣкой при всѣхъ нормальныхъ условіяхъ, какое вліяніе тутъ можетъ имѣть тотъ или другой день? Но ты не слушай его и на теоріи отвѣчай фактомъ; да, не выведется, или будетъ калѣкой, и не отъ чего другаго, а именно отъ извѣстнаго дня, въ который «существуетъ нарушеніе естественныхъ законовъ природы относительно зарожденія птицъ», какъ свидѣтельствуетъ Ждановъ. За тѣмъ ты уже рази своего противника прямо въ сердце и докажи ему нашимъ великимъ фактомъ, что пресловутая непреложность естественныхъ законовъ, если и не есть совершенный вздоръ, то оказывается вздоромъ въ опытахъ Жданова, что законы иногда не дѣйствуютъ и естественныя причины не производятъ дѣйствій. Конечно, все это обнаружилось только въ одномъ случаѣ съ куриными яйцами, но и одного случая достаточно для доказательства; что было въ одномъ случаѣ, то можетъ встрѣтиться и въ другихъ; вѣдь сами же наши противники очень восхваляютъ индуктивныя умозаключенія. Да, Ваничка, значеніе Ждановскаго факта громадно: я покажу тебѣ еще одну сторону его, выгодную для насъ. Наши противники большіе охотники отрицать то, чего они не понимаютъ, что несообразно съ ихъ

мнимо непреложными естественными законами; если же разскажешь имъ очевидный фактъ, дѣйствительно несообразный съ ихъ законами, то они объясняютъ его по своему съ разными уловками и натяжками. Теперь намъ представляется отличный случай посмѣяться надъ этой слабостью нашихъ противниковъ. Ты спросишь сначала,— а что мол, какъ вы думаете, имѣетъ ли 25-е марта вліяніе на процессъ зарожденія птицъ? Они незадумавшись даже съ усмѣшкой и гордостью станутъ отрицать такое вліяніе, какъ несообразное съ законами природы. Тутъ-то вотъ ты и представь имъ фактъ и опытъ Жданова, и ты увидишь, въ какое замѣшательство они придутъ сначала; затѣмъ начнутъ увертываться и придумывать свои объясненія для фактовъ. Здѣсь ужь ты можешь потѣшаться надъ ними, сколько угодно, и разбивать въ пухъ всѣ ихъ объясненія. Они могутъ сказать, что въ указанный день бываетъ какая нибудь особенная температура, препятствующая зарожденію цыпленка; ты отвѣчай имъ, что въ разные годы температура этого дня бываетъ различна, а между тѣмъ день производитъ одинаковое вліяніе на яйца, значитъ это вліяніе зависитъ не отъ температуры; кромѣ того въ предшествующіе и послѣдующіе дни температура бываетъ такая, какъ и 25 марта, однако же дни эти не дѣйствуютъ на яйца. Затѣмъ ты просто можешь закидать противниковъ вопросами: яйца ли знаютъ о томъ, въ какой день ихъ кладутъ подъ курицу, или сама курица знаетъ это? если послѣднее, то какимъ образомъ курица знаетъ, что въ извѣстный день 25-е марта, и сообразно съ этимъ неправильно насиживаетъ яйцо? и откуда она узнаетъ это, изъ календаря что ли? (тутъ ты можешь поставить остроумную шпильку противникамъ, пользуясь тѣмъ, что они смѣшиваютъ человѣка съ животнымъ) должно быть, изъ календаря; вѣдь по вашему курица то же, что и человѣкъ, значитъ и она, подобно ему, можетъ читать календарь? За тѣмъ ты можешь сдѣлать вопросъ еще остроумнѣе: по какому же стилю курица считаетъ числа, по старому, или по новому? Такимъ образомъ, при извѣстной ловкости, ты можешь посрамить всѣ объясненія противниковъ, довести ихъ до того, что они сами сознаются въ невозможности объяснить ихъ теоріями нашъ фактъ, противорѣчащій ихъ теоріямъ. Затѣмъ ужь нечего и толковать о томъ, что должно уступать, — фактъ ли теоріи, или теорія факту; и противники наши поражены. Ихъ убило 25-е марта; ихъ убило то, что яйца, положенныя подъ курицу въ этотъ день, не даютъ цыплятъ, или даютъ калѣкъ. — А вотъ что, братъ; послѣдній вопросъ предложенный мною въ шутку, навелъ меня на серьезную мысль; въ самомъ дѣлѣ, какъ Ждановъ производитъ свои опыты, по старому, или по новому стилю? Это нужно узнать; ну, такъ мы съ тобой на слѣдующій годъ, если будемъ живы, повторимъ его опыты въ гро-

мадныхъ размѣрахъ и притомъ по старому и по новому стилю. Если окажется, что явленіе, открытое Ждановымъ, совершается по старому стилю, тогда, ты не можешь себѣ представить, какъ это будетъ ни-но даже для твоей теоріи обрусиванія; тогда самыя явленія природы подтвердятъ вѣрность и естественность нашего русскаго стиля.

Ну, скажи на милость, воображалъ ты, что такой, по видимому, ничтожный фактъ, какъ насиживаніе яицъ, имѣетъ такое громадное всеобъемлющее значеніе; онъ подтверждаетъ не только философскія, но и другія твои любимыя теоріи. Преклонись же съ благоговѣніемъ предъ этимъ фактомъ и благодари меня за его объясненіе; видишь, и отцы могутъ кое-что дѣлать и развивать порядочныя мысли; бросьте вы, дѣти, свою спѣсь предъ нами, отцами. Это впрочемъ не относится къ тебѣ лично; ты всегда относился съ уваженіемъ ко мнѣ. Прощай; будь здоровъ; напиши же мнѣ, согласенъ ли ты съ содержаніемъ настоящаго моего письма. — Твой отецъ С.

МОСКОВСКІЯ ПѢСНИ ОБЪ ИСКУШЕНІЯХЪ И НЕВИННОСТИ.

I.

Не искушай ты меня!
И безъ того я ужь слабъ!
Ласку всѣмъ сердцемъ цѣпя,
Я и безъ денегъ твой рабъ!
Не искушай же меня!
И безъ того ужь я слабъ!

Если жь ты хочешь помочь,
Хочешь субсидію дать,
То приходи нынче въ ночь:
Ночью ни зги не видать...
Не искушай ты меня!
И безъ того я ужь слабъ!

Днемъ, какъ-то совѣстно мнѣ,
Днемъ, «Современникъ» не спитъ!
Стыдно мнѣ! весь я въ огнѣ,
Сребренникъ руки палитъ!
Не искушай ты меня!
И безъ того я ужь слабъ!

Ночью жь хотя и темно —
Свѣтъ будетъ въ нашихъ сердцахъ;
Въ ночь, и красивѣе мудрено
Дремлетъ и совѣсть въ потьмахъ!
Не искушай ты меня!
И безъ того я ужь слабъ!

Я принесу свой журналъ,
Преданной полонъ сулемы,
Ты жь принесешь капиталъ,
И обмѣняемся мы...
Я принесу свой журналъ,
Ты жь принеси капиталъ!

И разбѣжимся сейчасъ...
Будемъ бѣжать до утра!
Только боюсь я, какъ разъ —
Ну, какъ въ карманѣ дыра!
Я принесу свой журналъ,
Ты жь принеси капиталъ!

Что, если эта дыра?
Что, если сей капиталъ?
Буду искать до утра,
Не поручусь, чтобъ сыскалъ!
Я принесу свой журналъ,
Ты жь принеси капиталъ!

Ты согласишься ль тогда
Мнѣ возвратить мой покой?
Или же молвишь мнѣ: да!
Братъ! не падуешь дырой!
Братъ! не падуешь дырой!
Хоть и съ дырой, а все пой!

II.

ГИМНЪ ПУБЛИЦИСТОВЪ.

Мы говорили: мы согласны,
Но надо жь насъ и поддержать!
Теперь ужь дни не такъ-то ясны!
Продукты стали дорожать!

Намъ говорили: вы прекрасны,
И мы не прочь васъ наградить;
Не пропадетъ вашъ трудъ напрасно,
Но сколько жь дать? но сколько жь дать?

Мы говорили: мы довольны
Крупицей малой отъ стола,
Намъ по плечу тулупъ нагольный:
Не для красы, а для тепла!

Намъ говорили: это больно!
Мысль ваша слишкомъ не смѣла!
Боимся мы, чтобы невольно,
Съ своей хламидою нагольной,
Она въ трущобу не зашла!

Мы говорили: публицисту,
Чтобы не спали тѣлеса,
Не много нужно: воду чисту
Да сѣна клокъ... чуть-чуть овса...

Нѣтъ спора, яры пигилисты,
Свирѣпы, страхъ, ихъ голоса!
Они здоровы, мускулисты,
Но намъ помогутъ небеса!

Намъ говорили: силы неба
Полезно принимать въ разсчетъ...
Но воинъ, съѣвъ краюшку хлѣба,
Всегда ходчѣе въ бой течетъ!

И если съ вами, дѣти Феба,
Случится скверный анекдотъ,
Не говорите намъ: тебѣ бы
Подумать надобно впередъ!

Мы говорили: такъ позвольте
Намъ предварительно пропѣть,
И если скверно, такъ увольте:
Мы все готовы претерпѣть!

Намъ говорили: ну, извольте!
Всѣ разомъ! громче! не сопѣть!

Мальчишкамъ наглымъ не мирвольте:
Сопѣть — еще не значитъ пѣть!

Остались пробою довольны,
Замѣтили кой-что не такъ,
Одѣли насъ въ тулупъ нагольный,
Пожаловали четвертакъ!

И съ этихъ поръ, въ хламидѣ скверной,
Не скрывшей даже наготы,
Стоимъ мы крѣпко, служимъ вѣрно,
Поемъ сподрядъ всѣ страмоты!

III.

ЭЛЕГІЯ.

Страшно! нѣтъ голоса больше уныльнаго!
Ясность души промоталъ!
Встанетъ Граповскій изъ плѣна могильнаго,
Спроситъ: гдѣ взялъ капиталъ?

Цѣлую ночь въ болтовнѣ провожаючи,
Я съ бюрократами пилъ!
И не взначай имъ невинность, играючи,
Кажется, я подарилъ!

Слабое сердце плѣнилось манерами,
Ядомъ французскихъ рѣчей,
Голосомъ ласковымъ, строгими мѣрами...
Не устоять — хоть убей!

Страшно! что, если connubio мрачное
Горькій свой плодъ принесетъ?
Встрѣтитъ ли почву готовую, злачную
Иль безъ слѣда пропадетъ?

Что-то случится? Антихриста ль злобнаго,
Иль эѳіопа рожу?
Или Л...ва злаго, трехпробнаго?...
Весь-то дрожу я, дрожу!

IV.

Въ головѣ все страхъ да бредни!
Весь покой свой растерялъ!
Грежу даже у обѣдни:
Унесутъ мой капиталъ!
Капиталъ тотъ, что намедни
Съ страшной клятвой, что послѣдній,
Поддержать чтобъ мой журналъ,
Подарилъ мнѣ генералъ!

И болтливъ же я не въ мѣру!
Даже дѣтямъ разсказалъ,
Что всѣмъ прочимъ для примѣру
Получилъ я капиталъ!
Капиталъ тотъ, что на вѣру,
За прекрасную манеру,
За прекрасный мой журналъ
Подарилъ мнѣ генералъ!

И шепталъ онъ мнѣ, вручая:
Сохрани сей капиталъ,
Въ немъ таится сила злая,
Хоть объемомъ онъ и малъ!
Охъ боюсь, чтобъ, картъ алкая
И субсидіей играя,
Ты ея не проигралъ!
Такъ шепталъ мнѣ генералъ...

И, изрыгнувши проклятье,
Мелочь на полъ онъ бросалъ...
Вздумалъ руку лобызать я —
Ужь плевалъ же онъ! плевалъ!
Но успѣлъ поцаловать я,
Хоть изгадилъ онъ мнѣ платье!
«Я не думалъ, чтобъ ты взялъ!»
Такъ, сквозь слезы, онъ шепталъ!

Съ той поры, взыгравъ душою,
Я на карты не взиралъ;

Мучимъ преданностью злою,
Все языкъ свой изъязвилъ!
Обкормлю всѣхъ сулемою!
Восклицалъ я (чтожь, не скрою),
Будетъ разомъ всѣмъ финалъ!
Спи спокойно, генералъ!

Но наказанъ я ужасно!
Я того не разсчиталъ:
Не могу же я всечасно
Стеречи свой капиталъ!
Отойти — боюсь, опасно!
Не предвидѣлъ, чтобъ такъ страстно
Взоръ домашнихъ проницалъ
Всюду, гдѣ бы я ни клалъ
Подаренный капиталъ!

И съ тѣхъ поръ, все страхъ да бредни!
Весь покой я растерялъ!
Грежу даже у обѣдни:
Унесутъ мой капиталъ!
Капиталъ тотъ, что намедни,
Съ страшной клятвой, что послѣдній,
Поддержать чтобъ мой журналъ,
Подарилъ мнѣ генералъ!

МИХ. ЗМІЕВЪ-МЛАДЕНЦЕВЪ.

НЕБЛАГОВОННЫЙ АНЕКДОТЪ О Г. ЮРКЕВИЧѢ

ИЛИ ИСКАНІЕ РОЗЫ БЕЗЪ ШИПОВЪ.

Недавно московскія газеты оповѣстили о необыкновенномъ происшествіи, случившемся въ столичномъ городѣ Москвѣ. Героемъ происшествія былъ г. профессоръ философіи, Юркевичъ, жертвою его — неизвѣстный матеріалистъ. Извѣстно, что нынѣшнимъ постомъ г. Юркевичъ предположилъ себѣ прочесть московской публикѣ популярный курсъ философіи; извѣстно также, что въ этихъ лекціяхъ онъ преимущественно казнитъ матеріалистовъ и приводитъ въ неописанный восторгъ всѣхъ прихожанъ Николы Явленнаго, Спиридонія, Стараго Вознесенія и т. д. Причину этихъ восторговъ разъяснить совсѣмъ не трудно. Нынче въ Москвѣ вовсе нѣтъ хорошихъ нѣм-

чихъ, да нѣтъ интересныхъ служителей, какъ прежде бывало, что иное слово проглотитъ, а другое протянетъ, или выйдетъ къ народу и въ то же время обращается къ дамамъ посредствомъ французскаго діалекта; слѣдовательно, прежнія увеселенія сдѣлались скучными. Все это замѣнилъ теперь отчасти г. Юркевичъ своими философскими лекціями, отчасти г. Лонгиновъ своими представленіями чревовѣщанія и восточной магіи въ обществѣ любителей РусскойСловесности:—понятно, что все это должно казаться московской публикѣ charmant, хотя нѣкоторые старики и толкуютъ себѣ втихомолку, что у Семіона Столпника все-таки не въ примѣръ благолѣпнѣе бывало. Не смотря, однакожь, на общее увлеченіе лекціями г. Юркевича, нашлись и недовольные ими. Московскія газеты удостовѣряютъ, что эти недовольные суть тѣ самые матеріалисты, которыхъ г. Юркевичъ, на живописномъ и нѣсколько простодушномъ своемъ языкѣ, называетъ «безголовыми»; я же съ своей стороны подозрѣваю, что это чуть ли не тѣ вздыхающіе о Семіонѣ Столпникѣ старички, которые на сей разъ переодѣлись матеріалистами. Какъ бы то ни было, но одинъ изъ этихъ «безголовыхъ» баловниковъ написалъ къ г. Юркевичу письмо, въ которомъ угрожалъ ему, если онъ будетъ продолжать нападки на Бюхнера, подвергнуть его освистанію.

Такъ разсказываютъ объ этомъ дѣлѣ М. Н. Лонгиновъ и И. С. Аксаковъ. Въ публикѣ, по прочтеніи ихъ статей, остается впечатлѣніе, что г. Юркевичъ — нѣчто въ родѣ русскаго Наполеона III, учреждающаго государственный нарядъ, а неизвѣстный матеріалистъ (или старичокъ, переодѣвшійся матеріалистомъ) — нѣчто въ родѣ Орсини, государственный нарядъ ниспровергающаго.

Но не такъ передаетъ дѣло какой-то москвичъ, написавшій объ этомъ происшествіи статью въ «Очеркахъ», блаженной памяти. Онъ говоритъ, что 9 марта г. Юркевичъ, взойдя на каѳедру, объявилъ, что хотѣлъ было читать о чувствахъ, но на дняхъ получилъ нѣсколько анонимныхъ писемъ, на которыхъ считаетъ не лишнимъ остановиться. Отрывки изъ одного письма онъ дѣйствительно прочиталъ тутъ же, а изъ отрывковъ этихъ явствовало, что неизвѣстный не удовлетворенъ доказательствами профессора противъ матеріализма; что профессоръ не былъ въ состояніи, напримѣръ, объяснить, почему нѣкоторые поврежденный мозгъ не мыслятъ, и почему въ то же время новорожденныя дѣти, одаренныя мозгомъ, также не могутъ, однакожь, мыслить. Въ заключеніе, неизвѣстный выражалъ надежду, что г. Юркевичъ прекратитъ чтеніе своихъ лекцій, такъ какъ, при подобной слабости доказательствъ, онъ можетъ возбудить неудовольствіе слушателей, которое, пожалуй, выразится и свистками. Черезъ нѣсколько времени неизвѣстный напечаталъ свое письмо къ г. Юркевичу; се-

держаніе письма дѣйствительно согласно съ показаніями статьи въ «Очеркахъ». Въ письмѣ говорилось г. Юркевичу: «въ вашихъ лекціяхъ много лжетолкованій и нелѣпостей, для опроверженія коихъ нужно столько же лекцій. Чѣмъ можете вы оправдать хоть сколько нибудь ваши циническіе отзывы о матеріалистахъ? Ничѣмъ. Если и матеріалисты ошибаются, то и вы несвободны отъ ошибокъ. Потому имѣю честь предупредить васъ, м. г., если въ слѣдующихъ лекціяхъ вы не оставите цинизмъ, не будете съ достоинствомъ относиться къ матеріалистамъ, то услышите уже не шиканье, а свистки».

Понятно, что это письмо должно было огорчить г. Юркевича, и вопросъ заключается только въ томъ, какъ должно было выразиться у него это огорченіе. Еслибъ онъ заплакалъ — онъ показалъ бы себя чувствительнымъ человѣкомъ, но не философомъ; еслибъ онъ принялся опровергать «незвѣстнаго» — онъ выказалъ бы недостатокъ душевной стойкости, которая именно въ томъ и состоитъ, чтобы оставлять возраженія безъ отвѣта; еслибъ онъ вздумалъ издѣваться надъ анонимнымъ письмомъ — онъ опять-таки показалъ бы себя слизуномъ, но не философомъ. Однимъ словомъ, г. Юркевичу необходимо было поступить какъ философу — онъ такъ и поступилъ. То есть, онъ повторилъ публикѣ зады, а того, почему люди, имѣющіе поврежденный мозгъ, не мыслятъ, а только ругаются, все-таки не доказалъ, и, въ досадѣ на самаго себя, назвалъ Бюхнера глупцомъ... И затѣмъ, продолжаетъ корреспондентъ «Очерковъ», свернувъ читанное имъ письмо и кладя его въ карманъ, онъ съ улыбкою прибавилъ, обращаясь къ публикѣ: «а изъ письма этого я въ правѣ сдѣлать такое употребленіе, какое найду пригоднымъ». Эти слова, прибавляетъ корреспондентъ, сказанныя въ присутствіи почти полной аудиторіи, въ которой находилось болѣе $^1/_3$ дамъ и дѣвицъ, къ удивленію нашему, получили одобренія: посыпались аплодисменты, и увы! аплодировалъ усердьемъ образомъ даже редакторъ одной почтенной газеты московской.

Есть рѣчи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать не возможно...

Такимъ именно значеньемъ полна приведенная вами рѣчь г. профессора. Для разъясненія этихъ таинственныхъ словъ необходимо было бы знать на какомъ языкѣ, на «языкѣ ли физіологовъ, или психологовъ» произнесъ г. Юркевичъ эти слова, и потомъ сдѣлалъ ли онъ, произнося ихъ, какой нибудь соотвѣтственный жестъ, т. е.

приблизилъ ли руку къ желудку (въ знакъ того, что страдаетъ хроническимъ недугомъ), или откинулъ ее какъ нибудь назадъ. Корреспондентъ «Очерковъ» объ этомъ умалчиваетъ, но, вѣроятно, мы скоро будемъ свидѣтелями страстной и оживленной полемики по этому предмету. «Наше Время» будетъ доказывать, что сдѣлалъ («Наше Время» эти жесты любитъ), и слѣдовательно, произнесъ слова на языкѣ физіологовъ; «День» будетъ ссылаться на очевидца, что не сдѣлалъ («День» цѣломудренъ) и что слова сказаны на языкѣ психологовъ; «Московскія Вѣдомости» будутъ колебаться между цѣломудріемъ и тайною мыслью: «а вѣдь хорошо, что онъ это сдѣлалъ!»; «Русскій Вѣстникъ» будетъ убѣждать, что ничего въ томъ необыкновеннаго нѣтъ, что сдѣлалъ, что это вообще жестъ, свойственный всякому философу, и что слова сказаны на языкѣ физіологовъ и психологовъ вмѣстѣ.

Я, признаюсь заранѣе, держу въ этомъ случаѣ сторону того мнѣнія, которое имѣетъ выразить «Наше Время». Во первыхъ, въ такомъ дѣлѣ нѣтъ судьи болѣе компетентнаго, какъ этотъ почтенный журналъ, а во вторыхъ, мнѣ прежде всего представляется вопросъ: если бы г. Юркевичъ не дѣлалъ жеста, и говорилъ на языкѣ психологовъ, то съ какой же стати московская публика осыпала бы его такими восторженными рукоплесканіями? съ какой стати дамы, даже дамы приняли бы участіе въ этомъ спиритуалистическомъ торжествѣ? (*)

Что московскія дамы впечатлительны, въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться лично, присутствуя на одной изъ лекцій г. Юркевича, которую онъ посвятилъ толкованію сновъ. Покуда онъ объяснялъ, что «сознаніе, въ этомъ разѣ, носится на волнахъ душевнаго настроенія», дамы только благоговѣли, но когда онъ, въ подкрѣпленіе этого положенія на волнахъ душевнаго настроенія, сталъ говорить, что если видишь во снѣ воду, то это значитъ, что тебя душитъ мокрота, а если видишь во снѣ пожаръ, то это значитъ, что у тебя гдѣ нибудь воспаленіе,—лица дамъ замѣтно оживились (значитъ, чувствуютъ!). И еще болѣе оживленія замѣтно было, когда профессоръ, въ доказательство силы, какую можетъ имѣть воображеніе, привелъ, что слабая дѣвица, которая обыкновенно не можетъ пройти и полверсты, чтобы не изнемочь отъ усталости, на балу незамѣтно въ одинъ вечеръ выплясываетъ нѣсколько нѣмецкихъ миль. Слушая это, дѣвицы даже съ

(*) Чего смотрѣлъ И. С. Аксаковъ, постоянно посѣщающій лекціи г. Юркевича? какъ допускалъ онъ почтеннаго профессора до такого страннаго жеста? Чего смотрѣлъ И. С. Аксаковъ? Какъ допустилъ онъ, что въ числѣ рукоплещущихъ былъ и какой-то «редакторъ одной почтенной московской газеты?» Чего смотрѣлъ И. С. Аксаковъ? *Прим. ред. «Современника».*

изумленіемъ переглянулись между собою («ma chere!»), и по всей аудиторіи пронеслась какая-то невинная, легкая веселость...

Слѣдовательно, если и дамы участвовали въ рукоплесканіяхъ, то, нѣтъ сомнѣнія, что было что нибудь образное.

Но того, что однажды уже совершилось, никакъ нельзя сдѣлать несовершившимся, — это афоризмъ, котораго не отвергнулъ бы даже Кузьма Прутковъ. Съ граціей ли совершилъ свой подвигъ г. Юркевичъ, или безъ граціи (я думаю, что съ граціей), жестоко ли онъ поразилъ имъ матеріалистовъ или не жестоко (я думаю, что не жестоко) — это не можетъ быть предметомъ настоящей статьи, во первыхъ, потому что это личное дѣло г. Юркевича, а во-вторыхъ, потому что «Свистокъ» вообще не занимается поступками, отъ которыхъ пахнетъ. «Свистокъ», какъ извѣстно, имѣетъ слабость вездѣ отыскивать «вопросы», и, отыскавши таковые, неутомимо предаваться разработкѣ ихъ.

На этотъ разъ, вопросъ заключается въ томъ, имѣлъ ли г. Юркевичъ право и основаніе поступить такъ, какъ онъ поступилъ?

Мнѣ кажется, что для разрѣшенія этого вопроса вовсе нѣтъ надобности прибѣгать къ пространнымъ толкованіямъ ни о разумно-свободной человѣческой волѣ, ни о самодѣятельности человѣческой души. Поступкомъ своимъ г. Юркевичъ блистательно опровергъ самого себя и разъ навсегда доказалъ, что, во время совершенія его, душа его положительно бездѣйствовала. Душа человѣческая есть нѣчто тонкое, эѳирное и притомъ дѣйствующее независимо даже отъ поврежденія мозга, а тѣмъ болѣе отъ поврежденій желудочныхъ. Душа мыслитъ, но мыслитъ, такъ сказать, мысли возвышенныя, а не такія, которыя могутъ засорять желудокъ. Душа требовала, чтобы г. Юркевичъ доказалъ, почему она мыслитъ независимо отъ поврежденія мозга, желудокъ, напротивъ того, требовалъ доказать, почему онъ мыслитъ независимо отъ душевнаго поврежденія. Побѣдителемъ остался желудокъ, — и что же можно сказать, чѣмъ разрѣшить эту странную прю? Можно только сказать словами самого г. Юркевича, что «въ этомъ разѣ сознаніе его посилось на волнахъ не столько душевнаго, сколько желудочнаго настроенія».

Слѣдовательно, не здѣсь, не въ свободно-разумной волѣ, не въ самодѣятельности человѣческой души нужно искать разъясненія загадки... Человѣческая душа ничего подобнаго измыслить не можетъ.

Этого разъясненія слѣдуетъ искать въ чрезвычайной исправности профессорскихъ нервовъ, передающихъ желудку получаемыя ими внѣшнія ощущенія. Откуда, въ этомъ разѣ, получаютъ нервы ощущенія? отъ внимающей профессору публики. Какое, въ этомъ разѣ, должно быть произведено въ желудкѣ впечатлѣніе вслѣдствіе переданныхъ

нервами ощущеній? впечатлѣніе о степени развитія внимающей профессору публики, развитія, выражающагося отчасти въ благоговѣніи, а отчасти въ сонливости, когда идетъ рѣчь о ношеніи сознанія на волнахъ душевнаго настроенія, и въ легкой веселости, когда дѣло касается дѣвицы, протанцовавшей въ одинъ вечеръ нѣсколько нѣмецкихъ миль. Профессоръ, въ этомъ разѣ, есть не что иное, какъ зеркало внимающей ему публики, и сознаніе его носится на волнахъ не собственнаго его профессорскаго душевнаго настроенія, а на волнахъ душевнаго настроенія публики.

Съ своей стороны, ту же самую исправность нервной системы примѣчаемъ мы и въ публикѣ. Ея нервы получаютъ ощущенія отъ говорящаго передъ нею профессора, и передавая эти ощущенія куда слѣдуетъ, производятъ тамъ впечатлѣніе о нравственномъ образѣ того же говорящаго передъ нею профессора. Стало быть, публика, въ этомъ разѣ, представляетъ собой нѣкоторое духовное зеркало, въ которомъ глядится самъ профессоръ, и сознаніе ея носится не столько на волнахъ собственнаго ея душевнаго настроенія, сколько на волнахъ душевнаго настроенія г. профессора.

Многіе, быть можетъ, замѣтятъ мнѣ, что у меня «духовное настроеніе» перемѣшивается съ «настроеніемъ желудочнымъ», и что я этимъ самымъ доказываю, что не усвоилъ еще себѣ истинной философской терминологіи. Но я увѣренъ, что, размысливши хорошенько, читатели сами найдутъ, что въ этомъ дѣлѣ строгое различеніе самодѣятельности желудка отъ самодѣятельности души не только затруднительно, но даже просто невозможно. Нѣтъ сомнѣнія, что въ основаніи всей кутерьмы лежитъ самодѣятельность желудка, но все-таки какъ-то кажется, будто и душа тутъ не прочь поучаствовать. Можетъ быть, это отъ того мнѣ кажется, что я еще не отвыкъ отъ предразсудковъ, что настоящая философская терминологія еще недостаточно выработалась, но какъ-то легче становится на душѣ, когда это слово лишній разъ скажешь.

И такимъ образомъ, публика и профессоръ, получая другъ отъ друга ощущенія и впечатлѣнія, находятся, такъ сказать, въ безпрерывномъ взаимномъ соотвѣтствіи. Профессоръ сдѣлаетъ усиліе—публика рукоплещетъ ему; вслѣдствіе этого, профессоръ усугубитъ усиліе, а публика, разумѣется, усугубитъ рукоплесканія. Сочувствіе публики поднимаетъ уровень душевнаго настроенія профессора и на оборотъ. Тутъ публика равна профессору, профессоръ равенъ публикѣ, нуль равенъ нулю...

Еслибъ г. Юркевичъ былъ спиритуалистомъ дѣйствительнымъ, онъ не толковалъ бы снова посредствомъ накопленія мокротъ, онъ не изъялъ бы изъ сферы душевной самодѣятельности цѣлой области своихъ,

области, въ которой этой самодѣятельности представляется наиболѣе простора и независимости; наконецъ, онъ не сказалъ бы, что сдѣлаетъ изъ бумажки, на которой написано возраженіе его антагониста, извѣстное ему употребленіе. Если онъ все это допускаетъ, то этимъ самымъ доказываетъ, что онъ матеріалистъ, и притомъ матеріалистъ есьма дешеваго свойства, матеріалистъ въ родѣ тѣхъ, которые наивно полагаютъ, что матеріализмъ заключается въ обжорствѣ, половыхъ отправленіяхъ и въ приготовленіяхъ къ тому процессу, о которомъ онъ такъ остроумно намекнулъ въ своей лекціи.

Съ другой стороны, еслибъ передъ г. Юркевичемъ была другая публика, менѣе зараженная матеріализмомъ дешевымъ, то она не поощрила бы профессора. Не найдя сочувствія своей выходкѣ, профессоръ, конечно, только пискнулъ бы и покраснѣлъ. Быть можетъ, онъ принялся бы за возраженія своего противника, быть можетъ, онъ и доказалъ бы ихъ опрометчивость, ибо кто же знаетъ, какая мысль носится у г. Юркевича на волнахъ душевнаго настроенія? А теперь вотъ, сложилъ бумажку да и думаетъ, что вконецъ поразилъ своего противника!

Увы! тутъ всѣ правы! правъ г. Юркевичъ, ищущій популярности посредствомъ складыванья бумажки, и права публика, поощряющая такія исканія популярности посредствомъ складыванья бумажки. Правъ даже редакторъ «одной почтеной московской газеты», принимающій участіе въ рукоплесканіяхъ. Всѣ они, изъ своего міросозерцанія, не вынесли ничего инаго, кромѣ хладнаго озлобленія, всѣ они еще насквозь пропитаны тѣмъ страшнымъ потомъ ненависти, который, будучи неопрятнымъ самъ по себѣ, заражаетъ тою же неопрятностью и все то, до чего онъ хотя случайно прикоснется...

Впрочемъ, «Свистокъ» обратилъ вниманіе на исторію, случившуюся съ г. Юркевичемъ, еще и потому, что въ этой исторіи замѣшанъ свистъ, на счетъ котораго существуетъ въ нашемъ обществѣ много самыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ. Одинъ изъ такихъ предразсудковъ высказался по поводу исторіи съ г. Юркевичемъ, и «Свистокъ» считаетъ себя обязаннымъ разъяснить и доказать нелѣпость этого предразсудка.

Всякій человѣкъ, начиная отъ самаго глубокомысленнаго философа и оканчивая самымъ легкомысленнымъ фельетонистомъ, стремится къ благу и блаженству, къ достиженію того, что на философскомъ языкѣ называется высшими удовольствіями жизни, а на языкѣ поэтическомъ—цвѣтами и розою жизни. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго и предосудительнаго въ томъ, что и г. Юркевичъ обнаружилъ такое же стремленіе. Для человѣка мыслящаго высокое удовольствіе заключается въ проповѣди и распространеніи своихъ идей.

Это удовольствіе доставилъ себѣ и г. Юркевичъ, устроивши свои публичныя лекціи. Ничего не можетъ быть отраднѣе для человѣка той минуты, когда онъ занимается пораженіемъ своего противника на публичной аренѣ, въ виду многочисленнаго сонма зрителей; и такой отрады вкусилъ г. Юркевичъ, поражая своихъ противниковъ на публичныхъ лекціяхъ. Кромѣ этихъ абсолютныхъ благъ жизни, есть еще блага условныя и въ числѣ ихъ послѣднее мѣсто занимаютъ благородные, но презрѣнные металлы,—предметъ стремленія всѣхъ людей. И это общечеловѣческое стремленіе, индивидуализировавшись въ г. Юркевичѣ, достигло своего осуществленія при чтеніи имъ публичныхъ лекцій; 10 лекцій стоили 10 руб. сер.; одна лекція отдѣльно 1 р. 50 к. А наконецъ, кто не знаетъ, какъ соблазнительна и упоительна слава, и какъ сильно въ каждомъ индивидуумѣ желаніе славы! Публичныя лекціи увѣнчали наконецъ г. Юркевича и славой; шумныя одобренія, бурныя рукоплесканія, хвалебныя клики и возгласы,—все это смѣшалось, переплелось и въ видѣ славнаго вѣнца украсило чело философа. Кромѣ того, въ славѣ г. Юркевича была еще одна особенность, которая дѣлала ее еще болѣе сладостной; его лекціи слушали прекрасныя, юныя созданія, цвѣтъ человѣческаго рода. Возьмите самаго холоднаго философа, съ самымъ черствымъ сердцемъ, и тотъ способенъ наслаждаться идеей красоты, выражающейся въ прекрасномъ женскомъ образѣ, и онъ невольно залюбуется милымъ юнымъ созданьемъ женскаго пола. Представьте же себѣ послѣ этого, какое удовольствіе видѣть съ высоты каѳедры цѣлые десятки такихъ созданій, «начиная съ 13 лѣтняго возраста», наблюдать, какъ искрятся восторгомъ ихъ прекрасные глазки, обращенные на васъ, какъ изъ ихъ розовыхъ полуоткрытыхъ устъ вылетаютъ похвальныя восклицанія, адресуемыя вамъ, созерцать наконецъ, какъ они своими маленькими миленькими ручками, затянутыми въ нѣжнѣйшія перчаточки, хлопаютъ и рукоплещутъ вамъ! А г. Юркевичъ именно все это видѣлъ, наблюдалъ и созерцалъ; онъ, такъ сказать, весь осыпанъ былъ розами. Можно ли найти человѣческое, даже философское сердце, которое не растаяло бы при видѣ такой славы. И г. Юркевичъ дѣйствительно растаялъ; онъ упоенъ былъ своею славой, и въ упоеніи, небрежно бросился на ложе славы, устроенное изъ розъ, — и вдругъ, вскочилъ съ него съ такою поспѣшностью и неловкостью, которыя бы сдѣлали смѣшнымъ самаго обыкновеннаго смертнаго, и которыя солидному философу придали рѣшительно комическій видъ. О, философъ! ты забылъ, что роза имѣетъ шипы, и за это забвеніе ты наказанъ; они укололи тебя, и ты подскочилъ, какъ школьникъ, и сталъ невольно дѣлать комическіе жесты и гримасы. Справедливо древнее изреченіе, что слава есть дымъ; отъ дыма славы угорѣлъ г.

Юркевичъ, онъ вообразилъ, что онъ уже окончательно сразилъ своихъ противниковъ, подумалъ, что все, что онъ ни скажетъ, будетъ встрѣчено рукоплесканіями. Вслѣдствіе этого онъ сталъ обращаться съ противниками ужь слишкомъ безцеремонно и сталъ говорить все, что попало, не заботясь о философской основательности. Но слава, какъ и роза, имѣетъ шипы; среди рукоплесканій послышалось шиканье, а потомъ явилось пророчество, предсказывавшее свистки и свистъ. Философъ, уколотый забытыми имъ шипами, растерялся, потерялъ философскую солидность и заговорилъ вовсе нефилософскія рѣчи, и такія, которыя едва ли употребляются даже въ балаганныхъ нефилософскихъ произведеніяхъ.

Тутъ-то явились на помощь философу друзья его и принялись вырывать шипъ, вонзившійся въ ихъ друга, бросились на анонимное письмо и въ особенности на свистъ, упоминавшійся въ немъ, и старались выставить послѣдній въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Свистъ, говорили одни, есть насиліе чужаго убѣжденія, стѣсненіе свободы мнѣнія; свистъ и шиканье, говорили другіе, это интимидація, свойственная врагамъ всякой свободы мнѣнія. «Все наше горе, разсуждали поклонники философа, состоитъ въ преобладаніи у насъ элемента внѣшняго принужденія, въ отсутствіи уваженія къ свободѣ мнѣнія,— и вотъ молодое поколѣніе является поборникомъ того же самого принудительнаго принципа, принципа грубой силы, только въ другой формѣ...» т. е. въ формѣ свиста. Вотъ видите, свистъ представляется умамъ друзей философа, какъ орудіе насилія, стѣсненія, принужденія, какъ форма грубой силы, уничтожающей свободу мнѣнія; бѣдный свистъ, какъ тебя обижаютъ! Это-то понятіе о свистѣ и есть нелѣпый предразсудокъ, который къ сожалѣнію коренится во многихъ односторонніхъ умахъ. Когда-то г. Чичеринъ во время проповѣди своего ученія слышалъ свистъ; этотъ свистъ онъ самъ и его единомышленники принимали за подавленіе свободы мнѣній. Г. Костомаровъ тоже когда-то стоя на каѳедрѣ долженъ былъ выслушать свистъ; и по этому поводу многіе напали на свистъ, какъ на выраженіе нетерпимости и неуваженія къ свободѣ мнѣній. Удивительное ослѣпленіе! Ужели слишкомъ много нужно проницательности, чтобы понять, что свистъ есть орудіе невинное, безвредное, есть сила, такъ сказать, зоирная, окрыляющая свободу, даже неспособная къ тому, чтобы можно было употребить ее для насилія и стѣсненія, что во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ столько же почетнаго значенія и столько же высокихъ неотъемлемыхъ правъ, какъ рукоплесканія и какъ всѣ вообще другіе способы выраженія человѣческихъ мыслей, чувствованій и настроеній, какъ слово, смѣхъ, плачъ, восклицанія и вздохи. Для доказательства этой мысли обратимся снова къ исторіи съ г. Юркевичемъ.

Г. Юркевичъ рѣшился распродать часть своего философскаго свѣта, такъ сказать, часть свѣтильнаго газа, добытаго имъ, подобно тому, какъ въ Москвѣ развозятъ и распродаютъ матеріальный газъ. «Нанявсь—якъ продавсь», говоритъ пословица, вѣроятно извѣстная г. Юркевичу. Каждый слушатель, каждую лекцію, покупаетъ у него философіи на полтора цѣлковыхъ или съ уступкой на цѣлковый; если отпущенный товаръ хорошъ, если купленная философія удовлетворяетъ слушателя, то слушатель благодаритъ философа и свою благодарность высказываетъ одобреніями и рукоплесканіями; если же, заплативши деньги, слушатель получаетъ философію дурнаго качества, или вообще не удовлетворяющую его, то естественно въ немъ раждается неудовольствіе на философа, и онъ высказываетъ свое неудовольствіе шиканьемъ и свистомъ. Вы скажете, что философія хороша, что свистать не слѣдовало; на это свистящій отвѣтитъ вамъ: это вы такъ говорите, что она хороша, а по моему она дурна и я ею недоволенъ; вслѣдствіе этого я и высказываю свое мнѣніе и свое неудовольствіе, т. е. свищу. Даже человѣкъ ослѣпленный предразсудками на счетъ свиста долженъ согласиться, что въ настоящемъ случаѣ свистъ есть дѣло законное и раціональное, не есть стѣсненіе чужаго мнѣнія, а просто выраженіе мнѣнія собственнаго. Представьте себѣ, что вмѣсто шиканья часть слушателей г. Юркевича подняла бы плачь и ревъ, и вмѣсто того, чтобы заливаться веселымъ свистомъ, стала бы заливаться горькими слезами, — уже ли бы вы стали говорить, что плачь есть насиліе чужаго убѣжденія, стѣсненіе свободы мнѣнія, что онъ есть интимидація, грубая сила и т. д.? Какъ же вы можете говорить это о свистѣ, который стоитъ въ одной категоріи съ плачемъ и подобно послѣднему служитъ внѣшнимъ выраженіемъ душевнаго настроенія? Свистъ есть то же самое, что слово, есть настоящее слово, только выражаемое не членораздѣльными звуками; объ лекціяхъ г. Юркевича можно разсуждать и говорить какъ угодно; ни одна человѣческая голова, правильно устроенная, не скажетъ, что этотъ говоръ есть насиліе убѣжденія, стѣсненіе свободы мнѣнія; тѣмъ удивительнѣе, что находятся даже почтенныя человѣческія головы, которыя свистъ—тоже слово, называютъ насиліемъ и стѣсненіемъ, а рукоплесканія—дѣломъ невиннымъ и законнымъ. Но, скажите на милость, что почтеннѣе и возвышеннѣе — звукъ ли, производимый губами и дуновеніемъ человѣческихъ устъ, т. е. свистъ, — или, звукъ, производимый шлепаньемъ рукъ, одна объ другую? Ужь если не давать преимущества ни одному изъ нихъ, то нужно согласиться, что они равны и равноправны. Вообще мысль о томъ, что свистъ есть орудіе, такъ сказать, духовное, не только не стѣсняющее свободы, но даже содѣйствующее ей, до того наглядна и очевидна, что ее какъ-то стран-

но и доказываетъ; доказывается она собственно потому, что ее не понимаютъ московскіе философы, ихъ друзья и единомышленники.

Изъ сферы науки перенесемся въ область искусства. Выходятъ на сцену актеры и актрисы, тѣнцы и пѣвцы, танцоры и танцовщицы; если всѣ они субъекты хорошо выполняютъ свои сценическія функціи, имъ рукоплещутъ; если же дурно, имъ свищутъ и свищутъ. И съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ въ мірѣ театральныя и оперныя сцены, не находилось ни одного человѣка столь безсмысленнаго, который бы вздумалъ утверждать, что свистъ есть насиліе таланта, стѣсненіе свободы сценическаго искусства, грубая сила и принудительный принципъ. Правда, и свистъ бываетъ иногда принудителенъ, но принудительность его разумна, не стѣсняетъ свободы и, собственно говоря, не есть принудительность. Тамберликъ выводитъ утъ-діезъ, и всѣ ему рукоплещутъ; Крейцеръ тоже вывелъ однажды утъ-діезъ, и его освистали. Если бы Крейцеръ имѣлъ о свистѣ такое же одностороннее понятіе, какъ московскіе философы, то онъ сказалъ бы, что свистъ, раздавшійся по поводу его утъ-діеза, есть насиліе, принужденіе, деспотизмъ, стѣсненіе его свободы. За тѣмъ поступилъ бы на сцену, сталъ бы выводить постоянно утъ-діезъ и за то постоянно слышалъ бы свистъ. Но Крейцеръ былъ разумнѣе московскихъ философовъ, по крайней мѣрѣ, относительно свиста; *принудительный* свистокъ, онъ ушелъ со сцены, скрылся въ неизвѣстности, не произнесши ни одного слова укора на свистъ. Постыдитесь, московскіе философы, подражать этому примѣру! Лагруа пѣла и понимала рукоплесканія; но какими-то невѣдомыми судьбами голосъ ея испортился, и ее освистали. Но и она была разумнѣе московскихъ философовъ, не стала жаловаться на насиліе и деспотизмъ свиста; но *принудительнаго* свистокъ, ушла со сцены и пребывала въ неизвѣстности до тѣхъ поръ, пока не поправился ея голосъ. Постыдитесь, московскіе философы, подражать и этому высокому примѣру! Теперь возвратимся снова въ область науки. Публичная каѳедра, — это сцена; философъ, читающій публичныя лекціи,—это актеръ или пѣвецъ; хорошо онъ читаетъ, ему рукоплещутъ, дурно — ему свищутъ; и нужна особенная московская своеобразность мысли, чтобы представлять здѣсь свистъ въ видѣ орудія, подавляющаго свободу мнѣній. Пробѣгите мысленно всѣ сферы, всѣ области, гдѣ одна личность, или нѣсколько ихъ являются персонально передъ публикой съ тѣмъ, чтобы наставить, или усладить, или потѣшить ее, и вы увидите, что вездѣ объ руку съ рукоплесканіями идетъ и свистъ, и что никто и никогда не называлъ свиста насиліемъ и грубой силой. Даже въ парламентахъ, великихъ и, говорятъ, ужасно благодѣтельныхъ учреж-

деніяхъ, тоже раздаются шиканья и свистъ, называемые на парламентскомъ языкѣ бурнымъ неодобреніемъ.

Послѣ такихъ очевидныхъ доказательствъ, можно надѣяться, что и въ умѣ московскихъ философовъ исчезнетъ предразсудокъ относительно свиста, что и они наконецъ поймутъ, что свистъ не есть анти-свободное орудіе, что онъ сила духовная, заслуживающая всякаго уваженія, что онъ имѣетъ право гражданства во всѣхъ великихъ областяхъ человѣческой дѣятельности. (А кстати: читаютъ ли «Свистокъ» московскіе философы, ихъ друзья и почитатели?). Есть, правда, одно возраженіе противъ этой мысли, именно то, что свистъ употребляется городовыми хожалыми. Правда; но онъ все-таки есть лучшее изъ орудій, употребляемыхъ ими; при томъ это, говорятъ, взято съ иностраннаго. А главное, такое же возраженіе можно привести и противъ рукоплесканій, на которыя такъ падки московскіе философы; сколько на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества совершается рукоплесканій по русскимъ рожамъ и даже по русскимъ лицамъ! Однако же на этомъ основаніи никто не вооружается противъ рукоплесканій вообще. Это вѣдь аксіома, что злоупотребленіе ничего не говоритъ противъ употребленія. Въ настоящемъ случаѣ передъ московскими философами защищается свистъ вообще, свистъ въ смыслѣ абсолютномъ, а не злоупотребленія свистомъ.

Затѣмъ мы переходимъ къ частному вопросу о томъ, имѣлъ ли право свистъ явиться на философскія лекціи г. Юркевича, и смѣло отвѣчаемъ на этотъ вопросъ утвердительно. Г. Юркевичъ самъ призналъ за своими слушателями право судить и высказывать свои сужденія о его лекціяхъ. Слушатели, довольные лекціями, громко высказывали свое одобреніе, рукоплескали, и г. Юркевичъ принималъ и признавалъ рукоплесканія. Естественно, послѣ этого, что и недовольные лекціями такъ же точно имѣли право высказывать свое неудовольствіе, шикать и свистать, и свистъ былъ здѣсь не стѣсненіемъ свободы мнѣній г. Юркевича, а правомъ его слушателей, свободнымъ выраженіемъ ихъ мнѣній. Было бы въ высшей степени неразумно и самоуправно требовать, чтобы слушатели только восхваляли читающаго, рукоплескали ему и не смѣли обнаружить свистомъ своего неодобренія. Если вамъ не хочется слушать свиста, тогда устраните изъ вашей аудиторіи и рукоплесканія, потому что по вѣчному закону правды рукоплесканія и свистъ нераздѣльно соединены между собою и имѣютъ одинаковыя права: гдѣ раздаются первыя, тамъ и послѣдній имѣетъ права раздаваться. Въ этомъ отношеніи оффиціальныя аудиторіи очень послѣдовательны: они не любятъ свиста, въ нихъ онъ строго воспрещенъ; но такъ же строго воспрещены и рукоплесканія. Оффиціальныя аудиторіи понимаютъ глубокую истину, что

рукоплесканія не возможны безъ свиста и не разлучны съ нимъ. Аудиторія г. Юркевича была не оффиціальная, она допускала рукоплесканія; съ какой же стати, и на какомъ разумномъ основаніи она хотѣла воспретить свистъ? О философъ! ты опять забылъ, что роза имѣетъ шипы, и что рукоплесканія невозможны безъ свиста. Твои защитники тоже забыли эту истину, и вслѣдствіе этого стали оскорблять величіе свиста и клеветать на него, какъ на грубую силу и насиліе. Но имъ прощаются оскорбленія и клеветы, очевидно заведенныя ими на свистъ по невѣдѣнію.

Остается разъяснить еще одинъ и послѣдній пунктъ въ предразсудкѣ на счетъ свиста. Говорятъ, свистомъ грозили г. Юркевичу, свистъ есть угроза, интимидація. Но, почтенные москвичи, чтожь это за угроза свистъ? и развѣ же можно бояться такой угрозы, какъ свистъ? развѣ можно называть свистъ интимидаціей? Если бы угрожающій, вмѣсто свистящей угрозы, сказалъ: я васъ за шиворотъ совлеку съ каѳедры и повлеку туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ,— это было бы угрозой и насиліемъ, еслибъ угроза осуществилась. А свистъ какая же угроза? «Я васъ освищу, милостивый государь»; экая важность, экая угроза! Угрожаемый преспокойно можетъ отвѣтить:—свищите, сколько угодно, я вашего свиста не боюсь, онъ меня не остановитъ, я надѣюсь, онъ будетъ заглушенъ рукоплесканіями. Такъ отвѣчалъ бы всякій разумный человѣкъ на угрозы свистомъ. Но не такъ поступилъ нашъ философъ и его друзья. Одно напоминаніе о свистѣ раздражило его; онъ вышелъ изъ себя, и въ раздраженіи наговорилъ рѣчей, значеніе которыхъ ничтожно и даже грязно. Друзья его тоже пришли въ азартъ, стали кричать о насиліи, о стѣсненіи свободы, о грубой силѣ и т. д. А между тѣмъ, углубляясь въ сущность занимающей насъ исторіи, мы приходимъ къ заключенію, что насиліе было скорѣй на сторонѣ г. Юркевича, чѣмъ на сторонѣ свиста, что на священной высотѣ каѳедры было употреблено оружіе гораздо хуже и грубѣе, чѣмъ свистъ.—Недовольныхъ лекціями было довольно; можетъ статься, что недовольство ихъ было не основательно, но несомнѣнно, что заключительныя рѣчи профессора по поводу письма были не хороши и заслуживали самаго энергическаго неодобренія; конечно, имъ рукоплескали дамы и редакторъ почтенной газеты, но они все таки были не хороши, ихъ слѣдовало освистать, и навѣрное были желавшіе свистать. Что же сдѣлала сторона г. Юркевича? ей слѣдовало бы утихнуть, хранить молчаніе, дать желавшимъ свистать полную свободу высказать свое мнѣніе, не стѣснять и не подавлять ихъ свиста, который дѣйствительно былъ здѣсь необходимъ. А она между тѣмъ стала рукоплескать, обнаружила деспотическую замашку подавить, заглушить свистъ, стѣснить чужое мнѣніе и отнять

у него возможность высказаться посредствомъ свиста. Вотъ видите, московскіе философы, въ вашей исторіи свистъ не былъ грубой силой и насиліемъ, а напротивъ онъ былъ жертвой насилія и угнетенія со стороны вашихъ рукоплесканій. Но это еще ничего; если свистъ изнасилованъ былъ рукоплесканіями, значитъ онъ самъ виноватъ, значитъ онъ былъ слабъ.—Посмотримъ, какое еще оружіе употребляла сторона, враждебная свисту, чѣмъ она дѣйствовала противъ анонимнаго письма. Если бы профессоръ былъ сторонникъ свиста, онъ поднялъ бы письмо на воздухъ, освисталъ его со всѣхъ четырехъ сторонъ, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ были стороны, которыя можно было освистать отлично, и потомъ даже съ видимымъ благоговѣніемъ положилъ бы его на каѳедру; публика отвѣтила бы свистящимъ хоромъ на свистъ профессора, и исторія окончилась бы великолѣпно. Но профессоръ возгнушался свистомъ, и какое же орудіе онъ употребилъ вмѣсто свиста? Онъ спряталъ письмо въ карманъ съ цѣлью сдѣлать изъ него извѣстное, «пригодное употребленіе.» О философъ! ты забылъ, что письмо написано человѣкомъ, твоимъ ближнимъ, ты забылъ, что оно было представителемъ человѣческой личности, ты забылъ наконецъ, что въ немъ высказывалось человѣческое мнѣніе, дорогое убѣжденіе! Ты все это забылъ и святотатственно попралъ, сдѣлавъ изъ письма извѣстное употребленіе! И послѣ этого люди, съ особеннымъ усердіемъ рукоплескавшіе «этой грязной плоскости», осмѣливаются читать другимъ поученія объ уваженіи человѣческой личности и чужаго убѣжденія, осмѣливаются произносить хулу на свистъ, называть его грубой силой, стѣсненіемъ свободы и т. д. Скажите въ самомъ дѣлѣ, что лучше или хуже, —свистъ ли или оружіе, употребленное философомъ? Вотъ то-то и есть; противники свиста позволяютъ себѣ всякія пошлости и плоскости и въ то же время лицемѣрно прикидываются людьми серьезными, проникнутыми уваженіемъ ко всему; но какъ только раздастся свистъ, разоблачающій ихъ лицемѣріе, они выступаютъ съ жалобами на свистъ, какъ на грубую силу, на насиліе и стѣсненіе, какъ на недостатокъ уваженія къ личности, къ чужому мнѣнію; а у нихъ-то самихъ этого уваженія куда какъ много! Вотъ вамъ и правда человѣческая и, въ частности, правда философская и московская!

Исторія съ г. Юркевичемъ кончена; «Свистокъ» выводитъ изъ нея слѣдующую мораль: все наше горе состоитъ именно въ преобладаніи у насъ, въ жизни общественной, элемента рукоплесканій, въ отсутствіи всеобщаго уваженія къ свисту; русская жизнь много терпитъ отъ того, что права свиста не признаны формально, что ему нѣтъ ходу, что онъ не можетъ раздаваться тогда, какъ ему непремѣнно слѣдовало бы раздаться. Просимъ читателей принимать эту

мораль въ самомъ серьезномъ смыслѣ и углубиться въ нее. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ всѣ ищутъ для себя только розъ и каждый принимается за дѣло съ тѣмъ только, чтобы понять розы; малѣйшій шипокъ уколетъ его, онъ сейчасъ же злится и бѣснуется и даетъ дѣлу какое угодно, хоть самое безчестное употребленіе. Люди, пользующіеся всѣми благами жизни на чужой счетъ, не довольствуются этимъ; имъ нужна еще слава, подавай имъ рукоплесканія. Извѣстныя сферы людей до костей пропитаны неразумнымъ желаніемъ рукоплесканій; каждая дрянь въ этой сферѣ, за всякую мелочь, даже за всякую мерзость и несправедливость требуетъ себѣ похвалъ и рукоплесканій; чтобы она ни сдѣлала, но рукоплесканія давай ей непремѣнно. «А свисту не хочешь ли, дрянь ты этакая!» — подобныхъ словъ вы не услышите во вѣки вѣковъ. Комбинація обстоятельствъ расположилась такимъ образомъ, что вы должны восхвалять и рукоплескать до болѣзни, до поту и крови, а малѣйшій свистъ съ вашей стороны механикою обстоятельствъ будетъ заглушенъ и вы сами будете приведены или къ молчанію, или къ нулю, т. е. къ совершенному небытію. Подъ вліяніемъ этой искусной механики, рукоплесканія раздаются вездѣ, куда вы ни обратите взоръ свой.

СЕКРЕТНОЕ ЗАНЯТІЕ.

КОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ СЦѢНАХЪ.

СЦЕНА I.

Театръ представляетъ кабинетъ М. Н. Каткова; посрединѣ стоитъ огромный письменный столъ, за которымъ сидитъ самъ Михаилъ Никифоровичъ, передъ нимъ на столѣ лежитъ кусокъ колбасы, завернутый въ клочекъ «Нашего Времени»; но изъ открытаго средняго ящика стола выглядываетъ развернутый № «Современника», который М. Н. пожираетъ съ такою жадностью, что даже не замѣчаетъ, какъ *въ комнату входитъ обойщикъ.*

М. Н. Катковъ (*бормочетъ*). Ну да! ну да! ну, и что жъ!

Обойщикъ. Гардины вѣшать прикажете?

М. Н. Катковъ (*выходя изъ оцѣпенѣнія*). А! Это ты, простолюдинъ!

Обойщикъ. Гардины вѣшать прикажете?

М. Н. Катковъ. Вѣшай! Вѣшай! (*Любезно*) Ну что, теперь вы свободны?

Обойщикъ. Слава Богу, ваше благородіе.

М. Н. Катковъ (*хочетъ что-то сказать, но не рѣшается*). Гм... ну да! (*Наконецъ рѣшается, но говоритъ краснѣя*) А вѣдь это я! (*Обойщикъ смотритъ на него съ изумленіемъ*) Да, это я!

Обойщикъ. Такъ-съ.

М. Н. Катковъ. То есть, что вы свободны-то... ну да, это я!... то есть, ты понимаешь, сдѣлалъ-то не я, а я настоялъ!

Обойщикъ А какъ же, ваше благородіе, ребята сказывали, что это Александръ Иванычъ Кошелевъ!.

М. Н. Катковъ. Ребята врутъ, любезный простолюдинъ! Это я да Василій Александрычъ Кокоревъ — вотъ кто!

Обойщикъ. Покорно васъ благодаримъ, ваше благородіе!

М. Н. Катковъ. Ничего... ничего! вѣшай гардины, добрый простолюдинъ! (*Снова углубляется въ чтеніе «Современника»; обойщикъ принимается за работу; въ это время сзади чуть слышно подкрадывается Н. Ф. Павловъ*).

Н. Ф. Павловъ (*громко*). Ухъ! И это не стыдно!

М. Н. Катковъ (*поспѣшно задвигая ящикъ*). Что? что такое? что такое я сдѣлалъ?

Н. Ф. Павловъ. И вамъ не стыдно читать?

М. Н. Катковъ. Я ничего не читалъ... я ничего не читалъ! я... я просто ѣлъ!

Н. Ф. Павловъ. Еще запирается! а ну-те, покажите-ка, что у васъ тамъ, въ среднемъ-то ящикѣ!

М. Н. Катковъ. Нѣтъ, я, право, ничего не читалъ! то есть я читалъ... (*Чуть слышно*) я читалъ... «Колоколъ!» (*Въ сторону*) Даже стѣнъ боюсь! (*Вслухъ*) Только вы, ради Бога!

Н. Ф. Павловъ (*ласково грозясь*). Проказникъ! (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Театръ представляетъ кабинетъ П. М. Леонтьева; обстановка почти та же самая, что и въ предыдущей сценѣ, съ тою лишь разницею, что мѣсто М. Н. Каткова занимаетъ П. М. Леонтьевъ. Точно такъ же подкрадывается сзади Н. Ф. Павловъ и неожиданно щекочетъ у П. М. подъ мышками.

П. М. Леонтьевъ (*быстро вскакивая*). Что это за шутки!

Н. Ф. Павловъ. Нѣтъ, это не шутки, а позвольте-ка узнать, чѣмъ вы занимаетесь?

П. М. Леонтьевъ (*быстро задвигая ящикъ*). Чѣмъ? вы видите, ѣмъ колбасу и читаю «Наше Время!»

Н. Ф. Павловъ. Еще запирается! Эхъ, господа, господа! точно вы маленькіе! Да въ ящикѣ-то у васъ что, государь мой?

П. М. Леонтьевъ (*заикаясь*). А въ ящикѣ у меня... а въ ящикѣ у меня... а въ ящикѣ у меня... (*Хочетъ вынуть ключъ отъ ящика*) ну да, у меня въ ящикѣ колбаса!

Н. Ф. Павловъ. Ничто мнѣ такъ не противно, какъ притворство! Показывайте, государь мой!

П. М. Леонтьевъ. Но увѣряю васъ, Н. Ф., увѣряю васъ... (*Рѣшительно*) Ну да, я читалъ, я читалъ (*чуть слышно*), я читалъ... «Колоколъ!» Но только вы, ради Бога!

Н. Ф. Павловъ (*ласково грозясь*). Проказникъ! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Театръ представляетъ кабинетъ Н. Ф. Павлова; обстановка та же, что и въ предыдущихъ сценахъ, съ тѣмъ исключеніемъ, что героемъ является Николай Филипповичъ, и что на столѣ лежитъ не колбаса, а селедка, завернутая въ клочекъ «Московскихъ Вѣдомостей». Сзади неслышными шагами подкрадываются М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ.

Н. Ф. Павловъ (*фантазируетъ*). Основскій! гдѣ теперь можетъ быть Основскій! (*Наклоняется и читаетъ; нѣкоторые его волоса встаютъ дыбомъ. Опять фантазируетъ*) Быть можетъ, Основскій теперь на небесахъ! (*Читаетъ; встаютъ дыбомъ остальные немногіе волоса; вздыхаетъ*) Основскій! зачѣмъ ты не взялъ меня съ собою!

Тѣнь Основскаго (*появляется вдругъ; М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ, стоящіе въ глубинѣ сцены, закрываютъ себѣ лицо руками*). Затѣмъ, чтобъ ты въ сей жизни казнился! (*Быстро исчезаетъ*).

Н. Ф. Павловъ (*простирая руки*). О, тѣнь любезная!

П. М. Леонтьевъ (*сурово*). Позвольте узнать, милостивый государь, что вы здѣсь дѣлаете?

М. Н. Катковъ (*язвительно*). Да, ужь позвольте!

Н. Ф. Павловъ (*проворно задвигаетъ ящикъ, запираетъ его и прячетъ ключъ въ карманъ*). Селедку ѣлъ, господа, и читалъ «Московскія Вѣдомости!»

М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ (*съ отчаяньемъ*). О, этого человѣка никогда никто ни въ чемъ не уличитъ!

Тѣнь Основскаго (*появляется снова*). Скажите Панов-скому...

Въ это время, машинистъ Вальцъ, услышавъ имя г. Пановскаго и припомнивая обиды, понесенныя имъ отъ этого фельетониста, намѣренно перемѣшиваетъ всѣ декораціи, и на мгновенье усыпляетъ дѣйствую-щихъ лицъ. Тѣнь Основскаго, не досказавъ рѣчи, скрывается вверхъ; раздаются крики; оказывается, что актеръ, игравшій «тѣнь», при-щемленъ.

СЦЕНА IV.

Театръ представляетъ всѣ три кабинета въ одной комнатѣ. За тремя письменными столами сидятъ всѣ три публициста и поглядываютъ въ средніе ящики, въ которыхъ лежатъ развернутые экземпляры «Совре-менника». Проходитъ нѣсколько минутъ безъ всякаго признака дви-женія со стороны дѣйствующихъ лицъ, но это очарованное состояніе прекращается однимъ маніемъ г. Вальца, который заставляетъ пуб-лицистовъ одновременно поднять головы. Публицисты смотрятъ другъ на друга съ изумленіемъ и долго не понимаютъ, въ чемъ дѣло.

Всѣ (*съ ужасомъ*). Объ этомъ надобно сообщить Юркевичу!

Землетрясеніе; отворяются два люка, изъ которыхъ выходитъ М. Н. Лонгиновъ и ищетъ глазами М. П. Погодина и И. С. Аксакова; онъ думаетъ, что попалъ въ общество любителей россійской словесности.

(Занавѣсъ опускается).

КРАТКІЙ НЕКРОЛОГЪ И ДВА НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА.

Ужасное горе постигло семейство, друзей и ближнихъ Кузьмы Петровича Пруткова, но еще ужаснѣе это горе — для нашей отече-ственной литературы.....Да, его не стало! Его уже нѣтъ, моего ми-ленькаго дяди! Уже не существуетъ болѣе этого добраго родственника, этого великаго мыслителя и даровитѣйшаго изъ поэтовъ; этого по-лезнаго государственнаго дѣятеля, всегда справедливаго, но строгаго относительно своихъ подчиненныхъ!...Драгоцѣннѣйшій мой дядюшка, Кузьма Петровичъ Прутковъ, всегда ревностно занимался службой, отдавая ей большую часть своихъ способностей и своего времени; только часы досуга посвящалъ онъ наукѣ и музамъ, дѣлясь потомъ

съ публикой плодами этихъ трудовъ невинныхъ. Начальство цѣнило его ревность и награждало его по заслугамъ: начавъ службу, въ 1816 году, юнкеромъ въ одномъ изъ лучшихъ гусарскихъ полковъ, Кузьма Петровичъ Прутковъ умеръ, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, со старшинствомъ 15-ти лѣтъ и четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, послѣ 20-ти лѣтняго (съ 1841 года) безукоризненнаго управленія пробирной палаткой! Подчиненные любили, но боялись его. И долго еще, вѣроятно, сохранится въ памяти чиновниковъ пробирной палатки величественная, но строгая наружность покойнаго: его высокое, склоненное назадъ чело, опушенное снизу густыми рыжеватыми бровями, а сверху осѣненное поэтически-всклоченными, шанкретовыми съ просѣдью волосами; его мутный, нѣсколько прищуренный и презрительный взглядъ; его изжелта—каштановый цвѣтъ лица и рукъ; его змѣиная саркастическая улыбка, всегда выказывавшая цѣлый рядъ, правда, почернѣвшихъ и порѣдѣвшихъ отъ табаку и времени, но все-таки большихъ и крѣпкихъ зубовъ; наконецъ — его вѣчно откинутая назадъ голова и нѣжно-любимая имъ альмавива.....Нѣтъ, такой человѣкъ не можетъ скоро изгладиться изъ памяти знавшихъ его!

Кузьма Петровичъ Прутковъ, на 25-мъ году жизни, соединилъ судьбу свою съ судьбою любезной моей тетушки Антониды Платоновны, урожденной Проклеветантовой. Неутѣшная вдова оплакиваетъ своего мужа, отъ котораго имѣла множество дѣтей, кромѣ, находящихся въ настоящее время въ живыхъ, четырехъ дочекъ и шести сыновей. Дочки ея, любезныя моему сердцу племянницы, отличаются всѣ пріятной наружностью и высокимъ образованіемъ, наслѣдованнымъ отъ покойнаго отца; онѣ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и — смѣло скажу — могутъ составить несомнѣнное счастье четырехъ молодыхъ людей, которымъ посчастливится соединить свою судьбу съ ихъ судьбою! Шесть сыновей покойнаго обѣщаютъ твердо итти по слѣдамъ своего отца, и я молю небо о дарованіи имъ, необходимыхъ для этого, силъ и терпѣнья!....

Кузьма Петровичъ, любезный и несравненный мой дядинька, скончался послѣ долгихъ страданій, на рукахъ нѣжно-любившей его супруги, среди рыданья дѣтей его, родственниковъ и многихъ ближнихъ, благоговѣйно-тѣснившихся вокругъ страдальческаго его ложа... Онъ умеръ съ полнымъ сознаніемъ полезной и славной своей жизни, поручивъ мнѣ передать публикѣ, что *«умираетъ спокойно, будучи увѣренъ въ благодарности и справедливомъ судѣ потомства; а современниковъ проситъ утѣшиться, но почтить, однако, его память сердечной слезою»*....Миръ праху твоему, великій человѣкъ и вѣрный сынъ своего отечества! Оно не забудетъ твоихъ услугъ, и нѣтъ

сомнѣнія, что недалеко то время, когда исполнится пророческій твой стихъ:

«И слава моя гремитъ какъ труба,
И пѣснямъ моимъ внимаетъ толпа
Со страхомъ....
Но вдругъ я заполкъ, заболѣлъ, схороненъ,
Землею засыпанъ, слезой орошенъ,—
И въ честь мнѣ воздвигли *семнадцать* колоннъ
Надъ прахомъ!»...

(«*Соврем.*» 1852 г.)

Всѣми уважаемый мой дядюшка умеръ на 60 году своей жизни, въ полномъ развитіи своего замѣчательнаго таланта и своихъ силъ, 13-го сего января въ два и три четверти часа по полудни....Славный художникъ * * поразительно вѣрно передалъ замѣчательную его наружность на портретѣ, который предназначенъ для украшенія *полнаго собранія сочиненій* покойнаго. Я увѣренъ, что по отпечатаніи этого собранія, оно будетъ раскуплено на расхватъ образованною частью публики;—иначе, впрочемъ, и быть не можетъ!

Въ портфеляхъ покойнаго дядиньки найдено много не изданныхъ его сочиненій, не только стиховъ, философскихъ изреченій и продолженія историческаго труда, столь извѣстнаго публикѣ подъ заглавіемъ «выдержки изъ записокъ моего дѣда», но также и драматическихъ произведеній. Въ особомъ портфелѣ, носящемъ золотую печатную надпись: «Сборникъ неконченнаго (d'inacheve)», находится множество весьма замѣчательныхъ отрывковъ и эскизовъ покойнаго, дающихъ полную возможность судить о неимовѣрной разносторонности его дарованія и о необъятныхъ свѣдѣніяхъ этого, столь рано утраченнаго нами, поэта и мыслителя! Изъ этихъ-то послѣднихъ отрывковъ я извлекаю пока одинъ и возлагаю его на алтарь отечества, какъ ароматическій цвѣтокъ въ память драгоцѣннаго моего дядюшки....Надѣюсь и вполнѣ увѣренъ, что изъ груди каждаго патріота вырвется невольный крикъ удивленія, при чтеніи этого отрывка, и что не одной слезой благодарности и сожалѣнія почтится память покойнаго!...Вотъ этотъ отрывокъ:

ПРОЛОГЪ.

ОТКРЫТОЕ МѢСТО. — ХОЛМЪ. — СОЛНЦЕ ВОСХОДИТЪ. — ИЗВѢСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ ВХОДИТЪ ВЪ КАРТУЗѢ, АЛЬПАГѢ, СЪ ЗОНТИКОМЪ И СЪ КНИГОЙ ПОДЪ МЫШКОЙ.

ИЗВѢСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ.

Съ восходомъ этого дневнаго свѣтила настаетъ торжественный для меня и для моего товарища день. Я и товарищъ намѣрены дать сего

дня *новый родъ драматическаго представленія*. Драматическими представленіями условились называть представленія, которыя бываютъ на театрахъ, а именно: на Большомъ, неосновательно называемомъ каменнымъ, Александринскомъ, Михайловскомъ и въ Циркѣ, а въ Москвѣ — на Большомъ и Маломъ. Представленія подраздѣляются на многія отрасли, како-то: на комедіи, трагедіи, драмы, оперы, пантомимы, водевили и хороводы. Мой товарищъ и я посвятили всю жизнь нашу и зрѣлыя лѣта на изобрѣтеніе новаго рода драматическаго представленія. Мы съ товарищемъ рѣшились назвать его, послѣ долгихъ соображеній, — скажу: страданій, — *естественно-разговорнымъ представленіемъ*. Произведеніе наше называется: «Опрометчивый турка, или пріятно ли быть внукомъ?» (*восходитъ на холмъ*). Дай Богъ, чтобы это произведеніе было принято съ тою же чистотою и откровенностію, съ которыми мы его предлагаемъ зрителямъ! Пора намъ ознаменовать переваливщійся за другую половину XIX вѣкъ *новымъ словомъ* въ нашей литературѣ! Это, столь ожидаемое, *новое слово* будетъ высказано сегодня мною, съ товарищемъ! Нужно ли мнѣ повторять, что мы посвятили ему всю нашу жизнь и зрѣлыя лѣта? Кромѣ того, я отказался для него отъ выгодной партіи — съ дочерью купца Громова, уступивъ ее другому моему товарищу.... И такъ, пусть начинаютъ пьесу! Дай Богъ, говорю я, чтобы она принята была съ тою же душевною чистотою и сердечною откровенностью, съ которыми мой товарищъ и я предлагаемъ ее нашимъ зрителямъ!!..

(*Сходитъ съ холма и удаляется*).

ИВАНЪ СЕМЕНЫЧЪ (который все это время стоялъ въ мундирѣ спрятавшись, выходитъ на авансцену со скрипкой, оглядываясь по сторонамъ).

Дочь купца Громова за мною!... У меня много дѣтей, не считая рожденныхъ отъ перваго брака и нечаянно. Это въ сторону! — Авторъ ушелъ. Предлагаемая пьеса начинается. Надо играть увертюру. Вотъ ноты въ этомъ вѣкѣ написаннаго романса: «Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ» (*бросаетъ ноты передъ собой на землю и хочетъ играть. Камердинеръ подноситъ ему что-то на блюдечкѣ*). Не надо! я всегда безъ этого!

(*Камердинеръ уходитъ. Иванъ Семенычъ играетъ. Ничего не слышно. Черезъ нѣсколько времени занавѣсъ опускается*).

ОКРОШЕЧНЫЙ ТУРКА,

ИЛИ

ПРІЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМЪ?

КОМЕДІЯ ЕСТЕСТВЕННО-РАЗГОВОРНАЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Миловидовъ.
Князь Батогъ-Батыевъ.
Кутило-Заволдайскій.
Либенталь.
Г-жа Разарваки.
Иванъ Семёнычъ.

(Гостиная у г-жи Разарваки. Она разливаетъ чай. Всѣ сидятъ).

МИЛОВИДОВЪ (говоритъ басомъ и важно).

И такъ, нашего Ивана Семеныча уже не существуетъ.... Все, что у него было пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!

КУТИЛО-ЗАВАЛДАЙСКІЙ (со вздохомъ).

Сколько у него было душъ? и десятинъ пахатной земли?

МИЛОВИДОВЪ.

Главное его имѣніе—село Курохвостово, не помню, Астраханской, или Архангельской губерніи. Душъ, по послѣдней ревизіи, числилось 500. По крайней мѣрѣ, такъ выразился, говоря со мною, засѣдатель гражданской палаты Фирдинъ, Кузьма Петровичъ.

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ (говоритъ насмѣшливо, съ присвистомъ).

Фирдинъ? какой Фирдинъ? Не тотъ ли, который раненъ былъ на дуэли ротмистромъ Кантыревымъ?

ЛИБЕНТАЛЬ (говоритъ торопливо, скорогово-ркой).

Нѣтъ не Кантыревымъ. Кантыревъ мнѣ своякъ. Съ нимъ дѣйствительно былъ случай, но онъ на дуэли не убитъ, а просто упалъ съ лошади, гоняя ее на кордѣ вокругъ павильона на дачѣ Мятлева; при этомъ онъ вывихнулъ безъименный палецъ, на которомъ носилъ чугунный перстень съ гербомъ фамиліи Чанышниковыхъ.

КУТИЛО-ЗАВОЛДАЙСКІЙ.

Я не люблю чугунныхъ перстней, но предпочитаю съ сердоликомъ, или съ дымчатымъ топазомъ.

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ (съ присвистомъ).

Позвольте, вы ошибаетесь. Сердоликъ и топазъ, въ особенности дымчатый, какъ вы весьма справедливо сказали, совершенно два различные именованья, и ихъ не надобно смѣшивать съ малахитомъ, столь искусно выдѣлываемымъ его превосходительствомъ Демидо-

вымъ, такъ, что даже, — могу сказать предъ цѣлымъ міромъ и своею совѣстью, — онъ получилъ за это дипломъ изъ собственныхъ рукъ парламента, съ англійскою печатью.

Г-жа РАЗАРВАКИ (сдобнымъ, громкимъ голосомъ и рѣшительно).

На счетъ Демидова: правда ли, что онъ завѣщалъ все свое богатство Ламартину? (*Молчаніе*).

МИЛОВИДОВЪ (опять басомъ и важно).

И такъ, нашего Ивана Семеныча уже не существуетъ.... Все, что было у него пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ! Былъ у него, смѣло могу сказать, одинъ только недостатокъ: онъ былъ твердо убѣжденъ, что при природномъ дарованіи, можно играть на скрипкѣ — безъ канифоли! Я вамъ разскажу постигнувшій его случай: въ день своихъ именинъ, какъ теперь помню, 21 октября, онъ приглашаетъ власти. Былъ какой-то часъ. Шумъ.... Входятъ.... собираются.... садятся на диваны. Чай выпитъ. Всѣ ожидаютъ. — «Подай мнѣ ящикъ!» говоритъ Иванъ Семенычъ. Ящикъ принесенъ. Иванъ Семенычъ вынимаетъ скрипку, засучиваетъ рукава и отворачиваетъ правый бортъ своего вице-мундира. Вице-губернаторъ одобрительно ожидаетъ. Преданный Ивану Семенычу камердинеръ подноситъ на блюдечкѣ канифоль.... «Не надо!» говоритъ онъ: — «Я всегда безъ канифоли!...» Развертываетъ всѣмъ извѣстныя какія-то ноты.... взмахиваетъ смычкомъ. Всѣ притаили взволнованное дыханіе. Самонадѣянный покойникъ ударяетъ по струнамъ — ничего! ударяетъ въ другой разъ — ничего! Въ третій разъ — рѣшительно ничего! Четвертый ударъ — увы!—былъ нанесенъ его карьерѣ, не смотря на то, что онъ былъ женатъ на дочери купца первой гильдіи Громова. Обиженный губернаторъ встаетъ и, поднявъ руку къ плафону, говоритъ: «Мнѣ васъ не нужно», говоритъ: — «я не люблю упрямыхъ подчиненныхъ!... Вы вообразили теперь, что можете играть безъ канифоли; — весьма возможно, что захотите писать бумаги безъ чернилъ.... Я этакихъ бумагъ читать не умѣю, а тѣмъ болѣе — подписывать не стану; видитъ Богъ, не стану!» (*молчаніе*).

КУТИЛО-ЗАВОЛДАЙСКІЙ.

Говорятъ, что цѣны на хлѣбъ въ Тамбовской губерніи значительно возвысились? (*Молчаніе*).

Г-жа РАЗАРВАКИ (сдобно и громко).

На счетъ Тамбова... Сколько верстъ отъ Москвы до Рязани и обратно?

ЛИБЕНТАЛЬ (скороговоркой).

Въ одинъ конецъ могу сказать, даже не справившись съ календаремъ; — но обратно, не знаю.

ВСѢ, (отворачиваясь въ сторону, смѣются, издавая носомъ насмѣшливые звуки).

ЛИБЕНТАЛЬ.

Могу васъ увѣрить... Вѣдь отъ Рождества до Пасхи столько-то дней, а отъ Пасхи до Рождества столько-то, но не столько, сколько отъ Рождества до Пасхи; — слѣдовательно...

ВСѢ (оборачиваются въ другую сторону и смѣются, издавая носомъ тѣ же звуки. Молчаніе).

МИЛОВИДОВЪ.

И такъ, нашего Ивана Семеныча уже не существуетъ... Все, что было у него пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!...

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ (шепелявя съ присвистомъ).

Я зналъ его; мы странствовали съ нимъ въ горахъ востока и тоску изгнанія дѣлили дружно!—Что за страна этотъ Востокъ! Вообразите: на право—гора, на лѣво—гора, впереди—гора, а сзади, какъ вы можете себѣ представить, синѣетъ гнилой западъ... Наконецъ, вы съ отвращеніемъ въѣзжаете на самую высокую гору, — на какую нибудь остроконечную Сумбеку, такъ что вашей кобылѣ и стоять на этомъ мшистомъ пикѣ невозможно... Развѣ только, подпертая горою подъ самую подпругу, она можетъ вертѣться на этой горѣ, какъ на своей оси, болтая въ то же время четырьмя своими ногами; — и тогда вертясь вмѣстѣ съ нею, вы замѣчаете, что пріѣхали въ *самую* восточную сторону, ибо и впереди востокъ, и съ боковъ востокъ, а западъ... Вы можетъ думаете, что онъ все-таки видѣнъ, какъ точка какая нибудь, едва движущаяся вдали?...

Г-жа РАЗАРВАКИ (ударяя кулакомъ по столу).

Конечно!

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ (съ торжествующей улыбкой).

Не правда... и сзади востокъ, короче: вездѣ и повсюду одинъ нескончаемый востокъ!...

Г-жа РАЗАРВАКИ.

На счетъ востока... Я вамъ разскажу мой сонъ.

ВСѢ.

Разскажите! разскажите! (*цѣлуютъ у ней руки*).

Г-жа РАЗАРВАКИ.

Видѣла я, что въ самой серединѣ...

МИЛОВИДОВЪ (прерывая).

Питая къ вамъ съ нѣкоторыхъ поръ должное уваженіе, я васъ прошу, именемъ всѣхъ вашихъ гостей, объ этомъ умолчать.

ВСѢ.

Почему же? Почему же? (*наперерывъ цѣлуютъ у ней руки*).

МИЛОВИДОВЪ (важно).

И такъ, нашего Ивана Семеныча уже не существуетъ... Все, что было у него пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!... Вамъ извѣстно, что онъ жилъ безбѣдно, но хотѣлъ казаться человѣкомъ болѣе богатымъ, нежели былъ въ самой вещи...

Г-жа РАЗАРВАКИ (съ удивленіемъ).

Развѣ у него было бархатное стуло?

МИЛОВИДОВЪ.

Нѣтъ! онъ не любилъ бархата, и даже на самомъ животѣ носилъ треугольникъ изъ фланели, въ видѣ какого нибудь синапизма.

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

У меня тамъ тоже есть синапизмъ; но кромѣ того, люблю носить на правой рукѣ фонтанель, на лѣвой гишпанскую мушку, въ ушахъ канатъ, во рту креозотъ, а на затылкѣ заволоку.

ВСѢ.

Покажите! покажите!

КН. БАТОГЪ-БАТЫЕВЪ.

Весьма охотно, но только послѣ чаю...

МИЛОВИДОВЪ.

Все, что у него было пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!... Когда Иванъ Семенычъ задавалъ обѣды и приглашалъ власти, то любилъ угостить тончайшимъ образомъ!... Лежавшія въ супѣ коренья изображали всѣ ордена, украшавшія груди присутствующихъ лицъ... Вокругъ пирожковъ, вмѣсто обыкновенной какой нибудь петрушки, подсыпались жареные цвѣточные и фамильные чаи... Пирожки были съ кистечками, а иногда съ плюмажами!... Косточки въ котлетахъ были изъ слоновой кости и завернуты въ папильотки, на которыхъ каждый могъ прочесть, свойственный его чину, нраву, жизни и лѣтамъ,—комплиментъ. Въ жареную курицу вѣчно втыкался павлиный хвостъ. Спаржа всегда вздѣвывалась на проволоку; а горошекъ нанизывался на шелковинку... Вареная рыба подавалась въ розовой водѣ... Пирожное разносилось всѣмъ въ конвертахъ, запечатанныхъ казенною печатью какого кто вѣдомства. Шейки бутылокъ повязаны были орденскими ленточками и укращались знаками безпорочной службы; а шампанское подавалось обмернутое въ заграничный фуляръ... Вареные, не знаю почему, не подавалось. — По окончаніи обѣда, преданный Ивану Семенычу камердинеръ обрызгивалъ всѣхъ о-де-лавандомъ. Вотъ какъ жилъ онъ,—и чтоже? канифоль, канифоль погубила его и свела въ могилу!... Его уже нѣтъ, и все, что было у него пріятнаго, исчезло вмѣстѣ съ нимъ!...

(Внезапно отворяются двери, и входитъ Иванъ Семенычъ, съ торжествующимъ лицомъ и пріятной улыбкой).

ВСѢ (въ испугѣ).

Ахъ! Иванъ Семенычъ! Иванъ Семенычъ!...

ИВАНЪ СЕМЕНЫЧЪ (шаркая и улыбаясь на всѣ стороны).

Не дивитеся друзья,
Что какъ разъ

Между васъ
На пиру веселомъ я
Проявляюся!...

(Обращается къ Миловидову и Разарваки серіозно).

Ошибаешься Данило,
Разарваки соврала: —
Каинфоль меня сгубила,
Но въ могилу не свела!

ВСѢ (радостно вскакиваютъ съ мѣстъ и обступаютъ Ивана Семеныча).

Иванъ Семенычъ, какъ! вы живы?

ИВАНЪ СЕМЕНЫЧЪ.

Живъ; живъ, говорю я вамъ! Скажу болѣе: (*обращается къ г-жѣ Разарваки*) у васъ есть внукъ турецкаго происхожденія.... Я сейчасъ разскажу вамъ, какимъ образомъ сдѣлано мною это важное открытіе....

ВСѢ (съ нетерпѣніемъ).

Разскажите, разскажите, Иванъ Семенычъ!...

(Садятся вокругъ стола; Иванъ Семенычъ ставитъ свой стулъ возлѣ г-жи Разарваки. Всѣ вытянули головы съ любопытствомъ. Иванъ Семенычъ откашливается. Молчаніе).

Здѣсь рукопись прерывается.... Къ сожалѣнію, смерть не допустила Кузьму Петровича Пруткова вполнѣ развить и довести до конца это, въ высшей степени замѣчательное, произведеніе, вплетающее новую роскошную вѣтвь въ лавровый вѣнокъ моего безсмертнаго дядюшки!...

Произведеніе это помѣчено такъ: «11-го декабря 1860 года (annusi)». Исполняя духовное завѣщаніе покойнаго, я поставляю священнымъ для себя долгомъ объяснить, для свѣдѣнія будущихъ библіографовъ, что Кузьма Петровичъ Прутковъ родился 11-го апрѣля 1801 года, не далеко отъ Сольвычегодска, въ дер. Тентелевой; поэтому большая часть его сочиненій, какъ, вѣроятно, замѣтили сами читатели, носитъ помѣтку 11-го числа какого-либо мѣсяца. Твердо вѣря, подобно прочимъ великимъ людямъ, въ свою звѣзду, достопочтеннѣйшій мой дядюшка никогда не заканчивалъ своихъ рукописей въ другое число, какъ въ 11-е. Исключенія изъ этого весьма рѣдки, и покойный не хотѣлъ даже признавать ихъ.

Искреннѣйшій почитатель Кузьмы Петровича Пруткова и любезнѣйшій родственникъ его: *Коллежскій Асессоръ Шестобатовъ.*

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ
КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА.

Для вящшей характеристики Кузьмы Петровича Пруткова, какъ государственнаго человѣка и вѣрнаго сына отечества, я привожу здѣсь еще одинъ отрывокъ изъ портфеля покойнаго, наполненнаго множествомъ неоконченныхъ произведеній (d'inachevé). Это — *проектъ*, не вполнѣ отдѣланный, на которомъ сдѣлана помѣтка: «*подать въ одинъ изъ торжественныхъ дней на усмотрѣніе*». Проектъ этотъ былъ написанъ въ 1859 году, но былъ ли онъ поданъ и принятъ, мнѣ не можетъ быть извѣстно, по весьма малому моему чину.

Отставной поручикъ *Воскобойниковъ*.

ПРОЕКТЪ

(ПОДАТЬ ВЪ ОДИНЪ ИЗЪ ТОРЖЕСТВЕННЫХЪ ДНЕЙ НА УСМОТРѢНІЕ).

Приступъ: Наставить публику.... Занеслась.... Молодость, науки, незрѣлость.... Вздоръ!... Убѣжденія, безпачаліе, неуваженіе къ старшимъ, «собственное» мнѣніе!... *Собственное* мнѣніе!! Да развѣ можетъ быть *собственное* мнѣніе у людей, не удостоенныхъ довѣріемъ начальства?! Откуда оно возьмется и на чемъ основано?! Если бы писатели знали что либо, ихъ призвали бы къ службѣ; но кто не служитъ, тотъ, значитъ, недостоинъ,—стало быть, и слушать его нечего! Съ этой стороны еще никто не колебалъ авторитетъ нынѣшнихъ писателей, — *я первый* (наперетъ на то, что *я первый*; можетъ быть, это откроетъ мнѣ карьеру.... Затѣмъ развить то же въ другихъ выраженіяхъ, но сильнѣе и подробнѣе).

Трактатъ: Вредъ различія во взглядахъ и убѣжденіяхъ. Вредъ несогласія съ властью во мнѣніяхъ. «Аще царство на ся раздѣлится», и пр. Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться. Для осуществленія этого желанія необходимо держаться мнѣнія начальства; ибо — въ противномъ случаѣ, гдѣ ручательство, что составленное мнѣніе безошибочно? Но какъ узнать мнѣніе начальства? Намъ скажутъ: оно выражается въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ. Это правда.... гмъ!... нѣтъ, это неправда!... Правительство не рѣдко таитъ свои цѣли — изъ высшихъ государственныхъ соображеній, недоступныхъ пониманію большинства. Оно не рѣдко доходитъ до результата рядомъ косвенныхъ мѣръ, по видимому противорѣчащихъ

одна другой и даже не имѣющихъ между собою никакой связи, но въ дѣйствительности соединенныхъ секретными полнерами одной государственной идеи, одного государственнаго плана, поражающаго умъ своею громадностью и послѣдствіями.... Планъ этотъ открывается въ неотвратимыхъ результатахъ исторіи! И такъ, можетъ ли какой либо подданный обсуждать правительственныя мѣропріятія, не владѣя ключомъ взаимной между ними связи? «Не по отдѣльнымъ частямъ, но по цѣлой совокупности водочерпательной машины, суди о достоинствахъ сихъ частей», — такъ сказалъ я еще въ 1842 году сыну своему Ѳаддею, и до сего времени непреклонно убѣжденъ въ высокой справедливости этого изреченія!... Гдѣ подданному уразумѣть всѣ эти причины, поводы, соображенія, разные виды съ одной стороны и усмотрѣнія съ другой, на основаніи коихъ принимаются правительственныя мѣры? Не понять и не уразумѣть ему ихъ, если они не будутъ указаны самимъ благодѣтельнымъ правительствомъ! Этому мы видимъ доказательства ежедневно, ежечасно, — скажу: ежеминутно!!.. Вотъ причина, съ одной стороны, почему иные, даже самые благонамѣренные люди, не рѣдко сбиваются съ толку злонамѣренными толкованіями; и почему, съ другой стороны, многіе изъ вѣрноподданныхъ не достаточно противодѣйствуютъ распространяющимся лжемудрствованіямъ, не имѣя отъ правительства указанія, какого мнѣнія слѣдуетъ держаться?... Положеніе ихъ самое тягостное, и даже смѣло скажу, вполнѣ невыносимое!

Заключеніе: На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, и принимая во вниманіе, съ одной стороны, явную необходимость установленія однообразной точки зрѣнія въ пространномъ нашемъ отечествѣ, съ другой же стороны, усматривая невозможность достиженія этой благой цѣли безъ учрежденія оффиціальнаго печатнаго органа.— нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признать справедливымъ, что въ этомъ именно заключается настоятельная потребность общества и существенное условіе его преуспѣянія и развитія.... Будучи поддержанъ достаточнымъ содѣйствіемъ полицейской и административной властей, такой правительственный органъ служилъ бы надежной звѣздой, скажу: маякомъ или вѣхою для общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ, пагубная наклонность человѣческаго разума вѣчно обсуждать происходящее на всемъ земномъ кругѣ была бы направлена къ исключительному служенію правительственнымъ видамъ и цѣлямъ. По всѣмъ случаямъ, мѣрамъ и вопросамъ существовало бы одно господствующее мнѣніе, и если даже допустить, что нашлись бы злонамѣренные люди, которые были бы несогласны съ этимъ мнѣніемъ, то они, естественно, остереглись бы противорѣчить, дабы не выказать своей злонамѣренности. Съ другой же стороны, истинно-вѣрноподъ-

данные узнали бы, наконецъ, какого мнѣнія имъ слѣдуетъ держаться, для блага своего и своихъ присныхъ. Притомъ, нѣтъ сомнѣнія, что благомыслящіе люди позаботились бы, изъ христіанскаго желанія добра своимъ дѣтямъ и родственникамъ, внушить и имъ тѣ же добрыя начала, и такимъ образомъ, предлагаемое мною средство имѣло бы благодѣтельное дѣйствіе не только на современниковъ, но и на самое отдаленное потомство! — Зная сердце человѣческое и господствующія черты русской народности, нѣтъ повода сомнѣваться въ достиженіи вышеизложенной цѣли. Дѣло только въ томъ, чтобъ избранъ былъ редакторомъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, извѣстный своимъ усердіемъ и преданностью, пользующійся славою писателя и глубокаго мыслителя и готовый пренебречь, для пользы правительства, конечно, за достаточное вознагражденіе, общественнымъ уваженіемъ и мнѣніемъ. Въ поощреніе его и въ примѣръ другимъ необходимо, кромѣ достаточнаго вознагражденія, отличать его чинами, орденскими украшеніями и особыми денежными наградами. Скромность, свойственная моему характеру, препятствуетъ мнѣ предложить личный свой трудъ въ этомъ дѣлѣ и разностороннія свои познанія и способности, которыми, однако, я готовъ жертвовать до послѣдняго издыханія, — если это будетъ согласно съ предначертаніями начальства, — для безкорыстной службы престолу отечества. Долговременная и безпорочная служба моя въ пробирной палаткѣ даетъ мнѣ, между прочимъ, возможность разъяснять различныя финансовыя мѣры согласно съ видами правительства; разъясненія же эти, какъ извѣстно самому правительству, необходимы для отклоненія произвольныхъ сужденій, вызываемыхъ стѣсненнымъ положеніемъ финансовъ нашего дорогаго отечества.... И такъ, повергая свою готовность на алтарь отечества, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, считаю священнымъ для себя долгомъ указать на заслуженнаго нашего литератора и академика *Бориса Ѳедорова*, какъ на необходимаго члена редакціи, всегда достойно пользовавшагося милостями и довѣріемъ правительства. Этотъ вѣрный и опытный слуга уже пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность испытанной своею благонамѣренностью, память о которой неминуемо сдѣлается достояніемъ исторіи.

Осмѣливаясь представить на снисходительное усмотрѣніе высшаго начальства сей недостойный трудъ свой, я дерзаю пріятно льстить себя надеждой, что онъ не будетъ поставленъ мнѣ въ вину, служа искреннимъ выраженіемъ усерднаго желанія человѣка, преданнаго престолъ-отечеству, принести посильную услугу столь высоко уважаемой имъ благонамѣренности. *Кузьма Прутковъ*, начальникъ пробирной палатки, дѣйствительный статскій совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, 1859 года (annus, i).

Примѣчаніе. На поляхъ этого замѣчательнаго проекта, доказывающаго свѣтлый взглядъ, государственный умъ и безпредѣльную преданность покойнаго Кузьмы Петровича Пруткова нашему общему престолъ-отечеству,—сохранились драгоцѣнныя замѣтки, которыя даровитый писатель и слуга намѣревался развить при окончательной отдѣлкѣ своего предположенія. Такъ, сбоку трактата о невозможности правильно судить правительственныя мѣропріятія безъ наставническаго указанія верховнаго начальства, находится слѣдующая замѣтка: «Подобно сему, неопытный ребенокъ, будучи временно оставленъ безъ руководителя и увлекаемый между тѣмъ прохладной тѣнью близь-лежащаго лѣса, опрометчиво устремляется въ оный отъ дому, не разсудивъ—о, несчастный! — что у него не достанетъ ни ума, ни соображенія для отысканія обратной дороги. NB. Развить это прекрасное сравненіе, особенно остановившись на трогательной картинѣ, изображающей плачущихъ родителей, отчаянье провинившагося пѣстуна и раскаянье самаго ребенка, страдающаго въ лѣсу отъ голода и холода». Изъ другихъ замѣчаній почтеннѣйшаго Кузьмы Петровича видно, между прочимъ, что онъ, исчисляя доходъ редакціи съ проектированнаго имъ оффиціальнаго изданія и предполагая пустить оное по дешевой цѣнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ необходимымъ: «1) съ одной стороны сдѣлать подписку на сіе изданіе обязательною для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ; 2) съ другой стороны—велѣть всѣмъ издателямъ и редакторамъ частныхъ печатныхъ органовъ перепечатывать руководящія статьи изъ оффиціальнаго органа, дозволяя себѣ только повтореніе и развитіе ихъ; 3) сверхъ того, наложить на нихъ денежные штрафы въ пользу редакціи оффиціальнаго органа за всѣ тѣ мнѣнія, кои окажутся противорѣчащими мнѣніямъ, признаваемымъ господствующими; и 4) вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣнить всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей управленія въ обязанность неусыпно вести и постоянно сообщать въ одно центральное мѣсто списки всѣхъ, служащихъ подъ ихъ вѣдомствомъ лицъ, съ обозначеніемъ: кто изъ нихъ какіе получаетъ журналы и газеты, и не получающихъ оффиціальнаго органа, какъ не сочувствующихъ благодѣтельнымъ видамъ правительства, отнюдь не повышать ни въ должности, ни въ чины, и не удостоивать ни наградъ, ни командировокъ».....—«Такимъ образомъ, заключаетъ достоуважаемый Кузьма Петровичъ Прутковъ, — правительство избѣгнетъ опасности ошибочно помѣщать свое довѣріе».

Надѣюсь, что редакція не откажется помѣстить этотъ вѣрный историческій документъ, въ назиданіе потомства....

Искренно преданный и нѣжно любимый племянникъ покойнаго Тимофей Шерстобитовъ.

ПѢСНЯ ОБЪ «ОЧЕРКАХЪ».

(изъ лирической драмы «видѣніе на небѣ»).

Я полагалъ, съ либеральнаго
Есть направленья барышъ —
Больше, чѣмъ съ мѣста квартальнаго.
Чтожь оказалося? — шишъ!
Богъ меня свелъ съ нигилистами,
Сами лѣнятся писать,
Платятъ все деньгами чистыми.
Пробовалъ я убѣждать:
«Мнѣ бы хоть десять копѣечекъ
Съ пренумеранта извлечь:
Вѣдь даровыхъ-то статеечекъ
Много... куда ихъ, боречь?
Нужно во всемъ безпристрастіе:
Вы ихъ смѣшайте, друзья,
Да и берите на счастіе...
Вѣрьте, любая статья
Встрѣтитъ горячихъ хвалителей,
Каждую будутъ бранить...»
Тщетно! моихъ разорителей
Я неуспѣлъ убѣдить!
Часто, взбираясь на лѣсенку,
Гдѣ Елисѣевъ живетъ,
Слышалъ я грозную пѣсенку,
Вотъ вамъ ея переводъ:
«Изъ уваженья къ читателю,
Изъ уваженья къ себѣ,
Нѣтъ снисхожденья издателю. —
Гибель — о, Амплій! тебѣ!...»
—Но не хочу я погибели,
(Я ему): — другъ-нигилистъ!
Лучше хотѣлъ бы я прибыли. —
Онъ же пускается въ свистъ.

Выслушавъ эти нелѣпости,
Я отъ него убѣгалъ,
И по мосткамъ противъ крѣпости
Обыкновенно гулялъ.

(Я не охотникъ до Невскаго,
Бродитъ тамъ всякій народъ,
Встрѣтишь какъ разъ — — левскаго,
Что нибудь тотчасъ совретъ;
Послѣ разскажешь за вѣрное —
Скажутъ: и самъ ты такой!
Дѣло такое прескверное
Было однажды со мной!...)
Тамъ я бродилъ въ меланхоліи,
Тамъ я любилъ размышлять,
Что не могу уже болѣе
«Очерковъ» я издавать.
Чинъ мой остался въ забвеніи
И не щадя сѣдины,
Эти великіе геніи
Снять съ меня рады штаны!
Лучше идти въ переписчики,
Чѣмъ убиваться въ накладъ.
Бросишь изданье — подписчики
Скажутъ: дай деньги назадъ!
Что же мнѣ дѣлать несчастному?
Благо, хоть совѣсть чиста:
Либерализму опасному
Въ сѣти попалъ я съ проста!...
Такъ по мосткамъ противъ крѣпости
Я въ размышленьи гулялъ.
Полный нежданной свирѣпости
Ледъ на мостки набѣжалъ.
Съ трескомъ они разскочилися,
Насъ по Невѣ понесло,—
Всѣ пѣшеходы смутилися,
Каждому плохо пришло!
Словно близь дому пятейнаго
Крики носились кругомъ.
Смотримъ—нѣтъ моста Литейнаго!
Весь разнесло его льдомъ.
Вотъ, погоняемый льдинами,
Мчится на насъ плашкоутъ,
Ропотъ прошелъ межъ мужчинами,
Женщины волосы рвутъ!
Тутъ человѣкъ либеральнаго
Образа мыслей, и тотъ

Звалъ на защиту квартальнаго...
Я лишь былъ хладенъ, какъ ледъ!
Что тутъ борьба со стихіею,
Если подорванъ кредитъ,
Если надъ собственной выею
Мечь Дамоклесовъ виситъ?..
Общее было смятеніе,
Я же на льдинѣ стоялъ
И умолялъ провидѣніе,
Чтобъ запретили журналъ...
Вышло бъ—судебъ покровительство!
Честь бы и деньги я спасъ,
Но не умѣетъ правительство
Въ пору быть строгимъ у насъ...
Нѣтъ, не оттуда желанное
Мнѣ избавленье пришло, —
Чудо свершилось нежданное:
На небѣ стало свѣтло,
Вижу, на льдинѣ сверкающей...
Вижу — является вдругъ,
Мертвыя души скупающій,
Чичиковъ!—«*Здравствуй, мой другъ!*
Ты пріищи покупателя»! —
Онъ прокричалъ — и исчезъ!..
Благословляя Создателя,
Мокрый, я на берегъ влѣзъ...

Всю эту бурю ужасную
Вѣкъ сохраню я въ душѣ,—
Мысль получивши прекрасную,
Я же теперь въ барышѣ!
Нѣтъ роковаго созданія!
Самая мысль о немъ — прочь!..
Поздно, въ трактирѣ «Германія»,
Въ ту же ужасную ночь,
Грѣясь, сушась, за бутылкою
Сбылъ я подписчиковъ, сбылъ,
Сбылъ ихъ совсѣмъ — съ пересылкою,
Сбылъ—и барышъ получилъ!..
Словно змѣею укушенный,
Впрочемъ легокъ и счастливъ,
Я убѣжалъ изъ Конюшенной,

Этотъ пассажъ совершивъ.
Чудилось мнѣ, что нахальные
Мчатся подписчики вслѣдъ,
«Дай намъ статьи либеральныя!»
Хоромъ кричатъ: — «дармоѣдъ»!
И вѣдь какіе подписчики!
Ихъ и продать-то не жаль.
Аптекаря, переписчики, —
Словомъ, ужасная шваль!
Знай, что такая компанія
Будетъ (и всѣ въ куражѣ!...)
Не начиналъ бы изданія:
Аристократъ я въ душѣ.
Впрочемъ средь бабьихъ передниковъ
И неуклюжихъ лаптей —
Трое дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ,
Двое армянскихъ князей!
Публика все чрезвычайная,
Даже чиновниковъ нѣтъ.
Охтенка — чтица случайная
(Втеръ ей за сливки билетъ),
Дьяконъ какой-то — съ разсрочною —
(Басомъ разбойникъ кричитъ),
Стражъ департаментскій съ дочкою, —
Все догоняетъ, шумитъ!
Съ хохотомъ, съ грохотомъ, съ гиканьемъ
Мчатся густою толпой;
Визгами, свистомъ и шиканьемъ
Слухъ надрывается мой.
Вѣрите ль? даже квартальные,
Взявшіе даромъ билетъ,
«Дай намъ статьи либеральныя!»
Хоромъ кричатъ. Я въ отвѣтъ:
— Полно-те, други любезные,
Либерализмъ вамъ не въ прокъ! —
Самъ же въ ворота желѣзныя
Прыгъ — и защолкнулъ замокъ!
«Вы понапрасну встревожены,»
Кто-то тогда закричалъ:
«Плети совсѣмъ уничтожены
Будутъ на дняхъ — я слыхалъ!»
— Что? отвяжитесь, ракалія!...

Тутъ я въ квартиру нырнулъ
И, покуривши регаліи,
Благополучно заснулъ.
Видѣлъ во снѣ Елисѣева:
Вотъ онъ вошелъ въ магазинъ,
И извѣстилъ о бѣдѣ его
Тотчасъ прикащикъ одинъ.
Съ миной тупой, нерѣшительной
Долго стоялъ онъ, суровъ —
Этотъ пассажъ удивительный
Былъ ему, кажется, новъ!
Молча пошелъ онъ вдоль Невскаго,
Пикнуть не могъ ничего,
Словно карнизомъ отъ дому Краевскаго,
Этимъ пришибло его!
Встрѣтились мы: я почтительно
Шляпу ему приподнялъ,
Онъ улыбнулся язвительно
И засвисталъ, засвисталъ!...

ПѢСНЬ МОСКОВСКАГО ДЕРВИША (*).

(*Начинаетъ робко, тихимъ голосомъ*).

Ужь я русскому народу
Показалъ бы воеводу,
Только дали бы мнѣ ходу,
Ходу! ходу! ходу! ходу!

(*Постепенно разгорячается*).

(*) Дервиши — явленіе восточнаго міра. Обязанности ихъ заключаются въ возбужденіи фанатизма въ «правовѣрныхъ». При исполненіи своей должности, они кривляются и производятъ вращательныя движенія. Сіи послѣднія, по словамъ очевидцевъ, возбуждаютъ въ дервишахъ восторгъ, въ продолженіи котораго они говорятъ всякій злобный вздоръ. Въ послѣднее время, эта секта проявилась въ Москвѣ, и преимущественно нашла себѣ убѣжище въ сектѣ такъ называемыхъ «сопѣлковцевъ» (не тѣхъ, впрочемъ, «сопѣлковцевъ, о которыхъ написалъ прекрасное изслѣдованіе г. Щаповъ, а другихъ, которые такъ называютъ себя въ противоположность и въ пику «свистунамъ»). *Прим. автора.*

Покатался бъ! наигрался бъ!
Наломался бъ! наплясался бъ!
Наругался бъ! насосался бъ!
Насосался бъ! насосался бъ!

(*Разгорячается окончательно, и видя, что никто ему не возражаетъ, изъ условной формы переходитъ въ утвердительную*).

Я россійскую реформу,
Какъ негодную проформу,
Вылью въ пряничную форму!
Форму! форму! форму! форму!

Нигилистовъ строй разрушу,
Уязвлю имъ вкладцѣ душу:
Поощрили бъ лишь — не струшу!
Нѣтъ, не струшу! нѣтъ, не струшу!

(*Въ изступленіи, думаетъ, что все сіе совершилось*).

Я цензуру пріумножилъ,
Нигилистовъ уничтожилъ!
Землю русскую стреножилъ!

(*Закатывается, и не понимаетъ самъ, что говоритъ*):

Ножилъ! ножилъ! ножилъ! ножилъ!

МИХ. ЗМѢЕВЪ-МЛАДЕНЦЕВЪ.

МОЕ ЖЕЛАНІЕ.

(*Романсъ господина, обиженнаго литературой*).

О, какъ желалъ бы я служить
Начальникомъ цензуры!
Конечно, не затѣмъ, чтобъ быть
Бичомъ литературы.

А такъ — порядокъ водворить.
Вотъ тутъ-то было бъ писку!
Пришлось бы многимъ превратить
Журнальную подписку.

Я бъ ихъ какъ ураганъ застигъ
Въ открытомъ чистомъ полѣ,
Совсѣмъ бы не являлось книгъ
По мѣсяцу и болѣ!

И я воскликнулъ бы, поправъ
Ихъ наглую свирѣпость:
«Узнайте мой ужасный нравъ
И мощь мою и — крѣпость!»

Мать не нашла бы прописей
Для дочери-дѣвчонки,
И лопнули бы въ десять дней
Всѣ книжныя лавчонки!...

САВВА НАМОРДНИКОВЪ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ «АКЦІОНЕРНОЙ ПУЧИНЫ».

(Отъ нашего «собственнаго» корреспондента).

Милостивые государи!

Брошенное вами въ пучину приглашеніе:—снабжать вашъ уважаемый «Свистокъ» періодическими свѣдѣніями обо всемъ, отъ чего живо трепещутъ обыватели глубокаго царства, достигло моего дна, и я, съ радостными чувствами заблудившагося въ лѣсу человѣка, услышавшаго *ау!* спѣшу самъ *аукнуть* на вашъ поверхностный призывъ. Прошу только снисхожденія къ доставляемой, на первый разъ не самой обильной ловлѣ въ этомъ морѣ, богатомъ сытыми китами и акулами, откормленными человѣческими деньгами, вмѣсто плоти.

Будь я корреспондентъ не столь уважаемаго въ нашей безднѣ органа, какъ «Свистокъ», я конечно съумѣлъ бы, со всепожирающимъ интересомъ акціонернаго корреспондента «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», изобразить вамъ, милостивые государи, напримѣръ новый годъ акціонерной пучины; но такое заимствованіе съ китайскаго не принято въ нашемъ просвѣщенномъ мракѣ, а потому я ограничусь лишь нѣсколькими чертами этого наступившаго времени въ пучинѣ.

Прежде всего вамъ должно знать, что новый годъ начинается здѣсь не по Кириллу и Меѳодію, но по разнымъ болѣе или менѣе нѣмецкаго происхожденія бухгалтерамъ, держащимъ въ своихъ рукахъ талисманъ, повернувъ который по произволу останавливаютъ на сколько угодно степеней, или ускоряютъ ходъ акціонернаго солнца. Если они выдвинутъ изъ своей бухгалтеріи годовой отчетъ въ февралѣ — то новый годъ въ пучинѣ начнется съ февраля; удержатъ отчетъ до мая— и новый годъ подождетъ до мая. Вообще, по средней сложности наблюденій пучинныхъ астрономовъ, за послѣдніе десять лѣтъ, начало

новаго года слѣдуетъ считать съ тѣхъ поръ, когда къ намъ прилетаютъ жаворонки, а къ намъ — балансы правленій, изъ которыхъ мы ясно видимъ, что наши деньги клонятся къ неминуемой гибели.

Приближеніе весны обозначается здѣсь обыкновенно явленіями, повергающими въ смятеніе мирныхъ жителей пучины: показываются статьи въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» о промотанныхъ общественныхъ суммахъ, недовезенныхъ или сгноенныхъ товарахъ, пропавшихъ безъ вѣсти на пути вагонахъ и баржахъ, выскочившихъ, какъ клавиши, Богъ знаетъ откуда, своякахъ и однокашникахъ директоровъ правленій — и о тому подобныхъ интермедіяхъ готовящейся драмы. Пучинные витязи *Я не подпишусь* (псевдонимъ), *Аскалонъ Труворовъ* (какъ утверждаютъ, *не* псевдонимъ) и другіе, выходятъ на рать противу правленій. Послѣдніе стойко и безмолвно (*словобоязнь* — эпидемія, довольно сильно развитая въ нашемъ морѣ) выслушиваютъ достаточное количество горькихъ истинъ и исчисленіе своихъ годовыхъ прегрѣшеній, обдумывая рѣчь общему собранію и отыскивая балансъ для своихъ директорскихъ креселъ, съ каковою цѣлію и прицѣпляютъ къ нимъ гири покровительства разныхъ почтенныхъ обладателей такого же количества лѣтъ, какъ и акцій. Укрѣпивъ такимъ образомъ фундаментъ, они принимаются строить на немъ воздушные замки обѣщаній, объясненій и посуловъ для ушей прочихъ акціонеровъ.

Но вотъ приходитъ и *общее собраніе* — весна нашей пучины. Воздухъ наполняется запахомъ цифръ и легкіе балансы носятся въ немъ, какъ пухъ одуванчиковъ, колеблемый зефиромъ... Сердца акціонеровъ расширяются надеждою и жаждой дивиденда... Однимъ словомъ, весеннія ощущенія преобладаютъ.

Но дабы продолжать картину *этого* потрясающаго обновленія пучины, я чувствую слабость, милостивые государи: кисть моя ударяется въ китаизмъ, и я замолкаю. Пусть же вдохновенные гимны нашей пучинной музы, къ сожалѣнію мало извѣстной у насъ на поверхности, перенесутъ ваше воображеніе въ очаровательный міръ весны, которая пахнетъ цифрами и преніями общихъ собраній. Для образчика я познакомлю васъ съ нѣсколькими произведеніями лучшихъ поэтовъ бездны, не уступающихъ размахомъ крыльевъ своего генія даже такимъ изъ нашихъ баловъ, какова балъ «Русскаго Вѣстника» г. *Аллилуева* и популярнѣйшій изъ нашихъ поэтовъ *Конрадъ Милленшвагеръ*.

Приводя ниже по одному творенію двухъ наиболѣе уважаемыхъ у насъ поэтовъ, гг. *Бриллантова* и *Тюльпанезона*, предупреждаю васъ, что первый изъ нихъ, по молодости лѣтъ, находится отчасти подъ вліяніемъ вашего поверхностнаго Некрасова. Что же

касается до Тюльпаненвзона, то вполнѣ созрѣвшее его дарованіе есть лучшее украшеніе нашей подводной литературы.

Вотъ эти произведенія:

I.

ПУЧИННЫЙ ШУМЪ,

(на голосъ: «идетъ-гудетъ зеленый шумъ»).

Идетъ-гудетъ Пучинный Шумъ,
Пучинный Шумъ, весенній шумъ.

Въ собраніи расходится
Иной акціонеръ,
Ругнетъ свое правленіе,
Подыметъ бухгалтерію,
Какъ бѣшеный: все пакостно —
И люди, и дѣла!

Идетъ-гудетъ Пучинный Шумъ,
Пучинный Шумъ, весенній шумъ.

Скромна моя компанія —
Венера и Танталъ —
Водою лишь мутитъ.
Да съ ней бѣда случилася:
Какъ промотали денежки —
Не стоитъ ни гроша!

На чердакѣ съ купонами
Нужда насъ заперла,
Мои глаза суровые
На акціи глядятъ.
Молчу... а дума лютая
Покою не даетъ:
Ихъ сжечь, такъ жаль — заплачены!
Продать — покупки нѣтъ!
А тутъ Аскалонъ Труворовъ
Реветъ и день и ночь:
«Сожги, сожги негодныя,
«Правленье изведи!

«Не то весь вѣкъ промаешься,
«Доходовъ не возьмешь:
«*Тантала* — корова дойная —
«Роднымъ да однокашникамъ
«Все въ руки отдадутъ!»

Окрѣпла дума лютая —
Припасъ я злобный спичъ...
Да вдругъ весна подкралася.

Идетъ-гудетъ Пучинный Шумъ,
Пучинный Шумъ, весенній шумъ.

Какъ для спектакля собраны.
Вдоль залы стулья чинные
Рядочками стоятъ.
Отъ рѣчи предсѣдателя
Сидятъ повеселѣлые
Пучинные тузы.
А рядомъ съ новой пресною
Бранятъ правленье жирное
И Труворовъ неистовый
И два-три голика.
Шумитъ ихъ кучка малая,
Шумитъ по пустякамъ...
А тамъ правленью вносится
Признательность въ журналъ.

Идетъ-гудетъ Пучинный Шумъ,
Пучинный Шумъ, весенній шумъ.

Слабѣетъ дума лютая...
Идешь повѣсивъ носъ,
И всюду пѣсня слышится
Въ правленіяхъ одна:
«Души, покуда душится,
«Дои, покуда доится,
«Морочь, пока морочится —
«И чортъ тебѣ не братъ!»

СМАРАГДЪ БРИЛЛІАНТОВЪ.

II.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ.

(поэма).

Я въ общее собраніе
Всегда иду заранѣе
И, ставши въ уголокъ,
Благословляю рокъ.
Порядокъ тамъ парламентскій!
Директоръ департаментскій,
Вставъ, произноситъ спичъ.
Добро, поролъ бы дичь —

Такъ нѣтъ: гласитъ про акціи,
Притомъ въ такой редакціи,
Что самъ Лордъ Пальмерстонъ
Былъ вѣрно бъ побѣжденъ.
Всякъ тотчасъ умиляется,
И еслибъ кто желалъ
Произвести скандалъ —
Строжайше возбраняется.

«Осмѣлюсь я сказать»,
Иной вдругъ озаботится: —
«Все жъ, денегъ разбирать
«Изъ кассы не приходится».
— Молчать! молчать! молчать!
Все это дрязги, личности —
Не слушайте его!
И всѣ кричатъ *браво!*

— Скажу безъ околичности, —
Начнетъ опять другой, —
— Мой взглядъ совсѣмъ иной:
Кто не стѣснялся кассою,
Тому сказать всей массою,
Что не хотимъ его! —
И всѣ опять — *браво!*

Короче, изъ приличія
Не терпится обычая

Шумѣть изъ ничего.
Затѣмъ-то я и ранѣе
Всегда иду въ собраніе
И, ставши въ уголокъ,
Благословляю рокъ.

ФЕРДИНАНДЪ ТЮЛЬПАНИНОВЪ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДОЧНИКИ.

(Размышленія, навѣянныя чтеніемъ № 67 «Моск. Вѣд.» и № 66 «Нашего Времени».

Обвиняютъ такъ называемыхъ «свистуновъ» въ высовываніи языка. Я не видалъ, какъ они это дѣлаютъ, но, должно быть, у нихъ оно выходитъ не дурно. Я разсуждаю такъ потому, что «свистуны» народъ молодой, веселый, добродушный, слѣдовательно, если и высовываютъ языки, то именно тѣмъ, кому слѣдуетъ, и тогда, когда слѣдуетъ. Притомъ же и языки у нихъ востренькіе, чистенькіе, какъ есть человѣческіе языки. Видѣть такіе языки даже пріятно.

Но представьте себѣ, что передъ вами, неожиданно высовываетъ языкъ будочникъ; представьте себѣ, что это языкъ старый, желтый, распухшій, покрытый слизью; представьте себѣ, что будочникъ злой и остервенѣлый, что онъ озлился именно вслѣдствіе того, что не имѣетъ возможности отойти отъ своей будки, и высовываетъ языкъ всему, что ходитъ на свободѣ, что не прикованно къ будкѣ... Какое чувство должно возбудить подобное высовываніе языка? Гдѣ найти объясненіе этому высовыванью? посредствомъ какого рода самодѣятельныхъ умозаключеній самодѣятельная будочникова душа допустила языкъ сдѣлать такую штуку? Не знаю, какъ въ комъ, а во мнѣ подобное явленіе пробуждаетъ только чувство сожалѣнія. Одаренный отъ природы достаточнымъ воображеніемъ, я въ состояніи представить себѣ довольно живо ту досаду, которая должна накипать въ будочникѣ при мысли о томъ, что вотъ народъ божій и идетъ, и ѣдетъ, куда кому надобно, и руками болтаетъ, и вообще держитъ себя болѣе или менѣе непринужденно, и одинъ онъ, злосчастный будочникъ, не имѣетъ права ни гулять, ни руками болтать, а долженъ стоять смирно и держать въ рукахъ алебарду. Я понимаю, что высовыванье языка означаетъ здѣсь вовсе не обиду мнѣ, проходящему, и ничѣмъ не обидѣвшему его лицу, а просто ропотъ самодѣятельной души на всесильную

судьбу. Я воображаю и понимаю все это, и за всѣмъ тѣмъ все-таки отворачиваюсь — такъ противенъ для меня желтый, распухшій, покрытый слизью будочническій языкъ!

Но это чувство гадливости принимаетъ во мнѣ совсѣмъ иные размѣры, когда я вижу, что роль будочника добровольно беретъ на себя человѣкъ, котораго никто не заставляетъ быть будочникомъ, и когда этотъ мрачный будочникъ-самозванецъ до того входитъ въ свою роль, что самъ себя приковываетъ къ своей будкѣ, самъ по этому случаю приходитъ въ озлобленіе и начинаетъ высовывать языкъ всему, что не приурочило себя къ будкѣ, что чувствуетъ себя на столько свободнымъ, на сколько это возможно въ благоустроенномъ государствѣ. Приходя мало по малу въ какой-то хладно-остервенѣлый энтузіазмъ, будочникъ—самозванецъ высовываетъ языкъ не только настоящему, но высовываетъ его прошедшему, высовываетъ будущему... нѣтъ той области, которая могла бы освободиться отъ этого высовыванья, нѣтъ той человѣческой души, въ которой ужасный будочникъ не замыслилъ бы сдѣлать полицейскій обыскъ! Какое чувство можетъ возбудить подобное явленіе? не знаю, какъ въ комъ, а во мнѣ оно производитъ отвращеніе...

Новый 1863 годъ внесъ и новый элементъ, новыя привычки въ русскую литературу: элементъ полицейскій, привычки будочничества. Какъ и слѣдовало ожидать, первый примѣръ подала Москва—золотыя маковки, устроившая очень ходко два частныхъ дома, изъ которыхъ литературное будочничество отпускается оптомъ и въ розницу за весьма дешевую цѣну; за нею поспѣшилъ послѣдовать и Петербургъ, въ которомъ также появилось нѣсколько будокъ, но это будки скверныя, презрѣнныя, о которыхъ не стоитъ и говорить, потому что торговля въ нихъ производящаяся едва-едва даетъ на хлѣбъ будочникамъ. Петербургскіе литературные будочники ходятъ въ сермягахъ и высовываютъ языкъ собственно въ подражаніе тѣмъ нищимъ, которые показываютъ прохожимъ изуродованныя руки и ноги, чтобы возбудить отвращеніе и вымануть копѣечку.

Всѣ эти литераторы-будочники защищаютъ какіе-то принципы, приносятъ себя кому-то въ жертву, передъ нѣмъ-то изъясняются въ любви. То пустятся въ глумленіе, то начнутъ лаять противъ мнимыхъ враговъ, то вдругъ сантиментальничать съ мнимыми союзниками. Но какъ ни усиливаются они возвыситься до ругательнаго лиризма, какъ ни стараются умягчить свои сердца до лести даже тому, что, въ дѣйствительности, составляетъ предметъ ихъ ненависти, однако изъ-подъ лая, и сквозь сантиментальничанье все-таки сочится одна нота — нота: пошлаго, нахальнаго глумленія. Это единственно

естественная форма для выраженія всѣхъ ихъ мыслей и чувствованій; на ней они должны и остановиться.

Но будемте говорить серьёзно, господа будочники! Вы охотно производите обыскъ и въ душахъ людей вамъ не единомышленныхъ, позвольте же произвести обыскъ и въ вашихъ душахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вы защищаете принципъ справедливый (кто же имѣетъ право усумниться въ этомъ?), но какъ вы это дѣлаете? Вы дѣлаете это самымъ неловкимъ, самымъ враждебнымъ для принципа образомъ. Прежде всего вы полагаете, что здѣсь достаточно одной злобы, но вѣдь сильная злоба не убѣждаетъ, а напротивъ того, производитъ одно отвращеніе. И еще вы прибѣгаете къ хвастовству, но вѣдь и хвастовство развѣ убѣдительно?... и какое хвастовство, какое гнусное, подкупное хвастовство! Когда читаешь эти злобно-безстыже-хвастливыя выходки, дѣлается стыдно за васъ, дѣлается страшно за то дѣло, котораго защиту вы приняли на себя. Что такое? что такое? спрашиваешь себя въ изумленіи, и невольно приходишь къ заключенію, что вы первые враги того дѣла, что вы намѣренно взялись за него, чтобы подкопаться и обезчестить!

«Вотъ тебѣ и «братцы, братцы, поцѣлуйтесь»! Вотъ тебѣ и «божественная Олимпіада»! И ништо!» восклицаетъ какой-то веселый будочникъ. «Моя личность наводитъ паническій страхъ», повѣствуетъ другой будочникъ характера мрачнаго. По поводу чего вы такъ расплясались? Рады вы, что ли, тому, что льется человѣческая кровь? Подписчиковъ, что ли, вамъ это прибавляетъ?

Есть люди, которые даже къ великимъ событіямъ и великимъ принципамъ не могутъ относиться иначе, какъ съ точки зрѣнія своихъ маленькихъ, карманныхъ интересовъ. Это мошки, которые роями вьются около живаго организма, чтобы напитаться кровью. Они изо всѣхъ силъ жужжатъ, что поражаютъ враговъ живаго организма, но въ сущности, поражаютъ лишь самый организмъ. Это глашатаи ненависти, это сѣятели междоусобій, это люди, которыхъ должно остерегаться, ибо съ помощію ихъ, никогда никакое дѣло покончено быть не можетъ, ибо у нихъ всегда на готовѣ какая нибудь застарѣлая вражда, какой нибудь давно забытый, но не разъяснённый споръ.

У сердитыхъ пропагандистовъ стачекъ, всегда готовыхъ на всякаго рода соглашенія съ тѣмъ, что обѣщаетъ имъ выгоду, эти люди не понимаютъ только одного рода стачки — стачки съ добромъ.

Это цѣлый, особый міръ. Какъ смотрятъ эти люди на свѣтъ Божій? какіе у нихъ знакомые? питаются-ли они хлѣбомъ и мясомъ, или поѣдаютъ маленькихъ? Пьютъ ли они вино и воду, или безвредно утоляютъ жажду синильною кислотой? Все это вопросы любопытные, которымъ разрѣшеніе сдѣлало бы честь любому естествоиспытателю.

СОПѢЛКОВЦЫ.

(Отрывокъ изъ частнаго письма).

Сопцы и народъ великій.

«Вся Москва крайне заинтересована появленіемъ какой-то новой «секты, о которой уже и прежде ходили темные слухи. Приверженцы «ея называютъ себя «сопѣлковцами», производя это слово отъ гла- «гола «сопѣть», такъ какъ они всѣ дѣйствія свои, по какому-то стран- «ному обычаю, сопровождаютъ сопѣніемъ. Само собой разумѣется, что «появленіе сопѣлковцевъ сейчасъ же породило въ Москвѣ самые стран- «ные слухи. Разсказываютъ, что они покланяются Абракадабрѣ и «всякаго вступающаго въ ихъ согласіе заставляютъ предварительно «разжевать раскаленный уголь,—и при этомъ произнести ту страшную «клятву, которую произноситъ въ «Князѣ Серебряномъ» колдунъ «мельникъ: «шикалу! ликалу! слетаются вороны издалека, кличутъ «другъ друга на богатый пиръ, а кого клевать, кому очи вымать, и «сами не чуютъ, летятъ да кричатъ! шагадамъ! шагадамъ!» Прибав- «ляютъ, что человѣкъ, выдержавшій такое испытаніе, можетъ сво- «бодно читать «Наше Время», употреблять въ пищу разваренныя въ «сулемѣ «Московскія Вѣдомости» и запивать ихъ растворенныхъ въ «синильной кислотѣ «Русскимъ Вѣстникомъ». Увѣряютъ даже, что они «ловятъ по улицамъ людей, увлекаютъ ихъ, и потомъ, разрѣзавъ жилы, «пьютъ изъ нихъ кровь; на дняхъ даже говорили, что нѣчто подоб- «ное въ страстную пятницу (сіи люди всегда лопаютъ скоромное!) «случилось съ однимъ нигилистомъ, безпечно гулявшимъ въ сумерки «по Страстному бульвару. Будто бы, въ ту минуту, когда онъ поравъ- «нялся съ университетской типографіей, напали на него какія-то люди, «одѣтые въ непромокаемые плащи изъ листоваго желѣза, и увлекли «несчастнаго во дворъ университетскаго дома. Какъ бы то ни было, «но простой народъ встревоженъ. Одинъ говоритъ, что видѣлъ бѣле- «соватаго упыря съ темнофіолетовыми губами, который, за отсут- «ствіемъ пищи, грызъ собственную свою руку; другой говоритъ, что «видѣлъ чудовищнаго горбуна, который отъ голода въ одну ночь «перегрызъ зубами сѣтку Страстнаго монастыря и по дорогѣ срѣзалъ «языкомъ до пятидесяти толстыхъ липъ на бульварѣ... Однимъ сло- «вомъ, всѣ боятся, всѣ въ страхѣ. Старожилы сравниваютъ настоящее «положеніе Москвы, съ тѣми временами, когда, бывало, наѣзжалъ въ «нее покойникъ Шешковскій, но М. Н. Лонгиновъ утверждаетъ, что

«нынче хуже, ибо тогда былъ одинъ Шешковскій, а теперь ихъ «нѣсколько.

«Какая цѣль появленія «сопѣлковщевъ» и какое ученіе проповѣ«дуетъ — все это еще тайна, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ «согласиться, будто они существуютъ для того только, чтобы сосать «человѣческую кровь. Замѣчательно, что еще Кузьма Прутковъ пред«рекалъ появленіе подобныхъ людей. «Погоди! говорилъ онъ мнѣ на «смертномъ одрѣ своемъ — будутъ еще не такіе люди! будутъ люди «съ песьими головами! Эти люди будутъ говорить, что самое прилич«ное для человѣка мѣсто есть отходная яма?» И съ этими словами «прозорливый старецъ скончался. Я не могу забыть этихъ словъ, по«тому что, дѣйствительно, самое ясное, что до сихъ поръ высказали «сопѣлковщы»,—это то, что «приличнѣйшее для человѣка мѣсто есть «отходная яма».

СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИСЛАННЫЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ «СВИСТКА».

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ПО ПОВОДУ ВЫХОДА «СОВРЕМЕННИКА».

I.

ВЪ МОСКВѢ.

(магазинъ Базунова. два «благонамѣренныхъ»).

1-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Кто сей толстый, Базунова
Запрудившій магазинъ?
2-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Это *онъ* явился снова,
Нигилизма ярый сынъ!
1-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Что жъ, воздержанный начальствомъ
Сталъ ли нынче онъ смирнѣй?
2-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Нѣтъ, увы, съ былымъ нахальствомъ
Все шипитъ, шипитъ какъ змѣй!
1-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Что жъ, великаго Каткова,
Заслужившаго хвалу
Онъ...

2-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Отдѣлываетъ снова,
Изрыгнувъ Москвѣ хулу!
1-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Что жь, исполненъ прежней блажи,
Отвергаетъ дерзко онъ
Даже?...
2-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Ну, ему всѣ «даже»
Бредъ, сумбуръ, мечтанья, сонъ!
1-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Что жь, ужель опять скандалы
Онъ пуститъ, какъ пускалъ?
2-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ (махнувъ рукой).
Что тутъ! всѣ какъ есть журналы
Поголовно обругалъ!
1-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Что жь, ужель опять «мальчишки»
Въ немъ найдутъ себѣ притонъ?
2-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Да ужь въ этой мервой книжкѣ
Имъ хвалы слагаетъ онъ!
1-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Что жь, ужель раздастся снова
Возмутительный «Свистокъ?»
2-й БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ.
Да, сей бичъ всего святаго
Въ надлежащій выйдетъ срокъ!
ОБА ВМѢСТѢ (съ ужасомъ).
О! бѣжимъ отъ Бавунова:
Насъ враждебный гонитъ рокъ!

II.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ. СХОДЯТСЯ: М. ДОСТОЕВСКІЙ, ГРОМЕКА И КРАЕВСКІЙ; У КАЖДАГО «СОВРЕМЕННИКЪ»).

ДОСТОЕВСКІЙ.
Появился!
ГРОМЕКА.
Вотъ онъ!
КРАЕВСКІЙ.
Эка
Толщина-то, толщина!

ГРОМЕКА.

Да... а кто жь какъ не Громека
Разрѣшенію внималъ?
Въ прошлой «хроникѣ» я смѣло
Сталъ начальству объяснять,
Что теперь пора приспѣла
Нигилистамъ волю дать.

ДОСТОЕВСКІЙ (язвительно).

Ну, почтеннѣйшій мой, смѣю
Объяснить вамъ, на свою
Написали вы на шею
Эту мудрую статью!
Вотъ ужь съ ними солидарность
Вы имѣть бы не должны:
Посмотрите, въ благодарность
Что вамъ пишутъ «свистуны».

(Показываетъ ему какую-то статью).

ГРОМЕКА.

Что? невѣжа я и школьникъ?!

(Громовымъ голосомъ).

Ну такъ слушай невѣжій градъ:
«Современникъ» есть крамольникъ!
Нигилизмъ — ужасный ядъ!

ДОСТОЕВСКІЙ (Краевскому).

А меня на «почвѣ» милой
Оскандалили!

КРАЕВСКІЙ (меланхолически).

Грущу...

ДОСТОЕВСКІЙ.

Ну, да я сберуся съ силой:
Купно съ Федоромъ отпщу,
Иль Косицу напущу!

ГОЛОСА БЛАГОНАМѢРЕННЫХЪ ИЗЪ АТМОСФЕРЫ.

Сей журналъ несчадье мрака!
Въ немъ ховяпнъ — сатана!

КРАЕВСКІЙ.

Такъ друзья мои; однако
Толщина-то, толщина!

ВЛАДИМІРЪ МОНУМЕНТОВЪ.

* * *

«Мы ненавидимъ пустыхъ, безмозглыхъ крикуновъ, позорящихъ все, до чего они ни дотронутся, марающихъ иную чистую, честную идею уже однимъ тѣмъ, что они въ ней участвуютъ; свистуновъ, свистящихъ изъ хлѣба и только для того, чтобы свистать, выѣзжающихъ на чужой, украденной фразѣ, какъ верхомъ на палочкѣ, и подхлестывающихъ себя маленькимъ кнутикомъ рутиннаго либерализма». Программа «Времени» на 1863 годъ.

I.

Ахъ, зачѣмъ читалъ я «Время!»
Лучше бъ я до срока умеръ
Въ цвѣтѣ юности свистящей,
Но не зрѣлъ январскій нумеръ!

Хлѣбъ ли ѣсть теперь начну я,
Какъ прилично сыну Феба,
И внезапно вспомню: Боже!
Я свистунъ, свистунъ изъ хлѣба!

Встрѣчу ль франта на бульварѣ
Съ модной палочкою — сразу
Мнѣ внушитъ она, что воръ я
И краду чужую фразу!

Ванька ль встрѣтится и Ваньку
Я найму за пятьалтынный —
Глядь, у Ваньки кнутъ... и тотчасъ
Вспомню кнутикъ свой рутинный!

Въ грязь ли какъ нибудь калошей
Попаду я — и, краснѣя,
Вдругъ себѣ представлю: это
Не калоша, а идея!

О, редакторъ Достоевскій!
Я прошу васъ: ради неба,
Не казните такъ жестоко
Тварь, свистящую изъ хлѣба!

Лучше вы собой займитесь,
Иль Катковымъ Михаиломъ,
Но въ особенности Павловъ
Вамъ приняться бы по силамъ!

II.

ПОСЛѢ ПЕРВАГО ЧТЕНІЯ Г. ЮРКЕВИЧА ПО «ФИЛОСОФІИ».

Грянулъ громъ не изъ тучи...

Ахъ, я грѣшникъ окаянный!
Я себя въ восторгѣ чистомъ
До сегодняшняго полдня
Называлъ матеріалистомъ.

Былъ я къ Бюхнеру привязанъ,
Покорясь общей модѣ,
И читалъ его дѣвицамъ
Въ запрещенномъ переводѣ.

Наводилъ на дамъ московскихъ
Больше, чѣмъ всѣ черти, страха,
Проповѣдуя идеи
Молешотта, Фейербаха!

Но ко мнѣ внезапно въ душу
Благодать сошла господня:
Мнѣ Юркевичъ многоумный
Свѣтъ ея открылъ сегодня.

Доказалъ онъ мнѣ — о небо,
Я предвидѣть это могъ ли! —
Психологіи незнанье
Въ обожаемомъ мной Бокль!

Горько плачь, несчастный Бюхнеръ
Достодолжную остастку
Обѣщаетъ дать тебѣ онъ,
Снявъ съ твоей системы маску!

Для дѣвицъ и дамъ московскихъ
Ты не будешь страшной тѣнью,
Не привьешся гнойной язвой
Къ молодому поколѣнью!

Вотъ тебѣ примѣръ: на вѣки
Я прощаюся съ тобою,
Породнилъ меня Юркевичъ
Съ философіей иною:

Почитать я буду старшихъ,
Полонъ къ нимъ благоговѣнья, —
И въ великій постъ шампанскаго
Справить ровно два говѣнья!

МИХАИЛЪ АНТИСПАТОВЪ.

Для слѣдующихъ номеровъ «Свистка», между прочимъ, имѣются въ виду слѣдующія статьи:

1) «Прогулка въ рощѣ, или Птицы безъ перьевъ». Ученое изслѣдованіе, написанное для журнала «Время», но редакціей его отвергнутое.

2) «Опыты самораздиранія». Разсказъ очевидца.

3) Стихотворная элегія на кончину «Времени», начинающаяся стихами:

Здѣсь Достоевскихъ прахъ, и, вмѣсто мавзолея,
Косица межъ гробовъ, отъ страха цѣпенѣя,
Стоитъ...

4) «Нѣсколько словъ о неподозрительности патріотическихъ чувствъ», монографія, составленная по «Русскому Вѣстнику».

5) «Самонадѣянный Ѳедя», дѣтская сказка въ стихахъ.

Ѳедя Богу не молился,
«Ладно», мнилъ, «и такъ!»
Все лѣнился да лѣнился...
И попалъ въ просакъ!

Разъ, безпечно онъ «Шинелью»
Гоголя игралъ, —
И обычной канителью
Время наполнялъ; —

Сказка эта обширностью своею превосходитъ все донынѣ написанное.

6) «Опыты сравнительной этимологіи, или «Мертвый домъ», по французскимъ источникамъ». Поучительно-увеселительное изслѣдованіе Михаила Зміева-Младенцева.

7) «Обоюдуострый Громека», размышленія по поводу разглагольствованій о «независимыхъ журналахъ и людяхъ», помѣщенныхъ въ «Современной хроникѣ Россіи «О. З.» за мартъ мѣсяцъ сего года.

8) «Не устроить ли намъ колбасную?», политико-экономическое разсужденіе о томъ, что всякое коммерческое предпріятіе, какъ журнальное, такъ табачное, колбасное, или полпивное можетъ тогда только пользоваться заслуженнымъ успѣхомъ, когда: а) на каждое изъ нихъ затраченъ особый капиталъ, и б) по каждому ведется свое особое счетоводство.

9) «Опыты отученія сотрудниковъ отъ пищи и безплатнаго снабженія ихъ одеждою». Изъ записокъ одного неопытнаго литератора.

10) «Чувства циника въ ту минуту, когда онъ начинаетъ понимать, что сдѣлался отъ старости глупымъ». Стихотворная московская испо-

вѣдь, съ эпиграфомъ: «какъ будто тухлое разбилось яйцо»; начинается стихами:

На Малой Дмитровкѣ, домъ высится прекрасный,
При домѣ конура, въ ней циникъ жилъ ужасный;
Ходилъ онъ нагишомъ, лишь будочниковъ зналъ,
И совѣсть отродясь ничѣмъ не умывалъ.
Однажды, получивъ письмо изъ Могилева...

11) «Невинныя занятія общества Тирсисовъ на Спиридоновкѣ», московская стихотворная идиллія, начинающаяся стихами:

Ахъ! отчего мы не можемъ понять,
Что мы такъ страстно желаемъ!
Други! что дѣлать? лобзать или кусать?
Тщетно мы къ братьямъ взываемъ!
Въ чувствахъ разладъ, въ головѣ дребедень,
Сердце распухло отъ боли!..
Ахъ! издавая отъ праздности «День»,
Что мы за чушь напороли!

12) «Ничего въ волнахъ не видно», разсужденіе по поводу 75 № «Моск. Вѣдомостей», въ которомъ доказывается, что и въ волнахъ можно что нибудь усмотрѣть.

13) «Безумная замѣтка о сумасшедшихъ впечатлѣніяхъ». Фельетонъ новаго мормона за все время одержанія бѣсами; съ эпиграфомъ изъ сочиненій г. Ѳ. Берга («Время» 1863 г. № 3).

Не отнимутъ люди, не отнимутъ —
Тупоумье будетъ вѣчно съ нами; —
И за что бъ ни стали люди биться,
Тупоумьемъ врядъ ли соблазнятся:
Тупоумье будетъ вѣчно съ нами!

По прочтеніи этой статьи, редакція «Времени» дастъ клятвенное обѣщаніе никогда не печатать стиховъ г. Ѳ. Берга и статей г. Ѳ. Достоевскаго. Клятву, данную относительно непечатанія литературныхъ упражненій г. М. Достоевскаго, «Время» уже исполняетъ съ тою стойкостью, съ какою «Отечественныя Записки» выполняютъ подобную же клятву относительно статей А. А. Краевскаго.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца, въ домѣ Лихачева,

---

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

КЛЮЧЪ къ 15 томамъ Свода Законовъ Гражданскихъ. Спб. 1863 г. Цѣна 30 коп., съ перес. 60 коп.

УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА. Составленный В. Спасовичемъ. Томъ I-й, выпускъ I-й. Спб. 1863 года. Цѣна. 85 коп., съ перес. 1 руб. 20 коп.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ новыхъ узаконеній и распоряженій правительства. Содержащее въ себѣ: 1) новое законоположеніе о векселяхъ; 2) о пошлинахъ за право торговли; 3) о взиманіи налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ; 4) положеніе объ общественномъ управленіи Москвы и 5) о преобразованіи судебной части въ Россіи (судоговореніе). Москва. 1863 г. Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 50 коп.

РУКОВОДСТВО къ изученію Межевыхъ Законовъ; принаровленныхъ къ новымъ поземельнымъ отношеніямъ между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, сост. А. Григоровичъ. Спб. 1863 г. Ц. 75 коп., съ пер. 1 р.

РУКОВОДСТВО къ изученію новыхъ акцизныхъ постановленій, съ дополненіями. Состав. А. Григоровичъ, 2 части. Спб. 1863 года. Ц. 1 р. 45 коп., съ пер. 2 руб.

РУССКІЯ ДОСТОПАМЯТНОСТИ Царица Евдокія Ѳеодоровна съ ея портретомъ. Соч. Есипова, Москва. 1863 г. Ц. 35 коп., съ пер. 65 коп.

МАТЕРІАЛЫ для изученія народной словесности, И. А. Худякова. Спб. 1863 г. Ц. 50 коп., съ пер. 80 коп.

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ. Популярно-медицинскія бесѣды, профессора доктора Бока. Спб. 1863 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.

МЕДИЦИНСКІЙ ТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ или Реперторіумъ главнѣйшихъ способовъ леченія, употребляемыхъ врачами всѣхъ странъ въ новѣйшее время. Сост. д-ръ Іоганъ Зигертъ. Перев. Розенблюма. Спб. 1860 г. Ц. 4 р., съ пер. 5 руб.

ВОЛГА отъ Твери до Астрахани. Съ 10-ю литографіями, 31 политипажемъ и картою Волги. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 2 р. 25 коп.

ОБЩАЯ ИСТОРІЯ ИТАЛІИ съ 1846 по 1850 годъ. Соч. Діего Соріа профессора публичнаго права въ Италіи. Пер. П. Кончаловскаго. Изданіе Висковатова. Томъ I-й. Ц. 1 руб. 25 коп., съ перес. 1 р. 75 коп.

ОБЗОРЪ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. Томъ первый. Спб. 1862 года. Ц. 2 руб. 50 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ЖИЗНЬ генералъ-лейтенанта князя Мадатова, съ портретомъ. Изданіе второе. Спб. 1863 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

О ВХОЖДЕНІИ ВОЗДУХА ВЪ ВЕНЫ. Дисертація на степень доктора медицины лекаря Павла Сущева. Спб. 1863 года. Цѣна 75 к. съ пер. 1 р. с.

ГИГІЕНА И ФИЗІОЛОГІЯ БРАКА, естестественная исторія мужчины и женщины, спеціальная гигіена беременной женщины и новорожденнаго младенца, соч. Дебе; въ двухъ частяхъ. Москва 1862 г. Ц. 2 руб. съ пер. 2 руб. 50 коп.

ЛЕЧЕБНИКЪ ДЛЯ СОБАКЪ, или подробное и ясное описаніе ихъ болѣзней, съ показаніемъ вѣрныхъ и испытанныхъ средствъ лечить оныя, съ рецептами лѣкарствъ, собранный и изданный Егеремъ Д. Чернохвостовымъ, Москва 1863 года Цѣна 50 коп. съ перес. 75 коп.

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Переводъ сочиненіе Кенига. Спб. 1862 г. Ц. 1 руб. съ пер. 1 р. 30 коп.

КАРМАННАЯ КНИЖКА для начинающихъ охотиться съ ружьемъ и легавой собакой, Льва Вакселя. Изданіе второе, дополненное. Спб. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 коп.

СТИХОТВОРЕНІЯ Некрасова, изданіе третье. Спб. 1863 года, Цѣна 1 руб. съ перес. 1 р. 50 к.

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Сочиненіе графа А. К. Толстаго. 2 части. Москва. 1863 г. Ц. 2 руб. 50 к. съ перес. 3 руб.

ГОРЕ ОТЪ УМА, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, А. С. Грибоѣдова. Полное иллюстрированное изданіе. Москва. 1863 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.

О ТРАВОСѢЯНІИ, съ присовокупленіемъ собранія народныхъ примѣтъ о посѣвѣ и уборкѣ сѣна, о паханіи и удобреніи земли, то есть, въ какое время должно начинать и оканчивать всѣ работы по сельскому хозяйству. Москва 1863 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

КОМНАТНОЕ ЦВѢТОВОДСТВО. О разведеніи и содержаніи комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ и древесныхъ и травянистыхъ растеній. Спб. 1860 г. Ц. 50 к. съ пер. 75 коп.

СОЧИНЕНІЯ Ф. Г. ТОЛЛЯ.

СИБИРСКІЕ ОЧЕРКИ. Два года въ К—скомъ заводѣ. Спб. Въ тип. Лермонтова и К°. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ТРУДЪ И КАПИТАЛЪ, романъ въ 2 частяхъ. Спб. Изд. Лермонтова и К° 1861 г. Ц. 1 р., 50 к., съ пер. 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 19 апрѣля 1863 года.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова,

---

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАННЫЯ КНИГИ:

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. графа А. К. Толстаго, изд. Д. Е. Кожанчикова; два тома. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ. Романъ въ двухъ частяхъ. М. В. Авдѣева Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.

НОВЫЕ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ МАРКА ВОВЧКА. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Лихой человѣкъ. — Институтка. — Ледащица. — Червонный король. — Три доли. Спб. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 коп.

ГРИША. Повѣсть изъ раскольничьяго быта. Андрея Печерскаго; изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861. Ц. 40 к., съ пер. 65 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА. Новое дешевое изданіе. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 коп.

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ. Соч. Н. Щедрина. Госпожа Подейкова. — Соглашеніе. — Погоня за счастьемъ. — Погребенные за живо. — Скрежетъ зубовный. — Нашъ губернскій день. — Литераторы обыватели. — Клевета. — Наши глуповскія дѣла. Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 коп., съ пер. 2 р.

ПОВѢСТИ КОХАНОВСКОЙ. Два тома. Послѣ обѣда въ гостяхъ. — Изъ провинціальной галлереи портретовъ. — Старина. — Гайка. — Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. — Давняя встрѣча. — М. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 коп.

НЕМНОГО ЛѢТЪ НАЗАДЪ. Романъ въ 4 частяхъ; соч. И. Лажечникова. М. 1862. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 руб.

ВЪ ОЖИДАНІИ ЛУЧШАГО. Романъ В. Крестовскаго. 2 тома. М. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ. Романъ А. Вельтмана. 2 тома. М. 1862. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

ВОСПИТАННИЦА САРА. Романъ соч. А. Вельтмана. М. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ С. Т. Аксакова. М. 1862. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 25 коп.

ОТЦЫ И ДѢТИ. Романъ соч. Н. С. Тургенева. М. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ. Романъ Ѳ. Достоевскаго. Спб. 1861. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА. Соч. Ѳ. Достоевскаго 2 тома. Спб. 1862. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ОБЛОМОВЪ. Романъ, соч. И. Гончарова, въ 4 частяхъ 2 тома. Спб. 1862. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРІЯ. Романъ, соч. И. Гончарова. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ФРЕГАТЪ ПАЛЛАДА. Соч. И. Гончарова, 2 тома. Спб. 1862. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ОЧЕРКИ ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ. Изъ кругосвѣтнаго плаванія 1857—1860 г. А. Вышеславцева. Большой томъ съ 27 рисунками. Спб. 1862. Ц. 5 р., съ пер. 6 руб.

ПУТЕШЕСТВІЯ ДАВИДА ЛИВИНГСТОНА, во внутренней Африкѣ 1840—1856 г. съ 10 рисунками въ текстѣ. Спб. 1862. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 коп.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ОТКРЫТІЯ Эдуарда Фогеля въ центральной Африкѣ, съ 120 рисунками въ текстѣ. Спб. 1861. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ В. И. ДАЛЯ. Въ 8 томахъ. Спб. 1861. Ц. 10 р., съ пер. 12 р. 50 коп.

СОЧИНЕНІЯ И. Е. ТУРГЕНЕВА. Въ 4 томахъ. М. 1861. Ц. 5 р., съ пер. 7 р.

СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ. Новое изданіе въ 4 томахъ. М. 1862. Ц. 6 р., съ пер. 8 р.

СОЧИНЕНІЯ И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА. Съ портретомъ автора, 8 томовъ. Спб. 1858. Ц. 8 р., съ пер. 10 руб.

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО. Въ 2 томахъ. Спб. 1858. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 коп.

РОМАНЫ И ПОВѢСТИ АВДѢЕВА. Въ 2 томахъ. Спб. 1853. Ц. 3 р., съ пер. 4 руб.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Д. ГРИГОРОВИЧА. Въ 6 томахъ. М. 1859. Ц. 5 р., съ пер. 8 руб.

УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА. Сост. В. Спасовичемъ. Тома 1 выпускъ 1. Спб. 1863. Ц. 85 к., съ пер. 1 р. 15 коп.

О ТЕОРІИ СУДЕБНО-УГОЛОВНЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЪ. Публичныя лекціи В. Спасовича. Спб. 1861. Ц. 50 к. съ пер. 75 к.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ЗАКОНОВЕДЕНІЯ. Соч. Н. Рождественскаго. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 апрѣля 1863 года.

Стр.

угнетенные землевладѣльцы. — Нѣчто о сближеніяхъ и общеніяхъ). 375

V. — ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «СОВРЕМЕННИКА». В. А. СЛѢПЦОВА. 403

СВИСТОКЪ

СОБРАНІЕ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ, ЖУРНАЛЬНЫХЪ И ДРУГИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

9

XVI.—«СВИСТОКЪ» И ЕГО ВРЕМЯ. Опытъ исторіи «Свистка». 1

XVII.—ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО «СВИСТКА» КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ. 8

XVIII.—ЦЕНЗОРЪ ВЪ ПОПЫХАХЪ. (Лесть въ видѣ грубости). *Михаила Зміева-Младенцева.* 12

XIX.—ПИСЬМА ОТЦА КЪ СЫНУ. 19

XX.—МОСКОВСКІЯ ПѢСНИ ОБЪ ИСКУШЕНІЯХЪ И НЕВИННОСТИ. *Мих. Зміева-Младенцева.* 32

XXI.—НЕБЛАГОВОННЫЙ АНЕКДОТЪ О Г. ЮРКЕВИЧѢ ИЛИ ИСКАНІЕ РОЗЫ БЕЗЪ ШИПОВЪ. 37

XXII.—СЕКРЕТНОЕ ЗАНЯТІЕ. Комедія въ четырехъ сценахъ. 51

XIII.—КРАТКІЙ НЕКРОЛОГЪ И ДВА ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА: . 54

1) ОПРОМЕТЧИВЫЙ ТУРКА, ИЛИ ПРІЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМЪ? Комедія естественно-разговорная. . . . 58

2) ПРОЕКТЪ. 63

XIV.—ПѢСНЯ ОБЪ «ОЧЕРКАХЪ». *Саввы Намордникова.* . 67

XXV.—ПѢСНЬ МОСКОВСКАГО ДЕРВИША. *Мих. Зміева-Младенцева.* 71

XVI.—МОЕ ЖЕЛАНІЕ. (Романсъ господина, обиженнаго литературой). *Саввы Намордникова.* 72

XVII.—ГОЛОСЪ ИЗЪ «АКЦІОНЕРНОЙ ПУЧИНЫ». (Отъ нашего «собственнаго» корреспондента). 73

XVIII.—ЛИТЕРАТУРНЫЕ БУДОЧНИКИ. (Размышленія, навѣянныя чтеніемъ № 67 «Моск. Вѣд.» и № 66 «Нашего Времени». 78

XIX.—СОПѢЛКОВЦЫ. (Отрывокъ изъ частнаго письма). . . 81

XL.—СТИХОТВОРЕНІЯ, ПРИСЛАННЫЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ «СВИСТКА». Драматическія сцены по поводу выхода «Современника», и проч. 82

ленія: 1) отъ конторы «Современника», 2) отъ музыкальнаго магазина *М. Бернарда*, 3) отъ книжнаго магазина *А. И. Давыдова*, 4) отъ книжнаго магазина *Д. Е. Кожанчикова*.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20-го апрѣля 1863 года.

СОВРЕМЕННИКЪ выходитъ въ 1863 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	*съ пересылкою или доставкою:*
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Современника, на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО *въ Контору Современника въ С. Петербургѣ.*

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

НОВОЕ (ТРЕТЬЕ) ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. НЕКРАСОВА.

Со втораго изданія, содержащаго въ себѣ 500 стр., въ 12 долю, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Цѣна за двѣ части въ Петербургѣ и Москвѣ 1 руб. сер., съ перес. 1 р. 50 к. Желающіе получить книгу, могутъ высылать требованія въ конторы «Современника» Петербургскую или Московскую.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.

Романъ **М. В. АВДѢЕВА.**

1 томъ; цѣна 1 р. 50 к.: съ перес. 2 р. Желающіе получить книгу могутъ обращаться въ Конторы «Современника».

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

Соч. **Н. ЩЕДРИНА.**

1 томъ, заключающій въ себѣ до 500 страницъ. Изданіе книжнаго магазина Серно-Соловьевича. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ. Соч Н. Щедрина. 1 томъ. Изд. книжнаго магазина Серно-Соловьевича. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.